

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТИКЪ
ГОДЪ СЕДЬМОЙ
ТОМЪ XXVI

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

—
Т О М Ъ ХХVI

1886

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., д. 11—2
1886

ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВѢСТИНИКъ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ
ОКТЯБРЬ, 1886.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОКТЯБРЬ, 1886 г.

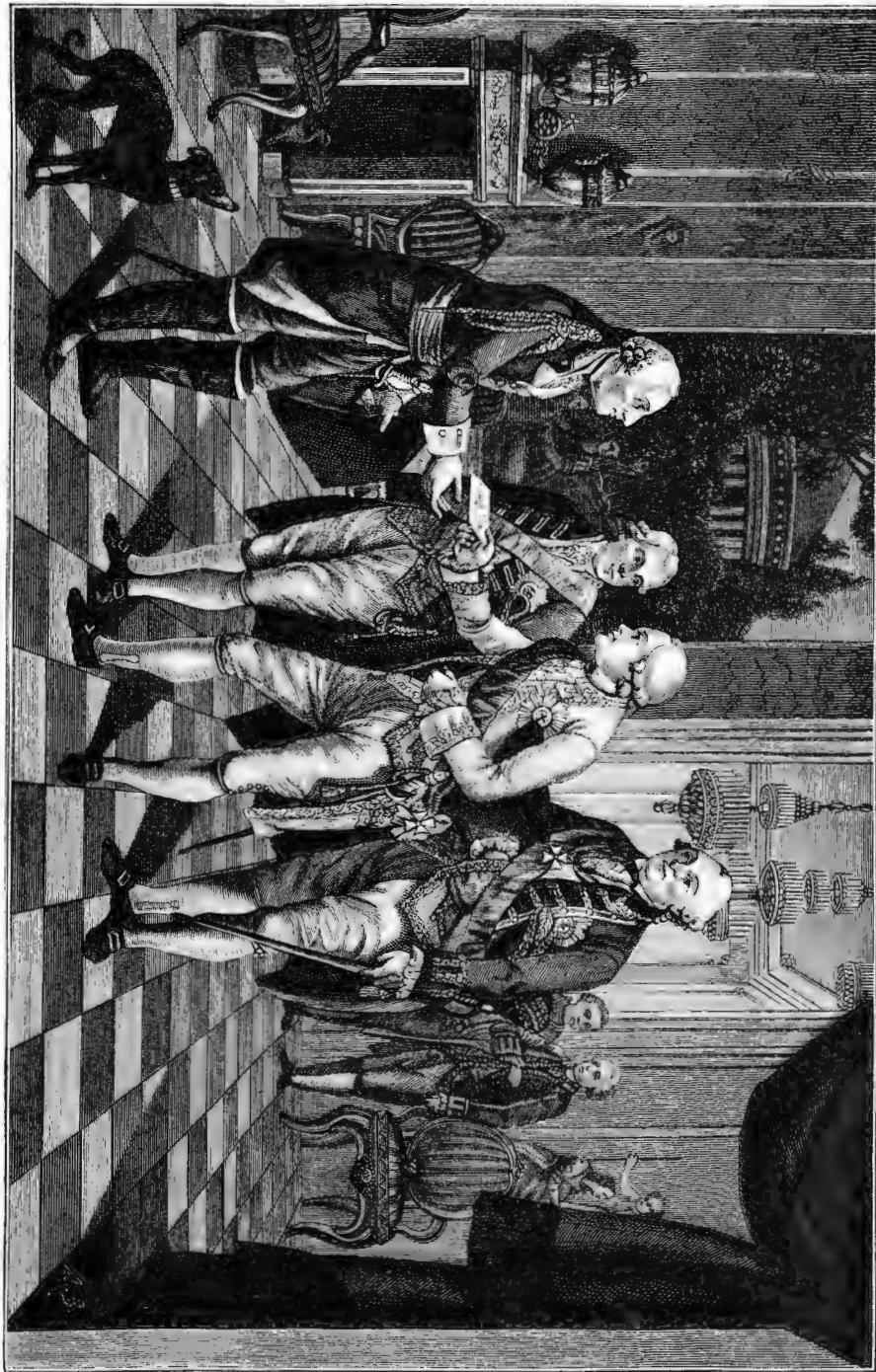
	СТР.
I. Тайновидецъ. (Рассказъ изъ русскаго быта XVIII столѣтія). Н. И. Ко- стомарова	5
II. Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху. Мистическо- правоучительное. Глава II-я. (Окончаніе). А. И. Невеленова	21
Иллюстрація: Портретъ М. М. Хераскова.	
III. Воспоминанія старого литератора. I. Встрѣчи и знакомства. А. В. Старчевскаго	46
IV. Быть саперовъ двадцать пять лѣтъ назадъ. В. Д. Кренке	85
V. Свѣтлыя минуты императора Павла. 1796—1801. П. П. Карапыгина .	121
VII. Солдатъ въ раю. (Народный анекдотъ). В. М. Ключникова	152
VIII. Великій князь Павелъ Петровичъ въ Берлинѣ въ 1776 году	167
VIII. Французы въ Россіи. П. П.	173
IX. Агонія Польши. Н. С. Кутейникова	209
X. Критика и библиографія: Изъ исторіи возникновенія раскола при патріархѣ Никонѣ. Графа А. Гейдена. Спб. 1886. А. К. Бородина.—Городъ Воронежъ. Исто- рическій очеркъ Л. Б. Вейнберга, члена-секретаря воронежскаго губернскаго ста- тистического комитета. Воронежъ. 1886. Н. Д—скаго.— В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ. Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій. Томъ I. Спб. 1886. А. Б.— Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ. Часть первая. 1840—1864. Составилъ В. Зелинский. Москва. 1886. В—а.— Видъ Московскаго Кремля въ самомъ началѣ XVII вѣка. В. Е. Румянцева. (Издание императорскаго московскаго археологическаго Общества). Москва. 1886. П. у.— Списокъ лицъ свиты ихъ величествъ съ царствованія императора Петра I по 1886 годъ. Соста- вленъ свиты его величества генераль-маіоръ графъ Милорадовичъ. 1886. Б. .	221
XI. Заграничныя историческія новости	229
XII. Смѣсь: Дѣятельность ученыхъ архивныхъ комиссій.— Раскопка кургановъ.— Подарокъ И. А. Крылова.— Пицундскій храмъ.— Древности, принадлежащиа г. Кириакову.— Археологическая находка въ Дрогичинѣ.— Раскопки въ Вы- боргѣ.— Неизданныя письма Вольтера къ д'Аламбуру.— Некрологи: В. Г. Бого- лѣпова; А. М. Бутлерова; И. И. Ивановскаго; А. А. Крапоткина; Яна Лама	238
XIII. Замѣтки и поправки: 1) Къ исторіи Петровскаго театра въ Москвѣ. И. Н. Бо- жерянова.— 2) Поправка къ статьѣ о П. К. Щебальскомъ	248
ПРИЛОЖЕНИЯ: 1) Встрѣча великаго князя Павла Петровича съ Фридри- хомъ II въ Берлинѣ въ 1776 году. Снимокъ съ гравюры того времени Бергера.— 2) Андроникъ Комненъ. Рассказъ изъ византійской исторіи. И. Перваноглу. Пе- реводъ съ ибнмецкаго. Главы III—VI. (Продолженіе).	

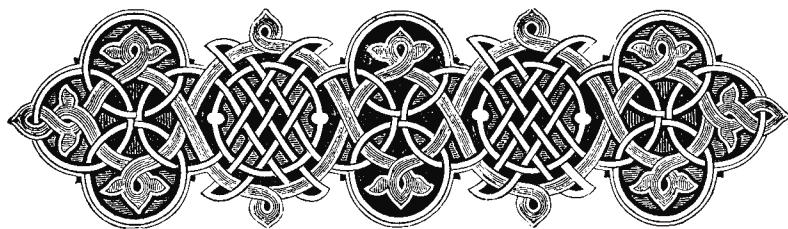
Лоз. ценз. син., 25 сентября 1886 г.

Встрѣча В. К. Павла Петровича съ Фридрихомъ II въ Берлинѣ въ 1776 году.

Съ гравюры того времени Бергера.

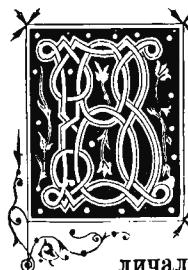
Типографія А. С. Суворина.

ТАЙНОВИДЕЦЬ.

(Рассказъ изъ русскаго быта XVIII столѣтія¹).

В ПОДМОСКОВНОМЪ селѣ-имѣнїи маюра Дубровскаго, у воротъ одного крестьянскаго двора, на скамьѣ, сидѣло нѣсколько деревенскихъ бабъ. День былъ воскресный, ясный, лѣтній. Время было между выходомъ народа изъ церкви отъ обѣдни и крестьянскимъ обѣдомъ. По случаю воскреснаго дня, бабы одѣты были попраздничному, т. е. ихъ нарядъ отличался отъ будничаго болѣшею пестротою. Бабы, ради препровожденія времени, лузали подсолнечныя сѣмечки и болтали между собою о своихъ семейныхъ дѣлахъ. Одна изъ сидѣвшихъ у воротъ бабъ, лѣтъ за тридцать съ виду, недурная собою, но сильно затѣженнная работою, какъ выражаются крестьяне, передавала товаркамъ разсказъ о приключеніи, бывшемъ у нея въ семье.

— Было то, — говорила она, — въ тотъ годъ, какъ умеръ покойный государь Петръ Алексѣевичъ и у насъ въ церкви сорокусть правили; такъ въ этотъ годъ, дѣло было уже осенью, недѣли за двѣ, а можетъ быть, и за три до Дмитріевой субботы. Хозяинъ мой молотилъ на гумнѣ, сынишка нашъ старшій, Максимка, гдѣ-то

¹) Этотъ разсказъ найденъ при разборѣ рукописей Н. И. Костомарова и обязательно сообщенъ редакціи его вдовой, которой приносимъ нашу искреннюю благодарность за то, что она даетъ намъ случай еще разъ, совершенно неожиданно, украсить «Историческій Вѣстникъ» статьей и именемъ нашего незавѣннаго историка. Тема разсказа «Тайновидецъ» не вымыщлена, а заимствована изъ подлиннаго дѣла Тайной Канцеляріи, выписки изъ котораго находятся при черновой рукописи Н. И.

Ред.

на дворѣ бѣгалъ, я же въ избѣ качала маленькую Стешку въ колыбелькѣ, а меньшой нашъ сынишка Петрушка, трехъ годовъ по четвертому годочку, тутъ же около меня вертѣлся. Слышу я вдругъ, около двери кто-то возится, какъ будто такой, чтѣ не умѣеть двери отворить; я крикнула: кто тамъ? А изъ-за двери послышалось: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй настъ!» Я говорю: аминь! Тутъ дверь отворяется, входить въ избу человѣкъ, одѣтъ въ черномъ, сказать бы, монахъ и не монахъ, не очень старъ, не очень молодъ, на плечахъ у него большая котомка, а другая на груди поменьше — сумка; вошелъ, снялъ шапку, помолился Богу, глядя къ образамъ, да прямо идетъ къ Петрушкѣ: погладиль его по головкѣ, вынулъ изъ сумки мѣдный крестъ съ распятіемъ, перекрестиль имъ ребенка и говорить: «Возьми это, малецъ, молись предъ нимъ утромъ и вечеромъ, и ночью, не лѣнись, вставай и молись. Благослови тебя, Боже! Тутъ судьба твоя, знай!» Потомъ обернулся онъ ко мнѣ и поглядѣль на меня жалостно, жалостно и говоритъ: «Тебѣ, молодушка, недолго маяться на этомъ свѣтѣ! Но ты не скорби, слыша это. Житіе сіе на землѣ скорбь единая. Есть иное житіе, получше здѣшняго. Какъ умрешь, такъ сама тогда увидишь, а теперь что тебѣ говорить объ этомъ, хоть говори, хоть не говори, — все равно не поймешь! А потому не поймешь, что ни языкомъ разскажать, ни мыслю смекнуть того, что съ человѣкомъ станется послѣ его смерти. И дѣтки твои — вонъ тотъ мальчишка подростокъ, что тамъ на дворѣ ходить, и эта, что въ колыбели лежить, пойдутъ туда же еще прежде тебя: всѣхъ троихъ васъ Господь приберетъ. Останется одинъ вотъ этотъ малецъ; крестъ ему въ житіи дается большой: такъ Богъ судилъ! Тяжело ему будетъ нести крестъ этотъ, да за то награда ему будетъ отъ Бога паче вастъ!» Гляжу я на него, а меня ажно страхъ беретъ! Что оно, думаю, такое? Слушаю его рѣчъ, а сама вся дрожу, какъ въ лихорадкѣ. Только, наконецъ, я перемогла себя и говорю: «Садитесь, почтенные, гости будете, я вотъ позову моего хозяина». А онъ мнѣ въ отвѣтъ: «Не надобно, я уже все сдѣлалъ, за чѣмъ приходилъ. Прощайте». Да съ этимъ словомъ шасть къ дверямъ. Я кричу: «Да куда же вы, подождите, хозяинъ придѣть: отъ настъ милостию на церковь примите по нашему достатку». Онъ какъ будто не слышитъ — и за двери. Я бросилась за нимъ, отворила двери, а тутъ хозяинъ мой идетъ въ избу, ворочается съ гумна. Я спрашивала: «Видаль ты монаха, или что онъ такое, Богъ его знаетъ, входилъ сюда?» — «Никакого монаха и никого не видаль», — отвѣчаетъ мой Михайло. «Я, — говоритъ, — сейчасъ съ гумна: коли бъ онъ былъ у настъ въ избѣ, то я бы съ нимъ не могъ разминуться». Оно и точно. Гумно-то у настъ вонъ гдѣ, за дворомъ, противъ воротъ. Туда надобно со двора черезъ эти самыя ворота идти. Чудно, право! Я рассказала мужу, что говорилъ этотъ прихожій невѣдомый

человѣкъ и какъ Петруша крестъ далъ. Мой Михайло почесалъ себѣ затылокъ, вошелъ въ избу, перекрестился и говорить: «Что-то чудотворное! Ей-ей, святъ мужъ, видно, тебѣ явился. Вишь ты, не вѣсть куда и подѣлся! Такъ ты говоришь, онъ сказалъ, что тебѣ недолго на свѣтѣ жить?» — «Да, и мнѣ, говорю, и Максимкѣ, и дѣвочкѣ нашей—всѣхъ скоро Господь прибереть къ себѣ. А Петрунъкѣ обѣщаетъ жить подолье, только несчастливо!» — «Счастья-то намъ куда ждать,—говорить тогда Михайло.—Не по нашему званію и состоянію счастье дается на свѣтѣ. Въ трудахъ живи да въ печалахъ. Ёшь хлѣбъ ржаной да еще иногда съ мякиной, да слезами его смачивай! Одна всѣмъ дорога! Какъ помремъ, тамъ ужъ не будетъ ни печали, ни труда. Лежи въ сырой землѣ до страшного суда, ничто тебя не потревожить! Ну, только этотъ невѣдомый человѣкъ приходилъ по волѣ Божией!» — А Петрунка крестомъ играетъ, показываетъ его тятѣ! Малое дитя! Крестъ блестить, а ему весело и забавно. Любуется, не разумѣеть, противъ чего оно есть. У креста мѣдное ушко. Отецъ взялъ у меня снурочекъ да заѣпилъ за ушко и надѣль Петрунъкѣ на шею. «Ну, носи крестъ,—говорить,—коли Богу угодно было послать его тебѣ». Вотъ ужо тому четыре года будетъ о Дмитріевѣ съ той поры, какъ этосталось. Петрунка все передъ нимъ Богу молится. Не то что утромъ вставши и вечеромъ спать ложась,—часто и ночью проснется, сниметъ съ шеи крестъ, поставить передъ собой и поклоны кладеть. А намедни говорить отцу: «Тятя, ты меня отдай учиться грамотѣ, я хочу читать умѣть такъ, какъ дьячокъ въ церкви читаетъ». А въ церковь ужъ какъ охочъ ходить: какъ только заслышитъ звонъ, сейчасъ бѣжитъ. А вотъ передъ сырною недѣлей, вставши ночью, все молился, молился, да, видно, ужъ изнемогъ и заснуль, а проснувшись, говоритъ: «Я во снѣ видаль своего ангела-хранителя, такой свѣтлый, свѣтлый, и показываетъ мнѣ три гроба рядышкомъ, какъ бы висятъ ни на чемъ не повѣшенны; въ одномъ гробѣ Степанидка сестра лежить, въ другомъ—брать Максимка, въ третьемъ гробѣ—мама. И свѣчи передъ ними стоятъ, передъ каждымъ гробомъ по три свѣчи». Богъ его знаетъ, что оно такое есть. Только вотъ что чудно. Не дождались мы и свѣтлаго праздника, чтобы разговѣться, а на страшной недѣлѣ въ среду Степанидка померла. Недолго болѣла, а померла. Ну, чтѣ вы на это скажете? Мужикъ, что входилъ къ намъ въ избу и не вѣсть гдѣ дѣлался, говорилъ, что намъ троимъ помирать, а Петрунка во снѣ три гроба видаль съ нашими тѣлами, и вотъ же Степанидка отошла къ Богу.

— Да вы-то еще, слава Богу, всѣ пока живы.

— Держитъ Богъ по грѣхамъ! — сказала Ирина (такъ звали бабу-разсказчицу). — Во всемъ Божія воля. Не хотѣлось бы умирать, еще не стара, а какъ угодно Богу будетъ; чтѣ подѣлаешь: хоть

не радъ, да будь готовъ. Послѣ праздника нашъ Петрунька благимъ матомъ кричить: «Отдавай, тятя, учиться». — «Да ты еще малъ!» — говоритъ отецъ. — «Нѣтъ, — кричить Петрунька, — отдавайте, пока все живы, а то вы скоро помрете, а я дуракомъ останусь». Мой Михайло поговорилъ съ дѣячкомъ; мы и послали Петруньку къ дѣячку учиться. За цѣлковый рубль на годъ сторговались. И что жъ? Полгода еще не прошло, а Петрунька ужъ бойко читаетъ. Да какъ любить читать! Не то что у дѣячка съ другими дѣтьми, чтѣ у него учатся, читаетъ, — еще и домой придетъ, книжку съ собой принесетъ, да все читаетъ. Иные ребята его возраста играть охочи, а онъ все читаетъ, да такъ вотъ слеза у него на книжку и падаетъ!

Такъ рассказывала Ирина Вичина, Михайлова жена, про своего Петруньку. Осенью, въ началѣ сентября въ семѣѣ, ихъ произошло несчастное приключеніе. Сынокъ Максимка погналъ гусей на рѣчку, да какъ-то упалъ въ воду и утонулъ. Вытащили его изъ воды, дали знать земской полиціи. Ярыжки признали, что малый утонулъ самъ, не утопленъ, и похоронили Максимку. Горько убивались за нимъ отецъ и мать. Ирина говорила: «Ботъ и другой поспѣлъ: какъ предрекъ чудный мужиченокъ, такъ исталось! Взялъ Богъ Степанидку, взялъ и Максимку. Теперь за мной чередъ остался!»

— Пусть во всемъ будетъ воля Господня, — сказалъ со вздохомъ Михайло.

Остались родители съ однимъ Петрунькой. Онъ все продолжаетъ учиться у дѣячка. Часословъ прошелъ и псалтирь читаетъ, уже и надъ мертвымъ читаетъ вмѣсто дѣячка, своего наставника. Досталъ Петрунька Новый Завѣтъ, принялъся читать его преусердно, многаго не пойметъ, толкуется ему дѣячокъ, сколько стаетъ умѣнья и знанія. Очень полюбилась Петрунькѣ книга эта. Приходитъ съ нею домой и говоритъ родителямъ: «Вотъ книга, такъ книга! Это всѣмъ книгамъ книга! Самого Господа Иисуса Христа дѣла и рѣчи тутъ выписаны. Здѣсь и про Максимку, и про Степанидку есть. Видите, вонъ къ Господу Иисусу Христу привели дѣтей; тутъ стоявшіе около Господа не хотѣли ихъ допускать къ Нему, а Господь говорить, чтобы дѣтей къ Нему допустили, потому что дѣтямъ положено царствіе Божіе. Такъ видите ли, Максимкѣ и Степанидкѣ хорошо теперь, они у Бога въ Его царствіи. И про себя я здѣсь нашелъ: «Иже, говорится, кто хощетъ по мнѣ ити, да отвергнется себѣ и возьметъ крестъ свой и по мнѣ грядеть! А мнѣ вотъ и посланъ крестъ. Тотъ мужичокъ, чтѣ приходилъ къ намъ и далъ мнѣ крестъ, — то мой ангель-хранитель въ видѣ мужичка являлся. У насъ у всѣхъ есть свой ангель-хранитель, оттого и канонъ ангелу-хранителю написанъ». И начнетъ Петрунька читать изъ Нового Завѣта, а самъ плачетъ; и родители, слушающи сынка,

тоже себѣ заплачутъ: хоть и мало что понимаютъ, за то чувствуютъ.

Прошелъ еще цѣлый годъ. Петрунька научился совсѣмъ читать не только церковную печать, но и гражданскую, и пишетъ бойко. Не по лѣтамъ смысленъ. Читаетъ священное писаніе, иное у дѣячка, а то и у священника спроситъ, а иное самъ толкуетъ.

Но тутъ вдругъ захврала Ирина. Проболѣла она съ мѣсяца и Богу душу отдала. Чтѣ за недугъ ее положилъ во гробъ, объ этомъ никто не доискивался, потому что врача не было: деревенского престонародія врачи тогда не лѣчили. Остался Михайло Вичинъ вдовцемъ съ однимъ сынишкою Петрунькою. Остался и Петрунька сиротою безъ матери. Обоимъ было тяжело, но не отецъ утѣшалъ сына, а сынъ отца. «Маму,— говорилъ онъ,— Богъ къ себѣ взяль. Ей тамъ у Бога будетъ хорошо, лучше, чѣмъ здѣсь».

— А ты съ Богомъ разговаривалъ, что ли, что знаешь, что ей тамъ хорошо?—спрашивалъ отецъ.

— А какъ же?—сказалъ Петрунька:—въ Евангеліи Божія рѣчь. Блажени, говорится, нищіе духомъ, блажени кроткіе, блажени плачущіе, а мама была бѣдная, кроткая, ничего никому дурнаго не дѣлала, все терпѣла, только плакала.

Еще прошло нѣсколько времени. Петрунькѣ уже десять лѣтъ исполнилось. Тутъ отецъ его Михайло заболѣлъ. Бабы-ворожейки говорили, что животъ себѣ надорвалъ непосильною работою. Промаялся Михайло мѣсяца четыре и умеръ, оставивъ Петруньку круглымъ сиротою.

Помѣщикъ, обыкновенно проживавшій въ Москвѣ, пріѣхалъ временно въ свое имѣніе и, узнавъ, что крестьянинъ его Михайло Вичинъ умеръ, а сынишка его одинъ остался, приказалъ взять его во дворъ. Когда ему донесли, что мальчикъ выучился хорошо грамотѣ, баринъ позвалъ его къ себѣ, проэкзаменовалъ, погладилъ по головкѣ и приказалъ быть при поварѣ на кухнѣ.

Сирота живетъ подъ началомъ повара Аверкія. Онъ на побѣгушкахъ, носить дрова, воду, печь затапливаетъ, присматривается къ изготведенію кушаньевъ, чтобъ со временемъ самому стать поваромъ. Между тѣмъ, Петрунька почти каждую ночь встаетъ и молится передъ своимъ мѣднымъ распятіемъ; какъ только улучить свободное время, читаетъ Новый Завѣтъ и всегда при этомъ плачетъ. Сначала дворня издѣвалась надъ нимъ, говорила, что онъ такъ зачитается и съ ума снятитъ, но мало-по-малу Петрунька самъ сталъ оказывать вліяніе на тѣхъ, кто рѣшался слушать его. Онъ не только вслухъ читалъ священное писаніе, но и толковалъ прочитанное, и такъ утѣшительно для своихъ слушателей, что нѣ-которые вслѣдъ за чтецомъ и сами плакали. Онъ—блаженнѣнѣкій,—говорили про него. Между тѣмъ онъ выросталъ; наступалъ ему уже шестнадцатый годъ. Онъ былъ очень красивый молодецъ:

прекрасные, темнорусые выющіеся въ кудри волосы, чорные огненіе
глаза, правильныя черты лица. Женская дворня стала съ нимъ
заигрывать, хоть и смѣялась надъ нимъ. Но онъ отъ всякихъ игръ
отбивался и руками, и ногами. «Вамъ бы,— говорилъ онъ имъ,—
все только бы игры да смѣхи, да забавы, а о томъ не помыслите,
что послѣ смерти будеть! А вѣдь рано ли, поздно, а прійдетъ
время, когда Богъ потребуетъ къ себѣ!»

— Вишь ты, какой монахъ проявился! Молодёхонекъ еще, зе-
ленъ больно!— говорили, смѣясь, дѣвки.— Къ покаянію зоветъ! Бу-
деть еще время покаяться, а пока молоды, тутъ-то пожить и повесе-
литься надоть.

— Будеть время!— говорилъ имъ Петрунька: — хорошо, коли
будеть время! Развѣ можетъ знать кто нибудь изъ нась, когда
позоветъ его Господь! Не однихъ старыхъ онъ зоветъ на тотъ
свѣтъ; вы на то не уповайте, что еще молоды: и молодыхъ береть
къ себѣ Господь. Прійдетъ часъ пришествія Его невѣдомо когда.
Прійдетъ Онъ нежданно. Вдругъ прійдетъ, когда вы не ждете, не
чаете и встрѣчать его неготовы, какъ тѣ дѣви, что ждали же-
ниха, а масла въ лампады не купили: пришелъ женихъ въ полу-
нощи и заперся съ тѣми мудрыми дѣвами, у которыхъ было масло
и не погасли лампады, а тѣ, что масло пошли покупать, прихо-
дятъ, стучатся, а имъ уже нѣть входа. И съ вами того бы не ста-
лось. Прійдетъ Господь, заберетъ къ себѣ тѣхъ, у кого есть свѣтъ,
а у васъ свѣтильники погасли, вы сидите во тьмѣ, и двери не от-
ворятся для васъ.

Слушая такія рѣчи, однѣ дѣвки смѣялись и острили насчетъ
дѣвъ со свѣтильниками, но другія вздыхали и послѣ говорили:
«Божественное говорить; таковъ ему Богъ таланъ далъ».

Былъ у помѣщика во дворѣ садовникъ, пришлый человѣкъ, ро-
домъ курченинъ, но поступилъ къ Дубровскому назадъ тому лѣтъ
десять и все у него жилъ. Былъ онъ съ виду степенный, почтен-
ный мужикъ, грамотѣй и на виду зѣло благочестивъ. Помѣщикъ
полюбилъ его и назначилъ быть старостою при церкви. Узнавъ,
что Петрунька все читаетъ Новый Завѣтъ, этотъ грамотѣй, по
имени Акиней, по прозвищу Сычовъ, сблизился съ нимъ и сталъ
его спрашививать:

— Ты, молодецъ, весь Новый Завѣтъ читаешь?
— Весь,— отвѣчалъ Петрунька.
— И Апокалипсисъ читалъ?
— Читалъ.
— И понимаешь все въ Апокалипсисѣ?
— Нѣть, не понимаю.
— Ну, такъ ты многаго, многаго не знаешь и не смыслишь.
Апокалипсисъ, сирѣчъ откровеніе, зане тамъ открыто грядущее:
что впередъ станется на этомъ свѣтѣ, все тамъ означенено, самимъ

Господомъ открыто любимѣшему ученику Господню, Иоанну Богослову, на островѣ Патмосѣ. Оттого и зовется откровеніе. Только не всякий можетъ уразумѣть то, что тамъ сказано, а только тотъ, кто станетъ того достоинъ. Написано: не мечите бисера передъ свиньями, да не попрутъ его ногами. Отъ этого и откровеніе это написано такъ, что его не уразумѣть такой, чтобъ, какъ свинья, можетъ его ногами потоптать, а только тотъ, кто достигнетъ такой чести молитвою и постомъ. Вотъ въ главѣ XIII говорится: «Видѣхъ изъ моря звѣря исходяща, имуща главъ седмь и роговъ десять и на розѣхъ его вѣнецъ десять, а на главахъ его имена хулна». Какъ думаешьъ, молодецъ, что сіе означаетъ?

Петрунька отвѣчалъ: — Не знаю.

— Ну, а вотъ опять въ XIV главѣ: «Паде, паде Вавилонъ градъ великий, зане отъ вина ярости любодѣянія своего напои вся языки». А въ XVII главѣ: «Покажу ти судъ любодѣйцы великия, сѣдящія на водахъ многихъ, съ нею же любодѣяша цари земстія и оупишася живущіи на земли отъ вина любодѣянія ея, и видѣхъ жену, сѣдящу на звѣри червленѣмъ, исполненѣмъ именъ хулныхъ, иже имѣяще главъ седмь и роговъ десять. И жена бѣ облечена въ порфиру и червленицу, и позлащена златомъ и каменемъ драгимъ и бисеромъ, имущи чашу злату въ руцѣ своей, полну мерзости и скверни любодѣянія ея. И на челѣ ея написано имя: тайна Вавилонъ великий, мати любодѣйцамъ и мерзостемъ земскимъ». Ну, это что, какъ думаешьъ, молодецъ?

— Не знаю, — отвѣчалъ Петрунька.

— То-то не знаешьъ! А оно здѣсь противъ чего-то написано, противъ такого, что когда-то произойдти должно. Не понимаешьъ?

— Не понимаю.

— Мало жъ тебѣ открылъ твой ангель-хранитель, что къ тебѣ явился. А тутъ отъ великія мудрости слово написано апостоломъ Христовымя, который, по Божію промыслу и по данной ему отъ Бога благодати, провидѣлъ то, что будетъ черезъ многія тысячи лѣтъ, да написалъ такъ, что простоумные люди по Божію писанію слухомъ услышать, а не уразумѣть, и очима увидѣть, и не узрѣть, а дастся разумѣть сіи словеса только тѣмъ, кто сдѣлается того достоинъ. Коли желаешьъ, я тебѣ объясню, только съ такимъ договоромъ: никому о томъ, что отъ меня услышшишь, не говорить, а то тутъ дѣло такое, что если проболтаешься, то и самъ пропадешь и меня въ пучину потянемъ. Вотъ слушай: что про звѣря, изъ моря исходяща, тутъ написано, такъ это царь Петръ, что не такъ давно умеръ, что море паче всего любилъ и корабли для морскаго плаванія созидалъ: оттого-то онъ звѣрь, изъ моря исходящъ. А семь роговъ на головѣ у звѣря, такъ это—семь царей, что передъ Петромъ царствовали: первый былъ Иванъ Васильевичъ, что Грознымъ прозванъ, мучитель лютъ былъ, второй — Федоръ

Ивановичъ, сынъ его, третій — Борисъ Федоровичъ Годуновъ, четвертый — Василій Ивановичъ Шуйскій, чтò разстригу Гришку уничтожилъ, пятый — Михайло Федоровичъ Романовъ, шестой — Алексѣй Михайловичъ, седьмой — Федоръ Алексѣевичъ. А десять вѣнцовъ на головахъ звѣря — то десять царей, чтò послѣ Петра должны воцариться. Послѣ десятаго уповательно антихристъ будетъ, а затѣмъ прійдетъ Господь Іисусъ Христосъ судить живыхъ и мертвыхъ. А Вавилонъ градъ, любодѣца, сѣдящая на водахъ, такъ это — Питербурхъ городъ, что на водѣ построенъ, а любодѣца съ чашею златою, исполненою мерзостей — это... это»... при этомъ Сычовъ сталъ говорить шопотомъ: — «это, — смотри никому ни гугу, — это — государыня Анна Ивановна! А купцы земстіи, чтò отъ силы пищи ея разбогатѣша, какъ сказано въ XVIII главѣ того же Апокалипсиса, — то покажетъ обь откупщикахъ компанейцахъ, что она, государыня, указала отдать имъ на откупъ кружалы и прочее, отъ чего они разбогатѣли.

Петрунька слушалъ со вниманіемъ; разсказъ возбуждалъ его любопытство, но онъ самъ не зналъ, вѣрить или не вѣрить тому, что ему сообщали, и молчалъ въ недоумѣніи. Сычовъ прервалъ молчаніе и говорилъ:

— Я тебѣ, молодецъ, нагуторилъ такого, что и самъ теперь въ страхѣ; если бъ лихой человѣкъ это услыхалъ да закричалъ: «слово и дѣло!.. А знаешь ли ты, чтò это за страсть такая — «слово и дѣло»? Это такое, что если на кого закричать «слово и дѣло», тотчасъ того схватить и повезутъ въ Тайну, а въ той Тайной творится надъ людьми такое, что отъ одного слуха о томъ волосы на головѣ поднимутся и по всему тѣлу словно копки скресть начнутъ!

Слышанное отъ Сычова гвоздемъ застряло въ головѣ у Петруньки, и думаетъ онъ: кабы ангель-хранитель снова явился хоть бы во снѣ, да сказалъ: правда ли тому, что наговорилъ мнѣ человѣкъ этотъ обь Апокалипсисъ! Нѣсколько сутокъ онъ молился, чтобъ ему Богъ послалъ этого ангела-хранителя открыть — вѣрить ли ему, или не вѣрить слышанному толкованію. Но время проходило: ангель-хранитель не являлся ни на яву, ни во снѣ. Петрунька повѣдалъ про свое желаніе Сычову.

Грамотѣй говорилъ: — Если бъ ты могъ всю ночь провести въ церкви одинъ на молитвѣ, то, можетъ быть, тамъ увидалъ бы ты ангела-хранителя.

— Будто?

— Да. Только это страшное дѣло. Люди говорятъ, легче на кладбище ночью пойти, чѣмъ въ церковь одному ночью. И точно. Діаволь яко левъ рыщетъ, искій кого поглотити, наипаче творить пакости людямъ, когда они предаются молитвѣ. Если бъ ты могъ зайдти въ ночное время одинъ въ церковь, діаволь не преминулъ бы отвращать тебя отъ молитвы страхами мечтательными, но аще бы

ты превозмогъ діавольське искушеніе, то узрѣль бы великое откровеніе. Былъ такой случай: нѣкій мужъ восходитъ въ церкви всю нощь пребыти, молитву творя,— и великія страстованія быша ему, обаче той вся превозможе и даже до разсвѣта помолися, тогда узрѣ небеса отверзта и ангелы Божіи, восходяще и сходяще съ небеси...

— Ахъ, какъ мнѣ...

— А ты бѣ не побоялся?

— Съ Божію помощію чего бояться? Вѣдь ты говорилъ, что діавольська устрашенія—одни мечтанія, а въ храмѣ Божіемъ—святыня! Она сильнѣе козней діавольскихъ. Я не страшусь; я вѣрю въ силу святости дома Господня, въ немъ же приносится безкровная жертва и въ немъ же хранится тѣло и кровь Господа нашего. Какъ бы только въ церковь ночью зайти! Священнику развѣ сказать и его попросить, чтобы дозволилъ остатся на ночь въ церкви?

— Не моги этого дѣлать. Не позволить, да еще безумнымъ почтеть. А то еще хуже, разболтаетъ смѣха ради, а народъ глупый тебя за колдуна сочтеть. Да и попъ нашъ не черезчуръ уменъ!

— А не сдѣлать ли такъ: будетъ скоро андреево стояніе, вѣчеромъ люди въ церкви будутъ. Я пойду въ церковь, а какъ люди послѣ служенія станутъ выходить, я останусь въ церкви. Вы меня рано тамъ запрете, а утромъ рано отопрете и выпустите.

— Эка! что выдумалъ!—сказалъ Сычовъ.—А какъ кто прежде меня тамъ тебя завидитъ, да поймаютъ тебя, и будутъ спрашивать: кто научилъ тебя,—ты на меня покажешь!

— Нѣть, дядюшка, не покажу, великий Богъ, не покажу... Не скажу никому, что ты про это извѣстенъ былъ.

— То-то не скажешь! Присягни на образѣ, что не скажешь никому, что я тебя на это научилъ; хоть бы тебя мукамъ предали, ты не покажешь, что я зналъ про то, что ты въ церкви одинъ ночью оставался.

— Изволь, дядюшка, присягну на этомъ крестѣ, что мнѣ даль ангель-хранитель, явившись въ человѣческомъ видѣ.

Насталъ вечеръ среды пятой недѣли Великаго поста. Зазвонили къ стоянію. Петрунька ушолъ съ господскаго двора въ церковь. Когда продолжительное богослуженіе окончилось, онъ запрятался въ притворѣ за столбъ и молился, показывая видѣ, будто не замѣчаетъ, что народъ уже расходится. Стало выходить западными дверми за народомъ духовенство. Староста Сычовъ шелъ за клиромъ и видѣлъ прятавшагося Петрушку, но показывалъ видѣ, будто ничего не видитъ. Проводивъ духовенство, онъ заперъ западныя двери и воротился въ средину церкви, подошелъ къ столъцу, гдѣ обыкновенно продавались свѣчи, отперъ ящикъ съ церковною казною, вынулъ оттуда деньги и ушелъ въ сѣверную дверь, заперши ее за собою снаружи.

По утру Сычовъ раныше всѣхъ отперъ церковь и тотчасъ пошелъ въ алтарь, чтобы дать время молодцу выйти изъ храма. Петрунька только-что вышелъ въ отпертую старостою съверную дверь, какъ вдругъ церковный сторожъ, вышедшій изъ сторожки вслѣдъ за тѣмъ, какъ увидалъ идущаго въ церковь старосту, схватилъ его и потащилъ въ сторожку, находившуюся отдѣльнымъ строеніемъ близъ церкви.

— Ты какъ это зашелъ въ церковь раныше, чѣмъ церковь была отперта? Ты цѣлую ночь оставался въ церкви? — допрашивалъ Петруньку сторожъ.

Петрунька сознался.

Сторожу стало неловко. Онъ чувствовалъ, что окажется виновнымъ: зачѣмъ не усмотрѣлъ его въ тотъ часъ, какъ народъ выходилъ изъ церкви по окончаніи стоянія. Онъ сталъ допрашивать: зачѣмъ онъ тайкомъ оставался всю ночь въ церкви? Петрунька откровенно объявилъ, что ему хотѣлось молитвою упросить Господа Бога, чтобы ему явился ангель-хранитель, но не заикнулся о томъ, что его научилъ кто нибудь сдѣлать это. Сторожъ вылушилъ на него глаза и уже готовъ былъ счастье его безумнымъ, какъ вдругъ внутри церкви послышался переполохъ, и сторожа, вмѣстѣ съ пойманннымъ, позвали туда.

Священникъ, діаконъ, дьячокъ и староста столпились около ящика, гдѣ хранилась церковная казна, и открыли, что она была ограблена. Сторожъ притащилъ Петруньку. Его тотчасъ обыскали и ничего не нашли. — «Онъ, вѣрно, передалъ кому-то въ окно», — сказалъ священникъ; дьяконъ и дьячокъ повторили то же. Сычовъ стоять поодоль и молчаль, какъ будто воды въ ротъ набралъ. Петрунька поглядывалъ на него и замѣтилъ въ чертахъ его лица такое выраженіе, какъ будто хотѣлъ онъ ему сказать: — «Молчи, не проболтайся. Ты вѣдь на свое мѣсто крестъ поклялся, что не скажешь про меня. Я тебя, видишь, не трогаю, не трогай же и меня!»

Повели Петруньку во дворъ. Помѣщика въ имѣніи не было. Управлявшій приказчикъ велѣлъ его везти въ Сыскной Приказъ. Священникъ съ своей стороны донесъ по благочинію.

Привезли Петруньку въ Сыскной Приказъ, недавно учрежденный въ Москвѣ императрицею Анною Ивановною для уголовныхъ дѣлъ. Подвергли его допросу.

— Зачѣмъ ты ночью забрался одинъ въ церковь?

— Хотѣлъ ангела-хранителя увидѣть.

— Какого такого ангела-хранителя?

Петрунька рассказалъ, какъ ему въ дѣтствѣ явился мужикъ неизвѣстный и далъ мѣдный крестъ съ распятіемъ. Петрунька увѣрялъ, что то былъ его ангель-хранитель.

— Кто же научилъ тебя, что, забравшись въ церковь ночью, ты увидишь тамъ этого ангела?

Петрунька сказалъ, что слыхалъ отъ покойнаго отца, и приписалъ ему слышанный отъ Сычова разсказъ о человѣкѣ, пробывшемъ ночь въ церкви и видѣвшемъ чудныя видѣнія.

— И ты увидалъ ангела-хранителя въ церкви?

— Увидалъ. Онъ свѣтлый такой; лицо его увидалъ, свѣтлое, а остальнаго тѣлеснаго образа не видалъ.

— Что жъ онъ тебѣ говорилъ?

— Онъ показалъ мнѣ на серебряный гробъ, висѣвшій на воздухѣ, ни на чемъ не привѣшенный. Мнѣ прежде было такое же видѣніе только во снѣ; я видалъ три гроба: въ одномъ была моя сестра, въ другомъ—брать, въ третьемъ—моя мать, и все трое послѣ того померли.

— А въ серебряномъ гробу кого жъ ты видѣлъ лежащимъ?

— Гробъ тотъ былъ закрытъ. Я спросилъ ангела, что на него указалъ, а онъ отвѣтилъ мнѣ тихонько: «Тамъ важная особа».

Суды переглянулись между собою.—Онъ полуумный!—сказалъ одинъ.—Нѣтъ, блахитъ!—отвѣчалъ другой и, обратясь къ подсудимому, спрашивалъ:

— Отчего именно такъ случилось, что въ ту самую ночь, когда ты въ церкви съ своимъ ангеломъ-хранителемъ свиданіе учредилъ, обворована была церковная казна?..

— Этого я не знаю.

— Это твое дѣло. Ты передавалъ краденые деньги кому-то въ окно.

Петрунька говорилъ, что не знаетъ, въ какомъ мѣстѣ хранилась церковная казна. Его посадили въ тюрьму, подвергли допросу съ пристрастіемъ, потомъ чрезъ нѣкоторое время опять позвали и вздернули на дыбу. Дали ему десять ударовъ. Петрунька послѣ пытки сказалъ, что наканунѣ во снѣ явился ему ангель-хранитель и сказалъ, что его будуть пытать. Затѣмъ онъ твердилъ, что не знаетъ мѣста храненія церковной казны, не кралъ и не передавалъ въ окно денегъ, да и передать ихъ невозможно, потому что окна очень wysoko отъ пола, внутри лѣстницы нѣтъ, а на наружной сторонѣ передъ окнами сдѣлана решетка очень мелкая и на далекомъ разстояніи отъ стеколъ, такъ что нѣтъ возможности просунуть руки для передачи денегъ.

Произведено было дознаніе на мѣстѣ. Оказалось устройство оконъ именно такое, какъ сообщалъ Петрунька.

Тогда принялись за сторожа, держали его съ мѣсяцъ въ кандалахъ, водили въ застѣнокъ, но не пытали, потому что на него никто не изъявлялъ подозрѣнія, и отпустили. Допрашивали священника, дьякона и дьячка, ничего отъ нихъ не добились и также отпустили. Старосты Сычова даже не звали въ Сыскной Приказъ, потому что помѣщикъ маиръ Дубровскій написалъ, что ручается за него, какъ за самого честнаго человѣка.

Продержавъ бѣднаго Петруньку цѣлый годъ въ тюрьмѣ, Сыскной Приказъ призналъ его полуумнымъ. Никакихъ уликъ къ обвиненію его въ похищеніи церковной казны не было, и потому рѣшили оставить его въ подозрѣніи и отдать его помѣщику, обязавъ его учредить надъ нимъ какъ надъ малоумнымъ надзоръ. Если жъ бы открылось, что Петръ Вичинъ прикосновенъ къ этому дѣлу, то представить его въ Сыскной Приказъ.

Помѣщикъ, получивъ свѣданіе о такомъ приговорѣ, сказалъ: «На какой чортъ навалю я на себя эту обузу? Чего ради обяжусь я смотрѣть за этимъ полуумнымъ? Дуракъ-то онъ дуракъ, а можетъ быть, и съ плутинкой. Украдѣ ли онъ церковную казну, или кто другой ее украдѣ, — чортъ ихъ разберетъ! Я его во всякомъ случаѣ держать у себя не хочу. Что нибудь дуракъ набѣдокурить, а помѣщикъ отвѣчай за него: скажутъ, зачѣмъ не смотрѣть за нимъ. Лучше въ пору воспользоваться дарованнымъ шляхетству правомъ и сбросить съ себя эту тягость. Пусть его соплютъ въ Сибирь на поселеніе».

Помѣщикъ имѣлъ право безъ суда и слѣдствія сослать своего крѣпостнаго въ Сибирь. Такъсталось съ Петрунькою. Его отвезли въ Москву, а оттуда отправили въ Сибирь.

Дубровскій былъ прозорливѣе судей Сыскнаго Приказа. Онъ замѣтилъ, что Вичинъ въ своемъ показаніи говорилъ о видѣнномъ имъ въ церкви серебряномъ гробѣ на воздухѣ, а ангель-хранитель сказалъ ему, что тамъ лежитъ какая-то важная особа.

Въ Сыскномъ Приказѣ не стали допрашивать, чтѣ это за важная особа, считая всѣ его видѣнія бредомъ полуумнаго. «А чтѣ, — думалъ маиръ, — какъ довѣдаются въ Тайной, да станутъ подлинно доискиваться, о какой такой важной особѣ идетъ рѣчь? Лучше уйтти подальше отъ этого. Ну, ихъ!»

И Дубровскій не ошибся въ своихъ опасеніяхъ. Сыскной Приказъ обязанъ быть по истеченіи года доставлять въ Тайную Контору вѣдомость о бывшихъ уголовныхъ дѣлахъ. Когда въ концѣ года послана была такая вѣдомость, Семенъ Андреевичъ Салтыковъ, начальствовавшій Тайною Конторою, обратилъ вниманіе на дѣло крестьянина Петра Вичина, обвинявшагося въ церковной татѣбѣ, и сдѣлалъ Сыскному Приказу выговоръ за то, что Вичинъ остался не спрошеннымъ, о какой именно важной особѣ онъ разумѣніе имѣлъ.

Петруша находился уже въ Омскѣ и въ качествѣ чернорабочаго переходилъ отъ одного обывателя къ другому. Сперва жилъ онъ у крестьянина Горохова, потомъ у крестьянина Круглова. Его привезли въ Москву и доставили въ Тайную Контору, где подвергли допросу.

— Объяви откровенно: какую важную особу въ серебряномъ гробѣ назвали тебѣ подлинно, когда было тебѣ видѣніе въ церкви ночью?

— Ангель-хранитель, — отвѣчалъ Петруша: — сказалъ только, что тамъ лежить важная особа, а кто подлинно, того не сказалъ.

— Лжешь. Ты будто и не спросилъ у ангела, что это за особа! Не можетъ быть того. А являлся тебѣ снова тотъ же ангель?

— Онъ точно являлся мнѣ дважды въ тонкомъ снѣ — одинъ разъ, когда я жилъ у крестьянина Горохова, другой разъ — у крестьянина Круглова. Оба раза говорилъ: «Повезутъ тебя въ Москву, и будетъ тебѣ напрасное кровопролитіе. Пытать тебя станутъ!»

— И твой ангель говорилъ правду, коли будешь упрямиться и не скажешь того, что у тебя спрашиваютъ. Что жъ ты думаешь, мы не понимаемъ, кого ты разумѣешь, назвавъ «важная особа»? Это не иной кто, какъ великая государыня Анна Ивановна. Вѣдь такъ? Ну, и говори прямо!

— Ангель не назвалъ мнѣ важной особы.

— Ну, а когда являлся тебѣ дважды ангель въ Омскѣ, не спрашивалъ ты его объ этомъ и не сказалъ онъ тебѣ чего на счетъ ея императорского величества?

— Нѣть, не говорилъ.

— А больше тебѣ тотъ ангель не являлся?

— Прошлою ночью явился во снѣ, послѣ того, какъ меня сюда привезли.

— И что жъ онъ показалъ тебѣ?

— Самъ, твое сіятельство, изволишь увидѣть въ свое время.

Семенъ Андреевичъ затопалъ ногами, закричалъ, грозилъ страшными муками.

Петруша произнесъ: — Поступай, твое сіятельство, какъ угодно по царскимъ указамъ. Я за правду готовъ терпѣть.

Его повели въ застѣнокъ. На пути глазѣла толпа. Петруша закричалъ: — Народъ Божій! Послушайте! За ея императорское величество стражду напрасно!

Въ застѣнкѣ его подняли на дыбу, дали ему нѣсколько ударовъ, потомъ сняли и спрашивали:

— Откровенно сознайся, что ты видѣль и слышалъ въ послѣднюю ночь, когда являлся тебѣ во снѣ ангель-хранитель? Зачѣмъ ты кричалъ въ народъ, что за ея величество терпишь?

— Мнѣ, — отвѣчалъ Петруша: — ангель-хранитель сказалъ подлинно, что меня въ этотъ день станутъ пытать, а кричалъ я въ народъ затѣмъ, что вы меня допрашиваете, чаючи за мною худаго противъ государыни, а я не знаю!

Его опять подняли на дыбу. Онъ закричалъ: — Спустите, все скажу, что велите!

Его спустили и сказали: — Тебѣ непремѣнно твой ангель-хранитель, указавъ въ церкви на серебряный гробъ съ важною особою,

назвалъ эту особу. Онъ назвалъ великую государыню Анну Ивановну? Такъ или нѣтъ?

— Нѣтъ, — произнесъ ослабѣвшимъ голосомъ Петруша.

— Говори, а то закатаемъ, огнемъ будемъ жечь! Вѣдь такъ? Ты слышалъ тогда это отъ ангела-хранителя? Такъ? Сознавайся!

Петруша, изнемогшій отъ мученій дыбы, машинально произнесъ:—Такъ! Въ виду повторенія страшныхъ мукъ, перенесенныхъ имъ, онъ готовъ былъ сказать все, чего отъ него домогались, лишь бы его опять не терзали.

Чтобъ не дать ему въ другой разъ кричать передъ толпою народа, ему положили въ ротъ кляпъ и въ такомъ видѣ вывели изъ застѣнка въ тюрьму.

Семенъ Андреевичъ Салтыковъ, управляя Московскою Тайною Конторою, находился въ зависимости отъ А. И. Ушакова, правителя Верховной Тайной Канцеляріи, и, пославши ему экстрактъ изъ дѣла о Петрѣ Вичинѣ, испрашивалъ разрѣшенія, какъ съ нимъ поступать далѣе. Дѣло это показалось Андрею Ивановичу на столько важнымъ, что онъ сдѣлалъ по поводу этого докладъ кабинету министровъ, состоявшему изъ графа Остермана и князя Алексея Черкасскаго. И тамъ, въ этой верховной сфере власти, дѣло это показалось дѣломъ первой важности. Рѣшили: «Петра Вичина еще накрѣпко пытать и спрашивать: съ какого умыслу о томъ злодѣствѣ онъ показываетъ и кто съ нимъ въ томъ сообщники имѣются, и къ показанію о такомъ злодѣствѣ въ какомъ числѣ совѣтъ у него съ кѣмъ былъ, и другимъ кому именно о томъ злодѣство онъ разглашалъ, и въ какомъ намѣреніи? И если со оныхъ розысковъ онъ о вышесказанномъ истины не объявить, то его водить по спицамъ пристойное число, смотря по состоянію его, и спрашивать о вышеозначенномъ накрѣпко, и оные тому Вичину розыски чинить не скоро, дабы отъ скорыхъ розысковъ не могъ онъ умереть и при оныхъ разыскивать; и при вожденіи по спицамъ присутствіе имѣть генералу и кавалеру оберъ-гофмаршалу (графу Семену Андреевичу Салтыкову). А когда Вичина будутъ водить въ застѣнокъ и изъ застѣнка, то, чтобы онъ не могъ злодѣйски кричать, класть ему въ ротъ кляпъ. И о томъ, чтѣ онъ послѣ покажеть, донести въ Тайную Канцелярію».

Получивъ такое предписаніе, Семенъ Андреевичъ Салтыковъ велѣлъ вести Вичина въ застѣнокъ указаннымъ порядкомъ. Его подняли на дыбу. Онъ кричалъ, но ничего нового не сказалъ. Тогда, давъ ему отдохнуть нѣсколько дней, привели его снова въ застѣнокъ, гдѣ приготовлено было ему иного рода угощеніе. Разостлана была на помостъ полсть и въ нее вбиты остріемъ къ верху мелкія спицы. Приставъ подвелъ его, приказалъ разуть и крикнулъ: «Шагай! впередъ! погуляй-ка!.. Ну, что сталъ? Али не хочешь идти! Ну, такъ объяви, чтѣ у тебя спрашиваются, и не пойдешь болѣе».

Петруша не могъ произнести ничего: во рту у него былъ кляпъ. Онъ только моргалъ и показывалъ движениемъ головы, что не можетъ ничего сказать. Руки у него были связаны назадъ.

Поняли его движение и вынули кляпъ.

— Богомъ Всемогущимъ клянусь! — говорилъ бѣднякъ: — ничего больше сказать не имѣю. Все уже сказалъ!

— Нѣтъ не все! требуютъ, чтобы объявилъ искренно: съ какого умыслу злодѣйство показываешь и кто къ показанію о такомъ злодѣйствѣ у тебя сообщники были? Все открои!

— Никакого злодѣйства я не умышлялъ ни противъ кого и сообщниковъ у меня не было. Являлся мнѣ ангель-хранитель мно-гажды и показывалъ то, что я говорилъ, а ни на какое злодѣйство не подговаривалъ.

— Ну, шагай впередъ! — закричалъ приставъ. При этомъ Петруша получилъ ударъ по спинѣ кнутомъ. Онъ ступилъ на спицы... Кровь потекла съ подошвъ. Онъ попятился назадъ. Его снова подстегнули. Страшно вскрикивая, Петруша двигался; кровь струилась, и такъ водили его взадъ и впередъ по полсти минутъ двадцать, наконецъ, остановили и спросили: «Скажешь теперь все?»

— Ничего болѣе не скажу, не знаю ничего!

Тутъ прибѣжалъ Семенъ Андреевичъ. «Ну, что? говорить чтонибудь новое?»

— Ничего не говорить, — былъ отвѣтъ.

— Такъ ведите его еще по спицамъ!

— Все скажу! — закричалъ Петруша.

— Ну, что тебѣ сказалъ ангель-хранитель про великую государыню?

— Являлся мнѣ во снѣ ангель-хранитель и сказалъ: «Будешь ты на Москвѣ пытать немѣрными пытками и станешь сказывать, что государынѣ Аннѣ Ивановнѣ на землѣ житъ и бытъ отъ Васильева вечера два года будетъ». А выговоря то, ангель сталъ не-видимъ.

— А ты вѣришь, что такъ подлинно станется?

— Вѣрю, что такъ станется, ибо то явленіе отъ Бога, потому что я часто по ночамъ молился, и отъ рожденія своего жены не имѣль и не имѣю, потому мнѣ и видѣнія посыпаются отъ Бога.

Но этимъ не удовольствовались. Стали, всетаки, допрашивать: кто былъ съ нимъ соучастникъ. Петруша, измученный, обезсиленный, не могъ ни говорить, ни держаться на ногахъ; опустя голову, онъ только стональ отъ боли, которая теперь стала еще нестерпимѣе, такъ какъ спицы кололи его подошвы по израненнымъ прежде мѣстамъ. Онъ не открывалъ глазъ, словно сонный. Такъ прошло еще нѣсколько ужасныхъ минутъ. Его подняли на руки и вынесли изъ застѣнка.

Послали обѣ этомъ донесеніе Андрею Ивановичу Ушакову, а

2*

тотъ снесся опять съ кабинетомъ министровъ и сообщилъ въ Тайную Контору такое рѣшеніе: «Имѣя въ виду, что Вичинъ во время вожденія по спицамъ ничего не говорилъ и глазами не глядѣлъ, и изъ того видно, что его злодѣйственное, непристойное показаніе злобственно, а посему, когда Вичину отъ пытокъ и отъ вожденія по спицамъ будетъ посвободнѣе, то розыскивать до тѣхъ мѣстъ, пока отъ него можетъ открыться истина».

Когда, по этому рѣшенню, Петрушу опять повели въ застѣнокъ, онъ въ виду новыхъ пытокъ объявилъ Семену Андреевичу, что никакихъ видѣній, ни ангеловъ-хранителей, ни гробовъ не видалъ онъ ни на яву, ни во снѣ, а все это выдумалъ въ надеждѣ, что этому повѣрятъ. Вичина не стали подвергать пыткамъ вновь, но сообщили о послѣднемъ показаніи его А. И. Ушакову, который опять доложилъ въ кабинетъ министровъ, а потомъ сообщилъ въ Московскую Тайную Контору такое рѣшеніе: «Кабинетъ министровъ приговорилъ на основаніи морскаго устава первой книги, первой главы, втораго пункта и указа 30 января 1727 года: Вичина казнить смертію отсеченіемъ головы, а къ смертной казни вести его, положа ему въ ротъ кляпъ».

Когда Петруша прочитали приговоръ, онъ выслушалъ его равнодушно и просилъ только похоронить его съ крестомъ, подареннымъ ему ангеломъ-хранителемъ, явившимся въ видѣ мужика.

Петруша умеръ, не видавъ Сычова, виновника его погибели. Не даромъ онъ далъ ему клятву на своеимъ таинственномъ крестѣ. Но самъ Сычовъ другимъ путемъ попалъ въ бѣду и приведенъ былъ въ Тайную. Онъ раздавалъ въ Москвѣ милостину какимъ-то колодникамъ и сказалъ имъ что-то неосторожно. Они его и предали. У него нашли тетрадку, въ которой были написаны такія предсказанія: «Въ 1731 году, во всемъ мірѣ велика молва будетъ и луна солнечная споновати будетъ; въ 1733 году, Константинополь сринутися имать отъ непріятельскихъ рукъ; въ 1734 году, Іисуса Христа весь міръ признаеть; въ 1735 и 1736 году, четвертая часть свѣта погибнетъ; въ 1737 году, лжехристосъ имѣть прійтти на землю; въ 1738 и 1739 году, Іисусъ Христосъ придетъ судити живымъ и мертвымъ».

Въ Тайной Конторѣ Сычова огнемъ жгли и пытали; повторили тѣ же операциіи нѣсколько разъ. Сычовъ ничего не говорилъ и терпѣлъ мученія, закрывши глаза. 1 іюля 1735 года, онъ, послѣ жестокихъ мученій, умеръ въ тюрьмѣ.

Н. И. Костомаровъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НАПРАВЛЕНИЯ ВЪ ЕКАТЕРИНИНСКУЮ ЭПОХУ.

II.

МИСТИЧЕСКО-НРАВОУЧИТЕЛЬНОЕ¹⁾.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1.

Херасковъ и его журналъ „Полезное Увеселеніе“.

МИСТИЧЕСКО-нравоучительное направление выражалось, какъ мы видѣли, въ литературѣ Екатерининской эпохи цѣлымъ рядомъ масонскихъ сочиненій; русскіе мистики-масоны переводили множество вольно-каменъщическихъ книгъ и сами сочиняли масонскія произведенія. Если бы, однако, дѣло ограничилось этимъ, мистическо-нравоучительное направление не имѣло бы значенія въ нашей литературѣ или значеніе его было бы слишкомъ неважно. Но направление это сказалось и въ сочиненіяхъ другаго рода, не специально орденскихъ, оно захватывало въ свое теченіе выдающихся писателей, и это придаетъ ему особый интересъ, выдвигаетъ его на такое же мѣсто въ нашей литературной жизни, какое занимало противоположное ему по духу и содержанію скептическо-материалистическое направление.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXV, стр. 435.

Въ настоящее время можно указать, по крайней мѣрѣ, на одного выдающагося писателя Екатерининскихъ временъ, который посвятилъ свой талантъ и всю свою литературную дѣятельность на служеніе духу нравоученія и мистицизма. Писатель этотъ, теперь почти забытый, но въ свое время знаменитый и славный,— Михаиль Матвѣевичъ Херасковъ, авторъ двухъ героическихъ поэмъ—«Россіада» и «Владиміръ», которыми нѣкогда гордились наши прадѣды и дѣды. Писатель этотъ былъ однимъ изъ выдающихся нашихъ масоновъ.

Литературная дѣятельность Хераскова, если приложить къ ней безотносительную мѣрку, конечно, не выдерживаетъ критики; «творенія» превысеннаго пѣвца «Россіады» не представляютъ для насъ безусловнаго интереса: Херасковъ не обладалъ такимъ сильнымъ талантомъ, какъ, напримѣръ, Фонвизинъ, котораго «Недоросль» и даже «Бригадиръ» нѣкоторыми сторонами своими остались безсмертными, какъ Державинъ, нѣкоторая оды котораго, или, точнѣе сказать, нѣкоторая строфы нѣкоторыхъ одъ котораго сохранили и до нашего времени свой поэтическій смыслъ, свою художественную красоту и значительность. Но въ историческомъ смыслѣ Херасковъ очень важенъ, какъ крупный и несомнѣнно даровитый дѣятель своей эпохи; не даромъ онъ пользовался славой не только въ своемъ поколѣніи, но и въ поколѣніяхъ дальнишихъ: глава слѣдующаго за Екатерининской эпохой периода литературы, первый по времени замѣчательный русскій критикъ и начинатель нашей литературной критики—Карамзинъ почти благоговѣйно относился къ Хераскову и его сочиненіямъ, къ его поэзіи, въ безусловномъ достоинствѣ которой онъ даже не сомнѣвался.

Не задаваясь цѣлью изслѣдовать всю дѣятельность автора «Россіады» и «Владиміра», остановимся на нѣкоторыхъ его характерныхъ произведеніяхъ и посмотримъ, какъ выражилось въ нихъ то мистическо-нравоучительное направленіе, которое боролось въ нашей жизни и литературѣ Екатерининскихъ временъ съ направленіемъ, тоже пришедшемъ изчужи, но отличавшимся совсѣмъ инымъ духомъ и характеромъ,—съ направленіемъ скептическо-материалистическимъ.

Херасковъ—писатель плодовитый и чрезвычайно разнообразный: онъ писалъ журнальныя статьи, былъ поэтъ, или, точнѣе, стихотворецъ, сочинялъ романы, драматическія произведенія, но вѣнцомъ его творчества современники признавали двѣ обширныхъ эпопеи въ стихахъ—«Россіада» и «Владиміръ».

Съ января 1760 по іюнь 1762 года Херасковъ издавалъ журналъ «Полезное Увеселеніе», въ первые два года въ видѣ еженедѣльныхъ тетрадокъ, въ послѣднее полугодіе ежемѣсячными книжками. Кромѣ самого издателя и его жены, въ «Полезномъ Увеселеніи» принимали участіе различные писатели того времени и,

главнымъ образомъ, студенты Московскаго университета, гдѣ тогда Херасковъ былъ асессоромъ конференціи (впослѣдствіи онъ былъ «кураторомъ» университета); подъ различными статьями журнала мы встрѣчаемъ подписи: Дениса и Павла Фонвизиныхъ, Василія Приклонскаго, Николая Поповскаго, Андрея Нартова, Ипполита Богдановича, Василія Санковскаго, Алексія Ржевскаго, Якова Булгакова, Дмитрія Аничкова и другихъ.

«Полезное Увеселеніе» переполнено нравоучительными сочиненіями. Въ этомъ сказалось масонство Хераскова. Извѣстно, что вольно-каменъщіческій орденъ требовалъ отъ братьевъ масоновъ слѣдованія добродѣтели и проповѣданія ея. Но извѣстно также, что масонская проповѣдь добродѣтели была отвлеченной, и потому зачастую безплодной и бесполезной. Орденъ не понималъ и не чувствовалъ, что любовь къ добру родственна съ гнѣвомъ и негодованіемъ на зло. Масонство зачастую учило, что не нужно бороться со зломъ; отсюда его отрицаніе сатиры, возвышенного и благороднаго смѣха. Боязнь судить человѣка, хотя бы и порочнаго, переходила, вслѣдствіе такой односторонности масонскихъ воззрѣній, въ снисходительное отношеніе къ порочному, а затѣмъ и къ самому пороку; благородная въ своей основѣ идея, что человѣкъ долженъ прежде всего смотрѣть на себя: нѣтъ ли въ его собственной душѣ зла, — переходила незамѣтно въ эгоистическую заботу только о себѣ, о своей личности, и освобождала эту личность отъ всякихъ попеченій и тревогъ за другихъ, — пусть они живутъ какъ хотятъ, только бы я быль спасенъ: одна изъ тончайшихъ уловокъ себялюбія и гордости. И вотъ все мы и встрѣчаемъ въ «Полезнѣмъ Увеселеніи»; мораль журнала — мораль отвлеченная и холдная: недостатокъ гнѣва приводитъ къ недостатку любви.

Приведемъ изъ «Полезнаго Увеселенія» примѣры масонскаго отреченія отъ борьбы со зломъ. — Въ 1-мъ № втораго года журнала (1761) помѣщено, между прочимъ, стихотворное письмо Нарышкина къ А. Р. (Ржевскому).

Коль слабъ нашъ, Р..., умъ!

восклицаетъ авторъ, —

въ порокахъ утопая,
Винимъ другихъ дѣла, себя не понимая.
Не лучше ли свои пороки примѣтить
И добродѣтелью ихъ тщиться исправлять?

* * * * *
Увидя въ комъ порокъ, смѣемся и ругаемъ:
Не добродѣтель тѣмъ, мы зло лишь размножаемъ.
Когда бы истинно другъ друга всякъ любилъ,
И то бъ за первую на свѣтѣ должностъ чтиль:
Увидѣвъ бы въ другомъ порокъ, онъ не смѣялся,
Но убѣгать того порока самъ старался...»

Мысль—обоюдоострая: человѣклюбіе и смиреніе въ ней перепутываются съ эгоизмомъ и заботою только о себѣ. Для нась теперь, послѣ поэзіи Гоголя, соединившей въ себѣ такъ ясно и просто смѣхъ и негодованіе съ любовью къ человѣку и тоской по идеалѣ, все это понятно; но предки наши, подъ вліяніемъ мистическихъ идей, путались въ подобныхъ вопросахъ. Дальше въ стихотвореніи Нарышкинъ еще болѣе путается, еще болѣе отступаетъ отъ нравственной истины: онъ начинаетъ бояться осуждать не только порочнаго человѣка, но и самый порокъ:

Но что я дѣлаю?—

восклицаетъ онъ,—

пороки осуждаю,

А самъ тѣмъ болѣе я въ оныхъ утопаю.

О слабость, бѣдное участіе людей!

и онъ ищетъ утѣшенія и отрады въ чувствѣ дружбы:

Будь исправителемъ пороковъ днесъ моихъ!—

обращается онъ къ другу.

Въ отвѣтномъ письмѣ Ржевскаго къ А. Н. (Нарышкину) идея о терпимости ко злу развивается еще далѣе и логически приводить автора къ примиренію съ житейской пошлостью, съ человѣческими пороками, которые уже называются имъ не «пороками», а болѣе мягкимъ именемъ—«слабостями».— Ржевскій находитъ, что свѣтъ вовсе [не такъ] худъ, какъ думаютъ суровые обличители этихъ «слабостей». Ошибаются тѣ, кто зовутъ его раемъ и всѣмъ въ немъ довольны; но точно также находятся въ заблужденіи и не видящіе въ немъ блаженства, считающіе его жилищемъ несчастій. Непросвѣщеніе (по мнѣнію Ржевскаго, видимо понимающаго просвѣщеніе въ масонскомъ смыслѣ слова) есть причина ошибочности обоихъ взглядовъ, или, какъ онъ энергически выражается, «развратныхъ мнѣній».

Потщимся мы сего, Н...., избѣжать,

Потщимся иначе, мой другъ, мы разсуждать,—

поучаетъ онъ: свѣтъ съ его пороками вовсе не такъ худъ и съ нимъ легко примириться:

Довольно въ свѣтѣ семъ утѣхъ для человѣка,
Для нашей бренности, для временнаго вѣка.

Хоть слабостямъ и всѣ утѣхи тѣ причастны;
Но мы и рождены всѣ слабости подвластны.

Далѣе еще яснѣе:

Мы смертны: слабости нельзя намъ не питать;
Лишь мѣры въ слабостяхъ мы должны наблюдать,—

т. е. нечего человѣку бороться съ порокомъ: пороки, или «слабости», свойственны нашей природѣ; надо только заботиться, чтобы они не вышли изъ границъ, а были умѣренны,— и въ такомъ случаѣ они перестаютъ быть зломъ, и даже ведутъ человѣка къ счастью, тоже, конечно, умѣренному,—къ «утѣхамъ» земной жизни, утѣхамъ дѣйствительнымъ, реальнымъ, а не фантастическимъ, о которыхъ «развратно» и безумно мечтаютъ тѣ люди, которые «въ небесахъ блаженствъ жилище чаютъ».

Истинный редакторъ своего издания, Херасковъ хорошо понималъ, что помѣщалъ въ немъ: онъ самъ былъ согласенъ съ мнѣніями своихъ сотрудниковъ, мнѣніями, подобными приведеннымъ. Въ напечатанномъ въ томъ же 1-мъ № «Полезного Увеселенія» на 1761 годъ «Письмѣ М. Х.» онъ говоритъ, что ошибался, думая прежде, будто полезно и нужно обличать пороки.

«Намѣреніе, которое мы имѣли при изданіи (пишетъ онъ про свой журналъ)... ...клонилося къ защищению добродѣтелей, къ обличенію пороковъ и увеселенію общества. Все сіе имѣло ли свое дѣйствіе, сумнѣваюсь. Вижу я безпристрастными глазами и съ внутреннимъ сожалѣніемъ, что порокъ обличенъ мало... Или сила сочиненій развратныхъ сердца слаба поразить была, или вредныя страсти такъ отвердѣли, что ихъ ничто поколебать не можетъ»...

Въ этихъ словахъ еще неѣть отреченія отъ сатиры, отъ смѣха и негодованія: неуспѣхъ «обличенія пороковъ» Херасковъ, повидимому, готовъ объяснить или слабостью сатиры своего журнала, или закоренѣлостью людскихъ страстей. Но далѣе онъ переходитъ уже на иную почву, начинаетъ разсуждать въ иномъ духѣ:

«Сіе бы привело въ отчаяніе (пишетъ онъ), если бы размышеніе не подало нѣкоего удовольствія и ободренія духу»,

и поясняетъ, что «размыщеніе» привело его къ сознанію необходимости отказаться отъ сатиры и заняться лишь прославленіемъ добродѣтели: пускай пороки гибнутъ сами собой, пусть ихъ поразить собственная злоба, а намъ нужно прославлять добродѣтель.— Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что здѣсь Херасковъ не дошелъ до тѣхъ крайностей, какія мы видѣли у его сотрудниковъ—Ржевского и Нарышкина, т. е. до откровеннаго примиренія и дружества съ порокомъ.

Замѣчательно, что мистическій журналъ «Полезное Увеселеніе» въ своихъ отношеніяхъ къ сатирѣ и злу совершенно сошелся съ вольтеріанскимъ журналомъ «Всякая Всячина»: оба изданія рекомендуютъ терпимость къ порокамъ, оба называютъ ихъ мягко «слабостями», оба проповѣдуютъ примиреніе съ пошлостью и мысль, что при такихъ условіяхъ можно очень и очень счастливо, или, точнѣе, весело прожить въ этомъ мірѣ, гдѣ «слабости», при надлежащей умѣренности, обращаются даже въ неѣчто пріятное и полезное; оба изданія, наконецъ, прикрываютъ все это, болѣе или менѣе безсознательно, требованіемъ прославленія добродѣтели. От-

влеченный идеализмъ масонства сошелся съ практическимъ материализмомъ вольтерианства.

Но замѣчательно также, что оба изданія не выдержали строго своей идеи о ненадобности сатиры, о ея вредѣ: въ обоихъ журналахъ встрѣчается сатира, и иногда довольно мѣткая, преимущественно на подьячихъ. Мы видѣли это во «Всякой Всячинѣ». «Полезное Увеселеніе» точно такъ же, какъ и журналъ императрицы Екатерины, не выдержало, въ этомъ смыслѣ, своего направленія. Подьячіе осмѣяны въ немъ, напримѣръ, въ статьѣ «Правосудіе» (въ 3 № 1761 г.), въ статьѣ «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ» (въ № 15). Въ этомъ послѣднемъ, сочиненномъ нѣкимъ Приклонскимъ, Минось ведеть бесѣду съ сопшедшими въ область Аида подьячими о томъ, чѣмъ онъ занимался, живя на землѣ.

«Моя должностъ на томъ свѣтѣ была (объясняетъ подьячій)... писать крючки, братъ акциденцію, и прочее тому подобное дѣлать».

Если, однако, въ журналѣ Хераскова нашли себѣ выраженіе ложныя стороны отвлеченного масонскаго идеализма, то въ немъ сказалось и то, что было истиннаго въ мистическо-нравоучительномъ направленіи. Это, во-первыхъ, осужденіе вражды народовъ, войны, завоевательныхъ стремленій; во-вторыхъ—возвышенная мысль, что счастіе человѣка состоить въ спокойствіи совѣсти.—Отрицательное отношеніе къ войнѣ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ «Рѣчи Скиѳскаго посла», помѣщенной въ 5 № журнала за 1761 годъ. А заканчивается этотъ годъ одой Хераскова «На человѣколюбіе», гдѣ читаемъ такие прекрасные стихи:

Щастіе ль видишь въ полномъ цвѣтѣ,—
Сердце онымъ не круши:
Щастія нѣть инова въ свѣтѣ,
Какъ спокойствіе души.

2.

Комедіи «Безбожникъ» и «Ненавистникъ».

Нравоученіе и мистицизмъ, проникающіе журналъ Хераскова, мы находимъ и въ его драматическихъ произведеніяхъ, напр., въ напечатанныхъ въ X т. «Россійскаго Театра» комедіяхъ «Безбожникъ» и «Ненавистникъ». Въ обѣихъ пьесахъ проводится нравственная идея, карается зло.

Первая изъ этихъ комедій представлена была въ первый разъ въ Москвѣ въ 1761 году, вторая — въ Петербургѣ въ 1779 году.— Какъ драматическая произведенія, съ художественной точки зрѣнія, обѣ комедіи чрезвычайно слабы, даже, можно сказать, нелѣпы: сколько нибудь живыхъ лицъ, сколько нибудь удачнаго очерка

характеровъ въ нихъ нѣтъ, герои ихъ — невѣроятные злодѣи, носящіе къ тому же невозможныя имена: Змѣядѣ, Руфинъ и т. п.

Главное лицо комедіи «Безбожникъ» — Руфинъ — отъявленный негодяй: онъ губить своего брата посредствомъ подложнаго политическаго письма, губить невѣсту, друга. Но въ концѣ пьесы онъ получаетъ достойное возмездіе: злодѣянія его неожиданно открываются, и онъ проваливается сквозь землю, отъ удара карающаго грома, въ ту самую минуту, когда злобно и самонадѣянно грозилъ погубить всѣхъ своихъ враговъ.

Замѣчательно, что самъ Руфинъ сознаетъ испорченность своей натуры, сознаетъ и причины этой испорченности: онъ обвиняетъ отца за то, что тотъ не далъ ему правильнаго воспитанія; онъ говоритъ, обращаясь къ отцу:

Когда бъ ты молодость мою сперва берегъ,
И не испортилъ духъ мой въ дѣтствѣ ядомъ нѣгъ,
Когда бъ воздерживалъ мою опасну волю:
Не могъ бы я терпѣть безчестной смерти долю.

Онъ хочетъ даже убить отца за свое дурное воспитаніе, приведшее къ развращенію и гибели.—По ходу и направлению пьесы видно, что самъ Херасковъ въ этомъ отношеніи согласенъ съ своимъ героемъ, т. е. причину его нравственнаго паденія видить въ дурномъ воспитаніи. Но интересно, что пострадавшимъ за зло, наказаннымъ за него является только Руфинъ, нравственная кара не постигаетъ его отца, котораго и герой пьесы, и самъ авторъ считаютъ, однако, главнымъ виновникомъ зла. Здѣсь мы видимъ намекъ на нѣкоторую путаницу въ нравственныхъ воззрѣніяхъ Хераскова, или выражаемаго имъ мистическо-нравоучительнаго направленія.

Шаткость нравственныхъ воззрѣній яснѣе выступаетъ въ другой комедіи — «Ненавистникъ». Герой ея, носящій фантастическое имя Змѣядѣ, тоже отъявленный злодѣй, какъ Руфинъ въ комедіи «Безбожникъ», и его также въ концѣ пьесы постигаетъ достойная кара, хотя и не сверхъестественная: правительство лишаетъ его чиновъ и предписываетъ ему безвыѣздно, до смерти, жить въ деревнѣ; тогда онъ самъ сознаетъ справедливость наказанія на него наказанія и говоритъ:

Цѣлую руку, мнѣ погибель подписавшу,
И сердцу моему раскаянье подавшу.
Казнитесь мною вы, и возлюбите честь,
Когда подобные мнѣ люди въ свѣтѣ есть.

Все это и такое внезапное самосознаніе и самообвиненіе Змѣядѣ, и такое неожиданное сомнѣніе его: есть ли въ свѣтѣ подобные ему злодѣи, все это чрезвычайно наивно въ пьесѣ. Но еще болѣе наивна проводимая въ ней авторомъ идея, будто противъ

обмана можно действовать обманомъ, противъ зла можно бороться зломъ же. Здѣсь очень определено обнаруживается передъ нами путаница въ нравственныхъ воззрѣніяхъ представителя мистическо-нравоучительного направленія, та самая путаница, которую мы видѣли и въ журналѣ «Полезное Увеселеніе». — Герой комедіи Змѣядъ хочетъ, по своимъ разсчетамъ, жениться на хорошей молодой девушкѣ Пріятѣ, дочери Здоруста. Любящій Пріяту, идеальный молодой человѣкъ Милатъ, желая разрушить козни Змѣяды, вкрадывается путемъ обмана въ его довѣріе, входить въ его домъ подъ именемъ Стовида и притворно беретъ на себя должность его шпиона; онъ говоритъ:

Теперь я покажусь Змѣяду крайне дружнымъ,
Покорнымъ, ласковымъ, привѣтливымъ, службнымъ.
Для гордыхъ сладостенъ и нуженъ сей приманъ,
И должно выводить обманами обманъ.

Очевидно, что подобнымъ разсужденіямъ и намѣреніямъ своего идеального героя симпатизируетъ самъ авторъ пьесы.

Но, отдаваясь во власть духу масонскаго, мистическо-нравоучительного направленія, увлекаясь имъ до крайности, Херасковъ остается, однако, русскимъ человѣкомъ, — и въ его пьесахъ мы вдругъ, неожиданно встрѣчаемся съ проявленіемъ народнаго начала. Это начало совершенно не вяжется съ общимъ содержаниемъ и строемъ мистическо-нравоучительныхъ произведеній. Но самъ авторъ этого не замѣчаетъ, потому что народность его непосредственная, инстинктивная, и сознаніе его даже совсѣмъ не на ея сторонѣ. — Въ комедіи «Ненавистникъ» мы видимъ непосредственно-народный взглядъ на семью и на отношенія дѣтей къ родителямъ; что этотъ взглядъ, высказываемый нѣкоторыми лицами пьесы, принадлежитъ и самому автору, ясно изъ того обстоятельства, что народное представлѣніе и изображеніе семьи онъ соединяетъ съ довольно остроумнымъ и живымъ осмѣяніемъ модныхъ французскихъ нравовъ. Отецъ Пріяты Здорустъ говоритъ Змѣяду (за котораго по наивности своей хотѣлъ было выдать дочку):

О, дочка у меня воспитана нарочно
Какъ будто бы для для васъ, умно и беспорочно;
Не станетъ мыкаться съ двора на дворъ она,
Кроить и въ пяльцахъ шить она пріучена.
Мы съ матерью ея какъ ласточки сидѣли,
Другъ съ другомъ обнявшись, да все въ окно глядѣли,
Такъ можно перенять ей что нибудь у насть!..
Да, правда, иначе дѣвицы-то у васъ
Гораздо сдѣлались, я слышу, поумнѣе, —.
Выходить замужъ съ тѣмъ, чтобы только жить вольнѣе,
И будто разлучать женитьба насть должна;
Мужъ въ сторону пойдетъ и въ сторону жена;

Не видить по году супругъ свою супругу,
Лытаютъ да и въ вѣкъ не встрѣтятся другъ другу;
А дочка у меня не такъ пріучена,—
Что мужъ глава женѣ, всегда твердитъ она.

Съ неподдѣльнымъ юморомъ изображаетъ Херасковъ модные нравы на французскій ладъ въ притворныхъ и хитрыхъ наставленіяхъ Стовида Змѣяду, какъ пріобрѣсти расположение Пріяты. Путая своего мнимаго друга, Стовидъ учить его:

Старайся ты внушать,
Дабы понятія Пріятины смѣшать,
Что дѣтская любовь всего на свѣтѣ ниже,
Любовь къ родителямъ, любовь къ ея роднымъ,
Что это подлостью считается въ Парижѣ,
Что это свойственно мѣщанкамъ лишь однимъ;
Что власть похитили тогда отцы надъ нами,
Когда мы связаны бывали пеленами.
Что мы не родились для рабскихъ имъ услугъ;
Что матъ помощница и что отецъ намъ другъ;
Что дочери должны отцамъ предпочтаться
Затѣмъ, что дѣлаютъ не рѣдко щастье имъ;
И такъ, родители должны имъ поклоняться.

(Дѣйств. 2, явл. 1-е).

Продолжая свою роль, обманывая и путая Змѣяду, Стовидъ въ 3-мъ дѣйствіи пьесы разсказываетъ ему мнимую сцену съ Пріятой, увѣряя, будто бы предложенія имъ наставленія подѣстновали на дѣвшушку. Эта сцена тоже отличается истиннымъ юморомъ.

Забредила она Парижемъ при начальѣ
И молвила отцу: ахъ, батюшка, подалѣ!
Не знаются съ дѣтьми во Франціи отцы,
Тамъ руки цѣловать даютъ одни купцы,
И плонула въ него, какъ будто не нарочно;
Взбѣсился нашъ отецъ, а дочки стало тошно,
И чтобы разстроенный желудокъ подкрѣпить,
Спросила у меня стаканъ воды испить.

Присутствіе въ душѣ Хераскова народныхъ началь сказывается еще въ одной чертѣ пьесы «Ненавистникъ»: это сочувственный взглядъ автора на простой народъ; Херасковъ подсмѣивается надъ высокомѣрнымъ презрѣніемъ къ простымъ людямъ, надъ мыслью нѣкоторыхъ своихъ героевъ, что думать и учиться есть право только знатныхъ людей.

Въ 8 явл. I-го дѣйствія пьесы Змѣядъ говорить Здорусту:

Прилично ль подлости писаніе умѣть,
И дѣлать цѣлый свѣтъ ученымъ и понятнымъ!
Разсудками сіять пристойно не беззнатнымъ.

Наивный Здорустъ соглашается съ его мнѣніемъ:

Вотъ такъ-то грамотѣ ребята у меня
Учились у дьячка; да стали день отъ дня
Вести себя въ селѣ и жить при домѣ гаже;
Сперва они ко лжи, потомъ привыкли къ кражѣ.
Такъ это ради слугъ живой примѣръ у нась,
Чтобъ имъ не толковать, что ижица, что азъ.

«Конечно», — подтверждаетъ Змѣидъ, —
просвѣщать не всякаго годится.

3.

Эпопеи Хераскова.

«Россіада».

Обратимся теперь къ главнымъ произведеніямъ Хераскова, къ двумъ его эпопеямъ — «Россіада» и «Владиміръ». Это — должно-классическія поэмы, послѣднія по времени изъ цѣлаго ряда такихъ сочиненій, появившихся въ разныхъ европейскихъ литературахъ въ подражаніе Иліадѣ. — Предки наши гордились, что только у грековъ да у нась по двѣ «эпическихъ поэмы», между тѣмъ какъ у другихъ народовъ по одной. Время показало, что наши «Россіада» и «Владиміръ», какъ героическія поэмы, гораздо слабѣе всѣхъ другихъ. Но для нась теперь онѣ интересны по инымъ причинамъ, — не какъ поэтическое изображеніе героизма русскаго народа, а какъ выраженіе мистическо-нравоучительного направленія въ литературѣ Екатерининской эпохи. На эту сторону произведеній современники Хераскова и ближайшее потомство не обращали вниманія, они не видѣли ея; а въ ней-то и все дѣло.

«Россіада» повѣствуетъ о взятіи Казани царемъ Ioannomъ Грознымъ. Это событие Херасковъ счелъ величайшимъ, или однимъ изъ величайшихъ въ нашей исторіи, счелъ его достойнымъ служить содержаніемъ эпопеи, подобно тому, какъ Троянская война послужила содержаніемъ Иліады. — На эту грубую историческую ошибку поэта было уже не разъ указано въ нашей литературѣ. Подобные ошибки очевидны и въ частностяхъ поэмы; онѣ объясняются, съ одной стороны, слабостью исторической науки у нась во времена Хераскова, съ другой стороны — наивностью поэта, или, лучше сказать, того литературнаго направленія, котораго онѣ былъ представителемъ. За исторической истиной Херасковъ и не гонялся, относясь къ ней довольно свободно и, по-нашему, странно. Въ «Историческомъ предисловіи» къ «Россіадѣ» онѣ говорить слѣдующее:

«Повѣствовательное сіе твореніе расположилъ я на истиннѣ, сколько могъ сыскать печатныхъ и письменныхъ извѣстій, къ моему намѣренію принадлежащихъ; присовокупилъ къ тому небольшіе анекдоты, доставленные ми изъ Казани бывшимъ Начальникомъ Университетскихъ Гимназій въ 1770 году. Но да памятаютъ мои Читатели, что какъ въ эпической Поэмы вѣрности историче-

М. М. Херасковъ.
Съ гравированного портрета Майра.

ской, такъ въ дѣеписаніяхъ Поэмы искать не должно. Многое отметалъ я, переносилъ изъ одного времени въ другое, изобрѣталъ, украшалъ, творилъ и созидалъ». (Твор. Хераскова, т. I, стр. XIII).

Эти «украшеніе» и «созиданіе» состоять, главнымъ образомъ, въ идеализированіи личности героя произведенія—Иоанна Грознаго. Въ «Историческомъ предисловіи», нѣсколько ранѣе приведенного мыста, послѣ упоминанія о томъ, что Иоаннъ III свергъ иго татарское, встрѣчаемъ мы такого рода историческая соображенія о тог-

дашнемъ состояніи Россіи и о значеніи царствованія и дѣятельности царя Іоанна IV: при Іоаннѣ III (говорить Херасковъ):

«царство Казанское... еще не было разрушено; Новгородцы еще не вовсе украдены были; сосѣдственные державы должностного уваженія къ Россіи не ощущали. Сія великая перемѣна, въ какую сіе государство перешло изъ слабости въ силу, изъ униженія въ славу, изъ порабощенія въ господство,—сія важная и крутая перемѣна произошла при внуку Царскому Іоанну Васильевичу Второму, который есть Герой сея Поэмы... Иностранные писатели, сложившиe нелѣпныя басни о его суровости, при всемъ томъ по многимъ знаменитымъ его дѣламъ великимъ мужемъ нарицаютъ. Самт Пётръ Великій за честь поставлялъ въ мудрыхъ предпріятіяхъ сему государю послѣдовать. Исторія затмѣваетъ сіяніе его славы и въ которыми ужасными повѣствованіями, до пылкаго нрава его относящимися: вѣрить ли толь не свойственнымъ великому духу повѣствованіямъ, оставляю историкамъ на размысленіе». (Стр. X и XI).

Впрочемъ, оговаривается поэтъ, самъ, быть можетъ, замѣчая свою идеализацію героя поэмы,

«впрочемъ, безмѣрныя Царскія строгости, по которымъ онъ Грознымъ проименованъ, ни до намѣренія моего, ни до времени, содержащаго въ себѣ цѣлый кругъ моего сочиненія, вовсе не касаются». (Стр. XI).

Такъ добродушно и наивно отнесясь къ Іоанну Грозному, Херасковъ идеть въ этомъ направленіи и далѣе: онъ идеализируетъ и опричниковъ, кромѣщниковъ царя Ивана (перенося ихъ, притомъ, изъ позднейшей эпохи въ болѣе раннюю): онъ называетъ ихъ «цѣломъ Іоаннова войска».

«Россіада», согласно съ масонскими воззрѣніями своего автора, есть поэма поучительная и назидательная; и такою Херасковъ хотѣлъ ее сдѣлать совершенно сознательно: онъ хотѣлъ соединить воедино героизмъ и нравоученіе. Высказанный имъ въ предисловіи взглядъ на «эпической поэмы» свидѣтельствуетъ, что онъ требовалъ отъ этого рода сочиненій поучительности. Съ такой точки зрѣнія онъ довольно наивно судить «Освобожденный Іерусалимъ» Торквато Тассо; онъ говорить:

«Арміда въ Тассовомъ «Іерусалимѣ», прекрасная волшебница Арміда есть душа сей неодѣнной поэмы; ея хитрости, коварства, ея островъ, ея нѣжности, ея самая свирѣпость по отбытии Ренода восхитительны,— но не суть назидательны». (Стр. XV).

За то же отсутствіе назидательности осуждаетъ нашъ авторъ и «Генріаду» Вольтера. Но замѣчательно, что въ его приговорѣ надъ этой послѣдней выказалось все могущество вліянія Вольтера на современниковъ: мистикъ и масонъ не можетъ въ концѣ концовъ осудить произведеніе генія XVIII вѣка и самъ увлекается имъ. Вотъ слова Хераскова о французской «эпической поэмѣ»:

«Вольтеръ начинаетъ свою Генріаду убіеніемъ Генриха III и оканчиваетъ обращеніемъ Генриха IV изъ одной религіи въ другую,— но прекрасные стихи его все дѣлаютъ обворожительными».

Нравоучительная идея проходит через всю «Россиаду». Общий смысл поэмы, выраженный в коротких словах, тотъ, что добродѣтель и правая вѣра торжествуютъ надъ зломъ и заблуждениями. Въ частностяхъ своего произведения Херасковъ постоянно съ любовью останавливается на примѣрахъ добродѣтели, прославлять нравственно-добротливыя дѣла. Такъ, въ 1-й и 2-й пѣсняхъ поэмы онъ подробно разсказываетъ о душевномъ перерожденіи Иоанна подъ вліяніемъ Адашева и чудесныхъ явлений; въ 6-й пѣсни возвеличиваетъ вѣрность мужу супруги хана Исканора и изображаетъ мрачными красками мученія совѣсти ренегата Сафгира; въ 11-й пѣсни рисуетъ, какъ великие примѣры, достойные подражанія, готовность князя Палецкаго предпочесть казнь отречению отъ Христа, и милосердіе Иоанна, пожалѣвшаго казнить татарскихъ плѣнниковъ.

Смѣшивая задачи поэта и проповѣдника, Херасковъ подрываетъ, конечно, этимъ самъ поэтическое достоинство своего сочиненія: вмѣсто картинъ, образовъ, лирическаго выраженія чувствъ онъ даетъ читателю нравоучительная разсужденія и аллегорические разсказы въ стихахъ; притомъ разсужденія и разсказы эти по большей части многословны и холодны, а стихи тяжелы и неуклюжи. Но, однако, есть въ поэмѣ мѣста, где слышится жизнь и воодушевленіе, и эти мѣста не лишены положительныхъ достоинствъ. Такъ, напримѣръ, въ 7-й пѣсни Херасковъ устами Адашева съ истиннымъ сердечнымъ негодованіемъ говоритъ о льстцахъ, окружающихъ престолъ. Адашевъ обращается къ царю съ такою рѣчью:

Смотри, о Государь! на подданныхъ твоихъ:
Ты, можетъ быть, считалъ въ довольствѣ полномъ ихъ;
Льстцы, которые престолъ твой окружали,
Ихъ въ райскомъ житїи тебѣ изображали.
Когда бы ты чужими повѣрилъ словесамъ,
На скорби не взглянулъ, на ихъ печали самъ,
Ты, ставь бы уловленъ сѣтыми совѣтами вредныхъ,
Льстцовъ бы наградилъ, а сихъ бы презрѣлъ бѣдныхъ».

И нѣсколько далѣе:

«Когда бы, Государь, вельможамъ ты повѣрилъ,
И самъ бы скорби ихъ пучины не измѣрилъ:
Чрезъ годъ бы здѣшній край на вѣки запустѣлъ,
И поздно бѣ ихъ спасать, хотя бы ты хотѣлъ;
Стонали бѣ камни здѣсь, земля бы трепетала,
А лесть бы и тогда тебѣ хвалы сплетала!
Когда бы въ праздности ты былъ сихъ бѣдъ творцемъ,
Тебя бы нарекли ласкатели отцомъ».

То, что было возвышено и прекрасно въ идеяхъ мистическо-нравоучительного направленія и что мы уже видѣли въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Хераскова, — отрицательное отношеніе къ

войнѣ и кровопролитію и признаніе суетою земнаго величія и багатства,—мы встрѣчаемъ и въ «Россiadѣ». Вотъ, напримѣръ, какими (конечно, нѣсколько тяжелыми), но несомнѣнно возвышенными и одушевленными стихами изображается въ поэмѣ битва:

«Катятся тамъ главы, ліются крови рѣки,
И человѣчество забыли человѣки!
Что было бъ варварствомъ въ другія времена,
То въ полѣ сдѣлала достоинствомъ война.
Отрубленна рука, кровавый мечъ держаща,
Ни страшная глава, въ крови своей лежаща,
Ни умирающихъ прискорбный сердцу стонъ,
Не могутъ изъ сердецъ изгнать свирѣпства воинъ.
За что бы не хотѣль герой принять короны,
То дѣлаетъ теперь для царства обороны».

(Твор. Хераскова, ч. I, стр. 217).

Также прекрасно и возвыщенно высказываетъ Херасковъ, въ началѣ 1-й пѣсни и въ пѣсни 7-й, мысль о духовномъ равенствѣ людей, о тщетѣ земнаго блеска, о сущности земной жизни:

«Какимъ превратностямъ подверженъ здѣшний свѣтъ!
Въ немъ блага твердаго, въ немъ вѣрной славы нѣть.
Великіе моря, лѣса и грады скрылись,
И царства многія въ пустыни претворились;
Гремѣлъ побѣдами, владѣлъ вселенной Римъ,
Но слава Римская исчезла яко дымъ.
И небо никому блаженства не вручало,
Котораго бѣ лучай ничто не помрачало.
Не можетъ счастія не меркнуть красота,—
И въ солнцѣ и въ лунѣ есть темныя мѣста!»

(Пѣснь 7-ая).

Въ началѣ 1-й пѣсни поэмы Херасковъ, слѣдуя правиламъ ложно-классической теоріи поэзіи, говоритъ о содержаніи своего произведенія, и при этомъ довольно своеобразно обращается съ воззваніемъ къ «вѣчности»:

«Отверзи, вѣчность! мнѣ селеній тѣхъ врата,
Гдѣ вся отвержена земная суета,
Гдѣ души праведныхъ награду обрѣтаютъ,
Гдѣ славу, гдѣ вѣнцы щадкою почитаютъ,
Передъ усыпаннымъ звѣздами алтаремъ
Гдѣ рядомъ предстоятъ послѣдній рабъ съ царемъ,
Гдѣ бѣдный нищету, несчастный скорбь забудеть,
Гдѣ каждый человѣкъ другому равенъ будетъ.
Откройся, вѣчность, мнѣ, да лирою моей
Вниманье привлеку народовъ и царей!»

Нѣсколько далѣе въ той же 1-й пѣсни тѣнь князя Александра Тверского «вѣщаєть» царю Иоанну такого рода нравственную истину:

«Ты властенъ все творить, тебѣ вѣщаешь лесть;
Ты — рабъ отечества, вѣщають долгъ и честь».

(Пѣснь I, стр. 8).

Подобная приведеннымъ возвышенная мысли, будучи выражениемъ, главнымъ образомъ, нравственной стороны того литературного и жизненного направления, которому служилъ Херасковъ, отчасти вытекали и изъ мистическихъ вѣрованій этого направления. Мистицизмъ — явленіе обоюдоострое: порой приводить онъ къ идеямъ и представлѣніямъ мрачнымъ, грубымъ или наивно-смѣшнымъ, порой подымаетъ человѣка на духовную высоту.

Мистическое, чудесное, подобно тому какъ и нравоученіе, проходитъ черезъ все содержаніе «Россіады». Царю Иоанну являются въ видѣніяхъ князь Александръ Тверской, св. Софія; какой-то таинственный старецъ дарить Иоанну чудесный щитъ, долженствующій направлять царя къ добру и потускнѣть отъ его порока. На помошь русскимъ войскамъ сходять съ неба св. братья князья Борисъ и Глѣбъ. Царица казанская Сумбека совершає чары. И вотъ здѣсь, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, выступаетъ передъ нами отрицательная сторона мистицизма Хераскова: съ такимъ одушевленіемъ повѣствуетъ поэтъ о чаракъ Сумбеки, такъ серьѣзно противополагаетъ онъ имъ дѣйствіе Божіей благодати и силы, что читатель недоумѣваетъ: не вѣрить волшебству и чародѣйству самъ авторъ поэмы, или наивно вѣрить ему? Почти такое же недоумѣніе возбуждаютъ и на каждомъ шагу встрѣчающіяся въ поэмѣ олицетворенія отвлеченныхъ нравственныхъ понятій: трудно сказать, поэтические ли тропы и фигуры передъ нами, или искреннія вѣрованія автора? Олицетворенія эти по большей части неизящны и даже грубы. Вотъ, напримѣръ, какими чертами нарисовано «Безбожіе»:

«Есть бездна темная, куда не входить свѣтъ,
Тамъ, всѣхъ источникъ золъ, Безбожіе живетъ;
Оно геэнскими окружено струями,
Піеть кипящій ядъ, питается змѣями;
Простерли по его нахмуренну челу
Развратны помыслы печали, горестъ, мглу;
Отъ вѣчной зависти лице его желтѣеть;
Съ отравою сосудъ въ рукѣ оно имѣеть;
Устами алчными коснется кто сему,
Противно въ мірѣ все покажется тому;
Безбожіе войны въ семъ мірѣ производить,
Рукой писателей неблагодушныхъ водить
И, ядомъ напоивъ ихъ каменны сердца,
Велитъ имъ отрыгать хулы противъ Творца».

(Ч. I, стр. 130).

Вотъ черты, указывающія, что «Россіада» по духу и содержанію своему есть поэма мистическо-нравоучительная.

Но, отдавшись, какъ истинный масонъ, всей душой такому направлению, Херасковъ и въ первой эпической поэмѣ своей все-таки остается русскимъ человѣкомъ и патріотомъ. Любовь къ родной землѣ проникаетъ все произведеніе, выражаясь не только наивностями (въ родѣ того, что поэтъ заставляетъ убитыхъ татаръ лежать лицемъ внизъ, между тѣмъ какъ всѣ убитые русскіе лежать вверхъ лицемъ), но и серѣзно, и порой горячо. Херасковъ имѣлъ право сказать про свою поэму въ предисловіи къ ней:

«Читатель! ежели, проходя всѣ сіи бѣдства нашего отечества, сердце твое кровью не обливается, духъ твой не возмутится и, наконецъ, въ сладостный восторгъ не придетъ, — не читай мою Россіаду — она не для тебя — писана она для людей, умѣющихъ чувствовать, любить свою отчизну и дивиться знаменитымъ подвигамъ своихъ предковъ, безопасность и спокойство своему потомству доставившихъ». (Т. I, стр. XVIII).

4.

„Владимиръ“.

Другая эпопея — «Владимиръ» — написана Херасковымъ въ 1785 году, т. е. шестью годами позже «Россіады». Въ этотъ промежутокъ времени Херасковъ еще дальше ушелъ въ духъ своего направлія. Содержаніе для «Владимира» выбралъ онъ болѣе удачно, чѣмъ для первой поэмы: крещеніе князя Владимира и русскаго народа есть дѣйствительно величайшее историческое событие и потому совершенно подходитъ къ одному изъ главнѣйшихъ требованій теоріи «эпической поэмы». Но, сочиняя «Владимира», поэтъ уже мало думалъ о героическомъ и не заботился объ его изображеніи; у него были совсѣмъ другія цѣли. «Владимиръ» есть поэма совершенно мистическая и аллегорическо-нравоучительная. Самъ авторъ въ предисловіи къ своему творенію выдѣляетъ его изъ ряда эпопеи; онъ говоритъ:

«Ежели кто будетъ имѣть охоту прочесть моего Владимира, тому совсѣмъ, наипаче юношеству, читать ону не какъ обыкновенное эпическое твореніе, гдѣ, по большей части, битвы, рыцарскіе подвиги и чудесности воспѣваются; но читать какъ странствованіе внимательного человѣка путемъ истины, на которомъ срѣтается онъ съ мірскими соблазнами, подвергается многимъ искушеніямъ, впадаетъ во мраки сомнѣнія, борется со врожденными страстями своими, наконецъ преодолѣваетъ самъ себя, находитъ стезю правды и, достигнувъ просвѣщенія, возвращается». (Творенія Хераскова, т. II, стр. II).

Поэтъ самъ довольно точно опредѣляетъ въ томъ же предисловіи общій смыслъ поэмы; онъ говоритъ, что старался въ ней разъяснить «сокровенные чувствованія души, съ самой собою борющейся». — Въ концѣ предисловія онъ указываетъ на то, что, слав-

гая свое творение, онъ пользовался и соотвѣтственными поставленной цѣли источниками:

«Многія духовныя книги въ моемъ сочиненіи мнѣ руководствовали, многое отъ бесѣдованія съ юломудренными людьми я заимствовалъ, многое собственнымъ позналъ опытомъ».

Содержание поэмы «Владимиръ» въ краткихъ чертахъ таково: варягъ-христіанинъ убѣждаетъ князя Владимира креститься. Жрецы, въ отмщеніе за это, убиваютъ варяга и его сына; изъ служителей язычества особенно выдаются своей ревностью чародѣй Зломиръ и верховный жрецъ Пламидъ. Между тѣмъ, въ душу Владимира уже запало сѣмя духовной истины. Но жрецамъ помогаютъ сами боги: они собираются на совѣщеніе въ храмѣ сластолюбивой Лады, и здѣсь, по предложенію Перуна, решаютъ дѣйствовать на Владимира соблазнами любви. Они достигаютъ того, что Владимиръ, дѣйствительно, влюбляется въ красавицу Версону, у которой уже есть женихъ, христіанинъ какъ и она, Законестъ. Но, хотя страсть овладѣла было душой князя, добро, однако, восторжествовало въ ней: Владимиръ самъ способствуетъ браку Законеста и Версоны и отпускаетъ ихъ на свободу — жить, гдѣ они хотятъ. Счастливые супруги поселяются въ блаженной райской мѣстности на берегу Днѣпра, живутъ здѣсь вполнѣ духовной жизнью, и тѣла ихъ преображаются, просвѣтляются, дѣлаются сияющими и прозрачными, какъ у Адама и Евы до грѣхопаденія. — Владимиру приходитъ однажды мысль посѣтить Законеста и Версону. Старецъ Идолемъ даетъ ему таинственный свѣтильникъ, который долженъ на пути предохранять князя отъ разныхъ соблазновъ, предотвращать эти соблазны, и Владимиръ пускается въ дорогу. Въ это самое время къ Кіеву приближается Киръ, «пастырь вѣрныхъ душъ», который идетъ къ князю Владимиру, чтобы просвѣтить его христіанскою вѣрой. Язычники направляютъ тогда всѣ свои силы противъ Кира, и Зломиру удается обмануть его и за переть въ пещеру. Но самъ апостолъ Андрей освобождаетъ его и приводить затѣмъ къ Законесту и Версонѣ. Между тѣмъ, Владимиръ на пути своемъ встрѣчается съ соблазнами: его пытаются увлечь три женщины — олицетворенія любостяженія, гордости и плотоугодія; на него идетъ еще одно «чудовище», которому поэтъ даетъ имя — «умственность здѣшня міра»; но, руководимый и спасаемый своимъ чудеснымъ свѣтильникомъ, Владимиръ побѣждаетъ враговъ, достигаетъ цѣли своего путешествія и встрѣчается съ Киромъ. Киръ разсказываетъ ему обѣ адѣ. Владимиръ задумывается, но еще колеблется принять христіанство: онъ говоритъ Киру, что народу тяжело будетъ разстаться съ вѣрой предковъ, и просить проповѣдника подождать «малое время». — По возвращеніи Владимира въ Кіевъ изъ странствованія военачальникъ Рогдай требуетъ, чтобы князь предпринялъ походъ на Херсонесъ; онъ

говорить, что греки хитры, что они грабятъ суда и пловцовъ российскихъ, что они, «нарушивъ договоръ, Россіянъ въ плѣнъ берутъ». Владіміръ соглашается съ Рогдаемъ, идетъ въ походъ, осаждаетъ городъ Херсонесъ, и вмѣстѣ съ этимъ сватается за сестру императоровъ византійскихъ — Анну. Греческая царевна согласна выйти за Владіміра, но условіемъ брака ставить принятие русскимъ княземъ христіанства. Тогда Владіміръ решается, наконецъ, креститься. И вотъ настаетъ послѣднее испытаніе: Киръ приказываетъ князю идти въ полночь въ христіанскій храмъ, куда будетъ указывать ему путь звѣзда; онъ говоритъ:

«Гряди единъ въ нощи, гряди къ святыму храму,
Звѣзда къ нему тебѣ явить дорогу прямую;
Но глазъ не обращай къ мірскимъ вещамъ назадъ:
Готовить новые тебѣ соблазны адъ».

(Ч. II, стр. 274).

Въ самомъ дѣлѣ, чародѣй Зломіръ входитъ въ соглашеніе съ Рогдаемъ, и они хотятъ помѣшать Владіміру найти истину. Имъ удается, принявъ видъ отшельниковъ, завлечь князя въ языческій храмъ, и тамъ они начинаютъ учить его, что онъ долженъ имъ повиноваться. Владіміръ, думавшій первоначально, что попалъ туда, куда посыпалъ его Киръ, сознаетъ свою ошибку и не поддается соблазну. Побѣдивъ на дальнѣйшемъ пути еще рядъ искушеній, онъ наконецъ приходитъ въ просто устроенную, безъ всякой роскоши, христіанскую церковь. Лазурная завѣса скрываетъ отъ глазъ князя златой престолъ этого храма. Владіміра береть любопытство, и онъ отдергиваетъ завѣсу; въ тотъ же моментъ онъ теряетъ зрѣніе. Тогда наступила минута полного его обращенія: князь приносить Богу искреннее раскаяніе въ грѣхахъ, зоветъ къ себѣ Кира. Крещеніе испѣляетъ Владіміра, возвращаетъ ему зрѣніе. Затѣмъ повѣствованіемъ о бракѣ князя съ царевной Анной заканчивается поэма.

Херасковъ попытался нарисовать въ своемъ произведеніи характеръ князя Владіміра. Попытку эту нельзя назвать, съ художественной точки зрѣнія, удачной. Но интересно посмотреть, какія черты отмѣтилъ авторъ въ герое поэмы.— Главные недостатки Владіміра-язычника—славолюбіе и женолюбіе; онъ

«То громъ войны любилъ, то женски красоты».

Но и тогда уже высокая душа его чувствовала ложь подобныхъ увлеченій; онъ говорить въ началѣ поэмы, раскаяваясь въ своихъ грѣхахъ:

«Князь ли я? Не князь я—подлый рабъ!
На тронѣ сиденъ я, но въ духѣ малъ и слабъ;
Мнѣль властовать людьми!.. собою не умѣю!

Владытелемъ земнымъ я славлюся вотще;
Я только бѣдный есмь невольникъ подлой страсти;
Полночныи Государь у слабыхъ женъ во власти!

(Т. II, стр. 39).

Владиміръ отличается здравымъ практическимъ смысломъ и разумной осторожностью. На предложение варяга-христіанина принять «Христовъ законъ», онъ отвѣтаетъ:

«О старче! я есмь Царь, но есмь и человѣкъ;
Мнѣ трудно во плоти безгрѣшнымъ учиниться;
Но праведнымъ хощу закономъ просвѣтиться;
Достигнуть зрѣлости не можетъ вдругъ никто:
Потребны опыты и время мнѣ на то».

(Т. II, стр. 6).

По отношенію къ подданнымъ Владимиrъ—князь добрый, кроткий и любящий. Вопросъ о принятіи истинной вѣры для него не личный только вопросъ, но дѣло народное; поэтъ говоритъ про него:

«Отъ подданныхъ любимъ, онъ подданныхъ любилъ;
Въ болѣзненномъ тогда страданьи возопиль:
Тотъ подданныхъ врагомъ и недругомъ явится,
Кто можетъ ихъ спасти, но ихъ спасать не тщится!»

(Т. II, стр. 27).

Мистицизмъ и нравоученіе тѣсно и неразрывно сливаются въ поэмѣ «Владиміръ».—Когда мистицизмъ есть проявленіе истинной вѣры, тогда онъ, дѣйствительно, можетъ служить основаніемъ нравственности, правды; тогда онъ не противорѣчитъ и разуму. Иное совсѣмъ дѣло, когда мистицизмъ есть выраженіе вѣрованій ложныхъ и фанатическихъ. И вотъ въ этомъ послѣднемъ видѣ онъ и является, въ большинствѣ случаевъ, во второй эпопеѣ Хераскова. Мы видѣли въ «Россіадѣ» странное олицетвореніе поэтомъ отвлеченныхъ понятій въ грубыхъ и непривлекательныхъ образахъ. Странность такихъ олицетвореній еще ярче бросается въ глаза во «Владимірѣ». Вотъ, напримѣръ, какой образъ далъ Херасковъ ненависти:

«Тамъ ненависть, людей, ни Бога не любя,
Терзаетъ грудь свою и юсть сама себя;
Но паки внутренна ко скорбямъ въ ней родится
И паки пищею свирѣпства становится».

(2 пѣснь, стр. 17).

Особенно замѣчательно и любопытно, въ ряду подобныхъ олицетвореній, отношеніе автора «Владиміра» къ дѣятельности ума человѣческаго, къ духу любознательности и пытливости. Какъ ревностный масонъ, Херасковъ отрицательно смотрѣть на эту сторону духовной жизни человѣка. Особенно ненавистенъ ему скептицизмъ; сомнѣніе считаетъ онъ порожденіемъ дьявола, грубѣйшей частью

мнѣній врага человѣческаго рода. Въ 10-й пѣсни поэмы мы встрѣчаемъ стихи:

«О! кто чудовище такое породилъ?
 Кто ввилъ его въ сердца и въ мысляхъ расплодилъ?
 То видя злость свою врагъ Божій истощенну
 И на главу его всю ярость обращенну,
 Изъ мнѣніевъ своихъ грубѣйшу часть извлекъ,
 Одушевилъ ее, сомнѣніемъ нарекъ;
 И мрака въ пеленахъ едва она явилась,
 О бытіи своемъ во свѣтѣ усомнилась.
 Взирая на него, сего грѣха отецъ
 Въ сомнѣніе пришелъ, что онъ ея творецъ;
 Сомнѣнью тѣсенъ адъ, изъ бездны адской вскорѣ
 На землю потекло и разлилось какъ море».

(Стр. 138).

И не только сомнѣніе, поэту ненавистна вообще «умственность» человѣческая. Вотъ ея образъ въ поэмѣ:

«Чудовище огонь и дымъ изъ устья метало;
 Коснувшись облаковъ главой своей, оно
 Изъ тварей въ мірѣ всѣхъ казалось сложено;
 Стихіи бурныхъ въ немъ звѣлися смѣшены,
 То живы видѣлись, то жизни вдругъ лишены;
 То будто чистый день сияли красотой,
 То нощи пасмурной мрачились густотой;
 На немъ и рубища, на немъ была порфира,
 Кто былъ то? — умственность была то адѣнія міра».

(6 пѣснь, стр. 80).

Ужаснымъ представляется Хераскову духъ «пытливости» человѣческаго разума; поэтъ высказываетъ такое убѣжденіе:

«Что тайнъ Божественныхъ завѣсой покровенно,
 Въ то смертныхъ проникать грѣшно и дерзновенно».

(18 пѣснь, стр. 291).

Когда князь Владимиръ въ поэмѣ входить въ храмъ, гдѣ душа его должна просвѣтиться и очиститься, его начинаетъ одолѣвать страшное искушеніе:

«Въ немъ духъ пытливости разсудокъ возжигаетъ.
 Представилъ сладкимъ онъ Адамовъ мрачный грѣхъ,
 Естественнѣй другихъ, но пагубнѣйшій всѣхъ».

(18 пѣснь, стр. 290).

Идя по ложной дорогѣ, мистицизмъ эпопеи «Владимиръ» гравитируетъ съ фантастическими бреднями. Мы встрѣчаемъ въ поэмѣ масонскія вѣрованія, вѣрованія въ разложеніе (а слѣдовательно и приготовленіе) золота и серебра, въ алхимію, астрологію, магію. Старецъ Идолемъ ведеть князя Владимира въ идеальную страну, и князь видить тамъ удивительныя вещи и явленія:

«Тамъ солнечны лучи, во златѣ заключены,
Блистаютъ, изъ цѣпей тѣлесныхъ извлечены;
Освобожденная душа сребра видна,
Блистающая такъ, какъ свѣтлая луна;
Металлы, получивъ изъ пѣна ихъ свободу,
Изображаютъ тамъ одну кристальную воду;
Всѣ вещи видимы душевныхъ для очей
Во первобытности существенно своей».

(7 пѣснь, стр. 93).

Описывая языческие обряды и осуждая ихъ, авторъ «Владимира» высказываетъ мысль, что

«Не сокровенную, священную магію,
Но черную ввели язычники въ Россію»,

(Стр. 125).

т. е. онъ признаетъ существованіе и могучее дѣйствіе масонской магії. Онъ признаетъ и влияніе звѣздъ на дѣла человѣческія, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ начало 6-й пѣсни поэмы:

«Воздушной въ глубинѣ неизмѣримой бездны,
Гдѣ силу естества питають круги звѣздны,
И перстомъ Божіимъ посвяянное въ нихъ
На шаръ земный течетъ росой вліяніе ихъ»...

и т. д.

Подобныя мѣста эпопеи напоминаютъ намъ масонскія книги въ родѣ «Химической псалтыри», — книги, въ которыхъ орденское ученіе выразилось въ нелѣпыхъ крайностяхъ своихъ странныхъ вѣрованій.

Эти вѣрованія масоновъ, какъ мы знаемъ, граничатъ съ грубымъ материализмомъ. И дѣйствительно, въ эпопеѣ «Владимѣръ» мы встрѣчаемъ (хотя и не часто) материализмъ не только въ масонскихъ формахъ, но и въ иномъ видѣ. Таково, напримѣръ, то мѣсто произведенія, где разсказывается, какъ юнаго князя Всеволода соблазняли пиры и красавицы. Только таинственное зеркало, которымъ обладалъ Всеволодъ, спасло его отъ искушеній: личную нравственную силу и доблѣсть человѣка Херасковъ считаетъ ничтожными передъ могуществомъ земнаго соблазна; онъ говоритъ:

«Опустимъ завѣсу для нашихъ скромныхъ глазъ,
Да прелестъ здѣшнихъ мѣстъ не соблазняетъ насъ;
Мы добры съ твердыми, съ строптивыми слабѣемъ,
Притомъ и зеркала стальнаго не имѣемъ.
Когда бы и Всеволодъ зерцала не имѣлъ,
Давно бы къ Нимфамъ онъ въ бесѣду полетѣлъ».

(12 пѣс., стр. 172).

Нравственная слабость масонства, его боязнь борьбы со зломъ и нежеланіе этой борьбы сказались здѣсь въ ревностномъ послѣдователѣ вольнаго каменщичества Херасковѣ.

Но, не смотря на все это, не смотря на то, что эпопея «Владимиръ» далеко ушла въ духѣ ложной стороны мистическо-нравоучительного направлениія, въ ней выразились, однако, и тѣ свѣтлыя идеи направлениія, которыя мы видѣли, напримѣръ, въ «Россіадѣ». — Авторъ «Владимира» тоже высказываетъ порою, и притомъ съ истиннымъ одушевленіемъ, мысль о тщетѣ и суетности земныхъ благъ, всего земнаго и времененнаго. Въ 14-й пѣсни описывается, какъ ночь, наступившая послѣ сраженія, скрыла подъ своимъ покровомъ и побѣдителей, и побѣжденныхъ, затмила славныя и неславныя дѣла; это наводить поэта на размыщеніе о непрочности земнаго человѣческаго счастія; онъ говоритъ:

«Такъ мѣра при концѣ дѣянія людей
Лишатся всѣхъ торжествъ и пышности своей;
Все будетъ въ вѣчности разрушено, смѣшенно;
Лишь сердце чистое не будетъ погашено».

(Стр. 198).

Въ другомъ мѣстѣ поэмы, въ пѣсни 17-й, мы встрѣчаемъ возвышенную мысль:

«Почувствуй всякъ теперь, кто златомъ ослѣпленъ,
Коль бѣдный прахъ оно, какой при нуждѣ тлѣнъ».

(Стр. 261).

Суetu и тлѣнъ видитъ Херасковъ и въ завоевательныхъ мечтахъ и стремленияхъ героевъ. Юный сынъ Владимира Всеиводъ нашелъ въ таинственной долинѣ камни съ надписями именъ знаменитыхъ воителей; между прочими прочель онъ и имя Александра Македонскаго. Великій герой Греціи вызвалъ изъ души поэта такие стихи:

«Александръ, вселенной побѣдитель,
Спокойства своего и ближняго рушитель;
Ему казалася вселенная тѣсна,
Но скрыла прахъ его земли пядень одна».

(13-я пѣснь, стр. 183).

Непорочность и чистота сердца, — вотъ, по мнѣнію Хераскова, единственныя вѣрныя блага на землѣ. Для человѣка съ непорочнымъ сердцемъ пустыня обращается въ вертоградъ, темница и даже самый адъ — въ спокойствіе.

Земное величіе — тоже суeta. «Пастырь вѣрныхъ душъ» Киръ говоритъ князю Владиміру:

«Душевной гордостью, о князь! прельщенъ не буди;
Предъ Божіимъ судомъ равны, равны всѣ люди:
Вельможа, рабъ и царь сіяютъ въ Богѣ тамъ;
Не по величеству, Онъ судить по дѣламъ».

(Стр. 114).

«Едину всѣмъ отверзъ Господь къ Себѣ дорогу,
Пастухъ и царь идутъ чрезъ тѣсны двери къ Богу.

Люби, люби людей, терпи, храни смиренье,
Душа твоя и плоть получать озаренье».

(Стр. 117).

Если въ «Россiadѣ» замѣтна наивность историческихъ взгля-
довъ Хераскова, то эта наивность, конечно, должна была про-
явиться, и еще ярче, и во «Владимирѣ», поэмѣ аллегорического
характера и совершенно мистической. Мы это и видимъ. Такъ,
напримѣръ, Херасковъ, совершенно убѣжденъ въ существованіи въ
древней Руси организованного сословія жрецовъ; жрецы эти пред-
ставляются ему чрезвычайно могущественными и притомъ обман-
щиками, лицемѣрно поддерживающими въ народѣ вѣру въ идоловъ.
А самое язычество называетъ онъ суевѣремъ. Поэтъ говоритъ про
«Россіанъ»:

«Толика ихъ была велика слѣпота,
Что вѣра въ идоловъ казалась имъ свята;
Жрецы мечту сю питали лицемѣрствомъ,
Народъ поддерживалъ постыднымъ суевѣрствомъ».

(Пѣснь 4-я, стр. 42).

И боговъ у нашихъ предковъ Херасковъ зналъ больше, чѣмъ
ихъ было въ дѣйствительности; въ поэмѣ упоминаются: Хорсъ,
Семиргль, Купало, Зничъ, Лада, Дажбо, Чернобогъ и другіе.

Въ признаніи жрецовъ сознательными обманщиками мистикъ
Херасковъ сопелся съ разсудочными воззрѣніями вольтеріанцевъ.
Интересно, что онъ сошелся съ вольтеріанцами и во взглядѣ на
народъ и отношеніе къ нему царской власти. Народъ въ поэмѣ
«Владимирѣ» названъ «унылымъ рабомъ закоренѣлыхъ мнѣній»;
народъ — это стадо, царь — его стражъ; царь — вѣтвистое древо, на-
родъ — его тѣнь.

Оканчивая разсмотрѣніе поэмы «Владимирѣ», мы должны обра-
тить вниманіе еще на одну, очень важную черту въ ней.

Не смотря на всю отвлеченность, на чрезвычайное отдаленіе отъ
жизни своей второй эпопеи, Херасковъ, однако, и въ ней не могъ
не проявить присутствія въ своей душѣ народныхъ началъ, хотя
это проявленіе и не такъ ярко, какъ въ «Россiadѣ». Оно сказалось,
во-первыхъ, въ любви поэта къ родному народу; такъ, напримѣръ,
въ одномъ мѣстѣ поэмы онъ высказываетъ увѣренность, что каж-
дый русскій человѣкъ готовъ жизнью постоять за родину:

«Полночны жители такого свойства суть,
Что къ бранямъ завсегда у нихъ готова грудь;
Оставя въ полѣ плугъ, изъ самыхъ нѣдръ покоя
Преображается оратель во героя».

(Стр. 149).

Конечно, въ этихъ стихахъ Херасковъ довольно наивно изображаетъ русскихъ народомъ воинственнымъ; но въ нихъ несомнѣнно слышится вѣра въ родной народъ.

Другою народной чертой, проявившейся въ эпопѣ, надо считать здравый смыслъ, трезвый умъ, сказавшійся въ осужденіи по-этомъ фанатизма, — осужденіи, которое можетъ показаться даже страннымъ послѣ всѣхъ тѣхъ мистическихъ бредней и фантастическихъ вѣрованій, которыми переполнена поэма.

Вотъ какъ разсказываетъ Херасковъ о фанатизмѣ (образъ которого видѣлъ Владимиръ въ храмѣ) и о томъ, какъ князь отрекся съ негодованіемъ отъ служенія этому фанатизму. Негодованію Владимира, очевидно, сочувствуяеть самъ поэтъ:

«Свирѣпый фанатизмъ въ десной рукѣ держалъ
Багровой кровью дымящійся кинжалъ;
Перуны грозные у ногъ его лежали,
Передъ лицемъ его поклонники дрожали;
Но взоромъ иногда онъ смертныхъ обольщалъ,
И вдругъ, нахмуривъ взоръ, клевретамъ такъ вѣщаля:
Глаголамъ кто моимъ не внемлетъ и не вѣритъ,
Отринуть будетъ мнай и весь мой гнѣвъ измѣритъ...
* * * * *
Владимиру гласятъ: отсель не исходи!
Къ стопамъ небеснаго могущества пади.
Владимиръ въ духѣ твердъ, Владимиръ не слабѣть,
И преклонить колѣнъ стремленья не имѣть;
Не благочестіе, развраты въ мракѣ зритъ.
«Не преклоню колѣнъ! — отважно говорить.
«Христовъ законъ людей не тяготить, не мучить,
Онъ ближняго любить, не ненавидѣть учить;
Отколѣ взяли вы преданья таковы?
Мессія весь любовь, не милосерды вы».

(18-я пѣснь, стр. 282 и 283).

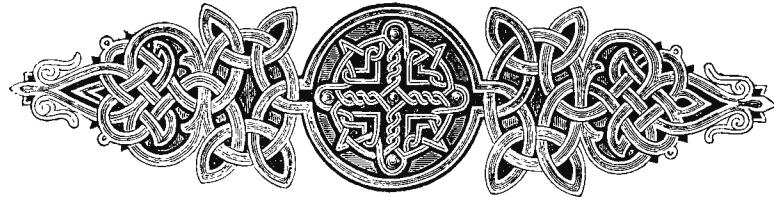
Таковъ Херасковъ въ главныхъ своихъ произведеніяхъ. Масонъ, сильно увлекшійся орденскимъ ученіемъ, онъ былъ въ своей литературной дѣятельности несомнѣннымъ, яркимъ и полнымъ представителемъ мистическо-нравоучительного направлениія, пришедшаго къ намъ съ Запада вмѣстѣ съ масонствомъ. Онъ увлекся всѣми существенными идеями и положеніями этого направлениія, истинными и ложными, добрыми и злыми. Мы видѣли въ его сочиненіяхъ, съ одной стороны, ложный мистицизмъ, порой доходящій до грубыхъ мечтаній и вѣрованій крайняго масонства, отвлеченное нравоученіе, холодное и сухое, чуждающееся жизни, борьбы, гнѣва и негодованія, нравоученіе, впадающее въ проповѣдь эгоизма подъ видомъ боязни осудить ближняго; съ другой стороны, передъ нами

высказывались въ его «твореніяхъ» и возвышенныя мысли о тщетѣ и суетности земнаго блеска, величія, славы, могущества и богатства, мысли о лжи завоевательныхъ стремленій и о духовномъ равенствѣ всѣхъ людей, знатныхъ и незнатныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ...

Подобно своимъ литературнымъ товарищамъ, писателямъ современникамъ, увлекавшимся инымъ направленіемъ умственной жизни, служившимъ скептическо-материалистическимъ идеямъ, Херасковъ доходилъ до крайности въ своемъ увлечениіи иноземными вліяніями и вѣяніями, въ своемъ примѣненіи этихъ вѣяній къ русской литературѣ и жизни. Но, подобно тому, какъ и тѣ писатели, увлекаясь чужимъ и искренно переживая его, Херасковъ оставался, однако, человѣкомъ русскимъ, не теряя вполнѣ почвы подъ ногами: мы видѣли, въ самыхъ даже отвлеченныхъ и далекихъ отъ русской дѣйствительности, произведеніяхъ его и теплую любовь къ родной землѣ, и выраженіе народныхъ началь, безсознательно жившихъ въ его душѣ. Отъ этого выходили въ его сочиненіяхъ противорѣчія; но Екатерининская эпоха еще не была временемъ гармоническаго сліянія въ нашей литературѣ чужихъ, пришлыхъ стихій духовной жизни съ нашими родными. Этому препятствовала, конечно, и самая страстьность, съ какой усвоивали себѣ и переживали въ своей душѣ чужія начала наши писатели. Но въ этомъ не было, однако, ошибки: чтобы усвоить доброе и полезное изъ чужой жизни, надо искренно и горячо пережить самую эту чужую жизнь; и если, переживая ее, мы не перестаемъ быть въ то же время самими собою, то въ концѣ концовъ чужое очистится въ насъ отъ того, что было въ немъ ложного, и сольется съ нашимъ роднымъ, помогши и ему освободиться отъ примѣси неправды.—Херасковъ увлекался до крайности пришлыми начальами, какъ и другіе наши писатели... Но есть небезъосновательное мнѣніе, что и въ самой крайности увлеченій русскихъ людей скаживается одно изъ оригинальныхъ и самобытныхъ свойствъ нашей народности.

А. Незеленовъ.

ВОСПОМИНАНІЯ СТАРАГО ЛИТЕРАТОРА.

В ИЗВѢСТНЫЕ годы, когда обыкновенно подводятся уже итоги прожитому, долгъ каждого общественного дѣятеля позаботиться о томъ, чтобы сохранить для будущаго все то, что случилось въ его жизни, имѣющаго значеніе или интересъ для общества или литературы.

Достигнувъ такихъ лѣтъ и я, въ свою очередь, не желаю унести съ собою тотъ житейскій скарбъ, который можетъ принести пользу будущимъ дѣятелямъ при разработкѣ исторіи нашей литературы за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ (съ 1837 по 1887), въ которыхъ я былъ очевидцемъ многаго, зналъ и слышалъ о многомъ, самъ дѣйствовалъ на этой аренѣ и испыталъ многое... Словомъ, я рѣшился подѣлиться съ обществомъ моими воспоминаніями о прожитомъ, озаглавивъ ихъ: «Воспоминанія старого литератора», где въ видѣ отдѣльныхъ статей, подъ отдѣльными заголовками, будутъ появляться мои рассказы о прошломъ въ области русской литературы и прежнихъ ея дѣятеляхъ, изъ которыхъ лишь немногіе еще живы.

Къ такому рѣшенію привели меня, имѣвшія успѣхъ, судя по слышаннымъ мною отзывамъ, мои воспоминанія о Сенковскомъ, Ушинскомъ, Дружининѣ, В. Д. Яковлевѣ, Дудышкинѣ, Монферранѣ и Зинаидѣ Р..... (Е. А. Гань).

Первый появляющійся здѣсь очеркъ изъ моихъ воспоминаній я назвалъ: «Встрѣчи и знакомства».

Считаю нужнымъ замѣтить здѣсь кстати, что первомъ моимъ будетъ руководить одно доброжелательство и правда, и обо всемъ будетъ говориться — *sine ira et studio....*

I.

ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА.

Перейдя въ маѣ 1840 года на третій курсъ въ Петербургскомъ университѣтѣ, яѣздила за границу и, пробывъ тамъ пять мѣсяцевъ, въ концѣ октября, возвратился въ Петербургъ и стала посѣщать лекціи.

Въ первыхъ числахъ декабря, во время антракта между лекціями, субъ-инспекторы Вакаръ и Грессеръ, подозревавъ меня, къ величайшему моему изумленію, спросили: не желаю ли я опятьѣзжать за границу.

— Я недавно возвратился, — отвѣтилъ я: — а вы меня опять туда гоните.

— Нѣть, мы не шутимъ, — замѣтилъ Грессеръ: — вотъ въ чёмъ дѣло: напѣ посланникъ въ Берлинѣ, баронъ Мейендорфъ, чрезъ своего брата, который находится теперь здѣсь, барона Егора Мейендорфа, извѣстнаго своею поѣздкою въ Бухару, обратился къ университетскому начальству съ просьбой — рекомендовать ему хорошаго студента, который могъ бы приготовить двухъ его сыновей въ Пажескій корпусъ и выучилъ бы ихъ порусски; конечно, студентъ долженъ хорошо знать и нѣмецкій языкъ, чтобы могъ объясняться съ своими учениками.

— Какъ же я брошу университетъ и уѣду за границу? Эдакъ я испорчу всю свою карьеру...

— Вы можете посѣщать Берлинскій университетъ, — замѣтилъ Вакаръ.

— Это правда. Что жъ, я подумаю и завтра дамъ вамъ отвѣтъ.

— Мы думали, кого бы изъ нашихъ студентовъ можно было рекомендовать барону Мейендорфу, но близко мы никого не знаемъ и остановились на васъ. Вы уже были за границей, вы человѣкъ бывалый — вотъ почему мы къ вамъ обращаемся. Такъ завтра мы ждемъ отъ васъ положительного отвѣта, — сказалъ Грессеръ.

На другой день, прійдя въ университетъ, я объявилъ Вакару и Грессеру, что, обдумавъ хорошенько, я согласенъ отправиться къ нашему посланнику, въ Берлинѣ. Тогда Вакаръ передалъ мнѣ адресъ барона Е. К. Мейендорфа, жившаго временно въ домѣ Чаплина на углу Малой Морской и Невскаго проспекта, и письмо, которое я долженъ былъ передать барону.

— Пожалуйста, отправьтесь къ барону сейчасъ же, — прибавилъ Вакаръ. — Вы теперь застанете его дома; переговорите съ нимъ, а потомъ сообщите намъ, что у васъ сдѣлается.

Отправившись по данному адресу, я засталъ дома барона Мейендорфа, и прежде чѣмъ приведу его разговоръ со мною, скажу нѣсколько словъ о его личности.

Баронъ Егоръ Казимировичъ Мейендорфъ былъ человѣкъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ благородными, рыцарскими чертами лица, правильнаго германскаго типа, но какъ будто застывшими, до того лицо его было спокойно. Въ его немногого рыжеватыхъ волосахъ проглядывала уже сѣдина. Онъ былъ болѣе чѣмъ средняго роста, стройный, но плохо слышалъ и постоянно прибѣгалъ къ рожку... Порусски онъ говорилъ безукоризненно и былъ отлично и многосторонне образованъ.

Мы объяснились. Онъ сообщилъ мнѣ, что нужно его брату и условія, на которыхъ требовался молодой человѣкъ изъ университета. Я, въ свою очередь, сообщилъ ему свое curriculum vitae, по томъ о моей побѣзdkѣ за границу, изъ которой я только-что вернулся. Когда онъ спросилъ меня: знаю ли я понѣмецки на столько, чтобы могъ объясняться съ будущими учениками и понимать ихъ, я отвѣчалъ, что знаю языки: нѣмецкій, французскій и итальянскій, и говорю на нихъ. Тогда баронъ началъ говорить со мною понѣмецки и въ заключеніе прибавилъ:

— Я нахожу, что вы вполнѣ отвѣчаете требованіямъ моего брата, и надѣюсь, что онъ будетъ вами доволенъ. Вы же будете имѣть возможность прожить три-четыре года за границей, при хорошей обстановкѣ. Посѣщая Берлинскій университетъ, вы ничего не потеряете, оставляя здѣшній. Положимъ, что и здѣсь есть уже хороши профессора, но въ Берлинѣ—однѣ знаменитости, и вы, какъ юристъ, можете слушать лекціи Савинъ, Дирксена, Шталя и другихъ. Итакъ, дѣло у насъ съ вами покончено. Заявите объ этомъ вашему инспектору, Фицтуму, и поблагодарите его отъ меня за хорошую рекомендацио. Получивъ увольнительное свидѣтельство изъ университета и заграничный паспортъ, пожалуйте ко мнѣ и получите на дорогу сто червонныхъ (300 руб.). Думаю, этого будетъ для васъ достаточно?.. А теперь у меня есть къ вамъпросы: я имѣю въ сенатѣ дѣло и долженъ представить туда одну бумагу съ русскимъ переводомъ. Вотъ она—не велика, и, такъ какъ вы хорошо знаете нѣмецкій языкъ, пожалуйста, переведите ее какъ можно точнѣе, ближе къ подлиннику и доставьте завтра въ это же время. Тутъ немного труда.

Взявъ бумагу, я раскланялся и поспѣшилъ въ университетъ, гдѣ передалъ своимъ субъ-инспекторамъ все, какъ было, потомъ отправился съ Вакаромъ на верхъ къ инспектору Фицтуму, которому опять надо было повторить все съезнова. Онъ улыбнулся и сказалъ:— «Я очень радъ, что дѣло состряпалось; но покажите мнѣ бумагу, которую вамъ дали баронъ».

Я вынуль ее изъ бокового кармана и подалъ; Фицтумъ пробѣжалъ всю страницу, потомъ замѣтилъ:

— Какая-то тарабарщина... хотя я и нѣмецъ, но мало понимаю, въ чемъ дѣло... что-то юридическое; а такъ какъ—вы юристъ, вамъ и книги въ руки.— Затѣмъ онъ отдалъ мнѣ бумагу, прибавивъ:— Ступайте домой и садитесь за переводъ...

Пріѣхавъ домой, я принялъ читать бумагу: прочель разъ, прочель другой—ничего не понимаю. Слова все нѣмецкія, значеніе каждого слова знаю, за исключеніемъ мѣстныхъ юридическихъ терминовъ, но смысла, въ чемъ суть, не могу доискаться. Ай да баронт! настрочилъ бумажку!. Пропало, думаю себѣ, мое мѣсто! Не быть мнѣ въ Берлинѣ, не слушать лекцій Савинъ... Что мнѣ дѣлать? Словаря Павловскаго у меня нѣть, тѣ, что подъ рукой,— дрянь-дрянью. Хоть плачь... Знакомыхъ ученыхъ нѣмцевъ у меня нѣть; къ профессору Шнейдеру отправиться—неловко, да онъ и не согласится заняться со мною этимъ актомъ... Но попробую: что выйдетъ, то и будетъ.

Я присѣлъ къ столу и принялъ переводить. Работа оказалась каторжная! Бумага небольшая,—всего поль-писанаго листа. Я присидѣлъ за нею до шести часовъ вечера, не обѣдалъ даже и, наконецъ, перевелъ ее, какъ умѣль и смогъ. Прочель свой переводъ, но иностранныя слова, которыхъ не оказалось въ лексиконахъ, такъ и смотрѣть на меня съ ироническою улыбкою и будто говорить: что, братъ, не разгадать тебѣ, что мы такое! Тутъ я вспомнилъ, что у меня есть знакомый, отлично знающій нѣмецкій языкъ нѣкто Михаилъ Март. Лепка, моравецъ, бывшій профессоръ естественного права въ Ришельевскомъ лицѣї. Лепка очень любилъ меня, и мы были съ нимъ друзьями еще въ Киевѣ. Я отправился къ нему.

Пробѣжалъ подлинникъ, старый профессоръ объявилъ мнѣ категорически, что не понимаетъ, въ чемъ тутъ дѣло, хотя двѣнадцать лѣтъ провелъ въ Вѣнскомъ университетѣ и прослушалъ четыре факультета на нѣмецкомъ языкѣ. Я сталъ читать ему свой переводъ, и мы начали исправлять его... Наконецъ, Лепка вышелъ изъ себя и вскрикнулъ: «Эти провинціальныя юридическія слова, чортъ знаетъ, что они означаютъ! Это все мѣстное». Провозились мы съ нимъ до десяти часовъ; поправки вышли незначительныя, а эти проклятые термины торчали въ моемъ переводѣ, точно обгорѣлые трубы на пепелище...

Вернувшись домой, я сѣлъ за переписку начисто своего злополучного перевода, переписалъ его, по крайней мѣрѣ, три раза, и въ два часа ночи бросилъ все и легъ спать. На другой день, вставъ въ 8 часовъ, я опять перечиталъ свое произведеніе, сдѣлалъ нѣсколько новыхъ поправокъ и снова переписалъ его. Въ 11-ть часовъ я былъ уже у барона Мейендорфа, передалъ ему подлинникъ

и переводъ и ждалъ рѣшенія своей участіи. Баронъ раскрылъ бумагу, сталъ читать и по временамъ улыбался. Дочитавъ до конца, онъ сказалъ: «Очень хорошо, только вамъ неизвѣстны оставленные вами нѣмецкіе юридические термины. Они мѣстные. Я къ каждому изъ нихъ сдѣлаю примѣчаніе, въ которомъ объясню его, а перевести ихъ на русскій языкъ невозможно». И тутъ же для назиданія молодаго юриста, по своей особенной любезности, сталъ мнѣ объяснять эти термины, чтѣ продолжалось бѣтый часъ. Послѣ всего, баронъ Мейендорфъ еще разъ поблагодарили меня за трудъ и сказалъ, что теперь ждетъ меня съ заграничнымъ паспортомъ.

19-го декабря 1840 года, я явился къ барону Мейендорфу съ паспортомъ, получилъ отъ него обѣщанные мнѣ на дорогу сто червонныхъ и на другой же день отправился за границу къ его брату.

II.

Первое впечатлѣніе, произведенное на меня нашимъ посланникомъ барономъ П. К. Мейендорфомъ, было не совсѣмъ благопріятное. Онъ показался мнѣ сухимъ и сосредоточеннымъ; баронесса — австрійская аристократка, урожденная графиня Буоль-Шауэнштайнъ, была дама не видная, не выдающаяся, но держала себя гордо и серѣзно. Впослѣдствіи оказалось, что баронъ былъ хорошій и добрый человѣкъ, но часто страдавшій мигренью, и тогда ему было ни до чего... Любимымъ его предметомъ была минералогія; возился онъ постоянно съ профессорами Берлинскаго университета и тогдашними знаменитостями. Гумбольдтъ, Ранке и друг. бывали у него очень часто. Барона Мейендорфа уважали, но онъ держался нѣсколько уединенно. Когда баронъ замѣтилъ во мнѣ наклонность къ литературнымъ занятіямъ, то сталъ внимательнѣе, откровеннѣе, и я часто былъ имъ очень доволенъ, въ особенности, когда онъ не страдалъ своею мигренью.

П. К. былъ мягкаго характера, человѣкъ образованный, воспитанный, очень хорошо зналъ языки: русскій, нѣмецкій, французскій и испанскій, такъ какъ началъ свою дипломатическую службу при напемъ посольствѣ въ Мадридѣ. Какъ дипломатъ, баронъ Мейендорфъ не былъ Талейраномъ, потому что не умѣлъ хитрить, да это не было и въ его правилахъ. Ему не надо было ни выслушиваться, ни продавать себя, такъ или иначе; при томъ же, положеніе его было довольно щекотливое и трудное: съ одной стороны онъ былъ германско-рыцарскаго происхожденія, а съ другой — женихъ на австрійкѣ, притомъ на такой, отецъ которой, а потомъ и братъ были австрійцами до костей. Поэтому дипломатическое призваніе барона Мейендорфа было держаться политики примирительной, миролюбивой, какая подобаетъ съ сосѣдями, которые свя-

заны между собою узами, заставляющими ихъ nolens-volens жить постоянно въ мирѣ и добромъ согласіи...

Баронъ Мейендорфъ быль вполнѣ на свое мѣстѣ, какъ порядочный, спокойный и благоразумный посредникъ между тремя соѣдями. Тутъ не требовалось отъ него высокой дипломатической ловкости, да она и не могла имѣть здѣсь мѣста, когда русскій дворъ находился въ такомъ близкомъ родствѣ съ прусскимъ. Впослѣдствіи, когда у насъ дѣло дошло до войны съ Франціею и Англіею, т. е. до Крымской войны, императоръ Николай назначилъ барона Мейендорфа на постъ русскаго посла въ Вѣну, безъ сомнѣнія, разсчитывая на то, что онъ быль женатъ на родной сестрѣ австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, и мы можемъ положиться на Австрію, но наше правительство скоро убѣдилось, что на эти отношенія не слѣдовало разсчитывать. Австрія хитрила, первый ея министръ оказался самымъ неуступчивымъ австрійцемъ, и положеніе барона Мейендорфа въ Вѣнѣ было до того невыносимо, что боялись за его умственные способности, при постоянныхъ его столкновеніяхъ со своякомъ — графомъ Буолемъ Шауэнштейномъ. Безъ сомнѣнія, по особенной просьбѣ, онъ быль отозванъ и назначенъ начальникомъ императорскаго кабинета... и онъ до послѣдней минуты выдержалъ свой характеръ человѣка честнаго, неинтригана, не оставилъ по своей памяти никакого упрека, который бы ему можно было сдѣлать.

Баронъ Мейендорфъ быль ко мнѣ хорошо расположень, имѣлъ полное довѣріе, охотно дѣлалъ для меня все, съ чѣмъ бы я къ нему ни обратился; онъ понималъ меня и мое положеніе, часто бесѣдовалъ со мною по душѣ, и я не могъ не уважать его вполнѣ и не быть ему преданнымъ. Я бы долго не разстался съ нимъ, если бы не одно обстоятельство, случившееся тогда, когда его не было въ Берлинѣ и онъ находился на водахъ. Впослѣдствіи, когда баронъ Мейендорфъ быль уже въ Петербургѣ, онъ всегда доказывалъ мнѣ свое расположеніе.

Баронесса Мейендорфъ была дама высоко благородная, добрая, религіозная и благотворительная; но при всемъ томъ она была австрійка настойчивая и нѣсколькоъ своенравная: что разъ сказано, что разъ сдѣлано, то должно быть свято, хотя бы это было невѣрно, неосновательно и несправедливо. Это отличительное свойство австрійскихъ магнатовъ, а она была магнатка rag excellence...

Баронесса была сдержаннѣе барона; сердечности, благосклонности въ ней не было никакой, она ко всему ее окружавшему относилась съ полнымъ равнодушіемъ. Но, разъ сдѣлавшись женою русскаго дипломата, она въ то же время считала себя русской и дѣйствовала въ такомъ духѣ, хотя и была ревностной католичкой. Баронесса баловала своихъ дѣтей, изъ-за чего мы потомъ и разстались, но эти дѣти были — Александръ Мейендорфъ, павшій въ

битвъ при Альмѣ, Рудольфъ, не стѣснявшійся, за честь отца, вызвать на дуэль русскаго посла при французскомъ дворѣ, и Эрнестъ самый младшій изъ сыновей, проходящій теперь службу по министерству иностранныхъ дѣлъ.

Сыновья барона Мейендорфа должны были, по матери, быть католиками; таковы были брачныя условія, на которыхъ только и можно было вступить въ бракъ съ графинею Буоль.

Изъ Петербургскаго университета требовался студентъ русскій, на мѣсто Н. И. Черняева, служившаго при посольствѣ и занимавшагося съ дѣтьми посланника, и начальство рекомендовало меня. Баронъ Е. К. Мейендорфъ не спрятался о моемъ вѣроисповѣданіи, въ Берлинѣ тоже не спряталась; я, по старой привычкѣ, по воскресеньямъ, бывалъ въ нашей посольской церкви, гдѣ собирались всѣ русскіе, жившіе въ Берлинѣ. Но, когда узнали, что я католикъ, баронесса очень тому обрадовалась, и моя независимость кончилась: я долженъ былъ черезъ воскресенье ходить съ дѣтьми въ католическую церковь св. Ядвиги.

Баронъ Мейендорфъ имѣлъ возможность познакомиться съ моимъ образомъ мыслей еще раньше, вовсе не спрятавшись о моемъ вѣроисповѣданіи. Теперь, когда баронесса съ удовольствіемъ отрапортовала ему, что я католикъ и что она очень рада этому обстоятельству, баронъ пригласилъ меня къ себѣ въ кабинетъ и сказалъ:

— Я сейчасъ только узналъ, что вы католикъ; баронесса очень обрадовалась, что наши дѣти теперь будутъ въ хорошихъ рукахъ, поэтому я съ своей стороны прошу васъ о томъ, чтобы сыновья мои были такими католиками, какъ и вы—*sapienti sat*,—закончилъ онъ.

Я старался убѣдить его на дѣлѣ, что, кроме чисто религіознаго чувства, дѣти русскаго посла будутъ вполнѣ застрахованы отъ католитического фанатизма.

По смерти мужа, баронесса Мейендорфъ, живя въ Петербургѣ, предалась вполнѣ дѣлу благотворительности. Это была святая женщина. Потерявъ своего первенца Александра, она переселилась въ Штутгартъ, гдѣ и провела послѣдніе дни.

Жизнь въ Берлинѣ была мнѣ вполнѣ по душѣ. Я посѣщалъ университетъ, добросовѣстно занимался съ сыновьями барона Мейендорфа, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ гувернерами его дѣтей, французомъ Мерсье и филологомъ-нѣмцемъ, фаворитомъ барона, Мейеромъ, впослѣдствіи воспитывавшимъ графовъ Бобриныхъ.

Кромѣ посольского дома и дома первого секретаря посольства И. П. Озерова, женатаго на графинѣ Шлипенбахъ, бывшей первой красавицей въ Берлинѣ, я никогда не бывалъ, товарищей не имѣлъ, знакомствъ не заводилъ. Досуги свои я посвящалъ, какъ читатель увидѣть ниже, компиляціямъ изъ нашего «Свода Законовъ», а впо-

слѣдствіи, когда дѣло пошло удачно, я не имѣлъ ни одной свободной минуты.

Довольно часто меня отвлекали отъ дѣла порученія барона. Всѣ русскіе, пріѣзжавшіе въ Берлинъ и почему либо представлявшіеся барону, послѣ аудіенціи, были поручаемы мнѣ. Я долженъ былъ знакомить ихъ съ Берлиномъ и снабжать свѣдѣніями, которыя имъ были нужны. Иногда на меня возлагалось составленіе разныхъ докладовъ и справокъ, просмотръ книгъ, которыхъ авторы желали посвятить нашему государю, и т. п.

Такъ текла моя жизнь, пока не наступало каникулярное время, когда посланникъ обыкновенно уѣзжалъ на воды развлечься или со всѣмъ семействомъ, или одинъ. Я старался уклоняться отъ сопутствія и, оставаясь дома, усердно предавался на свободѣ своимъ любимымъ занятіямъ. Я не зналъ вообще, ни лѣтомъ, ни зимой, ни гуляній, ни театровъ, ни другихъ развлечений.

Баронессѣ не нравились мои занятія ни ученыя, ни литературные, не потому, чтобы отъ этого страдали ея дѣти, и я недобросовѣстно исполнялъ взятые на себя обязанности относительно ихъ. Нѣтъ! но она предпочла бы видѣть во мнѣ только гувернера, Hoffmeisterа, какъ она меня называла передъ служащимъ людомъ, когда посыпала за мною,—чителя, но не человѣка, занимавшагося литературою и наукою. Однажды, не помню по какому поводу, она, говоря со мною, выразилась:—«Je ne voudrais jamais avoir un domestique qui me ferait des odes». Этихъ словъ было довольно для пылкаго молодаго студента, чтобы понять, какъ на него смотрѣли, но это уже было въ крови баронессы.

III.

Поселившись въ Берлинѣ въ домѣ нашего посольства, я вскорѣ сталъ посѣщать лекціи въ тамошнемъ университетѣ по юридическому факультету. Но, такъ какъ въ то время нѣмецкая интеллигентія не очень расположена была къ Россіи, то у меня часто происходили со студентами столкновенія, и окончательное слово нѣмцевъ было, что Россія, всетаки, еще страна варварская, что у нея нѣтъ никакихъ законовъ, и на мой отвѣтъ, что у насъ законы есть и что напрѣкъ кодексъ состоить изъ пятнадцати обширныхъ томовъ, нѣмцы обыкновенно усмѣхались и приводили слова Монтескье: «la multiplicité des lois magne la corruption des moeurs», прибавляя, что и самый нашъ «Сводъ Законовъ» доказываетъ неопровергимо, что Россія еще страна варварская, если, для удержанія русскихъ людей въ предѣлахъ нравственности, законодатель принужденъ былъ прибѣгать къ столькимъ мѣрамъ, чтобы оградить закономъ каждое законное проявленіе гражданской жизни. То-ли дѣло у французовъ, где каждый гражданинъ носитъ въ сво-

емъ карманъ небольшую книжечку, озаглавленную «Code de Napoléon», заключающую въ себѣ всѣ законы, которые обязанъ знать каждый французъ, и при всякомъ случаѣ имѣть возможность справиться о томъ, чего не знаетъ. А пятнадцати томовъ въ карманъ уложить нельзя, да и носить ихъ въ мѣшкѣ за спину весьма затруднительно... «У насть, въ Пруссіи, тоже немнога законовъ,— прибавляли они,— и наше уложеніе весьма несложно».

Что мнѣ было отвѣтить на это? Я сталъ помышлять, нельзя ли и намъ сдѣлать что нибудь въ родѣ «Code de Napoléon»; купилъ эту книгу, близко съ ней ознакомился и, будучи юристомъ, вполнѣ усвоилъ себѣ систему и цѣль наполеоновскаго свода, понялъ всю его практическость, прямоту рѣшеній и, наконецъ, пришелъ къ тому, что и у насть, дѣйствительно, можно бы сдѣлать точно то же, если извлечь изъ нашего «Свода Законовъ» только то, что слѣдуетъ знать каждому русскому человѣку, какъ гражданину, оставляя въ сторонѣ административныя мѣропріятія, полицейскія постановленія и разныя специальности, ограничившись при составленіи такой книжки однимъ гражданскимъ и уголовнымъ правомъ.

Порѣшивъ такимъ образомъ, я составилъ себѣ планъ «Карманной книжки русскихъ законовъ» и, не откладывая въ долгій ящикъ, принялъся за работу.

Отправившись въ канцелярію нашего посольства, я обратился къ И. П. Озерову и просилъ его выдать мнѣ имѣвшійся въ канцеляріи «Сводъ Законовъ Россійской Имперіи». Не смотря на аккуратное посыщеніе мною лекцій Савинъи, Дирксена, Шталя, Габлера и другихъ профессоровъ Берлинскаго университета, не смотря на занятія съ сыновьями барона Мейендорфа и съ сыномъ Озерова, не смотря на обязанность черезъ день гулять въ Тиргартенѣ по два часа съ моими учениками, я находилъ время заниматься со всѣмъ усердіемъ составленіемъ «Книжки русскихъ законовъ». Я посвятилъ этой работе всѣ мои досуги и употребилъ на нее полтора года, отказываясь отъ всѣхъ развлечений и удовольствій, хотя мнѣ было тогда всего двадцать два года.

Не смотря на всѣ лишенія, я мысленно радовался, что скоро восторжествую, фактически доказавъ нѣмцамъ, что въ Россіи возможенъ «Code de Napoléon». Въ это время я успѣлъ ознакомить съ моимъ трудомъ знаменитаго Савинъи, очень имъ интересовавшагося и постоянно меня разспрашивавшаго о разныхъ нашихъ законахъ. Профессоръ Шталь чрезвычайно мнѣ сочувствовалъ въ этомъ; всякий разъ, послѣ лекцій, онъ обращался ко мнѣ, разспрашивая о ходѣ работы, рекомендовалъ мнѣ заняться переводомъ этого труда на нѣмецкій языкъ, обѣщалъ прочесть его, обработать и найти издателя. Все это ободряло меня и придавало мнѣ силы.

Въ это же время разнесся слухъ, что сербское правительство намѣreno составить сводъ своихъ законовъ, руководясь при этомъ

Наполеоновськимъ кодексомъ. Тогда у меня явилась новая мысль: прежде всего издать свой трудъ въ Лейпцигѣ на русскомъ языке, какъ можно скорѣе, и послать экземпляръ его сербскому князю Милошу, а потомъ уже перевести его на французскій языкъ, какъ наиболѣе доступный для всей Европы. Таковы были мои планы, но имъ не суждено было осуществиться. Работа моя подходила къ концу, какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро, ко мнѣ на верхъ являлся Озеровъ съ толстой книжицей въ рукахъ. Это былъ десятый томъ нашего «Свода Законовъ» (гражданские законы), переведенный на французскій языкъ и только-что вышедший въ Парижѣ. Всѣ мои мечты и планы разсыпались въ прахъ. Мнѣ оставалось употребить на окончаніе своего труда еще одинъ мѣсяцъ, затѣмъ переплести его и положить въ шкафъ, чтѣ я и сдѣлалъ.

Возвратившись въ слѣдующемъ году въ Петербургъ, я вздумалъ было попытать счастья, не позволять ли мнѣ издать мой трудъ «Карманная книжка русскихъ законовъ, необходимыхъ знать каждому русскому». Я обратился къ книгопродавцамъ; они охотно брались напечатать книгу на весьма выгодныхъ для меня условіяхъ, но сомнѣвались, разрѣшить ли это Второе Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи. Мнѣ посовѣтовали обратиться къ старшему чиновнику Отдѣленія дѣйствительному статскому совѣтнику Малевскому. Я былъ у него и объяснилъ ему все; онъ обѣщалъ передать мою рукопись Балугьянскому, а меня пригласилъ явиться спустя недѣлю. Въ назначенный срокъ, Малевскій мнѣ передалъ, что рукопись моя не можетъ быть одобрена къ печати. «Мы придерживаемся,—прибавилъ онъ,—правила известнаго арабскаго полководца Омара: если въ книжѣ есть то, что и въ Коранѣ, книга не нужна и запрещается, потому что все это есть; если въ ней есть то, чего нетъ въ Коранѣ, значитъ она вредна и ее слѣдуетъ истребить»... Послѣ этого мнѣ оставалось только просить Малевского о возвращеніи моей рукописи. Онъ назначилъ зайдти спустя недѣлю, обѣщая взять рукопись отъ Балугьянского. Но, когда я явился, мнѣ объявили, что не могутъ отыскать моей рукописи: на дому ли она у Балугьянского, или въ шкафахъ Втораго Отдѣленія, и просили навѣдаться черезъ недѣлю. Занятія не позволяли мнѣ явиться раньше, какъ спустя двѣ недѣли. Явишись къ Малевскому, я узналъ, что надняхъ Балугьянскій умеръ, и «теперь,—сказали мнѣ,—не время отыскивать мою рукопись, а пожалуйте черезъ шесть недѣль, тогда, разбирая его бумаги, отыщемъ и вашу рукопись». Я опять явился въ назначенный срокъ и узналъ, что моя рукопись не отыскалась. Такъ пропалъ трудъ мой, надъ которымъ я прокорпѣлъ столько времени безъ всякой пользы.

Но возвращаюсь въ Берлинъ. Постоянные споры съ немецкими студентами на счетъ нашего внутренняго устройства не разъ

приводили меня въ бѣшенство. Нѣмцы, между прочимъ, утверждали, что въ Россіи будто бы иностранцы не ограждены никакими законами. Я рѣшился воспользоваться первымъ свободнымъ временемъ и, работая надъ «Книжкой русскихъ законовъ», въ то же время дѣлалъ извлеченіе изъ «Свода Законовъ», какими именно законами пользуются въ Россіи иностранцы. На это были употреблены мною три лѣтнихъ мѣсяца, и книжка была готова; осталось привести извлеченные статьи въ известную систему и по томъ перевести на иностранный языкъ. Я избралъ французскій и переводъ мой шелъ уже къ концу. Случайно я сообщилъ объ этомъ банкиру нашей миссіи, Изидору Филиппи, который, неожиданно для меня, предложилъ мнѣ уступить ему мой трудъ за 500 талеровъ, съ тѣмъ, что онъ издастъ его не на французскомъ, а на нѣмецкомъ языке, съ цѣлью сдѣлать его доступнымъ преимущественно для нѣмцевъ, изъ которыхъ многіе хотѣли бы отправиться въ Россію, но не знаютъ, какими законами пользуются тамъ иностранцы. Филиппи желалъ издать мой трудъ подъ своею фамиліею, намѣреваясь самъ перевести его, при моемъ содѣйствіи, на нѣмецкій языкъ. Я согласился, не придавая моей работѣ особенного значенія.

Втеченіе августа 1841 года семь печатныхъ листовъ были переведены вполнѣ согласно съ русскимъ текстомъ. Книжка вышла подъ заглавіемъ: «Die russische Gesetze Ausl nder betreffend», въ предисловіи къ которой говорилось, что Филиппи поручилъ составить собраніе этихъ законовъ молодому русскому юристу, А. Старчевскому, исполнившему его порученіе вполнѣ добросовѣстно, за что онъ считаетъ долгомъ публично принести ему свою благодарность. Книжка эта, за отсутствіемъ барона Мейendorфа, была представлена въ министерство иностранныхъ дѣлъ И. П. Озеровымъ съ просьбой къ Л. Л. Голенищеву-Кутузову похлопотать о поднесеніи ея государю императору, что и было сдѣлано, и И. Филиппи получилъ за нее золотую медаль съ надписью «За полезное» для ношенія на шеѣ на анненской лентѣ. Когда награда была получена въ Берлинѣ, Филиппи чуть съума не сошелъ отъ радости, задалъ намъ, т. е. И. П. Озерову и мнѣ, вечеръ съ ужиномъ, на который были приглашены первые берлинскіе нѣмецкіе артисты и артистки, такъ какъ Филиппи постоянно вращался въ этомъ мірѣ. Затѣмъ, когда о книгѣ явились похвальные отзывы въ газетахъ, я получилъ отъ Филиппи еще 300 талеровъ.

IV.

Посѣщаю королевскую публичную библіотеку, я, случайно, про-сматривая каталогъ отдѣленія славянской исторіи вообще, на-ткнулся на заглавіе рукописи: — «Gal rie des hommes c l bres, de

Krasicki. Меня заинтересовала эта галлерея, и я пожелалъ ее видѣть.

Мнѣ вынесли фоліантъ въ 1^{1/4} арш. длины и такой же ширины и въ четыре дюйма толщины; такихъ фоліантовъ было тридцать шесть. По собраннымъ мною въ библиотекѣ справкамъ, выяснилось слѣдующее.

Знаменитый польскій баснописецъ, архіепископъ гнѣзденскій, графъ Игнатій Красицкій, занимавшійся науками и литературовой, задался идею составить себѣ коллекцію портретовъ знаменитыхъ славянъ. Для этого онъ не жалѣлъ ни средствъ, ни книгъ, въ которыхъ попадались портреты, собирая гравюры, акватинты, литографіи, въ какомъ бы видѣ и родѣ, какой бы величины они ни были. Многіе портреты, писанные масляными красками и находившіеся въ монастыряхъ, соборахъ и церквяхъ славянскихъ земель, были, по его порученію, копируемы тушью, живописцами тѣхъ мѣстъ, где эти портреты находились. Потомъ идея эта расширилась и къ галлереѣ портретовъ прибавились собственноручные письма (автографы) разныхъ славянъ. Затѣмъ, вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній, галлерея стала пополняться портретами лицъ и другихъ націй, и, такимъ образомъ, почтенный архіепископъ собралъ до 40,000 портретовъ знаменитыхъ людей, но въ основаніи этой коллекціи положено было собраніе славянскихъ знаменитостей.

Красицкій умеръ въ Берлинѣ въ тридцатыхъ годахъ. Собранные имъ портреты остались въ связкахъ. Наслѣдники Красицкаго предложили русскому посланнику въ Берлинѣ, графу Рибопьеру, пріобрѣсти эту коллекцію для императоцкой петербургской публичной библиотеки, но графъ Рибопьеръ не обратилъ должнаго вниманія на это предложеніе, и когда библиотека и рукописи Красицкаго пошли въ продажу съ публичного торга, то прусское правительство купило связки, заключавшія въ себѣ коллекцію портретовъ знаменитыхъ людей, заплативъ за нее 30,000 талеровъ, тогда какъ русскому посланнику отдавали эту коллекцію за 12,000 р. сер.

Послѣ пріобрѣтенія этой коллекціи королевскою публичною библиотекою, главный библиотекарь, Сникеръ, рѣшилъ сдѣлать 36 большихъ папокъ-тетрадей, изъ картонной бумаги, на листахъ которыхъ прикреплены портреты и автографы по алфавиту. Такимъ-то образомъ и составилась «*Galérie de Krasicki*».

Но, не смотря на заботливость библіотечнаго начальства о сохранности этой дорогой коллекціи, нашлись цѣпкія руки, которымъ удалось сорвать нѣкоторые автографы знаменитыхъ лицъ...

Просмотрѣвъ изъ любопытства всю эту коллекцію, я пришелъ къ мысли извлечь изъ нея портреты самыхъ знаменитыхъ славянъ и издать ихъ съ біографіями, написанными на французскомъ языкѣ, ради всеобщей доступности. Я хотѣлъ ограничиться только

360 портретами. Объяснившись предварительно съ библіотечнымъ начальствомъ, я приступилъ къ дѣлу, такъ какъ мнѣ разрѣшено было копировать портреты, только не чрезъ прозрачную бумагу. Дѣло пошло быстро, но составленіе биографій нѣсколько затянулось, потому что многія биографіи древнѣйшихъ дѣятелей были написаны полатыни, а потому приходилось переводить ихъ на французскій языкъ и порядочно возиться съ ними. Къ моему отѣзду изъ Берлина, въ августѣ 1842 года, я успѣлъ приготовить къ печати и передалъ первый томъ моего труда, заключавшій въ себѣ ровно половину всего сочиненія, книгопродавцу Беру, предоставивъ ему право на изданіе, но что сдѣжалось съ моимъ трудомъ, — мнѣ неизвѣстно. Уѣзжая изъ Берлина на непроложительное время, въ Россію, я оставилъ всѣ мои бумаги и картины у Исидора Филиппи, въ надеждѣ скоро возвратиться, но мнѣ совершенно неизвѣстно, куда дѣвались послѣ его смерти мои рукописи и собранная мною рѣдкія книги и автографы.

V.

Не смотря на то, что я былъ очень занятъ одновременно составленіемъ: «Карманной книги русскихъ законовъ», компиляціею: «Какими законами пользуются иностранцы въ Россіи» и «Славянскою галлерею», неожиданный случай натолкнулъ меня на новое предпріятіе.

Лѣтомъ 1841 года, И. П. Озеровъ зашелъ ко мнѣ на верхъ, съ ключами отъ кладовой канцеляріи посольства и съ слѣдующею просьбою.

Въ Веймарѣ, при нашей великой княгинѣ Марії Павловнѣ, состоялась священникомъ, кажется, отецъ Яновскій, втеченіе почти сорока лѣтъ.

Священникъ этотъ былъ вдовъ; послѣ его смерти все, что слѣдовало по закону продать изъ оставшагося послѣ него имущества, было продано, а банковые билеты, кажется, на 40,000 р. с. и библіотека покойнаго, состоявшая изъ книгъ, купленныхъ имъ въ Германіи, были отправлены въ Берлинъ въ русское посольство. Эта-то библіотека хранилась въ кладовой посольской канцеляріи и занимала цѣлую комнату. Сдѣланъ былъ вызовъ наследниковъ этого священника въ Россіи, но прошло два или три года, и никто не являлся. Наконецъ, нашелся законный наследникъ о. Яновскаго и сообщилъ въ нашу міссію въ Берлинѣ, что въ лѣтніе мѣсяцы 1841 года онъ явится за полученіемъ наследства.

Въ кладовой посольства находились и другія вещи, которые почему либо должны были храниться до востребованія. Такъ, напримѣръ, когда находившійся при посольствѣ сынъ ministra иностранныхъ дѣлъ графъ Дмитрій Нессельроде переведенъ былъ изъ русскаго посольства въ Берлинѣ въ какое-то другое наше

посольство, то оставшіяся послѣ его отъѣзда разныя книги были тоже сложены въ эту же кладовую.

Когда въ миссіи получено было заявленіе отыскавшагося на-слѣдника о. Яновского, И. П. Озеровъ явился ко мнѣ, такъ какъ на лѣтнее время всѣ изъ посольства разѣхались, и просилъ меня сходить въ кладовую, осмотрѣть все и отдѣлить чужія вещи и книги отъ библіотеки покойнаго Яновского. Я пригласилъ г. Шарля, состоявшаго при посольской канцеляріи для разныхъ порученій, и мы отправились въ кладовую, обширную свѣтлую комнату. Всѣ вещи лежали здѣсь отдѣльными кучками; подойдя къ кипѣ книгъ графа Нессельроде, я полюбопытствовалъ узнать, что въ ней заключается, и между французскими романами и другими книгами увидалъ толстую старинную книгу *in-folio*, въ деревянномъ дикаго цвѣта переплетѣ. Открывъ ее, я увидѣлъ, что это описание путешестія въ Москвию Герберштейна.

Професоръ Калмыковъ, читая лекціи энциклопедіи права въ Петербургскомъ университетѣ, обращалъ наше вниманіе на это замѣчательное и важное для исторіи сочиненіе Герберштейна. Вспомнивъ это обстоятельство, я съ согласія И. П. Озерова взялъ книгу къ себѣ на верхъ, желая ближе ознакомиться съ этимъ замѣчательнымъ историческимъ изданіемъ.

Разсматривая записки Герберштейна, я сильно ими увлекся, и мнѣ пришла мысль, что хорошо было бы собрать все, что иностранцы писали о Россіи и издать это отдѣльнымъ сборникомъ.

Но что писали о Россіи иностранцы и кто именно,—былъ первый вопросъ, который я себѣ задалъ. Нелегко было, однако, отвѣтить на это, тѣмъ болѣе, не имѣя подъ руками необходимыхъ источниковъ. Пришлось отправиться въ королевскую публичную библіотеку и собрать справки. Тамъ я нашелъ «*Scriptores gentium Moscovitaram*» — собраніе сочиненій иностраннныхъ писателей о Россіи. Фоліантъ этотъ, довольно толстый, вышелъ въ 1600 году, ровно 240 лѣтъ назадъ. На первый разъ и этого было довольно. Я выработалъ планъ сборника сказаній иностранцевъ о Россіи, но вопросъ, на какія средства исполнить это изданіе, обдалъ меня холодомъ; однако, я скоро оправился. Гонораръ, получаемый мною у барона Мейендорфа, былъ около 200 руб. сер. въ мѣсяцъ, наборъ и бумагу нѣмцы повѣрять въ кредитъ. Кромѣ того, баронъ Мейендорфъ разрѣшилъ своему банкиру Мендельсону выдать мнѣ нѣсколько денегъ впередъ, въ чёмъ я не сомнѣвался. Я рѣшилъ, что могу сейчасъ же приняться за дѣло и сдать оригиналъ въ типографію, такъ какъ въ то время въ Пруссіи цензора все читали въ корректурныхъ листахъ, а не въ рукописи.

Оставалось добыть книгу изъ королевской публичной библіотеки, но и за этимъ дѣло не стало: у меня была записка русскаго посланника, въ которой онъ просилъ начальство библіотеки вы-

давать мнѣ всѣ книги на домъ, съ удостовѣреніемъ, что за цѣлость и сохранность ихъ отвѣчаетъ русское посольство. На другой день по этой запискѣ я получилъ *«Scriptores rerum moscovitarum»*, и работа моя закипѣла.

Послѣ многихъ безсонныхъ ночей и разныхъ хлопотъ первый томъ: *«Historiae Ruthenicae scriptores exteri, saeculi XVI»*, наконецъ, вышелъ. Я поднесъ этотъ первый мой трудъ барону Мейендорфу. Онъ пригласилъ къ себѣ А. Гумбольдта и Ранке, которые тутъ же разсмотрѣли книгу, одобрили мою мысль и пожелали видѣть меня. Я явился. Гумбольдтъ, который встрѣчался со мной нѣсколько разъ у барона Мейендорфа, поздравилъ меня съ хорошимъ началомъ и замѣтилъ только, что я напрасно не приложилъ къ своему изданію карты Россіи, находящейся при комментаріяхъ Герберштейна. Я отвѣтилъ ему, что карта эта ничтожна, такъ какъ, кромѣ проведенныхъ рѣчекъ, на ней значится не болѣе десяти городовъ, да и тѣ поставлены невѣрно... Гумбольдтъ согласился, подалъ мнѣ руку и еще разъ поздравилъ меня съ хорошимъ началомъ. Ранке безусловно одобрилъ изданіе и обѣщалъ мнѣ свое содѣйствіе для дальнѣйшихъ томовъ и тутъ же указалъ на неизданную еще реляцію о Россіи, находящуюся въ венеціанскихъ архивахъ, кошю съ которой онъ и прислалъ мнѣ для втораго тома.

VI.

Послѣ такого отзыва о моемъ трудѣ Гумбольдта и Ранке, баронъ Мейендорфъ написалъ обо мнѣ къ министру народнаго просвѣщенія графу С. С. Уварову и отправилъ къ нему мое изданіе, посвященное его имени. Спустя мѣсяцъ съ небольшимъ, четырехлѣтній сынъ барона Мейендорфа, Эрнестъ, пришелъ ко мнѣ на верхъ и принесъ лайковый мѣшечекъ съ червонцами, сказавъ: «*Voila l'empereur vous a envoyé cela; venez chez papa, il vous donnera encore quelque chose*». Легко себѣ представить радость молодаго человѣка, которому за первый трудъ пришлось получить такую щедрую награду... Я побѣжалъ благодарить барона Мейендорфа за его содѣйствіе. Онъ тоже былъ этому радъ и передалъ мнѣ слѣдующее письмо къ нему С. С. Уварова:

«Monsieur le Baron,

«Je n'ai pas manqu  de mettre sous les yeux de l'Empereur le 1-er volume de la publication historique de m-r Starczewsky, et Sa Majest  Imp rial, en agr ant avec satisfaction ce livre, a daign  accorder gracieusement 脿 l'editeur 100 ducats, pour lui fournir les moyens de faire paraître le second volume.

«En cons quence j'ai l'honneur de transmettre 脿 Votre Excellence une traite de 276  cus 11 gros, monnaie de Prusse, en la priant de faire remettre cette somme 脿 m-r Starczewsky.

«En même temps je crois devoir Vous communiquer, Monsieur le Baron, que j'avais fait examiner ce volume par la commission archéologique; et c'est par suite de son rapport et conformément à son opinion, que je Vous prie de vouloir bien inviter m-r Starczewsky, à puiser, s'il est possible dans des sources inconnues jusqu'à ce jour, en admettant dans son second volume des ouvrages inédits. Il est à désirer qu'en reimprimant les auteurs rares et épuisés, il choisisse les meilleures éditions, et les collationne avec soin, en citant les variantes les plus importantes. On ne saurait de même passer sous silence que les errata du 1-er volume font regretter que l'on n'ait pas apporté une plus grande attention à la lecture des épreuves, et je ne doute pas que le zèle et l'amour pour les études historiques qui ont inspiré à m-r Starczewsky l'idée de son entreprise littéraire ne lui aient déjà suggéré ces moyens de donner à son livre tout le degré de perfection, dont il est susceptible.

«Je termine en priant Votre Excellence, de vouloir bien de ma part remercier le jeune auteur de sa dédicace, et lui exprimer, combien il m'a été agréable de retrouver en lui un élève de l'Université de St-Pétersbourg.

«Agreez, Monsieur le Baron, l'assurance de ma considération très distinguée.

«Ouvaroff».

«St.-Pétersbourg, le 29 décembre 1841.»

Вскорѣ я приступилъ къ изданію втораго тома, въ который вошло вдвое больше историческаго матеріала, чѣмъ напечатано въ первомъ томѣ. Второй томъ былъ тоже отправленъ въ Петербургъ къ С. С. Уварову, и я удостоился за него высочайшаго благоволенія.

Первый томъ произвелъ въ Берлинѣ хорошее впечатлѣніе; о немъ говорили и писали.

Спустя нѣкоторое время послѣ выхода первого тома моего сборника, ко мнѣ явился атташѣ турецкаго посольства съ предложениемъ отъ посланника: не угодно ли мнѣ заняться подобнымъ же изданіемъ «Scriptores regum turcicarum», съ тѣмъ, чтобы въ этотъ сборникъ вошло все, что было писано въ Европѣ со времени появленія въ ней турокъ, или со взятія Константинополя, до XVIII вѣка. Турецкое посольство предлагало мнѣ 3,000 талеровъ въ годъ жалованья и принимало изданіе сказаний иностранцевъ о туркахъ на свой счетъ, хотя бы оно состояло изъ десяти томовъ.

Я сообщилъ объ этомъ предложеніи барону Мейендорфу и желалъ знать его мнѣніе. Онъ посовѣтовалъ мнѣ отказаться, находя это дѣло неподходящимъ, и замѣтилъ: «Какъ еще на это посмотретьъ наше правительство, тѣмъ болѣе, что по происхожденію вы — полякъ. Пожалуй, скажутъ, что вы рады служить и нашимъ, и вашимъ». Такой аргументъ показался мнѣ достаточно вѣскимъ, и я отвѣтилъ на предложеніе турецкаго посланника уклончиво, ссылаясь на то, что у меня мало времени и для изданія своего сборника. Тѣмъ это дѣло и кончилось.

Въ это время, т. е. зимою 1841 года, въ Берлинѣ пріѣхалъ Н. И. Гречъ, возвращаясь изъ Парижа, гдѣ земляки устроили ему пренепріятную исторію. Онъ былъ у барона Мейендорфа, который принялъ его съ особыеннымъ вниманіемъ, какъ ветерана литературы,

мало того, онъ послалъ за мною и, когда я явился, сказалъ:— «Здѣсь, проѣзжомъ, Гречъ, онъ остановился въ Hôtel de Russie, поѣзжайте у него и сдѣлайте ему приличный Kratzfuss». Я никогда не видаль Греча, и мнѣ интересно было встрѣтиться съ нимъ. Я отправился къ нему и, войдя въ занимаемый имъ номеръ, обратился къ Гречу порусски, назвалъ свою фамилію и сказалъ, что прежде всего считаю нужнымъ поблагодарить его за грамматику, по которой я выучился русскому языку.— «Первый человѣкъ,— вскричалъ Гречъ:— который осмѣлился поблагодарить меня за мою грамматику... до сихъ поръ за нее меня только ругали!» Когда зашла рѣчь о томъ, что я дѣлаю въ Берлинѣ, Гречъ замѣтилъ:

— Однако, у васъ тутъ много друзей, и хотя я только теперь васъ вижу, но и баронъ Мейендорфъ, и Ив. Петр. Озеровъ, узнавъ, что я хороши съ княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ, бывшимъ моимъ ученикомъ въ Морскомъ корпусѣ, просили меня похлопотать у него, чтобы за какія-то латинскія книги, изданныя вами здѣсь, сдѣлали васъ корреспондентомъ археографической комиссіи. Я охотно это дѣлаю, и напередъ могу васъ увѣрить, что ваше желаніе будетъ исполнено— князь все для меня дѣлаетъ...

Потомъ онъ заговорилъ объ университетѣ, о Маргейнекѣ, извѣстномъ проповѣднике, который тогда былъ въ модѣ, и въ заключеніе взялъ съ меня слово, что, по возвращеніи въ Петербургъ, я буду у него, и онъ охотно впуститъ меня въ свой пчельникъ... На томъ мы и разстались.

Въ началѣ января слѣдующаго года, Ив. Петр. Озеровъ получилъ отъ Греча слѣдующее письмо, которое и передалъ мнѣ:

«С.-Петербургъ, 10 (22) января 1842 г.

«Почтеннѣйший Иванъ Петрович! Долгомъ почитаю увѣдомить васъ, что я сдѣлалъ въ пользу г. Старчевскаго все, чѣмъ могъ: князь Шихматовъ обѣщалъ опредѣлить его корреспондентомъ при археографической экспедиціи, а С. С. Уваровъ представилъ его книгу государю. О послѣдствіяхъ увѣдомлю васъ, лишь только узнаю самъ. Вы можете судить о недружескихъ моихъ отношеніяхъ съ Уваровымъ по тому обстоятельству, что я не избранъ имъ въ новообразованную Россійскую академію. Честь была бы не большая, потому что тамъ скотъ на скотѣ, но все же это показало бы, что онъ ко мнѣ благоволитъ. По сей причинѣ и не могу дѣйствовать на него, какъ бы желалось.

«Это письмо вручить вамъ геніальный итальянскій импровизаторъ и поэтъ Джустиніані, который дивилъ Италію, дивилъ насъ и удивитъ васъ своимъ чудеснымъ даромъ. Будьте къ нему ласковы и поговорите о немъ барону Мейендорфу и еще кому нибудь.

«Супругъ вашей свидѣтельствую искреннее свое высокопочтеніе, а васъ прижимаю къ своему сердцу, въ которомъ никогда не погаснутъ чувства искренняго къ вамъ уваженія и неподражной любви.

«Вашъ всепокорѣйший

«Н. Гречъ».

Лѣтомъ 1842 года, второй томъ моего изданія: «Historiae Ruthenicae scriptores exteri, saeculi XVI», былъ уже готовъ къ выпуску; въ русскомъ посольствѣ тогда никого не было, такъ какъ всѣ разѣхались на воды.

Однажды, я сидѣлъ, углубившись въ свою работу, какъ вдругъ ко мнѣ входить высокій, полный, пожилой мужчина.

— Я—Ал. Ив. Тургеневъ,—говоритъ онъ.—Проѣзжая чрезъ Берлинъ въ Россію, я пожелалъ повидать вась и познакомиться съ вами, какъ съ моимъ соперникомъ. Я получилъ въ Парижѣ первый томъ вашего изданія: «Historiae Ruthenicae». Я тоже предпринялъ два года назадъ подобное изданіе, первый томъ котораго вышелъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ: «Historiae Russiae monumenta», въ Петербургѣ, въ 1841 году. Знаете ли вы объ этомъ изданіи и видѣли ли вы его?

Я отвѣтилъ, что не имѣю о немъ никакого понятія.

Тургеневъ пробылъ въ Берлинѣ четыре дня, и во все это время я былъ его постояннымъ собесѣдникомъ. Считаю нeliшнимъ познакомить читателей съ этою крупною и замѣчательною личностью.

Въ царствованіе Александра I, именно въ самомъ концѣ его, всѣ духовныя дѣла находились въ рукахъ князя А. Н. Голицына, который былъ начальникомъ главнаго управления духовныхъ дѣлъ. Человѣкъ этотъ былъ въ свое время важнымъ государственнымъ сановникомъ. Правою его рукою былъ Алек. Ив. Тургеневъ, братъ извѣстнаго эмигранта-декабриста, поселившагося въ Парижѣ и прошедшаго тамъ всю свою жизнь.

Когда князь Голицынъ сошелъ со сцены, и А. И. Тургеневъ оставилъ службу. Императоръ Николай уважалъ старика князя Голицына и, вѣроятно, по его ходатайству, Тургеневъ получилъ особынное порученіе императора собрать изъ заграничныхъ архивовъ все, относящееся до исторіи Россіи, съ тѣмъ, что все, имъ собранное, будетъ издано нашою археографическою комиссіею.

Тургеневъ былъ человѣкъ высоко образованный, опытный государственный дѣятель, съ твердымъ характеромъ и съ политическими направлениемъ. Такихъ людей въ царствованіе Николая было немного. Ему дали почетное порученіе и снабдили рекомендациими къ разнымъ европейскимъ дворамъ. Тургеневъ принялъся за дѣло горячо, съ тактомъ и умѣньемъ, и началъ съ Римской куріи. Въ Римѣ извѣстный ватиканскій библіотекарь, Марино-Марини, открылъ ему ватиканскій архивъ, что именно намъ и было нужно. Вскорѣ находки Тургенева были изданы въ одномъ томѣ, за что онъ получилъ чинъ тайного совѣтника. Въ Европѣ заговорили объ этомъ изданіи, а когда явился мой первый томъ, изданія наши смыкали и мнѣ приписали цѣль, которой у меня вовсе не было, и надѣли наградами, о которыхъ мнѣ никогда и не снилось.

По выходѣ первого тома сборника Тургенева, онъ направился въ Кенигсбергскій архивъ, желая поискать тамъ реляцій бранденбургскихъ посланниковъ, бывшихъ въ Россіи. По справкамъ оказалось, что въ Кенигсбергскомъ архивѣ было пять реляцій, но тогдашній начальникъ архива, Чшоке, не рѣшался показать ихъ Тургеневу, такъ какъ бранденбургскіе посланники не совсѣмъ благовидно отзывались о Московскіи; тогда Тургеневъ, возвратившись въ Петербургъ, хлопоталъ о конфиденціальномъ письмѣ императора Николая къ королю прусскому Вильгельму III, чтобы Тургеневу было разрѣшено снять копіи съ этихъ реляцій, которыхъ, такъ какъ обѣ нихъ шли толки, Чшоке нашелъ нужнымъ переслать въ Берлинъ для храненія въ тайномъ королевскомъ архивѣ.

Заручившись императорскимъ письмомъ, Тургеневъ пріѣхалъ въ Берлинъ въ то самое время, когда скончался Вильгельмъ III и когда было не до реляцій. Тургеневъ отправился далѣе, въ Парижъ, гдѣ обыкновенно останавливался и проживалъ у своего брата эмигранта. Императоръ Николай зналъ объ этомъ, но ему былъ также извѣстенъ и образъ мыслей А. И. Тургенева. Когда же Тургеневъ издалъ свои изысканія и былъ награжденъ, противъ него пошли интриги, вооружили и государя, увѣряя, что онъ раздѣляетъ образъ мыслей своего брата Николая. Интрига велась на столько ловко, что Тургеневу была прислана въ Парижъ отставка, и теперь онъ спѣшилъ въ Россію съ цѣлью очистить себя передъ государемъ въ взвѣденной на него клеветѣ.

VII.

Пройзжая чрезъ Берлинъ и узнавъ въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, кто я и гдѣ нахожусь, А. И. зашелъ въ посольство, познакомился со мною, и какъ человѣкъ бывалый, изъ первого же разговора убѣдился, что онъ можетъ быть вполнѣ откровененъ со студентомъ, полюбившимъ русскую исторію и находящимся въ та-комъ домѣ.

Онъ сообщилъ мнѣ, что ехалъ въ Петербургъ оправдываться; но надежды его были слабы, въ виду твердости характера императора Николая, котораго нелегко было переубѣдить.

— Я занимался отыскиваніемъ повсюду иностранныхъ источниковъ русской исторіи,—сказалъ Тургеневъ:—имѣя для этого всѣ средства: съ одной стороны, вслѣдствіе писемъ его величества къ многимъ европейскимъ государямъ, а съ другой — золотой ключъ отпиралъ мнѣ всѣ архивы. Я собралъ массу указаній, гдѣ и что находится и теперь все это должно про пасть безъ пользы...

— Зачѣмъ же вы отчаяваетесь, — замѣтилъ я: — у васъ есть связи. Прибывъ въ Петербургъ, вы найдете людей, которые помогутъ вамъ вы свободиться изъ опалы.

— Вы молоды и не знаете, что значить разъ попасть въ эту несчастную колею, и какія усилія нужны, чтобы оправиться... Я хорошъ съ Жуковскимъ, съ Вяземскимъ, мало ли съ кѣмъ, но вѣдь я не могу на нихъ разсчитывать. Единственная моя надежда на князя Голицына, живущаго въ Москвѣ, котораго государь уважаетъ и, можетъ быть, послушаетъ; но хорошо, если государь будетъ въ Москвѣ, а если не будетъ? Во всякомъ случаѣ, я считаю своимъ долгомъ распорядиться любимымъ мною предметомъ и теперь, когда я принужденъ оставить мои поиски и занятія, хочу сдѣлать васъ моимъ единственнымъ наслѣдникомъ по этой части, въ увѣренности, что не ошибусь въ васъ. По изданному вами тому, я вижу, что вы не хуже меня можете служить этому дѣлу, потому что вы хорошо знаете латинскій языкъ, который и я зналъ, но теперь все это уже забылъ. Собирайте же и дѣлайте все, пока можно, пока не прошла охота...

Не надѣясь на свои силы, я сначала отказывался отъ предложенія Тургенева, но потомъ уступилъ его убѣжденіямъ и просилъ дать мнѣ возможность списать имѣющіяся у него указанія, гдѣ и что находится по части русской исторіи.

— Съ удовольствіемъ, батенька,— отвѣтилъ А. И.:— я везу съ собою цѣлый чемоданъ источниковъ русской исторіи, гдѣ они находятся, но я послѣ завтра хотѣль бы уѣхать, поэтому еще сегодня я пришло вамъ этотъ чемоданъ, а вотъ вамъ и ключъ отъ него. Поторопитесь списать, что успѣете и что васъ больше всего заинтересуетъ. Я очень досадую, что мнѣ не удалось воспользоваться и списать рукописи, присланныя сюда изъ Кенигсбергскаго архива — все это о Россіи и должно быть очень интересно. Я имѣю письмо государя къ покойному королю Фридриху-Вильгельму III, но что теперь сдѣлаешь съ этимъ письмомъ? Король умеръ, я въ опалѣ и получилъ отставку. Пропало все дѣло, изъ-за котораго было поднято столько хлопотъ.

— Я думаю, — возразилъ я: — что мы можемъ поправить это дѣло и воспользоваться еще письмомъ государя къ Фридриху-Вильгельму III. Письмо это съ вами, или въ Парижѣ?

— Оно у меня здѣсь. Я берегу его, какъ зѣницу ока, потому что, пожалуй, его могутъ потребовать отъ меня обратно.

— Въ такомъ случаѣ мы можемъ вотъ что сдѣлать. Вы мнѣ дадите довѣренность, что, передавъ мнѣ лежавшія на васъ занятія, передаете и письмо императора Николая къ покойному королю для передачи наслѣднику его, нынѣ царствующему королю Фридриху-Вильгельму IV.

— Что же вы съ нимъ сдѣлаете?

— Я отправлюсь съ письмомъ государя къ министру внутреннихъ дѣлъ Эйхгорну и попрошу его передать это письмо королю;

«істор. вѣстн.», октавръ, 1886 г., т. xxvi.

вмѣстѣ съ тѣмъ передамъ министру и довѣренность, по которой вы передаете мнѣ право воспользоваться рѣшеніемъ короля.

— Хитро придумано; но я болѣе чѣмъ увѣренъ, что изъ этого ничего не выйдетъ; однако, завтра къ десяти часамъ я доставлю вамъ то и другое. Затѣмъ прощайте, мнѣ надо еще побывать у Неандера, Риттера и другихъ моихъ здѣшнихъ знакомыхъ.

Нетерпѣливо ожидалъ я присылки чемодана съ списками и каталогами и послѣдній пригласить въ помошь себѣ для списываній рукописей трехъ знакомыхъ мнѣ студентовъ Берлинскаго университета.

Въ семь часовъ доставили мнѣ на верхъ чемоданъ отъ Тургенева. Я выдалъ посланному расписку въ полученіи, тотчасъ же открылъ чемоданъ и, къ моему восторгу, а вмѣстѣ и ужасу, нашелъ его тую набитымъ разными бумагами, относившимися къ русской исторіи. Глаза мои разбѣжались, но прежде надо было разобраться въ этомъ хаосѣ. Тутъ были каталоги, списки, выписки, брошюры, отвѣтныя письма изъ разныхъ мѣстъ и писанное, и печатное на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Всльдѣ затѣмъ явились студенты, и мы горячо принялись за дѣло.

На другой день рано утромъ Тургеневъ доставилъ мнѣ письмо государя и довѣренность. Я отправился на квартиру ministra внутреннихъ дѣлъ узнать, когда онъ принимается; мнѣ сказали, что онъ принимается разъ въ недѣлю, по пятницамъ, но, такъ какъ я принадлежалъ, хотя и косвенно, къ русскому посольству, то ему доложили обо мнѣ тотчасъ же, и онъ не замедлилъ выйтіи въ приемную.

Это былъ человѣкъ средняго росту, худощавый, невзрачный, одѣтый въ черный фракъ, сидѣвшій на немъ какъ-то неловко. А между тѣмъ этотъ невзрачный человѣкъ былъ Эйхгорнъ, знаменитый историкъ, написавшій исторію Германіи, и котораго знала не только вся Германія, но и Европа.

Хотя я хорошо владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, но предпочелъ объясняться съ нимъ пофранцузски; оказалось, что я поставилъ ministra въ затруднительное положеніе, онъ говорилъ медленно, вспоминаль слова и заикался.

Когда я сообщилъ ему суть дѣла и вручилъ письмо императора Николая, съ просьбой передать его королю, а также и довѣренность Тургенева, уполномочивающую меня вступить во всѣ права его по этому письму, Эйхгорнъ, освѣдомившись, кто я и гдѣ я нахожусь, сказалъ: «*Eh bien temain ché dois t'etre chez le roi, et après temain ferez et fous aurez la réponse.*». Мы раскланялись, и я полетѣлъ домой, потому что тамъ ожидалъ меня Тургеневъ и слѣдилъ за тѣмъ, какъ писцы работаютъ надъ его бумагами.

Тургеневъ выслушалъ меня со вниманіемъ и замѣтилъ: — А, можетъ быть, изъ вашей выдумки что либо и выйдетъ, посмотримъ! Я не уѣду изъ Берлина, пока вы не получите отвѣта.

Онъ подалъ мнѣ руку и ушелъ.

VIII.

Въ назначенный Эйхгорномъ день я явился къ нему и получилъ слѣдующій отвѣтъ:

— Я вчера докладывалъ его величеству, и король съ удовольствиемъ согласился на вашу просьбу. Вчера же собраны были мною справки: рукописи, о которыхъ идетъ рѣчь, находятся уже въ тайномъ королевскомъ архивѣ, во дворцѣ, я сейчасъ дамъ вамъ письмо, которое вы передадите въ архивѣ, и васъ допустятъ къ занятіямъ. Я очень радъ, что хоть чѣмъ нибудь могу быть вамъ полезенъ, зная самъ по себѣ, какъ пріятно увидѣть нетронутый еще матеріаль. Желаю вамъ полнаго успѣха...

Отъ Эйхгорна я отправился прямо къ Тургеневу, сообщилъ ему полученный мною отвѣтъ и показалъ письмо. Старикъ очень обрадовался и сказалъ:

— Отправляйтесь же въ архивъ, устройтесь тамъ, а потомъ и меня представьте властямъ: я тоже хочу хоть взглянуть на рукописи, изъ-за которыхъ мнѣ пришлось столько хлопотать и два раза утруждать государя.

Входя къ Тургеневу, я засталъ его за огромнѣйшую книгою, въ полный листъ, въ которой онъ торопливо писалъ...

— Чѣмъ это вы пишете? — полюбопытствовалъ я.

— Это, милый человѣкъ, мой дневникъ, который я веду ежедневно утромъ и вечеромъ. — И тутъ же, перекинувъ нѣсколько страницъ, онъ сталъ читать разсказъ о знакомствѣ его со мною и своихъ предположеніяхъ относительно меня. Я поблагодарилъ его за вниманіе и отзывъ и сказалъ, что буду стараться, чтобы вы не ошиблись на мой счетъ.

Прямо отъ Тургенева я отправился въ тайный королевскій архивъ, представилъ письмо, которое было передано кому слѣдуетъ и *geheimer Rath Кенне*¹⁾, служившій въ архивѣ, высокій, полный, добродушный человѣкъ, вынесъ мнѣ пять фоліантовъ, о которыхъ столько хлопотали, и спросилъ меня, какъ я хочу ими распорядиться? Я сказалъ, что здѣсь есть нѣсколько русскихъ, и мы постараемся списать эти рукописи какъ можно скорѣе. Онъ объявилъ мнѣ, что мы можемъ являться въ архивъ ежедневно въ 9 часовъ и работать до четырехъ. Кенне фамилія моя была уже извѣстна, и онъ отнесся ко мнѣ весьма любезно и внимательно.

На другой день я явился въ архивъ съ цѣлой толпой земляковъ, то были: А. И. Тургеневъ и нѣсколько кандидатовъ Московскаго университета, пріѣхавшихъ въ Берлинъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ избранныхъ ими наукахъ: Поповъ, Пановъ,

¹⁾ Отецъ нашего барона Кенне.

Ефремовъ и еще двое, которыхъ именъ теперь не припомню. Тургеневъ бросился рассматривать старые пожелтѣвшіе отъ времени фоліанты; онъ хорошо зналъ нѣмецкій языкъ и сталъ пробѣгать ихъ. Пока онъ просматривалъ одну рукопись, я роздалъ прочія моимъ товарищамъ. Они посмотрѣли, попробовали разобрать нѣкоторыя слова и тутъ же заявили мнѣ о своемъ отказѣ—и отретировались. Мы остались съ Тургеневымъ одни и на первый разъ ограничились только разсмотрѣніемъ рукописей. Послѣ этого, когда мы собирались уходить, А. И., обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Вотъ какъ бываетъ на свѣтѣ: «овый трудивыйся, а овый въ трудѣ взойде», такъ случилось и со мною,—прибавилъ онъ:— хлопоталъ, добивался, а жатва попала въ ваши руки.

Ал. Ив. объявилъ мнѣ, что уѣзжаетъ послѣ завтра и надѣется, что его чемоданъ будетъ сегодня готовъ. Я отвѣтилъ, что завтра пришло его, и простился со старикомъ.

Возвратившись домой, я нашелъ, что мои студенты сдѣлали свое дѣло; мнѣ осталось только провѣрить: все ли списано и не пропущенъ ли какой нибудь документъ. Матеріаловъ явилась груда.

Всѣ эти хлопоты обошлисъ мнѣ всего въ двадцать талеровъ, но такая сумма была для меня тогда незначительна. На другой день мой посланный сдалъ чемоданъ Тургеневу и принесъ отвѣтъ, что онъ самъ зайдетъ въ посольство.

Дѣйствительно, въ 2 часа, А. И. взобрался ко мнѣ на верхъ, постучалъ предварительно въ двери и, услышавъ: *herein*, вошелъ. Это былъ послѣдній день пребыванія его въ Берлинѣ, и мы наговорились съ нимъ вдоволь.

Между прочимъ, онъ спросилъ меня: какъ именно намѣренъ я распорядиться тѣмъ матеріаломъ, который списанъ у него?

— Я и самъ еще теперь не знаю,—отвѣтилъ я:—что изъ него сдѣлаю, но это драгоцѣнныя вещи, и я ими воспользуюсь не въ ущербъ вамъ, не могу же я умолчать, что это—ваше добро.

Странное дѣло, пословица не даромъ говоритъ: что легко пришло, такъ же легко и уйдетъ. Этими драгоцѣнными матеріалами мнѣ не удалось воспользоваться. Они пропали и для меня, и для литературы русской исторіи, но обѣ этомъ я скажу въ своемъ мѣстѣ.

А. И. обѣщалъ по пріѣздѣ въ Петербургъ подготовить мнѣ почву, когда я возвращусь туда, но это ему не удалось. Припоминаю, что, когда зашла рѣчь о Тургеневыхъ вообще, А. И. рассказалъ кстати, что Тургеневы, какъ и Карамзины—татарского происхожденія... и въ ихъ гербѣ есть девизъ: «И безъ страха обличиху». Этотъ девизъ данъ имъ уже Романовыми, такъ какъ предокъ ихъ, Тургеневъ, когда въ Москву прибылъ Дмитрій Самозванецъ, подошелъ къ нему и сказалъ: «Ты не царь, ты Гришка Отрепьевъ—я тебя знаю», и тутъ же былъ смытъ народомъ.

У всѣхъ старайковъ есть слабость давать молодымъ людямъ безчисленныя порученія и комиссіи. Этой слабостью страдалъ и Тургеневъ. Прощаюсь со мной, онъ сказалъ: «одолженіе за одолженіе», и съ этими словами вынуль изъ бокового кармана нижеслѣдующую записку, которую просилъ исполнить какъ можно скорѣе и аккуратнѣе, такъ накъ нѣкоторыя порученія имѣли для него немаловажное значеніе. Вотъ эта записка:

НА ПАМЯТЬ.

«Какъ скоро получится для меня на почтѣ или въ канцеляріи посланника большої пакетъ изъ Лейпцига, съ книгою: «Historiae Russicae monumenta», то, распечатавъ онъ, письмо доставить ко мнѣ съ другими приложеніями, напримѣръ, Le Sèmeur и съ нѣмецкою критикою книги; акты (т. е. его книгу His Rus. Mon.) отдать въ переплетъ и велѣть переплести точно также, какъ первый экземпляръ, для чего прилагается 2½, th. Какъ скоро переплеть сдѣланъ будетъ, отнести книгу съ письмомъ на имя короля шведскаго повѣренному въ дѣлахъ его, для отправленія письма и книги въ Штокгольмъ, сказавъ ему, что я тотъ самый, который былъ у него и коему онъ обѣщалъ отправить пакетъ къ королю. На всякой случай дать ему и мой адресъ, у сего прилагаемый, и сказать, что въ Петербургѣ на почтѣ меня знаютъ, какъ и тамошній шведскій министръ.

«Увѣдомить меня, что скажетъ шведскій повѣренный въ дѣлахъ и когда отправить пакетъ?

«Сообщать мнѣ мало-по-малу выписки изъ здѣшняго архива или черезъ Петербургъ, или прямо въ Москву, черезъ почтѣ-директора его превосходительство Александра Яковлевича Булгакова. Также и писать ко мнѣ.

«Хлопотать объ отправленіи пакетовъ въ Парижъ, съ оставленными книгами, по данному адресу: à m-r Tourguéneff, à Paris—pour remettre dans son logement, № 14, rue Neuve du Luxembourg.

«Справиться раза два или три на почтѣ о книгахъ изъ Россіи и Франціи на мое имя и отправить ихъ ко мнѣ или по почтѣ, или съ вѣрными и скорыми попутчиками, или съ курьеромъ.

«А. Тургеневъ».

«Берлинъ, 7-го августа 1842 года».

Это были порученія на бумагѣ, а затѣмъ слѣдовали разныя порученія и комиссіи на словахъ...; но за его любезность и исторіческие материалы, которыми онъ охотно подѣлился со мною, я готовъ быть сдѣлать для него все на свѣтѣ.

Въ тотъ же день я получилъ еще другую записку А. И., въ которой онъ писалъ:

«Я перемѣнилъ планъ и юду сегодня въ 6-мъ часу вечера на Тильзитъ. Въ Кенигсбергѣ увижу Фохта и архивъ. Что сказать ему?

«Прошу завтра отправиться на почту, распечатать большия пакеты и письма прислать ко мнѣ завтра же, на имя почтѣ-директора прусскаго Нернста, кого увижу. Онъ любилъ меня и перешлетъ всюду или отдастъ. Потомъ пишите въ Москву, гдѣ скорѣе буду. Отъ 2 до 5 часа буду дома. Развѣ отлучусь на почту. Но подождите меня.

«Отъ Неандера¹⁾ будетъ книжка въ Москву.

«Я дамъ вамъ записочку о книгѣ, которую представите министру Эйхгорну, и книгу, которую онъ дасть, перешлите прежде другихъ въ Парижъ, по данному адрессу.

«Напомните Монтессю²⁾ о другомъ пакетѣ въ Парижъ. Пересылайте друзіе вѣрнѣ.

«Скажите дипломатамъ вашимъ, что заходилъ проститься. Другой Тургеневъ приѣхалъ. Будетъ у меня послѣ обѣда. Уѣхалъ ли Мейендорфъ?»

Я зашелъ къ Тургеневу проститься въ пять часовъ и засталъ у него нѣсколькихъ русскихъ: Ивана Сергеевича Тургенева, тогда еще молодаго, только-что начинаящаго автора. Я просилъ А. И. отрекомендовать меня, проѣздомъ черезъ Кенигсбергъ, извѣстному Фохту, чтѣ онъ и исполнилъ.

Спустя десять дней, я получилъ отъ Тургенева слѣдующее письмо:

«Тильзитъ. 1842. Августъ 1 (13), утро.

«Я приѣхалъ сюда ночью. Вчера въ Кенигсбергѣ былъ въ архивѣ; Фохтъ, въ отлучкѣ, но Вагнеръ, помощникъ его, показалъ мнѣ все, и я удостовѣрился, что точно удержаныя 5 связокъ тѣ, кои намъ даны теперь. Здѣсь нашель я сокровища, кои уже зналъ, но одно не знаемое списалъ: три записи руки Карамзина на нѣмецкомъ, въ коихъ онъ объясняетъ содержаніе трехъ рукописей. Генигъ подарилъ ихъ туда, какъ драгоценность. Взгляните на нихъ. Вагнеръ, у коего я купилъ книгу его: «Описаніе Кенигсберга», васъ приметъ хорошо; но книги не покупайте: не стоятъ того. Вамъ все покажутъ: спросите шкатулку въ шкапу съ рукописями о Россіи. 7 часовъ утра.

«Черезъ часъ ѳду, по свиданіи съ Нернстомъ, у коего спрошу о письмахъ изъ Берлина.

«Пишите ко мнѣ. Отшлите все скорѣе, чтѣ ко мнѣ и въ Парижѣ будетъ, и есть уже. Увѣдомьте о Лейпцигской посылкѣ. Пишите туда поскорѣе.

«Поблагодарите себя и милыхъ и добрыхъ соотчичей за оказанное рѣдкое привѣтствіе. Они меня порадовали и какъ русскаго. Я привыкъ огорчаться съ дипломатами, но всегда какъ Несторъ, лѣта древняя (т. е. мои молодыя) помянухъ, оживую съ студентами, въ коихъ и къ себѣ нахожу болѣе симпатій.

«Простите, пишите, и справьтесь у Монтессю: отправилъ ли пакетъ?

«Весь вашъ

«Тургеневъ.

«Почтъ-директоръ ничего не получалъ и сегодня не получитъ изъ Берлина, а если что будетъ, то завтра. Я ѳду не на Псковъ, а на Вильцу и Смоленскъ—45 милями ближе.

«Оставивъ Берлинъ, я отправился въ Россію чрезъ Таурогенъ и въ Тильзитъ не былъ».

Въ августѣ 1842 года, я тоже оставилъ Берлинъ, проживъ въ немъ двадцать мѣсяцевъ.

¹⁾ Извѣстнаго чудака и знаменитаго духовнаго писателя, котораго книга: «Leben Jesu», пользуется европейскою извѣстностью и до сихъ поръ; написана она была въ противоположность Страусу.

²⁾ Секретарь французскаго посольства въ Берлинѣ, въ началѣ сороковыхъ годовъ.

Тяжело мнѣ было разставаться съ городомъ, въ которомъ я видѣлъ и испыталъ одно только хорошее; мнѣ нравилась такая жизнь въ трудѣ и занятіяхъ, въ кругу людей интеллигентныхъ, въ домѣ русского посланника, гдѣ я пользовался полнымъ вниманіемъ. И вдругъ все это я долженъ былъ бросить иѣхать въсвойси, не зная, что меня ожидаетъ, что со мной будетъ... Сборы мои были недолги, я взялъ съ собою лишь нужнѣйшія бумаги и то, что переписалъ изъ бумагъ А. И. Тургенева.

Въ тайномъ королевскомъ архивѣ самъ я не могъ заниматься списываніемъ реляцій бранденбургскихъ посланниковъ, бывшихъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ; мнѣ оставалось только посадить на мѣсто себя моего знакомаго студента Левенталия, который отлично писалъ и также отлично разбиралъ старый готическій почеркъ. Къ моему отѣзду была списана одна пачка № 1, которую я и захватилъ съ собою; остальные же четыре такъ и остались на произволъ судьбы...

Наступилъ день отѣзда, и я въ дилижансѣ отправился въ Таурогенъ. Къ счастью, въ этомъ дилижансѣ въ Россію возвращались люди, съ которыми не только пріятно, но и полезно можно было провести время. Тутъ были лекторъ французскаго языка въ Дерптскомъ университетѣ Пезе-дэ-Корваль съ женой и дочерью, молодой миленькой француженкой, профессоръ Московскаго университета Крюковъ и профессоръ Горскій, затѣмъ кашубскій пасторъ (славянинъ) и я. Пезе-дэ-Корваль возвращался изъ Парижа, а Крюковъ и Горскій изъ Италии. Два дня и двѣ ночи мы провели въ безконечныхъ разговорахъ, до того интересныхъ, что я забылъ и о Берлинѣ, и о своей исторії.

Крюковъ сдѣлалъ какія-то открытія въ Римѣ, въ Ватиканской библіотекѣ, по части филологіи; Пезе-дэ-Корваль рассказалъ чудеса о парижской жизни. Въ Таурогенѣ мы сѣли въ нашъ русскій дилижансъ, послѣ того какъ насы осмотрѣли таможенные чиновники и благосклонно отнеслись къ моимъ бумагамъ и немногимъ книгамъ, и порядочно напугали нашихъ дамъ, находя, что они чрезчуръ уже полны, но дѣло обоплосъ благополучно, благодаря миловидности и молодости француженки, дочери лектора, которую не рѣшились беспокоить...

IX.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я отыскалъ С. С. Дудышкина, моего товарища по университету, больнаго, недавно окончившаго университетъ. Я поселился пока у Дудышкина и у него познакомился съ И. А. Гончаровымъ, служившимъ тогда переводчикомъ въ департаментѣ иностраннѣй торговли.

Ив. Ал. Гончаровъ былъ тогда человѣкъ молодой, кругленький, лѣнивый и мѣсто занималъ нетяжелое; тогда еще ничего не писалъ, частенько заходилъ къ намъ, отправляясь на службу, и рассказывалъ разные забавные анекдоты изъ своей московской жизни, потомъ изъ петербургской.

Мнѣ предстояло прежде всего побывать въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и поблагодарить С. С. Уварова за его вниманіе и за то, что онъ выхлопоталъ мнѣ у государя средства на изданіе втораго тома. Но Уваровъ былъ въ провинціи и осматривалъ училища. Такъ какъ археографическая комиссія избрала меня своимъ членомъ-корреспондентомъ, то приходилось побывать и у ея предсѣдателя, кн. П. А. Ширинскаго-Шихматова, который былъ, въ то же время товарищемъ ministra народнаго просвѣщенія и въ отсутствіе Уварова заступалъ его мѣсто.

Но прежде, чѣмъ явиться къ кн. Ширинскому, мнѣ совѣтовали побывать у главнаго редактора археографической комиссіи, Як. Ив. Бередникова. Я пошелъ къ нему и былъ имъ очень радушно принятъ. Узнавъ, что я совсѣмъ оставилъ Berlinъ, онъ желалъ знать, что я намѣренъ дѣлать; я передалъ ему о моемъ желаніи снова отправиться за границу, если министерство народнаго просвѣщенія дастъ мнѣ средства осмотрѣть архивы и библіотеки великаго княжества Познанскаго и Галиціи и поискать тамъ матеріаловъ для русской исторіи.

Як. Ив. былъ невзрачный старикъ, средняго роста, плѣшивъ и косоглазый, человѣкъ простой, изъ купеческаго сословія, кажется, Тверской губерніи, но человѣкъ благородный, добрый, благонамѣренный, и готовый сдѣлать добро, если это было возможно. Ему обязана археографическая комиссія многимъ. Онъ былъ археологъ-самоучка, но вмѣстѣ съ Павломъ Строевымъ они вынесли на своихъ плечахъ археографическую экспедицію, указали что хранится въ русскихъ монастырскихъ архивахъ и церковныхъ ризницахъ. Его можно было заслушаться, когда онъ разсказывалъ о томъ, какъ они странствовали по внутреннимъ нашимъ губерніямъ и съ какими страшными затрудненіями и лишеніями сопряжены были ихъ поѣздки, особенно зимою.

Бередниковъ одинъ только зналъ толкъ въ старыхъ грамотахъ и лѣтописяхъ, отлично читалъ ихъ и былъ мастеръ своего дѣла. Помощникомъ у него былъ Коркуновъ, бывшій адъюнктъ Московскаго университета, но Коркуновъ былъ слабый помощникъ. Узнавъ мои намѣренія, Я. И. передалъ о нихъ князю Шихматову, у которого онъ пользовался полнымъ довѣріемъ, и сдѣлалъ меня членомъ-корреспондентомъ археографической комиссіи. Онъ посовѣтовалъ мнѣ побывать въ министерствѣ, поблагодарить князя Шихматова и передать ему о моемъ желаніи.

Я явился въ концѣ августа въ министерство съ двумя томами

моего изданія, поднесъ ихъ князю Шихматову и поблагодариль его за избраніе меня членомъ-корреспондентомъ археографической комиссіи. Князь Ширинскій-Шихматовъ отлично меня принялъ и сказалъ, что уже знаетъ о моихъ намѣреніяхъ отъ Бередникова, что мнѣ охотно дадутъ 3,000 р. с. въ годъ съ тѣмъ, чтобы я занялся осмотромъ и собраніемъ матеріаловъ, касающихся русской исторіи въ прежнихъ польскихъ областяхъ; долго со мною разговаривалъ, велѣлъ подать записку съ проектомъ, и что остается только подождать ministra, который скоро воротится изъ своей поѣздки по Россіи и меня отправятъ за границу еще въ этомъ году.

Мои дѣла приняли такимъ образомъ отличное направлениe. Не желая терять времени, я занялся приведеніемъ въ порядокъ выписокъ, сдѣланыхъ изъ бумагъ А. И. Тургенева въ Берлинѣ и рѣшилъ составить каталогъ иностраннѣхъ источниковъ русской исторіи, по вѣкамъ и по народамъ. Вышелъ фоліантъ довольно почтенныхъ размѣровъ: въ 600 страницъ, на которыхъ съ обѣихъ сторонъ были наклеены названія матеріаловъ и указанія, гдѣ они находятся, также печатныхъ книгъ, вышедшихъ за границей о Россіи, начиная съ XVII столѣтія, въ XVIII столѣтіи и до 1840 года. Эта каталогъ остался у Андрея Николаевича Карамзина, когда я занимался съ нимъ русской исторіей, и долженъ находиться въ библиотекѣ П. П. Демидова князя Санть-Донато, такъ какъ А. Н. Карамзинъ былъ женатъ на его матери Аврорѣ Карловнѣ, рожденной Шернваль, бывшей въ первомъ бракѣ съ отцомъ Демидова.

X.

Въ началѣ сентября, возвратился наконецъ изъ своей поѣздки по Россіи С. С. Уваровъ. Князь Ширинскій-Шихматовъ, отдавая ему отчетъ о своемъ управлениi за время его отсутствія, сообщилъ ему обо мнѣ и моихъ планахъ. Уваровъ выразилъ желаніе меня видѣть и назначилъ день, въ который я долженъ былъ явиться.

Считало нeliшнимъ замѣтить, что я былъ уже раньше извѣстенъ Уварову. Въ 1837 году, я жилъ у члена совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ тайного советника Александра Яковлевича Жмакина, старшаго сына котораго, Павла, приготовляясь въ Пажескій корпусъ; здѣсь я имѣлъ случай вѣсколько разъ видѣть Уварова, былъ ему представленъ хозяйствомъ дома, какъ его студентъ и наставникъ ея сына. С. С. очень мило, ласково и внимательно обошелся со мною, разспрашивалъ меня о разныхъ разностяхъ и просилъ держать себя свободно, не стѣсняться въ его присутствіи, замѣтивъ, что въ обществѣ онъ не министръ, а С. С. Уваровъ, и только. Онъ не былъ тогда еще графомъ и вообще держалъ себя очень просто, скромно, что называется, безъ чиновъ.

Въ наружности его не было ничего представительного; онъ былъ нѣсколько ниже средняго роста, худощавъ, лицо имѣлъ пріятное, носилъ золотые очки, и когда ходилъ, то постоянно скользилъ правою ногою, какъ будто испытывая, тверда ли почва подъ его ногами. Играя въ карты, онъ казался спокойнымъ, равнодушнымъ и едва внимательнымъ; никакихъ аристократическихъ замашекъ, никакой импозантности, если можно такъ выразиться, у него не было. Такимъ я видѣлъ Уварова въ обществѣ.

Теперь, спустя пять лѣтъ, я представлялся С. С., какъ своему министру, какъ студентъ третьаго курса, не окончившій еще университета, но посвятившій уже Уварову свое первое изданіе: «Сказавія иностранцевъ о Россіи», на латинскомъ языкѣ.

Я явился къ нему въ 11 часовъ утра. Уваровъ занималъ въ то время помѣщеніе, въ которомъ теперь находится наше географическое Общество. Изъ первой большой и длинной залы, съ окнами, выходящими на площадь у Чернышева моста и украшенной отличными портретами нашихъ ученыхъ и литературныхъ знаменитостей, дежурный чиновникъ ввелъ меня въ кабинетъ. Съ кушетки, обтянутой темно-зеленымъ трипомъ, всталъ Уваровъ съ книгой въ рукахъ, въ великолѣпномъ восточномъ маловзорчатомъ шлафрокѣ, и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ко мнѣ. Я поклонился, назвалъ себя и представилъ ему второй томъ моего исторического изданія. Онъ принялъ книгу, протянулъ мнѣ руку и сказалъ: «Благодарю васъ за посвященіе; мнѣ очень было пріятно узнать, что у меня есть порядочные и трудолюбивые студенты, тѣмъ болѣе изъ петербургскихъ».

Я пробормоталъ въ отвѣтъ, что онъ слишкомъ снисходительно смотрить на мой первый трудъ.

Теперь, при великолѣпной аристократической обстановкѣ, С. С. показался мнѣ совсѣмъ другимъ лицомъ, чѣмъ въ своемъ синенькомъ вицмундирѣ въ домѣ Жмакина.

Это былъ настоящій министръ, меценатъ, аристократъ, писатель, ученый... Много значить отличная обстановка, гдѣ вкусъ и тактъ видѣнъ въ каждой незначительной вещи, даже въ разбросанныхъ бумагахъ, книгахъ, древнихъ рукописяхъ и характеристическихъ древностяхъ. Это не то, что у заграницныхъ министровъ, которые живутъ гораздо хуже нашихъ директоровъ департаментовъ.

Послѣ сказаннаго мнѣ комплимента Уваровъ продолжалъ:

— Князь (т. е. Ширинскій-Шихматовъ) передалъ мнѣ о вашемъ желаніи и планахъ; но я не могу отпустить васъ опять за границу, вы мнѣ здѣсь нужны... Можно себѣ представить, какъ пріятно было слышать такія слова ministra молодому студенту!..

— Для здѣшней римско-католической академіи мнѣ нуженъ преподаватель русской истории, а такъ какъ этотъ предметъ составляетъ вашу специальность, а мнѣ туда хотѣлось бы дать человѣка, ко-

торый бы читалъ будущимъ католическимъ ксендзамъ русскую исторію честно и правдиво, какъ вамъ ее читалъ Устряловъ,— вы очень подходящее лицо для этого мѣста: тѣмъ болѣе, что выпольскаго происхожденія и католикъ, и ваши слушатели имѣли бы къ вамъ болѣе довѣрія и вполнѣ вѣрили бы вашимъ словамъ, чѣмъ русскому человѣку, къ которому, нечего скрывать, тамъ еще пи-таютъ предубѣжденіе...

Уваровъ остановился.

На его слова я отвѣчалъ:— Ваше высокопревосходительство! мнѣ лестно слышать о томъ назначеніи, которое вамъ угодно дать мнѣ; но я еще студентъ третьаго курса и намѣренъ въ будущемъ году держать экзаменъ на кандидата, но я честно исполнилъ бы ваше желаніе и постарался бы оправдать вашъ выборъ.

— Что вы только студентъ третьаго курса, не болѣе — это не ваша забота, я знаю, какъ сдѣлать.

Я поклонился и замолчалъ.

Затѣмъ начался разговоръ о Берлинскомъ университетѣ, о русскихъ кандидатахъ, о нѣмецкихъ профессорахъ и о славянской каѳедрѣ, которую тогда занималъ Щыбульскій. Отсюда возникъ слѣдующій вопросъ Уварова:

— Читали вы лекціи Мицкевича?

— Нѣть, ваше высокопревосходительство, не читалъ... Я былъ занятъ частью посѣщеніемъ университетскихъ лекцій, частью съ сыновьями барона Мейендорфа, а все остальное время посвящалъ изданію памятниковъ....

— Я хотѣлъ знать, что вы думаете объ этихъ лекціяхъ?

Было замѣтно, что Уварову не понравился мой отвѣтъ. Такъ какъ лекціи, читанныя Мицкевичемъ въ Парижѣ о славянствѣ и призваніи славянъ, были въ Россіи запрещены, то онъ думалъ, что за границей я, вѣроятно, читалъ ихъ, но не хотѣлъ въ томъ сознаться передъ нимъ, какъ своимъ министромъ, и это ему не понравилось; но если бъ я и дѣйствительно прочелъ эти лекціи, то не смѣль бы этого сказать, такъ какъ это чтеніе было воспрещено, при томъ же, я могъ подумать, что какъ бы благодушно вопросъ ни былъ предложенъ, но онъ былъ сдѣланъ съ цѣлью испытать меня, какъ я отнoshусь къ постановленіямъ власти...

Въ эту минуту, когда я отвѣчалъ С. С. на его вопросъ о лекціяхъ Мицкевича, вошелъ чиновникъ и доложилъ о пріѣздѣ статсъ-секретаря Танѣева. Моя аудіенція кончилась; министръ поклонился, и я ушелъ. Это былъ послѣдній разъ, что я видѣлъ Уварова.

Два мѣсяца я не получалъ никакого извѣщенія и наконецъ узналъ, что преподавателемъ русской исторіи въ римско-католической академіи назначень бывшій мой профессоръ Мих. Сем. Кутторга. Конечно, М. С. былъ уже извѣстенъ какъ профессоръ всесообщей исторіи въ Петербургскомъ университетѣ, онъ не считался

особеннымъ знатокомъ русской исторіи, но я ни въ какомъ случаѣ не могъ идти съ нимъ въ сравненіе, какъ студентъ третьаго курса, хотя и занимавшійся уже изданіемъ материаловъ для русской исторіи. Но министръ имѣлъ же какіе нибудь виды и основаніе, заявивъ мнѣ желаніе свое, чтобы я занялъ въ римско-католической академіи мѣсто преподавателя русской исторіи... Безъ сомнѣнія, соображенія и комбинаціи ministра уступили убѣжденіямъ Н. Г. Устрялова, профессора русской исторіи, который былъ у Уварова свой человѣкъ; а Мих. Куторга былъ зять Устрялова, женатый на его родной сестрѣ... Спустя два года, когда я былъ уже кандидатомъ правъ и ближе сошелся съ Устряловымъ, онъ самъ предлагалъ мнѣ готовиться въ кандидаты на его мѣсто. Я замѣтилъ ему, что это невозможно, потому что я юристъ и могу держать экзаменъ только на магистра правъ, но не филологіи, такъ какъ я не знаю греческаго языка, никогда имѣть не занимался и ни въ какомъ случаѣ не могу держать экзаменъ изъ него.

Устряловъ отвѣтилъ мнѣ, что это уже не мое дѣло, и это обстоятельство можно устранить... Но я отказался, не желая окольными путями получить степень магистра филологіи и такимъ образомъ сдѣлаться приват-доцентомъ у Н. Г. Устрялова.

Не получивъ обѣщаннаго мнѣ мѣста и лишенный возможности уѣхать за границу для осмотра старинныхъ польскихъ архивовъ и известныхъ библіотекъ частныхъ лицъ въ великомъ княжествѣ Познанскомъ и въ Галиціи, я занимался, изъ любви къ искусству, у князя П. А. Вяземскаго, разборомъ его библіотеки, рукописей, переписки и собираниемъ его стихотвореній, разсѣянныхъ по всѣмъ нашимъ periodическимъ изданіямъ конца двадцатыхъ, тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ, которыя онъ собирался издать.

Князь жалѣлъ меня, но мы не могли придумать, куда обратиться и чего добиваться. Наконецъ, изъ Варшавы пріѣхали двѣ молодыя дамочки: дочь князя Вяземскаго, бывшая за П. А. Валуевымъ, и княгиня Урусова, рожденная Уварова, бывшія въ большой дружбѣ. Дочь князя остановилась у отца, и княгиня Урусова наѣздала ее ежедневно. Князь воспользовался этимъ случаемъ и просилъ княгиню похлопотать за меня у отца, чтобы мнѣ дали мѣсто въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Разставаясь съ дочерью, С. С. обыкновенно спрашивалъ: не нужно ли что для нея сдѣлать?

Княгиня Урусова передала ему, о чёмъ ее просилъ князь Вяземскій. Уваровъ взялъ первую попавшуюся ему бумагу и написалъ на ней: «Князь! (т. е. Ширинскій-Шихматовъ) дайте, пожалуйста, мѣсто кандидату СП. университета Старчевскому, вашему protégé; обѣ немъ хлопочетъ князь П. А. Вяземскій и графъ Вельгорскій. Вашъ Уваровъ».

Я вовсе не зналъ о томъ, что дѣжалось у меня за спиной. Пріѣдя на другой день къ князю Вяземскому, я получилъ вышеприведен-

ную записочку, съ которой долженъ былъ тотчасъ же отправиться въ департаментъ народнаго просвѣщенія и передать ее князю Шихматову. Князь спросилъ меня: какое мѣсто я желалъ бы получить? Я указалъ на Румянцевскій музей, гдѣ служилъ мой товарищъ по университету Апполонъ Николаевичъ Майковъ, и откуда вышелъ Востоковъ. Шихматовъ не согласился... такъ какъ уроженцы западныхъ губерній не имѣли права занимать мѣста въ столицѣ, не прослуживъ сперва въ провинціи трехъ лѣтъ; но министръ хорошо зналъ, о комъ писалъ, и по этому поводу у меня съ княземъ вышелъ весьма непріятный разговоръ. На его замѣчаніе я отвѣчалъ очень рѣзко; князь даже обидѣлся моимъ отвѣтомъ, и, разумѣется, мое опредѣленіе не состоялось.

Спустя три года, когда я уже редактировалъ «Спр. Энц. Словарь», котораго вышли тогда семь томовъ, ко мнѣ явился министерскій курьеръ и передалъ, что князь Ширинскій-Шихматовъ покорнѣйше просить пожаловать къ нему въ 10 часовъ утра. Я явился въ назначенное время, и меня ввели въ его кабинетъ. Князь былъ въ шлафрокѣ, подошелъ ко мнѣ, подалъ руку и сказалъ: «Извините, что я васъ побезпокоилъ: я счелъ долгомъ повидать васъ, поблагодарить за посыпаемый мнѣ вами «Спр. Энц. Словарь» и сказать, что это изданіе дѣлаетъ вамъ честь, особенно какъ вы вездѣ относились къ монархической власти и православной церкви. Теперь время скверное,—это было осенью 1848 года,—люди сами не знаютъ, чего хотятъ, и забыли о Богѣ. Прощайте!» Онъ подалъ мнѣ руку, и мы разстались.

XI.

Возвращаюсь къ Тургеневу.

Государь, будучи въ Москвѣ, навѣстилъ князя Голицына, узналъ всю правду объ А. И. Тургеневѣ, простилъ его и поручилъ ему продолжать свои занятія за границей.

Въ это время я получилъ отъ А. И. Тургенева слѣдующее письмо:

«Москва, 1842 года, сентября 5 ч.

«Я получилъ ваше письмо третьяго дня тремя часами позже, нежели бы надлежало, ибо передъ тѣмъ князь А. Н. Голицынъ докладывалъ по моей запискѣ государю, и я получилъ позволеніе довершить начатое дѣло въ Берлинѣ и послѣ представить бумаги государю. Если бы я имѣлъ ваше письмо тремя часами прежде, я бы сдѣлалъ изъ него выписку для прочтенія государю. Рвуясь съ досады! Да нечего дѣлать! Прошу васъ устроить такъ, чтобы списки были дописаны и чѣмъ полнѣе, тѣмъ лучше; и такъ какъ я все сіе дѣлаю на свой счетъ, то я бы не желалъ, чтобы это стоило дорого. Нельзя ли доставить мнѣ скорѣе то, что уже переписано, а я бы постарался выхлопотать, чтобы все списанное позволено было напечатать въ вашемъ любопытномъ «Сборникѣ». Между

твъмъ посылаю вамъ требуемую довѣренность, если она недостаточна, то поправьте и пришлите сюда, а я перепишу и вамъ немедленно доставлю. О Строевѣ я не упоминалъ, ибо я ему никакой довѣренности не давалъ.

«Благодарю васъ за исполненіе моихъ порученій и убѣдительнѣйше прошу снова похлопотать и написать въ Берлинѣ, чтобы: 1) по возвращеніи Неандера взяли отъ него пакетъ съ книгою; 2) чтобы Филиппи понавѣдался еще разъ о книгѣ, отдать ее для переплета Моснеру и потомъ отнесъ къ шведскому chargé d'affaires. Пожалуйста, напишите о семъ, если у васъ есть знакомые въ Берлинѣ: туда опредѣленъ князь Оболенскій, къ миссіи; спрявьтесь о немъ въ Петербургѣ. Онъ теперь еще вѣдьсъ, и поручите ему мое дѣло: онъ все исполнить, но я не знаю еще, когда онъ поѣдетъ?»

«Понавѣдайтесь, когда отпечатается моя книга, побывайте у К. С. Сербиновича¹⁾: онъ все знаетъ о моихъ дѣлахъ.

«Всѣ книги, въ 1841 году, изъ археографической комиссіи ко мнѣ посланныя, не дошли до меня, кромѣ журналовъ, кои вы видѣли въ Берлинѣ. Я писалъ о семъ и къ г. Сербиновичу, и къ Прянишникову, но по сію пору ничего не отыскано. Не похлопочете ли вы обѣ отысканіи оныхъ? Очень бы меня одолѣжили. Если г. Прянишниковъ отослалъ ихъ въ канцелярію графа Несель-рода, то надобно тамъ справиться у г. Кудрявцева. Постарайтесь отыскать затерянные квартанты²⁾. Ихъ много.

«Ожидаю отъ васъ скораго отзыва. Если бы вы хотя днемъ прежде написали ко мнѣ (такъ какъ я просилъ васъ), то мое дѣло о берлинскихъ рукописяхъ было бы въ шляпѣ и для меня безъ хлопотъ и убытокъ, а теперь!... Но не упрекаю, а только предостерегаю для будущаго. Весь вашъ А. Тургеневъ.»

По полученіи этого письма я могъ только сказать себѣ: *finita la comedia*; послѣдовала полнѣйшая неудача, какъ это нетрудно увидѣть изъ слѣдующаго письма А. И. Тургенева:

«Москва, 1842 года, 8-е октября.

«Болѣе нежели мѣсяцъ предъ симъ я отвѣчалъ вамъ немедленно на письмо ваше отъ 30-го августа, но не знаю, получили ли вы оное. Я рѣшился вторично увѣдомить васъ о полученіи письма и просить васъ поскорѣе отвѣтить мнѣ на тѣ запросы, какъ я, помнится, сдѣлалъ вамъ въ первомъ письмѣ. Встрѣтясь здѣсь съ Уваровыми, я говорилъ ему о васъ. Желалъ бы знать, надѣетесь ли вы быть съ выгодою употребленными по желанію и по способностямъ вашимъ?»

«Я получилъ извѣстіе, что въ Парижѣ ничего не получали еще ни изъ числа пакетовъ, мною въ нашей (т. е. берлинской) миссіи оставленныхъ, ни тѣхъ, кои отосланы къ французскому секретарю Montessu, для отправленія съ курьеромъ въ Парижъ.

«Нельзя ли написать къ Фегезаку и попросить его о постепенномъ отправленіи пакетовъ, а я буду просить барона д'Андрэ написать о другихъ къ Монтессю. Хотя въ нихъ ничего нѣтъ, кромѣ книгъ, но жаль, если пропадутъ.

«Не получили ли извѣстія о первомъ томѣ актовъ моихъ, который отдали мы изъ Лейпцига для отправленія въ Стокгольмъ?»

¹⁾ Редактора «Ж. М. Нар. Пр.».

²⁾ Такъ называются книги въ четвертую долю листа.

«Я ожидаю увідомлення вашого о переписанихъ въ Берлінѣ рукописяхъ, и желалъ бы взглянуть на тѣ, которыя успѣли переписать при васть; съ вами ли онѣ? Потрудитесь переслатъ ихъ ко мнѣ, хоть на время. Если въ почтамтѣ не примутъ пакета, то перешлите чрезъ К. С. Сербіновича. Есть ли надежда, что и остальное перепишется? Прежде, нежели рукописи сій не будуть представлены государю, издавать ихъ нельзя, ибо о нихъ состоялось уже высочайшее повелѣніе, но я надѣюсь испросить вамъ позволеніе напечатать ихъ.

«Уваровъ сказывалъ мнѣ также, что второй томъ моихъ актовъ уже отпечатался. Скоро ли выйдетъ? Нельзя ли справиться у К. С. Сербіновича и о томъ, пришлетъ ли онъ мнѣ письмо Матвія, краковскаго епископа, къ св. Бернарду (см. стр. XI предисловія къ моимъ актамъ), не допечатанное въ первомъ томѣ моего «Собрания», о присылкѣ коего я неоднократно просилъ его. Не потрудитесь ли вы *in extenso* и исправно переписать его. Вотъ еще проосьба къ вамъ, или, лучше сказать, запроѣ: у почтдиректора Ф. И. Прянишникова остались шесть тюковъ книгъ, по высочайшему повелѣнію, археографическою комиссию мнѣ выданныхъ. Два тюка, сверхъ сихъ шести, я уже получилъ здѣсь, но о шести просилъ я Ф. И. Прянишникова пріостановиться присылкою въ Москву, ибо онѣ, большою частью, должны быть отправлены въ чужie края. Я получилъ записку отъ К. С. Сербіновича о всѣхъ книгахъ, ко мнѣ прошлаго года отправленныхъ, кои, вѣроятно, содержатся въ 8-ми тюкахъ вышеупомянутыхъ, изъ коихъ шесть еще въ Петербургѣ.

«Изъ прилагаемаго у сего реестра увидите, что я получилъ здѣсь и что должно находиться еще въ Петербургѣ, въ шести оставшихся у г. почтдиректора Ф. И. Прянишникова, и что еще не дослано ко мнѣ археографическою комиссию. Можете ли принять на себя трудъ разсмотрѣть сіи тюки, и спрашивать въ археографической комиссии о томъ, что и почему не дослано, и отложить для меня и отправить сюда по одному экземпляру всего непосланного, остальные же оставить для храненія, а послѣ и для отправленія (мною или вами, или кѣмъ другимъ) въ чужie края? Буду ожидать на сіе предварительнаго вашего увѣдомленія и, смотря по тому, доставлю вамъ письмо къ Ф. И. Прянишникову для выдачи вамъ 6-ти тюковъ, въ Петербургѣ оставшихся. Я полагаю, что въ археографической комиссіи вы можете и безъ моего полномочія сдѣлать нужныя справки. Переговорите о семъ и съ К. С. Сербіновичемъ. Ожидая скораго отвѣта. Весь вашъ А. Тургеневъ. Адресъ мой попрежнему, на имя московскаго почтдиректора Ах. Як. Булгакова».

При письмѣ Тургенева была приложена вторичная для меня довѣренность, точно смѣха ради, когда государь поручилъ ему самому довершить это дѣло.

По прочтеніи этого письма Тургенева и неумѣстной довѣренности, не получивъ и обѣщанного мѣста въ римско-католической академіи, я вспомнилъ латинскую избитую, но вѣчно вѣрную пословицу: *«Res humanae caducae sunt»*, что значить въ вольномъ перевodѣ—«все не прочно въ этомъ непрочномъ мірѣ», и, не теряя духа, сталъ помышлять, чѣмъ мнѣ дѣлать.

Такъ какъ о побѣздкѣ за границу нечего было и думать, то оставалось приняться за приготовленіе къ экзамену, чтобы покончить съ университетомъ. Я уѣхалъ изъ Петербурга въ 1840 году, находясь въ третьемъ курсѣ, поэтому теперь надо было держать

выпускной экзаменъ изъ двухъ курсовъ вдругъ—изъ 3-го и 4-го, и писать диссертацио на степень кандидата. Но срокъ выпускного экзамена былъ только въ маѣ и іюнѣ 1843 года, слѣдовательно нужно было дожидаться его.

Въ это время я получилъ отъ П. И. Севастьянова, извѣстнаго впослѣствіи нашего туриста-археолога, которому мы обязаны изслѣданіемъ аѳонскихъ древностей и съ которымъ я путешествовалъ за границей въ 1840 году, приглашеніе повидаться съ нимъ. Вотъ въ чемъ оказалось дѣло. П. И. былъ знакомъ съ Бенардаки и часто бывалъ у него. Разъ Бенардаки спросилъ его, не можетъ ли онъ указать на человѣка, который взялся бы за воспитаніе его сына и посвятиль бы этому дѣлу девять лѣтъ: сначала отправился бы съ нимъ на три года, въ Дерптъ, а потомъ на шесть лѣтъ въ Швейцарію. П. И. рекомендовалъ ему меня и сообщилъ мнѣ объ этомъ. Но я готовился тогда къ экзамену и потому не желалъ развлекаться чѣмъ либо другимъ; притомъ мнѣ не хотѣлось связывать себя такимъ длинносрочнымъ условіемъ и превратиться въ педагога, къ чему я не чувствовалъ особаго призыва.

Не смотря на это, П. И. просилъ меня побывать у Бенардаки для того, чтобы тотъ убѣдился, что П. И. дѣйствительно вель со мною переговоры. Желая сдѣлать ему угодное, я отправился къ Бенардаки. Хотя откупа были тогда въ полномъ блескѣ и дѣла Бенардаки шли отлично, но онъ не игралъ еще такой роли, какъ впослѣствіи, когда пріобрѣлъ домъ графа Браницкаго (нынѣ князя Юсупова) на Невскомъ проспектѣ, и поселился въ немъ.

Тогда Бенардаки жилъ въ домѣ Кушелева-Безбородко, на углу Гагаринской и набережной. Обстановка его обличала въ немъ человѣка, имѣющаго деньги, но не имѣющаго вкуса. Самъ онъ мнѣ не понравился. Разговоры наши были повтореніемъ переданнаго мнѣ П. И. Севастьяновымъ. Наконецъ, онъ захотѣлъ произвести мнѣ испытаніе во французскомъ діалектѣ. Онъ удалился на минуту и вошелъ съ очень молоденькой и очень милой дочкой, одѣтой въ бѣлое кисейное платье и съ прекрасными манерами. Она обратилась ко мнѣ съ рѣчью на французскомъ языкѣ, на которомъ очень хорошо изъяснялась. Впослѣствіи она вышла замужъ за графа Бенкендорфа, тоже очень милаго молодаго человѣка.

Разставшись съ Бенардаки, я пріѣхалъ къ Петру Ивановичу и рассказалъ ему о нашемъ свиданіи. На другой день Севастьяновъ нарочно былъ на вечерѣ у Бенардаки, чтобы узнать, какое впечатлѣніе произвелъ я на него. Бенардаки отвѣчалъ:—«Старчевскій понравился намъ, и дочь сказала, что онъ хорошо говоритъ пофранцузски, но не картавить, какъ настоящіе французы». Это выраженіе намъ съ Севастьяновымъ приходилось очень часто повторять и смѣяться надъ моимъ недостаткомъ.

ХII.

Въ это же время гофмаршалъ Шуваловъ получилъ письмо отъ своего брата, жившаго въ Парижѣ, въ которомъ тотъ просилъ его отыскать молодаго человѣка, который бы занялся съ его сыномъ русскимъ языкомъ. Не помню теперь, кто указалъ графу Шувалову на меня, и онъ вошелъ со мною въ переговоры. Я не прочь былъ принять это мѣсто, потому что зналъ юношу, съ которымъ мнѣ предстояло заниматься. Когда я былъ въ Берлинѣ, графъ Шуваловъ проѣздомъ изъ-за границы былъ у барона Мейендорфа съ своимъ сыномъ, который провелъ весь вечеръ у меня на верху съ моими учениками; онъ мнѣ очень понравился, былъ хорошо воспитанъ, скроменъ; страннымъ показалось мнѣ только, что мальчикъ двѣнадцати-тринадцати лѣтъ былъ одѣтъ какъ взрослый молодой человѣкъ въ черномъ фракѣ.

Я былъ у гофмаршала, жившаго тогда въ собственномъ домѣ, на углу Прачешнаго переулка и набережной Мойки, у Цѣннаго почтамтскаго моста (нынѣ домъ Бутурлина). Графъ подробно говорилъ со мною объ условіяхъ, о занятіяхъ и о моемъ пребываніи въ Берлинѣ. Онъ немедленно написалъ своему брату въ Парижѣ, но дѣло не состоялось, кажется, потому, что графъ собирался совсѣмъ возвратиться въ Россію.

Между тѣмъ, по рекомендації князя П. А. Вяземскаго, я получилъ занятія въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», гдѣ и работалъ четыре года, съ начала 1843 до 1847 года. К. С. Сербновичъ познакомилъ меня съ Карамзінами, и я занимался съ Андреемъ Николаевичемъ весь сорокъ третій годъ славянскими языками: польскимъ, чешскимъ и сербскимъ. Объ этомъ времени я всегда буду вспоминать какъ о лучшемъ въ моей молодости.

Когда у меня начались переговоры съ графомъ Шуваловымъ, я писалъ объ этомъ А. И. Тургеневу и получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ:

«Москва, 1843 года, января 11-го.

«Я получиль, наконецъ, письмо ваше отъ 2-го января и спѣшу принести вамъ искреннѣйшую благодарность за обстоятельное увѣдомлѣніе обо всемъ, до васъ касающемся, такъ какъ и по моимъ порученіямъ. Весьма сожалѣю, что вамъ не удалось достигнуть цѣли вашихъ желаній, но если опредѣленіе ваше, въ Парижѣ, при графѣ Шуваловѣ состоится, то не должно много жалѣть о другихъ неудачахъ: тамъ найдете вы болѣе чѣмъ гдѣ либо занятій, т. е. неизвѣстныхъ рукописей о Россіи и Польшѣ: я укажу вамъ на многія въ самой королевской библіотекѣ, еще нигдѣ не напечатанныя. Увѣдомьте меня о посѣданіи для васъ теперешнихъ сношеній съ графомъ Шуваловымъ въ Па-

«Истор. вѣсти.», октябрь, 1886 г., т. xxvi.

рижъ, смотря по тому я буду заготовлять книги, какія бы туда послать желалъ изъ находящихся въ С.-Петербургѣ на сохраненіи у К. С. Сербиновица. Между тѣмъ посыпаю на сихъ дняхъ первый томъ моихъ актовъ въ Берлинъ съ княземъ Гагариномъ, который попрошу его отдать тому, кому вы поручили переплѣсть его, т. е., кажется, Филиппи, или снестись съ г. Елагинымъ для отправленія въ Швецію, чрезъ шведскаго повѣренаго въ дѣлахъ. Такъ ли? Если вы полагаете сдѣлать иначе, то напишите поскорѣе, дабы я могъ написать въ Берлинъ къ князю Гагарину. Все это на случай неполученія экземпляра, отданного Линднеру въ Лейпцигѣ. Я еще не успѣлъ прочесть присланыхъ вами тетрадей, за глазною слабостью, но тѣ, коимъ поручалъ я прочитать, говорятъ, что бумаги не очень интересны. Увѣдомьте, извѣстно ли вамъ содержаніе оныхъ? Въ чёмъ оно? И какъ составить заглавія симъ бумагамъ? Я долженъ переплѣсть ихъ и послать немедленно въ Петербургъ для представленія государю, не ожидая продолженія списковъ, коими обѣщали заняться русскіе въ Берлинѣ. Не медлите отвѣтить на сей пунктъ.

«Съ княземъ Оболенскимъ (архивистомъ) переговорю о васъ и увѣдомлю васъ немедленно и искренно, но не теряйте изъ вида Парижа. Здѣшнимъ архивомъ и послѣ можно заняться; что узнаю и обсужу, — все сообщу вамъ.

«Вяземскій, конечно, лучшій изъ людей по сердцу и по уму. Держитесь его; но онъ не по вашей части.

«Если Линднеръ доставить, наконецъ, книгу, то можно оставить ее въ посольствѣ на мое имя, и я назначу, куда отправить или кому отдать ее.

«Съ истиннымъ почтеніемъ навсегда пребываю вашимъ покорнѣйшимъ слугою. А. Тургеневъ».

Это было послѣднее письмо, полученное мною отъ Тургенева.

Когда я запелъ къ князю Вяземскому въ половинѣ января, онъ показалъ мнѣ письмо Тургенева, писанное къ нему одновременно съ полученнымъ мною и сказалъ: — «Вотъ вамъ письмо Тургенева, гдѣ онъ говоритъ о васъ; можете его оставить у себя на память». Я поблагодарилъ князя и сберегъ это письмо; въ немъ есть много интереснаго и для другихъ, и потому привожу его вполнѣ:

«11-го января, 1843 г. Москва.

«Все еще не могу переслать копіи моихъ писемъ — et pour cause: она не сдѣлана! Мнѣ прислали шесть страницъ переписанныхъ, обѣщая другія скоро и продержавъ свѣрку тобою пересланныхъ около 4-хъ мѣсяцевъ, а я и сердиться не смѣю, хотя очень, очень досадно. Теперь не знаю, къ кому и обратиться, ибо слова въ прилагаемой запискѣ: «il faut que je les r  lise», — пустое: ничего не переписано, иначе бы прислали. Самому переписывать ни силъ, ни глазъ не достанетъ. Другой копіистъ переписалъ тетрадь, но въ ней, болѣею частью, лекціи Мицкевича, коихъ не напечатаете, а Ампера не переведенные, кои худо переведете, да и трудъ великъ. Но для своего оправданія перешли ихъ, по пересмотрѣ, сегодня или послѣ завтра. Вымаранное карандашемъ никакъ не печатайте. Впрочемъ, я не знаю, не было ли уже извлеченія изъ сихъ писемъ въ «Современникѣ».

«Благодарю тебя за Старчевскаго: онъ о тебѣ пишетъ, какъ я о тебѣ думаю и чувствую. Я бы желалъ, чтобы дѣло съ графомъ Шуваловымъ уладилось. Въ Парижѣ я бы открылъ ему болѣе источниковъ русской истории, не-

жели гдѣ либо, особенно по сношенніямъ съ Польшей. Библіотека королевская очень богата, хотя многое уже и напечатано. Я буду хлопотать и у здѣшняго архивиста кн. Оболенскаго, но на него плохая надежда: онъ самъ компилиаторъ, да что-то мнѣ и не по сердцу, хотя и очень былъ ласковъ. Другое Оболенскіе съ нимъ не знаются. Жалованье архивское малое, а своего Оболенскаго не дастъ, вѣроятно. Въ Парижѣ же Старчевскій можетъ и образование свое кончить, и трудиться, и жить съ пользою для себя и для другихъ. Я писалъ къ нему сегодня письмо на его имя. Князь Гагаринъѣдетъ на этой недѣлѣ въ Берлинъ: пишу и посылаю съ нимъ въ Парижъ многое. Онъ Москвой пресытился и хочетъ перевести духъ на европейскомъ воздухѣ, хотя и здѣшнимъ дышалъ довольно приятно—въ салонахъ!

«Старуха княгиня Щербатова мать Свербъ. очень больна, хотя и не опасно, но милыя дочери не отходять отъ нея; все отъ хлопотъ, о коихъ узнаешь послѣ. Вчера, какъ и каждый вечеръ, засидѣлся и заужинался на вечеринкѣ. Графиня Салисъ-Турнемиръ (Сухо-Кобылина) собрала весь блестящій міръ; я любезничалъ съ незнакомыми почти до двухъ утра! Въ четвергъ балъ у княгини Луизы Голицыной, если дитя выздоровѣетъ. Всѣ дни взяты и не въ одномъ салонѣ: у меня *à la lettre*—на недѣлѣ семь пятницъ! Порученія твои къ двумъ милымъ кузинамъ исполнилъ. Но графъ Зубовъ въ свѣтѣ не показывается, только на пятницахъ Свербеевыхъ улыбнется, какъ солнышко весною.

«Что же ты не присылаешь мнѣ своего фонъ-Визина? Хоть въ листахъ? Да пошли его и къ Мицкевичу, и къ брату; у 1-го четыре первые листа. Я все въ страшномъ беспокойствѣ за Клару: она мученица, да мы страшимся и пособѣствій ихъ развязки.

«Какие славные стихи Павлова написала къ мужу, хотя сама и отказывается отъ адреса. Пришло, какъ скоро перепишу. И у нихъ завтра начинаются вторники; а онъ очень комично, жалко, участвуетъ, хотя и полуофициально отъ князя О. В. Голицына, рассматривая, за что берутъ и держать въ полиціи и въ тюряхъ, и донося К. Гол—у.

«Вотъ чѣдѣпицѣ изъ Парижа: «Вчера слышалъ отъ Louis Blanc, что Берье хочетъ сдѣлаться попомъ! Louis Blanc (авторъ «Исторіи X дней») хотѣлъ узнать: правда ли, и пошелъ къ Берье, стараясь въ его отвѣтахъ на различные вопросы узнать, есть ли что справедливое въ слухѣ, но ничего не узналъ. Только одна фраза Берье могла дать подозрѣніе. Видя, что ничто не идетъ такъ, какъ бы ему хотѣлось, онъ изъявлялъ иѣкоторое отчаяніе и сказалъ: «Après tout il n'y a rien à faire qu'a s'enfermer dans un cloître! Вчера я провелъ вечеръ у генерала П. и видѣлъ тамъ Lamenais. Сожалѣль, что онъ игралъ въ шашки, не принималъ участія въ разговорѣ о предметахъ философіи и богословіи; но, напротивъ, подъ конецъ говорилъ о такъ называемыхъ политическихъ предметахъ, то есть рассказывалъ анекдоты о Louis Philippe и т. д. пустые комедии! Il est tout à fait prêtre, замѣтилъ Маміани¹), по уходѣ Lamenais. И подлинно было видѣть этотъ великій талантъ, обращенный на столь мелкие предметы! Между анекдотами Lamenais упоминалъ, что Louis-Philippe, говоря о Канерѣ, сказалъ: que c'est la plus ville canaille, qu'il faut la gorger non d'écus,

¹) Маміани одинъ изъ умнѣйшихъ италіанскихъ (изъ Болоніи) профессоровъ въ Парижѣ, писатель-философъ и оригиналный; но съ предразсудками римскими стресъ съ себя и не одни предразсудки; онъ и по философской части хороший судья Ламене.

mais de gros sals et de liards!; что герцогъ Немурскій весьма простъ и всегда trés embarrassé quand il doit se montrer en public; qu'il en a des attaques de nerfs qui pourraient d閑generer en 烘ilepsie; что онъ во враждѣ съ герцогиней Орлеанской! «Вотъ какими дрянгами занимается первый писатель Франціи!» Минь пишутъ кое-что о книжкѣ «France et Russie».

«На лекції Мицкевичъ, между прочимъ, говорилъ, что при восшествіи на престолъ Іосифа II было разсуждаемо въ совѣтѣ австрійскомъ, какимъ императоръ Іосифъ себя объявить долженъ: германскимъ или славянскимъ? Рѣшено, чтобы продолжать быть германскимъ. Я слышалъ только, что при Іосифѣ II разсуждаемо было о выгодахъ для Австріи принять какую нибудь славянскую политику. Въ «Revue des deux mondes» — любопытная статья о Черной Горѣ. Можетъ быть, со временемъ Сербія и другія славянскія племена будуть играть роль въ исторіи! «Elles sont civilisables». Сею только надеждою здѣшніе славяно-филы были бы не очень довольны, ибо они находятъ и теперь уже въ славянинѣ всѣ элементы цивилизаціи и будущаго возрожденія такъ называемой ими Западной Европы.

«2 часа послѣдніе. Сейчасъ скончалась княгиня Щербатова. Я видѣлъ сына. Свербеева можетъ плакать. Елагина не плачетъ».

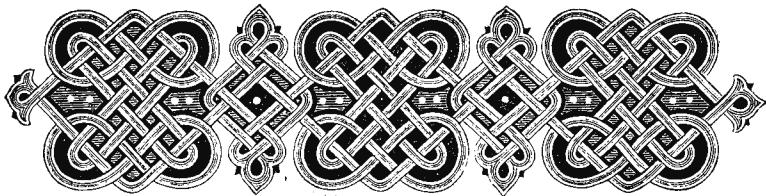
XIII.

Получивъ отъ меця выписки изъ королевскаго прусскаго тайного архива, Тургеневъ представилъ ихъ, не помню теперь чрезъ кого, государю, получилъ за это табакерку, осыпанную брилліантами, какъ мнѣ передавалъ князь Вяземскій, и отправился за границу чрезъ Петербургъ. Будучи у князя, онъ сказалъ ему, что непремѣнно желалъ меня видѣть и подѣлиться со мною царскою наградою, но будто бы не могъ отыскать меня. Тутъ уже моя очередь сказать: «овый трудивыйся, а овый въ трудъ взойде». Но вѣрно ужъ мнѣ суждено было во всемъ потерпѣть fiasco... У князя Вяземскаго былъ мой адресъ. Чиновникъ Костіевскій, состоявшій при князѣ для разъездовъ, зналъ, гдѣ я жилъ, и бывалъ у меня отъ князя нѣсколько разъ. Тургеневъ тоже добивался моего адреса изъ Москвы и получилъ его, и, всетаки, меня не нашли...

Послѣ этого я не получалъ болѣе отъ А. И. никакихъ писемъ, самъ не писалъ къ нему, и наши отношенія такимъ образомъ кончились.

А. Старчевский.

БЫТЬ САПЕРОВЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

I.

Ъ АВГУСТОВСКОЙ книжкѣ «Исторического Вѣстника» прошлого года была помѣщена моя статья, подъ заглавиемъ: «Быть саперовъ 50 лѣтъ назадъ». Настоящая статья служить дополненiemъ къ той статьѣ.

50 и 25 лѣтъ берутся, конечно, приблизительно, къ каждому периоду можетъ быть прибавляемо и отнимаемо 5—8 лѣтъ.

И 50, и 25 лѣтъ назадъ я служилъ въ саперахъ: 50 лѣтъ назадъ въ младшихъ офицерскихъ чинахъ, а 25 лѣтъ назадъ былъ генераломъ и командовалъ саперной бригадой.

Продолженіе всей своей службы я не только вникаль во все, что касалось жизни, быта и службы саперовъ, но и многое заносилъ въ свои записки, озаглавленныя «Мои воспоминанія».

Всматриваясь теперь беспристрастно въ быть и положеніе саперовъ 50 и 25 лѣтъ назадъ, невольно поражаешься различиемъ этихъ двухъ периодовъ.

50 лѣтъ назадъ наши саперы, руководимые императоромъ Николаемъ, шли быстро впередъ, инженерная наука у насъ процвѣтала, саперы любили свое дѣло; все, что печаталось по инженерной части у насъ и за границей, читалось съ жадностью; все прочитанное обсуждалось въ частныхъ офицерскихъ кружкахъ; всякою новостью, всякимъ открытиемъ и изобрѣтенiemъ по инже-

нерной части всѣ интересовались. Наши саперы стояли бевусловно выше саперовъ въ западныхъ государствахъ; прусскіе минеры учілись у насъ. Саперы наши гордились тѣмъ, что они саперы; молодые офицеры, попавъ въ саперы, ни о чемъ другомъ не мечтали, какъ только составить себѣ карьеру въ саперномъ мірѣ. Переходы въ другой родъ службы были рѣдки; прощааясь съ отходящимъ изъ саперовъ офицеромъ, товарищи сожалѣли о немъ, какъ рискующемъ промѣнять хорошее настоящее на невѣрное будущее. Императоръ Николай всегда съ особымъ удовольствиемъ вспоминалъ о подвигахъ своихъ саперовъ и на Кавказѣ, и во всѣхъ войнахъ, веденныхъ въ его царствованіе, а въ послѣдніе дни жизни своей, Николай I истинно восхищался подвигами саперовъ подъ Севастополемъ. Подъ Севастополемъ саперы, со знаменитымъ граffомъ Тотлебеномъ, достигли апогея своей славы: вся армія, вся Россія, отдавали должную дань благодарности иуваженія нашимъ саперамъ.

И вдругъ, по заключеніи Парижского мира, съ начала 60-хъ годовъ, настала реакція. Саперы охладѣли къ своей службѣ, стали апатично относиться къ ней; почти перестали интересоваться перемѣнами, совершившимися тогда въ инженерномъ корпусѣ; внѣшнія перемѣны, повидимому, ихъ болѣе интересовали, чѣмъ то, что дѣжалось въ служебной ихъ сфере; перестали или почти перестали заниматься инженерною частью; если нѣкоторые офицеры и читали кое-что, то не по душевному влечению къ инженерному дѣлу, а по необходимости. Лучшіе офицеры только и заботились о томъ, какъ бы скорѣе уйти изъ саперовъ, переходили, куда только могли, къ частнымъ занятіямъ, на жѣлезныя дороги, въ кадетскіе корпуса, въ лѣсничіе, въ армію, даже въ становые приставы.

Причины такой перемѣны въ настроеніи саперовъ были и общія, или внѣшнія, и частныя, или внутреннія. Къ общимъ причинамъ относятся слѣдующія обстоятельства.

Послѣ каждой войны, войска, участвовавшія въ боевыхъ дѣлахъ, неохотно возвращаются къ обыденнымъ мирнымъ занятіямъ. Для саперовъ это было особенно тяжело; въ крымскую войну, всѣ саперы, даже самые молодые офицеры, играли видную роль, они привыкли имѣть кое-какое значеніе и вниманіе къ себѣ, и вдругъ пришлось обратиться какъ бы въ ничто и присутствовать на одиночномъ ученьѣ. Къ тому же, тотчасъ по заключеніи Парижского мира, вышелъ новый воинскій уставъ. Хотя новый уставъ былъ гораздо короче и проще Николаевскаго устава, но его, всетаки, надобно было изучить, и всѣ саперы, старые и молодые, тяготились тѣмъ, что послѣ военныхъ подвиговъ должны изучать военную азбуку—рекрутскую школу, а служба требовала этого.

Саперы безмолвно горевали, что всѣ труды, всѣ подвиги ихъ въ минувшую войну неувѣнчались желаннымъ успѣхомъ. Парижскій миръ далеко не удовлетворялъ ихъ. Неохотно говорилось, не-

охотно вспоминалось о частныхъ отдельныхъ случаяхъ и эпизодахъ, имѣвшихъ большой успѣхъ, когда въ общемъ все пропало.

Послѣ крымской войны, по приведеніи войскъ на мирное положеніе, скоро началось формирование въ арміи новыхъ частей; число дивизій въ русской арміи почти удвоилось, чрезъ это производство въ пѣхотѣ на ваканціи ускорилось, а въ инженерномъ корпусѣ не формировалось никакихъ новыхъ частей; саперные офицеры, привыкшіе во время войны получать частныя повышенія и отличія, вдругъ засѣли въ безконечную мирную колею. Сравнивая тогдашнюю службу саперныхъ офицеровъ со сверстниками ихъ по производству въ первый офицерскій чинъ въ арміи, оказывалось, что товарищи саперныхъ штабсъ-капитановъ въ арміи были маюрами, а саперные штабсъ-капитаны не могли и приблизительно разсчитать, чрезъ сколько лѣтъ имъ достанется производство въ капитаны.

Саперы искони привыкли къ тому, что никакое постороннее начальство до нихъ не могло касаться; они подчинялись исключительно одному генералъ-инспектору по инженерной части, а съ учрежденіемъ военныхъ округовъ, они подпали подъ команду армейского начальства. Теперь это, конечно, обошлось, но въ первое время было крайне непріятно; не знали, какъ отнесется армейское начальство къ саперамъ, можетъ быть, оно пренебрежетъ специальностью саперной службы и поставитъ саперовъ на одну линію съ пѣхотой.

Въ крымскую войну всѣ саперныя части были въ дѣлѣ, всѣ офицеры получали усиленное содержаніе, и, по заключеніи мира, перейти на ординарный окладъ было нелегко. Къ тому же по нѣкоторымъ вѣдомствамъ въ то время были увеличены оклады содержанія; окладъ становаго пристава былъ доведенъ до 900 рублей въ годъ, и этотъ окладъ былъ приманкою для офицера, получающаго въ годъ 350 рублей.

Начавшіяся реформы въ имперіи прежде всего отразились на финансахъ. Съ перемѣнами по опекунскимъ учрежденіямъ, съ упраздненіемъ приказовъ общественнаго призрѣнія, на капиталы, хранившіеся въ государственномъ банкѣ, вместо 5%, назначено было выдавать только по 3%, кажется, даже по 2%. Капиталы вынимались на частныя предприятия, появилось множество компаний и товариществъ на акціяхъ и паяхъ, гдѣ служащимъ назначалось огромное содержаніе и эти компаніи сдѣлались приманкою для саперныхъ офицеровъ. Главнѣйшею приманкою была начавшаяся тогда постройка желѣзныхъ дорогъ, гдѣ и третъестепеннымъ дѣятелямъ давали содержаніе свыше 2.000 рублей въ годъ.

О внутреннихъ или частныхъ причинахъ, повліявшихъ на положеніе саперныхъ офицеровъ, многое выяснится изъ дальнѣйшаго рассказа.

II.

Въ 1856 году, послѣдовали важная перемѣны въ управлениі инженернымъ корпусомъ. Инспекторъ инженернаго корпуса генералъ Денъ и его начальникъ штаба, генералъ Политковскій, были смѣнены. Молодой генераль-инспекторъ по инженерной части, великий князь Николай Николаевич Старшій, вступилъ въ управление инженернымъ корпусомъ; начальникомъ штаба къ нему былъ назначенъ полковникъ, вскорѣ произведенный въ генералы, Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ. Ласки и привѣтливость великаго князя, доступность къ нему, видимое желаніе его ознакомиться со всѣмъ, что касалось инженерной части,—очаровывали инженерный корпусъ. Начальникъ штаба вторилъ великому князю: Кауфманъ былъ необыкновенно внимателенъ ко всѣмъ лицамъ, обращавшимся къ нему, и всегда держалъ себя съ большимъ тактомъ. Казалось, что для инженернаго корпуса наступилъ золотой вѣкъ. Но это продолжалось недолго.

По заключеніи Парижскаго мира, Тотлебенъ долго лѣчился отъ полученной раны въ Россіи и за границей. Въ 1859 году, онъ возвратился въ Петербургъ и въ октябрѣ того года получилъ видный постъ въ инженерномъ вѣдомствѣ—директора инженернаго департамента. Въ біографическомъ очеркѣ Тотлебена, на стр. 540¹⁾, по поводу этого назначенія сказано, что Тотлебенъ сталъ управлять департаментомъ на новыхъ болѣе рациональныхъ началахъ. Въ сущности эти рациональныя начала заключались въ мелочныхъ, безпрерывныхъ его пререканіяхъ съ Кауфманомъ.

Тогда я былъ полковникомъ, командиромъ учебно-сапернаго баталіона, квартировавшаго сперва въ Царскомъ Селѣ, а потомъ въ Ораніенбаумѣ, и вскорѣ сокращенномъ на половину, т. е. обращенномъ въ полубаталіонъ. Я часто видѣлся съ Кауфманомъ, онъ не разъ говорилъ мнѣ, что положеніе его невыносимо, что онъ вынужденъ быть просить великаго князя, чтобы его высочество помогъ ему выйтіи изъ настоящаго положенія, что онъ готовъ подчиниться Тотлебену, но не можетъ допустить, чтобы Тотлебенъ постоянно вмѣшивался въ его дѣла, какъ начальника штаба. И это говорилось не мнѣ одному, а многимъ. Дошло дѣло до того, что Кауфманъ, выслушивая представляющихъ ему офицеровъ, особенно пріѣзжихъ изъ провинцій, не давалъ положительныхъ отвѣтовъ, а предупреждалъ, что переговорить съ Э. И. Тотлебеномъ, и по инженерному корпусу пошла молва, что сила-то вся въ Тотлебенѣ.

¹⁾ Ссылки дѣлаются на страницы біографическаго очерка, напечатаннаго въ «Инженерномъ Журналѣ» 1884 и 1885 годовъ.

Обойду 5-ти лѣтній періодъ командованія мною учебнымъ сапернымъ полубаталіономъ; этотъ полубаталіонъ состоялъ на особыхъ правахъ: въ немъ служба, жизнь и положеніе саперовъ ничего не имѣли общаго со всѣми остальными саперными частями, и перейду къ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ назначеніе меня командромъ саперной бригады.

Кауфманъ, въ бесѣдахъ со мной, въ 1858 и 1859 годахъ, нѣрѣдко говорилъ, что неутѣшительныя вѣсти получаются изъ 1-й или варшавской саперной бригады и особенно изъ 2-й кievской самой большой тогда бригады. Вечеромъ, 19-го октября 1859 года, въ день осенняго парада, я зашелъ къ Кауфману; онъ, видимо, обращался и говорить, что подѣлится со мной большими секретами, но чтобы я его не выдавалъ до поры, до времени. Кауфманъ говорилъ: «Вы скоро будете произведены въ генералы съ назначеніемъ командромъ 2-й саперной бригады; свыше это уже решено и даже сегодня, во время парада, когда вы проходили съ полубаталіономъ, государь, восхищаясь прекраснымъ состояніемъ вашего полубаталіона, сказалъ великому князю, указывая на васъ:—Пора ему въ генералы». Далѣе Кауфманъ сказалъ: «Дѣло стало только за присканіемъ вамъ преемника, еще ни на комъ не остановились, а жаль будетъ, если послѣ васъ учебный саперный полубаталіонъ упадетъ. Ну, скажите,—спрашивается Кауфманъ.—кого бы вы указали себѣ въ преемники?» Я указалъ на капитана л.-гв. сапернаго баталіона Орловскаго, нынѣшняго начальника 1-й саперной бригады. «Это,—отвѣчалъ Кауфманъ,—не приходило намъ въ голову, мы все перебирали штабъ-офицеровъ, подумаемъ, подумаемъ».

30-го декабря, въ Ораніенбаумѣ, получилъ записку отъ Кауфмана: «Къ новому году вы вѣрно будете въ Петербургѣ; пожалуйста, наканунѣ, 31-го числа, вечеромъ въ 7 или 8 часовъ, зайдите ко мнѣ на минутку». И Кауфманъ сказалъ, что вѣсти изъ 2-й саперной бригады, особенно изъ 5-го сапернаго баталіона—Волькенштейна и резервнаго сапернаго полубаталіона—Ползикова, такъ не хороши, что великий князь теперь же посыпаетъ меня въ Кіевъ, произвести внезапные и самые подробные инспекторскіе смотры этимъ двумъ частямъ и желаетъ, чтобы я выѣхалъ отсюда не позже 2-го января. Я отвѣчалъ, что мнѣ все равно, когда выѣхать—2-го ли числа, или хоть сю минуту, но на 6-е января уже назначено большой крещенскій парадъ, и мнѣ самому хотѣлось бы представить полубаталіонъ, можетъ быть, въ послѣдній разъ. Кауфманъ призналъ возможнымъ отложить мой выѣздъ до утра 7-го числа, но 6-го числа, по случаю сильнаго мороза, парадъ былъ отложенъ на 7-е число; 7-го числа морозъ былъ еще сильнѣе, и парадъ былъ вовсе отмѣненъ.

8-го января 1860 года, я уѣхалъ въ Кіевъ и 28-го января возвратился въ Петербургъ. Кауфманъ встрѣтилъ меня опять но-

востью, что съ экономическою цѣлію рѣшено совершенно упразднить всѣ учебные карабинерные полки и учебный саперный полу-баталіонъ. «Признаться вамъ,—говорилъ Кауфманъ:—мы, т. е. великий князь и онъ, Кауфманъ, пришли къ тому убѣжденію, что, по-жалуй, упраздненіе учебнаго сапернаго полубаталіона дѣлается къ лучшему, тѣмъ болѣе, что намъ удалось выговорить, чтобы половина экономіи отъ упраздненія учебнаго полубаталіона обращена была на усиленіе средствъ специального образованія въ остальныхъ саперныхъ частяхъ. И теперь,—прибавилъ Кауфманъ,—вамъ (т. е. мнѣ) предстоитъ двѣ экстренные задачи: составьте подробный документальный разсчетъ, во что обходится нынѣшнее годовое содержаніе учебнаго полубаталіона, и составьте положеніе о специальномъ образованіи инженерныхъ войскъ, принявъ во вниманіе пособіе отъ казны въ размѣрѣ полугодовой стоимости учебнаго полубаталіона».

Интересна тогдашняя стоимость содержанія учебнаго сапернаго полубаталіона:

Денежное содержаніе 17-ти офицерскихъ чиновъ, въ томъ числѣ и командира, т. е. жалованье, столовыя, квартирные деньги и фуражные на адъютанта	9,269	p. 75 ^{1/4}	к.
Денежное содержаніе 630 нижнихъ чиновъ	3,418	» 95	»
Приварочные деньги и провіантъ на нижнихъ чиновъ	18,117	» 33 ^{1/2}	»
Мундирная одежда нижнихъ чиновъ, бѣлье, обувь	9,288	» 04	»
Оружіе, амуниція и шанцовый инструментъ	1,101	» 08 ^{1/2}	»
Учебная пособія и содержаніе понтонного парка	2,095	» 57	»
Содержаніе обоза, подъемныхъ лошадей, музыкантскаго инструмента, канцеляріи и мастерскихъ	1,233	» 90	»
Казармы, отопленіе и освѣщеніе ихъ	7,320	» 90	»
Ремонтъ казармъ, отданный въ распоряженіе командира полубаталіона	1,000	» —	»
Итого	52,845	p. 53 ^{1/4}	к.

Если эту сумму раздѣлить на 630, по числу нижнихъ чиновъ, то содержаніе одного учебнаго солдата обходилось въ годъ около 84 рублей, а содержаніе учебнаго солдата тогда считалось роскошнымъ, при обильныхъ средствахъ для образованія его и при дѣйствительно роскошномъ казарменномъ помѣщеніи. Кроме широкаго расположенія нижнихъ чиновъ для жилья, у насъ было 10 огромныхъ залъ, или классныхъ комнатъ, свой манежъ, своя церковь. Полубаталіону отданы были тѣ казармы, гдѣ прежде расположено было весь лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ.

По поводу составленія новаго положенія о спеціальному образованіи инженерныхъ войскъ, я нѣсколько разъ совѣщался съ Кауфманомъ, и два раза совѣщанія происходили у великаго князя; Тотлебена при этомъ вовсе не было, все дѣжалъ Кауфманъ, помимо Тотлебена, да Тотлебена, сколько помнится, тогда и не было въ Петербургѣ, а въ біографическомъ его очеркѣ, на стр. 614, все это приписано ему.

На такъ называвшемся майскомъ парадѣ, 20 апрѣля 1860 года, я въ послѣдній разъ представляль свой полубаталіонъ; государь простился съ нимъ и вскорѣ послѣдовалъ приказъ о его расформированії. Къ концу мая расформированіе кончилось, и я былъ готовъ къ отѣзду. Въ началѣ іюня, великій князь письменно спросилъ военнаго министра Сухозанета, когда послѣдуетъ приказъ о моемъ производствѣ и назначеніи, на сдѣланное уже представление. Сухозанетъ отвѣчалъ, что приказъ состоится не ранѣе 30 августа, на основаніи особаго высочайшаго повелѣнія, чтобы подобныя представленія подносились только два раза въ году, къ 17 апрѣля и къ 30 августа. Великій князь вновь просилъ Сухозанета испросить высочайшее повелѣніе о скорѣйшемъ производствѣ меня и назначеніи, объясняя при этомъ, что бывшій командиръ бригады, генераль-маіоръ Кехли, уволенъ отъ службы по болѣзни, бригада вся въ лагерномъ сборѣ безъ начальника, а командировать туда полковника Кренке, какъ временно командующаго бригадой, неудобно, потому что тамъ 4 полковника старше его въ чинѣ. Сухозанетъ отвѣчалъ, что онъ совершенно согласенъ съ мнѣніемъ его высочества, но, всетаки, не считаетъ себя въ правѣ войти со всеподданнѣйшимъ докладомъ ранѣе 30 августа.

20 іюля, въ Петергофѣ, у принца Ольденбургскаго былъ балъ, на которомъ были государь и великий князь, были Сухозанетъ и Кауфманъ. На балу государь сказалъ великому князю, что получень секретный доносъ о томъ, что командующій 2 саперною бригадой командиръ 1 конно-піонернаго дивизіона полковникъ Крыловъ собираеть офицеровъ, подъ предлогомъ совѣщанія по производству практическихъ работъ, а въ сущности офицеры трактуютъ о современныхъ дѣйствіяхъ правительства. Великій князь отвѣчалъ, что не допускаетъ мысли, чтобы на этихъ совѣщаніяхъ говорилось что нибудь предосудительное, но во всякомъ случаѣ вредно оставлять цѣлую бригаду такъ долго безъ начальника, что онъ не разъ просилъ военнаго министра о скорѣйшемъ производствѣ Кренке съ назначеніемъ командиромъ бригады, но военный министръ отложилъ это до 30 августа. Государь приказалъ Сухозанету внести въ приказъ о моемъ производствѣ и назначеніи, и 22 іюля 1860 года состоялся этотъ приказъ.

10 дней продолжались неизбѣжныя представленія и прощальныя визиты; при послѣднемъ представленіи великому князю, я до-

кладывалъ, что прежде всего полагаю искоренить въ бригадѣ злоупотребленія по веденію ротнаго хозяйства и лучшимъ средствомъ для того признаю ввести тамъ тотъ же порядокъ въ ротномъ хозяйствѣ, который принять здѣсь, въ гвардіи. Его высочество отвѣчалъ: «Непремѣнно вводи и вводи».

2 августа, я со всѣмъ семействомъ выѣхалъ изъ Ораніенбаума и 10 августа вступилъ въ командованіе бригадой.

III.

2 саперная бригада тогда состояла изъ 9-ти частей: три саперные баталіона—4, 5 и 6-ой; резервный саперный полубаталіонъ; три понтонные парка—4, 5 и 6-ой; 1-ый конно-піонерный дивизіонъ и 2-ой полевой инженерный паркъ, а потомъ въ составъ бригады подошелъ изъ Бендеръ еще осадный инженерный паркъ. О состояніи бригады я давно зналъ по наслышкѣ отъ прѣзжавшихъ оттуда офицеровъ, а въ январѣ мѣсяцѣ, инспектируя 5-ый саперный баталіонъ и резервный саперный полубаталіонъ, хорошо ознакомился съ этими частями и по нимъ могъ судить о цѣлой бригадѣ; но, всетаки, бригада, когда впервые представилась мнѣ, какъ своему начальнику, произвела на меня тяжелое, удручающее впечатлѣніе.

По прїездѣ въ Киевъ я не назначалъ отдѣльного пріема командинровъ частей и всѣхъ офицеровъ, а прямо приказалъ всей бригадѣ выстроиться на плазу передъ своимъ лагеремъ, причемъ офицерамъ быть въ полной парадной формѣ, а нижнимъ чинамъ въ новыхъ мундирахъ, въ фуражкахъ, безъ ружей и безъ амуниціи. Всѣхъ командировъ я давно зналъ, многіе изъ нихъ были моими товарищами по службѣ, былъ знакомъ и со многими офицерами и многихъ зналъ по фамиліямъ, по наслышкѣ; тамъ было много прекрасныхъ офицеровъ, но они прозябали въ общей массѣ. Нижніе чины представились въ ужасномъ видѣ, половина была не брита, что тогда считалось криминаломъ; мундиры были спиты отвратительно и, большою частью, были коротки; фуражки безобразныя, разнокалиберныя, нахлобученные у одного на затылокъ, у другаго на лобъ, у одного на правое, у другаго на лѣвое ухо; равненіемъ, стойкою, взглядомъ, нижніе чины представляли иррегулярную толпу. Хуже всѣхъ представился 4 саперный баталіонъ полковника Махарова, а въ баталіонѣ слабѣйшою ротою была 1-я саперная капитана Пощеки,—части, составлявшія правый флангъ бригады. Я зналъ, что переводы людей не только изъ одного баталіона въ другой, но изъ одной роты въ другую того же баталіона, очень непріятны и для начальниковъ, и для солдатъ, но долженъ былъ тутъ же подобрать 1-я роту 4-го сапернаго баталіона изъ цѣлаго

того баталіона и частію изъ другихъ баталіоновъ и потому не разъ лично училъ эту роту. Послѣ первого наружного осмотра, распустивъ бригаду и направляясь домой, я шелъ пѣшкомъ къ своему извозчику; всѣ командиры частей сопровождали меня до извозчика, путь лежалъ мимо поля, гдѣ производились практическія саперныя работы; я кстати предложилъ пройти по окраинамъ работъ. Въ тотъ годъ общихъ бригадныхъ работъ не было, работы производились побаталіонно и поротно, и что же?—командиры частей не знали своихъ участковъ работъ.

Первый смотръ бригады назначенъ былъ въ часъ дня, на другой день осмотръ лагеря и всѣхъ помѣщеній для солдатъ назначенъ былъ съ 6-ти часовъ утра. Эта новость крайне озадачила и всѣхъ командировъ, и всѣхъ вообще офицеровъ, они и во время лагеря привыкли спать до 9-ти, до 10-ти часовъ утра. Командиры частей жили вельможами на своихъ дачахъ, вблизи лагеря, выѣзжали въ городъ въ каретахъ, шестернями, съ форейторами; въ лагерь являлись не ранѣе 11-го часа утра, а потому и всѣ офицеры спокойно опочивали до этого времени. Осмотръ втораго дня начался также съ праваго фланга, съ лагеря 4 сапернаго баталіона. Бригада расположена была лагеремъ въ одну линію, почти въ перпендикулярномъ направлениі къ течению Днѣпра, правымъ флангомъ къ берегу рѣки. И что же оказалось? На правомъ флангѣ, у самаго Днѣпра, были расположены отхожія мѣста цѣлой бригады, тутъ же брали и воду, и на рукахъ или на плечахъ солдатъ вода разносилась по всему лагерю, причемъ на лѣвый флангъ лагеря приходилось носить воду почти на версту. Самыя отхожія мѣста были въ такомъ ужасномъ видѣ, что туда просто невозможно было ходить, и потому по вечерамъ и ночью все совершалось вокругъ жилыхъ бараковъ, и въ лагерѣ постоянно была вонь. На отхожія мѣста никто и не заглядывалъ, ротные командиры даже не знали мѣсть своихъ ротъ. Я приказалъ ту же минуту устроить новыя отхожія мѣста въ тылу лагеря каждой части, по образцу, одобренному императоромъ Николаемъ для лагеря петербургской саперной бригады¹⁾; старые отхожія мѣста засыпать, на мѣстахъ ихъ по

¹⁾ Въ 1848 году, императоръ Николай замѣтилъ вонь отъ отхожихъ мѣсть въ Красносельскомъ лагерѣ и приказалъ справиться, какъ устроены отхожія мѣста въ прусскихъ лагеряхъ; тамъ никогда не слышно было вони. Свѣдѣнія о прусскихъ отхожихъ мѣстахъ съ чертежемъ получены было въ августѣ, когда оканчивался Красносельскій лагерь, а какъ саперный лагерь тянулся мѣсяцемъ долѣ, то государь приказалъ полученное свѣдѣніе изъ Пруссии передать въ саперный лагерь и обѣцталъ самъ посмотрѣть. 8 сентября 1848 года, при осмотрѣ государемъ практическихъ саперныхъ работъ, лейб-гвардіи сапернаго баталіона полковникъ Коваленскій докладывалъ государю о прусскихъ отхожихъ мѣстахъ слѣдующее: на каждую роту, въ тылу лагеря отводится отдѣльный участокъ; на каждомъ участкѣ, на каждую недѣлю, отрывается длинный, узкий и не глубокій ровикъ, черезъ него перекидывается нѣсколько дощечекъ, на которыхъ

берегу Днѣпра устроить садъ, и тутъ же рѣшилъ строить водопроводъ отъ Днѣпра вдоль всего лагеря, съ кранами для каждой роты. Солдатскую пищу далеко нельзя было похвалить, и съ перваго же раза обнаружился большой беспорядокъ, такъ въ одномъ и томъ же баталіонѣ, въ одной ротѣ на 210 человѣкъ выводилось въ расходъ на день 3 пуда мяса, по 1 р. 40 к. пудъ, а въ другой ротѣ на 190 человѣкъ $3\frac{1}{2}$ пуда, по 1 р. 60 к. за пудъ, мясо же всею бригадой бралось у одного поставщика. Въ одной ротѣ одного и того же баталіона, къ обѣду приготавлялись щи и каша, и въ другой—только щи, безъ каши; въ одной ротѣ все лѣто приготавлялся квасъ, а въ другой квасу вовсе не было. Все это тотчасъ же приведено было въ строгій порядокъ и однообразіе. Въ лагерѣ было 12 медиковъ и не наряжался дежурный медикъ по лагерю; въ тотъ же день была учреждена эта должностъ; на дежурнаго медика, кроме общихъ обязанностей дежурнаго, возложено было наблюденіе за качествомъ приготавляемой пищи и всѣхъ стѣсненныхъ припасовъ, и долженъ отдать полную справедливость тогдашнимъ медикамъ, во все время командованія мною бригадой, они добросовѣстно исполняли эту обязанность и постоянно доводили до моего свѣдѣнія о неудовлетворительной пищѣ или припасахъ. На бригадной гауптвахтѣ содержалось подъ арестомъ много низкихъ чиновъ, подсудимыхъ и состоявшихъ подъ слѣдствіемъ; не говоря уже о томъ, какъ ужасно они содержались, мнѣ никто не могъ дать отвѣта, ни командиры частей, ни аудиторы, завѣдовавшіе тогда судными и слѣдственными дѣлами, за что именно арестованы низкие чины и съ котораго времени. Дежурный по бригадѣ капитанъ, въ то же время и дежурный по карауламъ, не зналъ числа арестантовъ.

становятся люди для исполненія нужды; черезъ недѣлю ровикъ засыпается открытою изъ него землей и вслѣдъ него отрывается новый ровикъ, такъ продолжается во все лагерное время. У насъ,—продолжалъ Коваленскій,—сперва ровики отрывались по прусскимъ размѣрамъ, соразмѣряя длину ровиковъ съ числомъ людей, но наши ровики наполнялись не въ недѣлю, какъ у пруссаковъ, а въ $4\frac{1}{2}$ —5 дней, такъ что мы принуждены были увеличить глубину и ширину своихъ ровиковъ. По прусской запискѣ вѣтъ дневныхъ изверженія одного солдата вѣсятъ около 3 фунтовъ, а дневное изверженіе нашего солдата, по опытамъ, произведеннымъ во всѣхъ трехъ саперныхъ баталіонахъ, вѣсить около $4\frac{1}{2}$ фунтовъ. Императоръ, цесаревичъ Александръ Николаевичъ и великий князь Михаилъ Павловичъ много смыслись; государь сказалъ: «Ну, такъ будемъ держаться русскихъ порцій», а великий князь Михаилъ Павловичъ замѣтилъ, что разность въ порціяхъ нашихъ и прусскихъ, можетъ быть, и не такъ велика: у насъ производились наблюденія въ концѣ августа, когда жара спала и люди были на полуотдыхѣ, а въ Пруссіи, можетъ быть, дѣлали наблюденія въ сильные жары, въ дни усиленныхъ учений, тогда испарина и потъ могли составить эту разность. Понятно, что, привыкши къ такому вниманію и государя, и великихъ князей ко всему, что касается солдата, я былъ пораженъ совершенною безпечностью частныхъ, ближайшихъ начальниковъ.

Не буду говорить о подробностяхъ первыхъ смотровъ въ послѣдующіе дни, объ инспекторскихъ смотрахъ, о строевыхъ ученыахъ, о подробномъ осмотрѣ произведенныхъ практическихъ работъ, объ экзаменахъ школъ, объ отдѣльномъ осмотрѣ унтеръ-офицеровъ и проч.— боюсь утомить читателя, да и воспоминанія о томъ неутѣшительны. Скажу только, что чрезъ 6 лѣтъ, въ августѣ 1866 года, вступивъ въ командование 26-ю пѣхотною дивизіей, первые смотры полковъ той дивизіи я невольно сравнивалъ съ первыми смотрами 2 саперной бригады и находилъ, что дивизія, по наружному виду, по фронтовому образованію и по отправленію внутренней службы, была несравненно въ лучшемъ состояніи, чѣмъ была саперная бригада въ 1860 году, не смотря на то, что 26-я дивизія была сформирована только въ 1863 году изъ четырехъ резервныхъ баталіоновъ, изъ которыхъ каждый обращенъ въ полкъ, добавленіемъ отпускныхъ нижнихъ чиновъ и что дивизія почти на половину была наполнена сбродомъ непозволительныхъ офицеровъ. Въ нравственномъ же отношеніи саперная бригада 1860 года была, понятно, далеко выше дивизіи 1866 года. Приведу одно сравненіе. Всѣмъ известно, что 25 лѣтъ назадъ въ арміи нашей пьянство между офицерами было еще очень развито, но въ саперной бригадѣ, въ 1860 году, я засталъ на 122 всего числа офицеровъ двухъ горькихъ пьяницъ и 4-хъ такихъ, которые при удобномъ случаѣ напивалась до безобразія, а въ дивизіи, въ 1866 году, на 199 офицеровъ, я засталъ горькихъ пьяницъ, такихъ, которыхъ необходимо было удалить изъ службы 35, и почти столько же напивавшихся при случаѣ.

Съ командирами саперныхъ частей и со всѣми офицерами на службѣ я держалъ себя серьѣзно, ни къ кому не обращался по имени и отечеству, а къ фамиліи прибавлялъ чинъ, вѣдь же службы обращался со всѣми очень просто, какъ товарищъ, изучивъ имена всѣхъ. Командиры частей, особенно въ первое время, какъ-то странно держали себя относительно меня, каждый изъ нихъ желалъ говорить со мной наединѣ, и это доходило до комизма. Всякий день я былъ въ лагерѣ два раза, утромъ и вечеромъ, при уходѣ моемъ изъ лагеря, командиры частей обыкновенно окружали меня, и какъ только я откланился, одинъ изъ нихъ дѣлаетъ шагъ впередъ ко мнѣ, и если замѣтить, что и другой направляется ко мнѣ, то первый ретировался, а оставшіеся на мѣстѣ подсмѣивались надъ неудачей первого. Въ разговорѣ наединѣ съ командирами частей я интересовался деталями домашней жизни и внутренняго управлениія, и они, умалчивая о своихъ дѣйствіяхъ, подробно передавали мнѣ о томъ, что дѣлалось въ другихъ частяхъ, въ особенности командиры 4 и 5 баталіоновъ, полковники Макаровъ и Волькенштейнъ, не щадили никого и хуже всѣхъ относились Макаровъ о Волькенштейнѣ, а Волькенштейнъ о Макаровѣ, хотя, повиди-

мому, жили между собой хорошо, дружелюбно, только командиръ 1-го конно-піонернаго дивизіона полковникъ Крыловъ (впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ, начальникъ кавалерійской дивизіи и подъ Плевной 1877 года командовалъ всей кавалеріей) составлялъ исключение: онъ если и касался личностей другихъ командировъ, то не въ служебномъ отношеніи, а рассказывалъ забавные случаи изъ частной ихъ жизни. Въ такомъ же родѣ начинали со мной бесѣду и ротные командиры, при каждой случайной съ ними встречѣ, а эти встречи были очень часты. Вместо того, чтобы на вопросъ мой разсказать о своемъ житьѣ, они распространялись о жизни и дѣятствіяхъ другихъ ротныхъ командировъ; я постоянно останавливалъ рассказчика и говорилъ, что о жизни другихъ знаю, но меня интересуетъ собственно его жизнь, его дневныя занятія лѣтомъ и зимой, кругъ знакомыхъ и проч. На запросы мои, что читаютъ, многие давали такие отвѣты, которые явно показывали, что ровно ничего не читалось. Молодежь была искреннѣе, она прямо высказывалась, что жизнь ея была безцвѣтная, безцѣльная.

Ротные командиры были очень недовольны нововведеніями по ротному хозяйству, они громко говорили, что расшатываютъ дисциплину, что ротный командиръ въ ротѣ сдѣлается безгласнымъ, умалчивая о томъ, что они лишились дохода отъ солдатскаго котла на 300 рублей въ годъ и болѣе. Были между ротными командирами и такие, которые составляли отрадное исключение, такъ Подымовъ (нынѣ генералъ-лейтенантъ, начальникъ инженеровъ на Кавказѣ), Чистяковъ, Вощининъ, Тихенко. Командиры отдѣльныхъ частей, въ бѣсѣдахъ со мной по этому предмету, увѣряли меня, что они не только сочувствуютъ мнѣ, но сами всегда стремились къ тому же, только не находили поддержки въ предмѣстникѣ моемъ, — я могъ вѣрить одному командиру сапернаго баталіона полковнику Шванебаху (нынѣ генералъ-лейтенантъ), у которого въ баталіонѣ были поименованные четыре капитана. Молодые офицеры непрітурно восхищались новыми порядками по продовольствію солдатъ, за которыхъ они всегда горячо стояли.

Первый лагерь при мнѣ продолжался съ 10-го августа по 15-е сентябрь, бригада разошлась на кантониръ-квартиры въ ближайшіе уѣзды отъ города Кіева губерній: Кіевской, Черниговской и Полтавской. Въ эти пять недѣль я ознакомился съ бригадой, прочно установилъ порядокъ въ ротномъ хозяйствѣ, установилъ правильное отправленіе лагерной службы; согласно нового положенія о специальному образованіи инженерныхъ войскъ, назначилъ всѣ школы и, кроме смотровъ, произвелъ два бригадныя ученья, вызывая бригаду по тревогѣ (что было совершенно новостью и неожиданностью), въ первый разъ послѣ полудня, а во второй разъ утромъ на разсвѣтѣ. Эти дѣйствія мои дали поводъ къ большимъ толкамъ обо мнѣ.

Въ концѣ августа пріѣзжалъ въ Кіевъ Тотлебенъ, тогда директоръ инженернаго департамента; для него генералъ-губернаторъ князь Васильчиковъ, 31-го августа, дѣлалъ обѣдъ на своей дачѣ; къ обѣду, въ числѣ 20 избранныхъ лицъ, былъ приглашенъ и я. Тотлебенъ, какъ почетный гость, сидѣлъ возлѣ хозяйки, княгини Васильчиковой; всѣ сидѣвшіе за столомъ видимо ловили взглядъ хозяйки, но она впродолженіе всего обѣда занята была исключительно однимъ Тотлебеномъ. Послѣ обѣда всѣ скоро разѣхались, я вѣхалъ съ Тотлебеномъ, и дорогой онъ сказалъ мнѣ, что предметомъ его разговора съ хозяйствой былъ я, что княгиня передавала ему о неслыханныхъ перемѣнахъ и новостяхъ, вводимыхъ мною въ бригадѣ, и о такихъ продѣлкахъ съ моей стороны, которые могутъ возбудить общій ропотъ и неудовольствіе всей бригады. Тотлебенъ, какъ говорилъ мнѣ, старался убѣдить княгиню, что все слышанное ею сущій вздоръ, и спросилъ, кто изъ саперныхъ офицеровъ бываютъ у нея, она отвѣчала, что только двое, Волькенштейнъ и Шванебахъ, но послѣдній очень рѣдко, а первый частенько. Далѣе, говорилъ Тотлебенъ, что и у него было нѣсколько саперныхъ офицеровъ съ такими претензіями на меня, которыхъ прямо показывали, что претендовавшіе не имѣли понятія о службѣ; я не спрашивалъ, кто именно былъ у него, и самъ не разузнавалъ, хотя легко могъ бы узнать.

Коснувшись Тотлебена и княгини Васильчиковой, необходимо нѣсколько остановиться на этихъ особахъ.

По пріѣздѣ Тотлебена въ Кіевъ, я, представляясь ему, спросилъ, когда онъ прикажетъ представить ему всѣхъ офицеровъ. Тотлебенъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ, мнѣ некогда, да я вѣдь только директоръ департамента, до саперовъ вовсе не касаюсь, ужъ если вы хотите представить мнѣ офицеровъ, то только командировъ частей и тѣхъ, которые были въ послѣдней кампаніи». Этихъ офицеровъ оказалось около половины бригады; приемъ ихъ былъ очень сухъ, холоденъ, Тотлебенъ никого не обласкалъ, не вспоминалъ, при какихъ обстоятельствахъ онъ сходился съ офицерами во время войны, только говорилъ о себѣ протяжно, монотонно, что онъ очень занятъ, что у него и теперь бездна дѣла, а предстоитъ еще болѣе занятій, что онъ ищетъ себѣ надежныхъ помощниковъ, но ихъ не легко найти, и знаменитаго севастопольскаго минера, капитана 4-го сапернаго баталіона Мельникова, Тотлебенъ какъ бы не замѣтилъ, просто обошелъ. Когда кончился приемъ, командиры частей доложили мнѣ, что нѣкоторые офицеры просятъ позволенія представиться Тотлебену, по личнымъ своимъ частнымъ дѣламъ. Я спросилъ Тотлебена, угодно ли будетъ принять этихъ офицеровъ, не указывая по имени кого, да я и самъ не зналъ, кто желалъ аудіенціи, Тотлебенъ отвѣчалъ: «Ахъ ужъ эти просьбы, мнѣ, право, некогда, пожалуйста, скажите, чтобы какъ можно менѣе отвлекали

меня отъ дѣлъ». По отъѣздѣ Тотлебена, командиры частей говорили мнѣ, что вынести пріемъ Тотлебена то же, что перенести тяжелую пытку. И офицеры въ разговорѣ со мной намекали, что Тотлебенъ вѣрно еще не совершенно оправился отъ полученной раны, что онъ очень озабоченъ, даже Мельникова не замѣтилъ. Было очевидно, что пріемъ Тотлебена сильно подействовалъ на всѣхъ офицеровъ.

Умная, бойкая, высокообразованная княгиня Екатерина Алексѣевна Васильчикова, урожденная княжна Щербатова, какъ бы предназначена была для той роли, какую играла она въ Киевѣ; почтенный мужъ ея, генералъ-губернаторъ, явно сознавалъ нравственное ея превосходство надъ собой. Первое свѣдѣніе о княгинѣ Васильчиковой я получилъ отъ великой княгини Александры Петровны; при прощальномъ моемъ представлѣніи передъ отъѣздомъ въ Киевъ, ея высочество просила кланяться княгинѣ Васильчиковой и сказала: «Это премилая дама, многіе не раздѣляютъ моего мнѣнія, но я увѣрена, что вы, узнавъ ее покорче, скажете, что я справедлива, и дочь ея Софи (впослѣдствіи графиня Строганова) также премилое созданіе». Другихъ дѣтей Васильчиковыхъ великая княгиня тогда не знала. Въ Киевѣ, при первыхъ моихъ визитахъ мѣстнымъ жителямъ, разговоръ во всѣхъ семействахъ начался съ княгини Васильчиковой, прежде всего спрашивали меня, познакомился ли я съ нею. На первыхъ порахъ я сдѣлалъ до 35 визитовъ городскимъ жителямъ и своимъ командирамъ частей и семейнымъ офицерамъ, и только въ двухъ домахъ, у Бурмана, начальника инженеровъ Киевскаго округа, и Цебрикова, кievскаго коменданта, безусловно хвалили княгиню Васильчикову: т-те Бурманъ почитала ее до обожанія; т-те Вольская, жена тогдашняго директора кадетскаго корпуса, отзывалась двусмысленно, во всѣхъ же остальныхъ семействахъ и кавалеры, и дамы отзывались о Васильчиковой, какъ о гордой женщинѣ, занятой своимъ богатствомъ и положениемъ; говорили, что она до того надменно принимаетъ у себя въ домѣ не только мужчинъ, но и дамъ, что если бы здѣсть къ ней, то потому только, что она генералъ-губернаторша, и, конечно, рассказывалось много забавныхъ эпизодовъ изъ текущей кievской жизни, гдѣ главную роль играла княгиня Васильчикова. 31-го августа, впервые представляясь княгинѣ Васильчиковой, я смотрѣлъ на нее, какъ на особу, которую какъ бы давно и хорошо зналъ.

Въ первый годъ пребыванія въ Киевѣ я съ женой поддерживали визитное знакомство съ Васильчиковыми, со втораго года началось сближеніе нашихъ семействъ, особенно съ того времени, когда княгиня Васильчикова осталась въ Киевѣ вдовой; на третьемъ году семейства наши до того сблизились (ея и мои дѣти учились вмѣстѣ), что мы видѣлись почти всякий день, въ самомъ ограни-

ченномъ кругу знакомыхъ. Бесѣда съ княгиней Васильчиковой никогда не отравлялась грязною стороною человѣческой природы, въ княгинѣ не было ни малѣйшаго желанія красоваться или блестать своимъ образованіемъ и знаніемъ свѣта, напротивъ, въ ней болѣе проявлялась пытливость, желаніе подробно, глубоко узнать мнѣніе другаго лица о данномъ предметѣ.

Вечеромъ 10-го ноября 1863 года, наканунѣ моихъ именинъ, семейство Васильчиковыхъ и мое и еще два семейства собрались у Волькенштейна, который былъ уже генераломъ и состоялъ при генераль-губернаторѣ Анненковѣ. Васильчикова уѣзжала на $\frac{1}{2}$ часа подъ предлогомъ навѣстить больную, а потомъ оказалось, что онаѣздила къ намъ на квартиру и собственноручно повѣсила надъ мою кроватию образъ святаго Виктора и сама зажгла предъ нимъ лампадку. Въ этотъ вечеръ, Васильчикова, подсѣвъ ко мнѣ, безъ всякихъ предисловій, говорить, что на ея совѣсти давно лежитъ тяжкій грѣхъ передо мной, что она давно хотѣла высказаться и долѣе откладывать уже не можетъ. «Въ первое время вашего прѣѣзда въ Киевъ,—говорила Васильчикова,—ваші сослуживцы, изъ мелочного оскорблennаго самолюбія за ваше производство въ генералы, сильно интриговали противъ васъ и клеветали на васъ, особенно почтенный хозяинъ настоящаго общества и еще одинъ, котораго хорошо не помню, оттого и не называю. Признаюсь,—говорила Васильчикова,—я увлеклась этими разсказами и, боясь какого либо крупнаго скандала въ бригадѣ, уговорила мужа довести о томъ до свѣдѣнія Петербурга, но благодарю Бога, я давно успокоилась тѣмъ, что для васъ это не имѣло никакихъ дурныхъ послѣдствій,—скажите, знали ли вы что нибудь изъ всего этого?»—«На вашу откровенность,—сказалъ я,—буду отвѣтчать такою же откровенностью. Въ первый день нашего знакомства, разговоръ вашъ обо мнѣ съ Тотлебеномъ, во время обѣда, въ тотъ же день были переданы мнѣ; еще до выѣзда моего изъ Ораніенбаума, Кауфманъ, бывшій нашъ начальникъ штаба, передалъ мнѣ, что, по частнымъ извѣстіямъ изъ Киева, тамъ уже готовятся встрѣтить меня интригами; при прощальномъ моемъ представлениі, бывшій военный министръ Сухозанеть, сказалъ, что, вѣроятно, противъ меня будутъ интриговать старые саперы, и прибавилъ, чтобы я дѣйствовалъ смѣлѣ, что я всегда найду въ немъ сильную поддержку; сами интриганы тотчасъ же выдали себя, Волькенштейнъ, довольный тѣмъ, что вы побѣрили его навѣстамъ на меня и выразили рѣшимость дѣйствовать на меня черезъ Петербургъ, подѣлился своимъ успѣхомъ съ полковникомъ Макаровымъ, командиромъ 4 сапернаго баталіона, а тотъ, досадовавшій на Волькенштейна за то, что мои дѣти скорѣе сблизились съ дѣтьми Волькенштейна, чѣмъ съ его дѣтьми, передалъ мнѣ, какъ Волькенштейнъ интригуетъ противъ меня. Не знаю, кому и что писалъ обо мнѣ покойный князь, вашъ супругъ, но

въ бытность мою въ Петербургѣ Кауфманъ передалъ, что обо мнѣ былъ полученъ странный отзывъ князя Васильчикова, но мы, говорилъ Кауфманъ, справившись изъ-подъ руки, узнали, что князь писалъ по словамъ своей супруги, а ей наговорили ваши первые недоброжелатели, которые теперь сдѣлались вашими покорными слугами, даже почитателями. Наконецъ, прибавилъ я, при представленияхъ моихъ, въ пріѣздѣ изъ Киева въ Петербургъ, военный министръ и самъ государь, съ улыбками, какъ мнѣ казалось, спрашивали меня: «Ну, что, поладиль ли я съ княгинею Васильчиковой?»

IV.

Необходимо сказать еще нѣсколько словъ о тогдашнемъ внутреннемъ состояніи 2 саперной бригады. По частнымъ же свѣдѣніямъ и 1 саперная бригада, или варшавская, и кавказскіе саперные батальоны немногимъ отличались отъ 2 саперной бригады; только петербургская саперная бригада, называвшаяся тогда сводною, не могла быть подводима подъ общій уровень. И необходимо сдѣлать оговорку: разсказывая о жизни бригады, я долженъ буду говорить и о своихъ дѣйствіяхъ, это будетъ неизбѣжностью, потому что невозможно отдѣлить отъ бригады ея командира.

Командиры частей сами облѣнились и до того привыкли къ настоящему положенію дѣлъ, что для нихъ все казалось натуральнымъ, естественнымъ; они, напримѣръ, не обращали вниманія на то, что офицеры ходили изъ лагеря въ городъ безъ оружія, въ сюртукахъ на распашку, а во время дождя подъ большими зонтиками; что хотя утреннія ученья начинались и очень поздно, но офицеры, всетаки, запаздывали на общія ученья и вовсе не являлись на ротные ученья; что офицеры и своимъ командирамъ не отдавали чести по уставу; что солдаты ходили изъ лагеря въ городъ въ рваныхъ, старыхъ шинелишкахъ, въ грязныхъ сапогахъ и возвращались въ лагерь пьяными, едва держась на ногахъ; что солдаты и своимъ офицерамъ не дѣлали фронта. На практическія саперныя работы никто не обращалъ вниманія, отчеты о работахъ сочинялись; и командиры частей, и офицеры сознавались мнѣ, что въ первое время по заключеніи Парижскаго мира, послѣ военныхъ работъ, и для офицеровъ, и для солдатъ практическія работы казались перекидываніемъ земли изъ пустаго въ порожнее; такъ это и оставалось до моего пріѣзда. Вообще найденный мною саперный лагерь не походилъ на учебный лагерь, онъ уподоблялся военному стану на боевой позиціи. Можно было предвидѣть, что первыя самыя обыкновенные требованія по службѣ покажутся чѣмъ-то неслыханнымъ, что будетъ ропотъ, но я не обращалъ на это вниманія и шелъ по пути, указанному самому себѣ. Младшіе офицеры ско-

рѣ старшихъ поняли меня, они стали подтрунивать надъ старшими, что ихъ барство кончилось; они громко говорили, что хотя имъ и частенько достается, но ужъ и никому нѣть пощады и никто по совѣсти не можетъ сказать, чтобы сдѣланное кому нибудь замѣчаніе не было заслужено. Это мнѣ передавали посторонніе люди, частные жители Киева. Дѣйствительно, я и командиромъ частей не пропускалъ ни малѣйшаго отступленія отъ порядка службы, даже въ мелочахъ, напоминаль имъ, если они, обращаясь ко мнѣ по службѣ, вмѣсто приложенія руки къ козырьку, едва приподнимутъ ее; при неправильномъ салютованіи саблей, просилъ повторить салютованіе нѣсколько разъ, пока сабля не будетъ правильно повернута; останавливалъ ихъ, если они вблизи меня дѣлали замѣчанія своимъ подчиненнымъ; прѣѣхавъ неожиданно на ротныхъ ученья и заставъ на плацу полковниковъ Макарова и Жукова безъ оружія и въ разстегнутыхъ сюртукахъ, сдѣлалъ имъ замѣчаніе при всемъ строѣ; явившагося передъ Фронтомъ въ неприличномъ видѣ командира 4 понтонного парка подполковника Коханова просто удалилъ отъ фронта, поручивъ командование паркомъ капитану. Эти и много другихъ примѣровъ подѣйствовали и на офицеровъ, и на нижнихъ чиновъ.

Не полныхъ четыре года я командовалъ бригадой; не буду перечислять послѣдовательно, что дѣгалось въ каждомъ году, да и занятія изъ года въ годъ шли въ одинаковомъ порядкѣ, съ неизбѣжными отступленіями при какихъ либо особыхъ обстоятельствахъ, какъ, напримѣръ, усмиреніе польского мятежа въ 1863 году. Установить правильное фронтовое образованіе, поднять дисциплину и пріучить къ порядку службы было несравненно легче, чѣмъ поднять заброшенную саперную часть и потому-то на специальное образованіе саперовъ было обращено наибольшее вниманіе.

Бригада на 4 мѣсяца собиралась въ лагерь подъ Киевъ и 8 мѣсяцевъ располагалась на широкихъ квартирахъ. Изъ этихъ 8 мѣсяцевъ, 7 мѣсяцевъ посвящались исключительно обученію нижнихъ чиновъ грамотѣ и въ теоретическихъ школахъ, да и по расположению на широкихъ квартирахъ фронтовымъ ученьемъ неудобно было заниматься; на восьмой мѣсяцъ, съ 15-го апрѣля по 15-е мая, все саперныя части собирались на тѣсныя квартиры для фронтовыхъ учений. По новому тогда положенію 1860 года, въ каждомъ саперномъ баталіонѣ должны были обучаться въ школахъ: по 40 человѣкъ въ каждой ротной школѣ—это низшія школы; по 40 человѣкъ въ младшемъ и по 40 человѣкъ въ старшемъ классѣ баталіонной школы—среднія школы, всего въ баталіонѣ 240 человѣкъ, и была еще высшая бригадная школа, въ которую поступало до 12 человѣкъ отъ каждого баталіона. Именные списки всѣмъ школамъ хранились у меня, никакихъ перемѣнъ въ составѣ школъ безъ моего разрѣшенія не допускалось. Два раза въ году производо-

дились поголовные экзамены всѣмъ школамъ; полугодовые экзамены производились съ половины декабря до половины января, а годовые начинались съ 15-го мая, по вступлениі бригады въ лагерь и тянулись мѣсяцъ и болѣе. Для полугодовыхъ экзаменовъ я каждую зиму объѣжалъ всѣ саперныя части и всѣ роты въ ихъ квартирномъ расположеніи; въ спискахъ отмѣчались познанія каждого солдата по каждому предмету обученія и на годовомъ экзаменѣ, по тѣмъ же спискамъ, обнаруживался успѣхъ каждого.

Болѣе всего слѣдовало извлекать пользу изъ четырехъ-мѣсячнаго лагернаго сбора бригады. Чтобы не потерять ни одного дня и самому быть болѣе послѣдовательнымъ, я, на каждый мѣсяцъ впередъ, давалъ расписаніе дневныхъ занятій для цѣлой бригады. Изъ 17 $\frac{1}{2}$ недѣль лагернаго времени, первыи двѣ и послѣднія двѣ недѣли назначались для строевыхъ ученій и для инспекторскихъ смотровъ; затѣмъ 13 $\frac{1}{2}$ недѣль назначались для занятія сапернымъ дѣломъ. Въ эти 13 $\frac{1}{2}$ недѣль, въ каждую субботу утромъ производилось или строевое ученье, или стрѣльба въ цѣль, или малый саперный маневръ; съ полудня же каждой субботы давался отдыхъ людямъ—это считалось баннымъ временемъ.

Изъ 13 $\frac{1}{2}$ недѣль, 10 $\frac{1}{2}$ недѣль назначались для частныхъ работъ и 3 недѣли для общихъ работъ въ видѣ примѣрной атаки и обороны крѣпости.

10 $\frac{1}{2}$ недѣль частныхъ работъ. Эти работы имѣли цѣлію одиночное, основательное обученіе саперовъ заготовленію матеріаловъ, производству сапиныхъ, траншейныхъ, батарейныхъ, минныхъ и мостовыхъ работъ, постройкѣ полевыхъ и временныхъ укрѣплений, съ производствомъ разнаго рода одеждъ крутостей. Понтонеры и конно-піонеры (до ихъ упраздненія) не занимались минными работами, и участки ихъ въ надземныхъ работахъ были менѣе, чѣмъ назначаемые для саперныхъ ротъ. Частнымъ надземнымъ работамъ по возможности давалось такое расположеніе, чтобы работы эти могли быть связаны съ предположенными общими работами по атакѣ и оборонѣ крѣпости. Работы, назначенные для каждой роты, дѣлились на части, по числу наличныхъ офицеровъ въ ротѣ; каждый офицеръ занимался самостоятельно, подъ личною своею ответственностью, и долженъ былъ вести дневной журналъ работъ. Эти журналы представлялись мнѣ по вечерамъ въ каждую пятницу, въ субботу они разматривались и замѣчанія на нихъ по воскресеньямъ объявлялись въ приказѣ по бригадѣ¹⁾. Часто, даже,—говоря правду,—почти постоянно присутствуя на работахъ и переходя отъ

¹⁾ Съ первыхъ дней командованія мною бригадой, была учреждена литографія при бригадномъ штабѣ; приказы по бригадѣ литографировались и разсыпались во всѣ части и во всѣ роты, аккуратно каждый день, къ 8 часамъ вечера. Этимъ завѣдовалъ бригадный адютантъ, поручикъ Григоровскій, впослѣдствіи полковникъ, къ сожалѣнію, давно умершій.

одной работы къ другой, я могъ хорошо ознакомиться съ офицерами (экзамены школъ также помогали этому знакомству), я рекомендовалъ имъ для прочтения болѣе интересныя статьи въ журналахъ инженерномъ, артиллерийскомъ и путей сообщенія и въ сборникахъ военному и морскому, а чрезъ нѣкоторое время спрашивалъ мнѣніе объ указанной статьѣ. Кромѣ занятій на работахъ, офицерамъ поручалось производить глазомѣрную съемку окрестностей, или съемку буссолю, причемъ требовалась не столько чистота, какъ вѣрность плана, ситуація допускалась въ карандашѣ. Понтонеры занимались своею специальностью также по расписанію, къ нимъ присоединялись по очереди и саперныя роты для упражненія въ наводкѣ pontonныхъ мостовъ или для устроенія пристаний и первыхъ мостовыхъ устоевъ. Сперва при pontonныхъ паркахъ, а потомъ сформирована была бригадная плавательная команда, въ которой учителя, какъ бы кадровые, были постоянными втеченіе всего лѣта, а ученики мѣнялись, и много образовалось ловкихъ пловцовъ. Ученіе саперовъ и минеровъ шло систематически, въ ротахъ велись именные списки, всегда выносимые на работы; по этимъ спискамъ всѣ строевые нижніе чины дѣлились на три разряда саперовъ и минеровъ: къ 1-му разряду относились такие, которые могли быть хозяевами дѣла; ко 2-му разряду причислялись надежные исполнители указанной работы; всѣ остальные составляли 3-й разрядъ. По этимъ спискамъ, на самой работе я повѣрялъ познанія саперовъ и минеровъ первыхъ двухъ разрядовъ; то же дѣжалось съ pontонерами и плотниками. Всѣ унтеръ-офицеры, всѣ ученики бригадной школы и лучшіе ученики старшихъ классовъ баталіонныхъ школъ упражнялись въ разбивкѣ и трасировкѣ разнаго рода укрѣплений, сперва подъ руководствомъ офицеровъ, а потомъ безъ помощи офицера, и требовалось, чтобы они не только понимали чертежъ, но и сами могли бы составить его.

Въ эти 10^{1/2} недѣль, роты въ полномъ составѣ выходили и по расписанію занятій, и по особому приказанію, для заготовленія траншейныхъ, минныхъ, мостовыхъ и проч. матеріаловъ; для постройки полевыхъ укрѣплений и разныхъ мостовъ; для наводки pontonныхъ мостовъ безъ содѣйствія pontонеровъ и для работы на особомъ учебномъ полигонѣ, въ 6-ти верстахъ отъ лагеря. Тамъ построены были не длинные, но въ полную профиль, участки крѣпостнаго вала, разныхъ осадныхъ батарей, участки траншей и сапъ, и все это подвергалось дѣйствительнымъ выстрѣламъ изъ артиллерийскихъ орудій; сдѣянныя поврежденія въ насыпяхъ исправлялись саперами днемъ и преимущественно ночью. На саперные маневры баталіоны выходили изъ лагеря въ полномъ составѣ, всегда по особому приказанію; ротныя кухни слѣдовали за баталіономъ; команда баталіона, въ секретномъ конвертѣ, назначались часъ выступленія изъ лагеря, цѣль занятія и укрѣпленія указанныхъ селеній

или пунктовъ и прилагались планы мѣстности, впередъ составленные офицерами. Баталіонъ выступалъ изъ лагеря со всѣми военными предосторожностями, и если при немъ не было пѣхотной части¹⁾, то одна саперная рота, по очереди, выставлялась на аванпосты. Къ баталіону наряжалась часть конно-піонеровъ для разъездовъ, или, спѣшившись, она принимала участіе въ работахъ, или посыпалась впередъ и появлялась въ видѣ непріятельской передовой цѣпи. Конно-піонеры въ частной практикѣ много занимались постройкою мостовъ и наводкою понтоннаго моста.

И вся бригада по тревогѣ вызывалась на саперные маневры, тогда совмѣстно съ пѣхотою и полевою артиллерию совершались наступательная или отступательная переправа черезъ Днѣпръ; при наступательной переправѣ на понтонныхъ паромахъ перевозили и высаживали пѣхоту, артиллерию и часть саперовъ на полтавскій берегъ Днѣпра; саперы и понтонеры быстро строили два моста черезъ Днѣпръ, и возводилось множество батарей и укрѣплений; при отступательной переправѣ понтонный мостъ быстро разводился, а плотовой мостъ взрывался; предметное укрѣпленіе усиливалось фугасами простыми и камнеметными, и фугасы взрывались. Или въ двухстороннемъ маневрѣ строили и атаковали полевыя укрѣпленія, причемъ саперы съ одной стороны усиливали укрѣпленія искусственными преградами, а съ другой стороны, саперы преодолѣвали эти преграды. Киевское военное начальство частенько присутствовало на саперныхъ маневрахъ. При всѣхъ маневрахъ застѣянныя поля считались непроходимыми препятствіями; на пахатныхъ поляхъ и на лугахъ укрѣпленія профилировались, насыпи возводились только на пустопахъ, и тутъ по окончанію маневра насыпи срывались и мѣстность выравнивалась, такъ что не было никакихъ претензій со стороны землевладѣльцевъ и за временное пользованіе ихъ землей ничего не платили.

З недѣли общихъ работъ. Работы эти, въ видѣ атаки и обороны крѣпости, производились непрерывно днемъ и ночью; саперы дѣлились на 4 смѣны, каждая смѣна работала по 8 часовъ сряду, чтобы ни одной смѣнѣ не пришлось быть постоянно ночью. Пере-мирія или отдыхи объявлялись съ полудня субботы до утра понедѣльника и въ ненастную погоду. Главныя работы и дѣйствія проис-

¹⁾ О ежегодномъ нарядѣ иѣрѣльскихъ орудій осадной и крѣпостной артиллериіи для совмѣстной практики съ саперами, я, при сильномъ содѣйствії Кауфмана, заручился разрѣшеніемъ артиллериійскаго вѣдомства, при самомъ назначеніи меня командиромъ бригады, еще до отѣзда въ Кіевъ. О нарядѣ пѣхоты и полевой артиллериї на саперные маневры охотно изъявило согласіе кіевское военное начальство; командующіе войсками округа, сперва князь Васильчиковъ, а потомъ генералъ-адютантъ Анненковъ, приказали пѣхотѣ и артиллериї, расположавшимися лагеремъ въ 1½ верстѣ отъ саперного лагеря, чтобы принимали у себя тревогу изъ саперного лагеря и чтобы при устроенной тревогѣ не выходили на маневры только тѣ баталіоны, которые въ тотъ день должны были вступить въ караулъ. Въ мое время въ пѣхотномъ лагерѣ располагалось не болѣе одной бригады пѣхоты и двухъ батарей артиллериі.

ходили съ вечера, когда стемнѣеть, съ 9 до 12 часовъ ночи. На эти 3 часа вся бригада выходила на работы и распредѣлялась на двѣ стороны между атакующимъ и обороняющимся; пѣхота и полевая артиллериа также призывались на эти часы; пѣхота со стороны атакующаго назначалась въ передовыя траншеи и въ боевые резервы, а со стороны обороняющагося располагалась на банкетахъ и ходила на вылазки; полевая артиллериа дѣлилась на обѣ стороны. Приглашаемые на эти опыты кадеты старшихъ классовъ кіевскаго кадетскаго корпуса тоже дѣлились на двѣ стороны и присоединялись къ передовой цѣпи и къ колоннамъ, назначаемымъ на вылазки, и къ резервамъ, охраняющимъ траншеи; лучшіе ученики по рекомендаціи корпуснаго начальства назначались ординарцами ко мнѣ и къ завѣдовавшимъ атакою и обороною. Саперы, разъ назначенные на сторону атаки или обороны, такъ и оставались на все время опытовъ, а пѣхота, полевая артиллериа и кадеты мѣнялись съ одной стороны на другую. Для практики саперовъ и артиллеристовъ, ночью, осадныя орудія перевозились по траншеямъ съ одной батареи на другую, а крѣпостныя орудія переставлялись съ одного мѣста на другое. Эти маневры, соединенные съ оживленной пальбой артиллериіской и ружейной, съ первого же дня заинтересовали и саперовъ, и пѣхоту съ артиллерией и кадетами, и городскихъ жителей; кіевскіе жители тысячами собирались въ саперный лагерь, надобно было учредить особый надзоръ за экипажами, чтобы въ темнотѣ не было какихънибудь столкновеній. Въ угоду кіевской интеллигентіи во время маневровъ игралъ хоръ саперной музыки, тогда единственный въ городѣ. Въ эти часы я внимательно слѣдилъ, чтобы саперики мои, подъ шумокъ, ради успѣха работъ, не дѣлали непозволительныхъ скачковъ впередъ, убѣждалъ всѣхъ и каждого, что въ мирное время слѣдуетъ вести дѣло въ строгой послѣдовательности, чтобы вполнѣ изучить постепенные переходы отъ одного положенія къ другому, и кто хорошо ихъ изучить, тотъ только можетъ позволить себѣ въ военное время дѣлать отступленія отъ установленныхъ правилъ, и случалось, особенно въ первое время, что многія изъ ночныхъ работъ признавались недѣйствительными и засыпались.

Чтобы дѣло мѣшать съ бездѣльемъ, по всегдашнему моему правилу, основанному на изрѣченіи одного арабскаго мудреца, въ лагерь было устроено танцевальное зало, и каждую среду были танцы, безъ угощенія, а музыка была своя; танцы ничего не стоили ни городскимъ жителямъ, ни саперамъ, они начинались съ 8-го часа вечера и оканчивались не позже 12-ти часовъ ночи. Сначала на эти танцы собиралось 5—10 семействъ, а потомъ съѣздъ увеличивался, и танцы болѣе и болѣе оживлялись.

Въ 1861 году, былъ установленъ бригадный праздникъ, 27-го июля, въ день рождения и тезоименитства великаго князя Николая

Николаевича Старшаго. При мнѣ праздникъ справлялся три раза. На возвышеніи, почти передъ срединою лагеря, раскидывался походный церковный наметъ, убирался зеленою и цветами и вокругъ него выстроивалась вся бригада. Всѣ три года къ молебну прѣѣжалъ генераль-губернаторъ и вся киевская знать, всѣ съ женами и семействами, и всѣ три года молебень совершалъ почтенный митрополитъ Арсеній, онъ очень благоволилъ ко мнѣ и, зная мои стремленія и всѣ мои дѣйствія, придавалъ молебну возможную торжественность, прѣѣжалъ съ однимъ или двумя архіереями, съ двумя или тремя архимандритами, со многими дьяконами, съ большими хоромъ своихъ пѣвчихъ и со своимъ знаменитымъ протодьякономъ, огромнымъ, здоровеннымъ мужчиной, обладавшимъ такимъ голосомъ, что, какъ говорили киевляне, онъ могъ заглушить самый большой колоколь Кіево-Печерской лавры. Послѣ молебна, вместо акта, я громко читалъ приказъ по бригадѣ, въ которомъ объявлялся годовой результатъ образованія нижнихъ чиновъ, и оказавшимъ наибольшіе успѣхи раздавались подарки. Подарки раскладывались на большомъ столѣ, и митрополитъ собственноручно раздавалъ ихъ и благословлялъ каждого получателя. Саперы съ благоговѣніемъ целовали руку архіпастыря и видимо были счастливы не столько самимъ подаркомъ, какъ тѣмъ, что получали его изъ рукъ митрополита. Послѣ этого всѣ духовные и свѣтскіе особы, кавалеры и дамы, приглашались къ большому завтраку.

На молебнѣ 27-го іюля 1862 года былъ забавный случай. Когда протодьяконъ провозглашалъ многолѣтіе государю, послѣдовалъ залпъ отъ взрыва восьми буlevыхъ колодцевъ, а взрывъ одного колодца раздается громче и сильнѣе залпа изъ 10—12 орудій. Взрывъ былъ такъ силенъ, что въ церкви слышно было сотрясеніе земли, и протодьяконъ такъ испугался, что голосъ его прервался на многолѣтіи, и самъ онъ присѣлъ на землю. Митрополитъ, всегда серьезный и строгій на службѣ, не выдержалъ и съ крестомъ въ рукахъ улыбнулся, а за нимъ засмѣялся и весь духовный синклитъ, и дѣйствительно положеніе присѣвшаго на землю великана было комично.

Приведу выписку изъ послѣдняго акта, или изъ приказа по бригадѣ 27-го іюля 1863 года.

Въ бригадѣ состояло:	
Кончившихъ высшій курсъ въ бригадной школѣ	43
Кончившихъ курсъ въ баталіонныхъ школахъ, или обученныхъ грамотѣ, краткой русской грамматикѣ, Закону Божию, ариѳметикѣ, геометріи и фортификації	463
Умѣвшихъ читать, писать по диктовкѣ и знаявшихъ начальныя основанія ариѳметики	1,216
Начинающихъ читать и писать	436
Итого .	2,159

А по положенію о специальному образованіи инженерныхъ войскъ 1860 года, въ бригадѣ должно было обучаться въ школахъ 1,120 чел., слѣдовательно въ 3 года обратился въ школахъ двойной комплектъ учениковъ, и еще черезъ 3 года вся бригада была бы половино грамотна.

По другимъ отраслямъ сапернаго знанія состояло:

Плотниковъ, въ среднемъ выводѣ, по 48 въ ротѣ . . .	811
Саперь 1 и 2 разрядовъ, по 151 въ ротѣ	2,118
Минеровъ 1 и 2 разрядовъ, по 88 въ ротѣ	1,232
Понтонеровъ 1 и 2 разрядовъ, по 146 въ ротѣ . . .	439

По тому же положенію 1860 года, отчетъ о произведенныхъ практическихъ работахъ долженъ былъ представляться въ инженерный штабъ къ 1-му ноября, и всѣ три года отъ 2-й саперной бригады отчетъ представлялся аккуратно къ назначенному времени.

V.

Въ началѣ октября 1861 года, я пріѣзжалъ на нѣсколько дней въ Петербургъ и только разъ видѣлся съ К. П. Кауфманомъ, онъ уже былъ назначенъ директоромъ канцеляріи военного министерства, но еще управлялъ инженернымъ штабомъ до ожидаемаго въ скоромъ времени возвращенія Тотлебена въ Петербургъ. Бесѣда съ Кауфманомъ была продолжительная, задушевная и какъ бы прощальная съ нимъ, какъ съ начальникомъ инженернаго штаба. Изъ множества разсказовъ съ той и другой стороны, приведу три разговора, касавшіеся инженерной части:

1) Кауфманъ спрашивалъ меня, помню ли я его проектъ постройки Керченской крѣпости, особенно центрального укрѣпленія съ сухопутной стороны,—я отвѣчалъ, что помню такъ хорошо, какъ будто чертежъ лежитъ передо мной.—«Ну,—говорить Кауфманъ,—это укрѣпленіе теперь называется «фортъ Тотлебенъ». Объясненіе. Въ 1857, а, можетъ быть, въ 1858 году, когда Тотлебенъ былъ за границей, Кауфманъ былъ командированъ для составленія проекта постройки Керченской крѣпости съ полномочіемъ приступить къ важнѣйшимъ работамъ, не ожидая утвержденія цѣлаго проекта. Кауфманъ особенно былъ доволенъ удачнымъ примѣненіемъ къ мѣстности центрального укрѣпленія съ сухопутной стороны и приказалъ начать постройку его, исключая двухъ усиленій съ фланговъ, на что онъ хотѣлъ предварительно испросить разрѣшеніе. Когда возвратился Тотлебенъ, Кауфманъ передалъ ему чертежи и сказалъ, что, по его мнѣнію, при центральномъ укрѣпленіи необходимо возвести двѣ проектированныя имъ постройки. Тотлебенъ до-

ложилъ государю, что если будутъ возведены проектированныя постройки, то крѣость Керчь будетъ совершенно благонадежна. Государь, понятно, разрѣшилъ эти постройки и тутъ же приказалъ, чтобы центральное укрѣпленіе называлось «фортъ Тотлебенъ», а Тотлебенъ, по разсѣянности, не напомнилъ государю, что все это созданіе Кауфмана. Составитель біографического очерка Тотлебена, вѣроятно, не зналъ этого обстоятельства, когда говорилъ о фортѣ Тотлебенъ, на страницѣ 595 и 602.

2) Я спрашивалъ Кауфмана, не зналъ ли онъ, почему великій князь по заключеніи Парижскаго мира, при воспоминаніи моемъ о Выборгѣ, всегда съ улыбкою уклонялся отъ разговора о Выборгѣ. «Какъ же,—отвѣчалъ Кауфманъ,—хорошо зналъ, я думалъ, что я вамъ уже говорилъ объ этомъ, дѣло было при мнѣ. Тотлебенъ жестоко критиковалъ работу вашу по загражденію одного пролива, гдѣ вы устроили загражденіе простою наброскою камней. Теперь,—говорилъ Кауфманъ,—не помню точныхъ словъ Тотлебена, но что-то въ родѣ того, что вашу работу онъ назвалъ допотопной фортификаціей». Объясненіе. Въ 1855 году, я завѣдовалъ обороною Выборга, подъ главнымъ наблюденіемъ великаго князя Николая Николаевича; мы не имѣли возможности защищать всѣ три морскіе пути, ведущіе къ Выборгу, и потому еще зимой на 1855 годъ, лѣвый или Немильскій, и правый, или Пильскій, проливы были заграждены ряжевыми ящиками съ каменьями. Въ лѣвомъ неглубокомъ проливѣ, со слабымъ теченіемъ, загражденіе держалось хорошо; въ правомъ же глубокомъ Пильскомъ проливѣ, при сильномъ низовомъ теченіи (въ шхерахъ во многихъ проливахъ низовое теченіе быстрѣе верхового), къ веснѣ 1855 года, все загражденіе было смыто. Тогда пробовали вновь устроить загражденіе изъ солидныхъ ряжевыхъ ящиковъ съ каменьями, но и они были опрокинуты; опускали выданныя намъ старыя канонерскія лодки, наполнивъ ихъ каменьями и прорубивъ въ нихъ днища, но и эти лодки были опрокинуты теченіемъ; загружали проливъ большими турами или корзинами съ каменьями, большими водяными фашинами, бревенчатыми треугольными трубами, набитыми каменьями,—все было срываемо и сносимо теченіемъ, и какъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, то пробовали загружать проливъ открытой наброской камней до натурального ихъ отвала, и это увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. А примѣненіе такой допотопной фортификаціи къ защитѣ Кронштадта въ 1863 году, когда вновь готовились къ войнѣ съ Англіей и Франціей, ставится въ заслугу Тотлебену. На страницѣ 590 біографическаго очерка сказано: «На 100 саженей впереди морскихъ батарей № 7 и 8 устроено новое загражденіе частью каменной наброской, а частью судами; сплошное же загражденіе каменной наброской до финскаго берега, протяженіемъ до $6\frac{1}{2}$ верстъ, предполагалось устроить втеченіе зимы».

3) Я спросиль, на чёмъ остановилось дѣло съ бригадными школами. Кауфманъ отвѣчалъ: «Записка ваша вполнѣ одобрена великимъ княземъ, и Тотлебенъ читаль ее, и также вполнѣ раздѣлиль вашъ взглядъ; записку вашу я передамъ Тотлебену съ другими нужными бумагами, и дѣлу объ упраздненіи бригадныхъ школъ данъ будетъ быстрый ходъ». Объясненіе. Въ 1860 году, Кауфманъ писалъ мнѣ, что поступило предложеніе объ упраздненіи бригадныхъ школъ, не сказавъ отъ кого, что великій князь и онъ, Кауфманъ, ничего не имѣютъ противъ этого, и что великій князь поручилъ ему спросить мое мнѣніе по сему предмету. Мнѣніе свое въ видѣ записки объ упраздненіи бригадныхъ школъ (копія записи у меня сохранилась) я представилъ въ началѣ 1861 года, и черезъ 23 года бригадныя школы были упразднены.

25 ноября 1861 года, состоялся приказъ о назначеніи Тотлебена управляющимъ штабомъ генераль-инспектора по инженерной части, съ оставленіемъ директоромъ инженерного департамента. Это въ сущности то же, что назначеніе товарищемъ генераль-инспектора, только тогда этотъ титулъ еще не былъ введенъ. Вскорѣ по полученіи этого приказа я совершилъ зимній объездъ бригады для производства полугодовыхъ экзаменовъ. Бригада, какъ было сказано, располагалась хотя и вокругъ Киева, но въ трехъ губерніяхъ; продолженіе всей зимы офицеры одной саперной части не имѣли сношенія съ офицерами другой части и слѣдовательно для бесѣдъ со мной не могли сговариваться, но долженъ сказать святую правду, что всѣ командиры частей, всѣ ротные командиры и много, много молодыхъ офицеровъ, обучавшихъ въ школахъ, непрітворно горевали, что Константина Петровича фонъ-Кауфмана оставилъ инженерный корпусъ. Соболѣзваніе офицеровъ въ разныхъ словахъ и въ разныхъ оборотахъ рѣчи выражало тотъ смыслъ, что въ лицѣ Кауфмана инженерный корпусъ лишился надежнаго, благодушнаго ходатая передъ великимъ княземъ.

Въ тотъ же объездъ бригады я убѣдился, что всѣ офицеры были очень доволыны практическими саперными занятіями 1861 года и всѣ интересовались тѣмъ, что будетъ сказано въ приказѣ по инженерному корпусу о нашихъ работахъ. Приказъ этотъ выходилъ раннею весной, чтобы во всѣхъ саперныхъ частяхъ быть полученъ до составленія подробныхъ соображеній о предстоящихъ практическихъ занятіяхъ въ текущемъ году. И 50 лѣтъ назадъ приказомъ этимъ очень дорожили, въ немъ разбирались сравнительно практическія работы, произведенныя во всѣхъ саперныхъ частяхъ, хвалили и одобряли однихъ, указывали неправильныя уклоненія другихъ и проч. Но тогдашняя наши ожиданія не сбылись, вступленіе Тотлебена въ управление инженернымъ штабомъ ознаменовалось тѣмъ, что въ 1862 году этого приказа вовсе не было, его не было и въ 1863 году, онъ выпелъ 30 апрѣля 1864

года и полученъ въ Киевъ уже по сдачѣ мною бригады и по отъѣздѣ въ Петербургъ.

Въ послѣдніе два года моего командованія бригадой, интриги въ бригадѣ прекратились, мы жили друзьями, и понятно, что при прощаніи со мной всѣ офицеры говорили со мной съ полною откровенностью, съ полнымъ довѣріемъ, относились какъ къ старшему своему товарищу. При отѣздаѣ моемъ бригада еще не была собрана въ лагерь, общій прощальный съѣздъ офицеровъ и затѣваемый обѣдъ я отклонилъ; прѣѣжали офицеры частно, по одному, по два, по три, и тутъ выяснилось, что офицеры и тогда хорошо понимали, что Тотлебенъ не умѣеть вести дѣло образованія саперовъ въ мирное время.

Въ Петербургѣ приказъ только подписанъ 30 апрѣля, а напечатанъ и разосланъ въ части въ маѣ, его привезъ мнѣ помощникъ Тотлебена генераль-маиръ Рудольфъ Антоновичъ Зейме (недавно умершій). Въ приказѣ разбирались практическія занятія саперовъ только за 1861 и 1862 годы. Прочитавъ его, я сказалъ Зейме: «Неужели вы думаете, что кому нибудь будетъ интересно читать въ 1864 году замѣчанія на работы 1861 года, вѣдь тѣ работы уже забыты, вѣдь послѣ того производились работы и въ 1862, и въ 1863 годахъ, и какъ странно въ этомъ приказѣ читать замѣчаніе бывшему командиру 1 кавказскаго сапернаго баталіона за опозданіе представленія отчета, когда сами составители приказа опоздали на 3 года». Зейме отвѣчалъ, что онъ предвидѣлъ мои замѣчанія, Ѳхалъ съ тѣмъ, чтобы выслушать ихъ и увѣритъ меня, что лично онъ неповиненъ, что нѣсколько разъ докладывалъ Тотлебену, что нельзя откладывать этого приказа, что приказъ этотъ обратился въ законъ для инженернаго корпуса, «но,—говорилъ Зейме,—вы знаете Эдуарда Ивановича, онъ не признаетъ никакихъ законовъ, считаетъ себя превыше всѣхъ законовъ, и когда одинъ разъ оборвешь, то въ другой разъ, съ тѣмъ же докладомъ, къ нему не легко явиться». Приказъ о разсмотрѣніи работъ за 1863 годъ объявленъ 10 мая 1865 года. Это факты, противъ которыхъ нѣть возраженій, а между тѣмъ въ біографическомъ очеркѣ Тотлебена, на стр. 616, говорится: «Вообще генераль-адъютантъ Тотлебенъ неусыпно слѣдилъ затѣмъ, чтобы практическія занятія саперныхъ бригадъ получали должное рациональное направленіе и производились въ большихъ размѣрахъ».

Далѣе, на той же страницѣ, говорится:

«Онъ, т. е. Тотлебенъ, обратилъ также особенное вниманіе на совокупныя занятія саперовъ съ артиллеріею, съ цѣллю сближенія этихъ специальныхъ родовъ оружія и разъясненія нѣкоторыхъ общихъ для нихъ вопросовъ атаки и обороны; начиная съ 1865 года, эта идея, получавшая постепенно все болѣе и болѣе развитія, впервые осуществлена была въ 1 саперной бригадѣ въ лагерѣ подъ Варшавой».

А мы видѣли, что въ кіевской бригадѣ эти совмѣстные опыты саперовъ съ артиллерию, по старанію Кауфмана, начались съ 1861 года и даже съ участіемъ пѣхоты въ этихъ опытахъ. Въ сводной же саперной бригадѣ, подъ Петергофомъ, по желанію императора Николая, совмѣстная практическія занятія саперовъ съ артиллерию начались съ 1851 года¹⁾), когда Тотлебенъ былъ капитаномъ и адъютантомъ генераль-адъютанта Шильдера.

Еще фактъ. Въ 1859 и 1860 годахъ, во всѣхъ саперныхъ частяхъ тихая сапа велась тремя способами: по старому нашему наставленію для саперныхъ баталіоновъ, изданія 1831 года, по новому французскому способу и по новому прусскому способу. Въ началѣ 1861 года, еще предписано было вести сапу и по способу г. Снарского, нашего офицера 1 саперной бригады. Но какъ при одиночномъ обученіи людей невозможно было требовать, чтобы они знали производство сапы по всѣмъ четыремъ способамъ, то я, извлекши все полезное изъ всѣхъ четырехъ способовъ, составилъ среднюю, или нормальную сапу. Описаніе ея налитографировалъ въ большомъ числѣ экземпляровъ, ввѣль у себя въ бригадѣ и, въ началѣ мая 1862 года, представилъ Тотлебену нѣсколько экземпляровъ этого описанія, оговоря въ рапортѣ, что, не ожидая одобренія этой сапы, ввожу ее въ бригадѣ, какъ единственный исходъ изъ тогдашняго требованія, чтобы саперы были ознакомлены со всѣми четырьмя способами веденія сапы. Для такого великаго знатока сапернаго дѣла, какимъ былъ Тотлебенъ, много было и одного часа времени, чтобы просмотрѣть описание нормальной сапы на двухъ литографированныхъ листкахъ писарской руки и оцѣнить сапу, но я два года не получалъ отвѣта. Саперы мои въ 1862 году дѣлали изумительные успѣхи въ изученіи нормальной сапы, а я и многие офицеры побаивались, чтобы трудъ напѣтъ не пропалъ, если нормальная сапа не будетъ утверждена; въ 1863 году, опасенія наши еще болѣе увеличились. Полное одобреніе и утвержденіе Тотлебеномъ нормальной сапы послѣдовало въ февралѣ 1864 года, когда въ высшихъ сферахъ уже рѣшено было мое новое назначеніе по службѣ.

¹⁾ Мѣстность для этихъ опытовъ указана была самимъ императоромъ Николаемъ; чиновникъ петергофскаго дворцоваго правленія, отводившій саперамъ ту мѣстность, ошибся и отвелъ часть пустошей, поросшихъ мелкимъ, рѣдкимъ кустарникомъ и принадлежавшихъ оранжейбаумскимъ крестьянамъ великой княгини Елены Павловны. Крестьяне жаловались великой княгинѣ; она поручила своему главноуправляющему, старому генералу Криднеру, съѣздить въ саперный лагерь и постараться удовлетворить претензіи крестьянъ. Вошли въ соглашеніе съ крестьянами, и они помирились за плату 3 руб. въ годъ.

VI.

Долженъ сказать еще объ одномъ грустномъ фактѣ—о преслѣдованіи Тотлебеномъ капитана Мельникова.

Извѣстно, что 4-го сапернаго баталіона капитанъ Мельниковъ, подъ Севастополемъ, былъ главнымъ дѣятелемъ въ минной войнѣ; онъ не только работалъ и дѣйствовалъ въ минахъ, но и жилъ тамъ; всѣ самыя трудныя и опасныя работы проходили черезъ его руки; онъ не былъ инициаторомъ, но былъ незамѣнимъ исполнителемъ, а главное, онъ не желалъ выставляться, а желалъ работать и ужъ дѣйствительно работалъ. Успѣхи Мельникова въ минахъ были извѣстны не только всему севастопольскому гарнизону и всей Россіи, но и всей Европѣ, которая называла его севастопольскимъ оберъ-кругомъ, но Тотлебенъ и въ Севастополѣ обращался съ Мельниковымъ всегда сухо, холодно. Саперы, участники севастопольской обороны, рассказывали, что Мельниковъ могъ бы возвратиться изъ Севастополя генераломъ, или, по крайней мѣрѣ, полковникомъ, но Тотлебенъ не давалъ ему хода, а какъ при каждомъ удачномъ минномъ взрывѣ весь Севастополь прославлялъ Мельникова, то Тотлебенъ уже не могъ обходить его наградами, и Мельниковъ въ Севастополѣ получилъ Георгія и Владимира четвертыхъ степеней, Станислава и Анны 2-й степени съ коронами, съ предшествовавшими степенями этихъ двухъ орденовъ, а къ производству въ слѣдующій чинъ Мельниковъ не былъ представляемъ. Саперная молва гласила, что Тотлебенъ завидовалъ славѣ Мельникова, что Тотлебенъ ни съ кѣмъ не хотѣлъ подѣлиться и частицею своей славы.

Какъ бы то ни было, но въ 1862 году, вскорѣ по вступленіи бригады въ лагерь, Мельниковъ явился ко мнѣ въ парадной формѣ и взволнованнымъ голосомъ говорилъ, что съ разрѣшенія командаира баталіона осмѣлился беспокоить меня по поводу письма, полученного имъ отъ дежурнаго штабъ-офицера инженернаго штаба, полковника Гештовта, и вручилъ мнѣ письмо. Прочитавъ письмо Гештовта и видя смущеніе Мельникова, я просилъ его успокоиться и положиться на меня, а самъ тотчасъ Тотлебену написалъ собственноручное письмо, слѣдующаго содержанія:

«М. г. Эдуардъ Ивановичъ.

«4-го сапернаго баталіона капитанъ Мельниковъ, съ разрѣшенія командаира баталіона, передалъ мнѣ собственноручное письмо къ нему Гештовта, въ которомъ Гештовтъ, по приказанію вашего пре-восходительства, объявляетъ Мельникову, что ему закрытъ даль-нѣйшій ходъ по службѣ въ инженерномъ корпусѣ, а если онъ по-желаетъ, съ производствомъ въ подполковники, быть переведен-

нымъ въ армію, то ваше превосходительство изволите выхлопотать назначение его командромъ пѣхотнаго резервнаго баталіона.

«Какъ бригадный командръ, которому государемъ императоромъ дано право ходатайствовать за своихъ подчиненныхъ, докладываю вашему превосходительству, что капитанъ Мельниковъ, хотя и не геніальный человѣкъ, но, тѣмъ не менѣе, отличнѣйшій офицеръ, тихій, кроткій по службѣ, хорошо знаетъ фронтъ, а саперное дѣло знаетъ на столько, что я не могу указать, кто изъ нынѣшнихъ командировъ отдѣльныхъ частей знаетъ саперное дѣло лучше Мельникова. Заслуги же Мельникова подъ Севастополемъ вамъ ближе всего известны, онъ пріобрѣлъ европейскую известность, имъ гордятся всѣ наши саперы.

«Имѣю честь всепокорнѣйше просить ваше превосходительство не только не удалять Мельникова въ армію, но, съ производствомъ въ подполковники, назначить командромъ отдѣльной части въ инженерномъ корпусѣ, помимо старшихъ подполковниковъ; это никого не огорчить, напротивъ, относительно Мельникова, эта мѣра будетъ признана болѣе чѣмъ справедливою.

«Въ заключеніе положительно докладываю вашему превосходительству, что если настоящая моя просьба не будетъ уважена, то я официально войду со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ по сему предмету.

«Примите и проч. В. Кренке».

Въ отвѣтъ получилъ телеграмму: «Капитанъ Мельниковъ съ производствомъ въ подполковники будетъ назначенъ командромъ отдѣльной части на первую ваканцію въ инженерномъ корпусѣ.

«Тотлебенъ».

И въ 1863 году Мельниковъ былъ назначенъ командромъ 5-го понтоннаго парка у меня въ бригадѣ.

Этотъ эпизодъ съ Мельниковымъ сильно подействовалъ на бригаду и сообщился въ другія бригады.

Въ біографическомъ очеркѣ Тотлебена, на стр. 391 и 392, относительно Мельникова, сказано:

«Устройство втораго яруса контрь-минъ стоило Тотлебену немало трудовъ. Завѣдовавшій минными работами передъ 4-мъ бастиономъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ полковника Тотлебена, 4-го сапернаго баталіона штабсъ-капитанъ Мельниковъ, находилъ устройство втораго яруса излишнимъ, и потому замедлилъ исполнить данное ему главнымъ руководителемъ обороны приказаніе, работы въ колодцахъ не подвигались впередъ. Тогда дѣло дошло наконецъ до непріятнаго служебнаго объясненія, и затѣмъ уже второй ярусъ контрь-минъ безпрепятственно развивался. Нельзя не замѣтить здѣсь, что впослѣдствіи, когда зависѣла противъ служеб-

«истор. вѣсти.», октябрь, 1886 г., т. xxvi.

ныхъ успѣховъ Тотлебена подняла голову, противники и недоброжелатели его пытались создать изъ капитана Мельникова, прозванного севастопольскимъ кротомъ, нѣчто въ родѣ антагониста Тотлебена, настоящаго виновника нашего миннаго торжества. Оказалось, что Тотлебенъ чуть ли не присвоилъ себѣ чужія лавры!!! Но эта попытка создать изъ невсегда умѣлого исполнителя нѣчто въ родѣ руководителя севастопольского миннаго дѣла не выдерживаетъ критики и должна быть отнесена къ печальнымъ явленіямъ преднамѣренного искашенія исторической правды».

На эти строки замѣчу, что кто бы ни увѣрялъ, нельзя повѣрить, чтобы Мельниковъ не исполнилъ приказанія Тотлебена; Мельниковъ не такихъ свойствъ, чтобы могъ ослушаться начальника; если бы Мельниковъ самъ сознавался, что онъ ослушался Тотлебена, то хорошо знающіе Мельникова не повѣрили бы и его собственнымъ словамъ. Дѣло объясняется проще, какъ передавали ближайшіе свидѣтели. Мельниковъ сказалъ свое мнѣніе, несогласное съ мнѣніемъ Тотлебена, а Тотлебенъ, всегда раздражительный, при сильномъ тогда возбужденіи нервовъ, вспыхнулъ, наговорилъ дерзостей Мельникову и тѣмъ оскорбилъ и Мельникова, и всѣхъ саперовъ, близайшихъ его сотрудникъ, т. е. дѣйствительныхъ тружениковъ, а не тѣхъ, которые были постоянными спутниками Тотлебена и составляли какъ бы свиту его.

Нѣсколько выше, на стр. 390 біографического очерка, при объясненіи, что Тотлебенъ изъ опасенія, чтобы французы не подвели своихъ минъ ниже нашихъ контрѣ-минъ, хотѣль предупредить ихъ и, опустившись колодцами, открыть второй ярусъ контрѣ-минъ на возможной глубинѣ—говорится: «Тотлебенъ припомнилъ въ это время изъ сочиненія Циммера, что при осадѣ Швейдница, въ 1762 году, пруссаки только тогда достигли цѣли, когда рѣшились пройти ниже контрѣ-минной системы, подъ воронкою, занятую австрійцами».

Тотлебенъ, въ бесѣдахъ со мной въ С.-Стефано и въ Адріанополѣ, въ 1878 году, не скрывалъ, что онъ ссыпался на Швейдницъ, но признавался, что лучшій урокъ въ минной войнѣ онъ пріобрѣлъ въ 1842 году подъ Петербургомъ, у деревни Тентелевої, когда Малафѣевъ, командиръ Гренадерскаго сапернаго баталіона, атаковалъ трубную систему генераль-адъютанта Шильдера. Тотлебенъ, тогда поручикъ, былъ главнымъ помощникомъ Шильдера, а Малафѣевъ атаковалъ двумя ярусами минъ и взрывомъ изъ нижняго яруса разрушилъ трубную систему¹⁾). Тотлебенъ увѣрялъ меня, что онъ всегда съ особымъ уваженіемъ вспоминаетъ Якова Ивановича Малафѣева, и неразрывно съ нимъ опыты 1842 года навсегда врѣ-

¹⁾ Краткое свѣдѣніе объ этихъ опытахъ сообщено въ августовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1885 года, въ статьѣ: «Быть саперовъ 50 лѣтъ назадъ».

зались въ его памяти. Жаль, что въ биографическомъ очеркѣ вовсе не упоминается о такомъ крупномъ опыте въ жизни Тотлебена; о 1842 годѣ, на стр. 13, говорится только, что Тотлебенъ получилъ орденъ св. Станислава 3-й степени.

VII.

Не желаю умалять великие подвиги и славу Тотлебена, да и не могу этого сдѣлать, если бы и хотѣль. Боевые заслуги Тотлебена такъ громки и такъ еще свѣжі въ памяти всѣхъ современниковъ, что посягательство на умаленіе ихъ было бы безумiemъ. Тотлебенъ великъ, какъ воинъ-саперъ, какъ боевой военный инженеръ. На этомъ поприщѣ онъ прославилъ и себя, и родъ оружія, и армію, гдѣ служилъ, а слѣдовательно и всю Россію. Біографія такого великаго дѣятеля была бы поучительна и въ высшей степени интересна, если бы въ ней Тотлебенъ не представлялся въ то же время и великимъ администраторомъ, и человѣкомъ, чуть ли не съ колыбели предназначеннымъ для великихъ дѣлъ. Тотлебенъ дѣйствительно занималъ выдающіеся посты въ государствѣ, но какъ администраторъ никогда не стоялъ на высотѣ своего призванія. Ребенкомъ и юношой я Тотлебена не зналъ, лично познакомился съ нимъ въ 1842 году, когда и онъ, и я были поручиками, ближе сошелся съ нимъ на службѣ въ гвардейскихъ инженерахъ, куда Тотлебенъ поступилъ въ 1852 году капитаномъ, а я состоялъ въ гвардейскихъ инженерахъ съ 1850 года и былъ подполковникомъ.

Этому періоду службы Тотлебена посвящена 3-я глава біографического очерка. Остановлюсь на ней, какъ на изложеніи того времени службы Тотлебена, которое мнѣ ближе всего известно; я уже часто ссылался на біографический очеркъ, но ссылался въ тѣхъ только случаяхъ, которые мнѣ близко и хорошо были известны, такъ буду поступать и въ настоящемъ разборѣ 3-й главы очерка.

Въ этой главѣ обыденная жизнь и обыкновенная служба Тотлебена представлены какими-то высшими стремленіями и побужденіями, какъ будто Тотлебенъ предчувствовалъ свое высокое предназначение и готовился къ чему-то великому, необычайному. Глубокоуважаемый авторъ очерка, Николай Карловичъ Шильдеръ, очевидно, хотѣль возблагодарить Тотлебена за тѣ 16 лѣтъ, которыя провелъ при немъ. Въ благодарности своей Н. К. такъ благодарно увлекся, что забылъ, или пренебрѣгъ тѣмъ, что Тотлебенъ съ своей стороны оставался далеко не столь благодарнымъ отцу его, хотя въ дѣйствительности Тотлебенъ для сына Шильдера сдѣлалъ гораздо менѣе, чѣмъ отецъ Шильдеръ сдѣлалъ для него самого. По смерти генераль-адъютанта Шильдера, Тотлебенъ, при всякомъ удобномъ и даже неудобномъ случаѣ, всегда отзывался о старикѣ Шильдерѣ съ невыгодной стороны; сынъ Шильдеръ зналъ

объ этомъ, вотъ доказательство. Въ 1878 году, въ Адріанополь, за обѣдомъ у главнокомандующаго Тотлебена, я сидѣлъ возлѣ него, а Н. К. Шильдеръ сидѣлъ поодаль; разговоръ зашелъ о старикѣ Шильдерѣ; Тотлебенъ, зная, что все прошлое мнѣ хорошо известно, говорилъ сдержанно, Н. К. слышалъ произносимую его фамилию, но не зналъ, о чёмъ шла рѣчъ. Послѣ обѣда Н. К. говорилъ мнѣ, что разговоръ во время обѣда шелъ объ отцѣ его, и прибавилъ: «И вѣрно Тотлебенъ банилъ его, онъ не можетъ спокойно, безъ бани, говорить объ отцѣ моемъ».

Чтобы вѣрнѣе очертить ту роль Тотлебена, какую онъ игралъ въ званіи гвардейского инженера, скажу нѣсколько словъ о тогдашней служебной сферѣ, среди которой вращался Тотлебенъ. Инспекторомъ инженерного корпуса былъ старикъ Ив. Ив. Денъ, начальникомъ штаба при немъ былъ всесильный Влад. Гавр. Политковскій, отъ Политковскаго тогда безусловно зависѣла участь каждого генерала, каждого офицера, служащаго въ инженерномъ корпусѣ. Начальникомъ инженеровъ гвардейскихъ и grenaderского корпусовъ былъ почтенный старикъ, генералъ-лейтенантъ Андрей Андр. фонъ-Цурмиленъ, при немъ штабъ состоялъ изъ одного старшаго адьютанта и четырехъ гвардейскихъ инженеровъ; старшимъ адьютантомъ былъ гвардіи капитанъ Александръ Ив. Ахшарумовъ, а гвардейскими инженерами были: штабъ-офицеръ — я и оберъ-офицеры: капитаны Фирсовъ и Тотлебенъ, и штабъ-капитанъ баронъ Корфъ; подъ начальствомъ Цурмилена состояли: гвардейский, grenaderскій и учебный саперные баталіоны и л.-гв. конно-піонерный дивизіонъ. Ахшарумовъ въ маленькомъ цурмиленскомъ мірѣ игралъ ту же роль, что Политковскій въ цѣломъ инженерномъ корпусѣ. Подчиненіе Цурмилена гвардейскому начальству было косвенное, всѣ назначенія и награды шли черезъ инженерный штабъ. Скоро обнаружилось, что на старика Дена имѣль огромное влияніе старшій сынъ его Влад. Ив. Денъ, тогда штабъ-капитанъ и баталіонный адьютантъ гвардейского сапернаго баталіона, а потому и самъ Политковскій и, конечно, Ахшарумовъ увивались около Вл. Дена. Всѣ льнувшіе къ Вл. Дену составляли тогда деновскій кружокъ, Тотлебену очень хотѣлось втереться въ этотъ кружокъ, ему хотѣлось быть переведеннымъ въ гвардейской саперный баталіонъ, но Политковскій объ этомъ не хотѣль и слышать, Политковскій не могъ допустить, чтобы кто нибудь сѣль на шею Вл. Дену.

Въ біографическомъ очеркѣ говорится, что Тотлебенъ въ 1852 и 1853 годахъ руководилъ саперными работами и опытами въ Петергофскомъ лагерѣ, у деревни Сашиной. Этого не было, деновскій кружокъ не могъ допустить этого. Извѣстно было, что старикъ Денъ не долюбливалъ старика Шильдера, и что эти два тогдашніе великие наши инженеры не сходились въ мнѣніяхъ своихъ по инженерному дѣлу, а Тотлебенъ считался сторонникомъ шильдеровскихъ

идей. Если Тотлебенъ въ то время начиналь говорить что нибудь противъ Шильдера, то надъ нимъ подсмѣшивались, принимая его слова за желаніе угодить деновскому кружку. Тотлебенъ, по чину капитана, имѣлъ особый участокъ на работахъ, какъ и многіе другие офицеры.

Въ біографическомъ очеркѣ, на стр. 86 и 87, говорится: «Императоръ Николай, какъ бывшій генераль-инспекторъ и творецъ самостоятельного развитія русскаго инженернаго корпуса, нерѣдко посѣщалъ лагерь своихъ саперовъ и по обыкновенію съ живѣйшимъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ ихъ занятій. Капитанъ Тотлебенъ имѣлъ при этомъ неоднократно счастье объяснять ходъ проектированныхъ имъ работъ государю, и удостоивался каждый разъ милостиваго отзыва вѣнценоснаго покровителя отечественнаго инженернаго искусства. Во время этихъ посѣщеній, лѣтомъ 1853 года, императоръ указалъ однажды, какимъ образомъ нужно продолжать занятіе атакованнаго наружнаго укрѣпленія крѣпостнаго фронта. Нисколько не смущаясь, капитанъ Тотлебенъ откровенно высказалъ государю, почему указываемый государемъ способъ дѣйствій не приведетъ къ желанной цѣли, и объяснялъ, какимъ образомъ онъ намѣренъ решить предстоящій вопросъ. Окружавшія ихъ наставляющія лица въ трепетномъ недоумѣніи внимали этому смѣлому разговору молодаго капитана съ государемъ, но императоръ Николай милостиво выслушалъ объясненіе Эд. Ив. и вполнѣ одобрилъ представленные имъ доводы и предположенный образъ дѣйствій».

Ничего подобнаго не было и не могло быть, потому что, во-первыхъ, деновскій кружокъ зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы никто, вѣнѣ его кружка, не выставлялся государю и подтягивалъ старика Цурмилена, чтобы и тотъ наблюдалъ за этимъ; во-вторыхъ, государь тогда ни съ кѣмъ не входилъ въ личныя объясненія, а, осмотрѣвъ работы на мѣстѣ и по плану, самъ, обратясь ко всѣмъ намъ, произнесъ замѣчательныя слова: «Мнѣ кажется, что вы ужъ слишкомъ увлеклись нѣмецкою школою, слишкомъ большое значеніе придаете кирпичнымъ редюитамъ»; въ-третьихъ, если бы Тотлебенъ входилъ въ личныя объясненія съ государемъ, то Николай I, обладавшій необыкнѣнно памятью, не забылъ бы его, но вотъ фактъ, свидѣтелями котораго осталось еще много живыхъ людей: въ 1854 году, въ томъ же саперномъ лагерѣ совершилась торжественная панихида по убитомъ на Дунаѣ генераль-адъютантѣ Шильдерѣ; на панихидѣ присутствовалъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, по окончаніи службы, цесаревичъ обратился къ окружавшимъ его сапернымъ офицерамъ съ слѣдующими словами: «А нашъ Тотлебенъ отличается на Дунаѣ, о немъ получаются самые утѣшительные отзывы; странно, что я его вовсе не помню, да и государь (т. е. Николай I) вовсе не знаетъ его».

Въ биографическомъ очеркѣ ставится въ особую заслугу Тотлебену, что онъ въ мирное время, въ 1852 и 1853 годахъ, теоретическими занятіями подготовлялъ себя къ предстоящему боевому поприщу, что онъ перечиталъ въ это время осаду Швейдница 1762 года, осады испанскихъ крѣпостей во время войнъ первой имперіи на Пиренейскомъ полуостровѣ, осаду Данцига въ 1813 году и проч. Эти занятія, конечно, полезныя, но вѣдь этимъ тогда занимался не одинъ Тотлебенъ, а многіе, многіе, если не по охотѣ, то по необходимости.

Осаду Швейдница 1762 года рекомендовалъ для прочтенія Политковскій, этого ужъ было достаточно, чтобы нашлись десятки охотниковъ прочитать ее, но и Политковскій рекомендовалъ осаду Швейдница не по собственному усмотрѣнію, а по намеку императора Николая, вотъ по какому случаю. Въ «Русскомъ Инвалидѣ» за 1853 г., № 264, была помѣщена интересная статейка слѣдующаго содержанія. Неудачная осада Ольмюца въ Семилѣтнюю войну, 1758 года, была одною изъ важнѣйшихъ причинъ, заставившею Фридриха Великаго оставить Моравію и отступить въ Богемію¹⁾. Недоволыный Фридрихъ II писалъ начальнику осаднаго корпуса, фельдмаршалу Кейту: «Неугодно ли вамъ объявить гг. инженерамъ, что, вмѣсто всѣхъ почестей и наградъ, я готовлю имъ ослиный колпакъ, хотя бы для того мнѣ пришлось пожертвовать ушами моего лучшаго мула». Императоръ Николай, прочитавъ эти послѣднія строки, хохоталъ отъ души и при этомъ сказалъ: «Сколько мнѣ помнится, въ ту войну, и осада Швейдница велась что-то въ родѣ Ольмюцкой осады». Эти слова императора и дали ходъ осадѣ Швейдница.

Осады испанскихъ крѣпостей и осады Данцига 1813 года нельзя было не читать; въ то время всѣ интересовались этими осадами; нельзя было показаться въ инженерномъ обществѣ, не прочитавъ этихъ осадъ; особенно наши академисты, и преподаватели, и обучающіеся, интересовались осадою Данцига, гдѣ лично пришли въ боевое столкновеніе два знаменитые фортификаціонные классика Бусмаръ и Шасслу.

Въ 3-й главѣ очерка самое видное мѣсто занимаетъ разсказъ о составленныхъ Тотлебеномъ двухъ проектахъ атаки крѣпостныхъ фронтовъ, капонирного и бастіоннаго. Эти проекты выставлены, какъ что-то особенно замѣчательное, какъ самостоятельный, добровольный трудъ Тотлебена, единственно изъ его любви къ инженер-

¹⁾ Ольмюцъ былъ обложенъ 6-го мая, первая параллель заложена 28-го мая и только 31-го мая, на 25-й день послѣ обложенія, открытъ огонь съ осадныхъ батарей. Къ 24-му іюня атакующій былъ въ 120-ти шагахъ отъ гребня гласиса, а 1-го іюля осада снята. Главная ошибка инженеръ-полковника Бальби, управлявшаго осадными работами, заключалась въ томъ, что траншеи были заложены слишкомъ далеко отъ крѣпости, слишкомъ робко.

ной науки, а на самомъ дѣлѣ это была простая служебная обязанность по званію гвардейского инженера.

Обыкновенно осенью составлялся проектъ практическихъ саперныхъ работъ на слѣдующій годъ. Осенью 1852 года, Цурмиленъ, или, вѣрнѣе, Ахшарумовъ съ деновскимъ кружкомъ, въ виду того, что государь чаще и чаще сталъ посѣщать практическія саперныя работы и глубже вникать въ нихъ, рѣшили составить къ 1853 году какой нибудь грандіозный проектъ атаки крѣпости, и поручено было Тотлебену и мнѣ составить проектъ атаки капонирного и бастіоннаго фронтовъ, но съ тѣмъ, чтобы мы не совѣщались одинъ съ другимъ, а составляли бы каждый отдельно по своему личному взгляду. Недѣль черезъ шесть проектъ атаки бастіоннаго фронта былъ отмѣненъ, оставленъ одинъ проектъ на капонирный фронтъ, на томъ основаніи, что капонирные фронты Новогеоргіевской крѣпости тогда считались верхомъ совершенства нашего инженернаго искусства и гордостью главнаго строителя ихъ старика Дена.

Тотлебенъ началъ работу съ бастіоннаго фронта, а я прямо съ капонирнаго, оттого Тотлебеномъ были составлены два проекта, а мною одинъ, но тотлебенскій проектъ атаки бастіоннаго фронта никакуа не представлялся.

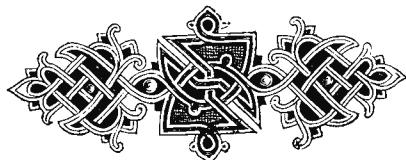
Тотлебенъ придалъ огромное значеніе кирпичнымъ редютамъ и капонирамъ и составилъ сложнѣйшій проектъ атаки капонирнаго фронта; онъ, вмѣсто существовавшаго тогда способа приближенія къ гласису тремя параллелями, подходилъ медленно пятью параллелями, со множествомъ батарей и второстепенныхъ подступовъ. По пояснительной запискѣ, въ угоду Дену, Тотлебенъ придалъ такое значеніе капонирному фронту, какого до того времени не имѣлъ ни одинъ крѣпостной фронтъ.

Я же, напротивъ, въ пояснительной запискѣ къ своему проекту сказалъ, что, при современномъ состояніи артиллеріи, кирпичные редюты и капониры не могутъ быть страшны; уже и мы имѣемъ превосходныя, длинныя, пудовые, бомбическія пушки, изъ которыхъ можно дѣйствовать и на столько прямыми выстрѣлами, и почти навѣсными выстрѣлами, и что недавніе опыты во Франціи, въ Бапомѣ (1847 года), явно доказали, что кирпичныя стѣнки, съ лежащими на нихъ кирпичными сводами, хотя и прикрыты спереди земляными насыпями, легко разрушаются издали, не только прямыми, но и косыми выстрѣлами. А потому въ настоящее время можно отважиться вести на капонирный фронтъ ускоренную артиллерійскую атаку Мая, подобно тому, какъ французы атаковали испанскія крѣпости на Пиренейскомъ полуостровѣ, и сообразно съ этимъ представилъ проектъ ускоренной атаки.

Оба проекта, и Тотлебена, и мой, весною 1853 года, были представлены Цурмилену, тамъ они рассматривались деновскимъ кружкомъ, и Цурмиленъ представилъ ихъ инспектору Дену, съ оговор-

кою, что съ своей стороны отдаетъ предпочтеніе проекту Тотлебена (хотя наединѣ говорилъ мнѣ, что ему мой проектъ болѣе нравится). Стариkъ День долго держалъ у себя оба проекта, ясно сознавая, что тотлебенскимъ проектомъ хотѣли польстить ему, но подъ вліяніемъ Политковскаго представилъ на утвержденіе государя проектъ Тотлебена. Государь утвердилъ проектъ Тотлебена, а День позвалъ къ себѣ и Тотлебена, и меня, и мы долго ожидали выхода Дена, покуда шелъ докладъ Политковскаго. День, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «Не вашъ проектъ утвержденъ государемъ, но я, всетаки, очень благодаренъ вамъ за добросовѣстный трудъ», а Тотлебену ни слова не сказалъ, только кивнулъ головой и при этомъ День сказалъ намъ, что государь не разсматривалъ подробно проекта атаки, а лѣтомъ хотѣль на мѣстѣ работъ ознакомиться съ нимъ. Когда же государь, лѣтомъ, на работахъ, замѣтилъ, что ужъ слишкомъ большое значеніе придано кирпичнымъ редюитамъ, то проектъ атаки подвергся общей критикѣ, даже и со стороны деновскаго кружка.

В. Кренке.

СВѢТЛЫЯ МИНУТЫ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА.

1796—1801.

ДЕРЖАВИНЪ, привѣтствуя воцареніе Александра I, сравнилъ въ своей торжественной одѣ царствованіе его родителя съ суровою зимою, которую смѣнила благодатная весна, наступившая вмѣсть съ новымъ XIX вѣкомъ:

«Вѣкъ новый! Царь младый, прекрасный
Пришелъ днесъ къ намъ весны стезей!
Мои предвѣстья велегласны
Уже сбылись, сбылись судьбой.
Умолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взглядъ;
Зефиры вспорхнули крылаты,
На воздухъ вѣютъ ароматъ»...

Это крайне двусмысленное сравненіе навлекло на поэта, какъ извѣстно, неудовольствіе вдовствующей императрицы Маріи Феодоровны: въ «сиповатомъ голосѣ» Норда, въ «грозномъ, страшномъ взглядѣ» государыня угадала дерзкій намекъ на личность ея покойного супруга. Оправданію Державина много помогли самые невинные, метеорологические доводы; онъ прямо сослался на наступленіе весны, которое совпало съ восшествіемъ на родительскій престолъ императора Александра Павловича. Хотя это оправданіе и не выдерживало строгой критики, но, на радостяхъ, поэтическая вольность Державина осталась безъ дальнѣйшихъ непріятныхъ для него послѣствій... А радость воцаренію Александра I была

великая: петербургскіе жители, поздравляя другъ друга, лобызались, какъ въ свѣтлый праздникъ; вечеромъ, 12-го марта 1801 года, по улицамъ зажгли иллюминацію. За годъ съ небольшимъ, 1-го января 1800 года, по ошибкѣ праздновали наступленіе «новаго вѣка», что вызвало со стороны покойнаго императора Павла официальное замѣчаніе, что XVIII вѣкъ заканчивается 1800-мъ, а XIX вѣкъ начинается 1801 годомъ. Теперь же и Петербургъ, и вся Россія праздновали «новый вѣкъ» двумя мѣсяцами позже и готовы были считать наступленіе новаго года не съ января, а съ 12-го марта. Такимъ образомъ покойный Павелъ I былъ какъ бы олицетвореніемъ всего старого, отжившаго, послѣднимъ представителемъ XVIII вѣка, а его юный преемникъ—новаго, XIX-го; въ покойномъ отцѣ, и безъ сравненія Державина въ его одѣ, всѣ видѣли суровую зиму; въ сынѣ—весну, подательницу всѣхъ благъ, щедротъ и милостей. Сравненіе тѣмъ болѣе справедливое, что и самое воцареніе Павла, въ параллель воцаренію Александра I, послѣдовало въ ноябрѣ, и первые же дни его были ознаменованы мрачнымъ торжествомъ погребенія матери и отца, останки которого были перенесены изъ Александро-Невской лавры въ Петропавловскій соборъ; на первой медали, выченанной по случаю этого события при Павлѣ I, изображены были гробницы его родителей... Истинно зимнимъ, мертвеннымъ холодомъ повѣяло отъ новаго царствованія; дѣйствительно лютый морозъ дохнулъ на розы и лавры золотаго вѣка Екатерины; суровые «гатчинцы» смѣнили избалованныхъ, изнѣженныхъ гвардейцевъ, разодѣтыхъ въ шелки, бархаты, съ собольими муфтами, въ которыхъ господа офицеры прятали свои бѣлые, выхоленные ручки; бархатъ смѣнился грубымъ сукномъ, тоненькия шаги—тяжелыми палашами, лакированные башмачки съ красными каблуками—ботфортами съ бряцающими шпорами. Померкли яркіе огни въ окнахъ Эрмитажа; собранія въ стѣнахъ дворца были замѣнены вахт-парадами на Марсовомъ полѣ... Все женственное, нѣжное исчезло, уступивъ свое мѣсто воинственному, грубому, суровому; вахмистры, фельдфебели, капраны оттѣнили раздущенныхъ петиметровъ и селадоновъ. Но, съ точки зрѣнія беспристрастнаго историка, можно ли назвать кратковременное царствованіе Павла бѣдственнымъ для Россіи? Конечно, нѣтъ. Павелъ, при всѣхъ особенностяхъ, пожалуй, странностяхъ личнаго своего характера, былъ точно такою же «историческою необходимостью», какъ зима есть необходимость климатическая. Какъ, по законамъ природы, между осеню и весною—зима, такъ между царствованіями Екатерины и ея внука, по логической послѣдовательности должно было имѣть мѣсто царствованіе ея сына, эпоха переходная Россіи изнѣжившейся, обабившейся къ Россіи воинственной, мужественной. Громкою ли бранью, толчками ли, ударами ли фухтеля, но Павелъ разбудилъ и отрезвилъ Россію, а Суворовскіе походы подготовили и солдать, и полковод-

цевъ къ великой борбѣ съ Наполеономъ. Борьба съ «сыномъ судебъ» едва ли была бы подъ силу Зубовымъ и Римскимъ-Корсаковымъ. Гатчинецъ Аракчеевъ далъ возможность нашей артиллериі тягаться съ французскою, чтò, конечно, было бы немыслимо при генераль-фельдцейхмейстерѣ Зубовѣ,—вѣдь боевые пушки не стрѣлы Амура.

Потомство должно быть признательно Павлу I не за то, что онъ создалъ, но именно за то, что онъ уничтожилъ. Эта беспощадная ломка установленій предыдущаго царствованія, отмѣна многихъ прежнихъ узаконеній и замѣна ихъ новыми, многочисленныя преобразованія по всѣмъ отраслямъ государственного управлениія навлекли на Павла I ропотъ во всѣхъ сословіяхъ и въ обоихъ поколѣніяхъ какъ старомъ, такъ и новомъ. Исполнители его повелѣній, имѣвшіе цѣлую прямую пользу его подданныхъ, умышленно придавали имъ видъ мѣръ стѣснительныхъ, совершенно произвольныхъ и вмѣсто той любви народной, о которой Павелъ мечталъ съ самыхъ отроческихъ лѣтъ, возбуждали въ народѣ лишь боязнь, недовѣrie, а подчасъ и неуваженіе къ самому представителю верховной власти. Остужая русское сердце въ его любви къ царю, тѣ же люди съумѣли разжечь въ сердцѣ царя чувства недовѣрчивости и подозрительности къ народу. «Изверги,—говорить о нихъ Коцебу,— злоупотребляя довѣріемъ къ нимъ монарха, сердце которого было склонно къ кротости и добротѣ, всюду показывали ему призраки, вовсе не существовавшіе и даже въ которые они не вѣрили сами и ввели начало владычества ужаса». Молву о добрыхъ и великолѣпныхъ дѣяніяхъ государя заглушали анекдотами, нерѣдко и вымыщленными, о странностяхъ и эксцентрическихъ выходкахъ. Злорѣчію отечественному вторила иностранная печать памфлетами, пасквилями, карикатурами, и такимъ образомъ о личности императора Павла, человѣка, въ сущности, доброго, сердечнаго, слагались самыя превратныя и враждебныя понятія. Д. Ф. Кобеко, въ своей прекрасной монографіи «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ», первый изъ нашихъ отечественныхъ писателей съумѣлъ отрѣшиться отъ общепринятаго мнѣнія, отнесясь къ Павлу I съ должною справедливостью и безпристрастiemъ. Точка зреінія, которую потомство должно прилагать къ нему, чисто психическая. Причины превращенія характера доброго, уступчиваго, способнаго на подвиги рыцарского благородства, въ характеръ крутой, озлобленный, упорный, до самозабвенія заносчивый, скрываются въ воспитанії Павла, въ отношеніяхъ къ нему его родительницы, въ печальной обстановкѣ его семейнаго и общественнаго быта. Укажемъ на нихъ въ главныхъ чертахъ.

Павель-младенецъ до семи лѣтъ (1754—1761) возросталъ на попеченіи нянюшекъ, мамушекъ, сказочницъ, ханжей-богомолокъ и прочихъ приживалокъ собственныхъ appartamentовъ императ-

рицы Елизаветы Петровны. Какъ она сама, такъ и воспитательницы ея двоюроднаго внука, холили, лелѣяли, нѣжили младенца, чѣмъ неумышленно содѣствовали развитію нервности и чисто женской впечатлительности въ этомъ добромъ, кроткомъ, миломъ существѣ. Послѣ переворота 28-го іюня 1762 года, Павель изъ нѣжныхъ женскихъ рукъ перешелъ въ сухія, жесткія руки графа Н. И. Панина, давшаго въ воспитатели великому князю Семену Порошину, человѣка доброго, сердечно преданного своему питомцу, но совершенно неопытнаго въ дѣлѣ педагогіи, а еще того менѣе воспитанія наслѣдника престола. Порошинъ, какъ видимъ изъ его «Записокъ», та же няня баловница, въ офицерскомъ мундирѣ, кадетъ выпускнаго класса, подружившійся съ воспитанникомъ неранжированной роты. И можно ли требовать разумныхъ, педагогическихъ пріемовъ отъ Порошина, когда самъ графъ Никита Ивановичъ Панинъ такъ неосмотрительно относился къ дѣлу воспитанія цесаревича! За столомъ, при своемъ питомцѣ, онъ ведеть разговоры, не всегда приличные даже при взрослыхъ юношахъ. Не потому ли, что ребенокъ ихъ не понимаетъ? Но въ каждомъ ребенкѣ есть зародышъ вредной любознательности, допытывающейся до того, что знать ему еще слишкомъ рано. Отрока-цесаревича часто водятъ въ театръ на представлениія французскихъ комедій, оперетокъ и балетовъ. Репертуаръ этихъ піесъ, по большей части, во вкусѣ того времени: всѣ онъ вертятся на любовныхъ интригахъ, почти въ каждой изъ нихъ и одураченные опекуны, и мужья-роносы. Эти піесы не могутъ не вліять на пылкое воображеніе ребенка и безъ того восторженнаго, впечатлительнаго. Его чистый, невинный взглядъ съ любовію останавливается на фрейлинѣ Вѣрѣ Чеглоковой, и эта 18-тилѣтняя красавица явно кокетничаетъ съ отрокомъ-цесаревичемъ, а добродушный Порошинъ бесѣдуетъ съ нимъ о его «предметѣ», съ нимъ заодно сочиняетъ нѣжная посланія, амурные стишкі и при этомъ наивно восклицаетъ: «Вотъ какова натура! кажется, никто не училъ этому!» («Записки», 1765 года 21-го октября).

Проходятъ годы. Павель-юноша неразлученъ съ своимъ менторомъ-графомъ Н. И. Панинымъ. Многое невѣдомое отроку о событияхъ недавнихъ, въ особенности о государственномъ переворотѣ 28-го іюня 1762 года, является юношѣ въ истинномъ свѣтѣ, и видѣть онъ, что главные пособники воцаренію его матери взысканы ея милостями и щедротами, что они, пользуясь неограниченно ея благосклонностью, относятся лично къ нему съ какою-то покровительственною ласкою, какъ къ ребенку, но отнюдь не съуважениемъ, подобающимъ наслѣднику престола. Одни только братья Панины съ ихъ малочисленною партіею¹) радѣются о его наследствен-

¹⁾ Къ ней принадлежали: вице-канцлеръ князь Голицынъ, фельдмаршалъ

ныхъ правахъ и видять, или хотятъ видѣть въ немъ, по достиженіи имъ совершеннолѣтія, преемника Екатерины. Павлу небезъизвѣстно и условіе его матери съ братьями Паниными уступить ему императорскую корону, прекративъ свое регентство. Но это условіе, подобно договору императрицы Анны Ioанновны съ верховниками, уничтожается, и цесаревича не только лишаютъ надежды вступить на родительскій престолъ при жизни матери, но, въ силу политическихъ соображеній, лишаютъ даже отцовскаго наслѣдія въ Голштиніи: трактатомъ 21-го мая 1773 года Шлезвигъ и Голштинія были уступлены Даніи. Великій князь Павелъ Петровичъ пріобрѣлъ взамѣнъ того графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ, а черезъ два мѣсяца принужденъ былъ уступить ихъ кадыютру Любскому, Фридриху-Августу, представителю младшей линіи Голштинскаго дома. Комбинаціи эти воздвигали еще большую преграду между матерью и сыномъ, и въ концѣ іюля 1773 года положеніе дѣль было такое, что каждый находившійся въ милости императрицы обязанъ быть противникомъ наслѣдника престола. Нерасположеніе послѣдняго къ матери, по словамъ англійскаго посланника Гуннинга, «достигло размѣровъ, могущихъ имѣть важныя послѣдствія въ случаѣ, если бъ онъ былъ окружень людьми предпримчивыми и энергическими»¹).

Сальдернъ, гольштейн-готторпскій тайный совѣтникъ, бывшій посланникъ въ Варшавѣ, и французскій посланникъ въ Константинополѣ стали интриговать въ пользу Павла Петровича, имѣя въ виду возведеніе его на престолъ. Примѣръ Шетарди, поисками своими способствовавшаго воцаренію Елизаветы Петровны, придавалъ смѣлости хитрымъ дипломатамъ. Сальдернъ составилъ даже планъ о призваніи Павла Петровича къ со участію въ управлѣніи государствомъ. Тогда Екатерина, желая ослабить вліяніе Паниныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ парализовать дѣйствія партіи, работавшей въ пользу цесаревича, рѣшила, что бракосочетаніе цесаревича—надежнѣйшее къ тому средство. Вмѣсто вѣнца императорскаго или короны герцогской, на великаго князя возложили вѣнецъ брачный. Выборъ государыни, при содѣйствіи Ассебурга, бывшаго датскаго посланника при нашемъ дворѣ, палъ на принцессу Августу-Вильгельмину Гессенъ-Дармштадтскую, въ святомъ миропомазаніи нареченную Наталіею Алексѣевною. Бракосочетаніе съ нею цесаревича послѣдовало 29-го сентября 1773 года. По непостижимой волѣ судьбы, въ послѣдній день брачныхъ пиршествъ, 14-го октября²),

князь Голицынъ, адмиралъ Мордвиновъ, генералъ Пассекъ и камер-юнкеръ Васильчиковъ (Н. Дубровинъ: Пугачевъ и его сообщники, Спб., 1884 г., т. II, стр. 57).

¹) Н. Дубровинъ, томъ II, стр. 58.

²) А не въ самый день бракосочетанія, т. е. 29-го сентября, какъ показываетъ Державинъ въ своихъ «Запискахъ». Мы придерживаемся поправки Г. Дубровина. (Томъ II, стр. 53, прим. 3).

получено было въ Петербургѣ первое извѣстіе о пугачевщинѣ. Тѣнь Петра III, дерзкій самозванецъ, орудіе хитрой интриги личныхъ враговъ Екатерины, иностранныхъ дипломатовъ и, что почти несомнѣнно, лицъ близкихъ къ престолу, возмутилъ юго-восточные окраины Россіи напоминаніемъ о тѣхъ благодѣяніяхъ, которыми было ознаменовано кратковременное царствованіе покойнаго императора. Религіозная свобода раскольниковъ, облегченіе участія крѣпостныхъ, или, сказать вѣрнѣе, ихъ освобожденіе, были главными пружинами, которыми самозванецъ успѣшно двигалъ народными массами при содѣйствіи тайныхъ своихъ пособниковъ. Имя цесаревича, произносимое самозванцемъ съ уваженіемъ, сочувствіемъ и любовью, было также успѣшнымъ орудіемъ въ рукахъ Пугачева. Какъ частое упоминаніе этого имени, такъ равно и голштинскія знамена въ рядахъ мятежниковъ, возбуждая тревожныя опасенія Екатерины II, набрасывали въ ея глазахъ тѣны на доброжелателей ея сына, и прежде всѣхъ другихъ на братьевъ Паниныхъ.

Имя Павла Петровича, какъ призывный кличъ бунтовщиковъ, раздавалось уже не впервые: имъ разжегъ въ 1771 году пламя мятежа Беніовскій, между ссылыми въ Большерѣцкомъ острогѣ, въ Камчаткѣ. Одновременно, въ чумномъ бунтѣ, въ Москвѣ, было компрометировано имя цесаревича, и виновникомъ этихъ ужасовъ и неистовства государыня подозрѣвала графа Петра Ивановича Панина¹⁾). При первой вспышкѣ пугачевщины она поручила московскому главнокомандующему, князю М. Н. Волконскому, имѣть за граffомъ Петромъ Ивановичемъ тайный надзоръ. Самое его участіе въ усмиреніи пугачевщины еще не вполнѣ примирило съ нимъ императрицу Екатерину.

Болѣе или менѣе притворную любовь къ цесаревичу и его супругѣ Пугачевѣ проявлялъ постоянно какъ въ бесѣдахъ и попойкахъ со своими приближенными, такъ и всенародно. Высказывая программу своихъ дѣйствій, предрекая имъ полный успѣхъ, онъ говорилъ, что «царствовать не желаетъ и хлопочеть только въ пользу Павла Петровича»²⁾). Въ такъ называемомъ «дворцѣ» самозванца, въ Бердской слободѣ, на стѣнѣ парадной горницы помѣщенъ былъ портретъ цесаревича, взятый въ именіи Тимашева и привезенный въ Берду атаманомъ Овчинниковымъ³⁾). Къ этому портрету самозванецъ обращался постоянно при питіи «здравицъ». Въ парадныхъ случаяхъ къ столу приглашались члены военной коллегии и нѣкоторые изъ яицкихъ казаковъ. Первый тостъ Пуга-

¹⁾ Эту гнусную клевету на честнѣйшаго слугу царскаго въ 1784 году повторила Наталья Пасекова Шешковскому (см. «Осьмнадцатый вѣкъ», кн. I, Москва, 1868, стр. 81).

²⁾ Н. Дубровинъ, ч. II, стр. 143.

³⁾ Тамъ же, стр. 133.

чевъ всегда провозглашалъ за свое здоровье, а затѣмъ обращался къ висѣвшему на стѣнѣ портрету и пилъ за здоровье цесаревича.

— Здравствуй, всероссійскій наслѣдникъ Павелъ Петровичъ!— произносиль самозванецъ и при этомъ всегда высказывалъ опасеніе за будущую судьбу цесаревича.

— Жаль мнѣ Павла Петровича, — говорилъ онъ:— какъ бы де его окаянные злодѣи не иззвели¹⁾.

Въ самомъ началѣ мятежа, когда самозванецъ еще съ немногими приверженцами, послѣ ночлега у казака Коновалова, отпра-вился на берегъ Усихи, гдѣ расположился станомъ, онъ объявилъ себя за обѣдомъ императоромъ Петромъ Федоровичемъ.

— Здравствуй я, надежда государь!— провозгласилъ Пугачевъ, поднимая чарку.

Всѣ выпили за здоровье государя, и хотѣли пить за здоровье императрицы.

— Нѣть! — закричалъ Пугачевъ: — за здоровье ея не пейте, а извольте кушать за здоровье Павла Петровича!

Казаки исполнили приказаніе, и Пугачевъ, поднявъ чарку, про-возгласиль:— Здравствуй, наслѣдникъ и государь Павелъ Петровичъ! Охъ, жаль мнѣ Павла Петровича,— прибавилъ онъ, утирая какъ бы навернувшіяся на глазахъ слезы.

Казаки смотрѣли на самозванца съ умиленіемъ и вѣрили въ искренность его родительскихъ чувствъ²⁾.

Въ крѣпостцахъ и городахъ, сдававшихся Пугачеву, малодушное, трепетавшее передъ нимъ духовенство на ектеніяхъ возгла-шало, по его повелѣнію, имя наслѣдника цесаревича Павла Петро-вича и супруги его Наталіи Алексѣевны. Пріѣзжавшихъ къ нему изъ Петербурга переметчиковъ, привозившихъ къ нему подарки, яко бы отъ цесаревича, онъ разспрашивалъ съ участіемъ о немъ и о его супругѣ, выражалъ желаніе быть встрѣченнымъ ими³⁾. Въ свою очередь, и эти самозванные посланцы высказывали ему, что великий князь цесаревичъ благоволитъ ему, готовъ даже ока-зать свое содѣйствіе⁴⁾. Во всѣхъ этихъ случаяхъ именемъ Павла Петровича, конечно, безъ его вѣдома злоупотребляли точно такъ же, какъ и самъ Пугачевъ—именемъ его родителя, Петра III, но, тѣмъ не менѣе, эти мнимыя спонсія самозванца съ цесаревичемъ много содѣйствовали волnenію умовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и успѣхамъ Пу-гачева. Именемъ цесаревича морочили его агенты главныхъ дви-гателей мятежа, и онъ самъ морочилъ дикую, необузданную чернь.

Совершенно чуждый дѣламъ внутренней политики, цесаревичъ, во все время Пугачевщины, отъ самаго ея начала до утешенія,

¹⁾ Н. Дубровинъ, стр. 143.

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 223—224.

³⁾ Тамъ же, т. II, стр. 149; томъ III, стр. 66, 115—116, 121.

⁴⁾ Тамъ же, т. II, стр. 86—87, 149, 150.

мирно наслаждался тихими удовольствиями супружеской жизни. Великая княгиня Наталья Алексеевна¹⁾, женщина миловидная, не смотря на свой жестокий физический недостатокъ, скрытый оть императрицы Екатерины при самомъ сватовствѣ²⁾, съумѣла съ первыхъ же мѣсяцевъ супружества снискать самую нѣжную, безграничную привязанность цесаревича. Личность ея донынѣ не выяснена въ нашей отечественной исторіи того времени. Преданія о ней крайне противорѣчивы. По словамъ однихъ, это была хитрая интриганка, постоянно обманывавшая своего доброго, довѣрчиваго мужа; по словамъ другихъ—существо кроткое, любящее, заботившееся неусыпно о его благополучії. Первое впечатлѣніе, произведенное невѣстою цесаревича на императрицу Екатерину, было въ ея пользу, но вслѣдствіи отношенія державной свекрови къ ея невѣсткѣ измѣнились къ худшему. Не пускаясь въ догадки, клонящіяся къ невыгодѣ памяти первой супруги цесаревича Павла Петровича, остановимся на сказаніяхъ въ ея пользу. Она любила своего супруга. Она поняла безотрадность его положенія при дворѣ его родительницы, отношенія къ нему сильныхъ вельможъ, его отчужденность, и рѣшилась образовать при ихъ маломъ дворѣ кругъ приверженцевъ цесаревича изъ людей молодыхъ, бывшихъ его сверстниковъ. Супругъ невольно подчинился ея вліянію, и оно имѣло благотворное дѣйствіе на его характерь. Наталья Алексеевна пріохотила его къ чтенію классиковъ французскихъ и нѣмецкихъ, преимущественно по части исторіи. Эти чтенія сопровождались выписками особенно замѣчательныхъ мѣстъ, по выбору цесаревны или цесаревича³⁾. Идеаломъ монарха Павелъ признавалъ французскаго короля Генриха IV, а достойнѣйшимъ его сподвижникомъ—Сюлли. Посвящая утренніе часы чтенію, молодая чета проводила вечера въ кругу приближенныхъ, искренно имѣ преданныхъ. Эти собранія до нѣкоторой степени возбудили опасенія въ императрицѣ Екатеринѣ, такъ какъ зложелатели цесаревича съумѣли выставить ихъ въ видѣ сборищъ заговорщиковъ, умыслиющихъ произвести государственный переворотъ въ его пользу. Ничего подобнаго не было; цесаревна имѣла въ виду единственно подготовить Павлу хотя бы и для далекаго будущаго добрыхъ и надежныхъ сотрудниковъ. Невозмутимо и счастливо протекала жизнь цесаревича; но супружеское его счастіе было непродолжительно: 15-го апрѣля 1776 года Наталья Алексеевна скончалась вслѣдствіе неблагополучныхъ ро-

¹⁾ Родилась въ Дармштадтѣ 14-го іюня 1755 года; миропомазана и нарѣчена Натальею Алексеевною 15-го августа 1773 года, скончалась въ Петербургѣ 15-го апрѣля 1776 года.

²⁾ Искривленіе позвоночного столба—причина несчастныхъ родовъ и смерти цесаревны.

³⁾ Въ библіотекѣ дворца города Павловска сохранились цѣлые тетради этихъ выписокъ, дѣланныхъ цесаревичемъ Павломъ и его супругою.

довъ, къ совершенному отчаянію цесаревича. Въ ея лицѣ онъ лишился и нѣжно любимой жены, и доброго, заботливаго, единственаго своего друга. Первую пору вдовства цесаревичъ возбуждалъ опасенія за свое здоровье и самую жизнь; скорбь его была тѣмъ сильнѣе, что за границею разнеслись нелѣпые слухи, будто бы цесаревна была отравлена по повелѣнію державной свекрови. Павель не могъ вѣрить этой гнусной клеветѣ, но, тѣмъ не менѣе, кончина жены цесаревича много содѣствовала окончательному охлажденію между нимъ и Екатериною. Приближенные государыни, желая изцѣлить ея сына отъ безутѣшной его тоски по усопшей цесаревнѣ, приѣгнули къ самому отвратительному средству, достойному времень Борджіи или Катерины Медичи. Наталья Алексѣевна живая была для клеветы недосыгаема; но мертвые безотвѣтны, и хотя «срама не имутъ», но весьма часто бываютъ жертвами злословія. Заботливые приспѣшники императрицы шепнули юному вдовцу, оплакивавшему свою утрату, что покойная, повидимому, столь нѣжно его любившая и радѣвшая о его счастіи, была ему не вѣрна, удостоившая своей неограниченной благосклонностью молодаго графа Андрея Кирилловича Разумовскаго. Въ подтвержденіе этой лукавой выдумки цесаревичу показаны были какія-то письма руки покойной, или, правильнѣе, искусно поддѣянныя подъ ея руку. Этимъ средствомъ цесаревичъ, повѣрившій клеветѣ на мертвую, былъ дѣйствительно исцѣленъ отъ скорби по ней, но съ тѣмъ вмѣстѣ разочарованный въ своей первой любви, до глубины сердца уязвленный вѣроломствомъ друга, онъ осушилъ свои слезы и недавнія чувства любви и нѣжности замѣнилъ чувствами ненависти, недовѣрчивости, ожесточенія. Непрощеные цѣлители больнаго сердца своими ядовитыми средствами испугались этого перехода изъ одной крайности въ другую и поспѣшили вторичнымъ бракосочетаніемъ цесаревича съ принцессою Виртембергскою Доротею Софіею-Августою-Луизою, во святомъ миропомазаніи, великою княгинею Марию Феодоровною. Торжество бракосочетанія послѣдовало 26-го сентября 1776 года, черезъ пять съ небольшимъ мѣсяцевъ послѣ кончины Натальи Алексѣевны.

На этотъ разъ въ нѣдрахъ своей семьи цесаревичъ дѣйствительно обрѣлъ спокойствіе и возможное счастіе, но за то виѣ домашняго своего круга это былъ истинный страдалецъ, терпѣлиій и безотвѣтный. Изъ наслѣдниковъ престола онъ былъ превращенъ въ какіе-то удѣльные князья, получивъ въ обладаніе жалкій городокъ Гатчину и нѣсколько чухонскихъ деревушекъ—будущій Павловскъ. Дали ему на потѣху горсть солдатъ съ дозвoleniemъ обмундировывать и учить ихъ на какой угодно ладъ; на содержаніе его двора ассигнованы были самыя скромныя суммы, въ то самое время, когда могущественный Потемкинъ безотчетно расходовалъ миллионы на свои капризы и прихоти. Обхожденіе какъ этого сына

счастія, такъ и другихъ временщиковъ, съ наслѣдникомъ престола отличалось высокомѣріемъ, чванствомъ, чуть не грубостью. Всѣ запасы материнской своей нѣжности, въ которой Екатерина отказывала своему сыну, она перенесла на его дѣтей, своихъ внуковъ. Но въ воспитаніи ихъ Павель не былъ властенъ; оно шло по предначертаніямъ его августейшей родительницы. Покоряясь своему жребію, цесаревичъ Павель Петровичъ самые цвѣтущиѣ годы своей жизни до послѣдней капли осушаль чашу обидъ, униженій, оскорблений, борясь съ враждебными обстоятельствами, даже съ нуждой вопіющей и всего менѣе согласной съ его общественнымъ положеніемъ. Сколько непріятностей, напримѣръ, пришлось перенести ему и его супругѣ при постройкѣ ими Павловскаго дворца! Какъ смиренно просили они императрицу Екатерину о помощи, и какъ безжалостно сурово отказывала она имъ, допуская сына и невѣстку до заемовъ у частныхъ лицъ... И двадцать лѣтъ подобной жизни не могли не ожесточить характера Павла, не могли не довести всей его нервной системы до крайней степени раздраженія, перешедшаго мало-по-малу въ недугъ хронической и неизлѣчимой.

Желая чѣмъ нибудь заявить объ искреннемъ своемъ желаніи служить отечеству, цесаревичъ, во время шведской кампаніи 1788 года, съ величайшимъ трудомъ испросилъ у своей родительницы дозвolenіе принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Препоручивъ Павла Петровича попеченіямъ фельдмаршала графа Валентина Платоновича Мусина-Пушкина, императрица, вмѣстѣ съ тѣмъ, возложила на него тяжелую обязанность держать цесаревича вдали отъ сраженій и боеваго огня. Лишенный такимъ образомъ возможности выказать если не свои воинскія дарованія, то хотя бы личную храбрость, цесаревичъ возвратился изъ похода ни съ чѣмъ.

Въ письмахъ Ростопчина, въ запискахъ Державина и многихъ другихъ современниковъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины Великой можно было бы отыскать массу анекдотическихъ разсказовъ, могущихъ дать понятіе о томъ унизительномъ обхожденіі, которому цесаревичъ Павель Петровичъ подвергался и въ частной своей жизни, и въ общественной, при большомъ дворѣ. Императрица Екатерина часто забавлялась, заставляя младшаго своего внука, великаго князя Константина Павловича, копировать голосъ и манеры своего родителя. Слѣдующій эпизодъ приводимъ подлинными словами графа Ф. В. Ростопчина. «На обѣдѣ въ Зимнемъ дворцѣ, на которомъ былъ цесаревичъ Павель Петровичъ съ семействомъ, запелъ общій оживленный разговоръ, въ которомъ наследникъ престола не принималъ никакого участія; Екатерина II, желая пріобщить его къ бесѣдѣ, спросила великаго князя: съ чимъ мнѣніемъ онъ согласенъ по вопросу, составлявшему предметъ разговора?

— «Съ мнѣніемъ графа Платона Александровича (Зубова), — любезно сказалъ цесаревичъ.

— «Развѣ я сказалъ какую нибудь глупость? — нагло откликнулся Зубовъ».

При сватовствѣ шведскаго короля Густава IV за старшую дочь цесаревича, великую княжну Александру Павловну, — сватовствѣ, окончившемся такъ неудачно, чтобы не сказать, позорно, для русской царственной семьи, Павель Петровичъ былъ отдаленъ на самый послѣдній планъ, какъ бы лишенный родительскихъ правъ. Дѣло обходится безъ всякихъ съ нимъ совѣщаній; ему лишь не возбраняется душевно страдать за бѣдную жертву странной причуды престарѣлой Екатерины...

Затѣмъ, послѣднія горькія капли переполняютъ чашу. Екатерина испускаетъ послѣдній вздохъ; бумаги ея опечатываются, и между ними оказывается духовная, въ которой, помимо своего отца, великій князь Александръ Павловичъ назначается наслѣдникомъ престола. Но документъ преданъ уничтоженію, и 6 ноября 1796 года русскій народъ привѣтствуетъ воцареніе императора Павла I.

Орловы, Зубовы и прочіе магнаты предѣдущаго царствованія призываются, стушевываются, трепещутъ, ждутъ справедливой кары отъ новаго императора. Для Алексія Орлова она ограничивается назначеніемъ его участвовать въ погребальной процессіи останковъ Петра III и Екатерины II. Платона Зубова императоръ Павель Петровичъ подавляетъ своимъ великолѣпіемъ. Приводимъ подлинный разсказъ Кутлубицкаго.

«По смерти императрицы Екатерины, Зубовъ оставался во дворцѣ попрежнему. Между тѣмъ Павель приказалъ купить на Морской улицѣ домъ и отдать его какъ дворецъ, только не велѣль ставить императорскаго герба. Когда домъ былъ готовъ, убранъ и снабженъ всѣмъ столовымъ серебромъ, столовымъ золотымъ приборомъ на нѣсколько персонъ, экипажами, лошадьми, тогда наканунѣ рожденія Зубова, государь послалъ къ нему Кутлубицкаго сказать, что онъ даритъ ему этотъ домъ ко дню его рожденія и завтра съ императрицею будетъ у него пить чай. Зубовъ поблагодарилъ и перебѣхалъ со дворца въ подаренный ему домъ.

«На слѣдующій день императоръ съ Марию Феодоровною, въ сопровожденіи Капцевича и Кутлубицкаго (на запяткахъ), послѣ обѣда отправился къ Зубову, который встрѣтилъ ихъ на лѣстницѣ и упалъ къ ногамъ ихъ. Государь и государыня подняли его и пошли съ нимъ подъ руки по лѣстницѣ, причемъ Павель сказалъ ему: «Кто старое помянеть, тому глазъ воинъ». Въ гостиной подали шампанскаго; государь сказалъ князю: «Сколько здѣсь капель, столько желаю тебѣ всего доброго», и, обращаясь къ государынѣ, сказалъ: «Выше все, до капли». И выпивши самъ разбилъ бокаль, причемъ опять Зубовъ падалъ къ ногамъ его и былъ поднятъ съ повтореніемъ: «Я тебѣ сказалъ, кто старое помянеть, тому глазъ воинъ». Потомъ подали самоваръ. Государь сказалъ Маріи

Феодоровиѣ: «Разлей чай, у него вѣдь нѣтъ хозяйствки». По чашкѣ чаю подано было также Капцевичу и Кутлубицкому, стоявшимъ въ другой комнатѣ, но видѣвшимъ и слышавшимъ все въ открытую дверь. Они выпили и, по обыкновенію тогдашняго времени, опрокинули на блюдца чашки, выражая этимъ, что они пить болѣе не желаютъ. Государь, замѣтивъ это, сказалъ: «Вѣдь вы дома, вѣроятно, пьете по двѣ чашки и не хотите беспокоить государыню; она нальетъ вамъ и по другой». Послѣ чаю государь и государыня уѣхали, сопровождаемые Зубовымъ по лѣстницѣ: считаясь больнымъ, онъ былъ въ сюртукѣ. Скоро потомъ князь Зубовъ уѣхалъ за границу».

Въ числѣ многихъ десятковъ узниковъ, втечение двухъ первыхъ мѣсяцевъ царствованія Павла, освобожденныхъ по его повелѣнію изъ тюремъ и крѣпостныхъ казематовъ, находились — А. Н. Радищевъ, жертва старческой подозрительности покойной Екатерины, и уроженецъ Симбирской губерніи Прохоръ Матвѣевъ, безвинно осужденный за воровство. Этотъ человѣкъ былъ лично известенъ императору еще въ бытность Павла великимъ княземъ. Однажды сопровождаемый Кутлубицкимъ Павелъ єхалъ верхомъ по Мѣщанской улицѣ, и на встрѣчу ему попалась партія арестантовъ. Онъ приказалъ Кутлубицкому подать имъ милостыню, и тогда одинъ изъ нихъ, именно Прохоръ Матвѣевъ, обращаясь къ Павлу, сказалъ: «Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ». Великій князь приказалъ записать имя и фамилію произнесшаго эти слова, а записку класть постоянно себѣ въ карманъ, где она и долежала до дня воцаренія Павла, и арестантъ получилъ полное прощеніе.

Освобожденіе Фаддея Косцюшки, содержавшагося военно-плѣннымъ въ Петербургѣ съ 1794 года, можно также назвать подвигомъ великолѣпія Павла. Передаемъ о томъ разсказъ, слышанный нами много лѣтъ тому назадъ отъ одного поляка, современника самого событія.

Взятый въ плѣнъ въ сраженіи при Мацеевичахъ, Косцюшко былъ привезенъ въ Петербургъ и подъ строгимъ присмотромъ помѣщенъ въ нижнемъ этажѣ Мраморного дворца. Дни свои онъ проводилъ за чтеніемъ историческихъ книгъ и сочиненій по части всенародныхъ наукъ и такъ провелъ два тяжелые года. Въ первые же дни своего воцаренія императоръ Павелъ посыпалъ узника внезапно и засталъ его за картою «рѣки временъ». Косцюшко, восемью годами старше императора, имѣлъ съ нимъ нѣкоторое сходство въ лицѣ, и вотъ, быть можетъ, одна изъ причинъ сердечнаго сочувствія, съ которыми государь и узникъ при ихъ свиданіи отнеслись другъ къ другу. Подавъ ему руку, государь кротко произнесъ:

— Генералъ, вы свободны!

Косцюшко почтителльно облобызаль руку своего освободителя, а императоръ продолжалъ:

— Такому храброму воину неприлично быть безъ шпаги: возьмите мою. (Онъ вынулъ ее изъ портупеи и подалъ глубоко тронутому Косцюшкѣ).

— Награди васъ Господь Богъ, ваше величество,—произнесъ тотъ, преклоняясь предъ Павломъ:—и Его призываю въ свидѣтели, что пожалованной мнѣ шпаги русскаго царя я никогда не обнажу противъ русскихъ!

И до гроба признательный Павлу, Косцюшко пребывалъ вѣренъ своему слову. Наполеонъ I, агитируя Польшу въ 1812 году, дорого далъ бы за появление Косцюшки во главѣ польскихъ легионовъ, ополчившихся вмѣстѣ съ французами противъ Россіи; но какъ въ этомъ движеніи, такъ и въ послѣдующихъ судьбахъ своей отчизны Косцюшко не принималъ никакого участія.

Мѣсяца за два до коронаціи Павла (5-го апрѣля 1797 года) директору придворной пѣвческой капеллы, Бортнянскому, повелѣно было написать и дать разучить концертъ на слова 95 псалма «Воспойте Господеви пѣснь нову»... для исполненія при торжествѣ миропомазанія въ Успенскомъ соборѣ. Трудна была задача, которую можно назвать искусствомъ вдохновенія нашего даровитаго композитора. Ему пришлось, єдучи въ Москву въ дорожномъ рывданѣ, по страшной, весенней распутицѣ, прибирать мелодію на небольшихъ «claveикордахъ» въ пять актовъ, помѣщенныхъ въ экипажѣ, записывать каждый аккордъ, такъ сказать, на лету. При всемъ томъ Бортнянскій, ко дню прибытія своего въ Москву, скомпановалъ концертъ, и придворные пѣвчіе превосходно его разучили въ самое короткое время. Наступилъ торжественный день коронованія, пышный церемоніаль, масса духовенства, великолѣпные наряды первыхъ чиновъ двора—все придавало этому празднеству должное величіе, много говорившее религіознымъ чувствамъ русскаго сердца и главнѣйшему изъ нихъ—чувству врожденной любви къ царю и его семейству. Весело гудѣли колокола московскихъ соборовъ, когда императоръ Павель приблизился къ преддверію собора Успенского и вступилъ подъ его своды. Тогда-то хоръ пѣвчихъ привѣтствовалъ концертомъ Бортнянского, и слова псалма (ст. 13): «яко грядетъ, яко грядетъ суботи земли»... совпали съ приближеніемъ императора къ царскому мѣсту. Павель пріостановился; на глазахъ его навернулись слезы, и онъ, вопреки церемоніалу, по которому долженъ былъ быть размѣренъ каждый его шагъ, обратясь къ хорамъ, громко произнесъ: «еще! Концертъ повторили.

На слѣдующій день императоръ, призвавъ гофмаршала, назначилъ Бортнянскому щедрое вознагражденіе, чинъ и орденъ, а всѣхъ придворныхъ пѣвчихъ какого бы то ни было возраста приказалъ произвести въ оберъ-офицерскіе чины.

— Ваше величество,—отвѣчалъ тотъ въ изумлениі: — этого не слыхано...

— Точно такъ же, какъ и то, что они пѣли! — прервалъ Павель.

— Но, законъ...

— Здѣсь вашъ законъ! — крикнулъ государь, ударивъ себя въ грудь ¹⁾.

Такимъ образомъ эта первая гроза новаго царствованія сопровождалась дождемъ милостей.

Сердце Павла при его воцареніи переполнено было любовью къ народу, состраданіемъ къ страждущимъ и самою искреннею готовностью къ благотвореніямъ, но, по вѣрному замѣчанію Коцебу, «Павель желалъ добра и правды, ошибаясь въ средствахъ дѣлать одно и знать другую; расточалъ до безконечности благодѣянія, но изъ нихъ выходили ядовитыя растенія, хотя и блестѣвшія на видъ, но удушливыя испаренія которыхъ мертвили и уничтожали»...

Въ первый же годъ царствованія, желая приблизить къ себѣ непосредственно всѣхъ имѣвшихъ нужду въ его помощи, защитѣ, или покровительствѣ, Павель приказалъ поставить у Зимняго дворца ящикъ, въ которой просители могли безпрепятственно опускать прошенія и письма на высочайшее имя. Между таковыми начали появляться пасквили, карикатуры, эпиграммы, и ящикъ былъ снятъ, а государь раскаялся въ желаніи благотворить неблагодарнымъ и недостойнымъ, тѣмъ не менѣе доступъ просителей къ императору, хотя и другимъ путемъ, прерванъ не былъ, и отвѣтъ на прошенія Павелъ I подавалъ чрезъ «Вѣдомости». Такимъ образомъ за 60 слишкомъ лѣтъ до проявленія у насъ гласности, онъ, первый изъ русскихъ государей, созналъ ея пользу.

Многія изъ его рѣшеній втеченіе первыхъ лѣтъ его царствованія носили на себѣ отпечатокъ справедливости, проницательности и рѣдкаго великодушія. Эти высокія чувства проявлялись въ Павлѣ I каждый разъ, когда онъ повиновался побужденіямъ своего доброго, благороднаго сердца, онъ же былъ неузнаваемъ, когда, по нашему народному выраженію, дѣйствовалъ «въ сердцахъ». Изъ приказовъ, повелѣній и резолюцій Павла, данныхъ имъ въ мрачныя минуты болѣзненнаго раздраженія и извѣстныхъ читающей публикѣ, можно бы составить огромную коллекцію; но о таковыхъ мы и не упомяннемъ, такъ какъ предметъ нашъ «свѣтлыя минуты» и добрыя дѣла императора Павла.

Нѣсколько новыхъ, донынѣ нигдѣ не напечатанныхъ, документовъ даютъ намъ возможность сдѣлать значительный вкладъ въ собраніе материаловъ для будущаго бiографа императора Павла I.

Начнемъ съ сентября 1797 года.

¹⁾ Весь разсказъ отъ слова до слова былъ записанъ покойнымъ П. А. Карагыгинымъ со словъ А. Ф. Львова.

I.

Прощеніе генерала отъ инфanterіи Левашева (помѣта: № 4,996,
сентября 28-го, 1797).

Всемилостивѣйшій государь!

Милости вашего императорскаго величества, на всѣхъ обильно изливаемыя, ободряютъ каждого изъ насъ, твоихъ, государь, вѣрно-подданныхъ, прибѣгать ко благости твоей. мнѣ же, въ особенности, благоволеніемъ монаршимъ осчастливленному и щедротами твоими, всемилостивѣйшій государь, обогащенному, остается желать и просить единаго. Имѣю я шестеро дѣтей, коимъ по мѣрѣ силы моихъ старался я дать приличное дворянамъ воспитаніе. Изъ нихъ трое, мужескаго пола: Василій, Василій и Константинъ, къ службѣ вашему императорскому величеству мною пріготовленныхъ. (А женскаго: Марья, Александра и Анна). Кому въ одиночествѣ моемъ могу я желать оставить по себѣ достояніе мое, какъ не тѣмъ, коимъ со дня рожденія ихъ я пріобыкъ желать блага и пещись о доставленіи имъ онаго? Упадаю къ священнымъ стопамъ вашего императорскаго величества, молю! Довершите, всемилостивѣйшій государь, мое благополучіе, повелите имѣть мое имя, дабы они могли, по приличію даннаго имъ отъ меня воспитанія, пользоваться наслѣдствомъ имѣнія, которое вы, всемилостивѣйшій государь, пожаловать мнѣ благоволили.

Вашего императорскаго величества вѣрноподданный

Василій Левашовъ,
генераль отъ инфanterіи.

27-го сентября 1797 года.
Петербургъ.

Отвѣтъ Императора.

Господинъ генераль отъ инфanterіи Левашовъ. Получивъ прощеніе ваше, я готовъ тѣмъ охотнѣе удовлетворить оному, что обстоятельства, вами прописываемыя, мнѣ совершенно извѣстны, но желалъ бы, чтобъ вы сами, для отвращенія могущихъ встрѣтиться препятствій, облегчили рѣшеніе сего дѣла предварительнымъ и приватнымъ соглашеніемъ съ фамиліею своею; послѣ чего не останется мнѣ болѣе, какъ дать повелѣніе, на общемъ вашемъ соглашеніи основанное. Между тѣмъ будьте увѣрены о всегдашнемъ моемъ къ вамъ благоволеніи, съ которымъ пребываю.

Павелъ.

Въ Гатчинѣ,
сентября 29-го 1797 года.

Проситель Василій Ивановичъ Левашовъ, въ чинѣ дѣйствительнаго тайного совѣтника и въ званіи оберъ-егермейстера, скончался въ 1803, родился же въ 1740 году. По словамъ Гельбига (стр. 437 и 439), онъ приходился дядею Александру Петровичу Ермолову. Старшій сынъ его, Василій, генераль отъ кавалеріи, кавалеръ св. Андрея Первозваннаго и съ 1-го іюля 1833 года графъ, родился 10-го октября 1783 года, скончался 23-го сентября 1848 года. Младшій, Константины, скончался въ 1812 году отъ раны, полученной въ одномъ изъ сраженій Отечественной войны. Изъ дочерей, Марія скончалась въ дѣвицахъ; Александра—въ супружествѣ за тайнымъ совѣтникомъ С. Н. Озеровымъ; Анна—за Н. Ф. Матюнинымъ.

II.

Прошеніе адъютанта Вуича.

Всемилостивѣйшій государь!

По упраздненіи таврическаго конно-егерскаго полка, гдѣ я служилъ, по всемилостивѣйшему вашего императорскаго величества указу, объявилъ я желаніе продолжать вашему императорскому величеству службу во Швеція гусарскомъ полку, куда господинъ генераль-маюромъ Булавскимъ отправленъ и, 27 іюля прибывъ, нахожусь въ дѣйствительномъ исполненіи службы, состоя причисленнымъ.

Нынѣ же, партикулярно узнавъ, что я опредѣленъ въ кирасирскій вашего императорскаго величества полкъ, тѣмъ счастливѣйшимъ почитаю себя, что въ лицѣ премилосердаго своего монарха могъ бы оказывать вѣрноподданническое свое усердіе; но, будучи крайне бѣднымъ человѣкомъ и издержавшись здѣсь на обмундированіе, не въ состояніи доѣхать до полку. Почему дерзаю вашего императорскаго величества всеподданнѣйше просить о всемилостивѣйшемъ снисхожденіи, чтобы я прежде отъ невѣдѣнія о причисленіи меня въ кирасирскій вашего императорскаго величества полкъ, а нынѣ по крайнимъ недостаткамъ за неявку, не понесъ справедливаго монаршаго гнѣва и не былъ бы лишенъ счастія быть въ службѣ вашего императорскаго величества, которую до конца жизни моей съ вѣрноподданнѣйшимъ усердіемъ продолжать буду.

Всемилостивѣйшій государь,
вашего императорскаго величества
вѣрноподданнѣйшій адъютантъ Вуичъ.

Сентября 18-го дня
1797 года.
Тула.

(Помѣта о полученіи: № 4,997. Сентября 28-го д. 1797).

Революція імператора по журналу о докладѣ: «Оставить въ прежнемъ гусарскомъ Шевица полку и на обмундированіе послать ему 100 руб.» — «О первомъ (Левашовѣ) дана записка генераль-адъютанту Ростопчину сентября 28, а о послѣднемъ написано къ г. Донаурову и писано сентября 30, 1797 года».

III.

№ 85. Фергерь Кригсъ-Рехтъ держанъ при Кабардинскомъ мушкетерскомъ полку.

Онаго полку поручикъ Грековъ сужденъ былъ по всевысочайшему вашего императорскаго величества повелѣнію, а по представленію бывшаго въ помянутомъ полку отставленнаго отъ службы шефа генераль-маіора царевича Грузинскаго Маріана, по слѣдствію же найдено: царевичъ, за обѣдомъ, у себя, спрашивалъ Грекова, почему онъ говорилъ генералу-маіору Корсакову (который тоже по высочайшей вашего императорскаго величества конфirmaції генваря 12-го числа сего года отъ службы отставленъ), якобы онъ, царевичъ, подговаривалъ дворовыхъ его, Корсакова, дѣвокъ въ Грузію; а о чёмъ де ему сказывалъ Астраханскаго драгунскаго полку подпоручикъ Арсеньевъ. Грековъ съ симъ Арсеньевымъ пошли объясняться съ Корсаковымъ. По показанію свидѣтелей, разговоръ ихъ былъ слѣдующій: Грековъ спрашивалъ у Корсакова необыкновеннымъ голосомъ, когда онъ ему о вышеписанномъ подговорѣ его дѣвокъ пересказывалъ? Корсаковъ отвѣчалъ: «Вы мнѣ не сказывали, а говорили женѣ моей». Грековъ на то отозвался: «Я женѣ твоей такъ сказывалъ, какъ тебѣ». Послѣ сего Корсаковъ высыпалъ его, Грекова, вонъ, а онъ требовалъ должныхъ ему Корсаковымъ денегъ. По принесенной же отъ Корсакова царевичу жалобѣ, онъ, Грековъ, былъ арестованъ и, отдавъ шагу, сказалъ, что оной уже безъ воли вашего императорскаго величества не приметъ. О чёмъ отъ означенаго царевича и учинено вашему императорскому величеству всеподданнѣйшее донесеніе.

Въ службѣ онъ, Грековъ, 783-го, поручикомъ 791-го, всемилостивѣйше пожалованъ въ капитаны — 797, маія 10-го, но по нахожденію его подъ судомъ чинъ ему не объявленъ; изъ дворянъ, 27 лѣтъ. При штурмѣ и взятіи лежащей при Черномъ морѣ турецкой крѣпости Анапы въ дѣйствительномъ сраженіи находился, гдѣ и получилъ въ лѣвую ногу контузію; въ 795 году, за побой рядового роты его и взятые насильно ночью у канонира жены, за первое былъ арестованъ на двое сутки, а за послѣднее содержанъ на гауптвахтѣ двѣ недѣли.

Коммиссія военнаго суда по вышеописаннымъ причинамъ находить его, Грекова, виновнымъ; но какъ по жалобѣ объявлен-

наго генерала-маиора Корсакова въ то же время сдѣлать ему арестъ и онъ, Корсаковъ, нашелъ себя еще и тогда удовлетвореннымъ, зная обо всемъ томъ, какъ и о объявленіи ему, Грекову, всемилостивѣйше пожалованного капитанскаго чина, предоставила на благоразсмотрѣніе вышней власти.

Генераль-аудиторъ находитъ подсудимаго Грекова за грубый его противъ Корсакова отзывъ довольно уже наказаннымъ и, поелику впрочемъ никакого по сему дѣлу его преступленія не видно, полагаетъ изъ-подъ ареста его освободить и, объявя ему всемилостивѣйше пожалованный ему чинъ, оставить попрежнему на службѣ. Впрочемъ всеподданнѣйше предастъ въ высочайшее вѣщаго императорскаго величества благоволеніе.

Подпись: генераль-аудиторъ князь Иванъ Шаховской. Маія 10-го дня 1798 года.

Резолюція императора: «Какъ дѣло все состоить въ сплетняхъ, то и не у мѣста мнѣ входить въ оное. Дѣло уничтожить, а ему попрежнему служить. Въ Нижнемъ Новгородѣ, маія 20-го дня 1798 года.

IV.

Поручикъ Глуховскаго кирасирскаго полка Уманецъ сужденъ былъ за ослушаніе команды и за неповиновеніе по службѣ начальнику того полка шефу генераль-маиору Михельсону.

Судомъ, по силѣ законовъ положено: ему, Уманцу, предъ онимъ судомъ просить, стоя на колѣняхъ, прощенія; обличить написанная имъ въ прошеніи на высочайшее имя слова ложными; по томъ, посадить его на полгода въ заключеніе и лишить за то время жалованья и прочая, а за лживые поступки снять съ него дворянское достоинство.

Генераль-аудиторъ князь Шаховской, съ приговоромъ суда, кромѣ лишенія дворянства, во всемъ согласенъ.

Собственноручная резолюція императора: «Пусть просить у шефа прощенія при офицерахъ, а вины свои продолженіемъ службы заслуживаетъ. Іюня 17-го, 1798 года».

V.

Лейбъ-гусарскаго полка корнетъ Милютиновъ назвалъ того же полка поручика Эмануэля безъ всякой причины «доносчикомъ». Эмануэль потребовалъ у Милютинова удовлетворенія и вызвалъ драсться на сабляхъ, или, чтобы предъ корпусомъ офицеровъ просить извиненія.

Милютиновъ ни того, ни другаго сдѣлать не согласился, а говорилъ, чтобы онъ просилъ на него по командѣ. Эмануэль, не вы-

терия этого отзыва, удариль Милютинова по щекѣ, за что и былъ преданъ военному суду.

Судъ рѣшилъ: Эмануэля выключить изъ службы и впредь, какъ негоднаго, не принимать, и корнета Милютинова, подавшаго поводъ къ ссорѣ, какъ нерадиваго офицера, выключить же изъ службы.

Высочайшая резолюція: «Корнета Милютинова, который будучи причиною всего дѣла, подалъ случай поручику Эмануэлю въ горячности своей забыться, выключить изъ службы, а Эмануэлю зачетъ въ штрафъ, что былъ онъ подъ арестомъ и, изъ подъ оного освободя, оставить въ службѣ попрежнему. Павель. Въ Павловскѣ, іюня 27 дня 1798 года».

VII.

Капитанъ лейтенантъ Лобысевичъ судился за то, что, будучи отправленъ изъ черноморскаго адмиралтейскаго правленія въ адмиралтействъ-коллегію съ рапортомъ для опредѣленія въ балтійскій флотъ, доѣхавъ до Москвы, по неимѣнію денегъ, не заплатилъ за провозъ извозчику 60 рублей и прожилъ тамъ въ трактире болѣе трехъ недѣль; наконецъ получилъ отъ какого-то благодѣтеля 50 рублей, но не заплатилъ ни извозчику, ни въ трактире, а проигралъ деньги въ карты.

Адмиралтейская коллегія приговорила Лобысевича: лишивъ чинъ, написать въ рядовые и посадить на два года въ крѣпость, а потомъ выкинуть изъ службы.

28 іюля 1798 года, императоръ собственноручно написалъ на докладѣ: «Выкинуть изъ службы».

VIII.

Азовскаго мушкательскаго полка унтеръ-офицеръ Овсянниковъ оказался виновнымъ въ слѣдующемъ: въ 1789 году, онъ посланъ былъ изъ Воронежской кригсъ-цаль-мейстерской комиссіи въ его полкъ съ конвертомъ; на дорогѣ потерялъ конвертъ и, отъ страха наказанія за это, бѣжалъ и не являлся долго въ полкъ.

Графъ Салтыковъ и генералъ-аудиторъ полагали: вмѣнивъ ему въ наказаніе долговременное содержаніе подъ карауломъ и написавъ его на вѣчно въ рядовые, отослать къ опредѣленію въ дальніе сибирской дивизіи полки.

28 іюля 1798 года, высочайшая резолюція: «Овсянникова и дѣло оставить».

VIII.

Подпоручикъ Полоцкаго мушкательскаго полка Риттеръ 1-й, обремененный долгами, которыхъ уплатить не былъ въ состояніи, и «убитый горемъ по случаю невѣрности жены своей», вышелъ въ поле, зарядилъ пистолетъ пулею и хотѣлъ прострѣлить себѣ грудь, но прострѣлилъ себѣ только лѣвое плечо.

Обвиненный въ предпринятіи лишить себя жизни, былъ подвергнутъ военному суду, которымъ рѣшено было: вмѣнить ему въ наказаніе понесенный арестъ и при послѣдующемъ къ производству представленіи обойдти его онѣмъ.

Высочайшая резолюція: «Сие дѣло оставить».

IX.

Маиръ Шолинъ былъ сужденъ кригсраторомъ за высѣченіе разгами хозяина квартиры, на которой онъ стоялъ постоеемъ, могилевскаго мѣщанина еврея Мовши Іерухимовича за сдѣланнныя предъ Шолинымъ неучтивства и ругательства.

Высочайшая резолюція: «Шолинъ правъ».

X.

По высочайшему повелѣнію Апшеронскаго мушкательскаго полка полковникъ Жуковъ сужденъ былъ якобы за дурное его поведеніе и за неповиновеніе начальству, чего по дѣлу не открылось, и воинскій судъ его оправдалъ, а генераль-маира и того полка шефа Толя за несправедливое на него, Жукова, донесеніе и за неаттестованіе его къ повышенію, также и брестскаго городничаго Пирха за употребленіе въ собственныя услуги казенныхъ людей и за хожденіе по городу во фракѣ и круглой шляпѣ, приговорилъ къ лишенію чиновъ.

Генераль-аудиторъ князь Шаховской о полковникѣ Жуковѣ съ приговоромъ суда согласенъ; касательно же генераль-маира Толя и городничаго Пирха всеподданнѣйше предаетъ на высочайшее благоволеніе.

Высочайшая резолюція: «Генераль-маиръ фонъ Толь за не-простительныя похлѣбства и утайку въ развратныхъ поступкахъ городничаго Пирха изъ службы исключается».

«Полковникъ Жуковъ ни въ чемъ не виновенъ, у котораго городничему при разводѣ просить прощеніе на колѣняхъ». Іюля 28, 1798 года.

XI.

По высочайшему повелѣнію сужденъ былъ кавказскаго grenадерскаго полка прaporщикъ Кишкинъ (который впродолженіе

надъ нимъ суда всемилостивѣйше пожалованъ въ подпоручики) за причиненіе нижнимъ чинамъ побой, въ бытность его съ ротою въ Грузіи, отъ чего они бѣгали, и за пьянство.

По сентенціи приговорено: онаго Кишкина казнить смертю — повѣсить.

Генераль-лейтенантъ графъ Морковъ полагаетъ разжаловать его въ рядовые и отдать во внутренніе гарнизоны до исправленія, съ симъ согласенъ и генераль-аудиторъ. Высочайшая резолюція: «Арестовать на два мѣсяца. Гатчина, августа 19, 1798 года».

XII.

По высочайшему повелѣнію Астраханскаго драгунскаго полка подпоручикъ Михайловскій сужденъ былъ: 1) за то, что, слыша по окончаніи развода приказаніе шефа, генерала отъ кавалеріи Апраксина, чтобы всѣ офицерышли въ его квартиру для слушанія военнаго устава, къ нему не пришелъ и ложно отозвался, якобы отпущенъ былъ капитаномъ Депрерадовичемъ въ эскадронъ; 2) что ложно рапортовался больнымъ и 3) за выдуманную не по формѣ одежду.

При судѣ Михайловскій показалъ, что шефъ говорилъ только: «пожалуйте, господа, въ мою квартиру», а зачѣмъ, того не было извѣстно; въ эскадронъ точно былъ отпущенъ капитаномъ Депрерадовичемъ; платья противнаго формѣ не носиль, а только когда шефомъ приказано было офицерамъ носить фуражныя шапки, то онъ, для отличія отъ солдатъ, привязалъ къ своей бантікъ и сультанъ, съ которою однажды только былъ у шефа.

Капитанъ Депрерадовичъ показалъ, что онъ никогда его, Михайловскаго, не отпускаль, а лѣкарь, что онъ больнымъ не былъ и притворялся.

Комиссія военнаго суда приговорила: Михайловскаго, лишивъ чиновъ и дворянства, сослать въ вѣчную каторгу.

Генераль отъ кавалеріи Михельсонъ полагаетъ: лиша чиновъ, выкинуть изъ службы.

Генераль-аудиторъ съ генераломъ Михельсономъ согласенъ.

Высочайшая резолюція: «Виннымъ не нахожу; а у Апраксина взять отвѣтъ, какъ смѣль на офицерахъ шапки заводить. Сентября 18, 1798 года, Гатчина».

XIII.

Рядовой Васильевъ, въ Омскѣ, донесъ на комендантovъ Семипалатинской крѣпости, что они пользовались казеннымъ интересомъ и употребляли казенныхъ людей въ партикулярныя работы.

Доносъ по слѣдствію оказался несправедливымъ, и открылся виновнымъ самъ доноситель.

Военный судъ полагалъ рядового Васильева за преступленія его высѣчь кнутомъ и заклеймя сослать въ каторжную работу.

Высочайшая резолюція: «4 ноября 1798 года. Дѣло оставить, а его опредѣлить попрежнему, не принимая впредь никакихъ отъ него доносовъ».

Причины гибели императора Павла на великаго Суворова были вполнѣ уважительныя и законныя. Шутки, чудачества, остроты и прибаутки фельдмаршала, невинныя, или, по крайней мѣрѣ, безвредныя при Екатеринѣ II, сдѣлялись желчны и язвительны при ея преемникѣ. Иронія и подшучиванія надъ государемъ полководца, бывшаго кумиромъ русской арміи, подрывали уваженіе, благоговѣніе солдата къ царской особѣ. Когда въ первую пору воцаренія Павла послѣдовали коренные преобразованія по войскамъ и перемѣна въ обмундированіи по прусскому образцу, Суворовъ отозвался шуточкою: «Пудра—не порохъ, букли—не пушки, коса—не тесакъ; я—не нѣмецъ, а коренной русакъ». Прибаутка обратилась въ солдатскую пословицу и едва ли могла быть пріятна строгому формалисту императору Павлу. Письмо Суворова къ государю, «что онъ скучаетъ своимъ бездѣйствиемъ», вызвало его увольненіе отъ службы (6-го февраля 1797 года). Мелодраматическая сцена прощанія Суворова съ войсками была, съ его стороны, демонстрацію, которая могла возбудить ропотъ и жалобы во всей арміи. И тутъ подрывъ уваженія солдата къ верховной власти, конечно, возбудилъ негодованіе императора. Удалясь въ Москву, а потомъ, по высочайшему повелѣнію, въ сельцо Кончанскоѳ (Новгородской губерніи, Боровичскаго уѣзда), Суворовъ продолжалъ «чудесить» и досаждать государю странными эксцентричными своими выходками. Издѣвался надъ приставниками, наблюдавшими за нимъ по высочайшему повелѣнію, но смиренно просилъ сжалиться надъ нимъ¹⁾). Въ особенности онъ тяготился надзоромъ коллежскаго совѣтника Николева, усердіе которого въ должностіи соглядатая дѣйствительно заходило слишкомъ далеко. Императоръ сжалился надъ изгнаникомъ и приказалъ приставнику имѣть надзоръ за Суворовымъ «непримѣтнымъ образомъ». Тѣмъ не менѣе престарѣлый герой день ото дня становился раздражительнѣй и строптивѣе; почти ежедневно билъ свою прислугу; сердился на Николева, если тотъ въ разговорѣ не титуловалъ его «ваше сиятельство». Чего онъ искалъ, чего помогался, чѣмъ могла быть удовлетворена его гордость? Ждалъ онъ, вѣроятно, чтобы первое слово примиренія и ласки произнесено было

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», октябрь, 1884 г., «Суворовъ въ ссылкѣ», стр. 157, 158.

самимъ императоромъ. Но подобное желаніе трудно совмѣстить съ тѣмъ уваженіемъ къ верховной власти, которое Суворовъ всегда выказывалъ... И этому желанію Суворова помогло усложненіе тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ. Принявъ рѣшеніе заключить союзы съ Англіею, Австріею и Италіею противъ республики Французской, императоръ Павелъ, предавъ забвенію неудовольствія свои на Суворова, вызвалъ его въ Петербургъ, чрезъ флигель-адъютанта князя Горчакова (14-го февраля 1798 года). Ссылаясь на старость и нездоровье, Суворовъ сначала отказался; потомъ, уступая настояніямъ посланного, отправился на долгихъ, испытывая, такъ сказать, терпѣніе государя. По прибытии въ Петербургъ, принятый Павломъ въ его кабинетъ, герой бесѣдовалъ съ императоромъ болѣе часу; но вмѣсто разговора о событияхъ настоящаго времени, говорилъ ему только о своихъ былыхъ заслугахъ, напоминая объ Измаилѣ, о Прагѣ, объ Очаковѣ. На разводѣ, назначенному именно для Суворова, онъ оказывалъ явное невниманіе и уѣхалъ домой, не дождавшись конца. Онъ провелъ въ Петербургѣ около трехъ недѣль, но только юродствовалъ попрежнему и въ службу не просился; наконецъ, ссылаясь на нездоровье, выразилъ желаніе опять ѿхать въ деревню на отдыхъ, и государь съ видимымъ неудовольствіемъ отпустилъ его¹⁾). Здѣсь, въ своемъ Кончанскомъ, Суворовъ опять принялъ за прежнее, видимо, желая выставить себя жертвою несправедливости.

Мало-по-малу сердце государя смягчилось... къ опальному явился курьеръ съ рескриптомъ отъ императора. Суворовъ былъ тогда въ банѣ, куда велѣлъ пріѣдти посланному. На пакетѣ было написано большими буквами: «Генералъ-фельдмаршалу графу Суворову-Рымникскому». — «Это не ко мнѣ,—сказалъ старый герой, прочитавъ надпись: — фельдмаршаль при войскѣ, я — въ деревнѣ». Изумленный курьеръ тщетно увѣрялъ его, что присланъ къ нему, а не къ другому; Суворовъ рѣшительно отказался отъ рескрипта, и нарочный, пропотѣвъ довольно долго въ банѣ, отправился обратно въ Петербургъ, съ чѣмъ пріѣхалъ. Государь не обнаружилъ досады своей, но съ того времени надзоръ за изгнаникомъ усиленъ²⁾). Послѣ тщетныхъ ожиданій вторичнаго посланія отъ государя, Суворовъ опять написалъ къ нему прощеніе, на этотъ разъ о разрѣшеніи ему удалиться въ Нилову пустынью. «Я намѣренъ,—писалъ онъ,—окончить тамъ краткіе дни въ служеніи Богу. Неумышленности прости, милосердый государь!» Герой намѣревался, очевидно, разжалобить этимъ императора, ожидая, быть можетъ, что Павелъ опять пришлетъ къ нему гонца съ рескриптомъ; но государь не

¹⁾ «Суворовъ въ ссылкѣ», стр. 160—161.

²⁾ Побѣды князя Италійскаго, Москва, 1810, VI, стр. 149—150; сочиненіе Фукса, Спб., 1827, стр. 88.

даваль никакого отвѣта. Наконецъ, сама судьба помогла знамени-
тому полководцу изъ глупши его Боровицкаго помѣстья снова по-
явиться на театрѣ войны для окончанія блестящаго своего поприща.
Умоляя императора Павла о помощи въ войнѣ съ французами, ав-
стрійскій императоръ просилъ его ввѣрить начальство надъ союз-
ными войсками Суворову. Предавая забвенію все прошедшее, Па-
велъ собственноручно написалъ ему:

«Теперь намъ не время разсчитываться: виноватаго Богъ про-
стить. Римскій императоръ требуетъ васъ въ начальники своей
арміи и вручаетъ вамъ судьбу Австріи и Италіи. Мое дѣло на сіе
согласиться, а ваше—спасти ихъ. Поспѣшите пріѣздомъ сюда и не
отнимайте у славы вашей время, у меня удовольствіе васъ видѣть».

Біографы Суворова пишутъ, что онъ, получивъ этотъ рескрипты,
облобызalъ его и прижалъ къ своимъ ранамъ, поспѣшилъ въ Пе-
тербургъ и 18-го февраля 1799 года паль къ стопамъ императора,
воскликнувъ: «Господи, спаси царя!» «Тебѣ спасать царей!»—отвѣ-
чалъ ему Павелъ, возлагая на него орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго.
Слова историческія съ обѣихъ сторонъ и встрѣча, отстраняющая со
стороны Суворова всякую попытку на какую нибудь шутоватую
выходку, въ данномъ случаѣ совершили неумѣстную. Но герой
былъ вѣренъ себѣ самому и черезъ нѣсколько дней дозволилъ себѣ
странныю шутку, поставившую императора Павла въ крайне не-
ловкое положеніе. Государь назначилъ парадъ именно въ честь
Суворова. Послѣдній, пріѣхавъ на Марсово поле, на которомъ въ
полномъ сборѣ были войска и находился государь со свитою, вы-
шелъ изъ экипажа, подошелъ къ императору и упалъ передъ нимъ
на колѣна. Императоръ, силясь поднять его, осыпалъ героя самыми
ласковыми привѣтствіями, на которыхъ тотъ отвѣчалъ понѣмецки,
отвѣшивая земные поклоны.... И на каждую фразу императора Су-
воровъ, не вставая съ колѣнь, бормоталъ нѣмецкія фразы, чѣмъ,
наконецъ, почти разсердилъ государя. Что онъ хотѣлъ этимъ вы-
разить, имѣли ли эти колѣнопреклоненія и нѣмецкія фразы какой
либо таинственный смыслъ, или не имѣли никакого,—рѣшить муд-
рено; но, во всякомъ случаѣ, эта сцена была неумѣстна!

Безсмертны были подвиги Суворова въ Италіи и Швейцаріи;
вся Европа удивлялась имъ; императоръ Павелъ награждалъ ихъ
по достоинству, при каждой наградѣ проявляя вмѣстѣ съ чувствами
справедливости истинно царственное великодушіе, доброту и истинно
родительскую нѣжность. Ими проникнуты всѣ рескрипты Павла
къ Суворову за время итальянской кампаніи. Приводимъ нѣкоторые
изъ нихъ, на выдержку.

Императоръ повелѣлъ, 24-го августа 1799 года, гвардіи и всѣмъ
российскимъ войскамъ, даже и въ присутствіи своемъ, отдавать
князю Италійскому, графу Суворову-Рымникскому всѣ воинскія по-
чести, подобно отдаваемымъ особѣ его императорскаго величества,

и, извѣщаю объ этомъ Суворова, императоръ писалъ ему: «Не знаю, чтѣ пріятнѣе: вамъ ли побѣждать, или мнѣ награждать за побѣды? Но мы оба исполняемъ должное: я — какъ государь, а вы — какъ первый полководецъ въ Европѣ».

Возводя Суворова 29-го октября того же 1799 года въ достоинство генералиссимуса, послѣ его знаменитыхъ подвиговъ на вершинахъ Альпійскихъ, Павелъ писалъ ему: «Побѣждая повсюду и во всю жизнь вашу враговъ отечества, не доставало вамъ еще одного рода славы: преодолѣть самую природу, но вы и надѣ нею одержали нынѣ верхъ»...

Наконецъ, въ бытность Суворова въ Прагѣ, на его обратномъ пути въ Россію, онъ получилъ отъ Павла слѣдующее собственно-ручное письмо:

«Князь! Поздравляю васъ съ новымъ годомъ и, желая его вамъ благополучна, зову васъ къ себѣ. Не мнѣ тебя, герой, награждать: ты выше мѣръ моихъ; но мнѣ чувствовать сіе и цѣнить въ сердцѣ, отдавая тебѣ должное».

Достаточно ли вознаградилъ Павелъ I великаго полководца за его подвиги и за тѣ недоразумѣнія, которыя возникли между ними два года тому назадъ? Но больной, престарѣлый Суворовъ не оцѣнилъ по достоинству милостей государя: въ Петербургѣ, находясь уже на смертномъ одрѣ, онъ осмѣивалъ присланнаго къ нему отъ императора графа Кутайсова, любимца Павла; эти предсмертныя шутки лишили гробъ Суворова прощальной горсти земли, которую, безъ сомнѣнія, бросиль бы на него со слезами императоръ Павелъ... но онъ ограничился лишь поклономъ гробу Суворова, который, не провожая до могилы, напутствовалъ древнимъ изрѣченіемъ: *sic transit gloria mundi* (такъ проходитъ слава міра сего).

Послѣдній годъ жизни императора Павла былъ тяжелымъ, мучительнымъ, какъ для него самого, такъ и для окружающихъ: первное его разстройство, мрачность настроенія духа, подозрительность, достигли крайней степени. Съ каждымъ днемъ рѣже и рѣже становились проблески веселости, добродушія и врожденнаго Павлу I мягкоксердечія. Самыя его отношенія къ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ замѣтно измѣнились и въ самомъ его обхожденіи съ нею оказывались то пріязненными и дружелюбными, то холодными, исполненными недовѣрчивости. Таковы же они были и къ обоимъ старшимъ сыновьямъ; а между тѣмъ ласковость и нѣжность государя къ дочерямъ и младшимъ дѣтямъ усилились, и дѣтскія ихъ комнаты онъ посѣщалъ чаще прежняго. Царедворцы, высшіе военные чины и гражданские сановники, за немногими исключеніями, видя быстрыя, внезапныя симѣны милостей на гиѣвъ, находились въ непрерывномъ страхѣ за свои карьеры. Мрачныхъ, безотрадныхъ воспоминаній объ этомъ скорбномъ годѣ очень много; утѣшительныхъ нѣть.

Въ декабрѣ 1800 года, по высочайшему повелѣнію, чрезъ Д. Н. Неплюева переданному с.-петербургскому генералъ-губернатору, графу фонъ-деръ-Палену, собраны были свѣдѣнія о частныхъ пансіонахъ, содержащихъ иностранцами въ С.-Петербургѣ. Вѣдомость о нихъ любопытна, какъ свидѣтельство о состояніи народнаго образованія въ тѣ времена, равно и о тѣхъ частяхъ государственной администраціи, отъ которыхъ при отсутствіи правильно организованного министерства народнаго просвѣщенія, зависѣло разрѣшеніе открывать частныя училища лицамъ, нерѣдко не имѣвшимъ никакой подготовки для высокаго званія педагоговъ. Приводимъ эту вѣдомость въ подлинникѣ.

ВѢДОМОСТЬ

О НАХОДЯЩИХСЯ ЗДЕСЬ ВЪ ГОРОДЕ ПАНСІОНАХЪ.

Имена содержателей пансіоновъ.	Когда позволенія даны и за чьимъ подписаніемъ.
ВЪ ЧАСТЯХЪ.	
<i>Въ 1-й.</i>	
Вдова римская подданная Денегеръ.	Имѣеть 4-хъ дѣвицъ, но дозволенія нѣть.
Иностранка вдова Сусанна Блюмеръ.	Письменного позволенія не имѣть, а словесно, по позволенію президента Рѣзваго, содержитъ.
Саксонскій уроженецъ Августъ Вицманъ.	1792 года іюля 12. По дозволенію бывшаго приказа общественнаго призрѣнія.
<i>Во 2-й.</i>	
Надворный совѣтникъ Иванъ Гендрикъ.	На нѣмецкомъ Кирочномъ дворѣ въ главной школѣ учителями; дѣтей же имѣютъ на содержаніи по просьбамъ родителей ихъ. Привилегіи же не имѣютъ.
Коллежскій секретарь Иванъ Шмитъ.	1795, октября 15
Учитель Георгъ Рибель Йоганъ фонъ Фогель, профессоръ Зегельбахъ, Иванъ Кипримъ, Францао Панинь, Карль Лійкъ и профессорская жена вдова Софья Слунеръ.	1794, марта 24 } Отъ бывшаго приказа общественнаго призрѣнія.
Швейцарскій уроженецъ Петръ Вириде.	1798, июня 20 }
Француенка Маргарита Варвара Франціосъ (Francoise) Стеммеръ.	
Саксонской націи Йоганъ Стельцеръ.	
Саксонской націи Йоганъ Крестьянъ Дунишъ.	
Нѣмецкой націи Иванъ Лейтловъ.	
Голландскій уроженецъ Давидъ Сайтарданъ.	По позволенію городскаго правленія камеральнаго департамента за подписаніемъ директора школы Рѣзваго 1799 года, сентября 22.
	1800 года, іюня 14. Городскаго правленія отъ камеральскаго департамента.
	1795 года, февраля 20. По позволенію бывшаго приказа общественнаго призрѣнія.

Имена содержателей пансіоновъ.	Когда позволенія даны и за чимъ подписаніемъ.
Капитанская дочь дѣвица Крестина Хельма.	Свидѣтельство имѣеть не на пансіонъ, а на школу отъ камерального департамента.
Умершаго часового мастера Минсъ подъ жена вдова Анна Минсподъ.	На произведеніе школы свидѣтельство камерального департамента.
Курляндской націи Федора Берлинга.	Пансіонъ.
<i>Bъ 3-й.</i>	
Здѣшняя купецкая дочь Елизавета Цизмеръ.	1786 года, по привилегіи бывшаго приказа общественнаго призрѣнія.
Прусскій уроженецъ Карль Мейерингъ.	По позволенію камерального департамента.
Майорша вдова Марья Ричартъ.	По позволенію отъ бывшаго приказа общественнаго призрѣнія.
Придворный танцоръ Петръ Колонбусъ (Колумбусъ).	Привилегіи никакой не имѣеть.
Аббе, Николай, содержатель.	По дозвolenію камерального департамента.
Коллежская асессорша Мареа Дмитриева.	
<i>Bъ Васильевской.</i>	
Саксонскій уроженецъ Христіанъ Аманде.	По данной привилегіи 1794 года отъ бывшаго губернатора Рылѣева.
Города Шлезвига уроженецъ Ефимъ Мейеръ.	1792 года, по позволенію губернатора Коновницына.
Умершаго консулента Ивана Списи жена Наталья Иванова.	{ О привилегіи подали прошеніе въ камеральный департаментъ.
9-го класса Сгакино.	Позволеніе отъ бывшаго губернатора Коновницына.
Учительница Федора Фринкенъ.	Свидѣтельство камерального департамента сего года іюня 2-го дня.
Агличанка Анна Демеръ.	По привилегіи бывшаго губернатора Коновницына.
Катерина Краббе.	

Подпись: графъ фонъ-деръ-Паленъ.

№ 961.

Декабря 13 дня,
1800 года.

По рассказамъ современниковъ, перешедшимъ и въ народныя преданія, страдальческая жизнь императора Павла обиловала тѣми странными, загадочными явленіями, которые до ихъ разгадки научкою мы называемъ «сверхъестественными». Баронесса Оберкирхъ передаетъ въ своихъ «Запискахъ» подлинный разсказъ великаго князя Павла о явленіи ему призрака Петра Великаго. Извѣстію о кончинѣ Екатерины II, полученному цесаревичемъ во время его поѣздки въ Рошшу, предшествовалъ сонъ, видѣній имъ наканунѣ: «какая-то таинственная сила поднимала его высоко на воздухъ». Мысль о наименованіи нового дворца «Михайловскимъ» была подана императору, какъ гласить преданіе, какимъ-то неизвѣстнымъ, явившимся къ нему старцемъ. Число буквъ надписи на фронтонаѣ:

10*

«Дому твоему подобает святыня Господня въ долготу дней», соответствовала, какъ оказалось по событію, числу лѣть, прожитыхъ Павломъ I. Бродячій монахъ А вель, предсказывавшій кончину императрицы Екатерины II и нѣкоторая другія событія въ Россіи (за что содержался и въ Петропавловской крѣпости, и Шлюссельбургѣ), обратилъ на сѣбя вниманіе императора Павла. «Захотѣли говорить съ нимъ,—разсказываетъ Лубяновскій въ своихъ «Воспоминаніяхъ»,—спрашивали его о многомъ, изъ любопытства и о себѣ. При разсказѣ императора объ этомъ разговорѣ Анна Петровна Лопухиной, съ трепетомъ она зарыдала, испуганная и разстроенная».

Императоръ имѣлъ обыкновеніе въ зимнюю и весеннюю пору прогуливаться верхомъ по аллеямъ Лѣтняго сада; но въ началѣ 1801 года, онъ замѣнилъ Лѣтній садъ обширнымъ дворомъ Михайловскаго замка, который называли «третьимъ лѣтнимъ садомъ». «Во время одной изъ этихъ прогулокъ (рассказываетъ Н. А. Саблуковъ), за четыре, или пять дней до смерти императора (въ это время была оттепель), Павелъ вдругъ остановилъ свою лошадь и, обернувшись къ оберъ-шталмейстеру Муханову, щавшему рядомъ съ императрицею, сказалъ взволнованнымъ голосомъ: «Я почувствовалъ, что задыхаюсь, и не могъ вздохнуть... мнѣ показалось, что я умираю». Мухановъ отвѣтилъ ему: «Государь, это, вѣроятно, дѣйствіе оттепели». Императоръ ничего не сказалъ, покачалъ головой; лицо его сдѣжалось очень задумчивымъ, и онъ не вымолвилъ болѣе ни одного слова, пока не вернулся въ замокъ. Этотъ случай былъ разсказанъ мнѣ въ тотъ же вечеръ Мухановымъ, который сказалъ мнѣ также, что онъ обѣдалъ при дворѣ и что императоръ имѣлъ видъ болѣе пасмурный, чѣмъ обыкновенно, и говорилъ менѣе»¹⁾.

10 марта, «государь ужиналь въ половинѣ девятаго. Въ этотъ день въ кабинетѣ поставили три новыхъ зеркала. Государь ходилъ и шутилъ съ ужинавшими. «Какія мнѣ зеркала повѣсили! Куда ни посмотрю, все у меня лицо кривое, все на боку». — «C'est en attendant, votre Majesté?» («это покуда», «на время», «въ ожиданіи») — отвѣчалъ Юсуповъ. За ужиномъ великий князь Александръ чихнулъ. Павелъ всталъ и сказалъ: «Que Dieu vous benisse, monsieur!» («Да благословить васъ Богъ, ваше высочество»). Ужинъ, какъ обыкновенно, кончился въ половинѣ десятаго. Заведено было, что всѣ выходили въ другую комнату и прощались съ государемъ, который въ 10 часовъ бывалъ уже въ постели. Въ этотъ вечеръ онъ также вышелъ въ другую комнату, но ни съ кѣмъ не простился, и сказалъ только: «Чему быть, того не миновать!»²⁾.

¹⁾ Изъ «Записокъ» Н. А. Саблукова, «Русскій Архивъ», 1869 г., № XI, стр. 1,932.

²⁾ Рассказы князя С. М. Голицына, «Русскій Архивъ», 1869 г., № 4, стр. 633 — 634.

Въ ночь съ 10-го на 11-е марта, государь видѣлъ себя во снѣ лежащимъ подъ парчевымъ покровомъ, о чмъ по пробужденіи самъ разсказывалъ своей супругѣ. Утромъ, по высочайшему повелѣнію, П. Х. Обольяниновъ, въ дворцовой церкви приводилъ къ присягѣ великихъ князей Александра и Константина Павловичей, и вслѣдъ затѣмъ имъ обоимъ былъ объявленъ домашній арестъ¹⁾.

11 марта, въ часъ дня, слѣдовательно часовъ за двѣнадцать до его кончины,—говорить Коцебу въ своихъ «Запискахъ»,—«я видѣлъ императора Павла и говорилъ съ нимъ въ послѣдній разъ; онъ возвращался съ прогулки верхомъ съ графомъ Кутайсовымъ и былъ, повидимому, въ очень хорошемъ расположеніи духа. Встрѣтилъ я его на большой лѣстницѣ около самой статуи Клеопатры. Онъ, по обыкновенію, остановился и на этотъ разъ заговорилъ о статуѣ, стоявшей передъ нами. Онъ называлъ ее прекрасною копіею, разсмотрѣлъ разные виды мрамора, входившіе въ составъ пьедестала, спросилъ у меня ихъ названія; переходя затѣмъ къ исторіи этой египетской царицы, онъ восхищался ея геройской смertью и улыбнулся, какъ мнѣ казалось, одобрительно, когда я замѣтилъ, что она бы себя не умертила, если бы Августъ не пренебрегъ ея прелестями. Наконецъ, онъ спросилъ меня, подвинулось ли мое описание²⁾? Я отвѣтилъ ему, что оно приближается къ концу, и онъ оставилъ меня, сказавъ мнѣ милостиво: «Напередъ радуюсь удовольствію его видѣть». Я слѣдилъ за нимъ глазами, пока онъ подымался по лѣстницѣ. Дошедши до верху, онъ обернулся ко мнѣ, оставшемуся внизу, и ни я, и ни онъ не подозрѣвали, что мы видѣлись въ послѣдній разъ. Со времени этого разговора эта статуя Клопатры сдѣлалась для меня знаменательною, и не разъ по смерти императора я съ умиленіемъ останавливался на этомъ мѣстѣ»³⁾.

Между часомъ и пятью часами по полудни, государь постыль одинъ изъ институтовъ и возвратился домой въ наилучшемъ расположеніи духа; обратясь къ своей супругѣ, онъ сказалъ:

— Мой ангель, я привезъ бездѣлку, которая доставить вамъ удовольствіе.

— Какъ и все, что вы дѣлаете,—отвѣтила императрица.

Тогда государь досталъ изъ кармана чулки, связанные и вышитые воспитанницами института, управляемаго и покровительствуемаго императрицею⁴⁾. Отъ нея онъ прошелъ на половину малолѣтнихъ своихъ дѣтей: великихъ князей Николая и Михаила и великой княгини Анны. Снявъ портупею, онъ прилегъ на ра-

¹⁾ «Записки» Саблукова, «Русскій Архивъ», стр. 1,936.

²⁾ Описание Михайловскаго замка, которое Коцебу составлялъ, по порученію Павла.

³⁾ «Русскій Архивъ», 1870 г., №№ 4 и 5, стр. 997—998.

⁴⁾ Коцебу: «Достопамятный годъ моей жизни».

зостланный на полу коверь съ набросанными на немъ подушками, играль, шутилъ съ дѣтьми, нѣжно цѣловалъ ихъ... Потомъ, приподнявшись, приставилъ столъ къ переднему углу комнаты и, вставъ на него, снялъ со стѣны небольшой образокъ; потомъ грустнымъ голосомъ произнесъ: «Аннушку! Малютку подвели къ нему, онъ поцѣловалъ ее, перекрестилъ и надѣль на нее образокъ; послѣ того, задумчивый, вышелъ изъ дѣтской комнаты.

Въ три четверти десятаго часа вечера, Н. А. Саблуковъ чрезъ присланнаго фельдѣгера былъ позванъ въ Михайловскій замокъ, въ которомъ внутренній караулъ во дворцѣ занимали конногвардейцы подъ командою корнета Андреевскаго. Саблуковъ немедленно отправился во дворецъ и узналъ отъ Андреевскаго, что все обстоитъ благополучно.

«Въ шестнадцать минутъ одиннадцатаго,—рассказываетъ Саблуковъ¹⁾—часовой крикнулъ: «къ ружью!», и караулъ вышелъ и выстроился. Императоръ вышелъ въ башмакахъ и чулкахъ, ибо онъ шелъ съ ужина. Ему предшествовала любимая его собачка «Шпицъ», слѣдовавъ за нимъ Уваровъ, дежурный флигель-адъютантъ. Собачка подбѣжала ко мнѣ и стала ласкаться, хотя прежде того никогда меня не видала. Я отстранилъ ее шляпою, но она опять кинулась ко мнѣ съ ласками, и императоръ ударилъ ее шляпою, послѣ чего Шпицъ сѣлъ позади Павла на заднія лапки, не переставая пристально глядѣть на меня.

«Затѣмъ императоръ подошелъ ко мнѣ (я стоялъ шагахъ въ двухъ отъ караула) и сказалъ пофранцузски:

— «Вы—якобинцы.

«Нѣсколько оскорбленный этимъ, я отвѣтилъ: Да, государь!

«Онъ возразилъ: Не вы, а полкъ!

«На это я возразилъ: Пусть я таковъ, но на счетъ полка вы ошибаетесь²⁾.

«Онъ отвѣтилъ порусски: А я лучше знаю: сводить караулъ!..

«Я скомандовалъ: «направо кругомъ, маршъ!» а корнетъ Андреевскій вывелъ караулъ и отправился съ нимъ домой. Собачка Шпицъ не шевелилась, но все время во всѣ глаза смотрѣла на меня. Затѣмъ императоръ заговорилъ порусски и сказалъ, что мы—якобинцы. Я противорѣчилъ ему и отвергъ истину этого обвиненія.

«Онъ возразилъ, какъ прежде, что онъ лучше знаетъ, и что онъ велѣлъ выслать полкъ изъ города и расквартировать его по деревнямъ, причемъ сказалъ мнѣ весьма милостиво: «Вашъ эскадронъ будетъ помѣщенъ въ Царскомъ Селѣ, два бригадъ-маиора бу-

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1869 г., № XI, стр. 1,937—1,939.

²⁾ Vous-êtes des jacobins.—Oui, Sire.—Pas vous, mais le r giment.—Passe encore pour moi, mais vous vous trompez pour le r giment.

дуть сопровождать полкъ до седьмой версты; распорядитесь, чтобы онъ былъ готовъ утромъ въ четыре часа въ полномъ походномъ порядкѣ, въ дорожной амуниціи и съ поклажею». Затѣмъ, обращаясь къ двумъ унтер-лакеямъ, одѣтымъ въ гусарскую форму, но не вооруженнымъ, онъ сказалъ: «Вы же два займете этотъ постъ», указывая на дверь. Уваровъ все это время дѣлалъ гримасы и усмѣхался, а вѣрный Шпицъ, бѣдняжка, все время серьёзно смотрѣлъ на меня. Хотѣлось бы мнѣ знать, что потомъсталось съ бѣдною собакою? Императоръ затѣмъ поклонился мнѣ особенно мѣлостиво и ушелъ въ свой кабинетъ»...

Во второмъ часу ночи императора Павла не стало.

Ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ того времени не почтилъ его памяти надгробною одою; по Петербургу распространились лишь французскіе стихи неизвѣстнаго автора (быть можетъ, кого либо изъ эмигрантовъ, облагодѣтельствованныхъ покойнымъ). Въ нихъ самая искренняя и правдивая оцѣнка характера Павла I.

«Его знали слишкомъ мало, онъ же никого не зналъ. Дѣятельный, всегда торопливый, кипучій, повелительный, любезный, обворожительный даже безъ вѣнца, онъ желалъ править одинъ, все видѣть, все дѣлать къ лучшему; создалъ много неблагодарныхъ и умеръ несчастнымъ»¹⁾.

Въ резиденціяхъ Павла Петровича въ бытность его цесаревича, именно въ Гатчинѣ и въ Шавловской, воздвигнуты монументы; въ послѣднемъ же находится храмъ-кенотафъ, посвященный памяти царя-страдальца его супругою.

II. Каратагинъ.

¹⁾ «On le connut trop peu, lui ne connut personne,
Actif, toujours pressé, bouillant, imperieux,
Aimable, séduisant, m me sans la couronne,
Voulant gouverner seul, tout voir, tout faire mieux,
Il fit beaucoup d'ingrats et mourut malheureux!»

СОЛДАТЬ ВЪ РАЮ.

(Народный анекдотъ).

АРОДНЫЕ анекдоты обь историческихъ лицахъ, какъ мнѣ кажется, помимо общаго интереса, имѣютъ и историческое значеніе. Въ «побаскахъ» и «былинкахъ» народъ высказываетъ свои возврѣнія на то или другое, сохранившееся въ народной памяти, историческое лицо. Ужъ и то важно знать, какія историческія лица сохранились въ народной памяти, тогда какъ другія совершенно забыты народомъ, какъ будто и не бывало ихъ. Слѣдовательно, знать, кого помнить народъ, не можетъ быть безразлично для историка. Ему, кроме этого, необходимо знать и то, какъ помнить народъ данное историческое лицо, что къ нему пріурочиваетъ и какой стороной своего характера или своей дѣятельности запечатлѣлось оно въ народной памяти. Историкъ, разсказавъ о томъ или другомъ историческомъ лицѣ на основаніи документальныхъ данныхъ и сообщеній современниковъ изъ культурнаго слоя, долженъ сказать и о томъ, что оставило по себѣ это историческое лицо въ народной памяти, чѣмъ говоритъ о немъ народъ въ своихъ преданіяхъ, хотя бы преданія эти были облечены въ чисто легендарную, сказочную форму. Темныя народныя массы имѣютъ неоспоримую чуткость относительно оцѣнки лицъ и событий.

Предлагаемый вниманію читателей «Исторического Вѣстника», народный анекдотъ характеризуетъ то настроеніе духа, съ какимъ народъ встрѣтилъ воцареніе Александра I, а вмѣстѣ съ тѣмъ, кос-

венно даетъ понятіе и о томъ, какъ чувствовалъ себя народъ въ предшествовавшія царствованія. Радовался этому воцаренію народъ, радовался, по словамъ анекдота-преданія, такъ, «какъ будто послѣ столѣтняго запрета Пасху праздновать разрѣшили», а это что нибудь да значить. Въ радости за настоящее отражается взглядъ на прошедшее.

Характеризуетъ этотъ анекдотъ и личность Александра Павловича, какъ понималъ этого государя современный ему народъ, и что сохранилось о немъ, путемъ устныхъ преданій, въ памяти ближайшаго потомства. Объ этомъ государѣ, судя по пѣснямъ, сложеннымъ о немъ самимъ народомъ, и по устнымъ преданіямъ, принявшимъ легендарную форму, сохранилась память, какъ о человѣкѣ замѣчательно кроткомъ, ненавидящемъ всякое кровопролитіе, благоволившемъ къ простонародью, съ которымъ онъ не упускалъ случая входить въ непосредственные сношенія. Такъ, есть анекдотъ (на сколько помню, напечатанный) о томъ, какъ Александръ Павловичъ, возвращаясь съ прогулки за городомъ, не объявивъ, кто онъ, попросилъ мужика довезти его до Петербурга, сѣлъ въ телѣгу и на вопросы: «Офицеръ ты, что ли?» отвѣчалъ: «Подымай выше». — «Полковникъ?» — «Подымай выше». — «Генералъ?» — «Подымай выше». — «Неужто царь?» — «Вотъ то-то оно и есть!»¹⁾ Кротость его, религіозность, отвращеніе отъ кровопролитія, но въ то же время и твердость духа, народъ характеризовалъ слѣдующей легендой, ходившей подъ названіемъ: «Сонъ царя Александра Павловича»²⁾.

«Въ Москвѣ, послѣ того, какъ въ двѣнадцатомъ году былъ объявленъ манифестъ о войнѣ съ Бонапартомъ, Александръ Павловичъ, въ печальномъ настроеніи духа, легъ спать. Отъ печальныхъ мыслей долго не спалось ему. Однако, усталость взяла свое, и къ утру онъ уснуль. Уснуль и видѣть во снѣ, что явился ему Сергій Радонежскій.

— «Ты войну объявили Бонапарту? — спрашивалъ святитель.

— «Да, объявили.

— «Ну, такъ пойдемъ, я покажу тебѣ, какая это война будетъ.

«Взялъ святитель Александра Павловича за руку и полетѣлъ съ нимъ по воздуху къ Смоленску. Что ни деревня на пути, то пожарище, что ни городъ, то развалины, что ни рѣчка, то вода въ ней красная отъ крови. А на поляхъ тѣла валяются и надъ ними стервятники и вороны вьются.

— «Вотъ сколько крови будетъ! — сказалъ святитель, указавъ на кровавыя рѣки.

¹⁾ Почти дословно такой же анекдотъ существуетъ и у нѣмцевъ о Фридрихѣ Великомъ.

²⁾ Записано въ 1864 году въ селѣ Новосергіевскомъ, Бузулукскаго уѣзда, Самарской губерніи.

«А Александръ Павловичъ ему:

— «Если эдакія страсти будутъ, то замиренья стану просить. Всѣ мои богатства отдасть, а замиренье у Бонапарта куплю.

«Воротились, перелетѣли на другую сторону Москвы и полетѣли вдоль Волги. Изъ береговъ выступила Волга, и вода въ ней чистая, какъ слѣзка.

— «Это народъ наплачетъ столько слезъ, что и Волга не вмѣстить! — сказалъ святитель.

«А Александръ Павловичъ ему:

— «Если будетъ такъ, то себя продамъ, а замиренье у Бонапарта куплю.

«Опять воротились въ Москву. Летять мимо церквей: не молебны въ нихъ слышатся, а пѣсни иноязычные, пьянственная и лошадиное ржанье. Въ Кремль прилетѣли, надъ Успенскимъ соборомъ остановились, а въ немъ еще пуще иноязычныхъ пьянственныхъ пѣсни слышатся, еще больше лошадей ржетъ. Лошади, вмѣсто попонъ, ризами священнослужительскими одѣты; посреди храма костеръ, а въ немъ не дрова горятъ, но иконы, тесаками расколотыя; въ церковной утвари всякия непотребства чинятъ.

— «Не бывать замиреню! — воскликнулъ Александръ Павловичъ. — Коли изъ этихъ мѣсть Бонапартъ меня вытѣснить, такъ въ Сибирь уйду, въ мужичью сермягу одѣнусь, по поясь бороду отрошу, черствымъ хлѣбомъ буду питаться, а съ Бонапартомъ буду воевать до тѣхъ поръ, пока не сломлю его.

— «Будь надъ тобой Божье благословеніе! — сказалъ святитель и сдѣлся невидимъ».

Анекдотовъ и преданій объ Александрѣ Павловичѣ и до сихъ поръ много сохранилось въ народѣ; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ происхожденіе, позаимствованное изъ преданій о другихъ государяхъ, даже иностраннѣхъ, и приноровлены къ тому государю, который слыветъ въ народной памяти подъ именемъ «доброго». Смерть этого государя тоже произвела на народъ весьма сильное впечатлѣніе, что доказывается извѣстной народной пѣсней, не вышедшей изъ употребленія и до сихъ поръ (по крайней мѣрѣ, въ Бугульминскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, приходилось мнѣ ее слышать на этихъ годахъ):

«Какъ поѣхалъ царь Александра
Свою армию смотрѣть,
Обѣщался царь Александра
Къ Рождеству домой прибыть».

Далѣе въ этой пѣснѣ разсказывается, какъ онъ внезапно скончался въ Таганрогѣ, и какъ съ извѣстіемъ о его кончинѣ прискакаль гонецъ въ Петербургъ. Однимъ словомъ, народъ отмѣтилъ въ своей памяти и то, какъ вступилъ Александръ I на престолъ, и то, какъ онъ съ Бонапартомъ воевалъ, и какъ царствовалъ, и какъ умеръ.

На сколько грознымъ, богатырски мощнымъ живеть въ народной памяти Петръ Великій, побѣдившій шведа и основавшій «славный городъ Петербургъ», на столько кроткимъ, но стойкимъ въ дѣлѣ огражденія государства отъ вторженія иноземцевъ помнится народу и Александръ I, при которомъ, сожженная французами, возродилась изъ пепла Москва и который «самого Бонапарта побѣдилъ». Двѣнадцатый годъ народъ называетъ «разореннымъ годомъ». Памятенъ этотъ годъ народу и потому, какой «разоръ» былъ тогда, внесенный въ Россію «двунадесятю языкъ», и потому, какъ проявилась народная мощь, сломившая страшного врага, отплатившая за разореніе Москвы взятиемъ Парижа. Брѣзался этотъ годъ въ народную память неизгладимо, и народная фантазія, мѣшая были съ небылицами, создала своего рода эпопею какъ объ «разоренномъ годѣ», такъ о царствованіи и личности Александра Павловича.

Повторяю, рассказовъ объ этомъ государѣ и до сихъ поръ еще немало сохранилось въ народѣ, какъ немало ходить рассказовъ о Николаѣ Павловичѣ и о Александрѣ Николаевичѣ. Остается пожалѣть, что на собираніе этихъ рассказовъ до сихъ поръ не было обращено должнаго вниманія, хотя они, помимо интереса, вообще представляемаго творчествомъ народной фантазіи, не лишены и исторического значенія. Кое-что по этой части и появлялось въ печати, но это— капля изъ цѣлаго моря народныхъ сказаний.

Въ ряду народныхъ разсказовъ, ставшихъ достояніемъ печати, имѣть, какъ мнѣ кажется, общій и историческій интересъ и предлагаемый мною народный анекдотъ о времени коронаціи Александра Павловича.

Анекдотъ этотъ лѣтъ тридцать тому назадъ былъ еще очень распространеннымъ народнымъ анекдотомъ. Мнѣ его приходилось слышать нѣсколько разъ, въ различныхъ губерніяхъ, а именно: въ Самарской, Уфимской и Казанской. Разсказчиками были преимущественно старые солдаты, участвовавши въ войнѣ двѣнадцатаго года. Сущность рассказа всегда оставалась неизмѣнной, но въ подробностяхъ были варианты, происхожденіе которыхъ, прежде всего, нужно отнести къ личнымъ особенностямъ каждого разсказчика, къ большему или меньшему умѣнью разсказывать, къ большей или меньшей способности запоминать слышанное, чтобы потомъ рассказывать другимъ. Кромѣ сущности, у всѣхъ слышанныхъ мною разсказчиковъ, оставался неизмѣннымъ и самый тонъ анекдота, всегда юмористической.

Въ первый разъ я услыхалъ этотъ анекдотъ въ концѣ 50-хъ годовъ, въ городѣ Бугульмѣ, Самарской губ., отъ отставнаго солдата съ медалью за взятие Парижа, старого-престарого и сѣдаго какъ лунь, по фамиліи—Ичеловъ. Онъ былъ единственнымъ брадобрѣемъ и стригачемъ въ городѣ, исполняя эти операциіи въ до-

махъ своихъ клиентовъ. Рассказчикомъ онъ былъ не изъ завидныхъ, но за то рассказывалъ этотъ анекдотъ, какъ несомнѣнную быль. Когда я спросилъ его: «Да правда ли это?»—онъ убѣжденno ска-
залъ: «Еще бы! Во всей арміи не только солдаты, но и офицеры
объ этомъ говорили».

Записанъ мною этотъ анекдотъ со словъ отличного рассказчика, повара, бывшаго крѣпостнымъ и отпущенаго на волю до освобо-
женія крестьянъ. Звали его «Орель». Это не фамилія ему была, а приватное прозвище, данное ему за то, что онъ про всякаго человѣка, котораго желалъ похвалить, говорилъ: «аррель!» Это былъ
съ очень интеллигентной наружностью, гладко выбритый, дородный и крупнаго роста старикъ. Лицо у него было замѣчательно умное, съ нѣсколько насыщеннымъ выраженіемъ. По внѣшности онъ по-
ходилъ на упитаннаго, добродушнаго нѣмца. Крѣпко придержи-
вался чарочки. Съ своимъ бариномъ (кто у него былъ баринъ,—
теперь не вспомню) исколесиль онъ всю Европу. Неграмотенъ былъ
абсолютно, но имѣлъ громадную память и неподражаемо хорошо
декламироваль стихи. Жуковскаго онъ, должно быть, зналъ наи-
зустъ всего. Любимой его поэмой былъ «Громобой». Онъ ее такъ
мастерски «говориль» (нельзя же про неграмотнаго человѣка ска-
зать: читаль), что у насъ, у юныхъ тогда слушателей, духъ захва-
тывало и волосы становились дыбомъ. Въ такой прекрасной декла-
мациіи я ни отъ кого не слыхалъ этой поэмы, какъ отъ «Орла».

Вотъ онъ-то мнѣ, въ 1861 или 1862 году, въ Бугульмѣ же, и
рассказалъ, уже прежде того нѣсколько разъ слышанный мною, на-
родный анекдотъ: «Солдатъ въ раю», да такъ рассказалъ, что я
пришелъ въ восторгъ и немедленно набросаль разсказъ на бумагѣ.
Того неподражаемаго юмора, съ какимъ рассказывалъ «Орель»,
мнѣ—сознаюсь—и въ слабой степени не удалось передать. Я спро-
силъ «Орла»: «Гдѣ и отъ кого ты это слышалъ?» Онъ мнѣ отвѣ-
тилъ: «Это стариный разсказъ, а слышалъ я его въ разныхъ мѣ-
стахъ».

Самая веселая коронація на Руси была коронація Александра Павловича. Разплянствовалась тогда Москва такъ, что въ цѣлый мѣсяцъ отрезвиться не могла. Радость въ народѣ была неописан-
ная. Шло такое ликованіе, какъ будто послѣ столѣтняго запрета
вдругъ Пасху праздновать разрѣшили. Прямо можно сказать, что
прежде того въ Москвѣ никогда не было такого веселья. И ве-
селье это происходило въ народѣ столь благородно, что, по случаю
отсутствія безпорядковъ, полиціи и патрульныхъ ничего иного дѣ-
лать не оставалось, какъ подбирать съ улицъ людей, съ ногъ
спибленныхыхъ «Ивашкой Хмѣльницкимъ». А такихъ-то, постра-
давшихъ отъ «Ивашки Хмѣльницкаго», было несчетное количе-
ство. Ими улицы были усѣяны, какъ въ урожайный годъ хоро-

шая бахча огурцами. Государь это зналъ и отдалъ строжайшее приказаніе, чтобы пьянымъ не дѣлали никакого другаго беспокойства, кромѣ уборки съ средины улицы туда, гдѣ безопасно отъ проѣзжающихъ. А впрочемъ, и само полицейское начальство видѣло, что забирать въ кутузки валявшихся пьяныхъ—немыслимо: для нихъ не только кутузокъ при полицейскихъ частяхъ, но и всѣхъ солдатскихъ въ Москвѣ казармъ не хватило бы.

И войскамъ дана была свобода веселиться. Только по очереди: одинъ полкъ пусть будетъ сегодня пьянымъ, а другой долженъ патрульную службу отправлять, т. е. подбирать пьяныхъ. Но если говорить правду, то частенько было видать, что и патрульные не очень твердо на ногахъ стояли. Въ другое время имъ за это, разумѣется, не миновать бы бѣды, но тутъ только смѣялись всѣ да шутки шутили. Бѣдетъ какое нибудь начальство, даже и изъ большихъ, и видѣть, что цѣлый патруль копошится надъ однимъ пьянымъ и, будучи самъ только чуточку трезвѣе, ничего съ нимъ подѣлать не можетъ, а только носами въ землю тычетъ; посмѣется этому начальство въ полное свое удовольствіе и велитъ кучеруѣхать дальше. Вотъ какіе были тогда денёчки! У самыхъ сердитыхъ людей и то всякий гнѣвъ пропадалъ...

Какъ слыхать было въ народѣ, у государя во дворцѣ тоже шло большое веселье. Прежде веселились съ церемоніями, а потомъ какъ Богъ на душу положить. Ужъ извѣстное дѣло: коль народъ веселъ и счастливъ, такъ царь—вдвое того.

Веселился въ эту пору народъ кто во что гораздъ, и всего искалъ такого, что посмѣшишь. Пробрался народный смѣхъ и подъ царскую кровлю: такой-то звонкій хохотъ стоитъ во дворцѣ, что всѣ, только и знай, что за животики хватаются. Видѣть изъ дворца, что солдатъ идетъ, какъ стелька пьяный, а все бравымъ быть старается и силится сдѣлать фронтъ,—во дворцѣ хохотъ; видѣть, что мужиченко какой нибудь, совсѣмъ плюгавенскій, пьянымъ манеромъ шагнетъ шага три стремительно впередъ, потомъ, почти на столько же, попятится назадъ, остановится и раскачивается на всѣ четыре стороны, а у самого рожа удовольствіемъ, какъ ма-сломъ, смазана,—во дворцѣ хохотъ. А ежели при этомъ да кто нибудь изъ придворныхъ сморозить что нибудь, то хохотъ, какъ громъ, перекатывается изъ одного покоя въ другой и доходить до самой кухни, гдѣ и заканчиваются его судомойки съ поварятами. Истинно можно сказать, что въ коронацію Александра Павловича даже у покойниковъ счастливая улыбка съ лицъ не сходила. Оно и немудрено: въ тѣ дни большая часть умершихъ была съ полу-гаромъ въ желудкѣ...

Въ самый разгаръ народнаго веселья, этакъ на 4-й или 5-й день послѣ коронаціи, вечеромъ, когда зажгли иллюминацію, государю вздумалось прокатиться по городу и показать своимъ го-

стямъ, иностраннымъ королямъ и принцамъ, свой народъ, когда тотъ бываетъ, что называется, нараспашку. Какъ только уѣлись въ экипажи, государь своему кучеру приказалъ: «Вози по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ народу больше!» Пойхали. Ёдутъ шагомъ, чтобы — кой грѣхъ — не причинить кому нибудьувѣчья: ужъ очень пьяныхъ-то много, не считая подвыпившихъ. Такими пьяными, которые съ ногъ свалились, чуть не сплошь всѣ тротуары устланы, а такихъ, которые пошатываются да ногами крендели рисуютъ, и сосчитать нельзя. Пожалуй, можно сказать, что въ этотъ вечеръ вся Москва нетвердо стояла на ногахъ. Иной разъ, когда народъ бываетъ поголовно пьянъ, смотрѣть на него и не брезгливому тошно; а тутъ какъ-то, отъ всеобщей радости, такъ все хорошо наладилось, что только одно смѣшное видится да веселость разбирается. Смѣшино и государю съ его гостями, иностранными королями и принцами. Бѣдять себѣ по Бѣлокаменной, глядяты на все свѣтлымъ окомъ и посмѣиваются въ полное свое удовольствіе. Коли гдѣ народъ узнавалъ государя, принимался кричать: ура! Но, сказать по правдѣ, съ пьяныхъ-то глазъ его не вездѣ узнавали, а потому крикомъ этимъ неособенно много беспокоили. Государь былъ тому очень радъ, потому что на этотъ разъ у него и намѣреніе было такое, чтобы въ народѣ его замѣчили какъ можно меныше. Да ужъ за первые четыре дня и народъ-то совсѣмъ охрипъ, выкрикивая это ура! безъ всякаго кѣ себѣ милосердія.

Поворотилъ государевъ кучерь въ проулокъ, чтобы прѣѣхать съ одной улицы на другую, а въ проулкѣ-то этомъ, почитай-что во всю ширину его, растянулся пьяный солдатъ и спитъ себѣ преспокойно да похрапываетъ. Окрикнули, но его и пушкой не добудиши. Пришлось остановиться поневолѣ. Взглянули на этого солдата государь, иностранные короли и принцы, да такъ и разразились самыми веселыми смѣхомъ. Такая у солдата непринужденность въ фігуры и такъ-то онъ свободно да удобно раскинулся въ проулкѣ, что лучше и выдумать нельзя. Важный баринъ на пуховикѣ, да и на поди! Руки наотмашь, ноги врозь, а небритымъ рыломъ кверху, словно звѣзды считаетъ. И на лицѣ у него такое удовольствіе прописано, словно онъ, шельмецъ, райскіе сны видитъ. Притомъ же и лицо-то у него не изъ простецкихъ, а такое, шута горохового, на которое безъ смѣху едва ли можно смотрѣть и тогда, когда онъ даже въ трезвомъ видѣ. Съ этакими лицами завязанные балагурщики бываютъ. Во всемъ прочемъ видать, что старый служака, въ котораго солдатская муштровка вѣдалась лѣтъ двадцать.

Смѣются государь, иностранные короли и принцы, а государевъ кучерь и говорить: «Это, ваше величество, не кто иной, какъ ротный Надорви-животикъ». — «А это что такое значитъ?» — «Это, значитъ, такой солдатъ, съ которымъ ротѣ никогда не бы-

ваетъ скучно». Государь подумалъ съ минутку времени и распорядился, чтобы этого «Надорви-животика» доставили немедленно во дворецъ, и чтобы доставили бережно, безъ всякой обиды, а не такъ, какъ подъ арестъ берутъ. Потомъ государь пошепталъ что-то одному изъ приближенныхъ, который, по своему веселому нраву, былъ тоже, въ нѣкоторомъ родѣ, «надорви-животикъ»; тотъ улыбнулся и выскочилъ изъ экипажа, чтобы исполнить государево приказаніе. Стали было иностранные короли и принцы спрашивать государя, что такое съ солдатомъ будетъ, но государь сказалъ: «Это покамѣстъ секретъ», и велѣлъ кучеру ѿхать во дворецъ.

Когда государь во дворецъ возвратился, солдатъ ужъ былъ туда доставленъ. Его, сонаго, переодѣли въ хорошее бѣлье и положили на постель въ такой комнатѣ, въ которой было множество цвѣтушихъ деревьевъ, птицъ поющихъ, рыбъ, плавающихъ въ стеклянныхъ водоемахъ съ фонтанами. Стѣны этой комнаты были зеркальные и притомъ такого устройства, что сквозь нихъ можно видѣть все изъ сосѣднихъ комнатъ, а изъ нея туда—ничего. Положили здѣсь солдатика и стали ждать, когда онъ проснется.

Проснулся онъ ужъ поздно утромъ, въ то самое время, когда государь, иностранные короли и принцы чай кушали. А чай-то на этотъ разъ приказалъ государь подать въ комнатѣ рядомъ съ той, где былъ солдатъ. Вотъ онъ проснулся, поверчался съ боку на бокъ, похрюкалъ съ просонковъ-то и открылъ глаза. Открылъ, да сейчасъ же и захлопнулъ ихъ, словно чего-то испугался. Съ минуту повременилъ и опять взглянулъ, но сейчасъ же опять и зажмурился. Пошевелилъ рукой: дескать, въ чувствіи ли я? Ничего: рука слушается, значитъ въ чувствіи. Ногами пошевелить попробовалъ—слушаются; ущипнуль себѣ нось—больно, какъ живому. А между тѣмъ слышится ему нѣчто такое, что онъ только въ сказкахъ слыхивалъ: райскія птички щебечутъ, фонтанчики журчатъ и тихая-тихая наигрываетъ музыка, словно убаюкиваетъ. Вдохнулъ въ себя носомъ воздуху—пахнетъ совсѣмъ непривычно, т. е. не казармой и не кабакомъ, а точь-вточь какъ отъ офицерской свадьбы, когда она въ церковь ѿдетъ. Все это на служиваго такъ подѣйствовало, что онъ совсѣмъ струсилъ, и еще разъ открыть глаза, видимо, боится. Однако же, по времени, превозмогъ себя, открылъ, да такъ и замеръ въ удивленіи. Теперь ежели бы и закрыть хотѣлъ, такъ не смогъ бы: они, глаза-то, у него чуть-чуть изъ своихъ мѣстъ не повыскакали. Глядѣлъ—глядѣлъ и простоналъ:

— Господи! гдѣ это я?

А ему вѣжнимъ голосомъ отвѣтъ неизвѣстно откуда слышится:

— Въ раю, служивый.

Солдатъ совсѣмъ оторопѣлъ и даже на цѣлую минуту дышать пересталь. Лежитъ и не шелохнется. Только густо нафабренными усами шевелить непроизвольно, какъ тараканъ перепуганный.

А тихая музыка все наигрываетъ, птички щебечутъ, рыбки въ водоемахъ плещутся, фонтанчики журчатъ. Переждалъ солдатъ довольно времени и опять простоналъ:

— Владычика и чудотворцы, что это со мною?

Въ отвѣтъ ему опять тотъ же вѣжный голосъ:

— Съ тобою, служба, Господня милость: перемѣна земной твоей жизни на райскую. Ты теперь, служба, у Господа-Бога въ раю находишься.

Солдатъ прослезился. Отеръ слезинки кулакомъ и говорить:

— Такъ, значитъ, того я... къ примѣру сказать, скончался?

— Въ полной мѣрѣ, господинъ служивый. Преставился. Одного жаль: не совсѣмъ такъ ты преставился, какъ христіанину подобаетъ. На счетъ этого грѣшокъ за тобою числится.

— Помню! Все помню! Радость у насть, братецъ ты мой, на землѣ-то ужъ очень обширная была, ну, я и хватилъ два-три стаканка лишнихъ... И, всетаки, въ раю, ты говоришь?

— Въ раю, служивый, въ раю. Только на сокращенномъ положеніи: такъ какъ жизнь свою ты кончилъ хмѣльнымъ манеромъ, то быть тебѣ десять тысячъ лѣтъ вотъ въ этомъ самомъ упокой подъ арестомъ.

— Такъ. И подѣломъ мнѣ: чаркой я запибался шибко. Ну, а потомъ что?

— Потомъ получиши прощеніе и будешь пользоваться всѣми райскими обителями, имъ же нѣсть числа.

— О, Господи, Господи!—промолвилъ солдатъ умиленно и задумался. О чѣмъ думалъ,—неизвѣстно, а только видать было, что опять слеза его прошибается. Еще было видать, что похмѣлье его очень мучаетъ, такъ что онъ то и дѣло сталъ похватываться за голову и страдальчески морщить лицо. Думалъ—думалъ и молвилъ какъ бы про себя:

— Такъ ли, сякъ ли, а, всетаки, въ раю. За что ко мнѣ, грѣшному, милость Господня?

— За вѣрную службу царю и отечеству,—слышится въ отвѣтъ ему.—Еще то ли бы было, служивый, если бы ты кончину свою инымъ манеромъ принялъ, и попадь сюда не черезъ кабацкія, а черезъ церковныя двери! Вѣдь если бы ты мужикомъ былъ, а не солдатомъ, то за такую кончину и вовсе не сдбровать бы тебѣ! Молился ты плохо, но служилъ хорошо,—вотъ это-то и зачислено тебѣ здѣсь во оставленіе грѣха твоего.

— О, Господи, Господи! Праведенъ Ты воистину,—молвилъ солдатъ со вздохомъ:—на землѣ солдату такъ плохо, что и въ раю то онъ, бѣдный, нескоро отдыщется! Лишнюю чарку водки, дѣйствительно, нельзя ставить солдату въ тяжкій грѣхъ. Ломаютъ ломаютъ солдата-то! Трещать у него, бѣднаго, и скелы. и зубы,

оть служебныхъ строгостей, такъ по неволѣ всласть будетъ, если непрещитъ немнога и голова съ похмѣлья.

— Это, служивый, вѣрно.

— Еще бы не вѣрно! Но... вотъ въ чемъ скверность: хоть и въ раю я, а съ земнаго похмѣлья голова у меня трещать не перестаетъ. До тошноты, чтобы ей пусто было, трещить! Вотъ какъ трещить: дай ты мнѣ волю, такъ я, чтобы опохмѣлиться, смѣялъ бы эту райскую обитель на самый скверный кабачишко!..

— Согрѣшаешь, служба.

— Да-а! Хорошо тебѣ говорить! Ты, видно, пьянымъ-то никогда не бывалъ, а потому и похмѣльной боли не знаешь!

— Не знаю. Хоть бы и хотѣлъ узнать, такъ не могу.

— Почему такъ?

— Потому что образъ человѣческій иношу, а тѣла не имѣю.

— Да ты кто такой?

— Твой ангель-хранитель.

Солдатъ былъ такъ пораженъ этимъ, что приподнялся на локти и не зналъ, что съ собою дѣлать. Очевидно было, что онъ размышилялъ: его теперешнее начальство этотъ ангель-хранитель, или нѣтъ? А тотъ продолжаетъ:

— Да, я твой ангель-хранитель, служба, и ты можешь звать меня къ себѣ, когда угодно.

— И видѣть могу тебя?

— Сколько хочешь.

— Такъ покажись, сдѣлай милость. Нечистую силу съ переноя мнѣ часто приходилось видѣть, а ангеловъ — никогда. Покажись, Христа-ради! Но только вотъ что впередъ скажи: начальство ты мнѣ, или не начальство?

— Пожалуй, и начальство, но такое же, какъ, примѣрно сказать, фельдшеръ въ лазаретѣ.

— Ну, это, значитъ, не Богъ вѣсть какая птица. Покажись!

Распахнулась неслышно невидимая дверь, и ангель явился. Онъ былъ, какъ и слѣдуетъ быть ангелу: съ крыльями, въ бѣломъ одѣяніи, красивый лицомъ, безусый и безбородый.

Появился ангель и сдѣлалъ фронтъ не хуже муштрованного кадета.

Полюбовался солдатъ ангеломъ и воскликнулъ:

— Чудеса! Ей-Богу, право, чудеса! Какъ на картинкѣ!.. Вотъ одного только въ толкъ не возьму: про рай на землѣ поють, что въ немъ «нѣсть болѣзни, ни воздыханія», а между тѣмъ голова у меня трещить, хоть обручи на нее набивай. И во рту такъ пакостно, что хорошимъ словомъ даже выразить нельзя. До тошноты пакостно, чтобы черти меня побрали!

— Прибавь, служивый: Господи прости! прибавь, пожалуйста, — взмолился ангель-хранитель, выразивъ лицомъ ужасъ.

— А что?

— Какъ, что? Ты вѣдь кого помянулъ?

— Знаю — кого. Помянулъ, такъ помянулъ. Плевать!

— Ахъ, служба, служба! Въ раю, братецъ ты мой, такъ не говорять.

— Еще и не этакъ заговоришь, какъ голова-то лопнуть хочеть! Рай, рай, а съ души отъ земнаго похмѣлья тянетъ такъ, что вотъ только чистоту здѣшнюю нарушить стыдно, а то бы...

— А ты, всетаки, оговорись, служивый! пожалуйста, оговорись! Ну, что тебѣ стоить сказать: Господи, прости?

— Не хочу.. Тошнить.. Вотъ рыгнуль я: слышишь, чѣмъ пахнетъ?

— Да я ужъ лучше опохмѣлю тебя рюмочкой, только исполни мою просьбу: оговорись!

Солдатъ встрепенулся. Быстро сѣль онъ на койкѣ и уставилъ на ангела глаза такъ, словно впился ими въ него.

— Ой-ли? — спросилъ онъ недовѣрчиво.

— Вѣрно. Ангелы зря говорить не могутъ.

Тутъ сдѣлалъ солдатъ лицо такое скорбное, какое только могъ, и началъ молить:

— Сдѣлай такую милость, ангель-хранитель! Только рюмочку, ангель-хранитель! Хоть малосенькую! Хоть съ наперсточекъ, да поскорѣй только! Вѣрь — не вѣрь, а другая мнѣ смерть приходитъ!..

— Ну, а на счетъ оговорки-то какъ?

— Да сколько хошь! Да съ моимъ великимъ удовольствиемъ! Вотъ тебѣ разъ: Господи прости! Вотъ тебѣ два: Господи прости! вотъ тебѣ три...

Ангель скрылся. Солдатъ, все съ тѣмъ же скорбнымъ выражениемъ на лицѣ, такъ и замеръ въ ожиданіи. Кабы не шевелилъ своими нафабренными усами, такъ и на живаго не походилъ бы, а на окаменѣвшаго. Но вотъ невидимая дверь опять неслышно отворилась, — глядь, а передъ солдатомъ стоитъ ангель-хранитель съ серебрянымъ подносомъ въ рукахъ, и на подносѣ — крошечная рюмочка съ водкой.

— А-ахъ ты, благодѣтель мой! — заговорилъ солдатъ, протягивая къ рюмкѣ обѣ руки: — руки-то, руки-то какъ дрожатъ, чтобы имъ пусто было! И на землѣ немнога разъ случалось мнѣ такъ мучиться съ перепоя, хотя приходилось пивать до того, что водой отливали.

Выпивъ, онъ, по обыкновенію хорошихъ водкохлѣбовъ, крикнулъ, посмаковалъ звучно и, какъ знатокъ, замѣтилъ:

— Водка воистину райская. Прямо можно сказать, на землѣ и послѣ царскихъ смотровъ такой не даютъ. Да!..

Черезъ минуту ангель спросилъ его:

— Ну, что, служивый, какъ теперь?

— Да какъ тебѣ сказать? Ужъ очень порція-то скаредная. Чѣмъ пилъ, чтѣ нѣть—все единственно. И думаю я теперь, братецъ ты мой... знаешь обѣ чѣмъ?

— Обѣ чѣмъ?

— Думаю и разсуждаю я такъ: коли нашласъ въ раю одна маленькая рюмочка водки, такъ можетъ найдтись и другая, которая и пошире, и повыше будетъ.

— Найдтись-то когда не найдется, да только...

— Вѣ чѣмъ дѣло?

— Причина нужна.

— Причина, ты говоришь? За причиной ходить недалеко: чертыхнусь опять,—вотъ тебѣ и причина! У меня, братъ, за этимъ дѣло не станетъ. Ежели на счетъ нехорошихъ словъ, такъ едва ли во всей арміи другой такой отыщется, каковъ я. Съ этой стороны ты меня и не трогай лучше!..

Ангелъ скрылся ненадолго и воротился опять съ серебрянымъ подносомъ въ рукахъ, на которомъ стояла рюмка покрупнѣе первой.

— Ну, вотъ, спасибо!—промолвилъ солдатъ, выпивъ водку однімъ глоткомъ.—Вотъ теперь хорошо! Полегчало! Кабы еще теперь на закуску чего нибудь подходящаго—огурчика солененькаго, если бы капустки кисленѣкой, такъ оно и того, воистину райское блаженство вкусили бы.

— Этого въ раю не полагается: здѣсь все только такое, отъ чего нѣть противнаго запаха.

— На чай скусь. Ежели на мой, такъ лучше соленої капусты только сельдь астраханскій пахнетъ.

— Не спорю. Но здѣсь на все свои порядки.

— Порядки порядкамъ—рознь. Ваши не изъ ахтильныхъ, на счетъ этого. Даже и очень не изъ ахтильныхъ. Вотъ порядокъ: коли гдѣ водка есть, тамъ солененькое съ кисленѣкимъ и на закуску должно быть. На землѣ эта статья устроена не въ примѣръ лучше... Кстати, если ужъ о землѣ рѣчь запшла: не знаешь ли ты, голубчикъ-ангелъ, что тамъ теперь дѣлается?

— Да все то же покамѣстъ.

— Пьють?

— То пьють, то опохмѣляются.

— Резонтъ. Ну, а нашъ-то полкъ... караулы держитъ сегодня, въ патруляхъ ходить, или на праздничномъ положеніи?

— Сказать по правдѣ, такъ сегодня весь твой полкъ лыка не вяжетъ. Пьянъ, какъ стелька, если не хуже того.

— Ой ли? Ахъ, чтобъ... пусто ему было!—оживился солдатъ.—А я-то что? Развѣ я въ своемъ полѣ обсѣвокъ? Ужъ какъ-никакъ, ангелъ-хранитель, а третью поднеси. Ужъ это ты, братъ, сдѣлай милость. Мнѣ обидно. Я, братъ, своему государю тоже слуга былъ. Я, можетъ, за него, за государя моего, и пострадалъ, попавши въ

это мѣсто. Ужъ ты, братъ, того... не огорчай меня! Тѣ-то двѣ рюмочки я съ похмѣлья пилъ, а третью—за государя императора хочу.

— Ладно. Что съ тобой дѣлать!—сказалъ ангель и пошелъ за водкой. А солдатъ вслѣдъ ему:

— Да ты ужъ теперь не рюмочку, а стаканчикъ! Да и стаканчикъ-то чтобы не вовсе маленький былъ, а какъ слѣдуетъ!

— Ладно, ладно...

Остался солдатъ одинъ, лежить и улыбается, а самъ все на то мѣсто посматриваетъ, гдѣ появляется ангель: ждетъ. Потомъ поѣзвнулъ въ полное свое удовольствіе, перекрестилъ себѣ роть и вымолвилъ:—На счетъ водки въ раю хорошо: трехпробная! А все жъ не во время шутъ меня дернулъ окачуриться. Надо бы сдѣлать такъ: покончить коронацію до самаго послѣдняго ея дня, а потомъ и ноги протянуть. Безъ разсчету сдѣлалъ!..

Воротился ангель, и на подносы у него былъ очень и очень изрядный стаканчикъ: пожалуй, и шкаликомъ не наполнишь. Глаза у солдата заблестѣли и по лицу разлилась счастливая улыбка. Всталъ онъ съ койки, взялъ водку и хотѣлъ сдѣлать фронтъ и что-то произгласить; глядь, а на немъ только бѣлье одно. Осматриваетъ себя растерянно и не знаетъ, что дѣлать. Вздохнулъ и сказалъ:

— Господу Богу извѣстно, за чье здоровье пью; но, че будучи въ амуниціи, имени государя моего упоминать не смѣю. Посторонись, душа: фельдфебель шествуетъ!

Выпилъ и снова легъ на койку. Только ужъ спокойно лежать не могъ, потому что водка свое дѣло сдѣлала и прибодрила его, и язычекъ ему еще больше развязала. Разсмѣялся и говорить:

— Кабы знали на землѣ, что въ раю водка есть, то отъ охотниковъ попасть сюда не отбился бы. А то твердятъ: рай, рай, а что за штука—рай, никто доподлинно не знаетъ. Вѣдь и глупъ же народъ, не догадается: потому онъ и рай, что въ немъ водка есть! Если нѣтъ здѣсь солененькаго да кислененькаго на закуску, такъ это еще не большая бѣда: можно пріучить себя собственнымъ своимъ языкомъ закусывать. Что касается меня, такъ я и на землѣ не разъ пивалъ безъ всякихъ закусокъ. Это только новобранцамъ да прaporщикамъ страшно, а старымъ служакамъ—плевое дѣло. Не такъ ли, голубчикъ-ангель?

— Не знаю, служба, не испытывалъ.

— Жалѣю тебя и совѣтую, если можешь, испытать. А теперь, другъ сердечный, вотъ что я тебѣ скажу. За здоровье государя императора я долженъ выпить безпремѣнно. Что не въ амуниціи я, это—дѣло здѣшняго начальства. У васъ здѣсь другой амуниції, кромѣ больничной, нѣтъ, ну, и не надо: въ ваши распорядки я вмѣшиваться не стану. И вы въ мои не мѣшайтесь: хочу пить государево здоровье, ну, и давай водки!

— А если не дамъ?

— Не смѣешь. Ты давно ко мнѣ приставленъ?

— Съ самого твоего рожденія.

— Такъ, значитъ, долженъ знать меня хорошо. А если знаешь меня хорошо, то и не доводи до грѣха. Тѣмъ паче, когда дѣло касается государя...

Ангель ушелъ, а солдатъ, въ одѣяніи легче больничнаго, принялся ходить по комнатѣ и разглядывать ея убранство и украшенія. Осмотрѣлъ и рѣшилъ:—Хорошо-то—хорошо, да на кой мнѣ лядь все это, прости Господи! Это—офицерская фатера, а не солдатская. Всѣ эти чижи въ клѣткахъ не стоять жаренаго цыпленка, а изъ молявокъ въ водоемахъ даже и больничной ухи не сваришь. Тутъ хмѣльному человѣку бѣда: куда ни покачнуся, безпремѣнно наткнешься на что нибудь и осколковъ надѣлаешь. А такъ какъ въ раю водка имѣется, да еще даровая, то хмѣльнымъ-то я, нужно полагать, буду частенько...

Въ этотъ разъ ангель принесъ еще болѣшій стаканчикъ водки. Солдатъ, какъ завзятый фронтовикъ, вытянулся въ струнку, поднялъ руку съ водкою вверхъ и рявкнулъ:

— За здравіе государя императора Александра Павловича, ура! ура! ура!

Осушивъ стаканчикъ до послѣдней капельки и отеревъ усы кулакомъ, онъ сказалъ ангелу:

— Что, братъ, вздрогнулъ? Ничего! Коли и Богъ услышитъ, такъ не осудить: отъ чистаго сердца это я.

— Такъ-то такъ, служивый, да дѣло въ томъ, что въ раю тишина полагается.

— Тишина тамъ, гдѣ водка и солдаты есть? Хоть ты и ангель, а не повѣрю! Либо ваша райская водка не пьяна, либо до сихъ порь къ вамъ сюда одни только новобранцы попадали. Старый солдатъ свое дѣло знаетъ: скомандуютъ «смирно-о»!—онъ замреть и не дышетъ, а ежели «вольно» скомандовали и отпустили въ казарму, такъ тутъ старому солдату никакимъ клиномъ глотку то не закупоришь. Настоящій солдатъ... т. е. взаправскій... ты знаешь, что такое значитъ взаправскій солдатъ? Вотъ оно что такое: скомандуй начальство,—онъ и рай вашъ приступомъ возьметъ. Какъ пить дастъ!.. Далеко, скажешь? высоко, скажешь? Не бѣда! Турецкія крѣпости тоже не въ лысинкахъ стоять, а брали. Лишь бы генераль былъ на манеръ Суворова, да планть вашему раю имѣль и дорогу сюда зналь. Крикнетъ: впередъ! а мы: ур-ра-а! и... въ раю. Ужъ это, братъ, вѣрно. Ужъ это, братъ... Да что тутъ съ тобой толковать: давай еще водки!..

— Ужъ очень часто, служивый. Повременить бы слѣдовало.

— Не хочу! Въ азартъ вошелъ! Ты огорчилъ меня: солдатское званіе оскорбилъ!

Еще былъ принесенъ солдату стаканчикъ. Выпилъ онъ и спы-.

нился окончательно. Понесъ такую ахинею, что у бѣднаго ангела уши стали вянуть. Сталъ приставать къ ангелу, знать ли онъ маршировку. «Смирно! «во фрунтъ! командовалъ онъ ему и вертѣлъ его за плечи такъ, что у ангела только крылышки хлопали. Потомъ вдругъ крикнулъ:

— Ангелъ, водки! Да не стаканъ на подносѣ, а прямо ставь на столъ полштофа!..

Все это такъ разсмѣшило государя, королей и иностранныхъ принцевъ, что хотели они до слѣзъ. Но солдатъ ничего не слыхалъ. Онъ даже не слыхалъ и того, что ему ангель говорилъ, а только повторялъ свое приказаніе:

— Водки, ангелъ! Полштофа и соленый огурецъ на закуску! Хоть ты на землю слетай, а чтобы огурецъ былъ безпремѣнно!..

Напоили солдата опять до безчувствія, переодѣли во все то, въ чемъ онъ былъ поднять на улицѣ, и отправили въ казарму. Спалъ онъ тамъ безпросыпно цѣлые сутки; проснулся и, не открывая глазъ, зоветъ жалобнымъ голосомъ:

— Ангелъ Господній! А, ангелъ Господній! Ты здѣсь, что ли? Опохмѣли меня, Христа-ради...

Но въ отвѣтъ ему послышался дружный хохотъ солдатъ-товарищевъ. Взглянулъ онъ и видѣть—передъ нимъ не ангелъ, а фельдфебель стоитъ, да такой-то грозный, какимъ бываетъ послѣ того, когда ему въ понедѣльникъ опохмѣлиться нечѣмъ, или послѣ того, какъ за что нибудь ротный пробереть и «душу вымотаетъ». Стоитъ фельдфебель передъ солдатомъ и въ одну руку поплѣвываетъ, а другую къ шиворотку протягиваетъ...

— Это какъ же такъ, братцы?—говорить солдатъ въ недоумѣніи.

— А что?

— Да я... какъ будто бы... въ раю недавно былъ?

— Ишь, вѣдь, до какихъ видѣньевъ догохтился! — сказалъ фельдфебель, а солдаты, сколько ихъ было въ казармѣ, такъ и покатились со смѣху. Говорятъ: «Споконъ вѣковъ было такъ, что солдатъ допивался до всякихъ чортиковъ, а тутъ—на, поди!—до того допился, что рай привидѣлся!.. Чудеса!..

В. Ключниковъ.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ПАВЕЛЬ ПЕТРОВИЧ ВЪ БЕРЛИНѢ ВЪ 1776 ГОДУ.

РИНЦЪ Генрихъ прусскій, братъ короля Фридрихъ II, пріѣхалъ въ Петербургъ, для переговоровъ относительно польскаго вопроса, въ тяжелыя для Екатерины II и великаго князя минуты: великая княгиня Наталья Алексѣевна, супруга Павла Петровича, сестра кронпринцессы прусской, скончалась, нѣсколько дней послѣ его прибытія, въ родахъ, 15-го апрѣля 1776 года. Въ первый разъ принцъ Генрихъ посетилъ русскій дворъ въ 1770 году, до первого раздѣла Польши, и очень понравился Екатеринѣ, такъ что онъ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ въ столицѣ и съумѣлъ снискать своимъ умомъ и ловкостью вести дѣла полное довѣріе императрицы. Понятно, что преждевременная неожиданная смерть великой княгини крайне озабочила Екатерину. Но, съ свойственною ей рѣшимостью, она недолго медлила и обратилась уже на другой день послѣ смерти Натальи Алексѣевны къ принцу Генриху съ просьбою быть посредникомъ при второмъ бракѣ Павла Петровича съ принцессою виртембергскою Софіею-Доротею. Уже въ 1768 году, бывшій датскій посланникъ при русскомъ дворѣ Ассебургъ, которому было поручено при отъѣздѣ изъ Россіи пріискать великому князю невѣstu, остановился на принцессѣ Софіи-Доротѣ. Но, такъ какъ ей тогда было девять лѣтъ, то выборъ палъ на Вильгельмину, дочь ландграфа гессенъ-дармштадтскаго, впослѣдствіи Наталью Алексѣевну. Послѣ ея смерти Екатерина обратила снова свое вниманіе на Софію-Доротею, и при этомъ новомъ выборѣ невѣсты принцъ Генрихъ и Фридрихъ II оказали большія услуги императрицѣ. Генрихъ написалъ немедленно своей племянницѣ,

принцессѣ виртембергской, чтобы она прибыла съ дочерьми въ Берлинъ, куда долженъ быть пріѣхать и великий князь. Фридрихъ II, съ своей стороны, извѣщалъ также ее о смерти великой княгини и просилъ для Павла Петровича руки ея дочери Софіи-Доротеи, выставляя ей большія выгоды, которыя будутъ послѣдствиемъ брака съ наследникомъ русскаго престола. Но одно обстоятельство препятствовало браку. Софія-Доротея уже была обручена съ принцомъ Людвигомъ гессен-дармштадтскому. Принцъ въ то время находился въ Берлинѣ, и Фридрихъ II успѣлъ склонить его отказаться отъ руки Софіи-Доротеи, обѣща ему именемъ Екатерины пенсію въ 10,000 рублей въ годъ. Когда это затрудненіе было устранено, осталось другое, именно переходъ въ православіе, но и это скоро устроилось, такъ какъ принцессы не была еще конфіrmована; принцессы виртембергской съ семействомъ выѣхала изъ Монбеліара, получивъ отъ Фридриха 10,000 талеровъ изъ 40,000 рублей, назначенныхъ Екатериною на поѣздку принцессы въ Берлинъ, куда послѣдняя и прибыла 1-го іюля 1776 года.

Какъ только было получено извѣстіе изъ Берлина о согласіи виртембергскаго дома, великий князь 13-го іюня выѣхалъ изъ Царскаго Села. Свиту его составляли: графъ Румянцевъ, призванный уже въ концѣ апрѣля изъ Малороссіи, генералъ-аншефъ И. Салтыковъ, камергеръ Нарышкинъ, камеръ-юнкеръ князь Куракинъ, секретарь Николай и хирургъ Бекъ. Такъ какъ переговоры о свадьбѣ велись втайне, Павелъ Петровичъ разсказывалъ, что онъ поѣдетъ въ Ригу, а принцъ Генрихъ, который долженъ быть сопровождать его до Берлина, отправился только на другой день 14-го іюня, послѣ отѣзда великаго князя, въ путь.

Въ Ригѣ, куда Павелъ Петровичъ прибылъ только 20-го іюня, а принцъ Генрихъ 21-го іюня, они остановились на два дня. Здѣсь посѣщали княжескихъ особъ послѣдній герцогъ курляндскій Петръ Биронъ и приготовилъ имъ торжественную встречу въ Митавѣ. Принцъ Генрихъ оставилъ Митаву раныше, чтобы на прусской границѣ встрѣтить великаго князя. Въ Полангенѣ ожидалъ послѣдній генералъ фонъ-Лентулусъ, назначенный состоять при немъ во время всего путешествія. Начиная съ Мемеля до самаго Берлина, во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, повторялось то же самое зрѣлище: триумфальная ворота, трубящіе почтальоны, почетные караулы, представители отъ дворянства и городовъ, молодыя дѣвушки съ цвѣтами, парадные спектакли, концерты, прогулки по водѣ, илюминаціи и пр. Въ особенности отличились въ этомъ отношеніи Кенигсбергъ, Данцигъ, Эльбингъ, Шведтъ, гдѣ путешественники провели два дня у послѣднаго маркграфа шведскаго Фридриха-Генриха. Неудивительно поэтому, что только 10-го іюля былъ достигнутъ Бернау, послѣдняя станція до Берлина. Между тѣмъ, въ Берлинѣ въ этотъ день собрались уже въ пять часовъ

утра мясничы цехи, какъ городская кавалерія, общество гильдій стрѣлковъ и купечество въ своихъ парадныхъ формахъ, чтобы отправиться навстрѣчу высокому гостю. Около 11 часовъ встрѣтили они карету и просили позволеніе у великаго князя его сопровождать въ Вейсензее, въ полмили отъ Берлина, гдѣ, по распоряженію короля, сервированъ быль обѣдъ. Послѣ обѣда начался торжественный вѣзьмъ въ столицу. Шествіе открывали почтальоны, игравшіе въ рожки, потомъ шли городская кавалерія, стрѣлки, купцы, королевскіе шталмейстеры, почетные караулы и ѿхали парадныя кареты. Передъ первой тріумфальной аркою представился магистратъ города, и ожидали шестьдесятъ молодыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ одна передала великому князю стихотвореніе; такимъ же образомъ стояли у второй арки тридцать дѣвицъ, одѣтыхъ садовницами, которая сыпали цвѣты; у третьей арки, на мосту черезъ Шпрѣ, съ надписью «И рѣка радуется», тридцать дѣвицъ изъ французской колоніи, переодѣтыхъ пастушками, представили французское стихотвореніе. На всѣхъ трехъ аркахъ, на ратушѣ, на башнѣ церквей, играла музыка; громъ пушки, звонъ колоколовъ, восторженные крики массы народа сопровождали вѣзьмъ до самаго королевскаго замка. Во дворцѣ встрѣтили великаго князя король, королевы, весь королевскій домъ и виртембергскіе гости. День кончился большими ужиномъ у королевы. На другой день, въ понедѣльникъ, былъ большой пріемъ у великаго князя, на которомъ присутствовали всѣ знатныя лица Берлина. Послѣ обѣда у короля, Павелъ Петровичъ отправился съ визитомъ ко всѣмъ членамъ королевскаго семейства, потомъ поѣхалъ, въ сопровожденіи прикомандированныхъ къ нему прусскихъ генераловъ, черезъ улицы города, вездѣ восторженно встрѣчаемый массою народа. Вечеромъ посыпалъ онъ французскій театръ; ужинъ былъ у королевы. Во вторникъ, 12-го іюля, принцъ Генрихъ, какъ уполномоченный императрицы, просилъ у короля руки принцессы виртембергской для великаго князя. Самъ Павелъ Петровичъ передалъ королю собственноручное письмо Екатерины. Такія же письма были, по полученіи согласія, переданы и Софіи-Доротей и ея родителямъ, причемъ отцу, принцу Фридриху, былъ врученъ орденъ св. Андрея, украшенный брилліантами, а матери и невѣстѣ орденъ св. Екатерины. Помолвка была празднована блестящимъ пріемомъ у Павла Петровича, обѣдомъ у короля и баломъ и ужиномъ у королевы. Въ слѣдующій день, утромъ, великий князь сдѣлалъ визитъ своей невѣстѣ; послѣ обѣда было, въ присутствіи высокихъ гостей, чрезвычайное засѣданіе въ королевской академіи наукъ. Непремѣнныій секретарь ея произнесъ торжественную рѣчь, въ которой, между прочими, онъ восхвалялъ графа Румянцева, сравнивая его съ Ахиллесомъ и Энеемъ. Вечеромъ приносили невѣстѣ поздравленія, послѣ чего былъ парадный спектакль. Особен-

ный прологъ, сочиненный по приказанію короля, былъ слѣтъ знаменитой, въ свое время, пѣвицею Мара. Въ четвергъ, 14-го іюля, братъ короля, Фердинандъ, угожалъ гостей большими завтракомъ въ раскинутыхъ великолѣпныхъ шелковыхъ палаткахъ въ громадномъ паркѣ, такъ называемомъ зоологическомъ саду. Послѣ обѣда Павелъ Петровичъ и принцъ Генрихъ осматривали извѣстный королевскій фарфоровый заводъ и другія достопримѣчательности; вечеромъ весь дворъ собрался въ оперномъ домѣ на маскарадъ. На другой день былъ большой обѣдь въ Шарлоттенбургѣ, послѣ чего всѣ отправились въ любимую резиденцію короля, въ Потсдамъ и Сансузи. Какъ въ Берлинѣ, такъ и здѣсь были устроены триумфальные арки, встрѣчали гостей стрѣлки и цехи, молодые дѣвицы представили великому князю и невѣстѣ стихотворенія, играла музыка, гремѣли пушки при торжественномъ вѣзѣ. Въ Сансузи остановились въ такъ называемомъ новомъ дворцѣ. Этотъ дворецъ былъ построенъ Фридрихомъ во время Семилѣтней войны; крышу вѣнчаетъ королевская корона, поддерживаемая тремя женскими фигурами. Смыслъ этихъ фигуръ, какъ разсказываютъ, тотъ, что коалиція противъ Пруссіи Елизаветы Петровны, Маріи-Терезіи и маркизы Помпадуръ—les trois cotillons—служила основаніемъ величія молодаго королевства. Три дня провели гости въ Берлина; въ понедѣльникъ былъ большой парадъ и манёвры; во вторникъ, 19-го іюля, они были опять въ столицѣ, гдѣ вечеромъ состоялся концертъ у принца Генриха. Въ слѣдующіе дни—новыя удовольствія: сельскій праздникъ въ загородномъ замкѣ принца Фердинанда, фейерверки и иллюминаціи, посѣщеніе кадетскаго корпуса и военной академіи, вечеръ въ Монбижу и проч. Въ субботу, 23-го іюля, Павелъ Петровичъ простился послѣ обѣда съ членами королевскаго семейства и былъ вечеромъ на маскарадѣ въ оперномъ домѣ. Въ воскресенье былъ у великаго князя прощальный приемъ, обѣдь, концертъ и ужинъ у королевы, послѣ чего королевскіе принцы и виртембергскіе гости отправились въ Рейнсбергъ, замокъ, въ которомъ жилъ Фридрихъ II до восшествія на престолъ, принадлежавшій теперь принцу Генриху, чтобы тамъ встрѣчать Павла Петровича на возвратномъ пути въ Россію. Въ понедѣльникъ, 27-го іюля, послѣ двухнедѣльного пребыванія, выѣхалъ великий князь изъ Берлина, сопровождаемый такимъ же кортежомъ, какъ и при вѣзѣ. Въ Рейнсбергѣ гости провели два дня; этимъ кончился рядъ празднествъ; 9-го августа Павелъ Петровичъ былъ уже въ Ригѣ.

Восторгъ, съ которымъ принимали жители Берлина великаго князя, былъ естественнымъ: съ одной стороны, они хотѣли чтить въ сынѣ великую мать, союзницу своего короля; съ другой стороны, такія офиціальные торжества были для нихъ новостью. Извѣстно, какъ бережливъ былъ отецъ Фридриха, Фридрихъ-Виль-

гельмъ I, извѣстно, что и король не уступалъ своему отцу въ бережливости, и что онъ всегда избѣгалъ празднествъ. Тьебо, членъ Берлинской академіи, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что, когда оберъ-шталмейстеръ, по приказанію короля, представилъ ему смѣту, въ 10,000 талеровъ, расходамъ на поправки вызолоченныхъ фаэтоновъ и другихъ парадныхъ каретъ и упряжи Фридриха I, онъ отвѣчалъ ему: «Я знаю, что ваше превосходительство щедры и великодѣлны, но я держусь только экономіею и не на столько счастливъ, чтобы быть въ состояніи слѣдоватъ вальяму блестящему примѣру». И, дѣйствительно, онъ назначилъ для поправокъ только 6,000 талеровъ. Такимъ же образомъ, король нашелъ, что счеты расходамъ на путешествіе великаго князя, представленные ему генераломъ Лентулусомъ, преувеличены, и принялъ генерала весьма суcho, такъ что тотъ, нѣсколько времени спустя, возвратился въ Швейцарію, въ свое отечество.

Если этотъ разсказъ Тьебо правдоподобенъ, то отзывъ его о Павлѣ Петровичѣ менѣе заслуживаетъ вѣры. Онъ разсказываетъ, что Павлу даны были два чемодана, полныхъ сокровищами, на подарки, но тотъ отвезъ ихъ назадъ такими же полными. Но, какъ кажется, не потому, что онъ самъ не хотѣлъ дѣлать подарки, а потому, что онъ стоялъ подъ вліяніемъ фельдмаршала Румянцева и Салтыкова, которые оба считались скучными и которые, кроме того, очень хорошо поняли, что угодили матери, не допуская сына пріобрѣсти себѣ приверженцевъ въ свѣтѣ. Такой же неправдоподобный отзывъ мы находимъ у него и о Румянцевѣ. На манёврѣ въ Потсдамѣ, Фридрихъ, въ честь Румянцева, только-что покрывшагося лаврами въ турецкой войнѣ, повторилъ Кагульскую битву. Здѣсь Румянцевъ, восхищаясь славнымъ исполненіемъ военного зрѣлища, будто бы обратился къ одному изъ прусскихъ генераловъ со словами: «Эти манёвры великодѣлны, но мнѣ кажется, что они подражаютъ какой нибудь славной битвѣ въ древности; скажите мнѣ, прошу васъ, не это ли одна изъ битвъ Александра, Ганнибала или Цесаря?». Можно ли допускать, что Румянцевъ не узналъ въ манёврахъ сраженія, планъ которого онъ самъ составлялъ и такъ счастливо привелъ въ исполненіе.

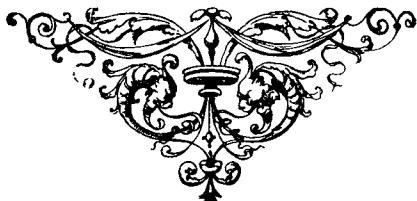
Что касается до самого великаго князя, то Тьебо говорить, что всѣ были поражены его манерою кланяться. Вообще, говорить онъ, кланяются высокопоставленные люди, только очень мало, если они отвѣчаютъ на поклонъ другихъ; они представляютъ намъ сгибать все тѣло, но, по крайней мѣрѣ, они немного наклоняютъ голову; великій же князь дѣлалъ совершенно противоположное: онъ смотрѣлъ только на тѣхъ, которые дѣлали ему поклонъ, и еще выше поднималъ голову, которой онъ вовсе не склонялъ. Онъ, такимъ образомъ, позволялъ себѣ только вторую часть поклона, который, слѣдовательно, походилъ у него на какое-то повелѣніе. Онъ гово-

риль очень немного, и нельзя привести ни одного слова, имъ сканного.

Фридрихъ отзыается въ своихъ сочиненіяхъ о Павлѣ, что онъ показался гордымъ, высокомѣрнымъ и рѣзкимъ, чтѣ заставило людей, знающихъ Россію, опасаться, что ему трудно будетъ удержаться на престолѣ, на которомъ онъ долженъ будетъ царствовать надъ народомъ твердымъ и жестокимъ, избалованнымъ мягкимъ управлениемъ нѣсколькихъ императрицъ.

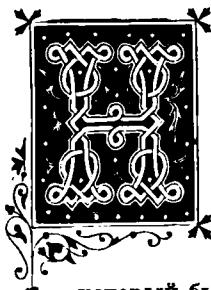
Пруссія произвела на Павла Петровича самое пріятное впечатлѣніе: торжества и праздники, которые его сопровождали съ русской границы до Берлина, радостный пріемъ, изысканная вѣжливость и почести, оказанныя ему королемъ, королевскимъ семействомъ и народонаселеніемъ, оставили въ немъ самое лучшее воспоминаніе о своемъ путешествіи, тѣмъ болѣе, что далеко онъ не привыкъ быть предметомъ общаго вниманія.

Приложенная къ настоящей книжкѣ «Исторического Вѣстника» гравюра, изображающая моментъ, когда Павелъ съ Румянцевымъ былъ представленъ королю принцемъ Генрихомъ, воспроизведена съ рѣдкой гравюры, находящейся въ извѣстной, по своему богатству, коллекціи П. Я. Дашкова, который весьма обязательно позволилъ намъ фотографировать ее. Подлинная гравюра сдѣлана по акватинтѣ Вейча, который въ концѣ прошлаго столѣтія былъ прусскимъ придворнымъ живописцемъ.

ФРАНЦУЗЫ ВЪ РОССИИ¹⁾.

ЕДАВНО изданная въ Парижѣ книга Л. Пэнгѣ, профессора новѣйшей исторіи въ Безансонскомъ университѣтѣ, представляетъ собою одно изъ тѣхъ литературныхъ явлений, которыя довольно ясно опредѣляютъ характеръ современныхъ отношеній Франціи къ Россіи. Совершенно изолированное положеніе Франціи въ политическомъ мірѣ Европы, необходимость искать себѣ такого союза, который бы могъ служить твердою опорою противъ грознаго, поглощающаго могущества Пруссіи—вотъ что главнымъ образомъ втеченіе послѣдняго десятилѣтія заставляетъ французовъ обращать взоры въ сторону Россіи, побуждая ихъ не только внимательно слѣдить за политикой Россіи, но и вникать въ самую суть русской жизни, изучать и настоящее положеніе Россіи и даже ея историческое прошлое. Труды Рэмбо, де-Вогюэ и другихъ изслѣдователей, прежде всего обратившихся къ изученію Россіи, а съ другой стороны, масса переводовъ, съ русскаго на французскій языкъ, доставившая французамъ возможность непосредственного знакомства съ лучшими произведеніями русской литературы,—все это, вмѣстѣ взятое, вызвало во Франціи «моду на Россію и русскихъ», а эта мода, въ свою очередь, вызываетъ теперь и вызоветъ еще, конечно, впослѣдствіи цѣлый рядъ журнальныхъ статей и популярныхъ сочиненій, облегчающихъ французамъ знакомство съ Россіею.

¹⁾ Статья составлена на основаніи сочиненія Леонса Пэнгѣ: «Les Francais en Russie et les Russes en France», Парижъ, 1886.

Въ ряду подобныхъ популярныхъ сочиненій о Россіи, не послѣднее мѣсто занимаетъ книга Л. Пэнгѣ: «Французы въ Россіи и русскіе во Франціи». Составленная на основаніи историческихъ данныхъ, собранныхъ довольно старательно, книга Пэнгѣ является любопытнымъ обзоромъ взаимныхъ сношеній между Франціей и Россіей, втеченіе послѣднихъ трехъ вѣковъ. Излагая исторію сношеній, Л. Пэнгѣ, конечно, переходитъ иногда и къ обзору тѣхъ воздействиій, тѣхъ вліяній, которые вызывались частными и продолжительными сношенніями двухъ народностей, и при этомъ, весьма естественно, держать сторону своихъ соотечественниковъ, то приписывая имъ такое значеніе, какого они никогда не имѣли въ Россіи, то оправдывая ихъ отъ справедливыхъ нареканій, вызванныхъ ихъ дѣятельностью, то обвиняя русскихъ писателей и русскихъ государственныхъ людей въ пристрастномъ отношеніи къ французамъ. Само собою разумѣется, что, съ этой стороны, къ книгѣ Л. Пэнгѣ слѣдуетъ относиться съ надлежащею осторожностью и не придавать слишкомъ большаго значенія ни его похваламъ, ни его порицаніямъ. Вообще говоря, для насъ, русскихъ, важна вовсе не критическая сторона книги Л. Пэнгѣ (очень слабая), а сторона фактическая, любопытная и поучительная во многихъ отношеніяхъ. Съ этою-то стороны книги мы и думаемъ ознакомить нашихъ читателей, въ видѣ бѣглого обзора, не вдаваясь въ подробности и мелочи, способныя болѣе интересовать француза, нежели русскаго, и останавливаясь только на такихъ фактахъ и на такихъ біографіяхъ, которые дѣйствительно заслуживаютъ вниманія и памяти потомства. Само собою разумѣется, что мы вовсе не юснемся второй половины книги Л. Пэнгѣ, т. е. ни слова не скажемъ «о русскихъ во Франціи», тѣмъ болѣе, что подъ этимъ заглавиемъ мы не находимъ ни общаго обзора дѣятельности, ни общей характеристики тѣхъ нашихъ соотечественниковъ, которые болѣе или менѣе долгое время жили во Франціи и подвизались на поприщѣ дипломатическомъ, литературномъ или художественномъ. Говоря о русскихъ во Франціи, Л. Пэнгѣ касается главнымъ образомъ только тѣхъ русскихъ военныхъ, которые пришли во Францію по пятамъ Наполеона и участвовали въ оккупациіи нѣкоторыхъ французскихъ провинцій. А между тѣмъ, правдивая, вѣрная и разносторонняя характеристика русскихъ во Франціи, хотя бы за одно истекшее столѣтіе, могла бы внести въ книгу Л. Пэнгѣ много оживленія, и не одинъ десятокъ страницъ, далеко не лестныхъ для Россіи.

Мы желали бы, чтобы въ результатѣ нашего изложенія книги Л. Пэнго читатель получилъ ясное представление о различныхъ наслоненіяхъ французского вліянія, о различныхъ оттѣнкахъ его, проявлявшихся въ различные эпохи, и о тѣхъ причинахъ, которые наиболѣе способствовали его усиленію и укорененію въ нашихъ высшихъ и образованныхъ классахъ.

Замѣтимъ кстати, что весьма любопытно было бы дать подобный же обзоръ дѣятельности нѣмцевъ въ Россіи и сравнить ее съ дѣятельностью французовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отмѣтить тѣ явленія общественной русской жизни, которыя несомнѣнно были созданы или вызваны нѣмецкимъ вліяніемъ. Едва ли мы ошибемся, даже *à priori*, предположивъ, что подобное сравненіе оказалось бы далеко не въ пользу нѣмцевъ.

Первые упоминанія о французахъ, выселившихся изъ Франціи въ Россію, или, по крайней мѣрѣ, долгое время жившихъ въ Россіи, относятся къ XVI вѣку. Но эти упоминанія, конечно, даютъ намъ только имена, не связывая съ ними почти никакихъ фактовъ, заслуживающихъ вниманія; такъ, напримѣръ, мы узнаемъ о какомъ-то купцѣ Мишелѣ Мушеронѣ и о какомъ-то медикѣ Полѣ Ситадэнѣ, проживавшихъ въ Россіи въ концѣ XVI вѣка; но не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о ихъ дѣятельности. Другие два француза, въ томъ же вѣкѣ дѣйствовавшіе въ Россіи, авантюристъ Пьеръ-де-ла-Вилль и наемный воинъ Маржеретъ, оставили по себѣ известныя записки.

Вслѣдъ за этими болѣе извѣстными именами, встрѣчаемся опять съ какими-то смутными слухами о переселеніи въ Россію части тѣхъ гугенотовъ-изгнанниковъ, которые покинули Францію послѣ отмѣны Нантскаго эдикта. Л. Шенгѣ сообщаетъ о нихъ, будто курфирстъ Бранденбургскій направилъ часть этой партіи переселенцевъ въ Россію, съ рекомендательными письмами къ Петру I, который особымъ указомъ разрѣшилъ имъ службу въ войскахъ. Вольтеръ, въ своей исторіи Петра Великаго, со словъ Лефорта, утверждаетъ, будто эти гугеноты составляли цѣлую третью двѣнадцатитысячнаго отряда русскихъ регулярныхъ войскъ, вооруженныхъ и обученныхъ по европейскому образцу.

Нѣкоторые изъ этихъ бѣглецовъ гугенотовъ (по болѣе подробнѣмъ свѣдѣніямъ) основали даже въ Россіи кое-какія мануфактуры: Деланнуа — фабрику зеркалъ и хрустала, Монтбронъ — чулочную фабрику, Луботье — оружейный заводъ. Въ числѣ этихъ французовъ-переселенцевъ въ Россіи упоминается даже о какомъ-то «преподаватѣ философіи, посвятившемъ труды свои на обученіе русскаго юношества».

Часть этихъ переселенцевъ очутилась даже на Волгѣ, въ видѣ отдѣльной колоніи, но такъ быстро слилась и ассимилировалась съ русскимъ населеніемъ, что, лѣтъ семьдесятъ спустя, французские путешественники, проѣзжавшіе черезъ Россію на дальній сибирскій востокъ, встрѣчали уже по городамъ только людей съ французскими фамиліями, но не говорившихъ ни слова по французски.

Вѣроятно, часть этой же первоначальной партіи переселенцевъ-французовъ основалась въ новопостроенномъ Петербургѣ, потому что съ 1720 года мы уже видимъ тамъ возникающую французскую церковь, съ пасторомъ изъ Женевы.

Собственно говоря, серьёзные и даже тесные связи Россіи съ Франціей начинаются только съ начала XVIII в., и главнымъ образомъ послѣ втораго путешествія Петра Великаго по Европѣ.

Отъ этихъ временъ являются въ Россіи тѣ французскія фамиліи, которые теперь давно уже стяжали себѣ право гражданства въ Россіи и принадлежать въ настоящее время людямъ, вполнѣ русскимъ и по духу, и по плоти. Такъ около Петра I видимъ французскихъ выходцевъ и въ числѣ военныхъ дѣятелей, и въ числѣ первыхъ представителей нашего нарождающагося флота; видимъ военныхъ и гражданскихъ инженеровъ—де-Коланжа, Кулона, Лепинѣ и Ламбера, который, съ 1701 по 1706, выказалъ свое искусство при осадѣ шведскихъ крѣпостей, а потомъ и при постройкѣ быстро разrostавшагося Петербурга.

Въ то же самое время въ арміи дѣйствуютъ французы съ очень громкими именами: въ числѣ офицеровъ встрѣчаемъ графа де-Браза, участвующаго (уже съ чиномъ бригадира) въ несчастномъ молдавскомъ походѣ, а Вильнёва-Тротта (бывшаго малтийскаго рыцаря) и разстрѣленнаго монаха (cordelier) Кайльо—служащими въ рядахъ русской кавалеріи.

Въ 1715 году, при основаніи морскаго корпуса, учрежденного Петромъ I, видимъ въ числѣ воспитателей нѣкоего Сентъ-Илера, который, однако же, не уживается съ начальствомъ и покидаетъ корпусъ въ 1717 году. Особенно много французовъ является въ русскомъ флотѣ, въ который Петръ старался поскорѣе набрать необходимый ему комплектъ офицеровъ, вербовалъ и вызывалъ ихъ отовсюду, безъ особенного разбора, и привлекъ на службу Россіи многихъ французскихъ моряковъ при посредствѣ того Вильбуа, котораго самъ случайно встрѣтилъ во время своего путешествія и вывезъ съ собою въ Россію.

Но этого мало. Всеобъемлющій гений великаго преобразователя не удовлетворялся призывомъ на службу Россіи дѣятелей иностранцевъ, пригодныхъ только для ея насущныхъ нуждъ по арміи и по флоту: онъ не забывалъ и науки, и искусства, и въ научномъ отношеніи отдавалъ предпочтеніе французамъ на поприщѣ художествъ и въ области изящнаго. Такъ, весьма известный во Франціи архитекторъ Леблонъ, приглашенный Петромъ въ Россію, поступаетъ къ нему на службу за 20,000 ливровъ ежегоднаго содержания (сумму очень высокую по тому времени) и строить дворецъ въ Петергофѣ, по образцу Версальскаго дворца, разбиваеть по плану Петергофскій садъ и въ одномъ изъ уединенныхъ уголковъ его воздвигаетъ скромный павильонъ Марли (также по извѣстному французскому образцу), окруженный вѣчно-спокойными зеркальными прудами.

Около того же времени нѣкій Бурдэнъ является въ Россіи съ иными—художественно-промышленными цѣлями: при помощи Ле-

форта онъ основываетъ въ окрестностяхъ Петербурга ковровую фабрику, на манеръ Гобеленовъ, которая, однако же, существуетъ очень недолго, и весьма быстро приходитъ въ полнѣйшій упадокъ.

Но, со смертью Петра Великаго, наступаетъ для французовъ періодъ весьма неблагопріятный. Нѣмецкое вліяніе мало-по-малу начинаетъ одерживать верхъ и во вѣшней политикѣ Россіи, и во внутренней жизни имперіи; нѣмцы являются во множествѣ и въ администраціи, и на всѣхъ поприщахъ дѣятельности; имъ отдаютъ преимущества передъ французами и какъ исправнымъ офицерамъ, и какъ ученымъ, и, главнѣе всего, какъ механически-аккуратнымъ исполнителямъ воли преобладающей партіи. Къ нѣмцамъ иноземнымъ, за дорогія деньги выписываемъ изъ-за границы и вызываемъ черезъ «публикaciю въ курантахъ», присоединяются еще и нѣмцы своеzemные, сплошною массою сбѣжавшиеся въ новую россійскую столицу на поиски карьеры, чиновъ, крестовъ, денегъ и тепленъкихъ «мѣстишекъ». Съ замѣчательною настойчивостью отстаивая свои права на русскій хлѣбъ, эти своеземные нѣмцы, отъ опеки которыхъ мы никакъ не можемъ освободиться вполнѣ и до настоящаго времени, постепенно вытѣсняютъ изъ Петербурга всякой иной иноземный элементъ, и, наконецъ, возведя на высшую степень могущества и славы приснопамятнаго Бирона, подъ его эгидою, начинаютъ полновластно распоряжаться судьбами Россіи.

Въ царствованіе Анны Ioannovны, почти единственными представителями Франціи въ Россіи являются братья Делили (Николай и Луи), изъ которыхъ первый полагаетъ при академіи наукъ основаніе школъ будущихъ русскихъ астрономовъ, а второй погибаетъ въ экспедиції Чиркова. Одновременно съ этими учеными французами можно указать еще только на одного выдающагося дѣятеля француга, проявившаго свою энергию на совершенно иномъ поприщѣ. Это—католический священникъ (янсенистъ по религіознымъ своимъ убѣжденіямъ) Жюбэ-де-ла-Куръ. Онъ явился въ Россію тайнымъ агентомъ римской куріи, съ полномочіями святѣйшаго отца и съ порученіемъ—попытаться примирить и сблизить русскую церковь съ престоломъ св. Петра. Ловко пользуясь обстоятельствами и дѣйствствуя подъ покровительствомъ Ирины Долгорукой, принявшей католичество во время долгаго пребыванія за границей,—Жюбэ три года сряду употреблялъ всѣ усилия и пускалъ въ ходъ всякия ухищренія, чтобы добиться своей цѣли, и добился только того, что въ 1731 году былъ высланъ изъ Россіи.

Совсѣмъ иначе отнеслась къ французамъ, по вступленіи своемъ на престолъ, «дщерь Петрова». Научившись ненавидѣть нѣмцевъ втеченіе того долгаго періода жизни своей, который предшествовалъ воцаренію, Елизавета Петровна, веселая и легкомысленная по характеру, уже по самой природѣ своей должна была чувствовать болѣе расположения къ французамъ, нежели къ нѣмцамъ. Не слѣдуетъ за-

бывать и того значенія, которое, при возведеніи на престолъ Елизаветы, выпало на долю Лестока, внука одного изъ эмигрантовъ гугенотовъ, переселившихся при Петрѣ I въ Россію, и французскаго attaché маркиза де-ла-Шетарди. Съ одной стороны, вліяніе этихъ дѣятелей, съ другой — личное расположение императрицы къ французамъ, къ французскимъ вкусамъ и модамъ, къ французской литературѣ и искусству, опредѣлили заранѣе тотъ перевѣсъ французского вліянія надъ всѣми прочими иноземными вліяніями, который составляль отличительную черту царствованія императрицы Елизаветы Петровны.

Сочувствіе къ Франціи выразилось у Елизаветы особенно рѣзко въ ея союзничествѣ съ Франціею и въ борьбѣ противъ возникающаго могущества Пруссіи въ періодъ Семилѣтней войны. Это союзничество, повидимому, было въ значительной степени дѣломъ личнаго расположенія Елизаветы къ французамъ и къ французской политикѣ, хотя этому расположению и нелегко было проложить себѣ путь черезъ всѣ интриги дворской среды, все еще переполненной нѣмцами и привычной къ нѣмецкому вліянію. Но проложеніемъ этого пути дѣятельно занимались очень ловкие дѣльцы по части дипломатіи. Однимъ изъ такихъ дѣльцовъ былъ извѣстный кавалеръ д'Эонъ (*chevalier d'Eon*), загадочное, двуполое существо, то являвшееся при дворѣ въ видѣ племянницы французского посла, то въ видѣ секретаря французского посольства. Этотъ кавалеръ д'Эонъ передаетъ Елизаветѣ, «въ собственные руки», важныя политическія депеши и подносить ей ключъ къ разбору ихъ шифра въ переплетѣ одного изъ роскошныхъ экземпляровъ *«Esprit des lois»*. Въ качествѣ подобныхъ же политическихъ агентовъ при Елизаветѣ выступаютъ и медикъ Пуассоньеръ, присланный къ ней Людовикомъ XV, и живописецъ Токэ (въ 1757—1758 гг.). Посѣщая мастерскую Токэ и позируя передъ его мольбертомъ для портрета, который онъ писалъ, императрица одновременно удовлетворяла двумъ цѣлямъ: и художественной, и политической, высказывая свои воззрѣнія на важные политические вопросы, занимавшіе французскую дипломатію.

Одновременно съ этими дипломатическими дѣятелями, французы выступаютъ при Елизаветѣ и на другихъ менѣе скользкихъ путяхъ. Богатый бордосскій негоціантъ Мишель впервые устанавливаетъ правильныя торговыя сношенія между французскими и балтийскими портами. Около него группируются и другіе предпріимчивые торговцы, болѣе или менѣе успѣшно основывающіе въ Россіи первыя французскія торговыя фирмы: Панье, Ленобль, и въ особенности Рэмберъ, которому удается впослѣдствіи захватить въ свои руки всю торговлю французскими винами и французской галантереей въ Россіи. Французы принимаютъ нѣкоторое участіе и въ первыхъ шагахъ Россіи на поприщѣ искусства. Въ 1758 году, когда

является первая мысль объ основаніи академіи художествъ, Роллэнъ-де-ла-Моттъ участвуетъ въ построеніи зданія, предназначеннаго быть храмомъ будущаго русскаго искусства, а скульпторъ Жиллэ и живописцы ле-Лоррэнъ и Лагренэ выступаютъ въ рождающейся академіи въ числѣ первыхъ преподавателей.

Благопріятныя условія, оживившія сношенія Россіи съ Франціей, болѣе всего способствовали возвращенію въ нашей литературѣ сильнаго и надолго установившагося французскаго вліянія. Новая русская литература, чуждая народной жизни и ея духовнымъ потребностямъ, явилась отраженіемъ условій той новой цивилизациіи и той новой общественности, которые внесены были въ Россію изъ Европы Петромъ Великимъ и его ближайшими преемниками. Такая литература, конечно, должна была имѣть себѣ и образцы иноземные, должна была подчиниться преобладавшимъ въ обществѣ иноземнымъ вліяніямъ. И вотъ, при Елизаветѣ, когда французское вліяніе начинаетъ явно преобладать въ высшихъ сферахъ, когда французскій языкъ является языкомъ дипломатіи, двора и знати, и русская литература,—тогда еще оранжерейный цвѣтокъ, туго развивавшійся подъ покровительствомъ «Петровой дщери» и нуждавшійся въ покровителяхъ и милостивцахъ,—всесѣло подчиняется вліянію французовъ и преклоняется даже передъ второстепенными и сомнительными литературными знаменитостями французскаго Парнасса. Не только Тредьяковскій и Сумароковъ, но даже геніальный Ломоносовъ обращаются къ подражанію французскимъ классикамъ, которымъ Ив. Ив. Шуваловъ и сама Елизавета (страстная поклонница французской комедіи) открываютъ широкій доступъ въ Россію. Императрица не довольствуется чтеніемъ французскихъ драматическихъ произведеній, не удовлетворяется постановкою на домашней сценѣ болѣе или менѣе плохихъ переводовъ и подражаній французской комедіи,—она добивается того, что въ столицѣ является самостоятельная французская труппа и французскій театръ, посѣщеніе котораго, подъ страхомъ наложенія большаго штрафа, становится даже обязательнымъ для знати и придворныхъ. Страстно увлекаясь французской комедіей, императрица Елизавета хлопочеть о приглашеніи на петербургскую сцену первѣйшихъ знаменитостей парижской Comédie Française—актера Лекэнѣ и дѣвицы Клеронъ, дѣлаетъ имъ черезъ своего посла блестящія предложенія, но не можетъ добиться ихъ согласія.

Со временемъ императрицы Елизаветы начинается и то щедрое покровительство французскимъ литературнымъ знаменитостямъ, которое въ такой значительной степени способствуетъ впослѣдствіи прославленію Екатерины II въ Европѣ. Покровительство, прежде всего, выражается въ томъ, что Ив. Ив. Шуваловъ, по желанію Елизаветы, вступаетъ въ сношенія съ Вольтеромъ, которому и предлагается писать «Исторію Петра Великаго», обѣщаюшая доставить всѣ

необходимые для этого труда материа́лы. Вольтеръ, задобренный пода́рками и обѣщаніями щедрой награды, принимается за трудъ съ такимъ усердіемъ, что выпускаетъ первый томъ «Исторіи Петра», даже еще не получивъ всѣхъ ожидаемыхъ имъ документовъ, необходи́мыхъ для правильной постановки фактической стороны книги. По весьма справедливому замѣчанію Л. Пэнгѣ, «зnamенитый Фернейскій мудрецъ, повидимому, не считалъ вовсе нужнымъ церемониться съ варварами, которыхъ, по его мнѣнію, нетрудно было провести, въ особенности польстивъ ихъ самолюбію». Но «на всякаго мудреца хватаетъ простоты»—и трудъ Вольтера былъ встрѣченъ въ Россіи не только не снисходительно, но даже сурово: нашлись люди, близко знакомые съ фактами исторіи Петра и способные отнести критически къ скороспѣлому труду. Второй томъ исторіи Петра вышелъ въ свѣтъ уже значительно позже, въ 1763 году, послѣ смерти императрицы Елисаветы. Ловкій французъ отнесся къ своей задачѣ не какъ историкъ, а какъ придворный исторіографъ, и этимъ путемъ умѣль многаго добиться въ послѣдующее царствованіе. Не даромъ, въ самомъ предисловіи своемъ, онъ заявляетъ, что «не всякую истину слѣдуетъ разоблачать вполнѣ», и затѣмъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ И. И. Шувалову (отъ 21 сентября 1760 года), говорить: «Диктуйте мнѣ, указывайте прямо, что я долженъ писать,—я то и напишу».

Къ концу царствованія Елисаветы слѣдуетъ отнести и первое появленіе въ Россіи тѣхъ французскихъ авантюристовъ, которые попадали на Сѣверъ совершенно случайно,—нерѣдко даже и противъ воли,—проносились передъ глазами современниковъ какимъ-то метеоромъ, и послѣ цѣлаго ряда приключений, иногда совершенно невѣроятныхъ, возвращались къ своему домашнему очагу съ запасомъ увлекательныхъ анекдотовъ и рассказовъ о далекой, малоизвѣстной странѣ, а иногда даже и съ готовыми записками «о современной Россіи», въ которыхъ нелегко было отличить правду отъ вымысла.

Въ числѣ такихъ авантюристовъ, посѣтившихъ Россію при Елизаветѣ Петровнѣ, слѣдуетъ упомянуть о нѣкоемъ Чуди (Tschudi), занимавшемъ долгое время мѣсто совѣтника въ Мещскомъ парламентѣ. Рѣзкая статья, направленная имъ противъ суровыхъ гонений, воздвигнутыхъ папою на французское масонство, подвергла Чуди преслѣдованіямъ со стороны мѣстного духовенства и привела къ тому, что онъ осужденъ былъ на заключеніе въ Бастилию. Не желая подвергаться этой незаслуженной карѣ, Чуди предпочелъ бѣжать въ Россію, и явился здѣсь подъ вымышленнымъ именемъ кавалера де-Люсси. Сначала мы видимъ его домашнимъ секретаремъ у Строганова въ Москвѣ, потомъ актеромъ на сценѣ французской комедіи въ С.-Петербургѣ. Со сцены, какими-то невѣдомыми путями, онъ попадаетъ вновь въ домашніе секретари къ И. И.

Шувалову, который весьма его жалуетъ за его веселый, покладливый нравъ, и цѣнить въ немъ знакомство съ нѣсколькими европейскими языками. Изъ секретарей Шувалова Чуди переходитъ на службу въ Пажескій корпусъ преподавателемъ (французскаго языка?), а нѣсколько времени спустя начинаетъ издавать первый въ Россіи французскій журналъ, подъ заманчивымъ заглавиемъ: «Литературный Хамелеонъ» (*Le Caméleon littéraire*). Но тоска по родинѣ береть свое: онъ начинаетъ не ладить съ властями, и по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ, въ началѣ 40-хъ годовъ прошлого столѣтія, его высылаютъ изъ Россіи. Возвратившись во Францію, онъ вынужденъ былъ высидѣть извѣстный срокъ въ Бастилии и, выпущенный оттуда на свободу, спокойно дожилъ на своей родинѣ до смерти, послѣдовавшей въ 1749 году.

Въ долгое и благопріятное для французовъ царствованіе императрицы Елизаветы путь въ Россію былъ открытъ имъ такъ широко, и отдаленный Востокъ Европы сталъ рисоваться ихъ воображенію въ такомъ привлекательномъ, заманчивомъ видѣ, что стремленіе французовъ въ Россію не могло быть ослаблено даже и временно наступившимъ преобладаніемъ нѣмецкаго вліянія при Петрѣ III, не могло быть охлаждено и критическимъ, недовѣрчивымъ отношеніемъ Екатерины II къ французамъ и Франціи.

Л. Пэнгѣ, посвящая большую и важнѣйшую часть своей книги описанію дѣятельности французовъ въ Россіи въ царствованіе Екатерины, не можетъ, однако же, отрѣшиться отъ глубокой непріязни, которую внушаетъ ему «Сѣверная Семирамида», воспѣтая столькими французскими поэтами, восхваляемая энциклопедистами, преъвнесенная философами. Основа этой непріязни слишкомъ понятна: Екатерина, воспитанная на французскихъ вкусахъ, нравахъ и понятіяхъ, восхищавшаяся французскими писателями, никогда не могла отрѣшиться отъ здраваго и критического взгляда на французовъ и Францію. Признавая достоинства «великой націи» (французы такъ любятъ злоупотреблять этимъ выраженіемъ!), Екатерина никогда не упускала изъ виду ея крупныхъ недостатковъ и не закрывала на нихъ глаза. Вотъ почему, съ искусствомъ великаго политика и съ тонкостью ловкой свѣтской женщины, Екатерина умѣла превосходно пользоваться французами, какъ полезнымъ элементомъ, умѣла извлекать выгоды изъ сношеній съ ними и, въ то же время, не дозволяла имъ никогда переходить извѣстную линію, не допускала и до возможности избрать Россію поприщемъ для правильно-организованной эксплоатациі. Такая самостоятельность Екатерины, такое политическое умѣнье не нравятся автору книги «о французахъ въ Россіи», и онъ очень сурово относится къ Екатеринѣ и ея сподвижникамъ, укоряетъ ее въ лицемѣріи,

въ двоедушії, въ коварствѣ; въ сущности же, онъ не можетъ прости́ть нашей Фелицѣ только одного: она слишкомъ хорошо и тонко понимала характеръ «великой нації», и потому именно не придавала ей большаго значенія, а иногда не отказывала себѣ и въ удовольствіи посмѣяться очень злѣ надъ причудами и затѣями гг. французовъ.

Отмѣчая, между прочимъ, то, что въ извѣстныхъ Петербургскихъ дѣйствіяхъ довольно видную роль играли два француза—придворный парикмахеръ Бressанъ и начальникъ артиллеріи Вильбуа, Л. Пэнго прямо переходитъ къ изложенію сношеній Екатерины съ Дидро, д'Аламберомъ, Бюффономъ и Вольтеромъ. «Семирамида Сѣвера», по замѣчанію Пэнго, «не довольствовалась тѣмъ, что заимствовала вѣтнай блескъ своего величія отъ Франціи Людовика XIV и Людовика XV. Она стремилась еще и къ тому, чтобы завоевать для себя и своего народа почетное мѣсто въ семье европейскихъ народовъ, и завоевать это мѣсто при помощи тѣхъ, которые могутъ словомъ своимъ повелѣвали массами и прославляли тѣхъ, кто имъ былъ любъ и угоденъ».

Этими дальними видами объясняетъ Пэнго первоначальныя сношения съ д'Аламберомъ и Дидро. Первому, въ самомъ началѣ царствованія, Екатерина предложила принять на себя воспитаніе царевича, съ 100,000 ливровъ ежегоднаго жалованья; второму оказалась большую услугу, пріобрѣти отъ него библіотеку, въ которой самъ владѣтель ея долженъ былъ оставаться пожизненнымъ библіотекаремъ на жалованье императрицы.

Къ тому же времени относятся сношения Екатерины съ знаменитымъ естествоиспытателемъ Бюффономъ, обоюдо-любезныя и пріятныя. Сношения были вызваны со стороны императрицы рядомъ вопросовъ, обращенныхыхъ ею къ Бюффону по поводу его сочиненія «Эпохи развитія окружающей насъ природы». Бюффонъ, отвѣчая на заданные ему вопросы, поднесъ Екатеринѣ полное собраніе своихъ сочиненій. Екатерина отплатила ему за подарокъ, пославъ ему полную коллекцію медалей, выбитыхъ втечение ея царствованія, и потребовала, чтобы Бюффонъ прислалъ ей свой бюстъ, который и былъ торжественно отправленъ ей французскимъ ученымъ и доставленъ въ Россію его сыномъ.

Вольтеръ пошелъ еще гораздо далѣе своихъ современниковъ-энциклопедистовъ и въ любезностяхъ, и въ искательствахъ передъ «Сѣверной Семирамидой». Когда съ нимъ возобновлены были сношения, прерванныя со времени кончины императрицы Елизаветы, онъ первый сталъ во главѣ того хора хвалителей и воспѣвателей Екатерины, который не умолкалъ на Западѣ втечение всего ея долгаго царствованія. Вольтеръ въ своихъ письмахъ къ Екатеринѣ хвалить и превозносить все и доводить лесть свою до крайней приторности. Однаково восхищается онъ и «Наказомъ» Екатерины,

и планомъ раздѣла Польши; на турокъ и сultана Мустафу онъ обращаеть всю соль своего остроумія; въ угоду ей онъ не щадить насмѣшекъ и по отношенію къ Франціи за ту довольно слабую помощь, которая была оказана французскимъ правительствомъ турецкому сultану при укрѣплении Босфора. Вольтеръ даже заранѣе протестуетъ противъ всякаго заключенія мира, который бы не открылъ русскимъ пути въ Стамбулъ: тамъ, по его увѣреніямъ, на самомъ Атмейданѣ, должна быть нѣкогда воздвигнута статуя Екатерины, точно такая же, какъ воздвигнутая ею Петру Великому.

Всльдѣ за злобнымъ Фернейскимъ философомъ поднялись и другіе голоса во французской литературѣ—другіе хвалебные гимны Екатеринѣ и въ стихахъ, и въ прозѣ. Ла-Гарпъ и Дорѣ посвящаютъ ей громкія посланія; Дидрѣ пишетъ для нея свои «Салоны»; Томасъ прославляеть ее въ своей «Петреидѣ»; Вольней пишетъ цѣлый трактатъ въ оправданіе ея восточной политики; Мерсье въ своей «Картинѣ Парижа» ставитъ Екатерину какъ мудрую правительницу въ образецъ юному дофину. Отъ авторовъ свѣтскихъ не отставали и духовные отцы: аббать Романъ посвящаетъ Екатеринѣ свою поэму «Оспопрививаніе», а какой-то аббать де-Люберсакъ создаетъ цѣлый трактатъ о пользѣ путешествія для царствующихъ особъ и по этому поводу, разсыпаясь въ похвалахъ Петру Великому, пользуется удобнымъ случаемъ, чтобы отозваться съ похвалою и о великихъ государственныхъ заслугахъ его достойной преемницы.

Недаромъ самъ Вольтеръ, осыпанный щедротами Екатерины, рѣшился создать свой знаменитый стихъ:

«Отнынѣ съ сѣвера идетъ къ намъ просвѣщеніе...¹⁾).

Онъ нашелъ себѣ горячую поддержку въ своихъ современникахъ-писателяхъ, и лъстивые диѳирамбы его были покрыты гуломъ голосовъ, менѣе славныхъ, но не менѣе громкихъ...

Пользуясь этимъ выгоднымъ положеніемъ, завоеваннымъ въ литературѣ, Екатерина умѣла обуздывать и тѣхъ немногихъ авторовъ, которые не желали подчиниться общему теченію, и сохранили за собою право говорить не обинуясь о томъ, что они своими глазами видѣли въ Россіи. Въ числѣ такихъ французовъ первое мѣсто принадлежитъ Рюльеру, секретарю французского посольства въ Россіи, свидѣтелю и очевидцу «Петербургскихъ дѣйствій», сообщившему подробный отчетъ о событияхъ, неблагопріятный для главныхъ действующихъ лицъ. Другой французъ, Сабатье-де-Кабръ случайно посѣтившій Москву во время чумы 1771 года, составилъ довольно правдивое описание видѣннаго имъ страшного бѣдствія и подъ впечатлѣніемъ той удивительной неурядицы, которая скрывалась въ управлѣніи перво престольною столицею, разразился цѣлымъ потокомъ браніи противъ Россіи и русскихъ. Третій не со-

¹⁾) «C'est du Nord aujourd'hui que nous vient la lumiere».

всѣмъ благопріятный Россіи наблюдатель, скромный ученый, аббатъ Шапъ-д'Отрошъ, тоже не счѣлъ нужнымъ украшать лестюю и похвалами современнымъ порядкамъ свое описание путешествія отъ Петербурга до Тобольска, совершенное по распоряженію академіи наукъ для наблюденія прохожденія Венеры черезъ солнце. Понятно, что бѣдный аббатъ изъ своего долгаго и труднаго пути не могъ вынести особенно розовыхъ понятій о Россіи, но его описание Россіи и путевая впечатлѣнія не понравились Екатеринѣ, точно также, какъ не могло ей понравиться то, что о Россіи и русскихъ порядкахъ сообщали Рюльеръ и Сабатье, и она имѣла возможность воспрепятствовать Рюльеру въ печатаніи его мемуаровъ, а въ опроверженіе книги Шапъ-д'Отраша издала въ свѣтъ рѣзкое обличеніе, наглядно указывающее на промахи и ошибки автора.

Но строгіе суды и хулители не могли быть на столько опасны и страшны Екатеринѣ, на сколько могли быть ей вредны усердные слуги изъ иностранцевъ, если бы она при своемъ тонкомъ и чрезвычайно-изворотливомъ умѣ не обладала удивительнымъ умѣньемъ быстро опѣнивать достоинства людей и ловко отстранять отъ себя тѣхъ, которые ей оказывались ненужны. Это умѣнье пришлось Екатеринѣ неоднократно примѣнять и къ французскимъ выходцамъ, которые съ голоса Вольтера, Дидро и другихъ панегиристовъ «Сѣверной Семирамиды» начинали смотрѣть на Россію, какъ на обѣтованную страну всякихъ авантюристовъ и «случайныхъ» людей. Незнаніе Россіи и желаніе примѣнить на новомъ поприщѣ модныя научныя теоріи поощряли многихъ, даже талантливыхъ и умныхъ, французовъ стремиться къ русскому двору, иногда ради того, чтобы сдѣлать карьеру, иногда — съ совершенно безкорыстнымъ желаніемъ «научить русскій народъ уму-разуму». Такъ, одинъ изъ видныхъ экономистовъ второй половины прошлаго вѣка, иѣкій Мерсье-де-ла-Ривіеръ, явился въ Россію въ 70-хъ годахъ съ рекомендациими Дидро и Райналя и съ пламеннымъ желаніемъ предложить Екатеринѣ обширнѣйшій планъ реформъ чуть ли не по всѣмъ важнѣйшимъ частямъ управления. Ему уже мерешилось, что, по прїѣздѣ въ Москву, онъ тотчасъ будетъ призванъ занять мѣсто премьеръ-министра. Но Екатерина оцѣнила теоретика-реформатора по достоинству и быстро отѣдалась отъ него любезностями и уплатою издержекъ его дальнѣаго путешествія: «Этотъ господинъ», — сказала она кому-то изъ своихъ приближенныхъ: — «кажется, воображалъ себѣ, что мы ходимъ на четверенькахъ, и явился обучать насъ хожденію на заднихъ лапахъ».

Такой же участіи подвергся и другой теоретикъ администраторъ, Сэнакъ-де-Мейльянъ, человѣкъ умный, образованный и носившій громкое имя. Онъ управлялъ во Франціи однимъ изъ сѣверо-восточныхъ департаментовъ, рѣшился покинуть отечество при пер-

выхъ проявленіяхъ революціоннаго движенія и явился въ Россію съ предложеніемъ услугъ. Первый впечатлѣнія, вынесенный имъ изъ путешествія по Россіи, были довольно благопріятны; не менѣе благопріятно было и то впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на императрицу, при первомъ свиданії; но Сэнакъ слишкомъ поспѣшилъ открыть свои карты. Онъ высказалъ однажды, что не прочно бы былъ бы занять постъ министра финансовъ или посла въ Константинополь, если бы ему при этомъ даны были чрезвычайные полномочія... Наивный французъ желалъ немногаго! Екатерина предложила ему написать очеркъ исторіи Россіи, по особому, набросанному ею плану. Литературный опытъ Сэнака показался ей не выдерживающимъ серьезной критики, и Сэнакъ-де-Мейльянъ вскорѣ уѣхалъ изъ Россіи съ милостивымъ пожалованіемъ ему по-жизненной пенсіи въ 1,200 руб.

Также милостиво былъ принятъ Екатериною въ Петербургъ и старикъ Дидро, допущенный въ среду наиболѣе близкихъ къ императрицѣ людей; снисходительно выслушивала она разглагольствованія добродушнаго мудреца, любезно отвѣчая на нихъ со свойственною ей простотою и остроуміемъ; но теоретическія воззрѣнія его были встрѣчены неумолимою критикою... «По его взгляду на нѣкоторые вопросы, ему можно, пожалуй, дать сто лѣтъ; за то по взглядамъ на другое—нельзя дать болѣе десяти»,—сказала какъ-то императрица; и Дидро тоже уѣхалъ изъ Россіи, осыпанный ея щедротами, но не удостоенный ея довѣрія.

Совсѣмъ иначе умѣла относиться государыня къ тѣмъ французамъ, которые прѣѣзжали въ Россію съ серьезными цѣлями, не задаваясь ни теоріями, ни обширными планами, а потому и способны были принести Россіи серьезную пользу. Такъ, напримѣръ, молодому ученому, Дагэссу, родственнику Сегюра, на время прѣѣхавшему въ Россію для ознакомленія съ русскимъ законодательствомъ, были доставлены всѣ способы къ достижению его цѣли, и даже самъ Потемкинъ не оставилъ его своими указаніями и далъ ему кое-какія разъясненія.

Не менѣе любезности и предупредительного вниманія оказывалось въ Россіи художникамъ и купцамъ, временно посѣщавшимъ Россію или проводившимъ въ ней по нѣсколько лѣтъ. Живымъ свидѣтельствомъ въ пользу такого приема могли служить отношенія русскаго правительства, въ царствованіе Екатерины, къ тѣмъ художественнымъ знаменитостямъ и извѣстностямъ, съ которыми правительству приходилось входить въ сношенія. Двѣ современныя знаменитости — скульпторъ Гудонъ и живописецъ Грэзъ, уклончиво отвѣчавшій на предложеніе прїѣхать въ Россію, въ то же время, очень охотно принимали и выполняли заказы Екатерины, памятниками которыхъ остались превосходные образцы Грэзовскаго жанра въ нашемъ Эрмитажѣ и знаменитая Гудоновская ста-

туя «Вольтера», производившая такое тяжелое впечатлѣніе на императора Николая и нынѣ поставленная въ круглой залѣ императорской публичной библіотеки въ С.-Петербургѣ. Кажется, что Гудонъ способствовалъ сношенніемъ русскаго правительства съ другими французскими художниками и побудилъ другихъ ѣхать въ ту даль, которая ему самому не представляла ничего привлекательнаго. Такъ, при расширеніи академіи художествъ въ 1765 году, мы видимъ въ С.-Петербургѣ двухъ французскихъ художниковъ въ числѣ академическихъ преподавателей: талантливаго гравера Верные и Лёпрэнса, одного изъ лучшихъ учениковъ Бушэ, убѣжившаго въ Россію отъ злой жены и неумолимыхъ кредиторовъ. Здѣсь онъ создаетъ, между прочимъ, ту прекрасную и весьма обширную серію народныхъ типовъ, костюмовъ и сценъ, впослѣдствіи послужившую украшеніемъ напечатаннаго за границею путешествія аббата Шапль-д'Отропа, о которомъ мы уже говорили выше. Одновременно съ Лёпрэнсомъ въ Россіи живеть и пріобрѣтаетъ большую известность другой французъ-художникъ — Карто, прекрасный рисовальщикъ по эмали. Немного позже этихъ художниковъ пріѣзжалъ въ Россію Фальконетъ, которому мы обязаны изваяніемъ статуи для памятника Петру Великому, воздвигнутаго Екатериной II. Фальконетъ привозить съ собою въ Россію и юную, талантливую ученицу свою, Анну Коллѣ; ей-то, при выполненіи памятника, Фальконетъ поручаетъ вылѣпить голову статуи Петра, и живая, энергическая француженка вполнѣ оправдываетъ надежды учителя, возложившаго на нее столь трудную задачу.

Фальконету пришлось жить въ Россіи довольно долго, и въ началѣ, пока онъ случайно не столкнулся съ Бецкимъ, онъ могъ быть вполнѣ доволенъ и положеніемъ своимъ, и щедростью русскаго правительства, и чрезвычайно ласковымъ отношеніемъ къ нему императрицы. Впослѣдствіи Бецкій, съ которымъ Фальконетъ не поладилъ, успѣлъ надѣлать ему много разныхъ непріятностей и охладить къ нему императрицу до такой степени, что она даже не поѣхала въ мастерскую Фальконета взглянуть на изготовленную къ отливкѣ модель памятника. Но умный Фальконетъ, умѣвшій отличать людей и хорошо знакомый съ придворными интригами, все же вынесъ изъ своего пребыванія въ Россіи, въ общемъ, довольно пріятное впечатлѣніе.

Вниманіемъ, помощью и всякаго рода поощреніями со стороны правительства были нѣсколько позже удостоены и предпримчивые французы — Барраль и братья Антуаны, изъ которыхъ первый устроилъ на Онегѣ фабрику стальныхъ издѣлій, а послѣдній способствовалъ завязкѣ торговыхъ сношенній между южно-французскими и черноморскими portами, когда эти порты были впервые открыты для европейской торговли.

Но, рядомъ съ этими немногими полезными дѣятелями, посвя-

щавшими Россіи свой трудъ или значительную долю своей жизни, Россія Екатерининского времени служила обширнѣйшимъ поприщемъ для наплыва всякихъ темныхъ личностей, всякихъ голодныхъ искателей приключеній, всякихъ безумцевъ, жадно искашихъ счастія вдали отъ родины, всякихъ любителей легкой на-живы.

Въ рядахъ этой саранчи, тучею налетѣвшей на Россію съ Запада, едва ли не самую видную роль играли французы, для которыхъ, уже въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, Россія стала представляться чѣмъ-то въ родѣ «обѣтованной земли», пред назначенной Богомъ для пользованія всѣхъ иноземцевъ, а въ особенности французовъ. Въ виду такого воззрѣнія на Россію, не лишенного нѣкоторой справедливости, а также и въ виду преувеличенныхъ слуховъ о богатствахъ и щедрости русской знати, массы французовъ хлынули въ Россію въ началѣ 50-хъ годовъ прошлаго вѣка, и не переставали прибывать въ обѣ столицы втечение всего царствованія императрицы Екатерины, несмотря на довольно строгія полицейскія мѣры, предпринимаемыя противъ иностранцевъ по пріѣздѣ въ Россію. Въ контингентѣ французовъ, ежегодно приливавшихъ въ Россію, было много всякаго сброва: тутъ были и разорившіеся купцы, убѣгавшіе кредиторовъ и заключенія въ тюрму за долги, тутъ были и мужья, убѣгавшіе отъ своихъ женъ, и молодые кутилы, избѣгавшіе отвѣтственности передъ закономъ за несчастно окончившійся поединокъ, и ловкие шулера, пріѣзжавшіе показать свое искусство въ домахъ сточничной знати, и мелкіе ремесленники, не надѣявшіеся найти у себя дома хорошия заработокъ, и мелкіе промышленники, готовые заняться чѣмъ угодно, лишь бы добыть денегъ, которыхъ имъ никто уже не довѣрялъ на родинѣ. Рядомъ съ этими людьмиѣхали въ Россію и кокотки, и актрисы, и пѣвицы, и всякихъ профессій люди, твердо вѣрившіе въ возможность найти на чужбинѣ то счастіе, которымъ они не были избалованы въ скромныхъ и тѣсныхъ условіяхъ своей домашней жизни. Чаще всего, изъ числа представителей этой смѣшанной эмиграціи, въ Россіи дѣлали каррьеру парикмахеры, повара, модистки и кокотки, которымъ удавалось сводить воедино русскій разгуль и французскую испорченность нравовъ и прикрывать грязь и распущенность формами европейской внѣшней роскоши. Одинъ изъ современниковъ Елизаветы, французъ ла-Месселліэръ, пишетъ въ запискахъ своихъ, что во время пребыванія въ Москвѣ и Петербургѣ онъ былъ буквально «осаждаемъ массою французовъ всѣхъ цвѣтовъ, которые, по большей части, покинули Францію, избѣгая заслуженной кары или преслѣдованій, возбужденныхъ полиціею. Мы были удивлены (продолжаетъ тотъ же французъ) и крайне озадачены, когда намъ пришлось, въ обществѣ многихъ русскихъ вельможъ, встрѣтить давно извѣстныхъ намъ

дезертировъ, банкротовъ и темныхъ промышленниковъ, бѣжавшихъ изъ Франціи и укрывающихся въ Россіи подъ чужими именами». Десять лѣтъ спустя, Дидрѣ, встрѣчаясь съ французами, переселившимися въ русскую столицу, отворачивался отъ нихъ съ презрѣniемъ (не смотря на всю свою снисходительность и даже неразборчивость къ людямъ) и отзывался о нихъ какъ «о самыхъ негодныхъ ракалияхъ, какія только возможно себѣ вообразить». Тотъ же отзывъ почти безъ измѣненія повторилъ позднѣе и Сэгюръ, примѣняя его къ большинству столичной французской колоніи¹⁾.

Французская роскошь, легкомысліе и балагурство мало-по-малу начинали уже овладѣвать петербургскими и московскими салонами, когда явилась мысль о томъ, чтобы поискать во Франціи и Германіи элементовъ болѣе нужныхъ для Россіи, нежели повара, парикмахеры и модистки. Огромныя пространства плодороднѣйшихъ земель на югѣ и на востокѣ Россіи лежали впустѣ, безъ всякаго употребленія и разработки, за недостаткомъ населенія. Сознаніе необходимости—заселить эти пространства во что бы то ни стало и поскорѣе, привело къ различнымъ планамъ колонизаціи отдаленныхъ русскихъ провинцій. Особые агенты для вызова колонистовъ были посланы, съ одной стороны, въ Гамбургъ, съ другой—въ Эльзасъ и Лотарингію. Нѣмцы двинулись тысячами и втеченіе ста лѣтъ успѣли создать въ Россіи новый типъ эксплоататоровъ въ области русской простоты и добродушія; эльзасцы и лотарингцы едва могли доставить вѣсколько сотъ колонистовъ для Россіи, да и тѣ, по пріѣздѣ на мѣсто поселенія, не съумѣли ужиться съ новыми для нихъ условіями жизни и не составили никакого цѣльного ядра въ общей массѣ переселенцевъ. Кромѣ того, со стороны французского правительства были приняты самыя строгія мѣры для того, чтобы остановить выселеніе изъ восточныхъ провинцій, и всѣ агенты, вербовавшіе колонистовъ для Россіи, подверглись самымъ суровымъ взысканіямъ. Поувѣренію Л. Шенгѣ, русскимъ правительствомъ были сдѣланы попытки къ выпискѣ колонистовъ даже изъ Корсики, но и эти попытки были парализованы королевскими указами, въ которыхъ заявлялось мѣстному населенію, что «его королевское величество вовсе не желаетъ допускать своихъ подданныхъ ни до какого выселенія изъ родной страны, такъ какъ каждому всегда найдется на родинѣ дѣло по его выбору и желанію».

¹⁾ Странно сказать, что даже и теперь, слишкомъ сто лѣтъ спустя послѣ всего выше указанного, французская колонія Петербурга,—увы!—не можетъ никому изъ настѣ дать скольконибудь вѣрнаго понятія ни о характерѣ настоящаго француза, ни о жизни «французъ во Франціи»; большинство этой колоніи, близко знакома настѣ съ недостатками француза и съ самыми непривлекательными сторонами его характера и типа,—не даетъ намъ почти никакого понятія о его достоинствахъ и добродѣтяхъ.

Но ужь, конечно, никакіе королевскіе указы не въ силахъ были остановить тѣхъ страстныхъ авантюристовъ, которые, скучая бездѣйствиемъ въ рядахъ французской арміи, стремились на службу въ Россію, какъ въ страну далекую, малоизвѣстную и притомъ почти непрерывно съ кѣмъ нибудь воевавшую. Уже въ царствованіе Елизаветы, въ рядахъ русского войска видимъ нѣсколько французскихъ офицеровъ, правда, съ очень негромкими и малоизвѣстными именами; видимъ: Аллара, Дюфора, Вильмэна, Милльерэ, какого-то Галліэнъ-де-Сальморэнка и т. п. Нѣкій Фуа-Грайль являемся адьютантомъ Разумовскаго и проводитъ нѣсколько мѣсяцевъ на Кавказѣ во время кампаніи 1769 года.

Лишь очень немногимъ удается достигнуть «степеней извѣстныхъ». Такъ, мы видимъ нѣкоего графа (?) Мику (Micoud) въ числѣ приближенныхъ къ Салтыкову людей во время прусской кампаниіи 1759 года; Мику оказывается даже и убитымъ при Куннерсдорфѣ. Заслуживаетъ упоминанія въ томъ же смыслѣ и французъ инженеръ Шардонъ, трудившійся надъ укрѣплениемъ западной русской границы, дослужившійся до чина генералъ-маіора и умершій въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Киевѣ.

Въ той же когортѣ военныхъ искателей приключений захалъ въ Россію и весьма извѣстный утопистъ-писатель Бернардэнъ-де-С. Пьеръ, авторъ одного изъ наиболѣе прославленныхъ сентиментальныхъ романовъ «Павель и Виргинія». Юный мечтатель, въ началѣ своей жизни, вовсе и не помышлялъ о литературной извѣстности: онъ увлекался идеалами Ласъ-Казаса и Пенна, искашившихъ счастія въ пустынѣ, среди первобытной природы и дикарей, которыхъ его воображеніе украшало всевозможными добродѣтелями. Не имѣя возможности отправиться за океанъ, Бернардэнъ-де-С. Пьеръ воспользовался первою возможностью ускользнуть изъ Франціи въ Россію, и здѣсь думалъ основать колонію въ какой нибудь степи, среди кочевниковъ, которымъ, какъ ему казалось, нетрудно было внушить идеи Ж. Ж. Руссо и современныхъ понятія о достоинствѣ человѣка и гражданина. Послѣ разныхъ дорожныхъ невзгодъ и препятствій всякаго рода, юноша, наконецъ, добрался до Москвы. Здѣсь онъ былъ вырученъ изъ бѣды двумя соотечественниками, занимавшими видное положеніе: нѣкій инженеръ Дюбоскъ отрекомендовалъ молодаго человѣка, какъ ученаго и опытнаго инженера извѣстному начальнiku артиллеріи Вильбуа, который принялъ Бернардэна очень ласково и подалъ ему надежды на блестящую карьеру при Дворѣ. Бернардэну дѣйствительно удалось попасть ко Двору, и, черезъ посредство Вильбуа, онъ даже представилъ государынѣ какой-то весьма фантастической проектъ колонизаціи окраинъ Россіи. Но, увы! государыня почему-то не удостоила вниманія ни юноши, ни его проекта, и ему пришлось довольствоваться тѣмъ, что его приняли на службу и дали возможность участвовать въ какой-то командировкѣ съ цѣлью

обзора береговъ Финляндіи. Но когда мечты разлетѣлись въ прахъ, юноша почувствовалъ отвращеніе къ чужбинѣ, сталъ тосковать по родинѣ, и воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ для возвращенія во Францію. Не смотря на эти неудачи, нѣсколько лѣтъ спустя, Бернардэнъ, уже переселившійся подъ тропики, писалъ друзьямъ своимъ въ Россію: «Мнѣ милъ вашъ холодный сѣверъ, мнѣ дороги по воспоминаніямъ ваши лѣса, колеблемые вѣчно-шумящими вѣтрами»...

Однако жъ, не всѣмъ искателямъ приключений, переходившимъ съ французской территории на русскую, сходило дешево съ рукъ ихъ желаніе затратить избытокъ силъ и удали на чужбинѣ. И если могли быть неудачны попытки быстро и легко составить себѣ карьеру въ Петербургѣ и Москвѣ, то еще болѣе неудачными оказались попытки борьбы французскихъ авантюристовъ противъ русского правительства, по поводу смуты, вызванныхъ въ Польшѣ первымъ раздѣломъ 1772 года. Шестеро французскихъ офицеровъ—Шуази, Галибэръ, Мальцанъ, Сольмъ, Віомениль и Лалэнъ, взятые съ оружiemъ въ рукахъ въ мятежныхъ польскихъ бандахъ, были немедленно разосланы въ Ригу, Кіевъ и Смоленскъ и посажены въ крѣпости, подъ строгой караулъ. Императрица была сильно разгневана, узнавъ о томъ, что французы могли принимать участіе въ дѣйствіяхъ мятежниковъ противъ Россіи, и, вѣроятно, въ шутку угрожала плѣнникамъ Сибирью. На заискивающія и горячія ходатайства Вольтера и Даламбера въ пользу этихъ вѣбалмошныхъ сторонниковъ польской справы, Екатерина отвѣчала уклончиво и насмѣшило, что она «не отпустить своихъ плѣнниковъ, такъ какъ они ей нужны для распространенія въ Россіи хорошихъ манеръ и правильныхъ понятій о благовоспитанности», и дѣйствительно отпустила ихъ уже только впослѣдствіи, порядкомъ охладивъ возгоравшіяся во Франціи симпатіи къ полякамъ. Л. Пэнго не безъ ироніи замѣчаетъ по этому поводу, что, нѣсколько лѣтъ спустя, «столъ любезная Екатеринѣ философская проповѣдь должна была принести свои плоды и привести подъ ея знамена тѣхъ самыхъ людей, которые рѣшились поднять противъ нея оружіе въ Польшѣ».

Сильное уже и при Елизаветѣ, французское вліяніе при Екатеринѣ становится до такой степени преобладающимъ въ высшихъ слояхъ русского образованного общества, что въ немъ происходятъ рѣзкія измѣненія быта, нравовъ, воззрѣній и свѣтскихъ обычаевъ. Припомнимъ кстати, что это явленіе вовсе не было исключительнымъ и замѣчалось не въ одной Россіи: вся Западная Европа во второй половинѣ XVIII вѣка одинаково подчинялась обаятельному вліянію Франціи и тѣмъ вліяніямъ, которымъ исходили изъ среды французского общества. Вліяніе французское отражалось и на ли-

тературѣ, и на общественныхъ нравахъ, и на всемъ общемъ ходѣ внутренней жизни, и если ему подчинялись государства Западной Европы, такъ давно уже жившія своею самостоятельною жизнью, то, конечно, еще легче было французскому вліянію покорить себѣ юное, нетвердое въ нравственныхъ основахъ и воззрѣніяхъ русское общество. И какъ во всей Европѣ французскій языкъ вдругъ, словно по мановенію магического жезла, сталъ языкомъ всеобщимъ, языкомъ дипломатіи, науки и образованнаго общества, такъ точно и у насъ этотъ бѣдный (сравнительно съ нашимъ), не живой для насъ, языкъ сдѣлался втеченіе царствованія Екатерины II не только языкомъ высшаго общества, языкомъ знати и двора, но даже чѣмъ-то въ родѣ необходимаго атрибута свѣтскаго для каждого образованнаго человѣка, котораго только въ томъ случаѣ и считали членомъ высшаго общества, только тогда и допускали въ среду такъ называемыхъ образованныхъ людей, когда онъ умѣлъ болтать по французски, или, по крайней мѣрѣ, зналъ этотъ языкъ хоть на столько, что могъ обойдти въ свѣтскомъ кругу нѣсколькими обычными, избитыми, пошлыми фразами. Такъ ввелось оно при Екатеринѣ, слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ, и ввелось на столько прочно, на столько привилось у насъ въ Россіи, что наше общество (въ особенности высшіе его слои) и до сихъ поръ не можетъ отвыкнуть отъ злоупотребленія иностранными языками, и до сихъ поръ пренебрегаетъ изученiemъ своего роднаго языка. Любопытно припомнить теперь, что однимъ изъ важнѣйшихъ стимуловъ къ общему распространенію французскаго языка въ нашемъ обществѣ послужила французская революція, двинувшая къ намъ огромную массу эмигрантовъ, изъ которыхъ многіе навсегда остались въ Россіи, многіе жили здѣсь очень долго, и всѣ, болѣе или менѣе, находили теплый, гостепріимный кровъ въ русской семье, возвуждали въ себѣ сочувствіе и участіе. Однако же, и гораздо раньѣ того времени, когда раздались въ Европѣ первые громы революціи, началось наводненіе Россіи французами-губернераами и французами-учителями, которые мало-по-малу становились необходимою принадлежностью сначала только семействъ аристократическихъ, а потомъ уже и каждой сколько нибудь зажиточной дворянской семьи. Изъ столицъ этотъ заразительный обычай постепенно переносился въ провинціи и, наконецъ, распространился до самыхъ отдаленныхъ уголковъ Россіи.

Русская литература, и въ изящной формѣ повѣсти, и въ сухой формѣ исторического мемуара, сохранила намъ много курьёзныхъ типовъ этого первоначального наслоянія педагоговъ-французовъ, иногда вносившихъ въ семью только безнравственность и самыи очевидныи образомъ выказывавшихъ свое грубое невѣжество и неподготовленность къ дѣлу. Семейные преданія и воспоминанія людей, вполнѣ заслуживающихъ довѣрія, указываютъ намъ на то,

что гувернерами и учителями-французами являлись иногда у насть отставные барабанщики и кучера, прогнанные господами за пьянство и неумѣлое обращеніе съ лошадьми. О самомъ Бецкомъ рассказываютъ, что онъ какъ-то опредѣлилъ воспитателемъ въ одинъ изъ корпусовъ супфлера французской комедіи! Но все это нимало не мѣшало тому, чтобы и изъ этой пестрой, разнородной и разнообразной массы французовъ-педагоговъ выдѣлились нѣсколько лицъ, вполнѣ достойныхъ и оказавшихъ нѣкоторыя услуги русскому обществу и русскому просвѣщенію. Въ числѣ ихъ припомнимъ Данзаса, который, пріѣхавъ въ Россію учителемъ, бросилъ это занятіе, поступилъ въ военную службу и дослужился до генералъ-маюра. Дюверну избралъ дорогу ученую и лѣтъ двадцать сряду преподавалъ въ академіи анатомію и хирургію; Дезессаръ, другъ Ж. Ж. Руссо, въ скромной должности педагога, многихъ въ Россіи ознакомилъ съ благодѣтельной прививкой коровьей оспы; Шарпантье составилъ первую русскую грамматику, а Левэкъ и Ле-Клеркъ попытались создать нѣчто въ родѣ первоначального свода историческихъ свѣдѣній о Россіи для Европы, тогда еще очень мало знакомой съ нашою исторіею.

Левэкъ былъ преподавателемъ французского языка и литературы въ одномъ изъ корпусовъ, выучился русскому и церковнославянскому языку во время своего пребыванія въ Россіи, собралъ кое-какіе источники и по нимъ составилъ свой трудъ, выпущенный въ свѣтъ въ 1782 году. Ле-Клеркъ былъ въ Россіи дважды. Съ 1759 по 1762 годъ, онъ состоялъ медикомъ при гетманѣ Разумовскомъ, нажилъ большія деньги и вернулся во Францію, гдѣ неудачныя спекуляціи быстро привели его къ потерѣ всего, что онъ имѣлъ, и къ мысли — вторично вернуться въ Россію, эту обѣтованную страну всѣхъ иноземцевъ. И дѣйствительно, въ 1769 году, онъ вернулся въ Россію; пользуясь своими связями, получилъ въ Москвѣ мѣсто смотрителя какого-то строившагося обширнаго госпиталя, потомъ состоялъ нѣкоторое время при особѣ цесаревича и при одномъ изъ корпусовъ исправлялъ должность воспитателя, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Бецкаго. По возвращенію во Францію, Ле-Клеркъ, при сотрудничествѣ своего сына, издалъ въ свѣтъ Исторію Россіи древней и новѣйшей. Книга была напечатана роскошно, украшена прекрасными гравюрами и множествомъ всякихъ таблицъ, которыхъ, однако же, не могли ни отъ кого скрыть пустоты ея содержанія. Во Франціи ей придали очень немного значения, а въ Россіи появленіе ея было встрѣчено сурвою и правдивою критикою Болтина, который доказалъ всѣмъ, что историческая наука въ Россіи зрееть и близится къ возможності создания серьезнаго труда въ области отечественной исторіи. Любопытною характеристикою книги Ле-Клерка, служить то, что онъ рѣшился довести «новѣйшую» исторію Россіи только до восше-

ствія на престолъ императрицы Елизаветы. Опасаясь повредить своей книгѣ описаніемъ дальнѣйшихъ событій, осторожный авторъ добавляетъ, между прочимъ, въ предисловіи, что «онъ не рѣшается вполнѣ удовлетворить своей наклонности къ изображенію истины, ибо не желаетъ никого прогнѣвать и задѣть за живое своимъ разсказомъ». Такимъ образомъ самъ авторъ еще и прежде критики Болтина произнесъ приговоръ надъ историческимъ достоинствомъ своего труда.

Въ средѣ французовъ-педагоговъ Екатерининского времени несомнѣнно заслуживаетъ упоминанія и грубоватый, нѣсколько фанатический, но умный и честный Жильберъ Роммъ, воспитатель Попо Строганова. Восторженно-преданный идеямъ Руссо и энциклопедистовъ, Роммъ употреблялъ всѣ усилия для того, чтобы обеспечь своего воспитанника отъ развращающаго вліянія домашней обстановки знатного и богатаго вельможи, и, чтобы внести въ него гражданскія доблести древнихъ, воспитывалъ его истиннымъ спартіатомъ. Впослѣдствіи онъ придумалъ обширный планъ путешествія со своимъ воспитанникомъ и воспользовался этимъ путешествіемъ для дополненія его образованія и развитія. Втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ ученикъ и учитель странствовали по Россіи и Сибири, а потомъ поѣхали Европу и прожили въ Парижѣ до самаго начала революціоннаго движенія. Жильберъ Роммъ, человѣкъ сильнаго характера и крайнихъ убѣжденій, быстро выдвинулся при этомъ впередъ, быль однимъ изъ выдающихся членовъ Народнаго Собрания и ярымъ горцемъ (*montagnard*); а его воспитанникъ, Строгановъ, былъ впослѣдствіи однимъ изъ видныхъ русскихъ дѣятелей и состоялъ въ числѣ приближенныхъ императора Александра I.

Но, такъ какъ далеко не всѣ французы учителя и гувернери, являвшіеся въ прошломъ вѣкѣ воспитателями русскаго юношества, обладали воспитательными добродѣтелями Жильбера Ромма (немаловажными даже и при его опасныхъ достоинствахъ), такъ какъ, кромѣ того, идеи, вносимыя французскимъ вліяніемъ въ Россіи, попадали, въ большинствѣ случаевъ, на почву, совершенно не подготовленную для широкаго либерализма и разумнаго воспринятія гуманнаго теорій, то, въ общемъ, французское вліяніе, посредственное и непосредственное, вносимое къ намъ и людьми, и книгами, было далеко неблагопріятнымъ для нравственнаго роста нашего общества. Въ высшихъ классахъ и въ наиболѣе образованной части средняго слоя общества, французское вліяніе выразилось тѣмъ рѣзкимъ отрицательнымъ направленіемъ, которое очень много имѣло общаго съ современнымъ нигилизмомъ. Отрицаніе общихъ основъ, безпощадное осужденіе явлений, узаконенныхъ временемъ и исторіей, критика, неумѣло и неискусно прилагаемая въ одинаковой степени ко всѣмъ сторонамъ общественной, государственной и семейной жизни, — приводили не къ отысканію луч-

шихъ, разумѣйшихъ идеаловъ, а только къ озлобленію, къ невѣрію, которое довольствовалось насмѣшкой и кощунствомъ, къ презрѣнію общепринятыми, опредѣленными правилами нравственности и приличій. Чужеземное вліяніе, разрушая и совращая, скользило по поверхности и, не измѣня ничего къ лучшему въ грубой основѣ современного русского общественного дѣятеля, прикрывало его пороки и недостатки вѣнчанымъ лоскомъ европеизма. Вѣроятно, въ ту пору и притомъ недаромъ сложилась извѣстная французская поговорка, характеризующая русского человѣка: «Grattez un peu le russe, vous у retrouverez le tartare». Къ концу XVIII вѣка, подъ тѣмъ же вліяніемъ, окончательно сложился, въ извѣстныхъ слояхъ нашего общества, тотъ крайне непривлекательный типъ «волтеріанца», который не даромъ такъ пугалъ нашихъ прабабушекъ и который былъ окончательно сломленъ только глубокою ненавистью къ французамъ, возбужденною въ русскихъ войнами съ Наполеономъ и вызвавшею, наконецъ, реакцію въ пробудившемся самосознаніи русского человѣка.

Чрезвычайно любопытнымъ противовѣсомъ нарождающагося волтеріанства было при Екатеринѣ другое стремленіе: стремленіе къ фанатической религіозности и даже къ той религіозной фантастикѣ, которая побуждала людей того времени искать спасенія отъ материализма и нравственной разнузданности въ туманныхъ религіозно-нравственныхъ теоріяхъ, въ стремленіи къ таинственному, неразгаданному, неизвѣстному. Этимъ-то стремленіемъ и объясняется быстрый успѣхъ у насъ, въ Россіи XVIII вѣка, не только масонства, но даже иллюминизма и месмеризма, который заключалъ въ себѣ такъ много общаго съ нынѣшнимъ спиритизмомъ. И вотъ, въ той же сѣверной Пальмирѣ, рядомъ съ дѣятелями будущей революціи и проповѣдниками идей энциклопедистовъ, являются и всякаго рода шарлатаны, «маги и волшебники науки», ярые иллюминаты и даже алхимики. Извѣстный графъ Сень-Жерменъ посѣщаетъ Россію въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія и даже вступаетъ въ очень близкія, дружественные отношенія къ Григорію Орлову. Въ 1779 году, видимъ въ Петербургѣ даже и таинственнаго, прославленнаго своими приключеніями Калюстро, который, пріѣхавъ въ строжайшемъ инкогнито, подъ видомъ испанского полковника Феникса, поражаетъ и ослѣпляетъ своими изумительными продѣлками и фокусами и затѣмъ, видя полный неуспѣхъ своихъ замысловъ на русской почвѣ, исчезаетъ быстро и безслѣдно, вмѣстѣ со своей таинственной спутницей, какой-то сказочной красавицей Лоренцой... Говорять, будто Калюстро входилъ даже въ непосредственные сношенія съ Екатериной, пытаясь склонить ее къ покровительству масонамъ. Но здравый умъ и сильный характеръ Екатерины не дозволили ей снизойти до ограниченныхъ воззрѣній знаменитаго шарлатана, вызвавшаго съ

ея стороны только насмѣшку, которую она талантливо облекла въ форму одной изъ своихъ комедій, между тѣмъ какъ въ то же самое время и въ томъ же направлениі работалъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей — Д. И. Фонвизинъ.

Но осмѣяніе и сатира, направленныя противъ мистиковъ и масоновъ Екатериною, нимало не останавливали сильнаго обществен-наго движенія въ сторону этихъ ученій, у которыхъ явились свои умные и талантливые распространители и проповѣдники въ лицѣ Новикова, Шварца и ихъ молодыхъ послѣдователей. Съ другой стороны, и въ аристократическихъ кружкахъ нашихъ являлись горячіе поклонники иллюминизма и мартинизма. На сторонѣ этихъ модныхъ ученій видимъ даже нашегд лондонскаго посланника Семена Воронцова, а князь Алексѣй Голицынъ неоднократно сознавался, что «онъ только съ тѣхъ поръ признаетъ въ себѣ вообще человѣка, какъ ему привелось поближе узнать г. Сен-Мартина»¹⁾.

Немало способствовало распространенію и поддержкѣ въ русскомъ обществѣ стремленія къ религіозному фанатизму и еще одно совершило случайное историческое обстоятельство. Въ провинціяхъ, присоединенныхъ, послѣ раздѣла Польши, къ Россіи, существовало четыре іезуитскихъ коллегіи и нѣсколько іезуитскихъ миссій. Здѣсь пріютілись представители этого почтенного братства, не даромъ изгнаннаго въ то время отовсюду, даже изъ самаго Рима. По соображеніямъ политическимъ, а, можетъ быть, и придавая должную цѣну тому вліянію, которымъ іезуиты пользовались въ то время въ Литвѣ и Польшѣ, Екатерина отступила отъ предначертаній Петра по отношенію къ іезуитскому ордену и дозволила имъ оставаться въ своихъ новыхъ владѣніяхъ. Упоминаемъ объ этомъ обстоятельствѣ только потому, что когда, позднѣе, іезуиты успѣли изъ Литвы и Польши перебраться въ Россію и явились даже въ самомъ Петербургѣ, въ рядахъ ихъ встрѣтилось нѣсколько французовъ, которые пріобрѣли довольно громкую извѣстность въ средѣ столичнаго общества.

Наканунѣ революції, въ періодъ застоя общественныхъ идей и стремленій, — одинъ изъ тѣхъ признаковъ, которые обычно предшествуютъ страшнымъ взрывамъ народныхъ страстей, — въ средѣ французской молодежи проявилась страсть къ исканію приключений, къ дальнимъ заморскимъ плаваніямъ, къ самопожертвованію и борьбѣ за «права человѣка» противъ всякихъ мрачныхъ силъ, дѣйствительно или мнимо-посягавшихъ на свободу человѣчества. Это

¹⁾ Мартинецъ Паскалисъ и С. Мартенъ были главными распространителями ученія иллюминаторовъ въ Европѣ.

особенное, тревожное и неугомонное настроение молодежи, не находившей себѣ удовлетворенія среди мирного строя и ровнаго теченья жизни на родинѣ, побуждало ее искать себѣ удовлетворенія за предѣлами Франціи, спѣшить въ Америку, чтобы принять участіе въ борьбѣ за независимость Соединенныхъ Штатовъ или даже съ трепетнымъ вниманіемъ обращать взоры на дальний Востокъ, гдѣ гремѣли пушки Очакова и Измаила. Молодые, горячія головы увлекались идеями освобожденія Греціи изъ-подъ ига турокъ и, не сочувствуя дипломатическимъ видамъ французского правительства, дружившаго съ Портой, готовы были обнажить мечъ противъ султана, готовы были во имя свободы, во имя гуманныхъ стремленій, сражаться въ рядахъ русской арміи. Но Екатерина, крайне недовѣрчиво относившаяся къ дѣйствіямъ французского правительства, рѣшилась не допускать въ арміи никакихъ иноземныхъ, а тѣмъ болѣе французскихъ элементовъ, и такимъ образомъ французамъ былъ пресѣченъ всякий доступъ къ участію въ русскихъ кампанияхъ противъ турокъ. Только Сегюру удалось побѣдить эту рѣшимость императрицы, разсѣять съ ея стороны всякія сомнѣнія и открыть дорогу новой волнѣ французовъ, нахлынувшей къ намъ въ войско и внесшей въ исторію нашихъ военныхъ подвиговъ нѣсколько французскихъ именъ, вполнѣ заслуживающихъ упоминанія здѣсь.

Сегюръ быль однимъ изъ тѣхъ милыхъ, веселыхъ, добродушныхъ и остроумныхъ французовъ, которые не могутъ не нравиться и не располагать къ себѣ окружающихъ. Явившись представителемъ Франціи при петербургскомъ Дворѣ, Сегюръ съумѣль приблизиться къ императрицѣ и заслужить ея расположение; онъ даже увѣровалъ въ великое политическое значеніе своей миссіи, но въ сущности (по очень мѣткому замѣчанію Л. Пэнго) «находился постоянно подъ обаяніемъ Екатерины и не выходилъ никогда изъ сферы ея вліянія». Можетъ быть, потому именно она и допускала его постоянно въ кружокъ приближенныхъ къ ней людей, относилась къ нему чрезвычайно ласково и дружелюбно, и даже баловала его своими милостями и вниманіемъ. Во время блистательнаго путешествія Сѣверной Семирамиды на югъ Россіи,—путешествія, къ участію въ которомъ быль приглашенъ и Сегюръ, ему удалось представить Екатеринѣ въ Кіевѣ многихъ изъ своихъ друзей, недавно возвратившихся изъ Америки—принца Нассаускаго, Артура Диллона, Александра де-Ламета. Всѣ они заявляли о горячемъ желаніи служить Россіи въ войнахъ противъ турокъ и всѣ были удостоены, благодаря Сегюру, милостиваго вниманія императрицы. Но это еще не измѣнило недовѣрчиваго настроенія Екатеринѣ и не облегчило французамъ желаннаго пути къ военной славѣ подъ русскими знаменами. Приходилось добиваться ея почти силою, разсчитывая при этомъ и на свою смѣлость, и на счастье.

Прямыми подтверждениемъ этого служить извѣстный эпизодъ о томъ, какъ поступилъ волонтеромъ на службу къ Потемкину нѣкій Роже-де-Дамасъ, товарищъ принца де-Линя. Приводимъ здѣсь нѣкоторыя любопытныя подробности этого эпизода, оставляя въ сторонѣ многословіе автора-француза и всякия преувеличенныя восхваленія подвиговъ волонтера-француза.

Осенью 1787 года, 22-хъ-лѣтній юноша Роже-де-Дамасъ прочелъ въ газетахъ, что Россія объявила войну Турціи и что его личный пріятель, принцъ Шарль де-Линь, прибыль въ главную квартиру Потемкина въ Елисаветградъ, на пути въ дѣйствующую армію. Обѣ эти новости вскружили голову юноши, и онъ рѣшился искать счастья въ далекой Россіи, которая была извѣстна ему гораздо менѣе, нежели внутренняя Африка—нынѣшнему молодому поколѣнію. Кое-какъ добывъ денегъ и паспортъ на Берлинъ, Роже-де-Дамасъ выѣхалъ изъ Парижа 11-го декабря 1787 года; при помощи разныхъ счастливыхъ случайностей и благопріятныхъ дорожныхъ встрѣчъ, онъ пробрался въ Россію, и ровно черезъ мѣсяцъ, 12-го января 1788 года, явился въ лагерь подъ Елисаветградомъ, въ ставку молодаго принца де-Линя, который, не теряя ни минуты времени, повель его для представленія Потемкину.

«Князь Таврическій занималь въ самомъ центрѣ Елисаветградской крѣпости обширный деревянный домъ, въ который съумѣль перенести великолѣпіе восточныхъ дворцовъ и этикетъ европейскихъ Дворовъ. Прежде чѣмъ удостоиться свиданія съ нимъ, Дамасу пришлось пройти цѣлый рядъ залъ, великолѣпно освѣщенныя; въ залахъ раздавалась прекрасная музыка итальянского оркестра и десятки генераловъ, составлявшихъ почетную свиту свѣтлѣйшаго, расхаживали по заламъ или почтительно ожидали въ нихъ часа, назначенаго для приема». Юный французы-офицерикъ имѣль счастіе понравиться свѣтлѣйшему; его просьба о зачисленіи въ дѣйствующую армію была принята, и, по ходатайству де-Линя, написано было два письма: одно — къ Сегюру, какъ французы-посланнику въ Петербургъ, а другое отъ Потемкина къ императрицѣ, съ просьбою о всемилостивѣйшемъ дозвolenіи юношѣ французу принять участіе въ дѣйствіяхъ русской арміи.

Двѣ недѣли спустя, получены были благопріятные отвѣты на письма, и, мѣсяца три спустя, Дамасу представился случай для отличія. Отданный подъ начальство принца Нассау-Зигенскаго, командира эскадры мелкихъ гребныхъ судовъ, блокировавшихъ Очаковъ съ моря, Роже-де-Дамасъ нашелъ случай отличиться въ дѣлѣ 6-го іюня, когда было произведено нашей флотиліей нападеніе на турецкіе корабли, и многие изъ нихъ взорваны, иные выброшены на берегъ, остальные обращены въ бѣгство. Дамасу удалось овладѣть кораблемъ капитана-паши и собственно ручно сорвать съ него флагъ.

За это дѣло Дамасъ былъ награжденъ очень щедро: онъ получилъ Георгія и шпагу за храбрость. Вскорѣ послѣ того, онъ получилъ назначеніе въ сухопутныхъ войскахъ и принималъ участіе въ штурмѣ Очакова, въ одной изъ колоннъ авангарда.

Нѣсколько недѣль спустя послѣ взятія Очакова, Роже-де-Дамасъ, въ качествѣ адъютанта Потемкина, уже летѣлъ въ Петербургъ. Бѣшеная скачка по сибирской степной равнинѣ смѣнялась при рѣдкихъ остановкахъ и отдыхахъ участіемъ въ гомерическихъ пиршествахъ, балахъ и каруселяхъ, которыми встрѣчали всюду «великолѣпнаго князя Тавриды». Самъ Сегюръ выѣхалъ навстрѣчу Дамасу въ Царское Село, а на другой день по прїѣздѣ въ столицу юноша былъ удостоенъ представленія императрицѣ, которая высказала ему въ милостивыхъ выраженіяхъ, что «добрости души благородной проявляются одинаково и въ юношѣ, и въ зрѣломъ мужѣ». Благосклонно принятый и Мамоновымъ, и цесаревичемъ, Дамасъ получилъ уже формальное предложеніе — поступить на русскую службу, но не спѣшилъ принять его и провелъ зиму въ развлеченіяхъ и шалостяхъ, а лѣтомъ опять участвовалъ въ морскихъ сраженіяхъ противъ шведовъ подъ Выборгомъ и Фридрихсгамомъ, подъ начальствомъ того же принца Нассау-Зигенскаго. Затѣмъ, во время наступившаго краткаго затишья, Дамасъ вздумалъ было вернуться во Францію, лѣтомъ 1789 года, но картина всего, что онъ увидалъ въ Парижѣ, полное опустѣніе салоновъ и приниженніе положеніе аристократіи — все это такъ напугало его, что онъ поспѣшилъ уѣхать обратно въ Россію, гдѣ около этого времени опять начались рѣшительныя дѣйствія на Дунаѣ и уже готовился штурмъ Измаила. Дамасъ прїѣхалъ какъ разъ вѣ-время, чтобы принять въ штурмѣ участіе, сражался вмѣстѣ съ другими французскими волонтерами въ колоннѣ генерала Арсеньева и получилъ новые знаки вниманія къ его храбрости и заслугамъ отъ русскаго правительства. Но при штурмѣ Измаила онъ былъ уже не одинъ: у него нашлись подражатели, и ему пришлось быть только первымъ изъ многихъ.

И дѣйствительно, въ рядахъ русскаго войска подъ Измаиломъ уже сражались два француза, которыхъ имена впослѣдствіи пріобрѣли громкую извѣстность въ Россіи и до настоящаго времени остались дороги каждому южанину: мы говоримъ о Ланжеронѣ и герцогѣ де-Ришилье, впослѣдствіи такъ много и такъ благотворно потрудившихся на пользу Россіи въ Новороссійскомъ краѣ. Они оба явились въ Россію, убѣгая начинавшейся революціи и стремясь къ пріобрѣтенію воинской славы. Ланжеронъ, недавно еще возвратившійся изъ Америки, гдѣ онъ принималъ участіе въ борьбѣ за независимость Соединенныхъ Штатовъ, поступилъ на русскую службу какъ разъ наканунѣ объявленія шведской войны и въ качествѣ флотскаго офицера участвовалъ вмѣстѣ съ Роже-де-Да-

масомъ въ сраженіяхъ при Выборгѣ и Фридрихсгамѣ, и рядомъ съ нимъ и съ герцогомъ де-Ришелье сражался подъ стѣнами Измаила, даже былъ легко раненъ при страшномъ штурмѣ этой крѣпости. Въ то же самое время, другой французъ, опытный морякъ, маркизъ де-Траверсѣ былъ приглашенъ герцогомъ Нассау-Зигенскимъ въ Россію и принималъ дѣятельное участіе въ переустройствахъ балтійского флота.

Но всѣ эти французы съ громкими именами и громкими титулами были только первыми пionерами той многочисленной иммиграціи, которая проложила себѣ путь въ Россіи въ концѣ царствованія императрицы Екатерины и оставила видный слѣдъ въ высшемъ словѣ нашего общества, въ рядахъ нашей арміи и нашего флота. 1789 годъ и десятилѣтіе, протекшее послѣ него, могутъ быть названы эпохой наибольшаго сближенія Россіи съ Франціею, и притомъ такою, втеченіе которой Россія оказала Франції наибольшія услуги, давая пріютъ и покровительство всѣмъ, искашившимъ убѣжища французамъ, начиная отъ короля-изгнанника и до бѣднаго дворянчика; и мы можемъ сказать съ гордостью, что, давая убѣжище французскимъ эмигрантамъ, питая ихъ и охраняя отъ всякихъ напастей, мы при этомъ дѣйствовали совершенно безкорыстно, отстаивая только отвлеченную идею необходимости борьбы противъ того зла, которое олицетворяла собою революція. Нельзя сказать, чтобы французы отплатили намъ за гостепріимство особенно горячею признательностью, но несомнѣнно то, что въ Россіи эмигрантамъ-французамъ жилось хорошо: это слишкомъ ясно доказывается тѣмъ, что очень многіе изъ нихъ остались въ Россіи навсегда, не воспользовались и впослѣдствіи разрѣшеніемъ возвратиться во Францію и случайное убѣжище отъ невзгодъ обратили въ свое настоящее отечество.

Едва успѣли прогремѣть первые громы революціи, Екатерина со свойственнаю ей тонкостью ума и политическимъ тактомъ уже поняла все значеніе наступающей новой эпохи въ политической жизни Европы и ясно опредѣлила себѣ ту роль, которую ей предстояло играть. Вычеркнувъ изъ своей памяти весь тотъ либерализмъ, съ которымъ она въ молодости приступала къ первымъ реформамъ и которому она продолжала служить въ своихъ многообразныхъ сношеніяхъ съ передовыми людьми Франціи, Екатерина послѣ 1789 года задалась идею поддержки того самаго режима, противъ котораго такъ яростно возставали въ своихъ твореніяхъ поощряемые «Сѣверною Семирамидою» энциклопедисты и самъ Вольтеръ. Открывая широкій путь въ Россію для французской эмиграціи, Екатерина, при каждомъ удобномъ случаѣ, заявляла призывающими ею французскимъ изгнанникамъ, что она—горячая сторонница павшей династіи, что она и всегда держалась, и будетъ держаться тѣхъ преданій, которыхъ прославили французскую аристократію, и даже

что она ничего не пожалѣть для возстановленія того порядка вѣщій, который хотя и поколебленъ въ своихъ основахъ, но все же еще не отжилъ своего вѣка во Франціи. «Мой мундиръ вамъ очень къ лицу»,—сказала она Ланжерону, когда тотъ представился ей въ русскомъ мундирѣ: — «правда, онъ немнога аристократиченъ, но я думаю, что вы на это неспособны сѣтовать. Повѣрте, что я всегда питала чувства глубокагоуваженія къ французской аристократіи. Я знаю, что Людовикъ XIV и Генрихъ IV, — два государя, которымъ всѣ остальные должны были бы подражать, — почитали себя непобѣдимыми и дѣйствительно были непобѣдимы, пока стояли во главѣ французского дворянства». При прощаніи съ Сегюромъ, который покинулъ свой постъ въ Петербургѣ, имѣя слабость предполагать, что его государственные способности пригодятся и во Франціи, государыня сказала ему: «Ваше пристрастіе къ философскимъ теоріямъ и любовь къ свободѣ, конечно, побудятъ васъ перейти на сторону народа, по возврашѣіи въ отечество. Очень обѣ этомъ сожалѣю¹⁾), ибо, что до меня касается, то я буду по-прежнему на сторонѣ аристократіи и не отступлюсь отъ нея ни въ какомъ случаѣ. Совѣтую вамъ не упускать изъ виду того, что вы найдете Францію въ лихорадочномъ раздраженіи и подъ гнетомъ тяжкаго недуга».

Такъ какъ за этими словами, въ особенности послѣ получения извѣстій о взятіи Бастиліи и о казни Людовика XVI, произошелъ полный разрывъ съ Франціей и прекращеніе всякихъ дипломатическихъ сношеній съ нею, то, конечно, все, что пострадало во Франціи отъ новыхъ революціонныхъ порядковъ или даже предполагало, что можетъ пострадать отъ нихъ,— все, что имѣло средства и возможность добраться до Россіи, поспѣшило воспользоваться русскимъ гостепріимствомъ и высокимъ покровительствомъ Екатерины.

Прежде всего послѣдовалъ обмынь любезностей съ главами эмиграціи, избравшими Кобленцъ своимъ мѣстопребываніемъ. Въ Петербургѣ явились посланные отъ графовъ Провансакого и д'Артуа—графы Сомбрель и Эстергази, и баронъ де-Бомбелль (лѣтомъ 1791). За радушнымъ приемомъ, который имъ былъ оказанъ, послѣдовало приглашеніе, посланное Екатериною къ графу д'Артуа, кото-раго она пожелала видѣть у себя при Дворѣ. Одновременно съ этимъ приглашеніемъ завязаны были сношенія съ арміею герцога Конде и съ бретонскими шуанами. Всѣмъ извѣстны подробности роскошнаго приема, оказанного Екатериною графу д'Артуа, какъ представителю династіи Бурбоновъ. Императрица всероссійская показала себя при этомъ случаѣ вполнѣ достойною своего высокаго по-

¹⁾ Не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что Екатерина предлагала Сегюру оставаться въ Россіи, и даже на очень выгодныхъ для него условіяхъ.

ложењія въ современной Европѣ и, возлагая на мужество французскаго принца слишкомъ большія надежды, оказала ему щедрое пособіе не на словахъ только, а въ дѣйствительности. Принцу даны были средства, достаточныя для начала тѣхъ дѣйствій, которыхъ отъ него ожидали, предполагая, что онъ приметъ на себя руководство народнымъ восстаніемъ въ Вандей. При прощаніи съ графомъ д'Артуа, Екатерина вручила ему даже богатѣйшую шпагу съ надписью: «Дарована Богомъ на защиту короля»... Но ничто не могло поднять энергию слишкомъ хладнокровнаго Бурбона: едва узналъ онъ, по прибытіи въ Англію, что англійское правительство отказываетъ ему въ правахъ убѣжища, какъ поспѣшилъ укрыться въ Германіи, и надолго сошелъ съ исторической арены.

Не смотря на это разочарованіе, Екатерина продолжала и послѣ того оказывать покровительство и помочь всѣмъ, кто къ ней обращался. Такъ, когда 18-го апрѣля 1793 года, Австрія отказалась отъ дальнѣйшаго содержанія арміи Конде, который все еще продолжалъ держать на Рейнѣ бѣлое знамя, Екатерина, черезъ посредство герцога де-Ришелье, предложила Конде и его сторонникамъ перейти на службу Россіи. Но и изъ этого ничего не вышло... За то цѣлая масса французскихъ чистокровныхъ аристократовъ явилась въ Россію и поселилась въ разныхъ мѣстахъ ея. Полинъяки основались на время въ Тульчинѣ, во владѣніяхъ Потоцкихъ, Шуазель-Гуффье — на границѣ Галиціи, въ купленномъ имъ имѣніи, Эстергази — на Волыни, маркизъ де-Ламберъ — въ пожалованной ему вотчинѣ, близъ Москвы, Клермонт-Тоннеръ — на берегу Днѣпра, Шуазель-Далькуръ — въ Крыму; въ рядахъ русской арміи явились графъ де-Тулузъ-Лотрекъ и маркизъ де-ла-Розіеръ. Немногіе изъ эмигрантовъ попали ко Двору, который Екатерина не безъ основанія оберегала отъ всякаго посторонняго глаза и вліянія. Здѣсь же, конечно, слѣдуетъ, въ числѣ наиболѣе видныхъ эмигрантовъ, переселившихся въ Россію въ концѣ царствованія Екатерины, упомянуть и объ извѣстной художницѣ-портретисткѣ г-жѣ Виже-Лебрёнѣ, которая пріѣхала въ Петербургъ лѣтомъ 1795 года и надолго осталась въ Россіи. Ея художественные работы не понравились Екатеринѣ, которая заказала пріѣзжей художницѣ портреты своихъ внуковъ, и нашла, что они «не похожи, писаны безвкусно и неизящны»... Этотъ суровый отзывъ не помѣшалъ успѣхамъ г-жи Виже-Лебрёнѣ въ нашей столицѣ, не помѣшалъ и современному обществу оцѣнить грацію, любезность и умъ художницы, которую всѣ не даромъ считали однимъ изъ лучшихъ украшеній петербургскихъ салоновъ.

Было бы ошибочно думать, что французская эмиграція, нахлынувшая на Россію, исключительно сосредоточилась въ однихъ высшихъ слояхъ русского общества и не проникла далѣе столицы. На противъ того, масса эмигрантовъ была на столько велика, что про-

никла очень глубоко въ провинциальную глушь, въ деревню, въ помѣщичьи семьи степныхъ губерній. Французы внесли съ собою въ наше общество много французскихъ обычаевъ, причудъ, новыхъ модъ и приличій. Между прочимъ, именно къ этому времени относится и введеніе въ свѣтское обращеніе такъ называемыхъ общественныхъ игръ (*petits jeux* или *jeux de sociét *), въ родѣ фантовъ, парадъ, риомъ, вопросовъ и отвѣтовъ и т. п. Этими чужеземными обычаями были совершенно вытѣснены изъ употребленія старинныя русскія игры и забавы, въ концѣ XVIII вѣка еще державшіяся во многихъ знатныхъ домахъ. Болѣе близкое общеніе съ французами у себя дома, у роднаго очага, приводило къ двумъ противоположнымъ явленіямъ въ нашемъ обществѣ. Съ одной стороны, въ высшихъ слояхъ, въ сильнѣйшей степени проявилась вся безцвѣтность русскаго типа, какъ только отрывается отъ родной своей почвы и утрачиваетъ свою оригиналность: въ нашихъ салонахъ явился тотъ противный типъ русскаго француза, который предпочиталъ французскій языкъ русскому, а французскіе нравы и обычай — русскому быту; тотъ типъ, который и до настоящаго времени все еще преобладаетъ въ нашей аристократії. Съ другой стороны, именно въ это время наибольшаго пристрастія къ французамъ, уже стала сказываться та струя национального самосознанія, которая, несмотря на всѣ препятствія, несмотря на всѣ затрудненія въ ростѣ и развитіи, не переставала, однако же, проявляться сильнѣе и сильнѣе, и несомнѣнно оказала нашему отечеству величайшія услуги. Какъ и многое другое хорошее, и эти первыя попытки самосознанія проявлялись тогда въ довольно грубой и каррикатурной формѣ французофобія, или французоѣдства, которое отрицало въ французахъ всякия достоинства и видѣло только одни недостатки или смѣшныя стороны. Въ такомъ именно видѣ, уже въ концѣ царствованія Екатерины, проявлялось французоѣдство въ эпиграммахъ и письмахъ графа Ростопчина, которому современемъ суждено было играть извѣстную историческую роль, и которому очень скоро нашлись подражатели и въ петербургскомъ, и московскомъ обществахъ.

Положеніе французовъ въ Россіи нимало не измѣнилось и со смертью императрицы Екатерины, такъ какъ возврѣнія на эманципацію и на отношенія къ современной революціонной Франціі были, можетъ быть, единственнымъ пунктомъ, въ которомъ царственный сынъ сходился со своею царственnoю матерью. Помимо этого настроенія и этихъ возврѣній, императоръ Павелъ питалъ еще и личную симпатію ко многимъ изъ представителей королевской Франціі и вынесъ изъ своего заграницаго путешествія и пребыванія въ Парижѣ самая свѣтлая воспоминанія и самая

пріятнія впечатлѣнія. Не умѣя играть словами и вообще быстро переходя отъ впечатлѣнія къ исполненію, императоръ Павелъ, вскорѣ послѣ вступленія его на престолъ, захотѣлъ самымъ нагляднымъ образомъ выказать свою ненависть къ революціи и республиканскимъ началамъ современной Франціи, а равно и свое сочувствіе къ людямъ старого режима.

Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на забытую всѣми армію Кондѣ, уже цѣлыхъ шесть лѣтъ державшуюся на Рейнѣ подъ покровительствомъ Австріи. Это былъ порядочный сбродъ, тысяча въ восемь человѣкъ, преимущественно волонтеровъ изъ дворянъ, и почти третья этой жалкой арміи состояла изъ офицеровъ... Однихъ генераловъ числилось между ними до 200! Среди этихъ людей не было недостатка въ храбости, но за то давно уже утратилась всякое представление о военной дисциплинѣ и выдержанкѣ, и дезертирство было почти также развито, какъ и картежная игра, доходившая до самыхъ безумныхъ, самыхъ непозволительныхъ увлеченій. Но вотъ Австрія готовилась заключить миръ съ Франціей, и положеніе несчастной арміи Конде становилось совершенно безвыходнымъ. Тогда императоръ Павелъ, со свойственнымъ ему рыцарскимъ великодушіемъ, предложилъ этой горсти роялистовъ перейти на службу Россіи. Въ іюль 1797 года, несмотря на энергическая представленія канцлера Безбородки, Павелъ отправилъ на Рейнъ своего адъютанта Горчакова для улаженія условій, на которыхъ долженъ быть совершившись переходъ французовъ въ русскую службу. На основаніи этихъ условій, каждому оставлялся его чинъ, его жалованье и сохранялось его положеніе въ арміи; но, по переходѣ черезъ границу, приходилось надѣть русскую форму, русскую кокарду, принести присягу на вѣрность царю и расположиться постремъ на Волыни, въ указанныхъ мѣстахъ, впредь до будущихъ приказаний. Около 5,000 человѣкъ приняли эти условія, и, пройдя черезъ Германію, перешли русскую границу, въ январѣ 1798 года. Здѣсь пришлыхъ французовъ распредѣли на пять полковъ — три пѣхотныхъ (полки Конде, Бурбона и Гогенлое) и два кавалерійскихъ (полки принцевъ Беррійского и Энгіенского), и подчинили непривычной для нихъ суровой дисциплинѣ, общей для всего русского войска. Но французы мало-по-малу обжились и поустроились, и уже начинали свыкаться со своею долею, когда вдругъ, въ 1799 году, по инициативѣ императора Павла, образовалась извѣстная коалиція противъ Франціи, и русскія войска должны были принять въ ней самое горячее участіе, увѣнчавшее ихъ новыми, неувядаемыми лаврами, подъ знаменами Суворова. Французскому отряду также приказано было двинуться въ походъ черезъ Германію; но, когда онъ, въ началѣ октября, достигъ береговъ Констанцкаго озера, то кампанія была уже почти закончена, и роялистамъ только однажды, 8-го октября,

пришлось дѣйствовать противъ республиканцевъ. Въ Россію французы уже не возвратились болѣе: вскорѣ послѣ окончанія кампаніи, съ согласія императора Павла, весь отрядъ роялистовъ-волонтеровъ перешелъ на службу Англіи.

Почти одновременно съ началомъ этого эпизода, была сдѣлана и другая попытка въ пользу поддержки стараго французскаго режима. Императоръ Павель, въ ноябрѣ 1797 года, предложилъ главѣ дома Бурбоновъ, Людовику XVIII, переселиться въ Россію. Французскому принцу, всѣми забытому и заброшенному въ несчастномъ городкѣ средней Германіи, конечно, должно было показаться очень лестнымъ приглашеніе пріѣхать въ Россіи, гдѣ его ожидали прекрасно устроенная резиденція бывшихъ герцоговъ Курляндскихъ въ Митавѣ и ежегодный пенсіонъ въ 200,000 рублей, кромѣ другихъ субсидій, предназначенныхъ на содержаніе нѣкоторыхъ лицъ свиты Людовика XVIII. Къ сожалѣнію, однако жъ, нерѣшительный претендентъ не сразу принялъ предлагаемое ему, а обдумывалъ предложеніе, колебался и отвѣтилъ согласіемъ не ранѣе, какъ черезъ два мѣсяца. Это замедленіе значительно охладило расположение къ нему императора Павла, даже задѣло за живое его самолюбіе.

Встрѣченный весьма любезно и удостоенный царственныхъ почетей, Людовикъ поселился въ Митавѣ и образовалъ около себя маленький Версаль, въ каррикатурѣ. Тутъ собирались около него люди, когда-то блиставшіе при дворѣ, люди съ громкими титулами и историческими именами: разные Виллекье, Гиши, Омоны, Серраны, Коссэ-Брисаки, и внесли съ собою въ среду этого маленькаго двора мелкія интриги и ничтожныя претензіи всякой придворной жизни. Главнымъ официальнымъ советникомъ претендента явился графъ С.-При, а главнымъ руководителемъ тайныхъ дипломатическихъ сношеній — графъ д'Аварэ. И Людовикъ XVIII, окруженный почетною стражею, занятый интригами и сплетнями своихъ придворныхъ, зажилъ въ Митавѣ жизнью владѣтельнаго князя, серьѣзно раздѣляя свое время между праздниками, увеселеніями и заботами о поддержаніи принциповъ власти, о которой, повидимому, приходилось забыть и отнести ее въ область исторического прошлага.

До поры до времени все шло очень гладко, и хотя императоръ Павель не допускалъ официального признанія правъ Людовика XVIII на французскій престоль, но все же, для сношенія съ Митавскимъ Дворомъ, было допущено пребываніе въ столицѣ особаго, аккредитованного лица, нѣкоего де-Карамана. При этомъ императоръ Павель продолжалъ оказывать милостивое вниманіе не только старымъ эмигрантамъ, но даже и католическому духовенству, изгнанемому изъ Франціи, даже монашескимъ орденамъ, не уживавшимся съ республикой. Значительныя права дарованы были

іезуитамъ, и вліяніе ихъ усилилось до такой степени, что 7 марта 1801 года ихъ орденъ былъ даже и официа́льно возстановленъ въ Россіи. Въ царствѣ Польскомъ дано было убѣжище мужскому монашескому ордену траппистовъ и женскому ордену визитандинокъ. Съ особеною торжественностью было отпраздновано принятие императоромъ Павломъ гроссмейстерства Мальтійского ордена, причемъ блеску празднства много способствовало то, что въ число кавалеровъ воскрешенного рыцарского ордена было включено болѣе ста именъ эмигрантовъ-роялистовъ, принадлежавшихъ къ знатнѣйшимъ фамиліямъ Франціи. Тутъ были и д'Аршаки, и Сень-Морисы, и Шуазёли, и Шефонтэны, и де-Брогли... Но и при всѣхъ этихъ внѣшнихъ условіяхъ блеска, среди всей этой мишурь типуловъ и аристократизма, утратившаго подъ собою всякую историческую почву, французамъ-эмигрантамъ жилось неособенно легко и весело въ послѣдніе годы XVIII вѣка въ Россіи, и они недаромъ чувствовали всю ненадежность своего положенія тамъ, гдѣ «контръ-ордеръ почти всегда слѣдовалъ за ордеромъ», и каждую минуту можно было ожидать чего нибудь необычайного. Болѣе всего, конечно, долженъ былъ это чувствовать митавскій гость, который уже въ маѣ 1799 сталъ жаловаться приближеннымъ на нѣкоторыя непріятныя для него стѣсненія. Дѣло въ томъ, что императору не понравились сношенія Людовика XVIII съ нѣкоторыми лицами и слишкомъ большая доступность его. Претенденту было воспрещено выдавать за его подпись паспорты для свободнаго проѣзда разныхъ лицъ изъ-за границы въ Митаву. Вскорѣ послѣ того и за собственной его корреспонденціей стали слѣдить болѣе чѣмъ строго... Затѣмъ, нашлись услужливые люди, которые обратили вниманіе императора на якобы развивающейся среди французской эмиграціи духъ якобинства и свободомыслія,—и вдругъ поднялись гонения, выражавшіяся въ формѣ очень крутыхъ опалъ и быстрыхъ препровожденій за границу. Такъ были высланы изъ Россіи братья Массоны и д'Отишанъ, занимавшіе видные посты въ армії и пользовавшіеся весьма значительнымъ вліяніемъ и связями въ обществѣ. А когда, послѣ неудачнаго исхода коалиціи противъ республики, политическіе взгляды императора вдругъ измѣнились, и онъ изъ роли врага современной Франціи сталъ переходить къ роли ея дѣятельнѣйшаго союзника, тогда ударилъ послѣдній часъ для пріютившихся въ Россіи эмигрантовъ. Въ мартѣ 1800 года, тѣмъ изъ нихъ, которые не состояли на дѣйствительной службѣ и не желали принять подданства, приказано было немедленно покинуть предѣлы Россіи. Въ январѣ 1801 года, уполномоченный Людовика XVIII, Г. де-Караманъ, получилъ приказаніе выѣхать изъ столицы «черезъ два часа», а нѣсколько дней спустя и митавскому гостю указана была дорога на Западъ.

Такимъ образомъ, въ Россіи къ началу нынѣшняго столѣтія осталась очень немногочисленная французская колонія, и во главѣ ея удержалось то новое поколѣніе учителей, которое было вызвано потребностью борьбы противъ революціонныхъ идей. Эти новые учителя были не кто иные, какъ лица, принадлежавшія къ французскому свѣтскому духовенству,—гладенькие аббаты, ловко втиравшіеся въ дома нашей знати и приступавшіе къ воспитанію детей не иначе, какъ съ молитвенникомъ въ рукахъ. Въ царствованіе Павла, разрѣшившаго отцамъ іезуитамъ и жить, и проповѣдывать и даже воспитывать наше юношество, фаланга этихъ аббатовъ стала еще смѣлѣе, еще рѣшительнѣе дѣйствовать, и мало-по-малу образовала обширную сѣть для «уловленія человѣковъ». Аббаты смѣнили свѣтскихъ воспитателей во всѣхъ аристократическихъ домахъ и окончательно установили въ нихъ тотъ иноземный, не русскій духъ, который и до сихъ поръ господствуетъ среди нашей космополитической знати. Одоевскіе, Самойловы, Голицыны, Мусины-Пушкины, Вяземскіе—всѣ покорялись общему теченію и модѣ, всѣ преклонялись передъ великими преимуществами іезуитской педагогіи и не щадили средствъ на отогрѣваніе той змѣи, которой именно въ эту эпоху негдѣ было головы приклонить. Въ Петербургѣ, наконецъ, къ великой радости родителей, учрежденъ «превосходный» пансионъ аббатомъ Николемъ, а потомъ и «образцовая» іезуитская коллегія, въ которой пришлось получить воспитаніе и Северину, и Вяземскому. Самъ Пушкинъ только совершиенно случайно не попалъ въ этотъ образцовый разсадникъ за годъ до своего поступленія въ лицей!

По счастію, гг. іезуиты недолго оставались въ Россіи въ томъ положеніи, котораго быстро успѣли достичнуть, и, отчасти подъ вліяніемъ особыхъ условій личной ихъ дѣятельности, отчасти подъ вліяніемъ историческихъ событий, но болѣе всего, благодаря русской не-послѣдовательности, любящей рѣзкіе переходы отъ крайностей къ крайностямъ,—совершенно неожиданно были изгнаны изъ Россіи (20-го декабря 1815 года) ¹⁾.

Концомъ царствованія императора Павла, собственно говоря, и заканчивается наиболѣе любопытная часть книги Л. Пэнгѣ,—любопытная въ особенности по сопоставленію разрозненныхъ фактовъ, вслѣдствіе которыхъ и получается довольно полная картина. Дальнѣйшая судьба «французовъ въ Россіи» болѣе извѣстна у насъ и нѣсколько разъ въ послѣдніе годы была предметомъ журналь-

¹⁾ Указъ приводили въ исполненіе довольно медленно, и іезуиты дѣлали все возможное, чтобы подольше оставаться въ Россіи. Изъ Риги они удалились въ 1820 году, изъ Астрахани въ 1824 году.

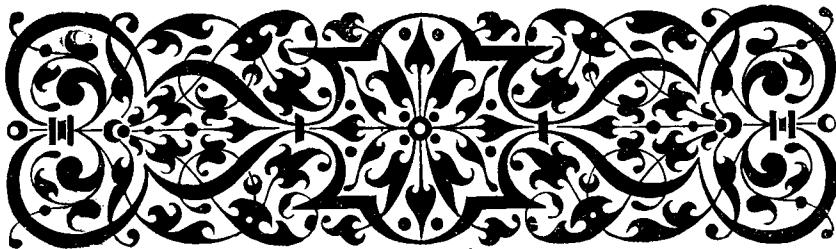
ныхъ статей, подробно излагавшихъ выдающіеся факты внутренней исторіи царствованія императоровъ Александра I и Николая I. Всѣмъ болѣе или менѣе извѣстны имена братьевъ де-Мэстровъ, дѣятельность герцога Ришелье на югѣ Россіи; еще болѣе, еще подробнѣе извѣстна теперь всѣмъ исторія борьбы Александра съ Наполеономъ и великой эпохи 1812 года. Вотъ почему и было бы излишнимъ повторять или даже вкратцѣ излагать здѣсь все то, что говоритъ авторъ книги «о Французахъ въ Россіи» по отношенію къ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Не мѣшаетъ только замѣтить, что въ сущности изложеніе борьбы Наполеона съ Александромъ составляетъ самую слабую часть книги Л. Пэнгѣ. Въ заключеніе же нашей статьи мы считаемъ вполнѣ умѣстнымъ добавить, что важнымъ промахомъ въ книгѣ Л. Пэнгѣ является то, что онъ почти не касается исторіи французскаго театра въ Россіи и слишкомъ мало придаетъ значенія литературнымъ связямъ и отношеніямъ между Франціею и Россіею, упоминая о нихъ только вскользь и болѣе чѣмъ поверхностно.

Въ концѣ своей книги, Л. Пэнгѣ совершенно справедливо приходитъ къ заключенію, что, не смотря на нѣкоторыя непріязненные отношенія, возникавшія въ разное время между Россіей и Франціей, не смотря на кровопролитныя войны, которыя имъ приходилось вести,—между русскими и французами никогда не существовало никакой вражды, и какъ въ прежнее время, такъ и теперь въ обѣихъ націяхъ живетъ сознаніе какой-то взаимности, какой-то близости, обусловливаемой кореннымъ сходствомъ нѣкоторыхъ сторонъ основнаго типа и общаго народнаго характера. Такое сознаніе, дѣйствительно, существуетъ совершенно инстинктивно и въ русскихъ, и во Французахъ, и особенно рѣзко выдѣляется въ личныхъ отношеніяхъ русскихъ къ остальнымъ европейскимъ національностямъ. Въ послѣднее время, тяжелое тяготѣніе германского милитаризма и слишкомъ безцеремонная отеческая опека желѣзного канцлера надъ всей Европой, а также и крайне-приниженное положеніе Франціи, разбитой, раздавленной и ограбленной нѣмцами,—все это еще болѣе усилило наши давнія національныя симпатіи къ Франціи и французамъ, и еще болѣе приблизило насъ къ возможности тѣснаго политического сближенія со страною, которая, при нынѣшнемъ, неблагопріятномъ для насъ расположении европейскихъ кабинетовъ, является, и должна являться нашою естественною союзницею. Но, и помимо всѣхъ политическихъ и дипломатическихъ соображеній, послѣднее десятилѣтіе, въ значительной степени умалившее самомнѣніе французовъ, привело ихъ къ сознанію необходимости ближе, тѣснѣе, сознательнѣе сблизиться съ Россіею, къ необходимости изучить ея духовную жизнь, ознакомиться съ ея литературою, исторіею, съ ея идеалами и задушевными стремленіями... И это изученіе привело французовъ къ удивительному

вительнымъ результатамъ: въ послѣднія десять лѣтъ они открыли новую Россію, о которой они не имѣли никакого понятія, и, безпристрастно признавъ высокія нравственные качества русскаго человѣка, еще болѣе убѣдились въ "необходимости сближенія между двумя «великими народами». Будущее,—и, вѣроятно, недалекое,—покажетъ намъ, въ какой степени тѣснѣ и устойчивъ можетъ быть союзъ, создаваемый не на основаніи однихъ только кабинетныхъ разсчетовъ дипломатіи, а на болѣе прочной основѣ взаимной симпатіи народовъ...

П. П.

АГОНІЯ ПОЛЬШИ¹⁾.

РАМАТИЧЕСКІЯ событія, закончившія сто съ небольшимъ лѣтъ назадъ существованіе независимой Польши, не разъ были предметомъ изслѣдований въ польской литературѣ, но и по настоящее время событія эти по польскимъ источникамъ далеко еще вполнѣ не исчерпаны. Болѣзненность самого сюжета для національного самолюбія и, такъ сказать, современность трактуемаго предмета даже

для нашего времени не могли не мѣшать польскимъ историкамъ относиться къ предмету спокойно и безпристрастно. Господствовалъ такой взглядъ, что Польша пала исключительно жертвою ненасытнаго властолюбія и алчности сосѣдей, которые къ тому же раздѣлили ее не столько путемъ завоеванія, силою оружія, сколько предательствомъ, измѣной: не будь этого, конституція 3-го мая 1791 года и предшествовавшій ей 4-лѣтній сеймъ положили бы прочное начало возрожденію страны.

Нельзя сказать, чтобы подобныя мнѣнія, при всей ихъ патріотической односторонности, были совершенно лишены истины, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ дѣйствительно несчастному географическому положенію бывшей Польши. Съ другой стороны, по мѣрѣ того, какъ событія отходятъ въ даль, и колоритъ современности, отпадая отъ нихъ, не затемняеть болѣе умовъ, и въ средѣ польскихъ историковъ становятся сильнѣе трезвые взгляды на исторію паденія отечества, является сознаніе, что не послѣд-

¹⁾ Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. Н. И. Костомарова. Издание 3-е, исправленное и дополненное. Спб. 1886.

(Коллонтаевская кузница). Kuźnica Kołłątajowska. Studium Historyczne Napisal Wladyslaw Smolenski. Krakow. 1885.

нюю, если не главную причину этого паденія составляль тотъ внутренній «разладъ», которымъ, по извѣстной нелѣпой поговоркѣ, Польша будто бы держалась. Изъ болѣе здоровыхъ взглядовъ можно указать, напримѣръ, мнѣнія профессора Бобжинскаго въ его «Очеркѣ исторіи Польши», на ксендза Калинку, который, «хотя іезуитъ, но въ своемъ сочиненіи «Четырехлѣтній сеймъ» отличается рѣдкимъ безпристрастіемъ и добросовѣтностью, не показываетъ ни тѣни нетерпимости къ православнымъ и диссидентамъ, и съ совершенною откровенностью и вѣрностью взгляда оцѣниваетъ всѣ недостатки и промахи своихъ соотечественниковъ».

Приведенная характеристика книги ксендза Калинки взята нами изъ поименованной въ выносѣ монографіи Костомарова. Такой отзывъ служить лучшимъ доказательствомъ безпристрастія нашего историка къ избранному предмету и къ людямъ, трактующимъ его съ польской стороны,— мы прибавили бы даже,— къ событиямъ и историческимъ лицамъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло въ этомъ трудѣ. Тѣмъ болѣе странно, что именно со стороны безпристрастія книга Костомарова недостаточно оцѣнена въ польской литературѣ. Послѣ кончины историка, во время некрологовъ и перечисленія его трудовъ, съ польской стороны слышались такие голоса, что «Послѣдніе годы Рѣчи-Посполитой» представляютъ собою не столько исторію, сколько политической памфлетъ. Понятно, что послѣ того, какъ этотъ почтенный трудъ Костомарова былъ напечатанъ въ распространенному русскомъ журналѣ, потомъ выдержанъ три отдѣльныхъ изданія, значительно дополненный авторомъ, со включеніемъ открывавшихся тѣмъ временемъ новыхъ источниковъ (какъ книга Калинки и др.), то здѣсь нѣть никакой нужды его защищать. Время и дальнѣйшая разработка источниковъ могутъ внести въ дѣло еще какой нибудь новый свѣтъ, но основной взглядъ Костомарова едва ли потерпитъ измѣненіе. О живости, драматичности разсказа нѣть надобности повторять тѣмъ, кто знакомъ съ другими трудами нашего историка, тѣмъ болѣе, что здѣсь самая тема открывала полный просторъ этой сторонѣ его таланта. Укажемъ, напримѣръ, на блестящую характеристику варшавскаго общества, его веселья и разгула передъ самымъ паденіемъ отечества, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ первого раздѣла, во время 4-лѣтняго сейма, или на поразительныя, даже потрясающія страницы, посвященные послѣднему гродненскому сейму и его знаменитому нѣмому засѣданію. Не смотря на все бичеваніе этой жалкой пародіи на представительство, даже люди польской стороны замѣтить, конечно, прорывающееся у автора сочувствие несчастному, погибавшему по винѣ своихъ гражданъ государству. Но, рисуя послѣдніе моменты государственной агоніи Польши, авторъ не позволяетъ подкупить себя этому состраданію, не утрачиваетъ спокойствія и безпристрастія даже при видѣ героическихъ, но напрас-

ныхъ попытокъ возрожденія, какія записаны въ его книгѣ рядомъ съ примѣрами малодушія и предательства.

Конституція 3-го мая 1791 года, находившая откликъ въ сердцахъ молодаго поколѣнія даже въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія (напримѣръ, при тогдашнемъ движениі молодежи въ Вильнѣ), потому болѣше и сохранила особое обаяніе для потомства, что событія не допустили ей вполнѣ осуществиться. Эта конституція, выставляемая обыкновенно, какъ средство спаси Польшу отъ окончательной гибели, не находитъ въ Костомаровѣ большаго сочувствія; не находитъ безусловнаго порицанія и не менѣе знаменитая (только въ противоположномъ смыслѣ) тарговицкая конфедерация, название которой обратилось у многихъ польскихъ авторовъ какъ бы въ нарицательную кличку позора. Авторъ вовсе не защищаетъ и не выгораживаетъ отдѣльныхъ измѣнниковъ, какіе могли находиться въ числѣ героевъ Тарговицы, но, смотря на дѣло со стороны, хладнокровно, именно не какъ памфлетистъ, онъ не скрываетъ, что эта конфедерация, по своимъ принципамъ, не представляла собою чего либо выдающагося, небывалаго. Примѣры исканія реальной помощи отъ чужихъ державъ встрѣчались и раньше въ сеймовыхъ лѣтописяхъ; притомъ тарговичане, безъ сомнѣнія, не предвидѣли окончательнаго исхода, наступленіе котораго ускоряла ихъ конфедерациѣ, почему и нельзѧ ихъ было тогда назвать сознательными врагами отечества, какими они представляются теперь изъ исторической дали. Они были только не выше большинства своихъ современниковъ, такихъ же своеvolutionныхъ и неразборчивыхъ на средства магнатовъ, какими были сами Щенсный Потоцкій или Северинъ Ржевускій, вожди Тарговицы. Костомаровъ напоминаетъ, что главное условіе спасенія страны заключалось въ людяхъ, которые стояли бы на высотѣ положенія, а такихъ людей не было ни среди тарговичанъ, ни среди защитниковъ конституції 3-го мая. Послѣдняя несомнѣнно, хотя робко и нерѣшительно, пыталась ввести лучшія начала въ государственный строй, даже устанавливала наслѣдственную монархію,—оставляя, впрочемъ, положеніе крестьянъ незатронутымъ,—но даже и эти умѣренныя начала были чужды массѣ тогдашихъ польскихъ «вершителей судебъ», чужды тому *état légal* (если можно такъ назвать своюевольную олигархію), которое распоряжалось страной во имя народа. Эти паны свыкались съ мыслью о «республикѣ» съ безгласнымъ королемъ, котораго конституція у нихъ отнимала, снабжая наслѣдственнымъ монархомъ, крайне подозрительнымъ для этихъ малыхъ «корольковъ» и содержимой ими буйной, праздной, холопствовавшей передъ своими благодѣтелями шляхты. Казалось бы, въ данное время, по крайней мѣрѣ, не было ни малѣйшихъ основаній къ такому подозрѣнію: короля Станислава-Августа можно было упрекать во многомъ (и больше всего въ неспособности), но ужъ никакъ не въ despoticескихъ поползновеніяхъ. Впрочемъ, кстати

сказать, и на этого несчастного государя начинаетъ теперь складываться у историковъ (к.с. Калинка) болѣе благопріятный взглядъ.

Дѣло въ томъ, что при тогдашихъ обстоятельствахъ едва ли какой либо другой, даже съ выдающимися дарованиями, монархъ могъ быть опасенъ для «вольности», которой больше всего угрожали сами ея поклонники, а вслѣдъ за ними иностранныя войска. Смѣщеніе понятій, господствовавшее въ ту пору, исключаетъ возможность даже предполагать какой нибудь строго опредѣленный политический взглядъ на той или другой изъ враждовавшихъ сторонъ. Для однихъ конституція 3-го мая была подозрительна, какъ чрезмѣрно монархическая, для другихъ якобинскою, подъ вліяніемъ напуганного французской революціей воображенія. Ни того ни другаго у людей 3-го мая не было, не было даже и совершенной свободы отъ упрека въ сношеніяхъ съ иностранною властью. Если Тарговица призывала русскія войска, то поборники конституції вели переговоры съ Пруссіей, поведеніе которой, между тѣмъ, во весь этотъ періодъ отличалось крайнею двуличностью относительно поляковъ: натравливая ихъ на вражду съ Россіей, она тѣмъ самымъ лишала Польшу послѣдней жизненной опоры, если только жизненность тогда была вообще возможна для этого измѣженного государственного организма. Костомаровъ, описывая еще события первого раздѣла, говорить, что какъ ни ужасна была для патріотического самолюбія поляковъ вицѣальная гарантія Россіи, но только она и представляла еще ручательство за обузданіе самоуправства и беспорядка, за успокоееніе «внутреннихъ стихій разрушенія». Даже въ сочиненіи ксендза Калинки русскій историкъ замѣтилъ отраженіе взгляда, что это было единственнымъ средствомъ поднять Польшу изъ упадка. Въ эпоху же начала 90-хъ годовъ упадокъ этотъ такъ сильно уже по-двинулся впередъ, что, по мнѣнію Костомарова, окончательное паденіе несчастной страны составляло лишь вопросъ времени: съ конституціей 3-го мая Польша протянулась бы нѣсколько далѣе, прозябала бы еще нѣкоторое время, а Тарговица покончила свое отечество сравнительно скорѣе. Едва ли, впрочемъ, можно было серьѣзно надѣяться на возрожденіе страны, посредствомъ русской гарантіи, даже во время первого раздѣла. Самый фактъ раздѣла, произведенаго безъ войны, не вслѣдствіе завоеванія, а просто по праву сильнаго, и отчасти съ цѣлью охранить отъ беспорядковъ со-сѣдня съ Польшею области, противорѣчилъ возможности такого возрожденія. Необходимая для спасенія страны гарантія могла бы заключаться развѣ только въ личной унії съ Россіей, но, не говоря уже объ унизительности для самолюбія поляковъ какой бы ни было формы иностранной гарантіи, какая же сосѣдняя страна согласилась бы, при тогдашихъ обстоятельствахъ, вступать съ Польшей въ личную унію и тѣмъ навлекать на себя ничѣмъ не вознаграждаемыя хлопоты, тогда какъ при простой зависимости, къ которой послѣ

порваго раздѣла Польша шла вѣрнымъ шагомъ относительно Россіи, событія логически привели къ переходу польскихъ земель подъ власть послѣдней, съ уступкою лишь части ихъ сосѣдямъ.

Вопросъ о вліяніисосѣднихъ державъ на упадокъ Польши никакъ нельзя устранить изъ обсужденія. Хотя въ самой Польшѣ были зачатки разложенія,—Костомаровъ ихъ видѣтъ особенно въ противоестественномъ соединеніи рабства съ республиканской формой правленія,—но если бы географическое положеніе Польши было счастливѣе, если-бъ она могла быть вполнѣ представлена самой себѣ, то въ концѣ концовъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительного броженія, она могла еще принять какое нибудь прочное устройство. Органические пороки ея тогдашняго устройства и нравовъ уже сознавались лучшими людьми своего времени, и рано или поздно это сознаніе могло распространиться, если бы не запутанныя отношенія къ иностраннымъ дворамъ, особенно прусскому, всегдашнему поджигателю польскихъ раздоровъ.

Наименование русскимъ посланникомъ польской избы пословъ «домъ сумасшедшихъ» напоминаетъ намъ аналогичное определеніе, данное въ наше время Испаніи португальскими газетами: во время ожесточенныхъ внутреннихъ смутъ, отъ 1868 до 1875 года, когда Испанія поочередно испытала господство различныхъ партій и, не удовлетворяясь ни одною изъ нихъ, раздиралась междуособіями, органы печати въ единственной, безсильной ея сосѣдкѣ Португаліи выражали прискорбіе, что окна ихъ дома выходятъ въ «домъ сумасшедшихъ»... Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не была Испанія за все послѣднее 50-лѣтіе обуреваема междуособіями и революціями, развѣ не колебались въ ней даже основы государственного строя, когда страна оспаривалась различными претендентами, переходила отъ чужеземной династіи къ республикѣ разныхъ сортовъ и т. п. Это умалило до послѣдней степени значеніе Испаніи въ ряду европейскихъ державъ, какъ была уменьшена и Польша со временемъ Августа II; однако-жъ Испанія не внушила никому желанія раздѣлить или оттягать часть ея территории. (Мы не говоримъ о прошлогоднемъ покушеніи на захватъ Каролинскихъ острововъ, вызвавшемъ взрывъ негодованія въ лучшей части европейской печати). И между тѣмъ этотъ новый «домъ сумасшедшихъ», повидимому, оправился и даже поражаетъ современниковъ своимъ спокойствиемъ, а Польша умерла политически, и возрожденіе ея мало вѣроятно, безъ какихъ либо непредвидѣнныхъ потрясеній въ организмѣ Европы. На ея примѣрѣ съ особенною яркостю выказалась важность географического положенія для политической независимости страны.

При такомъ положеніи, хронический внутренній разладъ долженъ быть имѣть рѣшающее значеніе. Взятая же въ отдельности, общепризнанныя причины паденія Польши авторъ отвер-

гаетъ; онъ не считаетъ виною ни избирательную систему правлениі, существовавшую и въ Германіи, ни своеволіе магнатовъ съ приниженностю сельского класса населенія, что было тогда въ большей или меньшей степени повсемѣстно въ Европѣ, ни даже религіозныя преслѣдованія, вызывавшія въ Европѣ еще больше раздоровъ, чѣмъ въ Польшѣ. Онъ не противникъ даже и *liberum veto*, которое хотя препятствовало успѣху всякой доброй мѣры, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдерживало и несчастныя рѣшенія; на такъ называемыхъ конфедерованныхъ сеймахъ, дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ, но это не помѣщало самимъ конфедерациямъ быть одной изъ величайшихъ язвъ независимой Польши. «Корень паденія Польши,—говорить авторъ,—въ той деморализаціи шляхетскаго сословія, умственной и нравственной, которая лишала силы хорошия учрежденія и увеличивала власть дурныхъ, въ тѣхъ качествахъ народа, которыя такъ легко увлекли его къ деморализаціи и вообще дѣлали поляковъ неспособными къ самостоятельной государственной жизни», въ чудовищномъ соединеніи рабства съ республикой. Является вопросъ: какъ же Польша могла существовать около тысячи лѣтъ и даже угрожать одно время сосѣдямъ? Это объясняется слабостью сосѣдей, которые не могли пока воспользоваться ея нестроеніемъ, и подтверждается нашъ взглядъ о роковомъ значеніи именно ея географическаго положенія, благодаря которому, при усиленіи сосѣдей, она должна была задохнуться.

Расколъ между верхней и нижней половинами общества, обычный долгое время и другимъ странамъ, встрѣчающійся на практикѣ даже въ наши дни, въ Польшѣ былъ упорнѣе, чѣмъ гдѣнибудь и, между прочимъ, немало способствовалъ неудачному исходу героической попытки возстанія, поднятаго Костюшкой. Вообще, не смотря на устное прославленіе соотечественниками этого поляка съ американскими понятіями, на дѣлѣ они ему мало сочувствовали, на сколько дѣло шло за предѣлы простыхъ военныхъ успѣховъ. Универсалъ Костюшки отъ 7 мая 1794 года объ освобожденіи крестьянъ изъ-подъ рабства панамъ не только остался мертвой буквой, но даже принесъ дѣлу возстанія больше вреда, чѣмъ пользы. «Чѣмъ энергичнѣе Костюшко хотѣлъ подвинуть впередъ возстаніе, тѣмъ больше оно теряло приверженцевъ: предписанія главнокомандующаго не исполнялись, пожертвованія шли очень тugo, сборъ налоговъ встрѣчалъ противодѣйствіе, крестьяне не сознавали цѣлей возстанія и новыхъ началь, вносимыхъ въ жизнь Костюшкой, видѣли только безпрерывныя тягости и разореніе; шляхта желала возстановленія старо-шляхетской Польши, съ сохраненіемъ всѣхъ своихъ привилегій, а не такой, какую давалъ уразумѣть «генералиссимусъ», проникнутый американскими идеями или даже, какъ опасались его земляки, зловреднымъ духомъ якобинства... Приба-

вимъ, что Костюшко, честный и прямодушный самъ по себѣ, былъ вовсе не политикъ и не всегда ясно видѣлъ, что дѣжалось вокругъ него. Мимолетный успѣхъ его подъ Рацлавицами, — успѣхъ, которымъ онъ обязанъ исключительно хлопамъ, тогда какъ шляхта обратилась въ бѣгство, могъ уже показать всю непрочность положенія. Удивительно ли, что послѣ гласнаго заявленія Костюшки о намѣреніи освободить крестьянъ, при отсутствіи дальнѣйшихъ громкихъ успѣховъ польского оружія, извѣстной части шляхты стала представляться вопросъ: изъ-за чего воевать, если русская государыня оставитъ за шляхтою драгоцѣнное право власти надъ хлопомъ? Эта догадка оказалась практическию. Записанная Костомаровымъ на Волыни народная пѣсня отражаетъ въ себѣ горькое сознаніе народа, что и по присоединеніи къ Россіи судьба хлопа не улучшилась, что онъ остался еще долго подъ властью тѣхъ же пановъ и что Россія и Польша — для него лишь двѣ тучи: «одна черная, другая сизая...». Вотъ приговоръ настоящей, «правдивой исторіи» надъ политическими тревогами и радостями, которыми полонъ послѣдній, драматический періодъ бытія старой Польши. Теоретическое различіе въ положеніи русскихъ и польскихъ крестьянъ, впрочемъ, было: русскій крѣпостной, въ глазахъ закона, никогда не считался скотомъ, хотя, къ сожалѣнію, на дѣлѣ былъ безсловеснымъ...

Не лишнее упомянуть также о той сторонѣ достопамятнаго для поляковъ періода, которую занимается выписанная нами въ заголовокъ брошюра «Коллонтаевская кузница», и которой посвящено нѣсколько мѣсть также въ трудѣ Костомарова. Это — господство такъ называемаго «якобинскаго» направлениія въ Варшавѣ, незадолго до взятія ея Суворовымъ и нѣсколько ранѣе, начиная съ 4-лѣтняго сейма. Главою этого направлениія, выразившагося, между прочимъ, въ обильной литературѣ памфлетовъ, былъ ксендзъ Гуго Коллонтай; онъ сгруппировалъ вокругъ себя радикальный кружокъ, получившій характерное прозваніе «кузницы», «вулканъ» которой былъ нѣкто Езерскій. «Кузница» хотя и проповѣдовала революціонный походъ противъ русскихъ, хотя толковала о правахъ человѣка, обѣ уравненіи сословій, даже «обѣ изгнаніі самаго названія «сословіе» изъ народнаго словаря», однако-жъ, въ ея писаніяхъ было немало пустой декламації; глава кузницы, Коллонтай, умѣлъ заручиться помощью людей богатыхъ, у которыхъ заискивалъ, а самъ, въ свою очередь, привлекалъ на свою сторону какъ нѣкоторыхъ легковѣсныхъ ораторовъ на сеймѣ, такъ и различный праздный людъ, который за дешевенькія награды, угощенія или обѣщанія содѣйствовалъ памфлетами, брошюрами и пасквилями кузницы, формировкѣ такъ называемаго общественнаго мнѣнія. Коллонтай не былъ ни посломъ, ни сенаторомъ, извѣстность онъ получилъ сначала на педагогическомъ поприщѣ, какъ преобразо-

ватель Krakowskoy akademii, a potomъ, okolo vremeni otkrytia 4-ljtnego seyma, stаль добиваться вління на pol'skoe obshchestvo, chet' произвести давленіе на ljudей, stояvshihъ u vlasti i im'vshihъ silu vъ seymѣ. Naibol'je yarkimъ ego proizvedeniemъ byli anonimnye «Pis'ma kъ marshalu seyma 1788 goda», kotoraya i d'yestvitel'no ne ostali'se bezъ vlinija na d'yestvijia etogo, vprochemъ, malousp'sh'nego seyma.

Dlya xarakteristiki etogo krasnopr'echivago «radikala» togo vremeni dostatoчno ukazat' na otnoshenie Kolontay kъ kreст'yanamъ: onъ vyskazyvается za predostavlenie kreст'yanamъ lichnoi svobodi, peresypay svoju r'ch' vъ izobilii ritorikoy, no dal'she ne idet' ni na shagъ. «Otudadimъ xlopu svobodu ego lichnosti i egorukъ, i etotъ trudolubivyy narodъ, kotoryy nasъ kormitъ, obrabotyvayet' naši polya, udvoit' ohotu kъ trudu i, priv'язavshis'se k'zemli, obogatit' naše obshchestvo... poljubit' otechestvo... togora kakъ teperь onъ edva raznit'se ot' skota». Kolontay nazывают' odnimъ izъ vinovnikovъ konstitutuциi 3-go maja 1791 goda; sъ nemenyshimъ pravdopodobiemъ ego можно nазвать i odnimъ izъ podstrekatel'j Cherni na tъ neistovstva, kakimi oznamenovalas'se Varshava predъ okonchitelnymъ занятиемъ eя russkimi vojskami. Onъ ustroival' «verkhovnyi sov'e'tъ» vъ Varshav', vo vremya Kostyukki, upotrebljavshiy vs' usilija kъ podderzhaniyu revolюci, i ny'kotoroe vremya daže byly dushoю etogo sov'e'ta. No potomъ, kogda, posle porazheniya i pl'ena Kostyukki, d'la priinyali sovs'mъ kriticheskij oborotъ, Kolontay peressoril'se sъ ostal'nyimi chlenami sov'e'ta, nastaivay na tomъ, chet' ne vступat' ni vъ kakuyu sd'lku sъ moskalyami. Konchilos' t'ymъ, chet' onъ b'jzhal' izъ Varshavy, zahvativsh sъ soboj, kakъ govorili, do 10,000 chernonczev'. Kъ sожal'biyu, polnoi biografii etogo, vsetaki, zam'chatel'nogo chelovek'a ne im'ye'tsya vъ upomianutoj broshyur'e, ona zani'maetsya tolyko ego «kuznicye», vъ sostav' kotoroy vходili daže prostye ulichnye agitatory, vъ rod'e Konopki ili Meyera, pro-pavshago bezъ v'esti posle kapitulyacii Varshavy.

Povidimomu, kuznica byla silyne'e vъ otriцательномъ, kriticheskomy otnoshenii, ch'emy vъ polozhitel'nomъ. Особено vyrazitel'ny byly vъ etomъ otnoshenii «vulkany» kuznicy, kanonikъ Ezer'skij. «Ljubimoy temoy ego byla kritika sushchestvuyushchego po-rядka, sъ osobennymъ udareniemъ na исключitel'nost' положенja shlyakhty i na svoevolie magnatovъ v'mest' sъ oboronou правъ niz-shihъ». Samymъ yadovitymъ obrazomъ onъ bichuet' obshchee положение внутренnihъ d'el' vъ svoemъ yuromisticheskymъ «Kateхизисъ». «Pol'sha—eto vъ одно i to же vremya korolevstvo, bezkorolevye i respublika,—govoritsya tamъ. Vъ respublik'e, созданной привилегиями i neladomъ, господствуютъ korol'j, senatъ i ryцarstvo—tri zvanija, i vъ to же vremya одинъ shlyakhthic', ibo i korol'j, i se-

наторъ, и посолъ не составляютъ чго либо иного, какъ только шляхту. Это тайна, непонятная разуму, что Рѣчь Посполитая, имѣя для своего управлѣнія только одно шляхетское званіе, чудеснымъ образомъ сотворила изъ него три званія...

«Въ народѣ польскомъ,—пишеть Езерскій,—кто не шляхтичъ, тотъ не можетъ считаться даже человѣкомъ. Хлопъ-земледѣлецъ въ Польшѣ, конечно, не человѣкъ. Онъ имѣть только видимость души и тѣла, но самъ онъ—не человѣкъ, а собственность шляхтича, который, будучи неограниченнымъ господиномъ, можетъ его продавать, покупать, обращать въ свою пользу, какъ рабочій скотъ продается съ фольварками и инвентарными описями. Мѣщанинъ—также не совершенный человѣкъ; онъ—посредствующее существо между человѣкомъ-шляхтичемъ и не человѣкомъ-хлопомъ. Выражаясь богословскимъ языкомъ, это—*substantia incompleta*...

«Случается, правда, что къ этому несовершенному существу идеть на поклонъ самъ шляхтичъ, когда нужны деньги; но, всетаки, мѣщанинъ «подобенъ хлопу» и потому не можетъ чувствовать такого сильнаго призванія къ религії, которое привело бы его на степень епископа, не можетъ обладать доблестью, ибо не вправѣ быть офицеромъ,—не можетъ ни имѣть участія въ совѣтахъ своей отчизны, ни даже быть сельскимъ хозяиномъ — ему запрещено владѣть землею.

«Король, выбранный свободной залѣкціей, подъ охраной вольности шляхетской и по милости какого либо сосѣдняго государства, во время своей залѣкціи значить все, а по принятіи панства—очень немногое. За то шляхтичъ въ Польшѣ—самодержавный монархъ на тронѣ. Онъ имѣть надъ собой законъ, который самъ же издаетъ и котораго не слушаетъ. Онъ владѣть всякими имѣніями,—и королевствами, и вымороочными, и конфискованными,—устанавливать подати, которыхъ уплачиваются хлопъ, мѣщанинъ, жидъ и ксендзъ. Особымъ же отличиемъ шляхты служать свобода и равенство... Равенство это проявляется на сеймикахъ... столь же долго, какъ комедіантъ на сценѣ бываетъ Ахилломъ, Цезаремъ, Энеемъ, или какимъ нибудь героемъ... Когда наступаютъ сеймики, богатые обычаватели велятъ выворотить на изнанку свои мундиры, нарядить въ нихъ босоногую шляхту, каждый привезетъ свою партію на сеймикъ, поить ее, называетъ панами-братьями и... въ томъ выражается равенство!... Шляхтичъ, котораго батогомъ выгоняютъ выполнять поземельную повинность, становится на одинъ разъ равнымъ своему пану»...

Разсказавъ о правосудії и судьяхъ, «пожизненныхъ и времененныхъ, наемныхъ и покупныхъ», сатирикъ увѣряетъ, что въ Польшѣ, наряду съ правосудіемъ, процветаетъ и торговля, особенно политическая..... свойственная только польскому народу. Торговля раздѣляется на внутреннюю и заграничную: къ первой относится най-

митство на сеймики, продажа правосудія, должностей и званій; ко второму — предложеніе услугъ со ѿднимъ кабинетамъ. Послѣдняго рода торговлю производятъ сенаторы и министры, мелкая же шляхта играетъ въ ней роль мелочныхъ торговцевъ и скромныхъ барышниковъ.

«Польская военная сила до сихъ поръ была двоякая — польского и чужеземного набора. Первый такъ былъ многочисленъ, что каждый сенаторъ, министръ и коронный чиновникъ имѣлъ хоругвь гусарскую или панцерную, имѣлъ право ношенія темляка на саблѣ. Надъ арміей Рѣчи Посполитой предводительствуетъ гетманъ, великий вождь очень малаго войска, котораго булава, переставъ бытъ страшною непріятелю, сдѣлалась, вслѣдствіе насилия, обременительною только обывателямъ. Важное значеніе гетманской власти выражалось въ созываніи сеймовъ, въ распространеніи подозрѣній о короляхъ, въ собираніи своихъ пословъ силою на сеймики...»

«Польскій край рѣдко терпить отъ несчастныхъ естественныхъ случайностей; въ немъ не бываетъ землетрясеній, рѣдки заразительныя болѣзни, голодъ неизвѣстенъ, война невозможна... невозможна, потому что хотя бы и отняли у поляковъ прусскія области, часть малой Польши и Литвы, но все это можетъ совершиться безъ войны, безъ пролитія крови, не трогая ружейнаго курка. Республику постигаютъ и несчастья, но свой, особенный, отличный отъ другихъ народовъ, какъ-то: безкоролевье, конфедерациі, элекціі, амністіі. Все это замѣняетъ собою землетрясенія, эпидеміи, ужасы войны».

Такимъ образомъ, сознаніе гибельнаго значенія шляхты мы находимъ очень ярко выраженнымъ у польскихъ либераловъ XVIII столѣтія. Вліяніе современныхъ французскихъ ідей сказывалось еще въ усиленномъ отстаиваніи правъ «третьаго сословія». Езерскій перевелъ извѣстную брошюру аббата Сійэса, снѣбдивъ ее дополненіями, которыя, впрочемъ, «не увеличили значенія этого памфлета»... Въ защиту мѣщанства и противъ шляхты онъ ратовалъ также и въ самостоятельныхъ, частію аллегорической формы брошюрахъ, доказывая, какъ несправедливо убѣжденіе, будто бы «у шляхтича кровь красная, а у мѣщанина зеленая», и т. п.

Не смотря на свои демократическія начала, политическая программа Езерскаго съ Коллонтаемъ удерживала сословную организацію, сохраняла даже преимущество шляхетства, только съ болѣе свободнымъ къ нему доступомъ и съ уравненiemъ его въ политическихъ правахъ съ мѣщанствомъ. Въ вопросахъ соціальныхъ люди «кузницы» вовсе не были радикалами: собственность для нихъ священна; по части религіи это — бывшіе ксендзы-действы... И только въ политикѣ они революціонеры, невольно сохраняя вѣрность польскимъ традиціямъ. Вліяніе Коллонтая и другихъ членовъ кузницы на клубы (именно радзивилловскій), которые начали формироваться

въ Варшавѣ въ подражаніе Парижу, было довольно сильное. Въ уличныхъ волненіяхъ тоже отличались, какъ сказано, люди «кузницы»: Мирославскій, Конопка, Дембовскій и ксендзъ Мейеръ. Послѣдній въ уличныхъ подвигахъ былъ товарищемъ извѣстнаго сапожника Килинскаго, одного изъ виновниковъ возстанія въ 1794 году. Килинскій оставилъ записки о своихъ подвигахъ, въ которыхъ, однако-жъ, по словамъ Костомарова, «много хвастаетъ», явно «прилыгаетъ». Былъ моментъ,—въ маѣ 1794 года,—когда «кузница» достигла наибольшаго значенія, почти захватила въ свои руки власть, по словамъ брошюры, «распоряжалась материальными и моральными средствами края» и ничего не умѣла достигнуть на пользу народа. Коллонтай за правилъ финансами, Дмоховскій издавалъ ежедневную «правительственную газету», где, между прочимъ, публиковались имена получавшихъ пенсіи отъ русского двора и за-дѣвался самъ король, который печатно же опровергалъ заявленія этой «офиціальной» газеты. Толпа съ участіемъ членовъ «кузницы» казнила измѣнниковъ, въ родѣ князя Антонія Четвертинскаго, одного изъ тарговичанъ, и т. п.; о Коллонтаѣ говорили, что онъ вводитъ практику французского конвента. «Гугонисты» (такъ стали называть послѣдователей Коллонтая) замышляли уже, овладѣвъ правлениемъ, войскомъ и общественнымъ мнѣніемъ, «спровадить» короля съ его родней, приготовлялись списки людей подозрительныхъ. Упрековъ и угрозъ не миновалъ даже Костюшко. Терроризмъ хотѣли возбудить дремлющія въ народѣ силы и энергию. Съ занятіемъ столицы русскими войсками организація этой пародіи на французскій конвентъ прекратилась, «кузница» разбѣжалась, вслѣдъ за своимъ вождемъ, который, по крайней мѣрѣ, съумѣлъ запастись деньгами... Частный характеръ Коллонтая обрисованъ въ непривлекательномъ свѣтѣ и въ книгѣ кс. Калинки, который проводитъ параллель между нимъ и извѣстнымъ публицистомъ того времени Сташицемъ. Этотъ послѣдній обеспечилъ себѣ въ исторіи почтенное имя своимъ краснорѣчивымъ заступничествомъ за крестьянъ и яркой картиной ихъ тогдашняго положенія. Но онъ не былъ членомъ «кузницы» и въ упомянутой брошюрѣ ставится ниже какъ Коллонтая, такъ и Езерскаго.

Эпизодъ, разсказанный въ брошюрѣ, составляетъ не лишенное назидательности дополненіе къ общей исторіи «Послѣднихъ лѣтъ Рѣчи Посполитой». Какъ вся страна погибла отъ своеволія шляхты, отъ безнравственности и продажности своихъ пословъ и сенаторовъ, при другихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, такъ послѣдній фазисъ собственно народнаго возстанія не выказалъ ни большей солидарности между защитниками отечества, ни того порыва истиннаго патріотизма, который дѣлаетъ почтенною въ исторіи личность Костюшки. Вместо того, мы видимъ личные разсчеты, раздоры, пародированіе французской революціи людьми, которые не годи-

лись ни въ какое сравненіе съ ея двигателями, неурядицу и, наконецъ, бѣгство вождя «кузницы», захватившаго кстати и казну... Чѣмъ же лучше были эти защитники отечества противъ той шляхты, надъ которой такъ зло и заслуженно смылся самый даровитый изъ нихъ, рано умершій Езерскій?

Исторія потому и называется гегемон magistra, что развѣнчиваетъ ложное величіе и воздаетъ каждому по заслугамъ...

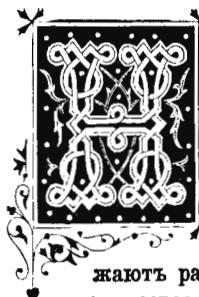
Н. С. Кутейниковъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Ізъ исторії возникновенія раскола при патріархѣ Никонѣ. Графа А. Гейдена. Спб. 1886.

АША УЧЕНАЯ литература по расколу очень велика, существует масса книгъ и статей, трактующихъ о расколѣ и съ исторической, и съ догматической стороны, но изъ всей этой массы врядъ ли наберется десятка два сочиненій, могущихъ удовлетворить требованіямъ научной критики. Главный недостатокъ этихъ сочиненій— отсутствіе безпристрастія: одни авторы (особенно изъ духовныхъ) имѣютъ въ виду цѣль полемическую и уничтожаютъ раскольниковъ, другіе весьма сантиментально стремятся ихъ превознести. Очень много сочиненій вышло изъ-подъ пера разныхъ спекулянтовъ, въ родѣ Ливанова, Андреева и др.— эти совсѣмъ никуда не годятся. Особенно печально состояніе исторіи раскола, даже самыя первыя его времена выяснены крайне недостаточно; прекрасно изданными г. Субботинскимъ материалами до сихъ поръ пользовались очень немногіе. Въ виду всего этого пріятно видѣть появленіе такого труда, какъ изслѣдованіе гр. Гейдена, стремящагося поставить дѣло на вполнѣ объективную научную почву. Гр. Гейденъ ставитъ себѣ задачей изслѣдовать вопросъ о вліяніи греческой церкви на возвникновеніе раскола. Онъ называетъ этотъ вопросъ «весьма мало изслѣдованнымъ», — такое положеніе далеко не точно; вопросъ о вліяніи грековъ на исправленіе нашихъ богослужебныхъ книгъ, а слѣдовательно и на возвникновеніе раскола, разбирается весьма обстоятельно въ книгѣ г. Каптерева: «Сношенія Россіи съ православнымъ востокомъ». Гр. Гейденъ, по всей вѣроятности, не знаетъ этой книги, по крайней мѣрѣ, мы никогда у него не встрѣтили на нее ссылокъ, а она могла бы быть для него весьма важнымъ пособіемъ. Но, не смотря на это, книжка гр. Гейдена имѣеть значеніе, по-

тому что весьма подробно излагаеть борьбу главнаго вождя церковной оппозиціи, протопопа Неронова, съ патріархомъ Никономъ,— она, такъ сказать, на частномъ примѣрѣ подтверждаетъ общія положенія, высказанныя г. Каптеревымъ, и, кромѣ того, въ ней болѣе разсматривается вопросъ о противодѣйствіи съ русской стороны, тогда какъ г. Каптеревъ обращаеть менѣе вниманія на оппозицію, чѣмъ на саму роль греческихъ іерарховъ. Главною причиною протеста было «чувство задѣтаго національного самолюбія, оскорблennаго распоряженіями Никона,— чувство, имѣвшее главнѣйшее, самое существенное первенствующее вліяніе и значеніе въ дѣятельности Неронова и всѣхъ его единомышленниковъ противъ преобразованій Никона». На малороссовъ и грековъ вообще въ Москвѣ смотрѣли косо, какъ на иноземцевъ, а «когда они взялись настойчиво за церковныя исправленія, то со всѣхъ сторонъ поднялись голоса въ защиту родной старины отъ иноземной ересі». Неувѣренность въ православіи греческой церкви была общая, такъ что даже соборъ 1666 года, прежде чѣмъ судить раскольниковъ, поставилъ себѣ вопросъ, какъ смотрѣть на греческихъ патріарховъ?

Касаюсь клятвъ, произнесенныхъ противъ раскольниковъ, гр. Гейденъ справедливо указываетъ, что въ этомъ случаѣ главную роль играло греческое духовенство; особенно это вѣрно въ примѣненіи къ первому соборному проклятию: Никону принадлежало здѣсь второстепенное участіе, главнымъ же виновникомъ его былъ чужеземецъ, антіохійскій патріархъ Макарій. Также думаетъ рааличить авторъ дѣйствія соборовъ 1666 и 1667 гг., но тутъ у него является иѣкоторая неясность. Онъ говоритъ: «Если въ 1666 г. соборъ русскихъ іерарховъ отлучилъ и проклялъ тѣхъ изъ раскольниковъ, которые называли неправославною восточную греческую церковь съ ея представителями и выказывали открытое сопротивленіе самому собору, и при этомъ велѣлъ впередъ привлекать къ церковному суду всѣхъ послушниковъ соборныхъ постановленій, то въ слѣдующемъ 1667 г. восточные патріархи Пансій и Макарій, опираясь на тѣхъ же членовъ собора, изрекли отъ имени вселенской церкви властю, данную имъ отъ Св. Духа, вѣчное проклятие и отсѣченіе отъ Христовой церкви не только на всѣхъ раскольниковъ того времени, но и на будущихъ ихъ единомышленниковъ, сдѣлавъ ихъ наследниками этой клятвы». Такъ различаетъ рѣшенія двухъ соборовъ гр. Гейденъ, но, кажется, это иѣсколько натянуто, разница только въ словахъ, и тотъ и другой соборъ одинаково предали клятвѣ сопротивляющихся церковнымъ исправленіямъ. Такова общая характеристика изслѣдованія гр. Гейдена; остановимся еще на иѣкоторыхъ частныхъ вопросахъ. Гр. Гейденъ прекрасно выясняетъ степень участія въ оппозиції Павла, епископа коломенскаго. Подпись Павла на дѣяніи собора 1654 г., утвердившаго иѣкоторыя Никоновскія исправленія, заставляла предполагать, что онъ не былъ противникомъ реформъ, но гр. Гейденъ весьма убѣдительно доказываетъ, что эта подпись была вынужденная, и что «Павель на соборѣ 1654 г. высказалъ противодѣйствіе самому дѣлу церковныхъ преобразованій во всей его широтѣ, на томъ основаніи, что новыя исправленія, дѣлаемыя по совѣту грековъ, еретичны, такъ какъ сами греки еретичны». Вообще слѣдуетъ замѣтить, что критические приемы автора очень хороши, онъ прекрасно примѣняетъ такъ называемую Шлецеровскую *kleine Kritik*, какъ это, напр., видно изъ разбора грамоты патріарха константинопольскаго Пансія къ Никону. Путь объективности, избранный авторомъ, есть самый вѣрный; именно нужна

такая история первыхъ временъ раскола, гдѣ бы съ возможнымъ безпри-
стремствомъ, день за днемъ, часъ за часомъ, были прослѣжены дѣйствія испра-
вителей и ихъ противниковъ.

А. Вороздинъ.

**Городъ Воронежъ. Исторический очеркъ Л. Б. Вейнберга, члена-
секретаря воронежского губернского статистического комитета.
Воронежъ. 1886.**

Неутомимый изслѣдователь Воронежскаго края, Л. Б. Вейнбергъ, объ
изданіяхъ котораго мы уже имѣли случай говорить на страницахъ «Исто-
рическаго Вѣстника», выпустилъ недавно еще новую работу, название кото-
рой приведено нами въ заголовкѣ. Книжка эта была составлена авторомъ
къ трехсотлѣтнему юбилею города Воронежа. Спѣшность работы и краткость
времени, имѣвшагося въ распоряженіи г. Вейнберга, не дозволили ему вни-
мательно обработать свой матеріаль, вслѣдствіе чего въ «Очеркѣ» получи-
лись замѣтные пробѣлы, которые, несомнѣнно, могли бы быть устраниены
при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Тѣмъ не менѣе, нужно отдать спра-
ведливость автору: онъ, при данныхъ обстоятельствахъ, сдѣлалъ, повиди-
мому, все отъ него зависящее, чтобы очеркъ вышелъ возможно полнымъ и
систематичнымъ. Онъ не упустилъ изъ виду ни одного печатнаго труда по
исторіи города Воронежа изъ числа появившихся до послѣдняго времени,
обращался за источниками во многія столичныя и даже заграничныя книго-
хранилища и, кромѣ того, дополнилъ по возможности пробѣлы печатныхъ
источниковъ многочисленными рукописными данными изъ мѣстныхъ архи-
вовъ. Вслѣдствіе этого, въ книгѣ г. Вейнберга мы находимъ множество ин-
тереснейшихъ свѣдѣній о прошлой жизни города Воронежа. Оказывается,
напримѣръ, что даже въ XVII вѣкѣ грамотность въ Воронежѣ была распро-
странена весьма сильно, такъ что большинство «вчинявшихъ иски» и при-
влекаемыхъ къ суду имѣли возможность подписываться собственноручно.
Обученіемъ грамотѣ занималось въ то время преимущественно духовенство—
попы, дьяконы и дьячки. Ученіе велось по особымъ «азбукамъ», которыя
составлялись мѣстными грамотѣями. Каждый мало-мальски важиточный
«житель», выдавая дочь замужъ, вмѣстѣ съ рядной записью заказывалъ
грамотѣю написать и азбуку для своихъ будущихъ внуковъ. Одна изъ та-
кихъ азбукъ помѣщена г. Вейнбергомъ въ приложении къ «Очерку».

Не смотря, однако, на такую распространенность грамотности среди вор-
онежцевъ, эти послѣдніе въ культурномъ отношеніи, должно быть, стояли
не только въ то отдаленное отъ насъ время, но даже и въ первой половинѣ
текущаго столѣтія очень и очень невысоко. Прекрасной иллюстраціей
этого является любопытный фактъ, разсказанный г. Вейнбергомъ въ концѣ
его книги,—объ открытии въ Воронежѣ публичной библіотеки въ 1830 году.
Дѣло было такимъ образомъ. 5-го іюля 1830 года получено было мѣстнымъ
губернаторомъ г. Бѣгичевымъ циркулярное предписаніе отъ министра вну-
треннихъ дѣлъ, графа Закревскаго, о немедленномъ открытии въ городѣ Воро-
нежѣ публичной библіотеки. Губернаторъ забѣгалъ, засуетился: нужно было
достать для библіотеки помѣщеніе, мебель и бесплатнаго библіотекаря, такъ
какъ, повидимому, денегъ на этотъ предметъ отпущенено не было. Онъ обра-

щался въ разными лицами и учреждениими съ просьбою о безмездномъ отводѣ помѣщенія подъ библіотеку, но—увы!—воронежцы, должно полагать, были столь мало убѣждены въ пользу этого учрежденія, что на призывѣ губернатора никто не откликнулся; даже епископъ воронежскій Антоній нашелся вынужденнымъ отклонить губернаторское предложеніе. Въ концѣ концовъ, однако, небо сжалилось надъ губернаторомъ: дворяне дозволили помѣстить библіотеку въ верхнемъ этажѣ зданія дворянскаго собранія. Успокоенный на счетъ помѣщенія, губернаторъ поручилъ директору воронежскихъ училищъ, фонъ-Галлеру, начертить «предварительныя правила для учреждаемой въ городѣ Воронежѣ публичной библіотеки» и, кромѣ того, поручилъ тому же фонъ-Галлеру назначить кого либо изъ учителей на должность библіотекаря; съ другой стороны онъ далъ порученіе губернскому архитектору составить смету, во что обойдется самая скромная мебель для публичной библіотеки. Отвѣтъ этихъ двухъ ученыхъ мужей былъ весьма замѣчательнъ. Изъ сметы, представленной архитекторомъ, оказалось, что три простыхъ шкафа обойдутся для библіотеки по 90 руб. каждый, простой столъ изъ сосновыхъ досокъ съ 4 выдвижными ящиками — въ 50 руб., дюжина простыхъ стульевъ, покрытыхъ краснымъ лакомъ, — въ 60 рублей и т. д. Что же касается фонъ-Галлера, то на просьбу губернатора о назначеніи библіотекаря онъ отвѣчалъ: «На отношеніе вашего превосходительства отъ 25-го августа... честь имѣю всепочтеннѣше уведомить, что на присканіе и опредѣленіе библіотекаря я не прежде могу употребить стараніе, пока отъ вашего превосходительства не получу утвердительнаго о жалованьї и обѣзъ обязанностяхъ уведомленія»... «Предварительныя правила для библіотеки», составленныя фонъ-Галлеромъ, заключаются въ себѣ много интереснаго. Такъ, напримѣръ, въ шестомъ параграфѣ II главы о качествахъ библіотекаря говорится: «Библіотекарь долженъ быть человѣкъ со свѣдѣніями, благонравный, кроткий, привѣтливый, обходительный» и пр. Далѣе, въ § 19, въ V главѣ о посѣтителяхъ библіотеки сказано: «Для посѣщенія публичной библіотеки назначаются дни, а именно: понедѣльникъ, вторникъ и среда — для благороднаго сословія и купечества 1-й и 2-й гильдій; четвертокъ же, пятница и суббота — для купечества 3-й гильдіи, мѣщанъ и разнаго званія любителей чтенія»... Неудивительно, конечно, что въ то блаженное время «разнаго званія любители чтенія» не совмѣщались съ лицами «благороднаго сословія», но почему не могли быть совмѣстны даже вторая гильдія съ третьей,—на этотъ вопросъ едва ли бы могъ дать удовлетворительный отвѣтъ даже самъ фонъ-Галлер...

Конецъ этого доброго начинанія, какъ и слѣдовало ожидать, былъ весьма печаленъ: библіотека едва-едва могла протянуть нѣсколько лѣтъ и закрылась вслѣдствіе полнаго равнодушія къ ней воронежской публики.

Издана книжка г. Вейнберга весьма недурно. Къ тексту приложены 4 любопытныя старинныя гравюры: «Видъ военного корабля времени Петра Великаго», «Видъ Воронежа и корабельной верфи въ 1702 году», «Видъ парусной мельницы, построенной черкасами» и «Видъ лавки въ XVII столѣтіи». Первые три гравюры заимствованы изъ рѣдкой книги Voyages de Cogn le Brûlé, 1702 г., а послѣдняя — изъ путешествія Адама Олеарія (1663 год). Кромѣ этого, въ книгѣ помѣщены недурный снимокъ съ памятника Петра I въ Воронежѣ и планъ города Воронежа въ XVIII столѣтіи.

Н. Д—скій.

В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ. Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій. Томъ I. Спб. 1886.

Читателямъ исторического журнала, конечно, нѣтъ надобности объяснять пользу такихъ изданій, какъ родословные сборники; достаточно сказать, что при помощи ихъ можно устранить массу историческихъ ошибокъ, подобные сборники служить весьма важнымъ подспорьемъ при составленіи биографій историческихъ дѣятелей, въ нихъ можно найти свѣдѣнія о службѣ, о родственныхъ связяхъ и т. д. У насъ уже ранѣе издавались родословныя дворянскія фамиліи, была издана такъ называемая «Бархатная книга»; въ 1854 — 1857 гг. кн. П. В. Долгоруковымъ изданы 4 тома «Россійской родословной книги»; въ 1873 — 1876 г. редакціей «Русской Старины» — два тома «Русской родословной книги», составленной кн. А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ. Эти изданія очень хороши, но далеко не исчерпываютъ огромнаго и мало разработаннаго матеріала для генеалогіи русскихъ дворянскіхъ родовъ, да и, кромѣ того, они стали теперь библіографическою рѣдкостью. Поэтому изданіе новаго родословнаго сборника является существенно необходимымъ. Много лѣтъ занималась собираниемъ генеалогическихъ матеріаловъ, г. Руммель по настоящее время составилъ довольно подробныя росписи болѣе пе-жели 1,000 дворянскіхъ родовъ. Большое содѣйствіе въ его трудахъ оказалъ ему г. Голубцовъ. Въ виду полной невозможности издать всѣ собраннія родословія за одинъ разъ, г. Руммель рѣшился приступить къ изданію двухъ первыхъ томовъ, въ которыхъ помѣщены родословія 130 фамилій. Родословія эти, большою частью, нигдѣ еще не напечатанныя или же напечатанныя въ неполномъ видѣ, составлены на основаніи дѣлъ архива департамента герольдіи, разныхъ историческихъ сочиненій и свѣдѣній, полученныхъ непосредственно отъ представителей родовъ. Въ вышедшемъ теперь первомъ томѣ «Родословнаго Сборника» помѣщены росписи слѣдующихъ фамилій: Абаза.—Абашидзе и Абашидзе-Горленко, князья.—Авиновы.—Адлербергъ, графы и дворяне.—Аксаковы.—Алмазовы.—Аничковы.—Анненковы.—Апухтины.—Ахшарумовы.—Багговутъ.—Базилевскіе.—Бакунины.—Балашовы.—Барановы.—Бартеневы.—Болотовы.—Баратынскіе.—Васильевы, графы, и Васильевъ-Шиловскій, графъ.—Ведемайеръ.—Веневитиновы.—Галаковы.—Гедеоновы.—Гирсь.—Голохвастовы.—Голубовы.—Гончаровы.—Горленко.—Грейгъ.—Дашковы.—Дибичъ-Забалканскій, графъ, и фонъ-Дибичъ, бароны.—Донауровы.—Дохтуровы.—Друцкіе-Соколинскіе, князья.—Желябужскіе.—Загряжскіе.—Закревскіе, графъ и дворяне.—Зеленые.—Змѣевы.—Зуровы.—Ивковы.—Кавелины.—Каземъ-Бекъ,—Казнаковы.—Канткууини, князья.—Карамзины.—Кисловскіе.—Кожины.—Козловы.—Корниловы.—Кошелевы.—Крамеръ, бароны и дворяне.—Кречетниковы, графъ и дворяне.—Кудрявцевы.—Кузьмины.—Караваевы.—Кульевы.—Ладыженскіе и князья Ромодановскіе.—Ладыженскіе.—Лажечниковы.—Лазаревы.—Лазаревы-Станицhevы.—Левашовы, графы и дворяне.—Лобановы-Ростовскіе, князья.—Лутковскіе.—Лѣвовы. Не смотря на всѣ разысканія составителей, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ родословій неизбѣжно встрѣтятся пробѣлы и недомолвки, даже нѣкоторыя неточности и ошибки, иначе и не можетъ быть въ такомъ громадномъ труде, но слѣдуетъ сказать, что книга составлена очень добросовѣстно, росписи фамилій весьма полныя и подробныя, видно, что составители пользовались очень значительнымъ количествомъ источниковъ, трудъ

вообще почтенный. Въ скромъ времени долженъ появиться второй томъ «Родословнаго Сборника», въ которомъ будуть помѣщены слѣдующія фамиліи: Майковы.—Мартыновы.—Мезенцовы.—Мещерскіе, князья.—Милорадовичи, графы и дворяне.—Милютини, графы и дворяне.—Митусовы.—Мордвиновы, графы и дворяне.—Набоковы.—Назимовы.—Неклюдовы.—Нелединскіе и Нелединскіе-Мелецкіе.—Нелидовы и Отрепьевы.—Несвицкіе, князья.—Норовы.—Обольяниновы.—Обресковы.—Обуховы.—Огаревы.—Одинцовы.—Оленины.—Опочинины.—Панаевы.—Пантелеевы.—Писемскіе.—Потемкины, князья, графы и дворяне.—Путятини, князья, графы и дворяне.—Пущины.—Фонть-Рейтернъ.—Родзянко.—Ростовцевы, графы и дворяне.—Ростопчины, графы и дворяне.—Сабаньевы.—Самойловы, графы и дворяне.—Семевскіе.—Сеславини.—Сипягини.—Скобельцыны.—Слизини и Слизини-Тормасовы.—Соковнини.—Столыпини.—Суворовы, князья и дворяне.—Сушкины.—Талызини.—Темирязевы.—Тимашевы.—Толстые, графы и дворяне.—Тормасовы, графы и дворяне.—Тургеневы.—Тырковы.—Тютчевы.—Фамильцыны.—Хвостовы, графы и дворяне.—Храповицкіе.—Хрущовы.—Чаплины.—Челищевы.—Черевини.—Чичерины.—Шеншини.—Шиловскіе.—Шиповы.—Шишмаревы.—Шубинскіе.—Юшковы.—Языковы.—Яхонтовы.

А. В.

Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ. Часть первая.

1840—1864. Составилъ В. Зелинскій. Москва. 1886.

О несомнѣнной пользѣ сборниковъ г. Зелинского намъ приходилось уже говорить при отчетѣ о книгахъ, посвященныхъ критикѣ произведеній Тургенева и Достоевскаго. Сборникъ подобныхъ критикъ служить не только комментаріемъ произведеній писателей, но и полной справочной книгой по критической литературѣ обѣ этомъ писателѣ. Въ вышедшемъ нынѣ Некрасовскомъ сборникѣ критическая статьи расположены въ хронологическомъ порядке, начиная съ отзывовъ о его первыхъ произведеніяхъ сороковыхъ годовъ и оканчивая критикою 1864 года. Рецензіи этихъ послѣднихъ четырехъ лѣтъ занимаютъ большую часть книги въ 183 страницы, а предъидущему времени посвящено меньше 50-ти страницъ. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ, годахъ Некрасовъ интересовалъ публику не менѣе, чѣмъ въ шестидесятыхъ, но тогда было «неудобно» говорить о поэти «мести и печали». Только съ 1861 года начинаются большія и серьёзныя статьи о Некрасовѣ, и г. Зелинский приводить рецензіи гг. Пятковскаго — слишкомъ сжатую, Аверкіева — слишкомъ поверхностную, «Отечественныхъ Записокъ» и «Русского Слова» — слишкомъ хвалебную. Въ концѣ этого года г. Всеволодъ Крестовскій написалъ такой панегерикъ поэту, что Апполонъ Григорьевъ отвѣчалъ на него цѣлой брошюрою во «Времени» 1862 года (рецензія эта занимаетъ 50 страницъ въ книгѣ г. Зелинского). Къ статьѣ г. Крестовскаго Григорьевъ отнесся очень строго, говоря, что она «написана съ заскокомъ», что въ ней «нетъ ровно ничего, кромѣ казенщины да просаковъ», но о самомъ Некрасовѣ отозвался, всетаки, гораздо теплѣе, сравнительно со своими отзывами 1855 года въ «Москвитянинѣ». Безыменный критикъ «Отечественныхъ Записокъ» отвѣчалъ на эту рецензію въ 1863 году, но г. Зелинский почему-то не приводить этой статьи, хотя она занимаетъ въ журналѣ всего 11 страницъ; между тѣмъ,

въ полемикѣ такого рода необходимо имѣть передъ глазами всѣ документы и возраженія, чтобы судить о томъ, кто болѣе правъ изъ рецензентовъ, а эти-то возраженія и не приведены. Изъ рецензій 1864 года помѣщены только Эдельсона и журналовъ «Эпоха» и «День», а не помѣщены статьи В. Зайцева, В. Стоюнина, Добролюбова, «Библіотеки для Чтенія». Вообще г. Зелинскій оставляетъ безъ вниманія много періодическихъ изданій, въ которыхъ онъ могъ бы отыскать если не обширныя, то не менѣе замѣчательныя статьи о Некрасовѣ. Не можемъ не замѣтить также, что собиратель журнальныхъ рецензій хотя и даетъ имъ кудреватыя названія: какъ «Историко-критический комментарій къ сочиненіямъ Достоевскаго», «Собрание критическихъ материаловъ для изученія произведений Тургенева», продаєтъ очень недешево эти простыя вырѣзки изъ журналовъ, къ которымъ, можетъ быть, и къ лучшему, прибавляеть очень мало своихъ собственныхъ разсужденій. Такъ комментарій Достоевскаго стоять у него 3 р. 25 к., а Тургенева — 4 р.—вознагражденіе весьма достаточное за не слишкомъ тяжелую работу подбора и вырѣзыванія чужихъ статей.

В—ъ.

Видъ Московскаго Кремля въ самомъ началѣ XVII вѣка. В. Е. Румянцева. (Издание императорскаго московскаго археологическаго Общества). Москва. 1886.

Это изданіе оцѣнено уже по достоинству нашими археологами и обратило на себя ихъ вниманіе. Видъ Московскаго Кремля съ птичьаго полета воспроизведенъ фотографически, въ нѣсколько уменьшенномъ видѣ, съ гравюры, помѣщенной въ второмъ томѣ «Geographie Blaviane. A Amsterdam, chez Jean Blaeu, 1663 (Russie, livre IV, p. 20)». Это изданіе нынѣ очень рѣдкое. Оно составлено въ первыхъ годахъ XVII вѣка, въ царствованіе Бориса Федоровича Годунова, скончавшагося 13-го апрѣля 1605 года. Такъ какъ на планѣ изображенъ Иванъ Великій, построенный въ 1600 году, какъ показываетъ надпись надъ его главою, а Борисъ воцарился въ февралѣ 1598 года, то этими годами и опредѣляется время составленія плана. Московскій Кремль изображенъ на немъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ это время. На полѣ плана находится посвященіе его царю Алексѣю Михайловичу, на латинскомъ языкѣ, причемъ сказано, что сдѣлано «изображеніе, Кремля съ тремя прилежащими къ нему городами Москвы въ томъ положеніи и размѣрѣ, въ какомъ онъ былъ» при Борисѣ Годуновѣ. По словамъ В. Е. Румянцева этотъ видъ Московскаго Кремля, древнѣйший послѣ фантастического вида Герберштейна, превосходитъ другіе, болѣе или менѣе позднѣйшіе, виды и планы Кремля¹⁾) и своимъ большимъ сравнительно съ ними размѣромъ, и болѣе подробнымъ указателемъ мѣсть и строеній, находившихся въ тогдашнемъ Кремлѣ, и большею правильностью въ ихъ изображеніи, и,

¹⁾ Напримѣръ: 1) планъ Москвы при картѣ Россіи, составленной по чертежу царевича Федора Борисовича Годунова и приложенной при II части «Сказаний современниковъ о Димитрии Самозванцѣ» (Спб., 1859 г.); 2) планъ Москвы 1606 года при «Сказаніяхъ Массы и Геркмана» (изд. археограф. комм.); 3) планъ Москвы, такъ называемый Петровъ и Готофредовъ, въ «Памятникахъ московской древности», И. М. Снегирева, п 4) планъ Москвы, при III книжѣ «Родъ Шереметевыхъ», А. П. Барсукова.

наконецъ, весьма тщательною вырисовкою изображенныхъ предметовъ, которая даетъ понятіе о самой фигурѣ зданій и даже нерѣдко о мелкихъ подробностяхъ ихъ архитектурной обдѣлки.

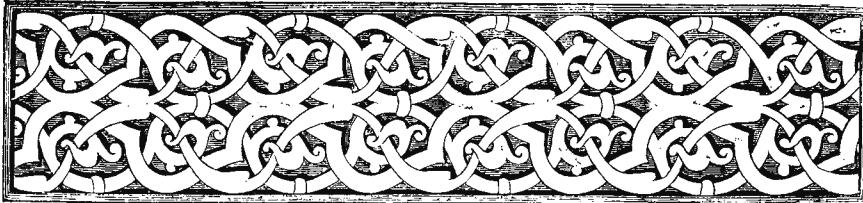
Трудъ В. Е. Румянцева, объяснившаго въ текстѣ подробнѣ все, что изображено на этомъ видѣ Московскаго Кремля, съ многочисленными подстрочными примѣчаніями, относящимися до литературы этого предмета, какъ и всѣ труды этого ученаго, отличается крайнею добросовѣстностью. Мы слышали, что г. Румянцевъ посвятилъ нѣсколько лѣтъ изученію всего, что только имѣеть отношеніе къ его нынѣшнему труду.

П. У.

Списокъ лицъ свиты ихъ величествъ съ царствованія императора Петра I-го по 1886 г. Составленъ свиты его величества генераль-маиоромъ графомъ Милорадовичемъ. 1886.

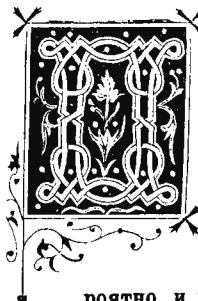
Печатныхъ свѣдѣній о свитѣ ихъ величествъ до сихъ порь никакихъ не было. Съ учрежденія императорской главной квартиры свѣдѣнія о свитѣ сосредоточены въ канцелярии главной квартиры. Гр. Милорадовичъ извлекъ ихъ оттуда и впервые издалъ полный списокъ лицъ свиты со времени учрежденія Петромъ Великимъ званія генераль-адъютанта. Сперва помѣщены списки генераль-адъютантовъ, затѣмъ генераль-маиоровъ свиты его величества, флигель-адъютантовъ, генераловъ, состоящихъ при особѣ его величества, бригадъ-маиоровъ (званіе, учрежденное императоромъ Павломъ и послѣ него никому не дававшееся). Въ спискахъ обозначены имя, отчество, фамилія и чинъ каждого лица, время его вступленія въ званіе и, наконецъ, когда и куда оно выбыло. Въ послѣдней рубрикѣ сообщаются иногда болѣе подробныя свѣдѣнія, въ особенности о лицахъ, состоявшихъ въ свитѣ при императорѣ Павлѣ, напримѣръ, о Гудовичѣ, Котлубицкомъ, кн. Гр. С. Голицынѣ, Ливенѣ, кн. П. П. Долгоруковѣ и др. Въ дополненіяхъ къ спискамъ помѣщены: высочайшее повелѣніе объ исполненіи указовъ, объявляемыхъ дежурными генераль-адъютантами; указы объ учрежденіи званій флигель-адъютанта и бригадъ-маира; письмо Потемкина къ императрицѣ Екатеринѣ съ просьбою назначить его генераль-адъютантомъ и отвѣтъ Екатерины; рескрипты императора Николая I—Лидерсу, Александра I—графу Милорадовичу при назначеніи ихъ генераль-адъютантами; извлеченіе изъ книги Дибича «Мысли о солдатѣ», «о качествахъ и обязанностяхъ государева генераль-адъютанта» и т. д. Затѣмъ напечатаны числовыя данныя о свитѣ съ 1766 года; изъ нихъ можно видѣть, какъ значительно увеличилось число лицъ, состоящихъ въ свитѣ; вотъ нѣсколько цифръ: въ 1766 г. генераль-адъютантовъ 3, въ 1790—9, 1808—9, 1825—35, 1839—63, 1855—79, 1869—124, 1881—137, 1886—97; также росло и число генераль-маиоровъ свиты и флигель-адъютантовъ. Таковъ составъ книги гр. Милорадовича; въ заключеніе нельзя не сказать, что она можетъ служить очень полезнымъ матеріаломъ для справокъ по новѣйшей нашей исторіи. Издана она съ виѣшней стороны вполнѣ удовлетворительно.

В.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКИЯ НОВОСТИ.

Мнѣніе француза о славянофильствѣ и нигилизмѣ.—Пропагандистъ Л. Н. Толстого во Франціи.—Переводы русскихъ романовъ.—Маркинъ о Батумѣ.—Русскій дипломатъ въ англійскомъ журналь.—Нѣмецкое разсужденіе о русскомъ духѣ.—Новая характеристика Тургенева.—Окатоличенная Болгарія.—Фридрихъ II какъ философъ.—Газета въ защиту папства, запрещенная папою.—Финансы стараго режима и революціи.—Опозиція при второй имперіи.—Исторія корреспонденцій хорошенкѣвой женщины.—Признанія Ламене.—Исторические портреты.—Герцогъ Энгіенскій.—Госпожа Роданъ, изображенная воспитанницею Мадзини.

ДИНЪ изъ серьезныхъ впечатокъ русской жизни и русской литературы Луи Леже напечаталъ третій томъ своихъ «Славянскихъ этюдовъ» (*Nouvelles études slaves*). Первый томъ ихъ вышелъ еще въ 1875 году, подъ названиемъ «*Etudes slaves*»; первая серія новыхъ этюдовъ появилась въ 1880 году, и теперь послѣдняя. Французская критика называетъ Леже славянофиломъ и говорить, что онъ посвятилъ всю свою жизнь изученію народности, являющейся грознымъ антагонистомъ, а вслѣдствіи, вѣроятно, и побѣдителемъ германской расы. Въ первыхъ своихъ этюдахъ Леже являлся наблюдательнымъ путешественникомъ, описывавшимъ настоящее и прошлое: Киева, Нижнаго Новгорода, Казани и другихъ главныхъ центровъ Россіи. Въ первой серіи «Новыхъ этюдовъ» онъ разсказываетъ судьбу Георгія Крыжаніча, этого предшественника панславизма, и Ивана Гуса, славянского апостола. Въ нынѣ вышедшемъ томѣ главное мѣсто занимаетъ изслѣдованіе и исторія русскаго нигилизма. Леже начинаетъ изложеніе этого «странного заблужденія» съ Тургенева, давшаго ему это название, и разбираеть подробно типъ Базарова по роману «*Отцы и дѣти*». Но Тургеневъ былъ только крестнымъ отцомъ нигилизма, происхожденіе котораго немелко поддается изслѣдованію. «Какъ всѣ явленія соціальной жизни, секты и ученія существуютъ задолго до того времени, когда ихъ вздумаютъ опредѣлить». Леже возводитъ нигилистическая тенденція въ Россіи къ 1814 году,

запохъ возврашения русскихъ армій на родину, послѣ реставраціи Бурбоновъ. Офицеры принесли домой идеи, бывшия при Екатеринѣ II достояніемъ только придворной знати. Это мнѣніе принадлежитъ Пестелю, цитируемому авторомъ, который, какъ и многіе другіе, напрасно смѣшиваетъ тенденціи декабристовъ съ нигилистическими теоріями. Развитіе этихъ теорій Леже относить къ 1860—1870 годамъ, но не считается, чтобы онѣ могли повести къ революції. «Тамъ, где народъ не идетъ за утопистами, не можетъ быть революціи». Между деспотами и анархистами, между консерваторами во что бы то ни стало и разрушителями всего существующаго, есть еще средній классъ умѣренныхъ и благоразумныхъ либераловъ, на которыхъ правительство можетъ всегда опереться. Леже твердо вѣритъ въ блестящую будущность славянскаго племени, «героического и религіознаго, способнаго на великие подвиги». Изъ другихъ статей этого тома замѣтательнъ этюдъ чешской литературы. Роль славянства велика и потому, что оно «сдерживаетъ въ центрѣ Европы натискъ германизма».

— Даровитая писательница, скрывающаяся подъ псевдонимомъ: Арведъ Барінь, представила характеристику другаго знатока Россіи, Евгенія-Мельхіора Вогюя, познакомившаго французовъ съ Л. Н. Толстымъ. Кромѣ обширнаго этюда «Русскій романъ», о которомъ мы уже говорили, исторического сочиненія «Сынъ Петра Великаго», Вогюя написалъ еще томъ «Восточныхъ повѣстей» и «Путешествіе по Сиріи, Палестинѣ и Аенону». Отличительная черта всѣхъ этихъ произведеній — глубокая религіозность автора, не часто встрѣчающаяся въ наше время, хотя Вогюя и говоритъ, что величайшее явленіе XIX вѣка — повсемѣстная побѣда евангеля. Онъ потому и предпочитаетъ современной французской литературѣ — русскую, что въ ней есть такие религіозные писатели, какъ Достоевскій и Л. Н. Толстой, а въ русскомъ, глубоко вѣрующемъ народѣ видитъ залогъ его грядущихъ великихъ судебъ. Съ глубокою набожностью въ авторѣ странными образомъ соединяется пантеистическое поклоненіе таинственной силѣ природы. Всего яснѣе это поклоненіе высказывается въ статьѣ Вогюя «Русскій раскольникъ», где авторъ широкими чертами рисуетъ типъ духовидца, тверского крестьянина Сутаева. Въ исторіи человѣчества Вогюя видитъ всюду руку прорицанія, заранѣе указывающую путь народамъ и отдельнымъ личностямъ. Въ запохъ возрожденія онъ видитъ не реакцію противъ среднихъ вѣковъ, какъ Мишле, а икъ развитіе, такое же естественное, какъ юность, слѣдующая за отрочествомъ. Это мнѣніе тѣмъ страннѣе, что Вогюя самъ называетъ, романтизмъ реакцией противъ XVIII вѣка, хотя многіе романтики раздѣляли убѣженія энциклопедистовъ, и Шатобранъ, во многихъ мнѣніяхъ, сходился съ Руссо. Вообще авторъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ слишкомъ много философствуетъ и очень часто увлекается. Послѣдній недостатокъ происходитъ отъ того, что Вогюя прежде всего поэтъ, и воображеніе преобладаетъ въ немъ надъ разсудительностью.

— Переводы русскихъ авторовъ занимаютъ во французской литературѣ первое мѣсто; изъ сочиненій Л. Н. Толстого въ послѣднее время переведены: «La mort d'Ivan Illiitch», «Les deux hussards», «Les contes enfantins»; изъ Щедрина: «Les messieurs Golovleff» и «Scènes satiriques»; изъ Аксакова: «Chronique de famille, le petit fils de Bagroff»; два тома Успенскаго: «Les nouvelles» и «Les derni  res nouvelles»; Рѣшетникова: «Les Podlipovtzi»; Григоровича: «L'enfant en caoutchouc»,

«Les deux généraux», «Les émigrants»; Гаршина «Atalea princeps»; Переводъ Тургеневскаго «Наканунѣ» (*Un bulgare*) вышелъ вторымъ изданіемъ. Французская критика удивляется, какъ можно было придать столько интереса такому несложному содержанію. Только Ришпенъ, читая прекрасный переводъ Гальперина, замѣтилъ, что русскій авторъ очень много заимствуетъ у Диккенса. Съ большей похвалой отзываются о переводѣ «Записокъ изъ мертваго дома» Достоевскаго (*Souvenirs de la maison des morts*). Въ авторѣ «нѣть ни туманной поэзіи Тургенева, ни потрясающихъ нотъ Толстого, но Достоевскій съ искусствомъ фотографа рисуетъ день за днѣмъ жизнь каторжниковъ во всей ея полнотѣ». Въ книгѣ есть что-то зловѣщее (*sinistre*) и она открываетъ намъ новый міръ. «Герой нашего времени» переведенъ на французскій языкъ три раза, на немецкій четыре и на англійскій два. Въ концѣ августа явился въ Лондонѣ еще третій переводъ Липмана: «A hero of our time» съ біографіею Лермонтова и критической оцѣнкой романа. Переводчикъ видѣтъ въ Печоринѣ воспроизведеніе байроновскаго Кайна. Критикъ «Атенеума» не соглашается съ этимъ и считаетъ лермонтовскаго героя предшественникомъ нигилистовъ.

— Англійскіе журналы наполнены также статьями, относящимися къ Россіи. Въ «Contemporay Review» старый руссофобъ Чарльзъ Марвинъ, въ очеркѣ Батуми, въ сотый разъ повторяетъ старую пѣсню, что Россія хочетъ захватить Индію и потому уничтожила портофранко въ Батумѣ. И между тѣмъ самъ же Марвинъ говорить, что, бывши въ Батумѣ въ 1883 году, онъ убѣдился, что свободный привозъ товаровъ въ городъ былъ причиной безчисленныхъ неудобствъ и для жителей, какъ для городской администраціи, имѣвшей полное основаніе закрыть вольную гавань по тѣмъ же причинамъ, по которымъ закрыли и кавказскую транзитную торговлю, приносившую одни убытки. Марвинъ убѣждень, что Батумъ будетъ вторымъ Севастополемъ на Черномъ морѣ, и говорить, что такъ какъ Англія, Германія и Австрія задерживаютъ естественное стремленіе Россіи на Балканскомъ полуостровѣ, то она направится въ Азію, гдѣ ее уже ничто не удержитъ. А между тѣмъ для британскихъ интересовъ Средняя Азія во сто разъ важнѣе Константиноپоля,—прибавляетъ авторъ. Хорошо, если бы этимъ сознаніемъ прониклись и всѣ его соотечественники, убѣдившись въ томъ, что для Россіи свободный выходъ изъ Чернаго моря гораздо важнѣе, чѣмъ всѣя средне-азіатскія пріобрѣтенія.

— Другая статья того же журнала написана русскимъ дипломатомъ и носить название: «Современная жизнь и думы въ Россіи» (*Contemporay life and thoughts in Russia*). Авторъ очень откровенно указываетъ на нашу внутреннюю неурядицу, отзывающуюся слабостью во вѣнчайшей политїѣ. Вражда къ намъ Англіи изъ-за нелѣпой мысли, что мы отнимемъ у нея Индію, заставляетъ насъ поневолѣ сближаться съ Германіей и Австріей, а между тѣмъ общественное мнѣніе страны противъ этого тройного союза, связывающаго намъ руки. Авторъ совѣтуетъ отрѣшиться отъ этого союза и дѣйствовать самостоятельно на Балканскомъ полуостровѣ. Германія не поднимется на насъ изъ опасенія Франціи; Австрія не рѣшится на войну съ нами изъ боязни за свое существованіе. Дѣйствительно, признаніе хотя бы одною Англіею законности нашего вліянія на славянскій міръ и Балканскій полуостровъ положило бы конецъ неестественнымъ союзамъ и безпричинной враждѣ къ намъ государства, съ которыми намъ рѣшительно не за что драться

и нечего дѣлить. Какъ ни обширны владѣнія Англіи, но въ нихъ нѣтъ родственныхъ намъ славянскихъ племенъ, и англичане не стараются ни онѣмѣть, ни окатоличить ихъ и сами не заводятъ цѣлыхъ колоній въ нашихъ пограничныхъ владѣніяхъ. Но какъ побѣдить въ Англіи слѣпую, безпричинную вражду къ намъ? Этого русскій дипломатъ не объясняетъ, хотя его старанія открыть глаза англичанамъ на ихъ собственные выгоды заслуживаютъ нашу благодарность.

— Нѣмецкій критикъ Блейбтрей написалъ этюдъ «О русскомъ национальномъ духѣ въ литературѣ и искусствѣ» (*Der russischer Nazionalgeist in Litteratur und Kunst*). Авторъ начинаетъ съ сравненія реализма русскаго съ французскимъ и скандинавскимъ въ сочиненіяхъ Ибсена и Бѣрнісона и находитъ, что хотя «Отцы и дѣти» правдивѣ «Жерминаля», но соціальное значеніе и глубокій драматизмъ послѣдняго произведенія гораздо выше тургеневскаго романа. Пессимизмъ Золя возвышенъ и укрѣпляетъ, тогда какъ русскій пессимизмъ подавляетъ и дѣйствуетъ на первы. На Западѣ считаются поляковъ болѣе развитымъ племенемъ славянскаго міра. Авторъ находитъ это мнѣніе ошибочнымъ и, не отказывая имъ въ блестящей фантазіи и увлекательности, отдаетъ предпочтеніе русскимъ писателямъ по глубинѣ ихъ мыслей и чувствъ, правдивости замысла и вѣрности характеровъ въ ихъ произведеніяхъ. Противоположность азіатской закваски съ тонкостями цивилизациіи въ русскихъ людяхъ способствуетъ къ развитію поэтическаго міровоззрѣнія. Представитель национальнаго духа въ литературѣ — Тургеневъ, въ живописи — Верещагинъ. Въ картинахъ художника преобладаетъ страсть къ эпизодамъ, большою частью, ужаснымъ. Изъ всей плевенской Иліады онъ воспроизвелъ только страшную рѣзню въ траншеяхъ. Въ «Донъ-Жуанѣ» Байрона есть эпизодъ взятія Измаила. Авторъ сравниваетъ поэтическую картину англійскаго поэта съ описаніемъ изувѣченыхъ труповъ женщинъ и дѣтей въ повѣсті г. Данилевскаго «Потемкинъ на Дунаѣ», где изображена осада крѣпости. Эпопея «Тарасъ Бульба» наполнена такими же возмутительными эпизодами сажанія на колъ, пытокъ и безчеловѣчныхъ казней. Другое отличительное свойство национальнаго русскаго духа — меланхолія, родъ англійскаго сплива, появляющагося еще въ «Онѣгінѣ» Пушкина. Чувство это нельзя смѣшивать съ такъ называемою «мировою скорбью» (*Weltschmerz*) культурныхъ націй. Авторъ приводить нѣсколько цитать изъ Тургенева, характеризующихъ это свойство — смѣсь апатіи съ фатализмомъ, но останавливается болѣе всего на третьемъ свойствѣ русскаго духа — любви къ родинѣ. Отмѣчая это свойство, авторъ находитъ, однако, что увѣренность въ величіи и могуществѣ своего отечества заставляетъ русскихъ стремиться къ владычеству надъ цѣлымъ міромъ, «захватывая черезъ Кавказъ — Персію, черезъ Туркменію — Индію, черезъ балканскихъ славянъ — Константинополь». Даже бѣдныхъ нѣмцевъ тѣснить этотъ русскій духъ, всюду распространяющій свои завоеванія. Вотъ ужъ истинно съ большой головы на здоровую!.. Полнѣйшимъ олицетворенiemъ национальнаго русскаго духа въ литературѣ авторъ считаетъ «Героя нашего времени», въ искусствѣ — картины Верещагина, котораго авторъ, однако, обвиняетъ въ умышленномъ пессимизмѣ, а въ национальныхъ русскихъ произведеніяхъ видѣтъ смѣсь нигилизма съ шовинизмомъ, радикальную меланхолію, любовь къ природѣ и къ восточной жизни.

— О Тургеневѣ вышелъ и отдельный этюдъ Бертолъда Торша, какъ «характеристика современнаго поэта» (*Iwan Turgenev. Charakterbild*

eines modernen Dichters). Главное отличие Тургенева отъ другихъ писателей состоить въ томъ, что онъ вполнѣ писатель нашего времени, отвѣ чающій всѣмъ требованіямъ вѣка, «гениально убѣждающій (genial überzeugend) представитель нового реализма не только космополитического, но и чисто русскаго, въ которомъ отражается история национального духа (national Seelengeschichte)». Главное свойство этого реализма, противоположнаго французскому,— болѣзненность. Тургеневъ въ то же время и пессимистъ, но также съ особымъ оттѣнкомъ русскаго пессимизма, въ которомъ соединяется меланхолія съ фатализмомъ, который оканчивается не революціею, а самоотреченіемъ. Объ этомъ реализмъ, пессимизмъ и фатализмъ нѣмецкій критикъ очень туманно толкуетъ на десяткахъ страницъ. Вполнѣ согласиться съ ними можно только въ томъ, что въ Тургеневскихъ типахъ нѣтъ ни героязма, ни трагизма, герои его борются въ тиши, медленно, безъ громкихъ, блестательныхъ подвиговъ, и что въ его пессимизмѣ есть романтический элементъ.

— Въ концѣ 1884 года въ Парижѣ умерла въ молодыхъ лѣтахъ наша соотечественница г-жа Никитина, рожденная Жандрь, писавшая въ нѣкоторыхъ французскихъ журналахъ. Теперь вышли ея «Соціальные, философскіе и моральные этюды» (*Etudes sociales, philologiques et morales*) съ біографическимъ очеркомъ автора, написаннымъ докторомъ Летурно. Въ ея этюдахъ видно большое знаніе, смѣлый умъ, боровшійся съ общепринятыми предразсудками. Сотрудница *«Revue Nouvelle»*, Варвара Никитина писала преимущественно въ этомъ журналь о положеніи рабочихъ въ Германіи и Италиі, о націонализациі земли, о соціализмѣ, объ ирландскомъ восстаніи, объ утилітаризмѣ, о литературѣ. Она твердо вѣрила въ лучшую будущность человѣчества.

— О европейской злобѣ дня—Болгаріи, еще не появилось ничего замѣчательнаго. Вышла только брошюра польскаго іезуита, ксендза Голубовича: «Болгарія, ея историческое прошлое и ея бытовое, народное и религіозное возрожденіе» (*Bulgaria, jej przeszlosc dzieiowa i jej ovespe, narodowe i religijne odrodzenie*). Это исторія католической пропаганды въ странѣ, менѣе другихъ славянскихъ странъ зараженной папизмомъ и потому подвергающейся болѣе настойчивой катехизації со стороны черной интернационали. Окатоличеніе болгаръ съ особенной силой развилось въ 1880 году, когда папа вѣдомъ честовать память св. Кирила и Меодія и въ своей єнциклікѣ заявила, что славянскія земли составляютъ предметъ его живѣвшихъ заботъ и онъ «ничего не жаждеть горячѣе, какъ соединить эти народы между собою и съ нами въ вѣчномъ мірѣ», то есть, говоря по просту, сдѣлать изъ нихъ папистовъ. Для достиженія этой цѣли, іезуить, конечно, прежде всего сыплютъ грязью и клеветами на православное духовенство. Правду онъ говорить только о насилияхъ фанаріотовъ и греческаго духовенства надъ болгарскимъ, но учрежденіе болгарскаго экзархата и отдѣльной церкви, какъ слѣдствіе этихъ насилий, называется «схизмою изъ схизмъ». Но свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о дѣятельности іезуитовъ для окатоличенія болгаръ, заслуживаютъ полнаго вниманія.

— Къ столѣтній годовщинѣ смерти Фридриха II, профессоръ философіи Целлеръ издалъ сочиненіе «Фридрихъ великий какъ философъ» (*Friedrich der Grosse als Philosoph*). Извѣстно, что прусскій король самъ называлъ себя философомъ Сан-Суси и высоко ставилъ эту науку, гордился больше званіемъ философа на тронѣ, чѣмъ самодержавнаго монарха. Целлеръ выясняетъ от-

ношенія Фридриха къ другимъ философамъ и приводить его взгляды на Бога, міръ, бессмертіе души. Въ существованіи Бога король никогда не сомнѣвался; устройство міра убѣждало его въ этомъ существованіи. О бессмертії души онъ упоминаетъ часто въ письмахъ и въ стихотвореніи къ Кейту говоритьъ, что такъ какъ мышленіе зависитъ отъ тѣлеснаго организма, то и не можетъ пережить его. Фридрихъ прибавляетъ, что онъ спокойно ждеть своего конца, послѣ которого будетъ также мало несчастнымъ, какъ и до своего рожденія. Онъ не ропщетъ на этотъ законъ природы, отнимающей у человѣка то, что она дала ему, то есть жизнь, и находитъ, что болѣе продолжительная, или вторая жизнь врядъ ли принесла бы пользу человѣку. Дѣлать добро, жить въ правдѣ должны насть побуждать не страхъ наказанія, не обѣщанія награды, а чувство долга и справедливости. Нѣсколько разъ, подвергаясь опасности умереть, онъ никогда не боялся смерти и не считалъ истину, при ея приближеніи, то, что прежде признавалъ заблужденіемъ. Авторъ приводитъ даже взгляды короля на нравственность, законы, власть, религію, воспитаніе и образованіе. Въ обществѣ, говорить Фридрихъ, должно придавать значеніе не мнѣніямъ, а дѣламъ. Тотъ, кто любить людей и приносить имъ пользу, можетъ думать все, что ему угодно: онъ будетъ всегда почтеніе благочестиваго, но жестокаго и злого человѣка. «Наука, пишетъ онъ Вольтеру, должна давать намъ средства легче исполнять наши обязанности». Выше блестательныхъ качествъ ума ставить онъ прямоту характера, чистоту сердца, вѣрность долгу... «Если ты не поступаешь противъ своей совѣсти, то можешь не заботиться о томъ, что о тебѣ скажутъ другіе». Кенигсбергскій философъ только формулировалъ въ строго-научныхъ категоріяхъ то, что говорилъ его король. По отношенію къ государству известно его мнѣніе: «Король долженъ быть первымъ слугою (*der erste Diener*) своего государства». Власть не даетъ ума и знанія людей. Въ добавленіи къ своему завѣщанію, Фридрихъ отзывается о современныхъ ему короляхъ Франціи, Португаліи, Испаніи, Неаполя, Сардиніи, Даніи, Швеціи и Польши, какъ о совершенныхъ ничтожествахъ, глядя на которыхъ приходить на мысль: «*qui'on ne peut être roi sans qu'on soit une bête*». Въ борьбѣ просвѣщенія съ авторитетомъ духовенства Фридрихъ былъ всегда на сторонѣ первого. Вообще книга Целлера даетъ полное понятіе о Фридрихѣ на основаніи его собственныхъ мнѣній, хотя мнѣнія эти и у него, какъ у другихъ людей, не рѣдко расходились съ дѣломъ. Эта уже общая участъ всѣхъ людей, простыхъ смертныхъ, какъ властителей.

— Любопытны «Воспоминанія французскаго журналиста въ Римѣ» (*Souvenirs d'un journaliste fran ais   Rome par Henri des Houix*). Авторъ, ревностный католикъ и ультрамонтанъ, не довольствуясь защитою интересовъ папства въ Парижѣ, отправился въ центръ іезуитизма, хотя Левъ XIII въ то время еще не возвставлялъ іезуитовъ и ихъ газеты *«Civitta catolica»*. Дегу основалъ въ Римѣ свою газету, въ которой началъ защищать ватиканскаго узника и его непогрѣшимость съ такимъ усердіемъ, что свѣтская власть, въ лицѣ королевскихъ цензоровъ, принуждена была укрощать излишнее рвение рыцаря папства денежными штрафами и тюремными заключеніемъ. Неукротимый журналистъ, однако, не унимался, желая, вѣроятно, заслужить вѣнецъ газетнаго мученика, хотя въ наше время не жгутъ даже и книги, убѣдясь въ томъ, что грозныя кары никого не исправляютъ и ничего не доказываютъ. Но война за прерогативы папы кончилась

неожиданнымъ пасажемъ: Левъ XIII самъ обезоружилъ своего защитника, запретивъ ему издавать газету. Повинуясь этой непогрѣшимой резолюціи, журналистъ счелъ, однако, нужнымъ разскать исторію своего римского похода, и въ его «воспоминаніяхъ» невольно проскальзываютъ черты, рисующія далко не въ привлекательномъ свѣтѣ многія стороны папства.

— «Финансы старого режима и революціи» (*Les finances de l'ancien régime et de la révolution par Fénel Stourm*) рисуютъ беспристрастную картину финансовыхъ реформъ, предпринятыхъ Некеромъ и Тюрго и не осуществлявшихся вслѣдствіе слабости и нерѣшительности короля. Авторъ не скрываетъ также ошибочности и несообразности финансовыхъ мѣръ конвента и директоріи. Начинаетъ онъ съ обзора положенія финансъ въ царствование Людовиковъ XIV и XV, затѣмъ, сдѣлавъ оценку всѣхъ финансовыхъ мѣръ революціи, оканчиваетъ изученіемъ, въ эпоху консульства, земельного налога, личныхъ и имущественныхъ повинностей, городскихъ сборовъ, косвенныхъ податей, таможенныхъ пошлинъ и проч. Рассматривается также налогъ и на двери и окна, масло и мыло, общественные экипажи, на бумагу и карты и другіе виды сборовъ. Авторъ касается всѣхъ вопросовъ, относящихся къ финансовому праву: пенсій, контроля, отчетности, банкротства, ассигнацій, займовъ и т. п. Во всемъ этомъ много интереснаго и поучительнаго.

— «Либеральная опозиція при имперіи» (*L'opposition libérale sous l'empire, 1861—1863, par Alfred Darimon*). Авторъ, бывшій парижскій депутатъ, издалъ три года тому назадъ «Исторію одной партіи» отъ 1857 по 1860 годъ. Настоящій трудъ служить продолженіемъ первого. Опозиція императорскому правленію началась съ 1857 года, когда въ палатѣ явились первые пять членовъ, осмѣлившіеся находить, что самоуправство Луи-Наполеона не содѣствуетъ благосостоянію Франціи. Даримонъ былъ въ числѣ первыхъ пяти членовъ опозиціи и, разскаживъ первые шаги ея въ парламентской борбѣ, приводить любопытныя подробности слѣдующей сессіи; интриги Гавена, ренегатство Эмиля Оливье, министерская мошенничества Пикара, выходки Прудона, продѣлки Морни, Луи-Наполеона, принца Жерома, возвращеніе республиканской партіи. Множество анекдотовъ рисуютъ эпоху, описываемую авторомъ. Когда, не смотря на сопротивленіе правительства, Пеллетанъ былъ избранъ депутатомъ, императрица Евгенія сказала Жирардену: «Вашъ другъ торжествуетъ. Чѣмъ вы оправдаете его выборъ?» — «Торжествующіе не нуждаются въ оправданіи», — отвѣчалъ журналистъ. Картина этого недавняго времени, но которое уже такъ далеко отъ насъ, предсталяетъ много любопытнаго.

— «Корреспонденція изъ Гарперс-Ферри» (*La correspondance de Harper's-Ferry*) — книга, въ которой все подробности исторически вѣрны и которая въ то же время кажется романомъ. Въ «Историческомъ Вѣстнике» была подробно разскажана великолѣчная попытка Джона Броуна освободить негровъ въ рабовладѣльческихъ штатахъ Сѣверной Америки. Но печальная история восстанія храбраго борца за уничтоженіе рабства имѣла еще романіческій эпилогъ, разсказанный французскимъ авторомъ. Жена одного изъ должностныхъ лицъ штата, г-жа Кембелль, захотѣла спасти Броуна, приговоренного къ повѣшенню въ Гарперс-Ферри, и написала вѣсколько писемъ къ тремъ высокопоставленнымъ лицамъ, отъ которыхъ зависѣла судьба осужденного. Въ письмахъ этихъ встрѣчались такія восторженныя фразы и

предлагалась такая награда за спасеніе Броуна, которую не могъ быть доволенъ мужъ г-жи Кемпбелль, назначенный впослѣствіи консуломъ Сѣвероамериканскихъ Штатовъ въ Гаврѣ. Когда прошелъ порывъ увлечения, г-жа Кемпбелль, бывшая царицей общества въ Гаврѣ, надумалась, что не слѣдуетъ оставлять компрометирующія ее письма въ чужихъ рукахъ. Чтобы получить ихъ обратно, она воспользовалась вліяніемъ своей красоты и убѣдила одного изъ своихъ поклонниковъ Сиднея Айслу, состоявшаго при консулѣ, отправиться въ Америку и добыть эти письма во что бы то ни стало. Это было въ самый разгаръ междуусобной войны въ Штатахъ за уничтоженіе невольничества, и книга описываетъ подробно, съ какими препятствіями и опасностями долженъ былъ бороться молодой человѣкъ, чтобы исполнить желаніе своей соотечественницы. Какія хитрости употреблялъ онъ, на какія дерзкіе подвиги рѣшался, чтобы добыть эти письма. Онъ достигъ своей цѣли и возвратилъ всѣ письма, адресованныя къ тремъ значительнымъ лицамъ, даже не читая этихъ писемъ, какъ требовала г-жа Кемпбелль. Но вместо того, чтобы наградить Айслу за его самопожертвованіе, очаровательная американка дала ему ясно понять, что джентльменъ, оказавшій услугу дамѣ, не долженъ своимъ присутствіемъ близъ нея напоминать ей, что она обязана ему благодарностью. Айслу покорился этому жестокому приговору и уѣхалъ опять въ Америку, гдѣ вступилъ въ ряды войска и вскорѣ пропалъ безъ вѣсти, вѣроятно, погибнувъ въ стычкѣ съ федералистами, а г-жа Кемпбелль, мужъ которой сѣѣланъ былъ посланникомъ, продолжала блестать красотою и невинностю. И еще говорять, что въ нашъ положительный вѣкъ нѣтъ страстей и романтическихъ исторій!

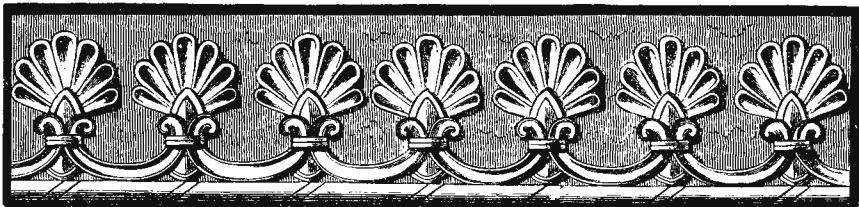
— «Признанія Ламене» (*Confidences de Lamennais. Lettres érites de 1821 à 1848*). Эти неизданные письма сопровождаются объясненіями Вильрабеля, сохранившаго и въ наше время память о гордомъ, талантливомъ священникѣ, не хотѣвшемъ подчиниться ферульному папству и отстаивавшемъ право всякаго сильнаго ума на свободу вѣрованія и мысли. Авторъ, въ введеніи къ собраніямъ и комментированнымъ имъ письмамъ, представляетъ характеристику Ламене, опѣнку его какъ писателя и оратора. Письма любопытны не по религіознымъ вопросамъ, теперь мало кого интересующимъ, но по тѣмъ общественнымъ и соціальнымъ темамъ, которая затрагиваетъ и обсуждается въ своей перепискѣ авторъ *«Paroles d'un скouant»*.

— «Историческіе портреты: Филиппъ де Комминъ, великий Конде, Мазаринъ, Фридрихъ II, Людовикъ XV и Марія-Терезія» (*Portraits historiques: Philippe de Commines, le grand Condé, Mazarin, Frederic II, Louis XV et Marie-Thérèse, par B. Chantelauze*). Этотъ сборникъ характеристикъ составленъ не по новымъ документамъ, а скомпилированъ по книгамъ, пользующимся извѣстностью. Такъ біографія Филиппа де Коммина составлена по сочиненію бельгійца Кервенъ де Летеяговъ, Конде по книгѣ герцога Омальскаго, Мазаринъ—по Луазелеру, а три послѣдніе портреты по сочиненіямъ герцога Брольи. Нѣкоторыя подробности взяты, впрочемъ, и изъ необнародованныхъ документовъ архива иностранныхъ дѣлъ. Такъ о послѣднихъ дняхъ Мазарина сообщаются малоизвѣстныя доказательства его малодушія передъ смертью. Онъ все плакался на свою горькую участъ и жалѣлъ, что долженъ покинуть свои сокровища, награбленныя во Франціи этимъ жаднымъ итальянцемъ. Особенно хороша характеристика первого французского историка, писавшаго яснымъ, литературнымъ языккомъ, доброго совѣтника недобраго Людовика XI.

— Графт Буле де ла Мерть издалъ разскать о послѣднихъ годахъ герцога Энгіенскаго (*Les dernières appées du duc d'Enghien*, 1801—1804). Авторъ разскываетъ исторію этихъ годовъ, какъ безпристрастный историкъ, основывающійся только на неопровержимыхъ документахъ и свидѣтельствахъ современниковъ. Выводъ онъ предоставляетъ дѣлать самимъ читателямъ и останавливается больше всего на вопросахъ: имѣлъ ли основаніе Наполеонъ подозрѣвать Бурбоновъ въ замыслахъ на его жизнь? Выказывалъ ли герцогъ Энгіенскій ненависть Франціи и хотѣлъ ли поступить въ англійскую службу? Отвѣтъ получается утвердительный, но въ то же время разстрѣляніе герцога во рву Венсенской крѣпости, послѣ захвата его на прусской территоріи, не только не утвердило власти Наполеона, а напротивъ еще болѣе расшатало ее. Къ тому же послѣдній отпрыскъ дома Конде только сбирался драться въ рядахъ враговъ Франціи, а будущій король ея, Луи-Филиппъ, уже въ 1810 году, вступилъ въ испанскую армію и изъ его писемъ видно, съ какою ненавистью онъ отзывался о своемъ отечествѣ. За что же было казнить герцога Энгіенскаго «во имя государственной необходимости», какъ говорилъ Наполеонъ?

— На англійскомъ языкѣ вышла новая біографія госпожи Роландъ (*Madame Roland by Mathilde Blind*). Эта книга принадлежить къ серіи «знаменитыхъ женщинъ» (*Eminent women series*), издаваемыхъ Инграмомъ, поручившимъ женщинамъ-писательницамъ составленіе біографій, входящихъ въ этотъ сборникъ. Матильда Блейндъ написала уже «Жизнь Джорджа Эліота», романъ «Тарантелла» и томъ стихотвореній. Воспитанница Мадзини, другъ Луи-Бланна и Ледрю-Роллена, миссъ Блейндъ очертила образъ «вдохновительницы и славы жирондистовъ» съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, но не искашая истины, а только мѣстами прикрашивая ее. Авторъ не склоняется на сторону якобинцевъ, какъ Карлейль и Джонъ Морлей, но оправдываетъ г-жу Роландъ въ томъ, что она отвергла союзъ, предложенный ей Дантономъ, потому что видѣла въ немъ руководителя сентябрскихъ убийствъ, и этимъ отказомъ погубила себя, своего мужа, свою партію и всю Францію, отдавъ ее въ руки Робеспьера. Въ книгѣ много новыхъ взглядовъ и соображеній.

СМѢСЬ.

БѢАТЕЛЬНОСТЬ ученыхъ архивныхъ комиссій. Для изученія отечественной старины, по инициативѣ покойнаго Н. В. Калачева, въ пѣсколькихъ городахъ имперіи возникли ученыя архивные комиссіи, въ основу которыхъ положена идея объединенія мѣстныхъ дѣятелей, могущихъ послужить сть пользою дѣлу сохраненія важныхъ историческихъ памятниковъ вещественныхъ и документальныхъ. Приведеніе въ порядокъ и, по возможности, въ научную систему мѣстныхъ архивовъ ставится одною изъ первыхъ задачъ архивныхъ комиссій, и при нѣкоторыхъ изъ нихъ

учреждены уже «исторические архивы», въ которыхъ объединяются письменные памятники чрезвычайной исторической важности. Въ настоящее время уже дѣйствуютъ слѣдующія пять комиссій: тамбовская, рязанская, костромская, тверская и орловская, руководство работами которыхъ всецѣло возложено на археологический институтъ, въ лицѣ его директора И. Е. Андреевскаго, совѣта и правленія. Обращаемся къ дѣятельности этихъ комиссій, о которыхъ намъ не разъ приходилось говорить.

Тамбовская архивная комиссія въ настоящее время открыла въ своемъ округѣ апокрифическую книгу: «Сказание о вольномъ страданіи и о тайной вечери Господа нашего Иисуса Христа, како волею Свою нашего ради спасенія страсти претерпѣ», которая и послужила богатымъ материаломъ для рѣчи предсѣдателя И. И. Дубасова. Эта рѣчь напечатана въ журналѣ общаго собранія тамбовской комиссіи. Въ этомъ же журналь опубликованы: рукопись князя А. Безбородко и П. Бакунина о событияхъ царствованія императрицы Екатерины II, извлеченная членомъ комиссіи М. Г. Розановымъ изъ домашнаго архива графовъ Сухтеленъ, и материалы для исторического и церковно-археологического описанія Шацкаго уѣзда, Тамбовской губерніи, извлеченные изъ московскихъ архивовъ г. Токмаковыми.

Рязанская археологическая комиссія разсмотрѣла до 4,000 дѣлъ и изъ нихъ 826 извлекла для исторического архива. Кроме того, въ комиссию поступило изъ Солохчинского монастыря до 250 дѣлъ, ярко характеризующихъ

монастырскую жизнь конца XVII и начала XVIII вѣка. Въ настоящее время все эти 250 дѣлъ разсмотрѣны и описаны членомъ комиссіи И. В. Добролюбовыи, въ журналь комиссіи вошли также нѣсколько писемъ изъ собранія автографовъ Е. Н. Муромцевой и въ томъ числѣ письмо В. А. Жуковскаго къ князю А. Н. Голицыну, писанное въ 1850 г., и письмо К. С. Аксакова къ князю В. А. Черкасскому 1859 года, специально посвященное крестьянскому вопросу; ваконецъ, напечатано принадлежащее С. Н. Марину, стихотворцу конца XVIII и начала XIX вѣка, юмористическое сочиненіе «Хвосты». Этюю же комиссію формируется археологический музей, съ цѣлью обогащенія котораго комиссія принимала разныя мѣры. Такъ, членомъ комиссіи Ф. Н. Китаевымъ были произведены раскопки курганныго кладбища при деревнѣ Смѣдовкѣ, Каширскаго уѣзда, Тульской губерніи, при чёмъ раскрыто 67 кургановъ и взято изъ могилъ 165 различныхъ предметовъ, состоящихъ преимущественно изъ женскихъ украшений и череповъ; К. П. Побѣдоносцевымъ въ этотъ музей пожертвованъ холщевый античный самодѣржавнѣйшаго великаго государя нашего Ioanna Antonovicha; членомъ комиссіи И. В. Добролюбовыи доставлена въ музей коллекція древнихъ крестовъ, образковъ, княжескихъ монетъ, медалей и пр., и членъ комиссіи А. А. Маринъ принесъ въ даръ собраніе того же рода предметовъ. Кроме того, эта комиссія приняла рядъ мѣръ къ охраненію древнихъ памятниковъ и на мѣстахъ ихъ находженія въ чертѣ ездѣтельности. Съ этой цѣлью членъ комиссіи А. В. Селивановъѣздилъ въ Касимовъ для осмотра древнихъ магометанскихъ гробницъ.

Тверская ученая архивная комиссія учредила археологический музей, собранный неутомимыми трудами А. К. Жизневскаго.

Изъ обзора дѣятельности костромской ученой архивной комиссіи видно, что комиссія приступила къ печатанію въ «Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» рукописей изъ архива Ипатьевскаго монастыря, заключающаго въ себѣ болѣе 500 рукописныхъ памятниковъ. Въ отвѣтъ на отношеніе комиссіи, обратившейся къ мѣстнымъ благочиннымъ съ просьбою увѣдомить ее, не хранятся ли при церквяхъ и соборахъ, состоящихъ въ ихъ завѣданіи, старинныхъ рукописей, грамотъ и проч. и дѣлъ, представляющихъ исторический интересъ, получила сообщенія, что въ числѣ памятниковъ древней письменности хранятся: жалованная въ 1618 году грамота Никольской церкви гор. Чухломы, челобитная Соловецкаго монастыря царю Алексѣю Михайловичу и надгробная надпись церкви г. Соболева (Буйскаго уѣзда), относящаяся ко времени царя Алексѣя Михайловича. Вслѣдствіе ходатайства ученыхъ архивныхъ комиссій, сдѣлано духовной властью распоряженіе, чтобы впередъ все передѣлки и исправленія въ церковныхъ зданіяхъ, построенныхъ раньше средины XVIII вѣка, дѣлялись лишь съ соглашеніемъ и подъ руководствомъ ученыхъ археологическихъ комиссій.

Раскопки кургановъ. Село Бѣлозерка находится въ четырнадцати верстахъ ниже города Херсона, по правую сторону Днѣпра, и на тридцать верстъ выше устья рѣки Буга. Тутъ почти на каждомъ шагу можно найти остатки старины. Но всего больше такихъ остатковъ находится въ такъ называемомъ городищѣ, мѣстѣ бывшаго поселенія или города. Это городище находится за пять верстъ ниже села Бѣлозерки, у самаго берега рѣки Даѣпра, между двумя лѣвыми притоками его, Кошевой и Корабѣлкой; центръ его имѣть видъ неправильнаго квадрата длины 148 сажень, ширины 44 сажени, а окраины представляютъ широкія площади, замыкающіяся съ западной и сѣверной сторонъ глубокимъ валомъ, перерывающимся въ разныхъ мѣстахъ. Благодаря возвышенности берега, на которомъ раскинулось городище, можно легко и удобно обстрѣливать всякое судно, поднимающееся снизу вверхъ по Даѣпру. Между прочимъ, этимъ воспользовались наши войска въ сева-

стопольскую войну, соорудив у южнаго конца городища огромную и довольно сложную батарею. А благодаря большому обилию воды и глубинѣ рѣкъ какъ самаго Днѣпра, такъ и двухъ названныхъ его притоковъ, мѣсто городища весьма удобно и въ торговомъ отношеніи. Съ городища открывается очаровательная перспектива на живописѣйшія плавни Днѣпра и на далекій, совершенно открытый лѣвый берегъ его. Отсюда понятно, почему уже съ очень ранняго времени мѣсто городища было избрано человѣкомъ для жилья. Судя по остаткамъ разныхъ вещей, обломкамъ посуды, каменнымъ сооруженіямъ, подземнымъ ходамъ, находимымъ монетамъ, можно думать, что здѣсь прошла не одна народность: видимо, что здѣсь былъ и до-исторический человѣкъ, видимо, что здѣсь жили и греки-колонисты, можетъ быть, времень Геродота, видимо также, что здѣсь долго оставались турки или татары, которыхъ смѣнили потомъ запорожскіе казаки.

Не менѣе интересна и другая мѣстность Бѣлозерки на западѣ отъ села, за рѣчкой Бѣлозеркой. Интересъ этой мѣстности состоить въ томъ, что на огромномъ пространствѣ и почти безпрерывно она усыана небольшими курганами, представляющими цѣлый могильникъ, и едва только возвышающимися отъ поверхности земли. Разработка кургановъ въ данной мѣстности — дѣло довольно трудное: нужно углубляться въ землю по меньшей мѣрѣ на двѣ сажени, чтобы извлечь изъ могилы покойника и добыть положенные при немъ вещи. Курганъ первый, безъ названія, находится въ открытой степи за рѣкой Бѣлозеркой, по направлению отъ юго-востока къ сѣверо-западу; въ окружности имѣть 35 саж., черезъ вершину — $10\frac{1}{2}$ саж., покрытъ дерномъ и состоитъ изъ земляной насыпи безъ камней внутри и въ основаніи, раскопанъ широкою траншеей въ направлении отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, длины 16 арш., ширины 8. Всѣхъ слоевъ земли снято пять, послѣ чего открыто черное пятно, соотвѣтствующее обыкновенной могильной ямѣ, въ которой хоронять покойниковъ и въ наше время. Въ первомъ слоѣ снятой земли вырыто нѣсколько лошадиныхъ костей, разбросанныхъ въ беспорядкѣ; во второмъ слоѣ найдены одинъ черепокъ разбитой посуды, кости суслика, куски гнилого дерева и два ребра человѣческаго скелета. Въ третьемъ слоѣ прежде всего найдена кость лошади, затѣмъ небольшой обломокъ деревянной доски и скелетъ человѣка, расположенный на спину, по направлению отъ сѣверо-востока къ юго-западу, длины два съ половиной аршина, съ руками протянутыми по швамъ и съ небольшою кучкой золы у праваго плеча; подъ скелетомъ найдена деревянная лѣстница, длины соотвѣтственно скелету, съ пятью поперечными перекладинами, замѣнявшая собой нижнюю доску гроба, а поверхъ скелета остатки тонкой доски, обитой небольшими желѣзными гвоздями, очень грубой работы. Послѣ разработки земли около скелета оказалось, что у ногъ его стояла желѣзный котелокъ кованной работы на подобіе жаровни, полтора аршина въ діаметрѣ, съ толстою желѣзною ручкой. Верхняя часть скелета найдена испорченна: голова совсѣмъ отдѣлена отъ позвонковъ и въ двухъ мѣстахъ проверчена буравомъ. Это обстоятельство показываетъ, что курганъ уже былъ тронутъ кладоискателями. Судя по уцѣлѣвшимъ обломкамъ, черепъ былъ весьма оригинальной конструкціи; всего больше достойна вниманія въ немъ затылочная часть: она имѣеть полторы четверти длины и сравнительно со лбомъ кажется череатчуръ непомѣрною. За четвертымъ слоемъ слѣдовала пятый слой и за пятымъ черное пятно. Это пятно найдено въ самомъ центрѣ кургана, формы правильнаго овала, въ діаметрѣ шесть аршинъ. При разработкѣ чернаго пятна, на глубинѣ двухъ аршинъ къ западной окраинѣ, найдены кости переднихъ ногъ лошади, сложенные крестообразно одна на другую; соотвѣтственно переднимъ къ восточной окраинѣ пятна найдены кости заднихъ ногъ лошади и возлѣ нихъ двѣ стрѣлки вмѣстѣ съ обломками небольшаго желѣзного дротика или метательнаго копья, полаго внутри. Ниже двухъ аршинъ черное пятно стало

меньше и потомъ совсѣмъ исчезло, послѣ чего въ сѣверной окраинѣ его обнаружился сводъ въ видѣ правильно устроеннаго устья печи, заложеннаго желтою глиной. Въ очищенномъ отъ глины сводѣ найденъ другой скелетъ человѣка, положенный въ направленіи отъ запада къ востоку, лицомъ вверхъ, съ руками противуты по швамъ, съ ногами только до колѣнъ и съ черепомъ обыкновенныхъ размѣровъ, но безъ девати зубовъ въ верхней челюсти. У изголовья скелета вбитъ толстый деревянный столбъ, подъ спину подложены три небольшия дубовые перекладины, а у ногъ скелета воткнутъ желѣзный книжалъ, съ небольшою деревянною ручкой. Ниже второго скелета, на глубинѣ двухъ сажень отъ поверхности кургана, найденъ третій скелетъ человѣка, положенный въ томъ же направленіи, какъ и второй, но безъ головы. При третьемъ скелетѣ, также какъ и при второмъ, не найдено ничего, кромѣ небольшихъ обломковъ желѣзного копья. Неполнота двухъ послѣднихъ скелетовъ заставляетъ думать, что это или убитые въ сраженіи, или покойники, которые были погребены по частямъ: у разныхъ народовъ и въ разное время существовалъ обычай прежде, чѣмъ предать умершихъ землѣ, раздѣлить ихъ на части и потомъ уже хоронить.

Подарокъ И. А. Крылова. «Волжскій Вѣстникъ» сообщаетъ, что въ библіотекѣ казанскаго землевладѣльца П. Ф. Лихачева хранится интересный экземпляръ басней Лафонтена съ автографомъ И. А. Крылова. На бѣлой страницѣ этого экземпляра предъ заглавнымъ листомъ находится четкая надпись: «Подарены любезнымъ другомъ Иваномъ Андреевичемъ Крыловымъ 10 июля 29-го дня 1792, въ бытность въ типографіи; по причинѣ нашей разлуки на времія». На самомъ же заглавномъ листѣ помѣта сильно выцвѣтшими отъ времія чернилами: «Клушина». Въ 1792 году, Крыловъ въ сотрудничествѣ съ А. И. Клушинымъ, армейскимъ офицеромъ, сыномъ орловскаго помѣщика, издавалъ журналъ «Зритель», который и печаталъ въ собственной типографіи. Дружба Клушина съ Крыловымъ продолжалась и въ 1793 году, когда они совмѣстно издавали «С.-Петербургскій Меркурій». Такимъ образомъ, разлука двухъ друзей была непродолжительна. Надпись самого Крылова находится подъ гравированнымъ портретомъ Лафонтена (работы Мовена), приложеннымъ къ книгѣ, и состоитъ изъ четырехъ мелко, но очень четко написанныхъ строкъ:

Залогомъ дружества прими Фонтена ты:
И пусть оно въ сердцахъ тогда у насть увянетъ,
Когда богъ ясныхъ дней свѣтить нашъ міръ престанеть
Или Фонтеновы затмить кто красоты.

I. Крыловъ.

Еще четыриадцатилѣтнимъ мальчикомъ, въ 1781 г., Крыловъ сдѣлалъ опытъ перевода одной басни Лафонтена, но затѣмъ оставилъ этотъ родъ поэзіи; только въ 1806 году появились въ свѣтѣ первыя три его басни. Приведенное выше четверостишіе свидѣтельствуетъ о томъ уваженіи, съ какимъ относился И. А. Крыловъ къ французскому баснописцу.

Пицундскій храмъ. На восточномъ берегу Чернаго моря между Адлеромъ и Гудаутомъ есть мѣстность, называемая Пицунда. У подножія величественныхъ горъ, на берегу самаго моря, тянется на нѣсколько верстъ сосновый лѣсъ, изъ-за вѣковыхъ деревьевъ котораго виднѣется величественный храмъ византійской архитектуры. Храмъ этотъ, древнѣйший памятникъ христіанскаго искусства, построенъ въ VI вѣкѣ Юстинианомъ вторымъ, византійскимъ императоромъ. Втеченіе болѣе тысячи лѣтъ храмъ этотъ вынесъ много непогодъ: былъ раззоряется и вновь возобновляется. Еще лѣтъ 18 тому назадъ на стѣнахъ этого храма росли огромныя деревья, которыя при реставрированіи храма были срублены. Храмъ былъ возобновленъ по повелѣнію Александра II и освященъ въ 1869 году, 27 сентября. Архимандритъ Феодосій и пять монаховъ, братій Сергіевской лавры, поселились вдѣсь и основали монастырь, ко-

«истор. вѣсти.», октябрь, 1886 г., т. xxv.

1/16

торый недолго существовалъ, ибо черезъ пять лѣтъ, въ 1876 году, во время послѣдней турецкой войны, монахи удалились и больше не возвращались. Возмутившіеся абхазы съ турками во время войны разорили храмъ и всѣ образа и фрески на стѣнахъ исковеркали, громадный ликъ Христа, написанный въ плафонѣ купола, былъ обстрѣленъ и слѣды пуль абхазцевъ видны и теперь. Втеченіе восьми лѣтъ храмъ находился въ запустѣніи. Наконецъ, онъ вмѣстѣ съ окружающей землей и лѣсомъ въ количествѣ 555 десятинъ былъ предложенъ Ново-Аeonскому монастырю, находящемуся всего въ 40 верстахъ отъ Пицунды. И не смотря на то, что всего лишь 2-го марта прошедшаго года послѣдовало утвержденіе постановленія синода о передачѣ Ново-Аeonскому Симеоно-Канавитскому монастырю для открытия здѣсь скита для монашеской строгой подвижнической жизни, по уставу Aeонской горы, какъ въ сентябрѣ храмъ былъ исправленъ на столько, что совершилось освященіе его. Оно было торжественно, и вообще храмъ производитъ глубокое впечатлѣніе своимъ величиемъ, простотой и вмѣстѣ изяществомъ линій и удивительнымъ резонансомъ. Всѣми этими качествами, также какъ прочностью стѣнъ и сводовъ и превосходной вентиляціей и акустикой обладаетъ этотъ храмъ, построенный болѣе тысячи трехсотъ лѣтъ тому назадъ. Онъ имѣть въ длину 20 сажень, въ ширину — 10 и въ вышину до купола 22 саж.; на обширные хоры ведутъ 33 каменные ступени. При входѣ въ храмъ, въ притворѣ направо есть особое сводчатое помѣщеніе, въ которомъ находятся двѣ пустыя каменные гробницы. По существующему преданію, одна изъ нихъ служила усыпальницей апостола Андрея, а другая, по предположенію, усыпальницей апостола Симеона Кананита. Оба апостола проповѣдывали въ Грузіи и въ черноморскихъ странахъ. Апостоль Симеонъ Кананитъ, который былъ женихомъ на свадьбѣ въ Канѣ Галилейской, где Христосъ превратилъ воду въ вино, по преданію, былъ похороненъ въ мѣстности нынѣшняго Ново-Аeonского монастыря, называющагося поэтому Симеоно-Кананитскимъ. На мѣстѣ погребенія апостола была построена церковь, около извѣстнаго Трахайского ущелья, по дну которого течетъ рѣчка Псыртехъ. Развалины храма, основанного еще въ IV вѣкѣ по Р. Х., Ново-Аeonскому монастыремъ были недавно восстановлены и превосходно реставрированы.

Древности, принадлежащи г. Кирьякову. Изъ числа собраній археологическихъ и нумизматическихъ рѣдкостей, принадлежащихъ частнымъ лицамъ изъ нашихъ соотечественниковъ, замѣтнѣе коллекціи, принадлежаща г. Кирьякову. Эти памятники найдены при раскопкахъ около Митридатовой горы, недалеко отъ г. Керчи и въ скиескихъ курганахъ. Прибрежье Крыма, какъ извѣстно, сплошь было усеяно греческими колоніями. Коллекція представляетъ собраніе древностей Пантікапея, Ставромата, Рископориди, Котіоса, Фанагоріи, Иппоніфимеоса, Херсонеса Тавріческаго, Керчи, Босфора Кіммерійскаго, а также древности временъ Митридата понтийскаго, римскія, византійскія и скиескія. Идолы скиевъ, какъ и другіе художественные памятники этого народа, принадлежать нѣсколькимъ эпохамъ. Идолы и статуи первой эпохи носятъ на себѣ отпечатокъ младенчества — формы грубы, аляповаты, но по мѣрѣ сближенія съ греками грубость и аляповатость формъ постепенно исчезаютъ и замѣняются тонкими, вѣжными линіями грековъ — острые углы уступаютъ мѣсто округленности. Такимъ образомъ въ произведенияхъ скиескихъ художниковъ, благодаря сближенію съ греками, замѣчается прогрессъ, чего нельзя сказать о греческихъ антикахъ, на которыхъ сближеніе съ варварскимъ народомъ отразилось очень невыгодно: греки, достигнувъ высшей степени художественного развитія, видя въ топорности и аляповатости скиескихъ мастеровъ вѣчно оригинальное, стали подражать имъ и постепенно начали оставлять изящность своего стиля. Первое, что заслуживаетъ вниманіе, это замѣтительно сохранившійся саркофагъ и гробъ, который ставился въ каменный ящикъ и герметически заливался извѣстью.

Въ саркофагахъ хоронили только очень высокопоставленныхъ лицъ, а потому находка саркофага принадлежитъ къ счастливымъ случайностямъ.

Изъ статуй греческой работы обращаютъ внимание: женщина въ нижнемъ покровѣ и со спущенной туникой. Въ складкахъ замѣчательно сохранились слѣды красокъ розовой, лиловой и пунцовой. Церера, отдыхающая на снопѣ среди сжатого поля. Венера и лебедь. Венера на тронѣ. Два держащіеся амура. Амуръ и Психея. Цѣлюющіеся амуры. Жертвоприношеніе. Грекъ, держащий кисть винограда. Амазонка. Идолы скиевъ первой эпохи уродливы и чудовищны, такъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ разрываетъ себѣ руками грудь, другой съ видимымъ удовольствіемъ распороль животъ и наматываетъ на руку свои кишкі. Головы этихъ идоловъ болѣе собачьи, на головѣ рога, верхняя часть тѣла нага, и только отъ пояса спускается юбка изъ шкуры. Идолы послѣднихъ эпохъ хотя и грубы, но уже изображаютъ человѣка. На головахъ у нихъ остроконечныя очинныя шапки, какія носятъ киргизы букеевской орды въ Астраханской губерніи.

Изъ статуй скиевскихъ художниковъ обращаютъ внимание: двѣ статуи скиевского всадника, мчащагося на конѣ и перегоняющаго волка. Одна изъ этихъ статуй принадлежитъ къ періоду младенчества, на другой уже отразилось греческое влияніе. Всадникъ второй статуи держитъ въ рукѣ щитъ, лицо осмысленно. Статуя скиевской женщины верхомъ на лошади. Скиевскій ребенокъ, сидящій на лебедѣ. Скиевская женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Скиевскій правитель, сидящій на тронѣ. Люлька съ лежащей въ ней женской съ ребенкомъ.

Изъ греческихъ памятниковъ обращаютъ на себя вниманіе двѣ головки гречанки и скиевянки, а также отбитая лапа льва, на ступнѣ которой изображены цѣлюющіеся амуры. Изъ греческихъ сосудовъ обращаютъ вниманіе: два сосуда, въ которыхъ хоронили пепель отъ сжигаемаго умершаго. Присутствіе этихъ кратеръ доказываетъ принадлежность всего, что найдено при нихъ, къ мѣдному или бронзовому періоду, такъ какъ только въ этомъ періодѣ въ Европѣ сжигались покойники,—это подтверждается находящимися тутъ же мѣдными наконечниками греческихъ стрѣлъ. Вазы временъ процвѣтанія и упадка. Патеры — сосуды для вина, похожіе на наши суповые миски. Сосудъ для сливокъ и молока. Работа первыхъ изящнѣе. Кувшинчики съ рельефами, амфоры съ рисунками, фланончики, служившіе сосудами для ароматическихъ масъ. Обращаютъ вниманіе маски боговъ и боги, которыми обкладывали умершаго. Изъ нихъ выдѣляются маски Венеры и Геркулеса. Изъ стеклянныхъ сосудовъ по тонкости работы обращаютъ вниманіе: стаканы, кувшинчики и слезницы-сосуды, куда родственники умершихъ собирали слезы и хоронили съ покойникомъ. Шитомники для кормленія грудныхъ дѣтей. Свѣтильники. Ожерелья изъ разныхъ камней и стекла. Браслеты, изображающіе змѣй. Носились на сгибѣ ноги выше подъема, въ верхней части ноги и на рукахъ. Серьги, изображающія голову льва съ змѣинымъ туловищемъ или съ подвѣсками. Изъ образчиковъ рѣзьбы по дереву обращаетъ вниманіе мелкая работа по небольшому сердолику, изображающая одинъ изъ подвиговъ Геркулеса: полубогъ разрываетъ кабана. Большой интерес представляютъ осколки чаши, на которыхъ превосходно сдѣланы головы людей и два осколка отъ крышки съ головами Пана и Геркулеса. Интересна нумизматическая коллекція: нѣсколько череповъ микрекефаловъ разныхъ эпохъ. Черепа первой эпохи почти безъ признаковъ лба, болѣе подходятъ къ черепу гориллы, а не человѣка. Прекрасно сохранились волосы женщины, повидимому, носящіе слѣды краски, которую и теперь красятъ персіяне.

Археологическая находка въ Дрогичинѣ. Въ 54-хъ верстахъ отъ уѣзднаго города Бѣльска, Гродненской губерніи, находится заштатный городъ Дрогичинъ. Съ XI-го по XIII-й вѣкъ онъ былъ передовымъ постомъ русскихъ кня-

зей въ борьбѣ съ ятвягами. Здѣсь же въ 1253 году вѣнчался королевской короной великий князь Даниил Романовичъ. Въ 1274 году, Дрогичинъ былъ сожженъ литовскимъ княземъ «окаянныи и трехъятныи» Тройденомъ, который, по словамъ лѣтописи, «избилъ всѣхъ жителей отъ мала до велика». Съ тѣхъ поръ русскій Дрогичинъ исчезъ изъ исторіи и на его мѣстѣ вояникъ подъ литовско-польскимъ владычествомъ другой городъ, который, въ свою очередь, изъ главнаго города воеводства превратился въ ничтожное мѣстечко. Н. П. Авенариусъ, производившій вынѣшнимъ лѣтомъ раскопки въ Дрогичинѣ, нашелъ частью на берегу Буга и частью въ самой рѣкѣ, на глубинѣ вѣсколькихъ вершковъ, нѣсколько сотъ предметовъ, несомнѣнно относящихся къ русскому periodu исторіи этого города, а именно: обломки мечей, большие и малые ножи, наконечники коцій и стрѣль, перстни, серги, разныя бронзовыя и костяные украшенія, стекляные браслеты разныхъ рисунковъ, каменные пряслины, безчислѣнное число черепковъ посуды безъ поливы и т. п.; интереснѣе прочихъ предметовъ бронзовый крестикъ византійского стиля и около сорока свинцовыхъ пластинокъ съ славянскими буквами и отчасти съ изображеніями на реверсѣ. Всѣ эти вещи размыты весеннимъ разливомъ Буга изъ нагорнаго, почти отвѣснаго берега, на которомъ стоитъ нынѣшній Дрогичинъ. Берегъ этотъ состоить въ разрѣзѣ изъ трехъ пластовъ: нижній — материковая глина; верхній — напоснай почва; средній, толщиной приблизительно въ два аршина, — мусоръ, т. е. прокопанный насквозь глина, известъ и отчасти кирпичъ, съ громадною примѣсью древеснаго угля, черепковъ и костей человѣческихъ и животныхъ.

Нужно полагать, что этотъ пластъ, который есть не что иное, какъ сожженный и затѣмъ забытый древне-русскій Дрогичинъ, простирается далеко въ глубь и занимаетъ если не всю, то значительную часть площади позднѣйшаго города. Судя по громадному числу предметовъ, размытыхъ изъ этого пласта втеченіе одного года, можно полагать, что со временемъ онъ дастъ богатѣйшій материалъ для исторіи жизни Дрогичина и вообще всей южно-русской колонизаціи на сѣверо-западной окраинѣ. Н. П. Авенариусъ имѣетъ въ виду продолжать въ будущемъ году свои изысканія въ Дрогичинѣ, а именно сдѣлать нѣсколько раскопокъ въ самомъ городѣ и на такъ называемой Химковой горѣ и, кроме того, составить карту многочисленныхъ кургановъ, окружающихъ Дрогичинъ.

Раскопки въ Выборѣ. Въ настоящее время профессоръ Аспелинъ, на отпущенія 2,000 марокъ городомъ, производить раскопки старой соборной церкви, зданіе которой съ 1710 года находилось въ рукахъ русскихъ. Легенда разсказывается, что будто бы Петръ Великій, по взятіи Выборга, приказалъ спросить жителей, какія зданія имъ нужны. Но, не найдя въ представленномъ списѣ церкви, велѣлъ туда поставить лошадей. Рассказъ этотъ, очевидно, принадлежитъ къ вымысламъ, такъ какъ известно, что по заключеніи мира пѣтъ этой церкви былъ сдѣланъ русскій соборъ, который сгорѣлъ въ 1738 году, и на исправленіе его Ани Гоанновна прислала 1,000 рублей. Въ этомъ видѣ храмъ оставался до 1788 года, когда русскіе построили новый соборъ, а старая церковь была обращена въ провіантскій складъ, и въ 1806 году передѣлана въ хлѣбный магазинъ. Теперь же въ ней помѣщается артиллерійское депо полевыхъ пушекъ и зарядныхъ ящиковъ. Послѣ всѣхъ этихъ видозмѣненій, пережитыхъ храмомъ, трудно восстановить первоначальную конструкцію церкви, не ломая нарочно для того фундамента, но по расположению стѣнъ можно догадываться, что сѣверная часть церкви, какъ то обыкновенно бывало въ храмахъ францисканскихъ монаховъ, отдѣлена отъ строенія церкви междустѣніемъ, ведущимъ до алтаря. Самая же внутренность храма раздѣлена на три части, двумя рядами столбовъ, по пяти колонъ въ каждомъ. Самою интересною находкою при разрытии пола пока найдена плита, надпись которой называетъ архіепископа Силивестра съ да-

тою 1735 года. Эта находка любопытна въ томъ отношеніи, что врядъ ли возможно считать эту плиту надгробiemъ архieпископа Силивестра, бывшаго преосвященнымъ с.-петербургскимъ и шлиссельбургскимъ, такъ какъ послѣ пожара царскосельской воскресенской церкви, бывшаго въ 1820 году, найдена была доска съ надписью, что онъ освящалъ этотъ храмъ 30-го июля 1756 года.

Незданныя письма Вольтера къ д'Аламберу. Въ 1784 году, когда Кондорсе и Декруа хотѣли издать всю переписку Вольтера съ д'Аламберомъ, они встрѣтились съ нѣкоторыми препятствіями. Во многихъ письмахъ слишкомъ свободно по тому времени выражались революціонные взгляды, въ другихъ попадались болѣе или менѣе рѣзкія нападки на живыхъ лицъ. Издатели должны были исключить нѣсколько документовъ компрометирующего свойства. Такимъ образомъ нѣсколько неизданныхъ писемъ Вольтера достались наследникамъ Декруа и въ послѣдніе годы продавались съ аукціона поштучно. Шарль Ари, изучая бумаги, оставшіяся послѣ г-жи Леспинасъ, привадлежащія Гизо, извлекъ оттуда тринадцать писемъ Вольтера, которыхъ не были напечатаны. Въ этихъ письмахъ, фернейскій философъ, не стѣсняясь, говорить о Руссо, о Фридрихѣ II, который значится тамъ подъ названіемъ «Luc», о желеевскихъ распахъ. Любопытно, между прочимъ, письмо, где идетъ рѣчь объ «Энциклопедіи» (5-го апрѣля 1766 г.): «Никогда еще въ Парижѣ такъ не боялись умныхъ людей, какъ теперь. Надзоръ за книгами строгій. Мы сообщають, что подписчики еще не получили «Dictionnaire encyclopédique». Это — не только большая строгость, но это — большая несправедливость. Прекращает доставку этой книги, обкрадываютъ подписчиковъ и разворачиваютъ издателей. Желаль бы я знать, какое зло можетъ причинить книга, стоющая сто зеко. Никогда двадцать томовъ in folio не сдѣлаются революціи, надо опасаться лишь маленькихъ карманнныхъ книжекъ въ 30 су. Если бы Евангеліе стоило 1,200 сестерцій, никогда бы не установилась христіанская религія.»

† 7-го августа, репортеръ-публицистъ Василій Григорьевичъ Боголѣповъ, болѣе извѣстный въ журнальныхъ и театральныхъ кружкахъ подъ фамиліей Ильменскаго. Родившись въ Петербургѣ въ 1852 г., онъ воспитывался въ пансионѣ и по смерти отца поступилъ въ 1869 г. въ театральное училище, где его учителемъ былъ Пав. Вас. Васильевъ. Въ 1873 г. Боголѣповъ отправился актеромъ на маленькия роли въ гельсингфорскій русскій театръ, подъ фамиліей Передовщикова; онъ выдѣлился, какъ недюжинный актеръ, въ роляхъ: Глумова (ком. «На всякаго мудреца довольно простоты») и Хлестакова (Ревизоръ) въ спектакляхъ новгородскаго театра. Въ 1875 г. онъ игралъ въ театрѣ Сосова за Невской заставой. Затѣмъ началось скитаніе В. Г. Ильменскаго (впервые игралъ подъ этой фамиліей въ Новгородѣ) по провинціи, которую онъ покинулъ въ 1881 г., когда началъ сотрудничать въ петербургскихъ ежедневныхъ изданіяхъ: «Петербургской Газетѣ», въ «Новомъ Времени», въ специально-театральныхъ органахъ: «Суфлерѣ» и «Театральномъ мірѣ», и во многихъ др. Два послѣдніе года онъ состоялъ также антрепренеромъ гельсингфорскаго театра.

† 5-го августа въ Казани академикъ и профессоръ химіи въ Петербургскомъ университѣтѣ, Александръ Михайловичъ Бутлеровъ. Казанскій дворянинъ, онъ родился въ 1828 году, воспитывался въ Казанскомъ университѣтѣ и, по окончаніи курса по разряду естественныхъ наукъ кандидатомъ въ 1849 году, получилъ степень магистра, поступилъ адъюнктомъ по каѳедрѣ химіи, въ 1854 г. приобрѣлъ степень доктора физики и химіи, и въ 1853 г. сдѣланъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ химіи. Нѣсколько разъ былъ ректоромъ Казанскаго университета, и въ 1868 г. перешелъ въ Петербургскій университетъ. Бутлеровъ, путемъ изученія химическихъ превращеній, стремился проникнуть въ самую глубь связей, скрывающихъ разнородные элементы въ одно цѣлое, признавалъ за каждый изъ нихъ врожденную способность

вступить въ известное число соединений, а различіе свойствъ приписывалъ различному способу связки элементовъ. Въ своихъ возврѣніяхъ онъ примирялъ взгляды Кольбе и Кекуле и шелъ рядомъ съ Эрленмейеромъ; онъ издалъ въ 1864 г. «Введеніе къ полному изученію органической химіи» (переведенное въ 1867 г. на языке яз.). Занимаясь изученіемъ простѣйшихъ веществъ, Бутлеровъ получилъ юдистый метиленъ и открылъ до 30-ти новыхъ тѣль. Издѣлованія его помѣщены въ «Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета», въ «Zeitschrift fü Chemie», въ Либиховыхъ «Annalen» и друг. Нельзя также не поставить въ заслугу покойному академику его плодотворную дѣятельность на пользу высшаго женскаго образованія, какъ въ качествѣ любимаго слушательницами профессора, такъ и въ качествѣ лица, принимавшаго близкое и горячее участіе въ основаніи петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ.

Кромѣ ученаго и профессора, Россія потеряла въ немъ пчеловода, — не простаго пчеляка, а пчеловода-учителя, который втеченіе почти двадцати лѣтъ распространялъ рациональное пчеловодство. Сознавая, что правильное пчеловодство можетъ увеличить народное благосостояніе, онъ вездѣ, гдѣ могъ, распространялъ знанія этого дѣла: читалъ публичныя лекціи, устраивалъ выставки, издавалъ книги, завелъ въ «Извѣстіяхъ» вольно-экономическаго Общества пчеловодный отдѣлъ, преобразованій имъ съ начала нынѣшняго года въ особый журналъ «Пчеловодный Листокъ», устроилъ при содѣствіи тверскаго земства пчеловодную школу, завелъ вмѣстѣ съ однѣмъ изъ своихъ сотоваріщей по пчеловодной комиссіи пасѣкѣ на Кавказѣ, и всегда обязательно давалъ совѣты всѣмъ обращавшимся къ нему. Изъ книгъ его слѣдуетъ въ особенности упомянуть о двухъ, имѣющихъ большое распространеніе: «Пчела, ея жизнь и главныя правила толковаго пчеловодства» (удостоена вольно-экономическимъ Обществомъ почетной золотой медали, выдержана пять изданій) и «Какъ водить пчель». Вторая книга доступна всѣмъ какъ по наложенію, такъ и по цѣнѣ (10 коп.); она составлена Бутлеровымъ съ сочиненіями пчеловодной комиссіи, предсѣдателемъ которой онъ состоялъ. Бутлеровъ смотрѣлъ на пчеловодство, какъ на доходную статью для мелкаго землевладѣнія, когда всѣ работы на пасѣкѣ производить самъ хозяинъ, и полагалъ, что въ крупномъ землевладѣніи, если приходится нанимать дорого стоющаго специалиста-пчеловода, едва ли пчеловодство можетъ принести значительныя выгоды. Въ «Новомъ Времени» Бутлеровъ напечаталъ замѣтку о пчеловодствѣ въ Россіи и, оцѣнивая доходность улья въ полтора рубля (при рациональномъ же уходѣ въ три и четыре раза больше), онъ указываетъ, что если пчеловодство достигнетъ у насъ половины того развитія, какого оно достигло въ Германіи, то получится меду и воску на три миллиона рублей болѣе, чѣмъ въ настоящее время. Страннымъ образомъ въ гуманномъ и добродушномъ профессорѣ глубокая ученость соединялась съ вѣрой въ фокусы и бредни спиритизма. Но и тутъ увлеченій ловкими продѣлками медіумовъ, Бутлеровъ легко повѣрилъ имъ потому, что, не обманывая никогда и никого въ своей жизни, не могъ допустить обмана и со стороны другихъ, съ виду весьма почтенныхъ лицъ. Ему, однако, было всегда какъ-то совсѣмъ сознаться въ своей вѣрѣ въ спиритизмъ передъ своими сочиненіями по университету, экономическому Обществу и другимъ ученымъ учрежденіямъ и онъ никогда не старался пропагандировать своихъ вѣрованій между лицами, не вѣрующими въ спиритическая нелѣпости.

+ 28-го августа заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго университета Игнатій Іакинфовичъ Ивановскій, родившійся въ 1807 году. Одаренный превосходными способностями, онъ всюду, гдѣ учился, оканчивалъ курсъ съ отличиемъ: въ минской гимназіи получилъ, при выпускѣ, золотую медаль; въ Виленскомъ университѣтѣ двѣ награды за решеніе заданныхъ темъ: одной на латинскомъ, другой—«О виненіи преступленія», на польскомъ языке. По выходѣ изъ Ви-

лескаго университета въ 1826 году, со степенью кандидата правъ, онъ былъ опредѣленъ въ Московскій университетъ для усовершенствованія въ русскомъ языкѣ, а оттуда поступилъ въ число воспитанниковъ профессорскаго университета въ Дерптѣ, гдѣ въ 1832 году, защитивъ диссертацию «De libera mercatura», получилъ степень доктора правъ. Отправленный, для дальнѣйшихъ занятій по законовѣданію за границу, онъ прожилъ тамъ три года, преимущественно въ Берлинѣ, слушая Савини, Мишеле, Риттера и другія тогдашнія знаменитости. По возвращеніи въ Россію въ 1835 году, послѣ своей пробной лекціи «Краткій взглядъ на науку дипломатіи вообще» (напечатана въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», часть IX), онъ причисленъ къ Петербургскому университету, съ 1837 года утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ общенароднаго права и дипломатіи. Многостороння образованность, знаніе дѣла, занимательное изложеніе, одушевленная рѣчь: все соединялось въ молодомъ профессорѣ и снискало ему расположение слушателей. Кромѣ международнаго права и дипломатіи, Ивановскій читаль постоянно съ 1841 государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ, по собственнымъ запискамъ. Изъ трудовъ его напечатаны: въ 1837 году статья, «О началахъ постепенного усовершенствованія государствъ» (въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія»); въ 1848 году—«О правахъ Даніи на Зундскій и Бельтскій проливы», рѣчь, произнесенная на университетскомъ актѣ того года; и въ 1857 году—«Руководство по статистикѣ европейскихъ государствъ, для преподаванія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ». Съ 1857 года профессоръ Ивановскій читаль уже въ званіи заслуженного профессора. Онъ былъ деканомъ юридического факультета, а оставилъ университетъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. И. И. принималъ участіе и въ педагогической печати. Особеною любовью воспитанниковъ пользовался онъ въ Царскосельскомъ лицѣї, гдѣ читаль статистику и политическую экономію съ конца тридцатыхъ годовъ.

† 25-го іюля застрѣлился изъ револьвера проживавшій въ Томскѣ князь Александръ Алексѣевичъ Крапоткинъ, братъ извѣстнаго соціалиста Крапоткина. Покойному было 40 лѣтъ, онъ находился въ Томскѣ въ ссылкѣ, на срокъ, который для него кончился 3-го сентября. Крапоткинъ былъ женатъ и проживалъ въ Томскѣ съ женой и тремя малолѣтними дѣтьми. Разсчитывая въ сентябрѣ, съ окончаніемъ срока ссылки, уѣхать изъ Сибири, онъ отправилъ жену и дѣтей въ Харьковскую губернію, гдѣ у него были родственники. Послѣ отѣзда семьи, онъ началъ вести не совсѣмъ регулярную жизнь, но побудительной причины лишить себя жизни у него не было. Князь Крапоткинъ занимался литературою, сотрудничалъ въ «Русскомъ Богатствѣ» и въ мѣстныхъ изданіяхъ, писалъ въ заграничныхъ изданіяхъ научнаго содержанія, помѣщая тамъ статьи по астрономіи, которой онъ занимался специально.

† Во Львовѣ ямъ Ламъ, даровитый польскій сатирикъ. Сынъ гессенскаго нѣмца, онъ былъ по крови полякъ и непримиримый германофобъ. Ламъ не любилъ нѣмцевъ и ненавидѣлъ чеховъ, бывшихъ одно время усердными германизаторами славянскихъ земель Австріи, особенно Галиціи. Типъ такого германизатора, играющій видную роль въ взаимоотношеніяхъ австрійскихъ славянъ, весьма удачно и едва ли не впервые въ литературѣ воспроизведенъ и заклейменъ Ламомъ въ лицѣ Прецличка въ повѣсті «Панна Эмilia» и, благодаря этому типу, повѣсть займетъ почетное мѣсто въ библиотекѣ славянскихъ писателей. Другая черта, общая, впрочемъ, выдающимся сатирикамъ, это—непривадлежность Лама къ какой нибудь опредѣленной партии. Онъ былъ выше ихъ всѣхъ, и этого многие ему не прощали, но именно это давало ему возможность быть свободнымъ и безпредвзятымъ. Вотъ почему для изученія польского общества Галиціи нельзя найти лучшаго руководителя. Произведенія Лама требуютъ знакомства съ мѣстными галиційскими отношениями, но представляютъ такой неистощимый ключъ превосход-

наго юмора, что имъ можно смѣло предречь большой успѣхъ и у насть. Покойный среди своихъ соплеменниковъ, столь склонныхъ къ превознесенію, не пользовался симпатіями именно потому, что смѣло клеймилъ фарисейство и тупость польскихъ русофобовъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ исторіи Петровскаго театра въ Москвѣ.

Въ интересной статьѣ «Полубарскія затѣи», М. И. Пыляевъ говоритъ, что «Медокъ» позднѣе выстроилъ въ Москвѣ новый каменный театръ «Петровскій»; архитекторомъ былъ у него Розбергъ; открыть онъ былъ въ 1780 году діалогомъ Аблесимова «Странники». И далѣе замѣчаетъ: «Медокъ этимъ театромъ не удовольствовался, вскорѣ онъ прибрѣлъ на Таганкѣ у коллежскаго асессора Яковлева домъ, гдѣ устроилъ «вокзалъ». Для открытия вокзала Р. И. Майковъ сочинилъ оперетту: «Аркасъ и Ирисъ», музыка Керцелли». Сооруженія эти были описаны и изданы въ Москвѣ въ 1797 году подъ слѣдующимъ названіемъ «Планы и фасады театра и маскарадной залы въ Москвѣ, построенныхъ содержателемъ публичныхъ увеселеній англичаниномъ Мих. Маддоксомъ»; напечатано въ университетской московской типографіи въ листъ, 5 стр. и 12 плановъ. Книга эта не показана ни въ одной библиографіи, но имѣется въ каталогѣ библіотеки морскаго вѣдомства, бывшей въ зданіи главнаго адмиралтейства, а теперь переведеной въ морской калинковскій госпиталь. Мѣсто подъ постройку Петровскаго театра было куплено, какъ говорить на стр. XLIII «Драматического альбома» (М., 1850) П. Араповъ, у князя Лобанова-Ростовскаго, находилось во 2-й части, на Петровской улицѣ, въ приходѣ древней церкви Спаса, чтѣ въ Корѣѣ, которая до перестройки Петровскаго театра послѣ пожара стояла позади его, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ лѣстница, ведущая въ переулокъ на большую Дмитровку.

Въ 1805 году, зимою Петровскій театръ сгорѣлъ и былъ возобновленъ въ 1822 году по проекту старшаго профессора архитектуры Андрея Михайлова. Гравированные планъ и фасадъ этого театра можно найти въ «Журналѣ изящныхъ искусствъ» 1825 года, стр. 88, причемъ тутъ же напечатана переписка президента академіи художествъ А. Н. Оленина съ генералъ-губернаторомъ Москвы, княземъ Дм. Вл. Голицынымъ, по поводу перестройки Петровскаго театра, для котораго проекты составляли въ Москвѣ Бове и Ламони, а въ Петербургѣ — Мельниковъ, Беретти и Михайлова.

Передъ объявленіемъ крымской войны сгорѣлъ Петровскій театръ въ Москвѣ, точно также, какъ передъ Отечественной войной въ Петербургѣ погибъ отъ той же причины Большой театръ. Затѣмъ онъ былъ возобновленъ къ коронаціи въ Бозѣ почившаго императора Александра II по проекту архитектора Кавоса.

И. Н. Божеряновъ.

Въ перечинѣ литературныхъ трудовъ П. К. Щебальскаго, помѣщенному въ августовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», на страницѣ 385-й покойному приписаны двѣ статьи «Русскаго Вѣстника» 1876 года: въ № 11 — «Политическое обозрѣніе» и въ № 12 — «Всеевропейское фіаско». Обѣ названные статьи принадлежать не покойному П. К. Щебальскому, а Н. В. Щербаню, тоже давнишнему, но еще живому сотруднику «Русскаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей», что удостовѣreno письмомъ къ намъ ихъ автора.

вистнаго protosевастоса, не въ силахъ были оказывать дальнѣйшаго противодѣйствія. Между тѣмъ горожане, ободряемые сознаніемъ своихъ правъ, ежеминутно получали новыя подкрѣпленія со стороны вооруженнаго народа, который стремился сюда со всѣхъ, даже самыхъ отдаленныхъ, частей города.

Наконецъ, ряды тѣлохранителей были прорваны и толпа хлынула неудержимымъ потокомъ во дворецъ, требуя съ шумомъ и криками protosевастоса.

Этотъ, предвидя заранѣе исходъ неравнаго боя, спасся бѣгствомъ черезъ небольшую боковую дверь и поспѣшилъ въ свое жилище, гдѣ надѣялся найти для себя болѣе безопаснаги пріютъ, чѣмъ въ императорскомъ дворцѣ.

Одинъ изъ варяговъ, видѣвшій его въ моментъ бѣгства, сообщилъ объ этомъ ворвавшейся толпѣ; и тотчасъ же дикій, грозный потокъ устремилъся въ ту сторону, гдѣ находилось жилище ненавистнаго человѣка.

Толпа осадила домъ, и protosевастосъ Алексѣй Комненъ попалъ въ ея руки.

— Убейте его! Киньте въ море! Выколите ему глаза!—таковы были угрозы, которыя слышались со всѣхъ сторонъ и долетали до ушей трепетавшей жертвы.

Но въ тотъ моментъ, когда толпа собиралась вывести изъ дома protosевастоса и предать мести его разъяренныхъ враговъ, вошелъ Лапардасъ.

— Вы одержали блистательную побѣду, — сказалъ онъ, обращаясь къ людямъ, охранявшимъ protosевастоса: — не омрачайте ее смертоубийствомъ. Мы имѣемъ законы, которымъ обязаны повиноваться. Судите этого человѣка по законамъ и, если вы найдете, что онъ достоинъ смерти, то казните его. Не произносите сами надъ нимъ приговора; отдайте его въ руки правосудія.... Тебя ли я вижу несчастный,—продолжалъ Лапардасъ, обращаясь къ protosевастосу: — ты пренебрегалъ волей народа; ты попиралъ ногами его права, въ увѣренности, что имѣешь дѣло съ рабами. Теперь ты испытываешь на себѣ всю тягость мстительной десницы Божьей! Пойми это, дерзкій, жестокосердый человѣкъ! Да простить тебѣ небо всѣ тѣ бѣдствія, какія ты причинилъ нашей странѣ.

Такимъ образомъ, въ нѣсколько мгновеній гордый protosевастосъ былъ свергнутъ съ высшей ступени могущества и счастья въ глубочайшую пропасть злополучія и безсилія. Сопровождаемый грозными криками разсвирѣпѣвшаго народа, онъ оставилъ свое роскошное жилище, въ которое ему больше не суждено было вернуться.

III.

Андроникъ Комненъ.

Въ то время, какъ въ Константинополѣ происходили вышеописанныя кровавыя сцены, на холмахъ, окаймляющихъ азіатскій берегъ Босфора, замѣтно было необычайное оживленіе; все носило характеръ какой-то особенной торопливой дѣятельности.

На этихъ холмахъ были раскинуты сотни разноцвѣтныхъ палатокъ, расположенныхъ двумя длинными рядами. Передъ палатками виднѣлись пестрыя группы воиновъ, изъ которыхъ одни чистили и приводили въ порядокъ оружіе; другіе были заняты приготовленіемъ пищи. Всѣ они время отъ времени посматривали въ ту сторону, гдѣ вдали виднѣлась столица, какъ бы ожидая оттуда какихъ либо условленныхъ знаковъ или призыва.

Это былъ боевой лагерь Андроника Комнена, изгнанного Андроника, который не могъ долѣе выносить тягость насильственнаго удаленія отъ родины и двинулся къ столицѣ съ избраннымъ войскомъ, чтобы, по его словамъ, спасти юнаго монарха и вырвать городъ изъ когтей кровожадныхъ волковъ. Едва услыхалъ онъ о смерти Мануила, какъ началъ дѣлать приготовленія къ дальнѣйшему походу, къ которому побуждали его, съ одной стороны, не разъ повторяемыя заявленія многочисленныхъ друзей и приверженцевъ въ Константинополѣ, а съ другой—ненасытное, снѣдавшее его честолюбіе. Онъ таилъ въ глубинѣ души давнюю непримириимую вражду къ своимъ противникамъ, которые, достигнувъ могущества, были главными виновниками его изгнанія.

Андроникъ двинулся къ Константинополю, какъ для удовлетворенія своей мести, такъ и съ тою цѣлью, чтобы взять на себя опекунство надъ царственнымъ отрокомъ, согласно клятвѣ, нѣкогда произнесенной имъ въ присутствіи Мануила. Во главѣ хорошо обученной и преданной ему арміи, онъ поспѣшно прошелъ Никею и Никомидію и приблизился къ берегамъ Босфора, наканунѣ того самаго дня, когда совершилось паденіе protосевастоса. Здѣсь, въ непосредственной близости къ столицѣ, онъ раскинулъ свои палатки и ждалъ благопріятнаго момента для достижения давно желанной цѣли.

Дальній походъ, предпринятый Андроникомъ, былъ своего рода триумфальнымъ шествіемъ; вездѣ встрѣчали его съ привѣтствіями, какъ избавителя. Жители провинцій видѣли въ немъ единственный якорь спасенія; его появленіе наполняло радостью всѣ сердца; съ каждымъ днемъ увеличивалось общее воодушевленіе и вѣра въ успѣхъ его дѣла.

Естественно, что и жители Константиноополя, испытавши на себѣ всѣ бѣдствія дурнаго правленія, увидѣли съ неописанною радостью развѣвашіяся знамена Андроника и сторожевые огни, которые засвѣтились въ лагерь съ наступлениемъ ночи. Эти огни, мерцавши вдали, были для нихъ спасительными маяками, предвѣщавшими желанную пристань. Со всѣхъ сторонъ къ нему протягивались руки съ мольбой; вездѣ произносили его имя и радостно привѣтствовали его появленіе.

Но Босфоръ, представлявшій естественную и почти непреодолимую преграду, все еще отдѣлялъ Андроника отъ города его надеждъ и мечтаній, потому что ему не доставало флота, бывшаго въ распоряженіи могущественнаго протосевастоса, который этимъ могъ положить предѣль его триумфальному шествію.

Начальство надъ флотомъ было поручено князю Контостефану, который считался лучшимъ морякомъ того времени и, по слухамъ, былъ всей душой преданъ протосевастосу. Контостефанъ, получивъ соотвѣтствующія приказанія, снялся съ якоря, чтобы слѣдить вблизи за движеніями непріятеля, такъ что протосевастосу, въ виду такой надежной охраны, нечего было беспокоиться за свою безопасность.

Таково было положеніе дѣль въ то утро, когда въ городѣ произошли вышеописанныя сцены.

Среди множества разноцвѣтныхъ палатокъ особенно выдѣлялась по высотѣ и великолѣпному убранству богатая палатка Андроника; она состояла изъ обширной залы и четырехъ комнатъ, отдѣленныхъ одна отъ другой дорогими персидскими занавѣсами.

У круглого стола, стоявшаго посреди залы, сидѣлъ Андроникъ и его два вѣрнѣйшихъ приверженца Стефанъ Агюристофоритъ и Константинъ Трипсихъ, которые дѣлили съ нимъ всѣ превратности его безпокойной жизни и были преданы ему душой и тѣломъ. У ногъ Андроника лежала неподвижно огромная чорная собака, его неразлучная спутница, постоянно слѣдовавшая за нимъ, какъ тѣнь. Эта собака была на столько сильна, что въ состояніи была выдержать борьбу со львомъ, почему и получила кличку «Лео».

Андронику было около шестидесяти лѣтъ; его мужественная поступь и высокая величественная фигура придавали ему сходство съ древней крѣпостной башней. При этомъ у него была та бодрость, исполненная достоинства осанка, которая съ годами является у военныхъ людей вслѣдствіе трудной боевой жизни. Его верхняя одежда была фиолетового цвѣта и доходила до колѣнь, покрывая руки до локтей. На головѣ Андроника была надѣта пирамидальная шляпа, которая, при своей остроконечной формѣ, еще больше увеличивала его высокій ростъ. Его небольшие глаза отличались необыкновенной подвижностью; въ нихъ просвѣчивалъ тотъ своеобразный блескъ, который служитъ безошибочнымъ признакомъ

пылкихъ, дикихъ страстей; въ то же время въ этихъ глазахъ было нѣчто блуждающее и пытливое, что почти всегда показываетъ крайнюю недовѣрчивость къ людямъ.

На столѣ передъ Андроникомъ лежалъ топографический планъ столицы, который онъ внимательно рассматривалъ съ своими приверженцами, сообщая имъ время отъ времени свои замѣчанія.

Озабоченные лица этихъ трехъ людей ясно показывали, что они собирались не для дружеской бесѣды: между ними происходилъ раздѣль военного совѣта.

— Такимъ образомъ оказывается,—сказалъ Андроникъ, обращаясь къ сидѣвшему направо отъ него Стефану Агіохристофориту:— что дѣйствительно Контостефанъ лично командуетъ флотомъ.

— Да, это извѣстіе вполнѣ подтвердилось,—вразбрѣлъ Агіохристофоритъ.—Говорятъ, что протосевастосъ, имѣя основательныя причины не довѣрять Контостефана, хотяъ сначала поручить начальство надъ флотомъ которому нибудь изъ проживающихъ здѣсь иностранныхъ моряковъ, но завистливый и честолюбивый Контостефанъ возсталъ противъ этого и получилъ място, принадлежавшее ему по праву. Флотъ уже снялся съ якоря.

— Конечно, онъ получилъ отъ протостевастоса строжайшія приказанія,—сказалъ Андроникъ.

— Приказанія, которыхъ онъ навѣрно не думаетъ приводить въ исполненіе!—замѣтилъ сидѣвшій на лѣво Трипсихъ.

— Кто можетъ поручиться за это?—сказалъ Андроникъ, слегка пожавъ плечами.—Я не придаю особеннаго значенія увѣреніямъ Контостефана; у него самый непостоянныи характеръ и, что еще хуже, онъ отличается крайнимъ корыстолюбіемъ, а протосевастосъ уже многихъ расположилъ въ свою пользу съ помощью денегъ. Весьма возможно, что ему также удалось купить содѣйствіе Контостефана...

— Несомнѣнно, протосевастосъ могъ бы подкупить его,—прервалъ Трипсихъ:—если бы его собственное могущество не висѣло на волоскѣ. Но Контостефанъ достаточно хитеръ и знаетъ, что ему нѣть расчета поддерживать своими плечами подгнившее зданіе, которое должно неизбѣжно раздавить его въ своемъ паденіи.

— Какъ бы то ни было,—продолжалъ Андроникъ послѣ нѣкотораго молчанія:—этотъ вопросъ скоро разъяснится. Вамъ извѣстно, что я послалъ сказать Контостефана, что ожидаю его прибытія въ лагерь. Если онъ явится сюда, то это будетъ служить доказательствомъ, что онъ предоставляетъ протосевастоса его судьбѣ; въ противномъ случаѣ, ему придется нести послѣдствія своего упорства.

— Ты, князь, долженъ имѣть въ виду,—сказалъ Агіохристофоритъ:—что всѣ классы населенія глубоко ненавидятъ протосевастоса, въ чемъ можно убѣдиться даже изъ того радушнаго пріема, какой всегда былъ оказанъ нашимъ посланнымъ со стороны жителей

столицы. Это облегчаетъ нашу задачу и поможетъ исполненію дальнѣйшихъ плановъ. Нападеніе извѣя и внутрення смуты будутъ способствовать нашей окончательной побѣдѣ.

— У меня нѣтъ никакихъ сомнѣй относительно исхода этого дѣла,—вразбрѣлъ Адроникъ.—Но я чувствую такое горячее и неподдержимое желаніе скорѣе вступить на почву столицы, что каждая минута замедленія кажется мнѣ цѣлой вѣчностью... Говорю безъ преувеличенія, друзья мои, что я испытываю муки Тантала. Можетъ ли быть что либо ужаснѣе, какъ находиться передъ этимъ городомъ, видѣть осуществленіе своей лучшей мечты, почти касаться рукой цѣли многолѣтнихъ стремленій—и оставаться здѣсь въ полномъ бездѣйствіи. Я старше тебя, Стефанъ, но кровь течетъ быстрѣе въ моихъ жилахъ. У тебя своеобразная натура, Стефанъ; въ самые важные моменты жизни ты можешь казаться холоднымъ и безчувственнымъ. Я знаю, что ты не таковъ въ дѣйствительности, и имѣю возможность ежедневно убѣждаться въ этомъ; но ничто не въ состояніи нарушить твоего внѣшняго спокойствія и заставить потерять терпѣніе.

— Все, что нарушаетъ мой покой, страшитъ меня,—сказалъ Агіохристофоритъ:—я боюсь сердечныхъ порывовъ, не провѣреныхъ разсудкомъ. Хорошо, если перевѣсть на сторонѣ головы, и сердце повинуется ей. Я, государь, принадлежу къ школѣ тѣхъ философъ, которые считаютъ голову вмѣстилищемъ души. Разсудокъ, по моему мнѣнію, долженъ руководить всѣми нашими дѣйствіями. Влеченіе сердца часто бываетъ обманчиво, и горе тому человѣку, который слѣдуетъ только внушеніямъ своего сердца!

— Да, Стефанъ, я знаю, что ты практическій человѣкъ въ полномъ значеніи слова,—сказалъ, улыбаясь, Адроникъ.—Я давно постигъ тебя и, какъ видишь, слѣдую твоимъ совѣтамъ, потому что знаю, что они составляютъ результатъ глубокаго размышленія. Что касается меня лично, то, къ сожалѣнію, я слишкомъ часто слѣдовалъ порывамъ моего сердца,—добавилъ Адроникъ, съ глубокимъ вздохомъ, бросивъ мимолетный взглядъ на обоихъ собесѣдниковъ. Затѣмъ онъ снова обратилъ все свое вниманіе на открытый планъ города и сказалъ послѣ нѣкотораго молчанія:— Теперь поговоримъ о нашемъ дѣлѣ; по моему убѣженію, площадь Гипподрома должна быть главнымъ центромъ нашей дѣятельности; я уже высказывалъ это вчера Трипсиху, и онъ находить мой взглядъ вполнѣ правильнымъ.

— Я не раздѣляю этого мнѣнія, князь,—вразбрѣлъ Агіохристофоритъ:—потому что, взвѣшивъ съ разныхъ сторонъ занимающей насъ вопросъ, я пришелъ къ заключенію, что всего проще и надежнѣе считать такимъ центромъ площадь Августеона передъ храмомъ св. Софія. Эта площадь, такъ сказать, сердце столицы; отсюда по разнымъ улицамъ, какъ бы по главнымъ артеріямъ, стре-

мится во всѣхъ направленихъ жизнь и движение: если намъ удастся овладѣть этимъ центральнымъ пунктомъ, этимъ центромъ столицы, то мы овладеемъ и всѣми остальными сочиненіями. Кромѣ того, храмъ св. Софіи самъ по себѣ представить для насть крѣпкую и вѣрную позицію со своими каменными стѣнами и воротами, которыхъ ничто не можетъ сокрушить; наконецъ, въ случаѣ неудачи, внутренность храма будетъ служить надежнымъ убѣжищемъ.

— Я не предполагаю, чтобы наше дѣло могло окончиться неудачей! — сказалъ Андроникъ, вставъ съ своего мѣста.

— Кто хочетъ обезпечить за собой успѣхъ, — возразилъ спокойно Агиохристофоритъ: — тотъ долженъ постоянно имѣть въ виду неудачу. Весьма важно для него, что изъ всѣхъ частей города въ Софійскомъ кварталѣ сосредоточены наиболѣе смѣлые граждане и непримиримые враги протосевастоса. Теперь выяснилось ли для тебя, князь, важное значеніе этой позиції?

— Ты правъ, Стефанъ, — сказалъ Андроникъ, послѣ минутнаго раздумья: — я считаю твои доводы вполнѣ основательными. Площадь Августеона должна быть нашимъ сборнымъ пунктомъ. Теперь перейдемъ къ обсужденію нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

— Это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, — отвѣтилъ Агиохристофоритъ. — Планъ дѣйствій очень простъ и не требуетъ дальнѣйшаго развитія. Сущность нашей программы заключается въ томъ, чтобы занять площадь Августеона, укрѣпить храмъ св. Софіи, призвать гражданъ къ оружію и взять въ плѣнъ протосевастоса и его приверженцевъ, послѣ чего оставалось бы только явиться въ Филопатіумъ къ императору.

— Рѣшено и покончено! — добавилъ Андроникъ съ довольной улыбкой.

Въ эту минуту слегка зашевелилась занавѣсь одного изъ отдѣленій палатки, и появилась широкоплечая фигура воина, который остановился неподвижно у входа. Большая черная собака открыла глаза и глухо заворчала.

— Что тебѣ нужно, Феодоръ? — спросилъ Андроникъ вошедшаго.

— На морскомъ берегу высадилось нѣсколько вооруженныхъ людей, они направляются къ палаткамъ.

— Много ли ихъ? — спросилъ Андроникъ.

— Всего человѣкъ десять.

— Это, должно быть, Контостефанъ, — воскликнулъ Андроникъ съ сияющимъ лицомъ: — съ его приходомъ разсыпятся послѣднія сомнѣнія!

Едва выговорилъ онъ эти слова, какъ за палаткой послышался шумъ смѣшанныхъ голосовъ.

Андроникъ вышелъ изъ палатки съ своими двумя вѣрными

приверженцами и черезъ нѣсколько шаговъ увидѣлъ передъ собой группу вооруженныхъ людей.

— Контостефанъ! — сказалъ онъ, обращаясь къ тому изъ нихъ, который шелъ впереди другихъ. — Пріди въ мои объятія. Я былъ увѣренъ, что увижу тебя. Старые пріятели никогда не измѣняютъ другъ другу.

— Здравствуй, князь, — отвѣтилъ морякъ, преклонивъ колѣно: — позволь мнѣ первому передать тебѣ привѣтъ всего города, который съ нетерпѣніемъ ожидаетъ твоего прибытія.

— Значить, ты являешься сюда въ качествѣ друга, Контостефана, — сказалъ Андроникъ: — а не послы ненавистнаго мнѣ человѣка, угнетающаго нашу бѣдную родину своимъ тиранствомъ.

— Я не только вѣрный другъ твой, Андроникъ, но пришелъ сюда съ хорошими вѣстями, — продолжалъ Контостефанъ. — Быть можетъ, даже въ настоящую минуту преступникъ разсчитывается за свои постыдныя дѣянія.

— Возможно ли это, Контостефанъ?

— Да, князь, — возразилъ этотъ: — пробилъ послѣдній часъ для протосевастоса! Онъ пожинаетъ плоды своихъ преступленій. Раздраженіе народа противъ него перешло въ ярость. На улицахъ общее смятеніе; всѣ требуютъ казни этого человѣка. Теперь ничто не принудитъ народа къ отступленію и, если императоръ останется непреклоннымъ, то чернь сама приступитъ къ кровавой расправѣ... Едва распостранилась въ городѣ вѣсть о твоемъ прибытіи, какъ протосевастость, разсчитывая на поддержку флота, рѣшилъ поручить начальство одному изъ чужеземныхъ наемниковъ, который удостоился его особенного расположенія. Но я, пользуясь своимъ правомъ, воспротивился этому распоряженію и потребовалъ, чтобы мнѣ было вручено командованіе надъ кораблями. Протосевастость не могъ отказать моему законному требованію, и я черезъ нѣсколько часовъ оставилъ городъ, повидимому, съ тою цѣлью, чтобы помѣшать твоему дальнѣйшему наступательному движенію, но въ дѣйствительности съ твердымъ намѣреніемъ способствовать твоей переправѣ черезъ проливъ. Такимъ образомъ, позволь мнѣ, князь, проводить тебя; я ручаюсь за вѣрность и преданность людей, состоящихъ подъ моимъ начальствомъ.

— Я не могъ ожидать ничего другого отъ Контостефана, — сказалъ Андроникъ. — Мы знаемъ другъ друга много лѣтъ, и я давно имѣлъ возможность оценить твою храбрость, равно и чистоту твоихъ намѣреній. Насъ соединило чувство преданности къ покойному императору Мануилу, и мы съ одинаковымъ самоотверженіемъ будемъ служить его сыну и преемнику. Мнѣ предстоитъ тяжелая и трудная задача, но я надѣюсь, что люди, подобные тебѣ, окажутъ мнѣ свое содѣйствіе... Но теперь, Контостефанъ, нѣсколько минутъ отдыха будутъ нeliшними для тебя и твоихъ спутниковъ.

Моя палатка къ вашимъ услугамъ, очень радъ, что могу оказать вамъ гостепріимство.

Контостефанъ и сопровождавшіе его люди, отвѣшивъ низкіе поклоны, вошли въ богато убранную палатку. Затѣмъ Андроникъ отдалъ Трипсиху различныя приказанія для пріема и угощенія гостей.

Солнце уже совершило половину своего дневнаго пути, жара становилась все удушливѣе. Въ лагерь господствовала тишина; утомленные воины предавались послѣобѣденному отдыху. Агіохристофоритъ, Трипсихъ и остальные военачальники удалились изъ княжеской палатки. Андроникъ остался одинъ; у ногъ его лежалъ вѣрный Лео.

Андроникъ время отъ времени искалъ уединенія, чтобы на свободѣ предаться своимъ мыслямъ. Въ эти часы одиночества его дѣятельному уму живо представлялись различныя обстоятельства его прошлой жизни, исполненной всякихъ волненій; онъ старался вывести изъ нихъ заключенія о неизвѣстной ожидавшей его будущности. Это были для него часы усиленной умственной дѣятельности, потому что послѣ всѣхъ испытанныхъ имъ превратностей судьбы, послѣ того, какъ онъ, могущественный владѣтельный князь и родственникъ императора, внезапно очутился въ жалкомъ положеніи изгнанника, размышеніе обратилось ему въ привычку. У него были свои затаенные думы, которыя онъ скрывалъ даже отъ своихъ товарищѣй и приверженцевъ. Это были часы, когда Андроникъ былъ наединѣ съ Андроникомъ.

— Вотъ, наконецъ, — сказалъ онъ самому себѣ: — передо мной великолѣпный городъ съ его семью холмами; сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я удалился изъ него тайкомъ, какъ преступникъ, подъ прикрытиемъ ночи; теперь я у цѣли моихъ желаній. Видъ этого города пробуждаетъ странныя ощущенія въ моемъ сердцѣ. Предо мной проходятъ различныя событія моей жизни... Лучшая мечта моя обращается въ осознательную дѣйствительность... Узкій морской проливъ отдѣляетъ меня отъ цѣли, узкая полоса воды, которую можно переплыть въ легкомъ членокѣ. Тамъ ожидаютъ меня съ распластанными объятіями; они видять въ моемъ прибытіи свое спасеніе и готовятъ царскій пріемъ. Но эта ли только цѣль моихъ желаній? Сдѣлаться опекуномъ царскаго отрока? Быть невидимой рукой, которая направить первые шаги этого ребенка? Вотъ завидная участъ, достойная Андроника! Неужели я долженъ сдѣлаться слугой и рабомъ властелина! Я, Андроникъ Комnenъ, посѣдѣвшій въ жизненной борьбѣ, когда я имѣю всѣ права на императорскую корону!.. У меня достаточно мужества и силы, чтобы уничтожить моихъ враговъ, и что можетъ принудить меня къ такому ничтожному существованію! Быть опекуномъ императора!.. Взять на себя всѣ заботы и все бремя правленія и ка-

кую выгоду извлечь изъ всего этого? Неужели я вынесъ столько страданій, провелъ столько дней въ трудахъ и опасности, чтобы окончить здѣсь жизнь въ неизвѣстности и умереть безславной смертью? Все это для того, чтобы историкъ могъ со временемъ распространиться о блестящемъ правлѣніи императора Алексея и сказать, что онъ обладалъ всѣми качествами, которыя могутъ достойно украсить властелина! Но обо мнѣ исторія будетъ умалчивать, у ней не хватить справедливости сказать, что Алексѣй обязанъ своимъ блестящимъ правлѣніемъ тому обстоятельству, что Андроникъ былъ его опекуномъ и совѣтникомъ и образовалъ изъ слабаго и неопытнаго мальчика могущественнаго искуснаго властелина. Нѣтъ! Нѣтъ! Я не хочу занимать унизительнаго положенія раба... Я буду одинъ господствовать и господствовать независимо! Я хочу самъ носить золотой императорскій вѣнецъ и управлять нераздѣльно судьбой людей. Вотъ цѣль моихъ стремленій, конечная цѣль моей жизни! Если она останется недостижимой для меня, то я напрасно жилъ, напрасно вынесъ столько тяжелаго... Но развѣ такая будущность не въ моихъ рукахъ? Почему? Развѣ каждый человѣкъ не творецъ собственной судьбы? Трусливые и малодушные люди говорятъ, что судьбой людей управляетъ прорицаніе. Я самъ буду для себя прорицаніемъ! Посмотримъ, на чей сторонѣ будетъ перевѣсъ. Если встрѣтятся препятствія, то я преодолѣю ихъ, я уничтожу людей, которые вздумали бы заградить мнѣ путь, и, хотя бы стихіи возстали противъ меня, совладаю съ самой природой! Пусть убѣдятся люди, что все на землѣ въ нашей волѣ. Стоитъ захотѣть, чтобы всего достигнуть! Много лѣтъ тому назадъ, этотъ великий принципъ сталъ для меня правиломъ жизни, которому я останусь вѣренъ до смерти. Исторія назоветъ Андроника счастливцемъ и скажетъ: его желѣзная воля преодолѣла всѣ препятствія.

Легкое колебаніе занавѣси прервало нить его размышленій. Андроникъ поднялся съ мѣста, рука его опустилась на острый кинжалъ, лежавшій на столѣ. Чорная собака оскалила зубы.

Поднялся край занавѣски, и въ палатку медленнымъ шагомъ вошелъ старикъ въ длинной, чорной одеждѣ. Голова его была почти плѣшивая, большая сѣдая борода опускалась на грудь.

— Ты ли это, Іона? — сказалъ Андроникъ, откидывая въ сторону кинжалъ лежавшій подъ его рукой.

— Это я князь, — возразилъ старикъ, подходя къ столу. — Неужели ты среди бѣлаго дня боишься измѣнническаго ножа убийцы?

— Я углубился въ свои мысли, — сказалъ Андроникъ: — и не ожидалъ твоего прихода.

— Развѣ мой приходъ можетъ удивить тебя? Не безъ цѣли приблизилъ ты меня къ своей особѣ? Я долженъ возвѣстить тебѣ сегодня нѣчто важное.

Иона былъ астрологъ, неотлучно находившійся при Андроникѣ, который обращался къ его совѣту во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни. Иона родился въ Малой Азіи и уже нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ посвятилъ себя изученію природы и таинственныхъ стихійныхъ силъ; онъ зналъ цѣлебныя свойства растеній, объяснялъ движение звѣздъ и естественныхъ явлений. Говорили даже, что онъ втеченіе двадцати лѣтъ прожилъ взаперти въ башнѣ, гдѣ велъ строгую жизнь отшельника, всецѣло посвятивъ себя астрономическимъ наблюденіямъ. Андроникъ относился съ безграничнымъ довѣріемъ къ мудрости своего астролога; не менѣе того уважали старца друзья и приверженцы князя и видѣли въ немъ оракула. Во всѣ часы дня и ночи, Иона имѣлъ свободный доступъ къ Андронику, и даже въ палаткѣ, рядомъ съ опочивальней князя, находилась комната астролога, отдѣленная отъ первой одной за-
навѣсью.

— Я долженъ возвѣстить тебѣ нѣчто важное,—повторилъ Иона.

— Важное, Иона? Хорошее или дурное услышу я отъ тебя?

— Моя наука, князь, не доступна простому смертному,—возразилъ стариkъ, произнося отчетливо каждое слово:—простые смертные должны почитать небесныя знаменія и не пытаться объяснить себѣ ихъ значеніе. Они должны подчиняться имъ, а не разыскивать, какая сила дѣйствуетъ въ нихъ. Тебѣ извѣстно, Андроникъ, что голова моя посѣдѣла за изученіемъ небесныхъ знаменій и, все-таки, я долженъ откровенно сознаться передъ тобой, что бываютъ явленія, которыхъ я самъ не могу уяснить себѣ.

— Это предисловіе, Иона, наводитъ меня на мысль, что ты пришелъ съ дурными вѣстями,—сказалъ Андроникъ:—твой торжественный тонъ и серьѣзная рѣчь тревожатъ меня. Говори, объясни, въ чёмъ дѣло.

— Ты находишь меня, князь, слишкомъ серьѣзнымъ? Когда же видѣлъ ты меня инымъ? Можетъ ли человѣкъ оставаться веселымъ, занимаясь изученіемъ небесныхъ знаменій. Мы, люди, въ сравненіи съ величиемъ вселенной, не болѣе, какъ жалкіе черви, ничтожны горчичныя зерна!.. Слушай, Андроникъ. Въ прошлую ночь я стоялъ у открытаго окна и смотрѣлъ на небо. Ночь была тихая, тысячи созвѣздій блестѣли на безоблачномъ небѣ. Я наблюдалъ за нѣкоторыми хорошо извѣстными мнѣ звѣздами, и мнѣ казалось, что онѣ движутся и описываютъ на небесной тверди разныя фантастическія фигуры. Было уже за полночь. Между этими звѣздами одна звѣзда превосходила всѣ остальные величиной и блескомъ и какъ бы властновала надъ окружающими свѣтилами. Но тутъ, на востокѣ внезапно показался яркій свѣтъ, принявшій въ слѣдующую минуту форму огненнаго шара; этотъ шаръ перестѣкъ небесный сводъ и направился къ блестящей звѣзда. Немного погодя, огненный шаръ покрылъ собою звѣзду и остался какъ

будто пригвожденнымъ къ ней. Все небо озарилось свѣтомъ. Затѣмъ, шаръ началъ снова подниматься, но на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде сверкала звѣзда, царила глубокая ночь; спутники звѣзды также исчезли. Огненный шаръ быстро пронесся по другой сторонѣ небеснаго склона и затѣмъ опустился въ море, и море окрасилось въ багровый цвѣтъ, точно налитое кровью. Это продолжалось всего нѣсколько мгновеній, и все покрылось мракомъ. Блестящая звѣзда и ея спутники исчезли навѣки.

— Какое странное видѣніе! — сказалъ Андроникъ, выслушавъ молча разсказъ астролога: — теперь посмотримъ, какъ ты объяснишь мнѣ его!

— Неужели необходимо какое нибудь объясненіе? Чего могъ ты не понять въ этомъ, князь? О, немощь людская! Все объясняется легко и просто. Лучезарная звѣзда, окруженная спутниками, — императоръ Алексѣй; огненный шаръ, пересѣкающій небесный сводъ и затемнившій свѣтъ звѣзды своимъ яркимъ блескомъ, это — ты, Андроникъ, котораго слава затмитъ величіе императора. При твоемъ появлѣніи меркнетъ блескъ императорской короны, исчезаютъ второстепенные свѣтила, окружающія тронъ. Понимаешь ли ты теперь, чѣд означаетъ это видѣніе?

— Понимаю, — отвѣтилъ Андроникъ. — Но мнѣ кажется необъяснимымъ погруженіе шара въ море и багровый цвѣтъ воды.

— Преклонись, князь, передъ небеснымъ знаменіемъ, — сказалъ астрологъ серьёзнымъ тономъ: — довольноствуйся тѣмъ объясненіемъ, какое доступно тебѣ, не дѣлай напрасныхъ попытокъ изслѣдовать небесныя тайны. Не оскверняй святыни его знамени!. . Багрово-красный цвѣтъ моря, въ которое погрузился огненный шаръ, останется для тебя неразрѣшимой загадкой. Не пытайся поднять покровъ, скрывающій неизвѣстную будущность.

Иона удалился такимъ же медленнымъ шагомъ, какимъ вошелъ въ комнату; занавѣсь снова опустилась за нимъ.

— Огненный шаръ освѣтить ночной мракъ, — проговорилъ задумчиво Андроникъ, оставшись наединѣ съ собою: — огненный шаръ, который блеснетъ на одно мгновеніе и затемнитъ свѣтъ другихъ звѣздъ, чтобы вслѣдъ за тѣмъ погрузиться въ багровое море?.. Иона не могъ или не хотѣлъ объяснить мнѣ это небесное явленіе... Въ такомъ случаѣ оно не въ мою пользу... Впрочемъ, не все ли равно! Эти явленія не болѣе, какъ игра природы; имъ придаются значеніе только неразумные и робкіе люди. Они не могутъ тревожить меня.

Между тѣмъ, въ лагерѣ снова началась обычная суетливая дѣятельность; вездѣ было движеніе, вездѣ кипѣла работа. Часы отдыха прошли, и всѣ были заняты дѣломъ.

Андроникъ вышелъ изъ своей палатки и слѣдилъ молча за происходившей вокругъ него дѣятельностью; его появленіе заста-

вило воиновъ работать съ удвоенной энергией, каждый изъ нихъ хотѣлъ выказать передъ своимъ полководцемъ воодушевлявшее его усердіе.

Въ это время вдали показалась группа всадниковъ, медленно поднимавшихся на холмъ. Впереди всѣхъ, на бѣлосѣжной пышно убранной лошади, ѿхалъ старикъ въ богатой священнической одеждѣ. Это былъ патріархъ Феодосій, который явился въ лагерь Адроника въ сопровожденіи духовенства.

Едва Андроникъ увидѣлъ приближавшееся шествіе священниковъ и самого церковнаго владыку, о которомъ слышалъ столько разсказовъ, хотя не зналъ лично, какъ поспѣшилъ къ нему на встречу. Не доходя до него нѣсколько шаговъ, онъ преклонилъ колѣна, поцѣловавъ подошвы ногъ патріарха и, поднявшись на ноги, сказалъ:

— Счастливы мои очи, что могли узрѣть поборника добра и истины на землѣ, Иоанна нашего времени; счастливъ я, что на мою долю выпала благодать увидѣть церковнаго владыку, славу которого возвѣщаетъ весь міръ. Да удостоитъ твое святѣйшество съ высоты достигнутаго тобой величія бросить милостивый взглядъ на меня, грѣшнаго. Благослови, святой отецъ, раба твоего, у которого нѣтъ иного желанія, какъ доказать на дѣлѣ то глубокое уваженіе, которое онъ чувствуетъ къ тебѣ.

Патріархъ, молча, выслушалъ это привѣтствіе и бросилъ на Андроника взглядъ, выражавшій непреодолимое отвращеніе. Феодосій былъ добродѣтельный и справедливый человѣкъ, врагъ всякаго коварства и лицемѣрія; онъ тотчасъ почувствовалъ ложь въ словахъ Андроника; и у него промелькнула невольная мысль, что только злой демонъ могъ привлечь его къ кормилу государства, которое болѣе чѣмъ когда либо нуждалось въ доблестномъ правителѣ. На лицѣ патріарха появилась горькая улыбка; онъ видѣлъ въ наружности Андроника безошибочные признаки хитрости и коварства: глаза, смыющиеся безъ причины, и черезчуръ лѣстивыя уста.

— Твоя слава опередила тебя, Андроникъ,—сказалъ патріархъ:— я знаю тебя, хотя мы впервые встрѣчаемся съ тобою.—Затѣмъ, обращаясь къ одному изъ сопровождавшихъ его священниковъ, онъ добавилъ вполголоса:—Этотъ человѣкъ дѣйствительно такой, какимъ намъ описывали его!

Хотя Андроникъ не разслышалъ послѣднихъ словъ патріарха, но, по выраженію его лица, догадался о томъ впечатлѣніи, какое онъ произвелъ на церковнаго владыку; онъ шепнулъ на ухо стоявшему возлѣ него Агіохристофориту:—Патріархъ имѣть такой же угрюмый видъ, какъ всѣ армяне.

Эти двое людей встрѣтились въ первый разъ въ жизни и оба тотчасъ же поняли, что между ними не можетъ быть никакого соглашенія. Каждый изъ нихъ чувствовалъ, что передъ нимъ нахо-

дится могущественный противникъ и что онъ имѣть въ другомъ непримиримаго врага. Одинъ изъ нихъ поставилъ цѣлью своей жизни дѣстиженіе престола; другой остался вѣренъ своей родинѣ и юному императору и боялся козней хитраго измѣнника.

Но Андроникъ, болѣе искусный въ притворствѣ, скоро овладѣлъ собою и пригласилъ патріарха къ себѣ въ палатку. Феодосій сошелъ съ лошади и, входя въ палатку, благословилъ правой рукою воиновъ, преклонившихъ передъ нимъ колѣна.

Патріархъ сѣлъ въ широкое кресло и, обращаясь къ стоявшему передъ нимъ Андронику, сказалъ:

— Ты, князь, прибыль сюда изъ отдаленныхъ азіатскихъ провинцій, чтобы съ Божьей помощью принять участіе въ управлѣніи государствомъ, которому нужна помощь сильной, но отеческой руки. Наша родина страждеть. Господь наказываетъ свой грѣшный народъ. Императорскій скипетръ въ рукахъ отрока, котораго злые совѣтники стараются сорвать съ пути истины. Но милосердное небо обезоруживаетъ замышляющихъ зло.

— Царство зла непродолжительно на землѣ, святой отецъ,—отвѣтилъ Андроникъ, опустивъ глаза въ землю.

— Да будетъ благословенно имя Господне!—сказалъ Феодосій.— Онъ прощаетъ къ намъ свою милостивую руку. Пochинъ уже сдѣланъ.

— Что хочешь ты сказать этимъ?

— Одинъ изъ злодѣевъ обезоруженъ и не можетъ больше вредить намъ. Небесная кара постигла протесвастоса, который свергнулся съ высоты своего нечестія и теперь сидитъ заключенный въ мрачной темницѣ.

— Возможно ли это? — воскликнулъ Андроникъ. — Протесвастосъ!...

— Да, Андроникъ, все это совершилось, — отвѣтилъ сѣдой патріархъ, устремивъ строгій взглядъ на своего собесѣдника. — Господь не оставляетъ нечестивыхъ безъ наказанія ни въ этой жизни, ни въ будущей.

— А императоръ?

— Императоръ долженъ быть подчиниться волѣ народа. Что могъ сдѣлать слабый отрокъ? Можетъ ли онъ имѣть какое либо вліяніе, когда его намѣренно держали во мракѣ невѣжества ради интересовъ могущественнаго протесвастоса?

— Но развѣ ты, преподобный Феодосій, не могъ принять никакихъ мѣръ, чтобы оградить юнаго императора отъ дурныхъ вліяній? — спросилъ Андроникъ. — На тебя собственно и возложилъ Мануилъ эту великую и священную обязанность.

— Дѣйствительно Мануилъ назначилъ меня руководителемъ и наставникомъ своего сына и наслѣдника, — возразилъ старецъ съ горькой усмѣшкой. — Вначалѣ я усердно взялся за исполненіе этого

тяжелаго долга и сдѣлалъ нѣсколько попытокъ сдержать обѣщаніе, данное мною умирающему отцу и государю. Но вскорѣ я убѣдился, что всѣ усилия будуть напрасными; мой голосъ былъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ; никто не обращалъ вниманія на слова престарѣлаго пастыря; къ совѣтамъ его относились съ презрѣніемъ. Наконецъ, я увидѣлъ себя вынужденнымъ отказаться отъ мѣста, которое съ каждымъ днемъ становилось для меня невыносимѣе. Переѣхавъ, оказался на сторонѣ враговъ.

— А теперь?—спросилъ Андроникъ.

— И теперь я не принесу никакой пользы,—возразилъ патріархъ:—императорскій престолъ вскорѣ приобрѣтетъ могущественнаго защитника...

— Неужели ты хочешь возложить на меня одного такую тяжелую ношу?

— Императоръ не нуждается больше въ моей помощи. Я считаю себя освобожденнымъ отъ данного обѣщанія съ той минуты, какъ Андроникъ переступилъ порогъ императорскаго дворца.

Лучъ дикой радости сверкнулъ въ глазахъ Андроника; слова патріарха устранили послѣднюю преграду, отдѣлявшую его отъ императорскаго престола.

Бесѣда была прервана. Патріархъ всталъ съ мѣста и вышелъ изъ палатки.

Серьезно и молча сѣлъ Феодосій на лошадь и отправился въ обратный путь съ своей свитой.

Еще долгое время Андроникъ провожалъ глазами удалявшуюся группу всадниковъ. Наконецъ, когда они совсѣмъ исчезли изъ виду за изгибомъ дороги, онъ пробормоталъ сквозь зубы: — Ты заблуждаешься, патріархъ! Меня не испугаетъ церковное проклятие, хотя ты ясно намекалъ на него; я не привыкъ трепетать передъ кѣмъ бы то ни было...

Съ этими словами онъ снова вернулся въ свою палатку.

Вечерніе сумерки уже набросили свои тѣни на берега Босфора и лагерь Андроника. Передъ каждой палаткой былъ зажженъ факель, чтобы жители Константинополя могли видѣть издали мѣсто, гдѣ находился лагерь ихъ будущаго государя и его вѣрныхъ воиновъ.

IV.

Торжественный вѣзду.

Былъ одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ осеннихъ дней, когда, при южномъ безоблачномъ небѣ, воздухъ кажется особенно прозрачнымъ и въ немъ царить своеобразная тишина. Въ голубыхъ вол-

нахъ Босфора, слегка затронутыхъ легкимъ вѣтеркомъ, отражались покрытые лѣсомъ берега. Солнце взошло въ своемъ полномъ великолѣпіи; лучи его бросали обильный свѣтъ. Вся природа какъ будто разодѣлась попраздничному и за одно съ нею городъ свя-таго Константина представлялъ въ это утро праздничную картину радости и ликованія.

«Царь городовъ», очнувшись отъ страшнаго, такъ долго тяготѣвшаго надъ нимъ сна, радостно привѣтствовалъ наступленіе дня, когда онъ долженъ быть принять въ своихъ стѣнахъ общаго народнаго любимца, давно ожидаемаго избавителя, который своимъ прибытіемъ положилъ конецъ господству злодѣевъ и являлся вѣстникомъ мира съ оливковой вѣтвью въ рукахъ.

Опять свободно вдохнуло населеніе Константинополя, въ отрадной увѣренности, что для него наступаетъ золотой вѣкъ; граждане испытывали то сладостное успокоеніе, которое является у насъ въ тѣ моменты, когда минуетъ опасность и мы знаемъ, что находимся вѣдь ея.

Народъ избавился отъ виновника своихъ бѣдствій, протосева-стоса Алексія, ненавистнаго опекуна императора, означеновавшаго свое правленіе вымогательствами, насилиемъ и неправильными на-логами, который проматывалъ государственную казну на попойки и пиршства, осквернялъ и грабилъ святые храмы, покровительствовалъ порочнымъ людямъ и безчеловѣчно преслѣдовалъ всякую добродѣтель. Свергнутъ и униженъ былъ высокомѣрный тиранъ, и народъ, оставшись побѣдителемъ надъ опаснымъ врагомъ, испытывалъ безконечную радость торжества. Исполненный золотыхъ на-деждъ, ожидалъ онъ прибытія храбраго полководца, котораго счи-тали своимъ спасителемъ. Будущность представлялась гражданамъ Константинополя въ самыхъ розовыхъ краскахъ; они покинули свои дома, чтобы привѣтствовать человѣка, который осуществить для нихъ эту блестящую будущность. Всѣмъ было извѣстно, что въ этотъ день онъ долженъ переплыть узкій Босфоръ, и каждый хотѣлъ его видѣть во время торжественнаго шествія по городу.

Всѣ улицы, ведущія къ морю были переполнены густыми тол-пами; на всѣхъ лицахъ можно было прочесть то радостное ожи-даніе, какое обыкновенно предшествуетъ счастливому событию. Всѣ окна, балконы, даже крыши домовъ, откуда можно было ви-дѣть Босфоръ или улицы, черезъ которыхъ предстояло пройти Андронику, были заняты людьми. Казалось, что многочисленное населеніе столицы было воодушевлено однимъ чувствомъ горячей преданности къ человѣку, котораго всѣ ожидали съ одинаковымъ нетерпѣніемъ.

Радостная толпа медленно двигалась по городскимъ улицамъ, и вмѣсто обычнаго утренняго привѣтствія слышались отрывочные восклицанія: «Онъ явится сегодня! Наконецъ-то! Слава Богу!».

Разряженные женщины въ богатыхъ праздничныхъ платьяхъ сидѣли у оконъ и на балконахъ домовъ и смотрѣли на волнобразное движение народной массы. Давка становилась все сильнѣе, по мѣрѣ приближенія къ морю; всѣ взоры были устремлены на противоположный берегъ. Босфоръ былъ усыпанъ судами; между ними въ живописномъ безпорядкѣ сновали лодки, которыми завладѣли болѣе нетерпѣливые зрители, хотѣвшіе быть въ первыхъ рядахъ во время встрѣчи.

Вездѣ была жизнь; вездѣ движеніе и на морѣ, и на улицахъ; и оно было еще замѣтнѣе послѣ недавняго томительного затишья. Солнце ярко свѣтило на небѣ, какъ бы принимая участіе въ общей радости, и безмятежное, какъ сердце гражданъ, готовилось ликовать вмѣсть съ ними на общемъ празднествѣ. Въ честь этого празднества земля и небо являлись въ гармоничномъ сочетаніи и полномъ блескѣ своей красоты.

Но тутъ движеніе лодокъ усилилось; перегоняя одна другую, онѣ всѣ плыли къ одному пункту, гдѣ виднѣлось нѣсколько кораблей. На этотъ пунктъ были теперь устремлены взоры зрителей, стоявшихъ на берегу, и тысячи голосовъ кричали: «Онъ єдетъ! Вотъ онъ!»

Можно было ясно различить издали, что корабли двигаются въ направленіи къ городу. Впереди плыла большая галера, на мачтѣ которой развѣвался фиолетовый флагъ Андроника. Онъ самъ стоялъ на палубѣ съ непокрытой головой, превышая всѣхъ своимъ высокимъ ростомъ, и смотрѣль на городъ, который разстился передъ его глазами. Лучи утренняго солнца освѣщали его сѣдыя локоны и мужественное лицо. Андроникъ предсталь во всемъ своемъ величіи; губы его произносили псаломъ Давида: «Возвратись, душа моя, въ покой твой; ибо Господь облагодѣтельствовалъ тебя. Ты избавилъ душу мою отъ смерти, очи мои отъ слезъ и ноги мои отъ преткновенія...»

Молча и въ благочестивомъ созерцаніи стояли около него вѣрные приверженцы: Агіохристофоритъ и суровый Трипсихъ, и за ними предводитель флота, Контостефанъ, который съ увѣреннымъ взглядомъ знатока слѣдилъ за ходомъ судовъ. Со всѣхъ лодокъ, окружавшихъ княжескую галеру, простерты были руки, и раздавались крики, отголоски которыхъ доносились до берега, какъ звуки веселой музыки, сопровождавшей тріумфальное шествіе: «Да здравствуетъ Андроникъ Комненъ! На многія лѣта!..

Медленно причалилъ флотъ, и Андроникъ вышелъ изъ галеры. Онъ казался погруженнымъ въ молитву, потому что глаза его были обращены къ небу, а губы слегка шевелились.

Едва вступивъ на берегъ, онъ упалъ на колѣна и нѣсколько разъ поцѣловалъ землю, чѣмъ привель въ умиленіе окружавшихъ его: у нихъ на глазахъ навернулись слезы радости.

Наконецъ, Андроникъ поднялся на ноги и, обращаясь къ привѣтствовавшимъ его гражданамъ, сказалъ:

— Сограждане! — голосъ его задрожалъ при этихъ словахъ, — дорогіе сограждане! Господь по своей неизрѣченной милости продлилъ мнѣ жизнь, чтобы я могъ увидѣть этотъ счастливый день. Всевышній направилъ стопы недостойнаго раба своего изъ отдаленной Азіи къ этимъ священнымъ берегамъ. Съ того дня, какъ мы разстались съ вами, пришлось вамъ претерпѣть много бѣдствій. Немало вынесъ и я тяжелыхъ испытаній въ мрачной пустынѣ изгнанія. Темное прошлое освѣтилось для меня лучами настоящаго. Смотрите на меня, какъ на своего вѣрнаго друга и защитника, всегда готоваго оказать вамъ помощь. Только эта цѣль и привела меня сего дня къ вамъ.

Въ отвѣтъ на эту короткую рѣчъ раздались крики ликованія нѣсколькихъ тысячъ людей. Всѣ тѣснились ближе къ Андронику. На всѣхъ лицахъ была та блаженная улыбка, которая является у человѣка въ моменты полнаго безмятежнаго счастья. Каждый сердечно привѣтствовалъ его, какъ брата или отца.

Андроникъ, стоя въ толпѣ, видѣлъ неподѣльный восторгъ, вызванный его присутствиемъ; онъ улыбался, глаза его блестѣли. Но въ блескѣ этихъ глазъ было нечто холодное и отталкивающее, что могло бы привести въ ужасъ тонкаго наблюдателя, который бы съумѣлъ прочесть происходившее въ его душѣ. Внутренній міръ Андроника не имѣлъ ничего общаго съ его внѣшностью.

Андроникъ и его спутники сѣли на богато-убранныхъ лошадей, которыя были заранѣе приготовлены для нихъ; затѣмъ шествіе медленнымъ шагомъ стало подниматься въ городъ по склону холма. Сопровождавшая его толпа все увеличивалась, громко выражая свою радость, при видѣ человѣка, который величественно сидѣлъ на своемъ бѣломъ конѣ, какъувѣнчанный лаврами побѣдитель. Этотъ человѣкъ составлялъ центръ, на который были устремлены всѣ желанія и всѣ надежды.

Длинное шествіе прибыло, наконецъ, въ Филопатіумъ и остановилось передъ императорскимъ дворцомъ, гдѣ царствующій отрокъ долженъ былъ привѣтствовать своего прибывшаго родственника. Главныя ворота дворца были открыты настежь и передъ ними, неподвижные, какъ каменные статуи, стояли императорскіе тѣлохранители, варяги, вооруженные тяжелыми сѣкирами.

Андроникъ ловко соскочилъ съ коня и, пройдя сплошные ряды воиновъ, поднялся по широкой каменной лѣстницѣ. Вскорѣ онъ очутился въ большой тронной залѣ.

Многочисленная толпа, сопровождавшая его до императорскаго дворца, осталась на площади и тѣснилась около варяговъ, охранявшихъ входъ въ императорское жилище.

Въ тронной залѣ стоялъ императоръ Алексѣй, въ великолѣп-

номъ царскомъ одѣяніи, и, рядомъ съ нимъ, его мать, красавая императрица Марія, въ простомъ черномъ платьѣ. Она была блѣдна и имѣла разсѣянный видъ.

Андроникъ упалъ на колѣни передъ императоромъ и облобызalъ его ноги. Затѣмъ онъ поднялся и, холодно взглянувъ на Марію, обратился съ привѣтственной рѣчью къ царствующему отроку:

— Государь,—сказалъ онъ:—ты видишь передъ собой вѣрнѣйшаго слугу и подданнаго, который явился сюда, чтобы посвятить тебѣ и твоему престолу свои послѣднія силы и самую жизнь. Удостой меня взоромъ очей твоихъ, милостивый государь и повелитель! Ты соизволилъ призвать меня; я тотчасъ же повиновался твоему приказанію. Я старъ и согнулся подъ тяжестью лѣтъ; но, тѣмъ не менѣе, явился на твой зовъ, потому что священный долгъ повелѣвалъ мнѣ исполнить клятву, данную мною твоему покойному отцу, и указалъ путь, по которому я долженъ слѣдовать. Да, государь, тебѣ готовъ я посвятить послѣдніе годы моей земной жизни; мое единственное стремленіе доставить безопасность твоему престолу...

Алексѣй стоялъ въ смущеніи, не зная, что отвѣтить на эту рѣчь; онъ видѣлъ въ первый разъ въ своей жизни этого старца, по щекамъ которого текли обильныя слезы, и не могъ пріѣдти въ себя отъ необычнаго зрѣлища. Алексѣй былъ невинный отрокъ и не зналъ ни языка лѣстеповъ, ни словъ притворства. Наконецъ, онъ овладѣлъ собой и сказалъ тихимъ, едва слышнымъ голосомъ:

— Андроникъ! императоръ Мануилъ, мой незабвенный отецъ, всегда любилъ тебя, и ты былъ нѣкогда избранъ имъ его ближайшимъ совѣтникомъ. Я также нуждаюсь въ твоемъ совѣтѣ и помощи; не въ силахъ я нести тяжесть вѣнца...

— О, государь,—возразилъ Андроникъ, и новый потокъ слезъ полился изъ его глазъ:—милость великаго Мануила была для меня драгоцѣнѣйшимъ сокровищемъ на землѣ, и я былъ неизмѣнно вѣрнымъ и преданнымъ слугою. Но прерѣнныя лѣстцы съумѣли лишить меня его расположенія, и я принужденъ былъ вынести тяжелую кару изгнанія. Но, и при моемъ одинокомъ печальному существованію, я ни минуты не забывалъ моего долга относительно моего государя и повелителя. Ежедневно отъ глубины сердца молился я объ его здравіи и благополучії. Богу неугодно было, чтобы я засталъ его живымъ, но мнѣ дано, по крайней мѣрѣ, въ видѣ послѣднаго утѣшенія, узрѣть его сына и достойнаго преемника, и для него я готовъ сдѣлать все то, чего я не могъ исполнить для его отца.

— Съ этого часа, — возразилъ юный императоръ: — я отдаюсь въ твои руки, Андроникъ. Будь моимъ защитникомъ и руководителемъ. Престолъ окруженъ врагами и подвергается многочислен-

нымъ опасностямъ. Присутствіе вѣрнаго искренняго друга и храбраго военнаго героя устранить всякую опасность. Прими мою благодарность, Адроникъ.

Адроникъ слышаль эти слова, которыя императоръ произнесъ слабымъ голосомъ, и, не смотря на все свое самообладаніе, онъ не могъ удержать торжествующей улыбки, озарившей все его лицо. Такой же торжествующій взглядъ бросилъ онъ на императрицу Марію, которая была свидѣтельницей этой сцены и стояла неподвижно, повидимому, безучастная ко всему, что происходило вокругъ нея.

«Съ этого часа, — сказалъ Алексѣй:— я отдаюсь въ твои руки, Адроникъ!» Невинный агнецъ очутился въ когтяхъ кровожаднаго волка. Несчастная жертва предана была въ руки жестокосердаго палача. Съ этого момента императорскій вѣнецъ упалъ съ головы Алексѣя, чтобы украсить чело Адроника. Огненный шаръ астролога Ионы уже затмилъ блестящую звѣзду.

Адроникъ снова преклонилъ колѣна передъ императоромъ, снова облобызалъ его ноги и, проливая обильныя слезы, вышелъ изъ залы.

Въ непосредственной близости съ императорскимъ дворцомъ, въ такъ называемой Манганскої палатѣ, было приготовлено жилище для Адроника. Туда отправился онъ со своими приверженцами, чтобы отдохнуть отъ волненій истекшаго дня.

Здѣсь въ пышно убранномъ покой расположился въ мягкому креслѣ Адроникъ; передъ нимъ, неразлучный какъ тѣнь, стоялъ его вѣрный Агіохристофоръ.

— Ты видиши, Стефанъ, все случилось такъ, какъ мы этого желали, — сказалъ Адроникъ, на лицѣ котораго выражалось спокойствіе торжества.

— Я никогда не могъ представить себѣ, — возразилъ Агіохристофоръ:— что путь окажется на столько легкимъ для нась. Счастье долго было для тебя злой мачихой, но теперь оно снова улыбается тебѣ.

— Эта улыбка служить наиболѣшимъ предзнаменованіемъ для моей будущности. Но счастье, другъ мой, имѣть также свои при чуды. Нынѣшній день начался благополучно для нась, и конецъ его долженъ соотвѣтствовать началу. Я считаю недостаточнымъ, что нашъ опаснѣйшій врагъ побѣженъ и поверженъ въ прахъ; онъ долженъ быть навсегда лишенъ возможности вредить намъ. Оцѣпенѣвшая змѣя можетъ снова возвратиться къ жизни и прѣйтъ въ ярость. Поэтому всего разумнѣе отрубить ей голову. Ты понимаешь меня, Стефанъ?

— Понимаю, ты говоришь о протосевастосѣ.

— Гдѣ онъ?

— Въ оковахъ и въ тюрьмѣ! Онъ ожидаетъ отъ тебя рѣшенія его участія.

— Нужно ли объяснять тебѣ, въ чёмъ будетъ заключаться мое рѣшеніе? Ты знаешь это, Стефанъ. Пойди и исполни его безъ дальнѣйшаго замедленія. Мы въ долгу передъ городскимъ населеніемъ, и оно вправѣ потребовать отъ насъ этого удовлетворенія. Мы должны отблагодарить византійцевъ за ихъ дружественный пріемъ. Воспользуемся случаемъ, чтобы выказать нашу признательность и достойнымъ образомъувѣнчать прекрасный день. Иди, Стефанъ, медлить нечего!...

Агюхристофоритъ молча поклонился и вышелъ изъ комнаты; подобные люди безъ труда понимаютъ другъ друга.

Онъ шелъ быстрыми шагами, чтобы исполнить повелѣніе кривожаднаго господина, наполнившее чувствомъ дикой радости его жестокое сердце. Все меныше и меныше становилось разстояніе, отдѣлявшее его отъ мѣста, гдѣ томился протосевастосъ. Это была темная, сырая тюрьма, и здѣсь нѣкогда могущественный Алексѣй съ трепетомъ ожидалъ рѣшенія своей участіи.

Алексѣй хорошо зналъ, какая участіе предстоитъ ему съ того часа, какъ его непримиримый врагъ вступилъ на почву Константинаopolia. Онъ, не знаяшій никогда чувства жалости, былъ вполнѣ увѣренъ, что ему нечего ждать пощады отъ побѣдоноснаго врага, и поэтому, подавивъ глубокое чувство ненависти, наполнившее его сердце, безропотно покорился своей судьбѣ съ смиреніемъ отчаянія. Поставленная передъ нимъ Ѣда оставалась нетронутой, и только, время отъ времени, онъ выпивалъ нѣсколько капель воды, чтобы освѣжить свои запекшія губы. Ему и въ голову не приходило молить о пощадѣ; его гордое сердце не допускало даже мысли о подобномъ униженіи.

Агюхристофоритъ взялъ изъ рукъ тюремнаго сторожа большой тяжелый ключъ и, отворивъ дверь, вошелъ подъ темный сводъ. На него повѣяло сыростью и мракомъ могилы.

Алексѣй, лежавшій на землѣ, едва прикрытой соломой, приподнялъ голову.

— Кто ты? и зачѣмъ ты пришелъ сюда?—спросилъ онъ вошедшаго.

— Я исполнитель закона,—холодно возразилъ любимецъ Андроника:—и явился сюда, чтобы выполнить данное мнѣ повелѣніе. Вставай, Алексѣй, и слѣдуй за мной.

— Ты поведешь меня къ моимъ судьямъ?—спросилъ опять Алексѣй, не покидая своего ложа.

— Твои суды окончили свое дѣло; ты осужденъ на смертную казнь!—отвѣтилъ коротко Агюхристофоритъ.

— Какой же это законъ предоставилъ подобное право моимъ судьямъ?—спросилъ узникъ съ горькой усмѣшкой.

— А по какому праву ты осмѣлился идти наперекоръ народу? По какому праву ты, Алексѣй, убивалъ невинныхъ, расточалъ государственную казну? Развѣ ты заботился о соблюденіи закона въ то время, когда въ своей ярости попиралъ ногами святѣйшія права человѣчества?

— Я не обязанъ отдавать тебѣ отчета въ своихъ поступкахъ,— возразилъ Алексѣй съ презрительнымъ взглядомъ.— Палацъ, дѣлай свое дѣло. Твоя обязанность достойна твоего господина.

Агюхристофоритъ молчалъ.

— Слышишь ли, что я говорю? Палацъ, дѣлай свое дѣло!

Агюхристофоритъ отворилъ дверь и сказалъ:

— Встань и иди за мной.

Оба вышли изъ мрачной темницы. Въ прихожей стояли три вооруженныхъ тюремщика.

Агюхристофоритъ сказалъ имъ шепотомъ нѣсколько словъ и сдалъ имъ на руки протосевастоса. Тюремщики вывели его на обширный дворъ, гдѣ собралась многочисленная народная толпа. Она состояла изъ людей низшаго класса: носильщикъ, матросовъ и празднаго сброва, которые, завидя протосевастоса, привѣтствовали его дикимъ крикомъ и угрозами смерти.

Народъ всегда вѣренъ себѣ, безжалостенъ къ павшему величию, неукротимъ въ чувствѣ мести, кровожаденъ въ своей ярости.

Передъ воротами стояла неосѣданная, жалкая кляча. На нее усадили протосевастоса и повели къ морскому берегу. Впереди выступалъ одѣтый въ лохмотья носильщикъ съ длиннымъ шестомъ, на которомъ развѣвалась грязная тряпка, изображавшая знамя; затѣмъ слѣдовала толпа, которая, изрыгая самыя ужасныя проклятія, бросала въ голову протосевастосу комки грязи и всякия нечистоты, поднятые на улицѣ.

Константинопольцы, привѣтствовавшіе въ полдень восходящее свѣтило громкими криками ликованія, вечеромъ того же дня сопровождали съ проклятіями и угрозами закатившуюся звѣзду.

На морскомъ берегу протосевастосъ былъ переданъ двумъ палачамъ, выдѣявшимся изъ толпы своей красной одеждой; они выкололи ему глаза и, бросивъ его въ лодку, сами сѣли въ нее. Медленно отчалила тяжело нагруженная лодка и направилась на средину залива.

Еще долго среди лодки, между двухъ палачей, виднѣлось окровавленное лицо несчастнаго страдальца. Затѣмъ оно внезапно изчезло, и легкій плескъ воды у борта лодки возвѣстилъ стоявшимъ на берегу, что протосевастосъ Алексѣй нашелъ себѣ въ волнахъ Босфора влажную могилу. Вскорѣ послѣ того лодка вернулась обратно, и въ ней сидѣло только двое палачей.

Такой кровавой ужасной сценой кончилось прекрасное весеннее утро, ознаменованное вышеописаннымъ радостнымъ событиемъ.

Въ то время, какъ протосевастось встрѣтилъ смерть въ сырой могилѣ, Андроникъ, возсѣдая въ роскошно-убранной залѣ, уже чувствовалъ заранѣе пріятное давленіе императорской короны на своей головѣ.

V.

Въ Пантократорскомъ монастырѣ.

Въ Пантократорскомъ монастырѣ, убѣжищѣ мира и успокоенія, вдали отъ лихорадочнаго движенія и шума городскаго, вдали отъ страстей, обуревающихъ сердце человѣка, покоился вѣчнымъ сномъ императоръ Мануилъ, въ посвященной Богу обители, гдѣ плачуши и вздыхающіе ищутъ утѣшения.

Мирно почивалъ въ Пантократорскомъ монастырѣ храбрый полководецъ Мануиль, побѣдитель неукротимыхъ венгровъ и сербовъ, прославившій своими подвигами берега Меандера, послѣ жизни, исполненной волненій, послѣ долгихъ кровавыхъ битвъ съ честолюбивыми крестоносцами и дикими азіатскими ордами; здѣсь, согласно своей волѣ и выраженному передъ смертью желанію, нашелъ себѣ Мануиль послѣднее убѣжище послѣ блистательныхъ военныхъ дѣяній, которыми онъ возвеличилъ свою родину, послѣ того, какъ своими рѣдкими доблестями онъ украсилъ новымъ блескомъ пышный престолъ Комненовъ. Въ темной монастырской церкви, направо отъ алтаря, подъ иконой Всевышняго находилась могила, заключавшая прахъ умершаго государя.

Величественно возвышался надъ могилой памятникъ изъ бѣлого блестящаго мрамора, съ семью большими ступенями, на вершинѣ которого красовалась золотая императорская корона.

Императоръ, который въ столькихъ битвахъ подвергалъ свою жизнь опасности и столько разъ храбро подставлялъ голову подъ смертоносные удары своихъ непримиримыхъ враговъ, скончался мирно и тихо въ столицѣ своего обширнаго государства, въ своемъ императорскомъ дворѣ. Онъ сошелъ въ могилу съ утѣшительной увѣренностью, что исполнилъ свой долгъ передъ лицомъ Бога и свѣта, и съ единственной заботой, что оставляетъ престолъ слабому отроку, которому будетъ не подъ силу такое опасное наслѣдство. Мануиль умеръ съ мучительной мыслью, что сынъ его остается на рукахъ сластолюбивой, тицеславной матери, ожидавшей только случая, чтобы предаться своимъ постыднымъ страстямъ. Зналъ онъ также, что хитрый льстецъ и коварный совѣтникъ, протосевастось Алексѣй, вместо того, чтобы быть защитникомъ и руководителемъ юнаго неопытнаго монарха, будетъ намѣренно вводить его въ соблазнъ и сдѣлается его опаснѣйшимъ противникомъ.

Еще въ тѣ времена, когда Мануиль находился въ цвѣтѣ лѣтъ и на высшей ступени своего могущества, онъ хотѣлъ дать сыну надежную опору и вѣрного слугу престолу; и съ этой цѣлью выбралъ онъ своего родственника Адроника Комнена, котораго любилъ, какъ роднаго брата. Но Адроникъ заплатилъ неблагодарностью за всѣ благодѣянія, оказанныя ему императоромъ, и, ослѣпленный ненасытнымъ честолюбиемъ, возъимѣлъ преступное намѣреніе присвоить себѣ корону, и поэтому осмѣлился мечтать о низверженіи престола и смерти своего благодѣтеля императора Мануила. Адроникъ, забывая священную клятву, произнесенную имъ императорскому дому, о соблюденіи его чести и благосостоянія, открыто поднялъ знамя возмущенія, и этимъ вынудилъ императора подавить чувство жалости въ своемъ добромъ сердцѣ и отправить въ изгнаніе неблагодарнаго родственника.

Съ этого часа мрачная завѣса сомнѣнія покрыла въ глазахъ императора будущность его сына. Много разъ, когда онъ видѣлъ своего сына, невиннаго младенца, играющимъ въ дѣтскія игры или слышалъ его веселый смѣхъ, у него изъ глазъ лились горячія слезы и болѣзненно скималось его мужественное сердце, никогда не знавшее ни страха, ни унынія.

Эти сиѣдающія сердце заботы отравили послѣдніе дни жизни императора Мануила. Чувствуя приближеніе кончины, онъ призвалъ сына къ смертному одру, долго прижималъ его къ своей груди и, наконецъ, сказалъ ему: «Алексѣй, сынъ мой, я покидаю эту міръ и оставляю тебя среди всевозможныхъ опасностей. Будь вѣренъ твоему высокому призванію и никогда не измѣняй ему, будь строгимъ блюстителемъ правосудія и отцомъ народа, которымъ тебѣ суждено управлять. Да направить Всевышній стопы твой!»

Умирающій отецъ произнесъ послѣднія слова дрожащимъ голосомъ; дрожащей рукой передалъ онъ сыну перстень, символъ императорской власти. Затѣмъ ослабѣвшими глазами, омраченными тѣнью смерти, Мануиль еще разъ взглянулъ на сына, посылая ему послѣдній прощальный привѣтъ.

Мануиль лежалъ мертвый въ могилѣ; сынъ его Алексѣй занялъ византійскій престолъ, этотъ опасный скользкій постъ, съ котораго было свергнуто столько могущественныхъ людей. Опять на ступеняхъ престола очутился старый совѣтникъ, изгнанный Адроникъ, который въ глубинѣ души таилъ непримиримую ненависть къ дому своего государя.

Между тѣмъ надъ одинокой могилой Мануила стягивались тяжелыя зловѣщія облака и нарушили сонъ смерти; лампада, горѣвшая надъ могилой, тускло свѣтилась и мерцала, какъ бы готовая погаснуть. Мрачные своды церкви наполнились тѣнями отжившихъ отшельниковъ съ оскaledеными зубами и черными влади-

нами, вмѣсто глазъ; вокругъ каменной могилы слышались глухіе стоны и вздохи.

Кто же это осмѣливается нарушить покой смерти? Кто вступаетъ въ уединенный храмъ, гдѣ находится могила умершаго императора? Кто переступилъ этотъ порогъ, за которымъ прекращаются мірскія страсти?

Вотъ все ближе и ближе надвигаются тѣни, наполняющія собой высокіе своды, еще плотнѣе становятся облака. Затѣмъ все смолкло и какъ бы окаменѣло при появлениіи незваннаго гостя. Холодный камень могилы вопросительно смотрѣлъ на вошедшаго, точно хотѣлъ сказать ему: «Кто бы ты ни былъ и откуда бы ни пришелъ, не подходи и не прикасайся ко мнѣ! Я неизмѣнныій стражъ вѣреннаго мнѣ залога, охраняю вѣчный сонъ погребеннаго здѣсь человѣка; я не допущу, чтобы дерзновенная рука дотронулась до меня и чтобы святотатственный взоръ проникъ вглубь этой могилы! Можешь ли ты, смертный, разгадать тайну смерти? Здѣсь предѣль всѣмъ богатствамъ и почестямъ, всякой славѣ! Здѣсь покойится великий, могущественный государь, владѣтель многихъ странъ. Смотри, какъ не велико мѣсто, которое онъ занимаетъ здѣсь. Онъ, которому цѣлый міръ казался слишкомъ малымъ и тѣснымъ, довольствуется теперь небольшимъ уголкомъ земли. Удались отсюда, смертный, не нарушай его покоя!»

Но человѣкъ, вошедший въ церковь, не отступилъ назадъ, не внялъ предостерегавшему его голосу. Онъ смѣло шелъ впередъ; это былъ человѣкъ съ желѣзной волей, не знавшій препятствій на своемъ пути; это былъ Андроникъ Комненъ, недавній изгнаникъ, который подъ видомъ посѣщенія могилы покойнаго императора и своего родственника, пришелъ съ цѣлью поруганія надъ прахомъ умершаго властелина. Онъ пришелъ, чтобы уладить свой взоръ лицезрѣніемъ павшаго врага и утолить на хладной могилѣ мучившую его жажду мести; онъ пришелъ въ святой храмъ, чтобы осквернить его притворными слезами и лицемѣрными выраженіями мнимаго горя.

— Гдѣ могила императора Мануила? — спросилъ Андроникъ, едва вступивъ на почву столицы.

— Въ Пантократорскомъ монастырѣ, — отвѣтили ему.

— Я отправлюсь туда, чтобы помолиться на могилѣ моего благодѣтеля, — сказалъ на это Андроникъ.

Онъ сдержалъ слово и отправился въ Пантократорскій монастырь въ сопровожденіи своихъ двухъ вѣрныхъ приверженцевъ, Агіохристофорита и Трипсиха.

Оба спутника остались у церковныхъ дверей; Андроникъ приблизился одинъ къ могилѣ и стоялъ съ непокрытой головой передъ каменнымъ памятникомъ.

Онъ простеръ руки; губы его шепчутъ какія-то слова. Не слова ли

это молитвы за усопшихъ? За кого молится Андроникъ? Обильныя слезы льются изъ его глазъ, но слезы, это могущественное орудіе лицемѣровъ, ничего не стоять Андронику.

Его вѣрные приверженцы видятъ, какъ онъ склонился надъ могильнымъ камнемъ. Вотъ онъ прикоснулся губами къ холодному мрамору. Что говорить онъ? Слова его сливаются въ неясный, чутъ слышный шепотъ. Но тѣни подъ темными сводами ясно слышать ихъ; имъ понятень смыслъ его рѣчей.

Это—не слова молитвы, а проклятия и злобное глумленіе надъ умершимъ, которымъ онъ старается облегчить свою низкую душу.

— Бѣднакъ,—прошепталъ онъ, обращаясь къ усопшему государю:—ты изгналъ меня и, осудивъ на долголѣтнее странствованіе, сдѣлалъ несчастнѣйшимъ изъ людей. А теперь, Мануилъ, ты обратился въ прахъ и лежишь въ тѣсной могилѣ, и нѣтъ для тебя исхода изъ твоей глубокой темницы. Ты спиши непробуднымъ сномъ и ожидаешь трубного призыва къ послѣднему суду. Куда дѣвалось твое могущество, Мануилъ? Гдѣ твоя слава и величіе? Ты излилъ на меня всю злобу твоей порочной души и долженъ былъ умереть, а я, несчастный, преслѣдуемый, изгнанный тобою, пережилъ тебя!...

Онъ снова прикоснулся губами къ памятнику и пролилъ обильныя слезы.

Агіохристофоритъ, слѣдившій съ умиленіемъ за этой сценой сказалъ вполголоса Трипсиху:

— Смотри, онъ молится!

Андроникъ продолжалъ шепотомъ свое надгробное слово умершему:

— Ты заклеймилъ меня своимъ презрѣніемъ, Мануилъ! Часъ воздаянія насталъ. Я возложу на себя твою корону, буду сидѣть на твоемъ престолѣ, жить въ императорскомъ дворцѣ, изъ кото-раго ты изгналъ меня. Твоя богатая столица, царь городовъ, какъ ты называлъ ее въ гордомъ сознаніи своего величія, теперь все-цѣло принадлежитъ мнѣ. Можешь ли ты видѣть меня? Ты тре-пещешь въ могилѣ за своего сына? Онъ въ моей власти. Если ты можешь, то спаси его изъ моихъ рукъ. Безумный, ты надѣялся утвердить на вѣчныя времена господство твоего дома! Какъ по-стыдно обманулся ты въ своемъ разсчетѣ!...

Съ этими словами онъ въ послѣдній разъ прикоснулся губами къ мраморному памятнику; слезы текли изъ его глазъ.

Подъ темными сводами церкви какъ будто послышался зловѣ-щій хохотъ; изъ мрака выступили на мгновеніе безглазые черепа, оскаливъ свои бѣлые зубы.

Андроникъ направился къ выходу; онъ едва держался на ногахъ отъ слабости.

Вѣрные слуги поспѣшили къ нему на помощь и вывели подъ руки изъ храма.

Дверь затворилась за ними. Уединеніе и тишина снова водворились въ Пантократорскомъ монастырѣ, гдѣ почилъ послѣднимъ сномъ Мануилъ Комненъ.

VI.

Императрица Марія.

Въ подземельяхъ великолѣпного императорскаго дворца Филопатіума тянулся рядъ темницъ со сводами, грубо высѣченными въ скалѣ.

Обширныя, свѣтлыя залы дворца отличались красотой и пышностью убранства; на окрашенныхъ въ пурпуръ тканяхъ блестѣло золото; гладкія полированныя стѣны представляли пріятный контрастъ съ пестрыми украшениями потолковъ. На столько же темны и мрачны были подземныя темницы; сырость и плѣсень окрашивала толстыя стѣны сѣровато-грязнымъ цвѣтомъ; холодный обнаженный камень и обитая желѣзомъ двери свидѣтельствовали о печальномъ назначеніи этихъ подземныхъ помѣщений.

На верху ярко сияло солнце, царила роскошь, улыбалась жизнь; внизу господствовали мракъ, отчаяніе и смерть. Въ то время, какъ надъ землею въ роскошно убранныхъ залахъ гордо возсѣдали великие міра сего, любимцы счастья, державшіе въ своихъ рукахъ судьбы многихъ тысячъ людей, внизу въ подземельяхъ томились злополучные люди, лишенные свѣта и воздуха, свергнутые съ высоты славы и почестей въ глубокую пропасть безвыходнаго отчаянія. Широко пользовались всѣми благами земными живущіе на верху баловни судьбы и съ ужасомъ думали о смерти, въ которой видѣли предѣлъ своихъ наслажденій. Но смерть была желанной гостью въ подземельѣ, гдѣ несчастные узники со слезами призывали ее, какъ единственное избавленіе отъ ихъ земныхъ страданій. Между тѣми и другими была неизмѣримая прощать, хотя они находились въ непосредственномъ сосѣдствѣ другъ отъ друга, и только нѣсколько пядей земли раздѣляло ихъ.

Въ послѣдніе годы правленія императора Мануила эта подземная тюрьма почти опустѣла, потому ли, что желѣзная рука смерти разбила оковы большинства заключенныхъ, или не явилось сюда новыхъ постояльцевъ. Императоръ Мануилъ только въ крайнихъ случаяхъ допускалъ подобное посягательство на человѣческую свободу и всегда предпочиталъ покончить съ своимъ врагомъ однимъ рѣшительнымъ ударомъ. Въ этомъ сказывалось его

безпримѣрное милосердіе, которое всего менѣе можно было ожидать отъ византійскаго деспота.

Но послѣ смерти Мануила, когда кровожадный протосевастосъ Алексѣй, именемъ невиннаго отрока, насильственно овладѣлъ правленіемъ, снова стала населяться подземная тюрьма Филопатіума и огласилась стонами жертвъ насилия и мести. Протосевастосъ, при своемъ жестокосердіи, любилъ бродить по мрачнымъ переходамъ подземелья и упиваться безсильнымъ отчаяніемъ своихъ несчастныхъ жертвъ.

Въ одной изъ этихъ подземныхъ темницъ, или, выражаясь точнѣе, въ тѣсной зловонной ямѣ, долгое время никѣмъ ни обитаемой и служившой убѣжищемъ для всякихъ насѣкомыхъ и черныхъ пауковъ, помѣщена была женщина, которую еще недавно покрывала пурпуровая мантія. Немного дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ она была центромъ, вокругъ котораго все вращалось, рукой, управлявшей цѣлымъ государствомъ.

Эта женщина, заключенная въ тѣсной подземной темницѣ, была Марія, вдова покойнаго императора Мануила и мать царствующаго императора Алексѣя.

Смерть могущественнаго протосевастоса оставила ее беззащитной; но въ своемъ высокомѣріи она не захотѣла смириться передъ Андроникомъ, вслѣдствіе чего была захвачена, по его повелѣнію, и брошена въ мрачное подземелье. Напрасно призывала она на помощь своего царственнаго сына; слабый отрокъ, безсильный передъ желѣзной волей Андроника, не могъ ничего сдѣлать для своей матери, и несчастная Марія пришла въ полное уныніе. Въ началѣ надменная женщина обольщала себя надеждой, что въ состояніи будетъ бороться противъ Андроника, но вскорѣ она увидѣла, что всѣ ея усилія напрасны, и убѣдилась въ окончательномъ торжествѣ своего врага. Андроникъ не замедлилъ воспользоваться одержанной побѣдой и изъ боязни, чтобы змѣя снова не подняла головы, рѣшилъ лишить ее возможности вредить ему. Въ силу власти, предоставленной ему императоромъ, онъ отправилъ въ заключеніе императрицу Марію, но, чтобы оправдать передъ свѣтомъ свой поступокъ и придать видъ законности строгому приговору, на который она была заранѣе обречена, онъ рѣшилъ, по возможности, спѣшить съ ея процессомъ.

Императрица спокойно относилась къ своей будущности; она была убѣждена, что никто изъ судей не посмѣтъ произнести смертный приговоръ надъ матерью ихъ императора и повелителя. Между тѣмъ Андроникъ принялъ всѣ мѣры предосторожности и нетерпѣливо ждалъ момента, чтобы нанести опасной соперницѣ послѣдній ударъ.

Наступилъ часъ, когда тюремные сторожа, вѣчно бодрствующіе церберы и послушныя орудія новаго властелина, дѣлали свой ве-

черній обходъ, чтобы удостовѣриться, что все спокойно, и въ то же время, чтобы раздать голоднымъ страдальцамъ скучную пищу для продленія ихъ печального существованія.

Въ темницу императрицы вошелъ рослый тюремщикъ, отталкивающей наружности, съ вожженнымъ факеломъ и кускомъ хлѣба. Высоко приподнявъ факель надъ своей головой, онъ окинулъ взглядомъ лежавшую на соломѣ женщину и сказалъ ей съ громкимъ смѣхомъ, который глухо раздался подъ каменными сводами:

— Сегодня поваръ опоздалъ немного съ своимъ ужиномъ. Но мы, всетаки, не забыли о тебѣ.

Съ этими словами онъ презрительно бросилъ ей на землю кусокъ хлѣба.

— Прекрати свои грубыя шутки,—сказала императрица, указывая на дверь тюремщику.—Убирайся прочь!

— Какъ?—возразилъ онъ съ усмѣшкой.—Развѣ ты недовольна, что я принесъ тебѣ ёду? Даже тигръ, самый дикий изъ звѣрей, чувствуетъ нѣкоторую благодарность къ тому, кто кормить его; неужели у тебя сердце хуже, чѣмъ у тигра?

— Уходи, я не желаю выслушивать замѣчанія отъ такихъ негодяевъ, какъ ты!—воскликнула императрица, поднимаясь на ноги; въ то же время ея блѣдное лицо побагровѣло отъ гнѣва.

— Вотъ такъ!—отвѣтилъ грубо тюремщикъ:—теперь ты называешь меня негодяемъ, потому что получила свою порцію. Увидимъ, что ты скажешь, когда я вовсе не принесу тебѣ хлѣба! Еще съ какимъ нетерпѣніемъ будешь ждать меня! Ты обрадуешься моему приходу, встрѣтишь меня какъ спасителя!..

— Да, дѣйствительно, я должна чувствоватьвать къ тебѣ благодарность за этотъ жалкій кусокъ хлѣба!—сказала Марія съ улыбкой отчаянія на губахъ.

— Ну, а что бы ты сдѣлала, если бы у тебя не было и этого куска хлѣба?

— Если бы я и этого была лишена,—отвѣтила задумчиво Марія:—то чувствовала бы себя счастливѣе.

— Это слишкомъ глубокомысленно и непонятно для меня. Я исполняю то, что мнѣ приказано, а все остальное меня не касается.

— Тебѣ, вѣроятно, обѣщана награда за тѣ оскорбления, которыхъ ты позволяешь себѣ относительно меня?

— Не спрашивай, я не смѣю больше ничего сказать тебѣ.

— Ну, довольно! Избавь меня отъ твоего присутствія.

— До свиданія, завтра увидимся!—сказалъ тюремщикъ съ дерзкой улыбкой.—Надѣюсь, что завтра ты будешь благоразумнѣе, и я найду тебя въ болѣе спокойномъ расположеніи духа.

Затѣмъ, внимательно осмотрѣвъ углы мрачной темницы, онъ медленно удалился. Тяжелая дверь закрылась за нимъ съ глухимъ шумомъ.

— Негодяй! — воскликнула Марія, опускаясь на соломенное ложе. — Теперь вы торжествуете! Но скоро и для меня пройдет часъ побѣды, и тогда горе вамъ!

Она подняла съ полу кусокъ хлѣба и начала грызть его. Но едва успѣла она опомниться послѣ ухода тюремщика, какъ снова отворилась дверь, и въ темницу вошелъ Адроникъ. Онъ былъ одинъ и держалъ въ рукѣ маленький фонарь, освѣтившій блѣдныемъ свѣтомъ мрачные своды темницы.

— Мой привѣтъ императрицѣ! — сказалъ Адроникъ съ низкимъ поклономъ.

— Тебя ли я вижу здѣсь! — воскликнула императрица, бросаясь въ сторону, точно ужаленная змѣей.

— Что съ тобой? Ты, кажется, забываешь старыхъ друзей? — спросилъ Адроникъ, подходя ближе.

— Не ты ли мой другъ? — возразила Марія съ иронической улыбкой.

— Я пришелъ къ тебѣ сегодня, какъ вѣрный, преданный другъ. Ты не вѣришь мнѣ? Но всѣ твои сомнѣнія исчезнутъ, когда ты узнаешь причину, которая меня привела къ тебѣ.

— Неужели мнѣ нужны еще какія нибудь доказательства? — сказала Марія. — Цѣль твоего прихода мнѣ достаточно извѣстна. Ты явился сюда, чтобы уладить свои взоры видомъ несчастной жертвы.

— Ты ошибаешься, я не для этого пришелъ сюда! — возразилъ Адроникъ такимъ рѣшительнымъ тономъ, что даже Марія, хорошо знавшая его, съ недоумѣніемъ взглянула на него, какъ бы ожидая чего-то. — Прежде всего, — продолжалъ Адроникъ: — выслушай то, что я имѣю сказать тебѣ. Мы вели другъ противъ друга ожесточенную борьбу, и я остался побѣдителемъ. Тѣмъ не менѣе, я первый прихожу сегодня къ тебѣ, моей униженной противницѣ, и протягиваю руку примиренія. Вотъ моя рука! Съ этой минуты считай меня твоимъ другомъ.

— Какого возмездія потребуешь ты отъ меня за твое велико-душіе? — спросила Марія, глядя пристально ему въ глаза. — Я желала бы узнать, на какихъ условіяхъ будетъ заключенъ нашъ союзъ?

— Мои условія не тяжелы. Когда ты узнаешь, въ чемъ дѣло, то убѣдишься, что тебѣ нетрудно будетъ исполнить мое требованіе и что за ничтожную услугу ты пріобрѣшешь несравненно большія выгоды.

— Я не понимаю тебя.

— Вопросъ идетъ о престолѣ. Этотъ гордый освященный вѣками престолъ занятъ неопытнымъ отрокомъ, рука котораго не въ силахъ держать бразды правленія такого государства, какъ Византійское...

— Этотъ императоръ, — прервала Марія: — мой сынъ!

— Да, онъ твой сынъ! Но императорская корона слишкомъ тяжела для его головы, а отъ этого страждеть государство...

— Слѣдовательно, ты хочешь?..

— Не прерывай меня. Мое единственное желаніе устранить зло и спасти отъ бѣдствій страну. Неужели ты думаешь, что я прибылъ сюда изъ отдаленныхъ провинцій Азіи, чтобы быть свидѣтелемъ паденія моей родины? Надежда исцѣлить ея раны привлекла меня сюда, а для достиженія этой цѣли мнѣ необходимо твоє содѣйствіе, Марія.

— И ты требуешь отъ меня?...—спросила императрица, бросивъ на него гордый взглядъ.

— Я желаю одного, чтобы ты снова вступила на престолъ, который ты занимала при жизни Мануила, и оказала мнѣ съ своей стороны извѣстную помощь... Я требую, чтобы ты сняла корону съ головы недостойнаго отрока и...

— Иувѣнчала ею твою голову? Не такъ ли? Ты вѣдь этого требуешь отъ меня?.

Андроникъ молчалъ.

— Ты хочешь,—продолжала Марія:—чтобы я, бывшая императрица, супруга Мануила, нарушила данную клятву и погубила моего сына и императора? Ты хочешь, чтобы я помогла тебѣ въ достижениіи императорской короны?...

— Я хочу,—сказалъ Андроникъ, глаза которого сверкнули при этихъ словахъ:—чтобы ты привела теперь въ исполненіе планъ, нѣкогда задуманный тобой съ протосевастосомъ Алексѣемъ, и чтобы ты сидѣла рядомъ со мной на престолѣ, въ качествѣ моей супруги и императрицы.

— Твоей супруги?—воскликнула съ испугомъ Марія, отступая назадъ.—Твоей супруги? Мнѣ выйтти замужъ за человѣка, на рукахъ которого еще не высокла кровь его родственника, протосевастоса?

— Развѣ ты не готовилась выйтти замужъ за Алексѣя, обагренного кровью столькихъ жертвъ? Ты не остановилась передъ преступленіемъ, когда мечтала украсить короной его главу? Развѣ ядъ, который долженъ былъ привести къ достижению этой цѣли, не былъ приготовленъ твоей рукой? А теперь ты колеблешся, Марія? Ты съ ужасомъ отступаешь назадъ, хотя въ настоящій моментъ я дружески обратился къ тебѣ и съ полнымъ довѣріемъ, чтобы предложить договоръ, выгодный для обоихъ нась во всѣхъ отношеніяхъ?

Марія, вмѣсто отвѣта, бросила на своего противника гнѣвный взглядъ, исполненный ненависти.

— Ты молчишь, Марія?—продолжалъ Андроникъ.—Значить, ты отвергаешь руку, которую такъ чистосердечно предлагаютъ тебѣ, и предпочитаешь этотъ сырой сводъ блестящей тронной залѣ?

Черствый кусокъ хлѣба кажется тебѣ вкуснѣе всѣхъ изысканныхъ блюдъ императорскаго стола?... Почему такая несправедливость, Марія? Развѣ ты сама, на вершинѣ своего величія, не хотѣла добровольно совершить то, что я нынѣ предлагаю тебѣ? Почему именно теперь, когда ты находишься въ тюрьмѣ и несчастьѣ, тебя пугаетъ поступокъ, передъ которымъ ты не задумалась въ былыхъ времена?

— О, Боже, Боже!—пробормотала Марія, поднявъ глаза къ небу.

— Не смотря на выгодное условіе, которое я предлагаю тебѣ, ты не хочешь сдѣлать для меня того, что нѣкогда охотно сдѣлала бы для протосевастоса? Какъ дрожитъ твоя рука!.. Неужели такъ долго нужно убѣждать тебя?

— Уди, уди отсюда!—сказала несчастная женщина, закрывъ лицо обѣими руками.— Не искушай меня!

— Марія, совсѣмъ тебѣ обдуматъ свое рѣшеніе!—сказалъ Андроникъ, и въ глазахъ его снова сверкнулъ гнѣвъ.— Какъ только нога моя переступитъ этотъ порогъ и эта желѣзная дверь закроется за мной, то будетъ слишкомъ поздно. Ты видишь, Марія, одной рукой предлагаю я тебѣ почести и престолъ, въ другой держу на готовѣ орудіе мести. Не отвергай моей дружбы, Марія, въ противномъ случаѣ, я буду строгъ и неумолимъ къ тебѣ.

— Ты требуешь, чтобы я сдѣлалась убійцей роднаго сына?— проговорила вполголоса Марія, какъ бы разсуждая наединѣ съ собой.— Неужели я буду женой преступника, который безжалостно отнялъ у меня все, что я любила на землѣ? И съ этимъ человѣкомъ раздѣлю я престолъ? О, Боже милостивый!...

— Вспомни,—воскликнулъ Андроникъ:— что у тебя всего осталось нѣсколько минутъ на размышеніе и, какъ только пройдутъ эти минуты, никакая власть на землѣ не въ состояніи будетъ спасти тебя. Не думай, что твое упорство можетъ измѣнить что либо. Я и безъ твоей помощи достигну своей цѣли. Я предлагаю тебѣ жизнь или смерть. Рѣшайся! которую изъ двухъ выбираешь ты?

— Смерть! Тысячу разъ смерть!—отвѣтила Марія, бросивъ на своего врага взглядъ, исполненный презрѣнія.

— Это твой рѣшительный отвѣтъ?

— Удались съ моихъ глазъ, злодѣй! Прочь отсюда!

— Марія, опомнись! Лишь эта дверь закроется за мной, она будетъ твоей могильной плитой!

— Уйдешь ли ты отсюда, негодяй?—воскликнула императрица.— Жизнь, купленная такой цѣной, хуже тысячи смертей! Уходи скорѣе!

— Глупая женщина! Ты сама произнесла свой смертный приговоръ,—сказалъ Андроникъ и, поднявъ съ полу фонарь, вышелъ изъ мрачной темницы.

Тяжелая дверь снова закрылась за нимъ; глубокая ночь сразу

охватила подземелье, где томилась несчастная Марія, мать императора.

Андроникъ направился быстрыми шагами къ лѣвому отдаленію императорскаго дворца, где находились его покой. Хитрый совѣтникъ и опекунъ царствующаго отрока не хотѣлъ ни минуты оставаться вдали отъ своего питомца, чтобы не утратить надъ нимъ власти, приобрѣтеної съ такимъ искусствомъ.

Здѣсь, въ обширной залѣ, четверо придворныхъ ожидали прихода Андроника. Это были его два вѣрныхъ приверженца: Стефанъ Агіохристофоритъ и Трипсихъ; съ ними были двое другихъ: Ітеригіонитъ, человѣкъ высокаго роста, суровой отталкивающей наружности, и Димитрій Торникій, съ отблескомъ кротости въ глазахъ, который встрѣчается только у людей съ добрымъ впечатлительнымъ сердцемъ.

Всѣ четверо встали при видѣ Андроника и привѣтствовали его низкимъ поклономъ.

Трипсихъ первый прервалъ молчаніе.

— Твое посѣщеніе было довольно продолжительно, князь, — сказалъ онъ, обращаясь къ Андронику.

Андроникъ ничего не отвѣтилъ и, занявъ свое обычное мѣсто, легкимъ движениемъ головы пригласилъ присутствующихъ послѣдовать его примѣру. Затѣмъ онъ погрузился въ глубокую думу; въ залѣ опять водворилась тишина, такъ какъ никто не рѣшался прервать нить его размышленій.

Наконецъ, онъ поднялъ голову и заговорилъ рѣзкимъ прерывистымъ голосомъ, напоминающимъ шипѣніе змѣи:

— Вы собрались сегодня, чтобы рѣшить важный вопросъ. Отъ этого рѣшенія зависить благосостояніе нашей родины. Вы должны сегодня произнести приговоръ, о значеніи котораго считаю лишнимъ распространяться. Обратите надлежащее вниманіе на вопросъ, который я вамъ сдѣлаю, и отвѣчайте рѣшительно и ясно: «Какому наказанію долженъ подвергнуться измѣнникъ отечеству»?

— Смертной казни,—возразилъ поспѣшно Трипсихъ.

— Сегодня вы должны произнести приговоръ надъ подобнымъ измѣнникомъ,—добавилъ Андроникъ. — Этотъ опасный измѣнникъ въ нашихъ рукахъ, и мы должны судить его, какъ повелѣваютъ законы нашей страны.

— Назови его намъ,—сказалъ Трипсихъ.

— Да, я назову его, но предупреждаю васъ,—сказалъ Андроникъ, поднявъ руку и бросивъ мимолетный взглядъ на Торникія:— что вы не должны обращать ни малѣйшаго вниманія на имя и общественное положеніе преступника. Законъ неумолимъ въ своемъ правосудії и долженъ съ одинаковой строгостью примѣняться къ каждому, кто бы онъ ни былъ. Измѣнникъ, котораго мы должны судить сегодня, не кто иной, какъ Марія Комненъ, императрица,

которая въ ожиданіи заслуженной кары заключена въ подземную темницу...

— Законъ, — прерваль его старый Торникій, поднимаясь съ мѣста:—требуетъ, чтобы подсудимый присутствовалъ на судѣ и могъ представить свои оправданія. Почему не приглашена сюда императрица Марія?

— Давно ли, Торникій, научился ты противиться моимъ рѣшеньямъ!—воскликнулъ Андроникъ, побагровѣвъ отъ гнѣва.

— Законъ достаточно ясенъ, князь,—возразилъ стариkъ покойнымъ, серьёзнымъ тономъ.—Развѣ ты хочешь поставить себя выше закона?

— Да будеть тебѣ известно, Торникій,—крикнулъ Андроникъ:—что моей волѣ долженъ подчиниться всякий законъ. Я рѣшилъ это, я такъ хочу, и такъ должно быть. Мы можемъ сегодня обойдтись безъ твоего совѣта.

Стариkъ глубоко вздохнулъ и молча вышелъ изъ комнаты.

— Безумецъ! ты раскаешься въ своихъ словахъ!—сказалъ Андроникъ, устремивъ пристальный взоръ на дверь, за которой исчезъ Торникій.

Затѣмъ, обращаясь къ своимъ тремъ приверженцамъ, онъ добавилъ:

— Измѣнника ожидаетъ смертная казнь; я назвалъ его. Теперь сообщу вамъ, въ чёмъ заключается измѣна. Вамъ известно, что непобѣдимый венгерскій король, Бела, зять Маріи, давній законылый врагъ нашей родины, въ послѣднее время позволилъ присвоить себѣ два богатѣйшихъ города, которые до сихъ поръ оставались вѣрны нашему императорскому дому. Венгерскій король никогда не рѣшился бы на такое наглое посягательство, если бы императрица не подговорила его къ этому; она собственно и облегчила ему всѣми средствами трудную задачу. Въ моихъ рукахъ письма, подтверждающія вину этой женщины, которая, вопреки своему прямому долгу, заключила союзъ съ нашимъ злѣйшимъ врагомъ... Теперь вамъ известенъ измѣнникъ, и вы знаете, въ чёмъ заключается измѣна. Вамъ не нужно дальнѣйшихъ доказательствъ. Судите по закону; помните, что я требую отъ васъ немедленного рѣшенія.

— Князь, мы рѣшимъ это дѣло съ быстротою молніи!—сказалъ Птеригіонитъ.—Иzmѣнникъ долженъ умереть.

— Смерть измѣннику!—воскликнули въ одинъ голосъ Агіохристофоритъ и Трипсихъ.

— Составьте приговоръ,—сказалъ Андроникъ:—еще нужно будетъ скрѣпить его подписью императора.

Трипсихъ, секретарь этого противозаконнаго суда, досталъ изъ широкихъ складокъ своей верхней одежды кусокъ пергамента и принялъся писать приговоръ, по которому императрица Марія, ули-

ченная въ государственной измѣнѣ, присуждалась къ смертной казни.

Пока составлялся приговоръ, Андроникъ стоялъ у окна и смотрѣлъ на зеркальную голубую поверхность Босфора, который разстипался передъ его глазами. Онъ упорно молчалъ, и только легкое дрожаніе рукъ свидѣтельствовало о томъ лихорадочномъ нетерпѣніи, которое онъ испытывалъ въ эту минуту.

Онъ остался побѣдителемъ въ борьбѣ съ могущественной соперницей, но чтобы, довершить побѣду, онъ хотѣлъ собственными глазами видѣть ея гибель. Только смерть Маріи могла увѣнчать его торжество, и Марія должна была умереть.

Онъ предоставилъ составленіе акта тремъ судьямъ, дѣйствовавшимъ по его повелѣнію, и ждалъ только, чтобы они окончили свое дѣло, такъ какъ хотѣлъ самъ отнести на утвержденіе императора роковой приговоръ, который не могъ быть приведенъ въ исполненіе безъ его подписи.

Эта подпись была двойнымъ униженіемъ для царствующаго отрока: какъ со стороны сыновней привязанности, такъ и достоинства его императорскаго сана; онъ долженъ былъ утвердить смертный приговоръ родной матери и въ то же время увѣнчать побѣду своего могущественнаго врага.

Быть можетъ, Андроникъ и чувствовалъ нѣкоторая угрызенія совѣсти, рѣшаясь потребовать отъ императора поступка, противнаго человѣческой природѣ? Но онъ твердо рѣшилъ, что высокомѣрная женщина, которая одна осмѣлилась противиться ему, будетъ вычеркнута изъ списка живыхъ. Должна была пасть послѣдняя преграда, отдѣлявшая честолюбиваго человѣка отъ престола, и кровавый приговоръ подкупнаго суда долженъ быть немедленно утвержденъ императоромъ.

Приговоръ былъ дописанъ, Андроникъ съ судорожной поспѣшностью выхватилъ пергаментъ изъ рукъ Трипсиха и удалился изъ залы.

Онъ направился быстрыми шагами къ правому отдаленію дворца, гдѣ находились покой императора.

Несчастная Марія! Холодная рука смерти стучится въ дверь твоей мрачной темницы. Твой непримиримый врагъ держитъ въ рукахъ своихъ роковой пергаментъ, обрекающій тебя на смерть! Поспѣшные шаги Андроника уже раздаются на широкой каменной лѣстницѣ, ведущей въ покой монарха! Это—послѣдніе звуки колокола, сопровождающіе приговоренаго на кровавые подмостки эшафота!

Бѣдная Марія! Твой коварный врагъ предлагалъ тебѣ свою руку; онъ хотѣлъ посадить тебя рядомъ съ собою на престолъ. Ты отвергла его и осмѣлилась не принять его даровъ! Теперь смерть ожидаетъ тебя!

Андроникъ вошелъ на лѣстницу, ведущую въ императорскіе покои, чтобы принудить невиннаго отрока дать письменный приказъ къ выполнению рокового приговора.

Андроникъ засталъ императора Алексѣя въ большой тронной залѣ. Могущественный государственный сановникъ бросилъ угрожающій взглядъ на царствующаго отрока. Кровожадный волкъ уже давалъ чувствовать свои когти слабой, безсильной жертвѣ.

— Въ твоей власти казнить и миловать, великий государь и повелитель,—началъ Андроникъ, становясь на колѣни передъ императоромъ:—сегодня ты долженъ подписать смертный приговоръ измѣннику!

Съ этими словами онъ подалъ пергаментъ Алексѣю.

Едва молодой императоръ прочелъ нѣсколько строкъ, какъ смертельная блѣдность покрыла лицо его.

— Законъ строгъ къ измѣнникамъ,—добавилъ Андроникъ, поднимаясь на ноги.

— Смертный приговоръ императрицѣ!—пробормоталъ Алексѣй:—отъ меня требуютъ смерти моей матери!

— Женщина, которая осмѣлилась предать страну нашему злѣйшему врагу, не можетъ быть императрицей,—сказалъ Андроникъ, медленно и съ ударениемъ произнося каждое слово:—женщина, погонявшая на престолъ и жизнь своего властелина и императора не достойна называться твоей матерью!

— Возможно ли?... проговорилъ съ усилиемъ Алексѣй, и пергаментъ задрожалъ въ его рукѣ:—ты хочешь, чтобы я подписалъ ея смертный приговоръ?.. предалъ мою мать въ руки палачей?.. О Боже! Боже!

— Государь,—сказалъ Андроникъ суровымъ угрожающимъ голосомъ:—дѣло идетъ о спасеніи престола! Этотъ приговоръ долженъ быть подписанъ!

— Не требуй этого отъ меня, Андроникъ!—возразилъ несчастный отрокъ.—Она моя мать... Оставь меня въ покой, умоляю тебя; не требуй отъ сына, чтобы онъ обагрилъ руки кровью своей матери...

— Не забудь,—сказалъ Андроникъ, подходя къ императору и устремивъ на него пристальный взглядъ:—что этого требуетъ благосостояніе государства и тебѣ предписываетъ это законъ, котораго ты высшій блюститель!

— Уйди, оставь меня! Я не могу исполнить этого! Рука моя дрожитъ; у меня темнѣеть въ глазахъ; сердце обливается кровью... Андроникъ, я никогда не рѣшусь на подобную жестокость!..—Слезы прервали рѣчь императора.

— Ты обязанъ подписать приговоръ!—воскликнулъ Андроникъ:—законъ долженъ быть удовлетворенъ; нѣть другаго исхода!

— Андроникъ, пощади меня! Позволь мнѣ удалиться отсюда и

отказаться отъ престола. Я готовъ уѣхать какъ можно дальше изъ Константинополя, чтобы избавиться отъ такого ужаснаго обязательства.

— Это невозможно!—сказалъ холодно Андроникъ.

— О Господи!—произнесъ со стономъ Алексѣй, заливаясь слезами.

— Теперь не время для слезъ. Смертный приговоръ долженъ быть подписанъ, и немедленно.

— Позволь мнѣ, по крайней мѣрѣ, хотя одинъ, послѣдній разъ взглянуть на мою бѣдную матерь. Позволь проститься съ нею. Дай мнѣ умереть вмѣстѣ съ нею. Смерть была бы для меня спасеніемъ. Андроникъ, скалься надо мной! Пощади меня.

— Это говорить сынъувѣнчаннаго славой Мануила! Что сказалъ бы твой великий отецъ, если бы видѣлъ тебя въ настоящую минуту!

— Ты требуешь отъ меня невозможнаго!.. Нѣть! нѣть!.. я не могу рѣшиться на это!—воскликнулъ Алексѣй, кинувъ пергаментъ къ ногамъ своего мучителя.

— Пусть будетъ по-твоему!—сказалъ Андроникъ, кусая губы отъ нетерпѣнія:—съ этой минуты я удаляюсь отсюда и оставляю тебя одного во власти твоихъ враговъ!.. Развѣ для этого, при моемъ преклонномъ возрастѣ, прибылъ я сюда изъ отдаленной Азіи и перенесъ столько трудовъ и лишений? Для этого ли принялъ я на себя тяжелую обязанность императорскаго опекуна? Могъ ли я ожидать подобнаго поруганія надъ собой? Государь, я удаляюсь отсюда и завтра же оставлю городъ, въ которомъ господствуетъ измѣна и гдѣ только льстцы и лицемѣры пользуются довѣріемъ. Великія неминуемыя опасности окружаютъ тебя! Ты самъ тому виною, если гроза, которая собирается надъ твоей головой, унесетъ съ собою въ прощать тебя и престолъ твой. Я умываю руки съ полнымъ сознаніемъ своей правоты!

Съ этими словами онъ поднялъ лежавшій на полу пергаментъ и сдѣлалъ видъ, что намѣренъ покинуть залу.

— Андроникъ,—воскликнулъ Алексѣй, удерживая его за полу одежды:—не оставляй меня въ такое ужасное время! Мнѣ страшно, Андроникъ...

— Отъ тебя зависитъ, чтобы я остался съ тобой,—сказалъ Андроникъ, положивъ передъ нимъ пергаментъ.

— Андроникъ, ради Бога! Во имя нашей будущей жизни! Дай мнѣ время на размышленіе!..

— Подписывай!

— Ты забылъ, что она моя родная матерь, Андроникъ! Сжался надо мной!

— Подписывай!—сказалъ еще разъ Андроникъ.

Алексѣй дрожащей рукой придинулъ къ себѣ пергаментъ, между тѣмъ какъ лучъ торжества сверкнулъ въ глазахъ Андроника.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“ ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА:

— ! —

ЗА ЖЕНЩИНЪ.

ТРЕЗВЫЯ МЫСЛИ И ВѢСКИЕ ФАКТЫ.

СОДЕРЖАНИЕ: Предисловіе.—Вмѣсто введенія: О господахъ мужчинахъ.—Какъ отпускалась женщина на волю.—Метаморфозы райскаго змія.—I. Классическое обольщеніе.—II. Обольщеніе у варваровъ.—III. Рыцарское обольщеніе.—IV. Возрожденіе языческаго возрожденія.—V. Обольщеніе въ XVII в.—VI. Золотой вѣкъ обольщенія.—VII. Современное совращеніе женщины.—«Школа любви».—О женской природѣ и дѣятельности.—I. О природѣ и способностяхъ женщины.—II. Женщины—политики.—III. Женщины—ученые и философы.—IV. Женщины—художницы и артистки.—V. О женской нравственности.—О женскихъ правахъ.—I. Борьба за политическія права женщины въ Англіи.—II. Положеніе европейской женщины.—III. Женщина рабочихъ классовъ.—IV. Доводы сторонниковъ женской эманципації.—Агнессы или женщины мысли.—Междупародная женщина.—О русской женщинѣ: Прошлое и настоящее русской женщины.—I. Допетровская женщина.—II. Русская женщина XVII столѣтія.—III. Возышеніе русской женщины въ 30—50-хъ гг.—IV. Успѣхи женского образованія въ Россіи.—V. Юридическія права русской женщины.—Женщина передъ судомъ литературы: I. Примѣры уваженія къ женской личности въ западно-европейской литературѣ.—II. Женские типы русскихъ писателей.—Вѣскія замѣчанія по женскому вопросу.—Женский мозгъ—женская душа—женское право: I. О нервной системѣ вообще.—II. О человѣческомъ мозгѣ.—III. Особенности женского мозга.—IV. Выводы изъ анатомическихъ изслѣдований обѣ умственныхъ способностяхъ женщины.

Цѣна 1 р. 50 к.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТИНІКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Нового Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ Москвѣ, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „Нового Времени“, Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

Программа „Исторического Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ перѣводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, исторические материалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присыпаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергея Николаевича Шубинскаго.

Редакція отвѣтаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ФРТЕЛЕВЪ ПЕР., д. 11—2.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

НОЯБРЬ, 1886.

СОДЕРЖАНИЕ.

НОЯВРЬ, 1886 г.

	СТР.
I. Загробный свидѣтель за женщинъ. Наблюденія, опыты и замѣтки Н. И. Пирогова, изложенные въ письмѣ къ баронессѣ Э. Ф. Раденъ. Съ предисловіемъ и послѣсловіемъ Н. С. Лѣскова	249
II. Воспоминанія. Гл. VII—VIII. (Продолженіе). Графа В. А. Сологуба .	281
III. Мое сотрудничество въ журналахъ. (Отрывокъ изъ Записокъ). А. Д. Галахова	312
IV. Новые данные для исторіи начала царствованія Екатерины II. Гл. I—V. А. Г. Брикнера	336
V. Пятидесятилѣтіе оперы «Жизнь за царя». В. В. Стасова <i>Иллюстрація:</i> Видъ памятника Глинки въ Смоленскѣ. — Портретъ Л. И. Шестаковой, рожд. Глинки.	352
VI. Листки изъ архива «Литературной Газеты». П. Н. Подеваго	369
VII. Бѣлогостицкій монастырь Ярославской епархіи. А. А. Титова <i>Иллюстрація:</i> Бѣлогостицкій монастырь съ луговой стороны. — Благовѣщенская церковь въ Бѣлогостицкомъ монастырѣ. — Входная дверь въ Благовѣщенской церкви. — Склепъ подъ Благовѣщенскимъ соборомъ съ гробницей князя М. М. Темкина. — Церковь Архистратига Михаила въ Бѣлогостицкомъ монастырѣ.	383
VIII. Изъ фамильныхъ преданій Тейльса. С. А. Петровского	397
IX. Суворовъ въ селѣ Кончанскомъ. (Изъ разсказовъ мѣстного старожила). И. П. Можайского	403
X. Разсказы объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Л. И. Кинга	412
XI. Критика и библиографія: И. Кондаковъ. Византійскія церкви и памятники Константиноپоля. Одесса. 1886. А. И. — Женская гимназія М. Н. Столиной, въ 1885—1886 учебномъ году. Слб. 1886. П. П. — Воронежскій край въ санитарномъ отношеніи. Исслѣдованіе Л. Б. Вейнберга. Воронежъ. 1886. И. Д.—снаго. — Исторический очеркъ столѣтнаго существованія Дома Призрѣнія ближняго въ Ярославль. Составилъ А. Скульский по документамъ, собраннымъ и разработаннымъ В. И. Лѣствицынымъ. Ярославль. 1886. П. У. — Изъ исторіи христіанской проповѣди въ IV вѣкѣ. Представители догматико-полемического типа проповѣди въ IV вѣкѣ на Востокѣ. Проф. Н. Барсова. Харьковъ. 1886. А. Б. — Анекдоты и черты изъ жизни графа Милорадовича. Съ портретомъ графа и рисункомъ, изображающимъ его смерть. Составилъ Гр. Г. М.—чъ. Слб. 1886. Изд. Березовскаго. К. А. Б. — Кармическое политико-статистическое землеописаніе Российской имперіи для всѣхъ. Составлено Александромъ Романовскимъ, въ двухъ частяхъ. Издание второе, исправленное и дополненное. Полтава. 1886. П. У.	420
XII. Заграничные историческіе новости	433
XIII. Изъ прошлаго: 1) Дѣловые и литературные диковинки. Сообщено А. А. Дмитревымъ. — 2) Смоленскія сухія конфекты. Сообщено А. Н. Корсановымъ .	444
XIV. Смѣсь: Семидесятилѣтіе Казанского собора. — Трехсотлѣтій юбилей Самары. — Памятникъ павшимъ воинамъ при взятіи Ташкента. — Памятникъ Щапову. — Открытие греческаго города на Днѣпрѣ. — Собрание академіи наукъ. — Некрологи: А. А. Татаринова; К. И. Ренара	450
XV. Замѣтки и поправки: 1) По поводу статьи „Романъ одной забытой романистики“: Письма Н. А. Фадѣевой; В. П. Желиховской и Е. Н. Ахматовой. — 2) Исправление опечатокъ въ статьѣ В. Д. Кренке „Быть саперовъ двадцать пять лѣтъ назадъ“	456

ПРИЛОЖЕНИЯ: 1) Портретъ Михаила Ивановича Глинки. — 2) Андроникъ Комnenъ. Рассказъ изъ византійской исторіи. И. Перваноглу. Переводъ съ вѣмецкаго. Главы VII—XI. (Окончаніе).

При этой книжкѣ разсылаются объявленія: 1) Оподпискѣ на еженедѣльный иллюстрированный журналъ „Всемирная Иллюстрація“, „Новый Русскій Бazaar“ и „Модный Свѣтъ“, въ 1887 году; 2) О подпискѣ на двухнедѣльный иллюстрированный журналъ „Новый“ и еженедѣльный иллюстрированный дѣтскій журналъ „Задушевное Слово“, въ 1887 году.

Михаилъ Ивановичъ Глинка.

Съ портрета, рисованного акварелью П. А. Степановымъ, съ натуры, въ 1842 году.

дозв. цкнз. спб., 25 окт. 1886 г.

типотрафия А. С. Суворина.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
ВЪ 1887 ГОДУ.
(ВОСЬМОЙ ГОДЪ).

„Исторический Вестникъ“ будетъ издаваться въ 1887 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія семь лѣтъ (1880—1886).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей, съ пересылкой и доставкой на домъ.

Изъ обширнаго собранія матеріаловъ, находящихся въ распоряженіи редакціи, въ первыхъ книжкахъ „Исторического Вестника“ 1887 года будутъ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Живое слово о неживыхъ. Воспоминанія И. А. Арсеньева. — Исторія моей издательской дѣятельности. Е. Н. Ахматовой. — Отрывокъ изъ семейной хроники. Н. А. Бородина. — Самоубійство генерала Герштенцвейга. Разсказъ очевидца. С. М. Борщова. — В. Г. Тепляковъ. Біографическій очеркъ. Ф. А. Бычкова. — Мартинистъ и філантропъ прошлаго вѣка. Е. М. Гаршина. — Послѣдніе дни царствованія Екатерины II. Письма книгами А. А. Голицыной. — Тамбовская украина въ XVII столѣтіи. И. И. Дубасова. — Княгиня А. П. Волконская и ея друзья. Г. В. Есипова. — Очеркъ исторіи англійской иллюстраціи (съ многими иллюстраціями). В. Р. Зотова. — Общественная жизнь въ Англіи въ XIX столѣтіи (съ многими иллюстраціями). Его же. — Кургановъ и его письмовникъ. А. И. Кирличникова. — Н. А. Кудрявцевъ и его потомство.

«Истор. вѣстн.», ноябрь, 1886 г., т. xxvi.

1

Д. А. Корсанова. — Отрывки изъ дневника Н. В. Кукольника. — Боголюбезный скоморохъ. Старинное происшествіе. **Н. С. Лѣскова.** — Мишенское, родина Жуковскаго (съ иллюстраціями). **П. М. Мартынова.** — Отрывокъ изъ воспоминаній Б. А. Милютина. — Дневникъ генераль-лейтенанта А. М. Михайловскаго-Данилевскаго. — Посольство въ Персию съ хрустальной кроватью въ 1826 году. **А. Н. Носкова.** — Вяземскій архимандритъ Феодосій. Очеркъ монастырскаго быта въ XVII столѣтіи. **И. Н. Оглоблина.** — Записки Иконофона Алексѣевича Полеваго. — А. Ф. Писемскій по его автобіографическимъ замѣткамъ, письмамъ и сочиненіямъ. **Д. Н. Полеваго.** — Шуты и скоморохи въ древности и въ новѣйшее время (съ многими иллюстраціями). **Его же.** — Одна изъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ прошлаго вѣка (А. Н. Родіонова). **П. А. Пономарева.** — Отрывки изъ дневника А. Н. Протасьева. — Городъ Гродно во время послѣдняго польскаго мятежа. **С. Т. Славутинскаго.** — Природа и человѣкъ въ Средней Азіи. **И. В. Сорокина.** — Воспоминанія старого литератора. **А. В. Старчевскаго.** — Императоръ Николай I и австрійскій дворъ. **С. С. Татищева.** — Императоръ Николай I и прусскій дворъ. **Его же.** — Павелъ Конюшкевичъ, митрополитъ тобольскій и сибирскій. **А. А. Титова.** — Среди скитницъ (съ многими иллюстраціями). **П. С. Усова.** — Русскій дворъ въ царствованіе Елизаветы Петровны и Петра III. Записки (переводъ съ рукописи) секретаря французскаго посольства Фавье. — Отрывки изъ воспоминаній бывшей камеръ-межхенъ императрицы Маріи Александровны **Н. И. Яковлевой.** — Воспоминанія о жизни въ Сибири и декабристахъ. **М. Д. Францевой,** и др.

Въ приложениі къ „Историческому Вѣстнику“ 1887 года будуть напечатаны Записки Сергѣя Николаевича Глинки. Эти любопытныя записи, разсѣянныя по разнымъ периодическимъ изданіямъ, соединены здѣсь въ одно цѣлое, привѣрены и дополнены по подлинной рукописи автора, обязательно доставленной намъ сыномъ его, Ф. С. Глинкой. Трудъ сличенія и редакціи записокъ исполненъ **А. О. Круглымъ.**

Главная контора „Исторического Вѣстника“ въ С.-Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Нового Времени“ Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленіе конторы въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Нового Времени“.

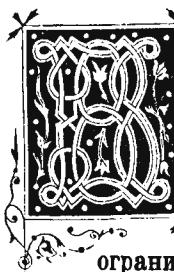

ЗАГРОБНЫЙ СВИДѢТЕЛЬ ЗА ЖЕНЩИНЪ.

Наблюденія, опыты и замѣтки Н. И. Пирогова, изложенные въ письмѣ къ баронессѣ Э. О. Раденѣ.

«Отче Аврааме,—если кто изъ мертвыхъ придетъ къ нимъ, они лучше послушаются его».

Лк. XVI, 29.

ВЪ ЛИТЕРАТУРЪ обнаруживается большое разногласіе по двумъ вопросамъ: 1) слѣдуетъ ли сопротивляться злу и 2) благоразумно ли открывать женщинамъ доступъ къ наукамъ и къ общественной дѣятельности, или же благоразумнѣе устранить ихъ отъ большихъ знаній, и давать имъ только самое простое религіозное воспитаніе, а дѣятельность ихъ ограничить хозяйствомъ и семейными заботами.

Съ тѣхъ поръ какъ въ это дѣло вмѣшался графъ Левъ Николаевичъ Толстой и необинуясь высказался за простое, религіозное образованіе, все воспріяло такой видъ, какъ будто графъ своимъ словомъ принесъ «огонь на землю». Женщины встревожились.

Это неудивительно: гр. Л. Н. Толстой пользуется теперь огромнымъ вниманіемъ во всѣхъ сферахъ общества, и потому его огонь можетъ зажечь пожаръ. Вотъ что и тревожить пугливое воображеніе учащихся женщинъ, въ судьбѣ которыхъ ничто не застраховано, а напротивъ все шатко и валко, и все косить на сторону.

Тревоги эти очень понятны. «Пуганыя птицы куста боятся». Надо вспомнить всѣ тяжести, которыя переносили и переносятъ наши одинокія дѣвушки и покинутыя жены, чтобы понять ихъ

положеніе, когда имъ кажется, что у нихъ задумываютъ вырвать изъ рукъ и то малое средство на добываніе хлѣба, которое они себѣ едва, едва добыли, благодаря усилиямъ участливыхъ людей отходящей поры. Безпокойство женщинъ поддерживаетъ совсѣмъ не целибатная теорія безмужія, какъ думаютъ люди, которые не знаютъ жизни. Замужъ выходить готовы почти всѣ, но не всѣмъ это удается. Женскія заботы о правѣ на трудъ въ большинствѣ случаевъ поддерживаютъ соображенія чисто экономического свойства: жизнь стала очень трудна, мужчины все болѣе и болѣе избѣгаютъ женитьбы, которая для многихъ стала не по средствамъ, и дѣвушкамъ волею-неволею приходится самимъ о себѣ заботиться. Слѣдовательно надо приспособляться къ новому положенію, — надо учиться. При этомъ, къ чести нашего времени, женщинамъ не хочется видѣть себя на «распутіи», а хочется прожить, обходя тѣ унизительныя положенія, которыя начинаются обожаніемъ, а кончаются обыкновенно отверженіемъ... Женщины чрезвычайно чутки ко всему, что ихъ касается, и легко приходятъ въ беспокойство, когда ихъ пугаетъ неблагопріятное мнѣніе объ ихъ правахъ на трудъ. Отъ того въ современныхъ женскихъ и мужскихъ сужденіяхъ такъ много шума и страсти, что отъ ихъ избытка страдаетъ смыслъ. А потому теперь не безполезно будетъ людямъ услышать на этотъ счетъ слово такого лица, которое не можетъ быть заподозрѣно ни въ какомъ современномъ сторонничествѣ, и которое по своему умственному значенію стоитъ, по крайней мѣрѣ, не ниже того, кто «возжегъ огнь» нынѣшняго спора.

Дерзнемъ для этого потревожить священную тѣнь Николая Ивановича Пирогова и послушаемъ, что намъ скажетъ этотъ истинный мудрецъ и настоящій дѣловой человѣкъ.

Письмо Пирогова, которое сейчасъ же будетъ предложено вниманию читателей, писано въ 1876 году къ высокообразованной и весьма уважаемой въ свое время фрейлинѣ усопшой великой княгини Елены Павловны баронессѣ Эдиѳѣ Федоровнѣ Раденъ. Баронесса Раденъ недавно скончалась, и о смерти ея въ свое время въ газетахъ были напечатаны обширныя статьи, въ которыхъ объясняли обществу, что покойная баронесса имѣла сильный умъ, блестящее образованіе и большое вліяніе на многія дѣла, — преимущественно на тѣ дѣла, которыми интересовалась покойная великая княгиня Елена Павловна.

Въ извѣстной мѣрѣ все это справедливо.

Покойный Николай Ивановичъ Пироговъ былъ особенно друженъ съ Эдиѳою Федоровною Раденъ и состоялъ съ нею въ перепискѣ, которая по одному особому случаю сдѣлалась мнѣніемъ извѣстна, а небольшою крупицею изъ нея я даже имѣю право пользоваться.

Вотъ тому мое объясненіе.

Около десяти лѣтъ тому назадъ, баронессѣ Эдиѳѣ Федоровнѣ

хотѣлось, чтобы я прочелъ нѣкоторыя хранившіяся у нея бумаги и сказалъ мои соображенія на счетъ ихъ пригодности къ особому литературному назначенію, какое она имъ желала дать. Я исполнилъ желаніе этой уважаемой дамы, и во время посѣщеній мною Эдибы Федоровны въ одномъ изъ флигелей Михайловскаго дворца она однажды дала мнѣ полученное ею письмо Пирогова (писанное понѣмецки), съ тѣмъ, чтобы я прочелъ его и, если хочу, оставилъ бы у себя съ него копію, которая «когданибудь можетъ пригодиться для литературы».

Письмо было превосходно, и я воспользовался дозволеніемъ Раденъ: я сберегъ себѣ переводъ этого письма на русскій языкъ. Переводъ весь сдѣланъ для меня по дружбѣ Юлію Денисовну Засѣцкою и болѣе чѣмъ на половину писанъ собственною ея рукою.

За симъ предлагаю теперь самое письмо, которое, я надѣюсь, способно доставить всѣмъ просвѣщеннымъ людямъ очень чистое удовольствіе. Здѣсь читатель увидѣть, какія мысли имѣли о женскомъ участіи въ общественной жизни три достопримѣчательныя лица отшедшей поры: великая княгиня Елена Павловна, ея ближайшая придворная дама баронесса Эдиба Федоровна Раденъ и Николай Ивановичъ Пироговъ¹⁾.

«Многоуважаемый другъ!

«Вы затронули струны старой разбитой скрипки,—такъ не смущайтесь же разладицей ея звуковъ. Я себя причисляю уже къ прошедшему, и потому не могу судить о немъ объективно: настоящее, въ которомъ я доживаю свои дни, мнѣ, конечно, тоже небезразлично, но только я не могу анализировать его съ той точки зрѣнія, съ которой судить о немъ нынѣшнее поколѣніе. Мои воспоминанія принуждаютъ меня сравнивать прошедшее съ настоящимъ, и при этомъ въ моемъ умѣ сталкивается цѣлый рой идей самыхъ противоположныхъ. Вотъ почему прошу васъ не обвинять меня, если мое писаніе покажется вамъ неудобопонятнымъ изложеніемъ противорѣчій, переплетшихся въ моихъ мысляхъ. Въ этихъ листахъ вы прочтете также нѣсколько очерковъ моихъ субъективныхъ мнѣній, и пожалуй, что, въ концѣ концовъ, вы вмѣсто ожидаемыхъ отъ меня и интересующихъ васъ историческихъ воспоминаній найдете только одну смѣсь пережитыхъ идей и сужденій, которые васъ нимало не интересуютъ. Я въ этомъ невиноватъ, какъ уже сказалъ: я долженъ, malgr  moi, подѣлиться съ вами всѣми чувствами, которыя дорогія воспоминанія выманиваютъ изъ глубины моей души. Впрочемъ, вы еще получите (конечно, не черезъ почту) нѣкоторые

¹⁾ Современемъ въ историческомъ интересѣ извѣстнаго рода характеровъ будуть прибавлены имена другихъ лицъ, которыхъ при жизни великой княгини думали согласно съ нею, а впослѣдствіи измѣнили свои мнѣнія. Н. Л.

отрывки достовѣрныхъ документовъ, которые могутъ быть полезными въ составлениі исторіи. Сынъ мой въ скоромъ времени отправляется въ Петербургъ, и я ему поручилъ передать вамъ лично эти документы. Межъ ними нѣкоторые отъ васъ самихъ, съ собственноручными письмами покойной великой княгини. Содержаніе послѣднихъ, если противопоставить съ ними мои письма, отъ 1854—1855 годовъ (которыя вы легко отыщете въ своихъ бумагахъ), можетъ, безъ сомнѣнія, сильно способствовать для изображенія исторіи «Общества сестеръ милосердія».

«Подвиги такихъ монарховъ, какъ наши Петръ, Екатерина, оба Александра, до того величественны и объемисты, что не нуждаются въ похвалахъ. Но дѣйствія нашей незабвенной великой княгини таковы, что ихъ и можно, и должно прославить. Но за то биографу ея тѣмъ болѣе и слѣдуетъ осторегаться, чтобы не написать ея исторіи въ видѣ панегирика¹⁾. Иногда такъ бываешь ослѣпленъ блестящимъ результатомъ человѣческихъ дѣйствій, что череззчуръ легко относишься къ самой человѣческой природѣ ихъ совершиителя, а эта сторона именно и есть самая поучительная и привлекательная для насъ. Идеальность получаетъ еще болѣе рельефа, когда раскрываются неизбѣжныя во всякомъ дѣлѣ ошибки и слабости. Даже въ глубокой идеѣ нашей религіи человѣчество служитъ основаніемъ Божественнаго Искупителя»...

«И наши раскольники, предлагая свой вопросъ: «коего духа человѣкъ сей?»—очевидно, стараются разрѣшить великую задачу познанія человѣка. По-моему, и всякий биографъ, приступая къ своему дѣлу, тоже обязывается прежде всего разрѣшить себѣ этотъ самый вопросъ. Прежде всего слѣдуетъ ему ознакомить настъ съ личнымъ возврѣніемъ на жизнь описываемой имъ особы и исполнить это сколь возможно ясно и искренно, и уже этимъ способомъ дать намъ понять и его собственное міровоззрѣніе или пониманіе жизни».

«Я не пишу биографіи, а между тѣмъ куча мыслей на счетъ этого важнаго вопроса такъ невольно и наполняетъ мнѣ голову. Современное міровоззрѣніе, на сколько я могъ его изучить, бываетъ четырехъ родовъ: либо оно раціональное, либо чисто формальное, нерѣдко и легкомысленное, но болѣе или менѣе мистическое. Въ большинствѣ случаевъ, можно убѣдиться, что одинъ родъ воззрѣнія переходитъ въ другой, и притомъ наши сужденія часто измѣняются втеченіе жизни. Чисто раціональное міровоззрѣніе рѣдко встрѣчается, особенно между женщинами (быть можетъ, къ счастію),

¹⁾ Мысль о составлениі исторіи великой княгини Елены Павловны одно время сильно занимала баронессу Раденъ. Это и было поводомъ моего знакомства съ нею, и это же составляетъ особый, въ своемъ родѣ любопытный эпизодъ. Нѣсколько брошюръ, составленныхъ известными русскими людьми на иностраннѣхъ языкахъ, свидѣтельствуютъ, что взглядъ Пирогова на обязанности биографа остался для этихъ авторовъ постороннимъ.

но, къ несчастію, два другіе рода (формальныи и легкомысленныи) берутъ у нихъ верхъ. Мистицкій элементъ всасывается отчасти во всѣ возможныи міровоззрѣнія, потому что онъ пустилъ глубокіе корни въ нашихъ душахъ, и самыи крупныи силы анализирующаго разсудка не въ состояніи вымолвить намъ послѣднее слово великой загадки. Современныи реализмъ ни къ чему насъ не приводить своей тощай пустотой. Онъ убѣждаетъ только игнорировать неисповѣдимое, а современныи спиритизмъ доказываетъ ему въ то же время, что мы, т. е. родъ людской, вовсе даже и не чувствуемъ призванія къ реальнай философіи. Мистицизмъ для насъ совершенно необходимъ: это— одна изъ естественныхъ потребностей жизни. Все насъ окружающее, по своему существу, неисповѣдимо и мистично. Если мы не довольствуемся однимъ *fait accompli*, то наше я объективно въ отношеніи насъ самихъ, а міръ какъ цѣлое мистиченъ. Гегель признавалъ мистицизмъ и въ безгласныхъ животныхъ. То ежедневное явленіе, которое, однако, играетъ такую важную роль въ дѣлахъ жизни, извѣстное подъ названіемъ «случай», тоже содергить въ себѣ значительную долю мистицизма. Наконецъ, и основанія всякаго въ насъ религіознаго чувства не есть ли ясное стремленіе къ тому же мистицизму?»

«Если бъ пришлось мнѣ теперь решить, къ которой изъ четырехъ категорій принадлежало міровоззрѣніе нашей покойной великой княгини, то я бы причислилъ его къ умѣренно-раціональному. Ничто не внушало мнѣ столько уваженія, какъ основательность и строгость ея возврѣній, что, какъ извѣстно, очень рѣдко можно встрѣтить въ высшей сферѣ общества. Наша покойная великай княгиня не смотрѣла на жизнь какъ на цѣль наслажденія, блеска и почестей. Она смотрѣла на жизнь, какъ на причину, вызывающую живущаго на дѣятельность и на исполненіе долга. Духъ мистицизма же выказывается, какъ всегда, въ этой же именно строгости возврѣній.»

— «Грустно,—говорила она мнѣ однажды:—что мы не можемъ имѣть яснаго понятія о нашемъ загробномъ существованіи».

— «Да именно это стремленіе постичь непостижимое, чрезъ ясное изображеніе, и доказываетъ сильную борьбу мистическаго элемента нашего духа съ раціональнымъ міровоззрѣніемъ».

— «Такъ бы хотѣлось знать,—продолжала она потомъ:—какъ выскажется наша индивидуальность по смерти нашей?»

«И я въ то время имѣлъ наглость думать, что могу разрѣшить ея неразрѣшимый вопросъ:

— «Если намъ покажется понятнымъ,—отвѣчалъ я:—что атомы могутъ проникнуть сквозь грубую оболочку относительно другой матеріи мірскаго эфира, то позволительно полагать, что и для насъ предназначено нѣкое свойство, которое уточненіе самого эфира; и тогда мы можемъ принять за правдоподобное и ту идею, что

это сверхэфирное свойство уже и здѣсь есть интегрированной частью нашего бытія. Оно и сохранить намъ индивидуальность даже и по разрушеніи грубой оболочки тѣла».

«Какъ видно, я былъ въ то время полуспиритомъ».

«При рациональномъ міровоззрѣніи нашей великой княгини, основаніе устроенного ею «Общества сестеръ» не могло выйтіи не чѣмъ другимъ какъ рациональнымъ. Главнымъ двигателемъ этого учрежденія было желаніе ея принести практическую, неоспоримую пользу для блага отечества. Понятно, что она старалась, по примѣру католическихъ и протестантскихъ основателей, дать своему учрежденію видъ и направлениe религіозные. Успѣхъ въ этомъ зависѣлъ не отъ нея. Никто на свѣтѣ не въ состояніи внушить своему творчеству другой духъ, чѣмъ тотъ, которымъ одушевленъ самъ творящій. Религіозный видъ былъ данъ, но не былъ внушенъ тотъ религіозно-мистической духъ, который такъ непоколебимо дѣйствовалъ и управлялъ въ древнихъ католическихъ учрежденіяхъ».

«Протестантское спокойствіе и любовь къ порядку также не могли быть тамъ внушены. Наша православная церковь (не вѣра) сильно проникнута позитивизмомъ и формальностью; наше міровоззрѣніе, большею частію, также до того формально и къ тому же до того легкомысленно, что нѣть у насъ достаточно духовной силы, чтобы проникнуться мистично-религіознымъ элементомъ и на немъ основывать и строить дѣло. Оттого все религіозное направлениe Крестовоздвиженской общины съ самаго начала было слабо и шатко. Я это вскорѣ замѣтилъ, когда принялъ на себя управлениe «Обществомъ», тотчасъ по его учрежденіи, во время осады Севастополя. Только спустя нѣкоторое время, по вступленіи блаженной памяти Хитрово, могъ я убѣдиться въ возможности ввести и въ нашихъ учрежденіяхъ извѣстную долю религіознаго элемента, безъ того, чтобы это не причиняло ущерба практическимъ тенденціямъ и дѣятельности».

«При всей строгости своихъ воззрѣній, наша великая княгиня обладала качествомъ неоцѣнимымъ въ нашей странѣ. Она понимала, или, вѣрнѣе, она не разучилась уважать человѣчество».

«Величие подвиговъ такихъ властелиновъ, какъ Петръ, Фридрихъ II, Наполеонъ и другіе, отнимаетъ у насъ право осуждать въ нихъ ихъ неуваженіе къ достоинству человѣческой личности, но тѣмъ болѣе мы обязаны цѣнить и восхвалять чувства такого уваженія къ человѣку въ людяхъ высокостоящихъ и призванныхъ къ общественной дѣятельности въ широкомъ масштабѣ. На высотѣ непремѣнно требуются благородное спокойствіе ума и человѣкоуваженіе. Это чувство приносить дѣятелю успѣхъ и призываетъ благословеніе на его предпріятія. Ученіе, данное намъ Христомъ: «То, что сотворишъ твоему ближнему, то сотворилъ ты мнѣ», содер-

житъ въ себѣ не только идею любви, но и уваженіе къ божественной сторонѣ человѣческаго существа. Мы, конечно, сознаемъ, что можемъ любить безъ уваженія и можемъ уважать безъ любви. Но подобная любовь и такое уваженіе болѣе органическія (чувственные), чѣмъ духовныя чувства. Евангеліе не этого требуетъ отъ насъ. Испытано и доказано, что тѣ дѣла успѣши, гдѣ люди, служащіе орудіями ихъ исполненія, не представляютъ собой существъ безъ воли и мышленія, существъ, которыхъ обязаны только слѣпо подчиняться высшей власти. Нельзя не сожалѣть, однако, что, при этомъ гуманномъ воззрѣніи на человѣческое достоинство, уваженіемъ иногда пользуются и недостойные. Человѣческая природа болѣе склонна къ оптимизму, нежели къ противоположному, и поэтому лицемѣру часто нетрудно бываетъ обмануть людей своимъ наружнымъ благочестіемъ. А между тѣмъ промахи и ошибки въ этомъ родѣ сильно оскорбляютъ нѣжное чувство благородной души и вредятъ самому дѣлу. То же случилось и въ предпріятіи великой княгини. Нетрудно было замѣтить глубокую тоску и разстройство ея чувствительного сердца, при неудачномъ выборѣ или назначеніи лицъ въ общинѣ. Мы знаемъ, каково было ея огорченіе при первомъ выборѣ сестеръ, гдѣ оказались многіе промахи. Чѣмъ мы болѣе что уважаемъ, тѣмъ сильнѣе боимся потерять это уваженіе и тѣмъ обиднѣе чувствуемъ всякий обманъ».

«Неудивительно, что иногда благородная и уважающая человѣчество душа, послѣ частыхъ разочарованій, и сама гибнетъ вмѣстѣ съ тѣломъ».

«Еще однимъ не менѣе цѣннымъ душевнымъ качествомъ обладала наша покойная великая княгиня. Она высоко уважала знаніе, искусство и науку. Это уваженіе не было чѣмъ нибудь представляемымъ, для подражанія или для моды, но искреннее, сознательное, добытое культурностью и настоящимъ образованіемъ, и потому оно было столь плодотворно и благословенно. Всякій научно-образованный человѣкъ могъ имѣть къ ней открытый доступъ и непремѣнно чувствовалъ на себѣ привлекательную и возбуждающую силу ея ума. Какъ небесная планета, такъ и умъ нуждается въ особой сродной имъ атмосфѣрѣ, и кто приближается къ настоящему уму, тотъ чувствуетъ его близость и его влияніе. Уже прошло 30 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я, совершивъ научное путешествіе по Кавказу (1847 г.), въ первый разъ получилъ приглашеніе къ великой княгинѣ, но впечатлѣніе моего первого съ ней свиданія еще такъ живо, какъ будто бы это случилось только вчера. Никогда не забуду, въ какомъ душевномъ разстройствѣ я тогда предсталъ предъ ней, почти немедленно послѣ официальной аудіенціи у военнаго министра, гдѣ получилъ незаслуженный выговоръ. Утомленный мучительными трудами, въ нервномъ возбужденіи отъ результата своихъ испытаній на полѣ битвы, я велѣлъ о себѣ доложить воен-

ному министру, почти тотчасъ по своемъ пріѣздѣ и не обратилъ вниманія, въ какомъ платьѣ я къ нему явился. За это я долженъ былъ выслушать рѣзкій выговоръ на счетъ моего нерадѣнія къ установленной формѣ отъ г. Анненкова (тогда во главѣ медиц. хирург. академіи). Я такъ былъ разсерженъ, что со мной приключился истеричный припадокъ (съ слезами и рыданіями; я теперь сознаюсь въ своей слабости). Послѣ этой выходки я твердо рѣшился подать въ отставку и проститься съ академіей. Но аудіенція у великой княгини возвратила мнѣ бодрость духа и такъ меня успокоила, что я не обратилъ болѣе никакого вниманія на это отсутствіе такта въ моемъ начальствѣ. Великая княгиня выразила мнѣ своей любознательностію и уваженіемъ къ знанію то, что выразить слѣдовало бы главѣ научнаго заведенія. Она входила во всѣ подробности моихъ занятій на Кавказѣ, интересовалась различными результатами анестезіаціи на полѣ сраженія (анестезіація въ то время мною первымъ была введена на практикѣ); словомъ обращеніе великой княгини со мною было таково, что я устыдился своей минутной слабости. Убѣжденный, что около трона я найду лучшихъ судей, одаренныхыхъ болѣшими пониманіемъ, я разсудилъ, что мнѣ слѣдуетъ смотрѣть на безтактность моего начальства, какъ на своювольную грубость лакеевъ. Это сравненіе и этотъ выводъ до сихъ поръ крѣпко засѣлъ въ моей памяти, равно какъ и глубокое уваженіе къ благородному міровоззрѣнію великой княгини».

«Второй разъ пришлось мнѣ явиться предъ ея высочествомъ въ ту незавѣнную эпоху, когда каждое сердце въ Петербургѣ било сильнѣе и тревожнѣе, ожидая результата битвы при Инкерманѣ. Уже нѣсколько вѣдѣль передъ тѣмъ, я себя объявилъ готовымъ употребить всѣ свои силы и познанія для пользы арміи на боевомъ полѣ. Просьба моя давно была подана, но все ходила по инстанціямъ начальства. Соглашались, и нѣтъ, произнести рѣшеніе, а я начиналъ уже отчаяваться въ успѣхѣ, какъ вдругъ получиль приглашеніе къ великой княгинѣ. Къ большої моей радости, она мнѣ тотчасъ объявила, что взяла на свою отвѣтственность разрѣшить мою просьбу. Тутъ она мнѣ объяснила ея гигантскій планъ—основать организованную женскую помощь больнымъ и раненымъ на полѣ битвы, и предложила мнѣ самому избрать медицинскій персоналъ и взять управлѣніе всего дѣла».

«Никогда болѣе не видаль я великую княгиню въ такомъ тревожномъ состояніи духа, какъ въ этотъ день, въ эту для меня памятную аудіенцію. Съ слезами на глазахъ и съ разгорѣвшимся лицомъ, она нѣсколько разъ вскакивала съ своего мѣста, какъ будто безсознательно, проходивалась большими шагами назадъ и впередъ по комнатѣ и говорила громкимъ голосомъ:

— «И зачѣмъ вы ранѣе не обратились ко мнѣ! Давно бы ужъ

ваше желаніе быть полезнымъ на полѣ битвы было бы исполнено! И мой планъ тогда также давно бы ужъ состоялся... Ступайте же, и какъ можно скорѣе, приготовьтесь къ отъѣзду. Время терять не слѣдуетъ... Надняхъ, быть можетъ, опять произойдетъ большая битва. Прощайтѣ... или нѣтъ... подождите... я еще что-то хочу вамъ сказать на счетъ организаціи моей общины... или нѣтъ... зайдите-ка лучше завтра ко мнѣ, въ этотъ же часъ... До свиданія!»

«Я вышелъ и запутался въ комнатахъ, и послѣ нѣкотораго странствованія очутился опять у двери той же аудіенціонной комнаты, гдѣ увидѣлъ великую княгиню, стоящую въ глубокихъ думахъ или прохаживающуюся съ волненіемъ по комнатѣ. Я скрылся, и она, къ счастію, меня не замѣтила, а мнѣ удалось попасть на настоящій путь для выхода изъ ея дворца».

«Но къ вечеру того же дня великая княгиня прислала мнѣ собственноручную записку, съ извѣстіемъ, что просьба моя принята, и что она приглашаетъ меня на вторую аудіенцію на другой день. Съ большимъ вниманіемъ выслушалъ я, какъ она желала устроить женскую службу — перевязочными пунктами и подвижными лазаретами. Я, однако, былъ принужденъ признаться, что я только разъ въ жизни, и то лишь поверхностно, въ моемъ пребываніи въ Парижѣ, посѣщая госпитали, увидѣлъ тамъ женскую службу, и болѣе по инстинкту, нежели по опытности я былъ убѣжденъ въ великомъ значеніи женского участія».

«Конечно, женская служба въ госпиталяхъ — далеко не новое учрежденіе. Сперва въ католическихъ, а потомъ и въ протестантскихъ странахъ (пасторомъ Флиднеръ въ Кайзервертѣ, въ 1836 году, гдѣ сестры были подъ именемъ діакониссъ) была введена женская помощь; наконецъ, и у насъ это было принято (Сердобольныя вдовы въ Маріинской больнице, община на Пескахъ и проч.). Но еще нигдѣ не было испробовано посыпать женщинъ на полѣ битвы. Поэтому идея учредить на полѣ сраженія организованное женское общество должна была казаться очень рискованной. Исключительныя обстоятельства тогдашней войны и отдаленіе отъ образованныхъ мѣстностей усиливали трудности этого предпріятія. Энергія великой княгини превозмогла все это, и общество сестеръ было составлено, и нѣсколько недѣль спустя, онѣ были отправлены. Можетъ, конечно, носиться слухъ въ Западной Европѣ, и даже у нашихъ сосѣдей пруссаковъ (какъ я это и прочелъ въ рѣчи профессора Равотъ на собраніи нѣмецкихъ медиковъ въ Берлинѣ), будто бы миссъ Нейтингель съ 37 сестрами, «дамами высокой души», какъ называетъ ихъ профессоръ Равотъ, была первая, которая по собственному желанію пріѣхала въ крымскую войну, чтобы съ сестрами взять на свое попеченіе всѣхъ больныхъ и раненыхъ, находящихся въ амбулаторіи. Мы, русскіе, не должны дозволять никому передѣлывать до такой степени историческую

истину. Мы имъемъ долгъ истребовать нашей великой княгинѣ принадлежащую ей пальму первенства въ дѣлѣ столь благословенномъ, благотворномъ и нынѣ всѣми принятомъ. И это тѣмъ легче, что сестры общины не только принесли техническую помощь, но онѣ оказали и нравственное вліяніе на дирекцію всего госпитального корпуса во время войны¹⁾.

«Въ октябрѣ 1854 году, Крестовоздвиженская община получила высочайшее соизволеніе, а въ ноябрѣ того же года, она находилась уже на театрѣ войны въ полной дѣятельности. Объ миссъ Нейтингель и о ея «высокой души дамахъ» мы въ первый разъ услыхали только въ началѣ 1855 года, когда злоупотребленія англійской военной администраціи, во время зимнихъ мѣсяцевъ 1854 года, также ясно обнаружились, какъ и у насъ. Мое предположеніе передать сестрамъ и нравственную дирекцію, и контроль перевязочныхъ пунктовъ и лазаретовъ, конечно, только послѣ этого времени получило разрѣшеніе великой княгини, но на фактѣ женщины исполняли уже эти должностіи съ самаго дня своего прибытія въ симферопольскіе госпитали. Уже ранѣе этого, еще не бывъ ознакомленъ съ женской службой, я убѣдился a priori, что женскій тактъ, ихъ чувствительность и независимое отъ служебныхъ условій положеніе гораздо дѣйствительнѣе могутъ вліять на отвратительныя злоупотребленія администраціи, чѣмъ официальная служебная контрольная комиссія. (Вы найдете эту идею развитою въ одномъ изъ моихъ проектовъ между вашими бумагами)».

«Результатъ совершенно подтвердилъ мои предположенія, и, за исключеніемъ неудачного выбора одной изъ сестеръ, во время организации общины, всѣ ихъ дѣйствія въ отношеніи госпитальной администраціи и попеченія о больныхъ были таковы, что самые лживые языки и худшіе враги новизны не могли рѣшительно ни къ чему придраться²⁾. Даже самъ главнокомандующій арміей князь Меньшиковъ убѣдился, что всѣ его опасенія, какъ бы не ввести безнравственности въ госпиталяхъ чрезъ постоянное присутствіе въ нихъ женщинъ, были напрасны. Однажды, когда я былъ представленъ Меньшикову, онъ (по пословицѣ: что у кого болить, тотъ

¹⁾ Это «вліяніе»,—какъ увидитъ далѣе читатель,—состояло въ неуклонномъ, твердомъ и настойчивомъ «противлѣніи злу». Раненыхъ обкрадывали и морили бозкорницеи и недостаткомъ лѣкарствъ. Допущенія въ помошь раненымъ женщинамъ «воспротивились» этому злу и измѣнили картину госпитальныхъ бѣдствій къ пользу претерпѣвшихъ солдатъ и къ неудовольствію чиновниковъ, для которыхъ «непротивлѣніе» ихъ «злу» было бы гораздо выгоднѣе и пріятнѣе. Къ счастію страдальцевъ, великая княгиня Елена Павловна и Пироговъ «противились злу».

Н. Л.

²⁾ По странному совпаденію, эти «враги» были поборниками идеи «непротивлѣнія злу». Аскоченскій стоялъ за то, что не надо ничего «раскапывать» и цитировалъ Сираха: «аще дунешъ—возгорится, аще же плюнешъ—погаснетъ».

Н. Л.

о томъ и говорить) сказаль мнѣ, что на его взглѣдъ сестры по служать только для любовныхъ интригъ съ военными. Къ счастію, за исключеніемъ одного вышеупомянутаго случая, не оказалось ни единаго безнравственнаго поступка, во все времена ихъ службы на театрѣ войны».

«Я нимало не смотрю на современныя учрежденія женскихъ обществъ (у насъ, въ Англіи, Германіи и Соединенныхъ Штатахъ) какъ на продолженіе старой, традиціонной идеи католиковъ: они, напротивъ того, для меня служать знакомъ новыхъ временъ. Конечно, въ нѣкоторой степени они по наружности сохраняютъ свой древній видъ, заведенный католиками; но современный женскій вопросъ духовно паритъ въ этихъ учрежденіяхъ. Организаторы и основатели ихъ невольно, и сами того не сознавая, способствуютъ требованію правъ, уже возбужденному женскому вопросу. Этотъ столь современный женскій вопросъ есть самъ по себѣ послѣдствіе и плодъ радикальнаго стремленія нашего времени и особаго рода міровоззрѣнія. Дѣло теперь не въ эмансираціи женщинъ, о которой я мечталъ еще 30 лѣтъ тому назадъ, но настоящимъ образомъ значеніе женщинъ я постигъ только позднѣе, при управлениі общинною сестеръ и по опыту во времена крымской кампаніи. Тамъ я могъ ежедневно убѣждаться, присматриваясь къ ихъ обдуманнымъ сужденіямъ и аккуратнымъ дѣйствіямъ, что мы не умѣемъ ни достойно цѣнить, ни разумно употреблять ихъ природный тактъ и чувствительность».

— «Женщины должны только быть направляемы мужчинами,— сказала мнѣ однажды покойная великая княгиня, говоря о своей женской общинѣ».

— «Это совершенно справедливо, ваше высочество, — отвѣчалъ я:— но справедливо только до тѣхъ поръ, пока женщины будутъ воспитаны ионынѣшнему и съ ними будутъ обращаться все по той же устарѣлой и безсмысленной методѣ. Но это слѣдуетъ измѣнить, и женщины должны занять мѣсто въ обществѣ, болѣе отвѣчающее ихъ человѣческому достоинству и ихъ умственнымъ способностямъ».

«Я постарался изложить письменно всѣ собраныя мною впечатлѣнія во времена моего управлениія общиной (вы это найдете въ числѣ моихъ бумагъ) и доказать, что сестры не только для ухода за страждущими, но даже въ управлениі многихъ общественныхъ учрежденій болѣе одарены способностями, чѣмъ мужчины. Но я никакъ не могъ думать, что настанетъ время, когда разрѣшеніе этого диспута на счетъ умственныхъ дарованій обоихъ половъ будетъ представлено съ нынѣшнимъ безстыдствомъ¹⁾.

¹⁾ Писано во времена продолжавшагося разгара такъ называемыхъ «нигилистическихъ модъ».

Теперь какъ бы хотять стереть всѣ признаки, отличающія качества мужскія и женскія—хотять всѣхъ остричь подъ одну гребенку».

«Такой переходящій границы радикализмъ есть только плодъ не менѣе рѣзкаго современаго міровоззрѣнія. Наше міровоззрѣніе должно быть ясно, говорить теперь, но въ сущности и само нынѣшнее міровоззрѣніе не только не ясно, но оно даже есть чистая абстрактная мечтательность, какъ всѣ возврѣнія натуральной философіи, по которой мы должны принимать за вѣрное, что природа «полна жизни», но живетъ безъ предварительного плана и безъ мысли, въ соединеніи съ существомъ сознательнымъ, понимающимъ и имѣющимъ цѣль сохраненія своего бытія. Слѣпой случай составляетъ третье лицо этой уродливой троицы. Чувствующій и мыслящій элементъ, стало быть, получаетъ жизнь изъ такого источника, который самъ въ себѣ не имѣть принципа жизни и самосознанія. Какая же жизнь можетъ находиться въ такомъ жизненномъ источнике природы? Откуда же взялись наши высшія умственныя дарованія, когда начальный источникъ—сама природа и ея агентъ, случай,—безъ жизни, безъ мысли и безъ чувства? Матеріальный человѣкъ содержитъ въ себѣ, какъ известно, только то, что содержитъ природа. По этому учению, всѣ высшія дарованія человѣка—не что иное какъ плоды случайнаго сочетанія известныхъ атомовъ, и больше ничего. И потому слюна, желчь, испражненіе—не что иное какъ отдѣленіе работающаго мозга. Но существуетъ, стало быть, нѣкій сознательный и мыслящій элементъ, который береть свое начало не въ общемъ источникѣ жизни—природѣ, а только въ мозгу человѣческомъ. Тутъ ужъ просто молчать всякой здравый смыслъ человѣка. Наші создатели—природа и случай—даруютъ намъ то, чѣмъ они сами не одарены, и именно тѣмъ, что можно считать наидрагоценнѣйшимъ, что изъ насы дѣлаетъ создателей (называется ли это матеріей, или духомъ, все равно) и посредствомъ чего мы познаемъ самую природу и случай. Къ концу концовъ выходитъ такъ: постижимое исходить изъ непостижимаго и непостижимое сотворимо. Это знали мы и ранѣе, но, по неограниченности нашего ума, мы полагали, что эта непостижимая сознательная сила заключаетъ въ себѣ всѣ наши духовныя силы, только въ наивысшей степени. Наше заблужденіе было, по крайней мѣрѣ, утѣшительное».

«Такъ какъ матеріальное міровоззрѣніе легкомысленно признаетъ основаніемъ всякаго знанія одни чувственныя доказательства, то мнѣ совершенно непонятно, почему современные мыслители ставятъ одно только знаніе на высокій пьедесталъ, а всѣ остальные изъ той же чувственности исходящія чувства, дарованія и способности оцѣняютъ такъ слабо. Изъ этого я заключаю, что наша эманципація, которая есть плодъ того же или подобнаго сему міровоззрѣнія, ставить женщинъ не болѣе какъ на равную

степень съ мужчинами. Но, если женщины обладаютъ одинакими съ мужчинами способностями къ знанію, то по ихъ высшей способности къ чувствованію (если чувствование — источникъ знанія) имъ слѣдовало бы стоять ступенемъ выше, чѣмъ мужчины. Также неосновательно кажется мнѣ, что радикальные мыслители, будучи врагами всякаго отократизма, признаютъ, однако, полную гегемонію разума надъ всѣми прочими духовными способностями. Если мы, русскіе, смотримъ на разумъ (или, вѣрнѣ, на разсудокъ) какъ на «царя въ головѣ», то съ нашей стороны это только независящее отъ насъ послѣдствіе пережитыхъ нами историческихъ испытаній, тогда какъ со стороны секты радикаловъ это чистая непослѣдовательность. Изъ этого видно, что мы, т. е. родъ человѣческій, никако не послѣдовательны существа и что вся наша строго выработанная послѣдовательность ведеть насъ только къ тому, что французы такъ вѣрно называютъ «aveuglement logique». Одинъ математикъ, онъ одинъ, въ самомъ дѣлѣ, послѣдователенъ, потому что онъ своими аксіомами создаль себѣ крѣпкій оплотъ,—во всѣхъ же другихъ случаяхъ мы должны чуть не колотиться головой объ стѣну, чтобы совершиТЬ послѣдовательно что нибудь задуманное логично, и наше логическое ослѣпленіе на практикѣ иногда едва ли не вреднѣе, чѣмъ необузданность фантазіи и страстей. Инстинктъ, побуждающій насъ искать счастіе, и стремленіе нашихъ духовныхъ способностей къ достижению внутренней гармоніи чувствъ, постоянно возмущаются противъ нападковъ деспотического разсудка, и нерѣдко мы принуждены даже избрать себѣ какъ щитъ мистической элементъ».

«Въ женскомъ вопросѣ позабыть также, или, вѣрнѣ, совершенно игнорированъ давнишній, но столь естественный родъ воззрѣнія, по которому «человѣкъ» есть коллективность, состоящая изъ мужчины и женщины ¹⁾), и съ нимъ слѣдуетъ обращаться по его различнымъ, но обоимъ поламъ свойственнымъ дарованіямъ. Что наши предки у женщинъ отняли, то мы должны возвратить имъ съ лихвой. Это справедливо и недорого обойдется. Притомъ, мы не должны забывать, что цѣль и путь къ цѣли одни и тѣ же для мужчинъ и для женщинъ, но способы, употребляемые для совершения этого труднаго пути, должны быть различные, если мы желаемъ быть полезными и пріятными одинъ другому».

«Я всегда былъ и останусь искреннимъ поклонникомъ свободнаго слова и свободы въ изслѣдованіи, и я это въ моей жизни доказалъ достаточно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я и поклонникъ того, что такъ осмѣяно Карломъ Фохтомъ и названо имъ «двойною бухгал-

¹⁾ Пироговъ безъ сомнѣнія, намекаетъ вѣдѣсь на библейскій стихъ: «И сотворилъ Богъ человѣка по образу своему — мужчиною и женщиною сотворилъ ихъ» (Бытія 1, 27).

терією» жизни. Если это дѣло и непослѣдовательное, то оно по-тому-то, вслѣдствіе нашей врожденной непослѣдовательности, не-обходиомо. Я желаю свободно изслѣдоватъ и свободно говорить въ наукѣ, но въ примѣненіи результатовъ изслѣдованія я хочу дѣй-ствовать ограниченно и болѣе консервативно, такъ какъ гораздо легче уничтожить старое дурное, чѣмъ замѣнить его лучшимъ но-вымъ. Ни инстинктъ самосохраненія, ни безрадостное знаніе, ни жажда наслажденій не сдѣлаютъ намъ жизнь сноснѣй, и какъ только мы залишемъ себя въ мірской метрикѣ незаконными дѣтьми природы и случая, намъ въ удѣль достанется одно отчаяніе. Ко-нецъ тогдѣ и нашему человѣческому достоинству, конецъ и нашимъ высшимъ стремленіямъ, лишь только мы признаемъ упомянутую прелестную чету за нашихъ родителей. Наше легкомысліе можетъ насъ только минутно успокоить, какъ наркотическое средство, но мистической, врожденный намъ элементъ выпустить всѣ темныя силы нашего духа, и начнется реакціонная борьба на жизнь и на смерть. Вотъ, по моему убѣждению, какое будетъ послѣдствіе этого темного безрадостнаго міровоззрѣнія, если только оно не послужитъ къ дальнѣйшимъ розыскамъ, какъ плодъ свободнаго изслѣдованія, а прямо будетъ принято за новый фундаментъ общественнаго строенія».

«Не удивляйтесь, что я такъ ревностно возстаю противъ такого мрачнаго міровоззрѣнія: я дѣйствую какъ дезертиръ очень сход-наго этому воззрѣнія, которому я, къ несчастію, поклонялся въ года моей юности. Любовь, страданіе и прожитые годы принесли мнѣ лучшія убѣжденія. Я наконецъ увѣровалъ, что мой Богъ не безчувственное и безумное существо, которое будто даже ниже мо-его достоинства. Я чувствовалъ себя въ числѣ миллионовъ моихъ близкихъ, какъ достаточный *esprit fort*, чтобы отказаться отъ врожденныхъ, сладкихъ утѣшеній и душевныхъ возбужденій, и мнѣ было непріятно призывать на помощь эти чувства хотя бы только въ минуты томленія отъ жизненной суеты».

«Связано ли современное стремленіе къ метаморфозѣ женщинъ съ тѣмъ возмутительнымъ міровоззрѣніемъ (а мнѣ кажется, что это такъ), или мы должны взирать на женскій вопросъ какъ на неизбѣж-ную реакцію нашего невѣжества, неумѣнія цѣнить и понимать превосходства женской натуры, но вѣрно то, что наше теперешнее «Общество сестеръ» не есть подражаніе древнимъ его предшествен-никамъ. Поэтому нельзя въ нихъ находить ни типа католического, ни протестантского, ни даже православнаго мистически-религіоз-наго чувства. Сестры ступили первый шагъ къ практической ре-волюціи женскаго вопроса».

«Когда я переношусь назадъ къ моменту развитія общинъ се-стерь, учрежденной великой княгиней, то я вижу ясно, что основная мысль ея жизни, — практическая дѣятельность женщинъ, — была

здесь приложена во всей полнотѣ. Крымская война доставила достаточно случаевъ для испытанія пользы отъ женской общины. Но чувствовался недостатокъ въ условіяхъ, которыхъ необходимы для солиднаго и продолжительнаго существованія общины. Самая дѣятельность женщинъ на полѣ битвы была слишкомъ бурлива и массивна, а средства для помощи сравнительно слишкомъ ничтожны для того, чтобы ихъ можно было раздѣлить равно и съ пользой. Наша покойная великая княгиня справедливо полагала, что прибытие сестеръ на театръ войны—лучшее средство вызвать вниманіе и сочувствіе къ женщинамъ какъ со стороны общественнаго мнѣнія, такъ и со стороны правительства. Она пожелала поэтому, чтобы я въ самомъ скорѣшемъ времени доставилъ женщинамъ занятія въ осажденной крѣпости. Таково было и мое собственное намѣреніе. Но когда по прѣздѣ своемъ въ Севастополь (1854 года, въ октябрѣ) я увидалъ, что медицинское пособіе и хожденіе за страдальцами нужнѣе въ лазаретахъ и баракахъ, чѣмъ на перевязочныхъ пунктахъ, то я рѣшилъ—всю прѣхавшую общину занять дѣломъ въ Симферополѣ (1854 года, въ ноябрѣ). Здесь я и оставилъ ихъ съ ихъ начальницей (Стаховичъ) и распредѣлилъ по разнымъ лазаретамъ. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ во всѣхъ публичныхъ зданіяхъ и во многихъ частныхъ домахъ въ Симферополѣ засталъ я въ это время (октябрь—декабрь 1854 года) нѣсколько тысячъ раненыхъ, послѣ битвы при Альмѣ, Инкерманѣ и послѣ первой бомбардировки. Несчастные, наполнившіе дома, были лишены почти всякаго ухода. Многіе валялись безъ матразовъ, въ грязнѣшемъ бѣльѣ, на грязномъ полу, безъ всякаго разбора и безъ присмотра. Воздухъ былъ страшно испорченъ, раны смрадны и воспалены. Не доставало ни умовъ, ни рукъ, чтобы хоть немного привести весь этотъ невообразимый хаосъ въ извѣстность и въ порядокъ. Между тѣмъ, сюда же ежедневно привозили новыхъ раненыхъ изъ Севастополя, тогда какъ на перевязочныхъ пунктахъ принимали очень малое число раненыхъ (послѣ 2-го ноября долго длилось спокойствіе со стороны осаждающихъ и осажденныхъ), и то ихъ отсылали тотчасъ для первого пособія въ разные лазареты. Молодые медики натурально предпочитали покойную, безъ присмотра, службу въ госпиталяхъ занятіямъ на перевязочныхъ пунктахъ, подъ глазами начальства. Но медики, мнѣ подчиненные, находили болѣе полезнымъ и для нихъ болѣе поучительнымъ дѣйствовать въ баракахъ сѣвернаго пункта. Эти бараки мы нашли тоже переполненными и чуть ли не зачумленными. Я зналъ впередъ, что, принявъ свое рѣшеніе на счетъ первой прибывшей партии сестеръ, я поступаю несогласно съ воззрѣніями великой княгини, но, не смотря на то, я взялъ на себя всю отвѣтственность и спокойно выжидалъ прѣзда второй партии сестеръ, которая прибыла въ Севастополь послѣ Рождества 1854—1855 года, имѣя во главѣ Ба-

кунину и Тарасову. Пріѣздъ этой второй партіи совпалъ какъ разъ съ тѣмъ временемъ, когда осада снова стала ожесточеннѣе. Я тогда взялъ на себя попеченіе о главномъ перевязочномъ пунктѣ въ Севастополѣ (дворянское собраніе) и о всѣхъ лазаретахъ въ николаевскихъ казармахъ и разныхъ партикулярныхъ домахъ города. Я тотчасъ же распредѣлилъ на всѣ мѣста извѣстное число сестеръ и медиковъ. До этой минуты мнѣ не случалось почти совсѣмъ быть съ столкновеніемъ съ оберъ-медиками, но когда я на себя взялъ попеченіе о главномъ перевязочномъ пунктѣ и о всѣхъ госпиталахъ, сейчасъ же начались разныя контры между мной и администрацией. Теперь никто себѣ представить не можетъ всю отвратительность и тупоуміе тогдашняго офиціального, администра- ровавшаго, медицинскаго персонала. Эти господа сразу смекнули, куда поведеть учрежденный мною нравственный присмотръ и контроль административнаго попеченія надъ руководителями гос- питальныхъ порядковъ. Дѣла эти были поручены мною сестрамъ, женщинамъ и моимъ собственнымъ помощникамъ. Это смущило гг. администраторовъ, и они стали громко роптать на превышеніе власти (съ моей стороны), и только благодаря благосклонному вни- манію генераловъ Сакена и Васильчикова, я обязањъ тѣмъ, что, не смотря на всѣ интриги, за сестрами былъдержанъ весь надзоръ надъ госпиталями. К. М. Бакунина вела всѣ дѣла присмотра за уходомъ больныхъ съ такимъ тактомъ, энергией и совѣстливостью, что полученный успѣхъ оказался блестящимъ и для всѣхъ здравомыслящихъ людей неоспоримымъ. Она заботилась наравнѣ съ сестрами о доставленіи 'больнымъ надлежащей порціи пищи, и непремѣнно хорошаго качества; она смотрѣла за чистотой и смѣной бѣлья, за прачечными, за частой перемѣнной соломы въ матрацахъ и неотступно требовала отъ госпитальной администраціи все, что надлежало быть выдано. Все, что прежде удер- живали и не выдавали и теперь еще старались удерживать, но Бакунина пунктуально исполняла мои и другихъ медиковъ предпи- санія, настоятельно вытребовывала недоданное. Неудивительно, что подобное вмѣшательство и такая дѣятельность женщинъ не могли быть пріятными господамъ командирамъ и офиціальнымъ ин- спекторамъ»...

«Въ началѣ марта 1855 года, первая партія сестеръ, потерпѣвшая начальную тифозную эпидемію, перенеслась также изъ Сим- ферополя въ Севастополь. Я встрѣтилъ начальницу Стаковичъ, еще не совсѣмъ оправившуюся отъ трехнедѣльного тифа,—въ слабости силъ тѣлесныхъ и духовныхъ. Я опасался болѣе всего стол- кновеній между такими двумя различными характерами, какъ Стаковичъ и Бакунина, и потому я уговорилъ первую цомѣститься съ своей партіей на сѣверной сторонѣ, въ морскомъ госпиталѣ. Мартъ мѣсяцъ 1855 годъ былъ изобиленъ боевыми подвигами.

Ночная атака непріятеля на наши вновь выстроенные редуты, Селенгинскій и Волынскій, обременили насть тысячами тяжело раненныхъ, а наша администрація, какъ всегда, была мало подготовлена къ встрѣчѣ событий. Въ эту ночь (?) въ морскомъ госпиталѣ (раненые были отправлены туда) царствовала ужасная кутерьма. Въ полуумракѣ отъ недостаточнаго освѣщенія медики работали въ темнотѣ и въ тѣснотѣ, среди страдальцевъ, валявшихся гдѣ пошало; а тѣснота еще увеличивалась отъ постояннаго приноса новыхъ раненыхъ. Всѣ тутъ такъ долго и такъ много трудились, что наконецъ всѣ (а число ихъ было невелико) утомились до-нельзя и совершенно стали и были неспособны оказывать помощь другимъ. Въ эту же ночь и въ два слѣдующіе дня перенесли отсюда почти половину раненыхъ на перевязочный пунктъ. Къ счастію, я съ самаго начала взялъ себѣ за правило, когда вдругъ разомъ нахлынетъ большое число раненыхъ, распредѣлять медицинскую помошь въ строго учрежденномъ порядкѣ, — чего и достигаль сортированіемъ и раздѣленіемъ раненыхъ на категоріи. И еще не меньшимъ счастіемъ было то, что нашъ перевязочный пунктъ (Дворянское Собраніе) къ этому времени былъ отлично приготовленъ для принятія раненыхъ. Въ объясненіе этому, я долженъ сказать, что, когда я въ январѣ 1855 года рѣшился занять эту квартиру, то я нашель это хорошее зданіе переполненнымъ людьми, сбитыми въ самой испорченной атмосфѣрѣ. Порча воздуха была ужасна и она явилась вслѣдствіе несчастной лѣни моего предшественника, который оставлялъ тутъ всѣхъ людей, перешедшихъ черезъ операциі (вмѣсто того, чтобы отсылать ихъ въ другіе госпитали). Отъ чрезвычайного переполненія въ комнатахъ между больными открылись антоновъ огонь и рожа, а также и другія госпитальныя заразы. Поэтому я принужденъ былъ выслать всѣхъ изъ дома, и нѣсколько недѣль производилъ въ немъ усиленную вентиляцію. Ночная катастрофа случилась именно тогда, когда зданіе перевязочнаго пункта было достаточно очищено и приготовлено. Тогда, по установленнымъ мною правиламъ, я тотчасъ раздѣлилъ своихъ медиковъ и сестеръ на четыре группы. Изъ нихъ первая была обязана сортировать раненыхъ по роду и по градусу болѣзни; принимать отъ нихъ деньги и вещи, имъ принадлежащи, и тѣхъ, которымъ слѣдовало сдѣлать немедленную операцию, тотчасъ передавать второй группѣ помощниковъ; легко раненыхъ же (для избѣженія тѣсноты на перевязочномъ пунктѣ) тотчасъ послѣ поданія помошници отсылать въ другіе лазареты или возвращать въ ихъ полки. Вторая группа должна была принимать отъ первой раненыхъ для немедленной операциі, и тотчасъ же переносить ихъ въ смежную залу перевязочнаго пункта. Третья группа занималась уходомъ за ранеными, которымъ должно было дѣлать операциі только на слѣдующій день или даже позднѣе. Четвертая группа, состоящая изъ однѣхъ сестеръ и одного священ-

ника, была назначена для безнадежно больныхъ и умирающихъ, которымъ сестры старались доставлять послѣдній уходъ и предсмертная утѣшенія. Наконецъ, двѣ сестры (хозяйки) были озабочены только тѣмъ, чтобы раздавать усталымъ и проголодавшимся или жаждущимъ раненымъ кому вина или пуншу, кому чаю или бульону. Сестры-хозяйки хранили всю провизію и должны были имѣть всегда все нужное наготовъ».

«Когда весь этотъ порядокъ понемногу и не безъ труда былъ введенъ въ перевязочномъ пунктѣ, тотчасъ же прекратились случаи изнеможенія и обмороковъ у самихъ служащихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ почти не стало и смраднаго запаха въ залахъ. Не всякий можетъ себѣ представить, какъ это важно, а между тѣмъ безъ этого легко потерять голову и силы отъ желанія и отъ невозможности подать помощь всѣмъ безъ разбора раненымъ, которые нетерпѣливо вопіютъ о помощи. Въ этой суетѣ, того и гляди, что отъ утомленія и торможенія во всѣ стороны какъ разъ упустишь изъ виду именно того страдальца, которому необходима немедленная операція, а потратишь напрасно время и свои силы на того, который могъ бы еще обождать, или который даже и вовсе въ тебѣ не нуждается. Медики и сестры перестали съ этого времени, при всякомъ сильномъ наплывѣ раненыхъ, безумно метаться туда и сюда и не кидались уже прежде всего къ тѣмъ, которые громче другихъ кричатъ и стонутъ, такъ какъ крики и стоны не всегда указываютъ на особенную тяжесть ранъ иувѣчья. Съ марта мѣсяца до моего отѣзда въ Петербургъ (въ іюнѣ 1855 года) сестры продолжали соблюдать всѣ мои правила въ наистройшемъ порядкѣ, да и послѣ, на сколько я могъ узнать, сестры не переставали дѣйствовать такъ же. Въ этомъ periodѣ времени, община сестеръ была въ непрестанныхъ трудахъ по лазаретамъ, а, кроме того, они оказали благотворную помощь еще въ слѣдующихъ необыкновенныхъ случаяхъ: 1) во времяочныхъ атакъ противъ новыхъ редутовъ они работали на перевязочномъ пункте въ морскомъ госпиталѣ и въ баракахъ сѣверной стороны (мартъ); 2) во время другихъ менѣе сильныхъочныхъ атакъ (мартъ); 3) во время ужаснаго бомбардированія на второй день Пасхи (апрѣль), которое продолжалось безъ отдыха всю недѣлю, гремя день и ночь, и посыпало намъ на перевязочный пунктѣ тысячами однихъ тяжело раненыхъ. Въ это же время самое зданіе, гдѣ мы помѣщались (дворянское собраніе), само не разъ получало бомбы съ непрѣятельскихъ кораблей. Раны почти всѣ представляли страшные разрывы членовъ отъ бомбъ большаго калибра. Отъ 150 до 200 ампутаций и другихъ тяжелыхъ операцій случалось исполнять каждый день, имѣя ассистентами одиѣхъ сестеръ. Всѣ квартиры въ севастопольскихъ казармахъ, всѣ лазареты и партикулярные дома были наполнены тысячами тяжело-раненыхъ, только-что перенесшихъ операціи, или умираю-

щихъ; 4) во время одной сильной атаки непріятеля на наши отдаленные траншеи (апрѣль); 5) въ непрестанныхъ атакахъ и взрывахъ минъ нашихъ четырехъ бастіоновъ, откуда также мы получали однихъ тяжело раненыхъ при взрывахъ (мартъ и апрѣль); 6) при невѣроятномъ транспортѣ, гдѣ везли 500 раненыхъ, только что получившихъ операцию, и это было учинено вслѣдствіе неожиданного и, смѣю сказать, нелѣпаго приказанія, которое было прислано намъ черезъ пароходъ изъ Николаевской батарейной казармы. Когда всѣ эти пятьсотъ страдальцевъ (отъ бомбардированія на Пасхѣ) съ величайшимъ трудомъ и попеченіемъ со стороны медиковъ и сестеръ были послѣшно высланы въ назначеннное имъ начальствомъ мѣсто, то оказалось, что тамъ, куда ихъ повезли, не существуетъ даже никакого приготовленного зданія для ихъ принятія... И вотъ всѣхъ этихъ трудно оперированныхъ свалили зря, какъ попало въ солдатскія палатки... До сихъ поръ съ леденящимъ ужасомъ вспоминаю эту нецрѣстительную небрежность нашей военной администраціи. Но этого было мало! Надѣ этимъ лагеремъ мучениковъ вдругъ разразился ливень и промочилъ насквозь не только людей, но даже и всѣ матрацы подъ ними... Несчастные такъ и валялись въ грязныхъ лужахъ... А когда кто нибудь входилъ въ эти палатки-лазареты, то всѣ вопили о помощи и со всѣхъ сторонъ громко раздавались раздирающіе пронзительные стоны и крики, и зубовный скрежетъ, и то особенное стучаніе зубами, отъ которого бѣть дрожь¹⁾). Отъ 10 -- 20 мертвыхъ тѣлъ можно было находить межъ ними каждый день. Здѣсь помочь и трудъ сестеръ оказались неопѣненными. Стоя въ лужахъ на колѣняхъ предъ больными, наши женщины подавали посильную помощь, въ которой онѣ сами нуждались... И такъ онѣ трудились денно и нощно. Въ сырья ночи эти женщины еще дежурили и, не смотря на свое утомленіе, онѣ не засыпали ни на минуту, и все это подъ мокрыми насквозь палатками. И всѣ такія сверхчеловѣческія усиливія женщины переносили безъ малѣйшаго ропота, съ спокойнымъ самоотверженіемъ и покорностью. Въ доказательство полнаго самоизбавенія сестеръ при подаваніи помощи, слѣдуетъ здѣсь сказать, что десять изъ этихъ женщинъ не выдержали госпитальной заряжательности, и сами поплатились жизнью. 7) Во время одного непріятельского нападенія на Камчатскій редутъ, попеченія о раненыхъ со стороны нашихъ медиковъ и сестеръ обнаруживались хотя и съ ревностью и неутомимостью, но были слабы въ результатахъ. Это произошло отъ недостатка въ средствахъ помощи (опять

¹⁾ Въ этомъ ужасномъ случаѣ «противленія злу» оказано не было, и все зло совершилось вполнѣ. Аскоченскій по этому поводу сочинялъ вирши, въ которыхъ похвалялъ терпѣніе «христолюбцевъ», а всѣмъ прочимъ командовалъ: «на молитву!»

по винѣ администрації), такъ какъ большая часть раненыхъ (тысячи двѣ) не тотчасъ были перенесены на перевязочный нашъ пунктъ. Почти всѣ раненые валялись на улицѣ всю ночь, а по томъ только часть изъ нихъ перенесли въ бараки на сѣверную сторону. Здѣсь дѣйствовала Стаковичъ съ своей партіей сестеръ, но въ этихъ баракахъ не доставало мѣста для произведенія операций. 8) Наконецъ, съ послѣднихъ чиселъ апрѣля до іюня, такъ какъ около этого времени осада сть каждымъ днемъ становилась сильнѣй и дѣятельнѣй, и раненые почти со всѣхъ бастіоновъ присылаемы были на нашъ перевязочный пунктъ (дворянское собраніе), то и здѣсь дежурныя сестры были завалены работою, особенно прикладываніемъ бандажей при совершеніи операций, отъ 20—30 въ день. Въ это же время я назначилъ также нѣкоторыхъ сестеръ для попеченія о раненыхъ на новомъ мѣстѣ, въ устроенномъ мною госпиталѣ-палаткѣ, изъ двойного солдатскаго сукна и изъ клеёники. Это учрежденіе на 30 кроватей, безъ тѣсноты, было сдѣлано на деньги, пожертвованныя графомъ Вельгорскимъ».

«Въ іюнь, я побѣжалъ въ Петербургъ, въ сентябрѣ же 1855 года снова вернулся въ Севастополь. Тамъ засталъ я множество раненыхъ, послѣ штурмованія Малахова Кургана (дней пять послѣ битвы). Несчастные раненые кучами лежали въ палаткахъ на сѣверной сторонѣ, а другихъ приготавляли къ отсылкѣ въ Симферополь или въ Бахчисарай, и ими наполнили много крестьянскихъ телѣгъ».

«Вторженіемъ своимъ въ крѣпость на сѣверной сторонѣ непріятель понудилъ общину сестеръ разбрестись съ мѣстѣ, которыя онѣ тамъ занимали, и я тотчасъ распредѣлилъ ихъ по разнымъ госпитальнымъ палаткамъ, заботясь прежде всего о томъ, чтобы не допустить на сколько возможно никакихъ столкновеній между г-жею Стаковичъ и Бакуниной. Несогласіе этихъ двухъ особъ дошло, какъ я это скоро замѣтилъ, до высшаго градуса. Къ счастью, почти въ одно время со мной прибыла изъ Одессы покойная Хитрово. Обсудивъ натянутыя отношенія и совсѣмъ различные характеры обѣихъ начальницъ, она взяла сторону Бакуниной и вскорѣ, по желанію великой княгини, приняла главное управление общиной на себя. Сдѣлала это она не совсѣмъ охотно. Послѣ того Хитрово принялась распредѣлять всѣхъ сестеръ къ занятіямъ, отвѣчившимъ ихъ личнымъ способностямъ».

«Первый выборъ большей части сестеръ не могъ, конечно, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, быть вполнѣ удачнымъ. Онѣ преимущественно были набраны въ Петербургѣ, притомъ съ большою поспѣшностью. Нѣкоторыя изъ нихъ были безъ всякаго образованія; напримѣръ, одна все твердила, что «слѣдуетъ намъ тотчасъ отправляться въ Англію, чтобъ наказать проклятыхъ англичанъ за ихъ дерзость», и когда я ей растолковалъ, что Англія — островъ, то она

отвѣчала: «Что жъ за важность, что островъ,—какъ нибудь да, все-таки, подойдемъ». Одна оконфузила себя самымъ легкимъ поведеніемъ, хотя между тѣмъ показывала себя всегда очень смышеной и дѣятельной женщиной. Другая—за все про все, кстати и не кстати, повторяла заученные ею слова: «Я съ крестомъ и за Христа», чтò, впрочемъ, не мѣшало ей иногда страдать *delirium tremens* отъ излишняго употребленія крѣпкихъ напитковъ. У двухъ другихъ сестеръ было подмѣчено стремлѣніе къ платонической взаимной любви. Одна монашенка, довольно образованная, изъ дворянокъ, отличалась невыносимымъ талантомъ къ смутьянству и сплетнямъ. Темный невѣжда и злой интриганть монахъ былъ данъ въ священники и въ духовные отцы всей женской общинѣ... Ко всему этому надо прибавить, что одна изъ начальницъ, хотя на видъ казалась очень *présentable*, но въ сущности имѣла настоящую чиновническую натуру. А, всетаки, не смотря на все эти неблагопріятныя условія, поведеніе сестеръ съ медиками и ихъ помощниками было прімѣрное и достойноеуваженія; обращеніе ихъ съ страждущими было самое задушевное, и вообще всѣ дѣйствія сестеръ, при уходѣ за больными, сравнительно съ поведеніемъ госпитальной администраціи, должны быть названы не иначе какъ бла городнѣйшій. И замѣчательно, что самыя простыя и необразованныя изъ нихъ выдѣляли себя болѣе всѣхъ своимъ самоотверженіемъ и долготерпѣніемъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Многія изъ нихъ пали жертвами прилипчивыхъ госпитальныхъ болѣзней. Одна изъ нихъ простая, но богопочтительная и прямодушная женщина завѣдовала категоріей тяжело раненыхъ и безнадежныхъ къ излѣченію (солдаты звали ее «сестричка» *rag excellence*). Она удивительно умѣла своими простыми и трогательными молитвами у одра страдальцевъ успокоивать ихъ мучительныя томленія. Другая сестра, такъ же простая и необразованная, посыщала по собственному желанію наши форты и была извѣстна какъ герояня. Она помогала раненымъ на бастіонѣ, подъ самымъ огнемъ непріятельскихъ пушекъ. Такъ, надо признаться, что наша община сестеръ вполнѣ достигла своей цѣли. Она почти, можно сказать, была съимпровизирована бѣдствіями военного времени, и поэтому имѣла свои слабыя стороны; но, не смотря на то, она отличалась въ уходѣ за ранеными и больными, презирая всѣ злоупотребленія администраціи, всѣ опасности войны и даже самую смерть. Залогъ этого замѣчательнаго явленія неоспоримо лежитъ въ кипучей дѣятельности и первномъ возбужденіи въ военное время; изобиліе дѣла замѣняло недостающую въ общинѣ духовную силу и не совсѣмъ отличную организацію. Да послужить это урокомъ будущимъ основателямъ. Ни абстрактный принципъ, ни возвышенное побужденіе сердца, а непрестанная и хорошо распределенная дѣятельность—вотъ главное условіе, ко-

торое надо имѣть при устройствѣ современныхъ общинъ. Старое правило ога et labora должно служить здѣсь девизомъ. Независимо отъ сего, для полезной организаціи общины, разумѣется, необходимо разсудительный выборъ начальственаго персонала. Наша община, съ самаго начала, получила трехъ начальницъ, и въ подробной исторіи этого учрежденія видно, какую важную роль онѣ играли».

«К. М. Бакунина, какъ уже было сказано, приняла управление общиной, тотчасъ по своемъ пріѣздѣ въ Севастополь. Но лишь только туда прибыла Стаковичъ съ своими сестрами, Бакунина отказалась отъ управления. Стаковичъ, какъ официальная начальница общины, занималась гораздо болѣе администрацией общинѣ, чѣмъ распределеніемъ и учениемъ, какъ обходиться съ ранеными. Бакунина, напротивъ, тотчасъ съ увлеченіемъ предалась вседѣло служенію больнымъ и съ полнымъ самоотверженіемъ несла эту тяжелую службу. Она сдѣлалась примѣромъ терпѣнія и неустанныаго труда для всѣхъ сестеръ общины».

«Неоцѣнимо было особенно то, что вся ея личность дышала истиной, что полная гармонія царствовала между ея чувствами и ея дѣйствіями. Она точно составляла слитокъ всего возвышенаго. Чѣмъ болѣе встрѣчала она препятствій на своемъ пути самозабвенія, тѣмъ болѣе выказывала она ревности и энергіи. Она покорялась только тому, въ чѣмъ могла убѣждаться сама, обсудивъ полезную сторону всякаго дѣла; поэтому всѣ ея дѣйствія были самостоятельны и отчасти даже деспотичны. Она знала сама, что неспособна, по своимъ идеямъ, вліять на общину, съ религіозной точки зрѣнія. Это доказывается ея письмо (которое вы найдете вмѣстѣ съ отвѣтомъ моей жены въ моихъ бумагахъ). Письмо это она написала мнѣ изъ Франціи, и говорить въ немъ, какъ притягательно подѣйствовалъ на нее мистическо-религіозный элементъ старо-католическихъ учрежденій. Она съ восторгомъ внимала аккордамъ и чувствовала въ одно и то же время, что эта музыка ей чужда».

«Иной духъ одушевлялъ покойную К. А. Хитрово. Когда наша община (въ Симферополѣ, въ концѣ сентября—декабря 1855 года) побыла подъ дирекціей этихъ двухъ женщинъ, я могъ ясно замѣтить разницу въ направленіи умовъ въ сестрахъ и пріѣдти къ убѣжденію, что рационально-практическое міровоззрѣніе одной также сильно и благотворно вліяло на дѣйствія сестеръ общины, какъ и формально-мистическое воззрѣніе другой. Это сравненіе невольно напоминаетъ мнѣ евангельскихъ Мареу и Марию: онѣ обѣ принадлежали къ малому стаду Христа, что намъ доказывается, что онѣ принимаетъ и высоко-практичную тенденцію жизни, и глубоко-религіозное чувство. К. А. Хитрово принадлежала, однако, къ тѣмъ исключительнымъ личностямъ, которые способны соединять въ

себѣ мистическо-религіозное воззрѣніе съ формальнымъ и практи-
чески-полезную тенденцію съ возвышенными духовными чувствами.
Поэтому-то она и была въ состояніи внушить смятенному элементу
общины болѣе ровное религіозное направлѣніе. Слѣдующія ея слова,
которыя она мнѣ однажды сказала, характеризуютъ отлично ея
духовное настроеніе:

— «Я искреннѣе и горячѣе молюсь въ бѣдной сельской церкви,
слушая простое, монотонное пѣніе дѣячка, чѣмъ въ пышномъ храмѣ
и при торжественной обстановкѣ».

«По ея наружности и манерамъ, она мнѣ сперва показалась
чѣмъ-то въ родѣ монашенки, но ея образованность, практическій
умъ и мистическо-религіозное направлѣніе выскazyвались съ та-
кой гармоніей во всѣхъ ея дѣйствіяхъ, что жесткое, формально-
аскетическое, монастырское существо никогда не выступало на-
ружу. Позднѣе я слышалъ въ Одессѣ, что нѣкоторые приписы-
вали этому благородному характеру извѣстную долю лицемѣрія,
но что касается меня, то К. А. Хитрово напоминаетъ мнѣ въ нѣ-
которыхъ отношеніяхъ другую очень извѣстную и очень достойную
уваженія личность, именно покойную г-жу Тучкову, біографія кото-
рой недавно напечатана. Онѣ вѣрно были очень похожи одна на
другую».

«Какъ только Стаковичъ съ нѣкоторыми, ни на что негодными
и утомленными трудами, сестрами отправлена была отъ насъ (въ
концѣ сентября—октября 1855 года) и К. А. Хитрово вмѣстѣ съ
К. М. Бакуниной взялись за дирекцію общины, тотчасъ же въ се-
страхъ обнаружилось вліяніе совсѣмъ иного духа. Вскорѣ водвори-
лись тишина, порядокъ и строго установленная дѣятельность во
всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ. Когда же, наконецъ, прибыла и третья зна-
чительная личность нашей общины, Е. П. Карцева, съ нѣкото-
рыми новыми сестрами и прямо вѣхала въ Симферополь, гдѣ
приняла дирекцію одной партіи сестеръ, то ужъ была введена
настоящая гармонія въ воззрѣніяхъ и въ дѣйствіяхъ общины. Е. П.
Карцева, хотя гораздо моложе и неопытнѣе Хитрово и Бакуниной,
притомъ она молчаливаго и тихаго нрава, показала, однако, что у
нея много такта, послѣдовательности и особенной самостоятельно-
сти въ исполненіи взятыхъ на себя обязанностей. Попеченіе о
больныхъ, надсмотръ и контроль госпитальной прислуги ведены
были этими тремя личностями съ такой бдительностью и энергией,
что ихъ дѣйствія невольно повліяли на всѣхъ членовъ госпиталь-
ной администраціи, и всѣ отношения къ общинѣ существенно из-
мѣнились. Съ этой поры никто уже не осмѣшивался дозволять себѣ
неумѣстныхъ выраженій на счетъ контрольныхъ дѣйствій сестеръ,
и даже лица изъ высшаго военнаго круга не осмѣшивались, какъ
бывало ранѣе, шутить надъ «небесно-голубыми глазами». А въ
присутствіи Стаковичъ генералъ Х. однажды сказалъ одной хо-

рошенъкою сестръ: «Ваша голубая лента на шеѣ и ваши голубые глазки напоминаютъ мнѣ о небѣ».

«Симферопольские лазареты и бараки были наполнены ранеными послѣ штурма Малахова, и межъ ними царствовали тифъ и кровавый поносъ. В. И. Тарасовъ и новые прибывшіе со мной въ сентябрѣ 1855 года медики способствовали улучшить отношенія общины съ госпитальной администрацией. Они старались придать болѣе вѣса участію женщинъ, чтобы возвысить ихъ въ глазахъ администраціи. Я желаю назвать изъ этихъ медиковъ покойнаго Беккера и горячо рекомендованного имъ мнѣ Боткина, изъ Москвы»¹⁾.

«Я заботился, на сколько могъ, съ пользой распредѣлить сестеръ съ этими подъ моей командой находящимися молодыми врачами, по разнымъ лазаретамъ. Присланныхъ же мнѣ покойной императрицей «сердобольныхъ» я долженъ былъ, по желанію великой княгини, занять совершенно отдѣльно отъ сестеръ. Такимъ образомъ въ городскихъ лазаретахъ дѣйствовали К. А. Хитрово и К. М. Бакунина съ Тарасовымъ, Хлѣбниковымъ и другими врачами. На другой половинѣ симферопольскихъ госпиталей дѣйствовали сердобольныя съ военными медиками. Е. И. Карцеву съ Боткинымъ и еще нѣсколько молодыхъ врачей я занялъ въ баракахъ, лежащихъ въ города. Это былъ лучшій періодъ существованія общины во всей ея исторіи, и я не знаю, пережила ли она позднѣе такой чудный періодъ времени! Только два вопроса озабочивали еще меня и покойную К. А. Хитрово: распредѣленіе сестеръ по разнымъ мѣстностямъ и сопровожденіе транспортовъ больныхъ въ Перекопъ. По желанію великой княгини, мы устроили отдѣленія общины въ госпиталяхъ Перекона (въ овчарняхъ), Херсонъ и Николаева, и отдали ихъ подъ надзоръ Хитрово и избранныхъ ею старшихъ сестеръ. Но, чтобы совершить большой транспортъ (въ ноябрѣ 1855 года), и при невыгодныхъ условіяхъ климатическихъ, я предложилъ Бакуниной принять на себя сопровожденіе и дирекцію онаго, вмѣстѣ съ попеченіемъ о транспортируемыхъ. Я зналъ, что она на сколько возможно съумѣеть облегчить страдальцамъ ихъ горькую участіе. Бакунина безотговорочно приняла мое предложеніе и исполнила его съ полнымъ самопожертвованіемъ. Въ большихъ сапогахъ и въ бараньемъ тулуцѣ она тащилась пѣшкомъ по глубокой грязи (перекопская грязь nota bene) и сопровождала мужицкія телѣги, биткомъ набитыя больными и ранеными; она заботилась на сколько было возможно о страдальцахъ и ночевала съ ними въ грязныхъ, холодныхъ этапныхъ избахъ».

«Старыя злоупотребленія администраціи, однако, не прекрати-

¹⁾ Нынѣ знаменитый Сергій Петровичъ Боткинъ.

лись съ занятіемъ Севастополя. Не доставало множества необходимыхъ предметовъ, въ особенности въ то время, когда зима подошла къ дверямъ и повальная болѣзни (тифъ, возвратная горячка, кровавые поносы). Бараки и госпитали не оказались довольно просторными для принятія всѣхъ заболевшихъ эпидеміей. Множество больныхъ опять было помѣщено подъ холодными госпитальными палатками. Тутъ оказалось также, что новоустроенные бараки и квартиры сестеръ были холодны, сыры и совершенно не имѣли вентиляції. Администрація же, какъ всегда, желала, чтобы мы находили все удовлетворительнымъ, и очень неохотно отпускала намъ дрова, теплые платья и горячія кушанья. Я долженъ былъ неустанно жаловаться, требовать и писать. При этомъ частомъ писаніи мнѣ невозможно было всегда обдумывать слова и выраженія, какія считаются умѣстными въ официальныхъ бумагахъ, и черезъ это нѣсколько разъ выходили непріятности. Нѣкоторыя мои выраженія въ письменныхъ моихъ просьбахъ оказались «несоответственными» или недостаточно вѣжливыми. Особенно обидчивымъ на этотъ счетъ показалъ себя начальникъ госпитальной администраціи г. Остроградскій. Однажды, послѣ неоднократныхъ и напрасныхъ моихъ просьбъ къ нему о томъ, чтобы онъ снабдилъ насъ дровами для отопленія нашихъ ледяныхъ бараковъ и помѣщеній сестеръ, Остроградскій напалъ на одно мое «неприличное выраженіе» въ письмѣ («имѣю честь представить на видъ») и пожаловался на меня князю Горчакову, и вслѣдствіе этой жалобы мы дровъ не получали, но я за то получилъ рѣзкій выговоръ сперва отъ Горчакова, а позднѣе отъ самого Государя.

«Въ декабрѣ 1855 года, я снова отправился въ Петербургъ. Община сестеръ, въ то время состоявшая изъ 10-ти отдѣленій, во время моего отсутствія, перешла подъ попечительство генерала Сакена, но подъ непосредственнымъ надзоромъ К. А. Хитрова. По дорогѣ я заѣхалъ посѣтить госпитали и другія отдѣленія общины въ Перекопъ, Херсонъ и Николаевѣ».

«Всѣ эти хорошия и непріятныя, давно пережитыя мною испытанія въ жизни представляются теперь передо мной, какъ фигуры калейдоскопа, на которыхъ я смотрю сквозь тусклое, почернѣвшее стекло. Когда я теперь вспоминаю, какъ тогдашнія обстоятельства мало способствовали развитію только-что устроенного общества сестеръ и какъ плохо эти обстоятельства соотвѣтствовали выгодамъ этой организаціи, то я чувствую, что въ самомъ дѣлѣ я принужденъ восторгаться отъ тѣхъ добрыхъ результатовъ, которые дало это женское учрежденіе. Результаты эти во всякомъ случаѣ доказываютъ, что до сей поры мы совершенно игнорировали чудныя дарованія нашихъ женщинъ. Эти дарованія ясно доказываютъ, что современный женскій вопросъ и тогда уже былъ въ полномъ правѣ требовать своего *raison*

d'etre. То, что противники благоразумной эмансипациі женщины еще до сего дня утверждаютъ, будто бы велика разница въ организаціи половъ, напримѣръ, меньшій вѣсъ въ мозгу и проч.,—этого нечего братъ во вниманіе, и это никогда не выдержитъ серьёзной критики. Женщина, если она получить надлежащее образованіе и воспитаніе, можетъ также хорошо усвоить себѣ научную, художественную и общественную культурность, какъ и мужчина. При этомъ, главное условіе только то, чтобы женщина всегда сохраняла въ себѣ физіологическую и нравственную женственность и выучилась бы не разставаться съ нею».

«Это, конечно, нелегко, но, однако, возможно, и это именно то, что защитники, какъ и противники женского вопроса, упускаютъ изъ виду. Женщина, съ мужскимъ образованіемъ и даже въ мужскомъ платьѣ, всегда должна оставаться женственной и никогда не пренебрегать развитіемъ лучшихъ дарованій своей женской природы. И я рѣшительно не вижу, почему одинаковое общественное положеніе женщины съ мужчиной можетъ помѣшать такому развитію. Если же меня спросили бы: какое міровоззрѣніе должно служить основаніемъ для учрежденія общини сестеръ въ нашемъ отечествѣ, то я могу дать пока только отрицательные отвѣты. Я могу сказать одно, что старо-католическое и протестантское міровоззрѣнія для настъ, какъ основаніе, негодны. Православныя монахини, или учрежденіе діаконисъ, тоже въ наше время не годятся. Наша церковь не имѣеть никакихъ преданій для подобныхъ учрежденій, и она на столько консервативна и формальна, что не въ силахъ примѣниться къ насущнымъ требованіямъ нового времени. Поэтому, я думаю, что наши учрежденія сестеръ не должны ничего заимствовать у западныхъ, а должны установиться на новыхъ началахъ. Конечно, онѣ не могутъ обойдти безъ известной доли духовной и формальной религіозности, но католическая мистичность и протестантская сухость должны быть имъ чужды».

«Наша сестра милосердія также не должна быть православной монахиней. Она должна быть простая, богопочтительная женщина, съ практическимъ разсудкомъ и съ хорошимъ техническимъ образованіемъ, а притомъ она непремѣнно должна сохранить чувствительное сердце. Но главное условіе для достижения успѣха въ нашихъ подобныхъ учрежденіяхъ должно быть то, чтобы дѣятельность въ женщинахъ была поддерживаема непрестанно. А притомъ положеніе ихъ въ госпиталяхъ должно быть на сколько возможно независимо отъ госпитальной администраціи. Самыя же образованныя сестры, которымъ будетъ поручаемъ надзоръ за общиной, должны быть такъ поставлены, чтобы онѣ могли нравственно влиять на весь персоналъ госпитальный. Если же мы вздумали бы вводить въ нашихъ

общинахъ формально-религіозное направлениe, то непремѣнно случилось бы то же самое, что произошло при введеніи въ общину нѣкой г-жи Вуичъ: мы получимъ женскихъ тартюфовъ, но никакъ не истинно-религіозныхъ сестеръ».

«Вотъ, на сколько могу описать, каковъ идеаль, который я себѣ когда-то составилъ во время моего управлениa общиной въ крымскую кампанию. Увы, я долженъ признаться: «разбитый идеаль, который когда-то живилъ упоенное сердце».

«Теперь прощайте, многоуважаемый другъ. Если вы когданибудь почувствуете усталость отъ суеты при дворѣ и вздумаете путешествовать, ради душевного отдыха, то изберите направлениe юго-западное и дайте мнѣ счастіе видѣть васъ въ моемъ имѣніи и встрѣтить васъ на станціи желѣзной дороги Винница. Я вамъ отдамъ въ полное распоряженіе мой виноградникъ съ франкенталернымъ виноградомъ и мою коллекцію персиковъ и розовыхъ кустовъ, уходомъ за которыми я въ эту минуту ревностно занять».

«Вашъ искренній другъ и поклонникъ

«Н. Пироговъ».

С. Вишня
Винница
1876 г. февр. 27.

Вѣроятно, никто изъ просвѣщенныхъ русскихъ людей не постыдиться на меня, что я до сей поры хранилъ безъ оглашенія вышеупомянутое письмо знаменитаго русскаго мыслителя и умнаго практическаго дѣятеля. Я не хотѣлъ напечатать это письмо безъ времени, или, лучше сказать, безъ особливаго побужденія къ его оглашенію. Если бы я уступилъ нѣкоторымъ желаніямъ и напечаталъ его вслѣдъ за мемуарами, помѣщенными въ «Русской Странѣ», то письмо это могло пройти мало замѣченнымъ и не принесло бы той пользы, которую оно можетъ оказать. Теперь другое время и иные обстоятельства. Теперь это письмо появляется «кстати», именно такъ, какъ этого желала покойная Эдиfa Феодоровна Раденъ. Теперь какъ разъ время напомнить многимъ, какой взглядъ имѣли на призваніе женщинъ великая княгиня Елена Павловна, баронесса Раденъ и Пироговъ,—все лица, еще такъ недавно пользующіяся общимъ уваженіемъ просвѣщенныхъ россиянъ и иностранцевъ. Изъ огромнаго числа почитателей покойной великой княгини Елены Павловны и Пирогова весьма многіе еще живы и притомъ въ числѣ ихъ есть лица, которыхъ нынче находятся въ очень благопріятныхъ условіяхъ для того, чтобы почтить память своей усопшой высокой покровительницы, запечатлѣвъ свою преданность великой княгинѣ вѣрнымъ сохраненіемъ того, что составляло ея благородные идеалы. Во всякомъ случаѣ, нѣть сомнѣнія,

что для всѣхъ лицъ, искалихъ когда либо вниманія великой княгини и пользовавшихся ея благосклонностю, сохраненное мною письмо Пирогова теперь вспомянеть прожитые лучшіе годы жизни и тѣмъ доставить большое удовольствіе.

Для исторіи письмо это должно имѣть цѣну во многихъ отношеніяхъ.

При учрежденіи первой общины сестеръ милосердія, въ обществѣ говорили, что «это дѣло имѣть гораздо болѣе широкія цѣли, а не одну госпитальную помощь больнымъ». Въ учрежденіи женской общины видѣли только начало дальнѣйшихъ дѣлъ въ этомъ родѣ. Ходили очень вѣскіе толки, что такъ на это смотрѣла будто сама покойная великая княгиня, и въ этомъ смыслѣ почитатели ея высочества внушили имѣть большое уваженіе къ тому, что она могла сдѣлать при обстоятельствахъ трудныхъ и неблагопріятныхъ.

Письмо Пирогова теперь открываетъ намъ, что упомянутые слухи не были неосновательны, что они отнюдь не были сочиненіемъ свѣтскихъ вѣстовицъ, а они имѣли для себя дѣйствительное основаніе.

Кромѣ того, письмо это полезно для провѣрки одной стороны тѣхъ положеній, которыми графъ Л. Н. Толстой обезкураживаетъ нашихъ учащихся дѣвицъ и безмужнихъ женщинъ.

Въ лицахъ монахини-смутьянки и невѣжды-монаха Пироговъ даетъ отпоръ положенію графа Толстаго, будто женщину довольно научить только тому одному, что графъ въ нынѣшнемъ его настроеніи почитаетъ вполнѣ достаточнымъ для образованія ума и сердца женщины. (Другія положенія графа о непротивленіи злу не поняты ни его хвалителями, ни его порицателями).

И наконецъ, письмо Пирогова имѣть значеніе для свода литературныхъ счетовъ между романистами шестидесятыхъ годовъ и ихъ тогдашними критиками. Тогда вѣкоторые романисты ярко изображали несчастное увлеченіе нигилизмомъ и производствомъ «метаморфозъ», о которыхъ говорить Пироговъ. Ортодоксальные нигилисты, или нигилистические ортодоксы, дѣйствительно, между прочимъ, всего усерднѣе озабочивались уничтоженіемъ «женственности» и «стрижкою подъ одинъ гребень». Одно время они достигали въ этомъ отношеніи большихъ результатовъ. Художественные писатели Тургеневъ, Писемскій и Гончаровъ, а также и другіе, смотрѣли на это какъ на дурное дѣло, которое и гадко, и не нужно, и способно принести дурные плоды. Предсказывали, что это кривлянье по меньшей мѣрѣ оттолкнетъ симпатіи общества отъ молодыхъ людей, начавшихъ тогда щеголять своею грубостью, невѣремъ и цинизмомъ; а потомъ все это дастъ еще третьему сорту лицъ поводъ возводить глупости на высшую ступень, и черезъ то вредить развитію драгоцѣнныхъ идей, какія одушевляли, напримѣръ, великую княгиню Елену Павловну и окружавшихъ ее лицъ. Кри-

тика же того времени была такъ легкомысленна, что считала всѣ намеки и предостереженія за выдумки романистовъ, и даже за выдумки не безкорыстныя, а «заказанныя» и очень «оплаченныя». По мнѣнію тогдашнихъ критиковъ (изъ коихъ нѣкоторые до сихъ поръ живы и теперь высоко поднимаютъ свои голоса по другому камертону), выходило какъ будто, что все клонилось къ уничтоженію всякихъ различій между поведеніемъ мужскаго и женскаго пола — это было умно и прекрасно, а то, что романисты не представляли этого въ сочувственномъ видѣ, — это было съ ихъ стороны «подлость» и «доносъ на молодое поколѣніе». Изъ всѣхъ занимавшихся тогда критикою не раздѣляли этой глупости только двое: Н. И. Соловьевъ и П. К. Щебальскій. (Оба уже покойники). Остальная критика вся хоромъ внушала читателямъ, что весь вредъ идетъ не отъ безобразныхъ увлеченій нигилизмомъ, чтѣ будто само по себѣ ведетъ къ добру, а что вредъ приносятъ «художники», т. е. «романисты, которые въ своихъ романахъ пишутъ доносы на молодое поколѣніе».

Молодое поколѣніе, бывшее привилегированнымъ сословіемъ тогдашняго времени, такимъ образомъ было сбито съ толку и запутано въ сѣтяхъ этого безчестнаго измышенія гг. критиковъ. Люди до поразительности теряли возможность понимать: кто имъ помогаетъ выйти на честную дорогу и кто имъ вредить. Друзья благонамѣренаго и благоразумнаго прогресса тогда заурядъ казались людямъ врагами, а враги друзьями. И тогда многіе истинно честные писатели за то, что они воздерживали молодежь отъ вредныхъ увлеченій нигилизмомъ были всячески поносимы, шельмуемы и лишаемы добрао имени. Разнуданная грубость и глупость не пощадила ни Тургенева, ни Писемскаго, ни Гончарова. Той же участіи подпали и писатели младшаго возраста и менѣшаго значенія, напримѣръ, Викторъ П. Клюшниковъ, Всевол. Вл. Крестовскій и я. Я подвергался особенно сильнымъ порицаніямъ и даже безъ всякихъ обиняковъ былъ обвиняемъ въ составленіи романа «по заказу правительства»... Смѣшно сказать, но люди въ серьезъ вѣрили, что не упоминай мы о заводѣ нигилизма, все было бы шито икрыто, и не обращало бы на себя ничѣгого вниманія. «Весь русскій нигилизмъ сдѣлали пошлые русскіе романисты», — много разъ провозглашалъ одинъ изъ критиковъ, дѣйствующихъ нынѣ въ иномъ направленіи¹⁾.

¹⁾ Въ числѣ романистовъ, воспроизведившихъ въ своихъ сочиненіяхъ характеры нигилистического пошиба и стремленіе къ «метаморфозѣ женщинъ», слѣдовало бы также назвать О. М. Достоевскаго, Б. М. Маркевича и В. Г. Авѣненко, но эти писатели шли не въ первомъ огнѣ, когда къ нигилизму и «метаморфозѣ» было жутко приступиться, а они писали позже, когда буйство нигилизма стихло, а «метаморфоза» предлагалась въ иной зракъ. Притомъ же изъ трехъ названныхъ писателей только одинъ Федоръ Михайловичъ дѣйствительно

Письмо Н. И. Пирогова показываетъ, что несчастныя увлеченія нигилизмомъ сами бросались въ глаза не только людямъ общаго уровня, но даже и такимъ высокостоявшимъ лицамъ, какъ великая княгиня Елена Павловна. И теперь ясно видно, что эти несчастныя увлеченія останавливали благородныя стремленія великой княгини, которая желала открыть широкій ходъ женскому образованію и примѣненію женскихъ способностей къ общественной дѣятельности въ сферахъ, свойственныхъ ихъ полу. Дѣло дошло до того, что когда первая русская женщина-врачъ, покровительствуемая медицинскою академіею, была назначена въ одно изъ учрежденій, подвѣдомыхъ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, и явилась въ Михайловскій дворецъ, чтобы представиться ея высочеству, то великая княгиня ее не приняла. На истинныхъ друзей женскаго вопроса случай этотъ произвелъ тогда удручающее впечатлѣніе,

зналъ и понималъ настоящихъ нигилистовъ, а остальные два нигдѣ и ни одного раза не обнаружили такого знанія, но часто обнаруживали полное непониманіе. Маркевичъ, напримѣръ, получившій даже славу большаго знатока нигилистической среды, не написалъ о нигилистахъ ни одного вѣрного слова. Онъ такъ мало понималъ въ самомъ нигилизмѣ, что у него все путалось, и онъ принималъ за нигилизмъ всякое проявленіе природной грубости и особенно всякое несогласіе съ идеями, которыхъ самъ онъ вначалѣ не смѣло износилъ на свѣтъ изъ вдохновительныхъ бесѣдъ М. Н. Лонгинова. Превосходная душевная мягкость и терпимость графа Алексѣя Конст. Толстаго тоже представлялась ему за «нигилистическое пристрастіе», за что графъ и посмѣялся надъ нимъ въ шуточномъ стихотвореніи, гдѣ Маркевичъ «вопієтъ: осанна Аксюсъ!». Вообще же, когда описывали нигилистические характеры Достоевскій и Маркевичъ, тогда настоящихъ, «матерыхъ нигилистовъ», въ традиціонныхъ косматыхъ гривахъ вразмѣтъ и въ пестрыхъ попонахъ наопашь, уже не было или, по крайней мѣрѣ, они уже не мозолили глаза съ прежнею бойкостію. Отшумѣвъ и видя свое оскудѣніе, они спѣшили преобразоваться, и мужчины устремились къ хорошимъ мѣстамъ на службу, а женщины изловчались съ кѣмъ нибудь «законъ принять». Многимъ такія старанія удались прекрасно. Въ это время описыванье нигилистическихъ характеровъ для писателя не было уже сопряжено ни съ какими затрудненіями и не угрожало непріятностями. Напротивъ, занятіе этимъ искусствомъ въ эту пору нерѣдко приносило даже и пріятности. Такъ, напримѣръ, Авѣщенко хотя и прошелъ въ тѣни, но за то слабыя мозаїческія путаницы Маркевича просіяли, и точно открывали новый міръ, и ими радовались тѣ самые читатели «большаго свѣта», которые дѣтски дулись на Тургенева и порицали его, вмѣстѣ съ Фед. Ив. Тютчевымъ повторяя язвительные стишкі, сочиненные симъ послѣднимъ на счетъ Тургенева. (См. письмо Тургенева къ Писемскому изъ Баденъ-Бадена, 1867 года). Мой романъ «Некуда» печатался такъ, что я отданъ былъ подъ три цензуры, изъ которыхъ каждая со всеусердіемъ трудилась надъ моими корректурами, а отъ лица управлявшаго тогда судьбами пе-
тии я получалъ приснопамятныя внушенія, которая при точной ихъ передачѣ, современемъ, безъ сомнѣнія, удивлять позднѣйшаго читателя...

Исторія съ нигилизмомъ вообще имѣеть такой видъ: когда литература свое-
временно заносила на бумагу вѣрныя картины того, что въ обществѣ происхо-
дило, то это тогда почитали за дѣло нечестное и вредное и авторовъ шельмо-
вали на всѣ стороны. А когда потомъ то же самое другіе люди стали воспоми-
нать въ пустой слѣдъ или обирать озадки, это показалось за новость и даже
вмѣнено въ особыя заслуги.

Н. Л.

хотя они съ горестью сознавали, что великая княгиня, въ ея положеніи, иначе поступить не могла. Это, разумѣется, не осталось безъ значенія и далѣе: всѣхъ удивило, что великая княгиня, не отказывавшная въ приемѣ ни одному сколько нибудь выдающемуся по дарованіямъ лицу, отказалась принять женщину-врача!.. Случай этотъ, нигдѣ до сихъ поръ не отмѣченный въ печати, въ обществѣ былъ сильно отмѣченъ, и для многихъ онъ имѣлъ значеніе «отбоя», съ него и началось охлажденіе къ заботамъ объ открытіи женщинамъ ученыхъ профессій.

Пусть это навсегда останется хоть позднею, но за то тяжелою укоризною тѣмъ, кто подъ видомъ усердія къ освобожденію женщинъ принесъ имъ наивеличайшій вредъ и уронилъ ихъ дѣло.

Въ заключеніе позволю себѣ сказать то, что слышалъ объ отношеніяхъ великой княгини Елены Павловны къ тому періоду «метаморфозъ», о которыхъ упомянула Н. И. Пироговъ.

— «Выходки, которыя позволяли себѣ нигилистки (говорила мнѣ Эд. О. Раденъ), глубоко огорчали покойную великую княгиню, и даже были для нея причиною непріятностей, очень неудобныхъ въ ея положеніи. Но болѣе всего ее печалило то, что поступки, которыми эти несчастныя такъ старательно бравировали, лишали великую княгиню всякой возможности осуществить самыя ея завѣтныя свои желанія—помочь многостороннему образованію русскихъ женщинъ. Великая княгиня съ одной поры предпочитала молчать, когда она хотѣла бы говорить,—и слушала то, чего не хотѣла бы слышать».

Письмо Пирогова не только подтверждаетъ эти слова баронессы Раденъ, въ справедливости которыхъ, разумѣется, и безъ того не было причины сомнѣваться, но Пироговъ даже указываетъ время, когда увлеченныя нигилистическими вѣяніями женщины сдѣлались для великой княгини «причиною непріятностей, очень неудобныхъ въ ея положеніи». Кто умѣеть понимать вещи, какъ онѣ есть, тотъ долженъ умѣть себѣ представить: какъ такая скорбь должна быть больна для столь благородной, какъ исключительно поставленной женщины, какъ великая княгиня Елена Павловна,—ибо въ извѣстныхъ кругахъ въ Россіи и за границею единодушно вѣрили, что она есть первый инициаторъ и первый благородный проводникъ «женского вопроса» въ Россіи.

Надо вѣрить, что въ недалекомъ будущемъ русскія женщины, конечно, сами поймутъ значеніе заботъ и огорченій великой княгини Елены Павловны, и память ея будетъ почтена самою искренностью ихъ благодарностию.

Теперь всѣ упомянутыя несчастныя увлеченія прошли. «Бѣсы, по замѣчанію Достоевскаго, бросились въ стадо свиное и потопнули». Нигилистический періодъ конченъ, противное «мировоззрѣніе», которое осуждалъ Пироговъ, не существуетъ и «метаморфозы»

болѣе не практикуются. Гр. Л. Толстой справедливо замѣчаетъ, что въ женскихъ обычаяхъ всего сильнѣе теперь бьеть «обнаженіе» и «турнюръ». Но не слѣдуетъ еще забывать, что есть и средина, которой держатся дѣвушки, желающія знаній и не пренебрегающія никакими настоящими достоинствами своего пола. Эти типы составляютъ чистое приобрѣтеніе послѣднихъ лѣтъ и при нихъ совершится нынѣ разборъ ихъ женскаго дѣла. Дай Богъ, чтобы тутъ не восторжествовала «иронія судьбы».

Николай Лѣсковъ.

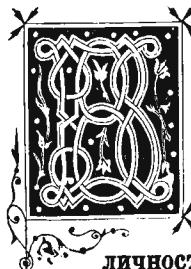

ВОСПОМИНАНИЯ ГРАФА В. А. СОЛОГУБА¹⁾.

VII.

Князь М. С. Воронцовъ. — Его утренніе служебные пріемы. — Анекдотъ о немъ. — Его характеристика. — Докторъ Андреевскій. — Князь Эристовъ. — Личная храбрость Воронцова и его обращеніе съ солдатами. — Княгиня Е. К. Воронцова. — Марья Васильевна Столыпина. — Женитьба молодаго Воронцова. — Тифлісъ пятидесятыхъ годовъ. — Н. А. Ханыковъ. — Рассказъ И. С. Тургенева объ его обѣдѣ съ Жемчужниковымъ въ одномъ изъ лондонскихъ клубовъ. — Приближеніе князя Воронцова. — Тогдашнее тифлісское общество. — Празднество въ Кутаисѣ по случаю приѣзда императора Александра Николаевича. — Стихи, написанные мною по этому случаю, и произведеній ими эффектъ. — Дружеские проводы при моемъ отѣздѣ съ Кавказа. — Воспоминаніе о крымской кампании.

В НАЧАЛѣ 1850 года, я довольно серѣзно заболѣлъ, и доктора совѣтовали мнѣ ѿхать за границу пить богемскія воды; но меня привлекало другое — меня уже давно тянуло на Кавказъ. Мнѣ хотѣлось взглянуть на этотъ, по разсказамъ и описаніямъ, чудный край, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе нами пріобрѣтаемый. Я долженъ сказать, что личность намѣстника кавказскаго, князя Михаила Семено- вича Воронцова, много способствовала этому желанію посѣтить вѣренный его управлению край. Я имѣлъ случай въ Римѣ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, видѣться съ Воронцовымъ впродолженіе цѣлаго мѣсяца почти ежедневно, и могу сказать, что и тогда, и впослѣдствіи, когда служебныя и дружественные отношенія втечение нѣсколькихъ лѣтъ сблизили насъ окончательно, онъ оставилъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Исторический Вѣстникъ», т. XXIV, стр. 552.

во мнѣ навсегда впечатлѣніе одного изъ замѣчательныхъ людей своего времени. Онъ обладалъ въ высшей степени тремя очень рѣдкими между русскими людьми качествами: необыкновенной настойчивостью, непреклонной твердостью убѣжденій и самой утонченной вѣжливостью. Правда, вѣжливость эта подъ часть становилась почти оскорбительна, такъ какъ она безразлично относилаась ко всѣмъ; мнѣ часто случалось присутствовать на служебныхъ приемахъ Воронцова и немало тогда удивляться тому, что онъ съ тою же самой привѣтливой и только чуть-чуть саркастической улыбкой на тонкихъ губахъ подавалъ руку заслуженному генералу съ грудью, увѣшанной звѣздами и орденами, и тутъ же протягивалъ эту руку какому нибудь гречѣнку изъ Таганрога или Одессы, беззаботно торгающему маслинами. Особенно памятнымъ мнѣ представляется слѣдующій случай.

Дѣло было передъ самымъ началомъ крымской кампаниіи. На югъ Россіи, въ Крыму и на Кавказѣ, шныряли разныя неблаговидныя личности — шпіоны, о появлѣніи которыхъ почти ежедневно доносилось Воронцову. Я уже сказалъ, что часто изъ любопытства скорѣе, чѣмъ по службѣ, я присутствовалъ на утреннихъ служебныхъ приемахъ Воронцова и потому въ одно прекрасное утро находился въ приемной залѣ. Едва намѣстникъ вошелъ въ комнату, къ нему съ воплями и восклицаніями на смѣшанномъ полурусскомъ, полуутатарскомъ языкѣ бросился въ ноги, опережая всѣхъ, еще довольно молодой татаринъ, умоляя его о пощадѣ. Жалко было смотрѣть на несчастнаго; страхъ, ужасъ совершенно изуродовали красивыя и довольно тонкія черты его лица; онъ весь трялся какъ въ лихорадкѣ, и посинѣвшія губы такъ пересохли, что онъ едва могъ произносить слова.

— Мм... мм... что такое, мой любезнѣйшій? Да успокойтесь... встаньте... Что такое? въ чемъ дѣло? — съ своей неизмѣнной улыбкой и «протягивая ему руку», спросилъ Воронцовъ.

Татаринъ приподнялся и, все продолжая дрожать и задыхаться, объяснилъ, что его заподозрѣваютъ въ шпіонствѣ. Воронцовъ еще привѣтливо ему улыбнулся и сказалъ, что онъ ему обѣщаетъ сейчасъ же приказать навести справки, чтобы онъ успокоился, что все объяснится къ лучшему для него. Затѣмъ, обойдя кружокъ представлявшихъся ему въ тотъ день военныхъ и просителей, онъ возвратился къ себѣ въ кабинетъ и принялъся за бумаги.

— Ваше сіятельство, что прикажете насчетъ этого татарина? — спросилъ намѣстника дежурный адъютантъ, присутствовавший при вышеописанной сценѣ.

— А, этотъ татаринъ?.. Онъ очень вредный, по докладамъ, шпіонъ... поступить съ нимъ по обыкновенію, повѣсить его... — все не переставая улыбаться, возразилъ Воронцовъ.

Чѣмъ объяснить это вѣчно улыбающееся самообладаніе? Пре-

зрительностью ли большого барина, считающего, что все, что его окружает, ниже его, и потому равно относящагося ко всѣмъ? Но Воронцовъ былъ слишкомъ уменъ и человѣченъ, чтобы поддаваться близорукой спѣси, свойственной ограниченнымъ людямъ знатнаго происхожденія. Я скорѣе полагаю, что имъ руководила высокою государственная задача того, что людьми управлять даже тогда, когда ихъ приходится вѣшать,—слѣдуетъ, не запугивая ихъ. На характерѣ Воронцова его воспитаніе въ Англіи оставило слѣды неизгладимые. Онъ олицетворялъ собою методичность во всемъ и любилъ, почти требовалъ, чтобы всѣ, его окружающіе, ей подчинялись. Въ Одессѣ, Тифлисѣ, Боржомѣ, Алупкѣ, Петербургѣ и за границей, онъ вставалъ, работалъ,ѣздила верхомъ и обѣдалъ въ одни и тѣ же часы. Даже анекдоты за картами онъ разсказывалъ одни и тѣ же, и всѣ съ учтивой улыбкой въ сотый разъ ихъ выслушивали, до того онъ умѣль въ средѣ своихъ приближенныхъ вселить чувствоуваженія и привязанности. Любимой игрой его была теперь уже всѣми забытая игра въ ломберъ (*«l'ombre»*). Воронцовъ самъ приглашалъ изъ среды своихъ гостей лицъ, съ которыми желалъ играть въ карты въ тотъ вечеръ. Въ первое время пребыванія моего въ Тифлисѣ, я каждый вечеръ составлялъ партію Воронцова, но однажды, прискучившись торжественностю игры и одними и тѣми же рассказываемыми старикомъ-намѣстникомъ анекдотами, я нѣсколько раздраженно стала кидать свои карты. Воронцовъ тотчасъ это замѣтилъ.

— Любезный графъ, — обратился онъ ко мнѣ съ своей неизмѣнной улыбкой, спокойно складывая на столъ свои карты:— если вамъ скучно играть съ нами, зачѣмъ же вы играете?..

Я смѣялся и стала извиняться; Воронцовъ продолжалъ улыбаться.

Мы, какъ ни въ чемъ не бывало, докончили партію. Воронцовъ попрежнему остался ко мнѣ привѣтливымъ, но уже никогда болѣе не приглашалъ меня играть съ собою въ ломберъ. Разъ только я видѣла Воронцова измѣнившимъ своей, можно сказать, безпощадной вѣжливости; онъ оказался впослѣдствіи очень больнымъ. Вотъ какъ это случилось. При Воронцовѣ много лѣтъ находился извѣстный всему Кавказу докторъ Андреевскій. Человѣкъ въ высшей степени грубый, нахальный и даже не безукоризненно честный, онъ, тѣмъ не менѣе, съумѣлъ понравиться Воронцову и въ короткое время пріобрѣлъ надъ нимъ замѣчательное, почти всесильное вліяніе. Странно объяснить себѣ, какъ человѣкъ, совершенно противорѣчившій воронцовскимъ понятіямъ, правилъ, стремленіямъ, привычкамъ, могъ взять надъ нимъ такую силу? Надо сказать, что если личность Андреевскаго грѣшила многимъ, за то докторомъ онъ былъ отличнымъ и диагностомъ замѣчательнымъ, и являлся старому намѣстнику существомъ, отъ которого зависѣла его жизнь или смерть, —

смерть, этотъ неотвязнѣй и ужасающій призракъ старыхъ людей... Этимъ и объясняется для многихъ непостижимое вліяніе Андреевскаго на Воронцова. Итакъ, однажды, за обѣдомъ случилось слѣдующее обстоятельство; надо сказать, что Воронцовъ никогда не завтракалъ и потому за обѣдомъ ёль первыя два-три кушанья не только съ аппетитомъ, но почти съ жадностью. Послѣ супа подали одну изъ тѣхъ превосходныхъ рыбъ, какими славится Кавказъ; Воронцовъ положилъ себѣ на тарелку огромный кусокъ рыбы, съѣлъ все спѣшно и жадно, потомъ, черезъ столъ протягивая къ Андреевскому свою тарелку, на которой лежала часть остава съѣденной имъ порціи, проговорилъ совершенно спокойно:

— Чудесная рыба! Хотите попробовать?

Андреевскій поблѣднѣлъ, но не отъ гнѣва, а отъ испуга; онъ мгновенно понялъ, что такой человѣкъ, какъ Воронцовъ, не могъ быть въ своемъ умѣ для того, чтобы сдѣлать кому бы то ни было подобную невѣжливость. Не желая пугать княгиню Воронцову, съ смущеніемъ глядѣвшую на эту ей непонятную сцену, Андреевскій обернулся къ стоявшему позади его дворецкому и быстрымъ шопотомъ приказалъ ему какъ можно скорѣе подавать обѣдъ, такъ какъ князь очень боленъ. Съ этой минуты Андреевскій не сводилъ съ Воронцова глазъ; стариkъ остался спокоенъ во все время обѣда, но совершенно измѣнился въ лицѣ и почти ничего не говорилъ; отъ стола его уже повели подъ руки, и онъ опасно заболѣлъ, хотя скоро оправился, но уже замѣтно началъ хилѣть.

Въ началѣ крымской кампаниі, чувствуя себя совершенно больнымъ, Воронцовъ сталъ просить государя позволить ему на короткое время оставить свой постъ, чтобы отдохнуть, собраться съ новыми силами. Слухъ объ этомъ скоро разнесся по Тифлису; одинъ изъ старѣйшихъ и заслуженныхъ грузинскихъ генераловъ, князь Эристовъ, въ мундирѣ и орденахъ явился на слѣдующій день на приемъ къ Воронцову.

— Правда это, князь? — гнѣвно вопросилъ онъ главнокомандующаго: — правда это, что ты покидаешь настѣ теперЬ?

— Да... да, любезный князь, — улыбаясь и пожимая ему руки, отвѣтилъ Воронцовъ: — я старъ, боленъ, не надѣюсь на себя... боюсь умереть...

— Ну, такъ и умри, и умри! — закричалъ на него Эристовъ: — и умри! но ты русскій солдатъ и не можешь во время войны оставлять свой постъ!

Воронцовъ былъ дѣйствительно русскимъ солдатомъ, и такимъ, какихъ дай Богъ много! Я отъ роду не встрѣчалъ такой холодной и беззаботной храбрости. Сколько разъ мнѣ случалось видѣть Воронцова въ схваткахъ съ горцами. Всюду впереди, онъ отдавалъ приказанія, шутилъ, улыбался и нюхалъ табакъ, точно у себя въ кабинетѣ. Особенно поразилъ онъ меня однажды, когда послѣ не-

значительной перестрѣлки у насть съ гордами завязалось жаркое дѣло; непріятель нѣсколько разъ окружалъ насть, мы чутъ было не попали въ плѣнъ, потеряли много людей и, наконецъ, подъ вечеръ, изнуренные, грязные, пробывъ цѣлый день подъ градомъ пуль, возвращались въ главную квартиру; по дорогѣ ежеминутно свистѣли пули разсыпавшагося въ кустарникахъ непріятеля. Всѣ, насторожившись, переглядывались и осматривались, одинъ Воронцовъ спокойно щѣхалъ на своей измученной и еле передвигавшей ноги лошади. Надо замѣтить, что ему тогда уже минуло за семьдесятъ лѣтъ, въ тотъ день онъ, какъ и мы, ничего не щѣль, не слѣзаль съ лошади и все время находился на самомъ опасномъ мѣстѣ. Уже совсѣмъ подъѣзжая къ квартирѣ, онъ обернулся, рукой подозвалъ меня къ себѣ, вынулъ изъ кармана табакерку, понюхалъ и съ своей вѣчной улыбкой сказалъ мнѣ:

— А я разскажу Булкѣ (Булкой мы звали мою старшую dochь, Елизавету Владимировну Сабурову, Воронцовъ ее очень любилъ, ей тогда было лѣтъ пять), а я разскажу Булкѣ, въ какой мы нынче съ вами были передрягѣ, любезный графъ!..

Никто лучше Воронцова не зналъ русскаго солдата, никто выше не цѣнилъ его беззавѣтной храбрости, терпѣливой выносливости, вѣры въ провидѣніе и смиренія; но у него была слабость думать, что русскаго солдата нужно постоянно веселить; иногда мы, служащіе при Воронцовѣ, проклинали это убѣжденіе, такъ какъ, послѣ горячаго ли дѣла, или утомительного перехода, едва разоруженные солдаты зажигали костры, чтобы варить кашу, Воронцовъ требовалъ, чтобы пѣсенники начинали пѣть. Вплоть до самой глубокой ночи, пока послѣдній солдатъ, изнуренный трудовымъ днемъ, не засыпалъ, въ лагерѣ раздавались звуки какой нибудь гнусной балалайки, наигрывавшей Ваньку-Таньку, а Воронцовъ у себя въ палаткѣ блаженно улыбался. «Солдатъ тотъ же ребенокъ, его нужно постоянно веселить! — повторялъ онъ: — и потому эти пѣсенники, балалайки — что за чудесная музыка!»...

Жена Воронцова, графиня, потомъ свѣтлѣйшая княгиня Елизавета Кsavерьевна, рожденная графиня Браницкая, приходилась, по своей матери, рожденной Энгельгардтъ, внучатной племянницей князю Потемкину, знаменитому свѣтлѣйшему. Она принесла своему мужу огромное состояніе; Воронцовъ, хотя, самъ по себѣ, былъ чрезвычайно богатъ, но нѣсколько разстроилъ свое состояніе, заплативъ, послѣ 1815 года, болѣе полутора миллиона рублей ассигнаціями долговъ за офицеровъ оккупационнаго корпуса, которымъ онъ командовалъ въ Мобежѣ. Небольшаго роста, тучная, съ чертами нѣсколько крупными и неправильными, княгиня Елизавета Кsavерьевна была, тѣмъ не менѣе, одной изъ привлекательнѣихъ женщинъ своего времени. Все ея существоство было проникнуто такою мягкою, очаровательною, женственною граціей, такою при-

вѣтливостью, такимъ неукоснительнымъ щегольствомъ, что легко себѣ объяснить, какъ такие люди, какъ Пушкинъ, герой 1812 года Раевскій и многіе, многіе другіе, безъ памяти влюблялись въ княгиню Воронцову.

Въ 1852 году, единственный сынъ Воронцовыхъ, Семенъ Михайловичъ, командовавшій въ то время Кабардинскимъ полкомъ, женился на Марѣ Васильевнѣ Столыпиной.

Называя модныхъ петербургскихъ женщинъ сороковыхъ годовъ, я забылъ упомянуть о Марѣ Васильевнѣ Столыпиной; по своей дружбѣ съ великой княгиней Марией Николаевной, она играла видную роль въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ и была олицетвореніемъ того, что въ тѣ времена называлось львицей. Ея нѣсколько мужественная красота была, тѣмъ не менѣе, очень эффектна. Какъ всѣ ея современницы, Марья Васильевна Столыпина подражала графинѣ Александрѣ Кириловнѣ Воронцовой-Дашковой, но не имѣла ни чарующей граціи Воронцовой-Дашковой, ни ея тонкаго ума. Во всей ея особѣ проглядывало что-то топорное и рѣзкое, до того рѣзкое, что невольно, слушая ее, приходилось удивляться, какъ женщина, прожившая весь свой вѣкъ въ большомъ свѣтѣ и принадлежавшая къ нему и по рожденію, и по воспитанію, такъ безцеремонно относилась ко всѣмъ обычаямъ и пріемамъ этого большого свѣта. Женитьба Семена Воронцова на вдовѣ Алексѣя Столыпина, разумѣется, не могла соотвѣтствовать желаніямъ стариковъ Воронцовыхъ. Тѣмъ не менѣе, разъ эта свадьба была рѣшена, князь и княгиня Воронцовы со свойственнымъ имъ обоимъ тактомъ «*ont fait bonne mine à mauvais jeu*» и приняли въ Алупкѣ, гдѣ состоялась эта свадьба, свою будущую невѣстку ласково и родственно. Нельзя сказать, чтобы Марья Васильевна отвѣчала имъ тѣмъ же. Въ отношеніи родителей своего мужа она держалась грубо, подсмѣивалась надъ ихъ будто бы провинціальностью (!) и всячески давала имъ чувствовать, что она русскаго древняго рода, княжна Трубецкая, чуть ли не сдѣлала, по французскому выраженію, «*une mésalliance*», выйдя замужъ за новопожалованнаго князя,—при этомъ совершенно забывая, впрочемъ, что матушка ея была скромно рожденная Вейсъ. На Кавказѣ, куда мы всѣ возвратились послѣ свадьбы, Марья Васильевна устроила свою жизнь совершенно особнякомъ отъ Воронцовыхъ, чтѣ очень огорчало стариковъ. Вместо ихъ патріархального простаго обихода, не смотря на роскошь, ихъ окружающую, въ ея домѣ водворилось вседневное чаепитіе, усиленное куреніе папиросокъ и тотъ фамиліарный и нѣсколько насмѣшилій тонъ, какимъ щеголяютъ нѣкоторыя петербургскія женщины. Тифлісь начала пятидесятыхъ годовъ вовсе не походилъ на Тифлісь теперешній; все въ немъ дышало востокомъ, восточной нѣгой, восточной лѣнью, широкимъ восточнымъ гостепріимствомъ и, грѣха таить нечего, восточной нечистотой. Но такая

чудная природа окружала его, такое лучезарное солнце освещало его самые сокровенные и некрасивые уголки, что въ немъ весело жилось и дышалось легко.

Князь Михаиль Семеновичъ обладалъ драгоценнымъ для государства членъка даромъ окружать себя людьми, если не всегда замѣтными, то способными, трудающимися и добросовѣстными, чтò во времена Николаевскія, когда всякий служащій человѣкъ считалъ казенное имущество чуть ли не собственнымъ достояніемъ, являлось большою рѣдкостью. Я не говорю, разумѣется, о военныхъ людяхъ, которые, за исключениемъ нѣсколькихъ скорбныхъ явлений, всегда представляли собою образцы храбрости и чести, но о чинахъ гражданскихъ, сильно понагревшихъ себѣ руки въ предпослѣднія два царствованія.

Изъ людей, окружавшихъ Воронцова, самымъ замѣтнымъ былъ Николай Андреевичъ Ханыковъ. Человѣкъ ума самого обширного и самого свѣтлаго, первоклассный ориенталистъ и ученый, онъ принесъ своими разслѣдованіями большую пользу нарождающемуся краю и впослѣдствіи пріобрѣлъ своими трудами европейскую извѣстность. Не смотря на свою огромную, нѣсколько слонообразную толщину, Ханыковъ былъ однимъ изъ пріятѣйшихъ собесѣдниковъ, какихъ я встрѣчалъ; онъ обладалъ также рѣдкимъ даромъ рассказывать самыя смѣшныя вещи, сохрания при этомъ самый серьёзный, почти суровый видъ.

Послѣ моей второй женитьбы, я поселился съ женою въ Парижѣ, гдѣ у насъ почти ежедневно къ обѣду или вечеромъ собирался довольно обширный кружокъ русскихъ и иностранцевъ пріятелей. Ханыковъ, Тургеневъ, Григоровичъ, когда онъ бывалъ въ Парижѣ, были нашими усердными завсегдатаями. Однажды, вечеромъ, за чайнымъ столомъ разговоръ, какъ почти всегда, шелъ о Россіи, о ея недугахъ, о ея темныхъ сторонахъ... «Все это такъ,— замѣтилъ Тургеневъ, только что прочитавшій намъ одинъ изъ своихъ прелестѣйшихъ разсказцевъ, долженствовавшій войти въ небольшой томикъ, который онъ намѣревался озаглавить «Стихотворенія въ прозѣ»:—все это такъ, но я повторяю вамъ то, что только что вамъ прочелъ, я не могу отчаяваться о народѣ, который говоритъ на такомъ богатомъ, сильномъ и звучномъ языке!..

— Намъ-то онъ дѣйствительно кажется красивымъ и звучнымъ, Иванъ Сергеевичъ,— спокойно перебилъ Тургенева Ханыковъ:— а подите-ка, иностранное и въ особенности южное ухо онъ рѣжетъ какъ ножомъ. Всякий разъ, какъ при мнѣ рѣчь заходить о звучности нашего языка, вспоминаю я вотъ какое обстоятельство: осенью, лѣтомъ пятнадцать тому назадъ, я находился въ Петербургѣ и, какъ-то часу во второмъ дня, шелъ по одной изъ большихъ улицъ, выходящихъ на Невскій проспектъ; погода по обыкновенію стояла прескверная, и я, закутываясь въ пальто отъ рѣзкаго вѣтра, спѣ-

шиль домой, какъ вдругъ стукъ колесъ экипажа и раздающіеся изъ него крики привлекли мое вниманіе, — я поднялъ голову и увидалъ єдущія мнѣ на встрѣчу извозчики дрожки; на дрожкахъ сидѣлъ господинъ и во все горло, сильно размахивая руками, оралъ: «Четырнадцать! четырнадцать!» Въ господинѣ этомъ я призналъ знакомаго мнѣ итальянца и, заподозрѣвъ какое нибудь недоразумѣніе, подошелъ къ дрожкамъ. Завидѣвъ меня, мой знакомецъ скочилъ съ дрожекъ и бросился ко мнѣ.

— Представьте себѣ, что за негодяй этотъ извозчикъ! — началъ онъ жаловаться мнѣ: — вотъ два часа, что онъ возитъ меня по городу, издѣвается надо мною! Я, какъ вы знаете, ни слова не знаю порусскій, но, къ счастью, сегодня при мнѣ мой коридорный нѣсколько разъ произнесъ слово — четырнадцать; я тотчасъ же догадался, что такое чудовищное созвучіе должно обозначать страшное ругательство и раздосадованный принялъ кричать это слово, а онъ, извозчикъ, — чѣмъ бы вы думали? — смеется и на каждой улицѣ останавливается и указываетъ мнѣ на домъ, и ухмыляется, точно спрашивая меня, тутъ ли дескать?!

Я, разумѣется, тотчасъ же объяснилъ итальянцу, что онъ ошибается, что слово четырнадцать вовсе не обозначаетъ ругательства, а число «quatorze», «quatordici». Онъ, весьма добрый малый, отъ души расхохотался. И мы всѣ, разумѣется, разсмѣялись.

— Все это такъ, — въ свою очередь, замѣтилъ Тургеневъ: — но я, грѣшный человѣкъ, каюсь, что хотя и живу въ Европѣ, и люблю ее, и удивляюсь ей, и сочувствуя, но люблю побаловать себя иногда русскимъ словцомъ. Никогда не забуду я маленькаго происшествія, случившагося со мною по этому поводу въ Лондонѣ. Знакомецъ мой, Жемчужниковъ, пригласилъ меня съ нимъ пообщѣваться. Какъ извѣстно, въ Лондонѣ не только холостяки, но часто и женищіе люди, не имѣя достаточно щегольской обстановки или просто не желая стѣснять свою семью, приглашаютъ своихъ друзей отобѣдать съ ними въ ихъ клубѣ. Итакъ, Жемчужниковъ пригласилъ меня въ одинъ изъ высокотонныхъ клубовъ, где онъ числился членомъ. Въ каждомъ изъ такихъ клубовъ имѣется особая столовая, называемая «столовая для гостей». Въ назначенный часъ, мы оба съ Жемчужниковымъ во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ (иначе насъ бы не впустили, такъ какъ въ этихъ заведеніяхъ, какъ и вообще, впрочемъ, въ Лондонѣ, этикетъ соблюдается самый строгій) усѣлись у небольшаго приготовленного для насъ столика въ «столовой для гостей». Уже съ передней меня обдало холодомъ подавляющей торжественности этого дома. Едва мы съ Жемчужниковымъ усѣлись, какъ вокругъ насъ принялись священнодѣйствовать, — другаго слова я употребить не могу, — три дворецкихъ, гораздо болѣе, разумѣется, походившихъ на членовъ палаты лордовъ, чѣмъ на дворецкихъ.

— Я васъ долженъ предупредить, любезный Иванъ Сергеевичъ,— сказалъ мнѣ Жемчужниковъ, разворачивая свою салфетку: — что вамъ подадутъ обѣдъ дня, я же, увы, буду, какъ всегда, Ѳсть свои бараны котлеты, такъ какъ желудокъ мой уже ничего болѣе варить не можетъ!— Такъ и случилось. Одинъ изъ важныхъ дворецкихъ, безшумно двигаясь на гуттаперчевыхъ подошвахъ своихъ лакированныхъ башмаковъ, внесъ въ столовую серебряную суповую чашу и передалъ ее другому; этотъ другой, въ свою очередь, подалъ ее третьему, и уже этотъ третій — самый важный — поставилъ ее передо мной. Затѣмъ съ тѣмъ же церемониаломъ появилось подъ серебрянымъ колпакомъ серебрянное же блюдо, и нѣть словъ на человѣческомъ языкѣ, чтобы выразить, съ какою торжественностью самый важный дворецкій поставилъ его передъ Жемчужниковымъ и какими-то особенными носовыми звуками произнесъ: «First cotlett».

Жемчужниковъ ткнулъ вилкой въ одинокую котлетку, лежавшую на блюдѣ, и принялъ ее кушать. Затѣмъ мнѣ подали рыбу, а Жемчужникову на второмъ блюдѣ и подъ такимъ же колпакомъ — опять баранью котлеть, и дворецкій такъ же величественно произнесъ: «second cotlett». Я чувствовалъ, что у меня по спинѣ начинаются ходить мурашки; эта роскошная зала, мрачная, не смотря на большое освѣщеніе, эти люди, точно деревянныя тѣни, снующіе вокругъ насъ, весь этотъ обиходъ начиналъ выводить меня изъ терпѣнія. Къ тому же, въ залѣ, кромѣ насъ, обѣдало всего два какихъ-то джентельмена, имѣвшихъ видъ еще болѣе одеревѣнѣлый, если возможно, чѣмъ все наскѣ окружавшее; такъ что, когда послѣ рыбы передо мной появился кровяной ростбифъ, а Жемчужникову опять преподнесли новую котлеть, о которой дворецкій возвѣстилъ: «third cotlett», мною вдругъ обуяло какое-то изступленіе; что есть мои я ударилъ объ столъ кулакомъ и принялъ какъ сумасшедшій кричать: Рѣдька! Тыква! Кобыла! Рѣпа! Баба! Каша! Каша!!

— Иванъ Сергеевичъ? Что съ вами? Что это вы?! — съ испугомъ воскликнулъ Жемчужниковъ.

Онъ подумалъ, что я лишился разсудка.

— Мочи моей нѣть! — отвѣтилъ ему я: — душить меня здѣсь, душить!.. Я долженъ себя русскими словами успокоить!

Я подумалъ, что меня выгонять, но меня не выгнали; только Жемчужникову моя выходка сильно не понравилась, и на оледенѣлыхъ лицахъ слугъ появилось выраженіе какого-то сумрачного удивленія. Джентльмены моего пассажа не замѣтили, они уже молча занимались джиномъ.

Кто близко зналъ Тургенева, его неисчерпаемое добродушіе, его терпѣніе, его безукоризненную благовоспитанность, тотъ не можетъ себѣ вообразить его «бывшій стекла», и мы много всѣ смеялись его разсказу.

Но я, какъ всегда, отвлекся оть Кавказа. Итакъ, при Воронцовѣ, кромѣ Ханыкова, находились два ученые инженера, братья Иваницкіе, изъ которыхъ одного называли «серебряный», а другаго «золотой». Бартоломей, Иванъ Федоровичъ Золотаревъ, Апполонъ Скальковскій, князь Голицынъ, князь Гагаринъ и многіе, многіе другіе—всѣ по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, поощряемыя начальникомъ, понимающимъ дѣло (что, увы, не всегда случается), работали на пользу чуднаго края. Съ своей стороны войско творило чудеса. Мнѣ много разъ случалось уже и говорить, и писать, что если есть въ миรѣ что нибудь выше русскаго солдата, это—солдатъ кавказецъ: какъ онъ весело идетъ на бой, отважно дерется, просто умираетъ! Но при Воронцовѣ, кромѣ этого всегда необычайнаго духа въ русскомъ войскѣ, царила также, если можно такъ выразиться, всеобщая семейственность. Отъ самаго обнищающаго туземца до горделивой княгини, ведущей свой родъ отъ царя Давида, всѣ невольно покорялись воронцовской обаятельности и умѣнію прilаскать и покорить людей. Онъ понималъ руссофиацію не въ грубомъ насилии, а въ ея настоящей силѣ. Общество русское, хотя тогда еще небольшое, было, тѣмъ не менѣе, въ Тифлисѣ избранное; общество туземное, какъ я уже сказалъ выше, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе примыкало къ нему. Въ послѣдній разъ, когда я былъ на Кавказѣ, я не узналъ его. Безъ сомнѣнія, страна во многомъ выиграла. Августѣйшій намѣстникъ великий князь Михаилъ Николаевичъ, стоя такъ близко къ трону, могъ болѣе чѣмъ кто нибудь другой способствовать развитію благосостоянія ввѣреннаго ему управлению края, но той задушевности, того простодушія, того яркаго восточнаго колорита, что было при Воронцовѣ, я уже не нашелъ. Въ краѣ,—я позволю себѣ такъ выразиться,—уже завоюя Петербургомъ. Одна высокопоставленная особа попросила меня написать что нибудь въ ея альбомъ. Съ моей обычной оплошностью и подъ впечатлѣніемъ того, что мнѣ казалось, я настрочилъ слѣдующее четверостишие:

«Не смѣю выразить я въ слухъ,
Но миrъ войны не замѣняеть:
Здѣсь прежде былъ свободы духъ,
Теперь... чиновникомъ воиняетъ»...

Тѣмъ не менѣе я долженъ сказать, что этотъ послѣдній разъ, когда я былъ на Кавказѣ, въ 1871 году, оставилъ во мнѣ воспоминанія неизгладимыя. Въ тотъ годъ государь, въ сопровожденіи своихъ августѣйшихъ сыновей: наслѣдника цесаревича и великаго князя Владимира Александровича, посѣтилъ Кавказъ. Разумѣется, по этому случаю во всемъ краѣ устроивались празднества и увеселенія. Когда я приѣхалъ въ Кутаисъ, жена тамошняго военнаго губернатора, графиня Левашева, рожденная графиня Панина, обратилась ко мнѣ съ просьбою устроить въ Кутаисѣ торжественный

праздникъ въ честь царственнаго гостя. У меня тогодчай же родилась мысль возобновить въ маломъ видѣ то, что я видѣлъ въ Каирѣ въ 1869 году по случаю открытия Суэзскаго канала въ честь императрицы Евгении и императора Франца-Иосифа австрійскаго, придавъ празднику мѣстный колоритъ, джигитовку, лезгинку, русскіе хороводы и т. д. Къ назначенному дню все оказалось готовымъ и обѣщало быть интереснымъ, но проливной дождь, увы, помѣшалъ осуществленію этихъ приготовленій; за то вторая часть праздника, т. е. живыя картины и баль, вполнѣ удалась. Къ этому случаю я, какъ всегда, долженъ былъ написать стихи; мнѣ не удалось прочесть ихъ, какъ предполагалось, государю, въ присутствіи ликующаго народа; но, узнавъ отъ графа А. В. Адлерберга о томъ, что я написалъ стихотвореніе, государь съ своей обычной благосклонностью позвалъ меня въ одну изъ примыкающихъ къ танцовой залѣ гостиныхъ и въ присутствіи двухъ-трехъ приближенныхъ заставилъ меня прочесть стихи. Вотъ они; сколько помнится, они нигдѣ не были напечатаны:

«Съ временемъ, давнимъ давно отжитыхъ,
Преданьемъ Иверской земли,
Отъ нашихъ предковъ знаменитыхъ,
Одно мы слово сберегли;
Въ немъ нашей удали начало,
Преданье счастья и бѣды,
Оно всегда у насъ звучало:
Аллаверды!»...

«Аллаверды—«Господь съ тобою»,
Вотъ слову смыслъ, и съ нимъ не разъ
Готовился отважно къ бою
Войной взволнованный Кавказъ;
Ходили всѣ мы къ схваткамъ новымъ,
Не дожидаясь череды.
Хвала умершимъ... а здоровымъ —
Аллаверды!»

«Когда, досугъ кавказскій тѣша,
Просторъ давая бурдюкамъ,
Въ кружкѣ усердномъ аазрепеша
Гудяеть звонко по рукамъ,
Неугомонно ходить чаша
И вплоть до утренней звѣзды
Несется голосъ Тулумбаша:
Аллаверды!»

«Одной природой мы богаты,
У насъ подъ тѣнью каждой хаты
Есть уголокъ для кунака,
Намъ каждый гость дарованъ Богомъ,

Какой бы ни былъ онъ среды,
Хотя бы въ рубищѣ убогомъ...
Аллаверды! мой другъ, Аллаверды!...

«Но если гость—отецъ державный,—
Земному солицу кто не радъ!—
Подымутся на пиръ заздравный
Эльбрусъ, Казбекъ и Араатъ
И грохнеть дружно всѣмъ Кавказомъ
На всѣ нарѣчья, всѣ лады
Одной душой, единымъ разомъ—
Аллаверды!»

«Ты освѣнилъ насть благодатью,
Дѣтей и женъ ты нашихъ спасъ,
Ты помнилъ и меньшую братью,
Ты къ просвѣщенью двинулъ насть,—
Благословенъ же будь судьбою,
Тобой мы сильны и горды,
Великій царь, Господь съ тобою!
Аллаверды!»

Эти стихи хотя и грѣшили во многомъ по формѣ, но такъ соответствовали существовавшему восторженному настроению въ отношении государя, что въ Тифлисѣ, послѣ повторенія уже на театрѣ представленныхъ въ первый разъ въ Кутаисѣ живыхъ картинъ и даже уже послѣ отѣзда государя, прочтенный въ заключеніи представленія въ присутствіи великаго князя Михаила Николаевича, они доставили мнѣ едва ли не величайшую овацию, какой я былъ героемъ. Безъ сердечной благодарности, безъ трогательного умиленія не могу вспомнить поздравленій искреннихъ моихъ старыхъ сослуживцевъ, моихъ дорогихъ товарищѣй. Надо сказать, что если я всегда беззавѣтно любилъ Кавказъ, мнѣ тамъ отвѣчали такой же дружбой, и я этимъ тѣмъ болѣе дорожилъ, что въ жизни я былъ мало въ этомъ случаѣ избалованъ взаимностью и что часто люди, которыхъ я болѣе всѣхъ любилъ, менѣе другихъ отвѣчали мнѣ тѣмъ же. Въ этомъ 1871 году, за нѣсколько дней до моего отѣзда изъ Тифлиса, мои прежніе сослуживцы—Воронцовы—устроили въ мою честь ужинъ. Ужинъ этотъ отпраздновался, какъ водится вездѣ, и въ особенности на Кавказѣ, самымъ радушнымъ образомъ и съ такою задушевностью, точно мои старые друзья чувствовали, что мы всѣ тамъ собрались вмѣстѣ въ послѣдній разъ. Въ срединѣ ужина старѣйший изъ нашихъ собесѣдниковъ, заслуженный князь Орбеліяни, поднялъ бокаль за мое здоровье, прибавивъ по этому поводу нѣсколько очень лестныхъ для меня словъ.

— Нѣть, друзья мои, нѣть, дорогіе мои товарищи!—отвѣтилъ я, вставая:—ничего я здѣсь не сдѣлалъ; вы счастливѣе меня, вы ра-

ботали для края, вы, если я могу такъ выразиться, «везли въ корню, а я скакаль на пристяжкѣ! Эта шутка была, тѣмъ не менѣе, горькой истиной всей моей жизни. Я имѣлъ слабость всегда воображать, что въ Россіи можно служить, не переставая писать. На дѣлѣ же оказалось, что я не исполнилъ ни того ни другаго. Сораты мои, литераторы, говорили: «Помилуйте, какой же онъ писатель? Онъ царедворецъ, онъ чиновникъ»... Въ то же время мои начальники и сослуживцы не допускали мысли смотрѣть серьезно на человѣка, пишущаго комедіи и повѣстіи.

Зиму Воронцовы проводили, разумѣется, въ Тифлісѣ, на лѣто переселялись въ Боржомъ, осенью проживали въ воздвигнутой княземъ Михаиломъ Семеновичемъ царственной Алупкѣ. За ними всюду слѣдовалъ ихъ маленький дворикъ; но въ Алупкѣ къ обществу кавказскому еще присоединялось нѣсколько одесситовъ: г-жа Полянская, которая, никогда не бывши красивой, исполняла всю свою жизнь роль хорошенькой женщины, ученый южанинъ Мурзакевичъ, сынъ разбогатѣвшаго одесского негоціанта, Григорій Григорьевичъ Маразли, одинъ изъ самыхъ любезныхъ и благовоспитанныхъ людей, какихъ я встрѣчалъ, семейство Фонтонъ, Голицыны и другіе.

Съ первымъ выстрѣломъ крымской войны я перевезъ свою семью обратно въ Россію, а самъ опять возвратился на Кавказъ. Но блестящимъ образомъ начавшаяся кампанія тяжело кончилась для Россіи. Сто разъ, я думаю, въ жизни мнѣ приходилось упомянуть, писавши о крымской войнѣ, и всякий разъ я не могу себя преодолѣть, чтобы не высказать того восторженного впечатленія, какое вселили въ родинѣ неизгладимо на вѣки подвиги кавказской арміи и севастопольскихъ героевъ. Въ 1877 году, я близко видѣлъ войну еще болѣе кровопролитную и еще менѣе нужную. Наши войска, какъ всегда, и тутъ совершили чудеса, мы вышли побѣдителями, но того воспоминанія, отраднаго и гордаго, какое осталось послѣ паденія Севастополя, я не встрѣчалъ ни въ комъ; правда, берлинскій трактатъ этому много содѣйствовалъ, да и «добрый» соѣдѣніи нашъ, Германія, тогда нами не помышлялъ, а, напротивъ, въ насъ заискивалъ.

VIII.

Воцареніе императора Александра Николаевича.—Коронація.—Герцогъ де-Морни.—Поѣзда моя за границу для осмотра иностранныхъ театровъ по порученію министра двора.—Знакомство съ Россіи.—Завтракъ у него.—Г-жа Федоръ Минвель.—Необычайный концертъ.—Свиданіе съ Александромъ Дюма-отцомъ.—Его обѣды и собиравшееся на нихъ общество.—Александръ Дюма-сынъ и его отношенія къ отцу.—Вечера русской княгини.—Жоржъ Зандъ.—Ея связь съ Жюлемъ Сандо.—Фредерикъ Леметръ.—Генрихъ Мюржеръ.—Парижская гризетка того времени—Jardin Bullier.—Эдмондъ Абу.—Принцесса Матильда.—Г-жа Калерджи.—Баденскіе сезоны.—Мейерберъ.—Анекдотъ про Вольтера и Пирона.—Знакомство съ Скрибомъ.—Оберь.—Анекдоты про него.

Съ воцареніемъ императора Александра II точно чѣмъ-то свѣтлымъ повѣяло на Россію. Въ обществѣ и даже въ народѣ стали громко говорить о великихъ преобразованіяхъ, завѣщанныхъ императоромъ Николаемъ своему преемнику. Молодой императоръ въ воображеніи народномъ представлялся полубогомъ, отъ которого ожидались милость и свѣтъ. Коронація ихъ величествъ, императора Александра Николаевича и императрицы Маріи Александровны, состоялась въ Москвѣ 26 августа 1856 года съ обычнымъ церемониаломъ и пышностью. Я долженъ былъ нести на ней двойную службу: придворную, въ качествѣ каммергера, и потомъ на меня была также возложена обязанность описать, какъ исторіографъ, торжество коронаціи. Но семейный трауръ помѣшалъ мнѣ официально присутствовать на церемонії: тестъ мой, графъ Віельгорскій, скончался наканунѣ дня коронаціи. О празднествахъ придворныхъ, данныхъ въ то время въ Москвѣ, трудно сказать что нибудь новое: они, какъ всегда, своимъ великолѣпiemъ и изяществомъ превосходили все, что можетъ себѣ представить воображеніе. Но и чрезвычайные послы, аккредитованные для этого торжества европейскими дворами, соперничали между собою роскошью баснословной. Особенно между ними отличался чрезвычайный посолъ отъ французского двора, побочный братъ императора Наполеона III, герцогъ де-Морни, впрочемъ, кажется, бывшій въ то время еще графомъ. Человѣкъ ума самого обширнаго и самаго тонкаго, обладавшій самой изящной, безукоризненной свѣтскостью, рѣдкимъ самообладаніемъ и мѣрой во всемъ, де-Морни былъ, безъ сомнѣнія, замѣчательнѣйшимъ изъ людей, окружавшихъ императора Наполеона III. Проживая во время изгнанія послѣдняго (извѣстно, что принцъ Людовикъ Наполеонъ, впослѣдствіи императоръ, послѣ двойного неудачнаго восстанія былъ заточенъ въ крѣпость, — изъ которой впрочемъ бѣжалъ, — и изгнанъ изъ Франціи) въ Парижъ, де-Морни съ другими приверженцами принца, Персины, Флѣри и т. д., осторожно подготавлялъ новое возвращеніе принца, состоявшееся въ

1848 году и имѣвшее, какъ извѣстно, самыя блестящія для принца и его друзей послѣдствія. Авантурістъ по слухаю, государственный человѣкъ по призванію, де-Морни во все время, что находился вліятельнѣйшимъ лицомъ наполеоновскаго правительства, служилъ если не всегда добросовѣстно, то всегда усердно своему государю. Никто лучше его не зналъ людскихъ слабостей, никто ловче его ими не пользовался. Во Франціи уже создалось повѣрье, что съ его смертью, послѣдовавшей въ 1864 году, звѣзда царствованія Наполеона III стала блекнуть. Его посольство на коронаціи императора Александра Николаевича имѣло также большое вліяніе и на его судьбу; такъ вскорѣ послѣ коронаціи онъ женился на русской княжнѣ Трубецкой, родной племянницѣ княгини Маріи Васильевны Воронцовой.

По окончаніи коронаціи, министръ императорскаго двора графъ Владиміръ Федоровичъ Адлербергъ, желая ввести нѣкоторыя измѣненія и реформы въ управление императорскихъ театровъ, возложилъ на меня порученіе осмотрѣть и ознакомиться съ управлѣніями большихъ иностранныхъ театровъ въ Вѣнѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и Парижѣ. Я сперва отправился въ Парижъ и, прежде чѣмъ начать изучать театральное управление, рѣшилъ, что сперва мнѣ нужно познакомиться съ главными въ нихъ дѣятелями, т. е. драматическими писателями и композиторами. A tout seigneur tout honneur — я началъ съ Россини. Уже того было достаточно, что я — зять графа Вельгорскаго, съ которымъ Россини вprodолженіе всей жизни находился въ особенной дружбѣ, чтобы онъ меня принялъ, что называется, съ распостертыми объятіями. Меня совершенно очаровалъ его блестящій умъ и рѣдкая въ такомъ старикѣ, нѣсколько подтрунивающая надъ всѣми, веселость; память его тогда замѣчательно сохранилась.

— Любезный графъ, — обратился ко мнѣ Россини, когда я, пропидѣвъ около часа, всталъ и началъ съ нимъ прощаться: — скажите мнѣ, любите ли вы макароны?

— Да, очень люблю, — отвѣтилъ я, нѣсколько озадаченный этими вопросомъ «à brûle pou�point».

— Ну, такъ пріѣзжайте завтра со мною пообѣдать; я васъ поподчую такими макаронами, какихъ вы отъ роду не ъдали; я приготовляю ихъ самъ, и потомъ вы послушаете пѣніе такой пѣвицы, какихъ болѣе нѣть въ Европѣ!..

Я, разумѣется, съ благодарностью принялъ приглашеніе и съ нетерпѣніемъ сталъ дожидаться будущаго вечера. Если мысль покушать макаронъ, приправленныхъ знаменитой рукой, начертавшей бессмертныя страницы «Вильгельма Теля» и «Севильскаго цирюльника», льстила моему самолюбію, любопытство мое было сильно затронуто обѣщаніемъ маэстро дать мнѣ возможность послушать пѣніе какой-то невѣдомой мною пѣвицы. За нѣсколько минутъ до

назначенаго мнѣ хозяиномъ часа, я звонилъ уже у его крыльца. Я нашелъ Россини, какъ и наканунѣ, живымъ, любезнымъ, улыбающимся. На немъ былъ надѣть просторный черный фракъ, а шею его плотно обхватывалъ старомодный бѣлый жабо съ огромнымъ бантомъ. Лицомъ, походкой, ростомъ, онъ необыкновенно походилъ на моего тестя — своего друга, графа Вельгорского; даже его рыжеватый парикъ казался мнѣ точно снятымъ съ головы Вельгорского. Поздоровавшись со мною, Россини подвелъ меня къ дивану, съ котораго навстрѣчу мнѣ привстало самое фантастическое существо. То была старушка лѣтъ за семьдесятъ, въ розовомъ шелковомъ платьѣ и съ букетомъ свѣжихъ розъ, приколотыхъ къ ея полуобнаженной, шафраннаго цвета, совершенно высохшей груди. Съ своимъ сильно набѣленнымъ и нарумяненнымъ лицомъ, густо наведенными сурьмою бровями и сѣдыми въ крутые завитки причесанными волосами, старушка необычайно походила на ста-ринную саксонскую или северскую статуетку.

— Madame Fedor Minvielle! — торжественно провозгласилъ Россини почтительно наклоняя голову передъ старушкой: — c'est tout dire n'est ce pas?

Я поклонился, согнулся, уничтожился, но, грѣха таить нечего, сильно разочаровался...

Я зналъ, что г-жа Федоръ Минвель была знаменитѣйшею европейской пѣвицей, но... въ началѣ нынѣшняго столѣтія, чуть ли даже не въ концѣ прошлаго! Я съ ужасомъ себя мысленно спросилъ, неужели эта старая развалина станетъ пѣть?.. Сначала мы пообѣдали и пообѣдали прекрасно, макароны оказались дѣйствительно восхитительными, и Россини съ большимъ удовольствиемъ выслушивалъ мои искреннія похвалы; въ эту минуту, я увѣренъ, онъ гораздо болѣе гордился удавшимся имъ самимъ сваренымъ блюдомъ, чѣмъ увертюрой оперы «Семирамиды». Кофе мы пили въ гостинной, но курить г-жа Федоръ мнѣ не разрѣшила; по старой памяти, она терпѣть не могла табачнаго дыма. Но пріятнымъ разговоромъ мы послѣ обѣда занимались недолго; Россини всталъ и, весело подмигнувъ устарѣлой пѣвицѣ, промолвилъ:

— Eh bien, ma petite, au piano!

Надо замѣтить, что, не смотря на то, что г-жа Федоръ Минвель была чуть ли не старше самого Россини годами, онъ говорилъ ей «ты» и обращался съ нею какъ съ молоденькой дѣвочкой. Розовая развалина жеманно встала и подошла къ роялю.

— Du Cherubini n'est ce pas? — какъ-то сообщнически ей кивая, вопросилъ ее престарѣлый маэстро.

— Mais non, mais non, ваше что нибудь, ваше, — любезно отвѣтала пѣвица, обмахиваясь вѣромъ.

Но Россини таки настоялъ на своемъ и проигралъ ритурнель юной изъ извѣстѣйшихъ Шерюбиніевскихъ арій. Я усѣлся въ

кресло противъ рояля и не сводилъ глазъ съ нихъ обоихъ все время, что она пѣла. Пѣніемъ собственно нельзя и назвать тѣ звуки, чѣдь она, силясь, издавала, а скорѣе дребезжаніемъ разбитой арфы, хотя метода пѣть, не смотря на карикатурность пріемовъ, осталась замѣчательной. Глядя на эти два существа съ такимъ лучезарнымъ прошедшимъ, онъ — воплощеніе геніального творчества, она — покорявшая всѣхъ силой своего громаднаго таланта, мнѣ становилась и страшно, и смѣшино, но въ особенности умилиительно. Какая беззавѣтная любовь къ искусству въ этихъ людяхъ! Стоило только затронуть эту струну, дрожавшую въ нихъ такъ звонко всю жизнь, или, скорѣе, бывшей настоящей жизнью ихъ жизни, и они точно перерождались, молодѣли и почтительнѣ, и любовно служили ей.

Я не могъ отвести глазъ отъ одеревенѣлыхъ пальцевъ Россини, который старательно выдѣльвалъ на клавишахъ трудный аккомпанементъ. Съ своей стороны, г-жа Fédor прилагала всѣ свои силы, не прощая себѣ ни одной трели, ни одной фіоритуры. И они дѣлали все это вовсе не для меня, совершенно чуждаго имъ человѣка, а потому, что въ плоть и кровь имъ вошла любовь къ искусству, уваженіе и обожаніе къ нему. Изрѣдка Россини прерывалъ устарѣлую пѣвицу воскликаніями: «*très bien, ma petite! divinement rendue cette delicienne phrase! quelle grâce charmante, quelle morbidezza! est-il enlevé ce la bémol?*» Я поздно уѣхалъ отъ знаменитаго маэстро и на жизнь вынесъ отъ проведенного тамъ вечера неизгладимое впечатлѣніе.

На слѣдующій послѣ того день, я пошелъ къ Александру Дюмѣ (отцу). Впродолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ Дюмѣ возбуждалъ не только въ своей родинѣ, во Франціи, но и во всей Европѣ всеобщее любопытство и удивленіе, во-первыхъ, своими сочиненіями, бывшими въ необыкновенной модѣ, во-вторыхъ, своимъ блестательнымъ остроуміемъ, оригинальными выходками, безумными издержками и въ особенности своей неистощимой добротой. Годами онъ жилъ окруженный неслыханной, чисто восточной роскошью и съ этимъ вмѣстѣ часто не имѣлъ двадцати франковъ у себя въ карманѣ.

Въ то время онъ проживалъ въ своемъ домѣ, Rue Amsterdam, но чуть ли не наканунѣ кредиторы вынесли изъ него всю мебель. На мой звонокъ у крыльца мнѣ отворила служанка и ввела меня въ совершенно пустую переднюю. Освѣдомившись, дома ли Дюмѣ, я себя назвалъ и попросилъ служанку доложить обо мнѣ писателю.

— Вздите, любезный графъ, — закричалъ съ верху лѣстницы звучный, густой голосъ: — мнѣ такъ много наговорили о васъ дурнаго, что я уже заранѣе васъ полюбилъ. (*Entrez, mon cher comte, on m'a dit tant de mal de vous que je vous aime dѣj !*).

Я поднялся по красивой, но довольно дурно выметенной лѣст-

4*

ницъ на второй этажъ. Вбитые на стѣнѣ и вокругъ оконъ крупные гвозди свидѣтельствовали объ украшавшихъ передъ тѣмъ помѣщеніе картинахъ и занавѣскахъ. Навстрѣчу мнѣ изъ комнаты, служившей ему кабинетомъ, вышелъ Дюмѣ. Весь его костюмъ состоялъ изъ длинной ночной бѣлой холстяной рубахи съ широко прорѣзаннымъ воротомъ, носковъ и вышитыхъ гарусомъ туфель. Онъ дружелюбно меня привѣтствовалъ и усадилъ въ одно изъ четырехъ уцѣлѣвшихъ креселъ, украшавшихъ его кабинетъ, а самъ сѣлъ на свое мѣсто у письменного стола, заваленаго кипою исписанныхъ особенно большаго формата бѣлыхъ листовъ. Мы разговарились. Дюмѣ замѣчательно говорилъ и въ особенности рассказывалъ. Наружность его совершенно соотвѣтствовала и его таланту, и его нраву. Ростомъ очень высокій, довольно тучный, съ толстой бычачьей шеей, лицо его неправильное и некрасивое, съ крупными и нѣсколько плоскими чертами, было, тѣмъ не менѣе, особенно привлекательно. Небольшіе глаза искрились тонкимъ остроумiemъ, но... глубины въ нихъ искать не слѣдовало. Такъ какъ у насъ было много общихъ интересовъ, множество общихъ знакомыхъ, и даже характерами мы во многомъ сходились съ Дюмѣ, то мы скоро подружились и стали видѣться очень часто. Дюмѣ очень любилъ принимать и въ особенности задавать хорошиe обѣды. Иногда эти обѣды давались въ самой роскошной обстановкѣ, иногда случалось и такъ, что одному изъ гостей не доставало стула, но бѣлье столовое, серебро, посуда, стекло отличались безукоризненностью. Дюмѣ очень гордился своимъ умѣniемъ превосходно приготавлять разныя тонкія кушанья и почти за каждымъ изъ такихъ обѣдовъ подавались два-три блюда, изготовленныя самимъ хозяиномъ. Гости къ къ этимъ кухоннымъ торжествамъ собирались самые разношерстные; добродушіе и гостепріимство Дюма вошли въ пословицу, но надо также признаться, что къ этимъ качествамъ его примѣшивалась такая беззаботность и нравственная неряшливость, что въ домѣ у него въ сообществѣ съ людьми самыми знаменитыми и самыми почтенными случалось почти всегда встрѣтить личностей очень темныхъ и недоброкачественныхъ. Такъ, напримѣръ, рядомъ съ однимъ изъ такихъ талантливыхъ и остроумѣйшихъ французскихъ писателей того времени, какъ Генрихомъ Монье (Henri Monnies), создавшимъ бессмертный типъ «Приюдомма», можно было улицезрѣть начинавшаго въ это время свою карьеру весьма гаденькаго жиленка Альберта Вольфа; правда, теперь онъ оперился и даже очень, но тогда выглядывалъ очень мизерно. Часто сидящимъ подлѣ прелестнѣйшаго поэта Генриха Мюржера, автора известной комедіи «La vie de Bohème», случалось видѣть какого нибудь прогорѣвшаго биржевика съ грязнымъ прошедшими и темноватымъ будущимъ; тутъ вертѣлись и разныя искательницы приключений, и устарѣлые провинциальные актрисы, хотя тутъ появлялись также и талантливые

писательницы и даже свѣтскія женщины, интересующіяся на «это все» посмотретьъ. Тѣмъ не менѣе, эти сбороища являлись въ высшей степени интересными; точно ракеты вспыхивали остроумныя замѣчанія, колкія словечки, веселыя шутки, но и также тонкія наблюденія, глубокое знаніе жизни и строгая оцѣнка искусства. Сынъ Дюма, Alexandre Dumas-fils, уже съ своей стороны заслужилъ тогда извѣстность своимъ романомъ «La Dame aux camélias», надѣлавшимъ въ свое время много шума. Наружностью онъ много напоминалъ отца, но нравственно ни въ чемъ не походилъ на него. Сдержаный до скрытности, осторожный и серьёзный, онъ рано понялъ, что въ наше время ловко поднесенная публикѣ литература является отличнымъ способомъ наживать большія деньги. Къ отцу своему въ то время, что я его зналъ, онъ относился почти-что враждебно: онъ не могъ ему простить, во-первыхъ, нажитые и прожитые имъ миллионы, во-вторыхъ, незаконность своего рожденія, хотя отецъ усыновилъ его еще съ его дѣтства. Онъ холодно обращался съ лизоблюдами отца, насмѣшило отзывался обо всемъ его обиходѣ, чтѣ не мѣшало ему, однако, просиживая у отца, постоянно имѣть маленькую книжечку въ карманѣ, въ которую онъ тщательно вписывалъ каждое мѣткое слово, каждое удачное замѣчаніе.

Съ своей стороны, напротивъ, Дюма очень любилъ своего сына и только иногда, увлекаясь своей привычкой острить, подшучивалъ и надъ сыномъ. Самъ сынъ его мнѣ разказывалъ, что, идучи однажды по улицѣ съ отцомъ, онъ напомнилъ ему, что они забыли побывать съ нимъ у нотаріуса по одному очень нужному дѣлу.

— C'est vrai, comme nous sommes bêtes! (Это правда, какъ мы глупы!), — воскликнулъ Дюма.

— Parlez en singulier! (Говорите въ единственномъ числѣ!), — замѣтилъ ему сынъ.

— C'est vrai, comme «tu es bête!» (Это правда, какъ ты глупъ!).

Въ то время Дюма-сынъ былъ высокій, статный юноша, самоувѣренный и смѣлый. Какъ и отецъ его, онъ пользовался большими успѣхами у женщинъ, съ тою только разницей, что отецъ, съ свойственной ему невоздержностью языка, всѣмъ разказывалъ о своихъ «побѣдахъ», сынъ довольствовался только компрометировать отличавшихъ его дамъ, но никогда не говорилъ о своихъ успѣхахъ. Наши прелестныя соотечественницы, россійскія дамы, особенно благоволили къ обоимъ Дюма. Въ то время, когда я познакомился съ Дюма, онъ усердно посѣщалъ салонъ одной русской княгини и, какъ кажется, пользовался ея благорасположеніемъ вполнѣ. Дама эта имѣла слабость, впрочемъ, привычную многимъ русскимъ барынямъ, проживающимъ за границей, собирать у себя разнаго рода знаменитостей; правда, какъ это часто случается, между этими знаменитостями часто попадались люди, вовсе не заслуживающіе этого величанія, и вообще сбороища эти носили какой-то смѣшан-

ный отпечатокъ литературно-художественно-свѣтскій, утомительно отзываившійся на присутствующихъ. Я, грѣха таить нечего, чрезвычайно тяготился этими вечерами и, хотя съиздавна, еще съ Петербурга, находился въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ хозяйкой, избѣгалъ посѣщать ихъ; но иногда, всетаки, приходилось туда появляться на часъ-другой. Однажды, мы условились съ Дюмѣ туда отправиться, но передъ самымъ вечеромъ у меня сильно разболѣлась голова, и я, написавъ княгинѣ записку, наполненную извиненіями и сожалѣніями, улегся въ постель и принялъ читать только-что появившійся тогда едва ли не лучшій романъ Edmond'a About «Germaine». Какъ всегда, я увлекся чтеніемъ, и было уже сильно за полночь, какъ въ передней у меня раздался неожиданно звонокъ.

Человѣкъ мой поспѣшилъ отворить, и тотчасъ же, безъ доклада, въ комнату ко мнѣ явился Дюмѣ, во фракѣ, бѣломъ галстукѣ и съ бѣлой гвоздикой въ бутоньеркѣ фрака.

— Eh bien? il paraît que vous êtes malade? j'ai vu de la lumi re à vos fenêtres et je suis mont . Je viens vous demander un verre de votre divin K mmel!

— Mais certainement, mon cher Dumas,— отвѣтилъ я и приказалъ своему человѣку подать рюмку и бутылку Eau 00.

— Ну, какъ же вы провели вашъ вечеръ?—спросилъ я талантливаго писателя, въ то время, какъ онъ почтительно подносилъ къ своимъ губамъ рюмку оставайского напитка.

— Ma foi, mon cher comte,— отвѣтилъ онъ мнѣ со своимъ обычнымъ добродушіемъ:—si je n'y avais pas  t , je m'y serai bien ennuie!

Нѣсколько дней послѣ этого я отправился, утромъ, часовъ въ одиннадцать, къ Дюмѣ, съ цѣлью потащить его съ собою позавтрапать въ Maison D'or у Вердіе. Поднимаясь на его лѣстницѣ, я по-встрѣчалъ уже немолодую женщину, просто и даже небрежно одѣтую въ темное платье и длинный старомодный плащъ. Ея глаза, все лицо, необыкновенно выразительное и странное, поразили меня, точно припомнили что-то видѣвшее уже мною, знакомое...

— Кто эта дама, чтѣ только-что вышла отъ вѣсъ?— спросилъ я Дюмѣ, входя въ его кабинетъ.

— Это Жоржъ Зандъ, да развѣ вы ее не знаете?— отвѣтилъ мнѣ Дюмѣ.

— Жоржъ Зандъ!— вскрикнулъ я:—ахъ, пошлите за ней, верните ее, побѣжимте за ней, я хочу ее видѣть, познакомиться съ нею!..

— Полноте, чего вы испугались?— съ спокойной улыбкой прерваль мои восклицанія Дюмѣ:— она такая же баба, какъ и всѣ остальные.

— Какъ, Дюмѣ, вы, такой артистъ, какъ вы, можете такъ не-

брежно говорить о такой талантливой и замѣчательной женщинѣ?— съ негодованіемъ воскликнулъ я.

— Талантливая женщина, безъ сомнѣнія,— сказалъ Дюмѣ: — но по характеру и привычкамъ и возврѣніямъ, всетаки, баба! Да вы еще сто разъ успѣете съ нею познакомиться, она сейчасъ уѣзжаетъ къ себѣ въ замокъ, въ Nohant.

Но это былъ единственный разъ, что мнѣ случилось видѣть гениальную писательницу, и уже никогда болѣе мнѣ не удалось съ нею встрѣтиться. Дюмѣ-отецъ, правда недолго, какъ и Флоберъ, пользовался благосклонностью знаменитой писательницы, но эти «вспышки» не оставили въ жизни обоихъ ихъ того глубокаго, неизгладимаго впечатлѣнія, какое имѣла связь съ нею на жизнь Жюля Сандо и въ особенности Шопена и Альфреда Миоссѣ. Нѣсколько разъ мнѣ приходилось отъ людей, близко знавшихъ Миоссѣ, слышать, что онъ никогда не могъ уйтъшиться отъ измѣны Жоржъ Зандъ.

Между Миоссѣ и Жоржъ Зандъ впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ продолжалась переписка, неопѣнимое литературное сокровище, еще заживо отданное Жоржъ Зандомъ Александру Дюмѣ-сыну, котораго она матерински любила. Сколько мнѣ известно, Дюмѣ-сынъ при жизни своей не напечатаетъ этихъ писемъ, отданныхъ ему, однако, Жоржъ Зандомъ въ полную собственность и за которыя, безъ сомнѣнія, парижскіе издатели заплатили бы сумасшедшія деньги.

Я слышалъ также, что много лѣтъ послѣ происшедшаго между ними разрыва Жоржъ Зандъ и Жюль Сандѣ встрѣтились въ приемной одного изъ многочисленныхъ министровъ изящныхъ искусствъ, перебывавшихъ за послѣднія 25 лѣтъ во Франціи. Они просидѣли около часа почти бокъ-о-бокъ и... не узнали другъ друга!..

— Кто этотъ старикъ, котораго пропустили прежде меня къ министру?— недовольнымъ голосомъ спросила Жоржъ Зандъ «huissier».

— C'est M-r Jules Sandeau de l'Academie Fran aise,— отвѣтилъ тотъ ей.

— Ah!— равнодушно замѣтила она:— il a bien vieilli!..

— Кто эта старуха, чтѣ сидѣла подлѣ меня?— въ свою очередь, спросилъ Сандѣ.

— C'est M-me George Sand,— почтительно отвѣтилъ ему «huissier».

Мнѣ говорили также, что они встрѣтились у Camille'я Doucet и что тотъ, позабывъ о ихъ въ свое время надѣлавшей много шума связи или желая подать видъ, что онъ ничего не знаетъ объ этомъ, представилъ ихъ другъ другу.

— Мы уже знакомы съиздавна, — равнодушно проговорила Жоржъ Зандъ, протягивая руку своему бывшему любовнику.

— Да,— отвѣтилъ также Сандо:— но мы давно не встрѣчались!..

Почти каждую недѣлью я обѣдалъ или у Дюмѣ, или съ нимъ вдвоемъ въ Maison Dorée у извѣстнаго и всѣми русскими любимаго Ведріе. Тамъ къ намъ присоединялись иногда неособенно талантливый, но очень остроумный и любезный французскій писатель Monseles, Xavier Marmier, теперь, впрочемъ уже давно, членъ французской академіи, составившій себѣ извѣстность переводамъ «Сѣверныхъ повѣстей», «Contes du Nord», въ томъ числѣ и моихъ «Исторія двухъ калошъ», «Аптекарша» и др. Иногда, но уже на улицѣ, когда мы у Тортони, послѣ плотнаго обѣда, усаживались на такъ называемой «терассѣ» пить кофе, къ намъ присоединялся знаменитый французскій актеръ Фредерикъ Леметръ; тогда, т. е. въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, онъ еще былъ во всей своей славѣ, хотя уже былъ далеко не молодъ и, кроме того, имѣлъ привычку, правда, свойственную многимъ талантливымъ актерамъ, напиваться. Онъ представлялъ собою, не смотря на дѣйствительно громадный талантъ, и ту особенную способность увлекать до восторга, до неистовства, если можно такъ выразиться, что дается не многимъ артистамъ,—воплощеніе типа, что французы называютъ «ин Cabotin». Самонадѣянный, хвастливый, вѣчно говорящій о себѣ самомъ, задорный и капризный, онъ какъ собесѣдникъ былъ невыносимъ, но, разъ на сценѣ, онъ дѣйствительно перерождался. Конечно, теперь метода играть драмы и комедіи во многомъ измѣнилась и упростилась и, конечно, къ лучшему, но я не встрѣчалъ такого благородства приемовъ, такого драматизма въ выраженіи лица, такой изысканности въ движеніяхъ. Я уже сказалъ, что оба Дюмѣ любили женщины, и долженъ прибавить, что, благодаря существующему во всемъ ихъ обиходѣ «цыганству», случалось часто, что «пассія» отца переходила потомъ во владѣніе сына, что дѣжалось не только завѣдомо для Дюмѣ-отца, но даже согласно его совѣтамъ и желаніямъ. Дюмѣ также терпѣть не могъ надѣватъ новыхъ сапогъ, и сынъ его обязывался первые два, три раза обувать вновь сшины сапоги.

— Послушай, однако, — съ неудовольствіемъ замѣтилъ отцу Дюма-сынъ:—мнѣ надоѣло разнашивать твои новые сапоги и ублажать твоихъ старыхъ любовницъ!

— Какой ты дуракъ!—смѣясь, отвѣтилъ ему Дюмѣ:—это только доказываетъ, что нога у тебя гораздо меныше моей, а сложеніе крѣпче..

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ выразился иначе, но «настоящія» слова его неблагоупотребительны для печати. У Дюма я познакомился и позднѣе, т. е. въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, близко сошелся съ однимъ изъ прелестнѣйшихъ по характеру и таланту людей, какихъ я встрѣчалъ,—съ Генрихомъ Мюржеромъ, Henri Murgger. Сынъ привратника concierge'a одной изъ небольшихъ улицъ старого Парижа, онъ и по натурѣ своей, чувствованіямъ и инстин-

кактамъ, являлся едва ли не величайшимъ аристократомъ, какого я видѣлъ въ моей уже долгой жизни. Онъ точно носиль въ себѣ какой-то неземной идеаль, какое-то непобѣдимое стремленіе ко всему высокому и великому. Всю жизнь свою онъ горько терпѣлъ отъ бѣдности, а между тѣмъ точно рожденъ былъ для самой баснословной роскоши.

Впродолженіе болѣе полугода я приглашалъ его съ собою ужинать у Вердіе, и, каюсь, вовсе не потому, чтобы оказать ему нѣкотораго рода услугу, а потому, что бесѣда съ нимъ мнѣ всегда являлась особенно привлекательной; я зналъ, что онъ почти ежедневно обѣдаешь у одного молочника въ Латинскомъ кварталѣ и не избалованъ ъдой, а между тѣмъ, когда мы усаживались за одинъ изъ столовъ раззолоченныхъ по «всѣмъ швамъ» залъ Maison Dor  e, заказывая ужинъ, я всегда стѣснялся, не находя никогда ничего достойнаго быть поданнымъ Мюржеру... Многіе скептики, конечно, почтутъ это мое чувство глупостью, но люди съ сердцемъ и воображеніемъ, которымъ случалось бывать въ такомъ положеніи, поймутъ меня... Въ женщинахъ этотъ врожденный аристократизмъ гораздо чаще встрѣчается; среди мужчинъ онъ очень рѣдокъ, и мнѣ много разъ, въ особенности на родинѣ, случалось встрѣчать людей, дослужившихся и стоявшихъ іерархически очень высоко, но которымъ такъ и хотѣлось сказать:

— Эй, братъ, сними съ меня галоши или подай мнѣ шинель!

Мюржеръ первый познакомилъ меня съ Парижемъ оригинальнымъ, «le Paris excentrique», о которомъ до того времени я не имѣлъ понятія. Однажды въ «Closerie de Lilas», впослѣдствіи «Jardin Bullier», Мюржеръ спросилъ меня:

— Хотите познакомиться съ одной изъ гризетокъ, послужившихъ мнѣ для типа моей Мими Пенсонъ, «Mimi Pinson» (героини извѣстной его комедіи «La vie de Boh  me»).

Я съ любопытствомъ согласился.

Типъ Польдекоковскихъ гризетокъ уже тогда начиналъ исчезать, но, всетаки, въ Латинскомъ кварталѣ онъ еще процвѣтали. Это были, какъ извѣстно, бѣлошвейки, магазинщицы, модистки, цвѣточницы, словомъ дѣвшушки, принадлежащія къ рабочему люду, но все имѣли любовниковъ, только у нихъ любовь, или, просто, привязанность, играла первенствующую роль, а вопросъ денежный, къ какому бы классу ни принадлежалъ любимый человѣкъ, или вовсе не существовалъ, или занималъ совершенно второстепенное мѣсто, въ видѣ обѣдовъ, прогулокъ, мелкихъ подарковъ и т. д. Въ этомъ онъ совершенно отличались отъ тогдашникъ лоретокъ, превратившихся потомъ въ кокотокъ, у которыхъ звонкая монета въ наибольшемъ количествѣ является первымъ условіемъ. Дѣвшушка, которую Мюржеръ подвелъ къ нашему столу, олицетворяла собою типъ настоящей гризетки, но уже гризетки-щеголихи. Средняго

роста, прекрасно сложенная, ловкая и грациозная, ея живое, миловидное лицо поражало своею яркою, молодою свѣжестью. Небольшие черные глаза блестѣли умомъ и веселостью, довольно большой ротъ почти постоянно улыбался, выказывая неправильные, но бѣлые, здоровые зубы. На ней было надѣто темное шелковое платье и обшитый кружевами передникъ; на головѣ ея, артистически причесанной, на самой маковкѣ чуть держался тюлевый чепчикъ, убранный яркими цвѣтами, а въ ушахъ,—въ тѣ времена роскошь неслыханная,—блестѣли два небольшия брилліантика. Она, не чинясь, подсѣла къ нашему столу, мы скоро разговорились и близко познакомились. Надо сказать, что въ то время я у Bullier былъ до нѣкоторой степени свой человѣкъ; приходилъ я почти всегда туда съ Мюржеромъ,—его тамъ боготворили,—познакомился со всѣми тамъ бывавшими студентами и пріобрѣлъ себѣ тамъ много пріятелей.

За послѣднія 25 лѣтъ Парижъ, какъ и вся Европа, во многомъ измѣнился, но въ то время, т. е. въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, въ немъ еще было много оригинальныхъ уголковъ; однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ являлся, разумѣется, «Jardin Bullier»; большая часть посѣтителей состояла изъ студентовъ; они являлись туда первые и уходили послѣдними. Наряды на нихъ отличались болѣе чѣмъ оригинальностью; какія-то допотопного фасона плисовые куртки, высокіе сапоги, необычайного фасона венгерки; лѣтомъ иные являлись въ пуховыхъ и даже мѣховыхъ шапкахъ зимой въ соломенныхъ шляпахъ; иные изъ нихъ, хотя далеко уже не молодые, сохранили весь пыль и всѣ восторги молодости. Стоило только произнести при нихъ слова: свобода, родина, любовь, и точно порохъ вспыхивали ихъ бурныя страстныя рѣчи, не всегда, можетъ быть, вѣрныя сужденія, но искреннія и убѣжденныя. Нѣсколько лѣтъ спустя, я опять вернулся въ Парижъ и въ тотъ же вечеръ отправился въ «Closerie des Lilas». Я нашелъ почти всѣхъ своихъ знакомцевъ за тѣми же столиками и почти въ тѣхъ же нарядахъ.

— А что подѣлываетъ JosÃ©phine?—спросилъ я одного изъ нихъ, который въ тотъ годъ блестательно выдержалъ экзаменъ на медика, имѣлъ уже порядочную практику, но по старой памяти, почти каждый вечеръ, приходилъ провести часъ, другой съ прежними пріятелями. Я говорилъ о газетѣ, съ которой меня познакомилъ Мюржеръ.

— JosÃ©phine?—равнодушно отвѣтилъ онъ мнѣ; сколько я припоминалъ, онъ въ то время былъ въ числѣ ея ревностныхъ и счастливыхъ поклонниковъ: она надняхъ умерла отъ чахотки, и я вчера вскрывалъ ее, очень интересное и богатое тѣло!..

Меня такъ и обдало ужасомъ дѣйствительности жизни, постоянно встрѣчаемой.

— Неужели?!—вскрикнулъ я:—эта молодая, красивая, цвѣтущая Жозефина—она умерла?

— Э,— спокойно возразилъ мнѣ мой собѣседникъ: — посмотрите, вотъ вокругъ сколько ихъ ходить, такихъ же цвѣтующихъ и моло-дыхъ, и красивыхъ!

Послѣ обоихъ Дюма и Мюржера, я болѣе всѣхъ сопелся съ Edmond About; недаромъ его прозвали внукомъ Вольтера, онъ поражалъ всякаго своимъ блестящимъ остроуміемъ, своею наход-чивостью, своимъ неистощимымъ и всегда интереснымъ разгово-ромъ. Въ то время, т. е. въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, онъ находился въ особенной милости у императора Наполеона III, кор-ректировалъ написанную императоромъ исторію Юлія Цезаря и вообще въ Тюльерійскомъ дворцѣ, у вліятельныхъ лицъ бонапар-тійской партіи и въ особенности у принцессы Матильды, пользо-вался необычайнымъ благоволеніемъ. Ей, принцессѣ, обязанъ онъ во многомъ своей литературной извѣстностью и той модой, въ ка-кой стояли его романы впродолженіе лѣтъ десяти, романы, хорошо написанные, интересные, но не отличающіеся ни глубиной, ни даже особыеннымъ талантомъ. У About, не смотря на весь его умъ, былъ недостатокъ, обычный многимъ французамъ, а именно забываться до фамильярности. У принцессы Матильды на него смотрѣли, какъ на баловня, «un enfant gâté», и многое ему сходило съ рукъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ однажды уже слишкомъ зарвался и, какъ водится, прогорѣлъ. Принцесса Матильда — женщина замѣчательного ума; она своею обаятельною привѣтливостью и самыми тонкими понима-ніемъ искусства, живописи, ваянія, литературы, пріобрѣла себѣ и сохранила даже послѣ паденія имперіи множество преданнѣй-шихъ друзей. Все, что носило извѣстное имя въ послѣднія трид-цать лѣтъ, усердно посѣщало ея салонъ. На сколько императрица Евге-нія отличалась поверхностностью своего ума, своимъ легкомысліемъ, средневѣковымъ ханжествомъ и отсутствіемъ всякаго художничес-каго чувства, на столько принцесса Матильда привлекала своимъ свѣтлымъ умомъ, яснымъ и современнымъ пониманіемъ вещей и отзывчивостью на все благородное и прекрасное. Но какъ въ брилліан-тахъ самой чистой воды есть непремѣнно пятнышко, такъ и у прин-цессы былъ недостатокъ, ставимый ей въ укоръ, разумѣется, заочно, самыми ея вѣрными друзьями, а именно ея необыкновенное мягкое сердце въ отношеніи нѣкоторыхъ красивыхъ мужчинъ. Впро-долженіе многихъ лѣтъ, графъ Ньюверкерке пользовался ея bla-госклонностью вполнѣ и имѣлъ на нее большое вліяніе. Всѣ об- этомъ знали, но никто, разумѣется, въ ея присутствії не дерзalъ даже обѣ этомъ намекнуть. Однажды, Ньюверкерке, входившій къ принцессѣ безъ доклада, засталъ у нея въ гостинной Эдмона Абу; онъ стоялъ спиной къ камину, курилъ сигару и очень безцере-менно рассказывалъ принцессѣ какой-то скромный анекдотъ. Ос-корбился ли Ньюверкерке этимъ обхожденіемъ About съ принцес-сой, или просто находился въ дурномъ расположеніи духа, но на

привѣтствіе принцессы онъ отвѣтилъ сухо и немедленно усѣлся въ уголъ.

— Allons, allons, vilain jaloux! — съ ласковымъ укоромъ проговорилъ Абутъ, бросая въ каминъ свою сигару.

Принцесса Матильда мгновенно встала, позвонила и приказала вошедшему слугѣ «провести господина Абу въ переднюю»; другими словами, Абу выгнали, и выгнали оскорбительно, какъ нахала.

Нѣть сомнѣнія, что этотъ поступокъ во многомъ содѣйствовалъ совершенному измѣненію политическихъ воззрѣній Абу; изъ преданного бонапартиста онъ превратился въ яраго республиканца; но остался попрежнему утонченно-свѣтскимъ человѣкомъ, любезнымъ собесѣдникомъ и остроумнѣйшимъ разсказчикомъ.

Одинъ маленький случай, приключившійся въ Баденѣ, дасть понятіе и о характерѣ Абу, и о французскомъ характерѣ вообще, въ которомъ, не смотря на легкомысліе, тщеславность и эгоизмъ, такъ многое добродушія. Въ 1861 году, въ сентябрѣ, я былъ въ Баденѣ, Абу также туда приѣхалъ, мы съ нимъ видѣлись постоянно, чуть ли даже не жили на одной квартирѣ. Такъ какъ въ то время онъ былъ въ большой модѣ, то всѣ мои знакомыя дамы, и въ особенности соотечественницы, наперерывъ просили меня знакомить съ ними Абу. Идя однажды утромъ по Лихтенальской аллее вдвоемъ съ Абу, мы повстрѣчали г-жу Калерджи, прелестную женщину и превосходную музыкантшу (одну изъ тысячи трехъ, на рукахъ которыхъ умеръ Шопенъ); я подумалъ, что доставлю ей удовольствіе, познакомивъ ее съ Абу, и потому подошелъ къ ней и представилъ ей моего пріятеля; къ моему крайнему изумленію, г-жа Калерджи едва отвѣтила на мое привѣтствіе, а Абу даже вовсе не поклонилась и, повернувшись спиной къ намъ, пошла дальше. Меня эта выходка тѣмъ болѣе озадачила, что я зналъ г-жу Калерджи за женщину умную и благовоспитанную и притомъ съиздавна уже находился съ нею въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ; я покинулъ Абу, совершенно озадаченнаго этой грубостью, посреди аллеи и побѣжалъ за madame Калерджи.

— Что это? помилуйте! за что вы такъ обошлись съ Абу? — спросилъ ее я.

— Какъ, да развѣ вы не знаете? — почти закричала она мнѣ въ отвѣтъ: — въ послѣднемъ своемъ романѣ, онъ въ самомъ гнусномъ видѣ вывелъ одну изъ самыхъ близкихъ моихъ родственницъ, и это завѣдомо всѣмъ!

Я извинился незнаніемъ этого обстоятельства и возвратился къ Абу. Въ двухъ словахъ я объяснилъ ему причину гнѣва г-жи Калерджи.

— Comment elle m'en veut encore, — изумленно воскликнулъ Абутъ: — mais il y a au moins deux ans que j'ai écrit le livre! ah! vous êtes rancuneux vous autres slaves!...

Отъ начала сороковыхъ годовъ до прусско-французской войны 1870 года Баденъ, какъ извѣстно, былъ самымъ моднымъ въ Европѣ лѣтнимъ сборищемъ. Всѣ общеевропейскія знаменитости обоего пола, къ какому бы разряду онѣ ни принадлежали, начиная Мейерберомъ и кончая знаменитой французской кокоткой (впрочемъ, чистокровной англичанкой родомъ) Корой Шерль, стекались туда послушать музыку передъ конверсационъ-заломъ, а вечеромъ себя показать и на другихъ посмотретьъ въ игорномъ домѣ, чтѣ считалось послѣднимъ словомъ тогдашняго шика.

Наши соотечественники, какъ и всегда, впрочемъ, особенно отличались. Нарышкинскіе выигрыши и проигрыши, Демидовскія попойки, празднства княгини Суворовой оставили въ лѣтописяхъ баденскихъ сезоновъ незабвенный воспоминанія. Тургеневъ очень зло, но очень вѣрно изобразилъ россійскіе нравы въ Баденѣ, гдѣ злословіе и пустословіе играли первенствующую роль. Странное дѣло, почему за границей русскіе никакъ не могутъ ужиться между собой; стоитъ женщинѣ быть красивѣе или умнѣе другихъ, стоитъ мужчинѣ чѣмъ нибудь выдѣляться изъ общей массы, чтобы соотчиши всеобщимъ, такъ сказать, кагаломъ накидывались на нихъ и нравственно разбирали ихъ, что называется, на куски. Въ Баденѣ я познакомился съ Мейерберомъ, онъ совершенно очаровалъ меня своимъ остроуміемъ и любезностью. Поощренный его простотой и тою особенностью скораго знакомства, какая обыкновенно является на водахъ и купаньяхъ, я сказалъ ему, что меня всегда удивляло, какъ такие два необычайные таланта, какъ онъ и Россини, не могутъ между собою ужиться. Какъ извѣстно, между ними существовала всю жизнь большая вражда. Мейерберъ прищурился, потомъ усмѣхнулся и весело отвѣтилъ мнѣ:

— Любезный графъ, мы съ Россини много поострили на счетъ другъ друга, но я всегда сожалѣль, что мнѣ не удалось отпустить такого геніального «bon mot», какое сказалъ Piron на счетъ Вольтера.

— А что онъ сказалъ? — полюбопытствовалъ я.
 — Какъ, вы развѣ не слышали?
 — Каюсь, теперь ничего не припомню.
 — Вамъ извѣстно, что Вольтеръ и одинъ изъ остроумнѣйшихъ стихотворцевъ восемнадцатаго вѣка, Пиронъ, безконечно ненавидѣли другъ друга. Одна ихъ общая пріятельница, чуть ли не маркиза Дюдеванъ, убѣдила, послѣ многихъ усилий, Вольтера пообѣдать у нея вмѣстѣ съ Пирономъ. «Хорошо,—согласился, наконецъ, Вольтеръ: — но съ тѣмъ только, чтобы этотъ шалопай (*le polisson de Piron*) обязался, что втеченіе всего обѣда онъ произнесетъ всего четыре слова». Пиронъ согласился, и обѣдъ состоялся. Недруги усѣлись одинъ по правую руку хозяйки, другой по лѣвую. Вольтеръ торжествовалъ и говорилъ безъ умолку; Пиронъ упорно мол-

чаль. Въ концѣ обѣда подали блюдо, наполненное великолѣпными раками; Вольтеръ съ жадностью принялся ихъ ѡсть.

— Я истребилъ столько же раковъ, сколько Давидъ убилъ филистимлянъ,—проговорилъ, обращаясь къ хозяйкѣ, Вольтеръ.

— Такою же челюстью (*avec la même mâchoire*), — не поднимая глазъ съ своей тарелки, произнесъ Пиронъ.

(Извѣстно, что по библейскому сказанію Давидъ сражался съ филистимлянами, имѣя орудіемъ «ослиную челюсть»).

Пиронъ, какъ видите, сдержалъ слово; но этими четырьмя словами зарѣзалъ, что называется, Вольтера.

Мы оба разсмѣялись, но я уже болѣе, разумѣется, не заговаривалъ съ Мейерберомъ о Россини. Въ то время, когда я съ нимъ познакомился, онъ писалъ «Африканку», это послѣднее свое сочиненіе, это излюбленное свое дитя, которое ему не суждено было видѣть представленнымъ на сценѣ.

Онъ сильно озабочивался затрудніемъ найти хорошаго теп-
ниора.

— Les bons chanteurs s'en vont, mon cher comte,—часто говорил онъ мнѣ, прогуливаясь по очаровательнымъ окрестностямъ Бадена:—le grand Cherubini n'est plus; правда, есть Ниманъ и Тамберликъ, но Ниманъ нѣмецъ, а вы, иностранцы, не можете себѣ даже представить, до чего строптива парижская публика; она скорѣе проститъ фальшивую ноту, неправильно понятую роль, чѣмъ плохо выговоренное б или к. Тамберликъ, правда, хорошо выговариваетъ французскій языкъ, но онъ не по моей роли (*il n'a pas le tempérament de mon rôle*), и потому согласится ли онъ?.. Нѣтъ, я хочу что нибудь новое найти, молодой голосъ, молодыя силы, все это по-своему отдѣлать и передѣлать... *Une voix inédite, chaude, jeune, vibrante et passionnée!*..

Два или три раза въ тотъ сезонъ онъ приглашалъ меня въ Баденъ и однажды въ Висбаденъ послушать какой нибудь новый голосъ и всякий разъ онъ задумчиво покачивалъ головой, поглядывая на меня, не то дескать, совсѣмъ не то...

Еще въ первую мою поѣздку въ Парижъ, т. е. въ первую послѣ коронаціи, такъ какъ я уже до того нѣсколько разъ бывалъ въ Парижѣ, я познакомился съ извѣстнымъ французскимъ драматическимъ писателемъ Скрибомъ. Это чути ли не первый писатель, нажившій себѣ литературнымъ трудомъ громадное состояніе. Его современника, геніального Бальзака, всю жизнь одолѣвали кредиторы. Скрибъ жилъ въ роскошной квартирѣ, держался по-лубогомъ и въ то время занималъ во французской литературѣ одно изъ первенствующихъ мѣсть. Его пьесы (онъ, кажется, втеченіе своей жизни написалъ ихъ болѣе тысячи, — разумѣется, иныхъ въ сотрудничествѣ), большою частью, лишенныя всякаго таланта, имѣли, однако же, успѣхъ, приносили директорамъ театровъ

доходить и нравились публикѣ, а болѣшаго, какъ извѣстно, ничего не требуется. Меня, однако же, онъ принялъ любезно и скоро со мною разговорился.

— Мы сегодня увидимся въ театрѣ, вѣроятно, еще,— сказалъ я, прощаясь съ нимъ; давали именно, кажется, въ Théâtre du Gymnase одну изъ его послѣднихъ пьесъ. Скрибъ усмѣхнулся.

— Я никогда не бываю въ театрѣ,—отвѣтилъ онъ мнѣ, провожая меня.

— Какъ?!— вскрикнулъ я:— вы monsieur Scribe, вы никогда не бываете въ театрѣ? но это невѣроятно?!

— Это совершенно вѣрно,—возразилъ мнѣ Скрибъ: — т. е. никогда — относительно; я почти всегда присутствую на первыхъ представленияхъ піесъ моихъ собратовъ и иногда на первыхъ представленияхъ моихъ собственныхъ піесъ, но это случается рѣже; для собственного же моего удовольствія я въ театрѣ не хожу, «cela serait enfantin».

Мнѣ нечего прибавлять, какъ меня удивило подобное «profession de foi» въ устахъ человѣка, нажившаго себѣ театромъ миллионы.

Въ то же время я имѣлъ случай познакомиться съ Оберомъ. Дюма-отецъ называлъ его «le Scribe de la musique». Дѣйствительно, онъ произвелъ на свѣтъ большое количество оперъ, между которыми многія не отличаются музыкальными достоинствами, но, тѣмъ не менѣе, Оберъ занималъ видное мѣсто во французской консерваторіи, гдѣ онъ предсѣдовалъ и былъ очень популяренъ въ Парижѣ и во всей Франціи. Много этому способствовалъ, разумѣется, его живой характеръ и замѣчательно мѣткій и острый умъ. Одинъ изъ пріятелей, не видавшій его чуть болѣе сорока лѣтъ, пріѣхавъ въ Парижъ изъ провинціи, отправился навѣстить Обера.

— Oui certainement,— началъ послѣ первыхъ пріѣстствій пріятель, который, какъ это часто, впрочемъ, случается въ жизни, не «переваривалъ», что онъ остался никому неизвѣстнымъ провинціаломъ, тогда какъ Оберъ пріобрѣлъ европейскую извѣстность: — Certainement vous voila un homme cÃ©lÃbre, cela n'empêche pas que vous êtes vieux.

— Ma foi, mon cher ami,— отвѣтилъ ему Оберъ: — c'est la seule maniÃre de vivre longtemps!..

Оберъ, какъ почти всѣ люди, одаренные воображеніемъ, былъ яростнымъ поклонникомъ прелестнаго пола; обѣ этой его слабости въ оное время въ Парижѣ ходило множество анекдотовъ; одинъ изъ нихъ, хотя и очень скромный, но изъ наиболѣе смѣшныхъ, я позволю себѣ разскказать читателямъ.

Въ числѣ начинаящихъ оперныхъ танцовщицъ изъ тѣхъ, что называются въ «Парижѣ «des marcheuses», Оберъ отличилъ одну прелестную блондинку, молоденькую дѣвушку, лѣтъ семнадцати. По собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, онъ узналъ, что, по остроумному

выраженію Дюм'я-сына, «капиталь ея еще не былъ тронутъ». Тѣмъ не менѣе, хотя уже будучи зрѣлыхъ лѣтъ, и именно потому, что будучи зрѣлыхъ лѣтъ, Оберъ захотѣлъ во что бы то ни стало достичнуть своихъ цѣлей—обладать молодой дѣвушкой. Прелестная блондинка находилась подъ нѣжной опекой своей маменьки, женщины лѣтъ подъ сорокъ, но еще красивой, стройной и привлекательной. Оберъ, не теряя времени, съ нею познакомился и безцеремонно завель рѣчъ объ интересующемъ его предметѣ. Сначала, какъ и слѣдовало ожидать, любящая мать съ негодованіемъ отвергла предложенія Обера, потомъ мало-по-малу она стала говорчивѣе и, наконецъ, съ нервными рыданіями объявила Оберу, что она уговорила таки свою дочь, что, увы! бѣдность, забота о будущности своей дочери, заставили ее согласиться съ этой ужасной крайностью, но что она надѣется на великодушіе и скромность г. Обера и на то, что въ будущемъ, когда «капризъ» къ ея дочери пройдетъ, онъ навсегда останется ея покровителемъ. Влюбленный стариkъ на все соглашался и только спрашивалъ объ одномъ, когда же, наконецъ, ему удастся «увѣнчать свое пламя». Послѣ долгихъ переговоровъ рѣшили, что Оберъ придетъ на слѣдующій день, но не ранѣе восьми часовъ вечера. Сказано—сдѣлано. На слѣдующій вечеръ около восьми часовъ Оберъ дрожащей рукой звонилъ у дверей своего предмета. Ему отворила сама маменька и таинственно ввела его въ гостинную.

— Вы понимаете, что я отпустила бонну на цѣлый вечеръ; *«il faut toujours se défier des domestiques»*. Подождите меня здѣсь, или нѣтъ, впрочемъ... я не въ силахъ буду... а просто, когда вы услышите за сосѣдней дверью звонъ колокольчика, вы толкните вотъ эту дверь, *«vous pousserez cette porte»* и войдите...

И растроганная маменька пошла къ двери, ведущей въ глубь квартиры.

— Ахъ, да! еще одно условіе,—останавливаясь у дверей, проговорила заботливая мать: — въ комнатѣ, тамъ... вы понимаете?... будетъ совершенно темно, но вы должны сами разсудить, какъ тяжело... *«il faut ménager la pudeur de cette pauvre enfant!»*..

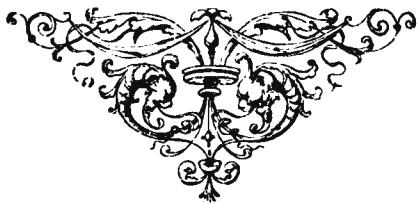
Оберъ на всѣ эти рѣчи кивалъ нетерпѣливо головой. Вслѣдъ за уходомъ матери, въ полуосвѣщенной гостинной мелькнулъ изъ двери въ дверь соблазнительно стройный образъ молодой обреченной на жертву дѣственницы. Наконецъ, послѣ довольно долгаго ожиданія, раздался желанный звонокъ... Оберъ бросился къ дверямъ...

Надо сказать, что утромъ того дня онъ отсчиталъ довѣренному отъ матери лицу крупный условленный между ними кушъ. Въ комнатѣ, куда вошелъ Оберъ, было дѣйствительно такъ темно, что онъ ощупью едва могъ подвигаться. Но страсть пылала въ немъ такъ сильно, что онъ не обращалъ на это вниманія; часа два спустя, онъ такъ же ощупью сталъ собираясь выйти изъ святилища;

молодая дѣвица сдержана все то, что обѣщало ея плѣнительное тѣло, но внутренно Оберъ удивлялся только одному, что ему такъ легко досталась побѣда... Но случайность, это зло, разрушающее самыя хитростно придуманныя продѣлки, и тутъ сослужила свою службу; Оберъ уже подходилъ осторожно къ дверямъ, какъ темно синій изъ густой шелковой матеріи чехоль, затягивавшій плотно висѣвшій посрединѣ потолка ночникъ, свалился; яркій свѣтъ разомъ освѣтилъ до того погруженную въ мракъ комнату; Оберъ невольно обернулся назадъ, и его удивленнымъ, непріятно удивленнымъ взорамъ представилась слѣдующая картина: въ бѣлоснѣжныхъ простыняхъ только—что покинутой имъ кровати, граціозно раскинувъ руки, лежала не дочка, а маменька своей собственной особой!.. Послѣ рѣзкаго объясненія, въ которомъ Оберъ какъ умный человѣкъ чувствовалъ всю неловкость своего положенія, онъ удалился, полагая, что всего лучше не разглашать такихъ плачевыхъ авантюръ, но, тѣмъ не менѣе, въ скромъ времени многіе узнали обѣ этой одной изъ его многочисленныхъ любовныхъ неудачъ.

Графъ В. А. Сологубъ.

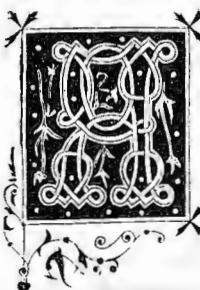
(Окончаніе въ с.пѣдующей книжкѣ).

МОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ВЪ ЖУРНАЛАХЪ.

(Отрывокъ изъ Записокъ).

ОЧЕНЬ РАНО, еще на университетской скамьѣ, началъ работать для журнала, издававшагося профессоромъ Двигубскимъ: «Магазинъ натуральной исторіи». То были, большею частью, переводы изъ книгъ, относившихся къ главному предмету моихъ занятій—естествознанію. По выходѣ изъ университета, избравъ педагогическую службу, я не прекращалъ такъ рано начатаго участія въ періодическихъ изданіяхъ: то въ тотъ, то въ другой журналъ по временамъ я дѣлалъ вклады, разумѣется, бесплатные, но приносившіе мнѣ пользу въ томъ отношеніи, что я лично узнавалъ редакторовъ, интересовавшихъ любознательную молодежь. Такъ, въ первомъ году изданія «Московскаго Вѣстника» (1827) напечатана моя статья: «Четыре возраста естественной исторіи», пропитанная, по тогдашнему выраженію студентовъ, «павловщиной», т. е. духомъ и тономъ лекцій любимѣйшаго нашего профессора М. Г. Павлова. Это доставило мнѣ знакомство съ издателемъ журнала, М. П. Погодинымъ, а чрезъ него и съ С. П. Шевыревымъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ изданії. Другая статья въ «Телеграфѣ» 1832 года, разборъ книги А. Л. Ловецкаго, профессора Московскаго университета: «Краткое начертаніе естественной исторіи животныхъ», познакомила меня съ К. А. Полевымъ, который представилъ меня своему брату, Николаю Алексѣевичу. При свиданіи съ послѣднимъ, онъ сказалъ мнѣ нѣсколько лестныхъ

словъ, послѣ чего я почувствовалъ себя какъ бы выросшимъ въ своихъ собственныхъ глазахъ. Молодежь того времени держалась скромно передъ извѣстными литераторами, и ласковый приемъ съ ихъ стороны считала особеною честью. На положенные дни для вечернихъ у нихъ собраній мы смотрѣли какъ на дни табельные. Видѣть на этихъ собраніяхъ умныхъ людей, слушать ихъ умныя рѣчи было для насъ наиболѣе угощеніемъ, именно слушать и поучаться, а не самому врываешься въ разговоръ. Такого азарта мы себѣ не дозволяли по нашему малознанію, или по скромности, которая, и при порядочныхъ знаніяхъ, сдерживаетъ юношу отъ заносчивости, внушаетъ ему чувство приличія, тактъ. Я помню, какъ, въ первый визитъ мой Николаю Алексѣевичу, завязался у него споръ съ А. Ф. Вельтманомъ о сравнительномъ значеніи Петра I и Екатерины II. Вельтманъ восхвалялъ Екатерину за ея гуманныя идеи; Полевой гораздо выше ставилъ Петра, какъ такого государя, который дѣлалъ свое дѣло, имѣя въ виду лишь пользу своего отечества, безъ всякаго тщеславія, безъ всякаго желанія выказать себя въ блескѣ передъ Европой. Я страшно боялся, что Полевой будетъ побить; къ удовольствію моему, вышло иначе: онъ взялъ вверхъ, чому я искренно обрадовался. Да и какъ было не радоваться? вѣдь онъ былъ нашъ любимецъ; мы всласть читали его журналъ. Знакомствомъ съ издателемъ «Телескопа», Н. И. Надеждиномъ, я одолженъ одному изъ моихъ университетскихъ товарищей, Н. С. Селивановскому, сыну извѣстного въ свое время московскаго типографщика, въ домѣ котораго онъ занималъ квартиру. Тамъ часто встрѣчалъ я давнишняго моего пріятеля, Н. Х. Кетчера, переводчика Шекспира. Онъ помогалъ Надеждину переводами съ нѣмецкаго и французскаго; имъ-то было переведено первое философское письмо Чадаева, надѣлавшее столько шуму и причинившее переворотъ въ судьбѣ редактора «Телескопа». Мое же сотрудничество въ этомъ журналѣ ограничивалось грамматическими статейками, почему Кетчеръ и прозвалъ меня «великимъ мужемъ русской грамматики»¹⁾). Замѣчу, что, не смотря на все уваженіе къ таланту, знаніямъ и профессорской дѣятельности Н. И. Надеждина, у меня, равно какъ и у другихъ студентовъ одного со мною курса, былъ «противъ него зубъ» за его критическая нападки на Пушкина, которая онъ помѣщалъ въ «Вѣстникѣ Европы» изъ угощенія его издателю, Каченовскому. Несправедливая критика, конечно, принесла ожидаемые плоды: по собственнымъ словамъ Надеждина, онъ «вѣхалъ въ университетъ на спинѣ Каченовскаго», но такой результатъ, по нашему чувству, не облегчалъ вины, а скорѣе усиливалъ ее. Бѣлинскаго, редактировавшаго листокъ «Молву» при «Телескопѣ», не удавалось мнѣ встрѣчать у

¹⁾ Одно изъ сочиненій Карамзина носить именно такое заглавіе.

Надеждина. Въ первый разъ я увидаль его на вечерѣ у Селивановскаго: онъ показался мнѣ застѣнчивымъ, какимъ дѣйствительно и былъ по природѣ. Въ томъ же дому началось мое знакомство съ В. П. Боткинымъ, скоро ставшее на пріятельскую ногу.

Съ прекращенiemъ «Московскаго Телеграфа» въ 1835 году и «Телескопа» въ 1836 году, мое журнальное сотрудничество остановилось. Между тѣмъ, я привыкъ къ нему и полюбилъ его. Оно нѣкоторымъ образомъ выдвигало меня изъ среды учителей, нахватавшихъ такое количество уроковъ въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ и въ частныхъ домаахъ, что имъ не оставалось времени не только для посторонняго ихъ профессіи дѣла, напримѣръ, для журнальной работы, но и для чтенія книгъ по ихъ предмету. Поэтому они стояли на одномъ и томъ же мѣстѣ съ запасомъ когда-то пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, глухли и даже тупѣли. Я, напротивъ, боялся запрячь себя исключительно въ педагогическую упряжь; у меня были свободные часы, которые и употреблялъ я на знакомство съ выходящими въ свѣтъ сочиненіями, чтобы слѣдить за литературнымъ движенiemъ, и на составленіе статей для журналовъ. Что я терялъ при менышемъ числѣ уроковъ, сравнительно съ моими товарищами, тѣ вознаграждалось двойною пользой: и для кармана, и для самообразованія. Съ появлениемъ «Библіотеки для Чтенія», литературный трудъ сдѣлался статьей дохода. Но гдѣ было искать такого труда? У редактора «Библіотеки для Чтенія», г. Сенковскаго (онъ же баронъ Брамбеусъ)? Но онъ отталкивалъ отъ себя направленіемъ своей редакторской дѣятельности. Въ «Московскомъ Наблюдателѣ», основанномъ въ 1835 году? Но ни имя его редактора (Андросова), ни денежныя его средства не обѣщали долговѣчности журналу. Онъ наполнялся статьями случайными, такъ сказать, забѣглыми, авторы которыхъ не принимали къ сердцу судьбы изданія, потому что не находили въ томъ существеннаго интереса. Только С. П. Шевыревъ радѣлъ о немъ усердно, сильно, хотя и всуе, ратуя противъ «Библіотеки для Чтенія» и Сенковскаго, или, справедливѣе, противъ такъ названаго имъ меркантильного направленія въ литературѣ, которое, по его мнѣнію, началось съ того времени, какъ писатели стали получать гонораръ за свой трудъ и тѣмъ самымъ будто бы обратили умственную производительность въ ремесло, а ея произведенія въ простой товаръ. Напрасно Гоголь доказывалъ ему несправедливость такого взгляда: дѣло не въ томъ, — писалъ онъ въ «Современникѣ» Пушкина,— что редакторъ подчуаетъ своихъ подписчиковъ статьею, за которую, какъ за всякой другой товаръ, заплатилъ деньги; дѣло въ томъ, каковъ товаръ — хороший или дурной. Если хороший, то нѣть причины браковать его и оставаться имъ недовольнымъ; если же дурной, то качество его не улучшится отъ того, что онъ присланъ въ журналъ даромъ. Вообще «Московскій Наблюдатель» не

имѣлъ успѣха; публика относилась къ нему равнодушно, а со смертію Андросова, покинутый на произволъ судьбы, онъ кое-какъ влачилъ свое существованіе и, наконецъ, съ 1838 года перешелъ въ руки Степанова, содржателя типографіи, въ которой печатался. Степановъ пригласилъ въ редакторы Бѣлинскаго, съ прекращеніемъ «Телескопа» и «Молвы» оставшагося безъ журнальной работы и вмѣстѣ безъ средствъ для жизни. Но эта редакція не могла обезпечить критика: она ежемѣсячно приносила ему только сто рублей. За неимѣніемъ запроса на литературный трудъ въ Москвѣ, нужно было искать его въ Петербургѣ, гдѣ стала разvиваться журналистика, не боясь уже соперничества Полеваго и Надеждина. Кочевое участіе въ періодической прессѣ было ни то, ни сё: мнѣ хотѣлось сотрудничества постояннаго, осѣдлаго, и скоро представился къ тому удобный случай.

Въ 1836 году, А. А. Краевскій, служившій въ Петербургѣ и работавшій нѣсколько лѣтъ въ редакціи «Журнала министерства народнаго просвѣщенія», задумалъ самъ быть журналистомъ. Онъ вошелъ въ соглашеніе съ Войковымъ, редакторомъ «Русскаго Инвалида», о передачѣ ему «Литературныхъ прибавленій» къ этой газетѣ. Въ это время я имѣлъ уроки въ женскомъ пансионѣ, который содержала его мать, Варвара Николаевна. Съ истиннымъ удовольствіемъ вспоминаю я о многолѣтнемъ знакомствѣ съ нею. Больѣе добросердечной женщины мнѣ рѣдко случалось видѣть на моемъ вѣку. Доброта ея неизмѣнно выказывалась и въ отношеніи къ воспитанницамъ. Я хорошо зналъ многіе, очень извѣстные тогда московскіе пансионы (Жарни, Данквартъ, Севенартъ), но ни въ одномъ изъ нихъ не видаль, чтобы пансионерки были такъ искренно привязаны къ своей начальницѣ, какъ въ пансионѣ Варвары Николаевны. Онѣ любили ее родственной любовью. Онѣ не только называли ее обычнымъ именемъ «таташъ» во время своего образованія, но сохраняли это название по окончаніи ученія, даже по выходѣ замужъ, и привозили къ ней своихъ дѣтей, словно внучатъ и внучекъ къ доброй бабушкѣ. На учителей смотрѣла она не какъ на наемниковъ, которые, сведя съ ней счеты, могутъ и не знать ее, потому что она, съ своей стороны, также въ нихъ не нуждается. Нѣтъ, она обращалась съ ними пріязненно, дружески, какъ съ добрыми пособниками. Нуждался ли учитель въ деньгахъ? Она ссужала его впередъ, не дожидаясь срока, установленного для платежа за извѣстное число уроковъ. Хотя она и знала не хуже другихъ, что порядокъ есть душа дѣла, но кстати оказанную помощь ставила выше порядка, и потому, сама нерѣдко находясь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, выводила педагога изъ затрудненія. И все это дѣлалось у нея просто, охотно, благорасположительно, конечно, потому, что человѣкъ добруму отъ природы легко и приятно быть добрымъ.

Къ ней-то обратился я съ просьбой познакомить меня съ ея сыномъ и предложить ему мое сотрудничество въ «Литературныхъ прибавленіяхъ» къ «Русскому Инвалиду». Предложение было охотно принято. Редакторъ петербургской газеты нуждался въ такомъ чловѣкѣ, который извѣщалъ бы его о книжныхъ московскихъ новостяхъ и даваль бы о нихъ отчетъ. Мы обмѣнялись письмами: А. А. Краевскій выразилъ мнѣ свои желанія, а я откровенно объяснилъ ему, за что я могу взяться. Такимъ образомъ отъ 1836 года я веду счетъ моему продолжительному журнальному сотрудничеству. На первой порѣ оно ограничивалось разборомъ книгъ по русскому языку и словесности. Изъ числа ихъ «Основанія русской грамматики» Бѣлинского мнѣ особенно памятны тѣмъ, что отзывъ мой послужилъ поводомъ къ знакомству съ авторомъ, который остался доволенъ моимъ мнѣніемъ, оцѣнившимъ главную мысль книги согласно съ его собственнымъ взглядомъ. До этого времени, какъ выше сказано, я видѣлъ его только разъ, и то мелькомъ, на вечерѣ у Селивановскаго, гдѣ также былъ Н. А. Полевой, находившійся «не у дѣль», по запрещенію «Телеграфа». Другой памятный фактъ — получение 450 рублей за статьи, напечатанныя втечение года. Такого куша никогда еще не бывало у меня въ рукахъ.

При занятіяхъ для «Литературныхъ прибавленій» я не имѣлъ нужды въ помощникахъ. Но, когда въ 1839 году г. Краевскій, издавая эту газету, сдѣлался еще редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ», въ которыхъ, кромѣ отдѣла «Критики», была введена «Библіографическая хроника», тогда оказалось невозможнымъ спрятаться одному съ работой для двухъ изданій. Явилась необходимость въ раздѣленіи труда между нѣсколькими лицами. Кромѣ того, надо было подумать о томъ, гдѣ и какъ добывать всѣ выходящія въ Москвѣ книги, такъ чтобы и московская библіографія, согласно съ программой журнала, отличалась полнотою. Въ послѣднемъ случаѣ пригодилось мнѣ мое знакомство съ университетомъ, при которомъ состоялъ цензурный комитетъ, и съ служившими въ этомъ комитетѣ, особенно съ секретаремъ его. Два раза въ мѣсяцъ отправлялся я туда за литературнымъ фуражемъ, т. е. забиралъ всѣ книги, доставленныя туда изъ типографій втечение предыдущихъ недѣль. Послѣ того я распредѣлялъ полученное, по взаимному соглашенію, между мною и сотоварищами. Обстоятельно, въ особыхъ тетрадяхъ, вель я списокъ всѣхъ книгъ, перебывающихъ въ нашихъ рукахъ, съ обозначеніемъ времени, когда онѣ взяты, и лицъ, къ кому поступали на разсмотрѣніе. Тетради эти, съ 1839 по 1863 годъ, хранятся у меня въ цѣлости. Я берегу ихъ какъ сокровище и по временамъ перелистываю... Сколько свѣтлыхъ, пріятныхъ воспоминаній! сколько дорогихъ, незабвенныхъ имень! Нѣть нужды, что мои тетради обветшали, чернила поли-нили, да и бумага грубая, ручного издѣлія: онѣ — живая хроника

литературного, современного мнѣ движенія; онъ — и личная хроника моихъ литературныхъ понятій и взглядовъ.

Первыми лицами, взявшими со мною за обзоръ текущей московской литературы, были М. Н. Катковъ, только-что кончившій курсъ въ университетѣ кандидатомъ, и Бѣлинскій, занимавшійся редакціею «Московскаго Наблюдателя», но имѣвшій довольно свободнаго времени для работы и въ другихъ periodическихъ изданіяхъ. Кто писалъ рецензіи въ «Отечественные Записки», тотъ, разумѣется, не могъ писать о тѣхъ же сочиненіяхъ въ «Литературныхъ прибавленіяхъ»: они поступали къ другому, который, съ своей стороны, передавалъ ему тѣ, что находились у него. Два раза въ мѣсяцъ происходила такая смѣна¹⁾. Въ 1839 году, сбираясь на жительство въ Петербургъ, Бѣлинскій въ замѣну себя рекомендовалъ П. Н. Кудрявцева, тогда еще студента, но уже извѣстнаго намъ своими повѣстями: «Катенька Пылаева» и «Флейта», изъ которыхъ первая напечатана въ «Телескопѣ», а вторая въ «Московскомъ Наблюдателе», обѣ подъ псевдонимомъ «Нестроевъ». Въ 1841 году, разстались мы съ М. Н. Катковымъ: онъ отправился въ Германію для довершенія образованія. Мы крѣпко по немъ тужили: въ небольшой періодъ совмѣстнаго съ нами сотрудничества онъ выказалъ сильно выдающійся талантъ и большія знанія на критическихъ статьяхъ: о «Пѣсняхъ русского народа» (Сахарова), о «Жизни» (доктора Зацѣпина), объ «Основаніяхъ риторики» (Зиновьевъ), объ «Исторіи русской словесности» (Максимовича) и другихъ. Оставшись вдвоемъ съ Петромъ Николаевичемъ, мы старательно правили свое дѣло до половины 1845 года, т. е. до отъѣзда его за границу съ тою же цѣллю, съ какою уѣхалъ М. Н. Катковъ. Изрѣдка присоединялся къ намъ В. П. Боткинъ, а позднѣе вошелъ въ нашъ кругъ профессоръ зоологии Рулье, какъ специалистъ по своей части. Хотя на нашей обязанности лежала московская литература, однако жъ мы принимали на себя, иногда по собственному вызову, иногда по предложенію редакціи, разборъ книгъ, выходившихъ въ Петербургѣ. Случалось и наоборотъ: о сочиненіи, напечатанномъ въ Москвѣ, появлялась критическая статья

¹⁾ Позволяю себѣ, ради любопытства, приложить здѣсь списокъ первыхъ книгъ, взятыхъ мною изъ цензурного комитета: 1) Народный русский пѣсенникъ, 2) Какъ любить женщины, 3) Необыкновенный случай, 4) Письмо изъ Бородина, 5) Собрание рецептовъ, 6) Разсужденіе о лажѣ, 7) Карманная книжка о цѣнности россійской и иностранной монеты, 8) Бородино-Москву, 9) Бородинская годовщина, 10) Сынъ миллионера, 11) О весеннемъ лѣченіи болѣзней, 12) О жизни, 13) Галерея умныхъ животныхъ, 14) Лексиконъ городского и сельского хозяйства, 15) Aux calomniateurs de la Russie (французскій переводъ стихотворенія Пушкина: Клеветникамъ Россіи), 16) Прожектарь, 17) О болѣзняхъ вліяніяхъ въ Германии, 18) Таблица о цѣнности россійской и иностранной монеты. Первые шесть номеровъ достались на долю Бѣлинскаго; слѣдующіе шесть на долю М. Н. Каткова; остальные шесть на мою долю.

Бѣлинскаго или другаго петербургскаго сотрудника «Отечественныхъ Записокъ» и «Литературныхъ прибавленій». Редакторъ предварительно сносился о томъ съ нами. Никакихъ неудовольствій, подозрѣній и пререканій по этому поводу не выходило.

Критика «Отечественныхъ Записокъ», въ первый годъ ихъ существованія, не имѣла строгой опредѣленности и единства направлениія. Отъ редакціи мы не получали на этотъ счетъ никакихъ положительныхъ указаний. Мы знали только, что библіографическая хроника должна была по возможности отличаться полнотою, что статьи слѣдовало доставлять къ извѣстному сроку и что подъ ними не слѣдовало выставлять именъ авторовъ. Характеръ этой «безыменной» критики, какъ бы исходящей отъ предмета безличнаго — отъ редакціи, формировался исподволь и установился лишь въ то время, когда Бѣлинскій сталъ главнымъ распорядителемъ критического отдѣла. До тѣхъ же порь отчеты наши представляли такія качества, какія всегда появляются въ работѣ людей благонамѣренныхъ. При непріязни нашей къ петербургской журналистикѣ, въ лицѣ трехъ ея магнатовъ (Греча, Булгарина и барона Брамбеуса), мы вмѣняли себѣ въ заслугу и честь выражать мнѣнія, противоположныя ихъ мнѣніямъ. Въ ихъ литераторствѣ мы видѣли неуваженіе къ литературѣ и наукѣ, служеніе не истинѣ, а лжи и мамонѣ. «Не дѣлай того, что они дѣлаютъ; дѣлай вопреки имъ», — вотъ отрицательное правило, служившее для насъ руководствомъ. Оно сообщило и нашимъ статьямъ хотя отрицательный, но доброкачественный характеръ, такъ какъ противоположный ему характеръ, по нашему убѣжденію, страдаль злоказненностью. Притомъ мы имѣли передъ собою примѣръ Бѣлинскаго. Мы хорошо знали его взглядъ на литературу вообще, на поэзію въ частности, — взглядъ, вынесенный имъ изъ кружка Н. В. Станкевича и уже достаточно разъясненный въ критическихъ статьяхъ «Молвы» и «Московскаго Наблюдателя». Въ поэзіи онъ видѣлъ не просто источникъ эстетического наслажденія, но и нравственное орудіе, облагораживающее человѣка. Этого понятія не упускали мы изъ виду и въ нашей работѣ.

Направленіе «Отечественныхъ Записокъ», какъ и вообще всей литературы, начиная съ сороковыхъ годовъ, или даже раньше (отъ смерти Пушкина), отличалось тенденціозностью, выражавшеюся всего сильнѣе въ критикѣ и библіографической хроникѣ. Эти два отдѣла должны были служить извѣстнымъ идеямъ и стремленіямъ нравственнымъ, общественнымъ и литературнымъ, которыхъ критикъ считалъ полезнымъ проводить въ среду читателей. Въ силу такой тенденціозности, служебнаго значенія критики, всегда ей болѣе вредящей, чѣмъ приносящей пользу, насъ интересовало не столько самое содержаніе разбираемаго сочиненія, сколько отношеніе содержанія къ дорогимъ для насъ убѣжденіямъ. Мы пользовались новымъ трудомъ литератора или ученаго, какъ поводомъ

поговорить о томъ, что составляло задачу журнала, давало ему цвѣтъ, отвѣчало сущности его программы. Поводъ же легко было найти не только при разборѣ важной и дѣльной книги, но и при рецензіи самой ничтожной книжонки, въ родѣ «Средствъ для истребленія клоповъ и таракановъ», или «Искусства носить сапоги, не изнашивая». Мы ухитрились прицѣпляться къ чему ни попало, чтобы высказать то, о чёмъ, по нашему мнѣнію, не слѣдовало молчать въ настоящую минуту. Способы высказыванія были различны: прямое или косвенное изложеніе нашихъ мыслей; прямое или косвенное осужденіе мыслей, несогласныхъ съ нашими; похвала лицамъ одного съ нами поля; порицаніе лицъ поля непріятельского. Иногда мы писали двусмысленно, въ увѣренности, что многіе уже выучились читать между строкъ и потому поймутъ настоящій смыслъ. Для достижения цѣли употреблялись многія средства: серьёзное изложеніе предмета, сатирическія выходки, насмѣшка. Не хватало у насъ пороха, — мы бросали пылью въ противника, и такъ или иначе старались вредить ему. Начала, которымъ служила критика, носили название либеральныхъ; тѣмъ же названіемъ обозначался и характеръ нашего журнала «Отечественныхъ Записокъ». Они развились и господствовали въ Западной Европѣ, сближеніе съ которой начало Петромъ: отсюда наше благоговѣніе къ его памяти и нелюбовь къ славянофильству. Однимъ словомъ, мы были приверженцы западной цивилизациі, такъ называемые западники.

Здѣсь я считаю нужнымъ объяснить, какъ въ то время мы относились къ представителямъ славянофильства и въ чёмъ, по тогдашнему нашему понятію, состояли пункты различія между ихъ ученiemъ и нашими взглядами. Прежде всего замѣчу, что большинство петербургскихъ литераторовъ имѣли превратное понятіе о томъ и другомъ. Изъ разговоровъ съ ними обнаруживалось, что они считали славянофиловъ врагами просвѣщенія, своего рода обскурантами, приравнивали ихъ къ издателямъ «мракобѣснаго» журнала «Маякъ» и даже, по невѣдѣнію или недомыслію, заподозрѣвали ихъ нравственную благодѣнность. Другое дѣло — Москва: здѣшнимъ литераторамъ и журнальнымъ сотрудникамъ очень хорошо были извѣсты солидная и многосторонняя образованность корифеевъ славянофильства, крѣпость ихъ нравственныхъ началъ, искренность и безкорыстная преданность идеямъ, которыя они старались распространять въ средѣ своихъ соотечественниковъ. Если Бѣдинскій относился къ нимъ непріязненно и дозволялъ себѣ частію запальчивыя, частію колкія выходки, то это легко объясняется, во-первыхъ, его темпераментомъ, съ которымъ трудно бороться человѣку, и, во-вторыхъ, увѣренностью въ истинѣ своей доктрины, тогда какъ доктрина ей противоположная могла, — такъ онъ думалъ, — вести къ вреднымъ послѣдствіямъ, именно къ ослабленію или застою русского просвѣщенія, къ отчужденію нась отъ европ-

пейской цивилизації, въ которой онъ единственно видѣлъ идеаль всическаго преуспѣянія. Съ другой стороны, и поборники славянофильства были несправедливы къ западникамъ, обвиняя ихъ въ отсутствіи патріотическаго чувства и прилагая къ нимъ названіе космополитовъ. Странно было выслушивать подобные отзывы тому, кто зналъ, что къ числу несогласныхъ съ славянофильской доктриною принадлежали такія личности, какъ профессора: Грановскій, Соловьевъ, Кавелинъ, Кудрявцевъ, Чичеринъ... Несогласіе во взглядахъ вовсе не исключало взаимнаго уваженія и пріязненнаго знакомства, равно какъ и ученой борьбы. Грановскій полемизировалъ съ Хомяковымъ, Самаринъ съ Соловьевымъ и Кавелинымъ. Вѣдь и Шиллеръ находилъ, что исключительно національный интересъ есть скучный идеаль для философа, который не только имѣть право, но даже обязанъ быть современникомъ всѣхъ вѣковъ, гражданиномъ всего міра, или человѣчества. Слѣдуетъ ли отсюда, что поэтъ не уважалъ нѣмецкой національности, не любилъ своего отечества? Да зачѣмъ такъ ходить далеко? Послушаемъ, что говоритъ авторъ «Писемъ русскаго путешественника»: «Путь образованія или просвѣщенія одинъ для народовъ... Все народное ничто предъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ, и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то мое, ибо я человѣкъ». Можно не соглашаться съ такимъ взглядомъ и оспаривать его, но непозволительно думать, что Карадзинъ во время своего путешествія не былъ патріотомъ. То же самое непозволительно и въ отношеніи къ такъ называвшимся западникамъ: они, наравнѣ съ восточниками, т. е. славянофилами, искренно любили свое отечество. Съ этой стороны между тѣми и другими не существовало ни малѣйшаго различія; различіе заключалось въ основномъ, исходномъ пунктѣ ученія о развитіи народной жизни и въ средствахъ, ведущихъ къ этой цѣли. По славянофильскому взгляду, русская народность должна развиваться изъ собственныхъ, ей присущихъ началь; западники, на противъ, требовали усвоенія западно-европейской цивилизації. Чего желали съ обѣихъ сторонъ? Освобожденія крестьянъ, распространенія народного образования, простора и болѣшей свободы литературы. Западъ «разлагается», «гнѣтъ», — говорили Хомяковъ и Шевыревъ; сторонники Запада смыслились надѣть этими выраженіями. За идеаломъ развитія славянофилы обращались къ древней, до-петровской Руси, подобно нѣмецкимъ романтикамъ, ушедшими отъ современной имъ дѣйствительности въ средніе вѣка; отсюда ихъ неблаговоленіе къ петровской реформѣ, повредившей естественному росту Россіи, отчуждившей образованные классы отъ народа. Профессоръ Морошкинъ въ частномъ разговорѣ развивалъ такую мысль, что Россія до тѣхъ поръ не начнетъ возвышаться, пока Петръ I

не будетъ, въ общественномъ мнѣніи, низведенъ съ своего пьедестала. Нѣть,— возражали противники,— надобно идти не назадъ, а впередъ, слѣдуя примѣру Петра, сблизившаго нась съ Европой, и вотъ Бѣлинскій пишетъ двѣ критическія статьи по поводу новаго изданія «Дѣяній Петра Великаго» (Голикова), «Древнерусскихъ стихотвореній» (т. е. пѣсень) Кирши Данилова, съ цѣллю выставить все величие преобразователя, какъ творца новой Россіи, и всю неприглядность Руси древней. Слейся съ народомъ: таковъ былъ со всѣмъ, который давали славянофилы образованному классу русскихъ; западники не понимали слова «сліяніе» и толковали его въ томъ смыслѣ, что образованный долженъ низходить къ простолюдину, становиться въ уровень съ нимъ, тогда какъ, по ихъ мнѣнію, надлежало, напротивъ, простолюдью восходить къ высшему классу, равняться съ нимъ силою образованности. Вотъ въ сущности пункты сходства и различія между двумя противными лагерями. Очень можетъ статься, что главною причиною разлада между ними служило плохое пониманіе основнаго тезиса славянофиловъ о сущности народности и развитія народной жизни, приведшее ко многимъ второстепеннымъ недоразумѣніямъ.

Возвращаюсь къ разсказу, послѣ небольшаго отступленія, нужнаго для яснаго представленія характера періодической прессы.

Чтобы современный читатель, далеко ушедшій отъ той эпохи, о которой я говорю, могъ судить о значеніи и методѣ критики сороковыхъ годовъ, я позволяю себѣ привести одинъ изъ ея образчиковъ.

Въ прибавленіяхъ къ «Твореніямъ святыхъ отцовъ въ русскомъ переводахъ», издававшихся при Московской духовной академіи, напечатано «Первое письмо о конечныхъ причинахъ» (годъ 5, книжка 2-я, 1847 г.)¹⁾. Оно имѣеть цѣллю опровергнуть взглядъ известнаго французскаго ученаго, Литре, выраженный имъ въ статьѣ: «О важности и успѣхахъ физиологии»²⁾. «Ученіе о конечныхъ причинахъ», говоритъ Литре, разрушено въ наше время новыми открытиями и изслѣдованіями наукъ положительныхъ; одна изъ великихъ заслугъ этихъ наукъ состоитъ въ изгнаніи отовсюду вымыщленныхъ цѣлей и замѣнѣ гипотезъ фактами. Такъ какъ Огюстъ Конть и его послѣдователь Литре увлекали нась въ то время «положительной философіей», и я даже намѣревался изложить главныя ея положенія, о чемъ и было заявлено въ ноябрской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1847 года, то понятно, что авторъ «Письма»,

¹⁾ «Письма о конечныхъ причинахъ» изданы отдѣльной книжкой. Сочиненіе ихъ приписывали Голубинскому, профессору философіи въ Московской духовной академіи; по собственно это—трудъ студентовъ академіи, просмотрѣнныи ихъ профессоромъ.

²⁾ «Revue des deux mondes».

какъ оппонентъ Литре, не могъ ожидать похвального отзыва, и вотъ что было сказано въ рецензіи:

«Большая часть ошибокъ, въ которыхъ впадали и впадаютъ защитники конечныхъ причинъ, состоить въ томъ, что они въ міросозерцаніе вносятъ понятіе пользы. Они забываютъ, что предметъ можетъ быть самъ себѣ цѣлью и что, следовательно, цѣлесообразность и сообразность съ пользою не одно и то же. Другой источникъ ошибокъ заключается въ томъ, что философы, отыскивающіе во всемъ пользу, выводили ее изъ ограниченного числа фактовъ и явлений. Вращаясь въ крошечномъ уголку міра, ничтожномъ въ сравненіи съ цѣлью, они упустили изъ вида, что въ другихъ уголкахъ есть тѣ же творенія, нѣсколько иначе устроенные, и что одна и та же часть нашего тѣла или тѣла животныхъ, необходимая тамъ, где жилъ какой нибудь Сократъ, была обходимою тамъ, где Сократъ не жилъ. Подобный разсужденія походили бы на разсужденія Лиллипута, который сталъ бы отыскивать пользу и необходимость въ маломъ ростѣ. Легко представить себѣ, въ какое бы отчаяніе впалъ лиллипутскій философъ, посѣтивъ страну гигантовъ. Есть страна, жители которой надѣлены зобами: хорошо бы было, если бъ одинъ изъ нихъ сталъ доказывать необходимость или пользу зоба, не подозрѣвая, что возможно и отсутствіе зоба. Къ такимъ возврѣніямъ на устройство міра принадлежать слова Сократа: «не есть ли это дѣло промысла, что Творецъ, по причинѣ нѣжности глазъ, оградилъ ихъ вѣками, какъ дверьми, которыя, какъ надоѣно глядѣть, расторгаются, а во время сна смыкаются, и, чтобы защитить глаза отъ вѣтра, покрылъ ихъ рѣсицами; а чтобы птицъ не причинили вреда поть, текущій по лбу, выростилъ надъ ними брови». Сколько въ этихъ словахъ произвольного и ограниченного! Они подаютъ поводъ не только къ неразрѣшимымъ, но и къ страннымъ вопросамъ о пользѣ разныхъ предметовъ міра. Въ самомъ дѣлѣ, волосы бровей останавливаютъ поть, текущій по лбу,—какое же назначеніе волосъ на бородѣ и усахъ? Они вырошены еще въ большомъ количествѣ, должны имѣть, по теоріи конечныхъ причинъ, свою неотъемлемую пользу, и вотъ безжалостная бритва отнимаетъ ее, эту пользу, и многие изъ насъ завидуютъ тому полу, у которого не растетъ ни борода, ни усы. Такимъ образомъ разсчетъ человѣка, его мысль объ удобствѣ или красотѣ торжествуетъ надъ разсчетомъ природы, надъ ея конечной причиной. Борода въ жаркомъ климатѣ скопляеть въ себѣ поть и та же борода свѣршихъ жителей покрывается и несмѣтъ: который же изъ этихъ двухъ предметовъ служитъ ея истиннымъ назначеніемъ? Свѣрхъ того, мы не знаемъ, что будетъ дѣлать теорія конечныхъ причинъ съ уродами, которыхъ такъ много и которые представляютъ явное уклоненіе отъ цѣлесообразного устройства природы. Находить цѣлесообразность въ каждой части животнаго тѣла значить доказывать вмѣстѣ съ необходимую пользу и тѣмъ стѣснить всемогущество Творящаго. Вы говорите, рѣсицы защищаютъ глаза отъ вѣтра? Но для чего же вѣтру дана сила вредить столь полезному органу, какъ глазъ, и для чего же рѣсицамъ не дана полная сила ограждать этотъ органъ отъ губительныхъ влияний вѣтра, шумы и жаровъ? Зачѣмъ человѣкъ устроенъ именно такъ, что онъ падаетъ на землю тѣми частями тѣла, которыя для него всего драгоценѣй? Вы отвѣтите, что Творецъ не хотѣлъ силою своего могущества нарушать естественное теченіе природы. Прекрасно! Слѣдовательно, великое слово истиннаго воззрѣнія найдено: естественность. Вотъ ключъ къ истинному ученію. А теорія конечныхъ причинъ никогда не сладить съ своимъ дѣломъ. Испытатели природы открыли уже многое въ дѣйствительномъ устрой-

ствъ міра, и очень мало знаютъ о пользѣ всѣхъ ея твореній и каждой части творенія, да и знанія эти, большею частію, гипотетическія, добыча фантазіи. Вотъ ужъ сколько времени человѣкъ живеть съ комарами и мухами, и до сихъ поръ не знаетъ истиннаго ихъ назначенія, по крайней мѣрѣ, не видить пользы вреда, ими причиняемаго. Пожалуй, можно искать ее въ томъ или другомъ выяніи на нашу нравственность, т. е. объясненіе конечной причины перенести изъ міра физического въ міръ душевный, но такъ какъ отъ этого не выигрываютъ ни физика, ни нравственность, то человѣкъ и рѣшился на благое дѣло — истреблять цѣлесообразныхъ комаровъ и мухъ, необходимо полезныхъ по теоріи конечныхъ причинъ, но чрезвычайно-непріятныхъ по естественному ощущенію. Съ успѣхами астрономіи, звѣзды и луна потеряли свою прежнюю конечную причину — свѣтить землѣ. Было время, когда астрономы, основываясь на своихъ предположеніяхъ, заставляли двигаться планеты по такимъ хитрымъ путямъ, что одинъ вѣнценосецъ воскликнулъ: «Если бъ я былъ при сотвореніи мира, то посовѣтовалъ бы устроить его получше!» То же самое, пожалуй, скажетъ иной при разсужденіяхъ Сократа и другихъ философовъ, устанавливающихъ конечныя причины¹⁾.

Голубинскому былъ непріятенъ такой отзывъ, хотя высшая духовная власть и успокаивала его, говоря: «огорчаться тутъ нечего; развѣ ты не видишь, что въ статьѣ больше остроумія, чѣмъ дѣла». Такъ передавалъ мнѣ Александръ Ивановичъ Невоструевъ, братъ Капитона Ивановича, трудившагося, вмѣстѣ съ Горскимъ, надъ описаніемъ рукописей синодальной библіотеки. Онъ былъ законоучителемъ въ московскомъ александровскомъ институтѣ, во время моего тамъ субъинспекторства, а потомъ протоіереемъ въ московскомъ Казанскомъ соборѣ, имѣль много знакомыхъ въ духовной академіи и постоянно поддерживалъ съ нею сношенія.

Другой примѣръ такой же критической манеры можно видѣть въ отзывѣ о новомъ русскомъ переводѣ всѣмъ извѣстнаго романа Гольдсмита: «Векфильдскій священникъ». Онъ помѣщенъ въ «Современникѣ»²⁾. Рецензентъ не пощадилъ ни автора, ни его творенія, хотя оно пользовалось и теперь пользуется несомнѣнною всемирною извѣстностью. За то редакція «Современника» читала статью съ большимъ удовольствіемъ, а К. Д. Кавелинъ не могъ удержаться отъ смѣха при ея злобно-яростномъ тонѣ, который давалъ знать, что авторъ статьи видѣтъ въ Гольдсмите какъ бы личнаго врага своего. Между тѣмъ, этотъ авторъ можетъ увѣрить читателя, что онъ никогда не страдалъ ни яростью, ни злобой. Но таково, видно, свойство тенденціозной мысли, настроенной на извѣстный ладъ, смотрящей въ одну сторону, что она и нежелчной натурѣ даетъ иногда возможность извергать желчь. Когда рецензентъ спросилъ у Т. Н. Грановского, что онъ думаетъ о статьѣ, то услышалъ отъ него слѣдующее: «Статья, разумѣется, хороша,

¹⁾ «Отеч. Зап.», 1847 г., сентябрь, «Библіографическая хроника» (стр. 22—25).

²⁾ Въ 1847 г. (ноябрь), въ отдѣлѣ «Русская литература».

по отношению къ вашему взгляду, но по отношению къ роману отъ начала до конца фальшива. Знаменитый романъ она смѣшала съ грязью: такъ нельзя судить о поэтическихъ произведеніяхъ. Въ нихъ художество на первомъ мѣстѣ, а вы художества-то и не хотѣли знать». Именно не хотѣль, потому что носилъ въ головѣ совершенно иное. Романъ оказался виноватымъ потому, что онъ, говоря словами рецензіи, «не къ лицу современнымъ стремленіямъ: теперь де нужны не век菲尔дскіе священники, а люди бодрые, дѣятельные, которые смотрѣли бы на вещи прямо и любили бы землю, какъ наше жилище».

Что тенденціозное направлѣніе критики приходилось ко времени, это доказывается постояннымъ изъ года въ годъ возраставшимъ, хотя тugo и медленно, успѣхомъ «Отечественныхъ Записокъ». Сочувствие людей, дорожившихъ европейской цивилизаціей, видимо обращалось на сторону этого журнала. Много помогло тому тогдашнее состояніе литературы и подвиги тѣхъ литераторовъ, которые господствовали въ ней, или, вѣрнѣе, претендовали на право господства. Я разумѣю Гречка и Булгарина, владѣвшихъ правомъ издавать единственную частную газету «Сѣверную Пчелу», и Сенковскаго (онъ же баронъ Брамбѣусъ), редактора «Библіотеки для Чтенія». Умалчиваю о четвертомъ лицѣ—Н. А. Полевомъ. Приниженный обстоятельствами, онъ волей-неволей былъ вынужденъ устроить компромиссъ съ указаннымъ триумвиратомъ, самозваннымъ цѣнителемъ отечественной словесности, распорядителямъ ея судебъ. Какъ относились они къ лучшимъ ея представителямъ, къ тѣмъ славнымъ именамъ, которыя неизмѣнно дороги каждому русскому? Для примѣра достаточно прочесть драгоценныя въ своемъ родѣ письма Булгарина и Сенковскаго къ Лелевелю¹⁾). Боже мой, какъ они разстилались передъ своимъ собратомъ въ благодарности за критику на «Исторію Государства Россійскаго»! какъ упрашивали его (Булгаринъ даже становился передъ нимъ на колѣни—«падамъ до ногъ») доконать русского историка! Не лучше было и обращеніе съ Пушкинымъ и Гоголемъ. Первый обвинялся въ безнравственности своихъ сочиненій; юморъ втораго назывался малорусскимъ жартомъ, а онъ самъ приравнивался Поль де Коку. Баронъ Брамбѣусъ, воздвигшій себѣ памятникъ тѣмъ, что первый ввелъ въ нашу литературу омерзительный элементъ—глумленіе, который чрезвычайно нравился нижнеэтажнымъ и подвальнымъ подписчикамъ на «Библіотеку для Чтенія»,—баронъ Брамбѣусъ, говорю я, возносилъ до небесъ стихотворенія Тимофеева, никому теперь неизвѣстныя, и каждый разъ величалъ ихъ автора прямыми «наслѣдникомъ» Пушкина. Смѣясь надъ симъ и онymъ, преслѣдуя ихъ въ каждой книгѣ и книжонкѣ, онъ думалъ, что

¹⁾ «Русская Старина», 1878, №№ 8 и 9.

преобразовываетъ, улучшаетъ нашъ литературный языкъ, а самъ то и дѣло нашиговывалъ свою рѣчь полонизмами и другими антируссскими выраженіями и словами¹⁾). Вотъ каковы были наши цѣнители и судьи! Понятно, что органы такихъ дѣятелей должны были оттолкнуть отъ себя и сотрудниковъ, и читателей, принадлежавшихъ къ классу людей благомыслящихъ, что тѣ и другіе перешли на сторону periodического изданія, вовсе непохожаго по своему направленію ни на «Сѣверную Пчелу», ни на «Библіотеку для Чтенія». Рассказываютъ, что въ одинъ изъ пріѣздовъ Жуковскаго въ Москву С. П. Шевыревъ умаливалъ его освободить русскую литературу отъ татарскаго нашествія Брамбеса. Моленіе, конечно, эксцентричное, но чувство, которымъ оно внушено, вполнѣ понятно: это — чувство благороднаго человѣка и патріота, горячо принимавшаго къ сердцу отечественное образованіе и отечественную литературу.

Въ настоящее время, когда газеты взяли верхъ надъ изданіями, обыкновенно называющимися у насъ журналами, очень трудно составить себѣ вѣрное понятіе о силѣ того сочувствія, какимъ пользовались «Отечественные Записки». Всякое о томъ представление современныхъ читателей, которые въ сороковыхъ годахъ не могли еще, по своему возрасту, интересоваться литературою, окажется или слабымъ, или фальшивымъ. Еще за недѣлю до выхода книжки въ Петербургѣ (каждый номеръ аккуратно выходилъ въ первое число мѣсяца), мы, москвицы, находились въ какомъ-то возбужденномъ состояніи: разсчитывали, когда именно прибудетъ она къ намъ, гадали и думали, какія статьи въ ней появятся. При полученіи ея, иногда и дѣло откидывалось въ сторону. Мы торопливо разрѣзывали листы и прежде всего бросались на критику, потомъ просматривали библиографическую хронику, а затѣмъ уже переходили къ отдѣлу наукъ или отдѣлу беллетристики, смотря по тому, въ которомъ изъ нихъ наиболѣе выражались наши любимыя идеи. Романы и повѣсти Жоржъ Занда были въ этомъ отношеніи настоящими для насъ кладомъ. Ознакомившись съ важнѣйшимъ содержаніемъ нововышедшаго номера, мы вскорѣ собирались у когонибудь изъ нашего круга, взаимно передавали впечатлѣнія, повѣряли свое удовольствіе удовольствіемъ другихъ, а иногда любили и спорить о значеніи такой-то статьи, о ея достоинствахъ и недостаткахъ. То было истинно-пріятное времепровожденіе! Никому изъ насъ не приходило на мысль считать часы, проведенные въ подоб-

¹⁾ Онъ писалъ: польце зелени, крокодилей, бѣлость (см. бѣлизна), не соваїся (вм. не суйся), отгружаютъ (вм. разгружаютъ), наочный свидѣтель (отъ польскаго паослпн), по ступенямъ царей (т. е. по стопамъ, по слѣдамъ), я оглаголь (изумился, остолбенѣлъ), калмыки кипять загородомъ (кишать). См. Литературные поясненія Греча въ приложеніи ко 2-му тому «Сына Отечества» (мартъ и апрѣль 1838 г.).

ныхъ бесѣдахъ, потерянными. Мы были убѣждены, что журнальное дѣло наше приносить пользу, а при такомъ убѣжденіи нѣтъ мѣста ни сожалѣнію, ни раскаянію. На успѣхъ «Отечественныхъ Записокъ» мы смотрѣли, какъ на успѣхъ общественный. И потому, когда цифра подписчиковъ этого журнала отъ 600 или 700 возросла черезъ три-четыре года до 4,200, мы искренно радовались и торжествовали. Онъ сталъ журналомъ первенствующимъ, благодаря своему направленію. Значить, разсуждали мы, правая сторона, рано или поздно, береть свое, одерживаетъ верхъ надъ стороной неправой, какъ бы послѣдняя ни была сильна и откуда бы ни почерпала свою нечистую силу.

1846-й годъ былъ послѣднимъ годомъ участія Бѣлинского въ «Отечественныхъ Запискахъ», которыя, конечно, ему одолжены были своимъ успѣхомъ. Вмѣстѣ съ нимъ перешли въ «Современникъ» (1847 г.) и другія крупныя литературныя силы. Уменьшенному числу сотрудниковъ г. Краевскаго пришлось работать усиленнѣе. Я началъ писать болѣе и чаще въ отдѣлы критики и библіографической хроники, по временамъ посылая кое-что и въ другіе отдѣлы. Изъ статей моихъ я долженъ отмѣтить тѣ, которыя имѣли значеніе не только для меня собственно, но и для исторіи самого журнала.

Больше всего памятенъ мнѣ первый отрывокъ изъ «Записокъ человѣка», посвященный П. Н. Кудрявцеву¹⁾. Онъ явился подъ псевдонимомъ Сто-одинъ, который былъ уже не новостью для читателей «Отечественныхъ Записокъ». Здѣсь кстати объяснить причину, почему я выбралъ такую, повидимому, странную подпись. Вотъ что подало къ этому поводъ. Въ 1841 году, вышелъ второй томъ Смирдинскаго сборника: «Сто русскихъ литераторовъ». Къ изданію предполагалось десять томовъ, съ десятью статьями въ каждомъ и портретами ихъ авторовъ. Просматривая новоиздѣшій томъ, я увидѣлъ на ряду съ такою возвышенностью литературнаго міра, какъ Крыловъ, и другими известными личностями (Вельтманъ, Загоскинъ, Надеждинъ) имена Каменскаго, Масальскаго, Панаева (Владимира Ивановича), Шишкова и Булгарина. Такая смѣсь талантовъ мнѣ показалась забавною, и я подумалъ: куда мнѣ тягаться съ такими богатырями! могу ли мечтать о занятіи мѣста въ ихъ обществѣ, попасть хотя въ послѣдній, десятый томъ Смирдинскаго сборника! Нѣтъ, я лучше подожду и открою своей особой вторую серію, вторую сотню русскихъ литераторовъ, буду «сто первымъ». Вскорѣ послѣ этого, подъ первой же статьей, отправленной въ «Отечественные Записки»: «Характеръ лирическихъ стихотвореній В. Гюго»²⁾, я подписался выбраннымъ мною псевдонимомъ. Но

¹⁾ «Отечеств. Записки», 1847 г., № 12.

²⁾ «Отеч. Зап.», 1841, т. XVII (французская литература).

впослѣдствіи редакція журнала замѣнила его другимъ—Сто одинъ, полагая, что я имѣлъ въ виду французскій сборникъ «Cent et un». Эта замѣна такъ и осталась: мнѣ не хотѣлось входить въ переписку объ ошибочномъ толкованіи моей мысли, да и не стоило: отъ сто-перваго до ста-одного одинъ только шагъ.

Содержаніемъ указанной статьи изъ моихъ «Записокъ» служило то мистико-аскетическое настроеніе, которое охватило меня въ юношествѣ, послѣ прочтенія переведенной съ латинскаго книги «Брань духовная, или наука о совершенной побѣдѣ самого себя» (1787) ¹⁾ Въ послѣдующій періодъ жизни, при усвоеніи другихъ, прямо противоположныхъ возврѣній, любопытно было вспомнить бывшее, сильно меня интересовавшее десятка за два лѣтъ. При интеллектуальномъ развитіи личности съ ея убѣжденіями часто происходитъ то же самое, что и съ чувствами. Къ тѣмъ и другимъ удобно приложить поговорку: «чему посмѣешься, тому и поработаешь», только выразивъ ее наоборотъ: «чему поработаешь, тому и посмѣешься». Влюбленный, напримѣръ, охладѣвъ къ предмету своей страсти, не только становится къ нему равнодушнымъ, но иногда питаетъ даже отвращеніе. Какими мольбами, какимъ приворотнымъ зельемъ заставишь его пытать прежнею страстью! Скорѣе тигръ возвратить свою добычу, чѣмъ угасшая любовь снова загорится съ первоначальнымъ пламенемъ. Такую же участъ испытываютъ и убѣжденія: въ чемъ нѣкогда видѣли мы идеалъ, чему поклонялись и приносили жертвы, какъ кумиру, то впослѣдствіи, при дальнѣйшей степени сознанія, вырабатывающаго новые идеалы, новые кумиры, мы разбиваемъ въ прахъ какъ неистинное. Мы негодуемъ и на доктрину, которой служили, и на самихъ себя, зачѣмъ подчинились ея обольщенію. Испытывая подобное негодованіе, я также захотѣлъ отомстить моей бывшей доктрины за пораженіе юношескихъ стремленій, за приниженіе ума, за оскорблѣніе человѣческой природы... Вотъ какъ отзвался я объ отверженномъ ученіи, въ которомъ думалъ обрѣсть и основу для суджденій, и правило для дѣйствій:

«И я нашелъ этотъ кодексъ, на темныхъ страницахъ котораго начертано, что жизнь есть суровое наказаніе, что на бѣломъ свѣтѣ не свѣтъ и радость, а смятеніе и слезы, что обязанность человѣка — воевать съ самимъ собою и принимать побѣду, какъ сверхъестественный даръ. Случайно попалось мнѣ твореніе мрачнаго противника жизни, который видѣть въ ней самаго опаснаго врага живущихъ ²⁾). По его теоріи, врожденныя способности человѣка были ни больше, ни меньше, какъ пороки, ибо они вытекали изъ зараженнаго источника. А такъ какъ главныхъ способностей у насъ двѣ: сознаніе и воля, то и главныхъ условій для борьбы съ жизнью — два. Первое — крайняя недовѣрчивость къ силамъ ра-

¹⁾ «Русск. Вѣст.», 1876, ноябрь.—Другой переводъ того же сочиненія напечатанъ въ 1794 г., подъ заглавіемъ «Подвигъ христіанина противъ искушений».

²⁾ Разумѣлось цитированное сочиненіе: «Духовная брань».

«Истор. вѣсти.», ноябрь, 1886 г., т. xxvi.

зума, полное отсутствие самоуважения; чтобы значить что нибудь на полѣ сраженія, подобно было убѣдиться, что мы ничего не значимъ. И даже въ томъ случаѣ, когда спасительная недовѣрчивость овладѣвала умомъ и сердцемъ, мы всего менѣе обязаны считать ее своей заслугой и всего больше незаслуженнымъ даромъ, чѣмъ-то въ родѣ поэтическаго вдохновенія. Исправивъ порокъ разума, т. е. уничтоживъ его сущность, надобно, по теоріи гоненій на жизнь, исправить такимъ же образомъ порокъ воли. Въ этомъ—второе условіе борьбы, и главное здесь средство—отречься отъ естественныхъ влечений. Притомъ, надобно замѣтить, что цѣль подобнаго отреченія отнюдь не въ томъ, чтобы побѣдить волю, но въ томъ единственно, чтобы приписать побѣду не своей волѣ. Побѣжденная природа утратитъ всѣ свои лавры, если дерзнетъ искать удовлетворенія въ самомъ актѣ побѣды: вѣтъ, стремленіе къ побѣдѣ и награда за нее должны лежать въ нашей природѣ. Свое собственное удовольствіе, которое мы ощущаемъ, упразднивъ волю, — ничто. При каждомъ дѣйствіи, необходимо освобождать себя отъ всѣхъ побужденій, въ которыхъ есть хотя что нибудь человѣческое. Однимъ словомъ (говорило мнѣ руководство), воля да будетъ мертвa, чувство тупымъ и умъ безумнымъ.

«Увлеченный мыслю о возможности пріобрѣсть сверхчеловѣческое совершенство, я сталъ прилежно вникать въ способы для достижения цѣли. И тогда-то началась брань, крайне любопытная своей беззаконностью: брань между правилами системы, грозной своей нетерпимостью, и увлечениемъ жизни, сильной своею естественностью. Я осуждалъ все, что противорѣчило законамъ моей исключительной нравственности: бѣеніе сердца, свободное движеніе мысли, твердое желаніе воли—все надобно было умѣрить или подавить, какъ преступные замыслы человѣка, который хочетъ выйти изъ-подъ влиянія спасительныхъ постановленій. Я сѣтовалъ на радость, хотя она оправдывалась своею искренностью, боялся приятныхъ образовъ воображенія и всего болѣе боялся горячихъ стремленій крови, находя въ ней стихію самую мятежную, самую непокорную условнымъ системамъ нравственности. Страсть была для меня страшилищемъ. Я изъ себя создалъ врага самому себѣ, врага опаснаго и безотвязнаго, потому что онъ домашній. На языкѣ моей системы, счастіе заключалось въ отреченіи отъ того счастія, которымъ долженъ наслаждаться каждый, пришедший въ міръ; верховное благо — въ отчужденіи отъ собственной природы; жизнь человѣка и всего міра—въ непрерывномъ самоуменьшеніи. Таинство жертвы, благодать страданія—вотъ идеалъ, къ которому я стремился по указанію моего руководства.

«Но что же вышло? Чѣмъ менѣе и уклонялся отъ предписаній руководительной системы, тѣмъ больше чувствовалъ неловкость своего положенія. Вѣрность тому, что я называлъ прямую обязанностью, награждала меня отвлеченнымъ удовольствиемъ; но это же исполненіе долга заставляло меня живо ощущать дѣйствительное недовольство—плодъ естественныхъ потерь. На ряду съ одобрениемъ, которое я приписывалъ себѣ, какъ послушный ученикъ, изъ глубины моего чувства раздавался другой, оглушительный и ничѣмъ не заглушаемый голосъ естественной совѣсти, крикъ природы, которая, подобно мстительнымъ богинымъ, преслѣдуje безъ отдыха нарушителя ея законовъ. Послѣ напрасной жертвы—напрасное утѣшеніе, за утѣшениемъ опять жертва: какая бесплодная наука! Это ли значитъ жить? Какъ ни былъ молодъ мой разсудокъ, но онъ замѣчалъ въ избранной имъ нравственной системѣ два коренныхъ недостатка: непослѣдовательность самой себѣ и противорѣчие естественному свойству вещей. Мнѣ казалось страннымъ, что, при томъ разъединеніи элементовъ человѣческой природы, которое система проповѣдовала, при томъ превосходствѣ, ко-

торое она отдала одному изъ этихъ элементовъ, употреблялись, по ея же наставлениямъ, чисто чувственныя средства для приобрѣтенія сверхчувственного совершенства. Мне казалось страннымъ, что эта система никогда не позволяла нашимъ способностямъ идти прямо, развиваться естественнымъ ходомъ, но перестанавливалась мысли, чувства и дѣла, какъ бы забавляясь ихъ противорѣчіемъ. Стремилось ли состраданіе помочь несчастному?—система запрещала чувству испытывать сладость самоудовлетворенія, находить красоту и награду въ исполненіи своего благороднаго стремленія. Она требовала, чтобы и предметъ, возбуждавшій чувство, и чувство возбужденное исчезли, уступивъ мѣсто третьему предмету, о которомъ человѣкъ въ то время и не думалъ. Смотрѣли ли глаза и умъ на прекрасное созданіе природы?—уму вмѣнялось въ обязанность помышлять не о созданіи, обратившемъ на себя его любопытство, а о предметахъ, которые не имѣли къ нему въ то время ни малѣйшаго отношенія. Жизнь долженствовала рождать понятіе о смерти, смерть — понятіе о жизни. Такое извращеніе нормальныхъ способностей нашихъ не могло нравиться здоровому человѣку, и я бросилъ свою систему.

«Система правиль, принятая мною въ руководство, оказалась и потому безполезною, что она не дала мнѣ обѣщанного: я не приобрѣль небывалаго совершенства. Силы природы безпрестанно увлекали меня изъ душного затвора на чистый воздухъ, подъ открытое небо, въ объятія дружелюбныхъ намъ инстинктовъ. Кроме безполезности, система произвела положительный вредъ: она нѣсколько ослабила дѣятельность данныхъ мнѣ стихій, тогда какъ нужно было возбуждать ихъ энергию, сообщать естественное направление благороднѣйшимъ страстиамъ. Сторонняя, косвенная и неожиданная польза ея заключалась въ томъ, что я впослѣдствіи всѣми силами вознегодовалъ на то, чмъ прежде покорялся¹»).

Статья произвела сильную сенсацію въ интеллигентныхъ кружкахъ обѣихъ столицъ. Въ Москвѣ читали ее и западники, и славянофилы. Н. Ф. Павловъ изъ дома въ домъ носился съ номеромъ «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ она напечатана, толковалъ ея значеніе, восхищался ею. Излишне говорить о томъ, какъ она понравилась редакціямъ и сотрудникамъ «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника». Бѣлинскій писалъ къ В. П. Боткину: «Я съ удовольствиемъ прочелъ повѣсть не повѣсть, даже разсказъ не разсказъ и разсужденіе не разсужденіе — «Записки человѣка», да еще съ какимъ удовольствиемъ!»²). Боткинъ устроилъ обѣдъ, на который пригласилъ меня, какъ автора, и П. Н. Кудрявцева, какъ лицо, которому посвящена статья; онъ хотѣлъ, вмѣстѣ съ другими, общими намъ пріятелями, фетировать насъ, пить за наше здоровье. Къ сожалѣнію, особенные обстоятельства не позволили намъ явиться по приглашенію, за что и получили мы сильные, хотя и незаслуженные, упреки, какъ дикари, чуждающіеся общительности. Студенты, приходившіе къ Кудрявцеву по воскресеньямъ для бесѣдъ о своихъ занятіяхъ, разспрашивали его обо мнѣ, разсуждали о статьѣ

¹) «Отеч. Зап.», 1847, декабрь.

²) Бѣлинскій, его жизнь и переписка, соч. А. Н. Пыпина, т. 2, стр. 312 и 313.

моей. Одинъ изъ нихъ, сынъ или племянникъ (не помню въ точности) бывшаго директора вологодской гимназіи, Ф—ва, сдѣлалъ мнѣ визитъ. Другой еще больше пользтиль мнѣ: въ театрѣ, во время антракта, изъ ложи,сосѣдней съ мою, онъ обратился ко мнѣ съ привѣтствіемъ и благодарностью какъ отъ себя лично, такъ и отъ всѣхъ своихъ товарищѣй, за великое удовольствіе, доставленное имъ «Записками человѣка». Не осталось къ нимъ равнодушно и духовное сословіе: ихъ читали и въ Московской духовной академіи. Протоіерей церкви Благовѣщенія, близь Разгуляя, очень образованный и притомъ математикъ, чтѣ большая рѣдкость между лицами этого званія, развѣдывалъ обо мнѣ у профессора Брашмана, инспектора институтовъ, зная, что я занимаю должность его помощника. Въ Петербургѣ, И. И. Введенскій, преподаватель русскаго языка и словесности въ бывшемъ Дворянскомъ полку, на урокѣ, прочель мою статью воспитанникамъ, о чёмъ самъ разсказывалъ мнѣ подъ великимъ секретомъ. Были читатели, знавшіе наизусть вѣкоторыя изъ нея тирады. Независимо отъ ея содержания, имъ нравился самый слогъ. Наконецъ, позднѣе получилъ я изъ Ярославля (отъ 6-го мая 1853) небольшой подарокъ при слѣдующей запискѣ: «Въ брошюрѣ Парижскаго Общества религіозныхъ сочиненій: «Capitaine de vaisseau et son mousse» (1825, № 21), я нашелъ первообразъ «Капитана Боппа» Жуковскаго. Такъ какъ вещь эта вамъ, можетъ быть, неизвѣстна и достать ее порядочно трудно, то, посылая вамъ списокъ ея, прошу принять его какъ малый знакъ того безконечнагоуваженія, которое питають къ вамъ всѣ ревнители, серьёзнаго, соціального образованія». Не выставляю имени писавшаго, не зная, будетъ ли то ему угодно, но считаю долгомъ выразить при этомъ случаѣ сердечную ему благодарность: сочувствие людей просвѣщенныхъ дорого каждому. Однимъ словомъ, время, о которомъ я говорю, было временемъ моего триумфа: фирма «Ста—одного» возвысилась.

Но торжество этимъ не кончилось. Новый блескъ придала ему критическая статья, подъ заглавiemъ: «Русская литература въ 1847 году»¹⁾). Редакціи «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника», равно какъ многие сотрудники ихъ, знали, что она принадлежитъ мнѣ, хотя подъ нею и не выставлено мое имя. Она состоять изъ двухъ частей: общей и частной. Общая излагаетъ направление литературы въ лицѣ лучшихъ ея представителей, или, вѣрнѣе, направление цивилизованнаго общества; частная, съ точки зрѣнія изложеннаго, дѣлаетъ обзоръ замѣчательнѣйшихъ литературныхъ произведеній, явившихся въ предшествовавшемъ (1847) году. Первая часть очень понравилась, вторая вышла неудачной, какъ спѣшное и слабое приложение основъ къ наличнымъ фактамъ. В. П. Бот-

¹⁾) «Отеч. Зап.», 1848, январь.

кинъ, бывшій тогда въ Петербургѣ, и К. Д. Кавелинъ высказали мнѣ въ письмахъ большія похвалы, хотя послѣдній остался недоволенъ второю половиной статьи. Бѣлинскій, помѣстившій также обзоръ литературы въ двухъ нумерахъ «Современника» за 1848 годъ, писалъ мнѣ по этому поводу слѣдующее: «Кто прочтеть общую часть и моей, и вашей статьи, тотъ, право, подумаетъ, что мы согласились говорить одно и то же. Но какъ только дойдетъ дѣло до оцѣнки литературныхъ произведеній, тогда—иная исторія: посытай за старикомъ Бѣлинскимъ, а безъ него плохо». Этими словами, вѣрно, обозначался недостатокъ второй части моей статьи, что я и самъ вполнѣ сознавалъ.

Все это было бы очень лестно моему самолюбію, если бы за свѣтлыми минутами торжества не наступила темная пора, если бы не пришлось мнѣ пережить, какъ выражаются французы, un mauvais quart d'heure. Началь ходить слухъ, совершенно неожиданный. Толковали, будто при описаніи характера моего дѣда (въ «Запискахъ человѣка») я мѣтиль на высокопоставленное лицо, имѣвшее такія же привычки. По нелѣпости слуха,—сказалъ мнѣ Т. Н. Грановскій,—вы можете сами заключить, что онъ идетъ изъ какой нибудь лакейской, и потому тревожиться имъ нѣтъ причины. Я и успокоился, но не надолго. Собиратель всѣхъ возможныхъ вѣстей, И. М. Снегиревъ, частый посѣтитель митрополичьяго подворья, отъ котораго онъ кстати и жилъ недалеко, сообщилъ мнѣ въ одно прекрасное (точнѣе—прескверное) утро, что отрывокъ изъ моихъ записокъ возбудилъ негодованіе и владыки (митрополита Филарета) и нѣкоторыхъ профессоровъ Московской духовной академіи; что они объясняютъ его, какъ явное отверженіе религіозно-нравственныхъ истинъ, что подъ книгой «мрачнаго противника жизни» я разумѣю будто священнѣшую изъ всѣхъ книгъ. Это уже пахло не шуткой. Я не могъ не потревожиться. Къ вящшему моему смущенію, вѣсть Снѣгирева подтвердилаась. На масляницѣ 1848 года, получилъ я записку отъ П. Н. Кудрявцева: «Вчера,—увѣдомлять онъ меня,—отецъ мой¹⁾ былъ вытребованъ къ владыкѣ. Рѣчь шла объ извѣстной статьѣ, мнѣ посвященной. Было упомянуто ваше имя. Нужно ли говорить, любезный другъ, что можетъ случиться, если рѣчь перейдетъ въ дѣйствіе?». Эти строки рѣшительно напугали меня. Я бросился къ Петру Николаевичу разузнать обстоятельнѣе то, о чёмъ кратко говорилось въ запискѣ, а услышалъ отъ него слѣдующее.

Совершивъ обычный земной поклонъ, отецъ Петра Николаевича увидѣлъ въ рукахъ владыки книгу въ желтой обложкѣ («Отечественные Записки»). Послѣ вопроса: «Читалъ ли ты въ этой книгѣ «Записки человѣка»? и отрицательного отвѣта, владыка сказалъ:

¹⁾ Отецъ П. Н. Кудрявцева былъ священникомъ на Даниловскомъ кладбищѣ.

— Знаешь ли, что эта статья не лучше сочинений энциклопедистовъ? Въ ней отвергаются существенные основы религиозной нравственности.

Священникъ, незнакомый съ содержаниемъ статьи, хранилъ молчаніе.

— Статья посвящена твоему сыну. Посвящаютъ обыкновенно тому, кто сочувствуетъ автору, единомышлить съ нимъ. Значить, и у твоего сына такой же образъ мыслей?

Молчаніе священника продолжалось.

— Я могъ бы позвать твоего сына и предложить ему этотъ вопросъ, но предоставлю тебѣ, какъ отцу, испытать его. Что же касается до автора статьи, то вѣдаться съ нимъ ужъ мое дѣло.

Нужно ли объяснять, какъ этотъ разсказъ встревожилъ меня? А не тревожиться было нельзя. Обстоятельства того времени, и общія, и мои собственные, угрожали мнѣ опасностью, мѣру которой ни я, ни кто либо другой не могъ опредѣлить. Объ общихъ обстоятельствахъ, послѣдовавшихъ за февралемъ 1848 года, не считаю нужнымъ говорить: они извѣстны каждому. Въ обстоятельствахъ же моей жизни совершилась важная перемѣна. Судьба моя была уже связана съ судьбой другаго, дорогаго для меня существа. Вмѣсто пріятныхъ хлопотъ по предстоящему семейному устройству, мнѣ пришлось скрывать отъ невѣсты мою внутреннюю тугу, потомъ объявить ей о могущей постигнуть меня бѣдѣ, утѣшать ее... И теперь воспоминаніе объ этихъ черныхъ минутахъ тоскливо сжимаетъ мнѣ сердце.

За совѣтомъ, какъ поступить въ приключившейся со мной притчѣ, пошелъ я къ Т. Н. Грановскому, наилучшему, незамѣнѣмому въ этомъ отношеніи человѣку, никогда не терявшему бодрости духа въ постигавшихъ его невзгодахъ и умѣвшему внушать ее другимъ. Долго толковаль онъ со мною, придумывая способъ если не отвести ударъ, то хотя нѣсколько ослабить его силу. Наконецъ, положено было немедленно написать другую статью, въ родѣ объяснительной записи къ первой, и немедленно же отправить въ «Отечественные Записки» для напечатанія. Такъ я и сдѣлалъ. Вторая статья изъ «Записокъ человѣка» явилась въ мартовской книжкѣ этого журнала (1848 г.). Въ письмѣ къ редактору журнала я просилъ наблюсти, гдѣ слѣдуетъ, нѣть ли изъ Москвы какой бумаги, и если есть, то принять возможныя мѣры къ моей оборонѣ. Недѣли черезъ три полученъ успокоительный отвѣтъ: бумага, дѣйствительно, поступила, но

Громъ не грянулъ, и я перекрестился.

Замѣчательно, что «Записки человѣка», возбудившія сильный говоръ среди читателей, интересовавшихся каждымъ движениемъ мысли, приняты были вовсе неодинаково людьми того круга, отъ

которыхъ зависить приговоръ, подлежить ли осужденю такой-то литературный фактъ. Въ этой неодинаковости впечатлѣнія выражалось различіе взглядовъ двухъ мѣстностей (Москвы и Петербурга) на одно и то же направленіе. Если въ одной изъ нихъ высоко стоящіе на общественной лѣстницѣ интересовались предметами отвлеченными, лежащими въ текущихъ и практическихъ потребностей, то въ другой лица той же высоты относились къ этимъ предметамъ совершенно равнодушно: витай себѣ сколько угодно въ поднебесныхъ пространствахъ, — думали они, — только не касайся земныхъ порядковъ. Въ этомъ отношеніи статья моя, конечно, самая невинная: она ничего и никого не задѣла въ земствѣ, даже не тронула чиновниковъ бывшей управы благочинія.

Не даромъ говорить пословица: пришла бѣда — отворяй ворота. Только-что отдохъ я отъ передряги по поводу «Записокъ человѣка», какъ посыпались на меня инсинуaciи съ благородныхъ листовъ «Сѣверной Пчелы» за «Обзоръ русской литературы въ 1847 году». Нѣкто г. К. въ фельетонѣ означенной газеты (1848, № 17) выставлялъ безнравственность мыслей, содержащихся въ первой, общей части «Обзора». Я, напримѣръ, указывая недостаточность личной, одиночной благотворительности, выводилъ отсюда заключеніе о необходимости замѣнить ее благотворительностью общественной, какъ прочнѣе обеспечивающей нуждающихся: обличитель нашелъ, что я отрицаю чувство милосердія, состраданія къ ближнему. Отвѣтать на подобныя толкованія было бы всуе, а по тому времени и опасно. Но за то г. К. вскорѣ понесъ чувствительное наказаніе: Булгаринъ похвалилъ его фельетонъ въ своихъ «Замѣткахъ, выпискахъ и корреспонденціяхъ»¹).

Съ первыхъ мѣсяцевъ 1848 года направленіе критики въ «Отечественныхъ Запискахъ» измѣнилось, — къ лучшему, или къ худшему, не рѣшаю вопроса, а ограничиваюсь лишь заявлѣніемъ того факта, что критика не могла уже попрежнему быть тенденціозной, служить извѣстнымъ идеямъ и стремленіямъ. Она должна была обратиться къ другимъ предметамъ, выбрать иную цѣль, настроиться на иной ладъ. Собственно моей журнальной работѣ открылось дѣло, прямо подходящее къ специальнymъ моимъ занятіямъ. Обильный для нея материалъ представило «Собрание сочиненій русскихъ авторовъ», Смирдинского изданія. И вотъ, съ 1848 по 1857 годъ, въ отдѣлахъ критики и наукъ явились разборы сочиненій Кантемира, Д. Давыдова, Богдановича, Княжнина, Кострова и Аблесимова, Карамзина, Жуковскаго, А. Измайлова и другихъ²). Всѣ эти историко-литературные этюды нравились въ

¹) «Сѣверная Пчела», 1848, № 22.

²) Объ Измайловой и Карамзинѣ въ «Современникѣ» 1849—1850 и 1853 гг.

свое время читателямъ, а преподаватели русской словесности пользовались ими, какъ пособіями для своихъ уроковъ. Статью: «Карамзинъ, какъ оптимистъ»¹⁾, заключился девятнадцатилѣтній періодъ моего сотрудничества въ двухъ наиболѣе распространенныхъ тогдашнихъ органахъ нашей періодической прессы. Конечно, я писалъ и послѣ въ нѣкоторые журналы, но это участіе уже не было постояннымъ: оно являлось отъ времени до времени, вызывалось случайными, иногда неожиданными побужденіями.

Позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о моихъ беллетристическихъ покушеніяхъ, или грѣхахъ, какъ кому угодно. Ихъ всего на все четыре: «Старое зеркало», «Ошибка», «Кукольная комедія» и «Превращеніе»²⁾. Одна изъ этихъ повѣстей (Старое зеркало) заслужила одобреніе славянофиловъ, которые хвалили ее А. О. Армфельдту, зная, что я учительствую въ томъ институтѣ (Московскомъ Николаевскомъ), гдѣ онъ былъ инспекторомъ классовъ. Имъ пришлось по вкусу главное женское лицо, въ особенности его состраданіе къ крестьянскому быту, стѣсненному крѣпостнымъ правомъ. Рассказъ «Кукольная комедія» понравился П. Н. Кудрявцеву и содержаніемъ, и тономъ; за то Бѣлинскій просто разругалъ меня за него въ горячо написанномъ письмѣ, хотя тутъ же признавалъ за мною если не дарование, то способность (онъ различалъ эти два понятія) писать повѣсти. Вотъ два совершенно противоположные отзыва, при которыхъ оставалась, по крайней мѣрѣ, возможность утѣшаться однимъ изъ нихъ, такъ какъ тотъ и другой принадлежали извѣстнымъ личностямъ. Бѣлинскій и не могъ отозваться благосклонно о моемъ разсказѣ. Его мысль этого времени направлена была въ ту сторону, гдѣ нѣть мѣста идеальничанью. Поэтому настроенность чувства въ моей повѣsti онъ обозвалъ «противнымъ элегико-идиллическимъ паѳосомъ», а меня самого «романтикомъ», чтò на языкѣ его значило «дрянь и тряпка».

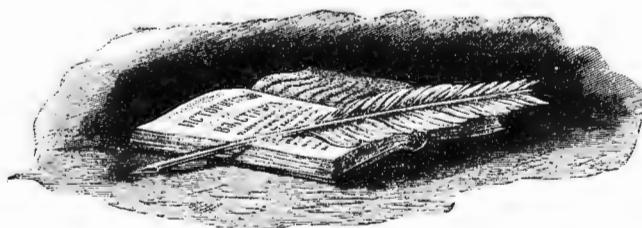
Живо храня въ памяти исторію вышеизложенныхъ моихъ журнальныхъ занятій, я нахожу въ ихъ итогѣ несомнѣнное для меня добро. Они принесли мнѣ большую пользу — и литературную, и нравственную. Изъ ряда учителей, имъ же не было числа, журнальное сотрудничество выдвинуло меня на болѣе видное мѣсто, дало мнѣ положеніе литератора. Оно познакомило меня со всѣми московскими и петербургскими литераторами, которые такъ достойно, такъ почетно продолжали въ нашей словесности дѣло Пушкина и Гоголя, и содѣйствію которыхъ «Отечественные Записки» и «Современникъ» одолжены были своимъ торжествомъ. Всѣ они

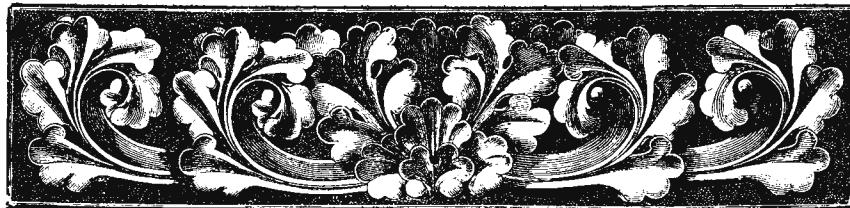
¹⁾ «Отечественные Записки», 1857 г.

²⁾ Первые три повѣсти въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1845, 1846 и 1847 гг.; послѣдняя въ «Современникѣ» 1847 г.

дѣнили мою трудолюбивую дѣятельность, а редакціи того и другаго журнала интересовались моимъ участіемъ. Но съ особеною благодарностью поминаю я это журнальное сотрудничество за Москву, гдѣ оно ввело меня въ кругъ самыхъ даровитыхъ, самыхъ почтенныхъ представителей университетской науки, въ пріязненное сообщество съ такими людьми, которые во всякое время и для каждого возраста должны служить назидательнымъ примѣромъ, идеальнымъ образцомъ.

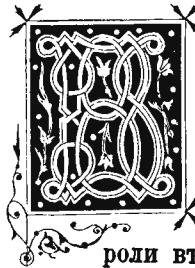
А. Галаховъ.

НОВЫЯ ДАННЫЯ ДЛЯ ИСТОРИИ НАЧАЛА ЦАРСТВОВАНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II¹⁾.

I.

В СТАТЬЕ «Первые годы царствования Екатерины II», помещенной въ октябрской книжкѣ «Исторического Вѣстника» за 1884 годъ (т. XVIII), нами было указано на содержаніе донесеній нидерландскаго резидента Мейнерцгагена, находившагося въ Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II. Хотя этотъ дипломатъ не игралъ важной роли въ области политики, но его разсказы о событіяхъ 1762—1764 годовъ свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ имѣлъ возможность наблюдать за ходомъ дѣлъ въ Россіи, что онъ узнавалъ о кое-какихъ происшествіяхъ, случавшихся въ то время, такъ сказать, за кулисами, и что онъ могъ составить себѣ точное понятіе объ опасностяхъ, грозившихъ императрицѣ Екатеринѣ въ первые годы послѣ государственного переворота.

Гораздо большее значеніе, чѣмъ депеши Мейнерцгагена, имѣютъ донесенія австрійскаго посла графа Мерси д'Аржанто, въ это же самое время находившагося въ Россіи. Между тѣмъ, какъ Голландская республика въ это время уже не имѣла вліянія на ходъ политическихъ дѣлъ въ Европѣ, дипломатическая сношенія между Австріею и Россіею не могли не служить предметомъ общаго вниманія. Графъ Мерси постоянно былъ занятъ веденіемъ важныхъ

¹⁾ «Сборникъ императорскаго русскаго историческаго Общества», томъ XLVI, Спб., 1885, XXXVII—728—46 стр.

переговоровъ, бесѣдуя съ главными сановниками, между тѣмъ какъ голландскій резидентъ игралъ совсѣмъ ничтожную роль при петербургскомъ дворѣ. Императрица, какъ кажется, никакъ не заботилась о Мейнерцагенѣ, тогда какъ Мерси весьма часто имѣлъ случай бесѣдовать съ нею о дѣлахъ, находиться въ ея обществѣ и пользоваться почетомъ въ качествѣ представителя великой державы.

Первый томъ донесеній графа Мерси д'Аржанто былъ изданъ императорскимъ историческимъ Обществомъ въ 1876 году¹⁾). Онъ обнимаетъ время отъ начала 1762 года до воцаренія Екатерины II. На содержаніе этого первого тома донесеній графа Мерси мы указали въ статьѣ «Императоръ Петръ III», помѣщенной въ журналѣ «Древняя и Новая Россія» (1878 г., т. III, стр. 177—200). Тамъ мы уже говорили о положеніи, которое австрійскій дипломатъ занималъ въ то время при русскомъ дворѣ. Австрія была при императрицѣ Елизавѣтѣ Петровнѣ союзникомъ Россіи. При Петрѣ III система русской политики совершенно измѣнилась. Роль которую игралъ представитель Австріи при петербургскомъ дворѣ, сдѣлалась очень неловкою. Петръ III, другъ и союзникъ Фридриха II, на Австрію смотрѣлъ свысока, всячески оскорбляя графа Мирси восхваленіемъ Пруссіи, выходками противъ Австріи. Не даромъ австрійскій дипломатъ желалъ перемѣны въ Россіи, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣми признаками повсемѣстнаго неудовольствія новымъ правительствомъ и разсчитывалъ на государственный переворотъ, который могъ бы оказаться выгоднымъ для Австріи.

Донесенія графа Мерси д'Аржанто, помѣщенные въ XVIII томѣ «Сборника исторического Общества», оканчиваются разсказомъ о государственномъ переворотѣ 26-го іюля 1762 года. Вскорѣ послѣ этого событія, впрочемъ, Мерси могъ убѣдиться въ томъ, что Россія при Екатеринѣ не возвратится къ системѣ вѣнѣшней политики, господствовавшей при Елизавѣтѣ. Въ своемъ разочарованіи австрійскій дипломатъ уже очень скоро послѣ воцаренія Екатерины составилъ себѣ очень невыгодное мнѣніе объ императрицѣ и о лицахъ, ее окружающихъ. Еще въ XVIII томѣ «Сборника» (на стр. 460) напечатано донесеніе графа Мерси, въ которомъ сказано: «Болѣе чѣмъ вѣроятно, что личный, составленный изъ бурныхъ страстей и странныхъ идей, характеръ новой государыни сдѣлаетъ ея царствованіе, какъ въ хорошемъ, такъ и въ худомъ, весьма оживленнымъ и дѣятельнымъ, съ тѣмъ, однако, различиемъ, что не такъ легко можно надѣяться на первое, какъ слѣдуетъ опасаться послѣдняго, что можно съ достовѣрностью увидѣть изъ того, что высокое преобладаетъ во всѣхъ ея решеніяхъ и что съ этихъ

¹⁾ «Сборникъ ист. Общ.», т. XVIII.

поръ Россія постарається принять во всѣхъ дѣлахъ повелительный диктаторскій тонъ», и пр.

Оставаясь послѣ этого въ Россіи до начала 1764 года, Мерси могъ убѣдиться въ томъ, что Австрія не имѣла основанія ожидать возобновленія союза съ Россіею. Предсказаніе графа, что царствованіе Екатерины будетъ оживленнымъ, вполнѣ оправдалось. Ему казалось, что во все это время «худое превосходило хорошее». Рисуя состояніе Россіи въ первое время этого царствованія, графъ Мерси употребляетъ довольно мрачныя краски. Не достигнувъ желанной цѣли, не успѣвъ сблизить Австрію съ Россіею, онъ покинулъ этотъ край не безъ нѣкотораго озлобленія. Это обстоятельство заслуживаетъ полнаго вниманія при оцѣнкѣ отзывовъ графа Мерси о Россіи, обѣ императрицѣ, о ея совѣтникахъ. Донесенія австрійскаго дипломата не могутъ считаться безпристрастными.

II.

Укажемъ прежде всего на личность графа Мерси и на внѣшность изданія его донесений изъ Россіи.

Флоримундъ-Клавдій графъ Мерси д'Аржанто родился въ 1722 году въ Люттихѣ, въ Австрійскихъ Нидерландахъ. Принадлежа къ высшей аристократіи, онъ рано вступилъ на дипломатическое по-прище, и въ 1756 году, сопровождая Кауница въ Парижъ, участвовалъ въ заключеніи австро-французскаго союза, имѣвшаго слѣдствіемъ Семилѣтнюю войну. Затѣмъ Мерси былъ назначенъ посланникомъ въ Туринъ, а въ 1761 году, смѣнилъ графа Эстергази въ качествѣ посла въ Петербургѣ. Пробывъ тутъ до начала 1764 года, онъ былъ отправленъ въ Варшаву присутствовать при королевскихъ выборахъ и, наконецъ, въ 1766 году, занялъ постъ посла при французскомъ дворѣ. При его посредствѣ былъ заключенъ договоръ о бракѣ дофина, впослѣдствіи Людовика XIV, съ эрцгерцогинею Марию-Антуанеттою. Съ 1787 года онъ началъ обнаруживать дѣятельное вмѣшательство во внутреннія дѣла Франціи. Во время революціи онъ попытался чрезъ Ла-Марка привлечь графа Мирабо на сторону двора. Въ 1790 году, онъ былъ уполномоченнымъ на конгрессѣ въ Гагѣ, а затѣмъ исправлялъ должность министра Австрійскихъ Нидерландовъ, сохранивъ, впрочемъ, званіе посла въ Парижѣ. Его усилия къ спасенію несчастной королевы Марии-Антуанетты оставались тщетными. Вторженіе французовъ въ Бельгію принудило его покинуть Брюссель и искать убѣжища въ Германіи. Наконецъ, назначенный посломъ въ Лондонъ, онъ отправился туда съ цѣлью возбудить коалицію противъ Франціи и умеръ тамъ, спустя нѣсколько дней по приѣздѣ, 26-го августа 1794 года¹⁾.

¹⁾ См. предисловіе С. С. Татищева къ XVIII тому «Сборника истор. общ.», стр. II—IV.

Не производя впечатлѣнія человѣка гениального или одаренного чрезвычайными способностями, графъ Мерси былъ искуснымъ и ловкимъ дипломатомъ и вообще опытнымъ государственнымъ человѣкомъ. Нельзя не удивляться его усидчивости при составлѣніи очень подробныхъ и объемистыхъ депешъ. Въ XVIII и XLVI томахъ «Сборника исторического Общества» помѣщены его документы на 1,200 страницахъ. Столько онъ успѣлъ написать впротяженіе двухъ лѣтъ. Странность, неуклюжесть тогдашняго, употреблявшагося въ дѣлахъ, нѣмецкаго языка, на которомъ писаны всѣ эти бумаги, производятъ неблагопріятное впечатлѣніе на читателя. Представители классической литературы Германіи въ то время писали иначе. Слогъ графа Мерси отличается тяжеловатостью, множествомъ лишнихъ словъ, пустыхъ оборотовъ и выражений, съ тѣхъ порь совершенно вышедшихъ изъ употребленія.

Нѣть сомнѣнія, что графъ Мерси во все это время пользовался особыннымъ довѣріемъ императрицы-королевы Маріи-Терезіи и министра Кауница. Въ изданныхъ его бумагахъ значительно преобладаютъ его донесенія къ князю Кауницу. Лишь немногія донесенія писаны имъ для самой императрицы-королевы (напр., №№ 101, 110, 168), а далѣе вѣкоторыя адресованы вице-канцлеру, графу Колоредо. Въ видѣ исключенія также въ изданіи помѣщены кое-какія приложения къ донесеніямъ Мерси, а именно записки или дипломатическая ноты Панина, Воронцова, Борха и пр.

Историческое Общество не сочло нужнымъ издать письма Кауница къ графу Мерси. Можно считать вѣроятнымъ, что австрійскій министръ вообще былъ доволенъ дѣятельностью графа. Только однажды, какъ видно изъ донесенія отъ 12 сентября 1762 года (стр. 145)¹⁾, онъ предъ Кауницемъ оправдывается по поводу какого-то сдѣланного ему упрека.

Можно раздѣлить донесенія графа Мерси на двѣ части. Когда представлялся случай къ отправленію курьера, онъ писалъ чрезвычайно подробныя записки о состояніи дѣлъ въ Россіи, воспроизводя содержаніе бесѣдъ съ русскими сановниками, разсказывая частности придворнаго быта и пр. Такъ, напр., донесеніе отъ 22 августа 1763 года обнимаетъ не менѣе 33 печатныхъ страницъ. Пользуясь другими менѣе безопасными средствами сообщенія, графъ Мерси весьма часто долженъ прибѣгать къ шифрамъ. Большая часть донесеній, не отправленныхъ съ особыми курьерами, оказывается шифрованною. Дѣло въ томъ, что въ то время была въ ходу перлюстрація писемъ, донесеній дипломатовъ и пр., такъ что конфиденціальная сообщенія легко могли сдѣлаться извѣстными русскому правительству²⁾. Иногда даже курьеры чужестранныхъ пра-

¹⁾ Цифры въ скобкахъ относятся къ XLVI тому «Сборника».

²⁾ См. мою статью: «Вскрытіе чужихъ писемъ и депешъ при Екатеринѣ II», въ «Русской Старинѣ», VII (1873, янв.).

вительствъ подвергались опасности. Такъ, напр., Мерси писалъ 2 декабря 1762 года, что получилъ письмо Кауница «съ совершенно разодранымъ конвертомъ, ибо разбойники напали на курьера, отняли у него деньги и депеши и вскрыли послѣднія» (294). Также Мерси писалъ 18-го апрѣля 1763 года: «Изъ конвертовъ, недавно мнѣ возвращенныхъ изъ Митавы, я убѣдился, что съ нѣкоторыхъ поръ здѣсь вскрываются всѣ мои письма; послѣдняя экспедиція вѣшаго сіятельства была также вскрыта» (стр. 461) и т. п.

Что касается до техники изданія, то намъ кажется, что было совсѣмъ лишнимъ печатать цѣликомъ всѣ депеши графа Мерси. Все хотя сколько нибудь важное содержаніе этихъ донесеній можно было сообщить не въ двухъ томахъ и не на 1,200 страницахъ, а на какихъ либо 200—300 страницахъ. Только нѣкоторая часть всего заключающагося въ этихъ документахъ можетъ служить источникомъ при изученіи этой эпохи. Сокращеніе изданія облегчило бы трудъ историковъ, пользующихся этимъ источникомъ. Переводъ на на русскій языкъ оказывается также совсѣмъ лишнимъ дѣломъ. Кто будетъ пользоваться этимъ источникомъ, долженъ на столько владѣть нѣмецкимъ языкомъ, чтобы читать подлинникъ. Лишнимъ можно считать повтореніе въ донесеніи къ Марії-Терезіи (328 стр. и слѣд.) того, что было издано въ XVIII томѣ, въ депешахъ къ Кауницу. Въ одномъ мѣстѣ не соблюдена хронологическая очередь депешамъ. Послѣ донесенія отъ 10 октября (162 стр. и слѣд.) напечатана депеша отъ 9 октября (190). Не забыто ли на стр. 231, что все содержаніе этой и слѣдующей страницы было написано также шифрами? Кстати мы позволимъ себѣ замѣтить, что было бы удобнѣе въ такихъ случаяхъ печатать шифрованныя части депеши другимъ шрифтомъ для болѣшой наглядности и для особенного обращенія вниманія читателей на эти важнѣйшія части изданія. Фамилія прусского ministра, о которомъ идетъ рѣчь на стр. 323, не «Плотко», а «Плото» (Plotto). Что значать точки («.») въ шифрованной депешѣ на стр. 648? Пропускъ ли тутъ въ депешѣ? или же текстъ ея въ данномъ мѣстѣ не разобранъ? или же были тутъ кое-какія цензурныя соображенія, заставившія издателя выпустить часть донесенія?

Г. Татищевъ въ Вѣнѣ и секретарь Общества Г. Ф. Штендманъ этимъ изданіемъ, которымъ оканчивается печатаніе донесеній графа Мерси, оказали наукѣ отечественной исторіи существенную услугу.

III.

Въ донесеніяхъ графа Мерси, понятно, болѣе всего говорится объ отношеніяхъ Австріи къ Россіи. Изъ содержанія XVIII тома «Сборника» видно, въ какомъ неловкомъ положеніи находился Мерси въ Петербургѣ при императорѣ Петрѣ III. Переимѣна на

престолъ могла самыи рѣшительныи образомъ измѣнить къ лучшему это положеніе австрійскаго дипломата. Этого и ожидала императрица-королева Марія-Терезія. Мерси привѣтствовалъ переворотъ 28-го іюня какъ «одно изъ самыхъ великихъ и радостныхъ событий, когда либо случившихся». При полученіи извѣстія о воцареніи Екатерины Марія-Терезія замѣтила: «Никогда въ жизни я не получала столь радостнаго извѣстія»¹⁾.

Вскорѣ, однако, Мерси могъ убѣдиться въ томъ, что на возобновленіе союза съ Россію съ цѣлью продолженія борьбы противъ Фридриха II нельзя было разсчитывать. Панинъ объявилъ австрійскому дипломату, что Россія нуждается въ мирѣ и что нельзя думать о возобновленіи военныхъ дѣйствій (4). Вскорѣ Мерси чрезъ Бестужева и другихъ лицъ узналъ о перепискѣ императрицы Екатерины съ королемъ Фридрихомъ II. Оказалось невозможнымъ принудить Россію къ наступательнымъ мѣрамъ противъ Пруссіи (64). Графу Мерси очень не нравилось благосклонное вниманіе, которымъ при петербургскомъ дворѣ пользовался прусскій дипломатъ, Гольцъ (70). Напрасно Мерси старался въ духѣ интересовъ Австріи подѣйствовать на нѣкоторыхъ сановниковъ, какъ-то: на Голицына, Олсуфьеву, на княгиню Дашкову и пр. Напрасно онъ разсчитывалъ на значеніе Бестужева, замѣчательнѣйшаго противника Фридриха II. Все болѣе и болѣе Россія въ отношеніи къ Австріи обнаруживала холодность и высокомѣріе. Даже Бестужевъ въ разговорѣ съ графомъ Мерси утверждалъ, что Австрія болѣе нуждается въ союзѣ съ Россіею, нежели Россія въ дружбѣ Австріи, что Россія достаточно сильна, чтобы обойдтись безъ всякой иноземной помощи (183). Въ ноябрѣ 1762 года, Мерси жаловался: «Новое русское правительство обнаруживаетъ слишкомъ замѣтное пристрастіе къ нашему врагу» (225). Старанія австрійскаго дипломата возбудить Россію противъ Пруссіи не имѣли успѣха (228). За то онъ радовался каждому случаю неудовольствія, возникавшаго порою въ сношеніяхъ между Россіею и Пруссіею. Такъ, напримѣръ, однажды Фридрихъ спросилъ князя Репнина: считаетъ ли Екатерина упроченнымъ престолъ, на который вступила? Репнинъ донесъ объ этомъ вопросѣ въ Петербургъ, и Екатерина считала себя сильно оскорбленаю этимъ вопросомъ прусскаго короля (228). Не безъ удовлетворенія Мерси сообщилъ Кауницу, что Екатерина, получивъ прусскій орденъ Чернаго Орла, не появилась съ нимъ въ собраніи (272); другой разъ онъ былъ обрадованъ нѣкоторымъ недоразумѣніемъ, возникшимъ между Россіею и Пруссіею по поводу Курляндскаго дѣла (273), и пр.

Въ общей сложности, однако, Мерси чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе убѣждался въ невозможности надѣяться на Россію (277—278). То

¹⁾ Beer, d. erste Theilung Polens, Wien, 1873, I, 18.

обстоятельство, что Франція заключила миръ съ Англіею безъ участія Россіи и что Пруссія не желала посредничества Екатерины при переговорахъ о мирѣ, доставляло Мерси большое удовольствіе. Онъ писалъ въ декабрѣ 1762 года: «Можно надѣяться, что русскій дворъ нѣсколько поубавить свой высокомѣрный тонъ и впредь будетъ играть на болѣе мягкихъ струнахъ» (293). А въ другой депешѣ: «Въ виду образа мыслей русской государыни и ея ревностнаго желанія ознаменовать начало своего царствованія достойнымъ удивленія дѣломъ, конечно, былъ бы нанесенъ ей чувствительный ударъ, если бы настоящая война пришла къ концу безъ участія ея въ осуществлениіи столь важнаго дѣла» (299). Послѣ подробнаго изложенія обстоятельствъ при русскомъ дворѣ, Мерси, въ февралѣ 1763 года, приходитъ къ такому заключенію: «Вообще при настоящемъ правительствѣ здѣсь нѣтъ для насъ поводовъ къ надеждѣ» (376). О раздраженіи графа Мерси вслѣдствіе такой полной неудачи его дипломатической дѣятельности можно судить по выраженіямъ въ родѣ слѣдующаго: «Никогда нельзя полагаться на здѣшнія слова, торжественнѣйшія обѣщанія и обязательнѣйшія увѣренія» (402).

Графъ Мерси во все время зорко слѣдилъ за обращеніемъ императрицы съ иностранными послами. Его особенно интересовало отношеніе Екатерины къ англійскому и прусскому дипломатамъ. Такъ, напримѣръ, онъ въ ноябрѣ 1763 года писалъ о прусскомъ посланникѣ: «Государыня прежде не была расположена къ графу Сольмсу, ибо онъ человѣкъ въ высшей степени непріятный и неблаговоспитанный. Съ нѣкоторыхъ же поръ ея величеству угодно обращаться съ нимъ крайне милостиво, такъ что эта внезапная перемѣна замѣтна для всякаго» (686). При натянутыхъ отношеніяхъ между Австріею и Англіею Мерси былъ очень доволенъ, когда узналъ, что англійского посла, отправленного въ Россію, лорда Бунгама, въ Англіи считали человѣкомъ неспособнымъ и неловкимъ (238). За то Мерси, сочувствуя Франціи, былъ расположенъ къ барону Бретёлю и доносилъ подробнѣ о недоразумѣніяхъ, иногда возникавшихъ между этимъ французскимъ дипломатомъ и русскими сановниками (см., напримѣръ, стр. 128, 131—132, 179), а въ декабрѣ 1762 года онъ писалъ: «Государыня обращается съ Бретёлемъ совершенно холодно и отъ ея полнаго высокомѣрія духа отнюдь нельзя ожидать, чтобы она легко предала забвению твердость, съ которой этотъ французскій министръ такъ долго сопротивлялся ея волѣ и желанію» (302). Бретёль покинулъ Россію въ 1763 году. Въ маѣ Мерси доносилъ, что Екатерина обходится съ французскимъ дипломатомъ особенно благосклонно, «такъ какъ онъ долженъ остаться лишь нѣсколько дней». При этомъ графъ Мерси узналъ о слѣдующемъ разговорѣ, происходившемъ между императрицею и Бретёлемъ. Екатерина спросила его: какую, по его мнѣ-

нію, долю уваженія пріобрѣла она или можетъ еще пріобрѣсти въ Европѣ? Когда же Бретель отвѣчалъ, что одаренная столькими исключительными качествами государыня и повелительница столь могущественного государства, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ полнѣйшаго уваженія всѣхъ европейскихъ дворовъ, то Екатерина возразила: «Я теперь относительно другихъ державъ, какъ искусная кокетка, за которой ухаживаютъ многіе поклонники и которая, выслушивая всѣхъ, ни одному не отдаетъ предпочтенія» (438).

Достойно вниманія также замѣченіе графа Мерси о положеніи испанского дипломата Альмадовара при русскомъ дворѣ: «Со времени прибытія маркиза Альмадовара, русская императрица относится къ нему крайне презрительнымъ образомъ и не удостоила его еще ни при дворѣ, ни при другихъ случаяхъ, единymъ словомъ, такъ что вслѣдствіе такого невѣжливаго обращенія и русскому министру пребываніе въ Мадридѣ сдѣлается, со временемъ, не совсѣмъ пріятнымъ» (448).

Въ средѣ дипломатовъ, въ то время аккредитованныхъ при русскомъ дворѣ, особенно много разсуждали о вопросахъ этикета и церемоніала, причемъ дѣло не обходилось безъ недоразумѣній между представителями иностранныхъ державъ и русскими сановниками. Такъ, напримѣрь, графъ Мерси отказывался отъ цѣлованія руки императрицы, если ему не будетъ выданъ реверсалъ русскаго двора. Объ этомъ вопросѣ онъ часто и подробно говорилъ съ Панинымъ, Бестужевымъ, Воронцовымъ. Впрочемъ, хотя въ донесеніяхъ графа Мерси встрѣчаются многія данныя, относящіяся къ тому предмету (стр. 99, 103, 105, 106, 110, 116—118), мы не узнаемъ изъ этого источника о какомъ либо окончательномъ соглашеніи по этому дѣлу.

Другой вопросъ заключался въ томъ, на какомъ языке говорить графу Мерси при торжественныхъ случаяхъ. Австрійскій дипломатъ давалъ предпочтеніе нѣмецкому языку; русскіе же сановники требовали, чтобы Мерси говорилъ пофранцузски (42, 113, 251). Далѣе Мерси жаловался на Воронцова и Бестужева, не отдавшихъ ему визита; и при этомъ случаѣ происходили разныя объясненія непріятнаго свойства (100, 111). Когда однажды вице-канцлеръ, князь Голицынъ, по случаю какого-то придворнаго празднества требовалъ отъ графа Мерси и отъ лорда Букингама, чтобы они въ то время, когда государыня была за столомъ, оказали ей какую-то услугу¹⁾, то оба дипломата рѣшительно отказались отъ исполненія этого желанія (319). Такія непріятности, споръ объ императорскомъ титулѣ и его значеніи (306), отмѣна почетнаго

¹⁾ Въ подлинникѣ сказано: «dass wir der hiesigen Beherrscherin bei der Tafel die Aufwartung machen sollten». Въ русскомъ переводе неточно: «засвидѣтельствовать наше поченіе здѣшней государынѣ во время стола». «Aufwartung» въ данномъ случаѣ, какъ кажется, значитъ «прислуживать».

караула при квартирахъ иностранныхъ дипломатовъ (612), небезусловное признаніе нѣкоторыхъ преимуществъ австрійскаго, т. е. римско-императорскаго, двора надъ другими (315)—все это раздражало графа Мерси до того, что онъ не желалъ оставаться въ Россіи (441) и, между прочимъ, предлагалъ князю Каунишу впредь отправлять въ Россію «министра втораго разряда» (112).

IV.

Какъ известно, въ первое время царствованія Екатерины польскія дѣла обращали на себя вниманіе русскаго правительства и иностранныхъ дипломатовъ, находившихся при русскомъ дворѣ. Въ депешахъ графа Мерси встрѣчаются нѣкоторыя весьма любопытныя данныя, относящіяся къ Польшѣ.

До 1758 года Екатерина находилась въ близкихъ сношеніяхъ съ графомъ Станиславомъ-Августомъ Понятовскимъ. Послѣ удаленія графа изъ Россіи, Екатерина съ нимъ переписывалась. Въ началѣ ея царствованія эта переписка происходила чрезъ посредство графа Мерси-Аржанто. Онъ чрезвычайно охотно бралъ на себя такія порученія императрицы, надѣясь оказаніемъ подобныхъ услугъ снискать ея довѣріе и нѣкоторую признательность съ ея стороны. Краткія записки графа Мерси къ императрицѣ и къ Понятовскому и отвѣты на эти записки помѣщены въ изданіи депешъ австрійскаго дипломата (см., наприм., 16—17, 89—92). Мерси ожидалъ прїѣзда Понятовскаго въ Россію (87 и 136). Его интересовало содержаніе корреспонденціи Понятовскаго съ императрицею (283), тѣмъ болѣе, что рано или поздно долженъ былъ явиться на очреди вопросъ о выборѣ польскаго короля. Августъ III хворалъ, можно было ожидать его кончины; тогда нельзя было сомнѣваться въ кандидатурѣ такого лица, которое вполнѣ зависѣло бы отъ Россіи. Въ мартѣ 1763 года, Мерси доносилъ о намѣреніи Екатерины отправить въ Польшу русскія войска «единственно для защиты свободы выборовъ» (427). Происходили кое-какія сношенія между Россіею и семействомъ Чарторыжскихъ (484). Вице-канцлеръ Голицынъ прямо обѣявилъ графу Мерси слѣдующее: «Выборъ польскаго короля представляетъ для Россіи тѣмъ большее значеніе, что здѣшнему государству необыкновенно важно, чтобы на упраздненный престолъ вступилъ въ свое время король, расположенный къ Россіи и съ которымъ она можетъ условиться о многихъ непоконченныхъ еще несогласіяхъ и дѣлахъ и уладить таковыя полюбовно, къ удовольствію здѣшняго двора» (502). Постоянно Мерси возвращается къ этому предмету въ своихъ донесеніяхъ; въ декабрѣ 1763 года, онъ писалъ: «Не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію, что здѣшнее намѣреніе было направлено сначала къ возведенію на престолъ графа Понятовскаго; не менѣе того совершенно вѣрно, что

нынѣ, послѣ того, какъ русская государыня предложила этого графа быть членомъ государственного совѣта, графъ Орловъ, продолжающій питать въ сердцѣ своеемъ ревность противъ графа Понятовскаго, высказался о приглашеніи его, въ присутствіи всѣхъ прочихъ государственныхъ министровъ, такъ пылко и необузданно, что императрица вprodолженіе нѣсколькихъ дней была въ ссорѣ съ фаворитомъ, и примиреніе состоялось лишь недѣлю спустя. Однако, по всѣмъ признакамъ, планъ доставить польскую корону графу Понятовскому встрѣчаетъ столько трудностей, что здѣшняя государыня сама признаетъ его неудобоисполнимость и въ этомъ случаѣ окажеть свою поддержку князю Чарторыжскому или скорѣе сыну его, князю Адаму», и пр. (715).

Австрія желала оказать покровительство Саксонії, и поэтому графъ Мерси не могъ не интересоваться вопросомъ о настроеніи умовъ въ Россіи въ отношеніи къ этому государству. Оказалось, что Екатерина возненавидѣла саксонского ministra Брюля, узнавъ, между прочимъ, что послѣдній обрадовался извѣстіямъ о беспорядкахъ, происходившихъ въ Россіи вскорѣ послѣ государственного переворота. Въ разговорѣ съ графомъ Мерси, Екатерина коснулась этого образа мыслей саксонского ministра (341 и 379)¹⁾. Брюль главнымъ образомъ старался препятствовать осуществленію проекта возведенія на курляндскій престолъ герцога Бирона. Объ этомъ курляндскомъ дѣлѣ въ донесеніяхъ графа Мерси говорится очень часто (231, 267, 367). Крутый образъ дѣйствій русскаго правительства при лишеніи курляндскаго престола саксонскаго принца Карла вызвалъ негодованіе въ Польшѣ и въ другихъ странахъ. На этотъ счетъ достоинъ вниманія слѣдующій разсказъ въ донесеніи графа Мерси, отъ 11-го марта 1763 года: «Княгиня Дашкарова, говорять, получила надняхъ, помѣченное изъ Люттиха и подписанное совершенно неизвѣстнымъ, вѣроятно, вымышленнымъ именемъ, письмо такого содержанія, что послѣ того, какъ русская государыня предъложила герцога Карла Курляндскаго раздражила до крайности различные дворы, она должна остерегаться того, что можетъ быть предпринято противъ ея особы. Хотя это предостереженіе и не произвело особеннаго впечатлѣнія, тѣмъ не менѣе къ Симолину въ Регенсбургъ послано было повелѣніе отправиться въ Люттихъ, освѣдомиться тамъ о лицѣ, подписавшемся подъ письмомъ, и переговорить съ послѣднимъ объ этомъ предметѣ» (489—490).

Сообщая разныя подробности объ образѣ дѣйствій Россіи въ отношеніи къ Польшѣ, Мерси замѣчаетъ: «Отсюда видно, какимъ диктаторскимъ образомъ Россія позволяетъ себѣ поступать по отно-

¹⁾ Изъ другаго источника мы узнаемъ, что Екатерина велѣла «внушить» Брюлю, что если онъ станетъ действовать противъ Россіи, то она доведетъ дѣлъ до его изгнанія изъ Польши. См. мое сочиненіе о Екатеринѣ II, стр. 288.

шению къ Польской республикѣ». Говоря о связяхъ графа Понятовскаго и Чарторыжскихъ съ императрицею, Мерси пишетъ: «Поведеніе государыни должно открыть глаза всей польской націи и дать ей понятіе о пагубныхъ послѣдствіяхъ такихъ сношеній для республики» (522).

Курляндское дѣло заставило польского короля отправить въ Россію дипломатического агента, Борха, съ которымъ, однако, какъ намъ известно изъ другихъ источниковъ, обращались довольно безцеремонно¹⁾). Графъ Мерси, познакомившись лично съ Борхомъ, узналъ всѣ подробности этого эпизода съ польскимъ дипломатомъ и доносилъ обо всемъ князю Кауницу. Русское правительство требовало, чтобы Борхъ выѣхалъ обратно въ Польшу, не имѣвъ аудіенціи у императрицы; сначала онъ отказывался отъ исполненія желанія императрицы, но затѣмъ онъ долженъ былъ покориться ея волѣ (404—405, 439, 443, 449—458, 463—469). Борхъ въ разговорѣ съ графомъ Мерси до отѣзда изъ Москвы говорилъ австрійскому дипломату, что, по его мнѣнію, Австрія не можетъ равнодушно смотрѣть, какъ Россія совершенно подавляетъ Польскую республику, что общая польза требуетъ немедленно сохраненія Польши въ цѣлости и что слѣдуетъ заблаговременно подумать о мѣрахъ къ отвращенію отъ Польши опасности (443). Всѣми этими данными и сообщеніемъ официальной переписки между камергеромъ Борхомъ и М. И. Воронцовымъ, а также циркулярной ноты Борха къ иностраннымъ дипломатамъ, находившимся въ то время при русскомъ дворѣ, значительно добавленъ матеріалъ, пока находившійся въ распоряженіи историковъ при изложеніи отношеній Россіи къ Польшѣ въ началѣ царствованія Екатерины.

Достойно вниманія еще слѣдующее обстоятельство. Разсуждая въ бесѣдѣ съ графомъ Мерси объ опасности, грозившей Польшѣ со стороны Россіи, камергеръ Борхъ замѣтилъ, что Польша можетъ надѣяться на заступничество Оттоманской Порты (443). Эта мысль объ исканіи спасенія въ союзѣ съ Турціею была общено въ Польшѣ. Однако, именно русско-турецкая война сдѣлалась гибельною для Рѣчи Посполитой. Поляки сильно ошибались, разсчитывая на спасеніе при помощи Турціи. Справедливо писалъ тогда одинъ польский публицистъ: «Изгнать русскихъ при помощи турокъ—значить зажечь домъ для того, чтобы избавиться отъ мышей»²⁾.

Впрочемъ, и графъ Мерси высоко цѣнилъ въ то время опасность, которая могла грозить Россіи со стороны Турціи. Къ этому вопросу онъ возвращается довольно часто въ своихъ донесеніяхъ къ князю Кауницу. Графу Мерси казалось, что русское правительство сильно беспокоилось, ожидая нападенія Турціи и татаръ на Россію. Въ

¹⁾ См. мою исторію Екатерины II, стр. 290.

²⁾ См. мое соч. о Екатеринѣ II, стр. 313.

сентябрь 1763 года, онъ писалъ, между прочимъ: «Быть можетъ, здѣшній дворъ начинаетъ самъ замѣчать, что прочія державы и въ особенности Оттоманская Порта не будутъ взирать равнодушно на угнетеніе Польской республики». Въ другомъ донесеніи сказано: «Главная цѣль Русскаго государства состоять въ томъ, чтобы имѣть защиту со стороны Турціи», и пр. (623, 633).

Во все это время графа Мерси беспокоило сближеніе между Пруссіею и Россіею, но всѣ его усилия узнать подробности переписки Екатерины съ Фридрихомъ оставались тщетными. Не безъ основанія онъ подозрѣвалъ существованіе соглашенія между Пруссіею и Россіею въ отношеніи къ Польшѣ. Однако, онъ лично ничего не могъ предпринять для спасенія Польши отъ перевѣса сильнѣйшихъ сосѣдей. Напрасно Австрія надѣялась, что ей будетъ возможно противодѣйствовать Фридриху II и Екатеринѣ въ Польшѣ. Мерси, отправленный изъ Россіи въ Польшу для этой цѣли, ничего не могъ сдѣлать въ этомъ отношеніи и прибылъ въ Варшаву уже тогда, когда дѣятельность русскихъ и прусскихъ дипломатовъ въ пользу кандидатуры Понятовскаго оказалась весьма успѣшно.

V.

Благодаря своему положенію въ качествѣ австрійскаго посла, Мерси постоянно находился въ обществѣ императрицы. Онъ могъ себѣ составить точное понятіе о ея личности, о ея качествахъ и способностяхъ. Весьма часто онъ имѣлъ случай бесѣдоватъ съ нею о текущихъ дѣлахъ. Хотя именно въ это время отношенія между Россіею и Австріею было холодными, порою даже нѣсколько напрянутыми, всетаки, представитель римско-императорскаго двора постоянно пользовался особынмъ почетомъ; его часто приглашали ко двору; онъ, какъ мы видѣли, дѣляясь посредникомъ въ перепискѣ между императрицею и графомъ Понятовскимъ, удостоивался особеннаго довѣрія Екатерины. Еще при Петре III Екатерина чрезъ графа Мерси получала кое-какія секретныя сообщенія о дѣлахъ (12). Во время царствованія императрицы Елизаветы, Екатерина, бывши великою княгинею, нерѣдко бесѣдовала съ графомъ Мерси, откровенно высказывала свои мнѣнія, такъ что австрійскій дипломатъ имѣлъ случай «знакомиться съ умственными и душевными качествами этой государыни», какъ сказано въ донесеніи графа Мерси къ Кауницу отъ 24-го іюля 1762 года (15).

Послѣ государственного переворота Мерси находилъ, впрочемъ, что императрица сдѣлалась менѣе доступною къ интимнымъ бесѣдамъ. Она была постоянно окружена толпою сановниковъ и царедворцевъ, и поэтому Мерси, искашій случая къ личнымъ объясненіямъ о дѣлахъ, не успѣвалъ въ своемъ намѣреніи (20). Есть основаніе думать, что Екатерина, въ то время дававшая предпо-

чтеніе Пруссіи, избѣгала разговоровъ съ графомъ Мерси о сношепніяхъ Россіи съ Австріею. Въ донесеніи отъ 22-го августа онъ жаловался: «Государыня не доставила мнѣ случая коснуться чего либо о дѣлахъ, чтѣ я и долженъ былъ отложить поэтому до другаго болѣе удобнаго времени» (41).

Однажды, во время прогулки въ саду Лѣтняго дворца, Мерси имѣлъ возможность заговорить съ императрицею о дѣлахъ, стараясь выставить на видъ, что сближеніе съ Пруссіею не согласуется съ интересами Россіи. Она отвѣтила ему въ общихъ выраженіяхъ, обнаруживая при этомъ, какъ намъ кажется, необычайное дипломатическое искусство. «Государыня не знала, что мнѣ отвѣтить»,—доносилъ Мерси, заключающій, однако, свой рассказъ слѣдующими словами: «Я не успѣлъ получить отъ императрицы опредѣленного или болѣе сообразнаго съ дѣломъ рѣшенія» (85—86). Нѣсколько недѣль спустя, Мерси доносилъ: «Государыня до того тщательно избѣгаетъ всякаго случая, когда бы можно было говорить съ нею о дѣлахъ, что я до сего времени никакъ не могъ найти такового. Хотя императрица, въ приемные дни и когда бы я ни находился при дворѣ, постоянно обращается со мною съ прежнею милостью и отличиемъ предъ прочими и вступаетъ въ продолжительные разговоры о своихъ ежедневно возникающихъ новыхъ учрежденіяхъ, о способахъ веденія текущихъ дѣлъ, о правильномъ распределеніи ея ежедневныхъ занятій и тому подобныхъ предметахъ, но это всегда происходитъ въ присутствіи и при участіи одного изъ ея министровъ, какъ-то: канцлера, вице-канцлера, или Панина, безъ сомнѣнія, съ цѣлью отнять у меня всякой поводъ къ направленію разговора на другое, болѣе важные для двора моего, предметы. Когда же я, не смотря на то, ищу достичнуть этого, то русская императрица всегда умѣетъ уклониться такимъ способомъ, который ясно указываетъ, что она не дозволяетъ мнѣ прибѣгнуть къ какому бы то ни было удобному средству, чтобы повторить ей мои уже сдѣянныя ей представленія» (137). Жалобы графа Мерси на эту уклончивость императрицы, не желавшей говорить съ нимъ о болѣе важныхъ предметахъ, повторяются и въ позднѣйшихъ донесеніяхъ его (см., напр., 172).

Все это, однако, не мѣшало Екатеринѣ приглашать австрійскаго дипломата къ себѣ довольно часто и обращаться съ нимъ чрезвычайно благосклонно. Такъ, напримѣръ, онъ неоднократноѣздили верхомъ съ императрицею, сопровождалъ ее на охоту, бывали у нея въ гостяхъ на дачѣ и пр. Тутъ она обнаруживала свое искусство бесѣдовать о всевозможныхъ предметахъ. Описывая такую прогулку, кончившуюся ужиномъ въ какомъ-то павильонѣ въ окрестностяхъ Москвы, Мерси пишетъ: «Какъ прелестно, мило и любезно было обхожденіе здѣшней государыни при этомъ случаѣ, это не можетъ быть достаточно описано, такъ что каждый могъ

подумать, что находится въ обществѣ равныхъ ему лицъ». Однако, и тутъ Мерси прибавляетъ, что Екатерина избѣгала говорить о болѣе важныхъ политическихъ вопросахъ (493, 495, 614).

Столь хвалебные отзывы объ императрицѣ въ донесеніяхъ графа Мерси сообщаются безъ шифръ. Совсѣмъ иначе онъ писалъ о Екатеринѣ въ шифрахъ. Неудача дипломатической миссіи графа Мерси не могла не оказать вліянія на то мнѣніе, которое австрійскій дипломатъ составилъ себѣ объ императрицѣ. Очень часто онъ отзывался о ней въ тонѣ крайняго раздраженія и негодованія, называя ее «высокомѣрною», «неблагодарною» и пр. (87, 88, 89, 189). «Русской государынѣ нельзя довѣрять ни теперь, ни когда либо въ будущемъ», — сказано въ одной изъ депешъ графа Мерси (682), жалующагося по «злостныя намѣренія» Екатерины (681), на жажду мести и на влеченіе ея страстей (721). Особенно рѣзко Мерси осуждалъ отношенія императрицы къ Орлову. Въ мартѣ 1763 года, онъ писалъ: «Русская императрица во всѣхъ слу-чаяхъ, касающихся ея достоинства, привыкла въ прежнее время держать себя очень скромно; но если дѣло коснется ея страсти, то прошедшее достаточно доказало, что она не въ состояніи сдер-живать себя. Она такъ занята графомъ Орловымъ, что невозможно достаточно описать это. Чѣмъ измыслить ея величество для еще вящаго возвышенія упомянутаго камергера? — пока еще нельзя этого пред-видѣть, но между тѣмъ не разъ повторенное мнѣ выраженіе ея, что онъ принадлежитъ къ знатнѣйшему и древнѣйшему русскому дворянству, можетъ подать поводъ ко многимъ удивительнымъ и, быть можетъ, не совсѣмъ безосновательнымъ предположеніямъ» (437).

Дѣло въ томъ, что Екатерина въ это время выразила желаніе, чтобы графъ Орловъ былъ возведенъ въ достоинство князя Рим-ской имперіи. Переговоры по этому дѣлу шли отчасти чрезъ князя Голицына въ Вѣнѣ, отчасти чрезъ графа Мерси, такъ что въ до-несеніяхъ послѣдняго мы встрѣчаемъ множество подробностей объ этомъ предметѣ.

Мерси не былъ высокаго мнѣнія объ Орловѣ. Въ октябрѣ 1762 года, онъ писалъ: «Расположеніе государыни къ камергеру Орлову возрастаетъ съ каждымъ днемъ и, повидимому, достигаетъ высшей степени, но у него слишкомъ мало разума и способностей, чтобы его можно было съ нѣкоторою пользою привлечь къ участію въ важныхъ дѣлахъ, въ которыхъ онъ вовсе и не вмѣшивается, и хотя я и довольно хорошо знакомъ съ нимъ, но было бы совершенно напрасно обращаться къ нему по чему либо, касающемуся дѣль» (189). Такжѣ Мерси писалъ въ декабрѣ 1763 года: «Орловъ хотя благонамѣренъ, но до того неспособенъ, что не можетъ быть ни въ чемъ употребляемъ съ пользою. Было бы совершенно невозможно и притомъ напрасно искать привлечь на нашу сторону упомяну-

таго графа обѣщаніемъ ему значительныхъ денежныхъ суммъ, ибо, съ одной стороны, онъ, благодаря неограниченной милости своей государыни, осыпанъ богатствами, съ другой же стороны разсудокъ его такъ слабъ и самъ онъ имѣть столь мало опыта, что не умѣеть ни молчать передъ своею государынею, ни скрывать отъ нея что либо. Доказательствомъ тому служить случай, когда упомянутый графъ, по наущенію графа Бестужева, столь горячо воспротивился возвышенню графа Понятовскаго. Онъ сдѣлалъ это столь грубо и неловко, что въ засѣданіи совѣта онъ всталъ съ своего мѣста и обозвалъ означенаго польского дворянина самыми ругательными именами. Онъ навлекъ на себя этимъ рѣзкой выговоръ, и, наконецъ, примиреніе состоялось вслѣдствіе сознанія его, что онъ, Орловъ, повель себя въ этомъ дѣлѣ по совѣту Бестужева. Я также былъ заподозрѣнъ государынею въ нѣкоторомъ участіи въ этой выходкѣ, хотя этого и не было въ дѣйствительности», и пр. (721).

Понятно, что, при столь неблагопріятномъ мнѣніи объ Орловѣ, Мерси неосоbенно охотно содѣствовалъ доставленію фавориту княжескаго титула. Сначала Бестужевъ лишь конфиденціально и какъ бы отъ себя говорилъ съ графомъ Мерси объ этомъ предметѣ (417). Мерси не могъ не указать на затрудненія, съ которыми приходилось бороться при приведеніи въ исполненіе этого предположенія, но долженъ былъ сообщить о желаніи императрицы князю Кауничу. Затѣмъ и сама Екатерина заговорила съ графомъ Мерси объ этомъ предметѣ, убѣдительнѣйше прося его ходатайствовать предъ императорскимъ дворомъ за Орлова. При этомъ она замѣтила, «что она обязана графу Орлову болѣю признательностью, ибо онъ всѣхъ болѣе содѣствовалъ вспыштвію ея на престолѣ» (434). Во время переписки о дѣлѣ Орлова императрица выразила графу Мерси живѣйшую признательность за его труды въ пользу фаворита, замѣтивъ, что она близко принимаетъ къ сердцу это дѣло, и всячески восхваляя способности и нравъ Орлова (476).

Выдача диплома на княжеское достоинство Орлова со стороны вѣнскаго двора нѣсколько замедлилась. Екатерина съ нетерпѣніемъ ожидала окончанія этого дѣла (520—521). Наконецъ, дипломъ былъ доставленъ въ Москву, гдѣ находился дворъ въ это время. И Екатерина, и Орловъ благодарили графа Мерси за его участіе въ этомъ дѣлѣ (593, 594, 612).

Бестужевъ старался убѣдить австрійскаго посла, что возведеніемъ Орлова въ княжеское достоинство всего легче можно достигнуть завѣтной цѣли вѣнскаго двора — возобновленія прежнихъ союзническихъ отношеній между Россіею и Австріею. Въ Вѣнѣ не сочли возможнымъ раздражать Екатерину отказомъ. Къ величайшему неудовольствію какъ австрійскаго двора, такъ и представителей его въ Петербургѣ, обнародованіе диплома, выданного Орлову,

состоялось лишь девять лѣтъ спустя, а именно въ 1772 году (см. предисловіе VII и VIII).

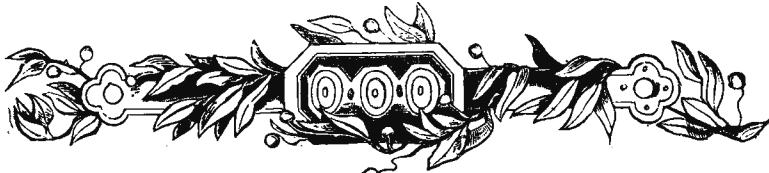
Неоднократно графъ Мерси въ своихъ донесеніяхъ затрагиваетъ вопросъ о предположеніи императрицы вступить въ бракъ съ Орловымъ. Изъ другихъ источниковъ сдѣлались известными кое-какія подробности по этому дѣлу, которое, такъ сказать, происходило за кулисами; Мерси не могъ узнать болѣе того, что уже помѣщено въ исторической литературѣ. Главнымъ противникомъ этого плана былъ, какъ доносилъ Мерси, канцлеръ М. И. Воронцовъ (496, 513). Онъ же сообщалъ графу Мерси кое-какія частности этого эпизода (534—535, 539, 553, 561)¹).

А. Брикнеръ.

(*Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.*)

¹) Намекъ на Бобрицкаго на стр. 537.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТИЕ ОПЕРЫ „ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ“.

YКОРО наступить великий день для музыкальной Россіи: 27-го ноября совершился 50 лѣтъ со времени первого представленія «Жизни за царя». Это день нашей музыкальной эры. Въ этотъ день, 50 лѣтъ тому назадъ, выступилъ впередъ геніальный человѣкъ и подалъ своему отечеству созданную имъ русскую музыку. И это была не проба, не шаткій опытъ: Глинка явился со зрѣлымъ, великимъ созданиемъ, рѣшавшимъ вопросъ о національной музыкѣ съ такимъ талантомъ, такою силою и оригинальностью творчества, какихъ не знала до тѣхъ поръ ни одна страна Европы. Конечно, этотъ великий юбилей нашъ будетъ праздноваться во многихъ концахъ Россіи. Но, радуясь и веселясь на Глинку, мы, безъ сомнѣнія, имѣемъ все право радоваться и веселиться на самихъ себя. Эти пятьдесятъ лѣтъ не даромъ для насъ прошли. Если посравнить вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій, увидимъ тотчасъ громадную разницу. Понятія музыкальныя у насъ перемѣнились, если не по всей Россіи, то у многихъ, и это въ такой степени, такъ рѣшительно, что поворота назадъ уже навѣрное никогда не будетъ. Пройдите нынѣ всю Россію вдоль и поперегъ, отъ одного конца и до другаго, и нигдѣ вы уже не услышите про Глинку ничего другаго, кромѣ того, что онъ великий человѣкъ, геній. Никто уже въ этомъ не сомнѣвается. А давно ли?

Еще какъ немного лѣтъ тому назадъ, Тургеневъ рисовалъ въ своемъ «Дымѣ» Потугина, который съ озлобленіемъ восклицалъ: «Не то что у Мейербера, а у послѣдняго нѣмецкаго флейтища, скромно высвистывающаго свою партію въ послѣднемъ нѣмецкомъ оркестрѣ, въ двадцать разъ болѣе идей, чѣмъ у всѣхъ нашихъ самородковъ;

только флейтщикъ хранить про себя эти идеи и не суется съ ними впередъ; а нашъ братъ-самородокъ «тренъ-брень» вальсикъ или романсикъ, и смотришь—уже руки въ панталоны и ротъ презрительно скривленъ: я, молъ, геній. Русское художество, русское искусство! Русское пруженіе я знаю и русское безсиліе знаю тоже, а съ русскимъ художествомъ, виноватъ, не встрѣчался... Сказать бы, напримѣръ, что Глинка былъ дѣйствительно замѣчательный музыкантъ, которому обстоятельства, внѣшнія и внутреннія, помѣшили сдѣлаться основателемъ русской оперы, никто бы спорить не сталъ; но нѣть, какъ можно! Сейчасъ надо его произвести въ генералъ-аншефы, въ оберъ-гофмаршалы по части музыки, да другіе народы кстати оборвать: ничего, молъ, подобнаго у нихъ нѣть. Ничего подобнаго? О убогіе дурачки-варвары!... Тургеневъ не выдумывалъ изъ головы, онъ писалъ съ натуры. Такихъ Потугиныхъ онъ видѣлъ и слышалъ на своеемъ вѣку много. Да и мы все тоже. Въ 1858 году, при выходѣ изъ одного концерта, развѣ Сѣровъ не слыхалъ такой разговоръ въ публикѣ, имъ тотчасъ же и напечатанный: «Концертъ всѣмъ бы хороши, да музыка Глинки испортила всю программу» (Музикальный и Театральный Вѣстникъ, 1858, № 8). Быть можетъ, кое-гдѣ еще и теперь такие люди сидятъ по угламъ, да только не смѣютъ болѣе пикнуть: времена не тѣ. Какъ же, вѣдь это было бы теперь совершенно ни съ чѣмъ не сообразно: вѣдь Глинкѣ уже и публичный монументъ на площади поставленъ! Онъ уже, такъ сказать, патентованный великій человѣкъ сталъ! Ну, нечего дѣлать, надо помолчать, даже тѣмъ, кому на самомъ дѣлѣ до Глинки никакого дѣла нѣть, кому онъ собственно никогда и не нравился.

Да, ротъ нынче всѣмъ зажать. А еще какъ недавно громко, всенародно, на всю публику, объявлялось нѣчто совсѣмъ другое. Въ 1855 году, Рубинштейнъ печаталъ въ двухъ журналахъ, одномъ вѣнскомъ, другомъ берлинскомъ (*Wiener Zeitschrift fr Musik, Berliner Musikzeitung «Echo»*), что «нѣть никакихъ национальныхъ страсти, а потому нѣть никакой национальной оперы. Никому не придется въ голову сочинять оперу персидскую, малайскую или японскую, а потому сочиненіе оперы англійской, французской или русской можетъ служить только доказательствомъ незрѣлости мысли. Всякая попытка создать национальное музыкальное произведеніе можетъ имѣть результатомъ только—провалъ... Глинка провалился (*Glinka ist gescheitert*)... Русскіе очень расположены къ музыкѣ и небездарны въ ней, но по общему непросвѣщенію и по славянской небрежности одержимы непроходимымъ дилеттантствомъ... Русской музыки нѣть на театрѣ, кромѣ въ двухъ еще далеко не вполнѣ удачныхъ операхъ Глинки»... Шесть лѣтъ спустя, въ 1861 году, Рубинштейнъ повторилъ въ газетѣ «Вѣкъ», что «въ Россіи занимаются музыкой только дилеттанты».

Другой музыкантъ, Сѣровъ, когда-то поклонникъ Глинки, посвятилъ нѣсколько послѣднихъ лѣтъ своей жизни нападкамъ именно на Глинку и доказательствамъ, что музыкѣ «Руслана» можно сдѣлать многіе упреки, «особенно со стороны мѣстнаго колорита, которому композиторъ придалъ уже слишкомъ много важности. Сѣй огромною силою таланта, при опытности, Глинкѣ легко было бы избѣжать monotонности и мрачности, которыхъ тяготѣютъ надъ музыкою «Жизни за царя», и барочности въ «Русланѣ». Вообще же, «Русланъ» полонъ ничѣмъ неизвиняемыхъ недостатковъ, и пр. Віельгорскій былъ правъ, называя эту оперу—«un opéra tannqu e». Почти одновременно съ Рубинштейномъ (1855) Сѣровъ объявлялъ (1856), совершенно въ одномъ вкусѣ съ Рубинштейномъ, что «характеръ нашей школы не установился еще какъ слѣдуетъ, еще находится въ періодѣ колебанія и броженія» (послѣ «Жизни за царя» и «Руслана»!!). Нѣсколько лѣтъ спустя, Сѣровъ объявлялъ также, что «Русланъ»—капризъ художника, который могъ быть и не быть»..., а какъ вѣнецъ всему, Сѣровъ провозглашалъ, что черезъ 5 лѣтъ «Руслана» перестанутъ вовсе давать на сценѣ.

Коль скоро такъ выражались о Глинкѣ музыканты, можно себѣ представить, что о немъ говорила невѣжественная публика и еще болѣе невѣжественная критика. Булгарины и Зотовы, Ростиславы и иные фельетонисты 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ были истинно ужасны. Ихъ порицаніемъ, совѣтамъ, выговорамъ, а иногда негодованіемъ и насмѣшкамъ не было конца. Всѣ они указывали Глинкѣ на Европу, до которой онъ не дошелъ еще, на Беллини, Россини, Доницетти, Обера, а впослѣдствіи и Верди, которыми они всѣ восхищались, и которыхъ признавали «настоящими», такими, какими вся кому хорошему музыканту быть слѣдуетъ. Глинка былъ для нихъ какой-то еще только даровитый «любитель», котораго надо поучать, наставлять на путь истинный, но никакъ не настоящій композиторъ; главное, онъ имъ казался какимъ-то вовсе не европѣцемъ. Въ этомъ они сходились съ разными пріѣзжими иностранцами, которые всегда жаловали къ намъ со своими упрямими и высокомѣрными понятіями о томъ, что такое Европа и что такое Россія, а потому смотрѣли на нашу музыку и нашихъ музыкантовъ лишь свысока, со снисхожденіемъ. Они всѣ были точь въ точь нынѣшній любимецъ нѣмецкихъ читателей, публицистъ-фельетонистъ Нордау (остроумный, блестящій, но поверхностный), который, будучи нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Россіи, слушалъ гдѣ-то, зимою на каткѣ, въ Петербургѣ, любопытную какую-то музыку, пожалуй, не непріятную, но странную, нѣчто восточное, про которую онъ долго не зналъ, чтѣ подумать, хороша она или дурна, такая она была мудреная, всего скорѣе «восточная». И что же?— оказалось, что это были отрывки изъ «Жизни за царя». (Nordau, Vom Kreml zur Alhambra). Вотъ точь въ точь такъ долго было и съ нашей

публикой и критиками, когда они слушали музыку Глинки: тутъ есть что-то, кажись, недурное, даже приятное, а только Богъ его знаетъ, чтò это такое, что-то не ладное, не «наше», европейское, къ чему мы такъ давно привыкли и чтò любимъ.

Для самого бѣла все это было бы еще не Богъ вѣсть какая бѣда. Время исправляетъ и заволакиваетъ еще и не такія смѣшныя понятія, поворачиваетъ на правый путь еще и не такія нелѣпыя, бездарныя сужденія. Но бѣда въ томъ, что композиторы всегда почти недолго живутъ, и что они страшно надѣлены нервами. Имъ рѣдко приходится доживать до того времени, когда слѣпые прозрѣваютъ и, протирая себѣ глаза, спрашиваютъ другъ друга: «Чтò это съ нами было? Или мы это все во снѣ говорили и думали?» Имъ некогда ждать, жизнь идетъ да идетъ, и на девять дней изъ десяти угощаетъ ихъ только горечью да болыми уколами. Впослѣдствіи, однажды когда-то, все это поправится; да, это очень мило и утѣшительно, но заживо-то каково! И бѣдный Глинка испыталъ это на собственной особѣ хуже, чѣмъ кто нибудь другой. Чѣмъ нѣжнѣе и тоныше сложенъ человѣкъ, тѣмъ сильнѣе онъ слышитъ всякое шершавое, враждебное прикосновеніе. А въ отношеніи къ Глинкѣ враждебное прикосновеніе было иногда чисто-варварское. Еще когда онъ сочинялъ «Руслана», непріязненныхъ обстоятельствъ у Глинки накопилось столько, что онъ писалъ матери своей (май 1837 г.): «Все это вмѣстѣ довело меня до того, что мнѣ музыка и опера опостылѣла, и я только желаю сбыть ее скорѣе съ рукъ долой, да убраться изъ Петербурга». Въ 1840 году, когда Петербургъ сталъ ему совсѣмъ не въ моготу, и онъ просто, можно сказать, бѣжалъ изъ него, онъ говорилъ въ «Прощальной пѣснѣ» друзьямъ: «Прощайте, глупыя мечты, сны безъ значенія, прощайте! Другую жертву суеты игрой коварной обольщайте! А слава, богъ когда-то мой, возьми назадъ вѣнецъ лавровый, возьми: изъ тернѣй онъ, долой! Другаго имъ слѣпца обвей! Вели ему на чуждомъ пирѣ, гостямъ въ потѣху, у дверей, играть на раскаленной лирѣ... Потомъ, сказавъ, что онъ никогда не разлюбить семьи добрыхъ своихъ друзей, такъ долго окружавшей его «подъ небомъ вдохновеній», онъ воскликалъ: «Ей пѣснѣ послѣднюю пою и струны лиры разрываю!... По счастью, угроза не сбылась. Глинка не разорвалъ струнъ своей лиры и, напротивъ, скоро потомъ создалъ величайшее свое произведеніе—«Руслана». Но пока онъ его создавалъ, вотъ что онъ принужденъ былъ писать своей матери: «Искусство, эта небомъ данная мнѣ отрада, гибнетъ здѣсь (въ Петербургѣ) отъ убийственнаго ко всему прекрасному равнодушія. Если бъ я не провелъ нѣсколько лѣтъ за границей, я не написалъ бы «Жизни за царя»; теперь вполнѣ убѣженъ, что «Русланъ» можетъ быть оконченъ только въ Германіи или Франціи» (письмо 15 февраля 1841 г.). Когда же, въ февралѣ 1842 года, прїѣхалъ въ Петербургъ Листъ,

то, пишетъ Глинка, «его появленіе переполошило всѣхъ дилеттантовъ и даже модныхъ барынь. Меня, отказавшагося отъ свѣта съ ноября 1839 года, снова вытащили на люди, и забытому почти всѣми русскому композитору пришлось снова явиться въ салонахъ нашей столицы, по рекомендаций знаменитаго иностранного артиста»... Каково это! Листу пришлось рекомендовать Глинку русскимъ, и не прѣзжай онъ въ Петербургъ, Глинку такъ-таки и продолжали бы забывать у насъ!

Но вотъ «Русланъ» конченъ, поставленъ на сцену. Съ чего же началось признаніе великаго его созданія, геніальной оперы, которой по силѣ, глубинѣ, вдохновенію и національности нѣть подобной въ лѣтоискахъ міра? Съ того, что петербургскіе знатоки, доки и рѣшители музыкальныхъ дѣлъ объявили ему, что его созданіе—«опера совершенно неудачная» (opéra manquée) и что она можетъ быть терпима на сценѣ только цѣною громадныхъ купюръ, выбрасыванія вонъ множества нумеровъ и подробностей,—но какихъ?—именно все только такихъ, которые были не только въ высшей степени талантливы, но рѣшительно геніальны. А какъ прошло первое представленіе? Глинка разсказываетъ намъ это въ своихъ «Запискахъ» (нынче уже давно напечатанныхъ), да это же самое подтверждаютъ и злобно насыщающіяся и глумящіяся тогданія газеты. «Не смотря на мучительное чувство, овладѣвшее мною всякой разъ во время первого представленія моихъ драматическихъ произведеній, я еще не терялъ надежды на успѣхъ. Первый актъ прошелъ довольно благополучно. Второй прошелъ также недурно, за исключениемъ хора въ «Головѣ». Въ третьемъ актѣ публика замѣтно охладѣла. Четвертый актъ не произвелъ эффекта, котораго ожидали. Въ концѣ же пятаго дѣйствія императорская фамилія уѣхала изъ театра. Когда опустили занавѣсь, начали меня вызывать, но аплодировали очень недружно, между тѣмъ усердно шикали, и преимущественно со сцены и оркестра. Возвратясь изъ театра, мы съ матушкой скрыли нашу досаду и ласково приняли моихъ пріятелей, пріѣхавшихъ къ намъ ужинать. Второе представленіе прошло не лучше первого. На третье явилась старшая Петрова, она исполнила сцену третьаго дѣйствія (арію Ратмира) съ такимъ увлеченіемъ, что привела въ восторгъ публику. Раздались звонкія и продолжительные рукоплесканія; торжественно вызывали сперва меня, потомъ Петрову. Эти вызовы продолжались впродолженіе 17-ти представлений»... Итакъ, не будь страстнаго и талантливаго исполненія одною пѣвицею одной аріи (притомъ плохой: «Чудный сонъ живой любви», въ формѣ вальса), вся геніальная опера тѣкъ и осталась бы отвергнутою, презрѣнною, просто заплеванною и затоптанною въ грязь!

Но, не смотря даже на чудное виртуозное исполненіе Петровой, оперу Глинки, какъ вовсе ни для кого ненужную, скоро потомъ и

Памятникъ Глинки въ Смоленскѣ.
Съ фотографіи гравир. В. В. Маттѣ.

совсѣмъ снесли вонъ съ театра. Это случилось, когда въ 1843 году пріѣхали въ Петербургъ итальянцы. Ихъ музыку и фальшивое исполненіе Глинка, конечно, глубоко презиралъ и ненавидѣлъ, какъ всякий истинный музыкантъ. Но именно эти оперы — всѣмъ были нужны. Еще бы! «Сомнамбулы», «Лучі», «Шуритане», «Нормы» и т. д., еще бы равняться съ ихъ небесными сладостями и сверхъ-естественными красотами какому-то грубому, неотесанному «Руслану»! Эту безконечно скучную и неудачную оперу сняли съ репертуара, и цѣлыхъ 14 лѣтъ не давали. Хоть бы кто пикнулъ тогда. Вотъ еще! Стѣло беспокоиться о такомъ ничтожествѣ.

Впослѣдствіи Сѣровъ (прежде когда-то свѣтлый прогрессистъ, а подъ конецъ жизни ярый обскурантъ и ретроградъ) печатно объявлялъ въ своемъ журналь «Музыка и Театръ», что «судьба «Руслана» ничего ни рѣзкаго, ни замѣчательнаго, ни оскорбительнаго для Россіи не представляется».

«Проваль» его геніальной оперы былъ такъ боленъ нѣжному, безконечно воспріимчивому Глинкѣ, что, уѣхавъ черезъ 2 года за границу, онъ писалъ матери, что «если ему суждено писать для театра, то онъ не желаетъ писать для другаго, кроме парижскаго и итальянскаго» (письмо отъ 28-го сент. 1844). Но это было явное преувеличеніе, просто неправда противъ самого себя. Уже 11-го января 1845 года, онъ писалъ матери: «Писать для здѣшнихъ театровъ не вижу возможности. Интригъ здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, а сверхъ того, живя за границей, я болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что я душою русскій, и мнѣ трудно поддѣлываться подъ чужой ладъ». Иностранныхъ оперъ Глинка, конечно, никогда не сталъ бы писать, но намѣреніе исключительно ими заняться доказывается, какъ сладко ему было въ Россіи.

Впослѣдствіи, воротясь изъ чужихъ краевъ опять въ Россію, Глинка снова горько почувствовалъ на себѣ жало русскаго невѣжества и равнодушія по части музыки. Сестра его, Людм. Ив. Шестакова, съ которой онъ прожилъ въ это время нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ, пишетъ въ своихъ запискахъ: «Мой братъ сильно и глубоко чувствовалъ малѣйшія непріятности; несчастная семейная жизнь его развила въ немъ первную чувствительность до высшей степени; музыка его была ему дорога, и послѣ семейной катастрофы (развода) стала еще дороже. А что же онъ видѣлъ въ Петербургѣ? «Жизнь за царя» итальянцы вытѣснили съ Большаго театра на Александринскій. Опера эта давалась съ полнымъ пренебреженіемъ во всѣхъ отношеніяхъ, и когда давалась? Или въ табельные дни,— не по музыкѣ, а по имени оперы, или когда почему нибудь нельзя было давать другихъ оперъ (не разучены были, или кто боленъ), а для «Жизни за царя» не нужно было даже репетицій! Братъ не разъ говорилъ мнѣ: «Поймутъ твоего Мишу, когда его не будетъ, а «Руслана» черезъ сто лѣтъ!» Все это живо рисуетъ по-

ложenie Глинки въ своемъ отечествѣ, все это показываетъ, каково ему тутъ было. Притомъ же годы и физическіе недуги также брали свое, и Глинка все болѣе и болѣе удалялся отъ композиторства.

Въ 1850 году, Глинка писалъ одному изъ ближайшихъ пріятелей своихъ, В. П. Энгельгардту, изъ Варшавы: «Не лѣность, а упорный недугъ не допустилъ меня отвѣтить на письмо ваше. Искренно благодарю васъ за ваши заботы о моихъ музыкальныхъ дѣтихъ. Послѣднее письмо ваше исполнило сердце мое радостью (чувствомъ, давно уже мнѣ незнакомымъ отъ долговременныхъ тяжкихъ, хотя неопасныхъ страданій). Или наша публика, доселѣ нена-видѣвшая инструментальную музыку, вполнѣ измѣнилась, или дѣйствительно мои пьесы («Хота» и «Камаринская», исполненные туть въ первый разъ; замѣтимъ, что Глинка до конца жизни никогда не слыхалъ «Хоты» въ оркестрѣ), писанныя сон амоге, удались свыше моего ожиданія,—какъ бы то ни было, но этотъ неожиданный успѣхъ въ концертѣ, въ залѣ Дворянского собранія, чрезвычайно ободрилъ меня. Поблагодарите отъ меня гг. артистовъ за ихъ ласковое вниманіе и честное содѣйствіе... Втеченіе нынѣшняго 1850 года со-вершится 25-лѣтіе моего посильнаго служенія на поприщѣ народной русской музыки. Многіе упрекаютъ меня въ лѣности—пусть эти господа займутъ мое място на время, тогда убѣдятся, что съ по-стоянными первыми разстройствомъ и съ тѣмъ строгимъ воззрѣ-ніемъ на искусство, которое всегда мною руководствовало, нельзя много писать». (Письмо отъ 26 марта).

Въ послѣдніе годы Глинка ревностно принимался было пи-сать большую русскую симфонію на тему «Тарасъ Бульба», по-томъ оперу «Двумужница», но ни та, ни другая не состоялись. Ему помѣшили страданія какъ физическія, такъ и моральныя. Въ концѣ 1855 года, Глинка писалъ В. П. Энгельгардту: «Двумуж-ница» давно уже прекратилась. Либреттистъ мой, Василько-Петровъ, поѣздавшій меня два раза въ недѣлю, пропалъ въ августѣ и, какъ водится въ Питерѣ, началъ клеветать на меня. Я ему искренно принателенъ, равно какъ и **. Съ пакостной публикой мнѣ связываться не слѣдуетъ. А что опера прекратилась, я радъ: 1) потому что мудрено и почти-что невозможно писать въ русскомъ родѣ, не заимствовавъ хотя характера у моей старухи (т. е. оперы «Жизнь за царя»); 2) не надобно слѣпить глаза, ибо вижу плохо; 3) въ случаѣ успѣха мнѣ бы пришлось оставаться долѣе необхо-димаго въ этомъ ненавистномъ Петербургѣ. Досады, огорченія и страданія меня убили, я рѣшительно упалъ духомъ (*démoralisé*). Жду весны, чтобы удрать куда нибудь отсюда»... (Письмо отъ 29 ноября 1855).

Къ числу досадъ, о которыхъ тутъ говорится, надо отнести также и приведенную у насъ выше и напечатанную въ Вѣнѣ и Берлинѣ статью Рубинштейна о русскихъ сочинителяхъ. Въ этомъ

же письмъ 29 ноября Глинка писаль Энгельгардту: «... Рубинштейнъ взялся знакомить Германію съ нашей музыкой и написалъ статью, въ коей всѣмъ намъ напакостилъ, и задѣлъ мою ста-руху «Жизнь за царя» довольно дерзко».

Дѣйствительно, весной слѣдующаго (1856) года, Глинка уѣхалъ изъ Россіи за границу. Какъ одинъ изъ ближайшихъ въ то время къ Глинкѣ людей, я быль при его отѣздѣ. Съ его сестрой, Л. И. Шестаковой, мы одни его провожали до заставы (въ тѣ времена желѣзной дороги еще не было). Тутъ, выйдя изъ экипажа и отойдя на минуту въ сторону, онъ воротился къ намъ, простился съ нами, потомъ плонулъ на землю и сказалъ: «Когда бы мнѣ никогда болѣе этой гадкой земли не видать!» (Это разсказывается въ своихъ печатныхъ «Запискахъ» и Л. И. Шестакова). Желаніе Глинки исполнилось: онъ самъ собою никогда болѣе не воротился въ Россію. Его черезъ годъ привезли изъ Берлина, но уже въ гробу, чтобы похоронить на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Всего досаднѣе и больнѣе знать, что Глинку глубоко и серьезно оцѣнили раньше всѣхъ — кто? — иностранные талантливые и геніальные люди. Пока у насть «Руслана» одни бралили, а другіе не понимали, и только зѣвали на его представленияхъ, или просто глумились (какъ, напримѣръ, Булгаринъ, и тотъ генералъ, который обѣщался послыять проштрафившихся своихъ солдатъ въ театръ на «Руслана»), пока «лучшие» тогдашніе знатоки русскіе, какъ, напримѣръ, графъ Віельгорскій, ученикъ парижской консерваторіи, и Керубини, нагло и безстыдно твердили Глинкѣ въ глаза, что его опера «провалилась», но въ то же время до корней души таяли отъ «Сонамбуль» и иной итальянской дребедени, и признавали анти-художественного пѣвцуна Рубини «Юпитеромъ Олимпійскимъ», — пока, однимъ словомъ, русская публика утопала во мракѣ и туманѣ, въ сомнѣніи или въ тупой ненависти, иностранцы думали и говорили совсѣмъ другое.

Первый заговорилъ Листъ. Онъ сталъ рекомендовать Глинку русскимъ. Какой срамъ и стыдъ! Но тогдашніе русскіе этого не понимали. Они, какъ осовѣлье, сидѣли въ итальянской оперѣ и только похлопывали глазами. Но Листъ глубоко понималъ, что за талантъ Глинка, какъ онъ силенъ и новъ, какъ оригиналентъ. Онъ много игралъ «Руслана» прямо по оркестровой, страшно сложной партитурѣ (какой неимовѣрный *tour de force!*), онъ восторгался имъ, и даже тотчасъ переложилъ одно изъ капитальнѣйшихъ созданій этой оперы — фантастическо-восточный маршъ Черномора. «Листъ въ 1843 году слышалъ мою оперу. Онъ вѣрно чувствовалъ всѣ замѣчательныя мѣста», — говорить Глинка въ «Запискахъ». Могъ ли онъ сказать тогда эти слова про кого нибудь изъ русскихъ?

Потомъ, въ 1844 году, Меримэ напечаталъ въ «Revue de Paris» рядъ статей про свое путешествіе въ Россію и, говоря, между про-

чимъ, тоже и про Глинку, высказалъ про него такія вещи, которыхъ никто изъ русскихъ не только тогда не писалъ, да и не думалъ. Онъ говорилъ: «Жизнь за царя»—это болѣе чѣмъ опера, это—национальная эпопея, это—лирическая драма, возвращенная къ благородству первоначального своего назначенія, къ тѣмъ временамъ, когда она была не пустой забавой, но патріотическимъ и религіознымъ торжествомъ. Хотя я и иностранецъ, но никогда не могъ присутствовать на этомъ представлѣніи безъ живаго и симпатическаго чувства»...

Послѣ оркестроваго концерта, даннаго Глинкой, въ 1845 году, въ Парижѣ, а также двухъ концертовъ Берліоза, гдѣ исполнялись сочиненія Глинки, парижскія газеты напечатали множество самыхъ симпатичныхъ статей о Глинкѣ и о великой новости для Европы—русской музыкѣ. Нѣкоторые журналы (напр., «Revue Britannique») заговорили даже о томъ, что Глинку не надо французамъ упускать изъ рукъ, что этому новому и свѣжему таланту надо поручить писать оперы для парижскихъ театровъ. «Le Monde Musical», отзываясь съ величайшимъ уваженіемъ и симпатіей о сочиненіяхъ Глинки, говорилъ: «Никто не жаловался на обиліе русской музыки въ этихъ концертахъ. Русскіе сдѣлали для музыки то же, что для образованности—они пошли быстро впередъ»...

Всѣхъ больше восхищался Берліозъ. Онъ былъ въ такомъ энтузіазмѣ отъ Глинки и новоявленной русской музыки, что, не удовольствовавшись исполненіемъ Глинкинскай музыки въ двухъ своихъ «concerts-monstres», онъ напечаталъ о русскомъ авторѣ огромную статью въ «Journal des Débats». Онъ прямо высказывалъ здѣсь, со всею горячностью своего энтузіазма, что Глинка—одинъ изъ величайшихъ композиторовъ XIX-го вѣка. Этого не могли и не смѣли не только сказать, но даже подумать всѣ самые искренніе поклонники Глинки въ Россіи (а ихъ такъ было мало), даже самъ князь Одоевскій, который смыслилъ тогда у насъ больше всѣхъ въ музыкѣ, глубоко любилъ и уважалъ Глинку, и даже написалъ двѣ лучшія статьи о Глинкѣ—одну о «Жизни за царя», другую о «Русланѣ». Статья о «Русланѣ» другаго пріятеля Глинки, Сенковскаго, была поверхностна, не смотря на всѣ похвалы, такъ какъ авторъ ея былъ всеядный дилеттантъ и всего болѣе итальяноманъ.

Напомнимъ еще, что когда Глинка бывалъ въ Берлинѣ или Парижѣ одновременно съ Мейерберомъ, этотъ послѣдній всегда старался видѣть Глинку и выразить ему свое уваженіе.

Ни до чего подобнаго со стороны русской публики, русскихъ музыкантовъ и критиковъ Глинка не дожилъ. Конечно, всѣ почти считали его талантомъ, даже создателемъ русской оперы. Но какъ-то все это было равнодушно и вяло, и, конечно, никто въ Россіи, при его жизни, не смѣль бы признать въ Глинкѣ музыканта геніального. Это смѣли, могли и нуждались признавать только музы-

кантъ Запада и тамошняя музыкальная критики. Исключение составляли только тѣ немногіе поклонники Глинки, которые окружали его въ послѣдніе годы его жизни, и среди которыхъ онъ находилъ отраду отъ всѣхъ своихъ страданій.

Послѣ смерти Глинки, этимъ людямъ удалось посредствомъ печати, концертовъ и устной пропаганды добиться того, что послѣ 14 лѣтъ постыднаго антракта снова стали давать у насъ «Руслана», и даже не въ прежнемъ урѣзанномъ, кастрированномъ видѣ. Великія инструментальныя созданія Глинки: «Хота», «Камаринская», «Ночь въ Мадридѣ», музыка къ «Князю Холмскому», тоже стали общеизвѣстны у насъ, стали общимъ достояніемъ всей Россіи. Главная заслуга въ этомъ была — «Безплатной Музыкальной Школы» и главы ея, Балакирева, котораго Глинка въ послѣдніе свои дни, а вмѣстѣ съ нимъ и Даргомыжскій, привѣтствовали какъ истиннаго, наконецъ, и крупнаго русскаго музыканта, достойнаго ихъ продолжателя. Скоро потомъ около Балакирева сгруппировалась цѣлая фаланга молодыхъ талантливыхъ композиторовъ, и для этой новой русской музыкальной школы Глинка, впродолженіе цѣлыхъ 25 лѣтъ ея существованія, былъ всегда великимъ национальнымъ и художественнымъ знаменемъ и исходною точкою всѣхъ стремленій. За то и эта школа, какъ ея великій глава, Глинка, была всегда непризнаваема и часто даже гонима наибольшею массою нашихъ соотечественниковъ. «Не вѣдаются слѣпые, чѣмъ творятъ», — могли бы они сказать про этихъ соотечественниковъ, какъ и великій ихъ глава, вѣчный мученикъ Глинка. Въ Россіи было всегда слишкомъ много Потукиныхъ.

Но для Глинки наступила теперь лучшая судьба. Теперь уже всѣ въ Россіи если не искренно любятъ, то, по крайней мѣрѣ, признаютъ его великій талантъ и его великое значеніе. Глинкѣ поставленъ памятникъ въ Смоленскѣ на приношенія всей Россіи, всѣ созданія его постоянно являются на театрѣ и въ концертѣ, и никто уже болѣе противъ нихъ не протестуетъ, никто на нихъ не нападаетъ. Одни люди, правда, еще только «привыкли» къ нимъ и терпѣливо переносятъ ихъ, какъ нѣчто «классическое», но за то другое, — и ихъ уже цѣлая громадная масса въ нашемъ отечествѣ, — въ самомъ дѣлѣ ихъ поняли и искренно восторгаются ими. Слава Богу! вѣдь пятьдесятъ лѣтъ прошло.

Но есть одна личность, которую нельзя забыть въ тотъ день, когда празднуется 50-лѣтие Глинки, — личность, которая за одно съ новой русской музыкальной школой все сдѣлала для распространенія произведеній Глинки и для вдоворенія истинныхъ о немъ понятій. Это сестра Глинки — Людмила Ивановна Шестакова. Она была на семь лѣтъ моложе своего брата, много лѣтъ своей жизни провела въ помѣстьѣ, сначала дѣвицей, со своимъ семействомъ, а потомъ замужемъ, а потому лишь изрѣдка и ненадолго имѣла

случай видѣть Глинку и жить съ нимъ. Но послѣднія пять лѣтъ жизни Глинки она была съ нимъ почти неразлучна и окружала его постоянно такимъ нѣжнымъ попеченіемъ и заботливостью, которыя замѣнили ему попеченія и заботливость страстно любимой имъ матери (скончавшейся въ 1851 году). Въ «Запискахъ» своихъ и во множествѣ писемъ Глинка высказываетъ, какъ много былъ

Л. И. Шестакова, рожд. Глинка.

Съ фотографіи Н. И. Ануфріева, грав. В. В. Маттэ.

обязанъ спокойствіемъ и даже, по возможности, счастіемъ 50-хъ годовъ своей жизни—этой своей сестрѣ.

Когда Глинки не стало, она перевезла тѣло его изъ Берлина въ Петербургъ, похоронила его на кладбищѣ Александро-Невской лавры и воздвигла надъ могилой его необыкновенно-художественный памятникъ, по проекту талантливаго архитектора И. И. Гор-

ностаева (нынѣ уже давно умершаго). Памятникъ укращенъ очень схожимъ медальономъ Глинки, а на вершинѣ его высѣчена въ гранитѣ строчка нотъ изъ эпилога «Жизни за царя» со словами: «Славься, славься, святая Русь!» Это являлось нововведеніемъ у насъ, да, пожалуй, и вездѣ. Никогда еще музыка не присутствовала ни на чьемъ надгробномъ памятникѣ.

Еще при жизни Глинки, Л. И. Шестакова собрала всѣ разсѣянные по разнымъ изданіямъ романсы своего брата, упросила его написать на память вновь тѣ романсы, которыхъ уже болѣе не существовало въ обращеніи, и такимъ образомъ составила «Полное собраніе романсовъ Глинки», расположеннное имъ самимъ въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ.

Затѣмъ, переходя отъ менѣе важнаго къ болѣе важному, она задумала обезопасить навѣки отъ всякихъ случайностей большія оркестровыя партитуры своего брата, до тѣхъ поръ еще существовавшія въ видѣ двухъ только рукописей, въ петербургскомъ и московскомъ театрахъ.

Въ 1853 году, сгорѣлъ Большой театръ въ Москвѣ и съ нимъ полныя партитуры «Руслана» и «Жизни за царя». Осталось, такимъ образомъ, только по одному экземпляру этихъ оперъ въ петербургской театральной дирекціи. Но Глинка не разъ говоривъ своей сестрѣ, что ужасно боится, какъ бы и здѣсь онъ не сгорѣли, и тогда музыка его пропадетъ. Онъ особенно боялся за «Руслана», потому что эту оперу больше любилъ и ставилъ несравненно выше «Жизни за царя», притомъ же партитура «Жизни за царя» сохранилась въ подлинномъ автографѣ самого Глинки, тогда какъ отъ партитуры «Руслана» остались въ автографахъ Глинки лишь нѣкоторыя части. Видя, какъ братъ ея серьѣзно тревожится этимъ, Л. И. Шестакова заказала списать по два экземпляра каждой оперы и ихъ просмотрѣлъ самъ Глинка. По одному экземпляру было отослано, по желанію Глинки, къ бывшему его учителю, Дену, въ Берлинъ, для королевской публичной библіотеки. Предосторожность оказалась ненапрасною: въ 1859 году, сгорѣлъ Маріинскій театръ въ Петербургѣ, и съ нимъ партитура «Руслана». Не подумай объ этомъ заранѣе Л. И. Шестакова, партитура «Руслана» исчезла бы безвозвратно. Дирекція имѣла теперь возможность списать себѣ копію съ экземпляра, подаренного Глинкой и Л. И. Шестаковой—Д. Стасову.

Глинка любилъ Л. И. Шестакову болѣе всѣхъ другихъ близайшихъ родственниковъ своихъ, и потому сдѣлалъ ее, по завѣщанію, единственою наслѣдницею своею. Но послѣ смерти его она рѣшительно все отдала сестрамъ своимъ, какъ земли, такъ и движимости, а себѣ оставила единственно только музыку брата. Цѣль ея была та, чтобы родственники, иначе смотрѣвшіе на вещи, не жели она, не были ей помѣхой въ осуществленіи ея завѣтной мысли: распространить у насъ и за границей сочиненія своего брата.

Въ началѣ февраля 1867 года, при сильномъ содѣйствіи Л. И. Шестаковой, дана была въ Прагѣ, на чешскомъ театрѣ, опера «Русланъ и Людмила». Дирижировалъ ею Балакиревъ, нарочно пріѣхавшій изъ Петербурга. Опера имѣла въ Прагѣ большой успѣхъ и удержалась на театрѣ до сихъ поръ.

Нѣсколько лѣтъ длились переговоры обѣ изданиіи, въ оркестровыхъ партитурахъ, «Жизни за царя» и «Руслана». Препятствіе происходило со стороны музыкального издателя Стелловскаго, собственника сочиненій Глинки. Наконецъ, Л. И. Шестакова добыла себѣ право на изданіе «Руслана», продала свое имѣніе, и на эти деньги издала желанную партитуру. Это былъ истинный монументъ Глинкѣ. Отъ сихъ поръ, партитура, великколѣпно изданная, подъ редакціею Балакирева, Римскаго-Корсакова и Лядова, навѣки застрахована отъ гибели и забвенія. Партитуру «Жизни за царя» издала, послѣ смерти Стелловскаго, фирма его, но также вслѣдствіе энергическихъ настояній Л. И. Шестаковой.

Въ 1885 году, 20 мая, въ день рожденія Глинки, былъ открытъ его памятникъ въ Смоленскѣ. Онъ сооруженъ на приношенія всей Россіи. Онъ сочиненъ профессоромъ фонъ-Бокомъ, и порученъ его исполненію потому, что академія художествъ одобрила этотъ проектъ преимущественно передъ всѣми остальными, всетаки, крайне плохими, послѣ многихъ и долголѣтнихъ конкурсъ. Глинка представленъ во весь ростъ, съ камертономъ въ рукѣ, онъ какъ будто къ чему-то прислушивается. Подъ ногами его надпись:

«ГЛІНКѢ

РОССІЯ».

Въ осуществленіи этого памятника Л. И. Шестакова принимала самое энергическое участіе, вмѣстѣ съ глубоко-симпатизировавшимъ Глинкѣ смоленскимъ предводителемъ дворянства, княземъ Г. В. Оболенскимъ (скончавшимся недавно).

Наконецъ, въ нынѣшнемъ году, ко дню празднованія 50-лѣтія со времени появленія на театрѣ «Жизни за царя», 27 ноября, вознесется вокругъ памятника Глинки и та великолѣпная, оригинальная рѣшотка, которая изображена на прилагаемомъ рисункѣ и которую недавно видѣлъ Петербургъ, въ учебномъ залѣ Адмиралтейства. Вмѣстѣ съ княземъ Г. В. Оболенскимъ, Л. И. Шестакова принимала самое живое и дѣятельное участіе въ сооруженіи этой рѣшотки и пожертвовала на нее значительную сумму.

Такимъ образомъ, благодаря поразительной энергіи и страстному своему обожанію великаго брата своего, Л. И. Шестакова достигла исполненія всѣхъ самыхъ горячихъ желаній своихъ, довела свое дѣло до конца, и совершила такой подвигъ братской любви, который слишкомъ рѣдко можно встрѣтить въ исторіи художниковъ.

Рѣшотка къ памятнику Глинки совершенно необычайная и, смѣло скажу, совершенно безпримѣрная. Подобной рѣшотки нигдѣ до сихъ порь не бывало въ Европѣ. Она вся составлена изъ нотъ, точно изъ золотаго музыкального кружева. По счастью, къ осуществленію ея не встрѣтилось никакого сопротивленія. Тридцать лѣтъ назадъ, когда по моему предложенію сочиненъ былъ и выполненъ надгробный памятникъ Глинкѣ на Александро-Невскомъ кладбищѣ, ризничей лавры, архимандритъ Серапионъ (нынѣ уже давно умершій), остановилъ постановку привезенного нами на кладбище памятника, и не хотѣлъ допускать его туда. «Какъ можно, на мѣстѣ священномъ, на кладбищѣ, да еще въ монастырѣ, ставить такой памятникъ, гдѣ написана музыка, да еще свѣтская, театральная», — говорилъ онъ. Тщетно возражалъ я, что эта музыка — хоръ при вѣнчаніи царя русскаго на царство, и что здѣсь слова: «Славься, славься, святая Русь». Архимандритъ не хотѣлъ ничего слушать. Понадобилось разрѣшеніе самого митрополита. Нынче не пришлось испытать никакого подобнаго затрудненія. Затрудненіе было лишь со стороны технической. Слишкомъ трудно ковать ноты изъ желѣза, выполнить это прочно и изящно. Но превосходный художникъ по части художественнаго слесарнаго искусства, К. Винклеръ, съ примѣрнымъ мастерствомъ выполнилъ эту трудную и небывалую задачу. Проектъ рѣшотки составленъ былъ однимъ изъ самыхъ талантливыхъ и оригинальныхъ нашихъ архитекторовъ, академикомъ И. С. Богомоловымъ. На четырехъ сторонахъ рѣшотки помѣщены слѣдующія музыкальныя темы изъ созданій Глинки:

Передняя сторона: налево — три темы изъ «Жизни за царя»

Сла- вя- ся, славь- ся, свя- та- я Ру- сь, ли- куй, ве- се- ли- ся твой царь гра- дет!

Вѣ- бу- рю во- гро- зу- оо- колъ по- №-бу-

Раз- гу- ли- ла- ся, раз- ли- за- ся во- да ве- шла- я по- ху- гамъ.

Направо — три темы изъ «Руслана»:

Сла- за ве- ль- кий бо- гамъ!

О- да- нет- ся съза ре- во цвѣтокъ лю- бы, зе- сямъ.

Есть пу- стынныи край, бе- зо- традный брегъ, тамъ на пол- но- чи да- ле- ко

Правая боковая сторона: нальво—три темы изъ «Жизни за царя»:

Лель таинственный! у - по - и - тельный! ты востор - ги льши въ сердце намъ!
О, по - ле, по - ле кто те - бы у - сѣ или же - твы - ми ко - сти - ми?
Вре - менъ отъ вѣчной те - мно - ты быть можетъ нѣть и мнѣ спасень - я

Направо—три темы изъ «Руслана»:

Какъ матъ у - би - ли у ма - ла - го штек - ца
Ты прий - дешь мо - я за - ра! Вагла - иу въле - цо тво - е!
У - ста - хи мы, про - хро - ги

Задняя сторона: нальво—три темы изъ «Жизни за царя»:

Не о томъ скорбимъ, но - друженъки, я го - рюю не о томъ, что мнѣ жал - ко
Хи - тро вы э . то у - чи - ни - ли въ рас - плокъ на - т - ка - ли изъ несть
Ахъ, не мнѣ бѣд - но .. му, вѣтру буй - но .. му

Направо—три темы изъ «Руслана»:

Насть бы - ло дво - е, братъ мой и я, я - былъ изъ вѣ - тенъ ростомъ с - громынь
Карь и зной сѣ - ни - ли но - чи тѣнь..
Не про - снет ся пти - чка у - тро - мъ, е - сли соли - ца не у - вѣ дитъ

Лѣвая боковая сторона: нальво—одна тема изъ «Жизни за царя» и двѣ темы изъ «Князя Холмскаго»:

Не... ту-жи, ди-ти-ро-де-мо-е! буд-то всѣ земны-и ра-дос-ти
Съ горных странъ падъ туманъ на до-лины и покрылъ рядъ могиль Пла-lestи-и-м
— Я ви-да-ла е-го, же-не-ху мо-е-го, въткокъ радостно-мъ си-и, гдѣ то въ рай-ской странѣ

Направо—одна тема изъ «Руслана», тема изъ романса «Ночной смотръ» и тема изъ «Прощальной пѣсни»:

Ра-дость, счастье я... спо-е и во-сторгъ лю-бви
Въ дѣнадцать часовъ по ночамъ изъ гроба встаетъ барабанщикъ, и ходить онъ назадъ и впередъ
Про шай-то, доб-ру-е друг-и, на-съ жизнъ раскинетъ въ разомъ-и-и-и.

Сверхъ того, между музыкой помѣщены надписи славянскою вязью. На передней сторонѣ написаны названія главнѣйшихъ со-зданій Глинки: «Жизнь за царя», «Русланъ и Людмила», «Князь Холмскій», «Камаринская», «Арагонская хота», «Ночь въ Мадридѣ», романсы, церковные хоры. На задней сторонѣ имя:

«ГЛИНКА»

въ большомъ кругу. На лѣвой боковой сторонѣ: «Императоръ Александръ II повелѣлъ поставить памятникъ Глинкѣ по мысли смоленскихъ дворянъ А. А. Гернгросса, Н. Е. Криштофовича, И. Н. Тулубьева, А. П. Энгельгардта». На правой боковой сторонѣ: «Въ царствование императора Александра III воздвигнутъ памятникъ Глинкѣ на приношенія Россіи. Открытъ 20 мая 1885 при губернскомъ предводителѣ дворянства кн. Г. В. Оболенскомъ».

В. Стасовъ.

ЛИСТКИ ИЗЪ АРХИВА „ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ“.

I.

«Литературная Газета» барона Дельвига; ея направлениe и кружокъ ея сотрудниковъ. — В. Н. Щастный и О. М. Сомовъ. — Различные материалы и автографы, собранные В. Н. Щастнымъ. — Неизданные материалы по биографии Измайлова. — Современные извѣстія о послѣднихъ годахъ жизни и о смерти Измайлова. — Общий характеръ юмора Измайлова. — Его «Объясненіе».

БТЬ ДВѢНАДЦАТЬ тому назадъ, совершенно случайно мнѣ удалось ознакомиться съ содержанiemъ архива редакціи «Литературной Газеты». Не смотря на то, что до меня дошли уже только весьма жалкіе остатки этого большаго и чрезвычайно любопытнаго собранія бумагъ, писемъ и авторафовъ, мнѣ еще удалось найти въ нихъ письма А. С. Шишкова (къ издателю «Литературной Газеты»: «О промахахъ и неудачныхъ нововведеніяхъ слога»), критическая замѣтка знаменитаго графа Хвостова, автографы Пушкина, барона Дельвига¹⁾, князя П. А. Вяземскаго, Ф. Глинки, Лажечникова, М. Максимовича, С. Шевырева, П. А. Плетнева, В. Туманскаго, отца Іакинеа, Н. Гречи и многихъ другихъ лицъ, стоявшихъ въ тѣсной связи съ барономъ Дельвигомъ и его газетой.

¹⁾ Автографы Дельвига состояли изъ критической статьи о «Радугѣ» («Альманахъ», 1830 г.) и изъ весьма любопытныхъ его черновыхъ тетрадей, заключающихъ въ себѣ всѣ его идилии и большую часть антологическихъ стихотвореній. Всѣ эти автографы переданы нами В. П. Гаевскому, какъ биографу Дельвига.

Припомнимъ кстати, что «Литературная Газета» барона Дельвига была органомъ весьма определенной окраски и служила выражениемъ идей и направлений того тѣснаго литературного кружка, который сплотился около Пушкина; къ этому же кружку, въ концѣ 1829 года, примкнулъ и князь Вяземскій, уже успѣвшій разойтись съ редакціею «Московскаго Телеграфа». Подъ знаменемъ Пушкина и подъ эгидою Вяземскаго сошлись здѣсь всѣ наиболѣе грозные и наиболѣе влиятельные литературные враги Н. А. Полеваго и повели противъ него ожесточенную борьбу, которой, однако же, издаватель «Московскаго Телеграфа» почти не удостоивъ вниманія. Онъ очень хорошо понималъ, что «Литературная Газета» не можетъ имѣть никакой будущности, что она не составить ему серьезной конкуренціи, что она представляетъ собою не болѣе какъ барскую затѣю небольшаго избраннаго кружка «знаменитыхъ»¹⁾ литераторовъ, а потому и не можетъ удовлетворить быстро развивавшейся среди нашего общества потребности въ чтеніи. И онъ не ошибся: дни «Литературной Газеты» были сочтены, и едва только умеръ Дельвигъ, газета прекратила свое существованіе. Пушкинъ тотчасъ охладѣлъ къ неудавшемуся литературному предпріятію, и возвратился къ мечтамъ о собственномъ (критическомъ) журналѣ; князь Вяземскій не рѣшился принять на себя дальнѣйшее веденіе «Литературной Газеты», внутренно сознавая безуспѣшность борьбы маленькаго и незамѣтнаго органа съ такимъ сильнымъ противникомъ, какъ «Московскій Телеграфъ». Остальные сотрудники барона Дельвига, выносивши на своихъ плечахъ главную долю труда въ «Литературной Газетѣ», разбрелись кто куда...

Среди этихъ-то сотрудниковъ барона Дельвига, далеко не при надлежавшихъ къ числу «знаменитыхъ», было нѣсколько такихъ дѣятелей, которые теперь давно уже позабыты, но, тѣмъ не менѣе, вполнѣ заслуживають уваженія не только за выказанную ими безкорыстную преданность къ литературному труду, но и за тѣ усилия, которыя были ими потрачены на поприщѣ русской литературы и журналистики. Самое видное мѣсто въ кругу этихъ второстепенныхъ дѣятелей «Литературной Газеты» принадлежитъ двоимъ литераторамъ: В. Н. Щастному и О. М. Сомову. Какъ тотъ, такъ и другой заслуживаютъ того, чтобы о нихъ сказать здѣсь нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что они оба способствовали сохраненію архива «Литературной Газеты» и въ особенности тѣхъ материаловъ, касающихся біографіи Измайлова, которые составляютъ главную суть настоящей статьи.

Василій Николаевичъ Щастный, уроженецъ Волынской губерніи, получилъ образованіе въ мѣстной іезуитской коллегіи и вы-

¹⁾ Такъ называлъ въ шутку Н. А. Полевой всѣхъ литераторовъ, входившихъ въ составъ пушкинского кружка.

несь изъ нея весьма солидную подготовку для литературной и журнальной дѣятельности. Не обладая литературнымъ дарованіемъ, но основательно зная латинскій, польскій и два новѣйшихъ языка, Щастный преимущественно занимался переводами и компиляціями по научнымъ вопросамъ. Въ «Литературной Газетѣ» барона Дельвига, Щастный былъ дѣятельнѣйшимъ изъ сотрудниковъ и выполнялъ обязанности секретаря редакціи. Въ то же время, какъ членъ нѣсколькихъ литературныхъ и ученыхъ обществъ, Щастный проявлялъ свою дѣятельность какъ «истинный наукъ любитель» и тамъ, помѣщая въ различныхъ ученыхъ изданіяхъ свои сообщенія и замѣтки. Съ особеннымъ тщаніемъ, даже съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ, собиралъ онъ все, что касалось его литературныхъ связей, и каждый автографъ, каждую рукопись или записку, проходившую черезъ его секретарскія руки, хранилъ онъ какъ святыню. Только благодаря ему и сохранились тѣ обломки архива «Литературной Газеты», которые, послѣ его смерти, много лѣтъ пролежали въ амбарѣ одного заброшенного сельца Новгородской губерніи и чуть было не пошли «на обклейку оконъ»...

Въ обломкахъ этого архива видное мѣсто занимаютъ любопытные материалы для біографіи другаго сотрудника «Литературной Газеты» — Ореста Михайловича Сомова, уроженца Харьковской губерніи, дворянина и помѣщика, обладавшаго нѣкоторымъ достаткомъ. О. М. Сомовъ былъ даровитѣй Щастнаго; онъ легко писалъ прозою и стихами, писалъ много, и въ періодъ 20-хъ годовъ принималъ участіе во многихъ журналахъ, начиная отъ «Благонамѣреннаго», издаваемаго А. Е. Измайловымъ, и до «Литературной Газеты» барона Дельвига. Съ В. Н. Щастнымъ, очевидно, какъ товарищемъ и сотрудникомъ, онъ былъ связанъ тѣсными узами дружбы, почему мы и находимъ въ доставшемся намъ запасѣ бумагъ В. Н. Щастнаго массу писемъ, замѣтокъ и стихотвореній О. М. Сомова и даже обширнѣйшую переписку его (на французскомъ языкѣ) съ какою-то дамой, нечуждой петербургскимъ литературнымъ кружкамъ и театральному миру 20-хъ годовъ. Страстный, горячій тонъ переписки ясно указываетъ на отношенія О. Сомова къ неизвѣстной (и, кажется, непреклонной) дамѣ его сердца, а бойкій и гладкій французскій языкъ этихъ писемъ служить доказательствомъ того, что авторъ получилъ свѣтское образованіе въ современномъ значеніи этого слова. Замѣтки и выписки изъ прочтеннаго, которыя О. Сомовъ имѣлъ обыкновеніе собирать въ отдѣльныя тетрадки, выказываютъ въ немъ человѣка просвѣщенаго, знакомаго не только съ новѣйшими, но и съ древними языками, и обладавшаго весьма обширною начитанностью. О. Сомовъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ «Благонамѣреннаго», журнала, издаваемаго Измайловымъ, а потомъ принималъ участіе, вмѣстѣ съ Щастнымъ, во всѣхъ петербургскихъ журналахъ и, на-

конецъ, въ «Литературной Газетѣ» Дельвига. Въ его бумагахъ находимъ довольно интересное собраніе эпиграммъ и пародій на современные литературные произведения, — пародій, заслуживающіхъ вниманія и въ настоящее время.

Немаловажнымъ вкладомъ доставшагося намъ архива «Литературной Газеты» слѣдуетъ считать, между прочимъ, особый отдѣлъ біографическихъ свѣдѣній объ извѣстномъ нашемъ баснописцѣ А. Е. Измайловой. Если мы припомнимъ, что В. Н. Щастный и О. М. Сомовъ были съ самаго начала изданія «Благонамѣреннаго» сотрудниками А. Е. Измайлова, то мы поймемъ, что біографическая свѣдѣнія объ Измайловой не случайно попали въ портфель Щастного, а, напротивъ, были имъ собраны съ очевидною цѣлью — написать некрологъ Измайлова для «Литературной Газеты», а можетъ быть, даже и болѣе подробную біографическую замѣтку объ умершемъ баснописцѣ для какого нибудь другаго журнала.

Особенно важно то, что все собранное Щастнымъ (или О. Сомовымъ?) объ Измайловой представляетъ собою или копіи съ автографовъ Измайлова, или официальная бумаги, драгоценныя по несомнѣннымъ даннымъ, строго устанавливающимъ фактическую основу біографіи забытаго писателя. Мы находимъ здѣсь:

- 1) Формулярный списокъ А. Е. Измайлова (подлинникъ и копія).
- 2) Полный списокъ сочиненій и изданій А. Е. Измайлова.
- 3) Записку, составленную А. Е. Измайловой въ бытность его начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ государственного казначейства для полученія чина статского совѣтника.
- 4) Цензурное дозволеніе издавать съ 1830 года литературный журналъ, подъ названіемъ «Любитель Отечественнаго».
- 5) Литейной части въ Сѣзжій домъ отъ коллежскаго совѣтника и кавалера А. Е. Измайлова объясненіе.

При скучности того материала, которымъ мы обладаемъ для біографіи и характеристики А. Е. Измайлова, мы полагаемъ, что окажемъ нѣкоторую услугу любителямъ нашей литературы, напечатавъ вышеисчисленные документы, отчасти цѣликомъ, отчасти — въ извлеченіяхъ, съ необходимыми поясненіями и ссылками на то, что уже было напечатано по біографіи нашего баснописца.

Что же, однако, было до сихъ поръ напечатано по біографіи Измайлова? Добросовѣтный Геннади, въ своемъ Словарѣ, собралъ все, что ему было извѣстно объ Измайловой, и его списокъ слишкомъ ясно указываетъ на крайнюю бѣдность литературы по отношенію къ біографіи нашего баснописца. Кромѣ краткаго упоминанія въ «Словарѣ свѣтскихъ писателей» митрополита Евгения (I, 246) и въ «Опытѣ» Николая Греча, мы видимъ въ перечнѣ Геннади только одну серьезную статью: А. Галахова (Біографія и критический обзоръ сочиненій Измайлова) въ «Современнике»

(1849, ч. XVIII, и 1850, ч. XXIII и XXIV). За этою статьею (кстати сказать, весьма поверхностною) Геннади упоминаетъ еще двѣ краткія біографическія замѣтки: въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» за 1848 годъ (№ 33) и въ «Іллюстрації» 1846 года (№№ 17 и 18), не заслуживающія серъёзного вниманія. По какой-то странной случайности, Геннади не упоминаетъ о двухъ весьма крупныхъ источникахъ для біографіи Измайлова—о его письмахъ къ И. И. Дмитріеву, превосходно характеризующихъ добродушнаго Александра Ефимовича и сообщающихъ о немъ много важныхъ подробностей (*«Русскій Архивъ»*, 1871 г.; №№ 7 и 8; стр. 962—1,008), и о статьѣ нѣкоего Г. Эртоулова (*«Воспоминанія объ Измайловой»*. Литературная характеристика), помѣщенной въ *«Дѣлѣ»* за 1874 годъ (№ 4, стр. 151—198). О послѣдней статьѣ нельзя не сказать нѣсколько словъ, въ предостереженіе будущимъ біографамъ Измайлова. Авторъ статьи (кажется, г. Бурнашевъ, скромно-прикрывшійся псевдонимомъ Эртоулова), со всѣми признаками достовѣрности, разсказываетъ объ Измайловой, какъ очевидецъ, передаетъ подробности своего личнаго знакомства съ нимъ, приводитъ слова, разговоры, остроты его—и все это заимствуетъ наглѣйшимъ образомъ изъ писемъ Измайлова къ Дмитріеву, напечатанныхъ въ *«Рус. Архивѣ»* 1871 года, добавляя собственными измѣненіями. Какъ ловкій компилиаторъ, г. Эртоуловъ разсчитывалъ совершенно правильно на то, что редакторъ *«Дѣла»* не читаетъ *«Русскаго Архива»*, и потому смастерили свою статейку изъ материала, напечатаннаго за три года передъ тѣмъ, выдалъ чужое добро за свое, а редакторъ *«Дѣла»* наивно поддался наглому обману. Въ виду всего этого, мы и совѣтуемъ будущимъ біографамъ Измайлова не заглядывать въ статью г. Эртоулова и позабыть о ея существованіи, такъ какъ все, что въ ней есть фактическаго, цѣликомъ и даже безъ передѣлокъ взято изъ вышепомянутыхъ писемъ Измайлова къ Дмитріеву и только «вложено въ уста Измайлова».

Біографическія подробности, сообщаемыя въ *«Словарѣ»* Геннади, точно также какъ и бібліографическія подробности о его сочиненіяхъ и изданіяхъ его сочиненій—довольно вѣрны, хотя и недостаточно опредѣленны, недостаточно подробны. И для біографа, и для бібліографа литературная дѣятельность Измайлова предсталяетъ еще обширное и необработанное поле, надъ которымъ стоитъ потрудиться. Бібліографу предстоить пополнить «полныя изданія» сочиненій Измайлова множествомъ его мелкихъ и крупныхъ замѣтокъ, прозаическихъ статей, очерковъ и отрывковъ, разбросанныхъ по тѣмъ журналамъ, въ изданіи которыхъ Измайловъ принималъ дѣятельное участіе; біографу предстоить воспользоваться этими замѣтками, статьями и отрывками для пополненія характеристики, для дорисовки крупной личности наивнѣйшаго изъ нашихъ писа-

телей и журналистовъ первой четверти нынѣшняго вѣка. И вотъ тогда, когда эта предварительная работа будетъ исполнена, уже не трудно будетъ опредѣлить достоинство Измайлова, какъ журналиста, какъ писателя и какъ критика; нетрудно будетъ выяснить значение его нѣсколько грубоватой, но иногда очень мѣткой и ѳдкой сатиры и оцѣнить услуги, оказанныя имъ русскому языку и словесности.

Но покамѣсть все это будетъ сдѣлано, подѣлимся тѣмъ, что имѣемъ, и внесемъ въ біографическія свѣдѣнія объ Измайловѣ нѣсколько данныхъ, имѣющихъ одно неоспоримое достоинство: эти данные, какъ мы уже указали выше, исходить или отъ самого Измайлова, или подтверждаются официальными документами, не подлежащими никакому сомнѣнію.

Прежде всего обращаемся къ формулярному списку и «Запискѣ» А. Е. Измайлова¹⁾, и узнаемъ изъ него слѣдующее. Родился Александръ Ефимовичъ Измайловъ въ 1778²⁾ году, и происходилъ отъ дворянъ Владимірской губерніи, Вязниковскаго уѣзда, въ которомъ имѣлъ «въ общемъ владѣніи съ сестрою имѣніе, состоявшее изъ 7 душъ». Изъ этого указанія ясно, что онъ былъ очень небогатъ... По общему обычаю того времени, на 9-мъ году возраста, Александръ Ефимовичъ «былъ записанъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ каптенармусомъ въ 1786 году (ноября 8 дня)» и «произведенъ въ сержанты 1791 года (мая 13)». Изъ «Записки» узнаемъ, что Измайловъ, въ слѣдующемъ 1792 году, поступилъ въ Горный кадетскій корпусъ, «обучался тамъ на своемъ иждивеніи съ 1792 по 1796 годъ, и особенно занимался словесными науками». Въ формулярномъ спискѣ значится, что въ 1797 году (января 3) Измайловъ «уволенъ отъ военной службы для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ съ чиномъ губернскаго секретаря» и въ мартѣ того же года «опредѣленъ въ экспедицію о государственныхъ доходахъ». Продолжая службу въ той же экспедиціи, Измайловъ получаетъ въ 1800 году чинъ титуллярного совѣтника, въ 1801 году — мѣсто столоначальника съ чиномъ коллежскаго ассессора; въ 1808 году — «пожалованъ по высочайшему повелѣнію надворнымъ совѣтникомъ», а въ 1809 году — «награжденъ орденомъ св. Владимира 4-й степени». Въ 1811 году, видимъ Измайлова «совѣтникомъ экспедиціи съ чиномъ коллежскаго совѣтника». Въ этомъ чинѣ оставался онъ очень долго — лѣтъ четырнадцать! оставался даже и тогда, когда былъ «по преобразованіи экспедиціи переведенъ въ департаментъ государственного казначейства начальникомъ отдѣленія» (въ маѣ 1821 года).

¹⁾ У Геннади мы находимъ, что Измайловъ родился 1779 года. Но такъ какъ онъ умеръ 52-хъ лѣтъ въ самомъ началѣ 1831 года (въ январѣ), то простымъ вычитаніемъ нетрудно вывести, что Измайловъ родился не въ 1779 году, а въ 1778.

²⁾ См. въ вышесказанномъ спискѣ его біографическихъ материаловъ подъ № 3.

Вѣроятно, эта долгая неподвижность въ служебномъ положеніи и побудила А. Е. Измайлова напомнить о себѣ начальству особою «запиской», въ которой онъ, «для получения чина статскаго со-вѣтника», исчислялъ преимущественно свои литературныя заслуги. Приводимъ эту любопытную записку цѣликомъ:

«Коллежскій со旤тникъ Измайлова обучался на своемъ иждивеніи съ 1792 по 1796 годъ въ горномъ кадетскомъ корпусѣ и особенно занимался тамъ словесными науками.

«Не говоря о первоначальныхъ его сочиненіяхъ, болѣе или менѣе заслуживающихъ вниманія, нужнымъ признаетъ упомянуть здѣсь о журналахъ, въ изданіи коихъ участвовалъ.

«Въ 1809 и 1810 годахъ, издавалъ съ гг. Бѣнитскимъ и Никольскимъ журналъ подъ названіемъ «Цвѣтникъ».

«Въ 1812 году, по препорученію с.-петербургскаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, былъ главнымъ редакторомъ «С.-Петербургскаго Вѣстника».

«Въ 1817 году, во время отѣзда въ чужie края г. Грече болѣе полугода занимался редакціею «Сына Отечества».

Съ 1818 года, издаетъ журналъ «Благонамѣренный». Въ отношеніи къ собственно-называемой изящной словесности извѣстенъ онъ болѣе всего баснями своими и сказками, которыхъ напечатаны нынѣ четвертымъ изданіемъ, и Опытомъ о разсказѣ басни. Первые заслужили одобрение отличнейшихъ нашихъ литераторовъ; послѣдній же признается отъ многихъ классическимъ сочиненіемъ: по крайней мѣрѣ, нѣть ни на одномъ языкѣ столь полной теоріи по сей части.

«Кромѣ лестныхъ отзывовъ лучшихъ нашихъ журналистовъ и другихъ почтенныхъ особъ о трудахъ его, неоднократно отзывались обѣ оныхъ съ похвалою и многіе иностранные журналы, какъ-то: *Révue Encyclopédique*, *Conversations's Blatt*, *Isis*, *Wiener Zeitschrift f. Kunst u. Litteratur*, *Leipziger Literatur-Zeitung* и проч.

«Измайлова состоитъ дѣйствительнымъ членомъ въ четырехъ ученыхъ обществахъ, а именно: въ учрежденныхъ при императорскихъ Московскому и Казанскому университетахъ Обществахъ любителей отечественной словесности, въ Большомъ Обществѣ любителей россійской словесности, также въ с.-петербургскомъ Обществѣ любителей словесности, наукъ и художествъ, съ самаго учрежденія онаго, гдѣ исправлялъ нѣсколько лѣтъ сряду должность секретаря и одиннадцатый уже годъ избирается предсѣдателемъ».

Должно предположить, что эта записка А. Е. Измайлова была представлена по начальству и произвела свое дѣйствіе, потому что въ началѣ 1824 года (февраля 9) Измайлова былъ «награжденъ орденомъ св. Анны 2-го класса», а въ концѣ того же года (24-го ноября) «по высочайшему указу пожалованъ въ 5-й классъ со старшинствомъ отъ декабря 3-го дня 1815 года». Вскорѣ послѣ того,

«ноября 5-го 1826 года опредѣленъ Измайловъ вице-губернаторомъ въ Тверь», а 31-го марта 1828 года «переведенъ къ таковой же должности въ Архангельскъ». Въ Архангельскъ Измайловъ оставался менѣе года, до 22-го марта 1829 года когда и былъ «причисленъ къ министерству финансовъ для особыхъ порученій». Осеню слѣдующаго года, Измайловъ былъ «уволенъ вовсе отъ службы, съ пенсиономъ по 2,000 р. (ассигнаціями) въ годъ»¹), и «скончался въ С.-Петербургѣ 16-го января 1831 года, 52 лѣтъ отъ роду».

Наши выписки изъ формуллярного списка А. Е. Измайлова заключимъ помѣщеными тамъ свѣдѣніями о его семье. Въ графѣ, подъ заголовкомъ: женатъ ли, имѣеть ли дѣтей и т. д., значится.

«Женатъ (не сказано на комъ?), имѣеть трехъ сыновей: Михаила, 23, Александра, 19, и Павла, 17 лѣтъ, изъ коихъ старшій служилъ лѣкаремъ въ 5 Карабинерномъ полку, второй—студентомъ въ московской медико-хирургической академіи, а третій — въ департаментѣ государственного казначейства, да трехъ дочерей: Настасью, 22, Наталью, 21, и Софію, 20 лѣтъ, которая всѣ за мужемъ»².

Сухie бiографические факты, добытые нами изъ формуллярного списка Измайлова и изъ его «Записки», пополняются въ нашемъ запасѣ бумагъ Измайлова другою любопытною запискою, которая, очевидно, должна была служить основою для некрологической замѣтки о покойномъ баснописцѣ. Замѣтка переписана крупнымъ писарскимъ почеркомъ и мѣстами исправлена рукою В. И. Щастнаго. Приводимъ здѣсь эту записку цѣликомъ, сводя воедино тѣ бiблиографические указанія, которыми она начинается и оканчивается.

«Сочиненія и изданія Александра Ефимовича Измайлова.

а) «Сочиненія:

- 1) «Евгеній», или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества, повѣсть, 2 части, напечат. въ 1799—1801 годахъ.
- 2) «Бѣдная Маша», повѣсть, напечат. 1801 года.
- 3) «Разсужденіе о нищихъ», какимъ способомъ можно уменьшить у насъ въ Россіи великое число оныхъ и доставить всѣмъ прочимъ безнужное пропитаніе, безо всякаго на то иждивенія отъ казны, напечат. 1804 года.

¹) Въ письмахъ своихъ къ И. И. Дмитріеву, Измайловъ объясняетъ это непріязненными отношеніями къ архангельскому губернатору-адмиралу Милицкому, изъ-за которого онъ попалъ подъ судъ, быть лишенъ содержанія и дошелъ почти до нищеты. Но дѣло его было разобрано, Измайловъ оправданъ и получилъ пенсию, а его противникъ, Милицкій, смѣщенъ съ должности.

²) И всѣ три были замѣчательными красавицами.

- 4) «Вчераший день», или нѣкоторыя размышенія о жалованьѣ и о пенсіяхъ; напечат. 1807 года.
- 5) «Басни и сказки», первое изданіе, 1814 года.
- 6) «Басни и сказки», второе, умноженное изданіе, 1816 года.
- 7) «Новыя басни и сказки», также разныя мелкія стихотворенія, съ присовокупленіемъ опыта о разсказѣ басни, 1817 года.
- 9) «Опытъ о разсказѣ басни», съ присовокупленіемъ разбора нѣкоторыхъ образцовыхъ басенъ лучшихъ российскихъ фабулистовъ 1826 года.
- 8) «Басни и сказки», изданіе 4-е, въ 3-хъ частяхъ, 1821 г.
- 10) «Басни и сказки», изданіе 5-е, умноженное, въ 3 частяхъ, 1826 года.

«Нынѣ приготовлено къ печатанію:

«Собраніе сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ Александра Измайлова, въ 4-хъ частяхъ, изданіе 6-е, умноженное, 1833 года¹).

«Въ 1-й части, опытъ о разсказѣ басни и самыя басни.

«Во 2-й части — сказки.

«Въ 3-й части — разныя стихотворенія.

«Въ 4-й части — проза.

«Въ этомъ собраніи помѣщено будетъ (sic) 28 новыхъ басенъ и сказокъ, которыя почти всѣ были напечатаны въ разныхъ журналахъ и альманахахъ; да нѣсколько мелкихъ стихотвореній, нигдѣ еще не напечатанныхъ, и новыя статьи въ прозѣ.

б) «Изданія:

- 1) «Цвѣтникъ», на 1809 и 1810 годы, 8 частей.
- 2) «Благонамѣренный», съ 1818 по 1827 года, 33 части.
- 3) «Календарь Музъ», альманахъ на 1826 и 1827 годы.

«Александръ Ефимовичъ намѣренъ былъ издавать съ 1830 года журналъ, подъ названіемъ «Любитель Отечественнаго»; но это предположеніе его осталось безъ исполненія²).

¹) Судя по этому указанію, приводимая нами записка относится къ 1833 году и никакъ не могла быть писана ранѣе, но мы не знаемъ, осуществилось ли на самомъ дѣлѣ это изданіе, или только осталось однимъ предположеніемъ; по крайней мѣрѣ, у Геннадія находимъ указаніе на то, что 6-е изданіе «басенъ и сказокъ Измайлова» вышло будто бы въ 1839 году.

²) Въ принадлежащихъ намъ бумагахъ Измайлова дѣйствительно находимъ разрѣшеніе цenzурнаго комитета, выданное А. Е. Измайлово отъ 27-го ноября 1829 года, за № 203 «на издаваніе (sic), съ будущаго 1830 года, литературнаго журнала, подъ названіемъ «Любитель Отечественнаго», по предначертанному плану сего изданія». Цензурованіе журнала предполагалось поручить цензору Сербиновичу.

«Александр Ефимович разстроил свое здоровье во время губернской его службы, въ Твери; находясь вице-губернаторомъ, онъ цѣлые дни, а нерѣдко и ночи, просиживалъ за дѣлами, особенно во время отсутствія гражданского губернатора, должность которого обязанъ былъ исправлять. Отъ такой сидячей и утомительной жизни у него сдѣлалось одышка, которая впослѣдствіи времени еще болѣе увеличилась. По переводѣ его вице-губернаторомъ въ Архангельскъ, онъ побѣхалъ туда больнымъ, оставилъ въ Твери свое семейство, котораго не могъ съ собою взять по своимъ стѣснительнымъ обстоятельствамъ и которое послѣ едва имѣло возможность съ помощью постороннихъ людей отправиться въ С.-Петербургъ. Болѣзнь Александра Ефимовича продолжалась и въ Архангельскѣ, а во время разѣздовъ его по уѣзdamъ для приема рекрутъ, онъ былъ отчаянно боленъ (?). По причисленіи же его къ министерству финансовъ, для особыхъ порученій, прїѣхалъ въ С.-Петербургъ совершенно разстроеннымъ въ здоровье, и одышка его до такой степени усилилась, что онъ съ трудомъ могъ ходить. Къ тому же присоединилась слабость зрѣнія и памяти: онъ едва могъ что нибудь прочитать или написать, и не узнавалъ иногда знакомыхъ. Въ послѣднее время его (?) жизни, онъ мало уже занимался литературою и всякий день по утрамъ читалъ Евангелие. По крайней своей бѣдности, онъ принужденъ былъ принять на себя должность учителя словестности (sic) въ Пажескомъ корпусѣ, и во время преподаванія тамъ лекцій, съ нимъ сдѣлался 15-го января 1831 ударъ, и хотя тотчасъ пустили ему кровь, но онъ привезенъ былъ домой почти безъ памяти, и на другой день умеръ, оставилъ свое семейство въ совершенной крайности¹⁾.

«Въ «Сѣверной Пчелѣ» 1831 года, въ № 56, напечатано слѣдующее: «Тверь, 5 февраля. Чиновники здѣшней казенной палаты, узнавъ о кончинѣ почтеннаго начальника своего, статского советника Александра Ефимовича Измайлова, оставившаго въ сердцахъ ихъ неизгладимое временемъ благодарное воспоминаніе, совершили въ память его вчерашняго числа панихиду въ Желтиковѣ монастырѣ. Достойный настоятель монастыря съ братиєю охотно исполнили ихъ желаніе. Извѣстіе о семъ заключается словами: «Миръ праху твоему, человѣкъ благородный! Память о тебѣ будетъ жить въ сердцахъ всѣхъ, кто зналъ и умѣль цѣнить тебя. Прими въ селеніяхъ вѣчности достойную награду за твои добродѣтели!».

Этю второю запискою исчерпывается весь матеріалъ официальныхъ біографическихъ свѣдѣній, находящихся въ нашемъ запасѣ;

¹⁾ Судя по симптомамъ болѣзни, описаннымъ въ запискѣ, Измайловъ умеръ не отъ удара, а отъ болѣзни сердца.

но за то намъ еще остается привести здѣсь же то замѣчательное «Объясненіе въ Сѣзжій Домъ», о которомъ мы упоминали въ началѣ статьи, перечисляя принадлежащія намъ бумаги Измайлова.

Для того, чтобы вполнѣ понять и по достоинству опѣнить это курьезное объясненіе, необходимо припомнить тотъ общій тонъ нѣсколько грубоватаго, но, тѣмъ не менѣе, замѣчательнаго юмора, который составлялъ отличительную черту всѣхъ произведеній А. Е. Измайлова, не всегда пригодныхъ для салона, но правдиво и вѣрно передававшихъ многія черты современной баснописцу дѣйствительности. Самые пріемы и способы проявленія этого юмора иногда бывали крайне неприличны, но всегда оригинальны и служили несомнѣннымъ доказательствомъ натуры искренней, прямой и добродушной. Не затрудняясь выборомъ изъ того обильнаго материала, который представляютъ въ этомъ отношеніи басни и сказки Измайлова, мы заимствуемъ нѣсколько выдержекъ изъ «Благонамѣреннаго», ярко обрисовывающихъ намъ характеръ юмора, свойственнаго Измайлову, — невозможнаго въ настоящее время, но нимало не удивлявшаго, не поражавшаго непріятно нашихъ дѣдушекъ и бабушекъ, менѣе взыскательныхъ по отношенію къ литературнымъ приличіямъ.

Вотъ, напримѣръ, одно изъ многихъ воззваній Измайлова къ благотворительности публики, присылавшей издателю «Благонамѣреннаго» деньги для раздачи бѣднымъ наканунѣ праздниковъ.

«На будущее время издатель Благонамѣренного положилъ себѣ за правило, извѣщать немедленно публику о присылаемыхъ къ нему на благотвореніе деньгахъ. Многіе изъ бѣдныхъ истинно и не придутъ къ издателю: чемъ (sic) кто бѣднѣе, темъ (sic) скромнѣе; но издатель не полѣнится самъ, при всей толщинѣ своей, взбираясь по худымъ лѣстницамъ къ бѣднымъ на чердаки и не наскучить простоять нѣсколько минутъ согнувшись въ какомъ нибудь подземельи. Это самый пріятный и полезной мотіонъ, особенно на страстной недѣлѣ. Издатель, приобрѣтшій втеченіи восьми лѣть нѣкоторую опытность по филантропической части, смѣло можетъ увѣрить почтеннѣйшихъ своихъ читателей и читательницъ, что присылаемыя къ нему для бѣдныхъ деньги не будутъ ими употреблены ни на табакъ, ни на спиртовое, ни даже на... кофей». (Благонамѣренный, XXIX, 448—450).

Въ другомъ мѣстѣ, приведя одну изъ своихъ эпиграммъ, А. Е. Измайлова, прибавляетъ къ ней въ примѣчаніи: «Каюсь предъ всѣми въ грѣхѣ: эта эпиграмма украдена мною у покойнаго князя А. Д. Кантемира» (тамъ же, IV, 273).

Иногда, почтенный издатель «Благонамѣреннаго» предлагаетъ въ своихъ Басняхъ, напримѣръ, такого рода совѣты:

«Отъ лишней толщины кто хочетъ свободиться, тому на злой женѣ совѣту жениться».

Или же обращается къ своимъ зоиламъ съ такого рода выходками:

«Приношу искреннюю благодарность почтенному г. Остоженскому за то, что онъ любить читать мои басни. Мне самому онъ очень нравятся, и я отнюдь не согласенъ съ мнѣніемъ г. Окулова, который будто, не смотря на правильность, на гладкость моихъ стиховъ, на знаніе теоріи, которую, кажется, стараюсь дать замѣтить, находитъ, что разсказъ у меня всегда сухъ или растянутъ, неестественъ, безъ прелести, всегда чего-то не достаетъ! Всего болынѣе то, что онъ къ симъ словамъ присовокупляетъ еще извѣстный стихъ извѣстнаго нашего поэта:

«По гладкости стиха шаромъ хоть покати.
Ахъ!.....»

Послѣдній отрывокъ, особенно характерный по своей безцеремонности, вполнѣ объясняетъ намъ извѣстное восклицаніе Пушкина въ Евгении Онѣгинѣ:

«Могу ли дамъ себѣ представить
Съ Благонамѣреннымъ въ рукахъ!»

Чрезвычайно любопытно то, что Измайлова ни въ литературѣ, ни въ обыденной жизни, ни даже въ официальныхъ бумагахъ не измѣнялъ своему обычному способу выраженія и все излагалъ въ томъ же юмористическомъ тонѣ, который былъ ему такъ свойственъ. Блистательнымъ образцомъ подобного изложенія можетъ служить вышеупомянутое мною Объясненіе, превосходно характеризующее литературные приемы Измайлова и любопытное по содержанию. Приводимъ его здѣсь цѣликомъ, безъ всякихъ пропусковъ:

«Литейной части въ Сѣзжай Домъ
«Отъ коллежского совѣтника и кавалера Александра
«Ефимовича Измайлова.
«Объясненіе.

«По случаю поданной къ его сіятельству г. с.-петербургскому военному генералъ-губернатору графу Михаилу Андреевичу Милорадовичу жалобы отъ титулярной совѣтницы Анны Телзыинской на живущихъ въ одномъ со мною домѣ титулярнаго совѣтника Сабельникова и подканцеляриста Прейса въ причиненной якобы отъ нихъ ей и дочерямъ ея обидѣ 23-го числа минувшаго мѣсяца іюля, какъ очевидный свидѣтель сего непріятнаго и вмѣстѣ забавнаго происшествія, имѣю честь по всей справедливости объяснить слѣдующее.

«Живу я въ домѣ наследниковъ Моденовыхъ почти уже восемь лѣтъ; все было тихо и смироно, пока не перѣехали въ оный упомянутая титулярная совѣтница Телзыинская, съ дочерьми своими,— дѣвицами, или нѣть, того уже навѣрное не знаю; впрочемъ и сама

она въ прошеніи своеемъ дѣвицами ихъ не называетъ. Днемъ сидѣли онѣ (т. е. дочери, а не мать) на окнахъ и дѣлали прохожимъ и проѣзжимъ глазки, ручки, всякія непозволительныя ласки и самыя неблагопристойныя штучки; а ночью принимали къ себѣ гостей (разумѣется, однихъ только мужчинъ) или безпрестанно выбѣгали сами со двора и не давали покоя не только дворнику и хоziйкѣ, но и никому изъ живущихъ въ домѣ.

«Въ достопамятную для всѣхъ насть ночь съ 23-го на 24-е чи-
сло минувшаго іюля, приходитъ ко мнѣ хозяинка, когда уже я ле-
жалъ въ постели, и слезно просить у меня защиты противъ при-
шедшихъ къ Телызинскимъ гостей, которые прибили дворника и,
ворвавшись силою въ покой къ нижнимъ жильцамъ, надѣлали
тамъ множество разныхъ дерзостей. Выходу съ моими людьми на
дворъ; непріятель уже удалился, а между тѣмъ явился буточникъ
или городовой унтеръ-офицерь; по прибытии его раненый дворникъ
заперъ ворота, чтѣ чрезвычайно ободрило безоружный нашъ гар-
нizonъ, состоящій изъ старухъ, ребятъ и небольшаго числа взрос-
лыхъ людей. Спрашиваю, — и всѣ единогласно утверждаютъ, что
неизвѣстные непріятели приходили въ нашъ домъ отыскивать сво-
ихъ пріятельницъ Телызинскихъ, у которыхъ ожидали ихъ общіе
пріятели. Составили совѣтъ, послали за г. квартальнымъ надзира-
телемъ; городовой унтеръ-офицерь или буточникъ попшель неустра-
шимо на верхъ въ квартиру Телызинскихъ, за нимъ для сикурса
отправился и я, а за мною мальчикъ со свѣтчию, титулярный со-
вѣтникъ Сабельниковъ, безъ сабли и всякаго оружія, и подканце-
ляристъ Прейсъ, безъ пера и черниль. Подошли къ дверямъ; го-
родовой постучался, — не отпираютъ; постучались еще слегка, от-
нюдь не ломая двери и соблюдали чрезъ это хозяйствскій интересъ.
Отперли. Первый вошелъ городовой, а за нимъ я; титулярный же
совѣтникъ Сабельниковъ и подканцеляристъ Прейсъ остались у
дверей для охраненія входа и выхода. Мгновенно открылась силь-
ная перепалка на словахъ: титулярная совѣтница Телызинская съ
двумя своими дочерьми и какимъ-то бывшимъ у нихъ гостемъ
громогласно защищали свою честь, невинность и непорочность; а
титулярный совѣтникъ Сабельниковъ и подканцеляристъ Прейсъ,
въ почтительномъ отъ нихъ разстояніи, сквозь двери, обвиняли
ихъ (и имѣли полное право обвинять) въ беспокойствахъ, причи-
ненныхъ всему дому, но неблагопристойными словами ихъ не ру-
гали и бить не угрожали; напротивъ того, титулярная совѣтница
Телызинская и дочери ея наговорили имъ тысячу грубостей. Съ
городовымъ же и со мною обошлись не только учтиво, но даже
ласково. Обѣ дочери схватили меня за руки — одна за одну, другая
за другую — и убѣдительно просили войти во внутреннія ихъ ком-
наты для удостовѣренія, что тамъ у нихъ нѣтъ мужчинъ; однако жъ,
какъ ни тащили, сдвинуть меня съ мѣста не могли, потому

я плотень и толстъ. Но когда схватила меня за руку и матъ ихъ, не уступающая мнѣ въ толщинѣ и мужествѣ, то я прибѣгнулъ къ помощи городоваго, который свободилъ меня изъ рукъ ихъ, и мы всѣ удалились.

«Вскорѣ послѣ того прибылъ г. квартальный надзиратель Лефебръ и вывелъ отъ Телызинскихъ столь долго засидѣвшагося у нихъ гостя. Сей послѣдній назывался сперва родственникомъ Телызинскихъ, потомъ пріятелемъ, напослѣдокъ просто знакомымъ. Услышавъ, какъ мы съ г. надзирателемъ начали говорить между собою по-французски, назвалъ онъ насъ обоихъ воспитанными людьми и, прижавъ руку къ сердцу, далъ намъ честное слово не постыдить впредь не только Телызинскихъ дѣвицъ, но даже и прочихъ подобныхъ имъ мастерницъ.

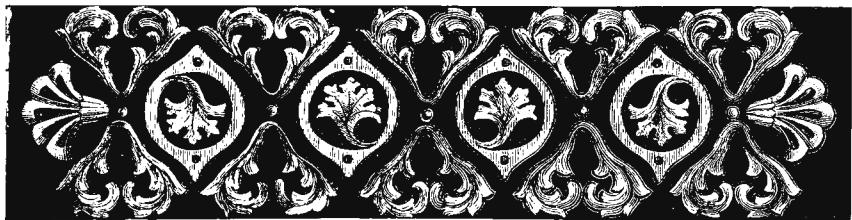
«Старшая дочь Телызинской, Амалія, о которой въ прошенніи сказано, будто отъ испуга тогда занемогла, скоро опомнилась, а черезъ часъ послѣ того, по показанію дворника, выѣждала въ неглижѣ со двора, вѣроятно, къ какому нибудь лѣкарю.

«Въ слѣдующія двѣ ночи непріятели дѣлали паки покушенія; но какъ дворникъ усугубилъ свою бдительность и ворота были заперты, то и не могли причинить никакого вреда, а наконецъ, къ неизѣяснимой радости хозяйки и всѣхъ вообще жильцовъ, 2-го числа сего августа, по настоянію г. квартального надзирателя Лефебра, Телызинская выѣхала изъ дома Моденовыхъ и теперь въ ономъ попрежнему все тихо и спокойно».

Въ заключеніе нашей небольшой замѣтки, мы должны сообщить, что въ нашемъ запасѣ найдется еще два-три юмористическихъ опыта Измайлова, до сихъ поръ нигдѣ еще не напечатанныхъ (например, члобитная буквы Ъ), и мы въ ближайшемъ будущемъ предполагаемъ ихъ напечатать вмѣстѣ съ тѣми пародіями на современныхъ писателей, которыхъ отыскались въ бумагахъ Ореста Сомова. Вообще говоря, по нашему мнѣнію, оригинальная личность Измайлова и его литературныя произведенія заслуживаютъ внимательного изученія и ждутъ еще серьезнаго и талантливаго изслѣдователя.

П. Полевой.

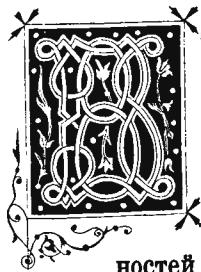

БЪЛГОСТИЦКІЙ МОНАСТЫРЬ ЯРОСЛАВСКОЙ ЕПАРХИИ.

(Посвящается памяти А. И. Кельсіева).

Мѣстоположеніе монастыря.—Легендарная сказанія.—Кій бывшій гость.—Монастырская лѣтопись.—Архимандритъ Іона Сысоевичъ.—Монастырская зданія въ XVII вѣкѣ.—Ростовскій князь Темкинъ.—Его духовная.—Ростовскій князь Пріимковъ.—Село Семибратья мѣсто подвиговъ Семи Симеоновъ, родныхъ братьевъ.—Благовѣщенская церковь.—Усыпальница князей Темкиныхъ.—Церковь архиепископа Михаила.—Чудотворная икона Казанской Божіей Матери.—Крестный ходъ.—Икона Грузинской Божіей Матери.—Упраздненная Акахіева пустынь.—Церковь Ефрема Сириня и муч. Неониллы.—Портикъ XVII вѣка при входѣ въ церковь Казанской Божіей Матери.—Колокольня.—Монастырская драгоцѣнности.—Имущество и доходы.—Настоятели монастыря.

Ъ СЕМИ верстахъ отъ Ростова, въ небольшомъ отдаленіи отъ Московско-Ярославского шоссе и желѣзной дороги, у самаго берега рѣки Вексы (съ несомнѣнно финскимъ названіемъ¹), находится Бѣлогостицкій монастырь; онъ расположенъ среди сосноваго лѣса и близъ ростовскаго озера Неро, или Каово, въ одной изъ самыхъ живописныхъ мѣстностей Ростова, а находящіяся на противоположномъ берегу озера, близъ лежащія другъ отъ друга селенія, съ бѣлѣющими каменными колокольнями и сияющими на куполахъ церквей позолоченными крестами, довершаютъ прелестъ картина мѣстоположенія. У самаго монастыря находится Бѣлогостицкая (прежде называвшаяся Георгіевскою) слобода, состоящая нынѣ изъ 28 дворовъ

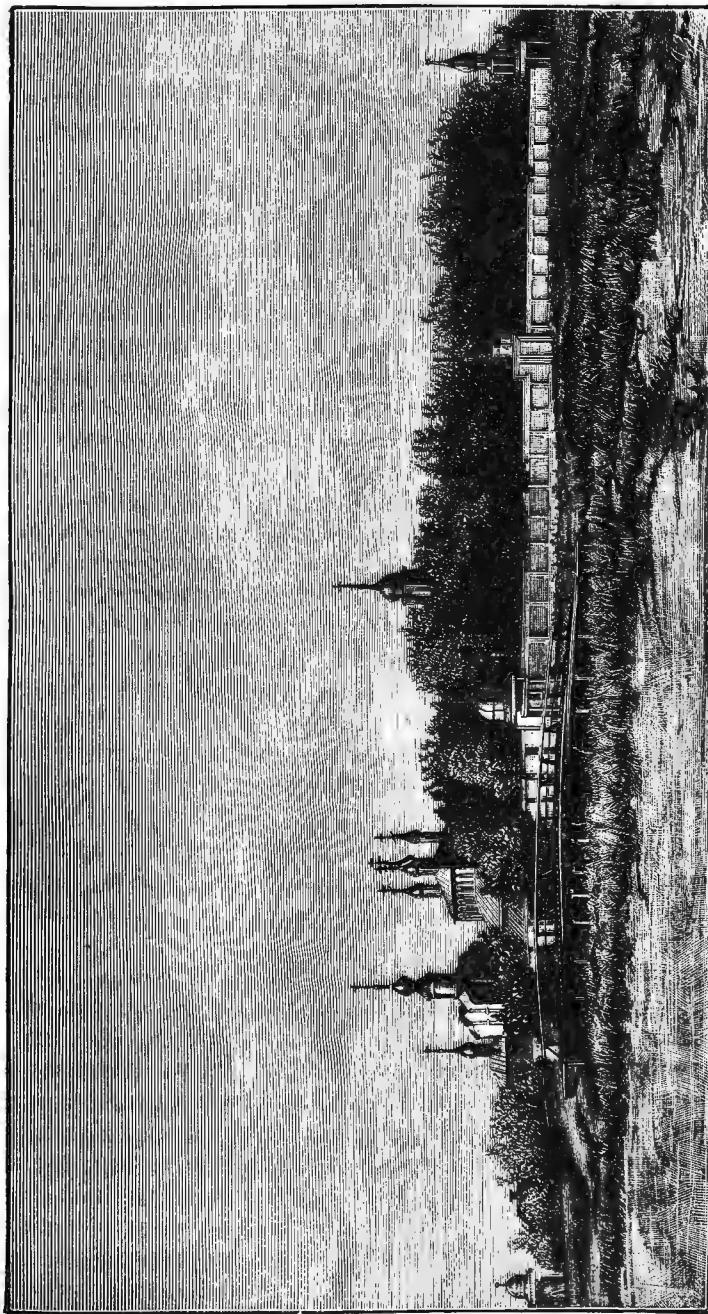
¹) Въ Финляндіи, въ Выборгской губерніи, известная своимъ водопадомъ рѣка называется Вуокса.

и 78 душъ, которая входить въ составъ Шулецкой волости Ростовскаго уѣзда.

По легендарнымъ рукописямъ, мѣстность, гдѣ нынѣ находится монастырь, свое характеристическое название получила будто бы отъ того, что здѣсь въ древнія времена охотился князь Кій (едва ли не основатель Киева), проживавшій во время охоты въ бѣломъ шатрѣ, вслѣдствіе чего и былъ прозванъ бѣлымъ гостемъ. Затѣмъ князь Ярославъ Владимировичъ соорудилъ здѣсь церковь во имя св. Георгія; потомъ въ XII вѣкѣ здѣсь жилъ князь Ярославъ Юрьевичъ, а впослѣдствіи ростовскій князь Константинъ Всеволодовичъ (1213) поставилъ здѣсь Благовѣщенскую церковь, соорудивъ ее изъ девятаго камня, везомаго по рѣкѣ Вексѣ въ Ростовъ для постройки Успенского собора. Монастырскія записи какъ о происхожденіи названія монастыря, такъ и объ его древней исторіи говорятъ нѣсколько иначе. Названіе «Бѣлогостицкій», по словамъ этихъ лѣтописей, монастырь получилъ отъ давно высохшей рѣчки Бѣлогостицы, которая, въ свою очередь, получила название будто бы отъ «бѣлыхъ гостинницъ», существовавшихъ когда-то на ея берегу для пріѣзжающихъ въ Ростовъ Великій. Не отвергая времени основанія монастыря въ отдаленной древности, лѣтописи говорятъ только, что монастырь назывался прежде Георгіевскимъ или Юрьевскимъ и упоминался уже въ началѣ XV вѣка¹⁾, что видно изъ описи монастыря, составленной въ 1708 году по указу митрополита ростовскаго св. Димитрія. Изъ этого документа, между прочимъ, видно: «Въ монастырской кладовой хранится подголовокъ деревянный, обитый мѣстами жестью, а въ ней всякая монастырскія крѣпости и въ томъ числѣ списокъ съ грамоты въ лѣто 6919 (1414)». Затѣмъ, эти же лѣтописи свидѣтельствуютъ, что монастырь въ половинѣ XVI вѣка владѣлъ уже селами и деревнями. Такъ изъ жалованной грамоты царя Грознаго, данной ростовскому архіепископу Никандру въ 1555 году, видно, что Бѣлогостицкій монастырь, находясь съ давнихъ временъ приписанымъ къ ростовскому архіерейскому дому, имѣлъ собственные вотчины: село Благовѣщенское на горѣ, село гора Лесконтова, с. Юцкое, съ деревнями, пустошами и со всѣми угодьями. Въ межевыхъ книгахъ 1665 года монастырь этотъ называется «Георгіевскимъ домовымъ монастыремъ, чтѣ на Бѣлогостицахъ», а въ выпискѣ изъ межевыхъ книгъ 1685 года написанъ въ Сотемскомъ стану и названъ Бѣлогостицкимъ на вотчинной землѣ митрополита Ионы²⁾.

¹⁾ По нѣкоторымъ сказаниемъ, монастырь основанъ сыномъ Димитрія Донскаго, а название Юрьевскаго получилъ едва ли не отъ Юрия Долгорукаго. См. «Отъ Ярославля до Москвы», поѣздка на сѣвѣръ археологовъ В. И. Лѣтвицкаго, Ярославль, 1869, стр. 20.

²⁾ «Истор. Вѣстн.», октябрь, 1885, стр. 88—94.

Вологодский монастырь съ луговой стороны.

Съ рисунка, сделанного съ натуры.

Ростовскій митрополитъ Іона Сысоевичъ много сдѣлалъ для процвѣтанія этой обители, и ему обязанъ монастырь прекрасными каменными постройками, служащими, несмотря на разныя безсистемныя передѣлки, лучшимъ его украшениемъ. Кромѣ того, что Бѣлогостицкій монастырь составлялъ, какъ мы уже видѣли, вотчину ростовскаго митрополичьяго дома, самъ Іона былъ въ немъ нѣкоторое время архимандритомъ, чѣмъ видно изъ описныхъ книгъ 1659 года, въ которыхъ, между прочимъ, записано: «Да какъ былъ въ Бѣлогостицкомъ монастырѣ архимандритъ Іона, иже былъ митрополитъ, дала вкладу Анна Иванова дочь Чистыхъ (она же Карпова) колоколъ въ 30 пудъ», а такъ какъ Іона хиротонисанъ въ санъ митрополита ростовскаго 15 августа 1652 года¹⁾ изъ архимандритовъ Богоявленскаго монастыря, которымъ управлялъ съ февраля 1646 года, то можно заключить, что Бѣлогостицкимъ монастыремъ онъ завѣдовалъ съ конца тридцатыхъ годовъ XVII ст.

Въ 1665 году, судя по уцѣлѣвшей описи, въ монастырѣ находились слѣдующія зданія:

1) Соборная церковь каменная на подклетахъ, во имя Пресвятой Богородицы, честнаго и славнаго ея Благовѣщенія, построенная 1657 года, апрѣля въ 8 день, и освященная того же года 7 іюля; глава на церкви обита бѣлымъ желѣзомъ, крестъ желѣзный, опаянъ оловомъ, церковная крыша и паперь покрыты тесомъ, церковь была холодная. 2) Каменная же церковь во имя архистратига Божія Михаила, начата строенiemъ 13 іюня 1657 года и окончена 28 іюня 1658 года; она имѣла трапезу и печи для отопленія; глава на церкви обита желѣзомъ нѣмецкимъ, крестъ на главѣ желѣзный, опаянъ оловомъ; крыша и трапеза крыты тесомъ «въ зубцу»; подъ церковью находятся хлѣбная и братская столовая и три палатки запасныхъ. 3) Колокольня каменная, глухie переходы на нее вели изъ трапезы предыдущей церкви; на ней находились семь колоколовъ, изъ нихъ одинъ былъ строенія и покупки архимандрита Іоны, чѣмъ нынѣ Божію милостію митрополитъ. 4) Деревянная холодная церковь на святыхъ воротахъ во имя Воскресенія Христова; верхъ шатровый на стропилахъ, глава бита чешуею; крестъ опаянъ бѣлымъ желѣзомъ; подъ церковью святыхъ ворота деревянныя. 5) Деревянная же церковь на заднихъ водяныхъ воротахъ (къ рѣкѣ Вексѣ) во имя Николая Чудотворца; надъ церковью восемь бочекъ, крытыхъ чешуею; шея и глава обиты чешуею же, а крестъ опаянъ бѣлымъ желѣзомъ. Обѣ деревянныя церкви сооружены прежде каменныхъ и, судя по тому, что въ нихъ не было ни напрестольныхъ крестовъ и евангелій, ни приличныхъ сосудовъ, можно полагать, что служба въ нихъ не совершилась. Кромѣ сихъ уже существовавшихъ церквей, въ это время (1665 г.) начата по-

¹⁾ «Истор. Вѣсти.», 1885, октябрь, стр. 90.

стройкою каменная церковь съ трапезою во имя св. великомученика Георгія Побѣдоносца. 6) Кромѣ церковныхъ зданій, въ монастырѣ въ то время находились: «три кельи деревянныя для митрополичья пріѣзду, келья столовая и отдатошная, келья двойна, а въ ней живетъ архимандритъ Гавріиль, келья каменная, а въ ней живетъ казначей старецъ Капидонъ, да пять келей братскихъ, келья больнишная, а въ нихъ живутъ пятнадцать старцевъ. На монастырѣ же пять житницъ, да около монастыря ограда деревянная, рублена клѣцки, въ оградѣ двѣ башни, да часовня, а въ ней часы; за монастыремъ пять житницъ, да дворъ конюшенной, да дворъ скотной». Всѣ каменные зданія построены тщаниемъ и трудами преосвященнаго Іоны Сысоевича и вспоможеніемъ князя Михаила Михайловича Темкина Ростовскаго.

Князья ростовскіе, Темкины, были съ давнихъ поръ вкладчиками монастыря, а князь Михаилъ Михайловичъ Темкинъ¹⁾ былъ искреннимъ другомъ митрополита Іоны и, какъ человѣкъ бездѣтный, много жертвовалъ на постройку и укращеніе храмовъ, воздвигавшихся съ неутомимою дѣятельностью митрополитомъ. Въ своей духовной 1661 г., 28 мая, подлинникъ которой хранится въ семейномъ архивѣ гр. С. Д. Шереметева²⁾, кн. Темкинъ завѣщалъ тѣло его погребсти въ Ростовѣ, въ Бѣлогостицкомъ монастырѣ: «Се азъ, рабъ Божій, бояринъ князь Михайло Михайловичъ Темкинъ-Ростовской, пишу сию духовную въ цѣлѣ умѣть своею и разумѣть. Приказываю: душу свою строить и тѣло свое погребсти боярину князю Якову Куденетовичу Черкасскому, да племяннику своему, столнику, князю Алексѣю Ивановичу Буйносову-Родовскому, да отцу своему духовному, архангельскому протопопу Кондрату. А какъ Богъ по душу мою, князь Михайлову, соплеть, и боярину князю Якову Куденетовичу, да племяннику моему, князю Алексѣю Ивановичу, да отцу моему духовному, протопопу Кондрату, тѣло мое погребсти въ Ростовѣ, въ Бѣлогостецкомъ монастырѣ; а по моей душѣ дать въ монастырѣ въ церковь Пречистыя Богородицы Благовѣщенія благословеной крестъ, чеканной, золоченъ, обнізанъ жемчугомъ, да что останется моленія моего образовъ окладныхъ, и тѣ образы поставить въ томъ же Бѣлогостецкомъ монастырѣ, да въ Ростовѣ въ соборную церковь Пречистыя Богородицы Успенія поставить по мнѣ, князь Михайлѣ, Божія милосердія иконъ моленія моего: образъ Пречистыя Богородицы Казанскія, обложенъ серебромъ чеканнымъ, вѣнецъ съ коруною золоченъ съ каменемъ и съ жемчугомъ, въ кіотѣ бархатномъ черномъ, да образъ Спасовъ Нерукотвореннаго большая

¹⁾ Кн. Михаилъ Михайловичъ Темкинъ — бояринъ и дворецкій съ 1646 г., † 1661 г., былъ послѣднимъ представителемъ этого рода; его сестра, княжна Домна, была въ замужествѣ за княземъ Мстиславскимъ.

²⁾ А. В. Гавриловъ: «Описаніе Бѣлогостицкаго монастыря», стр. 36.

пядница, вѣнецъ и цата и поля окладъ чеканной, серебрянъ, золоченъ, съ каменемъ, въ кютѣхъ. А на отпѣванье и погребеніе тѣла моего, князь Михайлова, звать митрополита и архіепископовъ и архимандритовъ. Да въ тотъ же Бѣлогостецкой монастырь дать по моей душѣ вкладу и на поминовеніе денегъ пятьсотъ рублевъ, да рукомойникъ серебряной съ лоханью, бѣлые; да въ Симоновъ монастырь дать вкладу и на помяновеніе родителей моихъ и по

Благовѣщенская церковь въ Бѣлогостицкомъ монастырѣ.

моей душѣ денегъ триста рублевъ; да на Рязани въ Духовъ монастырь сто рублевъ денегъ; да на Москвѣ въ большой соборѣ Успенія Пречистыя Богородицы и въ соборѣ Михаила Архангела дать въ сорокоустіе по пяти рублевъ; да въ вѣчной поминокъ по мнѣ, князь Михайлѣ, и написать родителей моихъ въ сенодики, дать по тѣмъ соборомъ по десяти рублевъ, да на прочіе соборы дать въ сорокоустіе на соборѣ по три рубли, да на милостиню раздать нищимъ и въ тюрьмы и въ богадѣльны во всю четыредесятницу на

день по десяти рублевъ; да отцу моему духовному, протопопу Кондрату, дать на поминъ души моей денегъ пятьдесятъ рублевъ; да боярина князя Якова Куденетовича благословилъ я, князь Михайло, Божія милосердія образомъ, да два креста золоты съ мощами и съ яхонты и съ изумруды, обнізаны жемчугомъ, да сабля съ бирюзами; да племяннику моему, князю Алексѣю Ивановичу, благословеніемъ образъ, да стопа серебряна, да стопка серебряна жъ; да племяннику жъ моему, Василю Дмитріеву сыну Сабурову, дать деньги пятьдесятъ рублевъ, да сабля оправная, да пара пистолей, да чуга бархатная черная. Да послѣ живота моего, князь Михайлова,

Входная дверь въ Благовѣщенской церкви.

оставается денегъ на лицо: серебряныхъ тысяча триста рублевъ, да мѣдныхъ денегъ двѣсти пятьдесятъ рублевъ, да серебряныхъ же денегъ шесть тысячъ рублевъ, чѣмъ взялъ я, князь Михайло, тѣ деньги шесть тысячъ рублевъ у боярина у князя Якова Куденетовича за вотчину свою Звенигородскаго уѣзду, за село Михайловское съ деревнями и со крестьянами и съ пустошами и со всѣми угодьями. Да что останется животовъ моихъ домашнихъ, платья и низанья жемчугу и каменя и серегъ и перстней и сосудовъ серебряныхъ и конскихъ нарядовъ и служилые рухледи и дворъ мой московской, и тому всему роспись подъ сею духовною, и то все продать и тѣми деньгами боярину Якову Куденетовичу и племяннику моему, князю Алексѣю Ивановичу, и отцу моему духовному, протопопу Кондрату, душу мою строить и по монастыремъ вклады давать и поминать и въ поминанье и на милостину роздать. А въ

деревняхъ что останется хлѣба и лошадей и животины, и то все продать и тѣ деньги раздать по мнѣ жь въ помяновеніе. А людей моихъ отпустить на волю и дать имъ отпускные и надѣлокъ имъ дать противъ жалованья моего вдвое, а человѣку моему Егупу надѣлку дать пятьдесятъ рублей. А что великаго государя жалованья за мною помѣстя, и о тѣхъ помѣстяхъ что великій государь укажетъ».

Благотворили обители и другіе ростовскіе князья. Изъ нихъ князь Алексѣй Пріимковъ¹⁾ съ своими родственниками пожертвовалъ въ 1621 году мельницу на р. Устьѣ при д. Исадахъ съ 4 д. земли, что подтвердилъ въ 1635 году и наследникъ князей Пріимковыхъ князь Юрій Ситцкій; а въ 1659 году, вдова его, княгиня Фотинія Ситцкая, пожертвовала монастырю дер. Левково, принадлежавшую прежде тѣмъ же князьямъ Пріимковымъ-Ростовскимъ.

Резиденція князей Темкиныхъ и Пріимковыхъ находилась вблизи монастыря. Село Пріимково существуетъ и нынѣ, а другое, тоже близъ лежавшее, село Семибратьи имѣть свою легенду. Семибратьи упоминаются въ лѣтописяхъ XV вѣка; при этомъ селѣ, на рубежѣ, между князьями Гвоздевыми²⁾ и Пріимковыми, жили семь братьевъ-сбродичей, сыновья князя Василія Косого Третьяка-Андреева, прославившагося въ ту эпоху княжескихъ междоусобій своими разбойническими подвигами. Ихъ похожденія послужили основаніемъ для сказки о Семи Симеонахъ, родныхъ братьяхъ; при Семибратахъ же князь Василій Васильевичъ Темный въ 1434 году былъ разбитъ дядею своимъ кн. галицкимъ Юриемъ Дмитревичемъ³⁾.

Въ настоящее время монастырь обнесенъ, на протяженіи 240 сажень, каменною довольно высокою оградою съ четырьмя башнями; съ восточной стороны большую часть ограды замѣняетъ Архангельскій храмъ. Въ ограду ведутъ трое воротъ: одни подъ колокольнею и называются Святыми, другія подлѣ нихъ для проѣзда и третьи на восточной сторонѣ монастыря.

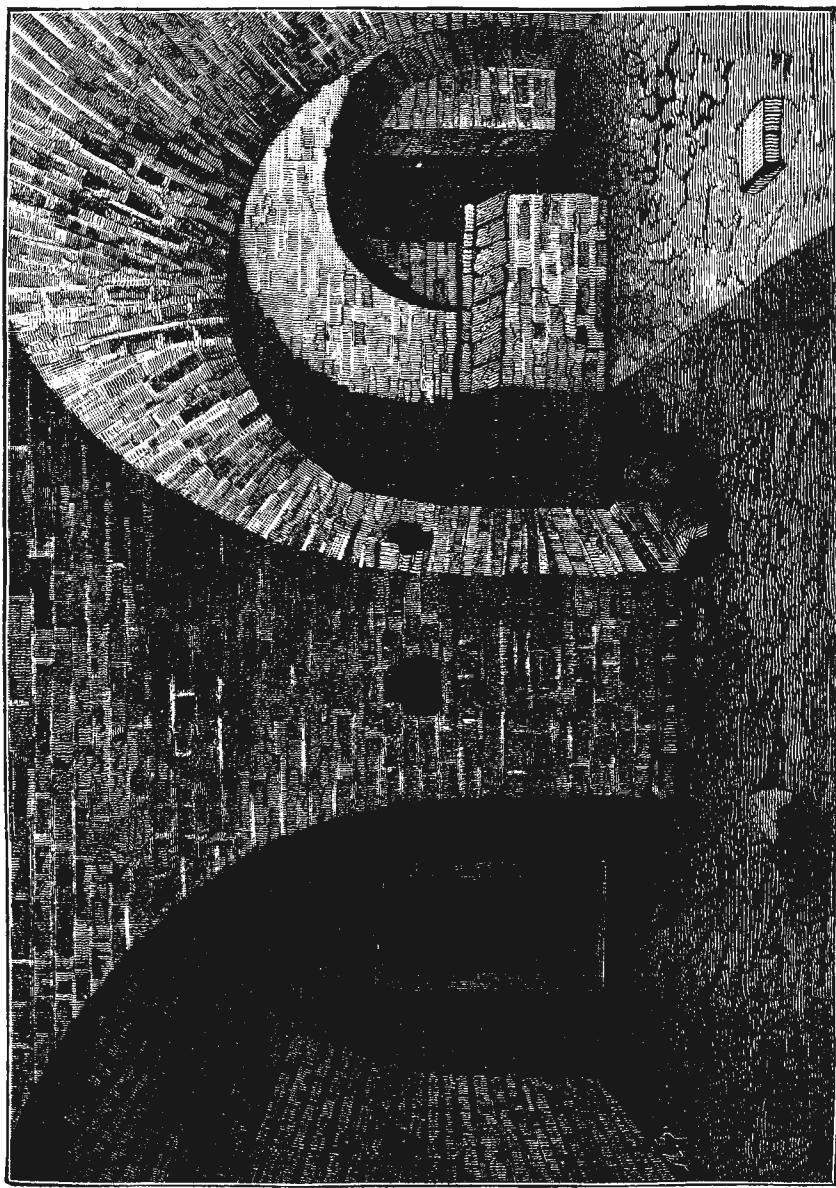
Благовѣщенская одноглавая холодная церковь, построенная кн. Темкинымъ и митрополитомъ Іоною, не смотря на многія позднѣйшія искаженія, представляеть, всетаки, прекрасный памятникъ XVII в. Она съ трехъ сторонъ окружена папертью; входная дверь въ храмъ съ каменными наличными, совершенно сохранившимися, очень оригинальна; всѣ кирпичныя колонки и украшенія при входѣ выдѣланы довольно тщательно, а подъ слоемъ позднѣйшей окраски

¹⁾ Кн. Алексѣй Васильевичъ Пріимковъ-Чечуля, 1616—1629, стольникъ. Родъ князей Пріимковыхъ угасъ въ XVIII в.; послѣднимъ въ родѣ былъ князь Аврамъ Никитичъ, сестры коего были: кн. Евфросинья — за Измайловымъ, и кн. Елена — за Лодыженскимъ.

²⁾ Село Гвоздево тоже въ 5—6 верстахъ отъ Бѣлогорицкаго монастыря.

³⁾ Отъ Ярославля до Москвы, В. И. Лѣствицкынъ, Ярославль, 1869, стр. 90.

Склепъ подъ Благовѣщенскимъ соборомъ съ гробищемъ князя М. М. Темкина.

замѣтны слѣды фресковой живописи. Подъ церковью находится подвалъ съ пятью гробницами князей ростовскихъ Темкиныхъ, благотворителей этой обители; на приложенномъ здѣсь рисунѣ изображена могила послѣдняго въ родѣ князя Михаила Михайловича; къ сожалѣнію, надпись на бѣлой каменной гробовой доскѣ почти вся изрублена и камень сильно поврежденъ; часть внутреннихъ стѣнъ этого склепа была обложена кафелями, которые въ большинствѣ сохранились до 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія, но однимъ изъ настоятелей были выломаны для какихъ-то подѣлокъ. Впрочемъ, эта усыпальница благотворителей обители и мѣсто ихъ вѣчного покоя, щедро оплаченного, съ давнихъ временъ служить складомъ домашнихъ продуктовъ монастырского хозяйства, а изрубленная гробовая доска показываетъ, что тутъ много-кратно кололи дрова; кроме этого, для удобства складовъ, въ этомъ склепѣ сделано немало передѣлокъ и другихъ хозяйственныхъ приспособленій, совершенно измѣнившихъ первоначальное устройство княжеской усыпальницы. Въ Благовѣщенской церкви былъ древній иконостасъ съ превосходными рѣзными царскими вратами; къ сожалѣнію, этотъ памятникъ русского искусства XVII в. «любителями строиться», игуменами Веніаминомъ и Сергиемъ, въ 1839 году замѣненъ, какъ значится въ описи, «новымъ съ рѣзбою и позлащеннымъ на полиментъ червоннымъ золотомъ».

Изъ иконъ, по древности письма и украшеніямъ, замѣчательны мѣстныя: Спасителя, Благовѣщенія, Николая Чудотворца и Казанской Божіей Матери; все эти иконы сохранились отъ XVII вѣка.

Вторая церковь въ честь собора Архистратига Михаила, каменная, также холодная, пятиглавая. Внутри ея три столпа поддерживаютъ сводъ церковный: два посрединѣ церкви и одинъ въ трапезѣ. Отцы настоятели, особенно въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, и тутъ сильно порадѣли къ благоукрашенію этого древняго храма: внутри его все ново и крайне неприглядно, но св. иконы замѣчательны: между ними Спаситель, сѣдящій на престолѣ, и соборъ Архангела Михаила имѣютъ почтенную древность. Самую главную святыню этого храма составляетъ чудотворная икона Казанской Божіей Матери, находившаяся прежде въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ надъ царскими вратами; она помѣщается за лѣвымъ клиросомъ въ особомъ кіотѣ; длина иконы 6 вершковъ, ширина $5\frac{1}{2}$ вершк., она обложена дорогой жемчужной ризой. Въ честь этой иконы изъ обители каждогодно бываетъ учрежденный съ древнихъ лѣтъ крестный ходъ; онъ совершается около 20-го мая въ воскресный день. Усердствующіе ростовцы срѣтаются святыню градскимъ крестнымъ ходомъ за чертою города и провожаютъ икону въ соборъ, где она и находится до 8-го іюля. Въ этотъ день икона возвращается въ монастырь къ поздней литургіи въ храмъ, ей посвященный. Въ этомъ же храмѣ находится и другая замѣчательная икона Грузин-

ской Божіей Матери, перенесенная въ Бѣлогостицкій монастырь въ 1764 году изъ упраздненной Акакіевої пустыни. Эта пустынь была мужскимъ монастыремъ, основаннымъ въ 1647 году нѣкіимъ «богомольцемъ Акакіемъ»; до уничтоженія штатовъ монастырь владѣлъ 255 д. крестьянъ, и въ 1764 году былъ приписанъ къ близь лежащему Бѣлогостицкому монастырю; теперь на мѣстѣ пустыни

Церковь Архистратига Михаила въ Бѣлогостицкомъ монастырѣ.

осталась одна приходская каменная одноглавая церковь во имя Богоматери и Николая Чудотворца.

Между алтаремъ и трапезою храма Архистратига Михаила, съ сѣверной стороны, находится теплая церковь въ честь Ефрема Сирина и мученицы Неониллы. Она построена въ 1879 году на мѣстѣ бывшей каменной палатки въ три окна строителемъ о. Димитріемъ. Въ связи съ Михайло-Архангельской церковью находятся братскія

10*

каменныя келіи, также кухня и трапеза. Зданія эти, длиною 33 сажени и шириной 12 саж., постройки XVII вѣка, современные самому храму; надъ однимъ изъ входовъ возвышается круглая башня, бывшая въ XVII вѣка колокольнею; особенно замѣчательнъ портикъ надъ входомъ въ церковь и частію въ настоятельскія келіи, чтѣ видно изъ нашего рисунка; портикъ былъ изукрашенъ кафелями, но, къ сожалѣнію, кафели почти всѣ выбиты, а оставшіеся замазаны известью; особенно пострадало это зданіе при покойномъ архіепископѣ Нилѣ, когда Бѣлогорицкій монастырь избранъ былъ его лѣтнію резиденцію. Проживая долгое время и думая остататься тутъ впослѣдствіи на покой, преосвященный, конечно, приспособливавъ для себя болѣе удобное жилье, чѣмъ оно было при неосо-бенно взыскательныхъ настоятеляхъ XVII вѣка.

Четвертая теплая церковь, бывшая прежде Георгіевскою и въ 1760 году переименованная въ честь Казанской Божіей Матери, одноглавая; иконостасъ тоже новый и вообще храмъ этотъ, благодаря позднѣйшимъ благоукрашеніямъ, кромѣ двухъ древнихъ иконъ св. Николая Чудотворца, съ миниатюрными образками изъ жизни святителя, причемъ по обѣимъ сторонамъ вверху иконы находятся образки болѣе древніе, украшенные дорогими камнями, и иконы Владімірской Божіей Матери, съ богородичными праздниками по сторонамъ, находящіяся за лѣвымъ клиросомъ, замѣчательнаго ничего не представлять, возбуждая лишь сожалѣніе о современныхъ зиждителяхъ, не сохранившихъ художественного вкуса своихъ предковъ, оставившихъ имъ богатые памятники древне-руssкаго художественного творчества. Любопытна запись современныхъ передѣлокъ этой церкви, совершенныхъ втеченіе только 1871 года: «Въ трапезѣ сдѣлана каменная стѣна; вновь пробиты двѣ двери—одна въ корридоръ, другая на улицу; изъ прежней кухни сдѣланъ подвалъ; окна, бывшія на югъ, заложены, а пробиты вновь въ монастырь и т. д.». Оказывается, что почти каждый настоятель могъ, не смотря уже на существовавшіе и тогда указы, безъ разрѣшенія св. синода и даже безъ спроса мѣстнаго архіерея, закладывать и пробивать вѣковыя зданія по своему усмотрѣнію. Мы знаемъ такіе храмы, которые, благодаря удовлетворенію вкуса отцевъ настоятелей въ 30—40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, вслѣдствіе пробивокъ оконъ въ вѣковыхъ стѣнахъ для большаго свѣта безъ всякой бѣрежи и техническихъ приспособленій, пришли въ такое положеніе, что угрожаютъ въ непродолжительномъ времени совершеннымъ паденіемъ, а эти храмы были выстроены Иваномъ Грознымъ и его отцомъ великимъ княземъ Василиемъ¹).

Монастырская колокольня складена въ 1845 году и находится

¹) Богоявленскій-Аврааміевъ и Борисоглѣбскій монастыри въ Ростовскомъ уѣздѣ.

надъ святыми воротами на мѣстѣ, какъ передавали намъ старожилы, прекрасной деревянной шатровой церкви XVII столѣтія, бывшей однимъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ деревянныхъ памятниковъ XVII вѣка; строителями колокольни были тѣ же «любители строиться», отцы настоятели Веніаминъ и Сергій. Вообще, они во время своего настоятельства съ 1829 по 1845 годъ много поработали надъ уничтоженіемъ древностей и искаженіемъ драгоцѣнныхъ памятниковъ до-петровской Руси.

Въ монастырѣ имѣется еще довольно драгоцѣнныхъ вещей и иконъ; такъ, напримѣръ, евангеліе въ дорогомъ окладѣ, печатано въ 1703 году; серебряные священные сосуды съ надписями, пожертвованные въ 1658 году княземъ Темкинымъ; серебряный напрестольный крестъ, по краюмъ унизанный жемчугомъ съ надписью, что въ немъ находится камень отъ гроба Божіей Матери и моши святыхъ, и что онъ въ 168 (1660) году пожертвованъ княземъ М. М. Темкинымъ; крестъ съ надписью, что онъ пожертвованъ въ 1707 году въ церковь св. великомученика Георгія, въ Бѣлогостицкій монастырь. Кромѣ этого, есть старинныя серебряныя кадила, разныя облаченія и довольно хороший монастырскій архивъ—библіотека съ небольшимъ количествомъ грамотъ и рукописей, уцѣлѣвшіе остатки которыхъ были приведены въ порядокъ покойнымъ настоятелемъ о. Димитріемъ, весьма заботившимся о порядкѣ и благочинії въ монастырѣ, но, къ сожалѣнію, умершимъ въ молодыхъ лѣтахъ, въ 1881 году.

До учрежденія духовныхъ штатовъ, монастырь былъ приписанъ къ ростовскому архіерейскому дому, поэтому все, что принадлежало ему, находилось въ полномъ распоряженіи ростовскихъ владыкъ. Изъ переписныхъ книгъ 186 (1678) года, видно, что за монастыремъ числилось 75 крестьянскихъ дворовъ, которые платили въ пользу монастыря «за всякие столовые запасы по двѣ гривны съ двора на годъ». По учрежденію въ 1764 году штатовъ, Бѣлогостицкій монастырь былъ отчисленъ отъ архіерейскаго дома и оставленъ въ качествѣ заштатнаго на собственномъ содержаніи. Средства монастыря до 1857 года были такъ удовлетворительны, что онъ получалъ болѣе 1,500 рублей дохода съ земель и милостивой дачи отъ казны 300 рублей, кромѣ $\%$ съ капитала въ 30,000 рублей. Въ числѣ главныхъ вкладчиковъ этого капитала была графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, пожертвовавшая на вѣчное время 5,000 рублей.

Въ августѣ 1857 года, вслѣдствіе просьбы архіепископа Нила, монастырь былъ приписанъ къ ярославскому архіерейскому дому, а съ 1878 года опять остался самостоятельнымъ и получилъ своего строителя.

На основаніи прекраснаго историко-археологическаго изслѣданія о Бѣлогостицкомъ монастырѣ А. В. Гаврилова, сдѣланнаго

имъ въ 1880 году, приводимъ здѣсь перечень настоятелей монастыря, значительно пополняющій извѣстный списокъ Строева:

Архимандриты: Евфимій I, 1606; Никандръ I, 1621—1635; Іона Сысоевичъ, 1635—1646; Никандръ II, 1646—1649; Іовъ, 1658; Антоній, 1659—1666; Евфимій II, 1672; Гавріиль, 1682—1690; Герасимъ, 1691; Игнатій, 1694—1696; Филаретъ, 1707—1708; Корнилій, 1711—1712; Іоанникій, 1714—1716; Доримедонть, 1718—1719, и вторично 1722—1723. Игумены: Никонъ, 1720; Ферапонтъ, 1724—1726; Питиримъ, 1727—1732; Филаретъ I, 1732—1737; Іосифъ, 1737—1739; Филаретъ II, 1743. Строители: Иринархъ, 1739; Сергій, 1740; Гедеонъ, 1744; Феофанъ, 1748—1755; Іовъ, 1755—1757; Патрикій, 1757—1760; Мартиніанъ, 1760—1763; Діонисій, 1763—1766¹); Клеопа, 1766—1768; Самуиль I, 1768—1769; Симеонъ, 1769—1770; Феофілактъ, 1770—1772; Іона, 1772—1776; Варлаамъ, 1776—1779; Герасимъ, 1779—1788; Филаретъ III, 1788—1795; Ісаакій, 1795—1808; Дорофеій, 1808—1810; Діонисій, 1810—1812; Самуиль II, 1812—1814; Ісаакъ, 1815—1817; Ираклій, 1817—1822; Нектарій, 1823—1827; Иринархъ II, 1827—1829; Сергій II, 1829—1835, вторично 1843—1845; игуменъ Веніамінъ, 1835—1842; Максимій, 1842; Наеванайль, 1848—1850; Захарія, 1850—1857; съ 1865 по 1878 годъ монастыремъ управлялъ іеромонахъ Серафимъ, возводенный въ сань игумена въ 1869 году; съ 1878 по 1881 годъ строитель Димитрій и съ 1882 года—Геронтій, правящій монастыремъ до сего времени.

У самыхъ монастырскихъ воротъ находится гостинница, впрочемъ, въ настоящее время мало посещаемая. Лѣтомъ, какъ въ этой гостинице, такъ и въ слободѣ, живутъ дачники, привлекаемые прекраснымъ мѣстоположеніемъ и близостью къ городу. Дѣйствительно, мѣстоположеніе монастыря, несмотря на нѣсколько сыротатую почву, превосходно, а въ лунные лѣтнія ночи очаровательно.

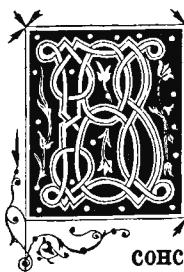
А. Титовъ.

¹) При Діонисію находилось въ монастырѣ только четверо монашествующихъ: 1 іеромонахъ, 1 іеродіаконъ, 1 монахъ и 1 служка.

ИЗЪ ФАМИЛЬНЫХЪ ПРЕДАНІЙ ТЕЙЛЬСА.

В 1870 году, скончался въ городѣ Тулѣ отставной кавалергардъ Андрей Дмитріевичъ Тейльсъ. Послѣ него осталось много рукописей, среди которыхъ чаще всего попадаются мистико-масонскіе трактаты. Повидимому, покойный принадлежалъ къ числу масоновъ Александровской эпохи и, судя по встрѣчающимся въ его бумагахъ актамъ масонскихъ ложъ, былъ принять въ ученическую степень.

Между его бумагами есть одна неоконченная рукопись подъ заглавиемъ: «Фамильные записки дворянского дома гг. де-Тейльсъ. Начаты 1830 года октября 2-го дня въ городѣ Одессѣ». Авторомъ рукописи, какъ оказывается изъ особой надписи на ней, былъ упомянутый выше А. Д. де-Тейльсъ, исполнявшій въ 1830 году обязанности уѣзднаго одоевскаго судьи. Нѣкоторые страницы его «Записокъ» имѣютъ чисто фамильное значеніе, но многія, касаясь лицъ, пользовавшихся въ свое время извѣстностью, или рисуя нравы прежняго времени, не лишены общаго интереса. Съ послѣдними мы и намѣрены познакомить читателей, причемъ, разумѣется, отвѣтственность за достовѣрность сообщаемыхъ фактовъ мы вполнѣ возлагаемъ на автора «Записокъ» и на тѣхъ, отъ кого онъ получалъ свои свѣданія.

Родъ Тейльсовъ считаетъ за собою 800-лѣтнюю древность и приписываетъ себѣ испанское происхожденіе. Въ XVI столѣтіи, мы встрѣчаемъ Тейльсовъ въ Нидерландахъ, которые въ то время были тѣсно связаны съ Испаніей. Въ началѣ XVIII столѣтія, Вильгельмъ Тейльсъ находился въ голландскомъ посольствѣ при ту-

рецкомъ дворѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ «завѣдовалъ нѣсколько времени россійскими министерскими дѣлами»¹⁾). Послѣ неудачнаго Прутскаго похода онъ, исполняя разныя дипломатическія порученія, способствовалъ примиренію Россіи съ Турцией. Петръ Великій, «осыпавъ его за это милостями», приглашалъ на русскую службу²⁾. Проникнутый республиканскими воззрѣніями, Тейльсъ счѣль неудобнымъ служить при особѣ неограниченного монарха, но не отказался отъ ежегоднаго пожизненнаго пенсіона, предложеннаго ему царемъ. Въ то время у Вильгельма Тейльса было три сына: старшій былъ консуломъ въ Каирѣ, второй служилъ въ австрійской арміи въ чинѣ генерала, а младшій Антонъ, только-что окончившій университетскій курсъ со степенью доктора правъ, жилъ въ Голландіи. Такъ какъ русскій царь, во что бы то ни стало, хотѣлъ видѣть кого нибудь изъ Тейльсовъ на русской службѣ, то Вильгельмъ и предоставилъ въ его распоряженіе младшаго сына.

Въ 1714 году, Антонъ де-Тейльсъ прибылъ въ Россію. Петръ Великій, цѣня въ немъ ученаго человѣка, «между разными должностями ввѣрилъ ему главный надзоръ за вновь устроемыми учебными заведеніями»³⁾. Вскорѣ Антонъ Тейльсъ принялъ православіе, и царь, «бывшій его крестнымъ отцомъ при введеніи въ греко-rossiйское исповѣданіе», подарилъ ему образъ Знаменія Божіей Матери и крестъ, которые, какъ святыни, хранились въ родѣ Тейльсовъ⁴⁾. Петръ Великій пожаловалъ Тейльсу въ разныхъ мѣстахъ

¹⁾ Вильгельмъ Тейльсъ, авторъ сочиненія «Mémoires pour servir à l'histoire de Charles XII», находился при голландскомъ посольствѣ въ качествѣ переводчика и былъ на жалованье у русскаго правительства. См. Соловьевъ: «Исторія Россіи», т. XVI, стр. 128.

²⁾ Голландское посольство, дѣйствительно, оказалось Россіи очень важныя услуги. Шафировъ доносилъ царю: «Голландскій посолъ Ѵздила нѣсколько разъ инкогнито къ визирю, уговариваль его наединѣ и склонялъ къ нашей пользѣ, потому что онъ самъ умѣетъ говорить потурецки. И хотя мы имъ учинили обѣщанное награжденіе, однако, нужно было бы прислать кавалеріи съ нарочитыми алмазами, также по добруму мѣху собою; если кавалеріи не изволите прислать, то, по крайней мѣрѣ, хотя по персонѣ своей съ алмазами доброй цѣны». Тейльсу, между прочимъ, пришло исполнить сѣдѣющее порученіе. Извѣстно, что послѣ Прутскаго похода, подъ вліяніемъ Швеціи и Франціи, Турція находилась въ очень натянутыхъ отношеніяхъ стъ Россіей. Шафировъ, Толстой и Шереметевъ были уже заключены въ Семибашенной замокъ, и Турція грозила Россіи войной. Но шведскій король своею назойливостью вывелъ изъ терпѣнія турокъ, и его съ извѣстнымъ скандаломъ вынуждали изъ Турціи. Тогда Тейльсъ отправился въ Адріанополь хлопотать о мирѣ и стъ полнымъ успѣхомъ окончилъ свое дѣло. См. Соловьевъ: «Исторія Россіи», т. XVI, стр. 110—126.

³⁾ У Пекарскаго, въ его сочиненіи: «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ», мы не встрѣтили имени Антона Тейльса.

⁴⁾ Судьба креста намъ неизвѣстна; что же касается до иконы, то она послѣ смерти А. Д. Тейльса перешла къ его женѣ, а потомъ досталась ея племяннику, тульскому купцу В. И. Хлѣбникову, у котораго хранится и въ настоящее время.

1,000 душъ крестьянъ и устроилъ его бракъ сначала съ сестрою графа Чернышева, потомъ женилъ его на Кологривовой и въ третій разъ—на царевнѣ Грузинской. Отъ этихъ трехъ женъ у Антона Тейльса было 22 человѣка дѣтей, изъ которыхъ 14 умерли въ дѣтствѣ.

Авторъ «Записокъ», приходившійся правнукомъ Антону де Тейльсу, много слышалъ о послѣднемъ отъ своего дѣда, восьмидесятилѣтнаго старика. Многіе изъ его разсказовъ довольно характеристичны.

Однажды, Петръ Великій явился къ Тейльсу на закуску. За столомъ онъ сталъ разсматривать гербъ Тейльсовъ, изображенный на кружкахъ, которыя, по тогдашнему обычаю, навѣшивались на графины, и велѣлъ прибавить къ нему слова: «*Recte faciendo, neminem timeas*»¹⁾.

Антонъ Тейльсь не на столько скоро освоился съ своимъ новымъ отечествомъ, чтобы избѣжать недоразумѣній и столкновеній, всегда возможныхъ при недостаточномъ знакомствѣ съ нравами и обычаями страны. «Записки» слѣдующимъ образомъ рассказываютъ объ одномъ изъ подобныхъ столкновеній.

Тейльсу пожалованы были, между прочимъ, деревня Матюково и село Глубокое (Калужской губерніи, Лихвинскаго уѣзда). Однажды онъ явился въ Глубокое и остановился въ домѣ, который былъ «построенъ со всѣми вычурами готической архитектуры и рѣзными изъ дерева болванами на ступеняхъ краснаго крыльца». Тейльсь пожелалъ увидѣть своихъ крестьянъ и получилъ отвѣтъ, что они у обѣдни.

— Ну, вези меня туда, — сказалъ онъ своему кучеру.

Деревянная церковь, въ которую ходили крестьяне села Глубокаго и въ которую теперь отправлялся Тейльсь, стояла надъ оврагомъ, верстахъ въ двухъ отъ жилья. Такъ довольно часто бывало въ старину, по случаю переселенія деревень на новые удобнѣйшія мѣста послѣ пожара или набѣга врага. Церковь была сооружена родомъ гг. Зыбинахъ, которыхъ потомки жили тогда въ селѣ Забревѣ.

По окончаніи литургіи, крестьяне по обычаю поклонились своему господину въ поясъ и поздравили его съ пріѣздомъ. Онъ разговорился съ ними. Зашла рѣчь о дальности храма отъ села, чтѣ было особенно неудобно въ распутицу.

— Этому горю я помогу, — сказалъ Тейльсь: — собрать ко мнѣ старость какъ здѣшнихъ, такъ и Чернышевскихъ. (Имѣніе Чернышевыхъ находилось рядомъ).

¹⁾ Въ «Запискахъ» есть описание и рисунокъ этого герба, который, по имениному указу Павла I-го отъ 22 января 1801 года, былъ внесенъ въ гербовникъ.

На другой день старосты выслушали слѣдующее приказаніе барина: «Къ завтрашнему утру перевезти церковь къ дому!»

Старосты поклонились въ поясъ и отправились исполнять барское приказаніе. «Тогда,—прибавлять по этому поводу авторъ «Записокъ»:—были простѣй и слова старшаго не пережевывали за стѣною». Нѣсколько тысячъ подводъ двинулось къ церкви, и на слѣдующее утро она, разобранная, находилась уже передъ окнами барскаго дома. Изумленный и испуганный священникъ бросился къ помѣщицѣ Зыбиной, которая обыкновенно называла себя храмостроительницей, хотя церковь была построена ея предками, и рассказалъ ей о неожиданномъ перемѣщеніи церкви.

Зыбина такъ и ахнула. Она, нимало не медля, заложила лошадей въ свой наслѣдственный рыдванъ и, захвативъ съ собою священника, двинулась въ Москву съ жалобою къ митрополиту.

Между тѣмъ, высокій и статный Тейльсъ вышелъ утромъ на крыльцо.

— Что прикажешь теперь?—спросилъ его бурмистръ.

— Ставьте на этомъ мѣстѣ церковь; тутъ вамъ будетъ ближеходить къ обѣднѣ, да и мнѣ, когда съ вами поживется подъ старость, недалеко добрести,—отвѣтилъ Тейльсъ.

— Надо освятить мѣсто,—воразилъ бурмистръ:—да вотъ горе, батька пропалъ!

— Ванюшка,—закричалъ Тейльсъ своему любимому слугѣ:—будь готовъ ѻхать съ письмомъ въ Москву, а вы, мои други, поставьте карауль и пододвиньте подъ сараи клади съ утварью.

Крестьяне, слышавшіе о томъ, что Зыбина поѣхала въ Москву, покачивали головою и говорили: «что-то будетъ?»

Скоро Ванюшка явился изъ Москвы съ письмомъ отъ митрополита и съ богатыми покупками для церкви. Въ письмѣ извѣщалось о скоромъ прїѣздѣ архимандрита для освященія вновь воздвигаемаго храма. Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько времени явился архимандритъ, а за нимъ и священникъ. Благословивъ Тейльса, архимандритъ подалъ ему митрополичью грамоту, пергаментъ, обернутый въ шелковую матерію и положенный въ коробку. Въ грамотѣ не одобрялся самовольный поступокъ Тейльса, но въ виду того, что дѣло было уже сдѣлано и вдобавокъ съ добрыми намѣреніями, разрѣшено было приступить къ сооруженію храма, но съ условіемъ, если храмъ потребуетъ ремонта, спросить предварительно Зыбина, не хотятъ ли они взять постройку на себя, а въ случаѣ отказа предоставить это роду Тейльсовъ. «Грамота сія,—прибавлять авторъ «Записокъ»,—кажется, должна быть еще цѣла въ калужской консисторіи, а равно и нѣкоторая утварь, принесенная въ даръ прадѣдомъ».

Во время закуски, предложенной архимандриту, Тейльсу рассказали о неудачѣ, постигшей Зыбину. Митрополиту было известно,

что Петръ весьма благоволить къ Тейльсу, и что при дворѣ у послѣдняго сильная рука, и потому на жалобу священника онъ отвѣтилъ: «Теперь вѣкъ нѣмцевъ, дѣлать нечего, всѣ обасурманились, глядя на царя. Ну, да не наше дѣло объ этомъ говорить».

Церковь была построена, снабжена новою утварью и черезъ двѣ недѣли освящена. Тейльсъ, покончившій всѣ свои дѣла, уѣхалъ изъ Глубокаго. Но Зыбина не успокоилась.

Понадобилось ей зачѣмъ-тоѣхать въ Москву. На дорогѣ она столкнулась съ задними повозками, тянувшимися въ столицу съ Тейльской рухлядью, и воспользовалась случаемъ, чтобы хотя нѣсколько отомстить ненавистному нѣмцу. Набросившись на его людей, она называла ихъ слугами нехристя, а самого Тейльса—ихъ пастухомъ. Тейльсу донесли объ этомъ, и онъ отъ имени государя попросилъ правителя Москвы взять Зыбину подъ арестъ. Несчастная помѣщица была посажена въ острогъ. «Другихъ мѣсть,—говорить по этому поводу разсказчикъ,—тогда для арестантовъ не было».

Между тѣмъ Тейльсъ поѣхалъ въ Петербургъ. Явившись къ царю, онъ сталъ разсказывать о перенесеніи церкви, о грамотѣ митрополита и т. д. Царь смылся; но, когда рѣчь зашла объ арестѣ Зыбиної, онъ нахмурилъ брови и крѣпче обыкновенного сжалъ въ рукахъ извѣстную дубинку. Впрочемъ, вскорѣ его лицо прояснилось, и онъ далъ Тейльсу право поступать съ Зыбиної какъ угодно. «Вѣроятно,—говорится въ «Запискахъ»,—государь, имѣя власть всегда все поправить, хотѣлъ испытать прадѣда и желалъ извлечь что нибудь полезное изъ положенія Зыбиної для примѣра другихъ подобныхъ ей, ибо Зыбина славилась въ своемъ околодкѣ слѣпою любовью къ старинѣ».

Когда Тейльсъ прибыль въ Москву, къ нему явился посланный отъ Зыбиної, съ униженною мольбою «испросить у царя помилованіе ей, ибо ему только вѣдомо, за что она содергится, другіе же не знаютъ, а по человѣтъямъ ея нѣть никакого рѣшенія». Тейльсъ смилиостивился и не только освободилъ Зыбину, но и прислалъ за нею карету, которая должна была привезти злосчастную плѣнницу въ его домъ. Но лишь только Зыбина отворила дверь и увидѣла своего недруга, какъ злоба ея вспыхнула съ новою силою, и она разразилась цѣлымъ потокомъ браніи противъ «проклятаго басурмана».

«Стойко,—повѣствуетъ авторъ «Записокъ»,—выдержалъ прадѣдъ первый залпъ и хладнокровно, въ антрактѣ бранныхъ словъ, готовыхъ снова на него излиться, сказалъ Зыбиної:—«За что сердишься, матушка? Не сама ли назвала меня пастухомъ, а какъ я зналъ, что ты баба злая, то и захотѣлъ проучить тебя и какъ скотинку злую продержалъ нѣсколько времени въ закутѣ; теперь же иди на чистую росу!» На прощанье Зыбина еще разъ наградила

Тейльса богатымъ запасомъ ругательствъ и, чтобы сорвать на комъ нибудь сердце, влѣпила, садясь въ карету, добрую пощечину поддерживавшему ее на подножкѣ гайдуку.

Съ тѣхъ поръ между Тейльсами и Зыбиной началась непримиримая вражда. Съ особенной силой прорвалась она уже послѣ смерти Антона Тейльса, при его малолѣтнихъ дѣтяхъ. Однажды, Зыбина завела какую-то скору за лугъ, вооружила своихъ людей кольями и начала драку съ матюковскими мужиками, причемъ два человѣка были убиты на мѣстѣ. Возникло дѣло, и только смерть избавила не въ мѣру энергичную помѣщицу отъ законнаго возмездія.

Антонъ де-Тейльсъ былъ очень богатъ. За своею первою женою онъ взялъ въ приданое болѣе 2,000 душъ крестьянъ; но ему не удалось воспользоваться своимъ богатствомъ. Брать его жены, графъ Чернышевъ, разстроилъ свое состояніе и просилъ помощи у зятя. Тейльсъ отвѣтилъ ему такъ: «Ты далъ за своей сестрою болѣе 2,000 душъ крестьянъ; записей не сдѣлано еще и по сію пору; возьми ихъ обратно и дѣлай съ ними что хочешь; поправятся твои дѣла, — возврати ихъ дѣтямъ моимъ!» Графъ Чернышевъ, по словамъ автора «Записокъ», и сдѣлалъ бы такъ, если бы вскорѣ не послѣдовала его смерть. Духовной онъ не оставилъ, а у Тейльсовъ не было никакихъ документовъ, которыми они могли бы доказать свои права на владѣніе. Дочь графа Чернышева, выходя замужъ, получила въ приданое какъ разъ тѣхъ крестьянъ, которые должны были принадлежать Тейльсу и его дѣтямъ, но и ей не удалось воспользоваться этимъ имѣніемъ: за долги ея мужа оно было отобрано въ казну. «Гробы Чернышевыхъ,—заключаетъ свой разсказъ авторъ,—видны еще и понынѣ при приходской церкви въ Апухтинской волости (Калужской губ.), и я ихъ видѣлъ въ своихъ прогулкахъ».

Антонъ де-Тейльсъ скончался въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, на Лубянкѣ.

«Записки» слѣдятъ за судбою всѣхъ его сыновей. Изъ нихъ Антонъ Антоновичъ «отличался ученостью» и занималъ должность директора Московскаго университета. Игнатій Антоновичъ пользовался большимъ благоволеніемъ императрицы Екатерины II, которая ввѣрила ему особенный надзоръ за извѣстнымъ графомъ Бобринскимъ, воспитывавшимся въ кадетскомъ корпусѣ. Въ царствованіе Павла онъ управлялъ Тверскою губерніею, по какому-то оговору былъ заключенъ въ Гатчинскій замокъ, но потомъ освобожденъ и щедро награжденъ императоромъ, у которого гнѣвъ нерѣдко сминался милостью. Онъ умеръ въ 1811 году, въ городѣ Бѣлостокѣ, управляя Бѣлостоцкою и Тарнопольскою областями¹⁾. Иванъ Анто-

¹⁾ Извѣстный Н. И. Новиковъ, рекомендую Игнатія Тейльса для принятія въ масонскій рыцарскій капитуль, говорилъ, что «онъ человѣкъ, по всему за-

новичъ служилъ сначала по межевому департаменту, но потомъ, оставивъ службу, отправился за границу изучать медицину. Онъ принадлежалъ къ числу масоновъ и рѣшилъ посвятить свою жизнь на безкорыстное служеніе человѣчеству. По возвращеніи изъ-за границы онъ женился на богатой малороссіянкѣ, устроилъ на свои средства больницу (больницу?) и лѣчилъ тамъ бесплатно бѣдныхъ.

Съ особеннымъ интересомъ и подробностями слѣдить авторъ «Записокъ» за судбою своего роднаго дѣда, Андрея Антоновича. Въ свое время онъ, въ качествѣ прокурора Москвы, пользовался большою известностью. «Служба дѣдушки, — говорится въ «Запискахъ», — пріобрѣла лестное вниманіе генералъ-прокурора сената, князя Вяземскаго; его съ нимъ переписка ясно доказываетъ пріязнь, кою онъ пользовался и (которую) оправдалъ. Одинъ случай достаточно ко удостовѣренію. Онъ, какъ прокуроръ Москвы, защищалъ дѣло, касающееся до казни и градскаго общества. Во время начала его болѣзни, простуды ногъ, противники успѣли чрезъ происки дать невыгодное направленіе дѣлу. Купцы приходятъ умолять дѣда идти въ присутствіе на защиту; онъ отговаривается нездоровьемъ; они берутъ его за кресла и несутъ чрезъ улицы предъ судей. Одинъ таковой входъ его поразилъ судейское собраніе, но когда онъ заговорилъ, истина взяла верхъ, и дѣло было выиграно. На обратномъ пути его встрѣчали поклонами уваженія, и онъ невольно плакаль отъ умиленія». Андрею Тейльсу, между прочимъ, поручено было составить опись книгамъ, продававшимся у Новикова. Ешевскій, говоря о томъ, что въ этой описи нѣтъ многихъ масонскихъ изданій, дѣлаетъ предположеніе, что «или они хранились въ особыхъ скрытыхъ мѣстахъ, или Тейльсъ не показалъ ихъ въ своей описи, будучи самъ масономъ или лицомъ близкимъ къ нимъ»¹). Предположеніе вполнѣ основательное; ибо принадлежность къ масонскому ордену была фамильною особенностью Тейльсовъ; даже самого Антона Тейльса авторъ «Записокъ» называетъ масономъ, чтò, впрочемъ, весьма легко можетъ быть и анахронизмомъ, такъ какъ авторъ не обозначаетъ времени вступленія своего прадѣда въ орденъ.

Какъ известно, наши масоны конца прошлаго столѣтія повсюду видѣли таинственное и чудесное. Послѣднее и въ жизни Андрея Антоновича играетъ немаловажную роль.

Ревматизмъ, причиненный московскому прокурору простудою, со временемъ усилился и не оставлялъ его до самой смерти; ноги у него свело, и его носили на рукахъ. «Но Господу, — говорится въ «Запискахъ», — угодно было испытать новымъ крестомъ его терпѣніе:

служивающій наисправедливѣйшимъ образомъ эту честь». «Мы не знаемъ, — разсуждаетъ по этому поводу Ешевскій, — былъ ли онъ родственникомъ московскому прокурору Андрею Тейльсу?» (Ешевскій: Сочиненія, ч. 3-я, стр. 542). Изъ «Записокъ» обнаруживается, что они были родные братья.

¹) Ешевскій: Сочиненія, ч. 3-я, стр. 556.

у него заболѣли глаза, и онъ долженъ бытъ надѣть очки. На 60-мъ году, рисуя въ нихъ, онъ услышалъ гласъ: «скинъ очки!» Три раза сіе повторялось; онъ снялъ ихъ и съ тѣхъ поръ до самой смерти оныхъ не употреблялъ.

«Записки» подробно останавливаются и на семейной жизни Андрея Антоновича.

Въ молодости онъ отличался живымъ и веселымъ характеромъ умѣль и любилъ со вкусомъ одѣтъся и бытъ всегда желаннымъ человѣкомъ въ дамскомъ обществѣ. Его доброта вполнѣ гармонировала съ мягкимъ обращенiemъ. Онъ хорошо рисовалъ и въ большемъ количествѣ раздавалъ на память представительницамъ прекраснаго пола рисунки и вѣра своей работы. Этими качествами онъ привлекъ къ себѣ вниманіе княжны Волконской, къ которой и самъ, кажется, бытъ неравнодушенъ, думали уже объ ихъ бракѣ, но княжнѣ не суждено было сдѣлаться женою Андрея Тейльса: онъ женился на Е. М. Страховой.

«Сватовство моей бабки, — повѣствуетъ авторъ «Записокъ», — началось довольно странно: дядя Страховой, Поливановъ, попросту предложилъ Тейльсу на ней жениться. Невѣста, пятнадцатилѣтняя дѣвушка, сирота, извѣстна была своею красотою и обладала хорошимъ состоянiemъ, и потому Тейльсъ не прочь бытъ посмотрѣть на нее. Поливановъ доставилъ ему совершенно неожиданный случай. Однажды, онъ отправился съ своей племянницею кататься. День бытъ холодный, и путешественники озябли. Подъ предлогомъ обогрѣть племянницу, Поливановъ завезъ ее въ квартиру Тейльса. Молоденькая дѣвушка, все время жившая въ деревнѣ, неособенно тонко различала свѣтскія приличія, но на этотъ разъ ея гордость была оскорблена, и она горько заплакала. «Это тронуло Андрея Антоновича; онъ употребилъ все стараніе успокоить ее и бытъ столь счастливъ, что понравился ей самъ и получилъ ея согласіе вступить съ нимъ въ бракъ». Сестры Тейльса взяли на себя трудъ придать выросшей въ деревенской глупи дѣвушкѣ тотъ свѣтскій лоскъ, который бытъ свойственъ всему ихъ семейству, и ученица оказалась весьма способной и воспиримчивой.

«Бабушка, моя, — говорить авторъ, — бытъ большая хозяйка, и дѣдушка не вмѣшивался въ оное (sic); онъ зналъ своихъ оброчныхъ мужиковъ, съ коихъ сбирая съ тягла по пяти рублей, думалъ, что и сего очень достаточно. За то поселяне возблагодарили его память истиннымъ сокрушенiemъ». Когда Андрей Антоновичъ скончался (онъ дожилъ до 107 лѣтъ, что «Записки» приписываютъ его во всѣхъ отношеніяхъ строго нравственной жизни, за которую онъ получилъ название «красной дѣвушки») и тѣло его везли въ село Глубокое, чтобы похоронить въ построенной имъ церкви, крестьяне за пять верстъ отъ села, безъ шапокъ, встрѣтили гробъ и поклонились ему до земли. Они сняли его съ дорогъ и понесли на ру-

кахъ. Послѣ панихиды они приступили къ сооруженію подъ амвономъ склепа; но этому хотѣла воспротивитьсясосѣдняя помѣщница Сомова (дочь Зыбиной), въ которой старинная вражда къ Тейльсамъ была подогрѣта еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Андрей Антоновичъ не позволилъ похоронить въ церкви ея сына-самоубійцу. Она отправилась къ мѣстному архіерею, но послѣдній, если бы и хотѣлъ, не могъ ничего сдѣлать. Крестьяне (всѣ они были каменьщики по ремеслу) заперлись въ церкви съ заготовленными материалами и заявили: «Андрей Антоновичъ еще при жизни своей, сидя вонъ тамъ въ креслахъ и смотря на нашу работу около храма Божія, завѣщалъ похоронить его подъ амвономъ, — такъ и будеть его воля. Но ежели похотятъ намъ препятствовать, то чрезъ нась пусть возьмутъ его тѣло; а до тѣхъ поръ не быть по-Зыбихину!»

Любимымъ сыномъ Андрея Антоновича былъ Дмитрій, отецъ автора «Записокъ». Своимъ живымъ и веселымъ характеромъ онъ напоминалъ отца. Онъ весьма рано началъ службу и состоялъ въ качествѣ адъютанта при генералѣ Иванѣ Александровичѣ Зaborовскомъ. Послѣдній былъ связанъ тѣсною дружбою со всѣмъ семействомъ Тейльсовъ, въ частности весьма любилъ своего адъютанта и охотно прощалъ ему всѣ проказы, на которыхъ тотъ былъ весьма падокъ по живости своего темперамента. При этомъ постоянно заступницею Тейльса была жена Зaborовскаго. Иногда въ торжественные дни, когда генералъ былъ занятъ приемомъ, залъ его былъ полонъ гостей, а военная музыка ожидала приказаний на балконѣ, молодой адъютантъ, соскучившись, отправлялся къ музыкантамъ и отдавалъ имъ приказъ, отъ имени генерала, играть «барыню». Гости недоумѣвали, генераль приходилъ въ гнѣвъ, а виновникъ тревоги бѣжалъ къ генеральшѣ, которая и прятала его отъ генеральскихъ глазъ до тѣхъ поръ, пока не остывалъ начальническій гнѣвъ.

При императорѣ Павлѣ Дмитрій Тейльсъ отправился съ полкомъ на границу Польши. Здѣсь онъ сблизился съ сыновьями князя Сибирского и генерала Турчанинова, и новые друзья сдѣлались участниками непріятной исторіи, которая могла окончиться для нихъ весьма дурно.

Нѣсколькими офицерами, а въ томъ числѣ и Тейльсу съ его пріятелями, вздумалось побывать за границею, въ домѣ у одного поляка, который владѣлъ приманкою, въ видѣ хорошенъкихъ дочекъ. Офицеры переправились чрезъ рѣку и явились въ домъ. Сначала все шло благополучно, но потомъ поляки завели скору, которая мало-по-малу приняла на столько серьёзный характеръ, что противники обнажили сабли. Малочисленные офицеры (ихъ было всего шесть человѣкъ) принуждены были отступать изъ комнаты въ комнату. Двое изъ нихъ пали, а третій былъ раненъ. Видя это, Тейльсъ закричалъ друзьямъ, чтобы они спасались въ окно и, если

это возможно, возвращались бы къ нему на помощь, захвативъ съ собою нѣсколько солдатъ. Самъ же онъ, чтобы дать друзьямъ время и возможность выпрыгнуть въ окно, сталъ въ дверяхъ съ саблею въ одной рукѣ и съ пистолетомъ въ другой. Когда Турчаниновъ и князь Сибирскій возвратились съ солдатами, нѣсколько поляковъ лежало уже на полу. Тейльсъ, храбро выдержавшій напоръ многочисленныхъ противниковъ, былъ вырученъ изъ бѣды.

Началось по этому поводу разслѣдованіе. Оказалось, что чуть не всѣ офицеры полкакосвенно участвовали въ этой исторіи. Очень хорошо зная, что дѣло не обойдется безъ сабельныхъ ударовъ, они, тѣмъ не менѣе, поощряли своихъ товарищѣй отправиться въ это рискованное путешествіе, съ специальную цѣлью доказать полякамъ отвагу и предпримчивость русского офицера. На этой-то струнѣ національного самолюбія и разыграласьссора. Пытались замять это дѣло, но полковникъ былъ неумолимъ, не смотря на настояніе и даже угрозы офицеровъ. Дали знать объ этомъ императору. Въ то время, когда фельдъегери готовились уже везти смѣльчаковъ въ Гатчину, Тейльсъ нанялъ тайно лихую тройку и покатилъ на родину, въ Тульскую губернію. Здѣсь онъ ни слова не сказалъ о непріятномъ приключеніи и заявилъ, что пріѣхалъ въ отпускъ.

Началась веселая жизнь: то Дмитрій Андреевичъ отправлялся къ кому нибудь изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, то домъ Тейльсовъ наполнялся гостями. Среди веселья и танцовъ молодой офицеръ встрѣтился съ своею будущею женою, племянницей г-жи Щербачевой, влюбился въ нее, и скоро была назначена свадьба. Но тутъ возникъ серьёзный вопросъ: гдѣ совершать вѣнчаніе? Обѣ семьи считали себя одинаково важными (Щербачева была урожденная княжна Масальская), и нужно было найти такой пунктъ, который находился бы въ равномъ разстояніи отъ ихъ имѣній. Послѣ глубокомысленныхъ соображеній выбрана была соборная церковь города Крапивны, но и на этой нейтральной почвѣ дѣло не обошлось безъ неудовольствія: мать жениха нѣсколько смущало то обстоятельство, что молодыхъ изъ церкви въ ихъ новое жилище проводила не сама Щербачева, а ея зять, князь Ухтомскій, младшій представитель дома. Впрочемъ, вскорѣ это легкое облачко изчезло съ семейнаго горизонта, уступивъ мѣсто самому неподдѣльному веселью. Стариkъ Тейльсъ то и дѣло цѣловалъ молодыхъ и даже плакаль отъ радости. Гости оживились. Вино всѣмъ развязало языки, и Дмитрій Андреевичъ рѣшился, наконецъ, открыть роковую тайну: онъ рассказалъ новобрачной полковую исторію... На другое утро молодая женщина, обливаясь слезами, сообщила своей свекрови печальнную новость...

На этомъ неоконченномъ разсказѣ о непріятномъ приключеніи Дмитрія Андреевича и прерываются «Фамильные записки дворян-

скаго дома гг. де-Тейльсъ». Такъ какъ тетрадь, содержащая въ себѣ «Записки», далеко не вся исписана, то нѣтъ основаній предполагать, чтобы окончаніе ихъ было потеряно; очевидно, авторъ, прервавъ свою работу на срединѣ, болѣе уже не возвращался къ ней. Неизвѣстно поэтому, какъ выпутался Дмитрій Андреевичъ изъ своего непріятнаго положенія, но есть основанія думать, что исторія не имѣла для него серьезныхъ послѣдствій, ибо, начиная разсказывать о ней, авторъ говоритъ, что отецъ его «чуть было не погибъ, если бы счастливый случай не спасъ его отъ гнѣва Павла I».

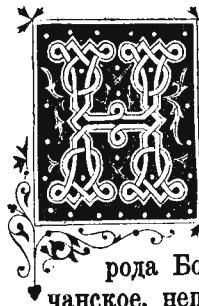
С. Петровскій.

СУВОРОВЪ ВЪ СЕЛЬ КОНЧАНСКОМЪ.

(Изъ рассказовъ мѣстнаго старожила).

АЗВАНИЕ Кончанского происходит отъ слова конецъ. Поколѣніе кореляковъ съ сѣверной стороны села Кончанска, разселившееся по деревнямъ, здѣсь, въ сель Кончанскомъ, пресыкается или кончается, и отъ села Кончанска на югъ, востокъ и западъ кореляковъ далеко не слышно. Любознательный проѣзжающій изъ уѣзднаго города Боровичъ на пристань Сомину¹), увидѣвъ село Кончанское, непремѣнно остановить на немъ свое вниманіе. Здѣсь къ большой деревнѣ съ сѣверо-запада примыкаетъ усадьба князя Суворова, далѣе, къ западу, видна старинная березовая роща, симметрически расположенная, и въ концѣ ея къ западу же церковь во имя святителя и чудотворца Николая. Церковь эта деревянная, построена еще генералиссимусомъ Александромъ Васильевичемъ. Потомками его она подновляется, но не измѣнила своего основанія и мѣстоположенія, избраннаго свѣтлѣйшимъ. Мѣстный образъ здѣшней церкви святителя и чудотворца Николая старинными обывателями называется чудотворнымъ, вѣроятно, потому болѣе, что этому образу усердно, а иногда и уединенно молился свѣтлѣйший Александръ Васильевичъ, который оставилъ по себѣ незабвенную память, и разсказы о немъ въ сель Кончанскомъ и понынѣ еще свѣжи, какъ о чудотворцѣ. Напримеръ, въ Кончанскомъ говорятъ, что Александръ Васильевичъ предсказывалъ, что

¹⁾ Новгородской губерніи, Тихвинскаго уѣзда.

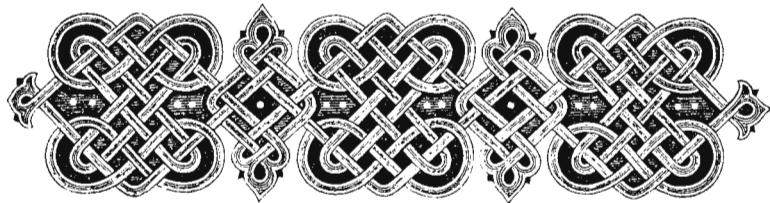
настанетъ время, когда отъ Москвы до Петербурга будуть три дороги: одна деревянная, другая каменная, а третья желѣзная. Но придетъ и то время, что по этимъ дорогамъ ъздить не будутъ, и онѣ запустѣютъ. Деревянную мостовую дорогу отъ Москвы до Петербурга уже изъѣздили и забросили, каменное шоссе пустѣть, а по желѣзной Николаевской дорогѣ ъздить постоянно. Слѣдовательно до того времени, когда должна запустѣть, по предсказанію Суворова, и третья—желѣзная дорога—мы еще не дожили, и сбудется ли третья часть предсказанія Суворова, мы не знаемъ. Не узнаютъ ли этого наши потомки, когда воздухоплаваніе дойдетъ до совершенства. Если такъ, то пусть они попомнятъ и подтвердятъ вѣрныя и чудныя предсказанія генералиссимуса Суворова. Еще рассказываютъ про этого чуднаго человѣка, что онъ зналъ какую-то небесную службу, и разъясняютъ это такъ. У Александра Васильевича былъ слуга Прохоръ, безъ котораго господинъ никуда не ходилъ и не ъздила. Случалось такъ, что князь, идя по дорогѣ, за важнымъ какимъ нибудь дѣломъ, останавливался на дорогѣ и тутъ же, глядя на небо, усердно молился Богу. Когда Прохоръ, соскучившись смотрѣть на молящагося князя и зная, что князю дорого времія, рѣшался напомнить молящемуся о цѣнности времія, то князь продолжалъ молиться, а, окончивъ молитву, говорилъ Прохору: вотъ теперь полно молиться, и служба небесная кончилась. Иногда Прохору случалось видѣть своего господина горько плачущимъ, и когда первый осмѣливался спросить о причинѣ слезъ послѣдняго, то онъ отвѣчалъ: «Мнѣ жалко — напрасно гибнетъ наше русское войско». Прохоръ, слыша мудреныя изрѣченія господина своего, передавалъ объ этомъ другимъ, какъ о доказательствѣ непонятной его проницательности. Въ Кончанскомъ еще живутъ разсказы о томъ, какъ молился Александръ Васильевичъ Богу въ церкви, при народѣ. Онъ любилъ, чтобы у него служилъ въ церкви священникъ, непремѣнно старишечъ. Самъ князь приходилъ къ службѣ церковной едва ли не прежде всѣхъ. Одежду носилъ князь—короткій сюртукъ и штаны. Въ церкви становился на клиросъ и дьячку всегда помогалъ пѣть. Читать на клиросѣ вмѣсто дьячка было любимымъ дѣломъ Суворова. Читаль онъ, какъ говорять, рѣзко, не торопясь. Голосъ у него былъ сипловатый и для слуха не очень пріятный, а между тѣмъ онъ любилъ читать очень громко. Иногда во времія церковной службы князь оставлялъ клирость и становился среди церкви у самаго амвона. Крестное знаменіе изображалъ на себѣ генералиссимусъ твердо и неспѣшно, ударяя тремя перстами руки своей прежде въ лобъ, потомъ въ грудь, далѣе въ правое и лѣвое плечо. Наклонялся головою непремѣнно до пола, ударяя лбомъ въ оный, не пригибая колѣнь, а просто стоя на ногахъ. Наклонившись къ полу, иногда имѣлъ обыкновеніе глядѣть на молящихся позади себя, смотря на нихъ между расширенныхъ, для

удобного поклона, ногъ своихъ, и если замѣчалъ кого либо смѣю-щимся надъ нимъ самимъ, то послѣ службы церковной такимъ дѣ-лалъ замѣчаніе, приказывая смотрѣть въ церкви на образъ святы-теля и чудотворца Николая, а не на своего барина. Въ 1840 году, въ Сопинскомъ погостѣ, въ приходѣ котораго состоится село Кон-чанскоѳ, жилъ дѣячекъ, который имѣлъ обыкновеніе пѣть херу-вимскую пѣснь особеннымъ напѣвомъ, похожимъ на придворный, но съ некоторыми не очень пріятными для слуха вариаціями. Когда его спрашивали сторонніе, откуда онъ заимствовалъ такой напѣвъ, онъ отвѣчалъ, что эта херувимская пѣснь—Суворовскаго напѣва, и ни за что не соглашался замѣнить этотъ напѣвъ другимъ. Со смертію этого дѣячка, и церковныхъ пѣсней Суворовскаго напѣва въ Сопин-скомъ погостѣ не осталось. Въ лѣтніе времена князь имѣлъ обыкно-веніе ходить въ одной полотняной рубашкѣ и такихъ же штанахъ, а иногда даже въ однихъ послѣднихъ, и старухи говорятъ, что онъ слыхали отъ своихъ бабушекъ и матерей, что тѣ сами видали князя ходящаго по полямъ просто въ однихъ штанахъ, и что тѣло гене-ралиссимуса было загорѣло и нисколько не нѣжное, совсѣмъ не такое, какъ у изнѣженныхъ господъ. Въ рукахъ князь носилъ всегда суковатую чорную палку. За нимъ постоянно слѣдовалъ Прохоръ. Однажды Прохоръ, идя позади своего господина, вздумалъ копи-ровать его походку и началъ выдѣльывать разныя штуки руками, искусно кривляясь, въ полной увѣренности, что господинъ его этого не замѣчаетъ. Но Суворовъ, оборотясь къ Прохору, сказалъ ему: «Гумъ, гумъ, гумъ! Прошинька!» Вотъ и все наказаніе, слѣ-ланное господиномъ провинившемуся слугѣ! Въ большихъ экипа-жахъ Суворовъ єздить не любилъ, но всегда єздила лѣтомъ въ простой телѣгѣ, а зимою въ простыхъ ямскихъ саняхъ, и чаще на одной лошади. На его экипажѣ, впрочемъ, всегда былъ какой-то коробъ, вѣроятно, въ видѣ кибитки, потому что донынѣ говорять про Прохора слугу Суворова, что онъ не любилъ сворачивать съ дороги при встрѣчѣ съ проѣзжающими или при обѣзѣдѣ попут-ныхъ и всегда кричалъ имъ: «Вороти! тебѣ неравенъ въ коробу сидитъ!» Въ 24-хъ верстахъ отъ Кончанска, близъ села Миголощи, въ часовнѣ похороненъ пустынникъ Маркъ. О немъ въ одномъ изъ духовныхъ журналовъ была напечатана статья. Къ пустын-нику Марку прїѣжалъ и генералиссимусъ. Слухъ о прїѣздѣ Су-ворова къ пустыннику Марку дошелъ до жителей села Миголощи ранѣе за нѣсколько дней до прїѣзда. Съ большими любопытствомъ всѣ ждали этого прїѣзда. Но свѣтлѣйший прїѣхалъ къ пустыннику такъ, что этого и не замѣтили. Генералиссимусъ съ Прохоромъ прїѣхалъ въ село Миголощи въ простой ямской телѣгѣ, на одной лошади, и остановился у крестьянской избы. Самъ князь сходилъ къ священнику и пригласилъ послѣдняго въ часовню къ пустын-нику Марку, чтобы отслужить панихиду на могилѣ погребеннаго.

Возвратившись изъ часовни, князь сѣлъ на свою телѣжку и поѣхалъ обратно. Самъ священникъ встрѣтилъ и проводилъ свѣтлѣйшаго, какъ простаго дворянинаго. Но плата, данная за служеніе панихиды, заставила священника разузнать, кто былъ столь щедро заплатившій. Впослѣдствіи разузнали, что это былъ дѣйствительно свѣтлѣйшій князь генералиссимусъ Александръ Васильевичъ Суворовъ. Еще про одинъ случай и нынѣ передаются со всѣми подробностями, какъ свѣтлѣйшій прїѣхалъ къ одному господину церемоніально, и разсказываются обѣ этомъ такъ. Одинъ богатый, но не высокаго чина господинъ въ огромномъ экипажѣ прїѣхалъ къ генералиссимусу на восьми лошадяхъ и просилъ свѣтлѣйшаго поѣтить и его. Свѣтлѣйшій зналъ, что господинъ тотъ къ прїѣзду Суворова созоветъ всю мѣстную аристократію, поэтому къ поручику, прїѣхавшему къ генералиссимусу на восьми лошадяхъ, самъ генералиссимусъ прїѣхалъ на восьмидесяти лошадяхъ; всѣ восемьдесятъ лошадей Суворовъ приказалъ запрячь по одной въ рядъ и такимъ церемоніаломъѣхалъ шесть верстъ. Когда первая лошадь изъ запряженныхъ въ экипажъ для Суворова была уже у подъѣзда дома, куда и вся публика вышла встрѣтить свѣтлѣйшаго, самъ онъ былъ еще чуть не на цѣлую версту отъ подъѣзда. Сидѣвшій верхомъ на первой лошади, соскочивъ съ лошади, началъ кружить лошадей въ клубокъ, и такимъ образомъ черезъ полчаса и самъ свѣтлѣйшій прибыль къ давно ожидавшей его публикѣ. Обратно генералиссимусъ поѣхалъ, по обыкновенію, на одной лошадкѣ.

Иванъ Можайскій.

РАЗСКАЗЫ ОБЪ ИМПЕРАТОРѢ НИКОЛАѢ ПАВЛОВИЧѢ.

АЗСКАЗЪ о томъ, какъ императоръ Николай Павловичъ провожалъ однажды гробъ съ тѣломъ бѣдняка-чиновника, былъ напечатанъ не разъ, но всѣ редакціи этого рассказа неточны. Такъ какъ мнѣ привелось быть свидѣтелемъ этого случая, то я передамъ его здѣсь въ томъ видѣ, какъ онъ былъ въ дѣйствительности.

По Исаакіевской площади, со стороны Гороховой улицы, двѣ похоронныя клячи влачили траурныя drogi съ бѣднымъ гробомъ; на гробу чиновничья шпага и статская треуголка, а за гробомъ слѣдовала бѣдно одѣтая старушка, нѣчто въ родѣ кухарки, а, можетъ быть, и спутница жизни усопшаго. Дроги приближались уже къ памятнику Петра I. Въ это время навстрѣчу, со стороны сената, показался экипажъ императора Николая Павловича. Государь остановился, вышелъ изъ экипажа и, повернувъ назадъ, пѣшкомъ послѣдоваль за гробомъ чиновника, по направлѣнію къ теперешнему Николаевскому мосту.

Пока гробъ вѣхалъ на мостъ, провожающихъ набралось много всякаго званія, преимущественно изъ высшаго сословія. Государь оглянулся и сказалъ провожавшимъ:

— Господа, мнѣ некогда, я долженъ уѣхать. Надѣюсь, что вы проводите до могилы.

Повернулся—и уѣхалъ. Гробъ везли на Смоленское кладбище.

Начавъ съ поправки уже извѣстнаго рассказа, расскажу кое-что и новое, сохранившееся въ моей памяти, а помню я немало,

ибо состоялъ на гражданской службѣ съ 1823 года и видѣть и слышать много такого, что забылось другими или вмѣстѣ съ ними умерло. Сначала припомнилъ несколько мелочей, а въ заключеніе приведу цѣлый разсказъ о любопытной веденій мною тяжбѣ, разрѣшенной при содѣствіи императора Николая Павловича.

Извѣстно, что, пользуясь добротою Александра Павловича, многие выпрашивали у него усыновленіе своихъ дѣтей, не отъ брака происходящихъ. Съ подобною просьбой кто-то попробовалъ обратиться и къ Николаю Павловичу въ первое время его царствованія. Но послѣдовалъ собственноручный отказъ: «Беззаконнаго не могу сдѣлать законнымъ». Сенатъ въ своихъ указахъ 1825 года распустилъ это рѣшеніе, и усыновленія прекратились.

Въ саняхъ Николай Павловичъ ѻздили быстро, всегда въ одноконку, на превосходномъ конѣ. Случилось, что во время такого его проѣзда по Невскому перебѣгалъ дорогу какой-то человѣкъ и, не смотря на предостерегающей окликъ кучера, чуть-чуть не былъ ушибленъ. Государь схватилъ кучера за плечи и едва предупредилъ ударъ. Пробѣгавшій оглянулся. Государь погрозилъ ему, подзываю въ то же время рукой къ себѣ. Но пробѣгавшій, отрицательно махнувъ рукой, направился дальше. Встрѣтивъ у своего подъїзда оберъ-полицеймейстера Кокошкина, государь спросилъ:

- Ты ужъ, конечно, знаешь?
- Знаю, ваше величество.
- Кто онъ?
- Не говорить: объясню де только самому государю.
- Немедленно дерзкаго доставили во дворецъ. Государь спросилъ:
- Это ты такъ неосторожно сунулся подъ лошадь мою? Ты знаешь меня?
- Знаю.
- Видѣль, что я тебя звалъ рукою?
- Видѣль, ваше императорское величество.
- Какъ же ты осмѣлился не послушаться своего государя?
- Виновать, ваше императорское величество... некогда было: у меня жена въ трудныхъ родахъ мучилась, и я бѣжалъ къ бабкѣ.
- А!.. это причина уважительная. Правъ. Ступай за мною!
- И государь повелъ его во внутренніе покой Аничкова дворца къ императрицѣ.
- Рекомендую тебѣ примѣрного мужа, — сказалъ государь: — который, для оказанія скорѣйшей медицинской помощи своей женѣ въ ея трудномъ положеніи, послушался призыва государя. Примѣрный мужъ.

Оказалось, что ослушникъ былъ бѣдный чиновникъ, одинъ изъ тѣхъ, для которыхъ жареная къ Рождеству индѣйка составляетъ большую роскошь, лакомство. Безъ сомнѣнія, что этотъ случай былъ началомъ счастія для новорожденнаго и всей его семьи.

Петербургское населеніе чрезвычайно любило государя не только какъ императора, но и какъ красавца и «молодца».

Въ тридцатыхъ годахъ, во время одного изъ весеннихъ военно-парадныхъ разводовъ, на зимне-дворцовой площадкѣ, у малаго императорскаго подъѣзда, — разводовъ, на которыхъ присутствовали и многие иностранные послы,—собралось много народа. Съ окончаніемъ развода вся масса зрителей разсыпалась въ разныя стороны, по домамъ. Мнѣ пришлосьѣхать на рѣчномъ яликѣ, отъ Дворцовой набережной прямо къ Мытному перевозу. Яликъ былъ полонъ; между прочими сидѣла купеческая личность, изъ рода тѣхъ, про которыхъ среди людей торговыхъ сложилась поговорка, что «знаютъ, моль, юому и въ рогожномъ ряду». Такой юма (кажется, Гиляровъ) въ мое время (въ 30—40-хъ годахъ) дѣйствительно существовалъ. Плохонько одѣтый, дѣйствительно торговавшій на пристани подъ Невскимъ рогожами, онъ всегда носилъ на груди, подъ платкомъ, рядомъ съ мѣднымъ крестикомъ, кожаную копилку, въ которой береглись билетики, рубликовъ на полмилліончикъ, а, можетъ быть, и болѣе—кто его знаетъ.

Вотъ въ родѣ такого Гилярова, въ яликѣ переѣжалъ со мною отъ дворца къ Мытному перевозу весьма почтенный купчина. Онъ сидѣлъ молча, упервшись лбомъ въ обѣ свои мощныя ладони, молчалъ до половины пути и, когда яликъ поровнялся уже съ биржевой стрѣлкой, онъ вдругъ, какъ бы очнувшись, проговорилъ:

— И какой это нашъ батюшка-царь русской молодчины! Вокругъ него иностранцы-то эти, посланники, больно неказисты. А нашъ-то батюшка промежъ ихъ соколь-соколомъ.

Надо сказать, что тогдашній австрійскій посолъ былъ дѣйствительно неказистый старикашка, вдобавокъ одѣвавшійся въ какой-то сѣрый капотъ.

Припоминается мнѣ и еще примѣръ любви къ императору Николаю. На этотъ разъ дѣйствуетъ не купецъ, а крестьянинъ. На томъ мѣстѣ, у Знаменья, гдѣ теперь громадный домъ Знаменской гостинницы, какъ разъ противъ вокзала Николаевской желѣзной дороги, въ 30-хъ годахъ стоялъ двухъ-этажный домикъ бергъ-гешворена Гребенкина. Вверху была аптека, съ разноцвѣтными (по обычая) шарами, а низъ занимался веселымъ и народному сердцу милымъ капернаумомъ, попросту, кабакомъ. Тутъ, подгулявъ почти до положенія ризъ, одинъ изъ меньшей братіи,

кажется, Иванъ Петровъ, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, сквернословилъ до такого безобразія, что и привычное ухо цѣловальника не могло вынести. Цѣловальникъ, желая унять расходившагося Ивана Петрова, указалъ на царскій бюстъ:

— Перестань сквернословить, хоть бы ради лика государева.

Но ошалѣлый Иванъ Петровъ спотыкающимся языкомъ отвѣтилъ:

— А что мнѣ твой ликъ, я плюю на него!—повалился и тутъ же захрапѣлъ. Но очнулся онъ уже въ кутузкѣ Рождественской части. Оберъ-полицеймейстеръ Кокоскинъ, при утреннемъ рапортѣ государю, подалъ обѣ этомъ случаѣ записку, объяснивъ тутъ же и опредѣляемое закономъ наказаніе за такую вину.

Николай Павловичъ улыбнулся и написалъ на запискѣ: «Объявить Ивану Петрову, что и я на него плюю, и отпустить».

Когда Ивану Петрову объявили обѣ этомъ и отпустили изъ подъ ареста, онъ затосковалъ и почти помѣшался, повторяя: «Какъ! государь-батюшка наплевалъ на меня! Куда жъ я теперь гожусь!» Потомъ онъ запилъ, да такъ и сгинулъ.

Въ февралѣ 1855 года, квартировалъ я съ женойо въ гостиницѣ Клея, по Михайловской улицѣ, противъ дома Дворянского собранія, гдѣ теперь гостинница Европейская. Тогда домъ этотъ огрѣвался обыкновенными печами. Дрова носили особые истопники. Народъ этотъ былъ все крупный, въ родѣ крючниковъ, или ломовыхъ извозчиковъ. Они поднимали на верхній этажъ такія вязанки дровъ, что иная плохая лошаденка и на санишкахъ не увезетъ.

Мы съ женой еще не вставали и вотъ слышимъ, что въ нашу залу (номеръ былъ изъ трехъ комнатъ) кто-то вошелъ тяжелыми шагами, да какъ грохнетъ вязанкой дровъ: двери и окна задрожали. За этимъ послѣдовалъ грустный, глубочайший вздохъ, да такой сильный, что и геркулесъ позавидовалъ бы. Я вскочилъ и на стукъ и на вздохъ и, подойдя къ атлету, сказалъ:

— Что это ты, братецъ, грохнулъ?—перепугалъ насть!

— Ахъ, баринъ... Бѣда случилась. Пропали мы теперь. Этакое несчастіе приключилось! Бѣда нашего батюшки-государя не стало!

И богатырь заплакалъ. Слезы льются градомъ, грудь подымается высоко, руки опустились.

Чрезъ мгновеніе онъ оправился.

— Хозяинъ былъ!—съ чувствомъ произнесъ онъ, махнувъ рукой и стать класть въ печь дрова.

Теперь перехожу къ той тяжбѣ, которая хорошо характеризуетъ и тогдашнее время, и самого государя.

Состоя на службѣ въ Петербургѣ, я въ то же время занимался адвокатурой или, по прежнему, ходатайствовалъ по чужихъ дѣламъ, притомъ довольно успѣшно, даже счастливо. Хотя и въ то время были знаменитости-ходатаи, въ родѣ Лерхе — у Краснаго моста, Сутгофа — на Васильевскомъ острову, Бильбасова — у Владимірской, Васильева — близъ Знаменья, но и на мою долю, тогда очень маленькаго чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ, выпадали не легкія дѣлишки, всегда скоро и счастливо кончавшіяся. Въ числѣ ихъ, одно дѣло попалось такое, которое по справедливости могло быть решено только волею государя. Сенатомъ оно было решено не въ пользу правой стороны. Когда дѣло обратилось ко мнѣ, сенатскому решенію уже прошла десятилѣтняя давность. Словомъ, на возобновленіе дѣла судебнѣмъ порядкомъ права были потеряны навсегда. Но по совѣсти дѣло было правое. Суть его состояла въ слѣдующемъ.

На винокуренный заводъ богатыхъ князей Ш. у небогатаго соѣда Даниловича забирали хлѣбъ и разсчитывались не всегда наличными деньгами, а векселями, конечно, срочными. Но и на сроки не уплачивалось, а перемѣнялись лишь векселя, съ прибавкою новаго забора хлѣбами. Векселя выдавали главноуправляющіе княжескихъ имѣній. Долга накопилось 18,000 рублей. Когда жена Даниловича овдовѣла, оставшись съ двумя малолѣтними дѣтьми (сынъ и дочь), которыхъ пора было учить, а средства оскудѣли, она стала домогаться уплаты. Князья все откладывали; дѣло дошло до сената, который предоставилъ вдовѣ Даниловичъ взыскивать не съ князей, а съ управляющихъ княжескимъ имѣніемъ, потому что въ ихъ довѣренности имъ не было предоставлено право кредитоваться.

По формѣ и по буквѣ закона такъ, но по совѣсти несправедливо, ибо и старый князь признавалъ долгъ, и просилъ лишь подождать. «Подождите, да подождите», — пока, наконецъ, старый князь умеръ, а наследники, его дѣти: сынъ конногвардейскій рот-мистръ, да двѣ дочери: княгиня Б. и княгиня же Г., стали откладывать уплату до утвержденія ихъ правъ на наследство. Получивъ же это право, долга не признали.

Казалось, все потеряно. Но Богъ милосердъ. Въ княжеской вотчинной конторѣ нашлась бумага, подписанная старымъ княземъ. Въ той бумагѣ сказано, что долгъ справедливъ, и потому предписывалось уплатить вдовѣ Даниловичъ сполна.

Въ такомъ положеніи дѣло сиротъ Даниловичей поступило ко мнѣ. Я началъ съ того, что, не компрометируя молодыхъ — князя и княгинь, сталъ добиваться разсчета полюбовно. Вдова Даниловича соглашалась помириться на 5 тысячахъ ассигнаціями. Съ такимъ предложеніемъ я и отправился къ князю, въ его тогдашній барскій домъ у Краснаго моста. Былъ принятъ довольно спѣсиво,

а когда онъ узналъ цѣль моего посѣщенія, то его спѣсь перешла въ тонъ еще худшій. Я даль ему почувствовать, что послѣ сенатскаго рѣшенія нашлась бумага за подписью его отца,—бумага, подтверждающая правильность долга и обязывающая наследниковъ уплатить тотъ долгъ. Это еще болѣе разгнѣвило князя, и я, почти выгнанный, вышелъ отъ него, прося не забыть, что я, не виняя иска, приходилъ съ вѣткою мири.

Узнавъ о такомъ результатаѣ, бѣдная вдова горько заплакала. Возобновить правильный процессъ, по случаю вновь открытаго документа, было и трудно, да и волокиты и расходы предстояли бы немалые.

Рѣшились мы тогда просить личной защиты государя Николая Павловича, чрезъ посредство шефа жандармовъ, князя А. Ф. Орлова. Было найдено, что Ш. по «совѣсти» не правы, а потому государь повелѣлъ: «разобрать дѣло дворянамъ Смоленской губерніи, откуда происходили тяжущіеся, и рѣшить по совѣсти».

Дворянство всей губерніи единогласно рѣшило, что князья Ш. «по совѣсти виноваты, и долгъ Даниловичу уплатить обязаны весь, съ процентами со дня займа по день уплаты». Рѣшеніе это удостоилось высочайшаго одобренія и исполнилось черезъ посредство министра юстиціи В. Н. Панина. Петербургская управа благочинія, которой пришлось исполнять сказанное рѣшеніе, насчитала много процентовъ на проценты, такъ что сумма всего долга вышла болѣе ста сорока тысячъ рублей серебромъ, вмѣсто пяти, просьмыхъ по полюбовному окончанію.

Однинадцать только мѣсяцевъ прошло со времени отвергнутой полюбовной сдѣлки, и вдова получила, вмѣсто 5 тысячъ ассигнаціями, 70,000 рублей серебромъ. О другой половинѣ насчитанного долга отвѣтчики выдумали какой-то споръ, и вдова уступила ее... при слѣдующихъ неподтвержденныхъ интересахъ обстоятельствахъ.

Опасаясь мѣщанія сильныхъ соперниковъ, я условился съ господѣю Даниловичъ, чтобы всѣ бумаги и объясненія подавались лично отъ нея и ею самою, а обо мнѣ, какъ руководителѣ, не упоминала бы. Любопытствующимъ же говорили, что послѣ предложенія мировой сдѣлки я устранился. Такая роль выдерживалась ею до окончательнаго рѣшенія дѣла и даже до получения первой половины насчитанной уплаты, но во время взысканія вторыхъ 70-ти тысячъ меня открыли и чрезъ меня пригласили мою довѣрительницу прекратить дальнѣйшее взысканіе. Приглашеніе хотя сдѣлано было очень вѣжливо, но со стороны такого лица, что я очень струсили.

Вотъ какъ это было.

Въ одно прекрасное утро позвонили въ мою квартиру. Слышу голосъ:

— Здѣсь живетъ господинъ К.?

Отвѣтили, что здѣсь.

— Можно видѣть?

— Да, пожалуйте.

Входить изящный молодой человѣкъ съ камергерской пуговицей на талии.

— Вы такой-то?

— Я.

— Василій Васильевичъ просить сказать, когда онъ можетъ застать васъ? Ему нужно переговорить о дѣлѣ.

— А кто это— Василій Васильевичъ?— спрашиваю я.

— Князь Долгорукій. Живеть на Дворцовой набережной, въ своемъ домѣ.

Ого!— подумаль я, а сердце такъ и єкнуло;— вѣдь, по его протекціи, мой главный начальникъ, министръ Левъ Алексѣевичъ Перовскій, назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

— Помилуйте,— поспѣшилъ я отвѣтить:— скажите, когда я могу явиться къ нему, готовъ хоть сейчасъ отправиться.

— Хорошо, я такъ и доложу.

Съ этимъ джентльменъ и вышелъ. Изъ окна я видѣлъ, что онъ пріѣзжалъ въ придворномъ экипажѣ. Князь В. В. Долгорукій, занимая высокій постъ, постоянно ъздила въ придворномъ экипажѣ, въ немъ прикатилъ ко мнѣ и его посланный. Я сейчасъ же собрался. Когда я пріѣхалъ, княжескій швейцарь съ обычною холопскою важностью неторопливо осмотрѣлъ меня и сказалъ, что князь сейчасъ будетъ завтракать: пріѣзжайте послѣ. Но когда я объяснилъ, что за мною прислали и назначенъ мой пріѣздъ теперь же, тогда тучная фигура измѣнила свою важность, растворила дверь и, сказавъ: «пожалуйте», позвонила. На звонъ выскочили двѣ ливрейныя души: одна изъ нихъ пошла докладывать, а другая осталась при входныхъ дверяхъ. Передо мною открылась цѣлая амфилада комнатъ, и изъ самой дальней появилась очень благообразная, величественная фигура князя Долгорукаго, который, приблизившись ко мнѣ, довольно ласково произнесъ:

— А, такъ это ты, братъ, скрутилъ такъ князей III.? Молодецъ! Когда у меня будуть какія дѣлишки, возьму тебя. Молодецъ! Тебя, братъ, непремѣнно тебя.

Я, очутясь въ крайне неловкомъ положеніи, началъ было что-то говорить, но онъ, не слушая меня, опять спросилъ:

— Служишь у Льва Алексѣевича? Онъ, братъ, мнѣ хороший пріятель... Однако, вотъ что, братъ: вѣдь это ужъ чортъ знаетъ, что такое! За 18,000 ассигнаціями да 140,000 серебромъ! 70,000 взяли и еще взыскиваютъ столько же!

Я прикинулся ничего незнающимъ о такомъ положеніи дѣла, но не отрицалъ своего знакомства съ госпожею Даниловичъ, такъ какъ она была родная сестра моего сослуживца Д. М. Калугина

(прежде моряка, а потомъ служившаго по одному со мною министерству). Когда я спросилъ, чѣмъ же я могу служить князю, онъ отвѣтилъ:

— На этотъ разъ не мнѣ, а вотъ III., чтобы не взыскивать съ нихъ другихъ 70,000. Да они сами здѣсь. Пойдемте въ столовую, кстати закусимъ.

Въ столовой оказались: княгиня Г., урожденная III., и конногвардейский ротмистръ, спѣшивенкій князь III., тогдѣ самый, который, одиннадцать только мѣсяцевъ назадъ, грубо спровадилъ меня, не принявъ мирнаго и очень дешеваго предложенія моего. Но князьку пришлось опускать свои глазки, когда я припоминалъ мой визитъ къ нему по сказанному дѣлу.

Когда князь Василій Васильевичъ объяснилъ желаніе III., чтобы госпожа Даниловичъ не взыскивала другихъ 70,000, то я обѣщалъ побывать у нея и объясниться. Съ этимъ и уѣхалъ отъ кн. Долгорукаго. Въ тотъ же день моя клиентка, по совѣщенію съ ея братомъ, рѣшила прекратить дальнѣйшій искъ. Написано было прошеніе въ управу благочинія отъ госпожи Даниловичъ, что она отъ наслѣдниковъ князя III. удовлетвореніе получила и болѣе ей ничего уже не слѣдуетъ. Подпись засвидѣтельствовали официальными порядкомъ, и на утро другаго дня я отвезъ эту просьбу въ домъ князя Долгорукаго, гдѣ засталъ уже князя III. Вмѣстѣ прочитали, и они остались довольны. А я, кромѣ удовольствія, счелъ себя еще счастливымъ, потому что мой успѣхъ въ этомъ дѣлѣ сошелъ благополучно, зная всю опасность для берущагося вести подобные процессы, по печальному опыту съ адвокатомъ Лерхе, который за успѣшное взысканіе съ какого-то сильнаго человѣка долга по заемному письму попалъ въ Петропавловскую крѣпость. Объ этомъ и подобныхъ случаяхъ какъ нибудь разскажу, собравшись съ мыслями и памятью.

Сказанное дѣло III. со вдовой Даниловичъ не праздный вымыселъ, а дѣйствительность, подтверждаемая официальнымъ дѣло-производствомъ, существующимъ храниться въ архивахъ смоленского дворянскаго собранія и петербургской управы благочинія.

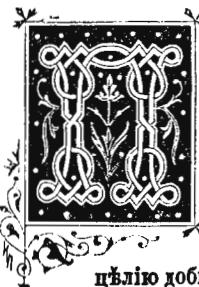
Л. И. Кингъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

**Н. Кондаковъ. Византійскія церкви и памятники Константино-
поля. Одесса. 1886.**

РОФЕССОРЪ Новороссійскаго университета Н. П. Кондаковъ — одинъ изъ немногихъ во всей Европѣ серызныхъ специалистовъ по христіанской археологіи и особенно по истории византійскаго искусства, огромная важность котораго для всемирной истории теперь признана единогласно; онъ — одинъ изъ еще меньшаго числа зна-
токовъ Византіи, которые отдаются изученію ея безъ предубѣжденія и задней мысли, а только съ единственою
цѣллю добыть объективную истину, съ солидной подготовкой и строго
научными пріемами. Подготовка и пріемы г. Кондакова не оставляютъ желать
ничего лучшаго; онъ — ученикъ Ф. И. Буслаева, для котораго искусство, по са-
мому роду его высокополезныхъ трудовъ — замѣчательной, для нашего времени,
феноменальной широтѣ его ученаго кругозора, никогда не было специаль-
ностью a parte, а одною изъ сторонъ національной и міровой жизни; подъ его ру-
ководствомъ г. Кондаковъ выступилъ въ первый разъ съ специальными рабо-
тами въ изданіяхъ безвременно погибшаго Общества любителей древнехристіан-
скаго искусства. Магистерская диссертација г. Кондакова ¹⁾ показываетъ, что
онъ долго и усердно занимался искусствомъ греческимъ, которое все еще
остается и падолго (если не навсегда) останется лучшей школой для всякаго
хорошаго археолога и историка искусства. Его появившаяся 10 лѣтъ назадъ

¹⁾ Памятникъ Гарпії изъ Малой Азіи и символика греческаго искусства.
Одесса. 1873.

«Исторія византійського мистецтва і іконографії по мініатюрамъ греческихъ рукописей» (Одеса, 1876 г.) цитується, якъ однѣ изъ лучшихъ ізслѣдованій въ этой темной, по важной области, учеными всѣхъ странъ и языковъ, не исключая и иѣмцевъ, которые, какъ извѣстно, только въ очень рѣдкихъ и, можно сказать, крайнихъ случаяхъ признаютъ сербѣзное значеніе за трудомъ славянскаго ученаго. Его позднѣйшія статьи и монографіи¹⁾ представляютъ болѣе или менѣе важные, но всегда несомнѣнно цѣнныя вклады въ науку христіанской и особенно византійской археологии.

Изученіемъ древностей столицы Византійской имперіи г. Кондаковъ занимался и прежде, во время своихъ неоднократныхъ поездокъ въ Константинополь, а въ 1884 году, передъ послѣднимъ археологическимъ стѣздомъ, онъ предпринялъ для этой цѣли специальную туда экскурсію въ сотовариществѣ съ извѣстными знатоками византійской исторіи В. Г. Васильевскимъ и Ф. И. Успенскимъ, причемъ ему помогали фотографъ, рисовальщикъ и одинъ изъ лучшихъ нашихъ акварелистовъ г. Вилье.

Изъ предисловія г. Кондакова къ его монографіи мы узнаемъ, что «общую задачею членовъ экскурсіи было постановлено: ограничившись исключительно мѣстностью Стамбула²⁾, въ предѣлахъ стѣнь приморскихъ и сухопутныхъ древней Византіи, обозрѣть на этомъ пространствѣ всѣ главнѣйшия памятники древности, снять точные и характерные снимки съ нихъ и, сведя впослѣдствіи данная топографическая, историческая и художественная, основать на непосредственномъ наблюденіи археологію древней Византіи». Г. Кондаковъ исходитъ изъ убѣжденія, что столица Византіи есть самый удачный пунктъ «для точнаго изученія христіанскаго Востока. Съ одной стороны, ея относительная недавность, свѣжестъ всѣхъ воспоминаній и преданій; съ другой totъ самый рѣзкій перерывъ, который совершился въ ея исторіи съ турецкимъ завоеваніемъ; слабое давленіе преходящаго, лишь порывисто насильственнаго характера, которое было оказано на эту могучую прошлую культуру турками; ничтожность перемѣнъ, ими исполненныхъ въ самой жизни столицы,—все это способствуетъ плодотворности изысканій. Столица Византіи не была разрушена; она даже не представляется, при подробномъ обозрѣніи, разореною, она какъ бы только запустѣла. Это запустѣніе нѣкогда живаго и могущественного центра цивилизаціи помогаетъ розыскамъ: новая культура кажется въ немъ чуждымъ наростомъ, легко удаляемымъ».

Иными словами, Византія подъ навозомъ и щебнемъ турецкимъ сохранилась почти также хорошо, какъ Помпея подъ лавою; только надо снять этотъ щебень умѣючи. Если такое положеніе не подходитъ ко многимъ частнымъ случаямъ, въ общемъ съ г. Кондаковымъ согласится всякий, кто хоть самимъ бѣглымъ образомъ ознакомился съ этимъ чуднымъ городомъ. Турки какъ будто сами знаютъ, что не въ свое мѣсто зашли, и не устроиваются прочно, а только бивуаками; стоитъ вычистить послѣ ихъ отшествія 400-лѣтній навозъ, кое-что реставрировать, и городъ Константина снова засяяетъ

¹⁾ «Мініатюры греческої псалтыри IX вѣка» (Москва, 1878 г.), «Мозаики мечети Кахріе-Джамиси» (Одесса, 1881 г.), «Sculptures de la porte de Sainte-Sabine» (Revue archéologique) и мн. др.

²⁾ Какъ извѣстно, нынѣшній Константинополь состоять изъ 3-хъ частей: 2-хъ христіанскихъ (Галата и Пера), которыхъ лежать на лѣвомъ берегу Золотаго Рога, и одной турецкой (Стамбула), на правой его сторонѣ (если стоять лицомъ къ Босфору); эта-то часть и была древнимъ городомъ и столицей.

въ своей оригинальной красѣ и величіи. Бѣда только въ томъ, что сама греческая Византія не представляетъ одной культуры, какъ Помпея или катакомбы, а цѣлый рядъ слоевъ, хронологическое разстояніе которыхъ очень велико и которые отдѣляются другъ отъ друга далеко не такъ рѣзко, какъ въ христіанскомъ Римѣ.

Опредѣливъ свою задачу, авторъ въ краткомъ предисловіи бросаетъ общій взглядъ на исторію христіанской археологии и опредѣляетъ значеніе византійского искусства и древностей для археологии русской и западно-европейской.

Все изслѣдованіе г. Кондакова раздѣлено на 5 главъ. 1-я и самая обширная (отъ 1 стр. до 84) озаглавлена «Исторія константинопольскихъ церквей»; въ ней авторъ говоритъ сперва объ элементахъ восточно-христіанской архитектуры, какъ они проявляли себя до константинопольскихъ построекъ; о церквяхъ Византіи до Юстиніана; съ стр. 38 о работахъ, исполненныхъ при Юстиніанѣ и послѣ него; съ стр. 61 о храмахъ и монастыряхъ, построенныхъ при Македонской династіи и до взятія Константинополя. 2-я глава: «Топографія церквей Константинополя» (84—104), посвящена главнымъ образомъ обслѣдованію источниковъ и пособій, служащихъ для изученія христіанского Константинополя, между прочимъ, одного плана XVII в., доселѣ неизвѣстнаго, скопированаго, по мнѣнію автора, съ итальянской карты XVI столѣтія. 3-я глава (104—155) посвящена св. Софії, памятникамъ Константинополя на берегу Мраморного моря, Студійскому монастырю и колоннѣ Аркадія. 4-я (до стр. 197) говоритъ о сухопутныхъ стѣнахъ Константинополя, о Золотыхъ воротахъ и о монастырѣ Хора (мечеть Каире-Джамії). 5-я о Текfurъ-Сераѣ, или такъ называемомъ дворцѣ Гебдомона, о дворцѣ Влахернскомъ, о церквяхъ по берегу Золотаго Рога и специально о церкви Богородицы Таммакаристы, о монастырѣ Пантепонтѣ, о Пантократорѣ, о церквяхъ внутри Константинополя и о памятникахъ скульптуры и мозаики въ музей и патріархатѣ.

Излагать подробно содержаніе каждой главы, говорить, къ какимъ новымъ результатамъ пришелъ г. Кондаковъ сравнительно съ своими предшественниками, съ какими изъ его выводовъ можно безусловно согласиться и какие нуждаются въ подтвержденіи новыми данными, въ предѣлахъ краткой журнальной рецензіи—неумѣстно. Мы только ограничимся нѣсколькими общими замѣчаніями и указаніемъ на взаимное отношеніе и, такъ сказать, на сравнительную цѣнность главъ. Помимо того, что г. Кондаковъ тщательно пересмотрѣлъ почти все, описанное его нерусскими предшественниками, а также и кое-что, ими не видѣнное, помимо того, что для сужденія надъ всѣмъ этимъ онъ имѣлъ въ своихъ прежнихъ работахъ и въ сравненіи чужихъ наблюдений такой критерій, какого не имѣлъ никто до него, въ его распоряженіи находился чрезвычайно важный матеріалъ, рѣшительно никому изъ прежнихъ изслѣдователей недоступный: это—сказанія русскихъ паломниковъ и прежде всего Антонія Новгородца, и этимъ богатымъ матеріаломъ авторъ воспользовался какъ нельзя добросовѣстнѣе и искуснѣе. Если въ заголовкахъ отдельныхъ частей своей работы онъ называетъ, правда, важнѣйшіе, но далеко не всѣ важные памятники Константинополя, изъ этого никакъ нельзя выводить заключеніе, что его книга касается только вышеупомянутыхъ монументальныхъ фактovъ: онъ говоритъ, и не всегда ми-
моходомъ, и о многихъ другихъ постройкахъ и топографическихъ пунктахъ

старого Константинополя, только не съ такою подробностью. Книгу его никакъ нельзя поставить на одну доску съ описаниями, хотя бы и высокочленными; онъ, какъ и самъ говорить въ заключеніи, археологію считаетъ центромъ «тѣхъ отрывочныхъ занятій, которыхъ именуются нынѣ исторіею культуры», и согласно съ этимъ его книга есть живая, но вмѣстѣ съ тѣмъ осторожно исполненная попытка собрать матеріаль и предложить рядъ обобщеній, основанныхъ на непреложныхъ фактахъ, для внутренней исторіи Византии. Нѣтъ сомнѣнія, поэтому, что его книга будетъ столько же полезна и поучительна для археологовъ, сколько и для историковъ.

Въ этомъ отношеніи важнѣе и содержательнѣе всѣхъ остальныхъ 1-я глава, которая подъ скромнымъ именемъ исторіи константинопольскихъ церквей, даетъ на самомъ дѣлѣ исторію внутренняго роста, развитія и паденія Византии за все многовѣковое ея существованіе; какъ факты такъ называемой политической исторіи освѣщаютъ исторію константинопольскихъ построекъ, такъ, съ другой стороны, эти постройки даютъ буквально каменную твердость заключеніямъ о характерныхъ чертахъ византійской исторіи. Въ этой же главѣ есть одинъ очень цѣнныи, хотя во многомъ вызывающій на возраженія, экскурсъ—о кульѣ и раннихъ иконахъ Богородицы. Говоря о св. Софії (гл. 3), авторъ, повидимому, чувствуетъ себя подавленнымъ громадностью матеріала и мѣстами бываетъ слишкомъ кратокъ изъ понятнаго страха, что эта часть, если она дастъ себѣ свободу, разрастется въ обширную монографію. Въ гл. 4 для тѣхъ, кто не знакомъ съ его статьей о мозаикахъ мечети Каирѣ-Джамиси, будетъ особенно интересна 2-я половина; къ напечатанному прежде авторъ прибавилъ теперь описание фресокъ того же храма и нѣсколько весьма интересныхъ соображеній о нихъ и по поводу ихъ¹⁾.

Да не удивляются и да не негодуютъ читатели, что за книгу въ 250 стр. in 4° назначено 10 рублей: въ ней находится 50 таблицъ, замѣчательно чисто и красиво сдѣланыхъ фото-гравюрой въ заведеніи Шерера и Набгольца въ Москвѣ, да и вообще по вѣнчайшей красотѣ немногія русскія изданія могутъ сравниться съ книгой г. Кондакова. А обѣ недоступности ея цѣны не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ многочисленные участники VI археологическаго съѣзда получать ее даромъ въ «Трудахъ съѣзда».

А. К.

¹⁾ Мимоходомъ замѣчу, что надпись въ купольномъ мозаичномъ изображеніи Введенія во храмъ въ этой мечети, по моему мнѣнію, не «указываетъ на символический смыслъ сцены» (стр. 187, ср. табл. 38) и относится не къ Введенію, а къ питанію Богородицы ангеломъ: въ текстѣ апокрифа прямо говорится, «что она получала это питаніе въ Святая Святыхъ». Такжѣ не могу согласиться съ объясненіемъ табл. 31 (стр. 189): явленіе ангела не имѣетъ связи съ путешествіемъ Йосифа и Маріи въ Биелеемъ, и ни одинъ текстъ не говоритъ о томъ, чтобы Соломея провожала Марію въ городъ: по всѣмъ преданіямъ Соломея приходить послѣ рожденія Христа. Въ двухъ женщинахъ, разговаривающихъ у города, скорѣй всего надо видѣть Марію и Елизавету, тѣмъ болѣе, что въ оригиналѣ и на фотографіи Зебаха (№ 1) у обѣихъ фигуръ довольно ясно видѣнъ вимѣнь.

Женская гимназія М. Н. Стоюніної, въ 1885—1886 учебномъ году. Спб. 1886.

Не смотря на то, что наши женскія гимназіи уже успѣли отпраздновать 25-тилѣтіе своего существованія, онѣ не привели женскаго образованія ни къ какому опредѣленно-выработанному плану и даже не опредѣлили съ достаточнотою ясностью того запаса свѣдѣній, который можетъ быть воспринимаемъ женскимъ организмомъ безъ всякаго ущерба его развитію. Намъ случалось нерѣдко встрѣтить молодыхъ дѣвушекъ, закончившихъ образование въ нашихъ столичныхъ и провинціальныхъ гимназіяхъ, и въ результатѣ подробнѣхъ разспросовъ о пройденномъ ими курсѣ намъ приходилось убѣждаться въ томъ, что по одной и той же программѣ одна гимназія давала гораздо болѣе свѣдѣній, чѣмъ другая, и притомъ даже въ одной и той же гимназіи ученицы приобрѣтали гораздо болѣе свѣдѣній по одному предмету, нежели по всѣмъ остальнымъ. Кроме такой неравномѣрности, замѣчалось еще другое общее всѣмъ гимназіямъ явленіе: слишкомъ казенное отношеніе преподавателей къ ученицамъ, на основаніи котораго каждый учитель, не сообразуясь ни съ силами, ни съ возрастомъ воспитанницы, ни съ числомъ ежедневныхъ уроковъ, задавалъ такъ много работы ученицамъ для приготовленія дома, что бѣдныя гимназистки, просидѣвшія все утро въ классахъ, вынуждены бывали и весь вечеръ до 11—12 часовъ проводить за приготовленіемъ уроковъ. Сверхъ всего этого, наши женскія гимназіи, по общему отзыву людей, близко ихъ наблюдавшихъ, далеко уступали институтамъ въ одной изъ весьма важныхъ сторонъ школьнной жизни: женскія гимназіи обучали, но не воспитывали молодыхъ дѣвушекъ, которая нерѣдко впродолженіе гимназическаго курса гораздо болѣе разобщались со своею семьею, нежели дѣвушки, воспитанныя въ институтѣ, и потому вѣроятно лѣтъ сряду не видашивши родительского дома.

Всѣ эти мысли о женскомъ гимназическомъ воспитаніи пришли намъ въ голову, когда намъ попался въ руки отчетъ «Стоюнинской женской гимназіи» за истекшій годъ. Отчетъ поразилъ насъ полнымъ отсутствіемъ казенщины и совершенно ясно выраженнымъ желаніемъ восполнить пробѣлы, исправить недостатки, которые такъ рѣзко бросаются въ глаза въ нашихъ женскихъ гимназіяхъ. Пріятно читать о тѣхъ заботахъ, которыхъ постоянно прилагались и прилагаются г-жей Стоюниной къ тому, чтобы сдѣлать свою гимназію не только учебнымъ, но и воспитательнымъ заведеніемъ, въ самомъ лучшемъ, въ самомъ высокомъ значеніи этого слова. Ребенокъ, поступающій въ гимназію г-жи Стоюниной, разсматривается не какъ субъектъ, удовлетворяющій извѣстнымъ требованіямъ программы и потому поступающей въ извѣстный классъ, а какъ организмъ, подлежащий тонкому наблюденію и внимательному анализу. Съ этимъ организмомъ знакомятся во всѣхъ подробнѣстяхъ, изучаютъ его достоинства и недостатки, и на сколько помогаютъ развитію первыхъ, на столько же заботятся объ устраниеніи послѣднихъ. Такое уравновѣщеніе достигается съ одной стороны одинаково заботливымъ отношеніемъ и къ умственной, и къ физической природѣ дѣтей, съ другой тѣмъ, что въ гимназіи г-жи Стоюниной принято за правило: давать дѣтямъ именно такой запасъ свѣдѣній, какой бывають въ состояніи переварить дѣти средняго уровня способностей. Болѣе всего обращается вниманіе на развитіе воли учащихся, на самостоятельность ихъ работы и на стро-

гую постепенность ихъ развитія умственнаго, въ связи съ развитиемъ физическимъ. Гимназія Стоюниной не спѣшить учить, не забрасываетъ массой свѣдѣній, не вызываетъ ни къ какимъ чрезвычайнымъ трудамъ и усилиямъ, но за то пріучаетъ ученицу въ данную, опредѣленную минуту затрачивать на пріобрѣтаемый ею запасъ свѣдѣній весь запасъ своихъ наличныхъ умственныхъ и физическихъ силъ. Пріучая къ равномѣрности и постоянству труда, гимназія г-жи Стоюниной даетъ ученицамъ полную возможность $\frac{2}{3}$ работы, потребной для приготовленія уроковъ, сдѣлать въ классѣ, и только $\frac{1}{3}$ относя къ внѣкласснымъ вечернимъ занятіямъ.

Важною отличительною стороною гимназіи г-жи Стоюниной является и постоянная поддержка сношеній съ семеиною средою ученицы. За ученицею зорко слѣдятъ во время ея пребыванія въ стѣнахъ гимназіи, но ее не оставляютъ безъ наблюдений, безъ поддержки и помощи, и при ея домашнихъ занятіяхъ, вызывая родителей къ участію въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, возбуждая ихъ самодѣятельность и направляя ее къ достижению опредѣленныхъ цѣлей.

Физическая сторона воспитанія въ гимназіи г-жи Стоюниной обставлена превосходно. Наблюденіе за разумными гимнастическими упражненіями и развивающими играми предоставлено извѣстному специалисту, профессору П. Ф. Лесгафту, который не только направляетъ всѣ упражненія къ опредѣленной цѣли, но еще и слѣдитъ за результатами физического роста и развитія дѣтей при помощи женщины-врача. Въ концѣ каждого года онъ представляетъ педагогическому совѣту гимназіи любопытнѣшіе отчеты, по которымъ можно наглядно слѣдить за поступательнымъ ходомъ физического развитія каждой ученицы.

Не вдаваясь въ подробности, приводимыя отчетомъ по преподаванію каждого отдельнаго предмета, отмѣтимъ только ту общую основу, на которой держится преподаваніе въ Стоюнинской гимназіи: «Учащіе главнымъ образомъ заботятся о развитіи самодѣятельности, а потому всѣ учебные предметы тѣсно соединяются одною цѣлью—развивать логическое мышеніе и приводить все пріобрѣтаемое усиліемъ ума къ общимъ понятіямъ».

При такомъ серьезнѣмъ отношеніи къ дѣлу обученія и воспитанія, конечно, ничто не дѣлается для виду, на показъ, для пополненія количества предметовъ и т. д. Такъ, напримѣръ, давая полный просторъ преподаванію изящныхъ искусствъ наравнѣ съ научными предметами, гимназія не ввела въ свою программу обученія рукодѣльямъ, «и не потому, чтобы считала это бесполезнымъ, излишнимъ и ненужнымъ». Гимназія даже совѣтуетъ родителямъ не упускать изъ виду и этихъ занятій, но не находитъ возможности преподавать «все, что бываетъ полезно и нужно для жизни». Нужно же чтонибудь и семьѣ предоставить!

Отмѣтимъ еще одну любопытную особенность гимназіи г-жи Стоюниной—разумное отношеніе къ экзаменамъ. Для испытанія свѣдѣній ученицъ имъ не дается особаго времени на приготовленіе; но за то отъ нихъ не требуется «ничего заученаго, и довольствуются тѣмъ, что онѣ умѣютъ и что помнятъ, устранивъ при этомъ всякие баллы и отмѣтки».

Соображая все, что въ нашемъ бѣгломъ очеркѣ мы успѣли извлечь изъ подробнаго и въ высшей степени любопытнаго отчета гимназіи г-жи Стоюниной, зная о дѣятельности этой почтенной воспитательницы не только по отчету, но и по отзывамъ многихъ родителей, мы полагаемъ что г-жа Стоюнина

стоить на очень вѣрномъ пути и прямо идеть къ осуществленію того но-
ваго типа женскихъ гимназій, который одинъ только и можетъ быть же-
лательнымъ. Пожелаемъ для г-жи Стоюниной силъ и энергіи въ выполненіи
ея трудной задачи.

II. II.

**Воронежскій край въ санитарномъ отношеніи. Изслѣдованіе
Л. В. Вейнберга. Воронежъ. 1886.**

Это новое изслѣдованіе извѣстнаго знатока Воронежскаго края, г. Вейн-
берга, знакомить насъ какъ съ исторіей санитарно-полицейскихъ мѣръ, при-
нимавшихся правительствомъ по отношенію къ нашимъ провинціальнымъ
захолустьямъ, такъ равно и съ ходомъ и развитиемъ нѣкоторыхъ эпидемі-
ческихъ и заразныхъ болѣзней, въ родѣ холеры, сифилиса и т. п. Подъ ру-
ками у автора были богатые материалы, касающіеся этихъ вопросовъ, и онъ
прекрасно воспользовался ими, нарисовавъ широкую историческую картину
санитарного состоянія края, начиная съ XVII и по XIX ст. Въ виду осо-
баго интереса, какой представляеть это изслѣдованіе почтеннаго автора, мы
позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на немъ и приведемъ изъ него нѣ-
которыя любопытныя данныя.

Въ прежнее время, по словамъ г. Вейнберга, Воронежскій край имѣлъ
климатъ здоровый, мягкий, такъ какъ вѣсна, наряду со степнымъ простран-
ствомъ, поросшимъ густой и высокой травой, стояли огромные лѣса, погло-
щавшіе всю излишнюю углекислоту. Но въ концѣ XVI столѣтія князь Во-
ротынскій, присланный сюда для «береженія государевой україны», приду-
малъ для болѣе успѣшной борьбы съ южными хищниками-татарами грандіоз-
ный и, нужно сознаться въ этомъ, довольно-таки варварскій планъ: выжечь
всю траву въ степи отъ Данкова и Путивля до самыхъ «Ахматовыхъ улусовъ». Жечь поле опредѣлено осенью, по заморозкамъ, когда на полѣ трава сильно по-
сихнетъ, снѣговъ не дожидаясь, а дождавшись ведреной и сухой поры, чтобы
вѣтеръ былъ отъ государевыхъ украинскихъ городовъ на польскую (степ-
ную) сторону; не зажигать вблизи украинскихъ городовъ, вблизи лѣсовъ и
лѣсныхъ засѣкъ и всякихъ крѣпостей, которыхъ надѣланы «отъ приходу воин-
скихъ людей». Станцы для зажженія степи должны были выѣзжать изъ
городовъ: Мещера, Данкова, Дѣдилова, Крапивны, Новосиля, Мценска, Орла,
Рыльска и Путивля; пожаръ, слѣдовательно, долженъ былъ охватить про-
странство степи отъ верховыхъ Вороны до Днѣпра и Дона!. Вслѣдствіе
этого, начались пожары, не поддающіеся описанію, истребившіе, разумѣется,
не только одну траву, но и всѣ лѣса, всякую растительность, какая только
встрѣчалась на указанномъ пространствѣ. Съ этихъ поръ для всего юга
Россіи лѣса стали легендой, а между тѣмъ ногаи и крымцы и послѣ этого
все попрежнему дѣлали набѣги на русскія границы, такъ что безразсудное
сожженіе степей и лѣсовъ, произведеніе Воротынскимъ, не принесло никак-
кихъ положительныхъ результатовъ... Истребленіе лѣсовъ въ вѣшинемъ краѣ
довершено было въ концѣ XVII столѣтія русскими колонистами, пришед-
шими сюда для поселенія, и, наконецъ, постройкой флота на воронежскихъ
верфяхъ, при Петрѣ Великомъ. Прямымъ результатомъ всего этого была
рѣзкая перемѣна климата къ худшему.

О народномъ здравіи въ провинції въ прежнее время мало заботились.

Первые санитарные мѣропріятія въ Воронежскомъ краѣ относятся только ко времени Петра Великаго. Именно, въ 1709 году, былъ изданъ первый указъ о содержаніи въ чистотѣ городскихъ улицъ и о связѣ съ нихъ всякихъ нечистотъ за городъ, для чего назначены были особые санитарные блюстители, называвшіеся «десантниками». Приблизительно около этого же времени появляются въ Воронежѣ первые врачи, сначала военные, «полковые лѣкаря», а затѣмъ и вольнопрактикующіе. Первые полковые врачи, какъ и слѣдовало ожидать, были всѣ изъ иноземцевъ, преимущественно жиды и нѣмцы; но наряду съ ними, на первыхъ же порахъ, являются и русскіе врачи, какъ это видно изъ одного рецепта 1704 г., подъ которымъ значится подпись полковаго лѣкаря Данила Лебедева.

Разсматривая развитіе разныхъ болѣзней въ краѣ, авторъ говорить о сифилисѣ, между прочимъ, что онъ занесенъ первыми переселенцами — черкасами (въ XVII столѣтіи), которые вмѣстѣ съ болѣзнью привезли съ собой и лѣкарства противъ нея — ртуть и сассапорель, употреблявшіяся ими издавна. Такимъ образомъ честь первого открытия лечения сифилиса ртутью оспаривается у ученаго барона Свитена нашими хохлами... То же самое нужно сказать и объ осморгиваніи, которое, какъ оказывается, было извѣстно южно-русскимъ крестьянамъ съ незапамятныхъ временъ, хотя и практиковалось у нихъ въ нѣсколько иной формѣ, чѣмъ это принято было потомъ наукой...

Вообще, новая книга г. Вейнберга заключаетъ въ себѣ массу данныхъ, интересныхъ не только для однихъ специалистовъ, но и для всякаго образованаго читателя. Издана она весьма оправданно. Въ приложении помѣщены пояснительныя статистическія таблицы и сводъ метеорологическихъ данныхъ, относящихся къ Воронежскому краю.

Н. Д.—скій.

Исторический очеркъ столѣтняго существованія Дома Призрѣнія ближняго въ Ярославлѣ. Составилъ А. Скульскій по докумен-тамъ, собраннымъ и разработаннымъ В. И. Лѣствицкымъ. Яро-славль. 1886.

Этотъ очеркъ, занимающій собою 108 страницъ, обязанъ своимъ появлѣніемъ столѣтнему юбилею благотворительного заведенія, исполнившемуся 21-го апрѣля текущаго года. Книга издана на средства члена совѣта Дома Призрѣнія г. Черногорова. Появлѣніемъ этого очерка пополненъ пробѣль въ исторіи благотворительныхъ учрежденій въ Россіи, потому что о Домѣ Призрѣнія ближняго имѣлись довольно скучныя данные. Они заключаются въ брошюрѣ объ этомъ домѣ, изданной въ 1817 г. (второе изданіе съ дополненіями вышло въ 1823 г.) и въ воспоминаніяхъ бывшаго воспитанника этого заведенія, Д. Ф. Назарова, напечатанныхъ въ «Русскомъ Вѣстнике» (июнь, 1882 г.). Сверхъ того, въ «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1880 года напечатаны воспоминанія также ученика этого дома, А. Т. Бѣляева, проходившаго въ немъ гимназический курсъ въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ.

Домъ Призрѣнія ближняго въ Ярославлѣ обязанъ своимъ существованіемъ Алексѣю Петровичу Мельгунову. Назначенный, 20-го февраля 1777 г., генераль-губернаторомъ ярославскимъ и вологодскимъ, онъ принялъ за

организацію управління въ ввѣреныхъ ему губерніяхъ, согласно новому закону объ ихъ учрежденії, а съ тѣмъ вмѣстѣ стать заботиться объ учрежденії школъ, благотворительныхъ заведеній и проч. Неудовлетворительность призрѣнія неимущихъ, сиротъ, больныхъ и старцевъ, въ существовавшихъ тогда богадѣллныхъ домахъ, въ которыхъ принятые въ нихъ пользовались только помѣщеніемъ, а пищу и одежду должны были добывать сами прошеніемъ милости, — была побудительною причиною къ основанію Дома Призрѣнія ближняго.

На заглавномъ листкѣ этой книги, какъ упомянуто выше, сказали, что она составлена г. Скульскимъ по документамъ, собраннымъ и разработаннымъ г. Лѣствицкимъ. Вадимъ Ивановичъ Лѣствицкыят приналежить къ числу извѣстныхъ нашихъ археологовъ и историковъ, добросовѣстныхъ изслѣдователей бывшихъ судебъ «Ярославскаго края», а потому нельзя не удивиться, что, собравъ и разобравъ исторические документы, онъ не составилъ самъ исторического очерка Дома Призрѣнія ближняго, такъ какъ г. Скульскій извѣстенъ въ литературѣ только какъ плохой передлагатель пѣсни о полку Игоря. Мы можемъ только догадываться, что, по какимъ нибудь причинамъ, г. Лѣствицкыят устранился отъ чести быть авторомъ этой книги. Дѣйствительно эта книга преобладаетъ такими промахами, которые, при непосредственномъ редактированіи ея В. И. Лѣствицкимъ, были бы, безъ сомнѣнія, устраниены. Напримеръ, на 3-й страницѣ г. Скульскій пишетъ, что во всей «Ярославской губерніи состояло только двадцать двѣ богадѣльни». Въ этой богатой и по тогдашнему времени промышленной губерніи, заключавшей въ себѣ 12 уѣздныхъ городовъ, богадѣлент было гораздо болѣе, именно двадцать два подобныхъ заведенія находились только въ одномъ Ярославлѣ, а не во всей губерніи. На 4-й страницѣ г. Скульскій пишетъ, что жили въ этихъ богадѣльняхъ отставные солдаты и солдатки, посадские и крестьяне, какъ экономические, такъ и крѣпостные, а также вольноотпущеные отъ помѣщиковъ. Очевидно, г. Скульскій, составлявшій по документамъ, собраннымъ и разработаннымъ г. Лѣствицкимъ, поверхности изучилъ ихъ, потому что крѣпостныхъ вовсе не принимали въ богадѣльни: они оставались всегда на попеченіи помѣщиковъ, а принимались только вольноотпущеные. На 8-й страницѣ г. Скульскій упоминаетъ, что Мельгуновъ, приступая къ осуществленію своихъ предположеній относительно Дома Призрѣнія ближняго, «не задавался вопросами о томъ, на какія же средства будетъ содержаться задуманное учрежденіе. Первymi вкладчиками на задуманное доброе дѣло были лица преимущественно дворянскаго и частію купеческаго сословія, всего 132 человѣка. Въ числѣ ихъ встрѣчаются фамиліи почти всѣхъ дворянъ Ярославской губерніи, начиная съ князей Урусовыхъ, Вадбольскихъ, Волконскихъ, графовъ Салтыковыхъ и Мусинъ-Пушкиныхъ. Изъ купеческихъ же фамилій встрѣчаются: Затрапезновъ, Сорокинъ, Сторожевъ, Березинъ, Кропинъ, Пятеркинъ, Мауриновъ и друг. Наиболѣе же щедрымъ жертвователемъ оказался ярославскій купецъ, кожевенный заводчикъ Иванъ Яковлевичъ Кучумовъ. Онъ даль на это дѣло 3,000 р., а именно 2,000 р. лично отъ себя, а 1,000 р. отъ имени своихъ наследниковъ». Въ данномъ случаѣ г. Скульскій представилъ Мельгунова какимъ-то младенцемъ, что будто бы не имѣлось въ виду никакихъ средствъ при учрежденіи означенного Дома Призрѣнія; если бы онъ прочиталъ внимательно документы, разработанные г. Лѣствицкимъ, то увидалъ бы, что средства для содержанія благотво-

рительного дома были уже тогда. Такъ, напримѣръ, отъ семейства Мельгунова поступило 3,859 руб., отъ купца Кучумова 3,600 р.. отъ разныхъ разночинцевъ и за проданные излишніе матеріалы 1,076 руб., процентовъ съ капитала Кучумова 1,199 р. 95 коп. и еще малыхъ пожертвованій около 13 руб., а всего 9,739 р. 95 коп. Это и былъ первоначальный капиталъ на устройство дома и, какъ оказывается, дворяне вовсе не были первоначальными жертвователями, чтѣ въ особенности старается доказать въ своей книгѣ г. Скульский, вопреки архивнымъ и историческимъ документамъ, собраннымъ г. Лѣствицкимъ. Сверхъ того, и въ тѣ времена у дворянъ наличныхъ денегъ всегда бывало мало. Они распоряжались собственно деньгами, пожертвованными купцами, и хотя дляувѣковѣченія своего имени повѣсили на стѣнахъ залы въ Домѣ Призрѣнія свои портреты (см. стр. 107), но списка своихъ пожертвованій не обозначили. Если бы г. Скульский по тѣмъ же документамъ, собраннымъ и разработаннымъ г. Лѣствицкимъ, привелъ именной списокъ пожертвованій дворянъ, то эти жертвы оказались бы слишкомъ ничтожными, которое обстоятельство г. Скульский на-шель болѣе для себя удобнымъ обойдти молчаніемъ.

Какъ Мельгуновъ, такъ и послѣдующіе ярославскіе губернаторы стремились сдѣлать изъ этого дома домъ призрѣнія дворянъ; крестьянъ не принимали, а мѣщанскимъ дѣтьямъ давали несрдное имъ дворянское образование, чѣмъ и наносили имъ положительный вредъ. Впрочемъ, число мѣщанскихъ дѣтей въ Домѣ Призрѣнія ближняго было крайне ограниченное. Купцамъ предлагали дѣлать пожертвованія на это учрежденіе, какъ исключительно на богадѣльню, и, не смотря на то, что они были и остаются главными жертвователями, г. Скульский предоставляетъ въ своей книгѣ починъ въ этомъ дѣлѣ исключительно дворянамъ. Вообще, просматривая исторію этого Дома Призрѣнія, можно убѣдиться, что дворяне временъ Екатерины II желали сдѣлать изъ этого учрежденія что-то въ родѣ московскаго воспитательного дома для своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей. Многіе губернаторы занимались перестройкою самого зданія, и часто безъ всякой надобности, по одному личному усмотрѣнію. Напримѣръ, губернаторъ Полторацкій приказалъ дѣлать пристройку за свой счетъ, а когда она была окончена, то распорядился «оформовать»¹⁾ и заплатить изъ суммы сиротскаго дома. Дворяне не протестовали противъ постройки, а напротивъ много содѣйствовали тому всѣми способами. Главная мысль дворянъ заключалась въ томъ, чтобы сдѣлать большую залу для дворянскихъ собраній, баловъ и любительскихъ спектаклей. Всѣ эти постройки дѣлались безъ всякаго примѣненія къ педагогическимъ цѣлямъ. Одинъ изъ губернаторовъ двадцатыхъ годовъ (г. Беззубцовъ) нашелъ, что эта зала даже мала, и на средства сиротскаго дома расширилъ ее, употребивъ на то 26,000 руб.

По поводу книги г. Скульского мы вспомнили объ одномъ разговорѣ, происходившемъ когда-то между однимъ губернаторомъ, предводителемъ дворянства и однимъ историкомъ. Послѣднему поручено было составить исторію одного благотворительного учрежденія. Когда было приступлено къ этой литературной работѣ, то предводитель выразилъ автору желаніе, чтобы значеніе дворянства въ этомъ дѣлѣ было «освѣщено въ надлежащемъ свѣтѣ».

¹⁾ Такъ значится въ подлинномъ дѣлѣ.

Но когда историкъ отвѣтилъ, что «будеть сдѣлано на основаніи документовъ», то вполнѣ обработанный его трудъ не былъ напечатанъ, а вмѣсто него была составлена записка, не имѣющая никакого исторического значенія.

П. У.

Изъ исторіи христіанской проповѣди въ IV вѣкѣ. Представители догматико-полемического типа проповѣди въ IV вѣкѣ на Востокѣ.

Проф. Н. Барсова. Харьковъ. 1886.

Настоящее сочиненіе проф. Барсова представляетъ собою продолженіе большаго его труда: «Исторія первобытной христіанской проповѣди», о кото-ромъ уже говорилось раньше на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Въ четвертомъ вѣкѣ г. Барсовъ указываетъ три типа христіанской проповѣди: нравственно-аскетической, догматико-полемической и ораторско-практической. Пока онъ останавливается па представителяхъ втораго типа, т. е. догматико-полемического, предувѣдомляя читателя, что имѣть въ виду «не специальное изученіе дѣятельности каждого изъ проповѣдниковъ, которое потребовало бы ряда монографій, а лишь такое, которое могло бы, при совершенномъ отсутствіи въ нашей литературѣ исторіи проповѣди IV вѣка, ориентировать читателя въ этой малоизвѣстной у насъ доселѣ области». Сообразно такой цѣли, изложеніе г. Барсова очень кратко и сжато, даже, можно сказать, слишкомъ сжато, такъ что производить впечатлѣніе неполноты. Вмѣстѣ съ тѣмъ мало замѣтно пропорціональности: напр., Евсевію Кесарійскому отведено очень много мѣста (изъ 82 страницъ 28). Правда, что въ этомъ случаѣ у автора были особыя причины; онъ указываетъ, что проповѣди Евсевія до сихъ поръ не были предметомъ надлежащаго изслѣдованія: «Слава Евсевія, какъ великаго богослова, полемиста, апологета, экзегета, историка, затмила въ глазахъ его времени его дѣятельность проповѣдническую. Очень можетъ быть, что самъ проповѣдникъ на эту дѣятельность удѣлялъ мало времени, сосредоточиваясь на своихъ ученыхъ занятіяхъ. Но есть нашей (т. е. г. Барсова) точки зреянія, по своей содержательности, по силѣ одушевленія предметомъ рѣчи и живости изложенія, всѣ онъ вполнѣ достойны его имени и въ ряду проповѣдей IV вѣка, столь изобиловавшаго великими церковными учителями, должны быть поставлены далеко не на послѣднемъ мѣстѣ». Соглашаясь вполнѣ съ этими доводами автора, нельзя, однако, не замѣтить, что слѣдовало бы все же удѣлить больше мѣста очерку проповѣднической дѣятельности св. Афанасія Великаго, этого гениальнаго «отца православія». Кроме этихъ двухъ проповѣдниковъ, г. Барсовъ говоритъ объ Евсевіи Эдесскомъ, Евстафіи и Мелетіи Антіохійскихъ, Титѣ Бестрійскомъ, Маркѣ Діадохѣ, Іаковѣ Низибійскомъ, Кириллѣ Іерусалимскомъ и Геласію Кесарійскомъ. При каждомъ проповѣднике дается довольно полное обзорѣніе существующей о немъ литературы, указываются изданія проповѣдей, обращается особенное вниманіе на рѣшеніе вопросовъ о подлинности тѣхъ или другихъ сочиненій, вообще бібліографическая указанія весьма обширныя и точныя, за что нельзя не поблагодарить автора.

А. В.

Анекдоты и черты изъ жизни графа Милорадовича. Съ портретомъ графа и рисункомъ, изображающимъ его смерть. Составилъ Гр. Г. М—чъ. Спб. 1886. Изд. Верезовскаго.

Сподвижникъ и любимецъ Суворова и Кутузова, герой итальянского, швейцарского и нѣсколькихъ турецкихъ походовъ, всего же болѣе отечественной войны 1812 года, графъ Милорадовичъ, трагически окончившій на сенатской площади свою доблестную жизнь 14-го декабря 1825 года рѣдкимъ подвигомъ самоотверженія, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ русскихъ генераловъ. Другъ солдата, дѣлившій съ нимъ опасности, голодъ, непогоды, являвшися въ бою всегда первымъ на конѣ и слѣзавшій съ него послѣднимъ; въ неудачахъ всегда веселый болѣе обыкновенаго: юморомъ своимъ и шутками заставлявшій всѣхъ хохотать въ самыя роковые минуты, когда смерть вырывала жертвы изъ фронта; имѣвшій особый даръ говорить съ солдатами и увлекать ихъ за собою своимъ безстрашемъ на самые отчаянныя подвиги и въ то же время заботившійся о солдатахъ, какъ о родныхъ дѣтихъ и вообще во всемъ и всегда защитникъ всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ,—таковыми рисуется графъ Михаилъ Андреевичъ въ разсказахъ о немъ его современниковъ, сослуживцевъ и подчиненныхъ.

Получивъ прекрасное домашнее образованіе, онъ пополнилъ его курсами двухъ германскихъ университетовъ, владѣль французскимъ и нѣмецкимъ языками, какъ своимъ роднымъ и, заключивъ ученіе свое военными науками, юношей вступилъ въ ряды суворовской арміи. Въ такой школѣ дарованія его быстро выдвинули его впередъ и онъ навсегда остался послѣдователемъ тактики великаго полководца, внеся въ нее свою собственную, личную оригинальность. Деньги были ему ни почемъ, тратилъ онъ ихъ всегда больше, чѣмъ имѣлъ, кругомъ былъ въ долгахъ, а о роскошныхъ балахъ и пирахъ его долго сохранялась память. Суворовъ называлъ его своимъ сыномъ роднымъ, Кутузовъ своимъ Баярдомъ, императоръ Александръ I, душевно любя его, нѣсколько разъ платилъ за него долги и назначилъ, въ знакъ особой къ нему милости, состоящимъ при своей особѣ, императоръ Николай называлъ его своимъ другомъ. Всю жизнь остававшійся холостымъ, Михаилъ Андреевичъ былъ усерднымъ поклонникомъ прекраснаго пола и въ послѣдніе годы, состоя с.-петербургскимъ генераль-губернаторомъ, въ особенности пристрастился къ театру и его женскому персоналу. Въ роковой день 14-го декабря, не предвидя ничего мрачнаго, завтракалъ онъ у хорошенъкой актрисы Телешовой и былъ отсюда вызванъ извѣстiemъ о появлѣніи на сенатской площади бунтующихъ полковъ гвардіи.

И такое крупное историческое лицо не имѣть еще пока вполнѣ обработанной біографії, а потому нельзѧ не быть признательнымъ составителю книги съ вышеизначеннымъ заглавиемъ. Она читается легко и полна интереса. Составленная въ память столѣтнаго юбилея графа М. А. Милорадовича 1-го октября 1871 года, она начинается очеркомъ жизни графа, а потомъ идутъ въ хронологическомъ порядке анекдоты и черты изъ нея. Материалъ этотъ собранъ изъ множества сочиненій и мемуаровъ лицъ, знавшихъ лично графа или записывавшихъ со словъ ихъ.

К. А. В.

Карманное политico-статистическое землеописаніе Российской имперіи для всѣхъ. Составлено Александромъ Романовскимъ, въ двухъ частяхъ. Издание второе, исправленное и дополненное.
Полтава. 1886.

Хотя въ заглавіи и сказано, что книга г. Романовского исправлена при второмъ изданіи, однако въ ней почти на каждой страницѣ встречаются непозволительные промахи для сочинителя географическихъ и статистическихъ справочныхъ руководствъ. Такъ для автора (см. стр. 62) не существуетъ морского канала въ Петербургѣ, своего рода капитального произведения ума и труда человѣка, потому что онъ не совсѣмъ грамотно пишетъ, что въ торговомъ отношеніи для Петербурга «нѣсколько неудобно въ водяномъ сообщеніи, по мелководью восточного угла Финскаго залива, но и оно устраиваетъ частію углубленіемъ фарватера и чрезъ открытие желѣзной дороги до Оранienбаума». Въ Ярославль (стр. 93) онъ упоминаетъ о нахожденіи въ немъ Аѳанасьевскаго третьяго класса мужскаго монастыря и умалчиваетъ вовсе о гораздо важнѣйшемъ тамошнемъ монастырѣ Спасскомъ, о которомъ упоминается уже въ лѣтописяхъ въ началѣ XIII вѣка, а равно о знаменитомъ Успенскомъ соборѣ, постройкѣ XVII столѣтія. По словамъ г. Романовского, село Плещеево, Ярославскаго уѣзда, замѣчательно находящееся тамъ лучшую писчебумажную фабрикою въ Россіи (см. стр. 93), но, къ сожалѣнію, тамъ никакой подобной фабрики донынѣ не существуетъ и не существовало. При описаніи Рыбинска (стр. 94) ни слова не сказано о рыбинско-бологоўской дорогѣ, о ея замѣчательной товарной станціи на берегу Волги, о гавани въ этомъ городѣ. Авторъ, говоря о Ростовѣ (Ярославской губерніи), ни словомъ (стр. 97) не упомянулъ о нахожденіи въ немъ замѣчательного своими постройками древняго его кремля, о существованіи въ этомъ городѣ музея Бѣлой палаты, въ которомъ собраны уже богатыя коллекціи археологическая, церковная, историческая, бытовая. Описывая Нижній Новгородъ, г. Романовский говоритъ, что ярмарка въ немъ начинается (стр. 131) 25 іюля, между тѣмъ какъ слѣдовало сказать—15-го іюля. По его словамъ, на ярмарку привозится всего товаровъ на 104.207,000 рублей, тогда какъ обороты Нижегородской ярмарки нынѣ доходятъ до 800.000,000 рублей. Г. Романовский называетъ находящійся въ Нижнемъ Новгородѣ Крестовоздвиженскій женскій монастырь «древнимъ» (стр. 132), тогда какъ онъ основанъ послѣ 1812 года. Онъ сообщаетъ объ учрежденіи пароходства между Нижнимъ Новгородомъ и Пермью и не упоминаетъ о пароходныхъ рейсахъ по Волгѣ, вверхъ и внизъ по Окѣ и т. д. По мнѣнію г. Романовского, въ городѣ Балахнѣ (стр. 132) донынѣ находятся соляные варницы, когда онѣ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ прекратили свое существование.

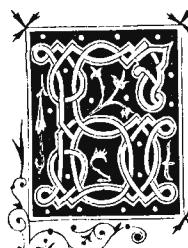
Приведенныхъ нами неточностей, пропусковъ, примѣровъ крайняго незнанія, которыми мы могли бы еще болѣе испесстить нашъ отзывъ, кажется, достаточно для доказательства, что книга г. Романовского не слѣдовало бы появляться въ свѣтѣ не только «вторымъ», но даже и «первымъ» изданіемъ

II. У.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКИЯ НОВОСТИ.

Двѣ книги о Болгарії.—Россія при солнечномъ свѣтѣ.—Фридрихъ II по его сочиненіямъ и письмамъ.—Фридрихъ-Вильгельмъ II въ панегирикѣ и въ дѣйствительности.—Бронзовый вѣкъ въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ.—Исторія Венециі.—Ежегодникъ государственного человѣка.—Англійскій историкъ-юмористъ.—Сапожникъ-миссіонеръ.—Два сочиненія о Бразилії.—Мемуары герцога Бороли и историческая легенды.—Англія въ Египтѣ.—Разрушающаяся имперія.

БОЛГАРСКІЙ вопросъ перенесенъ уже со страницъ ежедневныхъ газетъ въ брошюры и книги. Прежде другихъ имъ занялись иѣмцы, принимающіе такое дѣятельное, хотя негласное, участіе во всѣхъ интригахъ, доводящихъ въ настоящее время до полной анархіи страну, созданную Россіею и въ которой друзья наши стараются въ конецъ истребить не только русское влияніе, но даже благодарность къ Россіи. Книги относятся, конечно, къ прошлогодней войнѣ болгаръ съ сербами, а не къ вынѣшней съ генераломъ Каульбарсомъ. Спиридонъ Гопцевичъ написалъ: «Болгарія и Восточная Румелія, съ особеннымъ обозрѣніемъ времени отъ 1878 по 1886 годъ и съ военною оцѣнкою сербско-болгарской войны» (Bulgarien und Ostrumelien mit besonderer Berücksichtigung des Zeitraums von 1878 bis 1886, nebst militärischer Würdigung des serbisch-bulgarischen Krieges). Другая книга написана А. фон-Гуномъ и называется: «Борьба болгаръ за ихъ национальное объединеніе. Политико-военная исторія болгарско-румелийскихъ событий въ 1885 году» (Der Kampf der Bulgaren um ihre nazional-Einheit. Politisch-militärische Geschichte der bulgarisch-rumelischen Ereignisse im Jahre 1885). Оба сочиненія выдаются серьезностью изложениія, но, по точкѣ зрѣнія и взглядамъ авторовъ, составляютъ совершенную противоположность одно другому. Черногорецъ Гопцевичъ, приверженецъ славянства, стоитъ за его интересы и потому противникъ Баттенберга, слишкомъ много места отводить своимъ личнымъ возврѣніямъ и раз-

нымъ политическимъ планамъ и соображеніямъ, не всегда отвѣщающимъ дѣйствительности. Гунь гораздо сдержаннѣе и ограничивается фактическимъ изложеніемъ событий, но толкуетъ ихъ въ пользу изгнанного князя, какъ приверженецъ его политики. Онъ не выдаетъ себя за рѣшителя судебъ балканскихъ народовъ, какъ Гопцевичъ, не говорить по слухамъ о томъ, въ чёмъ самъ не увѣренъ, и вообще держится на реальной почвѣ, не пускаясь въ фантастическая соображенія. Но, съ другой стороны, онъ слишкомъ слѣпо повторяетъ сужденія «*Kölnische Zeitung*», органа германского канцлера, далеко не симпатизирующего славянамъ. Сопоставляя, однако, его недружелюбные отзывы о болгaraхъ съ восторженными сужденіями Гопцевича, можно получить изъ обѣихъ книгъ вѣрное понятіе объ извѣстныхъ фактахъ, беря средніе выводы и не давая безусловной вѣры ни тому, ни другому автору. Собственно сербско-болгарской войнѣ Гопцевичъ отводить въ своей книжѣ болѣе шестисотъ страницъ а Гунь довольствуется, и совершенно основательно, половиною этого числа.

— Марій Вашонъ описываетъ «Россію при солнечномъ свѣтѣ» (*La Russie au soleil*), — Россію не въ ея политической или общественной жизни, а по отношенію къ искусству, такъ какъ авторъ книги — художникъ. Въ такомъ же родѣ Теофиль Готье издалъ въ пятидесятыхъ годахъ книгу о русскихъ музеяхъ, картинахъ галереяхъ, частныхъ и правительственныхъ художественныхъ коллекціяхъ. Вашонъ говоритъ, конечно, и о русской жизни, о нашихъ нравахъ и обычаяхъ, касается даже нѣкоторыхъ соціальныхъ вопросовъ, но главный предметъ его, всетаки, — искусство. Онъ былъ въ Россіи лѣтомъ и представляеть ее въ блескѣ ея короткаго, но почти вездѣ привлекательного сезона, среди ея живописной, мѣстами роскошной природы. Книга написана живымъ, увлекательнымъ языкомъ.

— Мы говорили уже въ прошлой книжкѣ «Исторического Вѣстника» о книжѣ профессора Целлера, вышедшей къ столѣтней годовщинѣ смерти Фридриха II. Теперь объ этомъ королѣ вышло еще другое двутомное сочиненіе анонимнаго автора: «Фридрихъ Великій. Достопримѣчательности его жизни по его сочиненіямъ, перепискѣ и отзывахъ его современниковъ» (*Friedrich der Grosse. Denkwürdigkeiten seines Lebens nach seinen Schriften, seinem Briefwechsel und Berichten seiner Zeitgenossen*). Авторъ не пытается передать исторію Фридриха по своимъ собственнымъ изысканіямъ, а разсказываетъ факты его жизни на основаніи подлинныхъ документовъ. Весь трудъ автора, весьма почтенный и добросовѣстный, состоить въ извлечениіи изъ этихъ документовъ, составляющихъ цѣлую библіотеку изъ однихъ писемъ и сочиненій короля. Всѣ биографические факты, приводимые авторомъ, расположены въ хронологическомъ порядкѣ и разсказаны собственными словами Фридриха и его современниковъ. Въ обоихъ томахъ книги болѣе тысячи страницъ, чтѣ неудивительно, въ виду того, что автору приходилось дѣлать извлечениія изъ 8,274 депешъ короля и 4,469 его писемъ. Къ этому еще надо присоединить обзоръ сочиненій короля и всего замѣчательнаго, что говорили о немъ современники при его жизни и послѣ его смерти. Эта книга, конечно, не исторія, въ строгомъ смыслѣ слова, но драгоценный материалъ для нея, разсказывающей жизнь Фридриха годъ за годомъ, почти часъ за часомъ, представляющій подробную и любопытную характеристику одного изъ величайшихъ дѣятелей второй половины прошлаго столѣтія.

— Совсѣмъ другого рода бiографія написана Павломъ Касселемъ, также

по поводу столетней годовщины восшествия на престолъ Фридриха-Вильгельма II (Friedrich-Wilhelm II. Eine hundertj ährige politische und kirchliche Erinnerung). Это—чистая апология короля, которого, по словамъ автора, «оклеветали фарисеи и французы». Не знаемъ, къ тѣмъ или другимъ относитъ Кассель строгаго, но честнаго Шлоссера, высказавшаго всю правду объ этомъ двуличномъ и бессердечномъ монархѣ. Даже и умѣренный Пирсонъ, какъ пруссакъ, составлявшій исторію для прусскихъ школъ, дѣлаетъ о королѣ вовсе не снисходительный отзывъ. Поэтому Кассель напрасно старается представить героемъ человѣка, котораго Леопольдъ Ранке называетъ «сумасброднымъ и распутнымъ фанатикомъ». Невоздержную жизнь короля Кассель объясняетъ тѣмъ, что въ то время, въ придворныхъ кружкахъ, существовали три такъ называемыя «коллегіи»: одна — любителей по-поекъ и курильщиковъ, къ которой принадлежали всѣ военные и придворные; другая — философы, нюхавшихъ табакъ, большою частью, французовъ; третья — любителей женщинъ, въ которую принимались и дамы нестрогаго поведенія. Хотя король принималъ участіе во всѣхъ трехъ коллегіяхъ, но принесъ этимъ, по словамъ Касселя, гораздо меньше вреда странѣ, чѣмъ Фридрихъ II своей дружбой съ Вольтеромъ. Слабости короля, конечно, не приносили большого вреда странѣ, но нельзя сказать того же о его строгостяхъ, къ которымъ относится его указъ о строгомъ соблюденіи религіозныхъ предписаній, отличавшійся фанатическою нетерпимостью и стѣснявшей свободу совѣсти. Указъ былъ изданъ «для обузданія распущенности нравовъ», которой не чуждъ былъ и самъ король. Напрасно также авторъ восхваляетъ походъ Фридриха-Вильгельма II во Францію, веденный неумѣло, нерѣшительно. Прусская армія, принужденная оставить Францію въ 1792 году, хотя и вернулась въ нее въ 1793 году, но была выгнана Гошемъ изъ Альзаса. Всего любопытнѣе въ этой книгѣ сравненіе короля съ его великимъ предшественникомъ. Какъ Фридрихъ II, Фридрихъ-Вильгельмъ любилъ музыку и хорошо игралъ на віолончели; на прогулку онъ любилъ выходить съ собаками и охотно читаль французскія книги. Вотъ и всѣ пункты сходства двухъ королей! Не смотря, однако, на то, что исторія эта болѣе походитъ на проповѣдь и на панегирикъ, въ ней встрѣчаются любопытныя черты нравовъ той эпохи и помѣщено вѣ сколько документовъ, не встрѣчающихся въ другихъ, особенно официальныхъ, сборникахъ, какъ, напримѣръ, знаменитый *Religionsedict*.

Доисторическая эпоха бронзового вѣка при переходѣ его въ желѣзный всего лучше характеризуется такъ называемымъ «Галльштадтскимъ кладбищемъ», описаннымъ нынче А. Б. Мейеромъ въ книгѣ «Das Gräberfeld von Hallstadt, anlässlich eines Besuches daselbst». Соляные копи маленькаго городка Галльштадта обрабатывались еще кельтами въ 1 вѣкѣ по Р. Х. Но въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ той же мѣстности, возвышающейся на тысячу футовъ надъ поверхностью моря, открыто громадное кладбище, въ которомъ найдена самая богатая коллекція бронзовыхъ касокъ, мечей, поясовъ, копій, застежекъ, иголъ и т. п. Всѣ эти вещи, хранящіяся преимущественно въ музеѣ Вѣны и Линца, такой изящной работы, что эпоху ихъ выдѣлки археологи назвали «галльштадтскимъ періодомъ». Вещи, принадлежащія этому періоду, встрѣчаются въ раскопкахъ отъ Италии до Скандинавіи; немногія выдѣлывались въ Италии, но главный складъ ихъ былъ въ Галльштадтѣ, гдѣ найдено также много издѣлій изъ янтаря, здѣсь же обдѣлывавшаго съ береговъ Нѣмецкаго моря. Первое

описаніє этихъ любопытныхъ предметовъ сдѣлалъ еще въ 1867 году директоръ вѣнскаго кабинета древностей Сакенъ, но съ тѣхъ поръ раскопки, далеко еще не конченныя, дали еще много вещей, взятыхъ изъ могиль Галльштадта, которыхъ тутъ было до трехъ тысячъ. Мейеръ описываетъ подробно самыя замѣчательныя изъ этихъ вещей, отличающіяся положительно художественной отдѣлкой, доказывающей, что и въ отдаленныхъ отъ нась времена, не оставившія слѣдовъ въ исторіи, культура людей бронзового вѣка находилась на значительной высотѣ развитія.

— Еще въ 1880 году вышла въ Туринѣ «Исторія Венеції въ ея частной жизни» (*Storia di Venezia nella vita privata*), за которую авторъ ея Мальменти получилъ премію въ 3,000 франковъ отъ реальнаго венеціанскаго института наукъ и искусствъ. Не смотря на это, итальянское сочиненіе осталось мало извѣстно не только публикѣ, но и специалистамъ, по причинѣ его сухости и тяжелаго языка. Теперь его перевѣлъ на нѣмецкій языкъ и обработалъ Бернарди подъ названіемъ: «Венеціане. Исторія и частная жизнь. Отъ основанія до паденія республики» (*Die Venezianer. Geschichte und Privatleben. Von dem Gründung bis zum Verfall der Republik*). Исторія Венеції вообще еще мало разработана. Сочиненіе Дарю устарѣло; въ книгѣ Романини слаба древняя исторія Венеції; то же можно сказать и о нѣмецкой исторіи Гфрѣрера. Причина неудовлетворительности всѣхъ исторій Венеції та, что о первыхъ временахъ республики слишкомъ мало материаловъ, а о послѣдующихъ—слишкомъ много. Леопольдъ Ранке написалъ блистательную исторію Венеції въ XV, XVI и XVII столѣтіи, но сознается, что первыя столѣтія и XVIII требуютъ солидной обработки: первыя по бѣдности, а послѣднее по богатству материаловъ, и что онъ не можетъ приняться за этотъ трудъ. Сочиненіе Мальменти можно отнести къ исторіи культуры, или, скорѣе, къ исторіи венеціанскаго общества. Факты, относящіеся къ виѣшней исторіи и государственному устройству,—у автора на второмъ плавѣ. Книга Мальменти переведена и на французскій языкъ.

— Сравнительная статистика современаго историческаго положенія государствъ образованнаго свѣта подробнѣе всего изложена въ сборникѣ, выходящемъ въ Лондонѣ уже 23-й годъ: «Ежегодникъ государственного человѣка» (*The Statesman's year-book. Statistical and historical annual of the states of the civilize world for the year 1866*). Еще Гёте сказалъ: «Говорять, что цифры управляютъ міромъ: во всякомъ случаѣ несопрѣимо, что цифры показываютъ, какъ міръ управляетъ». И цифры эти, привѣренныя по официальнымъ источникамъ, очень краснорѣчивы въ англійскомъ ежегодникѣ, особенно, если ихъ сопоставить между собою по разнымъ государствамъ цивилизованныаго міра. Подробные указатели по всѣмъ странамъ и обширная бібліографія еще болѣе увеличиваютъ значеніе сборника, отличающагося полнотою, отчетливостью и обиліемъ заключающихся въ немъ свѣдѣній.

— Извѣстный профессоръ новѣйшей исторіи Эдуардъ Фриманъ издалъ подъ названіемъ «Методы историческаго изученія» (*The methodes of historical study*) сборникъ своихъ лекцій въ Оксфордскомъ университетѣ. Историкъ этотъ отличается, между прочимъ, попыткою ввести въ методъ преподаванія исторіи юмористический взглядъ. Онъ любить также прибѣгать къ парадоксамъ, доказываетъ, что Карль Великій не былъ французомъ, что раздѣлять исторію на древнюю и новую—чистый абсурдъ и т. п. Но главная

его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ прекрасный популяризаторъ. Его «Очеркъ исторіи Европы», переведенный и на русскій языкъ г. Стратилатовымъ въ изданіи Суворина, вполнѣ характеризуетъ его методу. Но, по содѣржанію, выше этого сочиненія его «Исторія норманскаго завоеванія» и «Исторія федерального управлѣнія». Въ изданіи нынѣ томъ лучше всего главы о современныхъ средневѣковыхъ и классическихъ писателяхъ исторіи. Особенно хороши характеристики Пальгрева, Галлама, Огюстена Тьерри, Кембля, Тиураля, Грота, Финлея, Мильмана, Курціуса, Момзена. Изъ средневѣковыхъ историковъ мастерски обрисованы Сидоній Аполинарій и Григорій Турскій. Но въ главѣ о трудностяхъ изученія исторіи Фриманъ вдругъ называетъ исторію — сказкою, разсказываемою для забавы, и утверждаетъ, что самые неоспоримые историческіе факты подвержены сомнѣнію. И, все-таки, несмотря на всѣ парадоксы, книга его читается съ большими интересомъ.

— У англичанъ есть сапожникъ и міссионеръ Вильямъ Корей, жизнь которого описалъ Джорджъ Смітъ въ книгѣ: «The life of William Corey, shoemaker and missioner». Этотъ сапожникъ, хотя послѣдователь ученія баптистовъ, былъ основателемъ религіозной общины въ Индіи, гдѣ его міссионерская дѣятельность имѣла большой успѣхъ, хотя и встрѣтила много препятствій, особенно въ началѣ его проповѣди, при управлѣніи Ост-індской компаніи, изъ политическихъ видовъ мѣшавшей распространенію христіанства. Дѣло доходило до того, что, начавъ свою проповѣдь въ Серампурѣ на Индѣ, Карей не разъ долженъ былъ переходить за рѣку Гугли, гдѣ начинались датскія владѣнія и куда міссионеры скрывались отъ преслѣдованія въ англійскихъ владѣніяхъ. Родившись въ 1761 году, въ семье бѣднаго ткача, Карей до 28 лѣтъ занимался сапожнымъ ремесломъ, когда почувствовалъ въ себѣ даръ проповѣдничества и, испытавъ свои силы на этомъ поприщѣ въ мѣстѣ своего рожденія, въ маленькой англійской деревушкѣ Мидленда, отправился въ Индію въ 1793 году. Первая семь лѣтъ онъ проповѣдовалъ въ обществѣ двухъ другихъ англійскихъ міссионеровъ; потомъ къ нимъ присоединилась первая женщина проповѣдница въ Индіи, Анна Маршманъ. Въ Серампурѣ учреждена была типографія для печатанія религіозныхъ брошюръ, и съ нею успѣхъ проповѣди значительно усилился. Однимъ изъ первыхъ прозелитовъ былъ индусъ Кришна Чандра, котораго міссионеры вылечили отъ тяжкой болѣзни. Приписавъ свое выздоровленіе вліянію нового ученія, индусъ не только крестился, но и самъ сдѣлался проповѣдникомъ христіанства. Въ 1818 году, въ Серампурѣ было уже огромное заведеніе, печатавшее словари, грамматики и переводы бібліі. Оно вскорѣ сгорѣло со всѣмъ своимъ богатымъ матеріаломъ, но Карей не упалъ духомъ и устроилъ новую типографію. Въ то же время онъ много содѣйствовалъ уничтоженію ужасныхъ обрядовъ индійской религіи: сутти (сожженіе вдовъ съ тѣломъ мужа) и дѣтубійства, а также гуманному обращенію съ прокаженными и леченію ихъ. Карей зналъ нѣсколько туземныхъ нарѣчій въ Бенгалѣ и былъ назначенъ профессоромъ санскритскаго языка въ Калькуттѣ. Онъ основалъ также въ Индіи общества садоводства и агрономическое и на ученомъ поприщѣ принесъ не менѣе пользы, чѣмъ на міссионерскомъ. Церкви, основанная имъ въ Индіи, считаетъ теперь, послѣ 90 лѣтъ своего существованія, 600 тысячъ новообразованныхъ христіанъ.

— Вышли двѣ замѣчательныя книги о Бразиліи, лучшія изъ всего, что

написано обь этой странѣ: «Изслѣдованія и странствованія по Бразиліи на протяженіи трехъ тысячъ миль» (Exploring and travelling three thousand miles throug Brazil by James Wells) и «Годъ въ Бразиліи съ замѣтками обь уничтоженіи рабства, о финансахъ имперіи и пр.» (A year in Brazil with notes on the abolition of slavery, the finances of the empire etc. by Hastings Charles Dent). Авторъ первой книги—англійскій инженеръ, отправившійся, по примѣру многихъ изъ своихъ соотечественниковъ, за океанъ искать наживы въ малоизвѣстныхъ странахъ. Онъ описываетъ свое путешествіе съ пѣдью изслѣдованія природныхъ богатствъ обширныхъ провинцій Бразильской имперіи: Багіа, Минас-Гераесъ, Гойаса и Мараньяо. Много нового и любопытнаго встрѣчалъ онъ на этомъ пути и разсказываетъ живо и увлекательно о своихъ похожденіяхъ среди картинъ великолѣпной, но дикой природы. Жизнь въ этихъ странахъ представляеть разительный контрастъ съ жизнью Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и открываетъ обширное поле для наблюдений и сравненій, чѣмъ и воспользовался авторъ. Провинції, изслѣдованныя имъ, не походять даже на лежащія на берегу океана и принадлежащія той же имперіи. Эмиграція во внутрення земли Бразиліи почти не существуетъ, и вліяніе европейской цивилизаціи въ нихъ совершенно ничтожно. Авторъ второй книги также инженеръ, проводившій желѣзную дорогу изъ Ріо-Жанейро въ провинцію Минас-Гераесъ. Онъ больше говоритъ о финансовомъ положеніи страны, источникахъ ея доходовъ, ея богатствахъ, администраціи и т. п. Большая часть книги занята официальными документами. Авторъ говоритъ также много о положеніи индійскихъ племенъ и считаетъ первобытныхъ дикарѣ выродившимися потомками исчезнувшей и постепенно падавшей цивилизації. Оба сочиненія даютъ ясное понятіе обь обширной имперіи, управляемой гуманнымъ и либеральнымъ монархомъ.

— Мы говорили уже о «Воспоминаніяхъ герцога Виктора де Бролья» (Souvenirs du duc Victor de Broglie). Теперь вышли еще два тома, въ которыхъ «Воспоминанія» доведены до революціи 1830 года. Въ нихъ авторъ является преимущественно политикомъ. Герцогъ былъ искреннимъ монархистомъ, но хотѣль, чтобы монархія была честно-конституціонная и парламентская, а этого-то качества и не имѣла реставрація. Эмигранты хотѣли, чтобы она существовала только для нихъ, духовенство не хотѣло признать свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, король хотѣль управлять самодержавно, министры не допускали контроля надъ своими дѣйствіями. Вотъ почему герцогъ Бролья былъ въ оппозиціи и при Людовикѣ XVIII, и при Карлѣ X. Уже при министерствѣ Мартинька конституція такъ часто нарушалась, что государственный переворотъ или революція были неизбѣжны. «Воспоминанія» касаются всѣхъ важныхъ политическихъ и общественныхъ фактовъ отъ 1820 до 1830 года. Палата депутатовъ, наполненная кандидатами правительства, вотировала всѣ реакціонныя мѣры, имъ предлагаемыя, и народъ принужденъ былъ, наконецъ, прогнать своихъ мнимыхъ представителей, какъ прогнали ихъ и позже, въ 1848 и 1870 году. И герцогъ Бролья былъ весь поглощенъ политическими перипетіями. Онъ мало говорить о литературѣ и искусствѣ той эпохи. Зять г-жи Сталь, онъ, однако, несимпатично отзывается о романтической школѣ, не упоминаетъ ни о Гюго, ни о Ламартинѣ, ни о Нодѣ, ни о Делакруа. Интереснѣйшая часть его «Воспоминаній» относится къ болѣе отдаленной эпохѣ—революціи 1789 года, о которой онъ тоже отзывается

далеко невосторженно, а, напротивъ, разоблачаетъ мнімые геройскіе подвиги революціонеровъ. Такъ, по слухаю смерти въ 1826 году Буасси д'Англа, Брольи относить къ легендамъ разсказъ о геройствѣ президента конвента 1-го преріала, когда взбунтовавшаяся чернь ворвалась въ залу засѣданія и, убивъ депутата Феро, поднесла голову его, воткнутую на пику, къ креслу президента, а Буасси д'Англа снялъ шляпу передъ головою своего товарища, рискуя раздѣлить его участіе. Подвигъ этотъ сохранила исторія, и Делакруа написалъ знаменитую картину, изображавшую сцену въ конвентѣ. Между тѣмъ Брольи увѣряетъ, что Буасси д'Англа и не думалъ спинать шляпы передъ головою Феро, а только отстранилъ ее съ отвращеніемъ, когда ее поднесли къ нему, и оставилъ президентское кресло, даже не закрывъ засѣданія. Оять вернулся потомъ съ отрядомъ войскъ, очистившихъ залу отъ толпы. Когда же въ бюро составляли отчетъ объ этомъ засѣданіи, оно вспомнило о Цезарѣ, съ почтеніемъ поклонившемся принесенной ему головѣ Помпея,—что также мало правдоподобно,—и приписало подобный же поступокъ президенту конвента. Буасси д'Англа, сдѣланный пэромъ при Людовикѣ XVIII, былъ, по словамъ Брольи, далеко не герой, а довольно пустой человѣкъ. Поступокъ его такая же выдумка, какъ слова духовника Людовика XVI, сказанныя королю на эшафотѣ: «Сынъ Людовика святого! иди на небо!» или фраза Камброна: «Гвардія умираетъ, а не сдается». Въ исторіи немало такихъ апокрифическихъ легендъ.

— Любопытная книга переведена съ арабскаго, подъ заглавіемъ: «Три пророка: Махди, Гордонъ, Араби» (*Les trois prophètes: Mahdi, Gordon, Arabi*). Авторъ ея Лонг-бей былъ офицеромъ египетской арміи, состояль одно время при Гордонѣ, когда тотъ былъ назначенъ губернаторомъ Судана, и хорошо зналъ Араби-пашу, когда онъ былъ еще полковникомъ и потомъ военнымъ министромъ. Значеніе этихъ лицъ и роль Махди рассматриваются авторомъ съ политической точки зрѣнія. Всѣ трое они послужили предлогомъ Англіи для утвержденія своего владычества въ Египтѣ, потому что никто не повѣрить тому, чтобы англичане когда нибудь вышли добровольно изъ страны фараоновъ, не смотря на формальныя обѣщанія Гладстона и двусмыслия увѣренія Салисбюри въ признаніи верховныхъ правъ султана. Если Европа не возвьмется за то, чтобы прогнать ихъ съ береговъ Нила, какъ Махди прогналъ ихъ изъ Судана, они будутъ продолжать высасывать послѣдніе соки несчастной страны и кончать тѣмъ,—какъ уже начинаютъ проговариваться,—что вовсе запрутъ, или уничтожатъ Сuezский каналъ, чтобы затруднить доступъ Европѣ въ Индію. Это будетъ, конечно, нарушеніемъ международного права, но развѣ англичане останавливаются передъ такимипустяками? Вѣдь бомбардировали же они Александрию вопреки всякой политики, логикѣ и гуманности. Переводчикъ книги Лонг-бэя приводить приложенные къ ней, въ оправдательныхъ документахъ, выписки изъ мемуаровъ Араби-паши, въ которыхъ этотъ передовой египтянинъ говоритъ прямо: «я былъ покинутъ и обманутъ всѣми». Это же можетъ повторить всякий, кто входилъ когда нибудь и въ какія нибудь сношенія съ англичанами.

— Еще одна часть средиземного африканского побережья скоро сдѣлается добычею цивилизованнаго народа. Французы, захвативъ Тунисъ, что-то очень много говорятъ и пишутъ о Марокко. Въ «*Revue des deux mondes*» Габріель Шарль помѣщаетъ обширное изслѣдованіе этой страны. Кастоне де Фоссь составилъ объ ней цѣлую книгу и надняхъ вышла объемистая

книга Людовика Кампу: «Разрушающаяся империя. Современный Марокко» (*Un empire qui s'effondre. Le Maroc contemporain*). Всё эти сочинения доказывают красноречиво, что Марокко гибнет окончательно и что для него нет другого спасения, какъ прибегнуть подъ покровительство Франции. Особенно печальную картину страны представляет книга Кампу. Между тѣмъ въ Марокко шесть миллионовъ жителей и пространство обработанной земли доходитъ до 60 миллионовъ гектаровъ, а торговля до 40 миллионовъ въ годъ, не говоря уже о нетронутыхъ еще богатствахъ страны—минеральныхъ и растительныхъ.

— Въ послѣдніе мѣсяцы появилось нѣсколько историческихъ новостей и въ польской литературѣ. Изъ нихъ можно указать на монографію гр. Людовика Дембіцкаго «Пулавы» (*Pulawy, 1762—1830, monografia z zycia towarzyskiego politycznego i literackiego, na podstawie archiwum ks. Czartoryskich w Krakowie. Lwow. 1887*). Это — попытка написать исторію-хронику знаменитой «фамилії» (какъ называли въ свое время Чарторыскихъ), пріуроченную къ ихъ родовому гнѣзду, въ которомъ одно время, послѣ паденія Варшавы и пѣна Костюшки, кипѣла жизнь, дѣлавшая Пулавы какъ бы умственнымъ центромъ края, только-что утратившаго политическую независимость. Не могли не найти здѣсь отголоска и политической злобы дня, въ духѣ незадолго до того покончившаго свою дѣятельность четырехлѣтняго сейма. Благодаря знатности «фамилії», незадолго до того давшей странѣ двухъ способныхъ личностей,—канцлера Михаила и воеводу Августа Чарторыскихъ,—благодаря ловкости, съ какою Чарторыскіе (близкіе родственники несчастнаго Станислава-Августа) умѣли избѣгать компрометирующихъ связей и удаляться со всякой скользкой почвы, резиденція тогдашняго исходящаго представителя фамилії, обыкновенно называемаго «генераломъ земель подольскихъ», могла оказывать вліяніе на современное, растерявшееся отъ ударовъ судьбы польское общество. Этому способствовала не столько личность самого «князя-генерала», не выдававшаяся ничѣмъ особыннымъ, сколько его жены Изабеллы, рожденной Флемингъ. Авторъ, не одаренный, повидимому, талантомъ историка, даль въ своей книжѣ нѣчто въ родѣ домашней хроники Пулавъ, на основаніи богатыхъ, впрочемъ, материалаовъ, какіе представлялъ ему фамильный архивъ Чарторыскихъ. Лучшую часть книги составляетъ характеристика того, какъ владѣльцы Пулавъ, являясь покровителями отечественной литературы, но не увлекаясь современными варшавскими ложноклассическими вкусами, старались наложить на умственные проявленія патріотической оттѣнокъ, собирали складъ документовъ, музей остатковъ прошлаго, старались служить примѣромъ «любви къ простому народу», короче, были типомъ просвѣщенныхъ аристократовъ, старавшихся приблизить простой народъ къ высшимъ классамъ, конечно, въ извѣстныхъ польскихъ граніцахъ. Въ сущности, это была та же декорація, только отчасти на новый ладъ. «Народъ» допускался на пансій дворъ даже и у старомодныхъ, неистовыхъ польскихъ магнатовъ, которые любили изображать изъ себя царьковъ (например, кн. Яблоновскій), окружали себя, кроме того, бѣдными дворянами-приживальщиками и т. п. Но «князь-генералъ» Чарторыскій извѣстенъ былъ за человѣка либерального для своего времени; безобразной дворни старыхъ вѣльможныхъ временъ у него, конечно, не было. Князя окружали представители тогдашняго литературного и художественнаго міра, а также молодежь, среди которой каждый торжественный случай, даже каждое раз-

влечење без труда пріобрѣтало патріотический колоритъ, тѣмъ болѣе въ такую эпоху, какъ наступившая послѣ послѣдняго раздѣла. Соответственno этому практиковалась и «любовь къ народу», если неособенно глубокая, то, всетаки, выходившая за прежнія кастовыя понятія. Для нашего времени эти проявленія народныхъ чувствъ были бы очень обыкновеннымъ дѣломъ: княгиня съ дочерью занимались обученіемъ крестьянскихъ дѣтей, подавали имъ лекарствами помошь въ болѣзняхъ, основывали школы, больницы, писали для сельского люда книжки; князь еще на сеймѣ поднялъ мысль о постепенной замѣнѣ барщинъ оброкомъ, учреждалъ въ пулавскихъ имѣніяхъ ссудныя кассы и т. п. Словомъ, Чарторыскіе въ ту печальную пору держались со своей обычною патріотическою ловкостью, увеличивали популярность своей фамиліи въ обездоленномъ краѣ, а тѣмъ временемъ ихъ юный отпрыскъ Адамъ сводилъ въ Петербургъ дружбу со старшимъ внукомъ русской императрицы. При тогдашихъ обстоятельствахъ, послѣ окончательного разгрома польскихъ областей, это именно былъ путь, указываемый благоразумною предусмотрительностью: дружить съ Россіей и въ то же время искать себѣ симпатій въ своемъ народѣ, допуская болѣе широкое съ нимъ общеніе, создавая въ то же время печально-торжественный культь прошлаго. Не даромъ же воспитанный въ такой школѣ, Адамъ Чарторыскій впослѣдствіи съумѣль кое-что сдѣлать для своей отчизны, хотя и на короткое время.

Если соотечественники владѣльцевъ Пулавъ и впадаютъ въ понятное преувеличеніе, называя Пулавы польскими Аейнами и Веймаромъ (по отношенію къ литературному меценатству), то несомнѣнно, что литературно-патріотическое направлениe Пулавъ успѣло пустить довольно прочные корни; здѣсь должно искать, напримѣръ, корня того виленскаго патріотического романтизма, который проявилъ себя въ двадцатыхъ годахъ, въ попечительство Адама Чарторыскаго, воспитанника (по духу) Пулавъ. Во всякомъ случаѣ, эта эпоха,—съ 1794 года до наполеоновскихъ войнъ,—одна изъ интереснейшихъ и самыхъ вліятельныхъ для будущаго эпохъ внутренней польской истории. Рассматриваемая книга—не первая уже попытка освѣтить упомянутое время съ извѣстной точки зрѣнія. Еще въ прошломъ году вышла брошюра на ту же тему подъ названиемъ «Княжеское гнѣздо» (*Ksiazece gniazdo*), впрочемъ, болѣе виѣшняго характера. Подобный культь прошлаго у поляковъ составляетъ даже хорошую ихъ черту, хотя имѣеть для исторіи свои неудобства. Подобная «Пулавамъ» архивная хроники грѣшатъ обыкновенно тѣмъ, что, наконецъ, быть можетъ, невольно, впадаютъ въ тонъ панегирика по отношенію къ героямъ фамильной монографіи, или, по крайней мѣрѣ, оставляютъ въ пробѣлѣ ихъ темная стороны. Такое свойство, какъ почти неизбѣжное, замѣчено и у русскихъ сочиненій аналогичнаго характера и заставляетъ пользоваться ими съ извѣстною осторожностью.

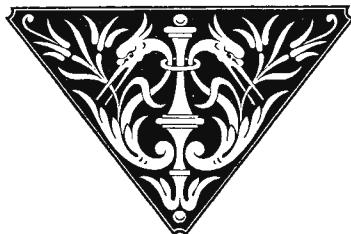
— Гораздо высшее мѣсто, по отношенію къ свойствамъ, требуемымъ отъ исторического сочиненія, занимаетъ трудъ ксендза Калинки «Четырехлѣтній сеймъ» (*Sejm czteroletni*), вторая часть второго тома котораго вышла истекшимъ лѣтомъ. Книга ксендза Калинки, при первоначальномъ своемъ появленіи, вызвала похвальные отзывы съ авторитетныхъ сторонъ, именно по отношенію къ тревости взгляда на описываемыя имъ роковыя для Польши событія. Новый томъ даже интереснѣе прежнихъ, посвященныхъ виѣшней политикѣ Польши предъ ея паденiemъ,—интереснѣе потому, что виѣшняя политика сейма и польского правительства, отношенія къ Польшѣ соѣдніхъ

державъ значительно уже исчерпаны и выяснены историками помимо польской литературы. Новый же томъ авторъ посвящаетъ внутреннему состоянию страны, прерывая разсказъ предъ самой конституціей 3-го мая 1791 года. Онъ говоритъ, между прочимъ, о печальномъ экономическомъ положеніи края, о дурной системѣ податей и неисправномъ поступлениі доходовъ, вслѣдствіе чего казна оскудѣвала. Авторъ разбираетъ шагъ за шагомъ дѣятельность сейма, не отступая, однако жъ, отъ обязанности историка и не впадая въ лѣтописный тонъ. Въ разборѣ церковныхъ дѣлъ видѣнъ ксендзъ, порицающій, напримѣръ, сеймовое постановленіе 1789 года обѣ отбораніи въ казну имѣній Краковскаго епископства, какъ мѣру чисто-революціонную, внушенную духомъ тогдашняго французскаго радикализма. Въ вопросѣ о наследственности престола сочувствіе автора обращено къ королевскому племяннику, Іосифу Понятовскому, кандидатурѣ котораго самъ король покровительствовалъ, но очень слабо и нерѣшительно. Быть можетъ, и основательно предположеніе, что успѣхъ этой домашней кандидатуры, при установлениі наследственности трона, составилъ бы вѣкоторый противовѣсь чужеземнымъ протекціямъ, но въ томъ и бѣда, что именно своихъ національныхъ избранниковъ (въ лицѣ Станислава-Августа) поляки не ставили въ грошъ и относительно ихъ личности никогда не могли достигнуть соглашенія. Этимъ объясняется окончательное торжество саксонской кандидатуры, несмотря на плачевые примѣры саксонско-польскихъ королей, хотя и этой кандидатурѣ осуществиться было немудрено.

Замѣтательна симпатія автора къ личности послѣдняго польского короля, котораго онъ рисуетъ съ извѣстною щадительностью. Добрая воля Станислава-Августа, конечно, не подлежитъ сомнѣнію, также, какъ, къ сожалѣнію, и его крайняя слабость въ государственномъ дѣлѣ. Что касается политической прозорливости короля, то авторъ старается возвысить, характеризуя (при общемъ обзорѣ тогдашней политической литературы) мнѣнія извѣстнаго въ то время въ литературѣ «Анонима», въ которомъ предполагаетъ особу примаса, королевскаго брата, а слѣдовательно, и взгляды «Анонима» считаются тождественными со взглядами короля. Этотъ «Анонимъ» проявлялъ кое-какія реформатскія стремленія, совѣтовалъ поддерживать добрыя отношенія съ Россіей, сократить, но улучшить войско, чтобы оно могло, по крайней мѣрѣ, поддерживать внутренній порядокъ, говорилъ обѣ улучшениіи состоянія крестьянъ; очевидно, что все это составляетъ слишкомъ шаткое основаніе для сужденія даже о личности неизвѣстнаго памфлетиста, а тѣмъ болѣе самого короля, характеристику котораго гораздо лучше составлять по историческимъ событиямъ. Но упомянутое стремленіе, кажется намъ, само по себѣ характерно, какъ указатель направленія современной польской исторіографіи, старающейся отыскать признаки жизненности во всѣхъ фазисахъ прошлой исторіи своей страны.

— Доказательствомъ этого служить и вышедшая въ первой половинѣ года книга Казимира Яроховскаго «Ізъ саксонскихъ временъ» (*Z czasow saskich spraw wewnetrznych polityki i wojny. Poznań. 1886.*). Это — сборникъ историческихъ этюдовъ, посвященныхъ эпохѣ, которую, по справедливому замѣчанію польскихъ рецензентовъ, должно считать даже болѣе мрачною, чѣмъ послѣдующіе годы фактическаго распаденія Польши, разоренія, какое пережила Польша при саксонской династіи, особенно въ продолжительное царствованіе Августа III. Страна, управляемая иностраннымъ

государемъ, который о ней очень мало заботился и даже по происхождению былъ ей вполнѣ чуждъ, привыкала къ иностранному влиянію въ дѣлахъ внутреннихъ и, радуясь внѣшнему спокойствію, не замѣчала возрастанія собственной слабости. Какъ видно, послѣднее проявленіе активной политики у Польши было при Августѣ II. Затѣмъ, войска съсѣднихъ государствъ, постепенно усилившихъся, имѣли въ страну свободный доступъ, благодаря, больше всего, упадку гражданского духа въ Польшѣ, который сказался и на измельчаніи ея войска. Это была эпоха мрачной, удушливой тишины, предшествующей бурѣ. И въ такую-то эпоху авторъ ухитряется искать хотя что нибудь свѣтлое, но это ему неособенно удается. Такъ, онъ пытается характеризовать въ лучшемъ, противъ обычнаго, свѣтѣ хояйничанье тогдашнихъ польскихъ воеводъ, представить иѣкоторый ростъ общественного мнѣнія (т. е. шляхты) подъ влияніемъ политическихъ событий и т. д. Хорошія исключенія могутъ быть въ самой печальной средѣ, но уже одного этого факта, какъ держали себя представители шляхты въ спорѣ за корону между Августомъ II и Станиславомъ Лещинскимъ, переходя то къ тому, то къ другому, достаточно, чтобы извѣриться въ нравственныхъ успѣхахъ тогдашней шляхты, а другаго общественнаго мнѣнія, кроме шляхетства, въ Польшѣ тогда еще не существовало. Все лучшее, что старалось достигнуть національного возрожденія въ эпоху раздѣла Польши, должно отнести скорѣе къ сохранившимъ остаткамъ прежнихъ, старопольскихъ временъ, случайно уцѣлѣвшимъ отъ нравственной гнили, непосредственно предшествовавшей паденію, т. е. саксонской эпохи. Станислава Лещинскаго, котораго иные выставляютъ какимъ-то національнымъ героемъ, авторъ цѣнить не высоко: по его мнѣнію, Лещинскій далеко не стоялъ на высотѣ своего положенія, хотя и могъ имѣть симпатичныя качества, какъ человѣкъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Дѣловыя и литературныя диковинки.

АНИМАЯСЬ уже иѣсколько лѣтъ собираниемъ историческихъ материаловъ въ обширной Пермской губерніи (о чёмъ см. «Исторический Вѣстникъ» за ноябрь 1884 года), я наталкивался подчасъ на такія дѣловыя и литературныя диковинки, которые если не имѣютъ серѣзного научнаго значенія, то крайне занимательны по своей оригинальности, тѣмъ болѣе, что авторами ихъ нерѣдко являются духовныя лица, коимъ, по ихъ званію и сану, со всѣмъ бы не приличествовало пробавляться разными глупостями. Такіе курьёзы ужъ не разъ встрѣчались въ моихъ поискахъ. Я не оставлялъ ихъ безъ вниманія, потому что они характеризуютъ среду, которая порождала ихъ виновниковъ. Да не подумаетъ читатель, что приводимыя ниже два прошенія частныхъ лицъ — простая забава какихъ нибудь шутниковъ, плодъ празднаго воображенія, пустая и глупая выдумка. Напротивъ, это — настоящіе дѣловые документы, поданные въ формѣ прошений въ надлежащія учрежденія, запеченные сими послѣдними въ книги входящихъ бумагъ за извѣстными №№ и формально рѣшенные подлежащими властями. Если мы просмотримъ дѣла рязанскаго поліцейскаго управлѣнія за сентябрь 1825 года и пермской духовной консисторіи за августъ 1850 года, то найдемъ въ нихъ и все производство дѣль по этимъ курьёзнымъ прошеніямъ¹⁾. Точные

¹⁾ Въ № 230-мъ казанской газеты «Волжский Вѣстникъ» (за 1885 г.), редактируемой мѣстнымъ профессоромъ Н. П. Загоскинымъ, помѣщено подобное же «села С..... попа Андреева слезно-рыдающее прошеніе», поданное въ N....скую провинциальную духовную консисторію. Этотъ раритетъ былъ найденъ въ одномъ архивѣ въ числѣ дѣловыхъ бумагъ. Къ сожалѣнію, лице, напечатавшее его, сочло нужнымъ скрыть время и мѣсто происшествія. А вт.

копіі съ этихъ «рѣдкостныхъ» прошений найдены мною въ бумагахъ покойнаго секретаря пермской духовной консисторіи, Ивана Архарова, ранѣе Перми служившаго въ Костромѣ, Полтавѣ, Архангельскѣ и Петербургѣ, гдѣ онъ, въ 1825 году, и началъ свою «дѣятельность» въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода. Копіі формально занумерованы, скрѣплены подпісомъ и пришиты къ другимъ дѣловымъ бумагамъ, оставшимся послѣ покойнаго, изъ коихъ нѣкоторыя собственоручно подписаны когда-то известными оберъ-прокурорами св. синода, Протасовымъ и Нечаевымъ. Въ достовѣрности копій, значить, нечего сомнѣваться. Читая эти дѣловыя диковинки, не знаешь, чemu удивляться большему: глупости ли самихъ просителей, или крайней синхронности къ людской «простотѣ» тѣхъ лицъ и учрежденій, коими принимались подобныя прошенія, вызывавшія, вдобавокъ, формальное производство дѣла.

Кромѣ двухъ «рѣдкостныхъ» прошений, я привожу, кстати, еще одну диковинку съ претензией на литературныя достоинства. Она найдена въ бумагахъ того же Архарова. Это—рѣчь, сказанная инспекторомъ N....ской семинаріи смотрителю N—скихъ духовныхъ училищъ, архимандриту Гавріилу, при назначеніи его членомъ N....ской духовной семинаріи. Всѣ эти фактическія данныя означены на старинномъ спискѣ рѣчи рукою самого Архарова, едва ли не бывшаго въ числѣ слушателей «всемудраго ритора». Еѣ сожалѣнію, ни мѣсто, ни время частнаго торжества не обозначено. По нѣкоторымъ даннымъ, можно только догадываться, что дѣло было въ Полтавѣ, гдѣ г. Архаровъ, какъ видно изъ формуляра, служилъ въ 1838—1840 гг. Вся рѣчь есть истинный «перлъ» старинаго бурсацкаго краснорѣчія. Обратимся же къ самому курьёзамъ.

Курьёзъ № 1-й.

«Въ рязанскую градскую полицію
отъ священника Степана Ioannova
«объявленіе и прошеніе.

«Царствовавшій во Израилѣ до воплощенія Спасителя міра Богоотецъ, пророкъ Давидъ, псалтырею своею 46 псалма, въ 5 стихѣ, глаголеть: «Рѣчная устремленія веселять градъ Божій!» Ибо и азъ, симъ восхищаюсь сладостію, изыдохъ изъ града на страну далече, въ поля дубравная, идѣже протекаетъ рѣка ягнѣ Ока, славянски глаголемая, на брезѣ коеи стояла корчевница, въ ню же, по незлобію моему, внидохъ и упихся до зѣла, и праклисіархи винныхъ паровъ внидоша до мозгу главы моей и начаша ударили во вся тяжкая. По довольномъ же колебаніи, прииде очима моима дреманіе и покой Краніама, и се видя видѣніе ужасное, яко носиму дыханію бурну окрестъ мягкаго ложа моего; обступиша бо мя врази мои и совлекоша съ меня одежды мои, и абіе трепетень быхъ, воспрянувъ,— и се о! велие чудо!! не обрѣтохъ на бренной плоти моей ни единныя одежды мои, ни певзней моихъ, нижѣ на новѣ сандаліевъ, въ ня же обувенъ быхъ.

«Сего ради градскую полицію прошу: да взыщеть вся, елика суть моя.
«Сентября 18 дня 1825 года.

«Къ сему объявленію многогрѣшный іерей Степанъ Ioannovъ руку приложилъ».

PS. Вверху объявленія помѣта: «Получено 19 сентября 1825 г.

«№ 241».

Курьёзъ № 2-й.

«Его высокопреосвященству, высокопреосвященнейшему Аркадию, архиепископу пермскому и верхотурскому и разныхъ орденовъ кавалеру¹⁾).

«Кончившаго курсъ семинаріи,
«Василія Максимова,
«покорнѣйшее прошеніе.

«Адамъ, преступивъ данную ему въ раю заповѣдь, лишился всѣхъ благъ, какими наслаждался въ невинномъ своемъ состояніи: я, пріобщившись та-
куму грѣху, который нѣкогда былъ поводомъ къ проклятию всего потом-
ства Хамова, сдѣлался недостойнъ вашихъ милостей,—тѣхъ милостей, какія полу-
чаютъ другіе, до конца подвизавшіеся подвигомъ добрымъ. Поэтому и мнѣ,
какъ прародителю, остается скрыться отъ лица вашего — уѣхать изъ
Перми и вѣвъ ея жить до тѣхъ поръ, пока вы, ваше высокопреосвященство,
не спросите: «Василіе! гдѣ еси?», и потомъ не прикроете священнаю оде-
ждою срамоты дѣлъ прежней моей жизни и не укажете мѣста, куда бы я по-
селился для возврѣтанія вертограда Христова.

«Оставаясь въ ожиданіи всего этого, я осмѣливаюсь думать, что вѣрнѣй-
шимъ залогомъ вашей будущей ко мнѣ благосклонности будетъ служить то,
что вы прикажете выдать мнѣ билетъ и отправиться въ домъ родителя или
брата, смотря по тому, у кого я найду себѣ пріютъ.

«Къ сему прошенію кончившій курсъ семинаріи Василій Максимовъ под-
писуюсь. 1850 года августа 4 дня».

PS. Вверху прошенія сдѣлана слѣдующая замѣтка: «№ 2,491. Революція
его преосвященства: «Прощеніе замѣчательное! Уволить».

Курьёзъ № 3-й.

«Ваше высокое преподобіе,
«почтеннѣйшій отецъ!

«Простосердечная поселянка, добрая мать, увидѣвъ нечаянно любимаго
сына своего, который взять бытъ на государственную военную службу, иду-
щимъ предъ полкомъ съ блестящимъ барабаномъ, не могла удержаться отъ
слезъ удовольствія и, въ жару восторга, поспѣшивъ къ роднымъ своимъ,
вѣщала имъ тако: «Радуйтесь, любезные, со мною! сынъ мой, котораго я
считала погибшимъ и отъ котораго себѣ ничего не обѣщала, слава Богу,
живъ и здоровъ: теперь идетъ предъ цѣлымъ полкомъ и несетъ предъ собою
золотую дѣвичку (sic). Стало быть, онъ въ полку — первый!».

«Не глазами простодушной поселянки взираемъ мы на успѣхи людей! Не
тщетно радуемся о приближенныхъ намъ! Не блестящій барабанъ занимаетъ
наше вниманіе и не суетно мы основывали нашу надежду на истинныя до-
стоинства!

«Ваше высокое преподобіе! Скоро чаемъ мы видѣть тебя въ нарочитомъ
сословіи людей, но не предъ полкомъ идущаго и не блестящимъ барабаномъ
по величественнымъ бедрамъ твоимъ препоясаннаго! Судьbamъ Вышняго

¹⁾ Преосвященный Аркадій служилъ въ Перми между 1831—1851 гг. Изъ
Перми онъ былъ переведенъ въ Олонецкую епархію.

Авт.

угодно было поставить тебя судить про людей, избавляти нища и убога отъ руки грѣшничи, быть защитникомъ сира и вдовицы и подавлять лукавство, силящееся помрачить свѣтъ истины. Скоро воездеши въ сонмищѣ старайшинъ коллегій! Знаменитое, но многотрудное поприще сіе! Тутъ встрѣтять тебя тѣмочисленныя заботы, которыя не дадуть очамъ твоимъ сна и вѣждома твоими дреманія. Встрѣтять также и ползающія у священныхъ ногъ твоихъ искушенія, простирая къ тебѣ золотыя свои руки. Чѣмъ укрѣпиши и оградишь себя?

«Молодая сельская дѣвица, въ вожделѣній день брака своего, въ сладостный вечеръ, въ рѣшительный часъ чести своей, сопровождаемая всѣми родными и пріятелями на ложе испытанія, обратясь къ заботящейся родительницѣ своей, въ слезахъ говорила: «Матенько-голубонько! Молися же Богу, щобъ я честною вышла, бо вже минѣ не дармо свердѣль снivsia!».

«Ваше высокое преподобие! На мѣстѣ испытанія и искушенія, которыя могутъ окружать тебя, одѣтъ усердныя и теплыя къ Богу молитвы потребны и дѣйствительны: сими, безъ сомнѣнія, вся противная и лукавая торжественно побѣдиши!

«Радуясь твоему возвышенню и усердно тебя съ онымъ поздравляя, жляемъ, да примѣрными оной дѣвицѣ молитвами твоими изнеможеть всякий глаголь о тебѣ, бывшій и о ней до времени испытанія ея, и да Тотъ, въ рукахъ Коего судъ и истина нелицепріятны, дастъ тебѣ силу и могущество рѣшити и вязати и святой Его волѣ благоугодити!»

Ограничиваюсь этими тремя курѣзами, я долженъ оговориться, что въ моихъ рукахъ имѣются важные въ научномъ отношеніи документы, проливающіе яркій свѣтъ на нравственное состояніе нашего духовенства въ его недалекомъ прошломъ. Я доставлю ихъ со временемъ въ распоряженіе редакціи «Исторического Вѣстника».

Сообщено Ал. А. Дмитріевымъ.

Смоленскія сухія конфекты.

1.

«Милостивый государь мой Григорій Михайловичъ! ¹⁾

«Извѣстно мнѣ, что ея императорское величество съ удовольствіемъ изволить кушать сухія сахарныя конфекты, приготовляемыя въ Смоленской губернії, откуда оныя всегда доставляемы были покойнымъ Платономъ Юрьевичемъ Храповицкимъ, прежде бывшимъ въ Смоленскѣ губернаторомъ. Я бы совѣтоваль вамъ предложить отъ себя какому либо дворянскому дому, а еще лучше, ежели бы нѣсколько домовъ согласясь представили вамъ таковыхъ конфектовъ, какъ продукты собственной ихъ экономіи, а вы бы ихъ уже ко мнѣ при своемъ отзывѣ доставили для поднесенія ея величеству,увѣдомивъ меня, отъ кого оныя будуть вами получены.

¹⁾ Григорій Михайловичъ Осиповъ исправлялъ должность исковскаго и смоленскаго генераль-губернатора.

«Впрочемъ имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностьюю и проч.

«Графъ Александръ Самойловъ».

«16-го апрѣля 1795 г.»

2.

«Сіятельный графъ,
«милостивый государь!

«Узнавъ, что ея императорское величество изволить жаловать здѣшняго края сухія конфекты, осмѣливаюсь оныхъ, сколько у меня есть домашняго приготовленія, препроводить къ вашему сіятельству и всепокорнѣйше просятъ о поднесеніи оныхъ, если сіе усердное приношеніе съ благоугодностю ея императорскаго величества принято быть можетъ.

«Впрочемъ, поручая себя въ продолженіе вашего ко мнѣ благоволенія, имѣю честь пребыть съ душевнымъ почитаніемъ и таковою же преданностьюю на весь мой вѣкъ и проч.

«Григорій Осиповъ».

«Въ Смоленскѣ,
«апрѣля 28-го дня
«1795 г.»

3.

«Милостивый государь мой Григорій Михайловичъ!

«Чрезъ вручителя сего получилъ я при письмѣ вашего превосходительства ящикъ сухихъ конфектовъ, которая въ прошедшій четвертокъ имѣль счастіе поднести ея императорскому величеству. Онъ принятъ со изъявленіемъ высочайшаго ея величества удовольствія и тотъ же часъ раздѣлены пополамъ съ его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ. При семъ случаѣ докладывалъ я ея императорскому величеству, что смоленскіе дворяне нынѣ таковыхъ конфектовъ не имѣютъ, но, узнавши, что ея величество ихъ жаловать изволить, постараются изготовить, сколь скоро поспѣютъ фрукты, и на сіе удостоился получить таковой отзывъ, что ея величество приношеніе ихъ изволить принять съ совершеннымъ благоволеніемъ, но желаетъ, однако же, чтобы онѣ присланы были не прежде, какъ къ первой недѣлѣ великаго поста, для чего покорно васъ прошу не оставить принять о семъ вашего попеченія; впрочемъ, ежели по какимънибудь причинамъ должно сіи конфекти варить и посыпать ранѣе назначаемаго времени, то пожалуйте, опишитесь о семъ прежде со мною, дабы я могъ о томъ донести ея императорскому величеству. За наливки, присланныя собственно для меня, приношу мою покорнѣйшую благодарность и, сохраняя къ вамъ непрестанно истинное мое почтеніе и преданность, пребываю и проч.

«Графъ Александръ Самойловъ».

«5-го мая 1795 г.»

4.

«Сіятельныйшій графъ,
«милостивый государь!

«Получа чрезъ возвратившагося моего нарочнаго лестнаго для меня отзыва вашего сіятельства о благосклонномъ принятии ея императорскими ве-

личествомъ сухихъ конфектовъ, я поставляю себѣ пріятѣйшимъ долгомъ принести вамъ, милостивый государь, за содѣствіе въ томъ мою душевную благодарность и притомъ донести, что, по приспѣяніи новыхъ плодовъ, отъ тѣхъ дворянскихъ домовъ, гдѣ онъя заготовляются, приготовлены будуть, которая и не упущея я къ назначенному времени для поднесенія ея императорскому величеству къ вамъ доставить. Впрочемъ, поручая себя въ продолженіе благоволенія вашего, имѣю честь пребыть съ глубочайшимъ моимъ почитаніемъ и душевною преданностю на весь мой вѣкъ непоколебимо и проч.

«Григорій Осиповъ».

«Въ Смоленскѣ,
смая 16-го дня
1795 г.»

5.

«Сиятельныйшій графъ,
милостивый государь!

«Бывъ извѣщенъ отъ вашего сиятельства, что ея императорское величество съ благоволеніемъ удостоила принять отправленныя отъ меня въ прошломъ году сухія конфекты смоленскаго приготовленія, по поводу сему осмѣливаюсь и нынѣ препроводить онъя къ вамъ, милостивый государь, для всеподданійшаго ея императорскому величеству поднесенія и, поручивъ себя въ продолженіе вашего ко мнѣ благоволенія, имѣю честь пребыть и проч.

«Григорій Осиповъ».

«Псковъ,
февраля 10-го дня
1796 г.»

При письмѣ этомъ приложенъ реестръ:

«Отъ меня:

Сухихъ конфектъ тридцать пять ящиковъ 35

Пастиль двѣнадцать ящиковъ 12

«Отъ Каховскаго:

Сухихъ конфектъ десять ящиковъ 10

«Отъ Мезенцова:

Пять ящиковъ 5

«Отъ Чеславскаго:

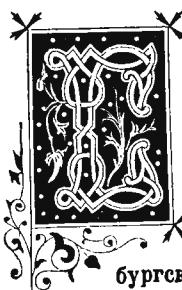
Варенъя ящикъ изъ двѣнадцати банокъ 12.

Сообщено А. Н. Корсаковымъ.

С М Ъ С Ъ.

СЕМДЕСЯТИПЯТИЛЪТИЕ КАЗАНСКАГО СОБОРА. 15 сентября исполнилось 75 лѣтъ со дня освященія Казанскаго собора въ Петербургѣ. Исторія собора восходитъ къ годамъ царствованія Анны Ioанновны; храмъ, въ которомъ стояла икона Казанской Богоматери, былъ освященъ 3-го іюля 1737 г., въ честь Рождества Богородицы; до этого времени чудотворная икона, привезенная въ 1579 г. изъ Казани, со дня перепесенія ея изъ Москвы въ Петербургъ Петромъ I, въ 1710 г., находилась въ деревянной свѣтлицѣ на Петербургской сторонѣ, въ Посадской улицѣ, стараго гостинаго двора.

Въ 1712 г., народнымъ усердіемъ для иконы была устроена церковь во имя Рождества Богородицы (отъ имени этой церкви на Петербургской сторонѣ получила название Рождественская улица). Позднѣе, въ 1729 г., когда эта церковь пришла въ ветхость, икона была перенесена на Васильевскій островъ, во вновь построенный храмъ Андрея Первозваннаго. Къ концу XVIII столѣтія церковь Казанской Божіей Матери стала называться соборомъ; здѣсь совершались всѣ торжественные богослуженія въ присутствіи высочайшихъ особъ; тутъ Екатерина II принимала присягу при восществіи на престоль. Въ 1800 г., Павелъ I приказалъ на той же площади, гдѣ былъ соборъ, въ небольшомъ отъ него разстояніи, построить большой новый, во имя Казанской Богоматери. Постройка, какъ и планъ, были поручены извѣстному въ то время зодчemu, профессору Ан. Никиф. Воронихину. Въ десять лѣтъ соборъ былъ оконченъ и въ 1811 г., 15-го сентября, освященъ митрополитомъ Амвросіемъ. Храмъ, впрочемъ, вполнѣ оконченъ не былъ; такъ, съ южной стороны предполагалась такая же колоннада, какая устроена съ сѣверной, не сдѣлана колокольня, на южной сторонѣ собора ниши остались безъ украшеній. Внутри собора не повѣшены люстры, какія предполагались въ количествѣ 24-хъ; въ числѣ проектированныхъ украшеній также не были исполнены изваянія двухъ архангеловъ и двухъ апостоловъ Петра и Павла. Предназначенная для изваянія апостоловъ гравитная глыба лежитъ до сихъ поръ въ Аптекарскомъ переулкѣ, у павловскихъ казармъ.

На построеніе собора, со всѣми украшеніями, было употреблено 4.200,000 рублей ассигнаціями. Къ освященію храма-на чудотворную икону была сдѣлана новая риза, вѣсомъ около 10 фунтовъ, изъ чистаго золота, украшенная драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ, большая половина которыхъ принесена въ даръ императрицами Елизаветою Алексѣевною и Марию Федоровною, а большой сафиръ великою княгинею Екатерину Павловною. Все украшеніе иконы тогда оцѣнивали въ 100,000 р. Между драгоцѣнностями Казанскаго собора первое мѣсто занимаетъ серебряный иконостасъ: всего серебра на иконостасъ и балюстраду употреблено 68 пудовъ, 12 фунтовъ и 92 золотника; за чеканную работу и позолоту его заплачено 200,000 р. Серебро это принесено въ даръ донскими казаками. По поводу этого приношения Кутузовъ писалъ митрополиту Амвросію: «Благословите сей даръ, принесимый воинами Подателю побѣды. Храбрые донцы возвращаютъ Богу похищенный изъ храмовъ Его сокровища. На меня возложили они обязанность доставить вашему высокопреосвященству сіе серебро, бывшее нѣкогда украшеніемъ святыхъ ликовъ, потомъ доставшееся въ добычу нечестивымъ хищникамъ и, наконецъ, храбрыми донцами изъ когтей ихъ исторгнутое». Въ соборѣ хранятся 107 знаменъ и орловъ, фельдмаршальскій жезль Даву и ключи отъ крѣпостей и городовъ, взятыхъ въ Отечественную войну, а также до семи знаменъ персидскихъ. Въ числѣ многихъ живописныхъ и скульптурныхъ работъ въ соборѣ заслуживаются особенное вниманіе въ главномъ иконостасѣ образа: Сочество Св. Духа и Рождество Богородицы, работы профессора Егорова; образа Трехъ Святителей и Взятіе на небо Божіей Матери, писанные проф. Шебуевымъ.

Трехсотлѣтій юбилей Самары. 29-го и 30-го августа, городъ Самара праздновалъ трехсотлѣтнюю годовщину своего существованія. Юбилейное торжество имѣло преимущественно религіозный характеръ. На вселенской панихидѣ молились объ упокоеніи: императора Александра II, царей — Федора Ioannовича, при которомъ положено основаніе городу, Михаила Федоровича, пожаловавшаго Самарѣ «вѣстовой колоколь», князя Василия Алексѣевича Урусова и Ивана Кирилловича Кирилова, которые много потрудились къ устроенію Самарскаго края и останки которыхъ покоятся при Казанскомъ соборѣ, В. Н. Татищева, первоначальника русской исторической науки, жившаго нѣкоторое время въ Самарѣ и имѣвшаго здѣсь собственный домъ, а также всѣхъ «почившихъ строителей и правителей града и страны Самарскія». Въ думѣ городской голова прочелъ множество полученныхъ имъ телеграммъ и писемъ отъ разныхъ правительственныхъ, общественныхъ учрежденій и отъ лицъ, дорожащихъ воспоминаніемъ о Самарѣ. Городской голова прочелъ также составленный имъ историко-статистический очеркъ города Самары.

Послѣ парада войскъ было предложено отъ города угощеніе, и была выпущена въ первый разъ вода изъ устроеннаго на площади фонтана. Въ вокзалѣ городскаго Струковскаго сада, украшенномъ портретами всѣхъ царей и императоровъ русскихъ, начиная съ Федора Ioannовича, красиво убранномъ цветами и зеленою и освѣщенномъ электричествомъ, былъ сервированъ парадный обѣдъ, на которомъ, по просьбѣ городскаго общества, было принесено по телеграфу его императорскому величеству всеподданѣйшее поздравленіе въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Самара, торжественно празднуетъ день тезоименитства вашего императорскаго величества и, съ вашего величества разрѣшенія, трехсотлѣтие города Самары, повергаетъ къ стопамъ вашего величества вѣрноподданныя поздравленія и чувства непоколебимой, благодарной преданности, вмѣстѣ съ пожеланіями благоденствія и славы великому государю нашему, самодержцу и покровителю».

Въ отвѣтъ на это поздравленіе, начальникъ губерніи удостоился полу-

чить слѣдующую телеграмму его императорского величества: «Выражая жителямъ города Самары мою благодарность за поздравленія по поводу моего тезоименитства, я, въ свою очередь, въ день празднованія городомъ трехсотлѣтія своего существованія, шлю мой привѣтъ и пожеланія дальнѣйшаго преуспѣванія и развитія».

«Александръ».

Памятникъ павшимъ воинамъ при взятіи Ташкента. Въ Ташкентѣ, 15-го іюня въ день 21-й годовщины взятія этого города русскими войсками, происходило освященіе и открытие памятника въ честь воиновъ, павшихъ при взятіи Ташкента. Мысль о постановкѣ этого памятника возникла въ 1872 году въ средѣ участниковъ знаменитаго штурма. 17-го іюня того года, по отслуженіи на Комеланскомъ кладбищѣ панихиды по убѣннымъ, на ихъ братской могилѣ, была совершена закладка надгробнаго памятника. Но въ то время дѣло остановилось, главнымъ образомъ, по недостатку средствъ. 2-го июля 1883 года, послѣдовало высочайшее соизволеніе на постановку на Гимназической площади города Ташкента памятника въ честь убитыхъ при штурмѣ Ташкента, по проекту академика Микѣшина. Но и этотъ проектъ, по своей грандиозности, требовавшій на осуществленіе весьма значительныхъ средствъ, не былъ приведенъ въ исполненіе по той же причинѣ. Имѣя въ виду незначительные размѣры средствъ, собранныхъ на сооруженіе памятника, было решено ограничиться постановкой недорогаго памятника на мѣстѣ погребенія воиновъ, павшихъ при штурмѣ Ташкента, надъ ихъ братской могилой, на кладбищѣ у Комеланскихъ воротъ. Инженеръ-технологъ Ульяновъ составилъ проектъ памятника, имѣющаго видъ часовни, съ чугунною доской внутри, на которыхъ золочеными буквами вырѣзаны имена павшихъ при штурмѣ Ташкента. Внутри часовни помѣщены иконы Спасителя и распятіе, съ лампадой, и небольшой налой, для служенія панихидъ въ годовщину взятія Ташкента. Кромѣ этой доски, имѣется снаружи другая, чугунная же, съ надписью золочеными буквами: «Памяти воиновъ, павшихъ при штурмахъ города Ташкента въ 1864 и 1865 годахъ, здѣ лежащихъ». Сооруженъ въ царствованіе императора Александра III, иждивенiemъ жертвователей, лѣта 1886». На часовнѣ водруженъ крестъ изъ красной мѣди, покрытый червоннымъ золотомъ. Кромѣ часовни, должностнуюющей служить напоминаніемъ доблестей русскихъ воиновъ надъ братской могилой, находящуюся рядомъ съ часовней, съ ея сѣверо-восточной стороны, сдѣланъ на томъ самомъ мѣстѣ, где былъ заложенъ памятникъ въ 1872 году, сводъ изъ жженаго кирпича съ мраморною плитой на верху. На верху плиты помѣщены крестъ и подъ нимъ надпись: «Здѣсь покоятся прахъ воиновъ, павшихъ при взятіи города Ташкента. Упокой, Господи, души ихъ въ селеніи праведныхъ». Съ южной стороны кладбищенскаго мѣста (съ остальныхъ опо защищено сосѣдними садами и строеніями) устроена деревянная на кирпичномъ фундаментѣ ограда. Ведущая на кладбище калитка въ оградѣ сдѣлана очень изящно, по проекту архитектора Гейнцельмана. Въ ея угольныхъ вырѣзахъ помѣщено восемь коканскихъ мѣдныхъ орудій, изъ которыхъ два имѣютъ на себѣ надпись Муллы Алимкула, коканскаго вождя, убитаго русскими подъ Ташкентомъ 9-го мая 1865 года, и три — бывшаго коканскаго хана Худояра. На верху калитки сдѣлана надпись славянскимъ шрифтомъ: «Души ихъ во благахъ водворятся».

Памятникъ Щапову. Въ Иркутскѣ, 19-го августа, происходило освященіе памятника А. П. Щапову. Въ засѣданіи городской думы 18-го августа обсуждалось предложеніе гласнаго Н. П. Сивкова объ участіи города въ чествованіи памяти А. П. Щапова. Въ виду предстоящаго открытия въ Иркутскѣ памятника на могилѣ покойнаго, гласный Сивковъ указалъ на заслуги Щапова, и притомъ какъ труженика, работавшаго послѣдніе годы своей жизни на

пользу науки на родинѣ — въ Иркутскѣ. Дума единогласно постановила по-
чтить память Щапова, отправивъ депутатію изъ гласныхъ для присутствова-
нія 19-го августа на освященіи памятника покойному, и, кромѣ того, рѣ-
шила одну изъ городскихъ стипендій при Казанскомъ университетѣ, гдѣ А. П.
былъ профессоромъ, а также и начальную школу въ Знаменскомъ предмѣстї
назвать именемъ Щапова.

Открытие греческаго города на Днѣпѣ. Ниже города Херсона есть село Бѣ-
лозерка, имѣніе Георгія Львовича Скадовскаго. На пять верстъ ниже села,
по возвышеному берегу Днѣпра, противъ того мѣста, гдѣ впадаютъ въ него
рѣки Кошевая и Корабелка, есть обширное городище. Это-то городище раз-
рылъ г. Эварицкій. Здѣсь найдены улицы, правильно расположенные и
идущіе къ Днѣпру, фундаменты домовъ, сложенные въ видѣ правильныхъ
квадратовъ, печи, наполненная золой, горшками и остатками костей, ямы
для ссылки хлѣба, водосточные трубы, проведенные къ Днѣпру, множество
разныхъ вещей для домашняго употребленія, остатки статуй, обломки лѣп-
ныхъ карнизовъ, куски свинца и нѣсколько греческихъ монетъ съ надписью:
«Ольвія». По всѣмъ находкамъ видно, что на мѣстѣ теперешняго городища
стоялъ нѣкогда греческій городъ, очевидно, современный греческой колоніи
Ольвіи, расположенной на 50 верстъ ниже разрытаго городища, на устьѣ
Буга и Днѣпра. Раскопка городища далеко еще не окончена; разрыта едва
десятая часть его. Слѣдующей весной предстоитъ докончить съ городищемъ
и начать раскопку кургановъ, насыпанныхъ близъ него. Быть можетъ, въ
этихъ курганахъ заключены погребальные склепы, подобно тѣмъ, которые
открыты въ Ольвіи прошедшемъ лѣтомъ.

Собрание академіи наукъ. 25-го сентября, состоялось публичное собраніе академіи наукъ для присужденія, въ двадцать девятый и, вѣроятно, послѣдній разъ, уваровской преміи. Собраніе, несмотря на его публичность, было очень
немноголюдно; кромѣ членовъ комиссіи, присуждавшей награды, нѣсколь-
кихъ студентовъ и корреспондентовъ газетъ, никого не было. Предсѣдатель-
ствовалъ и докладывалъ непремѣнныи секретарь академіи К. С. Веселовскій.
«Сегодніашній отчетъ, — сказалъ г. Веселовскій, — обязываетъ настѣ заявить,
въ какомъ положеніи находится вопросъ о дальнѣшемъ существованіи на-
градъ, носящихъ имя графа Уварова. Положеніе на столько неутѣшительное,
что академія не въ состояніи заявить нынѣ, будуть ли, вообще, принимаемы
на соисканіе наградъ графа Уварова сочиненія къ слѣдующему за нынѣш-
нимъ конкурсу, и если будутъ, то какого, именно, рода сочиненія. Графъ
А. С., учреждая эти награды въ память своего родителя, бывшаго президента
академіи, хотя и желалъ придать имъ значеніе памятника на вѣчное время,
но не успѣлъ, однако, при жизни своей обеспечить ихъ прочность соотвѣт-
ственнымъ формальнымъ актомъ. Существованіе ихъ, поэтому, основывалось
лишь на томъ, что учредитель вносилъ въ академію, согласно своему объ-
щанію, ежегодно, въ день св. Сергія, 25-го сентября, по 3,000 руб., изъ ко-
торыхъ 2,500 р. обращались на выдачу наградъ за историческія сочиненія на
темы, избираемыхъ самими авторами, а 500 рублей назначались за решеніе
задачъ, предлагаемыхъ академіею. Послѣ смерти графа А. С., эти ежегодные
взносы прекратились, и если академія была еще въ состояніи на двухъ по-
слѣднихъ конкурсахъ продолжать назначеніе уваровскихъ наградъ, то потому
лишь, что она имѣла для этого въ своемъ распоряженіи незначительный ува-
ровскій капиталъ, съ небольшимъ 10.000 руб., образовавшійся отъ непрису-
жденія въ полномъ количествѣ наградъ. Теперь этотъ капиталъ на столько
сократился, что не можетъ служить источникомъ для выдачи уваровскихъ
наградъ, въ размѣрахъ, указанныхъ «положеніемъ». Въ настоящее время
въ академіи имѣется заявленіе наслѣдниковъ графа Уварова о томъ, что
они предполагаютъ, согласно волѣ покойнаго, ввести нѣкоторыя измѣн-
енія въ положеніи объ уваровскихъ наградахъ, но какія это измѣненія, —

академії неизвестно. Не смотря, однако, на такое положеніе, академія будетъ принимать отвѣтныя сочиненія на предложенные задачи и даже объявляетъ слѣдующія новыя задачи: 1) Изслѣдованіе монетнаго дѣла въ Россіи съ XIV вѣка до Іоанна Грознаго (собрать полную литературу всѣхъ описаній, свѣдѣній и изслѣдований о русской нумизматикѣ; критически разобрать точность опредѣленій нашихъ монетъ удѣльного периода и примѣнить эти нумизматические документы къ исторіи того времени). Срокъ 25-го сентября 1887 года. 2) Сводъ коментарievъ на записку Ибнъ-Фодлана о народѣ Русь въ 922 году (собрать данные о томъ, какое вліяніе имѣли другъ на друга различные языческія племена на берегахъ Балтійскаго моря и къ востоку отъ него; уяснить себѣ исторію балтійско-казпійской торговли IX, X и XI вѣковъ, о которой свидѣтельствуютъ многочисленныя находки восточныхъ монетъ и предметовъ домашняго обихода). Срокъ 2-го сентября 1888 года.

Кромѣ того, принимаются отвѣтныя сочиненія на задачи, ранѣе объявленныя: 1) Исторія древне-русскихъ княжествъ; 2) обѣ историческихъ отношеніяхъ польского народа и государства къ русскому племени; 3) историко-литературное обозрѣніе печатныхъ полемическихъ сочиненій, статей и брошюръ, изданныхъ въ свѣтѣ русскими въ сѣверо-и юго-западномъ краяхъ Россіи съ конца XVI до начала XVII вѣковъ; 4) исторія мореплаванія у славянскихъ народовъ до XIII вѣка, и 5) комментарій на договоры великихъ князей кіевскихъ съ Византійской имперіей.

На соисканіе наградъ графа Уварова въ нынѣшнемъ году было представлено десять историческихъ сочиненій, изъ которыхъ четыре удостоены меньшихъ уваровскихъ наградъ, по 500 руб. каждая. Получили преміи П. Голубовскій (Кіевъ), Н. И. Петровъ (Кіевъ), Н. В. Латкинъ (С.-Петербургъ) и А. Загоревскій (Харьковъ). Первое сочиненіе озаглавлено: «Пече-нѣгі, торки и половцы—до нашествія татаръ», Кіевъ, 1884 года, соч. П. Голубовскаго; второе сочиненіе озаглавлено: «Очеркъ исторіи украинской литературы XIX вѣка», Кіевъ, 1884 года, сочиненіе Н. И. Петрова; третье «О разводѣ по русскому праву», соч. А. Загоревскаго, Харьковъ, 1884 года. Послѣднее сочиненіе: «Земскіе соборы древней Руси», Спб., 1885 года, юридическое изслѣдованіе Н. В. Латкина.

† 24-го сентября въ г. Пензѣ на своей родинѣ одинъ изъ старѣшихъ синологовъ, Александръ Алексѣевичъ Татариновъ. По окончаніи курса въ певзенской губернскій гимназіи, онъ поступилъ, въ 1835 году, въ Петербургъ въ медицинскую академію и, окончивъ въ ней курсъ въ 1839 году, поступилъ лекаремъ въ пекинскую духовную миссію, снаряженную тогда на смѣну прежней миссіи, жившей въ Пекинѣ съ 1830 года. Татариновъ пробылъ въ Пекинѣ до 1850 года. Хорошо владѣя разговорнымъ китайскимъ языккомъ, онъ занимался изученіемъ китайской медицины и ея литературы. Его ученые труды по этой части, напечатанные въ сборникѣ, изданномъ азіатскимъ департаментомъ, «Труды членовъ пекинской миссіи», доставили ему безъ экзамена степени доктора. Коллекція, собранная Татариновымъ, превосходила богатствомъ материала всѣ предшествовавшія, да едва ли и послѣ, когда Китай сдѣлался доступнымъ для europейцевъ, кто нибудь такъ обогатилъ наши ученыя учрежденія своими коллекціями. Еще болѣе замѣчательны его рисунки китайскихъ растеній. Это были не простые рисунки, а снимки съ корня, цвѣтовъ, плодовъ. По возвращеніи въ Петербургъ, Татариновъ вскорѣ былъ назначенъ первымъ русскимъ консуломъ въ Чугучакъ послѣ того, какъ, сопровождая Е. П. Ковалевскаго, побывалъ съ нимъ въ Кульджѣ для переговоровъ обѣ открытія тамъ торговли. Въ Чугучакѣ въ одну ночь въ 1885 г. ду ссылочные собрались толпой и устремились на консульство. Защиты не было никакой, факторія со всѣми товарами была разрушена и разграблена; къ счастью, Татариновъ, предувѣдомленный за нѣсколько минутъ,

успѣлъ со всѣми находившимися при немъ русскими спастись въ ближайшій пограничный постъ Бахты, отстоящей отъ Чугучака всего въ 7 верстахъ. Пока шли переговоры съ провинившимся китайскимъ правительствомъ о вознагражденіи за убытки и наказаніи виновныхъ (за послѣднимъ дѣло не стало), пришло сноva прибѣгнуть къ Татаринову за помощью. Заключившій приличный договоръ съ японцами графъ Путятина отправлялся въ Китай для того, чтобы хлопотать объ уступкѣ намъ сѣверного берега Амура. Въ свитѣ Путятинъ былъ и Татариновъ; но ихъ не допустили въ Пекинъ и они долго маневрировали по восточному океану, пока англичане не взяли Тянъ-цзина, приморской пристани, ближайшей къ Пекину. Тутъ китайцы стали говорчivѣ; они предоставили и намъ тѣ же права, какъ и прочимъ европейцамъ. Пока графъ Путятина странствовалъ по Восточному океану, Муравьевъ спустился по Амуру, прибылъ въ Айгунъ и тамъ заключилъ договоръ, въ силу которого намъ возвращалось наше дорогое состояніе, пріобрѣтенное Дашиневымъ и Хабаровымъ. Татариновъ первый привезъ тянъцзинский договоръ въ Петербургъ, хотя содержаніе его уже сообщено было въ сколькихъ дниахъ раньше самимъ Муравьевымъ. По договору слѣдовало отправить посланника; выборъ палъ на Николая Павловича Игнатьева; большого успѣха отъ нового посольства нельзя было ждать. Когда союзныя войска французы и англичаны подошли къ Пекину, разрушили Немъжинъ-юань (загородный пекинскій дворецъ) и заставили подписать договоръ, дающій европейцамъ полную свободу въ Китаѣ, тогда былъ заключенъ трактатъ и съ нами. Во всѣхъ переговорахъ при составленіи этого трактата принималъ не только дѣятельное, но исключительное участіе Татариновъ; онъ даже редактировалъ и самый китайскій текстъ трактата.

По заключеніи пекинского договора, г. Игнатьевъ былъ назначенъ директоромъ азіатскаго департамента, и А. А. Татариновъ остался причисленнымъ къ нему. Но когда графъ уѣхалъ въ Константинополь, въ департаментѣ получили право гражданства иные взгляды на нашу азіатскую политику. Дѣла съ Азіей уже всѣ покончены,—рассуждали тамъ.—Къ чему же намъ держать знатоковъ Китаѣ—лучше пусть дадутъ ихъ содержаніе намъ. Тогда всѣ выдающіеся дѣятели, дѣти одной миссіи, Татариновъ, Захаровъ, Гошкевичъ, знатокъ грузинскаго языка—Чубиновъ были уволены въ отставку. Что было дѣлать? Жизнь въ Петербургѣ была дорога. Татариновъ, хотя и не былъ женатъ, но содержалъ мать и сестеръ. Онъ перѣѣхалъ на свою родину въ Пензу, гдѣ и умеръ.

† 1-го сентября въ Николаевѣ Карлъ Ивановичъ Ренаръ, сынъ извѣстнаго доктора медицины и ученаго. Онъ родился 22-го апрѣля 1809 года въ Майнцѣ. Окончивъ университетскій курсъ и получивъ въ 1832 году степень доктора медицины, К. И. Ренаръ, въ 1834 году, перѣѣхалъ въ Москву къ своему дядѣ, Г. И. Фишеру, профессору медицины и директору Московской медицинской академіи. Сначала Ренаръ былъ домашнімъ врачомъ московскаго генераль-губернатора, а въ 1840 году записался въ дѣйствительные члены московскаго Общества испытателей природы, въ которомъ, втеченіе 32 лѣтъ, исправлялъ должность библиотекаря, секретаря и редактора. Въ 1872 году, Ренаръ избранъ вице-президентомъ Общества и черезъ 12 лѣтъ его президентомъ. Кроме того, Ренаръ, впродолженіе болѣе 25 лѣтъ, состоялъ хранителемъ коллекцій зоологическаго музея при университѣтѣ и коллекцій по отдѣлу естествознанія въ Румянцевскомъ музѣѣ. Въ 1882 году, К. И. Ренаръ праздновалъ 50-ти-лѣтній юбилей получения докторской степени. Подъ конецъ своей жизни, онъ состоялъ также членомъ медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ. Тѣло его перевезено въ Москву, гдѣ и погребено.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу статьи «Романъ одной забытой романистки».

Отъ редакціи. Печатая (въ августовской и сентябрьской книжкахъ «Исторического Вѣстника») статью А. В. Старчевскаго «Романъ одной забытой романистки», гдѣ приведены подлинныя письма извѣстной писательницы сороковыхъ годовъ, Е. А. Ганъ, къ тогдашнему издателю «Библіотеки для Чтенія» Сенковскому и разсказано, на основаніи рукописи жены Сенковскаго, о знакомствѣ и сношеніяхъ названныхъ лицъ, редакція «Исторического Вѣстника» не могла принять на себя никакой отвѣтственности за точность и вѣрность сообщаемыхъ въ статьѣ свѣдѣній. Для насъ было достаточно, что статья прислана писателемъ, почти полстолѣтія подвизающимся на литературномъ поприщѣ, и подписана его полной фамиліей. Между тѣмъ статья г. Старчевскаго показалась оскорбительной, находящимся въ живыхъ, родственницамъ покойной Ганъ, ея сестрѣ Н. А. Фадѣвой и дочери В. П. Желиховской. Онѣ прислали намъ свои возраженія съ просьбой напечатать ихъ и тѣмъ дать имъ возможность возстановить дорогую для нихъ память Е. А. Ганъ. Къ нимъ присоединилась и Е. Н. Ахматова, пожелавшая опровергнуть некоторые ссылки, сдѣянныя на нее въ статьѣ. Охотно исполняя просьбы Н. А. Фадѣвой, В. П. Желиховской и Е. Н. Ахматовой, мы сочтемъ справедливымъ дать также мѣсто и возраженію А. В. Старчевскаго по поводу обращенныхъ къ нему обвиненій, если онъ найдетъ нужнымъ его сдѣлать.

I.

Письмо Н. А. Фадѣвой.

Августовская книга уважаемаго «Исторического Вѣстника» начинается статьею подъ названіемъ: «Романъ одной забытой романистки». Герояня романа,—Елена Андреевна Ганъ, писавшая подъ псевдонимомъ Зенайды Р.,—моя старшая сестра, умершая сорокъ четыре года тому назадъ, а потому понятно, съ какимъ любопытствомъ я принялась за чтеніе этого романа. Съ первыхъ же строчекъ мое любопытство перешло въ крайнѣе удивленіе, а затѣмъ въ горькое разочарованіе, такъ какъ романъ этотъ оказался дѣйствительно ничто болѣе какъ романъ, то есть плодъ живой фантазіи людей, совершенно незнакомыхъ съ личностями, о которыхъ они говорятъ. Составитель романа справедливо заявляетъ о недостаткѣ материаловъ для составленія біографіи Е. А. Ганъ, но очень жаль, что онъ поспѣшилъ воспользоваться тѣми материалами, которые ему представились, считая ихъ почему-то вполнѣ достовѣрными, тогда какъ они не только недостовѣрны, но положительно невѣрны, также какъ и вся свѣдѣнія, къ нимъ относящіяся, и далеко не заслуживали довѣрія, оказанного имъ. Я не буду пересчитывать всѣ невѣрности, ошибки, искаженія истины этого очерка,—это было бы слишкомъ большой трудъ; но считаю своимъ долгомъ и правомъ указать важнейшія изъ нихъ, касающіяся лично моей матери, сестры, самыхъ близкихъ мнѣ особъ, меня самой, и полагаю, что оказываю тѣмъ услугу серьезному историческому журналу, дорожащему правдой и вѣрностію содержанияхъся въ немъ статей.

Не знаю содержанія писемъ Елены Андреевны къ Сенковскому, въ сверткѣ, попавшемъ въ руки г. Старчевского, но знаю отлично всѣ подробности ея отношеній къ Сенковскому. Знаю ихъ изъ вѣсколькихъ дюжинъ писемъ Сенковского къ Еленѣ Андреевнѣ, писанныхъ послѣ ея отѣзда изъ Петербурга, хранящихся у меня; знаю изъ писемъ Елены Андреевны къ матери и сестрѣ, отъ которыхъ у нея не было тайнъ и секретовъ; знаю изъ разсказовъ моей сестры Екатерины Андреевны Витте (находящейся теперь за границей), которая жила около пяти мѣсяцевъ съ сестрой Еленой Андреевной въ Петербургѣ, вмѣстѣ же съ ней бывала у Сенковскихъ, была свидѣтельницей всѣхъ ихъ разговоровъ и вмѣстѣ съ ней выѣхала изъ Петербурга. Хотя я сама тогда была еще ребенкомъ, но прекрасно помню разсказы самой сестры Елены Андреевны о Сенковскихъ, полные юмора и комизма, заставлявшіе всѣхъ хохотать.

Воспоминанія г-жи Сенковской, писанныя на лоскуткахъ, доказываютъ только пылкость ея воображенія, возбужденаго ревностію, создавшаго иллюзіи, которыми она хотѣла сама себя обманывать.

Елена Андреевна очутилась (выраженіе романа) въ Петербургѣ по очень простой причинѣ: ея мужа перевели на службу въ Петербургъ¹⁾, она и приѣхала съ нимъ и дѣтьми. Второй дочери у свекрови никогда не оставляла, обѣ дочери были съ нею.

«Занимательная игрушка учителя журналиста, пока не надоѣла ему»... то есть Елена Андреевна Сенковскому; а она ему ничуть не надоѣла, что доказывается множествомъ вышеупомянутыхъ его писемъ къ ней послѣ ея отѣзда изъ Петербурга. Г-жа Сенковская, какъ видно изъ ея записокъ, писанныхъ на лоскуткахъ, не только не изучила Елены Андреевны Гань, но не составила себѣ о ней даже малѣйшаго понятія, подходящаго къ истинѣ.

Затѣмъ приводятся слѣдующія свѣдѣнія: «Отецъ Елены Андреевны Гань, Андрей Михайловичъ Фадѣевъ, былъ человѣкъ прекрасный, образованный, всѣми любимый и проч., женатъ былъ на княгинѣ (княжнѣ) Еленѣ Павловнѣ Долгоруковой и прочее, Еленѣ Андреевнѣ въ 1836 году было 22 года, значитъ она родилась въ 1814 году». Совершенная правда. «Мать Елены Андреевны была женщина вѣчно болѣная и потому постоянно сидѣла дома, никуда не выѣзжала и дала дочерямъ самое плохое образованіе; она неглижировала имъ до такой степени, что всѣ замѣчали и много толковали объ этомъ (въ Астрахани)! Елена Андреевна сама образовала себя».

Какъ одна изъ дочерей, получившихъ это самое плохое образованіе, заставившее толковать астраханцевъ, позволю себѣ замѣтить, что если бы я тогда еще, въ Астрахани, десятилѣтнимъ ребенкомъ, принялась за переводъ романовъ съ иностранныхъ языковъ на русскій, то мой переводъ навѣрно не былъ бы хуже переводовъ, помѣщавшихся въ изданіяхъ г. Старчевского.

Въ 1860 году, по кончинѣ Елены Павловны Фадѣевой, въ тифлисской газетѣ «Кавказъ», былъ напечатанъ некрологъ ея, написанный человѣкомъ, близко знавшимъ ее. Въ некрологѣ, между прочимъ, говорилось слѣдующее. «Елена Павловна Фадѣева, рожденная княжна Долгорукая, дочь заслуженнаго екатерининскаго генерала князя Павла Васильевича, приходилась правнучкой князя Сергія Григорьевича, бывшаго посломъ въ Польшѣ при

¹⁾ Кажется, его прикомандировали къ образцовой батареѣ.

Петръ I, казненного въ Новгородѣ во время Бироновскаго гонения на Долгорукихъ. Елена Павловна была очень замѣчательная женщина: съ глубокимъ, серьёзнымъ умомъ, отличнымъ образованіемъ, многосторонними обширными познаніями, обращавшими на нее вниманіе европейскихъ ученыхъ, она соединяла добрѣйшее, благородное сердце, любила тихую жизнь среди своей семьи и научныхъ занятій, составлявшихъ главное утѣшеніе и развлеченіе ея жизни. Любила природу, изучала ее и особенно занималась ботаникой, въ часы досуговъ свободные отъ занятій съ дѣтьми и домашняго хозяйства, которымъ сама завѣдовала и вела отлично. Памятниками ея работы остались 50 томовъ (величиной въ листъ) собственноручныхъ рисунковъ растеній съ натуры, которая сама же опредѣляла при помощи библіотеки замѣчательнѣйшихъ сочиненій по этой части. Книги эти прельщали ученыхъ натуралистовъ, и знаменитый академикъ Беръ чуть не на колѣяхъ молилъ Елену Павловну позволить снять съ нихъ копію для академіи наукъ. Занималась также нумизматикой, археологіей и многими другими научными предметами, и занималась разумно, съ толкомъ, изучивъ ихъ серьёзно и основательно, и составила нѣсколько интересныхъ, богатыхъ коллекцій по этимъ предметамъ. Это безкорыстное, необыкновенное въ женщинѣ служеніе наукѣ сдѣлало имя Елены Павловны извѣстнымъ въ ученомъ мірѣ. (Слѣдуютъ названія сочиненій, президента лондонскаго географическаго общества Мурчисона, французскаго академика Вернеля, нашего Стевена и многихъ другихъ, писавшихъ съуваженіемъ и удивленіемъ о Еленѣ Павловнѣ, ея познаніяхъ и трудахъ). Съ нею были знакомы и вели переписку многие европейскіе естествоиспытатели, хотя она этого не искала, потому что занималась наукою единственно изъ любви къ наукѣ. Обширность познаній соединялась въ ней съ такою истинно женскою скромностію, что человѣкъ, не интересующійся учеными предметами, могъ быть знакомъ съ нею годы, пользоваться ежедневно душевно теплотою ея бесѣды, и не подозрѣвать ея знаній. И не одна наука, — все, что возбуждаетъ интересъ въ наблюдательномъ, серьезному умѣ, занимало ее. Обширныя знакомства первой половины ея жизни, дружеская связь со многими замѣчательными людьми, русскими и иностранными, оставили въ ея памяти цѣлую хронику событий и лицъ, придававшую необыкновенную прелестъ ея разговору. Посвящая жизнь исключительно своему семейству и занимаясь даже своими любимыми предметами только въ свободные часы, Елена Павловна воспитывала своихъ дѣтей съ самою нѣжною заботливостію, замѣняя имъ болѣшую часть учителей. Всѣ ея дѣти, а впослѣдствіи и внуки, учились читать по-русски и пофранцузски и многому другому, сидя у нея на колѣахъ; и это ученіе служило какъ бы фундаментомъ того солиднаго образованія и серьезнаго направленія, которое достигнуто ими потомъ. Насъ безъ труда поймутъ, когда мы скажемъ, что памятная русской читающей публикѣ талантливая беллетристка Елена Андреевна Ганъ, писавшая подъ псевдонимомъ Зенайды Р., была дочь Елены Павловны, а нашъ извѣстный военный писатель Ростиславъ Андреевичъ Фадѣевъ — сынъ ея.

Въ этомъ же смыслѣ, некрологъ Елены Павловны Фадѣевой былъ помещенъ въ академическомъ мѣсяцесловѣ 1862 года, въ отдѣлѣ достопамятныхъ лицъ, умершихъ въ 1860 году.

«Ростиславъ Андреевичъ Фадѣевъ, военный писатель, былъ ея (Е. А. Ганъ) старшій братъ», — такъ продолжаются свѣдѣнія г. Старчевскаго. — «Кромѣ него, у Фадѣевыхъ было три дочери: первая и самая старшая была

въ замужествѣ за барономъ Витте; средняя Елена -- за артиллерійскимъ полковникомъ Ганомъ, и третья самая младшая Надежда--незамужняя».

Самая старшая дочь Фадѣевыхъ, родившаяся чрезъ годъ послѣ ихъ женихъбы, была Елена Андреевна Ганъ; вторая, пятью годами моложе ея, Екатерина Андреевна Витте; потомъ Ростиславъ Андреевичъ Фадѣевъ и за нимъ Надежда Андреевна.

«У нея (Ел. Анд. Ганъ) было двѣ дочери: старшая изъ нихъ Блавацкая (Блаватская), известная спиритка, пишущая подъ псевдонимомъ Радда Бай, живетъ теперь въ Парижѣ, съ своей теткой Надеждой Андреевной Фадѣевой».

У Елены Андреевны было четверо дѣтей, двѣ дочери и два сына; старшій сынъ Александръ умеръ ребенкомъ; второй Леонидъ, служившій мировымъ судью, а потомъ присяжнымъ повѣреннымъ въ Ставроополь, умеръ въ прошломъ 1885 году. Самая старшая дочь, Блаватская, вовсе не спиритка, а на противъ врагъ спиритизма, что вполнѣ доказывается журналомъ «The Theosophist», издаваемымъ подъ ея редакціей въ Мадрасѣ. Младшая дочь Вѣра Петровна была замужемъ за Ихонтовымъ, потомъ за Желиховскимъ, живеть въ настоящее время въ Петербургѣ; Блаватская въ Парижѣ не живеть, и тетка ея Надежда Андреевна съ ней не живеть, а живеть съ сестрой Е. А. Витте.

Елена Андреевна не имѣла надобности писать для поддержанія своей семьи, потому что никогда не находилась въ нуждѣ; жила, большею частію, у своихъ родителей, въ домѣ которыхъ была обеспечена во всемъ. Правда, она говорила, что пишетъ для денегъ, но деньги, конечно, не составляли лишняго бремени для нея. Оя на нихъ воспитывала своихъ дѣтей, держала при дочеряхъ двухъ гувернантокъ, изъ которыхъ одну всегда англичанку.

Елена Анд. оставила «Библіотеку для Чтенія» и стала печатать свои повѣстіи въ «Отечественныхъ Запискахъ» не изъ черной неблагодарности, къ которой не была способна, а потому, что не хотѣла переносить самоуправнаго обращенія Сенковскаго съ ея рукописями; онъ имѣлъ привычку вычеркивать цѣлые страницы, измѣнять сюжеты и развязки повѣстей и замѣнять ихъ вставками собственнаго своего сочиненія. И это онъ дѣлалъ не съ одной Е. А., а со всѣми рукописями, поступавшими въ его редакцію. Хотя Елена Анд. и не высказывала своего неудовольствія Сенковскому, но въ душѣ возмущалась, и, наконецъ, потерявъ терпѣніе, приняла предложеніе Краевскаго помѣщать свои сочиненія въ его журнアルѣ.

По прѣѣздѣ въ Петербургъ, Елена Анд. узнала, что рабѣе прѣѣхали обѣ ея кузины, рожденныя Сушкины, изъ которыхъ младшая была уже замужемъ за Хвостовымъ, а вторая дѣвица, впослѣдствіи вышедшая за Ладыженскаго. Хвостовъ прѣѣхалъ по своимъ дѣламъ и, кромѣ молодой жены, захватилъ съ собой и свою четычу.

Младшая кузина была замужемъ не за Хвостовымъ, а за Ладыженскимъ, а вторая дѣвица, впослѣдствіи вышедшая за Хвостова, жила у своей тетки, по отцу Беклешовой. Всегда онѣ находились въ самыхъ лучшихъ родственныхъ отношеніяхъ и перепискѣ съ кузинами Фадѣевыми и никогда не называли другъ друга «вы», всегда «ты»; особенной роскоши онѣ не знали, также какъ Елена Анд. не знала особыхъ нуждъ и лишній. Разговоры, которые онѣ ведутъ между собою въ «романѣ», не могли происходить; Елена Анд. не говорила такимъ языкомъ, это совсѣмъ не ея слогъ, не ея манера, также какъ и всѣ рѣчи, приписываемыя ей въ «романѣ». Кузины Сушкины ничуть не были поражены ея знакомствомъ съ барономъ Брамбусомъ и нисколько

не желали съ нею соперничать; а когда на одномъ балѣ, вскорѣ по пріѣздѣ Елены Андреевны въ Петербургъ, къ ней очень радостно подбѣжалъ старый одесскій знакомецъ, флигель-адъютантъ графъ Браненцкій, и не отходилъ отъ нея во весь вечеръ, то старшая Сушкина (будущая Хвостова) точно была поражена, и употребила всѣ старанія, чтобы по рекомендациѣ Елены Анд. обратить на себя его вниманіе, но совершенно вотще, несмотря на свою красоту и свѣтскость.

«Едва ей минуло шестнадцать лѣтъ, — продолжаетъ «романъ»: — родители послѣшили пристроить ее и выдали за первого посватавшагося»... Выдали не за первого посватавшагося, а за человѣка, за котораго она сама хотѣла выйти. Ей не препятствовали, потому что тогда бракъ въ шестнадцать лѣтъ былъ самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, а посватавшейся былъ человѣкъ хорошаго происхожденія, умный, отлично образованный, доброго, благороднаго характера, а потому не было никакихъ причинъ противиться этому браку. Впослѣдствіи оказалось, что они не сошлись характерами, но этого нельзя было предвидѣть. «Бѣдной Леночкой», также какъ «Леной», родители ее не называли, да и никто не называлъ. Въ Петербургѣ Елена Анд. съ мужемъ и дѣтьми жила не «въ маленькомъ темномъ уголкѣ», а въ приличной свѣтлой квартирѣ, напитой злаговоременно братомъ мужа, Иваномъ Алексѣевичемъ Ганть, ротмистромъ лейб-гвардіи кирасирскаго полка (который и теперь находится въ живыхъ), поселившимся вмѣстѣ съ ними. Чѣмъ болѣе читаешь эту біографію, тѣмъ болѣе убѣждашься, что это вовсе не біографія, а просто романическая повѣсть, въ которой нѣтъ даже подобія того, что было въ дѣйствительности. Нѣтъ возможности исправить всѣ неправильности и ошибки, такъ какъ онѣ заключаются въ каждой строчкѣ. Въ описаніи личности самой Елены Андреевны только и есть справедливаго, что одно ея имя. Нельзя сказать, что это описание не похоже на нее, — это совсѣмъ не она, и ничего подобнаго она не могла ни дѣлать, ни говорить, потому что это было не въ ея натурѣ, не въ ея характерѣ, не въ ея привычкахъ. Она не была способна на такія пошлныя выходки. Да и всѣ эти разговоры, монологи, происходившіе 44 года тому назадъ, также какъ и ея мысли, изложенные при этомъ, даже опровергать невозможно; всякий мыслящій человѣкъ долженъ оцѣнить и понять мѣру ихъ значенія и достовѣрности, тѣмъ болѣе, что материалъ всей этой статьи, по заявлѣнію самого автора, почерпнутъ изъ записокъ и писемъ женщины, увлекавшейся ревностію къ своему мужу. До какихъ крайностей доводить ея ревность, очевидно уже изъ того, что она передаетъ разговоры, происходившіе въ замкнутомъ кабинетѣ ея мужа, — почему же она ихъ знаетъ? Значить, она подслушивала у дверей, или слышала ихъ въ припадкѣ ясновидѣнія, или, вѣрнѣе и проще всего, просто сама сочинила. Послѣднее предположеніе еще болѣе подтверждается тѣмъ, что г-жа Сенковская не только слышала разговоры, но даже знаетъ мысли Елены Андреевны, — знаетъ, что она думала въ то время, и пересказываетъ это съ такою самоувѣренностью и апломбомъ, что рѣшительно не понимаешь, что это такое? — бредъ ли г-жи Сенковской, или игра ея сочинительскихъ увлеченій, воспаленныхъ ревностію?

Елена Андреевна изъ Петербурга не бѣжала «отъ своей страсти къ барону Брамбесу», а просто уѣхала съ своимъ отцомъ и сестрой къ матери, чтобы всѣмъ вмѣстѣ ѻхать на лѣто въ Пятигорскъ. Отецъ пріѣжалъ въ Петербургъ опредѣлить сына въ артиллерійское училище и привезъ съ собой дочь Екатерину Андреевну; они жили съ Еленой Анд., оставались въ Петер-

бургъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ, и сестры все это время не разлучались одна съ другой. Елена Анд. болѣе въ Петербургѣ не была, а мужъ ея оставался тамъ еще довольно долго, пока получилъ батарею. Сестра моя Екатерина Андреевна (которая, слава Богу, жива и здорова) была свидѣтельницей, какъ Сенковскій противился отъѣзду Елены Андреевны, уговаривалъ и умолялъ ее остататься въ Петербургѣ.

При отъѣздѣ, у нея не было въ рукахъ никакого «золота», такъ какъ она едва начала писать. Переводная повѣсть «Годольфинъ» и первая, ея сочиненія, «Идеаль», напечатанныя до отъѣзда ея, далеко не обогатили Елены Андреевны. Да и вообще литературный трудъ доставлялъ ей гораздо болѣе душевныхъ тревогъ и волненій, нежели золота. Что касается несчастной любви (на которой виждется «романъ») Елены Андреевны къ Сенковскому, могу увѣрить всѣхъ желающихъ знать правду, что никакой даже тѣни любви не было и не могло быть, и никогда, ни одной минуты Елена Андреевна не была и не могла быть влюблена въ Сенковскаго. Переписка, находящаяся у меня, служить неопровержимымъ доказательствомъ моего несомнѣнаго утвержденія. Елена Анд. уважала его умъ, громадныя познанія, была признательна за нравственную поддержку, оказанную имъ при вступлении ея на литературное поприще, и болѣе ровно ничего. Удивительно, до какихъ заблужденій доводятъ людей страсти и своевольное воображеніе, увлекшія Сенковскую въ этотъ безсмыслиціи самообманъ и нелѣпый по克莱пъ, даже клевету.

Въ «Романѣ одной забытой романистки» Елена Андреевна выставлена какой-то безактной, неловкой, угрюмой, забитой провинціалкой, ничего не видавшей, не испытавшей, кроме нужды и лишений, и къ тому же некрасивой собой; въ дѣйствительности Елена Андреевна была очень живаго, веселаго характера, исполненнаго юмора, остроумія, находчивости, очень красива, прекрасно сложенная,стройная,совершенно свѣтская женщина, всегда окруженнaya поклонниками и обожателями. Своимъ блестящимъ умомъ и образованіемъ, своей привлекательной, выразительной наружностію, она составляла красу общества и обращала на себя общее вниманіе. Въ 30-хъ годахъ, она провела около трехъ лѣтъ у своихъ родителей въ Одессѣ. Одесса тогда была въ апогѣѣ своего общественного развитія и оживленія; генералъ-губернаторъ графъ Воронцовъ и графиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова, какъ магнитомъ, притягивали къ себѣ со всѣхъ концовъ Европы людей, служившихъ украшеніемъ лучшихъ обществъ. Тогда въ Одессы съѣзжалось много польской знати, многіе и русскіе тузы селились въ ней, привлекаемые южнымъ климатомъ и моремъ. Большая часть изъ нихъ жили открыто, широко, и зимой блестящіе балы и увеселенія всякаго рода слѣдовали одни за другими. Елена Андреевна была прията во всѣхъ этихъ домахъ, бывала на всѣхъ балахъ и празднествахъ, начиная съ еженедѣльныхъ понедѣльниковъ Воронцовыхъ, всѣмъ нравилась, всѣ у нея заискивали и поклонники ея были безъ числа. Въ Петербургѣ она пріѣхала не дикой провинціалкой, а женщиной, знакомой со свѣтомъ и умѣвшей себя держать въ хорошемъ обществѣ.

Въ характерѣ Елены Андреевны Гань была еще одна черта, хорошо знакомая ея роднымъ и близкимъ. Когда она подмѣчала смѣшины стороны иныхъ людей, она любила этихъ людей дурачить и мистифировать, — это ее забавляло, и она это дѣлала такъ остроумно, такъ комично и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ серьезно, что въ самомъ дѣлѣ выходило необыкновенно забавно для особъ, посвященныхъ въ шутку, а не понимавшіе ея и не подозрѣвали ми-

стификації. Если Елена Андреевна подмѣтила въ г-жѣ Сенковской ея злополучную ревность, то этимъ объясняются мечтательная заблужденія бѣдной подруги барона Брамбуса. Во всякомъ случаѣ она была жертвой одного изъ двухъ: или собственныхъ галлюцинацій отъ избытка ревности, или шуточной мистификації Елены Андреевны Гань. А, можетъ быть, того и другаго вмѣстѣ.

Надежда Фадѣева.

II.

Письмо В. П. Желиховской.

Прочитавъ въ августовской и сентябрской книжкахъ «Исторического Вѣстника» статью подъ заглавиемъ: «Романъ забытой романистки», я съ изумлениемъ и глубокимъ горемъ узнала въ ней несправедливое нареканіе на память матери моей Елены Андреевны Гань, урожденной Фадѣевой, писавшей подъ псевдонимомъ «Зинаиды Р—вой».

Я возмутилась до глубины души такимъ незаслуженнымъ и неожиданнымъ оскорблениемъ!.. Мати моя, хотя умерла въ ранней молодости, но оставила по себѣ не только память талантливой романистки во всей Россіи, но глубокое уваженіе къ душевнымъ качествамъ своимъ и къ безупречной чистотѣ своей трудовой жизни — всѣмъ, знавшимъ ее лично; а намъ, дѣтямъ своимъ, завѣщала прімѣръ всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ достоинствъ, доступныхъ женщинѣ... Я тотчасъ рѣшила, что тутъ должно быть недоразумѣніе, и что я обязана вступиться за истину.

Странный фактъ, что, кромѣ неправдоподобія всего «романа», во всей статьѣ не оказывается ни одной вѣрной данной касательно семьи вашей,— годовъ, мѣстопребываній, характеристики и описанія виѣшности лицъ, очевидно, перепутанныхъ,—удостовѣряя меня въполномъ невѣдѣніи автора.

На побѣрку такъ и вышло: г. Старчевскій никого изъ Фадѣевыхъ, Гань, Сушкиовыхъ или близкихъ имъ лицъ никогда не зналъ. Да, какъ видно, и я не желала узнать! Переселившись въ Петербургъ годъ тому назадъ и услыхавъ случайно, что онъ пишетъ что-то о матери моей, я вызывалась дать ему свѣдѣнія, но онъ не воспользовался моимъ предложеніемъ... Тогда, когда я упрекнула его въ этомъ, онъ возразилъ, что болѣзнь помѣщала ему со мной повидаться; что, къ тому же, статья его была написана два года тому назадъ, а въ составленіи ея онъ руководствовался источникомъ достойнымъ всякаго довѣрія: записками Аделаиды Александровны Сенковской.

Сомнѣвалась въ томъ, чтобы г-жа Сенковская, хотя она и была въ свое время извѣстна за особу крайне ревнивую, часто ставившую мужа своего въ весьма неловкое положеніе безпричинными опасеніями за ихъ супружеское счастіе, рѣшилась клеветать на женщину, съ которой состояла въ пріязни и дружеской перепискѣ, по самый день смерти ея, — я потребовала подлинныя рукописи ея... Г. Старчевскій отоспалъ меня за ними къ приятельницѣ, переписчицѣ и переводчицѣ покойной г-жи Сенковской, всегда писавшей пофранцузски, — къ Софѣ Ивановнѣ Снессоровой. Вполнѣ со мною согласившись касательно крайней ревности Аделаиды Александровны, какъ человѣкъ, близко знавшій семейную жизнь Сенковскихъ, г. Старчевскій, тѣмъ не менѣе, слагаль съ себя всякую отвѣтственность, ссылаясь на ея «записки» и на свидѣтельство г-жи Снессоровой.

Каково же было мое изумлѣніе, когда я, побывавъ у нея, удостовѣрилась, что рукопись, доставившая ей такія «вѣрныя» свѣдѣнія для описанія «романа» моей матери, совсѣмъ не воспоминанія и не записи, а какой-то романическій вымыселъ, безъ подписи автора¹⁾, безъ дѣйствительныхъ именъ или фамилій! Какой-то романъ подъ заглавиемъ: «Соперницы», гдѣ миѳическіе герои, «баронъ и баронесса Мышецкіе», осаждаются десятками влюбленныхъ въ «гениального барона» женщины, всѣхъ возрастовъ и званій.

¹⁾ Французскій подлинникъ, по словамъ г-жи Снессоровой, уничтоженъ самой Сенковской; а переводъ не имѣть подписи и нигдѣ нѣть въ немъ ея имени.

Софья Ивановна Снессорева искренно огорчилась, узнавъ, какое употребленіе сдѣлано изъ рукописи, переданной ею г. Старчевскому, какъ лицу близкому Сенковскому, съ цѣлью, если возможно, напечатать ее «цѣликомъ и безъ измѣненій». На просьбу же назвать дѣйствующихъ въ ней лицъ, она отвѣтала, что «не сочла бы себя въ правѣ разоблачать имена, скрытыя авторомъ, даже если бы знала ихъ»; но что «они ей самой совершенно неизвѣстны»... Прилагаю письмо г-жи Снессоревой, въ которомъ она слагаетъ съ себя всякую ответственность въ этомъ печальномъ дѣлѣ, повторяя все, сказанное мною на словахъ. Изъ него явствуетъ, что никто не имѣлъ ни права, ни даже малѣйшаго повода, произвольно отождествлять личность матери моей съ какой-то полупомѣщанной «Наташой», обвиняемой авторомъ (въ сущности неизвѣстнымъ), такъ какъ романъ «Соперницы» не подписанъ, въ незаконной любви къ какому-то «гениальному Мышецкому».

Оказывается, что г. Старчевский избралъ изъ сонма воображаемыхъ соперницъ, ad libitum, ту, которая ему показалась наиболѣе подходящей къ личности Елены Андреевны Гань, на томъ лишь основаніи, что она выставлена писательницей и весьма легкомысленно выдалъ мать мою за оригиналъ г-жи Сенковской.

Я бы очень была рада не упоминать о томъ, что письма матери моей достались г. Старчевскому (по собственному разсказу его мѣр и многимъ другимъ) тоже косвеннымъ путемъ; но, къ несчастію, онъ самъ меня вынуждаетъ къ тому слѣдующему, произвольному заключенію, которое отымаеть у меня возможность вѣрить, что онъ самъ, лично, не желалъ поддерживать въ читателяхъ дурного мнѣнія о моей матери.

Видя, что дружескія письма Е. А. Гань къ А. А. Сенковской, а равно и виолѣт достойный, сдержаный тонъ ея писемъ къ самому г. Сенковскому, рѣзко противорѣчать тому типу женщины легкихъ нравовъ, любившей рассказывать скабрѣзные анекдоты, представлявшей и своими рѣчами, и неряшествомъ одежды, извѣстный типъ стриженныхъ дѣятельницъ, проявившійся двадцать лѣтъ послѣ кончины ея, г. Старчевскій вымыслияетъ, ради объясненія этого странного противорѣчія, слѣдующее предположеніе:

«Первое, сохранившееся письмо Е. А. Гань къ Сенковскому писано 22-го сентября 1838 года», — говорить онъ въ началѣ второй части своего разсказа¹⁾. «Нѣтъ никакого сомнѣнія (?!), что до него у Сенковского былъ цѣлый ихъ ворохъ, но они были преданы сожжению, какъ болтовня молодой женщины веселой, остроумной и словоохотливой; но въ нихъ могли (!) попадаться и вѣкотория двусмыслиности, которыхъ могли компрометировать молодую особу»...

Что же могло дать поводъ г. Старчевскому заключить, что такія компрометировавшія мать мою письма существовали?.. Почему онъ думаетъ, что они были сожжены заранѣе?.. Зачѣмъ было Сенковскому отдѣлять ихъ отъ другихъ, когда вѣдь и тѣ письма, которая г. Старчевскій отдалъ въ печать, въ сущности были предназначены ихъ владѣльцемъ огню, а не гласности?.. Такъ какъ г. Старчевскій говоритъ объ этомъ фактѣ самъ, никого не обязывая къ тайнѣ, то я считаю себя въ правѣ оправдать мать мою отъ этого предположенія, тоже бросающаго на нее тѣнь подозрѣнія.

По смерти Осипа Ивановича Сенковскаго, жена его поручила г. Старчевскому, какъ ближайшему помощнику своего мужа, разобрать оставшіяся у него бумаги. Между ними овь нашелъ пачку писемъ съ надписью: «сжечь». Г. Старчевскій ихъ не сжегъ, но неясно ли изъ этого, что Сенковскій предполагалъ истребить всѣ письма моей матери вообще, безъ всякаго выбора?

Даже предположивъ, что О. И. Сенковскій былъ такъ щепетиленъ и предусмотрителенъ, что сжигалъ компрометантныя письма тотчасъ по ихъ полученіи, — такая возможность, не имѣя фактическихъ подтвержденій, остается произвольнымъ умозаключеніемъ, которое г. Старчевскій не имѣлъ права выдавать за «несомнѣнныи» фактъ. «Никакого нѣтъ сомнѣнія» — лишь въ побудительныхъ причинахъ, заставившихъ его придумать такую комбинацію: надо же было объяснить чѣмъ nibудь странное противорѣчіе между подлинными письмами Зинаиды Р-вой и возводимыми на нее поклонами, безправно окрещенными «ея романомъ».

¹⁾ Сентябрская книжка «Историческаго Вѣстника», стр. 509.

А что вторая часть «Романа забытой (къ счастію, не всѣми!) романистки», почти вся состоя изъ писемъ Елены Андреевны Ганъ къ Сенковскимъ, представляетъ краснорѣчивое опроверженіе первой выдуманной части,—фактъ, который не можетъ не поразить каждого беспристрастнаго читателя,—ясно какъ Божій день не одному г. Старчевскому.

Зная, что многіе журналы и газеты, интересовавшіеся біографіей моей матери дѣлали извлечения изъ фантастического «Романа», плода воображенія г-жи ли Сенковской, или г-на Старчевского,—ужъ и не знаю кого изъ двухъ благодарить за него! — я покорѣйше прошу всѣ редакціи пользовавшіяся имъ, въ ущербъ памяти моей матери и правдѣ, не отказаться возстановить истину перепечатаніемъ и моего письма.

Вѣра Желиховская.

III.

Письмо Е. Н. Ахматовой.

Въ статьѣ А. В. Старчевского: «Романъ одной забытой романистки», въ августовской и сентябрской книжкахъ «Исторического Вѣстника» есть двѣ не-вѣрныя ссылки на меня, изъ которыхъ одну я считаю необходимымъ исправить, другую опровергнуть.

Живя въ Астрахани въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, я не только слыхала много о Фадѣевыхъ, но и была лично знакома съ ними. Мать Е. А. Ганъ, Елена Павловна Фадѣева, рожденная княжна Долгорукова, не смотря на свое болѣзньное состояніе, не пренебрегала воспитаніемъ дочерей. Это была женщина высокаго образованія и замѣчательнаго ума. Е. А. Ганъ и совсѣмъ не звала. Когда ея родители жили въ Астрахани, она была уже замужемъ. Всѣ біографическія ссыльнія, сообщенные мною А. В. Старчевскому, въ частномъ разговорѣ, обѣ Е. А. Ганъ, заключались только въ томъ, что она была дочь Е. П. и А. М. Фадѣевыхъ, сестра Ростислава Андреевича Фадѣева, жена полковника Гана и мать извѣстной писательницы Радда-Бай.

О той интригѣ, о которой говорится во второй ссылкѣ на меня, на 514 страницѣ сентябрской книжки «Исторического Вѣстника», и которая заставила Е. А. Ганъ отдавать свои статьи въ «Отечественные Записки», я не только никогда не передавала А. В. Старчевскому, но и не слыхала ничего. Весьма вѣроятно, что А. В. Старчевский слышалъ это отъ кого нибудь другаго: черезъ столько лѣтъ память легко можетъ иамѣнить.

Е. Ахматова.

ОПЕЧАТКИ. Въ статьѣ В. Д. Кренке «Быть саперовъ двадцать пять лѣтъ назадъ» (въ октябрской книжкѣ «Исторического Вѣстника») замѣчены двѣ существенные опечатки, которыхъ авторъ просить исправить:

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
91	21 сверху.	генераль-маиръ Кехли	генераль-маиръ Бехли
119	13 снизу.	и на столько прямыми вы- стрѣлами	и настѣльными прямыми вы- стрѣлами.

Издания Московского архива Министерства Юстиции.

1) Описание первой степени архива вотчинного департамента, составленное учрежденнымъ для сего особеннымъ комитетомъ. М. 1839. Въ типографіи правительствующаго сената, стр. 1—386, in folio. Цѣна 2 рубля.

Описанію предпосланы въ видѣ предисловія историческая свѣдѣнія объ архивѣ вотчинного департамента и объ учрежденіи въ Москвѣ комитета для описанія архивовъ сенатскаго (т. е. разряднаго), государственнаго (т. е. старыхъ дѣлъ) и вотчиннаго. Самое описание состоить въ поименованіи городовъ, по коимъ документы хранятся въ архивѣ, и въ перечислении цифровыхъ указаний столбцами и книгамъ, хранящимся въ немъ, и составлено въ формѣ вѣдомости, раздѣленной на четыре графы: въ первой показанъ нумеръ столбца или книги; во второй—какихъ годовъ документы; въ третьей—имѣются ли тѣмъ документамъ описи, или нетъ; въ четвертой—учинены ли алфавиты.

2) Обзоръніе писцовыхъ книгъ по Московской губерніи, съ присовокупленіемъ краткой исторіи древнаго межеванія. Сост. П. Ивановыи. М. 1840. Въ типографіи правительствующаго сената, стр. I—IV, 1—20, 45—342, in 4°, съ планомъ. Цѣна 1 рубль 80 коп.

Въ «предувѣдомлениі» указана цѣль предпринятаго изданія и объяснена польза его. Затѣмъ идетъ статья подъ заглавиемъ: «Краткая историческая свѣдѣнія о древнемъ описаніи земель». Книга состоить изъ отдѣльныхъ реестровъ по числу уѣздовъ, какіе вдревле значились въ писцовыхъ книгахъ по Московской губерніи, и притомъ такъ, что по каждому уѣзду имѣется два реестра. Въ однихъ реестрахъ заключаются въ алфавитномъ порядкѣ имена и фамилии владѣльцевъ недвижимыхъ имѣній въ помянутыхъ уѣздахъ, съ означеніемъ въ особыхъ двухъ графахъ нумеровъ (общаго и частнаго) писцовыхъ книгъ, въ коихъ тѣ лица упоминаются; въ другихъ реестрахъ перечислены въ алфавитномъ порядкѣ недвижимыя имѣнія владѣльцевъ, съ означеніемъ, также въ двухъ графахъ, нумеровъ (общаго и частнаго) писцовыхъ книгъ. Уѣздаами московскими въ писцовыхъ книгахъ значились: Московскій, Коломенскій, Каширскій, Серпуховскій, Боровскій, Можайскій, Вяземскій, Дмитровскій и Клинскій.

3) Обзоръніе писцовыхъ книгъ по Новгороду и Пскову. М. 1841. Въ типографіи правительствующаго сената, стр. I—IV, 1—256, in 4°. Цѣна 1 рубль 40 коп.

Въ книгѣ заключаются алфавитные указатели селамъ, сельцамъ, деревнямъ, пустошамъ, займищамъ, пожнямъ и погостамъ, значущимся въ писцовыхъ книгахъ по Новгородской и Псковской губерніямъ. Въ этихъ алфавитахъ противъ каждого названія селеній и пустошей, въ особыхъ двухъ графахъ, указаны нумера, общій и частный, писцовыхъ книгъ, въ коихъ они упоминаются.

4) Общий алфавитъ фамиліиъ владѣльцевъ недвижимыхъ имѣній (селъ, деревень, пустошей, селищъ, займищъ, пожней и погостовъ) по Новгороду всѣхъ пятии. М. 1841. Въ типографіи правительствующаго сената, стр. 1—99, in 4°. Цѣна 40 коп.

Книга эта служитъ дополненіемъ къ предыдущей: «Обзоръніе писцовыхъ книгъ» по названнымъ городамъ, и составлена, подобно ей, въ формѣ такихъ же указателей, съ двумя графами нумеровъ, общаго и частнаго, писцовыхъ книгъ, въ коихъ владѣльцы упоминаются.

5) Описание государственного разряднаго архива, съ присовокупленіемъ списковъ со многихъ хранящихся въ немъ любопытныхъ документовъ. Сост. П. И. Ивановыи. М. 1842. Въ типографіи Селивановскаго, стр. I—XXII, I—45, 1—29, 1—452, in 8°. Цѣна 1 рубль 85 коп.

Описание разделяется на две части. В одной перечислены приказы, документы которых хранятся в этом архиве, а именно: Разрядный, Малороссийский, Сибирский и Печатный приказы, а также Печатная контора, с кратким указанием о времени учреждения, предмете ведомства и личном составе каждого из них. В другой заключаются объяснения названий документов поименованных выше приказов, с показанием количества их, времени, к которому они относятся, и значений их. При описании разрядного архива имются приложения, занимающие наибольшую часть книги; они заключают выписки из документов этого архива, частично в извлечении, частично в подлиннике. Таковы: 1) выписки из боярских книг, боярских, десятенных, смотренных и жилецких списков и из других книг, представляющих полное описание древних служб, порядок верстания окладами и т. п.; 2) документы, относящиеся до вступления на российский престол Михаила Федоровича Романова; 3) документы, относящиеся до духовных перемоний; 4) семь дель по местничеству; 5) любопытные донесения государям, речи, им говоренные, жалобы и прошения, подаваемые по различным случаям; 6) наказ о посольстве в Китай Федора Байкова в 7162 году; 7) ведомости, объясняющие количество книг и столбцов разрядного архива; 8) родословные, в разрядном архиве хранящиеся; 9) присутствующие дьяки разрядного приказа. В конце книги приложен указатель собственных имен и фамилий лиц, упоминаемых в ней, а также указатель встречающихся в ней назначаний географических мест.

6) Описание государственного архива старых дел. Сост. П. Ивановский. М. 1850. В типографии Селивановского, стр. I—VII, I—IV, 1—197, 1—290, in 4°. Цена 2 рубля.

В предисловии сказано о времени учреждения этого архива и значениях документов, хранящихся в нем. В книге заключается описание: 1) приказов: всех патриарших, а также Монастырского, Каменного, Судного, Сыскного, Сибирского и Преображенского; 2) коллегий: Камеръ, Ревизионъ, Экономи и Юстицъ; 3) конторъ (семи); 4) канцелярий (семи); 5) комиссий (одиннадцати); 6) комитетов (трех); 7) казначействъ (двух); 8) правления (одного); 9) ратушъ и магистратов (трех); 10) экспедиций (двух); 11) книг ландратских и ревизских сказок (четырех). В книге имеются «Приложения»: 1) судные дела, грамоты и другие документы, имеющие юридический характеръ; 2) выписки из некоторых любопытных документов, какъ-то: два царских грамоты и одна память тобольскому архиепископу Макарию 1625 года, о боярском сыне Низовцовъ, об управлении епархию, о исправлении требника. Царская грамота въ Ельгородъ 1648 года о исправлении нравовъ и уничтожении суеты. Выписка из описей Патриаршаго приказа келейным патриаршим вещамъ и книгамъ 1630 и 1638 годовъ. Ведомость, сколько по переписи 1700 года книгамъ состояло за монастырями и вообще духовным ведомствомъ крестьянскихъ дворовъ, и другая; 3) снимки съ 25 древних грамот XV, XVI и XVII вековъ (на 10 листахъ); 4) ведомости о числахъ документов, хранящихся въ государственномъ архивѣ старыхъ делъ, «равно и до другихъ предметовъ относящіяся».

7) Опыты исторического изслѣдования о межевании земель въ Россіи. Соч. П. Ивановский. М. 1846. В типографии Селивановского, стр. I—IV, 1—151, in 8°. Цена 1 рубль 50 коп.

В книге излагается ходъ предпринимавшихся измѣреній земель въ Россіи и оканчивается мѣрами правительства о генеральномъ и специальному размежеваніи земель. Значительную часть книги составляютъ 13 «приложений». Замѣчательны изъ нихъ: 1) таблица помѣстныхъ окладовъ, которые въ XVII вѣкѣ назначались духовнымъ властямъ и служилимъ людямъ, собственно занимаемой каждымъ должности и чину; 2) ведомость, показывающая время генерального межеванія каждой губерніи; 3) ведомость о пла-

нахъ, атласахъ и картахъ по каждой губерніи, хранящихся въ чертежномъ архивѣ межевой канцеляріи; 4) о старинномъ лѣтосчислѣніи; 5) наименованіе древней мѣры и сравненіе оной съ нынѣшнею; 6) объясненіе нѣкоторыхъ словъ, встрѣчающихся въ древнихъ документахъ, равно и значенія многихъ грамотъ и юридическихъ актовъ прошлаго судопроизводства; 7) снимки: а) чертежъ гор. Смоленска XVII вѣка; б) чертежъ спорной дачи; в) снимокъ съ писцовой книги 1540 года; г) снимокъ съ писцовой книги 1556 года.

8) Алфавитный указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ, хранящихся въ 1-мъ отдѣленіи московскаго архива министерства юстиції, съ обозначеніемъ служебной дѣятельности каждого лица и годовъ состоянія въ занимаемыхъ должностяхъ. М. 1853. Въ типографії Селивановскаго, на 498 страницахъ, in 4°. Цѣна 1 рубль 50 коп.

Книга напечатана въ два столбца, изъ которыхъ каждый раздѣленъ на 5 графъ. Въ первой перечислены въ алфавитномъ порядкѣ фамиліи, имена и отчества лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ; во второй — чинъ или должностъ каждого лица; въ третьей — годы чина или должностіи, въ четвертой — номеръ книги и въ пятой — страницы книги, въ коихъ писаны имена. Въ концѣ — Приложенія: три листа снимковъ съ боярскихъ книгъ 7135, 7166 и 7200 годовъ.

9) Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиції. Книга первая. Спб. 1869. Въ типографії правительствующаго сената. Стр. I—XXXVIII, 1—46, I—XXVI, 1—429, I—II, 1—8, in 8°. Цѣна 2 рубля 50 коп.

Содержаніе книги составляютъ: I. Указатель документовъ и бумагъ хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиції. Въ этомъ указателѣ заключаются: а) обозрѣніе учрежденій, коихъ документы поступили въ архивъ; б) вѣдомости документовъ и бумагамъ, находящимся въ архивѣ по ихъ разрядамъ; в) алфавиты: 1) документовъ и бумагамъ и 2) учрежденіямъ, упоминаемымъ въ обозрѣніи и вѣдомостяхъ. II. Описаніе книгъ писцовыхъ, переписныхъ, доворныхъ, перечневыхъ, платежныхъ и межевыхъ. Въ этомъ описаніи заключаются: а) о начальѣ, значеніи, составѣ и содержаніи писцовыхъ, межевыхъ и другихъ книгъ; б) описи означеннымиъ книгамъ; в) алфавитные указатели: 1) именъ личныхъ и 2) географическихъ. III. Документы, извлеченные изъ книгъ Патріаршаго Казеннаго приказа о церковныхъ пошлинахъ, какъ-то: а) указъ патріарха Іоакима о посылкѣ во всѣ епархіи выписки изъ книгъ того приказа о церковныхъ пошлинахъ (1687 г. 27 февраля); б) грамота того же патріарха новгородскому митрополиту Корнилию съ препровожденіемъ выписки о церковныхъ пошлинахъ, взимаемыхъ въ Патріаршемъ Казенномъ приказѣ (1687 г. 13 марта); в) выписка изъ книгъ Патріаршаго Казеннаго приказа о церковныхъ пошлинахъ 1687 г. марта); г) роспись духовныхъ властей, коимъ посланы грамоты патріарха съ выпискою о церковныхъ пошлинахъ.

10) Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиції. Книга вторая. Спб. 1872. Въ типографії правительствующаго сената, стр. I—II, I—VIII, 1—198, I—VI, 1—70, I—IV, 1—210, I—II, 1—8, in 8°. Цѣна 2 рубля.

Содержаніе книги составляютъ статьи: 1) систематическое описание документовъ Сыскнаго приказа 1730—1763; 1-е отдѣленіе: «устройство, составъ и дѣлопроизводство Сыскнаго приказа», составлено Н. Е. Сѣвернымъ и состоитъ изъ пяти главъ: помѣщеніе Сыскнаго приказа, личный составъ, колодники, денежныя суммы и дѣлопроизводство; 2) дополнительная опись книгъ писцовыхъ, переписныхъ, доворныхъ, перечневыхъ, платежныхъ и межевыхъ, поступившихъ въ архивъ уже послѣ изданія первой части описанія его документовъ, съ алфавитными указателями къ ней; 3) описание книгъ доворныхъ, переписныхъ, описныхъ межевыхъ, доимочныхъ, раздѣльныхъ,

отказныхъ, отдѣльныхъ, обыскныхъ и росписныхъ, составленныхъ по патріаршимъ указамъ 1620—1703 годовъ, съ указателями къ оному; 4) о постройкѣ въ Москвѣ сгорѣвшаго въ 1753 году Головинскаго дворца.

11) Описание документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга третья. М. 1876. Въ университетской типографіи. Стр. I—VIII, 1—139, I—II, 1—220, in 8°. Цѣна 2 р.

Содержаніе книги составляютъ отдѣльныя статьи: 1) О сенатѣ въ царствованіе Петра В. Историко-юридическое изслѣдованіе С. А. Петровскаго. Глава 1-я. Происхожденіе, развитіе и значеніе сената. Глава 2-я. Составъ сената (сенаторы, канцелярія, сенатская контора въ Москвѣ, комиссары отъ губерній при сенатѣ, фискалы, генераль-прокуроръ и прокуроры, генераль-рекетмейстеръ, герольдмейстеръ). Глава 3-я. Кругъ вѣдомства сената (законодательство, судебная дѣятельность, военные дѣла, финансы, торговля, промышленность, благосостояніе и безопасность). Глава 4-я. Дѣлопроизводство въ сенатѣ. 2) Областное управление Россіи XVIII вѣка до учрежденія о губерніяхъ 7-го ноября 1775 года. Историко-юридическое изслѣдованіе П. Н. Мрочекъ-Дроздовскаго. Часть 1-я. Областное управление эпохи первого учрежденія губерній (1708—1719 г.). Глава 1-я. Областное дѣлопроизводство. Глава 2-я. Главные областные правители. Глава 3-я. Второстепенные правители. Глава 4-я. Канцелярія и дѣлопроизводство. Глава 5-я. Предметы вѣдомства (военные дѣла).

12) Описание документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга 4-я. М. 1884. Въ типографіи Снегирева. Стр. I—II, 1—192, I—VIII, 1—534, in 8°, съ двумя планами. Цѣна 2 рубля.

Содержаніе книги составляютъ пять отдѣльныхъ статей, группированыхъ въ 2-хъ отдѣленіяхъ: I-е отдѣленіе. 1) Сыскной приказъ 1730—1763 г. Отдѣленіе второе (первое отдѣленіе напечатано во 2 книгѣ) А. А. Голубева. Содержаніе: верховная власть, государственная служба, дворяне, городскіе и посадскіе люди, монастыри, бѣлое духовенство, крестьяне, судопроизводство. 2) Розыскная экспедиція при московской губернскій канцеляріи 1763—1784 г. В. С. Лазовскаго (учрежденіе, личный составъ, предметъ вѣдомства и дѣлопроизводство). II-е отдѣленіе: 3) грамоты и другие акты XIV и XV вв. московского архива министерства юстиціи (жалованные, указанные, судебные акты, межевые, мировые, отступные, раздѣльные, мѣновные, купчіе, даяніе, духовные); ихъ форма, содержаніе, значеніе въ исторіи русскаго права. Съ приложеніемъ образцовъ грамотъ разныхъ наименованій. Д. М. Мейчика. 4) Обзоръ историко-географическихъ материаловъ XVII в., заключающихся въ книгахъ Разряднаго приказа. Изслѣдованіе Н. Н. Оглоблина. Содержаніе оного, кроме предисловія: а) материалы для топографіи городовъ: росписные списки, смѣтныя книги, годовая смѣтныя книги, переписныя книги городовъ, строельныя книги, переписныя книги городскихъ монастырей, церквей, улицъ и дворовъ, оброчныя книги, документы о подгородныхъ земляхъ; б) описание и списки уѣздныхъ поселенныхъ пунктовъ: переписныя книги, списки служилыхъ людей, сборныя книги, межевые и т. п. документы; в) описание рубежей, порубежныхъ укрѣшеній, сторожи и станицы, переписныя книги порубежныхъ областей и порубежная служба; г) материалы для гидрографіи: рыбныя ловли, мельницы, мости и перевозы, струговое дѣло; д) естественные произведения страны; е) статистика населенія страны и народнаго хозяйства. 42 приложения и указатель.

13) Внутренній бытъ Русскаго государства съ 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года, по документамъ, хранящимся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга первая. Верховная власть и императорскій домъ. М. 1880. Въ университетской типографіи (М. Каткова). Стр. I—X, 1—588, in 8°. Цѣна 3 рубля.

Содержание: 1) Управление, титулы, вѣра. 2) Придворный штатъ: а) дворъ императора и б) дворы правительницы и ея супруга. 3) Дворцы, дома, дворы (въ Петербургѣ, Москвѣ, Ревелѣ). 4) Богослужение и духовенство при дворѣ. 5) Внутреннее управство дворцовъ. 6) Свѣдѣнія о платьяхъ и цѣнныхъ вещахъ правительницы, ея дѣтей и лицъ, находившихся при нихъ, и обѣ игрушкахъ Иоанна Антоновича. 7) Дворцовые сады. 8) Музыка, театръ и другія увеселенія при дворѣ. 9) Празднества при дворѣ. 10) Народный маскарадъ и маскарадная свадьба 1740 года. 11) Придворные охоты. 12) Придворный столъ. 13) Императорскій конюшенный дворъ. 14) Офиціальные выѣзды правительницы и ея супруга. 15) Печальная комиссія, учрежденная по случаю кончины императрицы Анны Ioannovны. Указатель документамъ, изъ коихъ извлечено содержаніе означенныхъ отрывковъ. **Приложенія:** 1) Манифесты, указы и прочія распоряженія правительства—всего 27 документовъ. 2) Биографическая замѣтка объ Иоаннѣ Антоновичѣ и его семействѣ. Алфавитный указатель личныхъ имёнъ. Рисунки. Портретные изображенія: императрицы Анны Ioannovны, императора Иоанна Антоновича, принцессы Анны Леопольдовны. Снимки: съ серебряного рубля 1741 г., съ подписей 1740—1741 г. императрицы Анны Ioannovны и Елизаветы Петровны, принцессы Анны Леопольдовны, супруга ея Альтона Ульриха и регента Иоанна Бирона; съ плановъ: слоноваго двора, слоноваго амбара, крыши адмиральского дома; съ рисунка, составленного профессоромъ Штейлиномъ 1741 года октября 31-го дня, для иллюминаціи и празднованія дня рождения императора Иоанна Антоновича.

14) Внутренній бытъ Русскаго государства съ 17-го октября 1740 г. по 25-е ноября 1741 г., по документамъ, хранящимся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга вторая. Высшіе государственные учрежденія: императорскій кабинетъ, сенатъ и синодъ. М. 1886. Въ типографії Л. Ф. Снегирева. Стр. I—IX, 1—432, in 8°. Цѣна 2 рубля.

Содержание: 1) Императорскій кабинетъ. Исторический очеркъ и значеніе.—Помѣщеніе и обстановка.—Устройство и личный составъ: кабинетъ-министры; канцелярія кабинета его императорскаго величества: канцеляріи-совѣтники, тайный кабинетъ-секретарь, кабинетъ-секретари, камериръ, переводчики, подьячіе, кабинетъ-курьеры и Ѳзовыя гренадеры; придворный ракетмейстеръ.—Дѣятельность кабинета. Участіе въ законодательствѣ. Дѣла о назначеніи на государственные должности. Дѣла о наградахъ за службу и о другихъ актахъ высочайшей милости. Дѣйствія кабинета въ качествѣ верховнаго контролера и блюстителя закона и государственного порядка. Дѣла чрезвычайныя. Дѣла церковныя. Дѣла по вѣдомству двора. Дѣла судебнныя. Дѣла военныя. Дѣла финансовыхъ. Дѣйствія кабинета въ области торгово-промышленной. Дѣла по народному просвѣщенію. Дѣла по народному продовольствію и народному здравію. Дѣла по устройству путей сообщенія и столицъ и мѣры противъ пожаровъ и роскоши. Дѣйствія кабинета по дипломатіи.—Дѣлопроизводство кабинета.

2) Правительствующій сенатъ. Значеніе его.—Мѣстонахожденіе и помѣщеніе сената.—Составъ сената: сенаторы, генералъ-прокуроръ, оберъ-прокуроръ и состоявшіе при нихъ чины; составъ канцеляріи сената; составъ герольдмейстерской конторы; составъ ракетмейстерской конторы; составъ печатной конторы; составъ комиссіи при сенатѣ; чины сенатскаго архива; низшіе служители; сенатская типографія; школа при сенатѣ; личный составъ сенатской конторы и состоявшихъ при ней учрежденій; типографія при сенатской конторѣ.—Дѣятельность сената: участіе въ законодательствѣ; сенатъ какъ судебное учрежденіе; участіе сената въ военныхъ дѣлахъ; участіе его въ финансовыхъ дѣлахъ; дѣйствія сената въ области торгово-промышленной; участіе сената въ дѣлахъ народного просвѣщенія; дѣятельность сената по народному продовольствію, по народному здравію, по устройству

путей сообщения и по возведению и исправлению казенныхъ и городскихъ зданій; дѣйствія сената по огражденію городовъ отъ пожаровъ; его распоряженія относительно бѣглыхъ и нищихъ и его занятія по выдачѣ паспортовъ; участіе сената въ дѣлахъ церковныхъ и въ дѣлахъ виѣшней политики. Дѣятельность учрежденій, состоявшихъ при сенатѣ, въ Петербургѣ: герольдмейстерской конторы, рекетмейстерской конторы, печатной конторы; предметъ вѣдѣнія канцеляріи малороссійскихъ дѣлъ; занятія «комиссіи о разсмотрѣніи прошлыхъ лѣтъ дѣлъ»; занятія «комиссіи сочиненія уложенія»; занятія «доимочной комиссіи»; занятія комиссіи обѣ отдачѣ дворцовыхъ деревень на аренду и комиссіи «сочиненія генерального о числѣ мужеска пола душъ алфавита»; занятія комиссіи «сочиненія окладной книги». Дѣятельность сенатской конторы и состоявшихъ при ней учрежденій.—Дѣло производство въ сенатѣ.

3) Святѣшій синодъ. Исторический очеркъ. Причины уничтоженія патріаршества и учрежденія соборного духовнаго правительства.—Внѣшняя исторія духовнаго регламента.—Первое засѣданіе синода.—Мѣсто его между другими органами управлениія.—Организація синодскаго управлениія: конторы, оберъ-прокуроръ.—Перемѣны въ синодѣ до 1740 года. Святѣшій синодъ 1740—1741 годовъ. I. Помѣщеніе синода.—Составъ присутствія.—Оберъ-прокуроръ.—Составъ синодальной канцеляріи.—Синодальные дворяне.—Жалованье.—Форма сношенія синода стъ правительственными учрежденіями и дѣлопроизводство.—Синодальная типографія. II. Дѣятельность синода: назначеніе лицъ на мѣста и должности.—Заботы обѣ устраненіи недостатка священнико и церковно-служителей.—Руководство дѣятельностью духовныхъ властей вообще.—Духовное просвѣщеніе.—Расширеніе способовъ для доступа въ монастыри.—Охраненіе правъ духовныхъ властей и лицъ.—Попеченіе о ружникахъ.—Обнародованіе указовъ.—Построеніе церквей.—Благоустроеніе церковныхъ богослуженій.—Церковный дѣла по Петербургской губерніи. III. Дѣятельность синода по охраненію догматовъ православной церкви и его попеченіе обѣ исполненіи православными религиозно-нравственныхъ обязанностей.—Дѣйствія синода по распространенію православія между иновѣрцами. IV. Управление дѣлъ синодальнаго вѣдомства въ Москвѣ.—Московская синодальная правленія канцелярія: ея помѣщеніе, устройство, дѣло производство и дѣятельность въ царствование Иоанна Антоновича.

Приложенія: 1) указатель документовъ и другимъ источникамъ, изъ которыхъ извлечены свѣдѣнія, заключающіяся въ книгѣ; 2) указатель личныхъ имёнъ, упоминаемыхъ въ книгѣ; 3) описи сервизамъ, пожалованнымъ кабинетъ-министрамъ; 4) планъ Петербурга 1737 года.

Всѣ вышеупомянутые изданія можно приобрѣтать въ Москвѣ, въ зданіи московскаго архива министерства юстиціи, на Дѣвичьемъ полѣ, по Зубовскому проѣзду.

Кровавый приговоръ былъ скрѣпленъ императорской подписью.

— О Боже, прости меня!—пробормоталъ Алексѣй слабымъ голосомъ и упалъ безъ чувствъ къ ногамъ своего неумолимаго опекуна.

— Жалкое, малодушное дитя!—сказалъ Андроникъ, едва удостоивъ взглядомъ лежавшаго на полу Алексѣя.

Затѣмъ онъ вышелъ изъ залы поспѣшными шагами.

Ночь уже покрыла землю своимъ чернымъ покровомъ, когда снова открылась тяжелая дверь мрачной темницы Маріи.

Вошли двое людей и, осторожно ощупывая стѣны, направились въ тотъ уголъ, гдѣ находилось жесткое ложе императрицы.

— Здѣсь, Птеригонитъ,—сказалъ одинъ изъ вошедшихъ, понизивъ голосъ.—Она спить.

— Тѣмъ лучше, Трипсихъ,—возразилъ другой:—она незамѣтно переселится въ вѣчность.

И его широкія руки охватили желѣзнымъ кольцомъ нѣжную, красивую шею спящей женщины.

Послышался слабый крикъ, сопровождаемый легкими, едва замѣтными судорогами умирающей, затѣмъ снова водворилась тишина.

Преступленіе было совершено. Уже не было на свѣтѣ императрицы Маріи.

— Готово?—спросилъ одинъ.

— Да, все кончено!—возразилъ другой.—А тѣло?

— Въ Босфоръ!..

Нѣсколько минутъ спустя, изъ мрачной темницы вышли двое людей; они несли на рукахъ человѣческій трупъ, окутанный бѣлымъ покрываломъ. Они направились къ берегу Босфора и бросили свою ношу въ море.

У открытаго окна стоялъ Андроникъ. Когда онъ услышалъ глухой шумъ тѣла, упавшаго въ воду, изъ его облегченной груди вырвался глубокій вздохъ.

— Наконецъ-то!—сказалъ онъ, закрывая окно.

На слѣдующее утро, въ значительномъ разстояніи отъ города бѣдные рыбаки увидѣли плывшее тѣло и погребли его на морскомъ берегу, не подозрѣвая, что они предали землѣ смертные останки несчастной императрицы.

Здѣсь на уединенномъ морскомъ берегу почила долгимъ непробуднымъ сномъ супруга и мать императоровъ, гордая Марія Комненъ, воспѣтая поэтами.

VII.

Вънчаніе на царство.

Звѣзда Андроника сяла полнымъ блескомъ. Пали одна за другою преграды, отдѣлявшія его отъ желанной цѣли. Могущественный протосевастосъ сошель со сцены; императрица Марія, наиболѣе опасная противница Андроника, окончила свое существованіе. Даже патріархъ Феодосій, имѣвшій такое сильное вліяніе на молодаго императора, и который пользовался особенной любовью и уваженіемъ въ Константинополь, ссылаясь на свою старость и болѣзнь, добровольно обрекъ себя на изгнаніе, чтобы вдали отъ многолюднаго города найти необходимый для себя покой. Вначалѣ Андроникъ намѣревался удалить и этого врага путемъ насилия, такъ какъ выборъ оружія никогда не затруднялъ его, но Феодосій былъ настороже, тѣмъ болѣе, что не могъ забыть свирѣпаго взгляда Андроника, который такъ поразилъ его при ихъ первомъ свиданіи въ лагерь на азиатскомъ берегу. Онъ не сомнѣвался, что лишь только честолюбивый Андроникъ вступить въ столицу, то престолъ Алексія перейдетъ въ его руки; и поэтому, своевременно отказавшись отъ патріаршаго сана, покинулъ съ сердечнымъ сокрушениемъ пышный городъ, обреченныи на неминуемую гибель.

Андроникъ, узнавъ объ удаленіи Феодосія,—сказалъ съ усмѣшкой: «Хитрый старикъ предупредилъ меня!»—и немедленно назначилъ патріархомъ Василія Каматера, который уже много лѣтъ былъ его послушнымъ орудіемъ.

Счастье продолжало улыбаться Андронику; онъ уже предвкушалъ заранѣе моментъ, когда украсить императорскимъ вѣнцомъ свою голову, чувствовалъ пріятную теплоту отъ императорской мантіи на своихъ плечахъ, видѣлъ себя сидящимъ на престолѣ. Но и это казалось недостаточнымъ недавнему изгнаннику; въ своемъ ненасытномъ честолюбіи онъ мечталъ о длинномъ рядѣ годовъ славнаго царствованія. Что препятствовало ему теперь достигнуть цѣли?

На его дорогѣ стоялъ слабый отрокъ, которымъ онъ распоряжался по своему усмотрѣнію. Однимъ мановеніемъ руки могъ онъ свергнуть его съ престола и уничтожить мнимое величіе юнаго императора. Андроникъ не отличался терпѣніемъ; онъ не задумывался ни передъ какимъ рѣшеніемъ, смѣло приступалъ къ дѣлу, преслѣдовалъ свою цѣль, не взирая ни на какія препятствія, и былъ неумолимъ къ врагамъ.

Прошло четырнадцать дней послѣ трагической кончины несчастной Маріи; въ эти дни Андроникъ чаще, чѣмъ когда либо, совѣщался со своими приверженцами. Сентябрь приближался къ

концу. Въ городѣ святаго Константина господствовало необычайное волнение и беспокойство. Въ короткое время произошло такъ много новаго и совершилось столько быстрыхъ перемѣнъ, что этого одного было достаточно для возбужденія умовъ. Одни удивлялись человѣку, который, едва вступивъ въ управлѣніе государствомъ, успѣлъ искоренить столько злоупотребленій, и привѣтствовали его прибытіе; другіе относились къ нему съ недовѣріемъ и видѣли въ послѣднихъ событіяхъ предвѣстіе еще худшихъ бѣдствій. Эти считали Андроника честолюбивымъ хищникомъ, готовымъ пожертвовать всѣмъ для своихъ цѣлей, и были убѣждены, что его появленіе принесетъ несчастіе народу. Но никто не рѣшался открыто высказывать свое мнѣніе, потому что наемные шпіоны сновали по улицамъ и площадямъ и доносили о всякомъ неосторожномъ выраженіи. Уже значительное число гражданъ томилось въ сырыхъ тюрьмахъ; нѣкоторые даже поплатились жизнью и потерей зрѣнія за свою неосторожность. Друзья и близкіе родственники перестали довѣрять другъ другу; тупой страхъ мѣшалъ свободному обмѣну мысли, заглушалъ всѣ чувства.

Тѣмъ не менѣе городскія площади съ ранняго утра до поздней ночи были переполнены густыми толпами народа, который находился въ какомъ-то боязливомъ ожиданії. Ежеминутно распространялись тревожные слухи объ императорѣ, о которомъ одни рассказывали, что онъ опасно боленъ, другіе, что онъ запертъ во дворцѣ и что съ нимъ обращаются какъ съ узникомъ.

Дѣйствительно, юный императоръ не выходилъ больше изъ своихъ покоеvъ, гдѣ сидѣлъ цѣлые дни одинокій и печальный.

Алексѣй сталъ неузнаваемъ съ того ужаснаго момента, какъ онъ собственноручно подписалъ смертный приговоръ своей матери и, затѣмъ, не помня себя отъ горя, упалъ безъ чувствъ къ ногамъ Андроника. Отрокъ, не перейдя годовъ зрѣлости, превратился въ дряхлаго старика; лицо его приняло тотъ блеклый сѣроватый оттѣнокъ, который свидѣтельствуетъ или о тѣлесномъ недугѣ, подтачивающемъ организмъ, или о неизлѣчимомъ нравственномъ страданії. Кушанье оставалось нетронутымъ на столѣ; онъ пересталъ обращать вниманіе на свой туалетъ; гребень больше не касался его волосъ, которые висѣли въ безпорядкѣ сбитыми локонами; онъ не хотѣлъ никого видѣть, ни съ кѣмъ говорить.

Андроникъ появлялся нѣсколько разъ въ день въ императорскихъ покояхъ; и каждый разъ, при видѣ его, несчастный отрокъ поднимался съ мѣста, дрожа всѣмъ тѣломъ, какъ будто внезапно пробужденный отъ сна страшнымъ видѣніемъ. Онъ трепеталъ какъ птица передъ открытой пастью гремучей змѣи. Андроникъ говорилъ одинъ; Алексѣй машинально отвѣчалъ ему, повинуясь, на подобіе куклы, движенію руководившей его руки.

Императорскій дворецъ въ Филопатіумѣ былъ покинутъ, и дворъ

переселился въ Влахернскій дворецъ, гдѣ императора окружала новая обстановка.

Подобное душевное состояніе властелина не могло оставаться тайной для подданныхъ, и народъ ежеминутно хотѣлъ имѣть о немъ какія либо извѣстія. Но проходили часы въ томъ же напрасномъ ожиданіи.

На площади Тавриса передъ колонной Феодосія Великаго, горделивымъ памятникомъ прославленнаго государя, возвышалась статуя императрицы Маріи. Императоръ Мануиль воздвигъ въ честь своей супруги эту статую, изображавшую несчастную женщину во всемъ блескѣ красоты и молодости.

Передъ этой статуей стояла многочисленная толпа народа и внимательно разматривала черты лица прекрасной женщины, такъ печально кончившей свое существованіе. Пока Марія была жива, народъ не любилъ ея; но ея ужасная смерть смягчила сердце константинопольцевъ; во взорахъ, обращенныхъ на статую, виднѣлось искреннее состраданіе; каждый невольно жалѣлъ о грустной судьбѣ могущественной, красивой императрицы.

— Какъ она была хороша собой! — замѣтилъ одинъ изъ толпы: — какія правильныя и благородныя черты лица!

— Тѣмъ не менѣе, сколько злобы и коварства было въ этомъ прекрасномъ тѣлѣ! — возразилъ другой, который, пробираясь впередъ, слышалъ предыдущее замѣчаніе.

— Я готовъ биться объ закладъ, — сказалъ первый: — что несчастную императрицу обвинили напрасно. Можетъ ли порочная душа быть въ такомъ прекрасномъ тѣлѣ?

— Тутъ не можетъ быть и рѣчи о напрасномъ обвиненіи! — воскликнулъ другой. — Развѣ она не поддерживала тайныхъ сношеній съ венгерскимъ королемъ и не обѣщала открыть ему ворота столицы? Развѣ она не намѣревалась отравить своего собственнаго сына, нашего милостиваго монарха? Не она ли хотѣла помѣшать прибытію Андроника?..

— Чтосталось бы съ нами, — сказалъ третій: — если бы Андроникъ не былъ тѣмъ храбрымъ и рѣшительнымъ человѣкомъ, какимъ мы знаемъ его? Несомнѣнно, что уже въ настоящую минуту мы были бы обращены въ рабовъ жестокаго венгерскаго короля, или находились бы въ рукахъ латинянъ, которые давно стремятся къ этому.

— Нельзя отрицать, — добавилъ приверженецъ Андроника: — что прибытіе храбраго полководца было нашимъ спасеніемъ. Только предатели могутъ говорить что либо противъ человѣка, который обѣщаетъ такъ много хорошаго и намѣревается возвратить Византійской имперіи прежнее могущество и блескъ.

— Не совѣтую довѣрять лѣстивымъ словамъ и обѣщаніямъ, — возразилъ первый. — Мы уже не разъ слышали отъ многихъ все-

возможныя обѣщанія, но кто изъ нихъ думалъ исполнять ихъ? Я не защищаю ни ту, ни другую сторону, но люблю говорить правду и открыто высказываю мое мнѣніе. Желательно было бы знать, на какомъ основаніи держать нашего императора подъ такой строгой охраной? Почему не даютъ ему пользоваться свободой, на сколько этого требуетъ его возрастъ?

— Возможно ли это? — вмѣшался одинъ изъ стоявшихъ возлѣ горожанъ: — я въ первый разъ слышу что либо подобное!

— Со дня смерти своей матери, — продолжалъ первый: — императоръ совсѣмъ измѣнился; онъ не ъѣсть, не пить и не спить, проводить цѣлые дни въ своей комнатѣ и при этомъ имѣть такой растерянный видъ, что на него жалко смотрѣть. Мнѣ рассказалъ это подъ величайшимъ секретомъ старый придворный лакей, который служилъ еще при императорѣ Мануилѣ и любитъ нашего молодаго государя, какъ свое родное дитя.

— Разумѣется, — замѣтилъ другой: — смерть матери должна была неизбѣжно произвести страшное впечатлѣніе на нѣжную душу мальчика.

— Это само собой, но еще больше мучить его то обстоятельство, что онъ долженъ быть собственноручно скрѣпить смертный приговоръ своей подписью. Ему постоянно мерецится окровавленный трупъ матери, и онъ нигдѣ не находить себѣ покоя.

— Жаль, сердечно жаль бѣднаго императора!

— Да избавить нась небо отъ большаго несчастія...

Разговоръ былъ прерванъ внезапнымъ появленіемъ группы рабочихъ, съ молотками и желѣзными лопатами, которые, въ сопровожденіи отряда вооруженныхъ людей, направились къ тому мѣсту, где столпился народъ.

— Посторонитесь! Прочь съ дороги! — кричалъ, разгоняя палкой толпу, человѣкъ, который, повидимому, распоряжался рабочими. — Посторонитесь! Мы присланы сюда по повелѣнію нашего государя и императора!

Толпа пропустила рабочихъ, которые немедленно принялись разрушать статую императрицы желѣзными ломами.

— Что это значитъ? Къ чему это? — спрашивали другъ друга удивленные зрители.

Распорядитель рабочихъ счелъ нужнымъ разрѣшить недоумѣніе толпы.

— Статуя преступница, — сказалъ онъ: — не можетъ быть долѣе терпима; она безчеститъ и оскверняетъ нашъ святой городъ! Воля императора, чтобы навсегда исчезло изображеніе женщины, измѣнившей своему государю и родинѣ...

Это объясненіе не встрѣтило никакихъ возраженій. Народъ молча смотрѣлъ на разрушеніе статуи, прислушиваясь къ стуку молотковъ и ломовъ о твердый камень.

Въ короткое время на мѣстѣ, гдѣ на величественномъ поколѣ стояла прежде роскошная статуя, возвышалась теперь груда безформенныхъ каменныхъ обломковъ и мусора.

Рабочіе, утирая потъ, струившійся по ихъ лицу, не замедлили удалиться со своими орудіями, но толпа все еще окружала мѣсто, гдѣ незадолго передъ тѣмъ красовалась статуя несчастной государыни.

По волѣ могущественного Андроника долженъ былъ навсегда исчезнуть послѣдній слѣдъ женщины, которая осмѣлилась противиться ему. Императоръ Алексѣй и на это далъ свое соизволеніе.

Въ то время, какъ народъ, въ нѣмомъ удивленіи, все еще стоялъ передъ изуродованными остатками мраморной статуи, издали послышалось пѣніе и смѣшанные голоса; вскорѣ на площади появилась группа поюющихъ и пляшущихъ людей. Они пѣли веселую народную пѣсню того времени, неизвѣстно кѣмъ сочиненную, но которая непосредственно дѣйствовала на массу. Пляска прекращалась послѣ каждой строфы и раздавались возгласы: «Да здравствуютъ наши могущественные императоры Алексѣй и Андроникъ! Да здравствуютъ Комнены!» И снова начиналась дикая пляска, и снова строфы пѣсни слѣдовали одинъ за другими.

Шествіе остановилось посреди площади, и человѣкъ высокаго роста, который, по своимъ дикимъ тѣловѣженіямъ, имѣлъ видъ пьяного или помѣшанного, обратился съ воодушевленной рѣчью къ народу:

Этотъ ораторъ былъ Птеригіонитъ, неумолимый судья, грубый палачъ несчастной Маріи.

— Радуйтесь и веселитесь, жители Константинаополя! — воскликнулъ Птеригіонитъ громкимъ голосомъ. — Кончилось царство нечестивыхъ; никогда еще солнце не сияло такъ ярко и великолѣпно надъ нашими головами, какъ теперь! Пойте и веселитесь, друзья! Сегодня должно совершиться великое чудо; сегодня блестательная императорская корона должна украсить двѣ читимыя нами главы; и Комненъ Андроникъ, отецъ нашъ, храбрый, всемогущій Андроникъ возсядетъ на престолъ, рядомъ съ нашимъ милостивымъ монархомъ. Сегодня начинается для насъ новая жизнь, новая эпоха, исполняются наши лучшія желанія и надежды! Радуйтесь и веселитесь, сограждане! Да здравствуютъ наши государи! На многія лѣта! Ура!

— Тамъ, въ роскошномъ императорскомъ дворцѣ, во Влахернѣ, — продолжалъ ораторъ послѣ короткой паузы: — тамъ блестять два солнца — старое и новое, молодой государь и его безкорыстный со-правитель. Пойдемте всѣ привѣтствовать его. Идите туда отъ мала до велика, молодые и старые, мужчины и женщины, идите всѣ, слѣдуйте за мной! Воздадимъ дань нашегоуваженія у подножія престола. Спѣшите, константиноопольцы, единогласно чествовать нашего новаго властителя!..

Толпа послѣдовала за ораторомъ, и площадь Тавриса сразу опустѣла. Передъ грудой безформенныхъ мраморныхъ кусковъ остались одни старики и молча покачивали своими сѣдыми головами.

Въ богато-убранной тронной залѣ императорскаго дворца во Владиленіи сидѣлъ Алексѣй, блѣдный и погруженный въ свои думы; возлѣ него стоялъ Андроникъ и молча слѣдилъ за нимъ своими маленькими беспокойными глазами. Оба молчали. Алексѣй не тяготился молчаниемъ, и даже едва ли замѣчалъ его; но во всей фигурѣ Андроника выражалось нетерпѣніе; въ душѣ его происходила борьба дикихъ страстей. Казалось, что жизнь приближается къ концу для царствующаго отрока и что она только наступаетъ для его сѣдовласаго опекуна. Въ то время, какъ въ Алексѣя видна была усталость и полное истощеніе, лицо Андроника сияло веселіемъ. Роли перемѣнились: всѣ преимущества были на сторонѣ старика. Онъ былъ полонъ жизни, между тѣмъ какъ юноша замѣтно угасаль и становился добычей ранней смерти.

Но вотъ и до отдаленной залы дворца долетѣли возгласы и пѣніе толпы, сопровождавшей Птеригонита. Въ глазахъ Андроника сверкнула радость: онъ слышалъ гулъ голосовъ и зналъ, что ожидаетъ его, потому что все было заранѣе подготовлено имъ самимъ. Онъ бросиль украдкой взглянуть на молодаго императора, но Алексѣй ничего не видѣлъ и не чувствовалъ; онъ былъ равнодушенъ ко всему, что происходило вокругъ него.

— Я слышу голоса,—сказалъ, наконецъ, Андроникъ.

— Чьи голоса? — спросилъ Алексѣй, не поднимая глазъ. — Развѣ сюда доходятъ голоса людей, удавленныхъ въ темницѣ?

— Нѣть,—возразилъ Андроникъ:—голоса слышатся съ улицы. Это—крики толпы.

— Что нужно народу отъ меня? Не требуетъ ли онъ новыхъ смертныхъ приговоровъ? Я не въ состояніи больше подписывать ихъ; руки мои и безъ того покрыты кровью...

— Рассказываютъ въ городѣ, что ты боленъ; народъ беспокоится и хочетъ видѣть тебя.

— Да, я дѣйствительно боленъ,—сказалъ Алексѣй съ глубокимъ вздохомъ.—Эти голоса раздражаютъ меня; я ничего не чувствую къ народу, кромѣ страха. Скажи имъ, чтобы они оставили меня въ покое. Я боленъ!..

— Что причиной такого упадка духа? Сoberись съ мужествомъ, государь! Уже давно вижу я тебя въ такомъ тяжеломъ состояніи. Прійди въ себя.

— Ты требуешь отъ меня невозможнаго!—сказалъ несчастный отрокъ, бросивъ печальный взглядъ на Андроника.—Я не въ состояніи владѣть собою. Поддержи меня, только ты можешь помочь мнѣ! Пока была жива моя бѣдная мать, я находилъ въ ней опору...

Но я убилъ ее! Къ чему сдѣлалъ я это? Теперь я беспомощенъ и одинокъ на бѣломъ свѣтѣ...

— Можешь ли ты считать себя одинокимъ, государь? Развѣ я, твой вѣрный слуга, не нахожусь постоянно при тебѣ? Чѣмъ я заслужилъ подобную обиду?

— Не покидай меня, Андроникъ! Могу ли я не цѣнить твоихъ услугъ? Развѣ я ослушался тебя когда либо и не исполнилъ всѣхъ твоихъ приказаний?.. Да, Андроникъ, ты одинъ не покинулъ меня, замѣнилъ отца, мать, ты все для меня! Въ тебѣ мое спасеніе!..

Съ этими словами царственный отрокъ довѣрчиво прильнулъ головой къ груди старика, на губахъ котораго появилась торжествующая улыбка.

Вслѣдъ затѣмъ отворилась дверь залы; Агіохристофоритъ и Трипсихъ вошли взволнованные и запыхавшіеся.

— Государь мой и повелитель,—сказалъ Трипсихъ, обращаясь къ Алексѣю:—вѣрный народъ твой хочетъ привѣтствовать тебя и раздѣлить съ тобой свою радость.

— Народъ радуется?—спросилъ Алексѣй, поднимая свою ослаѣвшую голову.—Говорятъ, счастье народа величайшее благо для монарха... Да, несомнѣнно народъ ликуетъ! Какіе веселые голоса!.. Слышишь ли, Андроникъ, они кричатъ: «Да здравствуетъ императоръ Андроникъ!» Народъ понимаетъ, что ты одинъ можешь спасти всѣхъ насъ... Они произносятъ только твое имя. Почему не хочешь ты послѣдовать ихъ призыву?

Торжествующая улыбка вновь пробѣжала по лицу Андроника; маленькие глаза его радостно блестѣли.

Молча и съ удивленіемъ стояли передъ нимъ его приверженцы; они съ трудомъ довѣряли тому, что видѣли и слышали.

— Андроникъ,—продолжалъ Алексѣй:—помни, что гласъ народа—гласъ Божій! Иди за мною! Господь избралъ тебя, да совершился его святая воля!

Алексѣй, взявшись руку Андроника, подвелъ его къ престолу, блестѣвшему золотомъ и драгоцѣнными камнями, и посадилъ рядомъ съ собою.

На древнемъ византійскомъ престолѣ сидѣли теперь два императора, Алексѣй и Андроникъ Комnenы.

Агіохристофоритъ вышелъ на большой каменный балконъ, обращенный на площадь, и возвѣстилъ огромной собравшейся толпѣ, о томъ, что произошло въ тронной залѣ.

Громче прежняго раздались крики толпы; эхо старыхъ дворцовыхъ сводовъ повторило ихъ.

— Принесите императорскій вѣнецъ и мантію,—сказалъ Алексѣй.—Я самъ надѣну ихъ на тебя, Андроникъ.

Повелѣніе царственнаго отрока было немедленно исполнено, и Андроникъ почувствовалъ на своей головѣ давленіе император-

скаго вѣнца и пріятную тяжесть императорской мантіи на своихъ плечахъ.

Агіохристофоритъ вышелъ вторично на величественный балконъ Влахернского дворца и объявилъ народу о случившемся. Шумно ликовала толпа, оглашая воздухъ криками восторга, и снова началась дикая пляска, сопровождаемая пѣніемъ.

Вѣсть о неожиданномъ событии разнеслась по городу съ быстротою молніи.

Облекись въ свое праздничное убранство, древній храмъ св. Софіи! Предстань во всемъ своемъ благолѣпіи для великаго предстоящаго торжества! Зажги всѣ твои драгоценныя свѣтильники и открай настежь свои высокія двери!

Сегодня посѣтять тебя два могущественныхъ монарха, чтобы съ вѣнцомъ святаго Константина получить благословеніе на со-вмѣстное царствование.

Поспѣши въ святой храмъ, патріархъ Василій Каматеръ съ сонмомъ священнослужителей, приготовясь вѣнчать государя, которому ты обязанъ своимъ патріаршимъ престоломъ! Спѣшите, жители Константинополя со всѣхъ частей города, чтобы быть свидѣтелями великаго торжества! Сегодня царь городовъ празднууетъ двойное вѣнчаніе, рожденного въ порфирѣ государя и другаго имъ самимъ выбранного властелина; онъ привѣтствуетъ сегодня двухъ императоровъ, неразрывныхъ союзниковъ, которые вступятъ одновременно на гордый византійскій престолъ.

Чинно и торжественно двинулось императорское шествіе къ храму св. Софіи. Рослый Андроникъ вель подъ руку слабаго, блѣднаго отрока Алексія. Обильныя слезы льются изъ глазъ Андроника, слезы состраданія, какъ объясняютъ его приверженцы, между тѣмъ какъ Алексій холодно и равнодушно смотрить на многочисленную толпу.

Высокія двери пышнаго храма открыты настежь; къ нимъ стремится народъ неудержимымъ потокомъ.

Передъ главнымъ алтаремъ стоялъ патріархъ въ богатомъ облаченіи, окруженный толпой епископовъ и священниковъ. Тысячи зажженныхъ свѣчей бросали яркий отблескъ на высокія стѣны храма; празднуемое событие носило торжественный и величественный характеръ.

Оба императора, старый и юный, преклонили колѣна у каменныхъ ступеней главнаго алтаря. На бархатной подушкѣ принесли золотой императорскій вѣнецъ святаго Константина, высокочтимую регалію византійскихъ монарховъ. Патріархъ взялъ вѣнецъ и сперва возложилъ его на сѣду голову Андроника, затѣмъ на черные локоны Алексія... Почему такое предпочтеніе отдано бывшему изгнанику передъ порфиророднымъ государемъ?—спрашивали другъ друга съ глубокимъ негодованіемъ, присутствовавшіе при этомъ

старые граждане. Но мудрый патриархъ разсудилъ иначе. Въ его глазахъ старый, опытный Андроникъ имѣлъ больше значенія, нежели слабый, безпомощный отрокъ.

Что сказала бы тѣнь покойного Мануила, если бы она могла видѣть происходившее въ храмѣ? Твой сынъ и законный наследникъ престола долженъ ожидать какъ милостыни, чтобы надѣли на него вѣнецъ, увѣнчавшій голову твоего злѣйшаго врага, изгнаннаго Андроника!

Вѣнчанные монархи вошли одновременно рука обь руку по каменнымъ ступенямъ, ведущимъ къ главному алтарю, чтобы принять церковное благословеніе. Алексѣй имѣлъ разсѣянный видъ и едва ли сознавалъ то, что происходило около него; онъ не обратилъ никакого вниманія на слова патриарха, между тѣмъ какъ Андроникъ своими старыми устами произнесъ торжественную клятву вѣрности юному соимператору.

Какъ могъ ты отважиться на такую клятву, наглый, ожесточенный злодѣй! Неужели страхъ небесной кары не въ состояніи былъ остановить тебя?

Возможно ли, чтобы такое святотатство могло произойти въ храмѣ св. Софії и стѣны его остались цѣлы? Отчего не разверзлась земля, чтобы поглотить преступника, который, произнося клятву въ любви и вѣрности, въ то же время злоумышлялъ самую черную измѣну, рѣшался на убийство невиннаго отрока?

Наступилъ конецъ блистательного торжества, и пышное шествіе двинулось въ обратный путь. Оба императораѣ хали на бѣлыхъ статныхъ коняхъ; Андроникъ гордо смотрѣлъ на толпу; глаза его блестѣли отъ радости, между тѣмъ какъ Алексѣй, безучастный ко всему, грустно опустилъ голову, какъ жертва, которую ведутъ на закланіе. «Ура! Многія лѣта! Да здравствуютъ Комнены!»—кричала толпа.

Но Андроникъ пришпорилъ своего коня, и быстро пронеслось по улицамъ великолѣпное шествіе. Почему такъ спѣшить Андроникъ? Боится ли онъ ножа убийцы или ожидаетъ появленія окровавленной тѣни, которая потребуетъ отъ него отчета въ его дѣяніяхъ? Но Андроникъ и въ самый разгаръ битвы никогда не терялъ мужества. Во время своей долгой жизни, исполненной всякихъ треволненій, онъ видѣлъ немало кровопролитныхъ сценъ. Чего можетъ онъ опасаться теперь, когда онъ достигъ апогея своей славы и голова его увѣнчана императорской короной?

Тѣмъ не менѣе, этотъ неустранимый человѣкъ чувствуетъ, какъ леденѣютъ его члены отъ страха, того внутренняго страха, который охватываетъ преступника въ присутствіи его жертвы.

Андроникъ спѣшилъ укрыться въ своеи дворцѣ, потому что видѣлъ шумной ликующей толпы раздражалъ его. Онъ жаждалъ уединенія, ему хотѣлось оставаться наединѣ съ мрачными замыслами обь убийствѣ, наполнявшими его голову.

Вскорѣ послѣ того, императорскій дворецъ въ Влахернѣ пріютіль вѣнчанаго отрока, безмолвнаго и блѣднаго Алексія, и въ то же время его сѣдовласый соправитель, коварный Андроникъ, вступилъ въ другой императорскій дворецъ въ Филопатіумѣ.

Танцы и пѣніе на площадяхъ продолжались до глубокой ночи, и не разъ въ этотъ день воздухъ оглашался повторенными криками тысячной толпы, выражавшей свой восторгъ по поводу двойнаго императорскаго вѣнчанія.

VIII.

Смерть императора Алексія.

Зловѣщее багровое облако повисло надъ императорскимъ дворцомъ въ Филопатіумѣ, гдѣ водворился Андроникъ. Тяжель и удушливъ воздухъ. Птицы быстро проносятся мимо, размахивая своими крыльями; одна сова сидѣтъ на крыше дворца и выкрикиваетъ свою печальную однообразную пѣсню. Въ конюшняхъ слышится ржаніе коней, они беспокойно бьютъ копытами, точно предчувствуя новое несчастіе, новое пролитіе крови.

Въ залѣ дворца сидѣтъ вѣнчанный старецъ, на плечахъ его крается тяжелая императорская мантія, вокругъ него сидятъ его вѣрные неразлучные приверженцы, изъ которыхъ составился теперь государственный совѣтъ. Они собрались сегодня для новаго кроваваго приговора, который долженъ быть обеспечить честолюбивому Андронику полное и единовластное обладаніе престоломъ. Передъ чѣмъ могутъ остановиться эти презрѣнныесудьи, дерзнувшіе осудить на смертную казнь женщину и императрицу? Они, не задумываясь, привели въ исполненіе этотъ жестокій приговоръ, чтобы угодить своему кровожадному властелину! Не они ли заставили народъ провозгласить его императоромъ и вѣнчали его на царство, вопреки всѣмъ существующимъ законамъ? Что значитъ для этихъ людей новое злодѣяніе, которое должно довершить воздвигнутое ими зданіе? Развѣ можетъ ихъ устрашить мысль обречь на смерть слабое дитя, одинокое и беспомощное на землѣ?

Могутъ ли такие люди, какъ суровый Агіохристофоритъ, грубый и жестокій Трипсихъ, испытанный въ тайныхъ убийствахъ Штеригонитъ и, наконецъ, Дадибренъ, главный военный судья при Андроникѣ, не откликнуться на призывъ своего властелина или послушаться его повелѣній?

Дѣло идетъ не о принятіи того или другаго рѣшенія; вопросъ былъ рѣшенъ въ тотъ самый моментъ, когда нога Андроника всту-

пила на почву Константинополя. Нужно только придумать форму, которая бы придала приговору этихъ пристрастныхъ судей значеніе законнаго постановленія. Чтобы найти такую форму, можно прибѣгнуть къ известному изрѣченію греческаго поэта: «Господство многихъ вредно; долженъ быть только одинъ властелинъ и повелитель».

Благосостояніе государства и спасеніе отечества требуютъ господства одного государя. Священный императорскій вѣнецъ не можетъ одновременно принадлежать двумъ особамъ. Развѣ въ данномъ случаѣ не должны быть приняты въ соображеніе высшіе интересы государства? Рѣшеніе принято единогласно. Можетъ ли возникнуть какое либо сомнѣніе, когда предстоитъ выборъ между неразумнымъ, немощнымъ отрокомъ и опытнымъ мужемъ, одареннымъ способностями, который прошелъ тяжелую школу жизни и состарѣлся на полѣ битвы? Какія могутъ быть еще колебанія, когда вопросъ идетъ о томъ, чтобы предоставить вѣнецъ монарху, обладающему всѣми необходимыми для этого качествами? «Долженъ быть только одинъ властелинъ и повелитель!» Судьи произнесли свое рѣшеніе, и улыбка торжества снова появилась на губахъ Андronика.

Грознѣе прежняго нависло багровое облако надъ императорскимъ дворцомъ въ Филопапіумѣ, еще удушливѣе сталъ воздухъ и еще печальнѣе крики ночной птицы.

Съ глубокимъ трепетомъ слѣдили константинопольцы за этими мрачными предзнаменованіями. Откуда такая впезапная перемѣна? Неужели за блистательнымъ празднествомъ послѣдуетъ печаль и смертоубийство? Но таковъ законъ природы. Развѣ за яркимъ солнцемъ и безоблачнымъ небомъ не наступаетъ часто суровая, разрушительная буря? Развѣ за жизнью не слѣдуетъ смерть?

Злополучный монархъ Алексѣй, пробилъ твой послѣдній часъ! Готовыся послѣдовать призыву смерти, которая перенесетъ тебя въ таинственное царство, гдѣ каждый изъ насъ займется небольшой уголокъ въ безмолвномъ убѣжищѣ вѣчнаго успокоенія!

Твой приговоръ произнесенъ съ соблюдениемъ всѣхъ формальностей, установленныхъ закономъ! Ты родился въ пурпурѣ, Алексѣй, явился на свѣтъ Божій сыномъ и преемникомъ императора и занялъ принадлежащий тебѣ по праву престолъ. Въ этомъ все твое преступленіе, и за него долженъ ты подвергнуться соответствующему наказанію. Если ты до сихъ поръ остался невиннымъ младенцемъ, то какое можетъ это имѣть значеніе? Развѣ слабый тонкій отростокъ не обращается со временемъ въ могучее дерево, которое можетъ быть свергнуто только съ помощью остраго топора? Развѣ волченокъ не становится кровожаднымъ волкомъ? Голова твоя увѣнчана императорской короной, блескъ ея ослѣпляетъ твоихъ враговъ, и поэтому ты долженъ исчезнуть съ лица земли! Ты

самъ посадилъ Андроника на престолъ въ качествѣ своего соправителя и самъ помогъ ему въ достижениіи желанной цѣли. Готовься, Алексѣй! День близокъ къ концу; удлиняются вечернія тѣни; ночь выступаетъ изъ своей черной пещеры. Это—послѣдняя ночь, которую тебѣ суждено провести на землѣ.

Спи, бѣдное дитя! Спи крѣпкимъ сномъ, чтобы не услышать шаговъ твоихъ неумолимыхъ палачей! Спи, чтобы не видѣть ихъ взглядовъ, не чувствовать на своемъ тѣлѣ приосновенія ихъ грубыхъ, нечестивыхъ рукъ! Наслаждайся заманчивыми сновидѣніями, свойственными твоему возрасту!

Спи крѣпкимъ сномъ, бѣдное дитя, чтобы не услышать дикаго хохота человѣка, осудившаго тебя на смерть! Отъ этого демонического хохота леденѣть кровь въ жилахъ тѣхъ людей, которымъ приходится услышать его. Спи, злополучный наслѣдникъ доблестнаго Мануила; это—твой послѣдній сонъ на землѣ!

Черная туча повисла надъ величественной столицей, раскинутой на семи холмахъ, и распространила всюду мракъ и ужасъ; удушливый воздухъ былъ какъ бы насыщенъ кровью. Жители спали тревожнымъ сномъ; всю ночь не могли они отдохнуть отъ мучившаго ихъ кошмара, смутно предчувствуя, что на слѣдующее утро имъ объявлять о новыхъ кровавыхъ злодѣяніяхъ, совершенныхъ подъ прикрытиемъ ночнаго мрака. Жалобно выкрикивала сова свою печальную пѣсню на крыше императорскаго дворца во Влахернѣ, где почивалъ вѣнчанный отрокъ.

Въ полночь, трое людей вошли въ небольшую боковую дверь Влахернского дворца и поднялись по каменной лѣстницѣ, ведущей въ покой императора.

Одинъ изъ нихъ держалъ фонарь и освѣщалъ путь, у другаго была въ рукахъ тетива отъ лука, у третьяго—обоюдоострый мечъ.

Что побудило этихъ трехъ людей прійтти въ уединенный императорскій дворецъ въ такой поздній часъ ночи? Они идутъ быстрыми шагами; глаза ихъ свѣтятся лихорадочнымъ блескомъ изъ подъ широкихъ калишоновъ, покрывающихъ ихъ головы.

Эти трое людей—приверженцы жестокаго Андроника; имъ поручено выполненіе кроваваго приговора.

Всѣ двери открыты имъ; они идутъ безпрепятственно по извилистымъ переходамъ и пустымъ заламъ; ничто не останавливаетъ ихъ на пути.

Безмолвно, какъ три привидѣнія, совершаютъ они свой ночной обходъ.

Но вотъ передъ ними открылась еще дверь, и они вошли въ императорскую опочивальню.

Алексѣй спалъ крѣпкимъ сномъ; лицо его было блѣдно, глаза закрыты, но на губахъ видѣлась кроткая улыбка. Розовая сновидѣнія юности услаждали его сонъ.

Таинственные посѣтители остановились передъ постелью спящаго отрока.

— Птеригіонитъ,—сказалъ шепотомъ тотъ изъ нихъ, который несъ фонарь:—захватилъ ли ты съ собой веревку?

— Я готовъ, Трипсихъ. Это на столько крѣпкая тетива, что ею удавишь вола.

— Можетъ быть, нужна будетъ и твоя помощь, Дадибренъ,—продолжалъ Трипсихъ, обращаясь къ другому товарищу:—если Птеригіонитъ недостаточно скоро покончить съ мальчуганомъ, то постараися предупредить его крикъ ударомъ меча.

Этотъ молча кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Тебѣ начинать, Птеригіонитъ,—сказалъ Трипсихъ, поднимая фонарь.

Алексѣй спалъ тѣмъ же крѣпкимъ сномъ, улыбка не сходила съ его блѣдныхъ губъ.

Птеригіонитъ быстро и ловко обмоталъ тетивой бѣлую шею спящаго отрока и съ такой быстротой стянула петлю, что кроткая улыбка застыла на губахъ несчастной жертвы.

На постелѣ, где нѣсколько секундъ тому назадъ почивалъ безмятежнымъ сномъ Алексѣй Комненъ, лежалъ теперь его трупъ.

— Можно поздравить тебя, Птеригіонитъ, ты мастерски расправился съ нимъ!—сказалъ Трипсихъ, опуская фонарь ибросивъ суровый взглядъ на умершаго отрока.

Въ этотъ моментъ внезапно отворилась дверь императорской опочивальни, и вошелъ Андроникъ, чтобы видѣть собственными глазами, въ точности ли выполнены его приказанія палачами.

Онъ подошелъ къ постели и дико захочаталъ, когда увидѣлъ бездыханный трупъ своего соперника и убѣдился, что императорская корона всецѣло принадлежитъ ему.

Дико раздался его хохотъ среди ночной тишины.

Онъ схватилъ трупъ одной рукой и стащилъ его съ постели; безжизненное тѣло съ глухимъ шумомъ упало на полъ къ его ногамъ.

Андроникъ наступилъ на трупъ ногой и произнесъ съ злобной усмѣшкой:

— Давно пора покончить съ тобой! Отецъ твой былъ клятво-преступникъ, мать распутная женщина, а ты — дуракъ!

Затѣмъ, онъ еще разъ наступилъ ногой на трупъ и обратился къ своимъ тремъ приверженцамъ, которые были нѣмыми свидѣтелями этой сцены.

— Трипсихъ,—сказалъ онъ:—я хочу, чтобы эта голова была отрублена отъ туловища и съ моей императорской печатью брошена въ сточную яму; тѣло нужно заколотить въ ящикъ ибросить въ Босфоръ. Такому мудрому правителью подобаетъ и соотвѣтствующее погребеніе!

Трипсихъ прокололъ ухо безжизненному трупу, продѣлъ въ него тонкій шнурокъ и привѣсила императорскій перстень, поданный ему Андроникомъ.

Взаключеніе Дадибренъ отсѣкъ своимъ мечомъ голову мертвому и кинулъ ее въ нѣсколькихъ шагахъ отъ туловища.

Андроникъ взглянула еще разъ на окровавленные члены своей жертвы и медленно вышелъ изъ императорской опочивальни.

Въ ту же ночь приведено было въ исполненіе послѣднее приказаніе Андроника.

Голову несчастнаго Алексія бросили въ огромную сточную яму, куда сваливали трупы звѣрей, убитыхъ въ гипподромѣ; затѣмъ обезглавленное туловище завернули въ кусокъ ткани и, вложивъ въ свинцовый ящикъ, свезли въ лодкѣ на средину Босфора, гдѣ бросили въ волны.

Когда исполнено было это послѣднее дѣйствіе страшной драмы, на востокѣ зачиналась заря наступающаго дня.

Жители обширной столицы, пробудившись отъ сна, узнали, что на гордомъ престолѣ святаго Константина остался теперь одинъ императоръ, избранный народомъ Андроникъ, который будетъ нераздѣльно править государствомъ. «Долженъ быть только одинъ властелинъ и повелитель!»

IX.

Колдунъ Сиетъ.

Уже двадцать четыре раза ночное свѣтило совершило предначертанный ему путь съ того дня, какъ городъ святаго Константина былъ свидѣтелемъ трагического события, описанного въ предыдущей главѣ.

Честолюбивый Андроникъ сдѣлался единовластнымъ государемъ; онъ безпрепятственно занималъ престолъ, достигнутый хитростью и убийствомъ.

Въ былые времена Андроникъ, какъ храбрый воинъ, привыкъ руководиться внушеніями собственной воли; но теперь онъ былъ окруженнъ безсовѣстными льстецами, которые работѣнно пресмыкались у подножія престола, и онъ невольно поддался ихъ тлетворному вліянію. Она самъ началь считать себя какимъ-то высшимъ привилегированнымъ существомъ и пришелъ къ убѣженію, что за блестящимъ восходомъ его звѣзды никогда не послѣдуетъ заката.

Андроникъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которыхъ деморализируетъ счастье и которые, оглядываясь на пройденный путь,

готовы приписать своей ловкости блестящіе результаты, достигнутые ими, вслѣдствіе благопріятнаго стеченія обстоятельствъ и особенного покровительства судьбы. Холодные эгоисты, они съ гордостью приписываютъ себѣ даже такія события, которыя совершенно не зависятъ отъ ихъ воли. Андроникъ былъ глубоко убѣжденъ, что, если онъ скажетъ: «я такъ хочу!», то его желаніе исполнится въ точности; въ своемъ высокомѣрии онъ не могъ допустить, что надъ нимъ есть нечто высшее, и что судьба самыхъ могущественныхъ властелиновъ въ рукахъ «Того, Кто управляетъ міромъ».

Счастье осыпало неслыханными милостями свое избранное дѣтище. Онъ, изгнаникъ, обязаный жизнью необъяснимому мягкочердечію Мануила, занимаетъ блистательный престолъ и носить императорскую корону, составляющую золотую и рѣдко осуществимую мечту столькихъ честолюбцевъ. Его враги, даже наиболѣе опасные и могущественные, свергнуты одни за другими; ихъ приверженцы разсѣялись беззлѣдно.

Андроникъ Лапардасъ, надежный другъ и слуга Мануила, горячій защитникъ законнаго наследника престола, всѣми любимый иуважаемый полководецъ за свои военные доблести и благородный образъ мыслей, погибъ мучительной смертью. Чтобы не нарушить данной присяги, онъ не захотѣлъ служить новому государю и удалился въ свой родной городъ Адріанополь, вслѣдствіе чего былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ и очутился во власти своего непримирамаго врага. Одинъ изъ императорскихъ шпіоновъ, по имени Кефаль, предалъ неустрешимаго полководца, который былъ арестованъ въ Адрамитти и погибъ въ темной сырой темницѣ.

Два города Никея и Бруssa осмѣлились оказать противодѣйствіе гордому императору и навлекли на себя жесточайшую кару. Напрасно въ Никеѣ храбрый Кантакузенъ пытался спасти городъ изъ когтей осаждавшаго его хищника, напрасно сдѣлалъ онъ отчаянную вылазку, въ надеждѣ порвать желѣзную цѣнь и облегчить участъ изнемогающихъ жителей. Во время яростной стычки съ врагами споткнулся конь доблестнаго Кантакузена и увлекъ его въ свое паденіе; воины Андроника не замедлили разсѣчь его на куски.

Эта новая неудача привела въ ужасъ Никею. Жители рѣшились молить о пощадѣ побѣдителя и, въ знакъ полнѣйшей покорности, вышли изъ города съ босыми ногами и непокрытой головой. Андроникъ прослезился при видѣ голодныхъ и истощенныхъ женщинъ и дѣтей; сердце его какъ будто было тронуто; но, тѣмъ не менѣе, несчастный городъ былъ преданъ въ жертву огню и мечу.

Не лучше была судьба Бруssы, укрѣпленнаго цвѣтущаго города, защищаемаго тремя доблестными мужами: молодымъ и пыл-

кимъ Феодоромъ Ангеломъ, смѣлымъ Лео Синезиемъ и храбрымъ Михаиломъ Лаханасомъ. Но горе тому, кто отважился на борьбу съ счастливымъ завоевателемъ! Можетъ ли побѣжденный избѣгнуть мести кровожаднаго врага? Городъ былъ взятъ приступомъ, и три героя попались живыми въ руки побѣдителя. Несчастный Феодоръ лишенъ зрѣнія и изгнанъ за черту города ударами кнута; Синезій и Лаханасъ были повѣшаны на деревьяхъ передъ городскими стѣнами. Одновременно съ ними той же участіи подверглись знатнѣйшии горожане Бруssы; и ихъ тѣла висѣли на вѣтвяхъ, «на подобіе чучель, выставляемыхъ садовникомъ съ цѣлью напугать хищныхъ птицъ».

Таковы были кровавые трофеи, которыми Андроникъувѣнчалъ свою славу, послѣ чего онъ торжественно вернулся въ столицу, гдѣ толпа льстецовъ и наемниковъ встрѣтила его съ восторженными криками и напыщенными привѣтствіями. По этому поводу устроены были блистательныя празднества, даны представленія и травли звѣрей, стоявшія большихъ издержекъ, такъ какъ народъ долженъ былъ принимать участіе въ радости, наполнявшей сердце его государя. Подобными дѣтскими забавами византійские деспоты издавна стремились ослѣпить народъ, чтобы придать большій блескъ своему престолу, въ тщетной надеждѣ такими низкими средствами пріобрѣсти любовь подданныхъ.

Андроникъ становился высокомѣрнѣе съ каждымъ днемъ и не считалъ болѣе нужнымъ обуздывать свои дикия страсти.

Въ сопровожденіи толпы наглыхъ наемниковъ и льстецовъ, онъ являлся на звѣринцы травли, конскіе бѣги и другія зрѣлища, удовлетворявшія его худшіе инстинкты. Но вскорѣ эти увеселенія сдѣлались для него недоступными, потому что разъ, когда театръ былъ переполненъ зрителями, внезапно обрушилась одна изъ колонъ, подпиравшихъ императорскую ложу, и убила шестерыхъ человѣкъ. Андроникъ былъ въ такой степени напуганъ этимъ случаемъ, что съ тѣхъ поръ пересталъ показываться въ публикѣ и ежеминутно боялся ножа убийцы или внезапнаго нападенія заговорщиковъ. Его уже начали мучить угрызенія совѣсти, которыхъ рано или поздно являются у самыхъ ожесточенныхъ злодѣевъ. Онъ сдѣлялся суевѣрнымъ и въ самыхъ обыденныхъ случаяхъ видѣлъ различныя предзнаменованія, касавшіяся его личной жизни.

Въ это время въ Константинополѣ жилъ старикъ, который за свою мудрость и искусство въ чародѣйствѣ уже много лѣтъ пользовался большимъ уваженіемъ у всѣхъ классовъ населенія. Это былъ колдунъ Сиоъ.

Сиоъ съ ранней юности посвятилъ себя изученію небесныхъ явлений; онъ объяснялъ сны, съ помощью сосудовъ съ водою и другихъ таинственныхъ чаръ, и предсказывалъ будущее. Слава его была на столько распространена въ городѣ, что жители отъ мала

до велика, мужчины и женщины, щѣлыми днями осаждали его жилище за храмомъ св. Софії, чтобы спросить его объ ожидавшей ихъ судьбѣ. Даже императоръ Мануилъ, который къ концу своей жизни заразился господствующимъ сувѣріемъ, пожелалъ узнать отъ колдуна о днѣ своей смерти. Сиеъ, разсчитывая на свою славу и на ту популярность, какой онъ пользовался между жителями Константинополя, не колеблясь, прибѣгнулъ къ таинственнымъ чарамъ, въ присутствіи властелина, и безъ всякихъ обиняковъ объявилъ ему о близкой кончинѣ. Мануилъ былъ сильно встревоженъ и потребовалъ вторичнаго сеанса, но Сиеъ, обиженный такимъ недовѣріемъ, повторилъ ему свое прежнее предсказаніе относительно его смерти, добавивъ, что онъ долженъ ожидать ее въ самомъ непроложительномъ времени. Тогда Мануилъ, въ припадкѣ ярости, приказалъ выколоть глаза колдуну, который осмѣялся заранѣе предсказать смерть своему императору и повелителю.

Мануилъ скончался въ тотъ самый день, который былъ назначень колдуномъ. Послѣ этого случая, слава вѣщаго старца достигла своего апогея; никто не осмѣялся больше выразить какія либо сомнѣнія относительно его мудрости, и всѣ стали смотрѣть на него, какъ на сверхъестественное существо.

Невѣжество и сувѣріе всегда идутъ рука объ руку. Какъ только умъ нацѣ совращается съ пути полезныхъ знаній, онъ предается сувѣріямъ и старается изъ естественныхъ явленій вывѣсти различныя заключенія, которыя становятся тѣмъ неправдоподобнѣе, чѣмъ больше они удаляются отъ почвы точныхъ свѣдѣній, приобрѣтенныхъ наукой.

Изо всѣхъ частей великой Византійской имперіи стремились люди, чтобы посовѣтоваться съ мудрецомъ, который, не смотря на свою старость и слѣпоту, продолжалъ заниматься чародѣйствомъ. Онъ уже не въ состояніи былъ слѣдить за движеніями небесныхъ свѣтиль, потому что передъ его глазами былъ вѣчный мракъ, но онъ попрежнему занимался предсказаніями съ помощью сосудовъ, наполненныхъ водою, и вызыванія духовъ. Люди все болѣе и болѣе толпились вокругъ его жилища, такъ какъ въ городѣ смотрѣли на знаменитаго колдуна, какъ на авторитетъ.

Андроникъ давно слышалъ объ этомъ колдунѣ, но въ тѣ моменты, когда онъ находился въполномъ блескѣ своего могущества и побѣдѣ, онъ пренебрегалъ чернокнижiemъ, говорилъ, что подобнымъ пустякамъ могутъ вѣрить только старыя бабы и слабоумные мужчины. Въ болѣе молодые годы Андроникъ, какъ воинъ, закаленный въ бою, привыкъ полагаться только на силу своего меча; затѣмъ, когда онъ преодолѣлъ всѣ опасности и достигъ престола, то пришелъ къ твердому убѣжденію, что можетъ самъ властвовать надъ своей судьбой и направить ее въ ту или другую сторону, по собственному усмотрѣнію. Но теперь, когда онъ уви-

дѣль на горизонтѣ темныя грозныя тучи, и днемъ, и ночью его стали преслѣдоватъ дикія привидѣнія, созданныя его преступной фантазіей, сознаніе человѣческаго безсилія овладѣло имъ. У него явилось желаніе поднять темную завѣсу будущности, и онъ приказалъ, однажды, Агіохристофориту привести въ императорскій дворецъ колдуна Сиѣа, чтобы вопросить его относительно своей будущности.

Агіохристофоритъ безпрекословно повиновался, хотя былъ и очень удивленъ этимъ новымъ распоряженіемъ своего господина, потому что Андроникъ, вступивъ на престолъ, удалилъ отъ двора преданнаго ему астролога Іону.

Сначала Сиѣъ отвѣтилъ императорскому посланному, что онъ никогда не выходить изъ своего жилища, и если императоръ желаетъ видѣть его, то пусть самъ пожалуетъ къ нему. Но, когда Агіохристофоритъ рѣшительно объявилъ ему, что употребить насилие, Сиѣъ согласился идти въ императорскій дворецъ.

Андроникъ ожидалъ колдуна въ отдаленномъ покой дворца; при немъ былъ Іоаннъ Тира, одинъ изъ его вѣрнѣйшихъ приверженцевъ.

Агіохристофоритъ ввелъ подъ руку слѣпаго старика и представилъ его императору.

— Сиѣъ, — сказалъ ему Андроникъ: — говорять, что въ твоей власти проникнуть въ будущее и предсказать то, что должно случиться. Я хочу сегодня прибѣгнуть къ твоему искусству.

— Но подумалъ ли ты, государь, о томъ, на сколько тебѣ принесеть пользы знаніе будущаго? Рѣшился ли ты спокойно выслушать и принять за истину все, что я открою тебѣ въ силу данной мнѣи власти?

— Мое дѣло рѣшить, — возразилъ строгимъ голосомъ Андроникъ: — полезно ли мнѣ, или нѣтъ знать будущее; я не обязанъ отдавать тебѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ. Твое дѣло отвѣтчиать мнѣ на вопросы, которые я сдѣлаю тебѣ. Ограничусь этимъ, Сиѣъ; твои замѣчанія совершенно лишнія.

Краска гнѣва выступила на лицѣ колдуна; онъ ничего не возразилъ Андронику и только сказалъ:

— Говори, я слушаю!

— Я сдѣлаю тебѣ одинъ вопросъ, Сиѣъ; но на этотъ вопросъ я требую короткаго, опредѣленнаго и яснаго отвѣта.

— Говори, — повторилъ колдунъ.

— Кто будетъ моимъ преемникомъ и когда этотъ преемникъ вступить на престолъ? — вотъ въ чёмъ заключается мой вопросъ.

Сиѣъ молчалъ.

— Понимаешь ли ты, что я сказалъ тебѣ? — крикнулъ съ нетерпѣніемъ Андроникъ, топнувъ ногой.

— Да, государь, я понялъ, что ты сказалъ. Вопросъ достаточно ясенъ. Но прежде всего я позволю себѣ замѣтить, что ты сдѣлалъ

мнѣ не одинъ, а два вопроса, и я долженъ приготовиться прежде, чѣмъ отвѣтить тебѣ.

— Если ты считаешь мой вопросъ двойнымъ, — возразилъ Андроникъ, презрительно пожавъ плечами: — то я и требую отъ тебя двойного отвѣта. Что касается твоихъ приготовленій, то я даю тебѣ на нихъ столько времени, сколько тебѣ нужно, только знай, что они должны происходить здѣсь, въ моемъ присутствіи.

— Дайте мнѣ сосудъ съ водой! — сказалъ вмѣсто отвѣта колдунъ твердымъ, решительнымъ тономъ.

Агюхристофоритъ немедленно исполнилъ его требованіе и поставилъ на столъ сосудъ съ водой.

Слѣпой колдунъ ощупалъ его, чтобы убѣдиться, имѣеть ли онъ подъ рукой то, что ему нужно, и сказалъ:

— Ну, хорошо! Теперь будь внимателенъ, государь!

Затѣмъ онъ вынулъ изъ широкихъ складокъ своей длинной верхней одежды желѣзную палочку и небольшой бумажный пакетъ съ бѣлымъ порошкомъ, который всыпалъ въ воду и размѣшалъ желѣзной палочкой. При этомъ губы его шептали непонятныя отрывочные слова на чужеземномъ таинственномъ языкѣ.

Немного погодя, колдунъ громко произнесъ:

— Духъ земли, взываю къ тебѣ! Явись изъ своего темнаго царства и отвѣтствуй на мой вопросъ!

Слѣпой колдунъ началъ снова мѣшать воду въ сосудѣ желѣзной палочкой, и снова губы его бормотали непонятныя отрывочные слова.

Вода помутилась, поднялся столпъ дыму, который мало-по-малу сгустился надъ сосудомъ и, подобно облаку, распространился по всей комнатѣ. Три свидѣтеля этой сцены, молча, смотрѣли на таинственную чашу.

Постепенно облако сдѣжалось багровымъ, и такой же багровый цвѣтъ приняла вода въ сосудѣ; комната наполнилась удушливымъ запахомъ сѣры.

Когда колдунъ пересталъ мѣшать воду желѣзной палочкой, на днѣ сосуда замѣтно было какъ будто легкое кипѣніе воды.

— Будь внимателенъ, государь, — сказалъ Сиѣ: — теперь наступила минута... Смотри въ сосудѣ, тамъ ты получишь отвѣтъ на твой первый вопросъ. Духъ воздушной стихіи, — продолжалъ колдунъ, наклоняясь надъ водой: — отвѣтствуй мнѣ: кто будетъ преемникомъ могущественнаго императора, который въ эту минуту стоитъ передъ тобой?

Послышался легкій скрипъ желѣзной палочки по дну каменного сосуда, и невидимая рука начертила двѣ буквы въ мутной водѣ.

Эти буквы были *И* и сверху съ видѣемъ полумѣсяца.

— Исл! — пробормоталъ Андроникъ. — Только двѣ буквы?

— Этого совершенно достаточно! — возразилъ колдунъ.

— Иса... — повторилъ императоръ. — Понимаю! Это значитъ— Исаакъ... Не Исаакъ ли Исауровінъ, владѣтель Кипра, самый жалкій изъ Комненовъ, составляющій позоръ своей фамилії? Не его ли подразумѣвается невидимый духъ?

— Молчи! — сказалъ повелительно колдунъ: — выслушай второй отвѣтъ. — Затѣмъ онъ произнесъ громкимъ голосомъ: — Открой намъ, духъ воздушной стихіи, когда преемникъ могущественнаго Андроника вступить на престолъ?

Андроникъ и его приверженцы наклонились надъ таинственнымъ сосудомъ и пристально смотрѣли на воду, но тамъ видны были тѣ же буквы.

Внезапно надъ ихъ головами раздался голосъ:

— Въ день Воздвиженія Креста!

— Что говорить духъ? Это ложь и предательство! — воскликнулъ съ яростью Андроникъ. — Сентябрь уже начался... Можетъ ли Исаакъ въ два-три дня прибыть сюда изъ Кипра и вступить на престолъ?

На губахъ Андроника появилась ироническая улыбка.

— А ты, наглый шарлатанъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ колдуну: — можешь убираться прочь! Твое чародѣйство не болѣе, какъ фиглярство и обманъ! Удалисъ немедленно съ моихъ глазъ!

— Государь, — сказалъ Ioannъ Tiра: — удостой милостиво выслушать меня. Духъ, вызванный Сиоомъ, говорилъ слишкомъ определенно, мы должны уловить смыслъ его словъ...

— Я вижу, — возразилъ съ гнѣвомъ Андроникъ: — что ты, Ioannъ, принадлежиши къ тѣмъ людямъ, которые готовы вѣрить всяkimъ пустякамъ. Не ожидалъ я отъ тебя такого безразсудства!

— Ты самъ, государь, видѣль буквы въ водѣ, — продолжалъ Ioannъ Tiра, блѣднѣя и съ беспокойствомъ посматривая на таинственный сосудъ: — мы все слышали голосъ вызваннаго духа... Кто знаетъ, Исаакъ ли это Кипрскій? Развѣ онъ твой единственный врагъ?.. Не забудь, государь, здѣсь въ нашемъ городѣ проживаетъ Исаакъ Ангель, нѣкогда обвиненный въ измѣнѣ, которому ты даровалъ жизнь... Не его ли подразумѣвалъ духъ?

— Исаака Ангела? — сказалъ Андроникъ съ выражениемъ глубокаго презрѣнія на лицѣ: — не того ли малодушнаго Исаака, который спрятался; какъ баба, когда увидѣль, что его сообщники арестованы? Не этого ли трусливаго зайца? Можетъ ли подобный человѣкъ помышлять о престолѣ?

— Государь, — сказалъ суровымъ тономъ колдунъ: — не глумись надъ тѣмъ, чего постичь не можешь. Ты спрашивалъ, — духъ отвѣтствовалъ тебѣ; не пренебрегай его словами...

— Мы скоро узнаемъ, — прервалъ Agioхристофоритъ: — на этого ли Исаака указалъ духъ? Я обѣщаю тебѣ, государь, въ самомъ не-

продолжительномъ времени избавить тебя отъ врага, на котораго духъ указалъ намъ.

Милостивая улыбка властелина вознаградила вѣрнаго Агюхристофорита за его преданность.

Агюхристофоритъ вышелъ изъ дворца вмѣстѣ съ Сиеномъ. Колдунъ вернулся въ свое жилище, гдѣ его ожидала многочисленная толпа; между тѣмъ, какъ Агюхристофоритъ отправился въ другую часть города, чтобы избавить Андроника отъ человѣка, который, согласно предсказанію, долженъ быть сдѣлаться преемникомъ его престола.

Андроникъ былъ внѣ себя отъ ярости; сильнымъ ударомъ кулака онъ опрокинулъ сосудъ съ водой, въ которомъ все еще видѣлись въ водѣ таинственные буквы.

Исаакъ Ангель проживалъ спокойно въ Константинополь, не принимая никакого участія въ государственныхъ дѣлахъ, такъ какъ не хотѣлъ признать господства хищнаго Андроника. Его оставили въ покой, потому что онъ былъ человѣкъ, лишенный воли и личнаго мужества, и всѣ считали его совершенно неспособнымъ на какое либо смѣлое предпріятіе. Онъ представлялъ собою слабую, ничтожную мышь, на которую гордый, сильный левъ смотрѣлъ съ презрѣніемъ.

Ночь уже давно наступила, когда Агюхристофоритъ сѣлъ на своего любимаго коня и, въ сопровожденіи нѣсколькихъ вооруженныхъ людей, направился къ жилищу Исаака.

Онъ вѣхъ на обширный дворъ, ворота котораго были открыты настежь, и именемъ императора, громкимъ голосомъ прігласилъ Исаака сойти внизъ.

Исаакъ слышалъ грубый голосъ императорскаго любимца и, узнавъ, въ чёмъ состоялъ приказъ, сразу понялъ грозившую ему опасность. Онъ подошелъ къ окну и отвѣтилъ посланному, что боленъ, поэтому не въ состояніи исполнить немедленно приказа своего государя и повелителя, но какъ только здоровье позволить ему, то онъ, вѣрнѣйшій изъ подданныхъ императора, не замедлитъ явиться во дворецъ.

— Государь велѣлъ тотчасъ звать тебя безъ всякихъ проволочекъ,— отвѣтилъ со двора Агюхристофоритъ, возвышая еще болѣе свой рѣзкій голосъ.— Ты долженъ немедленно повиноваться, иначе я прикажу моимъ людямъ стащить тебя внизъ за волосы и бороду.

Эта угроза, а еще болѣе присутствіе человѣка, извѣстнаго своей жестокостью, были для Исаака достаточнымъ доказательствомъ, что ему нечего ждать пощады, и онъ, мирный гражданинъ, врагъ всякаго насилия, трепетавшій передъ малѣйшей опасностью, моментально превратился въ неустршимаго воина и героя.

Онъ ясно видѣлъ, что отъ него одного зависитъ спасеніе, и знать, что если попадетъ въ руки Агюхристофорита, то гибель его

неминуема. Ему предстояло вести бесславное существование въ мрачной темнице или умереть геройской смертью, съ оружиемъ въ рукахъ.

Исаакъ выбралъ послѣднее и, схвативъ мечъ, висѣвшій въ его спальне, сбѣжалъ съ лѣстницы, съ непокрытой головой, и внезапно предсталъ передъ страшнымъ врагомъ.

Агіохристофоритъ былъ на столько пораженъ этимъ неожиданнымъ явленіемъ, что невольно сдѣлалъ шагъ назадъ. Исаакъ, пользуясь отступлениемъ своего врага, напалъ на него и, съ быстротой молніи, нанесъ ему мечомъ сильный ударъ по головѣ. Агіохристофоритъ, обливаясь кровью, упалъ съ лошади съ раздробленнымъ черепомъ. Въ слѣдующую минуту Исаакъ напалъ на вооруженныхъ спутниковъ, которые стояли, какъ будто окаменѣлые, не двигаясь съ места, и, пробивъ себѣ дорогу мечомъ, бросился на площадь. Здѣсь, высоко размахивая надъ головой окровавленнымъ мечомъ, онъ сталъ стучаться въ двери домовъ, чтобы разбудить спящихъ жителей, повторяя тотъ же возгласъ: «Погибъ дьяволъ! Я убиль дьявола!» Подъ этой кличкой жестокій Агіохристофоритъ былъ давно извѣстенъ всему населенію столицы.

Встревоженные горожане спѣшили выходить изъ своихъ домовъ и слѣдовали за Исаакомъ, который направился къ церкви св. Софії. Здѣсь, въ священномъ храмѣ, надѣялся онъ найти болѣе вѣрное убѣжище отъ всякихъ преслѣдований. Софійская площадь наполнилась многочисленной толпой, которая съ любопытствомъ ожидала дальнѣйшаго хода событий. Всѣ враги и противники Андроника собрались въ обширномъ храмѣ, куда вскорѣ прибылъ дядя Исаака съ отцовской стороны, Ioannъ Дука, съ своимъ сыномъ.

Междудругими спутниками Агіохристофорита отправились во дворецъ съ его трупомъ, чтобы доложить императору о неожиданномъ происшествії.

Андроникъ равнодушно взглянулъ на окровавленный трупъ своего вѣрного приверженца и слуги; его холодное сердце не было тронуто этимъ зрѣлищемъ. Онъ трепеталъ за самого себя и, прозрительно пожавъ плечами, сказалъ: «Дѣлать нечего! Кровь за кровь». Затѣмъ онъ удалился въ свою опочивальню и подъ влияниемъ охватившаго его страха отдалъ приказъ о полномъ прощеніи убийцы своего друга.

Малодушный человѣкъ надѣялся подобнымъ способомъ обезпечить свое существованіе и укрѣпить за собою престолъ; но духъ, вызванный Сиѳомъ, предсказалъ срокъ его земной жизни. Дни Андроника были сочтены.

Х.

Исаакъ Ангелъ.

Вѣсть о смерти ненавистнаго Агіохристофорита и удаленіи Исаака въ храмъ св. Софії распространилась по городу съ быстротой молнии. Многочисленная толпа людей собралась на Софійской площади и хотѣла проникнуть въ храмъ.

Народъ сознавалъ, что Андроникъ въ лицѣ Агіохристофорита лишился сильнейшей опоры своего престола и видѣлъ въ этомъ небесную кару, ниспосланную на человѣка, который подъ вліяніемъ дикихъ страстей осмѣлился посягнуть на жизнь мирнаго гражданина. Всѣмъ было извѣстно, что Андроникъ съ неслыханной жестокостью и хладнокровiemъ заставилъ невиннаго отрока подписать смертный приговоръ родной матери и отдалъ тайный приказъ объ убийствѣ императора, чтобы похитить у него вѣнецъ и властвовать одному на престолѣ. Въ виду такихъ дѣяній, онъ въ короткое время сдѣлался предметомъ общей ненависти и ужаса.

Андроникъ становился все суевѣрнѣе и подозрительнѣе, и больше не являлся въ публикѣ; всякий разъ, когда ему приходилось проходить по улицѣ, онъ приказывалъ предварительно разставить на всѣмъ пути вооруженныхъ людей и своихъ тѣлохранителей, варяговъ. Не разбирая ни пола, ни возраста, онъ посыпалъ въ заключеніе своихъ противниковъ; ничто не могло спасти отъ наказанія: ни высокій сантъ, ни происхожденіе, ни услуги, оказанныя отечеству. Даже красота служила предметомъ безпощаднаго преслѣдованія, потому что Андроникъ, при своихъ впалыхъ щекахъ и старческихъ морщинахъ, не могъ безъ раздраженія видѣть юношескія черты лица. Всѣ тюрьмы были переполнены; тотъ еще могъ считать себя счастливымъ, кто прямо попадалъ въ темное подземелье и при этомъ не былъ лишенъ зреція, потому что жестокій Андроникъ чувствовалъ особенное пристрастіе къ этого рода наказанію.

Онъ видѣлъ, что ненависть народа къ нему усиливается съ каждымъ днемъ, и дошелъ до такой наглости въ своемъ безсердечіи, что разъ, когда одинъ изъ окружавшихъ его льстецовъ распространился объ его великодушіи и милостяхъ, оказанныхъ непокорному народу, то онъ далъ такой отвѣтъ: «Меня лишаютъ возможности дѣлать добро, которое я хотѣль бы сдѣлать; и поэтому я принужденъ противъ моего желанія дѣлать зло!» Вслѣдъ за тѣмъ, онъ отдалъ письменный приказъ, по которому всѣ, заключенные въ тюрьмахъ и находящіеся въ изгнаніи, присуждались къ смертной казни. Хотя этотъ жестокій приказъ не былъ приведенъ въ исполненіе, но народъ, потерявъ всякое терпѣніе, восторженно привѣт-

ствовалъ первый ударъ, нанесенный тирану, и тотчасъ же перешелъ на сторону людей, руководившихъ восстаніемъ. Уличная чернь съ шумомъ выломала двери темницъ и возвратила свободу несчастнымъ жертвамъ произвола, которые огласили площади и городскія улицы своими дикими криками и угрозами. Горожане, вооруженные палками, пиками и ножами, стремились на Софійскую площадь съ твердой рѣшимостью положить конецъ ненавистному господству. Не встрѣчая никакого сопротивленія, они становились все смѣлѣ въ своихъ проклятияхъ и угрозахъ. Въ народѣ сновали какіе-то неизвѣстные люди, которые своими рѣчами еще больше возбуждали ярость толпы. Нигдѣ не видно было вооруженныхъ сѣкирами варваровъ, этой наглой толпы наемниковъ, неизмѣнныхъ тѣлохранителей Андроника. Исчезли всѣ орудія неограниченного произвола. Они видѣли, что наступаетъ конецъ могущества ихъ господина и покинули его, подобно крысамъ, которыхъ, предчувствуя опасность, заранѣе оставляютъ утопающій корабль. Наемные испатели приключений, послушные исполнители воли одного человѣка, самая надежная опора самовластія, не считали для себя удобнымъ жертвовать жизнью для государя, который не въ состояніи будетъ вознаградить ихъ за оказанныя услуги. Куда дѣлись Трипсихъ, Птеригонитъ, Далиренъ и всѣ его вѣрныйши слуги и приверженцы? Вы прячетесь и бѣжите отъ опасности! Вы не слышите большие голоса своего повелителя и оставляете его одного? Васъ приводить въ трепетъ месть народа? Гдѣ они, Андроникъ? Гдѣ твои вѣрные приверженцы? Ожидаль ли ты подобного малодушія? Ни одна рука не поднимется теперь за тебя въ минуту опасности! Ни одинъ голосъ не откликнется на твой зовъ о помощи!

Поучительный примѣръ для васъ, византійскіе деспоты, которые видѣли свое спасеніе въ вооруженной наемной силѣ и не хотѣли понять, что ихъ единственная, вполнѣ вѣрная и незыблемая сила въ любви и преданности подданныхъ!

Тысячи зажженныхъ свѣчей освѣщали величественные своды обширного храма св. Софіи. Посреди церкви стоялъ Исаакъ; онъ все еще держалъ въ рукахъ окровавленный мечъ; съ нимъ былъ его дядя Иоаннъ Дука и другие родственники, которые, подобно ему, явились въ святой храмъ, чтобы найти вѣрное убѣжище. Исаакъ былъ блѣденъ; въ его блуждающемъ взгляде было то растерянное выраженіе, какое является въ глазахъ людей, которые внезапно очутились въ совершенно неожиданномъ для нихъ положеніи и испытываютъ всевозможныя колебанія и сомнѣнія. Иоаннъ Дука, въ противоположность ему, не смотря на свои преклонныя лѣта, сохранилъ полное присутствіе духа и имѣлъ спокойный, серьезный видъ человѣка, который довѣряетъ собственнымъ силамъ и не видитъ причины сомнѣваться въ будущемъ.

— Исаакъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ своему родственнику:—

6*

слышишь ли ты эти голоса на площади? Неужели вся эти восхваления не веселятъ твоего сердца? Развѣ ты не доволенъ собой?

— Эти шумные заявленія толпы тревожатъ меня,— сказалъ Исаакъ.— Я столько лѣтъ велъ одинокую скромную жизнь, что не могу освоиться съ подобными сценами. Повѣришь ли, что я даже не въ состояніи въ точности опредѣлить, что дѣлается въ моей душѣ, а все то, что произошло ночью, кажется мнѣ какимъ-то сномъ.

— Надѣюсь, довольно пріятнымъ сномъ!

— Увидимъ, каково еще будетъ пробужденіе послѣ этого сна,— сказалъ задумчиво Исаакъ.— Ночь скоро кончится, а новый день можетъ принести съ собой новыя опасности.

— Повѣрь, Исаакъ,— сказалъ Дука, положивъ ему руку на плечо:— что великія событія послѣдуютъ за этой ночью, и нашъ городъ радостно встрѣтитъ наступающій день. Развѣ ты не видишь, что исчезли ненавистные тѣлохранители до послѣдняго человѣка?

— Андроникъ хитеръ и изобрѣтателенъ на всякия уловки; онъ неумолимъ въ своей враждѣ; и кто знаетъ, что еще можетъ прийтти ему въ голову?..

Этотъ разговоръ, происходившій вполноголоса, былъ внезапно прерванъ громкимъ единодушнымъ крикомъ тысячной толпы, наполнившей площадь.

— Да здравствуетъ нашъ императоръ Исаакъ! Ура!..

Въ отвѣтъ на это раздались такие же воодушевленные возгласы въ стѣнахъ храма. Исаакъ окончательно растерялся и дрожалъ, какъ листъ. Тогда одинъ изъ священниковъ, бывшихъ въ это время въ церкви, принесъ высокую деревянную лѣстницу и, приставивъ ее къ стѣнѣ главнаго алтаря, досталъ сверху блестящій вѣнецъ святаго Константина, которымъ вѣничались на царство византійскіе императоры.

Толпа, стоявшая въ церкви, смолкла и какъ бы окаменѣла при видѣ этой сцены.

— Итакъ,— сказалъ священникъ, приближаясь къ мѣсту, гдѣ Исаакъ стоялъ, окруженный своими родственниками:— народъ превозглашаетъ тебя императоромъ. Возьми этотъ вѣнецъ и возложи его на свою голову.

Исаакъ молчалъ и въ нерѣшимости смотрѣлъ то на священника, который, преклонивъ колѣна, протягивалъ ему вѣнецъ, то на окружавшій его народъ.

— Мнѣ этотъ вѣнецъ?— сказалъ Исаакъ слабымъ, едва слышнымъ голосомъ.

— Къ чѣму эти колебанія, Исаакъ?— сказалъ ему на ухо Дука.— Неужели этотъ вѣнецъ не стоить того, чтобы прятнуть за нимъ руку?

Затѣмъ, обнаживъ свою лысую голову, онъ сказалъ громкимъ голосомъ, обращаясь къ собравшемуся народу:

— Вы ищете себѣ императора, константинопольцы? Я къ вашимъ услугамъ! Клянусь, что моя голова достойна вѣнца!

Но когда толпа увидѣла лысый черепъ, блестѣвшій, какъ полный мѣсяцъ, при яркомъ свѣтѣ множества зажженныхъ свѣчей, то со всѣхъ сторонъ послышались презрительные возгласы, заглушаемые громкими криками.

— Мы не хотимъ старого императора! Не хотимъ лысаго государя! Достаточно мучить насъ старый Адроникъ! Намъ нуженъ молодой императоръ! Мы хотимъ Исаака. Да здравствуетъ Исаакъ! Ура!

Дука послѣшилъ скрыться въ толпѣ, и императорскій вѣнецъ былъ возложенъ на раскошные волосы, украшавшіе голову Исаака.

Обширный храмъ св. Софіи снова огласился криками: «Да здравствуетъ Исаакъ! Многія лѣта Исааку!»

Народъ на площади, слыша эти крики, отвѣчалъ такими же громкими восторженными возгласами.

На востокѣ уже зажглась заря наступающаго дня, когда высокія двери храма открылись настежь, и новый вѣнчанный императоръ предсталъ передъ толпой, нетерпѣливо ожидавшей его появленія.

Въ это время на другомъ концѣ площади показалась лошадь безъ сѣдока, которая, судя по богатому сѣдлу, украшенному золотомъ, была изъ императорскихъ конюшень. Нѣсколько человѣкъ горожанъ тотчасъ же бросились къ ней, поймали за повода и привели къ церковной паперти, где еще стоялъ вновь избранный императоръ.

— Смотрите, какъ будто само небо посыаетъ намъ этого коня!— воскликнули они.— Садись на него, государь, и слѣдуй во дворецъ, который отнынѣ будетъ твоимъ жилищемъ!

Исаакъ сѣлъ на коня и, въ сопровожденіи шумной толпы, направился къ императорскому дворцу въ Влахернѣ...

Адроникъ былъ сильно встревоженъ насильственной смертью своего вѣрного приверженца, но не хотѣлъ выказать своего беспокойства и съ мнимымъ равнодушіемъ выслушалъ роковую вѣсть. Потеря преданнаго слуги неособенно огорчала его, но въ глубинѣ своего сердца онъ чувствовалъ тотъ мучительный страхъ, который испытываютъ люди, когда видятъ первые признаки близкаго несчастія. Въ ту ночь, когда произошла кровавая сцена убийства на дворѣ Исаака, онъ, противъ своего обыкновенія, не потребовалъ на ужинъ куска хлѣба съ чашей вина, чтѣ составляло почти его единственную пищу. Онъ также не рѣшился лечь въ постель; мучимый безсонницей, онъ беспокойно бродилъ по пустымъ заламъ и переходамъ императорского дворца, размышляя о средствахъ, которыя помогли бы ему противостоять грозившей бурѣ.

Не смотря на свое высокомѣре, онъ сознавалъ, что число его враговъ увеличивается съ каждымъ днемъ; онъ видѣлъ, что они становятся все смѣлѣ, и невольно размышилялъ о собственномъ безсиліи. Уже нѣсколько дней Андроникъ не хотѣлъ принимать ни одного изъ придворныхъ; заключенный въ стѣнахъ своего дворца, онъ видѣлъ, какъ все болѣе и болѣе приближалась гроза, и не въ состояніи былъ отклонить ее отъ себя. Къ чему послужили его многочисленныя побѣды, если онъ не въ силахъ удержать вѣнецъ на своей головѣ, и престолъ рушится подъ его ногами?

Онъ бродилъ одинокій по обширнымъ покоямъ дворца, едва освѣщеннымъ слабымъ свѣтомъ наступающаго дня; петерпѣніе сказывалось въ каждомъ его движеніи и придавало ему сходство съ разъяреннымъ львомъ, расхаживающимъ въ желѣзной клѣткѣ. Глаза его беспокойно блуждали; время отъ времени онъ бормоталъ безсвязныя слова, свидѣтельствовавшія о сильной тревогѣ, наполнявшей его сердце.

— Негодный колдунъ сказалъ это... проговорилъ Андроникъ, какъ бы отвѣчая на собственную мысль.—Въ мутной водѣ ясно были написаны двѣ буквы... Исаакъ!.. На него указывалъ духъ... Ioannъ былъ правъ, не кипрскій Исаакъ... Во всякомъ случаѣ, смерть Стефана не была предумышленная... Исаакъ убилъ его въ минуту гнѣва. Въ моей власти было лишить его навсегда возможности вредить мнѣ... Избытокъ великодушія побудилъ меня сдѣлать необдуманный шагъ и даровать жизнь опаснѣйшему врагу!.. Теперь никому не будетъ пощады... Всѣ тѣ, которые осмѣяются идти мнѣ наперекоръ, будутъ уничтожены, отъ мала до велика, храбрые и трусы. Въ этомъ мое единственное спасеніе! Никто не дождется отъ меня ни пощады, ни милости!..

Внезапный шумъ смѣшанныхъ голосовъ нарушилъ тишину ночи. Это были крики толпы, сопровождавшей Исаака.

— Что это значитъ? — воскликнулъ Андроникъ. — Я слышу голоса... Какъ будто идутъ сюда... Чѣмъ подняло народъ въ такой ранній часъ утра?

Шумъ все увеличивался, голоса становились яснѣе.

— Народъ торжествуетъ, — продолжалъ разсуждать самъ съ собою Андроникъ:—онъ радуется смерти Стефана! Всѣ чувствовали къ нему какую-то особенную ненависть, и вѣсть объ его гибели уже разнеслась по городу. Не трудно привести въ восторгъ константинопольцевъ, я доставлю имъ новый поводъ къ радости, и они будутъ благодарить меня. Стоитъ только предать въ руки черни Трипсиха, Птеригіонита и другихъ ненавистныхъ для нихъ людей.. Я не нуждаюсь больше въ ихъ услугахъ!

Голоса слышались уже на довольно близкомъ разстояніи, толпа, повидимому, направлялась къ площади, къ которой былъ обращенъ фасадъ дворца.

— Какая странная перемѣна во мнѣ! — сказалъ Андроникъ, подходя къ закрытому окну: — было время, когда возгласы толпы услаждали мой слухъ; теперь они только раздражаютъ меня. Я состарѣлся, и силы начинаютъ измѣнять мнѣ... Не открыть ли мнѣ окно и не показаться ли народу?

Онъ стоялъ въ нерѣшимости; ему хотѣлось открыть окно, но въ то же время онъ чувствовалъ, что какая-то невидимая рука удерживала его. Наконецъ, онъ пересилилъ себя и поднялъ оконную ставню.

Въ эту минуту съ площади раздался громкій крикъ: «Да здравствуетъ нашъ императоръ Исаакъ! Ура!»...

— Исаакъ! Императоръ! — повторилъ Андроникъ, быстро закрывая ставню, съ такимъ выраженіемъ ужаса на лицѣ, какъ будто онъ увидѣлъ привидѣніе. — Что это значитъ? Народъ привѣтствуетъ нового императора. Онъ осмѣливается дѣлать это въ моемъ присутствії? Гдѣ же слуги мои? Куда дѣллась дворцовая стража?

Андроникъ бросился съ непокрытой головой въ сосѣднюю залу и быстрыми шагами прошелъ рядъ обширныхъ пустыхъ покоевъ, громко призывая своихъ тѣлохранителей.

Никто не откликнулся на его зовъ; только эхо, дикое и глухое, какъ его голосъ, повторяло его слова.

— Никого! Ни единой души! — воскликнулъ Андроникъ. — Нежели я одинъ!.. Жалкіе негодяи, въ минуту опасности вы покинули своего повелителя! Такъ-то вы исполняете данную клятву!..

Онъ шелъ дальше изъ комнаты въ комнату, изъ залы въ зало... Вездѣ та же мертвая тишина и ужасающее безмолвіе!

Дикій порывъ отчаянія и ярости овладѣлъ покинутымъ человѣкомъ; изъ устъ его вырвалось страшное проклятіе. Онъ бросился въ оружейную, которая находилась рядомъ съ его спальней, выбралъ крѣпкій лукъ и пучокъ острыхъ стрѣль, и взобрался на самую высокую изъ четырехъ башенъ, возвышавшихся надъ крышей дворца. Съ этого высокаго пункта онъ началъ пускать стрѣлы въ густую толпу людей, наполнившихъ площадь.

Народъ, видя на башнѣ широкоплечую фигуру обезумѣвшаго повелителя, встрѣтилъ его появленіе неистовыми криками:

— Смерть тирану! Смерть мучителю!

Андроникъ слышалъ угрожающіе крики толпы, и руки его съ лихорадочной поспѣшностью металли стрѣлу за стрѣлой.

Но вскорѣ въ немъ проснулось сознаніе своего безсилія; онъ слышалъ шумъ каменѣвъ, бросаемыхъ въ ворота дворца. Еще нѣсколько секундъ, и падетъ эта послѣдняя преграда.

Онъ поспѣшно сошелъ съ башни, чтобы искать спасенія въ немедленномъ бѣгствѣ.

Народъ видѣлъ, какъ онъ изчезъ съ башни, и понялъ, что это не прежній грозный Андроникъ и что нечего бояться павшаго врага...

Быстрымъ шагомъ, съ ловкостью двадцатилѣтняго юноши, Андроникъ поспѣшилъ въ свою опочивальню, замѣнилъ пурпуровые туфли дорожной обувью и снялъ съ шеи большой золотой крестъ, который онъ постоянно носилъ на груди.

Затѣмъ онъ надѣлъ на голову татарскую войлочную шляпу и накинулъ на себя широкій плащъ и, выйдя боковымъ ходомъ на пустынную улицу, прямо направился на морской берегъ, къ тому мѣсту, гдѣ постоянно находилась наготовѣ его лодка. Это былъ единственный путь къ спасенію, который оставался ему.

Въ тотъ моментъ, когда Андроникъ вышелъ изъ дворца, упали большія ворота, извѣстныя подъ названіемъ Карейскихъ, уступивъ повтореннымъ ударамъ осаждающихъ, и толпа ринулась съ шумомъ въ императорское жилище, подобно бурному потоку, разрушившему послѣднюю преграду.

Буйная, необузданная чернь, не встрѣчая нигдѣ препятствія на своемъ пути, обыскала всѣ углы величественнаго зданія и все предала расхищенію.

Подъ крѣпкими сводами царской сокровищницы хранились большиe запасы золота, серебра и мѣди, назначенные для отчеканивания монеты. Тяжелыя, обитыя желѣзомъ двери были выбиты, и блестящіе слитки попали въ руки толпы. Затѣмъ наступила очередь оружейной, гдѣ было развѣшено дорогое оружіе, военные до-спѣхи и другіе пышные трофеи императорскихъ побѣдъ. Все было расхищено и разграблено! Богатѣйшая утварь, тяжелыя, затканныя золотомъ занавѣсы, мягкие персидскіе ковры, канделябры и все убранство императорскихъ покоевъ было вынесено изъ дворца алчной, необузданной чернью, которая, подобно пожару, распространялась во всѣ стороны, всюду внося опустошеніе.

Императорскіе покои доставили особенно богатую пищу для насыщенія алчныхъ инстинктовъ толпы. Здѣсь были собраны дорогія вазы, картины, вышитыя знамена и значки, драгоцѣнныя евангелия, религіозныя книги и различные предметы роскоши, возбуждавшіе удивленіе многочисленныхъ посѣтителей огромной столицы. Все сдѣгалось добычей хищной народной толпы до послѣдней серебряной ложки, до послѣдняго значка.

Подобно тому, какъ потухаетъ пламя пожара за неимѣніемъ горючаго материала, кончился и этотъ ужасающій грабежъ, когда уже нечего было грабить. Отъ прежняго великолѣпного дворца, еще такъ недавно блестѣвшаго золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями, остались голыя, пустыя стѣны, которыя во многихъ мѣстахъ были пробиты копьями и тяжелымъ оружіемъ, чтѣ было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ осады.

Уже поздно вечеромъ, когда совсѣмъ окончилось расхищеніе императорскаго жилища, Исаакъ, въ сопровожденіи многочисленныхъ родственниковъ и друзей, вступилъ во дворецъ и отпра-

вился въ опустошенную императорскую молельню, чтобы принести благодарственную молитву Всевышнему.

Въ этотъ самый часъ, свергнутый съ престола императоръ, никѣмъ не узнанный, плылъ вдоль береговъ Босфора и, обогнувъ Малзійскій мысъ, направлялся къ Черному морю, въ надеждѣ спасти свое жалкое существованіе на Таврическомъ полуостровѣ. Онъ зналъ, что съ этихъ поръ ему не найдти безопаснаго убѣжища не только въ столицѣ, но и въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ имперіи, и обратился въ бѣгство, чтобы не попасть въ руки своихъ непримиримыхъ враговъ.

Бѣги, кровожадный деспотъ, бѣги, пока возможно! Но карающая рука Провидѣнія не замедлитъ настигнуть тебя! Ты не избѣгнешь своей участіи, и если бы ты вздумалъ теперь вопросить невидимыхъ духовъ о твоей будущей судьбѣ, то услыхалъ бы отъ нихъ еще болѣе страшныя откровенія, отъ которыхъ кровь застыла бы въ твоихъ жилахъ! Бѣги, Андроникъ! Но знай, что для тебя нѣть спасенія! Такіе люди, какъ ты, не могутъ ожидать себѣ пощады. Ты подвергнешься тяжелой отвѣтственности за всѣ злодѣянія, совершенные тобой на землѣ! Бѣгство не спасетъ тебя, жестокій государь! Часъ возмездія пробилъ для тебя!

XI.

Заключеніе и смерть Андроника.

Лодка, на которой Андроникъ отплылъ отъ береговъ столицы, съ шестью сильными гребцами, благополучно достигла небольшой Хелейской гавани. Здѣсь онъ хотѣлъ пріискать судно чтобы отправиться на Таврический полуостровъ, гдѣ думалъ укрыться отъ яости возставшаго противъ него народа. Андроникъ разсчитывалъ на свою счастливую звѣзду и въ глубинѣ души твердо вѣрилъ, что хотя константинопольцы въ данный моментъ неумолимо преслѣдуютъ его и угрожаютъ смертью, но скоро опомнятся и прибѣгнутъ къ своему прежнему защитнику, который будетъ опять торжественно возведенъ ими на престолъ. Подобно многимъ другимъ низверженнымъ монархамъ, онъ льстилъ себя надеждой, что народъ, при болѣе зрѣломъ размышеніи, сознаетъ свою неправоту; но онъ упускалъ изъ виду ту непреложную истину, что если помркнетъ блескъ, окружающей престолъ, то никакая сила на землѣ не въ состояніи больше возстановить его. Народъ отличается неестественнствомъ въ своихъ привязанностяхъ; онъ радуется всякой перемѣнѣ, въ надеждѣ, что она поведеть къ улучшенію его участіи.

Это еще не даетъ право обвинять народъ въ легкомыслии, потому что человѣческой природѣ свойственно недовольствоваться настоящимъ и разсчитывать на болѣе счастливую будущность. У константино-польцевъ были и другіе поводы ненавидѣть Андronика. Они не-навидѣли его за гордость и высокомѣrie, тяготились частыми кро-вавыми сценами, которыхъ были свидѣтелями, и жаждали болѣе мирныхъ, спокойныхъ дней. Съ вступленiemъ на престолъ Исаака, народъ чувствовалъ себя какъ бы освобожденнымъ отъ гнетущей тяжести; главная причина этого заключалась въ томъ, что, не смо-тря на блестательныя побѣды, Андроникъ, при своей надменности и ненасытномъ властолюбіи, не могъ пріобрѣсти себѣ искреннихъ и надежныхъ друзей. Такъ называемые друзья и приверженцы были не болѣе, какъ наемные рабы и исполненные коварства льстецы, которыхъ привлекалъ блескъ престола, а не то лицо, ко-торое занимало его въ данный моментъ. Эти трусливые и безсер-дечные люди, имѣя въ виду только личную выгоду, покинули пад-шаго властелина въ минуту опасности; ни одинъ изъ нихъ не про-тянулъ ему руку помощи, не подалъ за него голосъ. Они предо-ставили ему одному бѣжать изъ столицы и пріискивать средства для собственного спасенія. Достаточно было приближенія бури, чтобы попрятались эти мнимые малодушные друзья и предатель-ски оставили на произволъ судьбы своего государя и повелителя.

Населеніе Хеле состояло преимущественно изъ моряковъ, ко-торые промышляли рыбной ловлей и перевозкой товаровъ. Но въ это время года ихъ суда стояли на якорѣ, и они жили на берегу безъ всякаго дѣла. Вообще моряки чувствуютъ особенное пристра-стie къ стихіи, на которой проводятъ большую часть жизни, и если они не находятъ себѣ занятія на судахъ, то ихъ, всетаки, тя-нетъ къ морю; они любятъ бродить по берегу и смотрѣть на об-манчивую, опасную стихію, которая имѣеть для нихъ неотразимую, притягательную силу.

На берегу были разсѣяны группы людей, которые съ напря-женнымъ вниманіемъ слѣдили за лодкой, плывшей въ ихъ гавань. Когда лодка причалила къ берегу, они узнали Андronика и, съ удивленіемъ, стояли передъ нимъ, снявъ шапки. До нихъ еще не дошли слухи о томъ, что произошло въ столицѣ въ прошлую ночь. Они видѣли Андronика одного, безъ обычной императорской свиты, и не знали, чему приписать его неожиданное появленіе.

— Приготовьте мнѣ судно, на которомъ я могу бы тотчасъ от-правиться въ Херсонесъ! — сказалъ повелительнымъ голосомъ Ан-дроникъ, едва вступивъ на берегъ и обращаясь къ окружаю-щимъ.

— Государь, — отвѣтилъ съ низкимъ поклономъ сѣй матросъ: — въ нашей гавани немало судовъ въ это время года; но теперь дуетъ бурный сѣверный вѣтеръ, и никто не осмѣлитсѧ выѣхать въ

открытое море въ такую погоду. Буря на столько сильна, что даже самые большие корабли могут подвергнуться опасности...

— Какъ!— воскликнулъ Адроникъ, бросивъ на своего собесѣдника гнѣвный взглядъ:— вы, неустршимые хелейцы, опытные моряки, испугались вѣтра?

— Не въ томъ дѣло, государь,— возразилъ стариикъ:— но теперь поздняя осень, и бури всего опаснѣе. Вѣтеръ утихнетъ черезъ нѣсколько дней, и тогда всѣ мы готовы служить тебѣ!

— Я хочу тотчасъ двинуться въ путь и не намѣренъ ждать ни одной минуты,— сказалъ Адроникъ. — Неужели между вами не найдется ни одного человѣка, который захотѣлъ бы исполнить приказаніе своего государя? Не забывайте, что вы обязаны повиноваться мнѣ и что моя воля законъ для моихъ подданныхъ!

Адроникъ непосредственно дѣйствовалъ на толпу своимъ повелительнымъ голосомъ и пронизывающимъ взглядомъ и внушалъ ей уваженіе свойственной ему величественной осанкой. Въ народныхъ собраніяхъ и въ военномъ совѣтѣ его мнѣніе всегда имѣло перевѣсъ, потому что было высказываемо смѣльымъ, рѣшительнымъ тономъ, не терпящимъ возраженія. У Адроника былъ особенный даръ выдѣлиться среди обыкновенныхъ людей, и въ этомъ заключалась тайна того могущественного вліянія, какое онъ преимущественно оказывалъ на низшіе классы, которые смотрѣли на него, какъ на высшее избранное существо.

Слова Адроника произвели глубокое впечатленіе на хелейцевъ. Они видѣли передъ собой могущественного государя, окруженного ореоломъ высокаго сана, и, не подозрѣвая истинны, склонили головы передъ его желѣзной волей.

Три молодыхъ матроса выдѣлились изъ толпы своихъ товарищъ и объявили, что готовы снарядить судно и вступить въ борьбу съ разъяренной стихией.

— Только собирайтесь скорѣе,— сказалъ имъ Адроникъ:— чрезъ часть я долженъ выѣхать отсюда.

Примѣръ трехъ смѣльчаковъ подѣйствовалъ на остальныхъ; къ нимъ присоединилось еще нѣсколько человѣкъ; рѣшено было немедленно приступить къ снаряженію судна. Только старый матросъ, убѣждавшій императора отложить путешествіе, еще разъ съ беспокойствомъ взглянулъ на небо и задумчиво покачалъ своей сѣдой головой.

Изъ множества судовъ выбрана была большая галера, служившая для перевозки товаровъ къ Черному морю, которая въ послѣднее время стояла на якорѣ въ гавани по причинѣ бурной погоды.

На галерѣ шла теперь дѣятельная работа: моряки снаряжали въ путь свое дѣтище. Одни вѣзирались на мачты, другіе осматривали паруса, тамъ тянули тяжелую цѣпь, за которую судно было

привязано къ берегу; здѣсь нѣсколько человѣкъ черпали воду изъ моря, чистили и мыли палубу.

На берегу стоялъ Андроникъ; онъ съ нетерпѣніемъ и беспокойствомъ слѣдилъ за движеніями моряковъ на снаряжаемой галерѣ; но глаза его все чаще и чаще обращались по направленію къ Константинополю, откуда онъ ежеминутно ожидалъ появленія своихъ враговъ.

Теперь, быть можетъ, первый разъ въ жизни, онъ почувствовалъ свое полное одиночество; но передъ нимъ было устье Босфора, за нимъ разстипалось открытое море; надежда на спасеніе не оставляла его.

Еще не прошелъ часъ, какъ судно уже было готово къ отплытію. Андроникъ съ юношеской поспѣшностью вскочилъ на палубу въ тотъ самый моментъ, какъ окончена была работа.

Правой рукой онъ схватился за руль и громкимъ голосомъ отдалъ приказъ отчалить отъ берега. Подняли якорь, распустили паруса, судно двинулось въ путь; вотъ оно обогнуло мысъ Хеле и направляется къ Черному морю. Стоявши на берегу хелейцы, слѣдя глазами за отплывшимъ судномъ, спрашивали другъ друга съ недоумѣніемъ, чтѣ могло побудить императора предпринять въ бурю такое опасное и поспѣшное путешествіе?

Но недолго оставались они въ недоумѣніи; вскорѣ разяснилось для нихъ загадочное происшествіе, возбудившее ихъ любопытство.

Три императорскія галеры, наполненные вооруженными людьми, вошли въ гавань. Прибывшіе воины рассказали хелейцамъ о послѣднихъ событияхъ, происходившихъ въ столицѣ; затѣмъ обратились къ нимъ съ вопросомъ: въ какую сторону отправился бѣглецъ? Едва полученъ былъ отвѣтъ, какъ три галеры снова отчалили отъ берега и поплыли по направленію къ устью Босфора.

Между тѣмъ судно, которымъ собственоручно управлялъ Андроникъ, проплыло Босфоръ, готовилось войдти въ Черное море. Но тамъ встрѣтилось неожиданное препятствіе; сѣверный вѣтеръ дулъ съ такой силой и море было такъ бурно, что дальнѣйшее плаваніе было почти невозможно. Напрасно Андроникъ, сидя у руля, старался пріободрить матросовъ, напрасно эти удвоивали свои старанія, чтобы выбраться изъ опаснаго устья, гдѣ поверхность воды была покрыта густой пѣной; также неудачна была попытка перемѣнить направленіе судна, чтобы съ помощью вѣтра проплыть опасное мѣсто. Буря все усиливалась: она то поднимала легкое судно на гребни волнъ, то снова бросала въ бездну и грозила поглотить его. Андроникъ стоялъ мрачный и блѣдный у руля, и смотрѣлъ неподвижнымъ взоромъ на бушующія волны; онъ кусалъ себѣ губы, чувствуя свое безсиліе противъ разъяренной стихіи. Казалось, что море, разгнѣванное столькими жертвами, брошен-

ными Андроникомъ въ его волны, отказывалось принять его самого и усиленно гнало управляемое имъ судно къ острымъ утесамъ, которые выглядывали черные и грозные изъ морской пѣни.

Уже трижды судно, послѣ отчаянной борьбы съ волнами, выплывало въ открытое море; трижды грознымъ порывомъ бури оно уносилось къ скалистому берегу, и всякий разъ Андроникъ все болѣе и болѣе убѣждался въ невозможности продолжать путь. Между тѣмъ, день уже сталъ склоняться къ вечеру; и тутъ внезапно показались въ виду три императорскія галеры, посланныя въ погоню за бѣглцомъ.

Андроникъ первый замѣтилъ и узналъ ихъ; онъ ясно видѣлъ теперь, что для него закрытъ и этотъ послѣдній путь къ спасенію. Грозная стихія какъ бы вступила въ заговоръ съ людьми, чтобы погубить его.

Императорскія галеры вскорѣ окружили судно, на которомъ находился Андроникъ, и цѣлая толпа вооруженныхъ людей заняла палубу; матросы были слишкомъ малочисленны, чтобы оказать какое либо сопротивленіе. Андроникъ былъ немедленно пересаженъ на одну изъ императорскихъ галеръ, которая двинулись одновременно въ обратный путь. Переѣздъ былъ легкій и, благодаря попутному вѣтру, совершился необыкновенно быстро. Все какъ будто соединилось, чтобы предать тирана въ руки раздраженнаго народа.

Андроникъ сидѣлъ одиноко на палубѣ съ цѣпями на рукахъ и ногахъ; онъ ясно видѣлъ, что все кончено для него. Онъ былъ взять въ плѣнъ, обезоруженъ и находился во власти своихъ могущественныхъ враговъ.

Но Андроникъ не терялъ надежды и рѣшился прибѣгнуть къ хитрости для своего спасенія. Уже сколько разъ, въ затруднительныхъ случаяхъ своей жизни, онъ съ успѣхомъ пользовался этимъ оружиемъ!

Подъ предлогомъ утоленія голода, онъ попросилъ кусокъ хлѣба, и когда его требованіе было исполнено, то онъ, заливаясь слезами, стала жаловаться на судьбу!

— О Боже! — сказалъ онъ. — Могъ ли я ожидать подобнаго несчастія. Неужели я долженъ, какъ преступникъ, вернуться подъ страшій въ городъ, дорогой моему сердцу, и въ этомъ видѣ представать передъ народомъ, о благосостояніи котораго я такъ много заботился?.. Можетъ ли такая жестокая участъ не возбудить состраданія людей?.. Друзья мои, — добавилъ онъ, обращаясь къ окружающимъ его воинамъ: — неужели вы не чувствуете ни малѣйшей жалости къ человѣку, котораго такъ неумолимо преслѣдуje судьба?.. Воины молчали.

— Передъ вами, Андроникъ, потомокъ знаменитаго рода Комnenovъ, давшаго византійскому престолу столькоувѣнчанныхъ славой государей и столько храбрыхъ полководцевъ! Не забудьте,

что Андроникъ, которого вы видите сегодня въ оковахъ, жалкимъ и беспомощнымъ, еще такъ недавно былъ могущественнымъ императоромъ и сидѣлъ на престолѣ! О Боже, какъ невѣренъ и скользъ этотъ путь! Зачѣмъ стремился я къ достиженію высокаго сана, зачѣмъ пожертвовалъ ради него жизнью? Развѣ я не былъ въ тысячу разъ счастливѣе, когда охотился за дикими звѣрями съ мечемъ въ рукѣ, вель на поле битвы толпы неустранимыхъ воиновъ? Къ чemu промѣнялъ я эту свободную, счастливую жизнь на печальное существованіе, исполненное тяжелыхъ заботъ и труда?.. Вы сами воины, и вамъ болѣе, чѣмъ кому нибудь, доступны благороднѣйшіе порывы человѣческой души, такъ какъ мужественному сердцу чужды низкия страсти. Вы понимаете, что я долженъ испытывать въ настоящую минуту... Сжалтесь надо мной. Помогите мнѣ вернуться въ азіатскіе лѣса, гдѣ я чувствовалъ себя такимъ счастливымъ! Меня не соблазняетъ болѣе ни блескъ императорскаго сана, ни пышность престола! Горькій опытъ убѣдилъ меня, что императорская корона терновый вѣнецъ, а пурпуровая мантія тяжелое одѣяніе; немногіе въ состояніи носить ее!.. Мое единственное желаніе вновь услышать шумъ битвы, испытать прежнія опасности и лишенія, связанныя съ боевой жизнью... Эти опасности и лишенія не могутъ пугать васъ! Вы съ дѣтства привыкли владѣть оружіемъ... Послѣдуйте за мною! Я поведу васъ къ новымъ блестательнымъ побѣдамъ! Въ Азіи живеть дикий языческій народъ, который враждебно относится къ христіанской религіи и грозить новымъ нашествіемъ на нашу прекрасную родину. Тамъ ожидаются насъ новые лавры, новые побѣдные трофеи!..

Андроникъ остановился, но, не встрѣтивъ никакихъ возраженій, продолжалъ свою рѣчь съ прежнимъ воодушевленіемъ: — Послѣдуйте за мной, дорогіе товарищи! Вы видите, мои члены закалены суровой солдатской жизнью; мое лицо никогда не блѣднѣло отъ страха! Неужели васъ не тяготитъ настоящее положеніе, при которомъ вы обречены на бездѣятіе и полусонное существованіе? Развѣ вы не считаете для себя позоромъ служить орудіемъ для интригъ честолюбцевъ?.. Вы—мужи и воины! На васъ лежитъ обязанность защищать христіанскую религію! Идите за мной! Вамъ не придется краснѣть за своего предводителя! Тамъ узнаете вы прежніаго Андроника; мы приведемъ въ трепетъ нашихъ враговъ и навсегда прославимъ свое имя. Я вновь почувствую себя счастливымъ и этимъ счастьемъ я буду обязанъ вамъ, друзья мои. Умоляю васъ, снимите съ меня оковы и слѣдуйте за мной!..

Воины, окружавшіе узника, молчали и не двигались съ мѣста. Слова Андроника не произвели на нихъ ни малѣйшаго впечатлѣнія. Наконецъ, одинъ изъ нихъ, повидимому, начальникъ, сказалъ ему:

— Напрасно стараешься ты убѣдить насъ! Мы дѣлаемъ то, что намъ приказываютъ, и безъ всякихъ разсужденій передадимъ тебя

сторожамъ Анемской башни! Наша обязанность повиноваться начальству...

Андроникъ ничего не возражалъ: для него угасъ послѣдній лучъ надежды; съ этой минуты во все время перѣзда онъ хранилъ упорное молчаніе. Его главное оружіе—хитрость и лесть, было отнято отъ него, потому что онъ не могъ больше пользоваться имъ. Свойственная ему твердость характера опять взяла перевѣсъ. Глаза его, принявшіе во время рѣчи коварное, блуждающее выраженіе лисицы, пріобрѣли ту спокойную неподвижность, какая является у людей, при гордомъ сознаніи своей неустрасимости. Храбрый человѣкъ готовился умереть смертью героя. Его попытка тронуть сердца простодушныхъ, окружавшихъ его воиновъ, окончилась неудачей; онъ зналъ, что ему нечего ждать пощады отъ своихъ не примиримыхъ враговъ. Исаакъ Ангелъ былъ мягкий, слабохарактерный человѣкъ, почти насильственно возведенныій на престолъ, но разгнѣванный народъ жаждалъ мести; онъ не допустить, чтобы императоръ почувствовалъ малѣйшее состраданіе къ своему несчастному предшественнику.

Андроникъ покорился своей участіи и спокойно ожидалъ смерти. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые при всей своей гордости и высокомѣріи подчиняются неизбѣжному и глубоко вѣрятъ, что никто не минуетъ предначертанной ему судьбы. Тщательное изученіе Посланій св. Павла въ значительной мѣрѣ укрѣпило Андроника въ этомъ вѣрованіи, которое поддерживало его и въ настоящія минуты тяжелаго испытанія. Андроникъ, при всей дикости своихъ инстинктовъ, былъ способенъ на проблески чувствъ, свойственныхыхъ болѣе возвышеннымъ натурамъ.

— Да исполнится воля Твоя, Господи! — воскликнулъ онъ, по днявъ глаза къ небу, въ тотъ моментъ, когда судно бросило якорь передъ воротами Анемской башни.

Развѣяннаго императора заключили въ мрачную темницу башни; онъ слышалъ, какъ за тяжелой дверью поставлена была на караулъ вооруженная стража.

Едва разнеслась по городу вѣсть о заключеніи Андроника, какъ огромная толпа народа двинулась къ башнѣ и съ громкими криками требовала немедленной казни узника. Эта шумная толпа состояла изъ людей, принадлежащихъ къ низшему классу населенія; тутъ были кожевники, широкоплечіе мясники и другіе не менѣе усердные посѣтители грязныхъ винныхъ погребовъ.

— Отдайте намъ преступника! — кричали они. — Пусть выведутъ къ намъ Андроника. Тотъ, который осмѣлился съ такой наглостью обмануть насть, долженъ быть преданъ въ наши руки! Мы сами казнимъ его!..

Андроникъ слышалъ эти дикіе крики и угрозы, которые глухо раздавались за толстыми стѣнами его темницы. Они звучали въ

его упахъ, какъ грозные предвѣстники смерти; но ни одинъ мускулъ не шевельнулся на его лицѣ; въ глазахъ было то же выраженіе непреклонной рѣшимости.

— Жалкіе люди!—произносилъ онъ, время отъ времени, поднимая голову.—Теперь вы осмѣлились кричать противъ меня, готовы разорвать на клочки!.. А не далѣе, какъ вчера, вы трепетали передо мной, пресмыкались у моихъ ногъ... Вы требуете моей смерти? Вооружитесь терпѣніемъ, вы будете свидѣтелями кроваваго зѣлица, но знайте, что и въ подобную минуту Андроникъ сохранить присутствіе духа.

Ночь мало-по-малу разсѣяла толпу, собравшуюся передъ башней; дикие крики становились все слабѣе и, наконецъ, совсѣмъ замолкли.

Андроникъ, изнуренный долгой безсонницей и волненіями истекшаго дня, бросился на жесткую соломенную рогожу и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Природа пересилаила его стальное тѣло.

Андроникъ спить крѣпкимъ, но тревожнымъ сномъ, губы его произносили безсвязныя слова.

Ему снится страшный сонъ. Онъ стоитъ на краю темной пропасти; изъ ея черной разверстой пасти поднимаются привидѣнія и постепенно принимаютъ человѣческія формы.

Онъ видѣть передъ собою тѣнь человѣка съ окровавленными впадинами вмѣсто глазъ.

— Протосевастось Алексѣй! — шепчетъ спящій.

Привидѣніе останавливается на краю пропасти и говорить глухимъ голосомъ:

— Андроникъ, узнаешь ли ты меня? Я—Алексѣй. Взгляни на мои глаза, ты лишилъ меня зрењія! Будь ты проклятъ!

Изъ черной пропасти выступаетъ вторая тѣнь. Это высокая, блѣдная женщина, съ золотымъ вѣнцомъ на головѣ.

— Императрица Марія! — произносять губы спящаго узника.

— Андроникъ, ты узнаешь меня!—говорить привидѣніе.—Меня умертвили, по твоему приказанію, и бросили въ море. Я вышла изъ своей сырой могилы, чтобы явиться къ тебѣ и сказать: Будь ты проклятъ!

За тѣнью Маріи поднимается новое привидѣніе. Это обезглазленный отрокъ; онъ держитъ въ рукахъ свою голову, увѣнченную древнимъ византійскимъ вѣнцомъ.

— Императоръ Алексѣй! — шепчетъ спящій, едва слышнымъ голосомъ.

— Да,—отвѣчаетъ привидѣніе, приближаясь къ нему:—я тотъ, кому ты обязанъ своимъ величиемъ; я посадилъ тебя рядомъ съ собою на престоль моихъ предковъ, но ты умертвилъ меня и бросилъ мою голову на съѣденіе хищнымъ птицамъ. Будь ты проклятъ!

Наконецъ, изъ мрачной пропасти выступаетъ высокое привидѣніе. Это костлявый скелетъ съ золотымъ скипетромъ въ рукѣ.

— Мануиль! Мануиль! — произносить со стономъ спящій.

— Клятвопреступникъ! — говоритъ привидѣніе. — Ты умертвилъ императрицу Марию и моего единственного сына, императора Алексія! Въ минуту дикой ярости ты позволилъ себѣ поруганіе надъ моимъ прахомъ и не пощадилъ холодной могилы! Наступилъ часъ мести!

Привидѣніе протягиваетъ свою костлявую руку; скипетръ превращается въ мечъ, на которомъ выступаютъ зловѣщія буквы: И.с.

— Сие! Сие! — шепчетъ спящій.

— Видишь ли ты этотъ мечъ, Андроникъ? — продолжаетъ привидѣніе. — Это орудіе мести! Взгляни на черную пропасть, которая ожидаетъ тебя! Мы явились за тобой. Слѣдуй за нами!..

Четыре привидѣнія окружили Андроника и стали тянуть его въ пропасть. Онъ чувствовалъ прикосновеніе ихъ костлявыхъ рукъ; холодный потъ выступилъ у него на лбу. Наконецъ, изъ его сжатыхъ губъ вырывается громкій крикъ; онъ просыпается и съ ужасомъ смотритъ вокругъ себя.

Онъ видѣть только стѣны темницы, слабо освѣщенныя легкимъ отблескомъ наступающаго дня.

Съ ранняго утра многочисленная народная толпа снова собралась вокругъ башни и съ оглушительными криками и шумомъ требовала выдачи преступника, которая должна была послужить сигналомъ къ началу кроваваго представленія. Такъ шумять подчасъ нетерпѣливые зрители передъ поднятіемъ занавѣса.

— Чего они ждутъ? — кричало нѣсколько человѣкъ кожевниковъ, которые въ то же время изо всѣхъ силъ ударяли своими тяжелыми дубинами о желѣзныя ворота башни. — Почему до сихъ поръ не выдаютъ Андроника? Императоръ предоставилъ намъ казнить его; мы воспользуемся своимъ правомъ!.. Эй! кто тамъ? — продолжала шумѣть толпа: — они точно оглохи всѣ. Не выломать ли намъ ворота и не вытащить ли сюда преступника?

Съ этими словами посыпались новые, еще болѣе частые удары въ желѣзную рѣшетку.

— Я почти готовъ биться объ закладъ, — сказалъ одинъ изъ толпы: — что они уже покончили съ нимъ сегодня ночью, а насъ только водятъ за носъ.

— Ну, если они осмѣлятся сдѣлать что либо подобное, — возразилъ коренастый подмастерье, размахивая толстой дубиной: — то имъ придется раскаяться въ этомъ. Народъ не позовутъ шутить съ собой! Они могутъ въ другихъ случаяхъ казнить втайне преступниковъ, но казнь Андроника должна совершиться среди бѣлага дня, чтобы всѣ могли видѣть ее. Пусть это послужитъ урокомъ для тѣхъ, которые рѣшаются обманывать народъ. Впередъ, друзья

мои! Выломаемъ ворота, посмотримъ, долго ли они устоять подъ нашими ударами!..

Народъ, возбужденный этими словами, намѣревался послѣдовать совѣту оратора, какъ внезапно отворились ворота башни, и появилась величественная фигура Андроника, окруженного вооруженной стражей.

Шумъ и крики сразу умолкли; толпа какъ будто окаменѣла на минуту. Наступила мертвая тишина, которая всегда предшествуетъ новому, еще болѣе грозному взрыву бури.

Затѣмъ со всѣхъ сторонъ раздался дикий протяжный крикъ, и тысячи рукъ поднялись съ угрозами и проклятіями противъ беззащитной жертвы. Тюремная стража отступила въ испугѣ, и Андроникъ былъ преданъ въ руки своихъ палачей.

Разъяренная народная толпа ринулась на него; одни рвали волосы на его головѣ и бородѣ, выбивали зубы, осипали бранью, плевали на него и бросали ему въ лицо комки грязи; другие срывали съ него платье и наряжали въ разодраные лохмотья.

По близости находилась кузница. Сюда поволокли Андроника и отрубили ему на наковальнѣ правую руку тяжелымъ желѣзнымъ топоромъ. Когда брызнула кровь, въ толпѣ раздался громкій хохотъ.

Затѣмъ, изувѣченный, покрытый кровью Андроникъ, былъ посаженъ на тощаго верблюда, и шествіе тронулось въ путь по главнымъ улицамъ столицы. Чѣмъ дальше оно подвигалось, тѣмъ многочисленнѣе и необузданнѣе становилась толпа. Такъ въ жаркій лѣтній день рой прожорливыхъ мухъ накидывается на кучи гніющаго уличнаго мусора.

Между тѣмъ, эта злополучная жертва народной мести былъ тотъ самый могущественный Андроникъ, который еще наканунѣ сидѣлъ на престолѣ, и котораго такъ недавно радостно встрѣтилъ весь городъ и привѣтствовалъ, какъ своего спасителя. Трудно было поверить, что человѣкъ, составлявшій теперь предметъ общаго презрѣнія и насмѣшекъ, былъувѣнчанный славой государь, желѣзная воля котораго господствовала надъ массами.

Несчастный Андроникъ болѣе чѣмъ кто нибудь испыталъ на себѣ непрочность земныхъ благъ!..

Шествіе продолжало свой путь въ томъ же порядкѣ; оно медленно проходило по длиннымъ улицамъ и обширнымъ площадямъ города; вездѣ сопровождали его тѣ же дикие крики и вопли разъяренной толпы.

Наконецъ, шествіе остановилось на нѣсколько минутъ передъ харчевней. Изъ воротъ вышла женщина съ горшкомъ горячей воды; распущенныи волосы и блуждающій взглядъ придавали ей видъ помѣшанной. Она поспѣшно пробралась сквозь толпу и остановилась передъ Андроникомъ.

— Не ты ли Андроникъ? — спросила она. — Я давно ждала этой минуты. Ты казнилъ моего мужа, ослѣпилъ моего брата... Наконецъ-то, мнѣ удалось добраться до тебя!..

Затѣмъ, съ пронзительнымъ крикомъ ненависти и отчаянія она подняла обѣими руками горшокъ съ кипиткомъ и опрокинула его надъ головой Андроника. Обваренное лицо страдальца вздулось и побагровѣло; онъ лишился одного глаза.

Шествіе снова двинулось въ путь; когда оно достигло Ипподрома, Андроника сняли съ верблюда.

«Повѣсьте его!» — крикнуло нѣсколько угрожающихъ голосовъ. До этой минуты Андроникъ выносилъ молча всѣ мученія; на лицѣ его не замѣтно было ни малѣйшихъ признаковъ страха, только время отъ времени губы его молча произносили слова: «О Боже, скажься надо мной!»

Когда его сняли съ верблюда, онъ обратился къ народу и сказалъ:

— На что вамъ моя смерть? Теперь во мнѣ также мало силъ, какъ въ слабомъ тростникѣ!..

Оглушительный хохотъ прервалъ рѣчь Андроника; громче прежняго раздались голоса:

— На висѣлицу его! На висѣлицу!

У западной стѣны Ипподрома стояли два каменныхъ столба съ желѣзными кольцами, къ которымъ привязывали дикихъ звѣрей, выводимыхъ на арену. Къ этимъ столбамъ привѣсили Андроника.

Народъ встрѣтилъ появленіе этого окровавленного человѣческаго трофея громкимъ протяжнымъ крикомъ торжества.

Затѣмъ къ висѣвшему тѣлу подошли два мясника и вонзили въ него свои острые ножи; они со смѣхомъ повторяли эту диковинную забаву и бились между собою обѣ закладъ, чей ножъ глубже войдетъ въ тѣло.

Никто изъ присутствующихъ не думалъ прервать ужасающую сцену, но въ это время изъ толпы выступилъ неизвѣстный человѣкъ, который, быть можетъ, хотѣлъ принять участіе въ кровавой забавѣ или же движимый состраданіемъ рѣшилъ положить конецъ мученіямъ несчастной жертвы. Онъ сразу вонзилъ свой ножъ въ горло Андроника до самой рукоятки.

Ударъ былъ смертельный. Посышалось легкое хрюканіе; дважды дрогнуло обезображенное тѣло. Въ эти послѣднія минуты предсмертныхъ судорогъ, Андроникъ машинально поднялъ свою изуродованную руку, изъ которой сочилась кровь, и прильнуть къ ней губами.

— Смотрите, смотрите! — крикнулъ одинъ изъ стоявшихъ возлѣ мясниковъ: — онъ все еще жаждетъ крови и, за неимѣніемъ чужой, пить собственную кровь!

Андроника не стало; этого было достаточно, чтобы утихла ярость толпы. Зрители мало-по-малу начали расходиться по домамъ; многіе, уходя, бросали послѣдній торжествующій взглядъ на жертву народной мести. Въ обширномъ Ипподромѣ водворилась мертвая тишина.

Безжизненный трупъ Андроника висѣлъ у каменныхъ столбовъ. Смолкли навсегда уста человѣка, обладавшаго желѣзной волей, потухъ ясный проницательный взоръ; обнаженное тѣло могущественнаго государя, носившаго пурпуровую мантію византійскихъ императоровъ, осталось одинокимъ на площади. Властелинъ, сдѣлавшій столько зла на землѣ, получилъ достойное возмездіе за свои дѣянія.

Нѣсколько дней спустя, безформенный, полусгнившій трупъ Андроника былъ снятъ съ висѣлицы, по приказанію императора Исаака, и погребенъ въ оградѣ Цевкисипскаго монастыря.

Здѣсь нѣтъ ни памятника, ни надгробной надписи, по которой можно было бы отыскать мѣсто, где покоится долгимъ сномъ вѣчности Андроникъ Компенъ.

КОНЕЦЪ.

ОБЪ ИЗДАНИИ КНИГИ
,СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГЪ'

М. И. ПЫЛЯЕВА.

Въ этой книгѣ собраны свѣдѣнія объ исторіи и жизни Петербурга въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій. Источниками для настоящаго труда служили не одни только русскія и иностранныя сочиненія, но и изустные разсказы петербургскихъ старожиловъ.

Большая часть рисунковъ, приложенныхъ къ книгѣ и помѣщенныхъ въ текстѣ ея, появляются въ печати въ первый разъ и воспроизведены съ рѣдкихъ оригиналовъ, находящихся въ богатомъ собраніи гравюръ П. Я. Дашкова.

Книга „Старый Петербургъ“ будетъ заключать въ себѣ отъ 32 до 35 печатныхъ листовъ, большаго формата, и болѣе 100 гравюръ, изображающихъ петербургскія мѣстности, зданія и типы въ разныя эпохи, а также портреты историческихъ лицъ и бытовыя сцены.

Книга „Старый Петербургъ“ будетъ выходить выпусками (отъ двухъ до трехъ въ мѣсяцъ), каждый объемомъ въ два печатныхъ листа съ нѣсколькими рисунками. Всѣхъ выпусковъ будетъ шестнадцать.

Цѣна каждого выпуска 50 к. сер. безъ пересылки и 60 к. съ пересылкой.

Выпуски, по мѣрѣ ихъ выхода, (съ 1-го ноября) можно получать въ книжныхъ магазинахъ «Нового Времени» въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Все изданіе, текстъ и рисунки котораго готовы и сданы въ типографію, будетъ окончено втеченіе шести мѣсяцевъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТИНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Нового Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ Москвѣ, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „Нового Времени“, Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

Программа „Исторического Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографії, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, исторические материалы и документы, имѣющіе общий интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присыпаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергея Николаевича Шубинскаго.

Редакція отвѣтаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Изатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., д. 11—2.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВѢСТИНИКъ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ
ДЕКАБРЬ, 1886.

СОДЕРЖАНИЕ.

ДЕКАБРЬ, 1886 г.

	СТР.
I. Знакомство съ Гоголемъ. (Изъ литературныхъ воспоминаний). Г. И. Данилевского	473
II. Воспоминанія. Гл. IX. (Окончаніе). Графа В. А. Сологуба Иллюстрація: Портретъ графа В. А. Сологуба.	504
III. Варшава въ 1861 году. (Изъ памятной книжки). И. А. Арсеньева	513
IV. Новыя данные для исторіи началы царствованія Екатерины II. VI—VII. (Окончаніе). А. Г. Брикнера	537
V. Елизавета Кульманъ. (1808—1825). Е. С. Некрасовой	551
VI. Литературный гонораръ въ XVIII вѣкѣ. А. П. Мальшинскаго	580
VII. Логиновская экспедиція. (Изъ воспоминаній участника). А. Р.	596
VIII. Донской казакъ въ Лондонѣ. И. А. Бѣлозерской Иллюстрація: Два портрета казака Земленухина.	603
IX. Первая женская православная община въ Привислинскомъ краѣ. М. И. Городецкаго	617
Иллюстрація: Церковь Іѣсусинской православной женской общины. (Сѣдлецкой губ., Константиновскаго уѣзда). — Церковь въ селѣ Буковичи, Сѣдлецкой губерніи. (XV вѣк). — Чудотворная икона Іѣсусинской Божіей Матери.	
X. Распространеніе сочиненій Пушкина въ Курской губерніи въ 1837 году. А. Танкова	630
XI. Крао, волосатое индійское племя. В. З. Иллюстрація: Мужчина и женщина изъ племени Крао.	634
XII. Критика и библиографія: Дневные дозорные записи о московскихъ раскольникахъ. Сообщены А. А. Титовымъ. Издание императорскаго Общества исторіи и древностей российскихъ при Московскомъ университѣтѣ. Москва. 1886. П. У. — Годъ въ Пескахъ (наброски и очерки Ахал-Текинской экспедиціи 1880—1881 годовъ). А. А. Майеръ. Кронштадтъ. 1886. Б. Ж. — Кураковщина. Историко-этнографический очеркъ. А. А. Титова. Ярославль. 1886. П. У. — Празднованіе пятидесятилѣтнаго юбилея Полоцкаго кадетскаго корпуса. Полоцкъ. 1886. (Издание Полоцкаго кадетскаго корпуса). П. У. — Очерки исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи. XVII столѣтіе. Изслѣдованія В. В. Бобынина. Выпускъ I. Москва. 1886. Б.—а. — Памятники древне-русскаго языка. Т. I. Служебныя милицы за сентябрь, октябрь и ноябрь, въ церковно-славянскомъ переводе по русскимъ рукописямъ 1095—1097 гг. Трудъ орд. акад. И. В. Ягича. Съ шестью таблицами снимковъ. Спб. 1886. Е. Г. — Российское благородное собрание въ Москвѣ. А. Барсукова. Москва. 1886. И. Б.—нова	639
XIII. Заграницына историческая новости	650
XIV. Изъ прошлаго: Къ исторіи холерной эпидеміи въ Курской губерніи въ 1830—1831 гг. Сообщено А. Танковымъ	657
XV. Смѣсь: Памятникъ „Славы“. — Памятникъ Пахтусову. — Семидесятипятилѣтнія годовщина Александровскаго лицея въ Петербургѣ. — Археологическое Общество. — Некрологи: С. П. Колокнина; А. В. Головинна; Н. Х. Кетчера; С. А. Приклонскаго; С. А. Усова; С. В. Шолковича	659
XVI. Замѣтки и поправки: 1) По поводу замѣтки „Историческая могила“. Князя Н. Н. Голицына. — 2) Въ защиту „Предсмертнаго увѣщенія В. Н. Татищева сыну“. А. А. Дмитріева. — 3) Поправка къ статьѣ „Пятидесятилѣтіе оперы Жизнь за царя“	666

ПРИЛОЖЕНИЯ: 1) Портретъ Елизаветы Кульманъ. — 2) Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей. Д. Д. Языкова. Выпускъ третій. Русские писатели, умершіе въ 1883 году. — 3) Указатель личныхъ имёнъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Исторического Вѣстника» 1886 года, и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ тѣхъ же томахъ «Исторического Вѣстника».

При этой книжкѣ прилагаются объявленія: 1) О подпiskѣ на ежемѣсячный исторический журналъ „Русская Старина“, въ 1887 году; 2) О подпiskѣ на еженедѣльный журналъ „Нива“. 3) Оъ изданіи ежемѣсячнаго журнала „Дѣло“. 4) О подпiskѣ на литературно-политический журналъ „Наблюдатель“. 5) О подпiskѣ на музыкальный журналъ „Нувеллистъ“. 6) Объ изданіи ежемѣсячнаго исторического журнала „Кievская Старина“.

При этой книжкѣ разсылается гг. подписчикамъ объявление о подпiskѣ на еженедѣльную газету „Недѣля“, въ 1887 году.

СОДЕРЖАНИЕ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ).

	СТР.
Тайновидецъ. (Рассказъ изъ русскаго быта XVIII столѣтія). Н. И. Костомарова	5
Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху. Мисти- ческо-нравоучительное. Глава II-я (Окончаніе). А. И. Невеленова	21
 <i>Иллюстрація:</i> Портретъ М. М. Хераскова.	
Воспоминанія старого литератора. I. Встрѣчи и знакомства. А. В. Старчевскаго	46
Быть саперовъ двадцать пять лѣтъ назадъ. В. Д. Кренкѣ . .	85
Свѣтлыя минуты императора Павла. 1796—1801. П. П. Ка- ратыгина	121
Солдатъ въ раю. (Народный анекдотъ). В. М. Ключникова .	152
Великій князь Павель Петровичъ въ Берлинѣ въ 1776 году .	167
Французы въ Россіи. П. П.	173
Агонія Польши. Н. С. Кутейникова	209
Загробный свидѣтель за женщины. Наблюденія, опыты и за- мѣтки Н. И. Пирогова, изложенные въ письмѣ къ баро- нессѣ Э. Ф. Раденъ. Съ предисловіемъ и послѣсловіемъ Н. С. Лѣскова	249
Воспоминанія. Гл. VII—IX. (Окончаніе). Графа В. А. Со- логуба	281, 504
 <i>Иллюстрація:</i> Портретъ графа В. А. Сологуба.	
Мое сотрудничество въ журналахъ. (Отрывокъ изъ Записокъ). А. Д. Галахова	312
Новые данные для исторіи начала царствованія Екатерины II. А. Г. Врикнера	336, 537

	стр.
Пятидесятілітіе оперы «Жизнь за царя». В. В. Стасова . . .	352
<i>Иллюстрація:</i> Видъ памятника Глинкѣ въ Смоленскѣ.—Портретъ Л. И. Шестаковой, рожд. Глинки.	
Листки изъ архива «Литературной Газеты». П. Н. Полеваго . . .	369
Бѣлогостицкій монастырь Ярославской епархіи. А. А. Титова . . .	383
<i>Иллюстрація:</i> Бѣлогостицкій монастырь съ луговой стороны.—Благовѣщенская церковь въ Бѣлогостицкомъ монастырѣ.—Входная дверь въ Благовѣщенской церкви.—Склепъ подъ Благовѣщенскимъ соборомъ съ гробницею князя М. М. Темкина.—Церковь Архистратига Михаила въ Бѣлогостицкомъ монастырѣ.	
Изъ фамильныхъ преданій Тейльса. С. А. Петровскаго . . .	397
Суворовъ въ селѣ Кончанскомъ. (Изъ разсказовъ мѣстнаго старожила). И. П. Можайскаго	408
Рассказы объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Л. И. Кинга . . .	412
Знакомство съ Гоголемъ. (Изъ литературныхъ воспоминаній). Г. П. Данилевскаго	473
Варшава въ 1861 году. (Изъ памятной книжки). И. А. Арсеньева	513
Елизавета Кульманъ. (1808—1825). Е. С. Некрасовой . . .	551
Литературный гонорарь въ XVIII вѣкѣ. А. П. Мальшинскаго .	580
Логишинская экспедиція. (Изъ воспоминаній участника). А. Р. .	596
Донской казакъ въ Лондонѣ. Н. А. Вѣлозерской	603
<i>Иллюстрація:</i> Два портрета казака Земленухина.	
Первая женская православная община въ Привислинскомъ краѣ. М. И. Городецкаго	617
<i>Иллюстрація:</i> Церковь Лѣснинской православной женской общины. (Сѣдлецкой губ., Константиновского уѣзда).—Церковь въ селѣ Буковичи, Сѣдлецкой губерніи. (XV вѣка).—Чудотворная икона Лѣснинской Божіей Матери.	
Распространеніе сочиненій Пушкина въ Курской губерніи въ 1837 году. А. Танкова	630
Крао, волосатое индійское племя. В. З.	634
<i>Иллюстрація:</i> Мужчина и женщина изъ племени Крао.	

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ:

Изъ исторіи возникновенія раскола при патріархѣ Никонѣ. Графа А. Гейдена. Спб. 1886. А. И. Бородина.—Городъ Воронежъ. Исторический очеркъ Л. Б. Вейнберга, члена-секретаря воронежскаго губернскаго статистического комитета. Воронежъ. 1886. Н. Д—снаго.—В. В. Румель и В. В. Голубцовъ. Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій. Томъ I. Спб. 1886. А. Б.—Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ. Часть первая. 1840—1864. Составилъ В. Зелинскій. Москва. 1886. В—а.—Видъ Московскаго кремля въ самомъ началѣ XVII вѣка. В. Е. Румянцева. (Издание императорскаго московскаго археологиче-

ЗАГРАНИЧНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ НОВОСТИ . . 229, 433, 650

ИЗЪ ПРОШЛАГО:

- 1) Дѣловыя и литературныя диковинки. Сообщено А. А. Дмитриевымъ. — 2) Смоленскія сухія конфекты. Сообщено А. Н. Корсановскимъ. — 3) Къ исторіи холерной эпидеміи въ Курской губерніи въ 1830—1831 гг. Сообщено А. Танновымъ 444, 657

СМѢСЬ:

Дѣятельность ученыхъ архивныхъ комиссій.—Раскопка кургановъ.—Подарок И. А. Крылова.—Пицундскій храмъ.—Древности, принадлежащи г. Кириакову.—Археологическая находка въ Дрогичинѣ.—Раскопки въ Выборгѣ.—Неизданныя письма

Вольтера къ д'Аламберу.—Семидесятилѣтіе Казанскаго собора.—Трехсотлѣтій юбилей Самары.—Памятникъ павшимъ воинамъ при взятии Ташкента.—Памятникъ Щапову.—Открытие греческаго города на Днѣпрѣ.—Собраніе академіи наукъ.—Памятникъ «Славы».—Памятникъ Пахтусову.—Семидесятипятилѣтняя годовщина Александровскаго лицея въ С.-Петербургѣ.—Археологическое Общество.—Некрологи: В. Г. Боголѣбова; А. М. Бутлерова; И. И. Ивановскаго; А. А. Крапоткина; Яна Лама; А. А. Татаринова; К. И. Ренара; С. П. Коломнина; А. В. Головинина; Н. Х. Кетчера; С. А. Приклонскаго; С. А. Усова; С. В. Шолковича 238, 450, 659

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ:

1) Къ исторіи Петровскаго театра въ Москвѣ. И. Н. Божерянова.—2) Поправка къ статьѣ о П. К. Щебальскомъ.—3) По поводу статьи «Романъ одной забытой романистки»: письма Н. А. Фадѣевой; В. П. Желиховской и Е. Н. Ахматовой.—4) Исправление опечатокъ въ статьѣ В. Д. Кренке «Быть саперовъ двадцать пять лѣтъ назадъ».—5) По поводу замѣтки «Историческая могила». Князя Н. Н. Голицына.—6) Въ защиту «Предсмертного увѣщанія В. Н. Татищева сыну». А. А. Дмитрева.—7) Поправка къ статьѣ «Пятидесятилѣтіе оперы «Жизнь за царя» . 248, 456, 666

ПРИЛОЖЕНИЯ: 1) Встрѣча в. к. Павла Петровича съ Фридрихомъ II въ Верлинѣ въ 1776 году. Снимокъ съ гравюры того времени Бергера.—2) Портретъ Михаила Ивановича Глинки.—3) Портретъ Елизаветы Кульманъ.—4) Андроникъ Комненъ. Рассказъ изъ византійской исторіи. И. Перваноглу. Переводъ съ нѣмецкаго. Главы III—XI. (Окончаніе).—5) Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей. Д. Д. Языкова. Выпускъ третій. Русскіе писатели умершіе въ 1883 году.—6) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1886 года, и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ тѣхъ же томахъ «Исторического Вѣстника».

Елизавета Кульманъ.
Съ современного гравированного портрета.

дозв. ценз. спб., 25 ноября 1886 г.

ТИПОГРАФИЯ А. С. СУВОРИНА.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1887 году.
(ВОСЬМОЙ ГОДЪ).

„Исторический Вестникъ“ будетъ издаваться въ 1887 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія семь лѣтъ (1880—1886).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей, съ пересылкой и доставкой на домъ.

Изъ обширнаго собранія матеріаловъ, находящихся въ распоряженіи редакціи, въ первыхъ книжкахъ „Исторического Вестника“ 1887 года будуть помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Живое слово о неживыхъ. Воспоминанія И. А. Арсеньева. — Исторія моей издательской дѣятельности. Е. Н. Ахматовой. — Отрывокъ изъ семейной хроники. И. А. Бородина. — Самоубійство генерала Герштенцвейга. Рассказъ очевидца. С. М. Борщова. — В. Г. Тепляковъ. Біографическій очеркъ. Ф. А. Бычкова. — Мартинистъ и філантропъ прошлаго вѣка. Е. М. Гаршина. — Послѣдніе дни царствованія Екатерины II. Письма княгини А. А. Голицыной. — Тамбовская укралія въ XVII столѣтіи. И. И. Дубасова. — Тамбовскій Катилина. Его же. — Княгиня А. П. Волконская и ея друзья. Г. В. Есипова. — Очеркъ исторіи англійской иллюстраціи (съ многими иллюстраціями). В. Р. Зотова. — Общественная жизнь въ Англіи въ XIX столѣтіи (съ многими иллюстраціями). Его же. — Кургановъ и его письмовникъ. А. И. Кирпичникова. —

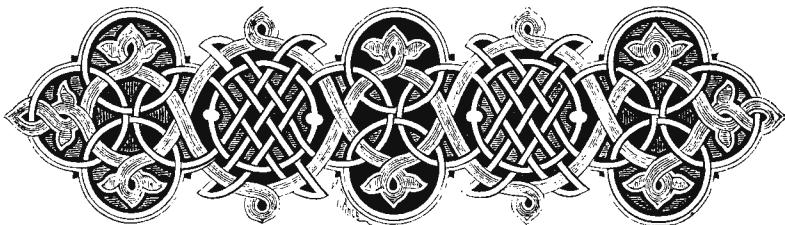
«Истор. вѣстн.», ДЕКАБРЬ, 1886 г., т. xxvi.

1

Н. А. Кудрявцевъ и его потомство. **Д. А. Корсакова.**—Отрывки изъ дневника **Н. В. Кукольника.**—Боголюбезный скоморохъ. Старинное происшествіе. **Н. С. Лѣскова.**—Наша печать въ ея историко-экономическомъ развитії. **А. П. Мальшинскаго.**—Мишенское, родина Жуковскаго (съ иллюстраціями). **П. М. Мартынова.**—Отрывокъ изъ литературныхъ воспоминаній. **А. П. Милюкова.**—Отрывокъ изъ воспоминаній **Б. А. Милютиня.**—Дневникъ генералъ-лейтенанта **А. М. Михайловскаго-Данилевскаго.**—Кумъ Иванъ. Историческая быль. **Д. Л. Мордовцева.**—Посольство въ Персию съ хрустальной кроватью въ 1826 году. **А. Н. Носкова.**—Вяземскій архимандритъ Феодосій. Очеркъ монастырского быта въ XVII столѣтіи. **Н. Н. Оглоблина.**—Отрывокъ изъ семейной хроники. **Е. Н. Опочинина.**—Записки Ксенофона Алексѣевича Полеваго. —**А. О. Писемскій** по его автобіографическимъ замѣткамъ, письмамъ и сочиненіямъ. **П. Н. Полеваго.**—Шуты и скоморохи въ древности и въ новѣйшее время (съ многими иллюстраціями). **Его же.**—Одна изъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ прошлаго вѣка (А. Н. Родионова). **П. А. Пономарева.**—Отрывки изъ дневника **А. Н. Протасьева.**—Городъ Гродно во время послѣдняго польского мятежа. **С. Т. Славутинскаго.**—Природа и человѣкъ въ Средней Азіи. **Н. В. Сорокина.**—Воспоминанія старого литератора. **А. В. Старчевскаго.**—Императоръ Николай I и австрійскій творъ. **С. С. Татищева.**—Императоръ Николай I и прусскій дворъ. **Его же.**—Павель Конюшкевичъ, митрополитъ тобольскій и сибирскій. **А. А. Титова.**—Горицкій монастырь и два іерарха русской церкви (съ многими иллюстраціями). **Его же.**—Среди скитницъ (съ многими иллюстраціями). **П. С. Усова.**—Русскій дворъ въ царствованіе Елизаветы Петровны и Петра III. Записки (переводъ съ рукописи) секретаря французскаго посольства Фавье.—Отрывки изъ воспоминаній бывшей камерь-медхент императрицы Маріи Аледандровны Н. И. Яковлевой. —Воспоминанія о жизни въ Сибири и декабристахъ. **М. Д. Францевой**, и др.

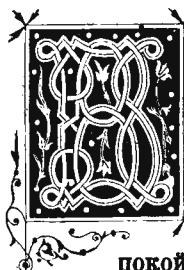
Въ приложениі къ „Историческому Вѣстнику“ 1887 года будуть напечатаны Записки Сергея Николаевича Глинки. Эти любопытныя записи, разсѣянныя по разнымъ періодическимъ изданіямъ, соединены здѣсь въ одно цѣлое, привѣрены и дополнены по подлинной рукописи автора, обязательно доставленной намъ сыномъ его, Ф. С. Глинкой. Трудъ сличенія и редакціи записокъ исполненъ **А. О. Круглымъ.**

Главная контора „Исторического Вѣстника“ въ С.-Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Нового Времени“, Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленіе конторы въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжного магазина „Нового Времени“.

ЗНАКОМСТВО СЪ ГОГОЛЕМЪ.

(Изъ литературныхъ воспоминаній).

ПЕРВЫЕ въ жизни я увидѣлъ Гоголя за четыре мѣсяца до его кончины.

Это случилось осенью, въ 1851 году. Находясь тогда, въ концѣ октября, въ Москвѣ, съ служебнымъ порученіемъ бывшаго въ то время товарищемъ ministra народнаго просвѣщенія, А. С. Норова, я получилъ отъ стараго своего знакомаго, покойнаго московскаго профессора, О. М. Бодянскаго, за писку, въ которой онъ извѣщалъ меня, что одинъ изъ нашихъ земляковъ-украинцевъ, г. А—й, котораго передъ тѣмъ я у него видѣлъ, предполагалъ пѣть малорусскія пѣсни у Гоголя и что Гоголь, узнавъ, что и у меня собрана коллекція украинскихъ народныхъ пѣсенъ, съ нотами, просилъ Бодянскаго пригласить къ себѣ и меня.

Нежданная возможность выпавшаго мнѣ на долю свиданія съ великимъ писателемъ сильно меня обрадовала. Авторъ «Мертвыхъ душъ» находился въ то время на верху своей славы, и мы, тогдашняя молодежь (мнѣ въ то время было двадцать два года), питали къ нему безграничную любовь и преданность. У меня съ детства не выходило изъ головы добродушное обращеніе къ читателямъ пасѣчника Рудаго-Панькѣ.—«Когда кто изъ васъ будетъ въ нашихъ краяхъ,—писаль въ «Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки» веселый пасѣчникъ:—то заверните ко мнѣ; я васъ напою удивительнымъ грушевымъ квасомъ».

Это забавное приглашение, какъ я помню, необыкновенно заняло меня въ деревнѣ моей бабки, гдѣ ея слуга Абрамъ, учившійся передъ тѣмъ въ Харьковѣ переплетному мастерству и потому знавшій грамотѣ, впервые прочелъ мнѣ, шестилѣтнему мальчику, украинскія повѣсти Гоголя; но я не могъ принять приглашенія Рудаго-Панька. Въ 1835 году, у меня былъ одинъ только конь — липовая вѣтка, верхомъ на которой я гарцевалъ по саду, и въ то время я отлучался изъ роднаго дома не далѣе старой мельницы, скрипъ тяжелыхъ крыльевъ которой слышался, съ выгона, въ моей дѣтской комнатѣ.

Я тогда былъ въ полной и искренней увѣренности, что на свѣтѣ, дѣйствительно, гдѣ-то, въ сельской, таинственной глухи, существуетъ старый пасѣчникъ, рудый, т. е. рыжій Панько, и что онъ, въ длинные зимніе вечера, сидить у печи и разсказываетъ свои увлекательныя сказки. Передъ моимъ воображеніемъ живо развертывалась дивная исторія «Красной свитки», проходила блѣдная утошленица «Майской ночи» и на высотахъ Карпатскихъ горъ вставалъ грозный, мертвый всадникъ «Страшной мести».

А теперь, въ 1851 году, мнѣ предстояло увидѣть автора не только «Вечеровъ на хуторѣ», но и «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора».

Въ назначенный часъ, я отправился къ О. М. Бодянскому, чтобы щѣхать съ нимъ къ Гоголю. Бодянскій тогда жилъ у Стараго Вознесенія, на Арбатѣ, на углу Мерзляковскаго переулка, въ домѣ нынѣ Е. С. Мещерской, № 243. Онъ встрѣтилъ меня словами: «Ну, земляче, єдемъ; вкусимъ отъ благоуханныхъ, сладкихъ сѣтовъ родной украинской музыки». — Мы сѣли на извозчики дрожки и поѣхали пососѣдству на Никитскій бульваръ, къ дому Талызина, гдѣ, въ квартирѣ гр. А. П. Толстаго, въ то время жилъ Гоголь. Теперь этотъ домъ, № 314, принадлежитъ Н. А. Шереметевой. Онъ не перестроенъ, имѣть, какъ и тогда, 16 оконъ во дворѣ и 5 на улицу, въ два этажа, съ каменнымъ балкономъ, на колоннахъ, во дворѣ.

Было около полудня. Радость предстоявшей встрѣчи нѣсколько, однако, затемнялась для меня слухами, которые въ то время ходили о Гоголѣ, по поводу изданной, незадолго передъ тѣмъ, его извѣстной книги «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Я невольно припоминалъ злые и ядовитые нападки, которыми тогдашняя руководящая критика преслѣдовала эту книгу. Бѣлинскій въ ту пору былъ нашимъ кумиромъ, а онъ первый бросилъ камнемъ въ Гоголя за его «Переписку съ друзьями». По рукамъ въ Петербургѣ ходило въ спискахъ его неизданное письмо къ Гоголю, гдѣ знаменитый критикъ горячо и безпощадно бичевалъ автора «Мертвыхъ душъ», укоряя его въ измѣнѣ долгу писателя и гражданина.

Хотя обвиненія Бѣлинского для меня смягчались въ кружкѣ тогдашняго ректора Петербургскаго университета, П. А. Плетнева, друга Пушкина и Жуковскаго, отзывами иного рода, тѣмъ не менѣе, я и мои товарищи-студенты, навѣщавши Плетнева, не могли вполнѣ отрѣшиться отъ страстной и подкупающей своимъ краснорѣчiemъ критики Бѣлинскаго. Плетневъ, защищая Гоголя, дѣлалъ, что могъ. Онъ читалъ намъ, студентамъ, письма о Гоголѣ жившихъ въ то время въ чужихъ краяхъ Жуковскаго и князя Вяземскаго, объяснялъ эти письма и совѣтовалъ намъ, не поддаваясь нападкамъ враговъ Гоголя, самостоятельно решить вопросъ, правъ ли былъ Гоголь, издавая то, о чемъ онъ счелъ долгомъ открыто высказаться передъ родиной? — «Его зовутъ фарисеемъ и ренегатомъ, — говорилъ намъ Плетневъ: — клянуть его, какъ иѣкоего служителя мрака и лжи, оглашаютъ его, наконецъ, чуть не сумасшедшими... И за что же? За то, что одаренный гениемъ творчества, родной писатель-сатирикъ дерзнулъ глубже взглянуть въ собственную свою душу, провѣрить свои сокровенные помыслы и самостоятельно, никого не спросясь, открыто о томъ повѣдать другимъ... Какъ смыль онъ, создатель Чичикова, Хлестакова, Сквозника и Манилова, пойти не по общей, а по иной дорогѣ, заговорить о духовныхъ вопросахъ, о церкви, о вѣрѣ? Въ сумасшедшій домъ его! онъ — помѣщанный!» — Такъ говорилъ намъ Плетневъ.

Молва о помѣщательствѣ Гоголя, дѣйствительно, въ то время была распространена въ обществѣ. Говорили странныя вещи: будто Гоголь окончательно отрекся отъ своего писательскаго призванія, будто онъ постится по цѣлымъ недѣлямъ, живетъ, какъ монахъ, читаетъ только ветхій и новый завѣтъ и житія святыхъ и, душевно болѣя и сильно опустившись, относится съ отвращеніемъ не только къ изящной литературѣ, но и къ искусству вообще.

Всѣ эти мысли, по поводу Гоголя, невольно проносились въ моей головѣ, въ то время, когда извозчики дрожки, по Никитскому бульвару, везли Бодянскаго и меня къ дому Талызина. Одно меня иѣсколько успокоивало: Гоголь пригласилъ къ себѣ пѣвца-малоросса, этотъ пѣвецъ долженъ быть у него пѣть народныя украинскія пѣсни, — слѣдовательно, думалъ я, авторъ «Мертвыхъ душъ» не вполнѣ еще стать монахомъ-аскетомъ, и его душѣ еще доступны произведения художественнаго творчества.

Въѣхавъ въ каменные ворота высокой ограды, направо, къ балконной галлереѣ дома Талызина, мы вошли въ переднюю нижняго этажа. Старикъ — слуга графа Толстаго привѣтливо указалъ намъ дверь изъ передней направо.

— Не опоздали? — спросилъ Бодянскій, обычною своею, ковыляющею походкой проходя въ эту дверь.

— Пожалуйте, ждуть-съ! — отвѣтилъ слуга.

Бодянскій прошелъ пріемную и остановился передъ слѣдующею,

затвореною дверью въ угольную комнату, два окна которой выходили во дворъ и два на бульваръ. Я догадывался, что это былъ рабочій кабинетъ Гоголя. Бодянскій постучался въ дверь этой комнаты.

— Чи дома, брате Микдло? — спросилъ онъ помалорусски.

— А дома-жъ, дома! — негромко отвѣтилъ кто-то оттуда.

Сердце у меня сильно забилось. Дверь растворилась. У ея порога стоялъ Гоголь.

Мы вошли въ кабинетъ. Бодянскій представилъ меня Гоголю, сказавъ ему, что я служу при Норовѣ и что съ нимъ, Бодянскимъ, давно знакомъ черезъ Срезневскаго и Плетнева.

— А гдѣ же нашъ пѣвецъ? — спросилъ, оглядываясь, Бодянскій.

— Надуль, къ Щепкину поѣхалъ на варѣники! — отвѣтилъ съ видимымъ неудовольствіемъ Гоголь: — только-что прислали извѣнительную записку, будто забылъ, что раньше насы даль слово туда.

— А, можетъ быть, и такъ! — сказалъ Бодянскій: — варѣники не свой братъ.

Чтъ еще, при этомъ, нѣкоторое время говорили Гоголь и Бодянскій, я тогда, кажется, не слышалъ и почти не сознавалъ. Ясно помню одно, что я не спускалъ глазъ съ Гоголя.

Мои опасенія разсѣялись. Передо мной былъ не только не душевно-больной или вообще свихнувшійся человѣкъ, а тотъ же самый Гоголь, тотъ же могучій и привлекательный художникъ, какимъ я привыкъ себѣ воображать его съ юности.

Разговаривая съ Бодянскимъ, Гоголь то плавно прохаживался по комнатѣ, то садился въ кресло къ столу, за которымъ Бодянскій и я сидѣли на диванѣ, и изрѣдка посматривалъ на меня. Средняго роста, плотный и съ совершенно-здоровымъ цвѣтомъ лица, онъ былъ одѣтъ въ темно-коричневое, длинное пальто и въ темно-зеленый, бархатный жилетъ, наглухо застегнутый до шеи, у которой, поверхъ атласнаго, чернаго галстуха, виднѣлись бѣлые, мягкие воротнички рубахи. Его длинные, каштановые волосы прямыми космами спадали ниже ушей, слегка загибаясь надъ ними. Тонкіе, темные, шелковистые усики чуть прикрывали полныя, красивыя губы, подъ которыми была крохотная эспаньолка. Небольшіе, каріе глаза глядѣли ласково, но осторожно и не улыбаясь даже тогда, когда онъ говорилъ что либо веселое и смѣшное. Длинный, сухой носъ придавалъ этому лицу и этимъ, сидѣвшимъ по его сторонамъ, осторожнымъ глазамъ что-то птичье, наблюдающее и вмѣстѣ добродушно-горделивое. Такъ смотрятъ съ кровель украинскихъ хуторовъ, стоя на одной ногѣ, внимательно-задумчивые аисты.

Гоголь въ то время, какъ я отлично помню, былъ очень похожъ на свой портретъ, писанный съ него въ Римѣ, въ 1841 году, знаменитымъ Ивановымъ. Этому портрету онъ, какъ известно, отдавалъ предпочтеніе передъ другими.

Успокоясь отъ невольнаго, охватившаго меня смущенія, я сталъ понемногу вслушиваться въ разговоръ Гоголя съ Бодянскимъ.

— Надо, однако же, всетаки, вызвать нашего Рубини, — сказалъ Гоголь, присаживаясь къ столу: — не я одинъ, и Аксаковы хотѣли бы его послушать... особенно Надежда Сергеевна.

— Устрою, берусь, — отвѣтилъ Бодянскій: — если только тутъ не другая причина и если напѣ землякъ, отъ здѣшнихъ угощеній, не спалъ съ голоса... А что это у васъ за рукописи? — спросилъ Бодянскій, указывая на рабочую, краснаго дерева, конторку, стоявшую нальво отъ входныхъ дверей, за которою Гоголь, передъ нашимъ приходомъ, очевидно, работалъ стоя.

— Такъ себѣ, мараю по временамъ! — небрежно отвѣтилъ Гоголь.

На верхней части конторки были положены книги и тетради; на ея покатой доскѣ, обитой зеленымъ сукномъ, лежали раскрытые, мелко исписанные и перемаранные листы.

— Не второй ли томъ «Мертвыхъ душъ»? — спросилъ, подмигивая, Бодянскій.

— Да... иногда берусь, — нехотя проговорилъ Гоголь: — но работа не подвигается; иное слово вытягиваешь клещами.

— Что же мѣшаетъ? у васъ тутъ такъ удобно, тихо.

— Погода, убѣстvenный климатъ! Невольно вспоминаешь Италию, Римъ, гдѣ писалось лучше и такъ легко. Хотѣло было на зиму уѣхать въ Крымъ, къ Княжевичу, тамъ писать, думалъ завернуть и на родину, къ своимъ, — туда звали на свадьбу сестры, Елизаветы Васильевны...

Ел. В. Гоголь тогда вышла замужъ за сапернаго офицера Быкова.

— Зачѣмъ же дѣло стало? — спросилъ Бодянскій.

— Едва добрался до Калуги и возвратился. Дороги невозможныя, простудился; да и времени пришлось бы столько потратить на одни переѣзды. А тутъ еще затѣялъ новое полное изданіе своихъ сочиненій.

— Скоро ли оно выйдетъ?

— Въ трехъ типографіяхъ началъ печатать, — отвѣтилъ Гоголь: — будетъ четыре большихъ тома. Сюда войдутъ все повѣсти, драматическія вещи и обѣ части «Мертвыхъ душъ». Пятый томъ я напечатаю позже, подъ заглавиемъ «Юношеские опыты». Сюда войдутъ нѣкоторыя журнальныя статьи, статьи изъ «Арабесокъ» и прочее.

— А «Переписка»? — спросилъ Бодянскій.

— Она войдетъ въ шестой томъ; тамъ будутъ помѣщены письма къ близкимъ и роднымъ, изданныя и неизданныя... Но это уже, разумѣется, явится... послѣ моей смерти.

Слово «смерть» Гоголь произнесъ совершенно спокойно, и оно тогда не прозвучало ничѣмъ особыеннымъ, въ виду полныхъ его силъ и здоровья.

Бодянский заговорил о типографиях и стала хвалить какую-то изъ нихъ. Рѣчь коснулась и Петербурга.

— Что нового и хорошаго у васъ, въ петербургской литературѣ?— спросилъ Гоголь, обращаясь ко мнѣ.

Я ему сообщилъ о двухъ новыхъ поэмахъ тогда еще молодаго, но уже извѣстнаго поэта Ап. Ник. Майкова, «Савонаролла» и «Три смерти». Гоголь попросилъ разсказать ихъ содержаніе. Исполняя его желаніе, я наизусть прочелъ выдержки изъ этихъ произведеній, ходившихъ тогда въ спискахъ.

— Да это прелесть, совсѣмъ хорошо! — произнесъ, выслушавъ мою неумѣлую декламацію, Гоголь:— еще, еще...

Онъ совершенно оживился, всталъ и опять началъ ходить по комнатѣ. Видъ осторожно-задумчиваго аиста исчезъ. Передо мною былъ счастливый, вдохновенный художникъ. Я еще прочелъ отрывки изъ Майкова.

— Это такъ же закончено и сильно, какъ терцеты Пушкина, во вкусѣ Данта,—сказалъ Гоголь:— Осипъ Максимовичъ, а?— обратился онъ къ Бодянскому:— вѣдь это праздникъ! Поэзія не умерла. Не оскудѣлъ князь отъ Гуды и вождь отъ чресяль его... А выборъ сюжета, а краски, колоритъ? Плетневъ присыпалъ кое-что, я и самъ помню некоторые стихи Майкова.

Онъ прочелъ, съ оригинальною интонацией, двѣ начальныя строки извѣстнаго стихотворенія изъ «Римскихъ очерковъ» Майкова:

«Ахъ, чудное небо, ей Богу, надъ этимъ классическимъ Римомъ!

«Подъ этакимъ небомъ невольно художникомъ станешь!»

— Не правда ли, какъ хорошо?— спросилъ Гоголь.

Бодянский съ нимъ согласился.

— Но то, что вы прочли,— обратился ко мнѣ Гоголь:— это уже иной шагъ. Беру съ васъ слово — прислать мнѣ изъ Петербурга списокъ этихъ поэмъ.

Я обѣщалъ исполнить желаніе Гоголя.

— Да, — продолжалъ онъ, прохаживаясь:— я засталъ богатые всходы...

— А Шевченко? — спросилъ Бодянский.

Гоголь на этотъ вопросъ съ секунду помолчалъ и нахохлился. На насъ изъ-за конторки снова посмотрѣлъ осторожный аистъ.

— Какъ вы его находите? — повторилъ Бодянский.

— Хорошо, что и говорить, — отвѣтилъ Гоголь:— только не обидьтесь, другъ мой, вы — его поклонникъ, а его личная судьба достойна всякаго участія и сожалѣнія.

— Но зачѣмъ вы примѣшиваете сюда личную судьбу? — съ неудовольствіемъ возразилъ Бодянский:— это постороннее... Скажите о талантѣ, о его поэзіи...

— Дегтя много, — негромко, но прямо проговорилъ Гоголь:— и

даже прибавлю, дегтя больше, чѣмъ самой поэзіи. Намъ-то съ вами, какъ малороссамъ, это, пожалуй, и пріятно, но не у всѣхъ носы, какъ наши. Да и языкъ...

Бодянскій не выдержалъ, стать возражать и разгорячился. Гоголь отвѣчалъ ему спокойно.

— Намъ, Осипъ Максимовичъ, надо писать порусски, — сказалъ онъ: — надо стремиться къ поддержкѣ и упроченію одного, влѣдышчаго языка для всѣхъ, родныхъ намъ, племенъ. Доминантой для русскихъ, чеховъ, украинцевъ и сербовъ должна быть едина святыня — языкъ Пушкина, какою является евангеліе для всѣхъ христіанъ, католиковъ, лютеранъ и гернгуттеровъ. А вы хотите провансальского поэта Жасмёна поставить въ уровень съ Мольеромъ и Шатобрианомъ!

— Да какой же это Жасмёнъ? — крикнулъ Бодянскій: — развѣ ихъ можно равнять? Что вы? Вы же сами — малороссы.

— Намъ, малороссамъ и русскимъ, нужна одна поэзія, спокойная и сильная, — продолжалъ Гоголь, останавливаясь у конторки и опираясь о нее спиной: — нетлѣнная поэзія правды, добра и красоты. Она не водевильная, сегодня только понятная, побрякушка и не раздражающій личными намеками и счетами, рыночный памфлетъ. Поэзія — голосъ пророка... Ея стихъ долженъ врачевать наши сомнѣнія, возвышать насы, поучая вѣчнымъ истинамъ любви къ ближнимъ и прощенія врагамъ. Это — труба пречистаго архангела... Я знаю и люблю Шевченка, какъ земляка и даровитаго художника; мнѣ удалось и самому кое-чѣмъ помочь въ первомъ устройствѣ его судьбы. Но его погубили наши умники, натолкнувъ его на произведенія, чуждые истинному таланту. Они все еще дожевываютъ европейскія, давно выкинутыя жваки. Русскій и малороссъ — это души близнецовыхъ, пополняющія одна другую, родныя и одинаково сильныя. Отдавать предпочтеніе одной, въ ущербъ другой, невозможно. Нѣтъ, Осипъ Максимовичъ, не то намъ нужно, не то. Всякий, пишущій теперь, долженъ думать не о розни; онъ долженъ прежде всего поставить себя передъ лицо Того, кто далъ намъ вѣчное человѣческое слово...

Долго еще Гоголь говорилъ въ этомъ духѣ. Бодянскій молчалъ, но, очевидно, далеко не соглашался съ нимъ. — «Ну, мы вамъ мѣшаемъ, пора намъ и по домамъ!» — сказалъ, наконецъ, Бодянскій, вставая. Мы раскланялись и вышли.

— Станный человѣкъ, — произнесъ Бодянскій, когда мы снова очутились на бульварѣ: — на него — какъ найдетъ! Отрицать значеніе Шевченка! вотъ ужъ, видно, не съ той ноги сегодня всталь.

Вышеприведенный разговоръ Гоголя я тогда же сообщилъ на родину близкому мнѣ лицу, въ письмѣ, по которому впослѣдствіи и внесъ его въ мои начатыя воспоминанія. Мнѣніе Гоголя о Шевченкѣ я не разъ, при случаѣ, передавалъ нашимъ землякамъ. Они

пожимали плечами и съ досадой объясняли его посторонними, политическими соображеніями, какъ и вообще все тогдашнее настроеніе Гоголя.

Вторично я увидѣлъ Гоголя, вскорѣ послѣ первого съ нимъ свиданія, а именно, 31-го октября. Поводъ къ этому подала новая моя встрѣча у Бодянскаго съ украинскимъ пѣвцомъ и полученное мною, вслѣдъ затѣмъ, отъ Бодянскаго нижеслѣдующее письмо, сохраненное у меня въ щѣлости, какъ и другія, нижеприводимыя письма.

«30-го октября, 1851 года, вторникъ.

«Извѣщаю васъ, что землякъ, съ которымъ вы надняхъ видѣлись у меня, поѣтъ и теперь, и охотно споѣтъ намъ у Гоголя. Я писалъ этому послѣднему; только пѣніе онъ назначилъ не у себя, а у Аксаковыхъ, которые, узнавъ объ этомъ, упросили его на такую уступку. Если вамъ угодно, пожалуйте ко мнѣ завтра, часовъ въ 6 вечера; мы отправимся вмѣстѣ. Вашъ—О. Б.».

Въ назначенный вечеръ, 31-го октября, Бодянскій, получивъ приглашеніе Аксаковыхъ, привезъ меня въ ихъ семейство, на Поварскую. Здѣсь онъ представилъ меня сѣдому, плотному господину, съ бородой и въ черномъ, на крючкахъ, зипунѣ, знамениному автору «Семейной хроники», Сергею Тимофеевичу Аксакову; его добродушной, полной и еще бодрой женѣ, Ольгѣ Семеновнѣ; ихъ молодой и красивой, съ привлекательными глазами, дочери, дѣвицѣ Надеждѣ Сергеевнѣ, и обоимъ ихъ сыновьямъ, въ то время уже извѣстнымъ писателямъ-славянофиламъ, Константину и Ивану Сергеевичамъ. О моемъ дальнѣйшемъ знакомствѣ съ этою замѣчательною литературною семьей я разскажу когданибудь въ другое время. Здѣсь же ограничусь разсказомъ только о томъ, что касается моихъ встрѣчъ съ Гоголемъ.

Гоголь въ назначенный вечеръ пріѣхалъ къ Аксаковымъ значительно позже Бодянскаго и меня. До его пріѣзда, С. Т. Аксаковъ и его сыновья, разговорясь со мною о Петербургѣ, разспрашивали о Норовѣ, Плетневѣ, Срезневскомъ и другихъ, знакомыхъ имъ писателяхъ. Всѣ посматривали на дверь, ожидая Гоголя и приглашенаго пѣвца. Ни тотъ, ни другой еще не являлись. Пока Бодянскій говорилъ со стариками, ко мнѣ подсѣлъ Иванъ Сергеевичъ. Сообщивъ ему о моемъ заѣздѣ съ Бодянскимъ къ Гоголю, я спросилъ его, что слышно о второмъ томѣ «Мертвыхъ душъ», который всѣхъ тогда занималъ. И. С. Аксаковъ отвѣтилъ мнѣ, что въ началѣ октября Гоголь былъ у нихъ въ деревнѣ, Абрамцовѣ, подъ Сергиевской лаврой, гдѣ читалъ отрывки изъ этого тома ихъ отцу и потомъ Шевырёву, но взялъ съ нихъ обоихъ слово не только никому не говорить о прочитанномъ, но даже не сообщать предмета картинъ и именъ выведенныхъ имъ героевъ.

— Батюшка намъ передавалъ одно, — прибавилъ И. С. Аксаковъ:— что эта часть поэмы Гоголя, по содержанію, по обработкѣ языка и выпуклости характеровъ, показалась ему выше всего, что донынѣ написано Гоголемъ. Надо думать, что Чичиковъ, въ концѣ этой части, вѣроятно, попадетъ за новыя продѣлки въ ссылку въ Сибирь, такъ какъ Гоголь у насть и у Шевырёва взялъ много книгъ, съ атласами и чертежами Сибири. Съ весны онъ затѣваетъ большое путешествіе по Россіи; хочетъ на многое взглянуть самолично, собственными глазами, назвучаться русскими звуками, русскою рѣчью. и затѣмъ уже снова выступить на литературной сценѣ, съ своими новыми образами. Все твердить: «жизнь коротка, не успѣю»; встаетъ рано, съ утра берется за перо и весь день работаетъ; ночью, въ одиннадцать часовъ, уже въ постели.

— Мы видѣли у него груду исписанныхъ бумагъ,—сказалъ я.

— Ось мараеть цѣлые дести, — сказалъ И. С. Аксаковъ:— передѣлываетъ, пишетъ и опять обрабатываетъ; какъ живописецъ съ кистью, то подойдетъ и смотрить вблизи, то отходить и вглядывается, не бросается ли какая либо частность слишкомъ рѣзко въ глаза? Его только смущаютъ несправедливые нападки.

— За «Переписку съ друзьями»?—спросилъ я.

— Да, эти злобныя клеветы, будто онъ возгнушался искусствомъ, считаетъ его низкимъ и бесполезнымъ! Вы его видѣли — это ли не истинный, преданный долгу художникъ? А его чутъ не въ глаза называли, за его душевную исповѣдь, измѣнникомъ, обманщикомъ, приписывали ему низкія и подлые цѣли. Жалкая, оторванная отъ родной почвы кучка западниковъ-либераловъ! имъ чужда Россія, чуждъ ея своеобразный, вѣрящій народъ.

Подошелъ стариkъ Аксаковъ. Онъ передалъ, что Гоголь все ждетъ отъ него живыхъ «птицъ», говоря, что и свои «души» онъ постарается сдѣлать столь же живыми. Подѣхалъ, наконецъ, Гоголь. Любезно поздоровавшись и пошутивъ насчетъ нового запозданія пѣвца, онъ, послѣ первого стакана чаю, сказалъ Над. С. Аксаковой: «Не будемъ терять дорогаго времени», и просилъ ее спѣть. Она очень мило и совершенно просто согласилась. Всѣ подошли къ роялю. Н. С. Аксакова развернула тетрадь малорусскихъ пѣсенъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были ею положены на ноты, съ голоса самого Гоголя.

— Что спѣть? — спросила она.

— Чѣботы, — отвѣтилъ Гоголь.

Н. С. Аксакова спѣла «Чѣботы», потомъ «Могилу», «Сонце нижнѣнко» и другія пѣсни.

Гоголь остался очень доволенъ пѣнiemъ молодой хозяйки, про-
силь повторять почти каждую пѣсню и былъ вообще въ отлич-
номъ расположениі духа. Заговорили о малорусской народной му-
зыкѣ вообще, сравнивая ее съ великорусскою, польскою и чеш-

скою. Бодянский все посматривалъ на дверь, ожидая появленія приглашенаго имъ пѣвца.

Помню, что спѣли какую-то украинскую пѣсню даже общимъ хоромъ. Кто-то въ разговорѣ, которымъ прерывалось пѣніе, сказалъ, что кучерь Чичикова, Селифанъ, участвующій, по слухамъ, во второмъ томѣ «Мертвыхъ душъ», въ сельскомъ хороводѣ, вѣроятно, пѣлъ и только-что исполненную пѣсню. Гоголь, взглянувъ на Н. С. Аксакову, отвѣтилъ съ улыбкой, что несомнѣнно Селифанъ пѣлъ и «Чѣботы», и даже при этомъ лично показалъ, какъ Селифанъ высоко-деликатными, кучерскими движеніями, вывертомъ плеча и головы, долженъ былъ дополнять, среди сельскихъ красавицъ, свое «заливисто-фистулѣное» пѣніе. Всѣ улыбались, отъ души радуясь, что знаменитый гость былъ въ духѣ. Но не прошло послѣ того и десяти минутъ, Гоголь вдругъ замолкъ, насупился, и его хорошее настроеніе безслѣдно исчезло. Усѣвшись въ сторонѣ отъ чайного стола, онъ какъ-то весь вошелъ въ себя и почти уже не принималъ участія въ общей, длившейся бесѣдѣ. Это меня поразило. Зная его обычай, Аксаковы не тревожили его обращеніями къ нему и, хотя видимо были смущены, покорно ждали, что онъ снова оживится.

Что вызвало въ Гоголя эту нежданную перемѣну въ его настроеніи, новая ли, непростительная небрежность приглашенаго пѣвца, который и въ этотъ вечеръ такъ и не явился, или случайное напоминаніе, въ дорогой ему семьѣ, о неконченной и мучившей его второй части «Мертвыхъ душъ», — не знаю. Только Гоголь пробылъ здѣсь еще съ небольшимъ полчаса, посидѣлъ молча, какъ бы сквозь дремоту прислушиваясь къ тому, о чемъ говорили возлѣ него, всталъ и взялъ шляпу.

— Въ Америкѣ обыкновенно посидѣть, посидѣть, — сказалъ онъ, черезъ силу улыбаясь: — да и откланиваются.

— Куда же вы, Николай Васильевичъ, куда? — всполошились хозяева.

— Насладившись столь щедрымъ пѣніемъ обязательнаго земляка, — отвѣтилъ онъ: — надо и восвояси. Нездоровится что-то. Голова — какъ въ тискахъ.

Его не удерживали.

— А вы долго ли еще здѣсь пробудете? — спросилъ Гоголь, обратившись, на пути къ двери, ко мнѣ.

— Еще съ недѣлю, — отвѣтилъ я, провожая его, съ Бодянскимъ и И. С. Аксаковымъ.

— Вы, по словамъ Осила Максимовича, перевели драму Шекспира, Цимбелинъ. Кто вамъ указалъ на эту вещь?

— Плетневъ.

— Узнаю его... Цимбелинъ былъ любимою драмой Пушкина; онъ ставилъ его выше Ромео и Юліи.

Гоголь уѣхалъ.

— Вотъ и вашъ пѣвецъ! это онъ причиной! — напустились дамы на Бодянскаго: — второй разъ не сдержалъ слова.

Бодянскій не оправдывалъ земляка.

— Дѣйствительно, изъ рукъ вонъ, даже вовсе грубо и неприлично! — сказалъ онъ, съ сердцемъ: — то я винилъ Щепкина и его варѣники; а тутъ, вижу, нѣчто иное, — затесался, вѣроятно, въ какую нибудь невозможную компанію... Я же ему задамъ!

Былъ уже десятый часъ вечера. Подѣхали еще нѣкоторые знакомые Аксаковыхъ, очевидно, также разсчитывавшіе услышать малорусское пѣніе и повидать здѣсь кстати лишній разъ Гоголя, который всѣхъ тогда занималъ. Въ числѣ послѣднихъ я впервые въ тотъ вечеръ здѣсь увидѣлъ состоявшаго въ званіи адъюнкта философіи въ Московскомъ университѣтѣ, бѣлокураго, съ небрежною прической и оживленными глазами, скромнаго, моложаваго человѣка, въ синемъ университетскомъ вицмундирѣ, съ серебряными пуговицами. Онъ сюда прїѣхалъ съ какого-то засѣданія. То былъ близкій знакомый Аксаковыхъ, будущій знаменитый редакторъ-издатель «Русскаго Вѣстника», М. Н. Катковъ.

На другой день послѣ этого вечера, тогдашній сотрудникъ «Москвитина» Н. В. Бергъ пригласилъ меня, отъ имени С. П. Шевырѣва, на вечеръ къ послѣднему. Здѣсь зашла опять рѣчь о Гоголѣ, и Шевырѣвъ сообщилъ, что Гоголь, оставшись надняхъ недоволенъ игрою нѣкоторыхъ московскихъ актеровъ въ «Ревизорѣ», предположилъ, по совѣту Щепкина, лично прочесть главныя сцены этой комедіи Шумскому, Самарину и другимъ артистамъ.

Прошло еще два дня. Я уже со всѣми простился и собирался уѣхать изъ Москвы, когда получилъ отъ Бодянскаго слѣдующее письмо:

«4-го ноября, 1851 года, воскресенье. Мнѣ поручили просять васъ завернуть къ Аксаковымъ. Они имѣютъ къ вамъ просьбу о доставкѣ одного письма къ кому-то въ Малороссію. Вашъ весь — О. Б.» — Къ этому письму, доставленному мнѣ слугою Аксаковыхъ, была приложена слѣдующая записка, писанная, въ третьемъ лицѣ, Н. С. Аксаковою, отъ имени ея матери: «Ольга Семеновна Аксакова, узнавъ, что г. Данилевскій еще въ Москвѣ, просить его очень заѣхать къ ней, если только у него есть свободная минута». Я отвѣтилъ Бодянскому, что уѣзжаю 6-го ноября и что завтра постараюсь быть въ назначенное время у О. С. Аксаковой.

Вечеромъ 5-го ноября, въ понедѣльникъ, я подѣхалъ на Поварскую къ квартирѣ Аксаковыхъ. Вышедшій на мой звонокъ слуга объявилъ, что О. С. Аксакова очень извиняется, такъ какъ, по нездоровью, не можетъ меня принять, а просить отъ имени

Сергѣя Тимоѳеевича и Ивана Сергеевича, пожаловать къ Гоголю, куда они оба только-что уѣхали и куда, по желанію Гоголя, они приглашаютъ и меня.— «Что же тамъ?»— спросилъ я слугу.— «Чтеніе какое-то».— Я вспомнилъ слова Шевырева о предположенномъ чтеніи «Ревизора» и, отъ души обрадовавшись слушаю— не только снова увидѣть Гоголя, но и услышать его чтеніе, поспѣшилъ на Никитскій бульварь.

Это чтеніе описано И. С. Тургеневымъ, въ отрывкахъ изъ его лтературныхъ воспоминаній. Въ описание И. С. Тургенева вкрались нѣкоторыя невѣрности, особенно въ изображеніи Гоголя, на котораго онъ въ то время глядѣлъ, очевидно, глазами тогдашней, враждебной Гоголю и дружеской ему самому критики. Онъ не только въ лицѣ Гоголя усмотрѣлъ нѣчто хитрое, даже лисье, а подъ его «остриженными» усами— рядъ «некорошихъ зубовъ», чего въ дѣйствительности не было, но даже увѣряетъ, будто въ ту пору Гоголь «въ своихъ произведеніяхъ рекомендовалъ хитрость и лукавство раба». Вечеръ чтенія онъ, также ошибочно, отнесъ къ 22 октября; оно, какъ удостовѣряютъ сохраненныя у меня письма, было 5 ноября.

Чтеніе «Ревизора» происходило во второй комнатѣ квартиры гр. А. П. Толстаго, влѣво отъ прихожей, которая отдѣляла эту квартиру отъ помѣщенія самого Гоголя.

Столъ, вокругъ котораго, на креслахъ и стульяхъ, усѣлись слушатели, стояль направо отъ двери, у дивана, противъ оконъ во дворъ. Гоголь читалъ, сидя на диванѣ. Въ числѣ слушателей были: С. Т. и И. С. Аксаковы, С. П. Шевырѣвъ, И. С. Тургеневъ, Н. В. Бергъ и другіе писатели, а также актеры М. С. Щепкинъ, П. М. Садовскій и Шумскій. Никогда не забуду чтенія Гоголя. Особенно онъ неподражаемо прочелъ монологи Хлестакова и Ляпкина-Тяпкина и сцену между Бобчинскимъ и Добчинскимъ.— «У васъ зуѣ со свистомъ»,— произнесъ серьезно и внушительно Гоголь, грозя кому-то глазами и даже прищепѣтывая при этомъ, будто и у него свистѣлъ зуѣ. Неудержимый смѣхъ слушателей изрѣдка невольно прерывалъ его. Высоко-художественное и оживленное чтеніе подъ конецъ очень утомило Гоголя. Его силь какъ-то вообще хватало не надолго. Когда онъ дочиталъ заключительную сцену комедіи, съ письмомъ, и поднялся съ дивана, очарованные слушатели долго стояли группами, въ полголоса передавая другъ другу свои впечатлѣнія. Щепкинъ, отирая слезы, обнялъ чтеца и сталъ объяснять Шумскому, въ чемъ главныя силы роли Хлестакова. Я подошелъ къ С. Т. Аксакову и спросилъ его, какое письмо онъ или его жена, по словамъ Бодянскаго, предполагали доставить черезъ меня въ Малороссію?

— Не мы, а вотъ Николай Васильевичъ имѣеть къ вамъ просьбу,— отвѣтилъ С. Т. Аксаковъ, указывая мнѣ на Гоголя:— Бо-

дянскій не понялъ словъ моей жены, ошибся. Намъ поручили васъ предупредить, если вы еще не уѣхали.

— Да,—произнесъ, обращаясь ко мнѣ, Гоголь:—повремените минуту; у меня есть маленькая посылка въ Петербургъ, къ Плетневу. Я не зналъ вашего адресса. Это васъ не стѣснитъ?

Я отвѣтилъ, что готовъ исполнить его желаніе, и остался. Когда всѣ разѣхались, Гоголь велѣлъ слугѣ взять свѣчи со стола изъ комнаты, где было чтеніе, и провѣль меня на свою половину. Здѣсь, въ знакомомъ мнѣ кабинетѣ, онъ предложилъ мнѣ сѣсть, отперъ конторку и вынуть изъ нея небольшой свертокъ бумаги и запечатанный сюргучомъ пакетъ.

— Вы когда окончательно ёдете изъ Москвы?—спросилъ онъ меня.

— Завтра; уже взято мѣсто въ мальпостѣ.

— Отлично; это какъ разъ устроиваетъ мое дѣло. Не откажите,—сказалъ Гоголь, подавая мнѣ пакетъ:—если только васъ не затруднить, вручить это лично, при свиданіи, Петру Александровичу Плетневу.

Увидѣвъ надпись на пакетѣ «со вложеніемъ», я спросилъ, не деньги ли здѣсь?

— Да,—отвѣтилъ Гоголь, запирая ключемъ конторку:—небольшой должокъ Петру Александровичу. Мнѣ бы не хотѣлось черезъ почту.

Вида усталость Гоголя, я всталъ и поклонился, съ цѣлью уйти.

— Вы мнѣ читали чужіе стихи,—сказалъ Гоголь, привѣтливо глянувъ на меня, и я никогда не забуду этого взгляда его усталыхъ, покраснѣвшихъ отъ чтенія глазъ:—а ваши украинскія сказки въ стихахъ? Мнѣ о нихъ говорили Аксаковы. Прочтите что нибудь изъ нихъ.

Я, смущаясь, отвѣтилъ, что ничего своего не помню. Гоголь, очевидно, желая, во что бы то ни стало, сдѣлать мнѣ что либо пріятное, опять посадилъ меня возлѣ себя и сказалъ: «Кто пишетъ стихи, навѣрное ихъ помнить. Въ ваши годы, они у меня торчали изъ всѣхъ кармановъ».—И онъ, какъ мнѣ показалось, даже посмотрѣль на боковой карманъ моего сюртука. Я снова отвѣтилъ, что положительно ничего не помню, наизусть изъ своихъ стиховъ.

— Такъ расскажите своими словами.

Я передалъ содеряніе написанной мною передъ тѣмъ сказки «Снѣгурка».

— Слышалъ эту сказку и я; желаю успѣха, пишите!—сказалъ Гоголь:—въ природѣ и ея правдѣ черпайте свои краски и силы. Слушайте Плетнева... Нынѣшніе не цѣнятъ его и не любятъ... а на немъ, не забывайте, почтѣ рукоположеніе нашего первоапостола, Пушкина...

Я простился съ Гоголемъ и болѣе въ жизни уже не видѣлъ его. Возвратясь въ Петербургъ, я въ тотъ же день вечеромъ отвезъ врученные мнѣ свертокъ и пакетъ къ Плетневу. О сверткѣ онъ сказалъ: «знаю», и положилъ его на столъ. Распечатавъ пакетъ и увидѣвъ въ немъ пачку депозитокъ, Плетневъ спросилъ меня: «а письма нѣтъ?» — Я отвѣтилъ, что Гоголь, передавая мнѣ пакетъ, сказалъ только: «должокъ Плетневу». Плетневъ заперъ деньги въ столъ, помолчалъ и, съ обычною своею добродушною важностью, сказалъ: «Какъ видите, онъ и здѣсь вѣрень себѣ; это — его обычное, съ оказіями, пособіе черезъ меня нашимъ бѣднѣйшимъ студентамъ. Фіцтумъ раздаѣтъ и не знаетъ, откуда эти пособія». — А. И. Фіцтумъ былъ, въ тѣ годы, инспекторомъ студентовъ Петербургскаго университета.

При отѣзданіи изъ Москвы, мнѣ и въ голову не приходило, что дни Гоголя сочтены. Онъ на глаза мои и всѣхъ, видѣвшихъ его тогда и говорившихъ со мною о немъ, быть на видъ совершенно здоровъ и только изрѣдка впадалъ въ недовольство собою и въ хандру, и легко уставалъ.

Помня обѣщаніе, данное мною Гоголю, при Бодянскомъ, а именно о присылкѣ ему новыхъ произведеній А. Н. Майкова, я обратился къ послѣднему съ просьбою — дать мнѣ, для снятія вѣрной кошіи, рукопись его поэмъ. А. Н. Майковъ, по совѣту общаго нашего ментора, профессора А. В. Никитенко, рѣшилъ дать мнѣ эти вещи для доставленія въ Москву, не прежде, какъ онъ ознакомитъ съ ними тогдашняго общаго начальника, А. С. Норова. Онъ прибавилъ, что кстати въ это время займется и окончательно отдѣлкой поэмы. Въ концѣ января, 1852 года, я получилъ обѣщанное и извѣстилъ Бодянскаго, что надняхъ высыпаю Гоголю обѣ поэмы А. Н. Майкова, которыя передъ новымъ годомъ, какъ я писалъ Бодянскому, были посыпаемы отъ Плетнева Жуковскому и заслужили большія похвалы послѣдняго. Бодянскій на это отвѣтилъ мнѣ нижеслѣдующимъ письмомъ, которое лучше всего можетъ показать, какъ мало въ то время московскіе друзья Гоголя помышляли о близкой утратѣ послѣдняго. Это письмо писано за 19 дней до смерти Гоголя и, упоминая о немъ «всکользъ», — какъ объ «источникѣ сладостей», — тѣмъ самымъ какъ бы говорило, что въ обиходѣ этого источника все пока обстояло благополучно.

«Москва, 1852 года, февраля 2.—Да, почтеннѣйшій землякъ, время летить, а съ нимъ и мы летимъ и улетучиваемся. Славные часы были по осени у насъ, рѣдкие часы! Хотя я тутъ же, у источника этихъ сладостей, а все съ тѣхъ поръ ни разу не привелось отѣздать отъ него. Причина простая — семейство пѣвуны (Н. С. Аксаковой) живеть большою частью въ подмосковной. —

Что до Гоголя, то онъ, какъ вы знаете, живеть на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Талызина. Посылая ему произведенія Майкова, не обойдите и меня. Я такъ мало имѣю случаевъ отвѣдать подобнаго плода. Вкусъ Жуковскаго хороши; стало быть, вдвойнѣ наслажденіе — познакомиться съ хвалимымъ и провѣрить хвалителя. Не забывайте вашего земляка. О. Б.—й».

Недѣли черезъ двѣ съ половиной, по полученіи мною этого письма, въ Петербургѣ нежданно, съ особымъ упорствомъ, заговорили о болѣзни Гоголя. Хотя этой болѣзни въ то время не придавали особаго значенія, 18-го февраля я обратился съ письмомъ къ И. С. Аксакову, прося его сообщить, чѣмъ именно заболѣлъ Гоголь и чтосталось съ его дальнѣйшою работой надъ «Мертвыми душами»? Отвѣтъ отъ Аксакова не приходилъ. И вдругъ 24-го февраля разнеслась потрясающая вѣсть, что Гоголь 21-го февраля скончался. Пораженный этимъ, я тогда же написалъ къ Бодянскому, прося его скорѣе сообщить хотя нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой нежданной, великой утратѣ. Вотъ отвѣтъ Бодянского:

«28-го февраля, 1852 года, Москва. Вы желаете, чтобы я написалъ вамъ о послѣднихъ минутахъ Гоголя, о моихъ послѣднихъ свиданіяхъ съ нимъ, о его смерти и бумагахъ на Москвѣ, потерявшей его. Не скажу, добрѣдію, не скажу! И теперь я хожу, какъ угорѣлый, и на лекціи по сю пору не соберусь никоимъ путемъ. Все онъ, одинъ онъ — въ умѣ и въ глазахъ! Когда нибудь, можетъ быть, соберусь съ духомъ, поразсказать вамъ. Нынче же замѣчу только: недѣли за двѣ до смерти, покойникъ видимо чахъ; онъ предчувствовалъ недобroe и потому на масляной говѣль и пріобщился. Въ половинѣ первой недѣли поста, соборовался, а 21-го, въ четвергъ, въ 8 часовъ утра, его не стало. Болѣзнь — несвареніе желудка, отъ которой онъ не хотѣлъ вовсе лѣчиться. Послѣдовало воспаленіе, за коимъ онъ впалъ въ безпамятство. Всѣмъ намъ едино — умрѣти. Но вотъ бѣда: онъ въ ночь, часу во 2—3-мъ, сжегъ всѣ свои бумаги до тла. Премного провинились окружавшіе его, изъ коихъ одному онъ отдавалъ весь свой портфель, туго набитый; а тотъ, разумѣется, поцеремонился, какъ самъ потомъ имѣлъ еще духъ разсказывать. Нема нашего Рудаго-Панька больше, да и не буде, поки свѣть стоять буде. Не забывайте вашего щираго земляка, О. Бодянскаго». Послѣ я узналъ, что Гоголь свои бумаги отдавалъ было хозяину своей квартиры, гр. А. П. Толстому; но тотъ, не желая показать виду, что считаетъ положеніе своего гостя опаснымъ, отказался ихъ принять.

И. С. Аксаковъ, на мои вопросы о болѣзни Гоголя, отвѣтилъ мнѣ, въ томъ же февралѣ, но послалъ свой отвѣтъ уже въ началѣ марта. Вотъ этотъ отвѣтъ: «Ваше письмо, любезнѣйший Г. П., было получено мною 21 февраля, въ самый день смерти Гоголя. И какъ странно было мнѣ читать это письмо, въ которомъ вы безпрестанно

о немъ говорите, въ которомъ просите матушку помолиться за Гоголя и за «Мертвя души». Ни того, ни другаго больше не существуетъ. «Мертвя души» сожжены, самая жизнь Гоголя сгорѣла отъ постоянной душевной мѣки, отъ безпрерывныхъ духовныхъ подвиговъ, отъ тщетныхъ усилий—отыскать обѣщанную имъ свѣтлую сторону, отъ необъятности творческой дѣятельности, вѣчно происходившей въ немъ и вмѣщавшейся въ такомъ скучельномъ сосудѣ. Сосудъ не выдержалъ. Гоголь умеръ, безъ особенной болѣзни. Современемъ вы узнаете всѣ подробности его жизни, мучничества и кончины. Въ настоящее время едва ли прилично будетъ разсказывать о немъ печатно нашему языческому обществу. Гоголь былъ истинный мученикъ искусства и мученикъ христіанства. Художественная дѣятельность этого монаха-художника была истинно-подвижническая. Теперь намъ надо начинать новый строй жизни—безъ Гоголя.—Весь вашъ душою—И. Аксаковъ».

Началась жизнь — «безъ Гоголя»... Отлично помню тогдашнее наше настроеніе. Мы, искренніе поклонники великаго писателя, были въ неописанномъ горѣ, еще потому, что онъ умеръ, осыпаемый безсердечными, злыми укоризнами и клеветами, не успѣвъ довести до конца своей главной, завѣтной работы. Вышла литографія, съ изображеніемъ Гоголя въ гробу. Ее раскупили на расхватъ. Всльдѣ за похоронами Гоголя, произошелъ извѣстный арестъ при полиції И. С. Тургенева и его высылка въ деревню, за напечатаніе имъ въ Москвѣ замѣтки объ умершемъ Гоголѣ, непропущенной цензурою въ Петербургѣ. Нѣкоторые придавали этому объясненіе, будто бы Тургеневъ поплатился за то, что въ своей невинной замѣткѣ назвалъ «великимъ» Гоголя, котораго, какъ сатирика, не долюбливала тогда высшее начальство. Дѣло было иѣсколько иначе. Авторъ замѣтки поплатился не за ея содержаніе, а за несоблюденіе формальностей цензурнаго устава. Когда статью И. С. Тургенева цензура не пропустила въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», я получилъ отъ тогдашняго издателя послѣднихъ, А. А. Краевскаго, слѣдующее письмо: «Мнѣ бы очень нужно было сказать вамъ два слова, Г. П. Не можете ли завернуть ко мнѣ сегодня, между 6 и 7 часами вечера? Пятница, 29-го февраля. Вашъ А. Краевскій». Навѣстивъ г. Краевскаго, я узналъ отъ него, что статью И. С. Тургенева, послѣ ея задержанія цензоромъ, не одобрилъ и М. Н. Мусинъ-Пушкинъ, тогдашній попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа и предсѣдатель с.-петербургскаго цензурнаго комитета. Мусинъ-Пушкинъ, къ сожалѣнію, какъ и нѣкоторые другіе его сверстники, смотрѣлъ тогда на Гоголя глазами враждебной послѣднему «Сѣверной Пчелы» и потому неособенно высоко цѣнилъ произведенія автора «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора». А. А. Краевскій горячо возсталъ въ защиту какъ Гоголя, такъ и И. С. Тургенева, автора поминальной замѣтки о немъ. Онъ, вручивъ мнѣ оттискъ задер-

жанной статьи Тургенева, обратился ко мнѣ съ просьбою — сообщить о ея задержаніи высшей инстанціи, а именно товарищу министра просвѣщенія А. С. Норову, при коемъ я тогда состоялъ на службѣ, и просить о его ходатайствѣ за пропускъ этой, вполнѣ невинной статьи передъ министромъ просвѣщенія, княземъ П. А. Ширинскимъ-Шихматовымъ, которому въ то время былъ предоставленъ высшій надзоръ за цензурою. Норовъ, совершенно раздѣляя взглядъ г. Краевского, охотно взялся исполнить желаніе послѣдняго и, при первомъ же своемъ докладѣ, сообщилъ это дѣло министру, ходатайствуя о пропускѣ остановленной статьи. Князь Ширинскій-Шихматовъ не согласился на отмѣну распоряженія графа Мусина-Пушкина. Издатель «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» А. А. Краевскій и ихъ редакторъ А. Н. Очкинъ покорились этому рѣшенію. Но задержанная статья, однако, мимо ихъ, 13-го марта, явилась въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», где ее пропустилъ къ печатанію попечитель Московскаго учебнаго округа В. И. Назимовъ. Послали запросъ въ Москву. Назимовъ отвѣтилъ, что ему не было известно о задержаніи статьи попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа и самимъ министромъ просвѣщенія. Начальство сочло себя обиженнымъ. Статья, остановленная въ одномъ цензурномъ округѣ, не могла явиться въ другомъ. Нашли, что авторъ замѣтки сознательно нарушилъ это цензурное правило, и ему, послѣ его ареста въ половинѣ апрѣля, предложили даже выѣхать изъ Петербурга въ его орловское помѣстье. Я былъ тогда уже въ Петербурга. Эта высылка всѣхъ поразила. Толковали не о простомъ нарушеніи цензурныхъ формальностей, а о томъ, будто авторъ «Записокъ охотника» написалъ, по поводу кончины Гоголя, нечто невозможнѣе рѣзкое. Его статья недавно помѣщена въ его «Воспоминаніяхъ». Въ ней, кромѣ нѣсколькихъ сердечныхъ, теплыхъ словъ о Гоголѣ, ничего болѣе нѣтъ.

Проѣздомъ въ отпускъ черезъ Москву, я навѣстилъ Бодянскаго и съѣздилъ съ нимъ въ Даниловъ монастырь, на могилу Гоголя.

— Вы ѿдете въ Харьковскую губернію? — спросилъ меня при этомъ Бодянскій.

— Да, въ окрестности Чугуева.

— Чѣмъ бы вамъ, съ вашего Донца, проѣхать въ Полтаву? Побывали бы въ деревнѣ Гоголя. Тамъ теперь его мать и сестры. Имъ будетъ пріятно услышать о немъ; вы лично видѣли его осенью.

— А и въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ я: — Рудый-Панько не одного меня, съ нашего дѣтства, звалъ къ себѣ на хуторъ. Но какъ туда проѣхать?

Бодянскій вызвался справиться о пути на родину Гоголя, предупредить о моемъ заѣздѣ его мать и сестеръ и прислать мнѣ къ нимъ письмо, а также подробный туда маршрутъ, по почтовой дорогѣ и проселкамъ. Онъ сдержалъ слово. Недѣли черезъ двѣ по

прибытии на родину, я получилъ отъ него обѣщанное письмо и маршрутъ и рѣшилъ навѣстить манившій меня съ дѣствомъ «хуторъ близъ Диканьки».

II.

Это было, черезъ два съ половиною мѣсяца по кончинѣ Гоголя, въ маѣ 1852 года.

Изъ-подъ Чугуева, гдѣ я гостила у своей матери, я отправился на почтовой перекладной, черезъ Харьковъ, въ Миргородъ, а оттуда, на Колонтай, Опoшню и Воронянщину, въ село Яновщину (Васильевка—тоже), на родину Гоголя, близъ Диканьки. Дорога, отъ рѣки Ворсклы, шла Кочубеевскими степями. Поля, въ ту весну, еще не видѣли косы и пышно зеленѣли. Цвѣты пестрѣли роскошными коврами. Голова кружилась отъ ихъ благоуханія.

Былъ полдень. Лошади лѣниво тащились, срывая на ходу головки махровыхъ сultanчиковъ. Изъ телѣжки, слегка нагибаясь, я нарвала цѣлый ихъ букетъ. Невольно вспоминались картины изъ «Тараса Бульбы». Тѣ же пышные кусты репейника, будто косари въ алыхъ шапкахъ, торчали надъ травой, съ своими колючими косами; тотъ же длинный, желтый дрокъ и блѣлая кашка. Огромная дрохфа, какъ страусъ, поднявъ голову, осторожно пробиралась по зеленѣющей пшеницѣ, невдали отъ телѣги. Стai кузнечиковъ, поднимаясь съ дороги, передъ лошадьми, летѣли и падали въ траву голубыми и розовыми, крылатыми ракетами.

— Гдѣ хуторъ Гоголя? — спрашивалъ я изрѣдка встрѣчавшихся путниковъ.

— Гоголя? Не знаемъ! — отвѣчали они.

Я догадался объяснить, что хуторъ называется Васильевка или Яновщина.

— Яновщина? Знаемъ, пане, знаемъ! Вотъ туда дорога.

И мнѣ указали проселокъ къ Гоголю—Яновскому, въ село Васильевку Рудаго-Цанькѣ.

Отъ Опoшни до с. Воронянщины я ѿхалъ, вслѣдствіе нестерпимаго жара, почти шагомъ. Всю дорогу за мною, сидя на возу, съ корзинами спѣлой шелковицы, ѿхалъ на волахъ толстый послелянинъ-казакъ, свѣсивъ ноги съ воза, лѣниво сгорбясь, напѣвая и покачиваясь отъ одолѣвавшей его дремоты. Встрѣчавшіеся на пути толчки будили его; онъ просыпался и снова пѣлъ одно и то же.

Стало прохладнѣе. Я поѣхалъ рысью.

До села Яновщины оставалось версты три. Оно было спрятано за косогоромъ.

Я остановился въ сосѣднемъ хуторѣ Воронянщина, вслѣдствіе соскочившей колесной гайки, которую ямщикъ пошелъ отыскивать. Я присѣлъ въ тѣни, на приѣзѣ ближайшей хаты. Ея хозяйка,

съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, привѣтливо разговорилась со мною изъ сѣней, гдѣ въ прохладѣ сидѣли ея другія дѣти. Зашла рѣчь о ихъ сосѣдѣ, Гоголѣ-Яновскомъ.

— То не правда, что толкуютъ, будто онъ умеръ,—сказала она:— похороненъ не онъ, а одинъ убогій старецъ; самъ онъ, слышно, поѣхалъ молиться за насъ, въ святой Іерусалимъ. Уѣхалъ и скоро опять вернется сюда.

Странная вещь. Сосѣдніе хуторяне, какъ я удостовѣрился въ то время, дѣйствительно, можетъ быть, въ виду частаго и продолжительнаго пребыванія Гоголя за границей, долго были убѣждены, что онъ не умеръ, а находился въ чужихъ краяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, обязанные ему чѣмъ нибудь въ жизни, даже гадали по немъ, ставя на ночь пустой поливянный горшокъ и сажая въ него паука. Объ этомъ мнѣ передала мать Гоголя, которую всѣ сосѣди близко знали и любили. По мѣстному повѣрью, если паукъ вылѣзть ночью изъ горшка, съ выпуклыми, скользкими стѣнками, то человѣкъ, по которому гадаютъ, живъ и возвратится. Паукъ, на котораго хуторянами было возложено рѣшить, живъ ли Рудый-Панько, ночью заткаль паутиною бокъ горшка и по ней вылѣзъ; но Гоголь, къ огорченію гадавшихъ, не возвратился.

Хуторъ Яновщина выглянулъ, наконецъ, между двухъ зеленыхъ, отлогихъ холмовъ. Съ дороги стала видна на широкой полянѣ каменная церковь, съ зеленою крышей. За церковью, спадая въ долину, виднѣлись бѣлыя избы хутора, въ перемежку съ садами; слѣва отъ церкви—левада, родъ огромнаго огорода, обсаженная со стороны хутора липами и вербами. Ограда церкви—сквозная, въ видѣ рѣшетки, изъ окрашенныхъ желтою и бѣлою краскою кирпичей. На пути къ церкви, примыкая къ изbamъ хутора, виднѣлась другая ограда. За нею показался господскій, деревянный домъ, съ красною деревянною крышею, въ одинъ этажъ; направо отъ него—флигель, налѣво—хозяйскія постройки, кухня, амбаръ и конюшня. За домомъ, спускаясь къ болотистому логу, зеленѣль старый, тѣнистый садъ; за садомъ виднѣлись вырыты въ долинѣ пруды; за ними—неоглядныя, зеленыя равнины украинской степи. Пруды вырылъ отецъ Гоголя, бывшій усерднымъ хозяиномъ.

Я вѣхалъ во дворъ. По его травѣ бѣгали дворовые ребятишки. Телѣга остановилась у крыльца. Я всталъ, отряхая съ себя густую дорожную пыль. Никто не слышалъ стука телѣги, и я тщетно посматривалъ, къ кому обратиться съ вопросомъ о хозяевахъ. Все было тихо. Чуть шелестѣли листья ясеней у садовой ограды. Звонко куковала кукушка въ деревьяхъ за церковью. Я вошелъ въ домъ. Меня встрѣтили въ траурѣ мать и двѣ дѣвицы—сестры покойнаго Гоголя, Анна Васильевна и Ольга Васильевна. Его третья сестра, Елизавета Васильевна, при его жизни, минувшую осенью, вышла замужъ за г. Быкова и тогда находилась въ Кіевѣ. Я вручилъ ма-

тери Гоголя письмо Бодянского. Послѣ первыхъ привѣтствій, мнѣ дали умыться, переодѣться, закусить. Въ гостиной, за чаемъ, меня осыпали вопросами о моихъ осеннихъ встрѣчахъ съ Николаемъ Васильевичемъ. Оказалось, что Шевырёвъ, видѣвшійся съ Бодянскимъ послѣ моего проѣзда черезъ Москву, предупредилъ мать Гоголя о моемъ заѣздѣ, и меня здѣсь уже ожидали. Эти черныя, шерстяные платья, эти полныя горькой скорби лица и эти слезы близкихъ великаго писателя потрясли меня до глубины души. Марья Ивановна, мать Гоголя, говорила о сынѣ съ глубокимъ, почти суевѣрнымъ благоговѣніемъ.

— Моего сына, — сказала она, отирая слезы: — зналъ самъ государь и, за его писательство, велѣль считать его на службѣ и отпускать ему жалованье. Не пожилъ покойный, не послужилъ родинѣ!

— Вашъ сынъ долго отсутствовалъ за границей?

— Почти восемнадцать лѣтъ; но онъ и тамъ служилъ первомъ своей родинѣ.

Мы прошли въ садъ. Но прежде опишу домъ. Гоголь, въ послѣдніе четыре года, въ свои прїезды къ матери, обыкновенно помѣщался во флигелѣ, направо отъ большаго дома. Здѣсь онъ, по словамъ его близкихъ, работалъ и надъ вторымъ томомъ «Мертвыхъ душъ», съ 20-го апрѣля по 22-е мая 1851 года, въ послѣднее свое пребываніе въ Яновщинѣ.

Флигель — низенькое, продолговатое строеніе, съ крытою галереей, выходящею во дворъ. Ветхія ступени вели на крыльцо; изъ небольшихъ сѣней былъ входъ въ пространную комнату, родъ залы, а отсюда въ гостиную.

Въ этой гостиной и въ кабинетѣ — поочередно работалъ и отыхалъ Гоголь. Постоянно тревожное его настроеніе, по словамъ его матери, въ послѣдній его заѣздѣ сюда, заставляло его нерѣдко менять свои рабочія комнаты. Также точно онъ, по ея словамъ, не могъ нѣсколько ночей сряду и спать въ одной и той же комнатѣ. Трудно это приписать, какъ это объясняли впослѣдствіи, муҳамъ, которыхъ на югѣ весною почти не бываетъ, или беспокойству отъ солнечныхъ лучей; во всѣхъ комнатахъ флигеля я засталь въ мой заѣздѣ на окнахъ занавѣски. Окна гостиной выходили въ особый палисадникъ у флигеля, огражденный высокими тополями. За ними былъ видъ на избы хутора и на степь.

Кабинетъ во флигелѣ былъ расположенъ въ другомъ концѣ зданія и имѣлъ особый выходъ въ садъ. Здѣсь болѣе всего оставался Гоголь. Въ послѣднее свое пребываніе въ Васильевкѣ, онъ отсюда не выходилъ иногда по цѣлымъ днямъ, являясь въ домъ только къ обѣду и вечернему чаю. Это — комната въ десять шаговъ длины и въ четыре шага ширины. Два небольшихъ ея окна выходятъ во дворъ; между ними зеркало. На окнахъ бѣлые,

кисейные занавѣски. Влѣво отъ двери—печь; вправо—дубовый шкафъ для книгъ. Этотъ шкафъ былъ заказанъ Гоголемъ лѣтомъ 1851 года и оконченъ уже безъ него. Влѣво отъ печи стояла деревянная, простая кровать, покрытая ковромъ. Кромѣ писанія, во флигелѣ Гоголь усердно занимался въ послѣднее время улучшеніемъ фабрикаціи домашнихъ ковровъ,—самъ рисовалъ для нихъ узоры,—и это занятіе, съ разведеніемъ деревьевъ въ саду, составляло его главное удовольствіе въ немногіе часы его отдыха. Надъ кроватью въ углу висѣлъ образъ св. угодника Митрофانія. Рабочій столъ Гоголя помѣщался между печью и кроватью, у забитой, лишней двери. Это—на высокихъ ножкахъ конторка, изъ грушеваго дерева, съ косою доской, покрытою кожей. На верхней части конторки съ двухъ сторонъ вдѣланы чернильница и песочница. На стѣнѣ, надъ конторкою, висѣлъ привезенный Гоголемъ изъ Италии нерукотворенный образъ Спасителя, писанный масляными красками.

Домъ, гдѣ помѣщались мать и сестра Гоголя, выстроенъ удобно. По стѣнамъ были развѣшаны старинные портреты Екатерины Великой, Потемкина и Зубова и англійскія гравюры, изображающія рыночныя и рыбачыи сцены въ Англіи. Въ залѣ стоялъ рояль, за которымъ Гоголь, по словамъ его матери, иногда любилъ наигрывать и пѣть свои любимыя украинскія пѣсни, особенно веселыя и плясовыя.

— Онъ иногда смѣшилъ насъ до упаду,—сказала мнѣ М. И. Гоголь:—самъ казался весель, хотя въ душѣ оставался постоянно задумчивымъ и печальнымъ.

Кстати о матери Гоголя. Она—урожденная Косяровская, дочь чиновника. Когда я впервые увидѣлъ ее, по пріѣздѣ въ Яновщину, меня поразило ея близкое сходство съ ея покойнымъ сыномъ: тѣ же красиво очерченныя, крупныя губы, съ чуть замѣтными усиками, и тѣ же каріе, нѣжно-внимательные глаза. Она была въ бѣломъ чепцѣ и безъ малѣйшей сѣдины. Ея полныя, румяныя, безъ морщинъ, щеки говорили, какъ была въ молодости красива эта, еще и въ то время замѣчательно красивая женщина.

— Покойный братъ,—сказала мнѣ старшая сестра Гоголя, когда мы вышли въ садъ:—все затѣвалъ исправить, перестроить домъ—передѣлать въ немъ печи, перемѣнить двери, увеличить окна и перебрать полы. Зимою у васъ холодно, писаль онъ, надо иначе устроить сѣни. Оштукатурили мы домъ особымъ составомъ, по присланному имъ изъ-за границы рецепту. Самъ онъ не выносилъ зимы и любилъ лѣто,—ненатопленное тепло.

Старый, дѣдовскій садъ, гдѣ такъ любилъ гулять Гоголь, расположено во вкусѣ всѣхъ украинскихъ сельскихъ садовъ. Его деревья высоки и вѣтвисты. По сторонамъ тѣнистой дорожки, идущей вправо отъ садового балкона, Гоголь, въ послѣднее здѣсь пребываніе, посадилъ съ десятокъ молодыхъ деревцовъ клена и бе-

резы. Далѣе, на луговой полянѣ, онъ посадилъ нѣсколько желудей, давшихъ съ новою весной свѣжіе и сильные побѣги. Влѣво отъ балкона, другая, менѣе тѣнистая дорожка идетъ надъ прудомъ и упирается во второй, смежный съ нимъ прудъ. По этой дорожкѣ особенно любилъ гулять Гоголь. Возлѣ нея, на пригоркѣ, стояла деревянная бесѣдка, разрушенная бурею, вскорѣ за послѣднимъ отѣзломъ Гоголя изъ Яновщины. Тутъ же, недалеко, въ тѣни нависшихъ липъ и акацій, былъ устроенъ небольшой гротъ, съ огромнымъ дикимъ камнемъ у входа. На этомъ камнѣ Гоголь, по словамъ его матери, игралъ, будучи еще ребенкомъ по третьему году. Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ этой поры, онъ любилъ садиться на этотъ камень, любуясь съ него видомъ прудовъ и окрестныхъ полей.

На дальнемъ прудѣ, за садомъ, стояла купальня. Къ ней ѹздили на небольшомъ, двухъ-весельномъ плотѣ. Купальню Гоголь устроилъ для себя, но пользовался ею не болѣе трехъ разъ. За прудомъ — широкая поляна, обсаженная надъ берегомъ вербами и серебристыми тополями, за которыми Гоголь ухаживалъ съ особымъ участіемъ.

— Вонъ туда, за церковь, — замѣтила Марья Ивановна, указывая: — сынъ любилъ по вечерамъ одинъ ходить въ поле.

Это былъ проселокъ въ деревни Яворовщину и Толстое, куда нерѣдко, въ прежнее время, бывая здѣсь, Гоголь хаживалъ пѣшкомъ въ гости, своеобразно рассказывая друзьямъ, какъ онъ совершилъ возвратный путь, пополамъ «съ подѣломъ на чужія тѣлѣги», а потомъ опять «съ напускомъ пѣхондачка». За послѣдніе годы онъ почти никого не посѣщалъ изъ сосѣдей.

Гоголь въ деревнѣ вставалъ рано; въ воскресные дни посѣщалъ церковь; въ будни тотчасъ принимался за работу, не отрываясь отъ нея иногда по пяти часовъ сряду. Напившись кофе, онъ до обѣда гулялъ. За обѣдомъ старался быть веселымъ, шутиль, рассказывалъ импровизованные анекдоты и все передвечернее время оставался въ кругу семьи, хотя иногда среди близкихъ, какъ и среди знакомыхъ, любилъ и просто помолчать, слушая разговоры другихъ. Вечеромъ онъ опять гулялъ, катался на плоту по прудамъ или работалъ въ саду, говоря, что тѣлесное утомленіе, «рукопашная работа» на вольномъ воздухѣ — освѣжаютъ его и даютъ силу писательскимъ его занятіямъ. Гоголь въ деревнѣ ложился спать рано, не позже десяти часовъ вечера. Оставаясь среди семьи, онъ въ особенности любилъ приниматься за разныя домашнія работы; кромѣ рисованія узоровъ для любимаго его матерью тканья ковровъ, онъ кроилъ сестрамъ платья и принималъ участіе въ обивкѣ мебели и въ окраскѣ оштукуатуренныхъ при его пособіи стѣнъ. Я засталъ гостиную въ домѣ его матери раскрашенную его рукой, въ видѣ широкихъ голубыхъ полосъ по бѣлому полю, залъ — съ бѣлыми и желтыми полосами.

Изъ сосѣдей Гоголя немногіе посѣщали его. Иные боялись обезпокоить его среди литературныхъ занятій, другіе, изъ старыхъ друзей, въ то время не жили въ своихъ помѣстьяхъ, а третыи, по странному мнѣнію о характерѣ сатирическихъ писателей, просто боялись его. Вообще, соотечественники—полтавцы чуждались и недолюбливали его. Да и Гоголь, особенно послѣ изданной имъ «Переписки съ друзьями», упорно избѣгалъ свиданія съ сосѣдями, говоря въ шутку сестрамъ, что прежде, чѣмъ явится кто либо изъ окрестныхъ знакомыхъ, того и гляди уже выскочитъ «длинноязыкая бестія—чортъ», распускающей сплетни. Посторонними собесѣдниками Гоголя изъ его сосѣдей изрѣдка были, болѣшею частью, простолюдины-хуторяне, убогіе и несчастные, которымъ онъ часто помогалъ. Оба священника села Васильевки, въ послѣдніе заѣзы сюда Гоголя, были отъявленные пьяницы. Поневолѣ онъ переписывался съ отдаленнымъ священникомъ города Ржева.

Къ украшеніямъ дома въ Яновщинѣ, въ послѣдніе здѣсь пребываніе Гоголя, прибавились: его чрезвычайно схожій портретъ, писанный въ 1840 году масляными красками Моллеромъ (этотъ портретъ былъ привезенъ Гоголемъ въ подарокъ матери изъ Петербурга), и трость изъ пальмовой вѣтви, съ которою Гоголь путешествовалъ по Святой Землѣ.

— Мы его съ прошлой осени ждали на всю зиму въ деревню,—сказала мнѣ мать Гоголя:—онъ сперва думалъѣхать въ Крымъ, хотя говорилъ, что Крымъ прелестъ, но безъ людей тамъ—тоска. Зимою онъ почти никогда не жилъ въ деревнѣ.

— Почему?

— Онъ это объяснялъ тѣмъ, что въ деревнѣ въ ненастную погоду онъ болѣе хвораетъ, чѣмъ въ городѣ. Ему каждый день были нужны прогулки, и онъ предпочиталъ Москву, гдѣ всѣ дома просторнѣе и теплѣе, и гдѣ для прогулокъ пѣшкомъ устроены хорошие тротуары.

— Онъ и при мнѣ выражалъ сожалѣніе Бодянскому,—сказалъ я:—что не попалъ на свадьбу сестры, по нездоровью и изъ-за осенней погоды.

— А ужъ какъ онъ этого хотѣлъ,—замѣтила мать Гоголя:—мечталъ въ подарокъ новобрачной купить небольшую коляску и въ ней прїѣхать на свадьбу. На покупку у него, очевидно, не хватило денегъ.

Гоголь, посылавшій черезъ меня Плетневу пособіе бѣднымъ студентамъ, дѣйствительно, самъ нуждался въ средствахъ къ жизни. Надо вспомнить, что въ то же время книгопродавцы, скупившіе остатки послѣднаго изданія его сочиненій, распускали слухъ, что нового изданія почему-то не будетъ, и продавали каждый его экземпляръ по сто рублей.

Гоголь, по словамъ его матери, родился 19-го марта, въ 1809

году, въ селѣ Сорочинцахъ, въ двадцати верстахъ отъ Яновщины. Черезъ три года исполнится восемьдесятъ лѣтъ со дня его рождения. Марья Ивановна Гоголь имѣла до него другихъ дѣтей, изъ которыхъ ни одинъ не жилъ болѣе недѣли, вслѣдствіе чего появленія на свѣтѣ новаго дитяти она ожидала съ грустнымъ и тяжелымъ раздумьемъ, будеть ли ему суждено остататься въ живыхъ? Родился мальчикъ, котораго назвали Николаемъ. Новорожденный былъ необыкновенно слабъ и худъ. Долго опасались за его жизнь. Черезъ шесть недѣль онъ былъ перевезенъ въ родную Васильевку-Яновщину. Не смотря на слабый организмъ, онъ, однако, скоро показалъ, что не въ тѣлѣ сила человѣка. Трехъ лѣтъ отъ рода, онъ уже сносно разбиралъ и писалъ слова мѣломъ, запомнивъ алфавитъ по рисованнымъ, игрушечнымъ буквамъ.

Пяти лѣтъ отъ рода, Гоголь, по словамъ его матери, вздумалъ писать стихи. Никто не помнилъ, какого рода стихи онъ писалъ. У его домашнихъ осталось воспоминаніе, что известный украинскій литераторъ Капнистъ, заѣхавъ однажды къ отцу Гоголя, засталъ его пятилѣтняго сына за перомъ. Малютка Гоголь сидѣлъ у стола, глубокомысленно задумавшись надъ какимъ-то писаніемъ. Капнисту удалось, просьбами и ласками, склонить ребенка-писателя прочесть свое произведеніе. Гоголь отвелъ Капниста въ другую комнату и тамъ прочель ему свои стихи. Капнистъ никому не сообщилъ о содержаніи выслушанного имъ. Возвратившись къ домашнимъ Гоголя, онъ, лаская и обнимая маленькаго сочинителя, сказалъ: «Изъ него будетъ большой талантъ, дай ему только судьба въ руководители учителя-христіанина!» Склонность Гоголя къ стихамъ проявлялась въ немъ впослѣдствіи еще не одинъ разъ. По словамъ его матери, онъ въ Нѣжинскомъ лицѣ написалъ стихотвореніе «Россія подъ игомъ татарь». Эту никогда не напечатанную вещь Гоголь тщательно переписалъ въ изящную книжечку, украсилъ ее собственными рисунками и переслалъ матери изъ Нѣжина по почтѣ. Изъ всего содержанія этой поэмы, увезенной имъ впослѣдствіи изъ Яновщины и, вѣроятно, истребленной, матеръ покойнаго вспомнила мнѣ только окончаніе, а именно, слѣдующіе два стиха:

«Раздвинувъ тучки среброрѣны,
Явилась трепетно луна».

Гоголь, начавъ впослѣдствіи писать исключительно прозою, обыкновенно молчалъ о своихъ первыхъ стихотворныхъ попыткахъ. О сожженіи имъ изданной своей поэмы «Ганць-Кюхельгартенъ» мнѣ рассказалъ свидѣтель этого аутодафе, его бывшій камердинеръ и поваръ Якимъ, состоявшій во время моего приѣзда въ Яновщину дворецкимъ и ключникомъ. Застѣнчивый и робкій Якимъ передалъ мнѣ, что его покойный баринъ однажды, въ Петербургѣ, пришелъ домой сильно не въ духѣ и послалъ его скучать и отби-

ратъ по книжнымъ лавкамъ отданныя на комиссію книгопродавцамъ синенькія книжки, на которыхъ было заглавie: «Ганцъ-Кюхельгарденъ». Были собраны, привезены и безъ всякаго сожалѣнія сожжены около шести сотъ этихъ книжекъ. Кстати обѣ этомъ Якимъ. Узнавъ, въ 1837 году, о смерти Пушкина, онъ неутѣшно плакаль въ передней Гоголя.

— О чёмъ ты плачешь, Якимъ? — спросилъ его кто-то изъ знакомыхъ.

— Какъ же мнѣ не плакать... Пушкинъ умеръ.

— Да тебѣ-то что? развѣ ты его зналъ?

— Какъ что? и зналъ, и жалко. Помилуйте, они такъ любили и барина. Бывало, снѣгъ, дождь и слякоть въ Петербургѣ, а они въ своей шинелькѣ бѣгутъ съ Мойки, отъ Полицейскаго моста, сюда, въ Мѣщанскую. По цѣлымъ ночамъ у барина просиживали, слушая, какъ напѣ-то читаль имъ свои сочиненія, либо читая ему свои стихи.

Зная обѣ этомъ слугѣ Гоголя отъ Плетнева, я сталъ разспрашивать Якима о времени знакомства Гоголя съ Пушкинымъ. По словамъ Якима, Пушкинъ, заходя къ Гоголю и не заставая его, съ досадою рылся въ его бумагахъ, желая знать, что онъ написалъ новаго. Онъ съ любовію слѣдилъ за развитіемъ Гоголя и все твердиль ему: «пишите, пишите», а отъ его повѣстей хохоталъ и уходилъ отъ Гоголя всегда веселый и въ духѣ. Наканунѣ отѣзда Гоголя, въ 1836 году, за границу, Пушкинъ, по словамъ Якима, просидѣлъ у него въ квартирѣ, въ домѣ каретника Іохима, на Мѣщанской, всю ночь на пролеть. Онъ читалъ начатыя имъ сочиненія. Это было послѣднее свиданіе великихъ писателей. Въ 1837 году Пушкинъ скончался. Гоголь, по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, уже не засталъ его въ живыхъ.

Мать Гоголя мнѣ передавала, что первые годы отрочества онъ провелъ со своимъ младшимъ, рано умершимъ братомъ, Иваномъ. Отецъ Гоголя, юзя въ поле съ сыновьями, иногда задавалъ имъ дорогую темы для стихотворныхъ импровизаций: «солнце», «степь», «небеса». Старшій сынъ отличался находчивостью въ отвѣтахъ на такія задачи. Гоголь-отецъ самъ сочинялъ театральныя, комическая пьесы для домашней сцены въ семействѣ Трощинскихъ, которые оказывали особенное вниманіе ему и его старшему сыну. Комедіи своего покойнаго отца Гоголь взялъ съ собою отъ матери при отѣздѣ въ Петербургъ, для того, чтобы ихъ напечатать. Неизвѣстно, какой участи онъ подверглись, такъ какъ впослѣдствіи никто ихъ не видѣлъ, за исключеніемъ выписокъ изъ нихъ, послужившихъ эпиграфами къ нѣкоторымъ изъ повѣстей Гоголя.

Смерть младшаго брата до того поразила отрока-Гоголя, что были принуждены отвезти его въ Нѣжинскій лицей, чтобы отвлечь мысли его отъ могилы брата. Здѣсь Гоголь вскорѣ оправился и

изъ хилаго, болѣзненнаго ребенка стала сильнымъ, веселымъ и падкимъ до разныхъ потѣхъ и шалостей юношей. Страстный поклонникъ всего высокаго и изящнаго, онъ на школьной скамейкѣ тщательно переписывалъ для себя на самой лучшей бумагѣ, съ рисунками собственнаго изобрѣтенія, выходившія въ то время въ свѣтъ поэмы: «Цыгане», «Полтава», «Братья разбойники» и главы «Евгения Онѣгина». По окончаніи курса въ Нѣжинскомъ лицѣ, Гоголь у матери отпросился въ Петербургъ, гдѣ некоторое время усердно занимался живописью и иностранными языками.

Въ 1829 году, Гоголь неожиданно уѣхалъ за границу. Добравшись до Любека, онъ написалъ матери покаянное письмо (она мнѣ давала его читать), изложилъ въ немъ свои разочарованія въ мѣстахъ, къ которымъ онъ такъ жадно стремился, приложилъ къ письму очеркъ улицы, въ которой остановился, и, увидѣвъ близкій конецъ своихъ скучныхъ денежныхъ средствъ, съ грустью возвратился въ Петербургъ.

Мать Гоголя, на разставаніѣ со мной, узнавъ, что я ёду въ Кіевъ, просила меня доставить туда письмо и небольшую посылку ея замужней дочери, Ел. В. Быковой, отъ которой она давно въ то время не получала извѣстій. Мѣсто жительства г-жи Быковой въ Кіевѣ мнѣ помогъ найти тамошній, тогда уже извѣстный, профессоръ медицины, докторъ Ф. С. Цыбурина, знаяшій и не однажды лѣчившій Гоголя, отъ которого у него бережно хранился экземпляръ «Мертвыхъ душъ» съ дружескою на немъ надписью автора. У доктора Цыбурина, кстати сказать, я засталъ при этомъ молодаго тогдашняго ученаго, впослѣдствии кіевскаго профессора и нынѣшняго министра финансовъ, Н. Х. Бунге.

Прошло болѣе тридцати четырехъ лѣтъ. Съ тѣхъ поръ изъ семейства Гоголя я никого не видѣлъ. Мнѣ, въ годъ смерти Гоголя, привелось набросать и напечатать въ одной изъ газетъ очеркъ его родной усадьбы. Другихъ, болѣе подробныхъ о ней свѣдѣній я послѣ того не встрѣчалъ въ печати. Часто думалось мнѣ съ тѣхъ поръ: «Что нынѣ стало съ Яновиціою-Васильевкою? Цѣлы ли въ ней домъ и флигель, гдѣ въ послѣднее время жилъ великий писатель, сохраняются ли тамошніе сады и пруды, и благополучно ли растутъ посаженные руками Гоголя деревья?».

Набросавъ давно эти воспоминанія, я не рѣшался ихъ печатать, не собравъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ семейства Гоголя. Меня также занималъ вопросъ, почему ни въ одномъ изъ нашихъ иллюстрированныхъ изданій донынѣ не помѣщено изображеній усадьбы знаменитаго автора «Тараса Бульбы» и «Вечеровъ на хуторѣ близъ

Диканьки? Въ Полтавѣ и въ Кіевѣ, съ его смерти, перебывали многіе наши даровитые художники; фотографія въ этихъ городахъ развилась съ тѣхъ поръ и процвѣтаетъ. Неужели же никому изъ мѣстныхъ фотографовъ,—разсуждалъ я,—не пришло въ голову снять, для печати, виды Васильевки? Время не ждетъ и легко можетъ смести послѣдніе слѣды деревенскаго жилища дорогаго писателя, которому, между тѣмъ, мы собираемся ставить памятникъ.

Минувшимъ лѣтомъ я узналъ, что въ настоящее время въ Полтавской губерніи благополучно здравствуютъ двѣ сестры Гоголя, которыхъ я, тридцать четыре года назадъ, видѣлъ въ Яновщинѣ, а именно: Анна Васильевна Гоголь—въ городѣ Полтавѣ и Ольга Васильевна Головня—въ родномъ ихъ селѣ Васильевкѣ.

На мои обращенія съ вопросами въ Полтаву, я получилъ отъ почтенной Анны Васильевны Гоголь отвѣтъ, за который приношу ей глубочайшую признательность. Привожу отрывки изъ ея писемъ ко мнѣ, давшихъ мнѣ возможность значительно дополнить мою статью. А. В. Гоголь мнѣ написала, между прочимъ, въ августѣ и сентябрѣ этого года, слѣдующее:

«Какъ я вамъ благодарна, что вы прислали мнѣ прочесть ваши воспоминанія! Отвѣчаю по пунктамъ на ваши вопросы.

«Наша мать умерла, 76-ти лѣть, въ 1868 году, въ деревнѣ Васильевкѣ, скоропостижно, на первый день Свѣтлаго праздника; вѣроятно, не побереглась послѣ семинедѣльнаго поста. Она до смерти была очень моложава и бодра; у нея не было морщинъ и сѣдины. Съ нею тогда жила меньшая наша сестра Ольга, съ мужемъ, отставнымъ маюромъ Головня, который держаль наше имѣніе въ арендѣ. Сестра Ольга съ тѣхъ поръ овдовѣла и имѣть трехъ дѣтей, замужнюю dochь и двухъ сыновей, Николая и Василія Яковлевичей, служащихъ въ Ахтырскомъ драгунскомъ полку, въ Бѣлой Церкви. Наша деревня Васильевка раздѣлилась на двѣ части—сестрѣ Ольгѣ и старшему сыну покойной сестры Елизаветы Васильевны Быковой, Ник. Влад. Быкову, который женатъ на Марѣ Александровнѣ Пушкиной, внучкѣ поэта.

«По жребию, старая усадьба (дворъ, садъ и пр.) досталась сестрѣ Ольгѣ, а племянникъ Николай Быковъ построилъ себѣ новую усадьбу, за прудомъ, въ другомъ саду, гдѣ теперь и живетъ, имѣя двухъ малолѣтнихъ дѣтей, сына Александра и dochь Елизавету. Онъ служилъ въ Нарвскомъ гусарскомъ полку, во время командованія имъ А. А. Пушкинымъ (сыномъ поэта), гдѣ и женился на его дочери. Недавно онъ былъ въ Москвѣ и уступилъ тамъ отъ насъ право на издание сочиненій покойнаго брата книгопродавцу Думнову, наслѣднику фирмы братьевъ Салаевыхъ. До этого, изданіями сочиненій брата завѣдывалъ И. С. Аксаковъ.

«Старая наша усадьба въ запустѣніи, особенно флигель для гостей, въ которомъ братъ останавливался въ послѣднее время. Садъ

запущенъ, заглохъ; гротикъ завалился. Старый поваръ Якимъ умеръ въ прошломъ 1885 году, въ деревнѣ, у женатаго своего сына, а его дочь Наталья, съ десятилѣтняго возраста, у меня въ услуженіи. Она была нѣкоторое время замужемъ, но, овдовѣвъ, опять поступила ко мнѣ.

«Портретъ брата масляными красками (работы Моллера) у меня; онъ попорченъ, и потому я никому его не даю. У меня же его шкафъ для книгъ и конторка. Изъ прочихъ вещей брата почти ничего не сохранилось. Имѣніе (Васильевка) не было во владѣніи брата. Мать владѣла имъ пожизненно, по завѣщанію свекрови. Крестьяне-сосѣди звали ее «барыня изъ Яновщины». Это имѣніе нѣкогда было заложено, но выкуплено уже давно. Въ немъ, за наѣломъ крестьянъ, осталось на двѣ части около 700 десятинъ. Я удовольствовалась частью выкупной ссуды и живу въ Полтавѣ, близъ племянницы Мары Влад. Рахубовской, урожденной Быковой, у которой находятся ея мѣньшія сестры, Варвара и Анна Влад. Быковы. Мѣньшой братъ, Юрий Влад. Быковъ, въ Петербургѣ, служить въ лейбъ-казакахъ (въ лейбъ-атаманскомъ Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича полку).

«Ник. Павл. Трушковскій, сынъ старшей нашей сестры, Мары Васильевны, умершой въ 1844 году, остался круглымъ сиротой, съ одиннадцати лѣтъ; учился въ гимназіи, потомъ въ Казанскомъ университетѣ, по факультету восточныхъ языковъ; кончилъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университете, кандидатомъ. Онъ занимался изданиемъ сочиненій покойнаго брата, но заболѣлъ и умеръ въ помѣшательствѣ. Я съ мою матерьюѣздила за нимъ въ Москву. Это была славная личность! Я его очень любила.

«Изъ сосѣдей, знакомыхъ брата, никого уже нѣть въ живыхъ. Въ деревнѣ Толстое, въ шести верстахъ отъ насъ, жили Черныши, которыхъ братъ любилъ. Особенно же былъ друженъ съ дѣтства съ А. С. Данилевскимъ¹). Не знаю, живъ ли послѣдній? Онъ ослѣпъ и жилъ въ Сумскомъ уѣздѣ, у родныхъ жены; у нихъ было трое дѣтей. Пріѣзжая въ деревню лѣтомъ, въ послѣдніе четыре года, братъ прежнихъ знакомыхъ уже не нашелъ, а новыхъ знакомствъ не любилъ; радъ былъ, что наша деревня въ глухи, не на большой дорогѣ.

«Сестра Елизавета Васильевна вышла замужъ, какъ вы знаете, при братѣ; она овдовѣла, послѣ его смерти, черезъ десять лѣтъ, прожила вдовою еще четыре года и умерла, оставивъ пятерыхъ дѣтей. Теперь самому мѣньшому изъ нихъ, Юрию Владим. Быкову, 25 лѣтъ.

«Братъ никогда не любилъ говорить о своихъ сочиненіяхъ; даже

¹) Имя жены А. С. Данилевского, Юліи Улинъки, дало Гоголю, какъ слышно. мысль назвать героиню второй части «Мертвыхъ душъ»—Улинъкою. Г. Д.

намека о нихъ не допускалъ. Если, бывало, кто нибудь заговоритъ о нихъ, онъ хмурился, перемѣнялъ разговоръ или уходилъ. Въ послѣднее время его письма были всегда грустныя и строгія, а прежде въ институтъ онъ намъ писалъ веселыя письма и часто шутилъ, особенно съ сестрою Ел. В. Быковой. Письма брата къ намъ потомъ въ деревню были наполнены наставленіями. Онъ боялся, чтобы мы не скучали, весь день были бы въ занятіяхъ и болѣе дѣлали бы мотіона; боялся, чтобы насы не занимали наряды, и внушишь намъ, что очень стыдно при комъ нибудь говорить о нарядахъ.

«Сестра Ел. Вас. Быкова, въ 1862 году, была у насъ съ дѣтьми въ деревнѣ, когда ея мужъ, подполковникъ, командовавшій сапернымъ баталіономъ въ Тифлісѣ, былъ назначенъ на такую же должность въ Гури-Кальварію, близь Варшавы, куда и уѣхалъ заготовлять квартиру, чтобы взять свою семью. Вдругъ получаемъ извѣстіе, что онъ умеръ... Бѣдная сестра чуть не потеряла разсудка! Я съ нею перѣѣхала въ Полтаву. Ея старшая десятилѣтняя дочь Марья Влад. (впослѣдствіи Рахубовская) поступила въ полтавскій институтъ. Черезъ четыре года, сестра Ел. Вас. Быкова умерла. По ея смерти, я съ ея дѣтьми жила въ Полтавѣ.

«Еще о старой усадьбѣ. На мѣстѣ теперешняго нашего деревенского дома былъ другой; тамъ братъ провелъ дѣтство. Его рисунокъ долго хранился у брата. Теперешній домъ, гдѣ вы когда-то были, я помню, долго стоялъ недостроенный. На немъ былъ мезонинъ, который потомъ сняли. На этомъ мезонинѣ одна комната была накоротко отдѣлана, для прїѣзда брата изъ Нѣжина, и я помню, что мы, сестры, дѣтьми ходили къ нему туда, по узенькой лѣсенкѣ.

«Изъ посаженныхъ братомъ деревьевъ въ обоихъ садахъ сохранилось нѣсколько клѣновъ. Это было его любимое дерево. Дубки онъ садилъ желудями; они почти все пропали. Я рѣдкоѣзжу въ деревню. Грустно видѣть разрушеніе. Новая усадьба племянника Николая иногда интересуетъ; но яѣзжу туда только съ кѣмънибудь; одной скучно, и сорокъ верстъ отъ Полтавы.

«Братъ считалъ насъ двухъ сестеръ (Елизавету и Анну) своими воспитанницами, потому что самъ помѣстилъ насъ въ институтъ въ Петербургъ. Онъ заставлялъ насъ переводить. Даъ мнѣ разъ нѣмецкую статью, гдѣ сравнивали брата съ Погодинымъ. И когда я затруднилась перевести фразу: «Pogodin ist ein umgekehrter Gogol», онъ посовѣтовалъ мнѣ перевести такъ: «Погодинъ—вывороченный Гоголь». При этомъ онъ старался насы увѣрить, что наши переводы «очень нужны», самъ ихъ поправлялъ и давалъ намъ награды за нихъ. Бумаги брата, бывшія въ его чемоданѣ, пропали; цѣлъ одинъ чемоданъ».

Желательно было бы видеть въ печати тѣ «веселыя» письма Гоголя къ его сестрамъ, о которыхъ упоминаетъ почтенная Анна Васильевна. То была лучшая, свѣтлая пора Гоголя, когда онъ писалъ С. Т. Аксакову: «О себѣ скажу вамъ, что моя природа совсѣмъ не мистическая». Живя лѣтомъ близъ Петербурга, на Полкновной горѣ, на дачѣ Гюнтера, и избѣгая журнальной среды, онъ писалъ друзьямъ, что «журнальные занятія вывѣтреваютъ душу», и стремился къ родному югу, къ южной веснѣ. «Что это такое весна?—писалъ онъ тогда:—я ее не знаю, не помню! позабыть совершенно, видѣлъ ли ее когда нибудь?» Въ свѣтлые часы Гоголь любилъ шутить не только съ сестрами, но и съ друзьями, утѣшавшими ихъ, по своему, въ ихъ жизненныхъ неудачахъ: «Это все дѣло нашего общаго пріятеля чорта,—писалъ онъ друзьямъ:—бейте эту длиннохвостую скотину по мордѣ. Дайте грусти киселя, да еще съ пидлеснемъ...» (т. е. съ пришлѣпкой). Невольно вспоминается чернильница, пущенная Лютеромъ въ бѣса. Пріятелямъ-сверстникамъ Гоголь щедро раздавалъ шутливые совѣты и прозвища, оставшіяся необъясненными въ изданныхъ его письмахъ: Барончикъ, Доримончикъ, Фонъ-Фонтикъ, Купидончикъ, Хоппики и пр. «О, моя юность! о, моя свѣжесть!»—восклицалъ впослѣдствіи великій писатель объ этой своей веселой и свѣтлой порѣ¹⁾.

Анна Васильевна Гоголь обязательно прислала мнѣ также фотографію дома и части усадьбы села Васильевки, исполненную В. А. Волковымъ, имѣвшимъ недавно собственную фотографическую мастерскую въ Полтавѣ. При этой фотографії она доставила мнѣ, по моей просьбѣ, и долго хранившійся у ея брата, исполненный, по преданию, самимъ Н. В. Гоголемъ, акварельный рисунокъ «стараго дома» Васильевки, гдѣ Гоголь провелъ свое дѣтство. Оба эти рисунка переданы мною редакціи «Исторического Вѣстника» и будутъ воспроизведены въ одной изъ первыхъ книжекъ журнала 1887 года.

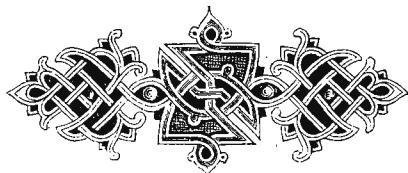
¹⁾ Кстати о письмахъ Гоголя. Въ 1852 году, вскорѣ послѣ его смерти, мнѣ привелось первому, какъ я выше сказалъ, напечатать краткія извѣстія о его семействѣ и усадьбѣ, причемъ я помѣстилъ, съ разрѣшеніемъ матери Гоголя и по ея выбору, нѣсколько отрывковъ изъ его писемъ къ ней. Авторъ «Записокъ о жизни Гоголя», г. Пантелеимонъ Кулішъ (изданіе 1856 г., т. I, стр. 31-я), упомянувъ обѣ одномъ изъ этихъ, напечатанныхъ мною писемъ, укорително замѣтилъ, что я въ немъ «позволилъ себѣ опустить трогательное обращеніе Гоголя къ матери». Это замѣчаніе, въ виду всѣмъ понятныхъ условій, при которыхъ матерью Гоголя мнѣ было дозволено напечатать письма ея сына, выходило тѣмъ болѣе забавнымъ, что далѣе, въ той же книгѣ (стр. 91-я), самъ ея авторъ, помѣстивъ другія письма Гоголя къ его матери, говоритъ, что приводить изъ нихъ только краткія выписки, «опустивъ выраженія нѣжнѣйшей любви и почтенія, которыми Гоголь былъ преисполненъ къ матери». Quod licet...

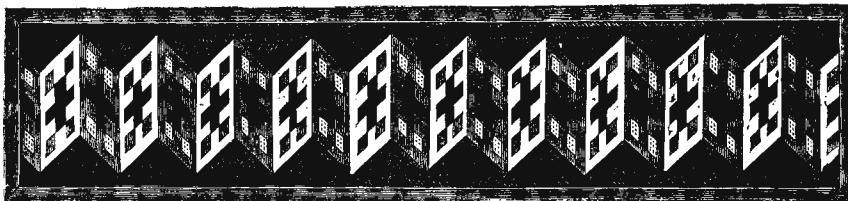
Г. Д.

Русские читатели, безъ сомнѣнія, съ особымъ удовольствиемъ узнаютъ изъ вышеприведенныхъ мною писемъ Анны Васильевны Гоголь, что внучка великаго нашего поэта, Пушкина, сочеталась бракомъ съ племянникомъ другаго великаго русскаго писателя, Гоголя, бывшаго нѣкогда въ искренней дружбѣ съ Пушкинымъ. Послѣдній, какъ извѣстно, еще при жизни, уже духовно сроднился съ Гоголемъ: онъ даль ему сюжеты лучшихъ его произведеній — «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора».

Григорій Данилевскій.

Спб. 20-го октября 1886 г.

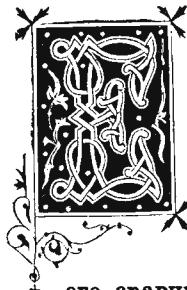

ВОСПОМИНАНІЯ ГРАФА В. А. СОЛОГУБА¹⁾.

IX.

Мое переселение въ Дерптъ.—Дерптовское общество.—Моя вторичная поѣздка на Кавказъ.—Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій.—Его предложеніе мнѣ.—Наше путешествіе.—Мое разочарованіе.—Разладъ съ Барятинскимъ и мой отъездъ изъ Тифліса.—Анекдотъ о канцлерѣ князѣ А. М. Горчаковѣ.—Баронесса Ю. П. Вревской.—Ея кончина.—Пророчество о болгарахъ.—Моя поѣздка въ Парижъ.—Русский посолъ во Франції графъ Киселевъ.—Балъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ.—Представление императору Наполеону и императрицѣ Евгентіи.—Грубость камеръ-лакеевъ.—Приключеніе съ Лазаревымъ.—Знакомство съ Гальви.—Изобрѣтатель метода хорального пѣнія Шеве.—Его наудачная поѣздка въ Петербургъ.—Моя брошюра «Les musiciens contre la musique».—Мое возвращеніе въ Россію.

ЩЕ ПОСЛЪ моей первой поѣздки въ Парижъ, послѣ коронаціі, я рѣшилъ поселиться съ женою и дѣтьми въ Дерптѣ. Мои родители и родители жены моей въ то время уже умерли; многие друзья и добрые знакомые или умерли, или разъѣхались, и ничто особенно не удерживало насъ въ Петербургѣ. Для воспитанія дѣтей и жизни семейной, Дерптъ представлялся мнѣ удобнѣйшимъ мѣстомъ, такъ какъ его сравнительная близость отъ Петербурга давала мнѣ возможность по дѣламъ или по службѣ часто бывать въ столицѣ.

Первые годы нашего пребыванія въ Дерптѣ были едва ли не самые счастливые годы моего первого брака. Пока жена моя гостила съ дѣтьми въ окрестностяхъ, я въ Дерптѣ купилъ и совер-

¹⁾ Окончаніе. См. «Історический Вѣстникъ», т. XXVI, стр. 281.

шенно заново перестроилъ и отдалъ довольно обширный домъ, съ большимъ примыкашимъ къ нему мѣстомъ, гдѣ потомъ, по моему плану, мы развели хорошенький садъ. Домъ этотъ, въ которомъ моя первая жена жила много лѣтъ и гдѣ она скончалась, принадлежитъ теперь моей дочери Сабуровой. Общество дерптскoe въ то время мало измѣнилось съ тридцатыхъ годовъ, какъ я покинулъ Дерптъ, и сохранило свою патріархальную семейственность; но за то университетъ, или, скорѣе, направленіе въ университетъ совершенно измѣнилось. Довольно значительный кружокъ русскихъ студентовъ внесъ въ него зачинающееся зерно нигилизма,—нигилизма, еще не имѣющаго, впрочемъ, этого названія, такъ какъ знаменитый романъ Тургенева «Отцы и дѣти» появился только года три послѣ нашего переселенія въ Дерптъ. Надо сказать, что нѣмецкія головы, болѣе тугія къ понятливости, но за то часто также и болѣе разсудительныя, холодно отнеслись къ новому ученію, за то русская молодежь, и въ особенности русскія барыни, съ свойственной имъ впечатлительностью, яростно примкнули къ новому ученію. Я въ Дерптѣ, какъ и вездѣ, впрочемъ, имѣлъ глупость широко раскрыть двери своего дома для всѣхъ; но тутъ это не повлекло за собой столько непріятностей, какъ въ Петербургѣ и на Кавказѣ.

Но, говоря о моемъ основаніи въ Дерптѣ, я забылъ сказать, что въ промежутокъ этого времени я вторично побывалъ на Кавказѣ. Вотъ какъ это случилось.

По заключеніи Парижскаго мира и по смерти фельдмаршала князя Воронцова, государь ввѣрилъ командинаніе кавказской арміею князю Александру Ивановичу Барятинскому. Я уже имѣлъ случай, описывая петербургскіе салоны сороковыхъ годовъ, сказать, что Барятинскіе, по знатности своего рода и своему богатству, занимали одно изъ первенствующихъ мѣсть въ большомъ петербургскомъ свѣтѣ. Я долженъ прибавить, что князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, старшій въ родѣ и наслѣдникъ богатаго майората (который онъ, впрочемъ, передалъ своему второму брату Владимиру), былъ однимъ изъ выдающихся и способнѣйшихъ любимцевъ молодаго императора. Всѣ четыре брата Барятинскіе были красивы, но, разумѣется, красивѣе и виднѣе всѣхъ, всетаки, былъ князь Александръ. Кроме того, онъ имѣлъ очень тонкій и все разумѣющій умъ, большее изящество въ приемахъ и мягкость (когда хотѣлъ, впрочемъ) въ обращеніи, рѣдкую способность угадывать или скорѣе взвѣшивать людей, и нѣсколько поверхностную, но, тѣмъ не менѣе, довольно обширную начитанность. Храбрость его не имѣла границъ; спокойная, самоувѣренная и смиренная вмѣстѣ—это была чисто русская беззавѣтная храбрость,—храбрость русскаго солдата. Но съ этими замѣчательными способностями у Барятинскаго были также недостатки. Какъ всѣ Барятинскіе, онъ почиталъ себя испе-

ченнымъ изъ какого-то особенного, высокопробнаго, никому недоступнаго тѣста. Его высокомѣре, доходившее до наивности, не имѣло границъ. Еще будучи очень молодымъ человѣкомъ, Барятинскій былъ избалованъ свѣтскими успѣхами и всѣмъ тѣмъ, чѣмъ щедро награждає расходившаяся природа своихъ любимцевъ. Но все это Барятинскій считалъ еще для себя недостаточнымъ; онъ мечталъ не только о фельдмаршальствѣ, котораго достигъ, по покореніи Кавказа,—онъ хотѣлъ быть генералиссимусомъ всероссійскихъ войскъ, какъ достославный Суворовъ. Этого высоchайшаго отличія ему не удалось получить и вообще, по покореніи Кавказа, звѣзда его, до того сиявшая солнцемъ, нѣсколько поблекла, хотя лично государь сохранилъ къ нему свое благоволеніе и даже въ концѣ шестидесятыхъ годовъ поспѣтилъ его въ пожалованномъ ему для жительства казенномъ мѣстечкѣ Скерневицахъ. При такомъ нравѣ и при такихъ стремленіяхъ, понятно, что, вступивъ въ командование Кавказскимъ краемъ и кавказской арміей, Барятинскій пожелалъ придать своему путешествію и вступленію въ вѣренный его управлению край всевозможную торжественность.

Свидѣвшись какъ-то со мною передъ своимъ отбытиемъ въ Тифлисъ, Барятинскій спросилъ меня: не пожелаю ли я снова вернуться въ край, оставившій во мнѣ неизгладимыя впечатлѣнія и воспоминанія; съ обычнымъ ему умѣніемъ, онъ начерталъ мнѣ очень заманчивую картину дѣятельности, совершиенно соответствующей и моимъ вкусамъ, и моему умѣнію: поощреніе мѣстной литературы, распространеніе русской словесности, устройство театровъ въ значительныхъ городахъ, учрежденіе школъ музыки, пѣнія, рисования въ Тифлисѣ, словомъ, нѣчто въ родѣ малень资料а министерства изящныхъ искусствъ, въ которомъ я долженствовалъ исполнять лестную роль хозяина и господина. Не имѣя въ то время опредѣленного занятія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ я состоялъ, я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе князя Барятинскаго, имѣя, во-первыхъ, въ виду то, что я могу быть полезенъ, во-вторыхъ, радуясь снова увидѣть край, особенно мною любимый. Кромѣ блестящей и многочисленной свиты военной, наше путешествіе, или, скорѣе, шествіе по водѣ и сушѣ украшали двѣ очаровательныя молоденькия женщины: княгиня Анастасія Гагарина, рожденная графиня Штейнбокъ, сохранившая, впрочемъ, и по сю пору свою замѣчательную красоту, и княгиня Зейнъ-Витгенштайнъ, жена моего пріятеля князя Эмиля, скоро, впрочемъ, увы! скончанная смертью въ раннемъ разцвѣтѣ своей обворожительной красоты.

При такихъ условіяхъ и прекрасной, вмѣстѣ съ тѣмъ, погодѣ, всѣ находились въ отличномъ расположениі духа и широко пользовались всѣми, окружавшими насъ, прихотливыми удобствами. Не сатрапомъ, а маленькимъ царькомъ плылъ Барятинскій по Волгѣ. Въ каждомъ прибрежномъ городѣ ему устраивались торжественные

встрѣчи, онъ произносилъ спичи, немножко ломался, немножко дурачился, но все это выходило кстати и привлекало къ нему людей. Въездъ въ Тифлисъ тоже состоялся съ особеною торжественностью, хотя и имѣлъ свою нѣсколько смѣшную сторону. Первое время моего приѣзда въ Тифлисъ, обрадованный встрѣчей съ дорогими друзьями, еще весь подъ впечатлѣніемъ только-что совершенаго путешествія, я не обезпокоивался о моей настоящей задачѣ, т. е. службѣ, но, мало-по-малу, мое положеніе выяснялось для меня очень непріятно. Тутъ случилось то, что случалось часто со мною въ жизни; по остроумному выраженію Едмонда Абу: «Мнѣ все обѣщали, я все принялъ, мнѣ ничего не дали!...»¹⁾). Вмѣсто дѣятельного труда, условленнаго между мной и Барятинскимъ, оказывалось, что мои занятія состояли въ устройствѣ праздниковъ въ честь главно-командующаго, импровизаціи стиховъ и водевилей. Съ этимъ, разумѣется, я согласиться не могъ. Съ Барятинскимъ, неизмѣримо, конечно, опередившимъ меня по службѣ, по свѣтскимъ условіямъ, дѣтскимъ воспоминаніямъ и товарищескимъ отношеніямъ, мы были равны, и разыгрывать роль оберъ-гофмаршала его дворика вовсе не входило въ мои планы. По этому поводу между нами произошло довольно рѣзкое объясненіе; Барятинскій съ сердцемъ сказалъ мнѣ, что я вѣчно «тороплюсь» и что у меня прескверный характеръ, и что я никогда ни съ кѣмъ не уживаюсь! Затѣмъ мы холодно расстались, и я уѣхалъ изъ Тифлиса въ Петербургъ. Я долженъ сказать, что эта черная кошка, пробѣжавшая между мной и Барятинскимъ, не оставила никакихъ слѣдовъ, и съ первой же нашей встрѣчи, послѣ этого, наши дружескія отношенія возобновились попрежнему. Я уже сказалъ, что высокомѣrie Барятинскаго,— болѣе чѣмъ высокомѣrie, чванливость,— не имѣло границъ; въ другомъ человѣкѣ, имѣвшемъ болѣе обширное вліяніе не только на дѣла русскія, но и на политику всего міра, и занимавшемъ еще болѣшее положеніе въ свѣтѣ, чѣмъ Барятинскій, въ канцлерѣ князѣ Александрѣ Михайловичѣ Горчаковѣ это чувство было развито до мелочности, до послѣднихъ предѣловъ. Однажды, во время послѣдней турецкой войны, въ Бухарестѣ, я зашелъ къ нему вечеромъ; разговоръ коснулся бывшей втеченіе дня духовной процессіи, причемъ канцлеръ замѣтилъ, что митрополитъ приказалъ шествію

¹⁾ Когда, еще передъ началомъ франко-prusской войны, Абу открыто перешелъ въ лагерь республиканцевъ, его новые собраты сулили ему всякаго рода успѣхи и блестящую политическую карьеру, въ которой постъ ministra или посла занималъ первое мѣсто; но время шло, республика укоренилась во Франціи, а между тѣмъ, хотя Абу пользовался, будучи редакторомъ-издателемъ газеты «XIX-ѣme Siècle», большимъ вліяніемъ, обѣщанія друзей оставались обѣщаніями, и онъ не получалъ никакаго назначения. Раздосадованный этимъ, въ одной передовой статьѣ своей газеты онъ напечаталъ слѣдующее: «On m'a tout promis, j'ai tout accepté, on ne m'a rien donné!...»

пройдти мимо дома, занимаемаго княземъ, и остановить на время передъ нимъ раку, вмѣщавшую въ себѣ мощи блаженнаго Дмитрія.

— Ваша свѣтлость! — невольно вскрикнуль я: — такъ ужъ не вы къ мошамъ, а мощи къ вамъ прикладываются!...

Еще въ первыи годы моего пребыванія на Кавказѣ, я имѣль случай познакомиться съ женщиной, которой остался почитателемъ и другомъ втеченоѣ всей ея, увы! короткой жизни. Баронесса Юлія Петровна Вревская, дочь храбраго генерала Варпаховскаго и жена, а потомъ вдова, еще болѣе извѣстнаго на Кавказѣ генерала барона Вревскаго, считалась почти впродолженіе двадцати лѣтъ одной изъ первыхъ петербургскихъ красавицъ; я не могу сказать, чтобы Юлія Петровна, хотя и была очень хороша, вполнѣ удовлетворяла своею наружностью эту лестную репутацію; сестра ея, Наталья Петровна, античною правильностью своего красиваго лица, гораздо болѣе заслуживала это название, но я во всю свою жизнь не встрѣчалъ такой плѣнительной женщины. Плѣнительной не только своею наружностью, но своею женственностью, граціей, безконечной привѣтливостью и безконечной добротой. Многимъ она напоминала мнѣ женщинъ Александровскихъ временъ, этой высшей школы вкуса, утонченной вѣжливости и привѣтливости, и, бывало, слушая ея часто незатѣйливыя, но всегда милыя рѣчи, я думалъ, какъ бы желательно было въ нашемъ свѣтѣ побольше «такихъ» женщинъ и поменьше другихъ... Никогда эта женщина не сказала ни о комъ ничего дурнаго и у себя не позволила никому злословить, а, напротивъ, всегда и въ каждомъ старалась выдвинуть его хорошія стороны. Многіе мужчины за ней ухаживали. Много женщинъ ей завидовали, но молва никогда не дерзнула укорить ее въ чемъ нибудь, и самые злонамѣренные люди склоняли передъ нею голову. Всю жизнь свою она жертвовала собою для родныхъ, для чужихъ, для всѣхъ, и умерла мученическою смертью тамъ, далеко, въ Болгаріи, гдѣ погибло столько молодыхъ силъ, гдѣ пролито столько русской крови и русскихъ слезъ бесполезно. Народы, какъ люди, не прощаютъ оказанныхъ имъ благодѣяній, и, рано или поздно, мы встрѣтимъ въ болгарахъ, спасенныхъ нами, черную неблагодарность. Міръ твоему праху, милое, чистое созданіе, оставившее во всѣхъ, знаяшихъ тебя, самое свѣтлое воспоминаніе!

По возвращеніи моемъ съ Кавказа, я изъ Петербурга опять отправился за границу и началъ съ Парижа. На другой же день послѣ моего приѣзда я былъ приглашенъ обѣдать въ русское посольство. Высокій и, послѣ крымской войны, щекотливый постъ русскаго посла при Французской имперіи занималъ въ то время графъ Киселевъ. Онъ не только слылъ тонкимъ дипломатомъ, онъ былъ однимъ изъ послѣднихъ представителей широкаго русскаго барства. Какъ всѣ проходимцы, Наполеонъ III любилъ унижать побѣженныхъ, но Киселевъ умѣль себя такъ поставить, что занялъ при

его дворѣ первенствующее положеніе. Императрица Евгенія особенно отличала его, и на офиціальныхъ обѣдахъ онъ почти всегда пользовался высокой, въ то время, честью сидѣть по правую руку императрицы.

— Вы на балахъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ бывали, графъ? — спросилъ меня Киселевъ, когда рѣчъ у него за обѣдомъ заплата о придворномъ балѣ, назначенному на слѣдующій день.

Графъ В. А. Сологубъ.

Съ портрета, находящагося въ альбомѣ „Souvenir de Baden“, Carlsruhe, 1838.

— При этой династіи еще не бывалъ; я, помнится, въ сороковыхъ годахъ былъ на одномъ «смѣшанномъ», какъ ихъ тогда называли, балѣ у короля Людовика-Филиппа.

— Я не обѣщаю вамъ, что завтрашній балъ будетъ менѣе смѣшаннымъ,—съ своей тонкой улыбкой замѣтилъ мнѣ нашъ посолъ:— но, всетаки, интересно посмотрѣть, и, притомъ, вы увидите вблизи императрицу Евгенію, она еще очень хороша.

На другой день я получил приглашение, и вечеромъ, облекшись въ мундиръ, отправился во дворецъ. На главной лѣстницѣ и у входовъ стояли, вытянувшись въ струнку, знаменитые «les cent gardes»; они имѣли, правда, видъ таинственный и эффектный, но на всемъ остальномъ лежалъ отпечатокъ, отчасти напоминающій толкучій рынокъ. Въ отдѣльной залѣ насть собрали человѣкъ пятнадцать мужчинъ и нѣсколько дамъ съ цѣлью представить насть императорской четѣ. Мы ждали недолго, широкія двери раскрылись, два cent garde'a стали по обѣимъ сторонамъ ихъ, и, предшествуемый нѣсколькими придворными чинами, вошелъ въ залу императоръ, ведя подъ руку свою супругу. Дежурный камергеръ, идя нѣсколько впереди, называлъ императорской четѣ каждого изъ насть; мы низко кланялись, императоръ чуть склоняясь свою утомленную голову, императрица Евгенія слегка «присѣдала». Они обошли весь нашъ полукругъ и прослѣдовали въ другія залы, биткомъ наполненные приглашенными, не сказавъ ни одному изъ насть ни «единаго слова». Я невольно переглянулся съ нѣсколькими находящимися тутъ русскими; для насть, привыкшихъ къ царственной представительности русскихъ государей и знатныхъ, что всѣ тѣ, кто имѣютъ счастье имъ представляться, всегда слышать отъ нихъ благосклонно привѣтливое слово, это безмолвное шествіе показалось очень удивительнымъ. Но въ тотъ вечеръ мнѣ пришлось еще удивляться. Наскучивши снованіемъ изъ залы въ залу неизвестной мнѣ толпы, я захотѣлъ уѣхать, но какъ всегда сбился, запутался въ нескончаемыхъ залахъ и очутился у запертыхъ дверей, ведущихъ, мнѣ почему-то казалось, къ выходу; я взялся за замокъ, намѣреваясь открыть дверь.

— On ne passe pas! — грубо закричалъ на меня подбѣжавшій камеръ-лакей.

— Что это — внутренніе appartamenti? — спросилъ я.
 — Нѣть, это столовая, — былъ мнѣ отвѣтъ.
 — Столовая ихъ величествъ?
 — Столовая для гостей, только васъ еще туда не велѣно пускать; vous avez le temps d'attendre vous autres!

Взорванный этой грубостью, этимъ лакейскимъ нахальствомъ, я невольно сказалъ, что нельзя поздравить императора ни за его гостей, ни въ особенности за его прислугу.

— «Comment? Vous vous permettez d'insulter l'Empereur?! Attenpez, je m'en vais vous faire arrêter!»

Къ счастью, одинъ изъ секретарей нашего посольства, какъ-то нечаянно проходившій по залѣ, вывелъ меня изъ этого глупаго положенія, и я удалился изъ Тюльерійскаго дворца съ обѣщаніемъ внутренніо себѣ никогда туда болѣе не псовѣляться. Эта стычка съ лакеемъ напоминаетъ мнѣ одинъ очень забавный случай, приключившійся съ однимъ изъ моихъ родственниковъ по первой женѣ,

Лазаревымъ. Армянинъ родомъ, человѣкъ очень богатый и чван-
ный, онъ женился на племянницѣ моей тещи, графини Віельгорской,
принцессѣ Биронъ. Когда онъ находился въ Парижѣ, съ нимъ тоже
приключилась какая-то, уже теперь въ точности не припомню, ком-
ическая исторія, по случаю которой его потащили въ часть, къ
«commissaire de police». Когда онъ себя называлъ и объявилъ свой
чинъ и фамилію, съ нимъ тотчасъ всѣ стали почтительнѣе.

— Вотъ, видите, monsieur, — мягко сказалъ ему частный приставъ: — вы такъ близко стоите къ русскому императору (?!), что
мы не посмѣемъ болѣе васъ беспокоить, такъ какъ нашъ государь,
Наполеонъ III-й, находится въ такихъ дружественныхъ отноше-
ніяхъ съ вашимъ царемъ.

— Какъ! — неистово крикнулъ на него Лазаревъ. — Вы смѣете
сравнивать вашего шалопая, вашего проходимца, авантюриста, кар-
бонарія съ русскимъ императоромъ, съ моимъ царемъ, съ Божіимъ
помазанникомъ?! Да какъ вы смѣете! Да я не позволю!...

Дѣло начинало принимать для Лазарева прескверный оборотъ;
ему уже угрожала не поліція, а тюрьма, куда его немедленно и
посадили по обвиненію въ оскорблениі величества. Оффіціальныя
особы и служащи, хотя, можетъ быть, въ глубинѣ души своей и
неосознанно чтили имперію Наполеона III-го, но обязывались это
показывать всячески. Мнѣ нечего прибавлять, что дѣло это очень
скоро выяснилось, что Лазарева освободили и даже, кажется, бла-
годаря вмѣшательству нашего посольства, чуть ли не извинились
передъ нимъ.

Желая ближе ознакомиться съ устройствомъ Большой Оперы
въ Парижѣ, въ виду нѣкоторыхъ измѣненій въ управлениі нашей
большой и итальянской оперы, я познакомился съ Halevy (Галеви),
извѣстнымъ композиторомъ оперы «Жидовка» (*La Juive*). Не имѣя
ни ума, ни таланта Мейербера, Галеви, тѣмъ не менѣе, пользовался
въ средѣ композиторовъ и артистовъ большими вліяніемъ. Жидъ
чистокровный, жидъ фанатикъ, покровительствуемый Ротшильдами,
Галеви всѣми силами выталкивалъ на свѣтъ Божій всякое жидов-
ское произведеніе и душилъ немилосердно все, что носило отпечат-
токъ нововведенія и оригинальности. Однажды за обѣдомъ у кня-
гини Елизаветы Эсперовны Трубецкой (она жила тогда въ Сен-
Жерменскомъ предмѣстьѣ, и въ ея гостиной собирались почти всѣ
извѣстные и талантливые люди въ Парижѣ) разговоръ зашелъ о
нѣкоемъ г-нѣ Шёве, усовершенствовавшемъ цифирную методу для
хорального пѣнія; меня заинтересовала не только художественная
сторона этого дѣла, во мнѣ вызвала и любопытство, и уваженіе
самая личность Шёве; человѣкъ уже лѣтъ очень пожилыхъ и до
крайности бѣдный, онъ, окончивъ свою службу (онъ занималъ ка-
кую-то маленькую казенную должность), ежедневно проходилъ пѣ-
шкомъ почти отъ конца въ конецъ Парижѣ и, прійдя въ Латин-

скій кварталь въ скромную залу, арендованную для этого, бесплатно обучалъ по изобрѣтеннй имъ методѣ пѣнію несолько сотъ молодыхъ людей, принадлежащихъ ко всѣмъ классамъ общества. Популярностью онъ пользовался огромной, но полубоги музыкального міра всячески ему противодѣйствовали. Я съ нимъ познакомился и, списавшись предварительно съ влиятельными по этому отдѣлу лицами, пригласилъ его пріѣхать въ Петербургъ. Онъ меня послушался, но я вскорѣ сильно раскаялся въ томъ, что совершенно напрасно побезпокоилъ бѣднаго старика. Въ Петербургѣ рутинерство по этой части еще превосходить французское, и раздосадованный неудачей, послѣ отѣзда Шёве изъ Петербурга, я уѣхалъ въ Дерптъ, гдѣ и написалъ, въ свое время надѣлавшую много шума въ Парижѣ, брошюру «Les musiciens contre la musique». Брошюра эта навлекла на меня, какъ и слѣдовало ожидать, громы французского музыкального міра и некоторыхъ критиковъ; одинъ изъ нихъ до того разошелся, что по смерти Галеви, вскорѣ затѣмъ послѣдовавшей, написалъ, что «содержаніе гнуснаго памфлета одного иностраннаго писателя много повлияло на его шаткое здоровье!»

Собравъ много свѣдѣній по театральному дѣлу, я поѣхалъ въ Петербургъ, но, убѣдившись, что пока изъ этого ничего не выйдетъ, снова вернулся въ Дерптъ и занялся изученiemъ всегда интересовавшаго меня тюремнаго вопроса, тоже впослѣдствіи влившаго немало горечи въ мою жизнь.

Графъ В. Сологубъ.

ВАРШАВА ВЪ 1861 ГОДУ.

(Изъ памятной книжки).

УДУЧИ, въ 1861 году, свидѣтелемъ того, что совершалось въ царствѣ Польскомъ, я вносила въ мою памятную книжку все мною видѣнное и слышанное. Теперь я рѣшился напечатать выдержки изъ этой книжки, на томъ основаніи, что, быть можетъ, эти строки пополнять пробѣль въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя уже имѣются въ разныхъ печатныхъ статьяхъ о послѣднихъ польскихъ смутахъ.

I.

Вызовъ мой въ Варшаву княземъ М. Д. Горчаковымъ.—Замѣна его Сухозанетомъ.—Свиданіе мое съ графомъ К. К. Ламбертомъ.—Первый демонстрації, видѣнныя мною въ Ковно и Остроленкѣ.—Отвѣтъ на мое письмо графа Ламбера.—Прибытие мое въ Варшаву.—Хрулевъ, Крыжановскій.—Первый мой визитъ Сухозанету.—Софьянъ.—Подвысоцкій.—Недозволеніе печатать мои корреспонденції, не взирая на одобреніе ихъ намѣстникомъ.—Мнѣніе Сухозанета о междуусобной войнѣ въ Америкѣ.—Составъ варшавской администраціи.

Въ маѣ мѣсяца 1861 года, я былъ вызванъ намѣстникомъ царства Польскаго, княземъ Михаиломъ Дмитріевичемъ Горчаковымъ, «для составленія статей (въ русскія и иностранныя газеты), относящихся до Польши, по свѣдѣніямъ, которыя я могу собрать на мѣстѣ, и изъ источниковъ, которые мнѣ укажетъ намѣстникъ».

Мнѣ, однако же, не удалось застать въ живыхъ князя Горчакова, и я пріѣхалъ въ Варшаву, когда исправляющимъ должностъ намѣстника назначенъ былъ, бывшій въ то время военнымъ министромъ, Николай Онуфріевичъ Сухозанетъ.

Наканунѣ отѣзда моего изъ Петербурга, я видѣлся съ графомъ Карломъ Карловичемъ Ламбертомъ, который предназначался въ то время на мѣсто варшавскаго генераль-губернатора Мерхелевича¹⁾. Графъ Ламберть просилъ меня писать ему изъ Варшавы, такъ какъ онъ предполагалъ оставаться въ Петербургѣ еще мѣсяца полтора, или два.

Вотъ письмо, которое я написалъ графу Ламберту, недѣли чрезъ двѣ или три по моемъ пріѣздѣ въ Варшаву:

«Милостивый государь,
«графъ Карль Карловичъ.

«Прощаясь со мною въ Петербургѣ, ваше сіятельство просили меня сообщить вамъ впечатлѣнія, которыхъ произведетъ на меня Варшава въ настоящемъ ея положеніи.

«Исполняя желаніе ваше, позволю себѣ прежде сказать нѣсколько словъ о Ковно и Остроленкѣ, давшихъ мнѣ предварительное понятіе о характерѣ,— и въ особенности о двигателяхъ,— польскихъ уличныхъ смутъ.

«Въ Ковно, ожидая экипажа на улицѣ, я былъ пораженъ стечениемъ народа, или, точнѣе, массы женщинъ, бѣжавшихъ въ костель Бернардинского монастыря, находящагося близъ почтовой станціи. Я вошелъ съ толпою въ церковь. Обѣдня, повидимому, кончилась, священникъ стоялъ на колѣньяхъ предъ алтаремъ. Органъ сильно тянулся одну ноту²⁾.

«По входѣ въ церковь, всѣ становились на колѣна, и наконецъ, когда собралось уже человѣкъ двѣсти, водворилась въ храмѣ совершенная тишина.

«По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, ксендзъ обратился къ толпѣ и, благословивъ ее, началъ пѣть известный гимнъ обѣ освобожденіи Польши. Тотчасъ по окончаніи ксендзомъ гимна, послышались звуки органа, и всѣ присутствовавшіе хоромъ продолжали пѣть тотъ же гимнъ. Это продолжалось болѣе получаса.

«Большая часть присутствовавшихъ, какъ я сказалъ выше, состояла изъ женщинъ, но между ними было нѣсколько весьма дурно одѣтыхъ мужчинъ, принадлежавшихъ, повидимому, къ классу ремесленниковъ, и человѣкъ шесть-семь гимназистовъ—мальчиковъ, отъ

¹⁾ Это предположеніе, какъ известно, измѣнилось впослѣдствіи, и графъ Ламберть явился въ Варшаву намѣстникомъ.

²⁾ Я узналъ послѣ, что помощью органа, который слышался на улицѣ, ссыпали настѣну въ церковь въ экстренныхъ случаяхъ.

12 до 14 лѣтъ, которые, во время пѣнія гимна, смѣялись и толкали другъ друга.

«Во время пѣнія вошелъ въ церковь и подошелъ ко мнѣ какой-то чиновникъ (судя по вицу-мундиру) и шепотомъ на ухо сказалъ мнѣ: «Совѣту оставить церковь, потому что васъ примутъ за шпека (шпиона) и могутъ прибить». Я, однако же, не нашелъ нужнымъ послѣдовать этому совѣту, и меня никто не тронулъ. По окончаніи пѣнія, ксендзъ вновь благословилъ свою паству, и всѣ разошлись.

«Въ почтовой конторѣ, куда долженъ былъ прибыть экипажъ, чтобы взять меня для дальнѣйшаго пути, многіе изъ публики рассказывали мнѣ, что народъ ежедневно собирается въ костель и поетъ революціонные гимны; что въ городѣ совершенно отсутствуетъ полицейская власть, что русскимъ нѣтъ житья отъ поляковъ, что губернаторъ отсутствуетъ и что поляки его ненавидятъ.

«Это было, такъ сказать, введеніемъ того, что я вижу въ настоящую минуту, ежедневно, въ Варшавѣ.

«Вторую демонстрацію я засталъ въ Остроленкѣ. Здѣсь многочисленная толпа, состоявшая изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, стремилась по направленію къ памятнику, воздвигнутому нами въ память войны 1830 года.

«Несли образа, кресты, хоругви, предшествуемые литаврами, предназначеными для сбора публики. Число женщинъ въ толпѣ преобладало, какъ нужно полагать, потому, что были будни, задержавшіе мужское населеніе на работѣ.

«Предводителемъ шествія былъ ксѣндзъ, человѣкъ лѣтъ сорока. Онъ затянулъ гимнъ, слышанный уже мною въ Ковнѣ; толпа хоромъ вторила ему. Шествіе, въ этомъ порядкѣ, при пѣніи гимна, шло изъ церкви, чрезъ городскую площадь, къ памятнику, находящемуся почти вънѣ города.

«Въ толпѣ, къ которой я присоединился, мнѣ показалось болѣе чѣмъ страннымъ замѣтить четырехъ солдатъ, которые, съ обнаженными головами, сопровождали процессію. Полагая, что они поляки, я попросилъ спутника моего, хорошо владѣвшагопольскимъ языкомъ, спросить ихъ: что они тутъ дѣлаютъ и по слушаю какого праздника у нихъ крестный ходъ? Оказалось, что солдаты русскіе православные, попольски ничего не понимаютъ и пришли изъ любопытства (это ихъ подлинныя слова) посмотретьъ, какъ хоронятъ польскую богородицу, которая «поихнему» умерла наканунѣ и завтра воскреснетъ попольской вѣрѣ.

«Когда голоса стихли и шествіе подошло къ памятнику, ксѣндзъ взлѣзъ на сколоченный изъ досокъ ящикъ и сдѣлался, такимъ образомъ, видимъ для всей толпы.

«По прочтеніи, шепотомъ, какой-то молитвы, онъ обратился къ

народу съ восклицаніемъ: «Братья, вѣрные поляки! и съ неимовѣрно уродливыми, дикими жестикуляціями началъ проповѣдоватъ о бѣдствіяхъ, претерпѣваемыхъ Польшею подъ игомъ ино-племенныхъ; о гоненіяхъ, которымъ подвергалась и подвергается римско-католическая религія въ странѣ, гдѣ исполнители повелѣній власти хуже мусульманъ; о несчастномъ положеніи ограбленныхъ поселянъ, о необходимости свергнуть иго варваровъ; о готовности въ настоящую минуту всей Польши — какъ русской, такъ и прусской и австрійской—возстать поголовно и превратиться въ независимое государство. Ксѣндѣ окончилъ слѣдующими словами: «Расходитесь, братья, по своимъ хатамъ! Чтобы каждый изъ васъ передалъ семейству и ближнимъ, что настала минута, когда Спаситель и Пресвятая Дѣва Марія, сжалившись надъ страдальцами-поляками, дозволили имъ возстать единодушно и жертвовать всѣмъ для того, чтобы возвратить утраченную ими, за грѣхи отцовъ, свободу. Счастливы, спасены и святы будутъ тѣ изъ васъ, которые лишатся жизни во славу отчизны и во спасеніе попранной религії!»

«По окончаніи проповѣди, ксѣндѣ сталъ на колѣна; за нимъ преклонилась вся толпа. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ совершенного молчанія, ксѣндѣ осѣнилъ толпу крестнымъ знаменіемъ, и процессія, подъ его предводительствомъ, въ прежнемъ порядкѣ, двинулась по направленію къ церкви, съ пѣніемъ того же национального гимна.

«Отъ Ковна до самой Варшавы, я почти во всѣхъ городахъ слышалъ гимнъ этотъ, который пѣли женщины передъ костелами.

«По прїѣздѣ въ Варшаву, я остановился въ Европейской гостинице, но въ тотъ же день перебѣхаль въ приготовленную для меня въ Замкѣ квартиру.

«Все, что дѣлается здѣсь, на глазахъ моихъ, кажется мнѣ чѣмъ-то неестественнымъ: какое-то лихорадочное состояніе замѣчается въ нашей администраціи; она гоняется за какими-то призраками, съ которыми старается вступить въ борьбу. Уличныхъ беспорядковъ до сихъ поръ при мнѣ еще не было, если не считать беспорядками ежедневныхъ стеченій народа у костёловъ и на кладбищахъ, съ пѣніемъ все того же гимна.

«Смѣю думать, что не на Варшаву слѣдуетъ обращать главное вниманіе, а на всю Польшу, и преимущественно на дѣйствія духовенства, которое служитъ орудіемъ вовбужденія массъ къ беспорядкамъ и несбыточнымъ надеждамъ поляковъ.

«Клерикальная партія дѣйствуетъ совокупно съ лицами, находящимися во главѣ предполагаемаго возстанія.

«Естественно, что, подъ предлогомъ освобожденія Польши, клерикалы и клевреты ихъ стараются пріобрѣсти власть надъ наро-

домъ и такимъ образомъ упрочить свое материальное благосостояніе, которое пошатнулось въ послѣднее время.

«Уличные беспорядки, какъ я полагаю, служать лишь осѣлкомъ, на которомъ дѣлается проба нравственной и материальной силы нашей администраціи. Коноводы смѣются изподтишка надъ страхомъ, который они наводятъ на слабонервныхъ нашихъ администраторовъ.

«Въ заключеніе, еще разъ повторю: провинція для насъ, какъ я смѣю полагать, опаснѣе Варшавы».

На это письмо я получилъ отъ графа К. К. Ламберта слѣдующій лаконический отвѣтъ:

«Merci pour votre charmante lettre!»...

Что нашелъ онъ милаго въ моемъ письмѣ,—недоумѣваю и до сихъ поръ.

Прибывъ въ Варшаву, я, по совѣту доброго пріятеля моего Степана Александровича Хрулева, отправился сперва къ Н. А. Крыжановскому, бывшему тогда начальникомъ штаба, дабы спросить у него, когда могу явиться къ исправляющему должность намѣстника. Крыжановскій принялъ меня очень радушно и сказалъ, что военный министръ давно меня ждетъ и что я могу тотчасъ жеѣхать къ нему въ Лазенки.

Н. О. Сухозанета я встрѣчалъ неоднократно въ Москвѣ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда онъ тамъ командовалъ артиллеріей (зналъ я его, какъ весьма непріятнаго партнера въ висть). По пріѣздѣ моемъ въ Лазенковскій дворецъ (лѣтнее пребываніе намѣстника), я велѣлъ доложить о себѣ, и министръ тотчасъ же приказалъ пригласить меня въ свой кабинетъ.

Не видѣвшіи Сухозанета двадцать лѣть, я ужаснулся вліянію на него всеразрушающаго времени. Это былъ дряхлый, желтый, худой старикъ, полулежавшій въ вольтеровскомъ креслѣ. Онъ съ трудомъ поднялся, чтобы протянуть мнѣ руку, и тотчасъ посадилъ меня около себя.

— Быть можетъ:—началь я,—вашему высокопревосходительству угодно будетъ измѣнить программу моихъ занятій въ Варшавѣ, и въ такомъ случаѣ, прежде чѣмъ приступить къ нимъ, попрошу приказать сообщить мнѣ эти измѣненія, дабы я могъ руководствоваться ими, или отказатьться отъ непосильного труда.

— Нѣть, я не желаю никакихъ измѣненій и прошу васъ дѣлать то, что возлагалъ на васъ князь Михаилъ Дмитріевичъ, бывшій мой начальникъ и благодѣтель, память котораго для меня священна. Впрочемъ, мнѣ кажется, мы съ вами давно знакомы, еще по Москвѣ? Буду васъ просить пріѣзжать ко мнѣ помосковски: отобѣдать, а вечеркомъ мы съ вами будемъ бесѣдовать о политикѣ и нашихъ дѣлахъ.

Я поблагодарилъ его высокопревосходительство и поспѣшилъ

удалиться, такъ какъ къ нему вошелъ адъютантъ, державшій въ рукахъ какой-то ящикъ, присланный, по словамъ его, супругою военнаго министра¹), да притомъ же и разговаривать мнѣ было уже не о чёмъ съ полуумершимъ старцемъ.

Оглядѣвшись немножко, ознакомившись съ городомъ, я принялъ за дѣло, т. е. за корреспонденціи и за ежедневную записку, для которой получалъ материалы, по указанію военнаго министра, отъ управлявшаго дипломатическою канцеляріею намѣстника — Софьяно, и отъ завѣдовавшаго тайною полиціею — Подвысоцкаго, преемника маркиза Паулучи. Кромѣ того, я имѣлъ очень много свѣдѣній отъ С. А. Хрулева, съ которымъ видѣлся ежедневно, такъ какъ мы жили подъ одной крышей, въ Замкѣ, зимней резиденціи намѣстника царства Польскаго.

Русскія корреспонденціи мои, по предварительному соглашенію моему съ А. А. Краевскимъ, я долженъ былъ посыпать въ редакцію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», которая въ то время издавалъ онъ съ Очкінимъ. Въ первой корреспонденціи я сообщалъ то, что было изложено мною въ письмѣ къ графу Ламберту. Не взирая на то, что корреспонденція была предварительно прочитана исправляющему должность намѣстника и имѣ одобрена къ печати, — въ Петербургѣ ее не дозволили печатать. Та же судьба постигла и послѣдующія письма мои въ редакцію, чтѣ заставило меня прекратить сообщенія въ русскія газеты о томъ, что творится въ Польшѣ. Пришлося довольствоваться посылкою корреспонденцій въ «Indépendance Belge» (газету, получавшую отъ насъ субсидію) и въ «Nord», основанную, какъ извѣстно, на русскія деньги. Впрочемъ, занятій у меня было много, и притомъ весьма интересныхъ: каждое утро я читалъ тѣ, что совершалось за границей, по свѣдѣніямъ, получавшимся мною изъ дипломатической канцеляріи; ежедневно тоже знакомился я со всѣмъ, что творилось въ подпольномъ мірѣ Варшавы, по запискамъ, представляемымъ намѣстнику Подвысоцкимъ, и, наконецъ, читалъ множество русскихъ и иностранныхъ газетъ, изъ которыхъ извлекалъ наиболѣе интересныя статьи для прочтенія военному министру.

При этомъ, не могу умолчать объ одномъ изъ эпизодовъ при чтеніи мною Н. О. Сухозанету какой-то статьи о распѣ Сѣверныхъ Американскихъ штатовъ съ Южными.

— Да скажите на милость, — вскричалъ военный министръ: — для чего они тамъссорятся и дерутся? Вѣдь и тѣ, и другіе — республиканцы! Что жъ имѣ еще нужно?

Я объяснилъ его высокопревосходительству причину борьбы Сѣверной Америки съ Южною, но Н. О. все твердилъ свое и, наконецъ, сказалъ мнѣ:

¹) Сухозанетъ былъ женатъ на княжнѣ Яшвиль, съ которой я былъ знакомъ тоже въ Москвѣ.

— Знаете что, любезный другъ! я уже отсталъ отъ времени, и новыхъ теорій и политическихъ порядковъ не понимаю; составьте-ка мнѣ объ этихъ штатахъ подробную докладную записку, которую я бы могъ обсудить въ свободное время.

Записки этой я, естественно, не составилъ и больше никогда ничего не сообщалъ Сухозанету объ американцахъ, о которыхъ онъ очень скоро и позабылъ.

Когда я пріѣхалъ въ Варшаву, то нашелъ тамъ слѣдующую администрацію:

Военно-административною частью завѣдовалъ начальникъ войскъ, расположенныхъ въ Варшавѣ и ея предмѣстяхъ, известный севастопольскій герой Степанъ Александровичъ Хрулевъ. Городъ былъ раздѣленъ, въ военно-административномъ отношеніи, на нѣсколько отдельовъ, которые состояли въ вѣдѣніи генераловъ: Шейдемана (бывшаго когда-то адъютантомъ Сухозанета въ Москвѣ), Шепелева, Веселицкаго и четвертаго, фамилію которого я забылъ.

Оберъ-полицеймайстеромъ былъ Развадовскій, при которомъ полиція въ городѣ въ сущности не существовала; изрѣдка только можно было встрѣтить полиціанта въ треуголкѣ, старавшагося всегда скрыться, когда что нибудь совершалось на улицѣ неладное. Полицейские были кровные поляки, сочувствовавшие уличнымъ беспорядкамъ и революціоннымъ прокламаціямъ, которыя, среди бѣлага дня, наклеивались на стѣнахъ угловыхъ домовъ и на заборахъ.

Генераль-губернаторомъ былъ Мерхелевичъ (полякъ), искашившій популярности въ польской средѣ, но не достигшій своей цѣли по безтолковости дѣланныхъ имъ распоряженій и по чрезвычайно робкому своему характеру, который былъ причиною постоянной лихорадки, его не покидавшей.

Генераль-лейтенантъ Алексѣй Петровичъ Мельниковъ (брать бывшаго ministra путей сообщенія) былъ варшавскимъ комендантомъ.

Начальникомъ штаба, какъ я уже упомянулъ выше, былъ генералъ Крыжановскій, имѣвшій огромное вліяніе на Сухозанета.

Негласными заправителями судебъ Польши были маркизъ Веліопольскій и дѣйствительный статскій совѣтникъ Енохъ (изъ евреевъ, креатура Веліопольскаго), человѣкъ очень ловкій, умѣвшій искусно ловить рыбу въ мутной водѣ и добившійся даже званія статсь-секретаря¹).

¹) Енохъ, не взирая на двойственную роль, которую онъ игралъ во все время послѣднихъ польскихъ смутъ, по выходѣ въ отставку получилъ большую пенсію и, какъ мнѣ говорили, былъ нашимъ тайнымъ агентомъ въ Парижѣ.

Замѣчательно, что между всѣми помянутыми лицами не только не господствовало никакого единства, но они другъ друга положительно ненавидѣли, а надѣ Сухозанетомъ многіе изъ нихъ назмѣхались, называя его «выжившимъ изъ ума старикомъ».

II.

Неосновательное обвиненіе Сухозанета. — Наслѣдство, оставленное ему княземъ Горчаковыемъ. — Предшествовавшія событія. — Мирославскій. — Его помилованіе королемъ прусскимъ. — Дѣйствія его, какъ главы красной партіи. — Бездѣйствіе нашей администраціи. — Первый проявленія дѣятельности Мирославскаго. — Секретарь и казначей Мирославскаго—Куржина. — Безпорядки студентовъ медико-хирургической академіи и воспитанниковъ другихъ учебныхъ заведеній. — Безпорядки по поводу арестованія Янковскаго. — Пасквильная сцена въ театрѣ. — Безрезультатныя мѣры полиціи. — Надежда князя Горчакова открыть зерно затѣвора. — Уличная демонстрація 17-го ноября 1860 года. — Мальчишки и училищное начальство. — Пораженіе послѣдняго первыми. — Процессія 13-го февраля 1861 года. — Встрѣча двухъ враждебныхъ лагерей. — Сапожникъ Килинскій. — Подвиги Заболоцкаго. — Польские «апостолы-мученики».

Сухозанета многіе обвиняли въ томъ, что онъ не съумѣлъ быть на высотѣ своего призванія и не зналъ въ время совладать съ видимо подготовлявшимся восстаніемъ. Не считая себя въ правѣ защищать покойнаго военнаго министра, я, всетаки, нахожу справедливымъ указать на преклонный лѣтъ Сухозанета, на его болѣзненное состояніе въ то время, когда его назначили исправляющимъ должность намѣстника царства Польскаго, а съ этимъ вмѣстѣ — и на то неотрадное наслѣдство, которое оставилъ ему его «благодѣтель», князь Михаиль Дмитріевичъ Горчаковъ.

Съ цѣлью указать на свойства этого наслѣдства, считаю нелишнимъ бросить бѣглый взглядъ на событія, совершившіяся въ Польшѣ съ 1846 года. Въ это время, вслѣдствіе нерациональныхъ административныхъ мѣръ, направленныхъ противъ юношества, воспитывавшагося въ школахъ, образовалась за границей партія красныхъ, стремившаяся къ возстановленію Польши, какъ отдѣльнаго самостоятельного государства, путемъ вооруженного восстанія. Предводителемъ этой партіи явился Мирославскій. Человѣкъ страстный въ высшей степени, съ неукротимымъ, беспокойнымъ характеромъ, подъ влияниемъ воспаленного воображенія и восторженного патріотизма, Мирославскій организовалъ отрядъ охотниковъ, которые, въ 1848 году, въ Познани, сражались съ прусскими войсками.

При нѣсколькихъ встрѣчахъ съ регулярнымъ прусскимъ войскомъ, Мирославскій доказалъ, что онъ весьма недурной стратегъ, вслѣдствіе чего произведенъ былъ своею партіею въ чинъ гене-

рала. Дѣйствія Мирославскаго, въ 1848 году, хотя и не имѣли не только никакихъ положительныхъ, но даже и приблизительно удовлетворительныхъ результатовъ для польского народнаго дѣла¹⁾, всетаки, были такъ рельефно-наглядны, заключали въ себѣ такой симпатичный, для того времени, престижъ, что пріобрѣли польскому выходцу популярность неимовѣрную,— популярность, которая, не взирая на послѣдующій, далеко не нравственный образъ жизни агитатора²⁾, такъ развилась, что агенты Мирославскаго имѣли и въ шестидесятыхъ годахъ болѣе влиянія на массу, чѣмъ партія умѣренная, опасавшаяся слишкомъ сильныхъ манифестацій и демонстрацій, и въ особенности уличныхъ смутъ и столкновеній съ нашими войсками.

Въ 1856 году, Мирославскій нашелъ возможнымъ дѣйствовать съ болѣею надеждою на успѣхъ. Въ это время многіе эмигранты (изъ возвращенныхъ по милостивому манифесту императора Александра Николаевича) явились въ Польшу и западныя губерніи эмиссарами Мирославскаго и Чарторыжскаго.

Ставъ открыто во главѣ заграничной польской партіи, Мирославскій объявилъ, что Польша можетъ быть возстановлена исключительно помощью молодаго поколѣнія и преимущественно молодыхъ людей, находящихся въ школахъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вслѣдъ за этимъ онъ сталъ наvodнить Познань, Галицію и царство Польское возмутительными прокламаціями, призываю жителей къ вооруженному восстанію.

Все это совершилось на глазахъ могущественныхъ европейскихъ державъ — Австріи, Пруссии и Россіи, изъ коихъ первыя двѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ событій. Вся нѣмецкая пресса вступила въ борьбу съ революціоннымъ началомъ; а мы находились въ совершенномъ бездѣйствіи и, не смотря на то, что должны были знать о существованіи въ Польшѣ двухъ партій, умѣренной и красной,— подъ вліяніемъ какой-то апатіи дали возможность обѣимъ партіямъ окрѣпнуть, сжиться съ мѣстностю и ея населеніемъ и привлечь къ себѣ множество адептовъ.

Партія умѣренная успѣла образовать огромную политическую корпорацію, подъ скромнымъ названіемъ землемѣльческаго общества; а красная — продолжала безнаказанно свою пропаганду въ царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ.

Первые проявленія дѣятельности партіи Мирославскаго начались въ 1859 году.

Лѣтомъ, въ этотъ годъ, студенты медико-хирургической академіи потребовали отмѣны отяготительного, будто бы, для нихъ

¹⁾ Мирославскій, какъ павѣстно, былъ захваченъ пруссаками, приговоренъ къ смертной казни, но помилованъ королемъ.

²⁾ Онъ проигрывалъ въ карты деньги, высылаемыя ему отъ сборовъ въ церквяхъ.

параграфа устава о курсовыхъ экзаменахъ. Естественно, что требование это не было удовлетворено. Тогда всѣ студенты, безъ исключения, подали прошенія объ увольненіи ихъ изъ академіи. Разными путями уговорили, однако же, студентовъ взять просьбы ихъ назадъ; но тотчасъ же исключили многихъ изъ нихъ изъ академіи, въ томъ числѣ Куржину¹⁾), который, въ 1860 году, сдѣлался секретаремъ Мирославскаго и казначеемъ его для принятія суммъ, образующихъ изъ сборовъ, которые дѣлались въ разныхъ городахъ и селеніяхъ царства Польскаго, въ особенности по церквамъ. Всѣ сборы эти, доходившіе до весьма значительныхъ суммъ, посылались Мирославскому въ Парижъ.

Въ 1860 году, неудовольствія воспитанниковъ учебныхъ заведеній развивались все болѣе и болѣе и выражались не только смѣло, но даже съ неимовѣрною наглостію. Училищное начальство, отыскивая тайный заговоръ въ явномъ неповиновѣніи начальству молодежи, нарядило слѣдствіе, которое привело къ слѣдующему заключенію: «всѣ студенты академіи, всѣ воспитанники художественной школы и высшихъ классовъ реальныхъ гимназій явно выражаютъ революціонные принципы».

Училищное начальство не на шутку испугалось, потеряло совсѣмъ голову, напло нужнымъ не принимать вовсе никакихъ мѣръ, уничтожило всякий надзоръ за воспитанниками и было очень довольно, когда послѣдніе оставляли его въ покой.

Непредвидѣнное обстоятельство дало поводъ и случай воспитанникамъ учебныхъ заведеній устроить первую манифестацію въ Варшавѣ,— манифестацію, послужившую образцомъ послѣдующихъ уличныхъ беспорядковъ, въ которыхъ принимала участіе большая часть варшавскаго населенія.

Весною 1860 года, австрійское правительство арестовало въ Краковѣ отставнаго поручика русской службы Янковскаго и нашло нужнымъ передать его варшавскимъ властямъ.

Наркізъ Янковскій уличенъ былъ въ раздачѣ возмутительныхъ прокламацій и въ распространеніи революціонной пропаганды въ средѣ молодаго поколѣнія западныхъ губерній, царства Польскаго и Кракова.

Когда извѣстіе объ арестованіи Янковскаго дошло до студентовъ, они воспользовались похоронами вдовы генерала Совинскаго (убитаго во время штурма Вольскихъ укрѣплений въ 1831 году) и, собравъ многочисленную партію, увлекли за собою огромную массу населенія, которая сопровождала шествіе отъ церкви до самаго кладбища. Изъ толпы вышли молодые ораторы, объяснившіе народу, до какой степени русская администрація жестоко поступаетъ съ людьми, посвятившими жизнь свою службѣ польской народно-

¹⁾ Портретъ Куржины продавался при мнѣ еще въ Варшавѣ безпрепятственно.

сти и стяжавшими вѣнецъ мученическій. Имя Янковскаго, какъ одного изъ этихъ мучениковъ, было произнесено на площади и записано народомъ «въ кровавый списокъ жертвъ, пострадавшихъ за свободу отчизны». Подробности этой первой манифестаціи слишкомъ извѣстны, и распространяться о нихъ я считаю излишнимъ.

Тотчасъ послѣ похоронъ Совинской, начали разсыпать по городской почтѣ¹⁾ грозныя приказанія всѣмъ содергателямъ магазиновъ, лавокъ и торговыхъ заведеній о замѣнѣ французскихъ, пѣ-мецкихъ и русскихъ вывесокъ польскими, что и было многими исполнено²⁾. Потомъ, помошю тѣхъ же анонимныхъ писемъ, разосланныхъ по городской почтѣ, запрещалось публикѣ присутствовать на увеселеніяхъ, данныхъ по случаю прибытія въ Варшаву прусского принца и австрійскаго императора.

Осеню 1860 года, во время пребыванія въ Варшавѣ государя, разыгралась въ театрѣ пасквильная сцена, но не актерами, а зрителями: брошены были въ партеръ стекляные шарики съ вонючою жидкостью, распространившею страшное зловоніе по всему театру. Нѣкоторые изъ коноводовъ этого пошлого фарса были замѣчены и арестованы, но полицейская мѣра не повела ни къ чему: волненіе росло не по днямъ, а по часамъ.

При такомъ общемъ настроеніи умовъ, при такихъ удачныхъ результатахъ постоянныхъ усилий и настойчивости польскихъ партий, князь Горчаковъ, всетаки, надѣялся открыть зерно заговора помошью допросовъ (которымъ подвергались лица арестованныя), забывая, вѣроятно, что подобный результатъ, послѣ четырехлѣтняго съ нашей стороны бездѣйствія, былъ не только лишенъ вѣроподобія, но рѣшительно невозможенъ. Въ то время, когда слѣдственная комиссія выбивалась изъ силъ, чтобы добиться признаній отъ арестованныхъ, агенты Мирославскаго дружно продолжали свою работу, и 17 ноября 1860 года, въ день годовщины мятежа 1830 года, сдѣлали еще одну уличную демонстрацію, въ которой приняли уже участіе 10,000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ были лица, пользовавшіяся большимъ значеніемъ въ обществѣ.

Демонстрація эта, не взирая на ея колосальность, оставлена была варшавскою администрациєю безъ всякихъ послѣдствій. Анонимныя письма и пасквили разносились во всѣ концы города; на улицахъ появились конфедератки и разные фантастическіе костюмы; чиновниковъ и полицію оскорбляли и даже били; наконецъ, воспитанники варшавскаго благороднаго пансиона (которыхъ ученики реальной гимназіи обвиняли въ равнодушіи къ общественному дѣлу и въ недостаткѣ патріотизма) официально по-

¹⁾ Городская почта была при мнѣ закрыта въ Варшавѣ.

²⁾ Одинъ портной, не исполнившій этихъ приказаній, былъ почти до смерти избитъ мальчишками.

требовали отъ своего начальства удаленія изъ института всѣхъ русскихъ учениковъ.

Училищное начальство до того растерялось и перепугалось, что, съ разрѣшенія намѣстника, вступило въ переговоры съ мальчишками и упрашивало ихъ отказаться отъ своего требования! Само собою разумѣется, что буйная молодежь, сильная безсиліемъ своего начальства, не согласилась, и желаніе ея въ точности было исполнено: русскіе были исключены изъ списковъ воспитанниковъ благороднаго пансіона!!

Считаю нужнымъ остановиться на этомъ маловажномъ на первый взглядъ, но въ сущности весьма знаменательномъ событіи. Какое понятіе могли себѣ составить воспитанники благороднаго пансіона о русской администраціи, входящей съ ними, чрезъ посредство училищнаго начальства, въ переговоры и испрашивавшей у нихъ позволеніе оставить русскихъ воспитанниковъ въ пансіонѣ? Неестественно ли было, послѣ такихъ выходокъ, то усилившееся развитіе явнаго сопротивленія властямъ, которое, помошью времени, видимо крѣпло и приняло неожиданные размѣры?

Съ наступленіемъ 1861 года, разнесся слухъ о предстоящей процессії 13-го февраля, по случаю годовщины Гроховскаго сраженія (1831 года). Сообщалось обѣ этомъ «торжественномъ народномъ шествіи» въ иностранныхъ газетахъ. Администрація наша, послѣ продолжительного желанія не вѣрить этому непріятному для нея извѣстію, нашлась, однако же, въ необходимости убѣдиться, что процессія дѣйствительно приготавляется, что въ ней приметъ участіе едва ли не все населеніе Варшавы и что изъ Паулинской церкви, изъ которой шествіе двинется на улицу, вынесутъ польское национальное знамя.

Въ назначенный день (13-го февраля), въ три часа по полудни, полицейскіе комиссары начали расчищать площадь «Старого Мѣста» и снимать находящіяся на ней деревянныя лавочки, а распорядители процессіи посыпали площадь пескомъ. Первые, по секретному предписанію князя Горчакова, очищали площадь для того, чтобы кавалерія могла дѣйствовать свободнѣе и разгонять толпу; вторые, съ помощью народа, очищали и посыпали площадь для большей торжественности шествія. Два враждебныхъ лагеря сошлись на одномъ и томъ же пунктѣ, занимались одною и тою же работою, помогали одинъ другому для того, чтобы透过 nѣсколько часовъ вступить въ борьбу. Наконецъ, въ 6 часовъ вечера, когда площадь была готова и когда примыкающія къ ней улицы покрылись густой массой народа (отъ 30—40 тысячъ человѣкъ), когда процессія, съ распущенными польскими знаменами, показалась изъ Паулинской церкви, — тогда только нашли нужнымъ прислать эскадронъ жандармовъ, которые устрѣ-

мились на народъ, топтали его лошадьми, били плащмя саблями, многихъ ранили и, наконецъ, успѣли разогнать толпу.

Событие это произвело такое сильное раздраженіе въ средѣ варшавскаго населенія, что большая часть членовъ земледѣльческаго Общества (державшихся въ сторонѣ во время манифестацій) нашли нужнымъ присутствовать при богослуженіи 15-го февраля, по поводу события на «Старомъ Мѣстѣ», и при беспорядкахъ того же дня.

Въ сказанный день, многочисленная толпа выходила изъ улицы св. Яна къ Замковой площади, съ крестами, образами, хоругвями и портретами Килинского¹⁾(!!). Толпу приказано было остановить, и съ этого цѣлью посланы были на мѣсто казаки, безъ оружія, съ однѣми нагайками. Народъ кричалъ и грозилъ кидать камнями. Толпу на короткое время разогнали, но она съ разныхъ сторонъ собралась у Бернардинскаго костѣла, въ которомъ совершилось отпѣваніе какого-то чиновника. Казакамъ приказано было препятствовать народу идти отъ этого костѣла къ Замку (гдѣ жилъ намѣстникъ). Непослушнымъ сильно доставалось отъ нагаекъ, вслѣдствіе чего на лихихъ казаковъ посыпались камни. Въ свалкѣ, одна нагайка попала по монаху, внезапно появившемуся изъ костѣла, съ крестомъ въ рукѣ. Масса разсвирѣпѣла. Въ это время генераль Заболоцкій, видѣвшій во всякомъ сбирающѣ неизбѣжную революцію и увѣренный, что причиною демонстраціи—земледѣльческое Общество, взялъ съ собою роту, которая, на всякий случай, была спрятана въ Примасовскомъ домѣ, и послѣшилъ къ Намѣстниковскому плацу (гдѣ находился домъ, въ которомъ происходили засѣданія земледѣльческаго Общества). Пришедши туда (совершенно произвольно, потому что не получалъ ни отъ кого приказанія распоряжаться войсками), онъ замѣтилъ, однако, что тамъ и безъ этой роты войскъ довольно, а потому нашелъ нужнымъ возвратиться съ ротою въ Примасовскій домъ; но, при входѣ въ Козью улицу, Заболоцкій встрѣтилъ казака, съ извѣстіемъ, что около Замка бунтовщики бросаютъ въ войска камнями и разбиваются даже гауптвахту. Услужливый генераль повелъ роту по указанію казака, но въ узкой части Краковскаго предмѣстія едва могъ пробраться сквозь густую толпу. Изъ оконъ домовъ посыпались на солдатъ камни, кирпичи и бутылки. Солдатамъ оказалось не въ мотогу подобное глупое, ни къ чему не ведущее путешествіе, тѣмъ болѣе, что раздался изъ оконъ выстрѣль. Заболоцкій остановился и сказалъ: «Ну, такъ и вы стрѣляйте!» Этого достаточно было, чтобы слова превратились въ дѣло: нѣко-

¹⁾ Имя простаго сапожника Килинского—имя историческое, народное для поляковъ. Онъ, въ 1794 году, былъ предводителемъ возстанія въ Варшавѣ, когда вырѣзаны были русскія войска, состоявшія подъ командою Игельштрома, спасеннаго преданностью своей любовницы. Килинский былъ произведенъ поляками въ генералы.

торые изъ солдатъ выстрѣлили, и оказалось убитыми пять чело-
вѣкъ—Рутковскій (помѣщикъ 23 лѣтъ), Брендель (технологъ),
Корчевскій (помѣщикъ), Адашкевичъ (плотникъ) и Арцихе-
вичъ (гимназистъ). Портреты этихъ «пяти апостоловъ-мучени-
ковъ», какъ ихъ называютъ поляки, продавались при мнѣ въ
Варшавѣ, на всѣхъ перекресткахъ, и расходились въ сотняхъ ты-
сячъ экземпляровъ; а могила убитыхъ посыпалась попреимуществу
женщинами, которыхъ усыпали ее цвѣтами.

III.

Посыщеніе намѣстника архіепископомъ Фіялковскимъ; упреки послѣдняго и его
требованія. — Делегація. — Уничтоженіе ея. — Закрытие землемѣрческаго Обще-
ства. — Катастрофа 27-го марта. — Снятіе русскаго орла и замѣна его бѣлымъ
орломъ. — Безпорядки. — Графъ Замойскій. — Явный мятежъ на улицахъ. — Дѣ-
ствія Хрулева. — Восстановленіе порядка войсками. — Кончица Горчакова. —
Кратковременное управление Мерхелевича.

15-го февраля, въ день незабвенныхъ подвиговъ ретиваго За-
белоцкаго, къ князю Михаилу Дмитріевичу Горчакову явился
архіепископъ варшавскій Фіялковскій, въ сопровожденіи нѣ-
сколькихъ человѣкъ городскихъ обывателей, и, выразивъ строгіе
упреки намѣстнику «за отвратительныя мѣры и за болѣе
чѣмъ непозволительныя дѣйствія правительства рус-
скаго» (подлинныя слова Фіялковскаго), архіепископъ тутъ же
требовалъ (!!) отъ представителя царя русскаго, чтобы князь Гор-
чаковъ немедленно разрѣшилъ образованіе, изъ среды городскихъ
обывателей, делегаціи, для возвращенія порядка въ городѣ и для
возстановленія общаго спокойствія жителей.

Князь Горчаковъ долженъ былъ согласиться на это наглое тре-
бованіе, потому что самъ потерялъ голову, а надѣяться на содѣй-
ствіе своихъ помощниковъ онъ не могъ ни въ какомъ случаѣ, ибо
всѣ они обманывали его, въ чемъ онъ убѣдился 13-го и 15-го фе-
враля. Такимъ образомъ, въ городѣ, принадлежащемъ Россіи, въ
городѣ, находящемся въ управлѣніи правительства русскаго, обра-
зовалось другое правительство — революціонное.

Когда делегація (въ составѣ которой вошли агенты всѣхъполь-
скихъ партій, безъ различія) исполнила свое дѣло, успокоивъ вар-
шавскихъ обывателей тѣмъ, что съумѣла настоять на своемъ,
администраторы наши, спавшіе долго летаргическимъ, сказочнымъ
сномъ, вдругъ засуетились, и имъ пришла на умъ мысль (къ со-
жалѣнію, крайне опоздавшая), что делегація совершило уничто-
жить значеніе нашего правительства, — значеніе, уничтоженное въ
сущности не делегаціей, а событиями 13-го и 15-го февраля.

Однимъ почеркомъ пера делегація была уничтожена. Мѣра эта не могла не имѣть грустныхъ послѣдствій. Вкоренившееся въ народѣ неуваженіе къ русской административной власти, а съ этимъ вмѣстѣ одно лишь номинальное существованіе въ Варшавѣ полиції¹⁾, возстановило снова въ городѣ совершенную анархію. Но этого мало: совѣтчики намѣстника уговорили князя Горчакова (который, вслѣдствіе сильныхъ нравственныхъ потрясеній, сдѣлался совершеннымъ ребенкомъ) уничтожить земледѣльческое Общество.

Но уничтоженіе земледѣльческаго Общества на самомъ дѣлѣ составляло только уничтоженіе его фирмы, ибо оно не прекратило своего существованія и стало дѣйствовать лишь съ болѣшей энергіей, съ болѣшей силой, съ болѣшимъ вредомъ для нашего правительства, потому что дѣйствовало подпольно.

Послѣдствіемъ уничтоженія земледѣльческаго Общества былъ рядъ безчисленныхъ манифестацій и демонстрацій, кончившихся второю катастрофою 27-го марта.

26-го марта²⁾, съ ранняго утра, густыя массы народа, въ нѣсколько десятковъ тысячъ, хлынули на Повонзковское кладбище поминать пятерыхъ февральскихъ покойниковъ; оттуда зашли на еврейское кладбище въ знакъ братской вѣротерпимости³⁾ (какъ увѣряли поляки) и, наконецъ, къ 3-мъ часамъ по полудни начали собираться у дома кредитнаго Общества, для устройства манифестаціи въ честь только-что закрытаго агрономическаго Общества. Коноводы вошли черезъ главный входъ залы и начали работать на балконѣ, около вывѣски императорскаго герба. Сначала закрыли двуглавый орелъ зеленью, такъ что остался видѣнъ

¹⁾ Даже евреи, народъ далеко не строптивый и не храбрый, били полиціантовъ днемъ; только тогда, когда еврею надоѣдала эта гимнастика, онъ бросалъ полиціанту влоть, за который послѣдній лобызала руку жида.

²⁾ Въ этотъ день были похороны возвращенного изъ Сибири Стобницкаго. Похоронная процессія представляла весьма оригиналную картину и дала возможность приверженцамъ національности проявить ее публично. За гробомъ Стобницкаго шло нѣсколько десятковъ человѣкъ въ польскихъ національныхъ костюмахъ, съ конфедератками краснаго, бѣлаго и голубаго цвѣта. Во время шествія, конфедератки расположились по цвѣтамъ и составляли такимъ образомъ родъ военнаго конвоя.

³⁾ Въ сущности, вѣротерпимости тутъ никакой не было; къ тому же, для польского духовенства и для истыхъ поляковъ, вѣротерпимость — грѣхъ тяжкий. Дѣло было гораздо проще: директоръ школы раввиновъ былъ ненавидимъ какъ евреями, такъ и поляками. Ненависть эту выражали ему и прежде, при всякомъ удобномъ случаѣ. Когда толпа народа, 26-го марта, возвращалась съ Повонзковскаго кладбища, то вспомнили, что на еврейскомъ кладбищѣ похоронены предшественникъ ненавидимаго директора школы раввиновъ, Тугенгольдъ, и съ цѣлью выразить сочувствіе умершему и презрѣніе къ живому директору, пошли на могилу Тугенгольдта, у которой явившіеся ораторы произносили рѣчи, въ которыхъ мѣшали съ грязью живаго директора.

только бѣлый орель, находившійся на груди русскаго орла; по угламъ поставили четыре креста изъ бѣлыхъ лилій, а подъ бѣлымъ орломъ образъ Ченстоховской Божіей Матери. Потомъ перемѣнили декорацію: закрыли гербъ чернымъ крепомъ. Но вдругъ блеснула новая мысль и была приведена въ исполненіе: тотчасъ же принесли бѣлаго орла, сдѣланнаго изъ картонной бумаги, и подняли на балконъ. Послѣ троекратнаго подыманія и опусканія, орла этого приладили, наконецъ, кое-какъ къ крепу. Больше четверти часа раздавались крики радости и восторга. Генераль-губернаторъ пріѣхалъ посмотрѣть, что тутъ творится. На вопросъ его: «Откуда набрали столько цвѣтовъ?» — кто-то изъ толпы отвѣчалъ: — «Намъ Литва и Украина прислали цвѣты!» Затѣмъ вся масса народа, построившись рядами, при пѣніи «Подъ твою защиту» и «Еще Польша не сгинѣла», съ бѣлымъ орломъ и фантастическимъ знаменемъ во главѣ шествія, направилась къ Новому Свѣту — къ дому графа Замойскаго¹⁾. Замойскій принялъ депутацію и поднесенный ему вѣнокъ и, отказавшись отъ остальныхъ предложеній депутатовъ, совѣтовалъ толпѣ разойтись. Его послушали и стали расходиться.

Въ это время генераль Хрулевъ (пріѣхавшій въ Варшаву 11 марта), по приказанію намѣстника, шелъ отъ Замка съ полуэскадрономъ жандармовъ и баталіономъ пѣхоты, черезъ Новый Свѣтъ къ дому кредитнаго Общества, дабы разогнать скопище и возстановить императорскій гербъ. На пути, Хрулевъ приказывалъ войскамъ по временамъ останавливаться и совѣтовалъ публикѣ разойтись, но толпа не расходилась. За баталіономъ, посреди улицы какой-то уродъ, съ горбомъ спереди и сзади, страшно кривлялся, издѣваясь надъ войскомъ. Хрулевъ пришелъ къ дому кредитнаго Общества, но уже не засталъ бѣлаго орла на балконѣ, а потому возвратился къ Замку.

Тамъ выведенъ былъ на площадь, противъ толпившейся густой массы народа, другой баталіонъ пѣхоты. Выѣхалъ самъ намѣстникъ и приказалъ народу расходиться по домамъ, но толпа не расходилась и кричала, чтобы прежде убрали войско. Намѣстникъ объявилъ, что войска не тронутся до тѣхъ поръ, пока не разойдется толпа; въ противномъ случаѣ велѣть употребить силу. Тотчасъ послѣ этихъ словъ князя Горчакова, въ толпѣ послышались свистки и крики: «Ступай, старикъ, спать!» Намѣстникъ черезъ нѣсколько минутъ уѣхалъ, поручивъ начальнику штаба, Коцебу, уговаривать толпу разойтись. Начальникъ штаба, послѣ тщетныхъ попытокъ, нашелъ нужнымъ ретироваться, предоставивъ окончить дѣло Хрулеву.

¹⁾ Замойскаго хотѣли везти въ кредитное Общество, оттуда въ церковь, чтобы короновать и провозгласить королемъ польскимъ, но онъ не рѣшился на этотъ рискованный подвигъ.

Тутъ начались переговоры. Хрулевъ совѣтовалъ толпѣ разойдтись, но безуспѣшно. Черезъ нѣсколько времени вновь явился Коцебу, съ приказаніемъ намѣстника не уводить войска, пока толпа не разойдется. Засимъ князь Горчаковъ прислалъ вторично приказаніе съ адъютантомъ своимъ Мейендорфомъ: «не уводить войскъ и въ случаѣ нужды стрѣлять». Хрулевъ продолжалъ уговаривать толпу. Между тѣмъ, два раза подѣбжала къ Хрулеву адъютантъ намѣстника, съ приказаніемъ стрѣлять, если толпа не расходится.

Дѣло нужно было кончить, потому что уже смеркалось. Хрулевъ рѣшился прибѣгнуть къ новой мѣрѣ, не желая стрѣлять въ безоружныхъ и въ женщинъ, стоявшихъ впереди толпы. Онъ, объявивъ толпѣ, что, не стрѣляя, беретъ отвѣтственность на себя, съ тѣмъ, чтобы толпа немедленно разошлась и не собиралась, и вслѣдъ за симъ велѣлъ войскамъ уйти съ площади. Этотъ маневръ удался Хрулеву, и толпа разошлась.

Намѣстникъ дѣлалъ Хрулеву вѣжливые упреки за ослушаніе, но въ сущности былъ очень доволенъ, что дѣло обошлось безъ пролитія крови.

На слѣдующій день, 27 марта, часу въ шестомъ вечера, толпы народа снова, тысячами, хлынули на Замковскую площадь изъ всѣхъ ведущихъ къ ней улицъ.

Страшно было видѣть, какъ эта густая масса, въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, полуписьная, ревѣла и ломилась впередъ къ Замку, готовая все опрокинуть и разрушить¹⁾). Въ толпѣ не было ни женщинъ, ни дѣтей.

¹⁾ Въ Варшавѣ находилась цѣлая колонія такъ называемыхъ выробниковъ (wyrobniки — подешники), жившихъ на берегахъ Вислы въ маленькихъ близъ лежащихъ улицахъ, помѣщаясь со своими женами и дѣтьми, лѣтомъ въ сараю, подвалы и разныхъ коморкахъ, а зимою — въ шахтахъ, гдѣ производится складъ дровъ, сплавляемыхъ по Вислѣ. Эти выробники обложены были податью (не знаю, продолжается ли это до настоящаго времени), собираемою съ нихъ чрезъ посредство полиціи, въ количествѣ 27 грошей съ человѣка. Самый сборъ подати съ выробниковъ былъ очень затруднителенъ, потому что они не имѣли постояннаго мѣста жительства и безпрестанно переходили изъ одного помѣщенія въ другое: изъ погреба — въ шахту, изъ сарай — въ погребъ, а иногда даже просто на улицу, проводя ночь на углу какого нибудь дома, въ грязномъ глухомъ переулкѣ, или на пустопорожнемъ мѣстѣ. Выробники всячески старались избавиться отъ внесенія требуемой съ нихъ подати и прибѣгали для того къ разнымъ уловкамъ, къ разнымъ средствамъ, изъ которыхъ самое отчаянное, по ихъ мнѣнію, была больница. Они записывались въ больницы на недѣлю и болѣе, наговаривали на себя всякаго рода болѣзни, которыми, естественно, никогда не страдали. По истеченіи извѣстнаго срока, смотря по обстоятельствамъ, выробники выписывались изъ больницы, брали медицинское свидѣтельство о мнимой своей болѣзни, не позволявшей имъ работать, и такимъ образомъ избавлялись отъ платежа подати на три мѣсяца. По свѣдѣ-

Хрулеву было приказано вывести войска на площадь и разогнать толпу. Пять роты были расположены имъ фронтомъ къ центральнымъ улицамъ, съ полуэскадрономъ жандармовъ впереди и двумя сотнями казаковъ позади.

Едва показались войска, какъ изъ толпы послышались крики: «долой войска, долой!»

Полицейский чиновникъ, въ сопровождениі нѣсколькоихъ офицеровъ, съ барабанщикомъ, пробрался въ средину толпы и послѣ троекратного барабанного боя прочель объявление, которымъ требовалось, именемъ закона, чтобы скопища разошлись, съ предупрежденіемъ, что, въ случаѣ неповиновенія, будетъ употреблена вооруженная сила.

Толпа отвѣчала криками, угрозами и ругательствами. Три раза повторялось чтеніе объявленія съ промежуткомъ 10-ти минутъ, и каждый разъ безуспѣшно.

Не оставалось болѣе ничего, какъ употребить силу.

Полуэскадронъ жандармовъ двинулся впередъ малою рысью, осадилъ толпу къ тротуару и остановился. Офицеры уговаривали толпу разойтись, но тщетно: буйство толпы усиливалось и скопище все дѣгалось гуще. Жандармы три раза возобновляли напискъ, разгоняя толпу саблями плашмя, толпа пятилась и тотчасъ же съ большею силою стремилась впередъ. Отважнѣйшіе изъ толпы бросались на жандармовъ съ палками и кидали въ нихъ камнями: два офицера и восемь рядовыхъ получили сильные ушибы. Послышались выстрелы изъ оконъ сосѣднихъ домовъ. Тогда жандармы были отведены въ резервъ, и выдвинуты впередъ три роты пѣхоты: одна къ Krakовскому предмѣстю, другая къ Подвальной улицѣ, а третья къ Слѣпой. Послѣдняя рота разогнала скопившіяся тамъ для барикадъ извозчики коляски, которыхъ пробрались, однако же, въ Сенатскую, где вторично устроили барикады.

Войскамъ приказано было зарядить ружья, но офицеры, по приказанию Хрулева, все еще убѣждали толпу разойтись и предваряли о послѣдствіяхъ ослушанія. Но всѣ усиливались напрасны. Тогда пѣхота бросилась впередъ и стала разгонять народъ прикладами. Средство это помогло лишь на короткое время: толпа росла съ неимовѣрной быстротой и неистово ревѣла. Оставалась

ніямъ, иною собраннымъ, въ бытность мою въ Варшавѣ, выработники считалось тамъ отъ 15—20 тысячъ человѣкъ.

Во всѣхъ демонстраціяхъ и уличныхъ беспорядкахъ выработники принимали самое горячее участіе, получая отъ коноводовъ по 15 и 20 копѣекъ на человѣка.

На эту массу бездомныхъ и голодныхъ администрація наша не находила нужнымъ обратить вниманіе и оставила выработниковъ въ полномъ распоряженіи красной партии.

крайняя мѣра: велико было стрѣлять. Головной полувзводъ далъ одинъ залпъ по Подвальной и Краковскому предмѣстью.

Минутная тишина водворилась послѣ выстрѣловъ; толпы скрылись въ улицахъ, но не надолго. Раздались снова крики и ругательства; посыпались камни, и толпа съ новою силою устремилась впередъ. Головные взводы бросились, чтобы захватить предводителей безчинствъ.

Всльдъ затѣмъ раздалось пѣніе революціонныхъ гимновъ со стороны Сенатской; толпа, при входѣ въ улицу, стала на колѣна. Туда посланы были линейные казаки, по приближеніи которыхъ толпа скрылась за извозчики коляски, образовавшія барикады, и начала бросать въ казаковъ камнями. Линейцы были отведены назадъ. Упорство толпы на этомъ пункѣ вынудило дать новый залпъ по Подвальной и Краковскому предмѣстью. Доружки (извозчики коляски) разсѣялись, и по Сенатской было сдѣлано еще пять залповъ. Такое же упорство толпы на Мариенштадтской улицѣ, послѣ атаки линейцевъ, заставило дать нѣсколько выстрѣловъ въ ту сторону и, наконецъ, въ Пивную. Это были послѣдніе выстрѣлы. По данному сигналу тревоги, войска появились изъ казармъ съ разныхъ сторонъ, и толпы народа скоро разсѣялись.

Такъ кончились беспорядки 27-го марта. Войска остались бивуакировать на сборныхъ мѣстахъ; а на другой день разбили палатки на четырехъ площадяхъ города.

Въ войскахъ нашихъ ранено и контужено палками и камнями 35 нижнихъ чиновъ. Въ толпѣ мятежниковъ, на мѣстахъ свалки, поднято убитыхъ 10, раненыхъ 5; прочихъ раненыхъ, ушедшихъ или унесенныхъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ полиціею, было 108, изъ коихъ, по прошествіи двухъ недѣль, умерло 17 человѣкъ. Тѣла убитыхъ не были выданы жителямъ, чтобы не подать повода къ новой манифестаціи.

Болѣзнь и весьма скоро послѣдовавшая за нею кончина князя Горчакова поставили Варшаву въ положеніе чисто анархическое: не только исчезло всякое повиновеніе и уваженіе къ власти, но и самая власть не подавала никакого признака существованія. Кратковременное управлѣніе генерала Мерхелевича доказало еще болѣе безсиліе администраціи. Мерхелевичъ, вмѣсто того, чтобы дѣйствіями своими заставить уважать себя, вздумалъ искать популярности. При Мерхелевичѣ возросъ религіозный фанатизмъ, раздуваемый ксендзами, и духъ своеволія всесѣло сталъ прививаться къ низшему классу населенія.

Таково было положеніе дѣль въ Варшавѣ до прибытія военнаго министра; таково было наслѣдство, оставленное княземъ М. Д. Горчаковымъ Н. О. Сухозанету.

IV.

Прибытие въ Варшаву военного министра.—Первая мѣра, приведенная въ исполненіе Сухозанетомъ.—Безтактный приемъ купечества.—Возобновленіе беспорядковъ.—Лица, вліявшія на военного министра.—Безсиліе администраціи.—Прокламаціи.—Какъ доходили въ Петербургъ извѣстія о происходившемъ въ Варшавѣ.—Назначеніе графа Ламбера и Герштенцивейга.—Отѣзду Сухозанета и приѣздъ графа Ламбера.—Эпизодъ при прощаніи съ Сухозанетомъ.—Придуманная Хрулевымъ овациія Ламберту.—Знакомство мое съ Герштенцивейгомъ.—Переѣздъ графа Ламбера изъ Лазенокъ въ Замокъ.—Похороны Фіалковскаго.—Размолвка Герштенцивейга съ графомъ Ламбертомъ.—Дувль.—Отѣзду графа Ламбера изъ Варшавы на островъ Мадеру, его женитьба и смерть.

Какъ ни важны были обстоятельства, принявшиа особенно знаменательный характеръ въ глазахъ Западной Европы, какъ ни очевидны были приготовленія поляковъ къ восстанію общему, какъ ни явенъ былъ нравственный упадокъ нашей администраціи въ краѣ, военный министръ, по приѣздѣ своемъ въ Варшаву, не придалъ всему этому особенной важности и былъ убѣжденъ, что броженіе умовъ, грозившее взволновать всю массу народа польскаго, прекратится само собою.

Первые три или четыре дня пребыванія его въ Варшавѣ означались наружнымъ спокойствиемъ, или, точнѣе, какою-то сдержанностью, потому болѣе, что никто не зналъ, какой системы намѣренъ быть придерживаться новый правитель; но чрезъ короткое время все пошло попрежнему.

Первая мѣра, которую полуумершій Сухозанетъ нашелъ нужнымъ привести въ исполненіе въ Варшавѣ, — мѣра, возбудившая всеобщій ропотъ и насмѣшки, — состояла въ отдачѣ приказанія, чтобы всѣ жители снимали передъ нимъ шапки. Всльдѣ за тѣмъ послѣдовалъ крайне безтактный приемъ купечества,—приемъ, сдѣлавшійся предметомъ безчисленнаго множества статей въ юмористическихъ заграничныхъ газетахъ. За симъ, несмотря на грозный конвой Н. О. Сухозанета (безъ которого онъ никаку не показывался), не взирая на строгій приказъ о шапкахъ и даже на распущеніе въ городѣ слухи, что, въ случаѣ неисполненія приказа, будутъ стрѣлять картечью, начался цѣлый рядъ уличныхъ манифестацій, болѣе или менѣе серьёзныхъ, имѣвшихъ лишь одну цѣль: дѣлать противное приказаніямъ и предписаніямъ и по мѣрѣ возможности проявлять полное неуваженіе къ администрації.

По дряхлости, старости и болѣзни, военный министръ не могъ составить себѣ яснаго понятія о положеніи ввѣреннаго ему края, не могъ даже дать себѣ отчета, для чего онъ былъ посланъ въ Варшаву? Говорять, что поводомъ къ этому назначенню послужило

знаніе имъ польского языка, которому онъ научился, командуя когда-то артиллерию въ Польшѣ. Сухозанеть, естественно, подпалъ подъ вліяніе лицъ, его окружавшихъ, и притомъ такихъ, какими были: Крыжановскій, Енохъ и Веліопольскій.

При Сухозанетѣ уличныя безчинства, во главѣ которыхъ постоянно находились ксендзы, превратились въ какія-то сатириаліи. Люди умные, добросовѣстные, правдивые, какъ, напримѣръ, С. А. Хрулевъ, Павелъ Петровичъ Липранди (корпусный командинъ) и Алексѣй Петровичъ Мельниковъ (командантъ), отстранились отъ него, не желая быть свидѣтелями тѣхъ насмѣшекъ, которымъ военный министръ подвергался чуть не ежедневно.

Безсиліе русской администраціи дошло до того, что строгія прокламаціи Сухозанета, наклеиваемыя на всѣхъ углахъ варшавскихъ улицъ, немедленно были срываемы въ глазахъ полиціи и на ихъ мѣсто наклеивались прокламаціи революціонныя, которые оставались неприкосновенными по нѣсколько сутокъ. Трудно поверить, но это фактъ: въ Замкѣ во всѣхъ коридорахъ наклеены были революціонныя прокламаціі.

Нужно замѣтить, что все творившееся въ Варшавѣ тщательно скрывалось мѣстною администрациєю, и въ Петербургѣ доходили свѣдѣнія о настоящемъ положеніи дѣлъ въ подвластномъ намъ городѣ путями окольными,—путями, къ которымъ относились съ недовѣремъ и часто даже крайне недружелюбно. Главный принципъ, которымъ руководились лица, окружавшія намѣстника, заключался въ томъ, чтобы никого не обезпокоить.

Подобная система управлениія не могла, однако же, въ концѣ концовъ, не имѣть самыхъ грустныхъ послѣдствій: противоборство, духъ самой наглой оппозиціи проникъ во всѣ слои народонаселенія; религіозный фанатизмъ, при явномъ содѣйствіи клерикальной партіи, скрывавшей свое темное дѣло подъ широкоразвернутымъ знаменемъ римско-католической церкви, развился съ силою потрясающею.

Народъ смотрѣлъ на всякое распоряженіе, на всякое проявленіе послѣднихъ признаковъ умирающей власти, какъ на безсознательное движение безнадежно больного.

Все это вызвало мысль назначить въ Варшаву болѣе свѣжаго человѣка, на мѣсто Сухозанета,—и графъ Карлъ Карловичъ Ламбертъ, предназначавшійся на мѣсто варшавскаго генераль-губернатора, явился туда въ качествѣ намѣстника; а генераль-губернаторомъ былъ назначенъ генераль-адъютантъ Александръ Даниловичъ Герштенцевъ.

Въ назначеніи графа Ламбера играло немалую роль то обстоятельство, что онъ былъ католикъ, слѣдовательно не могъ не быть по вкусу полякамъ вообще и ксендзамъ въ особенности.

Всѣ неополячившіеся русскіе обрадовались этому назначенію,

*

полагая, что наконецъ дерзость и нахальство поляковъ будутъ укrocены новымъ намѣстникомъ, прїехавшимъ въ Варшаву съ большими полномочіями.

Здѣсь остановлюсь на забавномъ эпизодѣ при прощаніи Сухозанета, въ Лазенковскомъ дворцѣ, въ которомъ уже поселился на канунѣ графъ Ламберть.

Всѣ мы приглашены были по этому случаю повѣстками. Собралось въ залѣ Лазенковскаго дворца немало публики. Дверь въ кабинетъ намѣстника, гдѣ находились отъѣзжающій Сухозанеть и прибывшій графъ Ламберть, была затворена, и мы съ полчаса дожидались выхода военнаго ministра. Наконецъ, онъ появился, и притомъ, видимо, въ самомъ веселомъ расположениіи духа.

Н. О. подходилъ къ каждому изъ присутствовавшихъ, жаль руку, благодарила, съ нѣкоторыми цѣловался и произнесъ за симъ рѣчъ, обращенную ко всѣмъ и тронувшую самого оратора до слёзъ.

Таково было прощаніе наше съ военнымъ ministромъ, котораго я увидаль послѣ въ Петербургѣ, не у дѣлъ, безъ всякихъ конвоевъ, а за карточнымъ столомъ, къ которому онъ охотно приглашаль «своихъ варшавскихъ сослуживцевъ», какъ онъ выражался.

Минуть черезъ пять появился изъ кабинета графъ Карлъ Карловичъ, въ генеральскихъ эполетахъ безъ звѣздочекъ, такъ какъ онъ былъ произведенъ, передъ отѣзжомъ своимъ въ Варшаву, въ генералы отъ кавалеріи.

Сдѣлавъ общій поклонъ всѣмъ намъ, онъ подходилъ къ знакомымъ и жаль имъ руку; Хрулева пригласилъ къ себѣ на чай въ тотъ же день вечеромъ; я тоже удостоился этой чести.

По возвращеніи изъ Лазенокъ, мы отправились съ Хрулевымъ обѣдать въ англійскую гостинницу Букереля и предполагали, что за предстоящимъ намъ, въ 9 часовъ, вечернимъ чаемъ намѣстника, онъ попросить насъ, какъ старыхъ знакомыхъ, разсказать всю правду о томъ, что творилось и творится въ Варшавѣ. Но, увы! наши предположенія оказались невѣрными: графъ Ламберть рассказывалъ намъ очень много о Петербургѣ, о милостяхъ, которыхъ удостоился, о томъ, что онъ настояль на назначеніи варшавскимъ генераль-губернаторомъ Герштенцвейга, и, наконецъ, о своемъ пріятелѣ Ф. М. Веригинѣ, котораго уговорилъ состоять при немъ. О событияхъ варшавскихъ вовсе не «трактовалось», и графъ, прощаюсь, объявилъ намъ, что послѣ завтра посѣтить Варшаву, заѣхавъ предварительно въ Замокъ.

По дорогѣ изъ Лазенокъ, Хрулевъ сказалъ мнѣ, что придумалъ для ЛамBERTA великолѣпную встрѣчу у Замка. И дѣйствительно, онъ ее устроилъ очень своеобразно, но ловко.

Черезъ нѣсколько дній мы прочли въ иностранныхъ газетахъ «объ овациі, которую сдѣлали польскія дамы высшаго общества симпатичному графу, новому намѣстнику, призванному помощію либеральныхъ нововведеній доставить спокойствіе и счастье угнетенной странѣ».

Послѣ этого я довольно часто юздила къ графу Ламберту обѣдать, но о дѣлахъ мы съ нимъ ничего не говорили. Онъ познакомилъ меня съ А. Д. Герштенцвейгомъ, по пріѣздѣ послѣдняго въ Варшаву, сказавъ, что это его истинный другъ.

Съ Герштенцвейгомъ я сблизился, и онъ поручалъ мнѣ отъ времени до времени редакцію разныхъ записокъ, касавшихся Польского края.

При перѣездѣ изъ Лазенокъ въ Замокъ, графъ Ламбертъ, попавшій всесцѣло въ руки польскихъ монаховъ и ксендзовъ, совершилъ неимовѣрную безтактность: онъ велѣлъ отслужить въ Замкѣ молебенъ католическимъ духовенствомъ, тогда какъ въ Замкѣ существуетъ православная церковь. Это крайне удивило всѣхъ русскихъ и вызвало даже порицаніе нашего православнаго варшавскаго архиепископа, который нашелъ поступокъ нового намѣстника вполнѣ вреднымъ для русскаго дѣла, для русскаго достоинства.

Но всѣ эти замѣчанія и уличные безпорядки, начавшіеся вслѣдъ за перѣѣздомъ въ городъ намѣстника, не помогли русскому дѣлу въ Варшавѣ, потому что графъ Ламбертъ оказался орудіемъ клерикаловъ, и орудіемъ самымъ покорнымъ, притомъ пустымъ человѣкомъ, крайне фальшивымъ и ярымъ католикомъ.

Скандалъные похороны митрополита Фіялковскаго, отсутствіе на улицахъ во время этой процессіи, по требованію делегатовъ отъ города, только-что введенной русской полиції (генераломъ Потаповымъ, командированнымъ съ этой цѣлью въ Варшаву изъ Москвы, где онъ былъ оберъ-полицеймейстеромъ), цѣніе революціонныхъ гимновъ подъ аккомпанементъ оркестра, шедшаго за гробомъ, шествіе всѣхъ монашескихъ католическихъ орденовъ и бархатныя подушки съ коронами польскою и литовскою — переполнили терпѣніе русскихъ.

Самъ графъ Ламбертъ, окруженный свитою и высшими чинами русской администраціі, чрезвычайно спокойно смотрѣлъ изъ оконъ Замка на эту революціонную демонстрацію, находя ее, вѣроятно, вполнѣ легальной, такъ какъ она была устроена католическимъ духовенствомъ.

У Герштенцвейга съ графомъ Ламбертомъ вскорѣ произошелъ сильный разладъ, который сталъ очень часто выражаться при свидѣтеляхъ и окончился американской дуэлью на узелки, послѣдствіемъ которой было самоубійство Герштенцвейга и внезапный

отъездъ графа Ламберта за границу, на островъ Мадеру, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ, женившись предварительно на своей кузинѣ.

По прошествіи четверти столѣтія, когда я вспоминаю о томъ, что видѣлъ въ Варшавѣ, то мнѣ кажется, что это былъ сонъ, а не дѣйствительность. Предо мною представляются какія-то лица, лишенныя разсудка, рѣшившіяся розыгрывать кровавую драму съ шутовской обстановкой.

Этимъ я оканчиваю мои воспоминанія о Варшавѣ,—воспоминанія, которые до сихъ поръ возбуждаютъ во мнѣ чувство сильно удручающее.

И. А. Арсеньевъ.

НОВЫЯ ДАННЫЯ ДЛЯ ИСТОРИИ НАЧАЛА ЦАРСТВОВАНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II¹⁾.

VI.

РИ ОЖИВЛЕННЫХЪ переговорахъ объ австрійско-русскихъ дѣлахъ, Мерси постоянно находился въ сношеніяхъ съ важнѣшими сановниками. Его отзывы о министрахъ Екатерины заслуживаютъ полнаго вниманія. Впрочемъ, при этомъ не должно упускать изъ виду, что неблагопріятные отзывы о вліятельныхъ лицахъ при русскомъ дворѣ гла-внымъ образомъ обусловливаются неудачею его ^{*}дипломатической миссіи.

Какъ известно, Н. И. Панинъ былъ сторонникъ прусско-русского союза. Его-то Мерси наиболѣе ненавидѣлъ. Въ донесеніяхъ австрійскаго дипломата имя Панина очень часто упоминается вмѣстѣ съ именемъ Кейзерлинга, пользовавшагося тогда особеннымъ довѣріемъ Екатерины и игравшаго важную роль въ польско-ру-скихъ дѣлахъ. Мерси доносилъ, между прочимъ, въ августѣ 1762 года: «Удивительно, что Кейзерлингъ, при своемъ незначительномъ умѣ, нашелъ средства пріобрѣсть столь большое довѣріе здѣшней государыни, что она считаетъ его однимъ изъ просвѣщенѣйшихъ государственныхъ людей» и пр. (46). Панинъ и Кейзерлингъ въ донесеніяхъ Мерси называются часто «неблагомыслиящими» (*übel gesinnte*) людьми (напр., 377, 421, 506). Австрійскій дипломатъ по-

¹⁾ Окончаніе. См. «Исторический Вѣстникъ», т. XXVI, стр. 336.

стоянно надѣялся на то, что Панинъ такъ или иначе лишится милости государыни, и однажды чрезвычайно радовался тому, что Екатерина по какому-то случаю была очень недовольна Кейзерлингомъ (630).

Соперничество между Бестужевымъ и Панинымъ заставляло графа Мерси думать, что Панинъ въ концѣ концовъ будетъ удаленъ отъ двора. Бестужевъ говорилъ графу Мерси, что онъ надѣется скоро низвергнуть Панина и что тогда воспитаніе великаго князя Павла Петровича будетъ довѣрено «другому, благомыслящему лицу» (510). Въ августѣ 1763 года, Мерси доносилъ, что «Панинъ почти низвергнутъ, но что нельзя разсчитывать на прочность его паденія». «Къ тому же», — прибавлено въ донесеніи австрійскаго дипломата, — «вскорѣ прибудетъ сюда графъ Кейзерлингъ, и не будетъ недостатка въ новыхъ интригахъ»¹⁾. Немного спустя, Мерси доносилъ, что Бестужевъ предложилъ императрицѣ отправить Панина въ Швецію въ качествѣ русскаго дипломата, но что Екатерина оставила этотъ полезный совѣтъ безъ вниманія (582).

Въ октябрѣ 1763 года, Мерси писалъ: «Дѣлопроизводство здѣсь болѣе чѣмъ когда либо въ беспорядкѣ. Вліяніе графа Бестужева, уже нѣсколько недѣль тому назадъ, упало въ значительной степени, Панинъ же тѣмъ болѣе является постояннымъ совѣтникомъ: не то, чтобы царица къ нему болѣе расположена, но потому, что здѣсь нѣть никого, кто бы могъ давать ей совѣты, согласные съ ея превратною политикою. Вице-канцлеръ князь Голицынъ очень мало пользуется ея довѣріемъ, а фаворитъ графъ Орловъ не въ состояніи самъ по себѣ вникать въ дѣла» (636).

Мерси до того ненавидѣлъ Панина, что писалъ въ концѣ 1763 года: «Панинъ во время своего посольства въ Швеціи далъ много доказательствъ способности своей выдумывать ложные документы» (713). Въ борьбѣ между Панинымъ и Бестужевымъ графъ Мерси желалъ успѣха послѣднему. Онъ доносилъ въ ноябрѣ 1763 года: «Такъ какъ Бестужевъ въ польскихъ дѣлахъ твердо и непоколебимо высказалъ свое мнѣніе противъ графа Понятовскаго, то съ каждымъ днемъ его все болѣе исключаютъ изъ тайныхъ совѣщаній русской государыни. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, здѣшняя государыня питала такую ненависть къ Панину, что тогда ничего такъ страстно не желала, какъ по-добру отъ него отѣлиться. Кредитъ этого министра не будетъ продолжаться долго, и если графъ Бестужевъ проживеть еще нѣкоторое время, онъ сѣумѣтъ такъ направить дѣло, что русская государыня будетъ наконецъ вынуждена дать ему участіе въ дѣлахъ» (692).

¹⁾ Виѣсто «интригахъ» въ русскомъ переводѣ «интересахъ». Такія неточности и промахи, къ сожалѣнію, встрѣчаются довольно часто въ этихъ переводахъ изданій историческаго Общества.

Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, какъ известно, при императрицѣ Елизавѣтѣ Петровнѣ былъ главнымъ сторонникомъ Австріи, завзятымъ противникомъ Пруссіи. Немудрено поэтому, что графъ Мерси обрадовался его возвращенію ко двору въ самомъ началѣ царствованія Екатерины II. Опала Бестужева, начавшаяся въ 1758 году, продолжалась недолго. Въ концѣ іюля 1762 года, Мерси, донося о его прїѣздѣ въ Петербургъ, замѣтилъ, что по поводу возвращенія Бестужева у него собралось такое множество лицъ, что почти невозможно было подъѣхать къ его дому. Мерси поспѣшилъ отправить къ Бестужеву одного изъ своихъ чиновниковъ и велѣлъ сказать ему, что ему, графу Мерси, будетъ особенно приятно познакомиться съ столь великимъ и заслуженнымъ государственнымъ министромъ (21). «Воалъ Бестужева,—писалъ Мерси далѣе,—графъ Воронцовъ не будетъ имѣть никакого значенія. Рассказывали, что Бестужевъ сильно жаловался на причиненную ему несправедливость и выразилъ свои мысли относительно дѣла, находя государственную повозку весьма глубоко завязшою и не зная, можно ли и какимъ образомъ вытащить ее?» (23).

Между Бестужевымъ и графомъ Мерси вскорѣ завязались довольно близкія сношенія. Чрезъ Бестужева австрійскій дипломатъ узнавалъ о многихъ тайнахъ въ государственныхъ дѣлахъ Россіи; нескромность Бестужева доходила до крайнихъ предѣловъ, онъ употреблялъ всѣ возможныя средства для того, чтобы удержаться при дворѣ, расширить кругъ вліянія, вредить соперникамъ и обеспечивать свои личные интересы. Мерси видѣлъ въ немъ корыстолюбиваго интригана, но долженъ былъ снискивать его дружбу и довѣріе, надѣясь, что Бестужевъ станетъ поддерживать интересы Австріи (26, 32). Въ августѣ 1762 года, Мерси доносилъ: «Бывшій канцлеръ (т. е. Бестужевъ) доселѣ остается вѣренъ своимъ старымъ основнымъ правиламъ касательно прежней, наивыгоднѣйшей для двора его системы и необходимости положить предѣль прусскому преобладанію. Меня увѣряли, что графъ Бестужевъ свободно и твердо высказалъ въ конференціи таковыя свой мысли» (47).

Бестужевъ былъ увѣренъ, что его катастрофа въ 1758 году была результатомъ австрійскихъ происковъ (79), чтѣ, впрочемъ, нисколько не соотвѣтствовало ходу дѣла¹⁾. Мерси неоднократно объяснялъ Бестужеву, что его предположенія на этотъ счетъ лишены основанія и что его раздраженіе по этому поводу основано на недоразумѣніи (415).

Графъ Мерси былъ въ восхищеніи отъ необычайныхъ способностей Бестужева (82), но въ то же самое время онъ сомнѣвался въ его нравственности, считая его не безъ основанія легко доступ-

¹⁾ См. нѣкоторые данные объ этомъ эпизодѣ въ моемъ сочиненіи «Екатерина II.», стр. 84 и 85.

нымъ для подкупа человѣкомъ (81). Неоднократно Мерси писалъ о громадномъ значеніи, которое имѣли и въ это время для Бестужева деньги (599 и 609). Къ тому же Мерси находилъ Бестужева раздражительнымъ, не терпящимъ противорѣчія, «деспотомъ» (*ein wahrer Tugann*) (96), всегда склоннымъ къ интригамъ (97).

Вліяніе Бестужева на дѣла, по мнѣнію графа Мерси, было очень сильнымъ въ это время. Другіе сановники, какъ, напр., Воронцовъ, кабинетъ-секретарь Олсуфьевъ и пр., были лишены значенія. Бестужевъ теперь мстилъ имъ за ихъ участіе въ его удаленіи отъ двора въ 1758 году. Екатерина считала тогда И. И. Воронцова главнымъ виновникомъ катастрофы канцлера¹⁾; Олсуфьевъ же былъ редакторомъ манифеста, публикованного при паденіи Бестужева (83). Въ одномъ изъ донесеній Мерси сказано, что на Бестужева въ Петербургѣ смотрѣть какъ на первого министра (*Premier-Minister*) (181). Къ тому же Бестужевъ увѣрялъ графа Мерси, что его мысли постоянно направлены къ общему благу обоихъ императорскихъ дворовъ, что эти мысли онъ сохранитъ до могилы и не раньше успокоится, «пока снова не будетъ совершенно возстановлено между двумя великими императрицами прежнее доброе согласіе и дѣятельное единомысліе» (415).

Въ разговорахъ съ графомъ Мерси Бестужевъ часто жаловался на Панина и указывалъ на необходимость сближенія съ фаворитомъ императрицы, Орловымъ. Этимъ объясняется агитaciя Бестужева въ пользу брака Екатерины съ Орловымъ (472, 585); честолюбіе Бестужева заставляло его хлопотать о княжескомъ достоинствѣ для Орлова (601) и пр.

До чего доходилъ скромность Бестужева въ бесѣдахъ съ графомъ Мерси, видно изъ того обстоятельства, что онъ нерѣдко весьма невыгодно отзывался о личности императрицы. Такъ, напр., онъ, въ августѣ 1763 года, «горько жалуясь на свою государыню, замѣтилъ, что сдѣлалъ бы лучше, если бы совсѣмъ удалился отъ дѣлъ, такъ какъ онъ не пользуется должностными довѣріемъ, заслуженнымъ имъ неутомимымъ усердіемъ и важными услугами при разныхъ случаяхъ». «Графъ Бестужевъ»,—доносилъ Мерси далѣе,—«съ болѣшою живостью сказалъ, что шаткий образъ мыслей его государыни, самомнѣніе, далеко превышающее ея силы, и химерическое намѣреніе превзойти всѣхъ своихъ предшественниковъ, не исключая даже Петра I, въ проницательности, ловкости и опыта—таковы главныя причины того, что въ дѣлахъ ничто не удается и сдѣлано столько ошибокъ, что невозможно и предвидѣть, какъ онъ могутъ быть когда либо исправлены. Въ особенности же, увѣрялъ меня графъ Бестужевъ, одно изъ главныхъ заблужденій его государыни состоить въ желаніи ея подражать королю прус-

¹⁾ См. мое соч. «Екатерина II», стр. 86.

скому, подобно ему управляя государствомъ, одною, безъ совѣтниковъ, принимая столь же быстрыя рѣшенія и предпринимая невозможныя дѣла, въ увѣренности, что величайшія трудности не могутъ противостоять ея могуществу, но что все должно совершаться согласно ея волѣ, безъ малѣйшаго возраженія» (577—578). Другой разъ Бестужевъ говорилъ графу Мерси: «Императрица даетъ свои приказанія то тому, то другому и часто столь различно, что отъ этого могутъ воспользоваться лишь запутанность и промахи» (661—662). Воспроизведя такія замѣчанія Бестужева, графъ Мерси совершенно справедливо обращаетъ вниманіе князя Кауница на то обстоятельство, что бывшій канцлеръ, не успѣвшій пріобрѣсти главнаго мѣста въ управлениі дѣлами, оскорбленный небезусловнымъ довѣріемъ Екатерины, увлекается и что все это должно быть принято въ соображеніе при оцѣнкѣ его отзывовъ о Екатеринѣ (665).

О другихъ сановникахъ въ донесеніяхъ графа Мерси почти во все не говорится. Воронцовъ, отстававшій кое-когда мысль о союзѣ съ Австріею (48 и 59), не имѣлъ никакого вліянія. Къ тому же онъ казался австрійскому дипломату неспособнымъ и безхарактернымъ (82). Не играя никакой болѣе важной роли (425) и оскорбивъ императрицу своею оппозицією противъ ея брака съ Орловымъ (510), онъ собирался уѣхать въ Италію. До отѣзда онъ у себя устроилъ великолѣпное празднество, въ которомъ участвовала императрица и къ которому были приглашены иностранные дипломаты (556).

Совершенно ничтожны замѣчанія о Голицынѣ (52), о Мюннихѣ (201) и пр. За то не лишенъ интереса вопросъ о «добромъ другѣ», чрезъ котораго Мерси узнавалъ, разумѣется, за деньги кое-какія подробности о дѣлахъ. Уже при разборѣ XVIII-го тома «Сборника исторического Общества» мы указали на этотъ вопросъ о «добромъ другѣ» и выразили желаніе, чтобы сдѣлалось извѣстнымъ, кто былъ этотъ партизанъ австрійского посольства¹). Къ сожалѣнію, и во второмъ томѣ донесеній Мерси не встрѣчается данныхыхъ, разъясняющихъ этотъ вопросъ, хотя обѣ этомъ «доброму другу» говорится очень часто, особенно осенью 1763 года. Это загадочное лицо во всякомъ случаѣ занимало при дворѣ довольно видное мѣсто. Такъ, напр., Мерси пишетъ 22 августа 1763 года: «Добрый другъ начинаетъ пріобрѣтать большее довѣріе и уваженіе своей государыни. Я при всякомъ случаѣ нахожу въ немъ прежняго благомыслящаго человѣка» (610). Чрезъ него Мерси узнавалъ обѣ отношеніяхъ Россіи къ другимъ державамъ, о совѣтаніяхъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и пр. (626). Онъ иногда даже оказывалъ прямое вліяніе на дѣла (635), задерживая, напр., заключеніе русско-пруссаго трактата и пр. Съ нимъ Мерси бесѣдоваль иногда при

¹) См. наши замѣчанія на этотъ счетъ въ «Др. и Нов. Россіи», 1878, III, 185—187.

торжественныхъ придворныхъ собранийхъ (653). Изъ одного донесенія Мерси, которое было «перлюстровано», русское правительство узнало о такихъ сношеніяхъ австрійского дипломата съ «добрѣмъ другомъ» (688), однако, какъ кажется, послѣдній не пострадалъ отъ этого, потому что не узнали его имени.

Впрочемъ, «добрый другъ» самъ не былъ посвященъ въ главныя тайны политической дѣятельности Екатерины. Такъ, напр., онъ зналъ о перепискѣ императрицы съ Фридрихомъ II вообще, не имѣя понятія о содержаніи этихъ важныхъ писемъ (публикованныхъ въ XX-мъ томѣ «Сборника исторического Общества»). Мерси замѣчаетъ: «Ни добрый другъ, ни даже довѣренѣйшій секретарь Елагинъ, ни кто другой не посвященъ въ тайную переписку царицы. Вышеозначенный добрый другъ повѣдалъ мнѣ, что упомянутая переписка ведется очень часто и хранится въ особомъ столѣ, ключъ отъ которого находится въ рукахъ здѣшней государыни» (694). А въ другомъ мѣстѣ: «Когда известный добрый другъ при случай старался въ бесѣдѣ съ государынею узнать кое-что о неподписанномъ еще прусскомъ договорѣ, то царица не пожелала высказаться передъ нимъ ни единымъ словомъ» и пр. (706—707).

Нѣть сомнѣнія, что имя «доброго друга» часто встрѣчается на страницахъ исторіи этой эпохи; однако, пока мы не знаемъ, кто былъ царедворецъ, или чиновникъ, получавшій отъ Австріи деньги за сообщеніе государственныхъ тайнъ. Остается желать, чтобы кто либо занялся изслѣдованіемъ этого вопроса, рѣшеніе котораго мы считаемъ легко возможнымъ.

VII.

Положеніе императрицы Екатерины въ первое время ея царствованія было далеко небезопаснымъ. Происходили кое-какіе беспорядки въ войскѣ, въ особенности же въ гвардейскихъ полкахъ. Являлись претенденты на престолъ. Говорили о кандидатурѣ бывшаго императора Ioанна Антоновича, находившагося въ это время въ Шлюссельбургской крѣпости; разсуждали о правахъ Павла Петровича на престоль, такъ что Екатерина могла быть лишь правительницей до совершеннолѣтія ея сына. Происходили бунты. Были покушенія на жизнь Орлова и пр.

Обо всемъ этомъ современники узнавали немного. Правительство не могло желать, чтобы публика знала о такихъ эпизодахъ, о политическихъ преступникахъ, о слѣдствіяхъ, производимыхъ по случаю такихъ смуть.

Тѣмъ болѣе оказываются достойными вниманія данныя, относящіяся къ этимъ событиямъ и встрѣчающіяся въ донесеніяхъ графа Мерси. Изъ многихъ замѣчаній австрійского дипломата ви-

дно, что и онъ считалъ положеніе Екатерины въ это время чрезвычайно опаснымъ.

О кончинѣ императора Петра III въ Ропшѣ Мерси доносиль 24 июля 1762 года: «Низложенный русскій императоръ былъ въ Ропшѣ до того неумѣрень въ пищѣ и питьѣ, что заболѣлъ сильношею рѣзью въ желудкѣ; а какъ во время этого припадка онъ потребовалъ еще различныхъ напитковъ, которые и были безразсудно поданы людьми, приставленными прислуживать ему, то необычайное количество пищи и всякаго рода крѣпкихъ напитковъ произвели воспаленіе, отъ коего онъ черезъ 24 часа и скончался» (8).

Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ о кое-какихъ беспорядкахъ въ казармахъ гвардейскихъ полковъ. Мерси также упоминаетъ объ этихъ событияхъ, замѣчая, что при дворѣ сильно беспокоились по этому поводу (36). Указывая на грозящую императрицѣ со стороны войска опасность, Мерси пишетъ: «Такъ какъ нынѣ царствующая государыня вступила на русскій престолъ столь необычайнымъ образомъ, то не можетъ не признать сама, что она, безъ всякаго законнаго права, обязана таковыми особенно счастливымъ успѣхомъ единственно случайному стечению многихъ совершенно непредвидѣнныхъ обстоятельствъ. При этомъ государынею должно всегда руководить основательное опасеніе и осторожность въ отношеніи ея иностранного происхожденія и существованія цѣлаго семейства, происходящаго отъ царской крови¹⁾). Поэтому совершенно естественно, что первое помышленіе и забота ея будутъ направлены главнымъ образомъ, даже почти исключительно, къ сохраненію за собою и возможно большему недавно начавшагося ея правленія» (43—44).

Нѣкоторыя, пока, неизвѣстныя черты о беспорядкахъ въ войскахъ встрѣчаются въ донесеніи графа Мерси отъ 22 августа 1762 года. Тутъ сказано: «Нѣсколько солдатъ изъ Семеновскаго и Измайловскаго гвардейскихъ полковъ затѣяли между собою перебранку, причемъ первые упрекали послѣднихъ, что они предали своего законнаго государя и тѣмъ причинили ему смерть. Этотъ споръ на словахъ мало-по-малу до того разгорѣлся въ смежныхъ казармахъ этихъ гвардейскихъ полковъ, что нѣкоторые недовольные, продолжаяссору, свободно высказали слѣдующее: несправедливо было возвести на престолъ иностранную принцессу безъ всякаго права или присужденія, а какъ императора Петра III нѣть уже въ живыхъ, то слѣдуетъ искать законнаго государя въ лицѣ принца Ивана. Нѣкоторые, разгорячившись, утверждали даже, что упомянутый принцъ проживаетъ скрытно въ Петербургѣ и нашелъ средство тайно уѣхжать изъ Шлюссельбурга, гдѣ былъ заключенъ до тѣхъ поръ. Когда о такомъ смятеніи немедленно дано было знать

¹⁾ Т. е. Иоанна Антоновича и его родственниковъ.

ко двору, гдѣ известіе это возбудило величайшее беспокойство, то тотчасъ былъ посланъ въ казармы камергеръ Орловъ, чтобы усмирить это начинавшееся восстание и предотвратить его дальнѣйшее развитіе. Но когда камергеръ Орловъ прибылъ въ Преображенскій гвардейскій полкъ, то былъ удаленъ оттуда солдатами съ бранью. Рѣчи ихъ становились все возбужденѣе, такъ что нѣкоторые солдаты хотѣли даже взяться за оружіе. Къ разъяренному войску вторично послали Орлова и другихъ знатныхъ офицеровъ, которымъ удалось наконецъ увѣщаніями и раздачею денегъ усмирить ихъ и склонить къ спокойному возвращенію въ свои казармы. При этомъ случаѣ во многихъ мѣстахъ города были разставлены удвоенные пикеты; нѣкоторые изъ гвардейскихъ офицеровъ посанжены въ крѣпость, а также приняты разнаго рода мѣры, указывавшія на немалое беспокойство. А какъ впродолженіе двухъ послѣдовавшихъ дней между простымъ народомъ продолжали распространяться возмутительныя рѣчи, то и войско не переставало роптать и, между прочимъ, жаловалось, что ему не дозволили при возмущеніи ограбить пребывающихъ здѣсь иностранцевъ, присовокупляя, что новая императрица еще не коронована и можетъ еще не достичь короны. Кроме того, неумолкаемо и открыто шла рѣчь о принцѣ Иванѣ. Между тѣмъ дворъ сдѣлалъ уже распоряженіе— немедленно перевезти упомянутаго принца Ивана, который дѣйствительно находился еще въ Шлюссельбургѣ, оттуда въ мѣстечко, лежащее на крайней границѣ Финляндіи, посреди озера и известное подъ именемъ Нишлота. Затѣмъ послѣшили внушить войскамъ, что принцѣ Иванѣ отнюдь не находится на свободѣ, какъ они думаютъ. Не смотря на то, не всѣ недовольные успокоились вполнѣ, а опасенія двора еще болѣе подтвердились тѣмъ, что солдаты своднаго изъ различныхъ гвардейскихъ полковъ баталіона, отправленнаго въ Москву, при прибытіи въ Новгородъ, отказались идти далѣе, чтобы, какъ они выразились, дождаться прежде своихъ слѣдовавшихъ за ними товарищѣй, и хотя эти упрямцы и были усмирены, на сколько это было возможно, но все же спокойствіе новаго правительства не представляется достаточно обеспеченнымъ. Въ прошедшее воскресеніе, при дворѣ, на лицахъ всѣхъ замѣтно было явное смущеніе и, не смотря на то, что тщательно старались, на сколько возможно, скрывать истинное положеніе дѣлъ, не прекращавшіяся совершенно среди народа опасныя рѣчи только яснѣе указывали на все еще угрожавшую опасность» (48—51).

Государственный переворотъ 1762 года имѣлъ главнымъ образомъ характеръ военнаго бунта. Екатерина была обязана престоломъ заступничеству офицеровъ и солдатъ. Теперь же послѣдніе считали себя въ правѣ при случаѣ распоряжаться короною въ пользу Ioanna Antonovicha. Разсказъ о перебранкѣ солдатъ встрѣчается и въ донесеніяхъ англійскаго дипломата, находившагося въ

то время въ Петербургѣ¹⁾). Упоминается объ этомъ эпизодѣ и въ другихъ источникахъ²⁾), но у графа Мерси мы встрѣчаемъ болѣе подробныя данныя. Замѣчанія о беспорядкахъ въ Новгородѣ могутъ считаться новостью. Австрійскій дипломатъ и въ сентябрѣ возвращается къ этому предмету, замѣчая: «Хотя много труда и усилий стоило побудить остановившійся въ Новгородѣ баталіонъ продолжать дальнѣйшій походъ въ Москву, но все же это волненіе нѣсколько улеглось; не смотря на то, при такомъ огнѣ, продолжающемъ тлѣть подъ пепломъ, никакъ нельзя считать положеніе новаго правительства вполнѣ упроченнымъ, ни съ достовѣрностью предвидѣть успѣхи его въ будущемъ» (135).

Послѣ того какъ весь дворъ, а вмѣстѣ съ нимъ и иностранные дипломаты отправились въ Москву, гдѣ происходило торжество коронаціи, графъ Мерси и оттуда доносилъ, что положеніе императрицы Екатерины должно считаться опаснымъ. Въ октябрѣ онъ писалъ: «Со времени первыхъ проявленій неудовольствія, высказанаго вскорѣ по кончинѣ прежняго царя, въ Петербургѣ, посреди гвардейскихъ полковъ, беспокойное настроеніе не только безпрерывно продолжалось, но и распространялось до здѣшней древней столицы Россіи. Большая часть націи казалась разъ навсегда не-расположеною къ иностранному происхожденію новой государыни. Постоянно вспоминали о принцѣ Иванѣ, и не смотря на всѣ старанія, приложенные къ тому, чтобы подготовить жителей этого города къ сочувственному приему новой императрицы, все же было невозможно достигнуть въ этомъ случаѣ желаемаго, такъ что русскій народъ, при вѣзѣ государыни, выразилъ лишь общее любопытство, обыкновенно вызываемое каждымъ новымъ общественнымъ зрѣлищемъ. Внѣ этого не было никакой возможности побудить публику къ выраженію малѣйшей радости или удовольствія, и радостныя восклицанія нѣкотораго числа деньгами подкупленныхъ людей дали мнѣ тѣмъ яснѣе понять, что недовольные дѣйствительно составляютъ большинство. Между этими послѣдними даже находилось нѣсколько такихъ, возгласы которыхъ были направлены на молодаго великаго князя, и они называли его своимъ императоромъ» (164). Немного дальше Мерси пишетъ о самой церемоніи: «Торжественное коронованіе русской императрицы совершилось скорѣе въ беспорядкѣ, чѣмъ съ особеною пышностью, а также при весьма немногихъ проявленіяхъ радости со стороны народа, хотя не было упущено ничего изъ виду, чтобы наилучшимъ образомъ возвѣдить его къ тому» (165). И дальше: «Побуждали народъ къ радостнымъ кликамъ часто повтореннымъ бро-

¹⁾ «Сборникъ ист. Общ.», XII. 38.

²⁾ У Мейнерцагена, въ брошюре де-ла-Марша: «Nouveaux memoires ou anecdotess», въ запискахъ Позье и Державина.

саніемъ въ него денегъ, и когда клики эти раздались очень громко, то императрица обратилась ко мнѣ со слѣдующими замѣчательными словами, что теперь можно видѣть, какъ народъ привыкъ къ ней и что я могу самъ засвидѣтельствовать это, а если существуютъ люди, говорящіе противное, то они крайне ошибаются» (169). А затѣмъ: «Императрица подошла къ окну и велѣла указать мнѣ мѣсто у ближайшаго окна. Ея величество сама кидала много денегъ въ народъ, для котораго въ это время на дворцовой площади было вино изъ фонтана и раздавалось жареное мясо и другіе съѣстные припасы. Не смотря на это угощеніе, народъ отнюдь не казался расположеннымъ къ истинной радости, и все время бросалось въ глаза искусственное и принужденное настроеніе» (171).

Въ другомъ донесеніи Мерси сообщаетъ о заговорѣ въ пользу Павла въ Москвѣ, объ арестованіи нѣкоторыхъ офицеровъ гвардіи. «Неудовольствие это»,—замѣчаетъ австрійскій дипломатъ,—«тѣмъ замѣтнѣе, что оно проявилось послѣ коронованія императрицы» (202). Немного спустя, Мерси замѣчаетъ, что заговорщики намѣревались «посадить на престолъ великаго князя Павла или принца Ивана». «Различіе мнѣній»,—сказано далѣе въ донесеніи австрійскаго дипломата,—«относительно выбора одного изъ этихъ принцевъ съ самаго начала возбудило между ними большія затрудненія въ соглашеніи по этому предмету. Обстоятельство это, а равно и нѣсколькою неосторожныхъ рѣчей и мѣръ выдали ихъ, а арестъ заговорщиковъ тотчасъ же разсѣялъ грозу» (231).

При такомъ положеніи будущее Россіи представлялось графу Мерси въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. «Легко усмотрѣть»,—писалъ онъ въ ноябрѣ,—«что здѣшняя самодержица имѣть много поводъ опасаться какъ за настоящее, такъ и за будущее, и что правительство ея едва ли ¹⁾ достигнетъ той степени спокойствія, чтобы въ полной и дѣйствительной мѣрѣ имѣть возможность обратить вниманіе свое на внутреннее устройство и благосостояніе государства. Всѣ его основы нынѣ поколеблены, а такъ какъ государыня считаетъ нужнымъ для удержанія себя на престолѣ казаться снисходительною, то изъ сего проистекаетъ, что каждый старается извлечь пользу изъ этого обстоятельства самымъ выгоднымъ для себя образомъ. Отъ того происходитъ многое несправедливостей, монополій и разныхъ другихъ безпорядковъ, прекратить которые будетъ трудно въ будущемъ, и вся Русская монархія можетъ подвергнуться совершенному разрушенню» (232).

И въ томъ обстоятельствѣ, что великий князь Павелъ Петровичъ хворалъ часто и также во время пребыванія двора въ Москвѣ былъ серьезно боленъ, Мерси видѣлъ страшную опасность, грози-

¹⁾ «Schwerlich» не можетъ быть переведено «съ трудомъ», какъ это сдѣлано въ этомъ мѣстѣ въ изданіи истор. Общества.

вшую престолу Екатерины. Не даромъ онъ въ своихъ донесеніяхъ очень часто возвращался къ этому предмету (155, 198, 200, 203). Въ ноябрѣ онъ писалъ: «Великій князь избѣжалъ опасности, которую угрожала ему болѣзнь; однако, организмъ его, крайне слабый и недужный, подаетъ весьма мало надежды на сохраненіе этого молодаго принца, а потому здѣсь легко могутъ произойти такія события, которыя нанесутъ могучій ударъ Русскому государству» (стр. 233, см. также стр. 391).

Слѣдствіе, произведенное надъ ростовскимъ митрополитомъ, Арсеніемъ Мацѣевичемъ, не произвело особенного впечатлѣнія на графа Мерси. Говоря о секуляризаціи духовныхъ имуществъ (305, 393, 445, 461), онъ лишь слегка касается этого эпизода. За то онъ нѣсколько разъ говорить о преслѣдованіи недовольныхъ, объ арестованіи заговорщиковъ, о приверженцахъ Иоанна Антоновича и пр. Сообщивъ нѣкоторыя подробности объ опасности, грозившей Екатеринѣ со стороны Шлюссельбургскаго узника и его родственниковъ, находившихся въ то время въ Холмогорахъ, Мерси замѣчаетъ: «Изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ несомнѣнно явствуетъ, что какъ правительство царицы, такъ и престолонаслѣдіе болѣзненнаго великаго князя могутъ еще подвергнуться многимъ удивительнымъ случайностямъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые гвардейскіе офицеры не боятся утверждать, что имъ хорошо известно, что царица не болѣе какъ дочь прусскаго генерала» (408—409).

Мерси оставался убѣжденнымъ въ шаткости положенія Екатерины тѣмъ болѣе, что, какъ ему казалось, императрица не пользовалась популярностью въ народѣ. Послѣ возвращенія въ Петербургъ онъ писалъ лѣтомъ 1763 года: «Хотя царица и ея доброжелатели здѣсь, также какъ и въ Москвѣ, дѣлаютъ все возможное, чтобы привлечь на свою сторону недовольные умы, но все же при вѣздѣ ея, народъ, нѣсколько сотъ человѣкъ изъ котораго было закуплено деньгами, не выказалъ ни малѣйшей радости; въ особенности же солдаты кричали «ура» съ насмѣшкою. Такое продолжающееся недовольство возбуждаетъ въ ней немало беспокойства и опасенія. Я могъ ясно убѣдиться въ тотъ же вечеръ, что она весьма близко принимаетъ къ сердцу неуваженіе къ ея особѣ столько же дворянства, сколько и народа, и потому она была въ дурномъ расположении духа. Къ сему еще слѣдуетъ замѣтить, что между лицами, взятыми подъ стражу въ Москвѣ, находятся три приверженца императрицы, а именно: камергеры Хитрово и Ласунскій и гвардіи маіоръ Рославлевъ; послѣдній производить тѣмъ большее впечатлѣніе, что онъ былъ у нея въ большой милости. Изъ всего этого, впрочемъ, нельзя вывести заключенія о вѣроятности продолжительного правленія царицы; можно думать, что огонь, по крайней мѣрѣ, еще нѣкоторое время будетъ тлѣть подъ пепломъ» (548—549).

Достоинъ вниманія слухъ о слѣдующемъ эпизодѣ. Мерси пишетъ 5 іюля 1763 года: «Въ Москвѣ сорванъ былъ портретъ императрицы съ сооруженныхъ въ честь ея триумфальныхъ воротъ. Этотъ случай и нежеланіе знатнѣйшихъ лицъ націи, чтобы императрица вступила въ бракъ съ Орловымъ, причиняетъ царицѣ страхъ и заботу» (543).

Упоминая о слухахъ арестованія разныхъ политическихъ преступниковъ, Мерси разсказываетъ слѣдующее: «Сынъ генерала Бороздина, служившій въ артиллеріи капитаномъ, въ послѣднее время открыто держалъ такія вольныя и безбоязненныя рѣчи, что всѣ старались избѣгать его. Онъ объяснялъ дерзко всѣмъ, кто только хотѣлъ его слушать, что нынѣшняя здѣшняя государыня, равно какъ и сынъ ея, великий князь, не имѣютъ правъ на владѣніе Русскимъ государствомъ, и хотя ей и удалось, благодаря принятіемъ ею мѣрамъ, удержаться нѣкоторое время на престолѣ, но, тѣмъ не менѣе, и государство и весь народъ, чтѣ бы ни дѣлала нынѣшняя государыня, съумѣютъ сообразно времени и обстоятельствамъ, прибѣгнуть къ дѣйствительнымъ средствамъ, чтобы добыть себѣ снова законнаго государя. Можно, конечно, отсѣчь много головъ, но всегда найдутся другія головы и въ большемъ противъ прежніаго числѣ». «Въ виду этихъ смуть и беспокойствъ»,—продолжаетъ австрійскій дипломатъ,—«признано было нужнымъ занять сильными пикетами всѣ площади и главныя улицы здѣшней столицы. Слѣдствіе и арестъ разныхъ лицъ продолжаются безпрерывно; всѣ въ страхѣ и на всѣхъ лицахъ видно мрачное выраженіе, смущеніе и неудовольствіе. Здѣшняя государыня выказываетъ при этомъ, во внѣшности своей, много мужества и твердости. Все относящееся къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ содержится въ глубокой тайнѣ, такъ что при здѣшнемъ осторожномъ обращеніи нельзя проникнуть въ точности весь ходъ дѣла, хотя истинно ужасное положеніе здѣшнихъ замѣшательствъ бросается вся кому въ глаза, и нѣтъ сомнѣнія, что вскорѣ предстоитъ перемѣна». Говоря далѣе объ общей ненависти къ Орлову, Мерси разсказываетъ: «Шесть недѣль тому назадъ, а именно во время послѣднихъ волненій, два или три офицера предприняли убить упомянутаго камергера ночью, въ его покой, во дворцѣ. Они даже подкупили десятью червонцами часоваго, который долженъ былъ стоять на караулѣ, въ часъ, назначенный для совершенія убийства. Обстоятельство это въ строжайшей тайнѣ довѣрилъ мнѣ графъ Бестужевъ» (590—592).

Такимъ образомъ, судя по рассказамъ графа Мерси, опасность не было конца, и онъ ожидалъ катастрофы Екатерины и Орлова. Онъ даже считалъ для Австріи не столь нужнымъ хлопотать о союзѣ съ Россіею, замѣчая: «Здѣшнее слабое правительство принимаетъ въ соображеніе очевидную опасность слишкомъ

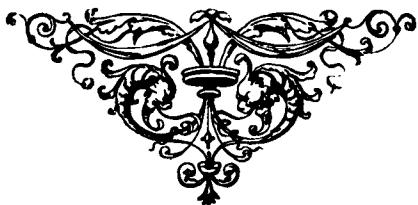
далеко зайти въ предпріятіяхъ, которыя могутъ причинить низверженіе здѣшней государыни» (646). Особено любопытно слѣдующее совершенно для насъ новое сообщеніе графа Мерси, изъ котораго видно, что положеніе Екатерины въ то время дѣйствительно считалось какъ нельзя болѣе критическимъ. Онъ доноситъ въ октябрѣ 1763 года: «Недавно до свѣдѣнія моего дошло замѣчательное обстоятельство, а именно, что царица во время здѣшнихъ волненій, изъ предосторожности, выслала за границу значительныя денежныя суммы и довѣрила ихъ прусскимъ рукамъ» (643). Въ другомъ донесеніи объ этомъ предметѣ говорилось еще подробнѣе: «Графъ Бестужевъ», — писалъ Мерси въ концѣ октября, — «открылъ мнѣ, взявъ съ меня обѣщаніе соблюдать глубочайшее молчаніе, что его государыня велить вывозить изъ имперіи весьма значительныя и простирающіяся до нѣсколькихъ миллионовъ денежнныя суммы, чтобы, въ случаѣ перемѣны, обеспечить себѣ нужные средства къ жизни. Къ этому вышеупомянутый министръ присовокупилъ еще другое замѣчаніе, что царица намѣревается будущимъ лѣтомъ предпринять водою поѣздку въ Ревель и что поѣздка эта задумана съ цѣлью мало-по-малу пріучить публику къ подобнымъ экскурсіямъ и такимъ образомъ держать себѣ открытый путь, чтобы въ случаѣ возникновенія критическихъ обстоятельствъ удобно и безопасно выѣхать изъ государства. Что касается до вывезенныхъ изъ Россіи денежнныхъ суммъ, то обстоятельство это было уже мнѣ известно, вслѣдствіе того, что въ означенной операциіи служить орудіемъ одинъ итальянецъ, авантюристъ, по имени Бартоли, и ему прошлымъ лѣтомъ было поручено предпринять поѣздку въ Амстердамъ, оттуда въ Берлинъ, наконецъ въ Гамбургъ, где онъ, говорять, оставилъ весьма значительные вклады. Если въ общей сложности взвѣсить все значеніе сказанного мнѣ граffомъ Бестужевымъ, то его сообщенія должны показаться крайне удивительными» и пр. (662—663).

Таково главное содержаніе донесеній графа Мерси. Повторяемъ, что онъ не можетъ считаться вполнѣ беспристрастнымъ повѣствователемъ. Неловкость его положенія въ качествѣ австрійского дипломата въ Россіи въ то время, когда существовалъ тѣсный союзъ между Пруссіею и Россіею, не могла не оказывать влиянія на его образъ мыслей, на его сужденія, на его отзывы о Россіи и объ императрицѣ Екатеринѣ. Его пессимизмъ оказался лишеннымъ основанія. Положеніе императрицы не было столь опаснымъ, какъ казалось графу Мерси. Екатерина усидѣла на престолѣ. Заговоры и бунты прекратились. Перемѣны, которой ожидалъ Мерси, не было. Впрочемъ, онъ покинулъ Россію въ то время, когда въ Россіи продолжался кризисъ, бывшій слѣдствіемъ предшествовавшихъ государственныхъ переворотовъ. Происходила немнога позже катастрофа Иоанна Антоновича въ Шлюссельбургѣ; возобновилось на

крайнемъ съверъ слѣдствіе надъ Арсеніемъ Маз'евичемъ; на крайнемъ востокѣ Беневскій провозгласилъ Павла Петровича императоромъ, явился Пугачевъ...

Изъ вышеприведенныхъ выдержекъ изъ донесеній графа Мерси видно, что этотъ источникъ богатствомъ содержанія нисколько не уступаетъ другимъ материаламъ этого рода, напр., депешамъ Сольмса или англійскихъ дипломатовъ, относящихся къ этому же времени, и что императорское историческое Общество изданиемъ этого памятника оказало существенную услугу наукѣ отечественной исторіи.

А. Брикнеръ.

ЕЛИЗАВЕТА КУЛЬМАНЬ.

(1808—1825).

«Rose elle vécut ce que vivent les roses:
L'espace d'un matin».

АКИЯ СЛОВА начертаны на одномъ изъ оригинальныхъ памятниковъ Смоленского кладбища въ Петербургѣ. Памятникъ имѣть видъ гробницы, усыпанной сверху до низу аканѳовыми листьями, посреди которыхъ повисла въ воздухѣ оторванная отъ стебля пышная роза. Въ гробницѣ лежить молодая дѣвушка съ поразительно правильными, словно у гречанки, чертами лица. Въ исполненіи памятника выдѣнъ несомнѣнныи рѣзецъ художника-артиста. Такіе богатые монументы воздвигаются только царямъ или по ихъ велѣнію.

Памятникъ поставленъ, дѣйствительно, по желанію императрицы Маріи Федоровны и великой княгини Елены Павловны въ 1825 году на могилѣ 17-ти-лѣтней дѣвушки, умершой отъ чахотки среди полнѣйшей бѣдности. Имя дѣвушки — Елизавета Кульманъ. Такъ звали одну изъ самыхъ выдающихся писательницъ начала нынѣшняго столѣтія, произведенія которой появились въ свѣтъ послѣ ея смерти. Императорская россійская академія, разсмотрѣвъ въ 1832 году произведенія умершой писательницы, отозвалась о нихъ «съ отличной похвалой» и изъявила желаніе издать въ свѣтъ ея стихотворенія. Въ 1833 году, появились три части «Пітическихъ опытовъ», а въ 1839 году та же академія сдѣлала второе изданіе, подъ названіемъ: «Полное собраніе русскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ стихотвореній Елизаветы Кульманъ».

«ИСТОР. ВѢСТИ.», ДІКАЕРЬ, 1886 Г., Т. XXVI.

Оба издания были встречены въ литературѣ дружными похвалами¹⁾.

Не смотря на свои 17-ть лѣтъ, Кульмань обладала замѣчательной эрудиціей, въ особенности по древнимъ языкамъ и литературѣ; основательно знала десять иностранныхъ языковъ, писала одинаково свободно на русскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, и какъ писательница, она на столько же принадлежитъ Западу, на сколько и намъ. Отзывы обѣ ея произведеніяхъ встречаются и въ иностранной литературѣ. Французская, итальянская критика привѣтствовали ее величайшей похвалой; Германия отнесла къ числу своихъ классическихъ писателей²⁾.

Черезъ десять лѣтъ послѣ смерти Кульмань, появилась ея биографія, трогательно разсказанная Никитенко³⁾. Биографія пробудила горячую симпатію публики къ этому чудному явленію, поразившему всѣхъ своими необыкновенными дарованіями и прелестью мягкой, чувствительной женской натуры. Подъ вліяніемъ такого чувства одинъ изъ забытыхъ теперь писателей 30-хъ годовъ, Тимофеевъ, написалъ въ стихахъ фантазію: «Елизавета Кульмань». Это дало поводъ Бѣлинскому высказать свое мнѣніе о писательницѣ.

«Елизавета Кульмань,—говорить онъ,—безъ всякаго сомнѣнія, была явленіемъ необыкновеннымъ, не какъ поэтъ, не какъ художникъ, а просто какъ какое-то чудо природы, какое-то странное и прекрасное отступленіе ея отъ своихъ обычныхъ законовъ. Мы читали въ «Библіотекѣ для Чтенія», — продолжаетъ онъ,—статью г. Никитенко о Елизавете Кульмань, — статью живую, одушевленную, горячую, только намъ показался невѣрнымъ, ложнымъ взглядъ автора на Е. К., какъ на поэта; приведенные имъ стихи показываютъ, что она не была даже версификаторомъ, не только поэтомъ; не смотря на то, эта прекрасная статья заставила насъ удивляться Елизавете, какъ чудесному и прекрасному явленію, промелькнувшему въ мірѣ падучею звѣздою»⁴⁾.

Бѣлинскому пришлось высказать свое мнѣніе о произведеніяхъ Кульмань на основаніи нѣсколькихъ стихотвореній, приведенныхъ въ статьѣ Никитенко; ему не извѣстны были тѣ изъ стихотвореній, которые появились только въ концѣ 40-хъ годовъ съ массой нового биографического материала⁵⁾. Подробное изученіе того и другаго даетъ возможность усмотреть въ жизни писательницы то фа-

¹⁾ «Сѣвер. Пчела», 1835 г., № 215; «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1841 г.. № 119; «Рус. Вѣстникъ», 1841 г., № 8.

²⁾ Familienbibliothek der deutschen Klassiker, 1846.

³⁾ «Библіотека для Чтенія», 1835 г., № 12. Эта же статья перепечатана при 2-мъ изданіи стихотвореній Е. Кульмань.

⁴⁾ Соч. Бѣлинского, т. II, стр. 191—192.

⁵⁾ «Библіотека для Чтенія», 1849 апрѣль, май, іюнь, августъ. «Елизавета Кульмань и ея стихотворенія».

тальное, вполне трагическое стечење обстоятельствъ, которое по отношенію къ ея таланту играло роль злой судьбы, было причиной того, что при всѣхъ своихъ гигантскихъ способностяхъ, богатой творческой фантазіи, она не проявила никакой творческой самостоятельности и, обладая несомнѣннымъ поэтическимъ даромъ, сдавила его тяжестью специальной учености, а свободное вдохновеніе превратила въ усидчивый, размѣренный трудъ.

...«Еще не пройдетъ 50 лѣтъ, и забудутъ имя дѣвушки, которая чувствовала въ себѣ столько силы, чтобы жить въ памяти своихъ согражданъ цѣлые вѣка», —такъ говорила 17-ти-лѣтняя умирающая Кульманъ, печально задумываясь при мысли о неизбѣжно надвигающейся смерти¹⁾). 19-го ноября прошлаго 1885 года, минуло 60 лѣтъ со дня ея кончины. По этому случаю я рѣшилась напомнить объ этой необычайной даровитой дѣвушкѣ — скжато набросать очеркъ ея жизни и дѣятельности, отмѣтивъ и трагическую судьбу, постигшую ея талантъ и ея такъ рано порвавшуюся жизнь:

Rose elle v  ut ce que vivent les roses:
L'espace d'un matin.

I.

Въ пору лучшей поры царствованія императора Александра I, когда свѣжей струей повѣяло и въ обществѣ, и въ литературѣ, когда Карамзинъ, осмѣлившійся отступить отъ правиль, установленныхъ ложно-классической школой, выступилъ въ качествѣ публициста и беллетриста, подвергаясь нападкамъ и порицаніямъ сторонниковъ старого,—въ эту пору (собственно 5-го іюня 1808 года) родилась въ Петербургѣ Елизавета Кульманъ. Нѣмка по происхожденію, она жила хотя и въ Россії, но внѣ общественной русской жизни и даже внѣ русской обстановки. Ея отецъ, Борисъ Федоровичъ Кульманъ, былъ природный нѣмецъ. Въ Россії, куда его предки перебрались еще въ царствованіе Михаила Федоровича, у него было много друзей изъ соотечественниковъ—англичанъ, французовъ, итальянцевъ, и почти ни одного русскаго. Мать, полу-нѣмка, полу-русская, женщина хорошо по тому времени образованная (она говорила порусски, понѣмецки, пофранцузски), поддерживала сношенія съ друзьями мужа и послѣ его смерти, которая послѣдовала вскорѣ за рожденiemъ Елизаветы. И по смерти отца та же нерус-

¹⁾ Она ошиблась: о ней вспомнили Хмыровъ («Русскія женщины-писательницы») и Мордовцевъ («Русскія женщины нового времени») прежде, чѣмъ прошло 50 лѣтъ съ ея смерти. Материаломъ для обѣихъ статей служила статья Никитенко («Біографія Е. Кульманъ»).

ская атмосфера окружала юную Кульмань. У нея было много братьевъ, была сестра, но одни рано покинули родной кровъ, другие умерли еще задолго до ея рожденія, такъ что изъ нихъ никто не могъ имѣть никакого вліянія на ея развитіе. Она всю жизнь провела въ обществѣ матери, которую любила до обожанія.

Оставшись по смерти мужа безъ всякихъ средствъ, почти на улицѣ, вдова Кульмань не потерялась. Она стала усиленно работать: сама стряпала, мыла бѣлье, носила дрова, обходилась безъ всякой прислуги. Это, разумѣется, значительно сокращало расходъ, но не давало возможности обходиться совсѣмъ безъ денегъ, а взять ихъ было негдѣ; оставалось одно — не отказываться отъ помощи друзей покойнаго мужа, принимать протянутую милостыню и продолжать съ утра до вечера безустанно работать. Одинъ знакомый англичанинъ предложилъ вдовѣ за дешевую цѣну отдѣльный флигель на Васильевскомъ острову, другое общали взносить за него плату. И она перѣехала сюда вдвоемъ съ своей маленькой дочерью. Кромѣ хозяина англичанина, чаще другихъ заходилъ къ нимъ одинъ изъ близкихъ друзей покойнаго Кульмань, молодой кандидатъ правъ Гроссъ-Гейнрихъ. Ему пришлось играть важную роль въ судьбѣ Елизаветы, потому о немъ придется говорить много и не разъ.

Флигель, гдѣ поселились Кульмань, стоялъ среди большаго двора, длиннаго, широкаго, обнесеннаго высокимъ заборомъ. Вокругъ виднѣлся только небесный просторъ: кромѣ хозяйстваго дома, едва выглядывавшаго изъ большаго сада, вблизи не видать было ни одного строенія. Возлѣ флигеля стоялъ большой тополь съ своей мохнатой темнозеленой шапкой; два куста жасмина ютились у его подножія. Это было любимое мѣсто маленькой Кульмань.

Въ домѣ нищенская бѣдность, иногда безъ мѣднаго гроша впродолженіе цѣлой недѣли; съ утра до ночи безъ устали трудящаяся мать; ни игрушекъ, ни гостицевъ, ни сверстницъ, ни даже нянѣки — вотъ какая картина должна возставать въ воображеніи Елизаветы, при воспоминаніи ранняго дѣтства. За то стоить ей выглянуть изъ дома, и передъ ней большая поляна, вся усыпанная разнообразными полевыми цветами. Для нея каждый цветокъ былъ не просто цветокъ, а живое существо. Вся природа въ ея глазахъ была олицетворенная, живая. Природа замѣняла ей не только игрушки, но и живыя существа, которыхъ не доставало въ ея дѣствѣ. Ей хотѣлось говорить, говорить безумолку, а слушать было некому. И Елизавета начала разговаривать съ цветкомъ, бабочкой, дубомъ, звѣздами, мѣсяцемъ — совершенно такъ, какъ будто передъ ней были товарищи сверстники, или какъ обыкновенно дѣти говорятъ съ куклами. Увидеть она, напримѣръ, какую нибудь травку, смотритъ долго, словно вглядывается, потомъ нагнется къ ней близко и спрашиваетъ: «Кто ты? Откуда?» И, промолчавъ съ минуту, сама отвѣчаетъ за нее:

«Я — дитя земли. Наше жилище тихое и темное. У насъ ни солнца не видать, ни птицъ не слыхать. Съ крыши по каплѣ течетъ вода; мы пьемъ ее, какъ молоко матери. Когда мы выйдемъ изъ колыбели, мать говоритъ намъ: «Дѣти! пробейтесь сквозь крышу! тогда вы увидите солнце и услышите пѣніе птицъ; тогда подлетятъ къ вамъ прекрасныя бабочки, будутъ васъ привѣтствовать и любоваться зеленымъ нарядомъ, а недалеко отъ себя вы увидите фіалку, ландышъ и розу»¹⁾.

Приблизительно такие разсказы создавала въ своихъ дѣтскихъ бесѣдахъ съ природой пятилѣтняя Кульманъ. Все олицетворяла, одухотворяла она въ своемъ воображеніи, нерѣдко переносясь изъ подземного міра въ заоблачный — на небо, на луну, о которыхъ у нея было тоже цѣлый рядъ ею созданныхъ разсказовъ. Мать поддерживала и даже какъ бы сама поощряла этотъ сонъ на яву, эту галлюцинирующую фантазію. И только одинъ хозяинъ-англичанинъ, любитель природы, реалистъ, не могъ иногда удержаться, чтобы не сказать ей, что она говорить вздоръ. Но его вліяніе было ничтожно въ сравненіи съ вліяніемъ матери, и Кульманъ оставалась при своихъ грезахъ. Такъ разъ хозяинъ, направляясь въ большой садъ, увидалъ, какъ она на цыпочкахъ, тихонько ходила по двору.

— А что, Лизанька, пособишь ты мнѣ сегодня поливать цвѣты? — закричала онъ.

Елизавета поспѣшно сдѣлала знакъ рукою — «не говорить громко», и тихонько, едва касаясь земли, стала пробираться къ нему; а дойдя, шепотомъ сказала: «Они спятъ».

— Кто спить?

— Мои цвѣты.

— Ну, вотъ вздоръ какой!

— Ничуть не вздоръ, Иванъ Егоровичъ; право, они спятъ. Придите посмотрѣть. — И она взяла его за руку и осторожно провела къ цвѣтамъ.

— Почему же ты знаешь, что они спятъ? — сказалъ хозяинъ.

— Да потому, что они повѣсили головки и закрыли глаза...

И разговоръ на эту тему длился долго. Долго оспаривалъ ее хозяинъ, но она оставалась всякой разъ при своемъ; она такъ сжималась съ міромъ чудеснаго, что съ каждымъ днемъ ея фантазія уводила ее туда все глубже и глубже. А мать въ свои рѣдкія свободныя минуты занимала ея вниманіе разсказами длинныхъ нѣмецкихъ фантастическихъ сказокъ. Послѣ этого немудрено, что всякое простое явленіе природы принималось пылкой дѣтской фантазіей, настроенной на чудесное, за нѣчто совсѣмъ иное. Вѣтеръ ли завоетъ, поднимется ли буря, и дождь крупными каплями застучитъ въ

¹⁾) «Бібл. для Чтенія», 1849 г.

окна, а тополь низко нагнеть свои вѣтви, касаясь стеколъ, Кульманъ вскакиваетъ и бѣжитъ къ матери.

— Пусти, пусти меня въ садъ, мама!—поспѣшно, возбужденно говорить она.

— Зачѣмъ? Теперь такъ холодно,—уговариваетъ мать.

— Мне надо, непремѣнно надо пойдти къ этому тополю...

— Зачѣмъ?

— Онъ киваетъ мнѣ головою, — серѣзно-умоляющимъ тономъ говорить дѣвочка: — онъ что-то шепчетъ, но ничего не слыхать. Ему хочется вѣрно что нибудь сказать мнѣ. Можетъ быть, и жасминное деревцо, котораго я не видала цѣлый день, просило его поговорить со мной, потому что онъ большой и ему легче меня увидеть. Отпусти меня, мама, отпусти...

И мать сама шла съ дѣвочкой къ тополю.

Выльеть ли кто при ней воду на землю,—она вся встрепенется, напряженно, въ какомъ-то страхѣ слѣдить, какъ уходить вода, какъ исчезаетъ въ землю. Вода исчезла,—она поражена! Но еще минута, и она просияла, радостно вскрикнула, забивъ въ ладоши своими маленькими рученками: «Она выпила! она выпила! Ей такъ хотѣлось пить!»

Богатая природная фантазія дѣвочки, богатое воображеніе поражали окружающихъ, равно какъ и ея необычайная память. Разъ слышанный разсказъ, разъ слышанное слово навсегда сохранялись ею; черезъ годъ, черезъ два, она могла во всѣхъ подробностяхъ повторять то, что говорилось при ней мимоходомъ и чего, казалось, она не слушала. Разъ хозяинъ говорилъ при ней съ матерью о какой-то бумагѣ, которая была у него въ рукахъ; затѣмъ онъ вышелъ въ другую комнату, чтобы спрятать ее. Прошло три года, бумага эта понадобилась. Ее стали искать всюду въ домѣ, но нигдѣ не находили, и хозяинъ съ прискорбиемъ рассказалъ матери Кульманъ свое горе. Елизавета, которая опять тутъ случилась, вдругъ остановила его и сказала: «Постойте! не о той ли вы бумагѣ говорите, которую сами отнесли въ вашу комнату и положили въ маленький ящикъ шкафа, стоящаго вонъ тамъ—въ углу. Это было очень давно: тогда вы подарили мнѣ георгину, а я сказала вамъ, что у сюртука вашего скоро отпадетъ пуговица; вы тутъ же приказывали что-то плотнику, который долго не понималъ вашихъ словъ». Къ этому она прибавила еще нѣкоторыя подробности, и бумага, дѣйствительно, была найдена въ томъ самомъ мѣстѣ, где была указана¹⁾.

Все это дѣлало Елизавету чѣмъ-то особыеннымъ, феноменальнымъ, и Гроссь-Гейрихъ не могъ не видѣть въ дѣвочкѣ богатыхъ затратковъ. Разъ, когда онъ услыхалъ ея опредѣленіе, что такое духъ

¹⁾ «Піитические опыты», Ел. Кульманъ, 1839 г., стр. V.

(«это что-то такое, что есть, но чего не видать»),—ей было тогда всего 5 лѣтъ,—онъ окончательно укрѣпился въ мысли о необычайныхъ дарованияхъ ребенка и рѣшилъ съ своей стороны сдѣлать все, что можно, чтобы изъ Елизаветы Кульманъ образовать учennую женщину, выработать крупную умственную силу, а теперь пока доставить этому бѣдному ребенку тѣ знанія, которыя доступны людямъ богатымъ, ванимающимъ для своихъ дѣтей учителей-гувернеровъ. Изъ Елизаветы рѣшали заранѣе сдѣлать умственную силу, въ то время, какъ отъ природы она была вся поэзія, фантазія, само изящество! Вотъ гдѣ зародышъ того фатального столкновенія въ жизни Кульманъ, которое я имѣю въ виду оттѣнить въ данномъ очеркѣ.

II.

Гроссь-Гейнрихъ происходилъ изъ бѣдной семьи и, только благодаря труду и старанію, которые составляютъ неотъемлемую принадлежность каждого порядочнаго нѣмца, кончилъ курсъ кандидатомъ правъ въ одномъ изъ германскихъ университетовъ, сдѣлался извѣстенъ, какъ хороший знатокъ древнихъ и новыхъ языковъ. Благодаря этому, онъ былъ приглашенъ въ Россію, въ качествѣ педагога къ дѣтямъ графа Апраксина. Россія была для него чужая; его симпатіи были тамъ, въ Германіи, а здѣсь держала возможность хорошаго заработка, и только.

Пробивъ дорогу трудомъ, онъ смотрѣлъ на трудъ, какъ на единственное условіе всякаго успѣха, и цѣнилъ его выше всего. Бѣдность, отсутствіе таланта, наконецъ, самая профессія педагога, которая больше, чѣмъ какая либо другая, стираетъ съ человѣка его собственный индивидуальный особенности, наслаждаeтъ иѣчто шаблонное, укладываетъ въ опредѣленные рамки,—развили въ немъ въ сильной степени осторожность, боязнь чего бы то ни было нового, привязанность къ давно всѣми принятому, установившемуся, перешедшему въ обычай. И бѣда генію или таланту попасть въ подобныя руки.

Гроссь-Гейнрихъ былъ педагогъ-идеалистъ, беззавѣтно любившій свое дѣло и вѣрившій въ него. Способный, трудолюбивый ученикъ дѣлался ему дорогъ, какъ его собственное родное дитя; онъ многимъ готовъ былъ пожертвовать, чтобы удовлетворить похвальную любознательность такого ученика. Въ такихъ случаяхъ Гроссь-Гейнрихъ не дорожилъ ни временемъ, ни покоемъ, ни отдыхомъ. Онъ былъ, что называется, педагогъ по призванію; ему доставляло удовольствіе передавать знанія и видѣть, какъ прививаются они, а также и тѣ добрыя нравственные начала, которыя онъ самъ исповѣдоваль. Успѣхъ ученика былъ для него наградой. Однимъ словомъ, это былъ лучшій типъ педагога въ нравственномъ отно-

шени и въ то же время, надо прибавить, самый опасный для всего оригинального, въ чём проявляется настоящий талантъ.

Неудивительно послѣ этого, что Гроссъ-Гейнрихъ не могъ пройти равнодушно мимо такой дѣвочки, какъ Елизавета, которая поражала сообразительностью, наблюдательностью, воображениемъ, фантазией, памятью. Для такого педагога она была рѣдчайшей находкой, силой, надъ которой стоить поработать, малѣйший трудъ будешь вознагражденъ сторицею, несомнѣннымъ сознаніемъ полезности потраченного труда. Такъ долженъ былъ думать Гроссъ-Гейнрихъ, смотря на Кульманъ. И онъ привязывается къ необычайному ребенку самой нѣжной, самой трогательной любовью; не только отдаетъ всякую свободную минуту, чтобы какъ можно больше сообщить знаній, онъ подмѣщаетъ каждое душевное движение дѣвочки, слѣдить за внутреннимъ развитиемъ ея мысли, за тѣмъ, какъ отражается въ этой умной, чутъе геніальной головкѣ тотъ или другой слышанный разговоръ, видѣнныи фактъ; предупреждаетъ ходъ развитія мысли въ ту или другую сторону, употреблять всѣ пріемы умѣлого педагога, чтобы не дать развиться въ ней той или другой идеѣ, которую онъ считаетъ отрицательной или просто вредной. Онъ, какъ искусный садовникъ, сообщаетъ излюбленному растенію форму и цвѣтъ, какіе приняты въ его типлицѣ, пользуясь богатой потенциальной силой самого растенія, которая еще не успѣла обьявиться, чтобы закрѣпить ему прирожденные форму и цвѣтъ. Остановивъ свое удивленное вниманіе на необычайныхъ способностяхъ дѣвочки, добросовѣстный педагогъ вмѣстѣ съ тѣмъ беретъ въ полонъ ея мысли, взгляды, думы, весь ея необычайно дѣятельный, своеобразный внутренній мірокъ; беретъ ее въ нравственную и умственную опеку, беретъ главнымъ образомъ силою своей глубокой любви.

Любовь къ Елизаветѣ доходила у него до самыхъ мельчайшихъ заботъ объ ея нуждахъ и нуждахъ ея матери. Если не хватало денегъ на чай, масло, на хлѣбъ,—а часто случалось, что и на хлѣбъ не хватало,—Гроссъ-Гейнрихъ какъ-то съумѣть узнать и непремѣнно пришлетъ и чаю, и денегъ, и хлѣба. Онъ знаетъ, что она любить цвѣты, любить все изящное, не забудеть принести и перчатки, и какую нибудь красавицу ленточку, и цвѣтовъ. Разъ, когда хозяинъ развелъ возлѣ ея дома садъ, разбилъ куртины, насадилъ цвѣтовъ и отдалъ садъ въ ея распоряженіе, учитель принесъ 4 гипсовыхъ вазы и поставилъ по угламъ цвѣтника. Онъ же принесъ ей и первую книгу: «Животный міръ», Баумгартена; онъ же далъ и бумаги, и черниль, и перьевъ. Мать была такъ бѣдна, что не могла удѣлять на это ни копѣйки; случалось, въ самые лютые морозы въ домѣ не на что было купить дровъ. Комната стояла не топленная, окна задергивались морозомъ сверху до низу, морозъ забирался внутрь, толстымъ слоемъ покрывалъ стекла, мерзли, леденѣли крошеч-

ныя руки и ноги. Въ такія тяжелыя минуты всегда являлся на помощь Гроссь-Гейнрихъ. И если бы Кульманъ была менѣе чувствительнымъ ребенкомъ, если бы даже она была черства, то и въ томъ случаѣ трудно, чтобы такое доброе отношеніе учителя не вызвало чувства признательности, благодарности за изъ ряда вонъ выходившія заботы. А она была сердечнымъ, чувствительнымъ ребенкомъ; естественно, что она отвѣчала Гроссь-Гейнриху самымъ глубокимъ уваженіемъ, самой нѣжной любовью, доходившей до обожанія: дѣлать такъ, какъ онъ находитъ лучшимъ, было ея желаніемъ, долгомъ, необходимостью.

Вотъ какое чувство, какое отношеніе было у Кульманъ къ Гроссь-Гейнриху, когда онъ принесъ первую книгу; ей было тогда 5 лѣтъ, а черезъ годъ онъ принялъ за ея обученіе. При такомъ отношеніи со стороны ученика хорошій учитель заранѣе можетъ сказать, что владѣть имъ вполнѣ, что можетъ подчинить, поработить его своей волѣ, какими бы способностями ученикъ ни обладалъ. И Кульманъ понемногу идетъ сама въ разставленныя сѣти умѣлаго педагога. Ея главное желаніе—такъ угодить учителю, чтобы вызвать на его лицѣ довольноую улыбку, услыхать похвалу. Ради этого она выучиваетъ въ первой подаренной книгѣ всѣ названія животныхъ, не только понѣмецки, поанглійски, поитальянски, но и полатыни: она уже подмѣтила, какую цѣну въ его глазахъ имѣть латинскій звукъ, латинское слово. Она знаетъ, что успѣхъ ученицы—для него награда, и ради этого усиливается прилежаніе. Но при ея способностяхъ и безъ прилежанія можно быстро подвигаться впередъ, теперь же при дружномъ соединеніи того и другаго—Е. Кульманъ поражаетъ успѣхами, производитъ чудеса. Къ 6 годамъ она знаетъ почти наизустъ всѣ разсказы о животныхъ въ книгѣ Баумгартина, она очень любить разсказывать, лишь бы были слушатели, причемъ много присочиняется, вставляетъ удивительно граціозныя, оригиналныя сравненія, выходитъ нѣчто въ родѣ импровизаціи, какъ бы само творчество¹⁾). Шести лѣтъ выучиваетъ нѣмецкую грамматику, къ 7-ми свободно управляетъ съ практической стороной языка и пишетъ очень миленькия письма²⁾; овладѣваетъ знаніемъ одного языка за другимъ. Для полнаго знакомства съ новымъ языкомъ, т. е. чтобы читать писать и говорить, нужно всего три мѣсяца. Потому при ея гигантскихъ способностяхъ, соединенныхъ съ прилежаніемъ, неудивительно, что къ 10 годамъ она имѣла массу знаній—говорила и писала на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ и англійскомъ языкахъ; перечла на всѣхъ названныхъ языкахъ, кроме русскаго, рядъ произведеній, и только русскіе писатели оставались въ забвеніи. Ея

¹⁾ Нѣсколько рассказовъ записано съ ея словъ: «Бібл. для Чтенія», 1849 г.

²⁾ Тамъ же.

наставникъ былъ въ полномъ смыслѣ европеецъ: онъ зналъ много иностранныхъ языковъ и литературу, но игнорировалъ вполнѣ русскую литературу, русскій языкъ, и только впослѣдствіи принялъся за его изученіе подъ руководствомъ своей ученицы. Потому неудивительно, что русскіе писатели, русская жизнь до сихъ поръ не коснулись Кульманъ. Она была ограждена отъ русской литературы, словно крѣпостью, произведеніями нѣмецкихъ писателей Галлера, Клейста, Глейма, Якоби и др. Современница Пушкина, моложе его только на 9 лѣтъ, живя съ нимъ въ одномъ городѣ, она не знала Пушкина даже тогда, когда онъ выступилъ съ «Евгениемъ Онѣгинимъ» и заставилъ замереть всѣ предшествовавшія ему въ Россіи литературныя школы и партіи съ ихъ взаимной борьбой и спорами о важности трехъ единствъ и трехъ слоговъ.

Знанія Кульманъ еще сильнѣй поражаютъ, когда мы припомнимъ ея бѣдную обстановку. Мать небогата здоровьемъ, и Елизаветѣ приходится часто помогать и замѣнять ее по хозяйству: она должна найти время, чтобы истопить печку, а если случится, что мать больна, то самой позаботиться и объ обѣдѣ. Елизавета давно привыкла къ труду, а необычайные способности даютъ ей вездѣ поспѣвать, какъ той сказочной падчерицѣ, о которой говорится въ сказкѣ про злую мачиху; природа одарила ее такими необычайными способностями, при которыхъ невозможное для другихъ обращалось въ возможное для Кульманъ.

Еще давно, едва только научилась писать, едва пріучилась держати перо, какъ въ ней зародилась страсть писать стихи. Не разъ обращалась она къ наставнику съ вопросомъ, отчего стихъ звучитъ какъ музыка? Но тотъ находилъ преждевременнымъ дѣлать разъясненія. Какъ истый классикъ, онъ боится, какъ бы ученица не пошла по слѣдамъ новой романтической школы,—на его взглядъ дорога не вѣрная,—и хочетъ предупредить 10-ти-лѣтнюю дѣвочку отъ «ошибки». Онъ, считавшій преждевременнымъ знакомить съ правилами стихосложенія, не находитъ «преждевременнымъ» окутать и сковать ея свободу мысли и творчества ученіемъ о трехъ слогахъ и трехъ единствахъ. Чтобы вдоворить и навсегда закрѣпить въ этой маленькой, необычайной головкѣ всѣ ученія ложно-классической школы, чтобы окутать ее цѣлями, онъ на сочиненіяхъ нѣмецкихъ классиковъ практически изучаетъ съ ней теорію поэзіи и задаетъ всевозможная упражненія для примѣненія этихъ правилъ; задаетъ писать стихи, писать подражанія разбираемымъ ложно-классическимъ образцамъ. Съ этихъ поръ не проходитъ дня, чтобы Кульманъ не писала по заказу учителя новыхъ стиховъ. Учитель разбираетъ ихъ, какъ разбираются обыкновенно ученическія сочиненія, высказываетъ свое мнѣніе, одобряетъ, порицаетъ, опять задаетъ. Задаетъ писать по часамъ—сколько стиховъ напишетъ въ часъ... два... три... четыре, иногда и больше

подрядъ. безъ перерыва. Стихи пишутся и завтра, и послѣ завтра, и такъ каждый день по заказу учителя. Свободное творчество подъ руководствомъ одного изъ «самыхъ добросовѣстныхъ» педагоговъ понемногу превращается въ сочинительство, стихоплетство, способное сгубить большой талантъ. Ни талантъ, ни гений, требующіе свободы, простора для своего развитія, не могутъ подчиниться такой предусмотрительности, безъ того, чтобы не заглохнуть, не замереть, какъ замираетъ цвѣтокъ безъ дождя, какъ останавливается въ ростѣ и засыхаетъ гигантская пальма, если заключить ее подъ колпакъ, задерживающій ея природное развитіе.

Елизавета, сдавленная неусыпной заботливостью наставника, только иногда, только изрѣдка, какъ бы въ забывчивости, осмѣливается отступить отъ предписанныхъ правилъ, осмѣливается писать такъ, какъ хочется, по правдѣ, какъ чувствуется, какъ складываются сами слова и сами ложатся на бумагу. Но тутъ же сейчасъ вспоминаетъ, что «переступаетъ» наказъ учителя,—и тотчасъ бросаетъ карандашъ. Она слишкомъ добросовѣстна, чтобы шалить тайкомъ въ отсутствіе наставника. Такимъ образомъ въ ея глазахъ тѣ изъ стихотвореній, гдѣ легко высказывается ея природный поэтическій талантъ (одно изъ такихъ стихотвореній я привожу ниже), получаютъ значеніе шалости, чего-то дурнаго, и Кульманъ удерживается, сдавливаетъ порывы истиннаго вдохновенія, стараясь заглушить ихъ заданнымъ урокомъ, или чтеніемъ Тассо, Данта, Клопштока.

III.

Осенью 1819 года, когда Кульманъ минуло 11 лѣтъ, бѣдность еще сильнѣй застучала къ ней въ домъ. Знакомые, которые помогали платить за квартиру, умерли, — и Елизавета лишилась крова и тепла. А на дворѣ надвигалась зима съ своими беспощадными морозами, страшно становилось не только заглядывать вдалъ, но даже подумать о завтра. Мать и Гроссь-Гейрихъ всѣми силами искали выхода. Наконецъ, спасеніе нашлось въ лицѣ доброго священника горнаго корпуса Абрамова, который недавно лишился жены. Онъ предложилъ Елизаветѣ съ матерью перѣѣхать къ нему и отверль имъ отдельную комнату.

Съ этихъ поръ жизнь Е. Кульманъ съ внѣшней стороны мѣняется: ея тополь, кусты жасмина, полевой просторъ остаются тамъ возлѣ хижины; здѣсь на смѣну имъ выступаютъ: библиотека горнаго корпуса, семейство директора Медера, который былъ другомъ ея отца. У Медера большая семья—нѣсколько дочерей, нѣкоторыя ровестницы Елизаветѣ, но она всѣхъ превосходитъ и умомъ, и познаніями. Медерь предлагаетъ даровитой дочери покойнаго друга вмѣстѣ съ своими дочерьми обучаться музыкѣ, танцамъ, рисова-

нію, присутствовать, когда онъ разсказывает изъ физики, географіи, астрономіи, минералогіи. Здѣсь еще отъ священника Абрамова, который взялся обучать ее славянскому языку, она должна была услыхать о Херасковѣ, Ломоносовѣ и, можетъ быть, о Державинѣ, но, разумѣется, не больше. Эти писатели съ своими «Петріадами», неизмѣннымъ «Пою», еще больше говорили Кульманъ за всеобщность господства классической литературы и какъ бы подтверждали превосходство классическихъ правиль.

Вотъ что новаго вошло въ жизнь Кульманъ съ переѣздомъ въ горный корпусъ. Здѣсь все, какъ бы даже сами стѣны, вторили словамъ наставника: «учись! трудись!»

Учитель, между тѣмъ, все сильнѣй забиралъ ее въ плѣнъ; онъ не пропускалъ случая дѣйствовать на ея самолюбіе: то и дѣло выставлялъ на показъ ея способности, вызывалъ удивленіе въ окружающихъ. Безпрестанно давалъ чувствовать ей самой, что она нѣчто особенное; внушалъ, что трудное для другихъ — для нея пустяки, потому что сама она чудо, необычайное явленіе! И взвинченная такимъ образомъ Е. Кульманъ привыкаетъ дѣлать только то, что требуетъ особыхъ силъ, что необычайно, что для другихъ невозможно: она знаетъ, что этимъ доставить большое удовольствіе наставнику.

Изъ такихъ побужденій она просить Гроссъ-Гейнриха заняться латинскимъ языкомъ, чтобы къ именинамъ священника Абрамова самой написать на этомъ языкѣ поздравленіе. Черезъ три мѣсяца она свободно читала Корнелія Непота, письма Цицерона, написала иминное поздравленіе и принялась переводить оды Горация. То было уже шестой языкъ, которымъ она овладѣвала, а ей было всего 12 лѣтъ!

Она цѣлый день училась съ ранняго утра до поздняго вечера. Только въ 10 часу наступалъ ея отдыхъ. Случалось, что въ это время заходилъ учитель, и они втроемъ съ матерью сидѣли и разговаривали. Но и въ вечернія бесѣды учитель не покидалъ роли вѣчнобдительного педагога — направлять, пробуждать, предупреждать. Иногда же всѣ втроемъ уходили въ квартиру директора. Тамъ Елизавета садилась играть на фортепіано или внимательно слушала ученыхъ бесѣды Медера.

Такъ шла жизнь изо дня въ день, рѣдко нарушаясь какимънибудь праздникомъ, въ родѣ чьихъ нибудь именинъ. Разъ одинъ такой праздникъ, день рождения одной изъ дочерей Медеръ, имѣлъ громадное рѣшающее значеніе въ направленіи Кульманъ какъ писательницы.

Существовавшая въ литературѣ борьба старой и новой школы переносилась и въ само общество; общественные собранія, семейные вечера въ интеллигентныхъ кружкахъ не обходились безъ полемическихъ бесѣдъ, которыя, случалось, переходили въ горячій споръ. Въ семье Медеръ дебаты о классицизмѣ и романтизмѣ ве-

лись очень нерѣдко. Въ указанный праздникъ опять поднялся этотъ спорный вопросъ. Всѣ присутствовавшіе гости, собственно молодежь, были за превосходство новой литературы, за ея жизненность. Раздавались слова симпатіи къ Шиллеру, Гёте, Жанть-Полю, которые «несравненно ближе человѣку XIX вѣка, понятнѣе, чѣмъ какой нибудь Сократъ, Эвріпидъ, Горацій». Долго дружно развивались панегирики въ эту сторону. Мало-по-малу противники стихали, одни убѣждались, другіе замолкали отъ утомленія, духоты, отъ лѣни; казалось, всѣ сходились въ симпатіи къ романтизму. Когда всѣ смолкли, изъ отдаленного угла залы въ моментъ полнѣйшей тишины раздались громко рѣшительныя слова протеста. То былъ голосъ Гроссь-Гейнриха. Онъ одинъ выступалъ противъ всего многочисленнаго собранія. Это былъ настоящій турніръ въ глазахъ Елизаветы, и она ждала конца въ страшномъ волненіи. Гроссь-Гейнрихъ прекрасно сознавалъ это. Какъ настоящій педагогъ, онъ никогда не забывалъ о присутствіи ученика. Не безъ умысла, не безъ задней мысли рѣшилъ онъ подвергнуть себя публичному состязанію; онъ боялся, какъ бы разсыпанныя сейчасъ похвалы не повернули его ученицу въ сторону новой школы, въ сторону романтизма. И вотъ для этого онъ выступаетъ на турнірѣ; долго, убѣдительно доказываетъ несправедливость своихъ противниковъ, которые, надо признаться, значительно уступаютъ ему, если не въ тонкости пониманія, то въ классическомъ образованіи, въ знаніи главнымъ образомъ древнихъ языковъ и литературы. И одинъ за другимъ, не имѣя его вооруженія, противники понемногу оставляютъ поле битвы. Наконецъ, всѣ смолкли, хотя въ душѣ, можетъ быть, согласились и не всѣ. Теперь опять говорить одинъ Гроссь-Гейнрихъ. Какъ побѣдитель, онъ говоритъ уже не безъ нѣкотораго самодовольства, съ полнымъ обладаніемъ всѣхъ силъ, говорить краснорѣчиво, съ увлеченіемъ, какъ человѣкъ, который сознаетъ, что его слушаютъ. Онъ прекрасно понимаетъ, что въ данный моментъ можетъ заразъ одержать двѣ побѣды: надъ обществомъ присутствующихъ и, во-вторыхъ, что для него много важнѣй, надъ своей юной ученицей, въ глазахъ которой онъ теперь поднялся еще выше. Удачная минута — навсегда подчинить Е. Кульманъ своей правдѣ! Наставникъ знаетъ ея впечатлительность, знаетъ, какъ можетъ отразиться и то, что сейчасъ намѣренъ сказать. И при всеобщемъ молчаніи громко, восторженно произносить слѣдующую рѣчу, за которой напряженно слѣдить Елизавета:

«Гёте и Байронъ — герои нашего времени, имена которыхъ перейдутъ въ грядущіе вѣка! Не осуждайте одного изъ усердѣйшихъ вашихъ почитателей, если онъ осмѣлится сказать: какъ ни ослѣпительно далеко простирается сіяніе вашей славы, всетаки, вы не въ состояніи затмить блеска того лучезарнаго образа, который уже третью тысячуѣтіе освѣщаетъ міръ — все еще вы не превзошли Гомера»... и т. д.

Онъ кончилъ и взглянуль на Кульманъ. Она была печальна. Онъ поняль причину ея печали. Прощаясь, обѣщалъ непремѣнно зайдти завтра, хотя бы на нѣсколько минутъ. Онъ зналъ, что произнесенный панегирикъ зародилъ въ душѣ Елизаветы неудержимое желаніе знать Гомера, читать въ подлиннику, и не ошибся. Предложеніе начать изучать греческій языкъ, сдѣланное на другой день послѣ описанного турнира, было встрѣчено чуть не со слезами восторга. И Кульманъ принялась читать погречески, сперва евангеліе, потомъ Анакреона. Произведенія послѣдняго переводила и прозой, и стихами; прозой перевела на 5 европейскихъ языковъ, а стихами на русскій, нѣмецкій и итальянскій.

Чтобы познакомить съ этими первыми трудами 12-ти-лѣтней Кульманъ, я приведу хотя одну изъ множества переведенныхъ ею одъ Анакреона, одобренныхъ впослѣдствіи россійской академіей и изданныхъ въ полномъ собраніи сочиненій Кульманъ.

Ода: «На сонъ».

Въ полночь темную разлегшись
На коврахъ великолѣпныхъ,
Я, обремененный Вакхомъ,
Вижу вдругъ во снѣ: какъ будто
Я съ прелестною толпою
Рѣзыхъ дѣвицъ забавлялся.
Сонъ мъ дѣтей, нѣжнѣе Вакха,
Громко вслѣдъ меня ругали,
Говоря слова мнѣ колки. Чтобъ унять,
Я ихъ цѣловать сбирался.
И они, и сонъ исчезли.
Мнѣ, забытому страдальцу,
Снова бъ такъ уснуть хотѣлось¹⁾.

Трудно допустить, чтобы 12-ти-лѣтняя Кульманъ вполнѣ понимала и увлекалась страстными одами греческаго поэта—его восхваленіемъ Эрота, Вакха, разгульного веселья; несомнѣнно, она переводила ихъ изъ желанія угодить учителю. «Скажи же, милый старецъ!» — говорить она въ своемъ длинномъ стихотвореніи «Къ Анакреону»:

Зачѣмъ во всѣхъ ты пѣсняхъ,
Изъ жителей Олимпа
Лишь Вакха и Эрота
Радиво воспѣваешь?
Скажи...²⁾.

Ни музыки, ни того, что называютъ собственно стихомъ, нѣтъ въ данныхъ переводахъ, они больше походятъ на прозу, гдѣ языки мѣстами весьма тяжелъ, но за то дословно близокъ къ подлиннику.

¹⁾ Пітические опыты Е. Кульманъ, 1839 года, стр. 9.

²⁾ Тамъ же, стр. 7.

Учитель, для котораго думать объ Елизаветѣ, ея радостяхъ, сдѣлалось потребностью. какъ-то разъ выбралъ нѣкоторыя изъ ея нѣмецкихъ, французскихъ стихотвореній, переписалъ въ двухъ экземплярахъ и черезъ одного знакомаго отоспалъ на судъ къ Гёте и Жанъ-Полю Рихтеру, а стихотворный переводъ Анакреона чрезъ одну высокопоставленную даму преподнесъ императрицѣ. Елизавета объ этомъ не знала.

И вотъ разъ, когда она сидѣла за своей обычной работой, входить царскій курьеръ и подносить ей отъ государыни письмо съ бриллантовымъ фермуаромъ. Въ домѣ, какъ на смѣхъ, ни рубля, чтобы предложить царскому курьеру. Но Гроссъ-Гейнрихъ и объ этомъ позабылся, онъ прибѣжалъ и сунулъ денегъ.

На другой день все корпусное начальство во всемъ своемъ составѣ явилось къ Елизаветѣ Кульманъ съ поздравленіемъ. Ей было тогда всего тринадцать лѣтъ. Къ ней, къ дѣвочкѣ, явились высокопоставленные люди въ мундирахъ, орденахъ, во всѣхъ регалияхъ. Кульманъ торжествовала. Ей давно хотѣлось такъ угодить своему наставнику, чтобы возбудить къ себѣ всеобщее удивленіе; давно хотѣлось признанія отъ другихъ, что она что-то особенное. А. между тѣмъ, это было почти невозможно. Еще недавно одна дѣвочка, дочь богатаго генерала, съ которой ей приходится встрѣчаться у Медеръ, не хотѣла говорить съ ней, потому что она бѣдная; мало этого, смѣялась надъ ея страстью къ стихотворству: «Лучше бы,— говорить,— чулки себѣ штопала, чѣмъ стихи писать; штопать было бы полезнѣ!» Елизавета сильно оскорбилась этими словами. И теперь она охотно бы показала этой «надменной» дѣвочкѣ письмо Гёте, которымъ недавно порадовалъ ее наставникъ. Въ письмѣ Гёте говоритъ о ней, объ Е. Кульманъ: «Объявите молодой писательницѣ отъ моего имени, отъ имени Гёте, что я пророчу ей со временемъ почетное мѣсто въ литературѣ, на какомъ бы изъ извѣстныхъ ей языковъ ни вздумала писать»¹⁾). Но едва ли что зна-

¹⁾ Вотъ одно изъ стихотвореній, посланныхъ Гёте:

«Frühlingslied».

Der Frühling kehret wieder
Und schnücket Berg und Thal:
Schon tönen rings die Lieder
Der süßen Nachtigall.
Wie steiget hoch die Sonne
In's Himmelblau hinauf.
Verbreitet' Lust im Wonne
Auf ihrem weiten Lauf!

Es eilen Schaf und Kinder
Der grünen Wiese zu.
Es blickt auf's Spiel der Kinder
Der Greis aus seiner Ruh.

(Sämtliche Gedichte
von E. Kulmann.
1839. Seite 3).

читъ имъ Гёте въ глазахъ гордой генеральской дочери; ея не убѣдить отзывъ великаго писателя. И Кульманъ удержалась, не показала полученнаго письма. За то теперь она торжествовала; теперь не только отецъ дѣвочки, генераль, но и всѣ его товарищи и даже тѣ, кому онъ самъ отдаетъ низкіе поклоны,—и тѣ пришли засвидѣтельствовать ей, 13-ти-лѣтней бѣдной стихотворицѣ, свое поченіе. Это было въ полномъ смыслѣ торжество, рѣдкое, не бывалое. И Елизавета Кульманъ не въ силахъ удержаться, чтобы не выразить въ стихахъ, какіе пишеть только «для себя», свою радость, свой восторгъ. Вотъ эти стихи:

·Я слышу хохотъ твой обидный!
Но, звуки струнъ моихъ браня,
Знай,— я избрала путь завидный,
И не догнать тебѣ меня!...

Такіе стихи пишеть Кульманъ въ силу душевной потребности, нахлынувшаго чувства, безъ мысли о наставникѣ, обѣ его критикѣ, его тѣжелыхъ правилахъ. Какъ не похожи они на ея величавые, стройные, бѣлые стихи въ духѣ классической древности, которые имѣлъ въ виду Бѣлинскій, когда произносилъ свое сужденіе о ней, и которые наполняютъ толстѣйшій, громаднаго размѣра, томъ ея сочиненій, изданныхъ Россійской академіей.

·Надменная! Съ тобою въ землю
И память о тебѣ сойдетъ;
Меня же смерть,— я свыше внемлю,—
Сияньемъ славы обовьетъ.

·Моими пѣснями утѣшить
Страдалецъ свой печальный духъ,
И ими гости будутъ тѣшить
На празднествахъ сердца и слухъ..

Хотя Е. Кульманъ и не знакома была съ стихотвореніями Пушкина, хотя и оберегали ее отъ всего подобнаго предупредительныя заботы учителя, но талантъ самобытный прорывался наружу, прорывался въ тѣхъ немногихъ стихахъ «для себя», писанныхъ «безъ правиль», какъ бы помимо воли, которые найдены были послѣ ея смерти. Такіе стихи выходили у нея безъ труда, и потому, какъ я сказала раньше, она не придавала имъ никакого значенія, никакой цѣни. Она успѣла уже проникнуться взглядомъ учителя:

«Чѣмъ, говорятъ, тяжеле,
Тѣмъ и похвалнѣй трудъ»,

и давно цѣнила только то, что доставалось съ трудомъ.

Отзывъ Гёте, письмо государыни съ брилліантовымъ фермуаромъ— все убѣжало не только самоѣ Елизавету, но и окружающихъ и ея мать, что ея путь— литература, писательство. Кульманъ чувствуетъ приливъ новой силы; чувствуетъ, что теперь она

многое можетъ, чего прежде не могла. Всю ночь, слѣдовавшую за знаменитымъ днемъ рожденія, когда въ первый разъ узнала объ отзывѣ Гёте, всю ночь Кульманъ продумала. Она рѣшала вопросъ о своей будущей практической дѣятельности и остановилась на мысли подготовить себя въ воспитательницы. «Подготовить?! — усмѣхнулся учитель, когда она завела объ этомъ рѣчь: — да вы давно готовы; по своимъ познаніямъ вы могли бы хоть сейчасъ занять эту должность, если бы не ваши 13 лѣтъ!»

Одновременно съ этимъ, Е. Кульманъ рѣшала и другой вопросъ, надъ которымъ она тоже немало думала. «До сихъ поръ, — говорить она наставнику: — я часто, начавъ съ предмета, означенаго въ заглавіи, подъ конецъ удаляюсь отъ него на 1,000 верстъ. Греки такъ не сочиняли, по крайней мѣрѣ, не Гомеръ». А ей хочется писать, какъ писалъ Гомеръ.

Учитель, какимъ его знаемъ, могъ только одобрить безразсудное, нелѣпое желаніе писательницы: писать, какъ писалъ Гомеръ, въ духѣ греческаго міровозрѣнія, которое ничего не имѣть общаго съ нашимъ и отошло уже въ область моеологии; наставникъ такое намѣреніе могъ только одобрить, такъ какъ оно было желанный результатъ всѣхъ его трудовъ, неусыпныхъ заботъ и хлопотъ объ Елизаветѣ. «Попытайтесь! Смѣлимъ Богъ владѣть», — сказалъ онъ. И Кульманъ принялась за «Вѣнокъ». Такъ назвала она сборникъ стихотвореній, изъ которыхъ каждое носить название какого нибудь цвѣтка. Тутъ и Лавръ, и Роза, и Фіалка, и Ирисъ, и Нарцисъ, десять разныхъ цвѣтковъ сплетены въ «Вѣнокъ». О каждомъ Кульманъ разсказываетъ какую нибудь, нелишенную граціи, легенду въ духѣ греческихъ вѣрованій, съ греческой обстановкой, и каждое отсылаетъ на просмотръ къ учителю при длинномъ письмѣ, въ которомъ сама указываетъ недостатки новаго произведенія. Очень рѣдко авторъ остается доволенъ самъ собой. Къ числу такихъ рѣдкихъ исключеній относится стихотвореніе «Нарцисса», которое авторъ называетъ своимъ художественнымъ произведеніемъ. Здѣсь разсказывается про дочь Эндиміона и Діаны, красавицу Нарциссу. Она цѣлый день проводить на охотѣ съ колчаномъ за плечами; рѣдко ее можно видѣть дома. А старику-отцу уже давно хочется видѣть вокругъ себя внучатъ.

«Коль скоро кѣмъ плѣньюся
Изъ юношей сосѣднихъ,
Навѣкъ съ нимъ съединюся
Тебѣ въ утѣшенье», —

сказала Нарцисса въ отвѣтъ отцу и снова помчалась на охоту. До знойнаго полудня гонялась за младою, осиротѣлой ланью

«И жаждо томима,
Она внезапно слышитъ

Пріятное журчанье
Недальняго потока,
Закрытаго дубравой».

Она пробирается въ чащу и усталая ложится у ручья подъ тѣнью вѣтвистаго дуба. Вдругъ

....«О, небо!
Богъ юный и прелестный
На днѣ воды ей зрится.
Восхлинуши, объемлетъ
Она руками древо;
Жметъ нѣжныя ланиты
Къ корѣ неровной дуба....
Пришедъ въ себя отъ страха,
Сама себѣ вѣщаетъ:
Чего жъ я испугалась?
Чудовище ли вижу,
Грозящее напастью?
Я образъ вижу бога,
Величественъ, позлобенъ»...

И она узнаетъ Аполлона. Онъ нѣжно простираетъ къ ней свои руки.

«Всплыви ко мнѣ, о, милый.
Изъ усть монхъ услышать
Слова любви взаимной!»...

Но въ эту самую минуту вдругъ всколыхнулась вода и исчезъ милый образъ; съ дуба, подъ тѣнью котораго она сидѣла, упалъ желудь и

«Смутилъ паденьемъ влагу».

Въ этомъ явленіи Нарцисса видѣть какъ бы внущеніе свыше:

«Дубовый плодъ паденьемъ
И погруженiemъ скорымъ,—

говорить она:—

Не ясно ль вразумилъ,
Какъ съединиться съ милымъ?»

и, не задумываясь, бросается въ воду. Волны приносятъ ея тѣло

«До самой рощи края,
Гдѣ храмъ стоять Діаны....
Три дня надъ ней рыдала
Бессмертная дочь Леты,
Слезами обливаясь;
Потомъ преобразила
Въ цвѣтокъ ей соименный;
И въ радости, и въ горѣ
Цвѣтокъ любимый носить
На материнскомъ сердцѣ».

Такъ кончается граціозное стихотвореніе «Нарцисса», которое прекрасно знакомить съ общимъ характеромъ сборника «Вѣнокъ». Авторъ, рисуя картины греческой жизни въ нѣкоторыхъ изъ этихъ стихотвореній, съ чрезвычайной добросовѣтностью заботится о выборѣ мѣста, чтобы непремѣнно было согласно съ древней картой Греціи. А чтобы сдѣлаться «дочерью Гомера», чего ей страстно хотѣлось, усиленно занимается изученіемъ Греціи. Гомера изучаетъ, какъ усердный анатомъ; но и это находитъ недостаточнымъ. «Не довольно читать, по совѣту Горация,—пишетъ она въ одномъ изъ писемъ къ наставнику:—Гомера, Виргилія, Данте.... но когда они сидятъ за холстомъ и живописуютъ, надобно стать позади ихъ на цыпочки и смотрѣть имъ черезъ плечо, наблюдая за каждымъ махомъ ихъ кисти, пособлять имъ растирать краски будто бы изъ угощенія, а по настоящему для того, чтобы узнать количество всѣхъ составныхъ красокъ, и такъ должно трудиться вѣкъ свой... Я уже такъ знакома съ привычками Гомера, что часто за нѣсколько сотъ стиховъ впередъ угадываю, зачѣмъ онъ въ какомъ нибудь мѣстѣ включилъ одно или два словечка».... Вотъ какъ изучала она того, кого считала Юпитеромъ поэзіи, повелѣвающимъ всѣми остальными литературными богами. Рядомъ съ Гомеромъ читала Гезіода. Феокрита, Пиндара; вся была поглощена Греціей, вся ушла въ этотъ мертвый, чуждый окружающей жизни, міръ. По странной случайности, лицомъ и всей фигурой она очень походила на гречанку: красива, стройна, съ величавой осанкой, правильными чертами и съ строгимъ взглядомъ греческой богини; разъ одинъ грекъ, разговаривая съ ней на родномъ языке, былъ вполнѣ увѣренъ, что говорить съ своей соотечественницей.

IV.

Теперь, когда талантъ Елизаветы признанъ самимъ Гёте, пора бы, казалось, наставнику дать ей свободу, избавить отъ своего неусыпнаго надзора; но Гроссъ-Гейнрихъ попрежнему продолжаетъ просматривать и исправлять каждое ея новое стихотвореніе, вплетаемое въ «Вѣнокъ». По его настоянию, она пишетъ сперва понѣмецки, а потомъ уже порусски, иначе наставникъ былъ бы лишенъ возможности дѣлать свои замѣчанія: онъ еще плохо владѣеть русскимъ языкомъ. И только, когда она приступила къ созданію «Коринны», онъ разрѣшилъ писать порусски.

Коринна,—какъ гласить преданіе,—была сверстницей Пиндара, вмѣстѣ съ нимъ училась у учительницы Мирто. Впослѣдствіи она пять разъ одерживала надъ Пиндаромъ побѣду въ поэтическихъ состязаніяхъ на олимпійскихъ играхъ. Разъ, когда учитель рассказалъ Кульманъ объ этомъ преданіи, она спросила: «А гдѣ же стихи Коринны?»—«Отъ васъ зависить воскресить ихъ,—сказалъ онъ.—

Кто вамъ мѣшаетъ написать стихи и назвать ихъ стихами Коринны?»

Учитель предлагалъ Елизаветѣ, что называется, *tour de force*. Хотя Греція для Кульманъ давно стала болѣе знакомой страной, чѣмъ Россія, но, тѣмъ не менѣе, задача была трудная. А если трудная, то для Кульманъ особенно заманчивая. И писательница припалась за работу, одновременно съ этимъ изучая за разъ три новые языка: португальскій, испанскій и новогреческій. Работая бѣзустанно съ утра до вечера, она покончила съ стихотвореніями Коринны только черезъ три года. Это былъ гигантскій трудъ, новый сборникъ мелкихъ и большихъ стихотвореній, гдѣ не только заглавія («Островъ Челна», «Послѣдняя пѣсня Омира», «Праздникъ «Гезюда», «Сафо»...), сюжетъ, но и самое міросозерцаніе, вѣрованія, мѣстами даже слогъ, эпитеты—все говорило за несомнѣнность греческаго происхожденія автора. Теперь этотъ сборникъ не имѣть для насъ никакого иного значенія и интереса, кромѣ того, что является образчикомъ, на что тратила свои гигантскія силы Елизавета Кульманъ и на чемъ окончательно губила, насилия свой талантъ. Вотъ одно изъ многихъ мелкихъ стихотвореній Коринны: «Пѣснь лодочника». Она начинается и кончается однимъ и тѣмъ же куплетомъ:

«Садись, чета младая!
Челнокъ мой безопасень;
Любви нерѣдко волны
Спасеніемъ бывали», —

такъ говоритъ рыбакъ и разсказываетъ затѣмъ слышанный имъ отъ дѣда случай. Разъ Эротъ пустился одинъ въ море изъ рѣки Иdalьской.

«Младаго мореходца
Цвѣтисты забавляютъ
Волнующіеся флаги
И парусъ распущенный.

«Онъ сини волны равнымъ
Ударомъ разсѣкаеть,
И направляетъ парусъ
По прихотямъ Зефира.

«Но, наконецъ, усилиемъ
И знамъ утомленный
Эротъ (вѣдь онъ ребенокъ)
Уснуль въ челнѣ покойномъ».

Въ это время поднялась страшная буря.

«Два корабля неслися:
Одинъ съ эфирскимъ златомъ,
Арабскимъ симіамомъ
И тирской багряницей;

«Другой — оружьемъ полный,
Которымъ властолюбъе
Поработить стремится
Свободный уголъ міра».

Оба корабля буря нагнала на камни, разбила, и люди и товаръ—все погибло, пошло къ дну.

«Но въ самомъ гибѣ волны
Эрота уважали,
Одна другой тихонъко
Челнокъ передавая.

«Послѣдняя Эрота,
Въ членѣ на брегъ сложивши,
Вокругъ его сбирала
Тѣму раковинъ прекрасныхъ,

«Чтобы не скорбѣть, проснувшись.
Отъ матери далекой,
И чтобъ ребенка мысли
Нашли предметъ забавы»¹⁾.

Вмѣсто того, чтобы входить въ болѣе подробную оцѣнку стихотвореній Коринны, приведу о нихъ мнѣніе извѣстнаго знатока греческой литературы Фосса. Вотъ что онъ сказалъ: «Эти стихотворенія можно почтеть мастерскимъ переводомъ твореній какого нибудь поэта блистательныхъ временъ греческой литературы, о которыхъ мы до сихъ поръ не знали: до такой степени писательница умѣла вникнуть въ свой предметъ. Нѣть слова, которое могло бы насъ разубѣдить, что мы читаемъ твореніе древности. Трудно понять, чтобы столь молодая девушка могла уже пріобрѣсти такія глубокія и обширныя познанія въ искусствѣ и древности».

Ея произведенія могъ оцѣнить ученый, знатокъ греческой жизни и литературы, но какой интересъ они могли представить для простаго читателя, ея соотечественника?—тяжело, скучно, мало понятно, едва ли кто станетъ читать. Эта мысль понемногу стала закрадываться и беспокоить Кульманъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ зарождалось желаніе сдѣлаться народной писательницей, жить въ памяти своего народа.

Но Елизавета давно привыкла за рѣшенiemъ каждого вопроса обращаться къ своему наставнику, она отвыкла думать и сама за себя. И наставникъ совѣтуетъ ей заняться обработкой народныхъ сказокъ.

Кульманъ охотно принимаетъ совѣтъ и пишетъ сперва рядъ нѣмецкихъ сказокъ, подъ именемъ «Заморскихъ», потомъ прини-

¹⁾ Пітические опыты Е. Кульманъ. 1839 г. Стр. 71—72.

мается за обработку русскихъ: пишеть сказку «Василій Буслаевъ», «Добрыня Никитичъ»,—всъ въ стихахъ. Въ числѣ «Заморскихъ» находится известная сказка о «Рыбакѣ и Рыбкѣ», которая у Кульманъ называется: «Рыбакъ и его жена».

«Жилъ былъ рыбакъ съ женою
На озерѣ пространномъ.
То озеро вдоль брега
Усыяно тростиной
И низкими, средь пестрыхъ
Лежащими утесовъ,
Беалѣсными и нѣжной
Поросшими травою,
Младыми островами,—
Твореньемъ постепеннымъ
Случайныхъ водополій
И рѣкъ широкорусыхъ,
Нескорой мутной влагой
Чрезъ озеро текущихъ,
На берегу стояла,
Грозящая паденьемъ,
Проходная всѣмъ вѣтрамъ,
Преветхая избушка» и т. д. ¹⁾).

Содержаніе сказки известно всѣмъ изъ прекрасной переработки, сдѣланной Пушкинъ; но почему въ данномъ случаѣ Кульманъ отнесла ее къ числу нѣмецкихъ «Заморскихъ», — неизвестно. Изъ первыхъ же приведенныхъ строкъ сказки, складъ ея напоминаетъ величавый тонъ греческаго эпоса, тонъ поэмъ, далеко отступающій отъ безъискусственности сказочной рѣчи.

Такимъ же недостаткомъ страдаютъ и обѣ названныя русскія сказки! Сказка о Добрынѣ очень большая; раздѣлена на нѣсколько вечеровъ. Русскаго въ ней—только одни имена, а все остальное—и картины, и сравненія, и рѣчи, больше отдастъ Греціей, мѣстами Дантомъ, но не Русью, не былиннымъ складомъ, не былинными героями, откуда авторъ заимствуетъ сюжетъ. Что русскаго, напримѣръ, въ томъ мѣстѣ разсказа Добрыни, гдѣ онъ передаетъ князю Владиміру о томъ, что испыталъ и видѣлъ въ царствѣ Десятиглаваго Гиганта?

Послѣ того, какъ Добрыня срубилъ ему всѣ головы.

«Поль передъ мною разверзся,—

говорить онъ:—

Смотрю подъ оный смѣло;
Земля тамъ разступилась;
Кровавый трупъ Гиганта
Быль поглощенъ въ мигъ ею.

¹⁾ Пітические опыты Е. Кузьманъ. 1839. 16 стр.

Въ то жъ время надо мною
 Ударилъ громъ небесный;
 Отъ сильныхъ перекатовъ,
 Какъ листъ, дворецъ потрясся,
 И яркіе перуны
 Вокругъ меня носились,
 Со трескомъ ниспадали,
 Глаза мнѣ ослѣпляя,
 И угрожали жизни....
 Вдругъ вся окрестность тьмою
 Могильною одѣлась;
 И сквозь тотъ мракъ могильный
 Изъ потолка явилась
 Глава въ томъ блѣдномъ свѣтѣ,
 Чтѣ по болотамъ въ осень
 На страхъ и хладный трепетъ
 Является заблудшимъ.
 Она огнемъ дышала
 И голосомъ печальнымъ
 Рекла: «Врагъ Салагуровъ!
 Не свободиша царицу,
 Узрѣвъ изъ чаредѣйства,
 Ты смертію Гиганта
 Повергъ ее съ своими
 Въ несносное мученіе.
 Ты часть имъ отдалъ чувства,
 И будуть впредь отнынѣ
 Терзаемы нещадно
 Они нетопырями,
 Рожденными отъ трупа
 Убитаго тобою ¹⁾...»

Вся приведенная картина ужасовъ въ своемъ описаніи болѣе напоминаетъ сцены изъ «Божественной комедіи» Данта, чѣмъ нашъ былинный или сказочный эпосъ. Несомнѣнно, авторъ изучилъ подробнѣ всѣ варіанты былинныхъ сказаний о Добрынѣ, изучилъ ихъ по многимъ источникамъ, но онъ самъ чуждъ духа нашихъ преданій, нашей исторіи, и потому ни картины, ни образы нашихъ былинныхъ героевъ, ни ихъ характеры, ему совсѣмъ не удаются. Вотъ хотя бы сцена изъ 2-го вечера, гдѣ князь Владіміръ допрашиваетъ «верховнаго священника» при храмѣ Перуна насчетъ предстоящей битвы съ Тугаринымъ:

•Пошелъ онъ въ храмъ Перуновъ
 И требовалъ совѣта:
 •Какъ отъ бѣды грозящей
 Отечеству спастися?
 Верховный жрецъ, спросивши

¹⁾ Тамъ же, 161 стр.

Часть сроку, удалился
 И заперся въ святыню.
 Оттуда вышедъ, рекъ онъ:
 «Внимай совѣтъ, Владимиrъ,
 Весесильного Перуна:
 Потребно Исполина
 Тугарина презлаго,
 Рожденаго дракономъ,
 Поймать, связать злодѣю
 Ухваченному руки
 И ноги и, не медля,
 Принести богамъ на жертву.
 • Но какъ, отецъ свѣтлѣйшій,
 Намъ можно то исполнить? —
 Спросилъ его Владимиrъ.
 • Надъ вами гнѣвъ Перуна,
 Коль вы его неймете», —
 Отвѣтствовалъ жрецъ князю,
 И вновь ушелъ въ святыню
 Распоряженья дѣлать
 Къ закланію Гиганта ¹⁾).

Словно читашь отрывокъ изъ Иліады въ вольномъ перевodѣ, съ измѣненiemъ собственныхъ имёнъ, гдѣ Юпитеръ замѣненъ Петруномъ, Агамемнонъ княземъ Владимиromъ и т. д., такъ не похожъ послѣдній, смиренno, безмолвно выносящій чуть не оскорблениe отъ жреца, — на извѣстный величественный образъ Владимира-Красное Солнышко, которому и служитель Перуна всегда воздаетъ должное уваженіе.

Е. Кульманъ на столько поглощена Гречіей, греческимъ міромъ, такъ привыкла улетать мыслью отъ Россіи, всего русскаго, что воспроизвести «русскій духъ», то, «что Русью пахнетъ», что ее окружаетъ, — она не въ силахъ, Е. Кульманъ не можетъ! Ее до того тянуло на искусственно подставленныя ходули, что, поднимаясь все дальше и дальше отъ земли, она съ каждымъ днемъ теряла подъ ногами дѣйствительную почву и, наконецъ, совсѣмъ утратила сознаніе дѣйствительности; привыкнувъ хорошо ходить на гигантскихъ ходуляхъ, она, вмѣстѣ съ этимъ, утратила естественную способность, которая присуща каждому простому смертному, — ходить по землѣ на своихъ собственныхъ ногахъ; для нея это стало уже невозможно.

Вотъ наступилъ ея день рожденія: ей минуло 16 лѣть. День этотъ спрavлялъ въ своей квартирѣ корпусный балетмейстеръ, онъ

¹⁾ Тамъ же, 149 стр.

училъ Елизавету танцамъ. Въ этотъ день онъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ ея учителей: музыки, пѣнія, рисованія, а также и Гроссъ-Гейнриха. Каждый изъ нихъ хотѣлъ похвастаться передъ товарищемъ успѣхами необычайной ученицы, и съ этою цѣлью одинъ за другимъ заставляютъ молодую взрослую дѣвушку выставлять на показъ свои знанія: играть на фортепіано, рисовать, говорить на разныхъ языкахъ, сочинять экспромты.

Это было полнѣйшее торжество въ жизни педагоговъ, а главное, торжество Гроссъ-Гейнриха, передъ которыми, вмѣсто самобытной творческой силы, стояла теперь удивительная машина. Этотъ день рождения, съ выставкой наперерывъ всевозможныхъ знаній 16-ти-лѣтней дѣвушки, которая сама увлечена желаніемъ возбудить удивленіе, вызвать похвалу, получить благодарный взглядъ наставника,—все вмѣстѣ производить тяжелое впечатлѣніе. Прежде, когда Кульманъ была ребенкомъ, это казалось умилительно-трогательно; но теперь она уже взрослая дѣвушка! Поработившая ее любовь и въ особенности самолюбіе кажутся уже недоразвитiemъ. ребячествомъ, въ которомъ очутилась Елизавета, благодаря неусыпной опекѣ наставника, продолжавшаго и теперь думать за Кульманъ. Вся самобытность, оригинальность — все убито въ нѣкогда чудной, необычайной дѣвочкѣ этой заботливостью. Сколько ни пиши Кульманъ, ея произведенія теперь могутъ поражать знаніемъ, ученостью, но не поэтическимъ даромъ, не оригинальностью. Вотъ что сдѣлала эта взаимная святая любовь педагога и ученицы. Въ ней лежитъ причина гибели таланта Е. Кульманъ, превращенія писательницы-поэтессы въ ученую женщину. Сдавленная въ заботливыхъ тискахъ любви, она напряженно вытягивалась въ ту сторону, въ которую хотѣлъ учитель, и покорно давала глохнуть. гибнуть въ себѣ всякой самостоятельности, самобытности, всему, чѣмъ одарила ее природа, какъ поэтессу, и что прекрасно объявились въ ея немногихъ стихахъ «для себя». Кульманъ позволила даже превратить себя изъ русской нѣмки XIX вѣка въ гречанку гомеровскихъ и пиндаровскихъ временъ!

На это могутъ возразить: талантъ, какъ и геній, самъ прокладываетъ себѣ дорогу; онъ долженъ порвать всякия цѣпи: на то онъ талантъ. Не надо забывать, что Кульманъ была женщина, слѣдовательно, со всею женскою природою, со всѣми ея слабостями и красотами. Какъ женщина, она была крайне мягка, чувствительна, и главное, съ способностью къ беззавѣтной любви и даже къ порабощенію. Вслѣдствіе этого, она отдалась во власть человѣка, въ умъ и знаніе котораго привыкла вѣрить съ пяти лѣтъ и на котораго привыкла смотрѣть, какъ на своего доброго генія. Не обладай она сторонами хорошей женской натуры, способностью беззавѣтной, горячей любви, она не отдалась бы во власть педагога, его честолюбивыхъ замысловъ, которые отвели ей мѣсто въ

древнихъ книгохранилищахъ, гдѣ стоять теперь ея произведенія, увѣнчанныя пыльнымъ покровомъ равнодушнаго, всехранящаго времени.

Такова трагическая судьба таланта Е. Кульманъ. Не менѣе трагиченъ и конецъ ея жизни.

Семнадцатый годъ своего рожденія она уже не праздновала такъ весело, какъ въ 1823 году. Въ ноябрѣ 1824 года, Кульманъ простояла на свадьбѣ одного изъ своихъ братьевъ. Осень была холода, дулъ сильный вѣтеръ, а у нея не было теплого пальто. Она стояла на паперти, въ ожиданіи экипажа, въ одномъ платьѣ. Вѣтеръ имѣлъ достаточно времени и простора, чтобы распорядиться съ нею по-своему. Изъ церкви проѣхала къ молодымъ, а тамъ они упросили ее оставаться у нихъ погостить. Это совпадало какъ разъ съ той порой, про которую Пушкинъ говорить:

«Была ужасная пора:
Объ ней свѣжо воспоминанье,
Объ ней, друзья мои, для васъ
Начну свое повѣствованье.
Печаленъ будеть мой разсказъ».

Нева вышла изъ береговъ, и Е. Кульманъ, подобно Евгенію въ «Мѣдномъ Всаднику», мучилась за мать, съ которой разстались въ первый разъ въ жизни. Всю ночь она провела въ возбужденномъ состояніи, въ слезахъ, стоя на колѣняхъ передъ обrazомъ. На другой день, измученная, больная, вся въ жару, была перевезена домой. У нея оказалось воспаленіе въ легкихъ, затѣмъ открылась чахотка.

Случайно запоздавшій отвѣтъ Жанъ-Поля Рихтера, отвѣтъ самыи лестный, доставилъ много тяжелыхъ минутъ Елизаветѣ. «При сужденіи обо мнѣ Гёте,—сказала она:—я плакала отъ страха, что бѣдность моя не позволить сбыться его предсказаніямъ, а теперь, при сужденіяхъ Жана-Поля, я плачу отъ предчувствія близкой смерти».

Но лишь только ей становилось немного легче, едва стихала боль въ груди и уменьшался кашель, она снова принималась за работу съ еще большей горячностью и лихорадочностью, чѣмъ прежде, точно боялась, что не успѣть докончить задуманнаго.

Въ этотъ годъ, почти лежа въ постели, она написала «Стихотворенія Беренники» и длинную сказку въ стихахъ «Волшебная лампада», сюжетъ которой заимствованъ изъ «Тысячи одной ночи».

«Памятникъ Беренникѣ»—такъ называлось собраніе стихотвореній, посвященныхъ матери Птоломея, Беренникѣ. Она была известна, какъ покровительница искусства. Преданіе гласитъ, что въ этомъ сборнике принимали участіе многіе изъ современныхъ Птоломею поэтовъ. Преданіе это послужило основою для Куль-

манъ—возсоздать «памятникъ Беренникъ». Подъ этимъ названiemъ она дала третій сборникъ стихотвореній («Геликонъ», «Къ вечерней звѣздѣ», «Къ лунѣ», «Къ Діанѣ» и т. д.) все въ томъ же греческомъ духѣ и приписала ихъ греческимъ поэтамъ: Лиофрону Халкидскому, Филемону, Мосху и др. Каждому приписывается по нѣсколько стихотвореній. Для образца привожу одно изъ стихотвореній Мосха: «Къ Діанѣ»:

«Привѣтствуетъ, Діана,
Тебя, сестра Аполла,
Въ твоихъ тѣнистыхъ долахъ
И на холмахъ открытыхъ!

«Изъ тула золотаго
Ты вынимаешь стрѣлы
Отмщенья, чтобы дубраву
Очистить отъ чудовищъ:

«То отъ волковъ голодныхъ,
Всегда хотящихъ крови,
То отъ клыкастыхъ вепрей,
Всегда готовыхъ къ бою.

«Земля отъ ихъ паленъя
Дрожитъ ужаснымъ гуломъ,
Стонаетъ вся дубрава
Отъ смертнаго ихъ воя.

«Но лань младая, робко
Къ тебѣ прибѣгнувъ, лижеть
Твои могущи длани;
И ты ее ласкаешь.

«Она вслѣдъ за тобою
Идетъ до Дельфъ, гдѣ, праздный
Колчанъ и лукъ сложивши
У вратъ святаго храма,

«Порой со звукомъ лиры
Аполловой ты пляску
Охотно начинаешь
Въ толпѣ Каменъ гласистыхъ, и т. д.¹⁾.

Въ этихъ стихахъ опять выступаетъ все та же гречанка— никакого движенія впередъ, никакой новой черты въ созданіяхъ, даже и стихъ все тотъ же мало-музыкальный, блѣдый, словно разъ на всегда застывшій въ своеемъ однообразномъ размѣрѣ.

Той же неподвижностью стиха и отсутствиемъ оригинальности, отсутствиемъ «своего» поражаетъ и упомянутая сказка «Волшебная лампада». Содержаніе здѣсь заимствованное, чужое; картины и об-

¹⁾ Тамъ же.

разы съ тѣми же чертами Дантовскаго характера, подражаніе которому указано было въ сказкѣ о Добрынѣ, и съ невольнымъ отраженіемъ греческаго міросозерцанія, которымъ насквозь проникнута Кульманъ.

Въ этотъ годъ она усиленно бесѣдуетъ съ Гроссъ-Гейнрихомъ, поднимаетъ вопросы специальнно-научные; но за то въ послѣднее время она съ нимъ далеко не попрежнему откровенна; не откровенна и съ матерью. Ее гнететъ мысль о смерти, о неудавшихся надеждахъ: говорить обѣ этомъ ни съ матерью, ни съ Гроссъ-Гейнрихомъ она не рѣшается; но когда становится не подъ силу тяжелое душевное одиночество, она прибѣгаетъ къ перу и бумагѣ. Имъ, этимъ равнодушнымъ и болѣе выносливымъ свидѣтелямъ, она повѣряетъ въ стихахъ свои думы о ранней смерти, о разбитыхъ надеждахъ, свои воспоминанія о далеко нерадостномъ прошломъ. Стихотворенія эти тщательно скрываютъ отъ всѣхъ: они вмѣстѣ съ ея другими стихами были найдены въ столѣ послѣ ея кончины. Въ одномъ изъ нихъ она обращается къ надвигающейся смерти съ упрекомъ:

«Духовныя отрады
Изъ рида исключа,
Чего такого въ жизни
Вкусила я, — скажи?

«Родитель мой и братья
Давно спать вѣчныи сномъ.
Какъ будто на чужбинѣ,
Живу въ kraю родномъ.

«Не мучилась ли мыслью,
Что скоро я умру?
Не больше ль я страдала
За мать, за мать мою?»...¹).

Привожу эти стихи, чтобы раскрыть ту душевную драму, которую въ тайнѣ отъ всѣхъ переживала Кульманъ въ концѣ жизни. Она прекрасно понимала, что въ ея на видъ безъисходномъ положеніи еще возможно бы было найти спасеніе; напримѣръ, въ поѣздкѣ на югъ, въ Италію; но все дѣло за деньгами...

Съ тѣхъ поръ, какъ узнали о ней при дворѣ, въ знакъ необычайныхъ способностей, назначено было выдавать ей изъ дворцовой конторы по 200 рублей ассигнаціями въ годъ. Это былъ единственный ресурсъ ея жизни съ матерью, другихъ — никакихъ, ниоткуда. При такомъ положеніи немыслима была никакая заграничная поѣздка. И Елизавѣтѣ Кульманъ оставалось одно — ждать смерти и сознавать, что ее ведеть въ могилу бѣдность:

¹) «Библ. для Чт.», 1849 г., августъ.

«О! если бъ были крылья!
Порхнула бъ я на югъ,
Не вѣдала бы, какъ таеть
Жизнь юная средь мукъ.

«На тепломъ югѣ, въ Ницѣ,
Въ семъ райскомъ уголкѣ,
Тамъ я нашла бъ спасенье,
Туда бъ хотѣлось мнѣ.

«На сѣверѣ же хладномъ
Меня здѣсь гибель ждетъ.
Я вижу — скорымъ шагомъ
Смерть страшная идетъ.

«Вы, ласточки, спѣшите,
Счастливицы на югъ!
Застанете тамъ лѣто
И всѣ отрады вдругъ.

«Отъ дальнихъ странствій если бъ
Кто захворалъ изъ вѣсны,
Тамъ воздухъ благодатный
Недугъ уйметъ тотчасъ.

«Я полетѣла бъ съ вами
Въ бальзамный воздухъ тотъ —
Смѣсь солнечнаго свѣта
И запаха цвѣтовъ.

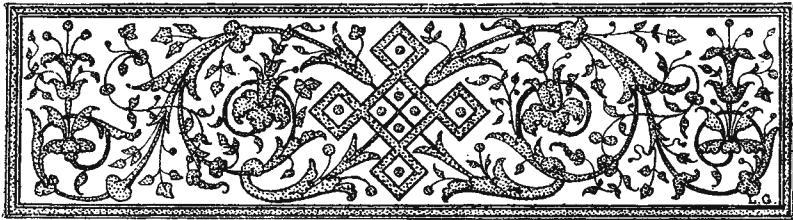
«Навѣрно бъ исцѣлилась
Я, по врача словамъ,
Пробывъ двѣ трети года
На тепломъ югѣ тамъ.

«Здѣсь умереть мнѣ должно.
Какъ тяжка мысль сія!
Да, ласточки, весною
Не будетъ ужъ меня!»... ¹⁾).

И дѣйствительно, новая весна не застала уже въ живыхъ Елизаветы Кульманъ, она умерла еще зимой 19 ноября 1825 года, и теперь лежала спокойная, гордая, въ видѣ мраморнаго изваянія, въ своей богатой мраморной гробницѣ.

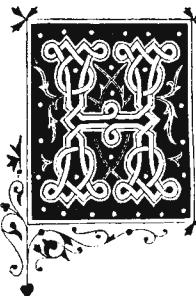
Е. Некрасова.

¹⁾ Тамъ же.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОНОРАРЪ ВЪ XVIII ВѢКѢ.

I.

Е ВЫСОКЪ уровень гражданственности въ обществѣ, изъ среды котораго поэтъ восторженно привѣтствуетъ новую жизнь, радуясь, что

«Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ
И, казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить.
Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно
Еи на землю уронить;
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парять,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ,
Не щелкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы въявь имъ не хоочутъ
И сажей не марауютъ рожъ».

Восторгъ Державина понятенъ.

Хотя и при Екатеринѣ «помаленьку кнутобойничаль» Степанъ Ив. Шешковскій¹⁾, но общество не было болѣе приводимо въ ужасъ

¹⁾ Потемкинъ,— разсказываетъ А. С. Пушкинъ.— встрѣчаясь съ Шешковскимъ, обыкновенно говоривъ ему: «Что, Степанъ Ивановичъ, каково кнутобойничашь?» На что Шешковскій отвѣчалъ всегда съ низкимъ поклономъ: «Помаленьку, ваша свѣтлость». Библіогр. Зап., 1859, т. II, стр. 136.

публичными казнями, подобными постигшей въ 1743 году статсъ-даму Лопухину, ея мужа (генераль-поручика), графиню Бестужеву-Рюмину и друг. Растрачивались государственные имущества на попадавшихъ въ «случаи» и ихъ родственниковъ; закрѣпощеніе народа шло гигантскими шагами на Украинѣ, но изъ кабинета государыни уже не посылали указовъ: «Съ казаковъ, женъ ихъ, дѣвокъ по 6 человѣкъ выбрать, которыхъ бы были бы негнусны и хорошо танцевать умѣли, и прислать въ С.-Петербургъ къ январю (указъ былъ полученъ въ Глуховѣ 11-го декабря), для имѣющей быть нѣкоторой забавной свадьбы»¹⁾). Люди, не утратившіе сознанія своего человѣческаго достоинства, не преслѣдовались, подобно А. П. Волынскому, при дворѣ императрицы, даровавшей

«Свободу мыслить
И разумѣть себя, цѣнить
Не въ рабствѣ, а въ подданствѣ числить»²⁾.

Вельможъ не щелкали въ усы, но сами вельможи изъ новыхъ людей щедро раздавали пощечины представителямъ старинныхъ боярскихъ и княжескихъ родовъ³⁾). Своимъ хищническимъ инстинктомъ они не знали удержку. Не только звонкая монета цѣлыми сундуками перевозилась изъ государственныхъ кассъ въ дома начальниковъ, замѣняясь обезцѣненными ассигнаціями, и казенные деньги самовольно отдавались въ ростъ частнымъ лицамъ⁴⁾, но и государственные недвижимыя имущества захватывались самимъ беззастѣнчивымъ образомъ. Въ завоеванномъ Крыму, вельможи раздавали земли знакомымъ дамамъ⁵⁾ и сами себѣ жаловали громадныя степные пространства въ Новороссійскомъ краѣ цѣлыми окружами на глазомѣръ. Имъ достаточно было заявить о своемъ желаніи мѣстными властямъ. До какого упрощенія довели они дѣло самопожалованія, можно видѣть изъ слѣдующихъ, еще неизданныхъ, документовъ, принадлежащихъ редакціи «Историческаго Вѣстника».

1. Рапортъ Василія Каходского князю Гр. А. Потемкину:

«Его свѣтлости высокоповелительному господину генераль-фельдмаршалу, екатеринославскому и таврическому генераль-губернатору и разныхъ орденовъ кавалеру, князю Григорію Александровичу Потемкину

«РАПОРТЪ.

«Планъ земли Ачуевской, снятый оберъ-квартирмейстеромъ Федоровскимъ и землемѣромъ Калчигинымъ по силѣ предписанія вашей

¹⁾ Замѣтка Марковича подъ 1739 годомъ въ его «Дневныхъ Запискахъ».

²⁾ Пѣвецъ же Елисаветы, Ломоносовъ, воскликнулъ въ надписи на иллюминацію 1747 года:

«Пусть мнимая другихъ свобода угнетается,
Насъ рабство подъ твоей державой возвышается!»

³⁾ Библ. Зап., I. с.

⁴⁾ По свидѣтельству Болотова, Державина и другихъ современниковъ.

⁵⁾ См. разсказы Н. К. Загряжской въ полномъ собраніи соч. Пушкина.

свѣтлости и владѣнныи указъ на оную имѣю честь при семъ под-
нестъ.

«Василій Каходской».

№ 2,442.

• Октября 18 дня 1785 г.

«Б. г. Акмечеть».

2. Упомянутый въ рапортѣ «владѣнныи указъ», за № 2,021, слѣдующаго содержанія:

«По указу ея величества государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, самодержицы всероссійской, и пр., и пр., и пр.

«Правитель Таврической области статскій совѣтникъ и кавалеръ Каходской, въ присутствіи таврическаго областнаго правленія словесно предложилъ, что господинъ генералъ-фельдмаршалъ, всѣхъ россійскихъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, объявилъ желаніе въ письмѣ, къ нему присланномъ, землю Ачуевскую, означенную на присланномъ примѣрномъ планѣ, взять себѣ для поселенія, съ тѣмъ, чтобы укрѣпить оную надлежащимъ образомъ въ его владѣніе и планъ съ владѣнныи указомъ доставить къ нему, г. генералъ-фельдмаршалу и кавалеру, а вслѣдствіе того, по данному отъ онаго правителя области повелѣнію, оберъ-квартирмейстеръ маіоръ Федоровъ и землемѣръ подпоручикъ Калчигинъ, по снятіи той Ачуевской земли на планъ, представили оной къ нему, съ донесеніемъ, что та земля формально ими еще не отмежевана и межевыхъ книгъ не сочинено, а посему и тотъ планъ отъ него, правителя, предложенъ присутствію на разсмотрѣніе, для того по указу ея императорскаго величества въ таврическомъ областномъ правленіи опредѣлено: какъ изъ того плана и приложеннаго при немъ описанія видно, что во всей Ачуевской округѣ состоять земли, удобной 122,635 десятинъ, 2,200 квадрат. саж., неудобной 341,117 десят., 2,250 квад. саж., а всего: 463,753 десят., 2,050 кв. саж., и лежить впустѣ; то дабы оная безъ заселенія не оставалась, отдать оную во владѣніе г. генералъ-фельдмаршалу и кавалеру кн. Григорію Александровичу Потемкину сходно съ его желаніемъ, по урочищамъ... Далѣе слѣдуетъ обозначеніе границъ, а затѣмъ указъ продолжаетъ:

«Для чего съ приложеніемъ съ представленнаго отъ оберъ-квартирмейстера маіора Федорова и землемѣра подпоручика Калчигина плана скопировки, подписать оную присутствующими областнаго правленія, послать къ оберъ-квартирмейстеру маіору Федорову указъ и велѣть по вышеписаннымъ урочищамъ, означеннымъ на той скопировкѣ красною оттушевкою, во владѣніе онаго г. генералъ-фельдмаршала и кавалера въ свое время формально отмежевать и, сочиня планъ съ межевыми книгами, представить въ областное правленіе для подписанія и утвержденія государственною печатью къ

выдачѣ владѣльцу и разсылкѣ куда слѣдуетъ, по полученіи которыхъ на вѣчное и потомственное тою землею владѣніе, ему, г. генералъ-фельдмаршалу и кавалеру, дать сей ея императорскаго величества открытый указъ, при коемъ и представленный отъ оберъ-квартирмайстера маюра Федорова и землемѣбра подпоручика Колчигина планъ приложить. Во утвержденіе чего и данъ сей изъ таврическаго областнаго правленія за подписаніемъ и съ приложениемъ печати въ благополучномъ городѣ Акмечетѣ, октября 17-го дня 1785 года (подписали):

«Правитель статскій совѣтникъ Василій Каходской.

«Правящій должностъ поручика правителя коллежскій совѣтникъ Андрей Ланге.

«Предсѣдатель палаты уголовнаго суда полковникъ Петръ Скорняковъ.

«Совѣтникъ областнаго правленія Петръ Максимовичъ.

(Слѣдуютъ двѣ татарскія подписи).

«Коллежскій протоколистъ Романъ Крутовъ.

«Регистраторъ Акимъ Генбачевъ».

Развращаемые неумѣренною властью и еще болѣе неумѣренными богатствами, быстро приобрѣтенными и безъ малѣйшаго труда, вельможи-любимцы едва ли могли съ уваженіемъ относиться къ послѣднему и воспринимать «свободу мыслить и разумѣть себя» иначе, какъ въ формѣ презрѣнія сильнаго къ личности слабаго, не стѣсняясь проявлять его въ грубомъ и пошломъ самодурствѣ. Они были лишены истиннаго душевнаго величія и отличались высокомѣрiemъ въ обхожденіи даже съ чиновными людьми, какъ бы желая показать, что прихоть фавора кладетъ между правами гражданъ пропасть болѣе глубокую, чѣмъ та, которая раздѣляетъ ихъ іерархическая мѣста и соціальныя положенія¹⁾. Они были милостивы къ льстецамъ и требовали угодливости, а это давало фальшивый тонъ не только великосвѣтской жизни, но и тогдашней литературѣ нашей, воспитанной подъ дворцовыми крылышкомъ и кормившейся отъ щедротъ меценатовъ. Исключенія, подобныя «Путешествію» Радищева, отличались еще болѣшою неуклюжестью.

II.

Ни наши придворные нравы, ни наша льстивая литература половины и послѣднихъ десятилѣтій прошлаго вѣка, не были ис-

¹⁾ Вышедшему изъ пѣвчихъ одному дѣйствительному статскому совѣтнику, который былъ недоволенъ обхожденіемъ Потемкина и сказалъ какъ-то: «Разнѣе не знаѣтъ князь, что я такой же генералъ, какъ онъ самъ?» Потемкинъ прозрѣтельно замѣтилъ, при первой встречѣ: «Что ты врешь? какой ты генералъ? ты генералъ-басъ!» Изъ записокъ А. С. Пушкина, «Полное собраніе соч.», изд. 1869 г., т. IV, стр. 471.

«ИСТОР. ВѢСТН.», ДЕКАБРЬ, 1886 г., т. XXVI.

ключениемъ на материкѣ Европы уже потому, что въ нихъ было много наноснаго изъ Германіи. Нѣмцы подражали французамъ, мы подражали этому подражанію, и одинаково неловко. Въ тогдашнемъ придворномъ и большомъ свѣтѣ еще не додумывались, что

«Такъ надобно гораздо разбирать,
Какъ станешь грубости кору съ людей сдирать,
Чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ у нихъ не растерять,
Чтобы не ослабить духъ ихъ, не испортить нравы,
Не разлучить ихъ съ простотой,
И, давши только блескъ пустой,
Безславья не налечь имъ вмѣсто славы».

Наши профессора и академики-одописцы были сколками съ германскихъ университетскихъ мастеровъ, а то прямымъ ихъ учениками. Почтенный Галлеръ и его многочисленные послѣдователи перелагали на стихотворный языкъ философскіе трактаты, пересказывали Лейбница и Вольфа, сочиняли стихотворныя разсужденія о намѣреніяхъ божіихъ при созданіи вселенной, о прививаніи коровьей оспы, о пользѣ математическихъ наукъ. Нашъ ученый литераторъ Ломоносовъ пыталъ свои силы въ томъ же направлении. Нельзя не видѣть поразительного сходства между Готтшедомъ и Сумароковымъ; даже задоръ задѣваемаго сумароковскаго самолюбія и его писательская спѣсъ выражались на готтшедовскій ладъ. Сатирикъ Рабенеръ не дерзалъ приближаться съ своею насмѣшкою къ палатамъ вельмож и прямо отказывался говорить о предметахъ, въ которыхъ замѣшаны «превосходительныя особы».

За это Рамлеръ (въ предисловіи къ переводу Баттѣ) хвалитъ «нѣмецкаго Ювенала» и называетъ его «улыбающимся сатирикомъ». У насъ въ высшихъ слояхъ придерживались тѣхъ же взглядовъ на границы и форму сатиры. Екатерина II укоряла Новикова за нападки на судейское взяточничество и словами Рамлера требовала, чтобы сатира писалась въ «улыбательномъ родѣ».

Такая сатира скользить по поверхности, не проникая вглубь порочнаго общественного строя, совсѣмъ не затрагиваетъ основы этого строя и вращается въ области житейскихъ слабостей болѣе или менѣе общихъ всѣмъ временамъ. Не осмѣивая пороковъ, а подшучивая надъ людскими недостатками, она не производить сколько нибудь замѣтнаго движения въ обществѣ и читается для забавы ограниченнымъ кругомъ людей, имѣющихъ дѣло съ книгами по ремеслу, по обязанности, или ведущихъ праздную свѣтскую жизнь.

Все читающее общество еще въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія было ничтожно и въ Германіи, и у насъ. Въ 1765 году Зульцеръ говорилъ:

«Книги остаются исключительно въ рукахъ однихъ профессоръ, студентовъ и журналистовъ, и мнѣ кажется, что писать для настоящаго поколѣнія—дѣло, едва ли стоящее труда. Если въ Гер-

манії существуетъ читающая публика вѣк круга людей, по ремеслу своему обязанныхъ обращаться съ книгами, то я долженъ признаться въ своемъ невѣжествѣ—я не знаю такой публики. Я вижу за книгами только студентовъ, кандидатовъ, тамъ и сямъ однокаго профессора, изрѣдка проповѣдника. Общество, въ которомъ эти читатели составляютъ незамѣтную частицу, не имѣть и понятія о томъ, что такое литература, философія, что такое разумно нравственные убѣжденія и вкусъ».

Въ нашихъ столицахъ (провинція долго еще представляла совершенную пустыню въ литературномъ отношеніи) около того же времени и нѣсколько позже литературные журналы и сборники издавались только любителями или на подписныя деньги и покертованія друзей, знакомыхъ и покровителей¹⁾). Сатирические журналы, созданные починомъ императрицы, не составляли исключенія. Существование всѣхъ такихъ изданий было кратковременно. Съ отѣзломъ двора въ Москву, книжный рынокъ пустѣлъ въ Петербургѣ. Въ письмѣ къ статьѣ-секретарю Козицкому²⁾ Новиковъ жалуется, что отѣздъ двора произвелъ замѣшательство въ его издательскихъ дѣлахъ, «ибо не только, что не прибавляются подписчики, но и другихъ книгъ почти совсѣмъ не покупаютъ». На сбыть литературныхъ произведеній вольною продажею были плохія надежды; авторы подносили свои труды и программы задуманныхъ изданий, обыкновенно посвящаемыхъ («приписываемыхъ») высокопоставленнымъ лицамъ или императрицѣ. Подносимое же, понятно, должно было удовлетворять вкусу милостивца или его тщеславію, отсюда

«Награда перстенькомъ,
Не рѣдко сто рублей, иль дружество съ князькомъ».

Такимъ образомъ, не одни низменныя побужденія авторовъ, не слабость развитія въ нихъ чувства собственнаго достоинства, но и стѣснительная хозяйственная условія, въ которыхъ былъ поставленъ литературный трудъ ничтожностью общественнаго спроса на его произведенія, обусловливали усердіе панегиристовъ. Самая сатира на общество, по своей мелочности безсильная воспитывать въ немъ высокія чувства гражданственности или видѣвшая зло въ порочности нравовъ, тогда какъ оно являлось неизбѣжнымъ слѣдствиемъ закономъ установленнаго порядка или имъ поддерживалось,—превращалась въ похвалу правительству, ему служила и его возвеличивала. Кантемиръ служилъ новшествамъ Петра Ве-

¹⁾ Кроме денегъ (платили дороже объявленной цѣны, и одно лицо иногда подписывалось на нѣсколько экземпляровъ повременнаго издания), помогали типографскими материалами: генераль-аудиторъ-лейтенантъ П. К. Хлѣбниковъ пожертвовалъ бумагу на цѣлое годовое изданіе «Утр. Свѣта». См. сентябрскую книжку 1777 г., стр. XXIV, изд. 1-е.

²⁾ Отъ 26-го марта 1775 года. Лѣт. русск. лит. и др., IV, смѣсь, стр. 46.

ликаго, Державинъ возвеличивалъ свою «Фелицу», оттѣня свѣтлые стороны ея царствованія мрачными воспоминаніями о бироновщинѣ и дворцовомъ самодурствѣ временъ Елизаветы Петровны.

Были и панегиристы по должности. Екатерина II наименовала Кострова университетскимъ стихотворцемъ и назначила ему годовое жалованье въ 1,500 рублей. «Когда, — говоритъ Пушкинъ, — наступали торжественные дни, Кострова искали по всему городу для сочиненія стиховъ и находили обыкновенно въ кабакѣ или у дьячка, великаго пьяницы, съ которымъ быть онъ въ тѣсной дружбѣ».

Милоновъ и Дмитріевъ разражались негодованіемъ противъ поставщиковъ лести и низкопоклонства, которые торговали поддѣльнымъ восторгомъ и превратили поэзію въ средство для приобрѣтенія денегъ и милостей; но не ихъ сатира нанесла рѣшительный ударъ панегиристамъ. Самая возможность появленія ихъ сатиры и сочувственное къ ней отношеніе общества показывали, что назрѣваетъ спросъ на литературу иного рода, и что общество готово и способно поддержать новое направление. Не стало заказчиковъ или поубавилась ихъ щедрость, исчезли или перемѣнили личину и поставщики хвалебныхъ одъ. Покуда же видѣли

И цѣль полезную, и рвеніе благое
въ пресмыкательствѣ поэта передъ сильными міра сего и при-
правленные лестью поэтическіе восторги награждали тепленскими
мѣстечками и даже почестями; покуда общество не предъявляло
серѣзного спроса на литературу вполнѣ достойную своего при-
званія и меценаты оставались если не единственными, то все же
главными и наиболѣе надежными заказчиками и покупателями, —
не переводились ни драматурги, ни лирики, ни публицисты, готовы-
е стихи свои и прозу наполнять «хвалою гнусныхъ дѣлъ» и раз-
мѣнивать свой талантъ на пріятное щекотаніе нервовъ своихъ ми-
лостивцевъ.

Писатель, не обладавшій самостоятельными средствами къ жизни и въ то же время стремившійся къ независимости въ творчествѣ, влачилъ жалкое существование. Авторъ народной русской оперы «Мельникъ», А. О. Аблесимовъ, былъ оцѣненъ въ Петербургѣ не театральнымъ вѣдомствомъ, а нѣмецкимъ журналомъ актера Зауервейда¹⁾). Его произведеніе было встрѣчено очень сочувственно и пользовалось постояннымъ успѣхомъ въ московской публикѣ, которая впервые познакомилась съ нимъ въ день открытія русского театра, въ августѣ 1780 года²⁾; тѣмъ не менѣе нужда

¹⁾) «Russische Theatralien». Журналъ выходилъ въ 1784 году. Единственная его книжка (октябрская), въ которой помѣщены свѣдѣнія объ Аблесимовѣ, хранится въ Румянцовскомъ музѣѣ.

²⁾) Театръ этотъ стоялъ на Петровкѣ, близь Кузнецкаго моста, на мѣстѣ сгорѣвшаго дома Лобанова.

зайла Аблесимова: отдавая послѣднее на воспитаніе единственной дочери, онъ умеръ въ нищетѣ экзекуторомъ при полиції, и едва ли могъ бы жить и писать безъ поддержки со стороны Новикова, этого «истиннаго друга русской литературы», какъ называлъ его нѣмецъ Зауервейдъ.

Въ Германіи, въ этомъ отношеніи, было не лучше нашего. Тамъ, въ половинѣ прошлого вѣка, за переводъ французской, английской или испанской книги средней величины издатели платили по 20—30 талеровъ. Готтольдъ Лессингъ, будучи газетнымъ сотрудникомъ и усердно работая, долженъ былъ довольствоваться скучнымъ обѣдомъ въ 1 $\frac{1}{2}$ гроша (6 коп.) и нуждался въ порядочномъ платѣ, какъ видно изъ его писемъ къ отцу¹⁾. Онъ считалъ для себя выгоднымъ предложеніе за 200 талеровъ исправить латинскій переводъ огромной д'Эрблотовой «Восточной Библиотеки», не смотря на то, что для такой работы требовался годичный трудъ. Книгопродавецъ-издатель «Библиотеки изящныхъ искусствъ и словесности», за нумеръ, состоявшій изъ 15-ти печатныхъ листовъ (правда, небольшаго формата), платилъ Николаи съ сотрудниками, въ 1759 году, по 25 талеровъ. По отзыву Николаи, такая плата и для того времени была очень умѣренна; писатели обыкновенно получали нѣсколько болѣе. Семь лѣтъ спустя, уже пользуясь литературною славою, Лессингъ былъ приглашенъ на должность «драматурга» при гамбургскомъ общественномъ театрѣ съ годовымъ жалованьемъ въ 800 талеровъ.

Пробиться литературнымъ трудомъ на путь независимаго отъ меценатовъ или государственной службы существованія было тяжело и почти невозможно въ обществѣ, погруженномъ въ «гнуснѣйшее варварство», по выражению Гервинуса. Въ такомъ обществѣ писатель по ремеслу не можетъ работать безъ заказовъ, прямо на рынокъ. Отвернувшись отъ переднихъ высокопоставленныхъ лицъ, онъ вынужденъ искать себѣ патрона между издателями, обивать пороги книжныхъ лавочекъ и редакцій. Только одно средство избѣгнуть голода или кабалы предпринимателя-капиталиста остается такимъ писателямъ, желающимъ вызвать общественный спросъ на литературу, развить вкусъ читателей и работать на всю читающую публику,—это соединить свои слабыя средства и разрозненные силы въ производительныя товарищества, въ литературныя общества и издательскіе кружки.

Въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ мы стояли далеко позади Германіи. Въ рѣдкомъ германскомъ городѣ не было литературного общества; литературныя школы имѣли свои органы, сносились или враждо-

¹⁾ Данныя о Лессингѣ и литературныхъ гонорарахъ его времени заимствованы изъ сочиненія: G. E. Lessing. von Th. W. Danel. I Band, 1850.—II Band, 1854, von G. E. Guhrauer.

вали между собою; приверженцы различных направлений (напр., готтшедианцы и бодмерианцы, или школы саксонская и швейцарская) вели оживленную полемику, а критика, особенно съ появлением Лессинга, воспитывала вкусы, расширяла кругозоръ читателей и вызывала къ дѣятельности высоко-художественные таланты, расчищала путь къ пониманію литературныхъ геніевъ. У насъ же было только два литературныхъ общества: одно въ Петербургѣ, подъ названиемъ «собранія, старающагося о переводѣ иностранныхъ книгъ на россійскій языкъ», что уже достаточно характеризуетъ его работы, оплачиваемыя ежегоднымъ пособіемъ отъ двора въ 5,000 рублей, и другое въ Москвѣ, основанное при университѣтѣ вторымъ его кураторомъ Меллисино; это общество профессоровъ и служащихъ попреимуществу, названное «вольнымъ россійскимъ собраніемъ», за четыре первые года своего существования (1771—1774 г.) издало лишь одну книжку «Опыта трудовъ», поднесенную императрицѣ. До 1769 года издавать что либо иначе, какъ на наличныя деньги, не было возможности, потому что не существовало частнаго типографскаго промысла. Только въ этомъ году была открыта, «по сенатской привилегіи», первая въ Россіи частная типографія Гартунга и до указа о вольныхъ типографіяхъ (15-го января 1783 г.) такихъ частныхъ учрежденій было всего три, и то лишь въ одномъ Петербургѣ¹). По свидѣтельству Карамзина, до Новикова въ Москвѣ были только двѣ книжныя лавки (академическая и университетская), «которыя не продавали въ годъ и на 10 тысячъ рублей»²). Въ провинції доставать книги было крайне затруднительно; онѣ проникали туда случайно и, пройдя чрезъ нѣсколько рукъ, продавались втридорога³). Повременныя изданія совсѣмъ не знали провинціальныхъ подписчиковъ; книгопродавецъ К. В. Миллеръ, въ первомъ нумерѣ «Санктпетербургскихъ Ученыхъ Вѣдомостей» 1777 года, только обѣщаетъ «для угощенія почтенной Публикѣ», «стараться и о томъ, чтобы можно было получать сіи Вѣдомости въ разныхъ городахъ». Провинціальная подписка и всероссійская книжная торговля были организованы позднѣе, Н. И. Новиковымъ.

На какомъ уровнѣ развитія стояла тогда наша частная повременная печать, можно видѣть изъ того, что съ 1773 по 1778 годъ никто изъ частныхъ людей въ Россіи, кромѣ Новикова, не издавалъ журнала. Такое положеніе гласности было, однако, уже шагомъ впередъ въ царствованіе Екатерины II: втечение 1765—1768 годовъ вся русская периодическая литература состояла исключи-

¹) Сопиковъ, ч. 1-я, стр. CXVII.

²) Статья «О книжной торговлѣ» и проч. въ «Вѣсти. Европы» за 1802 г.

³) См. примѣч. къ письму Любомудрова въ «Живописцѣ», изд. 1-е, ч. 2-я, стр. 365.

тельно изъ «Вѣдомостей», с.-петербургскихъ и московскихъ, т. е. газетъ академической и университетской. Предпринимавшіяся ранѣе въ обѣихъ столицахъ повременныя изданія на частныхъ средства были недолговѣчны. Долѣе всѣхъ продержались «Ежемѣсячные сочиненія, къ пользѣ и удовольствію служащія», Миллера. Они выходили съ начала 1755 года до конца 1764 года и закрылись на 20-й части. «Праздное время, въ пользу употребленное» существовало всего два года (1759 и 1760), а «Трудолюбивая Пчела» Сумарокова—только одинъ годъ (1759-й). Хотя *génie créateur*, выдумавъ пчелку, по словамъ Ломоносова, и «посыпалъ ее на медь на стрѣлку¹), чтобы потомъ жалила подъячихъ», но нападки на «крапивное сѣмя» не спасли ее отъ смерти. Московскіе литераторы имѣли не болѣе успѣха. Изданія Хераскова—«Полезное увеселеніе» (съ января 1760 по іюнь 1762) и «Свободные часы» (въ 1763 году)—закрылись: первое съ выходомъ въ свѣтъ пятой части, второе послѣ одной части. Не пошли дальше одной части и другія два изданія, предпринятія въ 1763 и 1764 годахъ: «Невинное упражненіе» Богдановича и «Доброе намѣреніе» Санковскаго.

III.

Изслѣдователю хозяйственной стороны нашей литературной жизни въ эпоху пробужденія общественной самодѣятельности нельзя не остановить вниманія на томъ, какъ складывалась эта самодѣятельность въ области печатнаго слова, въ какія отношенія становились между собою производительныя силы, вызванныя къ дѣятельности покуда еще слабымъ спросомъ на гласность и обмѣнъ мыслей. Составляющая предметъ настоящей статьи заработка плата въ значительной мѣрѣ обусловливается отношеніями между факторами производства. Ея характеръ прямо опредѣляется большою или меньшою независимостью представителей труда отъ капиталистовъ-предпринимателей, соединеніемъ труда и капитала на началахъ равноправности, или рѣзкимъ разграниченіемъ ролей хозяина и рабочаго.

Меценатство ставить литературный трудъ въ самыя неправильныя хозяйственныя отношенія, потому что распоряжается заработною платою по своей прихоти: отъ усмотрѣнія милостивца зависѣть, какъ и когда вознаградить автора, заискивающаго его вниманія и благосклонности. Меценатство только тогда и возможно, когда между общественными положеніями представителей литерату-

¹) Стрѣлка на взморье со всѣмъ островомъ принадлежала тогда известному масону оберъ-гофмаршалу И. П. Елагину ([†] 1796). А. П. Сумароковъ тоже принадлежалъ къ ордену.

турного труда и ихъ кормильцами лежить цѣлая пропасть. Попадая на государственную службу, литературный трудъ вознаграждается, по крайней мѣрѣ, опредѣленнымъ жалованьемъ и въ установленные сроки. Унаслѣдованный отъ Московскаго государства и сильно развившійся въ дѣловую петровскую эпоху порядокъ служебнаго литераторства хотя продолжается и въ Екатерининское время, но въ способы вознагражденія этого литераторства за гла-вишнюю его работу того времени—переводы—вводится новизна. Въ 18-мъ листѣ «Живописца» 1773 года, Новиковъ прославляетъ Екатерину за учрежденіе вышеупомянутаго «собранія, старающа-гося о переводѣ иностранныхъ книгъ», съ назначеніемъ переводчикамъ 5,000 рублей въ годъ «за труды ихъ»; по его мнѣнію, это лучше прежняго опредѣленнаго жалованья: «гдѣ должностъ, тутъ принужденіе; а науки любить свободу, и тамъ болѣе распространяются, гдѣ свободнѣе мыслять». Замѣна окладовъ по должностямъ вознагражденіемъ за дѣйствительные труды уже тѣмъ хороша, что не позволяетъ кормиться на казенный счетъ празднымъ литературымъ чиновникамъ и, по примѣру Кострова, погружаться въ кабачныя забавы,

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ

во образѣ начальства. Главное же преимущество вознагражденія за труды по раскладкѣ изъ общей суммы состоить въ его способности соединять для совмѣстной работы разрозненные литературные силы и распредѣлять занятія по предварительному договору. Между трудящимися устанавливаются товарищескія отношенія, является общность интересовъ въ работѣ, тогда какъ ни то, ни другое не вызывается выдачею личнаго жалованья отдельно каждому изъ служащихъ по литературѣ, нерѣдко сопровождается иска-тельствами и интригами и приводитъ къ синекурамъ. Начало ар-тельное, народное, у насъ проглянуло, такимъ образомъ, въ учре-женіи «собранія, старающагося о переводѣ иностранныхъ книгъ», безъ всякаго стѣсненія личной свободы, такъ какъ никто изъ пе-реводчиковъ въ отдѣльности не былъ обязанъ трудиться, а тру-дившимся, и за то вознаграждаемымъ изъ общихъ средствъ со-бранія, никто со стороны не указывалъ, что именно переводить: ихъ коллективный выборъ былъ обеспеченъ отъ внѣшнаго принужденія. Но подобныя собранія—все еще не вольныя общества, ни въ ка-комъ отношеніи не зависимыя отъ милостивцевъ. «Вольное россий-ское собраніе» Меллисино нельзя назвать даже попыткою образовать такой литературный союзъ, потому что этотъ тщеславный универ-ситетскій опекунъ завербовалъ въ него своихъ подчиненныхъ, изъ которыхъ многіе шли единственно изъ желанія угодить начальнику или изъ боязни отказомъ навлечь на себя его гнѣвъ. Починъ былъ сдѣланъ кружкомъ людей, соединенныхъ дружбою или взаимнымъ

уваженіемъ, совсѣмъ въ сторонѣ отъ официального міра и въ средоточії тогдашней русской общественной жизни — въ Москвѣ; въ Петербургѣ не было для этого достаточно духовнаго простора. Но почему бы то ни было, фактъ появленія именно въ Москвѣ «Дружескаго Общества» и «Типографическій Компаниі», имѣвшихъ такое рѣшительное вліяніе на развитіе у насъ печатной гласности и общественной самодѣятельности въ области печати, едва ли можно объяснить простою случайностью. Чиновный Петербургъ и неслужилая дворянская Москва расходились во взглядахъ на призваніе литературы и на выдающіяся явленія современной общественной жизни. Въ то время, когда въ Петербургѣ на расхватъ раскупались комедіи Екатерины: «Обманщикъ» и «Обольщенный», направленные къ осмѣянію масонства, и петербургская печать наполнялась восторженными о нихъ отзывами, нападки на «мартинистовъ» не находили никакого отголоска въ Москвѣ. Печать старой столицы стремилась сплотить общественные силы, а литераторы петербургской закваски продолжали тяготѣть къ двору. Какъ образецъ вѣрноподанныческихъ посвященій самаго конца прошлаго столѣтія, приводимъ неизданный документъ, хранящійся въ архивѣ редакціи «Исторического Вѣстника». Документъ этотъ — всеподданнѣйшее письмо Голикова, при которомъ онъ подносилъ императору Павлу послѣдній томъ своего историческаго труда: «Дѣянія Петра Великаго». Письмо помѣчено 11 октября 1798 года и отправлено изъ Москвы, гдѣ печатался трудъ Голикова. Вотъ его содержаніе:

«Всемилостивѣйшій государь!

«Ваше императорское величество милостиюмъ принятіемъ въ Москвѣ трудовъ моихъ посильныхъ вліяли въ меня смѣость посвятить вашему же всепресвѣтѣйшему имени и сю послѣднихъ, можетъ быть, трудовъ моихъ книгу. Въ первыхъ тридцати томахъ описаны жизнь и всѣ дѣянія Петра Перваго, великаго вашего прадѣда, прославившаго Россію и удивившаго Европу и весь свѣтъ; а въ сей послѣдней содережатся драгоценныя остатки, не могшіе помѣститься въ оныхъ, его же истинно монаршаго духа, которые и въ малыхъ, такъ сказать, приватныхъ общежительныхъ чертахъ столь же ясно изображаютъ его благочестіе, мудрость, мужество, правосудіе, неутомимую дѣятельность, крайнее снисхожденіе, милость и безпредѣльную любовь его къ подданнымъ; словомъ такія монаршія добродѣтели, каковыми отличается во владыкахъ земныхъ Павелъ Первый, великий его правнукъ, достойнѣйший преемникъ и престола, и духа его.

«Ваше императорское величество милостиюмъ воззрѣніемъ и на сей, къ числу же помянутыхъ томовъ принадлежащей, трудъ осчастливите старца, посвятившаго всего себя на просла-

вленіе Петра и Павла, священѣйшихъ для него именъ, въ коихъ двухъ сіяеть единый образъ и подобіе.

«Да будетъ представителемъ моимъ у всевысочайшаго престола вашего не слабый трудъ мой, но предметъ сихъ трудовъ моихъ.

«Всемилостивѣйший государь!

«Вашего императорскаго величества

«всенижайшій вѣрноподданный

«Иванъ Голиковъ».

Еще живя въ Петербургѣ и здѣсь трудясь на издательскомъ поприщѣ, Н. И. Новиковъ старался привлекать къ своимъ предпріятіямъ общественные силы. Свернувъ съ наторенной дороги субсидированного издателя и замѣнивъ посвященія своихъ трудовъ вельможамъ и «содѣтельницѣ блаженства россійскаго» посвященіемъ «отечеству», онъ не желалъ ни поступать въ батраки къ книгопродавцамъ, ни работать прямо на книжный рынокъ въ одиночку. Изъ писемъ его къ Я. И. Булгакову видно, что онъ находился съ послѣднимъ въ товариществѣ по изданію переводовъ иностранныхъ сочиненій. Переводить долженъ былъ Булгаковъ, Новиковъ бралъ на себя хлопоты по напечатанію и продажѣ книгъ; расходы по изданію, состоявшему изъ нѣсколькихъ томовъ, несли оба поочередно. На такихъ условіяхъ изданы первые томы «Всемирнаго Путешествователя» де-ла Порта. Продажная цѣна всему изданію (27 частей) была положена 100 рублей. Булгаковъ не устоялъ въ очередныхъ платежахъ; тогда Новиковъ предложилъ платить ему за каждый томъ въ рукописи по 200 руб. и 25-ти печатныхъ экземпляровъ. Стоимость каждого тома обходилась по разсчету 9 руб. за печатный листъ и 25 руб. «за смотрѣніе корректуры», стало быть Новиковъ предлагалъ Булгакову оплачивать его трудъ переводчика, однѣми деньгами, по 3 р. 75 к. за листъ, а вмѣстѣ съ платою книгами — по 5 р. 50 к., т. е. больше чѣмъ втрое дороже той платы, какую получалъ Николай отъ своего книгопродавца-издателя. Булгаковъ не согласился¹⁾.

Вступивъ на новый путь, Новиковъ и журнальную свою дѣятельность повелъ въ товариществѣ. «Спб. учен. вѣдом.» издавались имъ при содѣствіи «общества, состоящаго изъ нѣсколькихъ человѣкъ»; ихъ всѣхъ вмѣстѣ книгопродавецъ Миллеръ называетъ издателями. Товарищество, составленное для изданія ежемѣсячника «Утренній Свѣтъ», носило название «общества ученыхъ людей». Сотрудники этого ежемѣсячника не получали платы, издатели тоже работали даромъ; никто изъ нихъ не находилъ умѣстнымъ пользоваться материальными выгодами отъ предпріятія, основан-

¹⁾ Письма Новикова къ Булгакову въ «Русскомъ Архивѣ» 1864 года, стр. 604 — 613.

наго съ цѣлью привлечь общественныя силы и средства къ дѣлу народного образованія, находившагося въ самомъ плачевномъ состояніи даже въ средоточіи государственного управления. И послѣ реформы училишъ по плану выписанного изъ Темешвара серба Янковича-де-Миріево обученіе въ народныхъ школахъ шло крайне неудовлетворительно; бѣдность давила учителей; лѣтомъ и зимою носили одно платье, ходили въ изодранныхъ байковыхъ сюртукахъ, часто не имѣли сапоговъ и чулокъ, обертывали ноги въ бумагу, иной разъ занимали по бѣдности двѣ должности: учителя и сторожа, отъ безъисходной нищеты спивались, а школы оставались безъ бумаги и черниль, даже безъ свѣчей и дровъ¹⁾). Въ училищахъ же (екатерининскомъ и александровскомъ), содержимыхъ на доходы отъ «Утренняго Свѣта» и управляемыхъ его издателями, на всемъ лежала печать довольства; они не только предшествовали правительстvenнымъ, но и были образцовыми. Посѣщая ихъ, издатели и сотрудники «Утренняго Свѣта» могли получить полное нравственное удовлетвореніе. Въ этомъ состояла ихъ заработка плата съ присоединеніемъ общественной признательности и доброй памяти въ потомствѣ.

Издательская дѣятельность Новикова, съ переѣздомъ его въ Москву, развивалась на началахъ чисто артельного производства, что было особенно важно въ виду уже зарождавшагося у насъ капитализма въ издательскомъ промыслѣ. «Типографская Компания» предоставила труду равное съ капиталомъ участіе въ дѣлѣ. Двое изъ 14 ея членовъ, С. И. Гамалѣя и князь Енгалычевъ, приняты вкладчиками работою. Служа органомъ практической дѣятельности и конечнымъ юридическимъ оформленіемъ «Дружескаго Общества», эта компания была хозяиномъ и тѣхъ предпріятій Новикова, которыя, повидимому, составляли предметъ личной его промышленной дѣятельности; такъ, университетская типографія, «взятая на откупъ», какъ тогда выражались, Новиковымъ единолично, а при ней и «Московскія Вѣдомости» входили въ составъ общаго компанейского хозяйства, о чмъ самъ Новиковъ заявилъ на допросѣ у князя Прозоровскаго. Разсматривая же дѣятельность «Дружескаго Общества», «Типографической Компани» и университетской типографіи какъ одного цѣлаго, нельзя не видѣть, что это цѣлое было громадною производительною артелью. Здѣсь невозможно точное разграничение между заработною платою и другими расходами производства, потому что трудъ не только содержался, но и воспитывался, и на дѣло воспитанія расходовались не только деньги, но и бесплатный трудъ; съ другой стороны, воспитанники (цитомцы педагогической и переводческой семинарій при университете) своимъ

¹⁾ Объ этомъ у А. Воронова: «Ѳ. И. Янковичъ-де-Миріево, или народная училища въ Россіи при императрицѣ Екатеринѣ II», Спб., 1858.

собственнымъ ученическимъ трудомъ участвовали въ производствѣ; занятія смѣшивались; распорядительныя работы не лежали безсмѣнно на однихъ и тѣхъ же лицахъ¹⁾ и т. д. Но несомнѣнно, что литературный трудъ вознаграждался въ этой артели вполнѣ удовлетворительно. Питомецъ «Дружескаго Общества» Багрянскій, медикъ, занимался переводами съ французскаго и, живя у Новикова на всемъ готовомъ, получалъ жалованья 300 рублей въ годъ. Такое вознагражденіе было скромно сравнительно съ тѣми щедрыми наградами, которыми, по словамъ Храповицкаго, жаловала императрица кабинетскаго переводчика Арндта, переведившаго на нѣмецкій языкъ ея комедіи, направленныя къ осмѣянію масонства²⁾. оно уступало и годовому жалованью «университетскаго стихотворца» Кострова, но нисколько не было ниже платы (300 талеровъ въ годъ), предложенной богатымъ лейпцигскимъ купцомъ Винклеромъ Лессингу (уже пользовавшемуся тогда въ Германіи громкою извѣстностію) за то, чтобы Лессингъ сопровождалъ его въ путешествіяхъ по различнымъ европейскимъ странамъ, въ качествѣ отчасти товарища, отчасти наставника. Питомцы «Дружескаго Общества» были дѣятельными сотрудниками въ новиковскихъ изданіяхъ. Ими составлялись, напримѣръ, литературные прибавленія къ «Московскимъ Вѣдомостямъ», а эти прибавленія очень нравились читающей публикѣ и вмѣстѣ съ статьями неполитического содержанія подняли спросъ на газету до небывалыхъ прежде размѣровъ: Новиковъ началъ издавать «Вѣдомости» при 600 подписчикахъ, а по прошествіи 10 лѣтъ, когда по волѣ императрицы университетъ отказалъ ему въ продлении срока аренды (въ 1789 году), число подписчиковъ простипалось до 4,000³⁾. Первымъ изъ упомянутыхъ прибавленій, выдаваемыхъ въ видѣ преміи, бездѣнежно, было «Дѣтское Чтеніе», въ которомъ сотрудничалъ Карамзинъ, а вслѣдъ затѣмъ переведенный съ французскаго «Магазинъ натуральной исторіи, химіи и физики» Мокера, Бомара и Сигодѣ-ла Фона (12 частей). «Магазинъ» издавался до 1792 года А. А. Прокоповичемъ-Антонскимъ, питомцемъ «Дружескаго Общества», впослѣдствіи ректоромъ университета и предсѣдателемъ учрежденного въ 1811 году «Общества любителей россійской словесности»⁴⁾. Особенно на подготовку литературныхъ силь и вообще людей образованныхъ не щадили средствъ. Невзорову и Колокольникову, оканчивавшимъ свое медицинское образованіе за границею,

¹⁾ Ходомъ типографскихъ работъ, напр., завѣдывалъ не одинъ Новиковъ, но и Шварцъ, и первого смѣнялъ иногда весьма способный къ этому дѣлу Ив. Алекс. Алексѣевъ, впослѣдствіи членъ государственного совѣта (съ 1810 года).

²⁾ Записки, 24 января, 8 и 22 февраля и 1 октября 1786 г.

³⁾ Карамзинъ, I. с.

⁴⁾ См. подъ этимъ названіемъ статью Лонгинова въ іюньской книжкѣ «Русск. Вѣстника» за 1856 годъ.

выдавались стипендіи по 1,000 рублей въ годъ. Эта сумма почти втрое превышала размѣры содержанія воспитанниковъ академіи художествъ, посылаемыхъ за границу для довершенія художествен-наго образованія: имъ отпускалось по 350 рублей въ годъ, на что, по отзыву Лосенко, «содержаться было нечѣмъ» ¹⁾.

Къ литературнымъ труженикамъ Новиковъ относился съ чрезвычайнымъ вниманіемъ. Аблесимову онъ помогалъ тѣмъ, что на свой или компанейскій счетъ издавалъ его сатирическій еженедѣльникъ «Разскащикъ». По достовѣрнымъ свидѣтельствамъ извѣстно, что онъ иногда покупалъ два или три перевода одной и той же книги, чтобы труды переводчиковъ не пропали даромъ и черезъ это они не отвращались отъ дальнѣйшихъ занятій,—печаталь же, разумѣется, лучшій переводъ, а остальные уничтожалъ ²⁾.

Сотрудничество въ новиковскихъ изданіяхъ было настоящею школою литературного труда въ журнальной области. Здѣсь выработались наши лучшіе публицисты послѣдняго десятилѣтія прошлаго и первого двадцатилѣтія нынѣшняго вѣка. Говоря словами Карамзина, Новиковъ научилъ искусству «пріохочивать публику ко чтенію, угадывать общій вкусъ и не забывать частнаго». Онъ отвелъ авторскому труду почетное мѣсто въ издательской дѣятельности и вѣрно понялъ назначеніе послѣдней—быть общественнымъ органомъ. Имъ созданныя въ области печати хозяйственныя отношенія на началахъ равноправности труда и капитала долго не продержались и были нарушены литературными промышленниками, развившимися подъ покровомъ позднѣйшаго концессіоннаго порядка въ производствѣ печатной гласности, но идея этого производства вольными товариществами жила еще въ умахъ писателей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ и вела къ протестамъ противъ стремленія издательской монополіи барышничать путемъ установленія литературного батрачества и литературный поденщины.

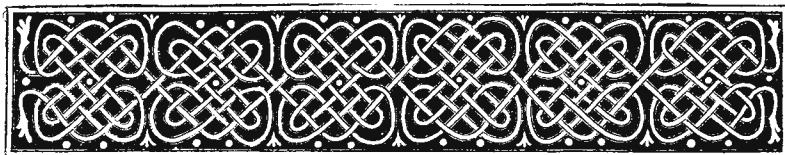
«Типографическая компанія», доказавшая силу общественной самодѣятельности въ области печатнаго слова, была, какъ извѣстно, разрушена, Новиковъ арестованъ, заключенъ въ крѣпость и раззоренъ безповоротно, не смотря на торжественное обѣщаніе возвратившаго ему свободу императора Павла: «Я даю тебѣ мою руку и слово, что и копѣйка твоя не пропадетъ,—дай только мнѣ время и вѣрь моему слову» ³⁾). Новиковъ ждалъ и вѣрилъ, но императоръ забылъ о своемъ обѣщаніи.

А. Мальшинскій.

¹⁾ «Русскій граверъ Е. И. Чемесовъ», статья Петрова въ «Бібл. для Чтенія». апрѣль, 1860 г., стр. 12.

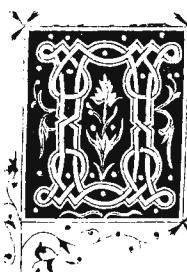
²⁾ Лонгиновъ: «Н. И. Новиковъ и московскіе мартинисты», стр. 221.

³⁾ Письмо дочери Новикова, Вѣры Николаевны, къ А. И. Тургеневу. «Лѣт. русск. лит. и древн.», IV, Смѣсь, стр. 81.

ЛОГИЦИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.

(Изъ воспоминаній участника).

КТЯБРЯ 30-го 1874 года, первый баталіонъ Серпуховскаго пѣхотнаго полка, квартировавшій въ городѣ Минскѣ, возвращался съ военной прогулки въ казармы. Дойдя до Георгіевской площади, усталые солдаты подтянулись, подбодрились и, обогнувъ домъ городскаго клуба, двинулись стройными рядами мимо квартиры начальника дивизіи въ предмѣстіе Ляховку. Но не успѣлъ баталіонъ вытянуться по улицѣ, какъ изъ дома, занимаемаго генераломъ, выбѣжалъ ординарецъ и передалъ баталіонному командиру, что начальникъ дивизіи приказалъ ротамъ идти въ казармы, а офицерамъ вмѣстѣ съ командиромъ баталіона пожаловать къ генералу на квартиру.

— Разносъ будетъ за что нибудь,—сказалъ кто-то изъ офицеровъ, отдѣлившихся изъ строя и быстро зашагавшихъ къ крыльцу незатѣйливой генеральской квартиры.

— Пожалуйте,—раздался изъ-за дверей, ведущихъ въ пріемную, голосъ лакея, и двери изъ передней настежь растворились. Офицеры боязливо вошли въ пріемную и выстроились въ одну шеренгу у порога.

Въ пріемной, кромѣ начальника дивизіи генерала Пузанова, находился еще другой, неизвѣстный намъ, генераль: маленький, худощавый, онъ сидѣлъ сгорбившись за столомъ, барабаня пальцами по лежавшему на столѣ громадному альбому. На генералѣ мундиръ былъ съ бѣлымъ приборомъ.

— Здравствуйте, господа!—сказалъ начальникъ дивизіи, наклоняя слегка голову по направленію къ офицерамъ:—извольте соби-

раться въ походъ, сегодня въ 2 часа по полуночи баталіонъ выступаетъ въ мѣстечко Логишинъ, гдѣ и поступить въ распоряжение его превосходительства (при этомъ онъ указалъ глазами на маленькаго генерала), возьмите съ собой по 12 патроновъ на человѣка. Прошу исполнить свято, что прикажеть генераль. Больше ничего не имѣю вамъ сказать, извольте отправляться по квартирамъ и готовиться къ выступленію, приказаніе въ полкъ уже отправлено.

Офицеры молча поклонились и вышли на улицу.

Лаконическое приказаніе начальника дивизіи сильно озадачило офицеровъ: никто не зналъ даже, что это такой за Логишинъ, какая цѣль посылки туда войскъ, хотя приказаніе «взять съ собой боевые патроны» ясно указывало, что въ томъ Логишинъ творится что-то неладное.

Весь день прошелъ въ сборахъ, а къ 12 часамъ ночи всѣ офицеры были при ротахъ въ казармѣ. Между тѣмъ въ городѣ носились по поводу экстреннаго выступленія баталіона въ Логишинъ самые разнорѣчивые слухи; такъ, напримѣръ, по однимъ слухамъ въ Логишинѣ произошелъ «бунтъ», а по другимъ — отправка туда войскъ не оправдывалась никакою надобностю, а произошла вслѣдствіе требованія губернатора, которому, какъ владѣльцу Логишина, жители мѣстечка отказали въ уплатѣ неправильнаго поземельнаго налога.

Изъ предварительныхъ собранныхъ въ городѣ свѣдѣній оказалось, что мѣстечко Логишинъ находится въ Пинскомъ уѣздѣ, принадлежитъ минскому губернатору Токареву, и что баталіонъ поступаетъ подъ начальство генераль-маіора Лошкарева, командированнаго для «усмирѣнія бунта» министромъ внутреннихъ дѣлъ, вслѣдствіе донесенія губернатора.

Въ то же время получено извѣстіе, что, кромѣ баталіона пѣхоты, по требованію генерала Лошкарева вызвана изъ города Слуцка сотня казаковъ, которая должна была слѣдовать форсированнымъ маршемъ на станцію Синявку для соединенія съ баталіономъ.

Вотъ до какой степени раздули дѣло, не стоявшее, какъ это оказалось потомъ, выѣденного яйца!

Между тѣмъ баталіонъ, уложивъ на скоро нужные пожитки, выступилъ въ 12 часовъ ночи на вокзалъ Московско-Брестской желѣзной дороги.

Ночь была теплая, ясная. Не смотря на позднее время, на улицахъ толпились массы евреевъ, привлеченныхъ музыкой, всѣ окна на пути слѣдованія баталіона были открыты и изъ нихъ выглядывали удивленные жители.

Ровно въ два часа по полуночи экстренный поездъ отошелъ съ баталіономъ на станцію Городѣя, откуда дальнѣйшее движеніе предполагалось совершить на обывательскихъ подводахъ.

На станціи Городѣя прибытія баталіона ожидалъ мѣстный становой приставъ, а площадь у вокзала была заставлена крестьян-

скими одноконными подводами. Подводъ согнали около двухсотъ, и многія изъ нихъ прибыли изъ дальнихъ волостей, отстоявшихъ отъ Городѣи болѣе чѣмъ на 30 верстъ.

Послѣ небольшаго отдыха, людей начали усаживать на подводы, причемъ не обошлось безъ шума, ругани и неизбѣжныхъ тумаковъ по «мужицкимъ затылкамъ». Только около полудня бесконечный поѣздъ тронулся въ путь, имѣя позади ротъ офицеровъ, а въ хвостѣ баталіона команда его, маіора С., усѣвшагося, подобно остальному офицерству, на узенькую, съ скрипучими колесами телѣжку, влекомую крошечной, исхудалой лошаденкой.

Погода стояла ясная и сухая. Осенне солнце яркими лучами прорѣзывало прозрачный и жидкій воздухъ. Оно уже не жгло какъ въ августѣ, не разливало утомительного зноя, а только блестѣло и сверкало холоднымъ, ослѣпительнымъ блескомъ. Оригинальный поѣздъ, растянувшійся почти на двѣ версты, подобно громадной змѣѣ, извивался то всползая на возвышенности, то прячась въ углубленіяхъ. Прилегающая къ дорогѣ сѣренѣкая, лишенная лѣсовъ мѣстность дышала какой-то подавляющей монотонностью и казалась непривѣтливой до-нельзя, тогда какъ надъ ней сіяло блѣдно-голубое и безоблачное небо... Мужицкія лошадки, усердно похлестывавшія ихъ вожаками, все подавались дальше и дальше...

Переноочевавъ въ мѣстечкѣ Несвижѣ, баталіонъ двинулся дальше и, перемѣнивъ въ мѣстечкѣ Клецкѣ подводы, прибылъ на ночлегъ на станцію Синявку, совершивъ въ тотъ день переѣздъ въ 34 версты.

На станціи Синявка назначенъ былъ баталіону послѣдній ночлегъ и затѣмъ оставалось еще два переѣзда (40 съ небольшимъ верстъ) до мѣстечка Логишина. Въ Синявкѣ мы застали уже главнаго распорядителя экспедиціи минскаго исправника Капгера, поселившагося въ пассажирской комнатѣ почтовой станціи. Отъ г. Капгера мы не могли ничего узнать о предстоящихъ намъ дѣйствіяхъ: онъ видимо уклонялся отъ объясненія цѣли экспедиціи, и когда одинъ изъ офицеровъ высказалъ предположеніе о возможности дѣйствія оружіемъ, то Капгеръ, улыбнувшись, отвѣтилъ:

— Не думаю, а что будетъ генеральная порка, это вѣрно.

Отъ Капгера же мы узнали, что генераль Лошкаревъ догонить баталіонъ у самаго Логишина, не рѣшаясь слѣдовать съ одной пѣхотой и поджидая прихода на станцію Синявку казаковъ, долженствовавшихъ служить ему конвоемъ.

2-го октября, въ семь часовъ утра, баталіонъ усѣлся опять на свѣжія обывательскія подводы и двинулся дальше. Между тѣмъ, погода, какъ это часто бываетъ осенью, быстро измѣнилась: еще съ вечера заволокло небо сѣрыми тучами, расходился холодный вѣтеръ, а съ утра началъ лить дождь, не оставившій вскорѣ на насъ ни одной сухой нитки.

Не далъе 15-ти верстъ отъ Синявки характеръ мѣстности совершенно измѣнился: стали попадаться чаще сначала перелѣски, потомъ лѣса, а затѣмъ потянулись и болота. Дорога стала непропходимой. По глубокимъ колеямъ, быстро размокшимъ, едва двигались жалкія телѣги, тащимыя изнуренными лошадками. Въ числѣ подводчиковъ попадались уже «пынчуки», тѣ забитые, загнанные мачихой-судьбой жители Полѣсся, которые на окликъ: «эй, человѣкъ!» привыкли отвѣтить: «я не человѣкъ, я пынчукъ!».

Медленно, черепашьимъ шагомъ, двигался безконечный обозъ, растянувшійся на огромное пространство. Офицеры и солдаты єжились и дрожали отъ холода, а дождь лилъ какъ по заказу.

Вскорѣ широкая панорама лѣсовъ раскинулась передъ нами. Болотистая дорожка съ глубокими, наполненными водой колеями, съ пнями, кочками, вилась по лѣсу, пересѣкая лужи, устланныя валежникомъ, а надъ лѣсомъ угрюмо опрокинулось небо, застланное неподвижными сырьими тучами. Небольшая прогалина, и опять безконечные, теряющіеся на горизонѣ лѣса... Ну, ужъ сторонушка! Господь съ нею!..

Поздно, незадолго до сумерекъ, промокшіе и голодные мы узрѣли, наконецъ, цѣль нашей экспедиціи: на ровной, окруженной кустарникомъ и болотами мѣстности обозначилась группа приземистыхъ хижинъ, составлявшихъ окраину мѣстечка.

Прошло болѣе часу времени, пока подтянулись заднія повозки, началась повѣрка людей, разсчетъ ротъ, а затѣмъ баталіонъ составилъ ружья и расположился въ грязи бивуакомъ въ ожиданіи прибытія генерала Лошкарева. До мѣстечка оставалось не болѣе 300 шаговъ.

Вскорѣ примчался на тройкѣ становой приставъ и объявилъ, что генераль скоро будетъ. Бивуакъ зашевелился и не успѣли солдаты собраться къ ружьямъ, какъ изъ лѣсу показались казаки, за ними на почтовой телѣгѣ Капгеръ, а за повозкой послѣдняго тащилась, увязая по ступицѣ въ грязи, окруженная казаками, карета генерала.

Баталіонъ выстроился. Генераль, выглянувъ изъ окна, привѣтствовалъ едва слышнымъ голосомъ людей и приказалъ вступать въ мѣстечко.

Баталіонъ двинулся въ слѣдъ за коляской. На дворѣ было уже совсѣмъ сѣро и съ трудомъ можно было различать предметы. Медленно, едва вытаскивая ноги изъ глубокой грязи, двигались солдаты, не отставая отъ экипажа. Никакихъ предосторожностей на случай нападенія принято не было, да никто и не вѣрилъ въ возможность его.

У вѣзда въ мѣстечко карета генерала остановилась, въ виду группы людей, толпившихся у крайней хижины. Генераль вышелъ

изъ кареты и тутъ же увязъ въ грязь. Офицеры, шедшіе въ головѣ колонны, подошли къ генералу, баталіону и казаки остановились. Тускло освѣщаемая едва дымившимися, нарочно зажжеными жителями смоляными луchinами, намъ представилась слѣдующая картина: по обѣимъ сторонамъ дороги стояли двѣ группы людей: съ одной стороны—христіане, съ другой—евреи. Во главѣ евреевъ стоялъ раввинъ со свиткомъ десяти заповѣдей въ рукѣ, а рядомъ съ нимъ другой еврей держалъ въ одной руцѣ горящую свѣчу, а въ другой блюдо съ хлѣбомъ и солью.

Христіане стояли на колѣняхъ, и одинъ изъ нихъ тоже держалъ въ рукахъ блюдо съ хлѣбомъ-солью, покрытымъ толстаго холста утиральникомъ.

Христіанская группа, на которой сосредоточилось общее вниманіе, состояла человѣкъ изъ 20, какихъ-то угрюмыхъ, загнанныхъ судьюю оборвышей: они жались какъ овцы другъ къ другу и смотрѣли въ землю. Евреи, наоборотъ, смотрѣли весело и бодро, а по костюмамъ ихъ можно было заключить, что на нищету они жаловаться не имѣютъ права... «Гдѣ же бунтовщики? Неужели эти захудалые людишки, смиренно стоящіе въ грязи на колѣняхъ, способны бунтовать?» Эти вопросы невольно напрашивались каждому офицеру.

Между тѣмъ, генералъ, принявъ хлѣбъ-соль отъ евреевъ, обратился съ строгою рѣчью къ христіанамъ, заявивъ, что хлѣба-соли онъ отъ нихъ не приметь и требуетъ, чтобы они немедленно уплатили слѣдуемыя владѣльцу деньги и выдали зачинщиковъ неповиненія полицеистскимъ властямъ.

Окончивъ пріемъ депутаціи, генералъ усѣлся въ карету и направился въ мѣстечко. Баталіонъ остановили на площади и начали размѣщать офицеровъ и солдатъ по квартирамъ, каковая операция окончилась только къ полуночи.

Лучшія квартиры, разумѣется, указаны были офицерамъ. Но что это были за квартиры! При одномъ воспоминаніи о нихъ, даже самый неприхотливый, привыкшій ко всякимъ неудобствамъ, военный могъ прійтти въ ужасъ: курные (безъ дымовыхъ трубъ) хаты, грязныя, вонючія, съ маленькими, заткнутыми тряпками, оконечками, кишащія мириадами клоповъ и таракановъ, онъ изображали собою настоящіе азіатскіе клоповники. Не многимъ счастливцамъ достались на долю еврейскія квартиры, выглядѣвшія нѣсколько иначе: въ нихъ имѣлась нѣкоторая необходимая мебель, на постеляхъ выселились традиціонныя еврейскія перины, въ нѣкоторыхъ домахъ попадались и предметы роскоши, какъ-то: зеркала, часы, самовары и проч., и если бы не множество дѣтей, неряшливость и специфическая жидовская вонь, то въ этихъ домахъ постой былъ бы еще относительно сносенъ. Во всякомъ случаѣ, израилево племя, занимающееся въ Логишинѣ исключительно мелкими гешефтами и

торговлей водкой, далеко превосходило въ материальномъ отношеніи своихъ согражданъ-христіанъ.

Дѣйствія по водворенію порядка между «бунтовщиками», жителями Логишина, начались на слѣдующій день по прибытіи баталіона. Роль войска ограничилась посылкой солдатъ въ лѣсъ за лозой. Капгеръ былъ правъ, заявивъ офицерамъ на ст. Синявкѣ, что дѣло логишинское окончится «генеральной поркой». Дѣйствительно, впродолженіе трехъ дней, становая квартира оглашалась вооплями наказуемыхъ розгами. Выборъ субъектовъ для порки производился по указанію мѣстнаго пристава. Въ то же время въ мѣстечкѣ происходила аукціонная продажа имущества жителей на пополненіе налога, сдѣланнаго владѣльцемъ мѣстечка, сопровождаемая ревомъ бабъ и дѣтей, державшихся за хвосты коровъ и овецъ, влекомыхъ на продажу. Покупщиками явились мѣстные жидки, хорошо набившіе карманы насчетъ логишинскихъ бунтовщиковъ.

Изъ собранныхъ нами на мѣстѣ свѣдѣній оказалось, что «усмирение бунта» въ Логишинѣ воспослѣдовало вслѣдствіе нежеланія жителей платить владѣльцу мѣстечка, губернатору Токареву, погать съ земли, составлявшей искони вѣковъ ихъ полную собственность, чтѣ и подтверждено было ими древними грамотами,—еще чуть ли не временемъ императрицы Екатерины II. Но владѣлецъ имѣнія (онъ же и губернаторъ), какъ видно, не придалъ никакого значенія этимъ документамъ и, признавъ процессъ съ мѣщанами несовмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ, сдѣлалъ донесеніе министру о бунтѣ и заставилъ при помощи военной силы упорствующихъ мѣщанъ исполнить его требованія. Впродолженіе шести дней, задача выпавшая на долю нашего баталіона, была рѣшена блистательно: мужицкія спины были на законномъ основаніи исполосованы и всѣ деньги, причитающіяся владѣльцу, до копѣйки взысканы.

Всей этой операцией орудовалъ исправникъ Капгеръ, а генералъ Лошкаревъ ни во что не вмѣшивался, принимая на вѣру докладъ Капгера, дѣйствовавшаго съ энергией и быстротой, достойными лучшаго дѣла.

Въ то время, когда происходило выше описанное усмирение «логишинского бунта», солдаты и офицеры, оставаясь пассивными зрителями происходившаго, томились отъ бездѣйствія невыносимой скучой. Единственнымъ занятіемъ офицеровъ былъ обязательный сборъ, два раза въ день, передъ обѣдомъ и вечеромъ на квартиру генерала для пѣнія молитвъ.

Генералъ, оказавшійся очень богомольнымъ, на другой же день по прибытіи въ Логишинъ приказалъ собрать изъ баталіона всѣхъ пѣвчихъ-солдатъ и пригласилъ примкнуть къ этому импровизированному хору и офицеровъ. Онъ лично управлялъ хоромъ и избиралъ для пѣнія молитвы.

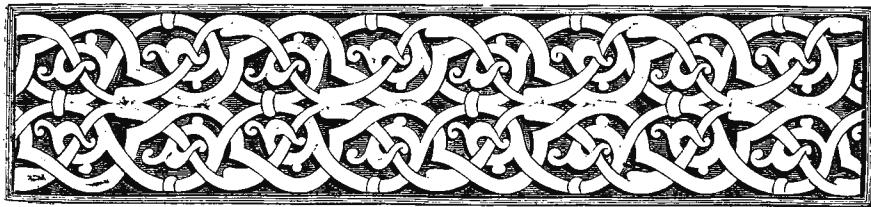
Къ несчастію, хоръ состоялъ на $\frac{2}{3}$ изъ лицъ, не обладавшихъ нужными для пѣнія голосовыми средствами, вслѣдствіе чего и въ исполненіи заданныхъ для пѣнія молитвъ не слышалось особенной гармоніи. Но пѣть нужно было во что бы то ни стало! Вотъ мы и пѣли какъ умѣли. Особенно смѣшонъ былъ маіоръ С., не имѣвшій ни малѣйшаго понятія о церковномъ пѣніи и выкрикивавшій козлинымъ голоскомъ какія-то дикія, рѣжущія ухо ноты.

9-го октября, все начальство выѣхало изъ Логишина, а вслѣдъ за нимъ выступилъ баталіонъ. На обратное движение подводъ не полагалось, и солдаты вернулись въ Минскъ пѣшкомъ въ самую страшную распутьцу, пробывъ въ командировкѣ 12 дней.

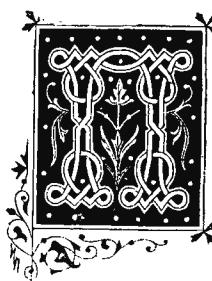
Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть о томъ, что маіоръ С. получилъ за отличіе въ логишинской экспедиціи слѣдующій чинъ, а исправникъ Капгеръ орденъ св. Владимира въ петлицу. Конечный же результатъ экспедиціи извѣстенъ изъ судебнаго разбирательства въ сенатѣ, суду котораго были преданы Токаревъ, Лошкаревъ и Капгеръ.

А. Р.

ДОНСКОЙ КАЗАКЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.

ОДВИГИ донскихъ казаковъ и ихъ храбраго атамана Платова занимаютъ видное мѣсто въ исторіи Отечественной войны 1812 года. Дѣйствительно, донскіе казаки по своей безпримѣрной храбости, быстротѣ, съ какой они неожиданно являлись въ томъ или другомъ мѣстѣ военныхъ дѣйствій, и даже отчасти по своей безпощадной жестокости къ врагамъ, прославились тогда не только въ своемъ отечествѣ, но и за границей. Такъ во время войны за освобожденіе Германіи, по извѣстію одной берлинской газеты, въ правдивости которой мы не имѣемъ повода сомнѣваться, «достаточно было одного казачьяго полка, чтобы парализовать дѣйствія многочисленнаго непріятельского корпуса». Изъ нѣмецкихъ же газетъ того времени мы узнаемъ, что бывали такие примѣры, что одинъ донской ратникъ гналъ передъ собой цѣлую толпу французовъ и пр.

Ужасъ, внушаемый французамъ казацкими пиками, становится вполнѣ понятнымъ, если мы припомнимъ ту роль, какую играли донцы въ 1812 году, въ особенности при изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи, а также въ слѣдовавшей затѣмъ войнѣ за освобожденіе Германіи¹⁾.

Едва пришла вѣсть о вторженіи Наполеона въ предѣлы Русскаго государства, какъ донскіе казаки, по призыву своего атамана

¹⁾ См. «Увѣнчанныя побѣды графа Платова и храбрыхъ казаковъ», 2 ч., 1813.—«Вѣра, вѣрность и слава донцовъ», «Москва», 1813. (Статьи изъ «Русскаго Вѣстника» прежнихъ годовъ о подвигахъ казаковъ, напечатанныя особо для войска донскаго, по желанію Платова), а также «Всемирная история» Шлоссера, т. VI, изд. 1872 г.

Платова, сверхъ положенныхъ къ службѣ 25,000 человѣкъ, составили вновь! двѣнадцать полковъ (отъ 500 до 200 человѣкъ въ каждомъ), которые присоединились къ остальнымъ тридцати тремъ полкамъ, прибывшимъ раньше ихъ на мѣсто военныхъ дѣйствій.

Услуги казаковъ потребовались чуть ли не съ первыхъ дней занятія Москвы непріятелемъ, такъ какъ вслѣдствіе недостатка продовольствія, который становился все ощущительнѣе, солдаты «великой арміи» разсѣялись болѣе или менѣе многочисленными партіями по окрестностямъ для сбора фуража и провіанта. Противъ нихъ немедленно образованы были отряды легкой кавалеріи, состоящіе преимущественно изъ донскихъ казаковъ, которые подъ предводительствомъ офицеровъ различныхъ полковъ, неутомимо преслѣдовали мародеровъ, истребляли ихъ съ помощью крестьянъ и забирали въ плѣнъ.

Равнымъ образомъ, послѣ удаленія Наполеона изъ Москвы, въ октябрѣ 1812 года, донские казаки приняли дѣятельное участіе въ очищеніи древней русской столицы отъ непріятеля и его изгнанія изъ предѣловъ Россіи. Подъ начальствомъ своего атамана Платова, они неутомимо дрались противъ враговъ, превосходившихъ ихъ численностью, и значительно способствовали источенію непріятеля беспристанными нападеніями и стычками, жгли мосты, перехватывали транспортны.

Отступленіе «великой» арміи превратилось въ беспорядочное бѣгство: конница, обозы, пѣхота, артиллерія — все перемѣшалось; небольшие отряды казаковъ захватывали въ плѣнъ многочисленные партіи, забирали уцѣлѣвшія повозки съ провіантами, пушки, ружья, знамена, зарядные ящики, такъ что Платовъ писалъ въ одномъ изъ своихъ донесеній, что они «едва успѣвали считать ихъ»¹⁾. Французы, мучимые холодомъ и голодомъ, безпощадно гонимые и убиваемые казаками, усѣяли дороги своими трупами; масса раненыхъ, мертвыхъ и умирающихъ, издохшія лошади представляли ужасающее зрѣлище. Переправа черезъ Бerezину, въ ночь на 29-е ноября 1812 года, довершила бѣдствія французской арміи и еще больше уменьшила ея численность.

Вслѣдъ затѣмъ русскимъ войскамъ предстояла новая борьба по ихъ вступленіи въ Пруссію, весной 1813 года, въ силу договора, по которому императоръ Александръ I обязался не слагать оружія до возстановленія Пруссаго государства въ предѣлахъ 1806 года (за исключеніемъ ганноверскихъ владѣній). Только теперь имъ приходилось проливать кровь на защиту чужаго народа и чужихъ правъ. И въ этой войнѣ «за освобожденіе Германіи», гдѣ приходилось оспоривать у непріятеля каждую пядь земли, донские казаки играли такую же видную роль, какъ и въ предыдущей

¹⁾ Между прочимъ, взято было до 60,000 ружей и 800 ящиковъ пороху.

кампанії, и въ значительной мѣрѣ способствовали успѣху союзниковъ. Они разъѣзжали около городовъ, занятыхъ непріятелемъ, вступали въ безпрестанныя стычки съ отдельными французскими отрядами, уничтожали военные запасы и, перехватывая транспорты, лишали враговъ продовольствія въ разоренной землѣ. Посылаемые въ обходъ казачьи отряды для занятія дорогъ являлись на мѣсто такъ неожиданно, что не разъ непріятель едва успѣвалъ спастись бѣгствомъ.

Занятіе Берлина русскими войсками послужило поводомъ къ возстанію во многихъ городахъ сѣверной Германіи, занятыхъ французами: Любекѣ, Ольденбургѣ, Лауенбургѣ (принадлежащемъ въ то время Великобританіи) и др. Русскій главнокомандующій немедленно выслалъ на помощь жителямъ полковника Теттенборна съ летучимъ отрядомъ, состоявшимъ преимущественно изъ донскихъ казаковъ, который, слѣдя изъ Берлина, направился форсированнымъ маршемъ къ Лауенбургу. Въ недалекомъ разстояніи отъ послѣдняго, отрядъ Теттенборна вступилъ въ жаркую перестрѣлку съ непріятелемъ, занимавшимъ выгодную позицію передъ деревней Эксенбургомъ. Къ ночи деревня была занята храбрыми стрѣлками полковъ; Сулина, Гребцова и Денисова, и казаки вошли въ Лауенбургъ, гдѣ жители радостно привѣтствовали ихъ и, сорвавъ французскіе орлы, замѣнили ихъ англійскими гербами. Вслѣдъ затѣмъ произошло новое, удачное для казаковъ сраженіе при Цолленспикерѣ, которое открыло имъ дорогу къ Гамбургу, откуда только-что выступилъ французскій маршаль Гувіонъ Сенъ-Сиръ, при первомъ извѣстіи о приближеніи казаковъ.

Удаленіе маршала изъ Гамбурга послужило сигналомъ къ немедленному возстанію, при которомъ погибло много французовъ, оставшихся въ городѣ. Народъ, недовольный упадкомъ промысловъ и различными притѣсненіями, разрушилъ будки и шалаші таможенныхъ приставовъ (построенные у городскихъ воротъ) и убилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ; въ городского мэра Абендрота и другихъ приверженцевъ французовъ бросали каменьями. Французскіе гербы были сорваны и ихъ съ торжествомъ носили по городу¹⁾). Надежда на скорую помощь ободрила жителей.

За двѣ мили отъ Гамбурга Теттенборна встрѣтила депутація, состоящая изъ тридцати гражданъ, и два гамбургскихъ сенатора, Кохъ и Шульцъ, вручили ему ключи города. Дорога къ городу и весь городъ были наполнены толпами народа, который изъявлялъ свою радость при видѣ избавителей громкими восторженными криками: «Да здравствуетъ императоръ Александръ!» Гильдіи шли съ знаменами; на шпагахъ и шляпахъ красовались зеленые вѣтви; дамы бросали по дорогѣ цвѣты; бюстъ Александра I, увѣнчанный гирлян-

¹⁾ «Сынъ Отечества», 1813 г., № XIII.

дами и лаврами, носили по городу. Жители приглашали къ себѣ въ домъ казаковъ и угощали ихъ. Вечеромъ, когда Теттенборнъ вышелъ изъ театра, то граждане выпрягли лошадей, довезли его на себѣ до дому и внесли на плечахъ. Теттенборнъ благодарилъ гамбурцевъ за оказанную ему честь и объявилъ имъ, что «отнынѣ они могутъ возобновить торговлю съ Англіей и другими народами, состоящими въ мирѣ съ Россіей».

На слѣдующій день 19-го (31-го) марта отпѣлъ пакетботъ въ Лондонъ, на которомъ отправилась депутація отъ города къ английскому правительству, и Теттенборнъ послалъ на томъ же пакетботѣ съ депешами къ русскому посланнику гр. Ливену донского казака 9-го Сулина полка, Александра Земленухина¹), наиболѣе отличившагося при занятіи Лауенбурга, и съ нимъ русского офицера, по фамиліи Бокъ.

Появленіе донского казака въ Лондонѣ должно было неизбѣжно возбудить любопытство англичанъ въ то время, когда во всей Европѣ ходили самые преувеличенные слухи о подвигахъ казаковъ, ихъ необычайной храбости, грабительствѣ, звѣрской жестокости и дикой наружности, которую отчасти приписывали всей русской нації.

Такимъ образомъ, Александръ Земленухинъ съ первого дня пріѣзда (8-го апрѣля) и во время своего кратковременного пребыванія въ Лондонѣ, обратилъ на себя особенное вниманіе англійской публики и даже газетъ²). О времени его прибытія было объявлено заранѣе; густая толпа народа, собравшаяся за нѣсколько часовъ до назначенаго времени, окружила почтовую карету, въ которой онъ сидѣлъ съ сопровождавшимъ его русскимъ офицеромъ Бокомъ. Хотя наибольшая часть зрителей могла только видѣть длинную пику,

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ и журналахъ Земленухинъ названъ Витишенковымъ; но это кажущееся противорѣчіе объясняется обычаемъ, который до сихъ поръ держится между донскими казаками. Такъ, напримѣръ, на ряду съ действительной фамиліей, признаваемой только въ официальныхъ бумагахъ, существуетъ прозвище, передаваемое изъ рода въ родъ, подъ которымъ казакъ известенъ между своими станичниками, и которое онъ считаетъ своей настоящей фамиліей.

По извѣстію, сообщенному въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1813 года, № 36, Александръ Земленухинъ въ описываемое время былъ 54 лѣтъ отъ роду; онъ уже былъ уволенъ отъ службы съ пенсіономъ, но какъ только услыхалъ о вторженіи французовъ въ Россію, то явился добровольно съ своими двумя сыновьями на защиту отечества.

²⁾ См. разсѣянныя извѣстія о казакѣ Земленухинѣ въ англійскихъ газетахъ: «Morning Chronikle», «Times», «The Courier», 1813 года, за апрѣль и май. Тѣ же извѣстія съ нѣкоторыми добавленіями или только выдержки изъ нихъ перепечатаны въ русскихъ журналахъ и газетахъ того же года: «Сынъ Отечества», XXIII т., кн. 6; «Вѣстникъ Европы», ч. II; «Русскій Инвалидъ», № 20; Прибавленіе къ журналу «Сынъ Отечества», № 1; «С.-Петербургскія Вѣдомости», за апрѣль и май.

выглядывавшую изъ окна кареты, но, тѣмъ не менѣе, давка была на столько сильна, что Земленухинъ съ трудомъ достигъ дома г. Акермана, гдѣ для него было приготовлено помѣщеніе.

Жители Лондона, желая выразить сочувствіе русской націи и въ частности своему неожиданному гостю, казаку Земленухину,

Казакъ Земленухинъ.

Съ англійской гравюры начала нынѣшняго столѣтія.

хотѣли поднести ему значительную сумму денегъ. Бокъ, узнавъ объ этомъ, велѣлъ объявить въ газетахъ, что русскому воину запрещено принимать деньги, но «если кто пожелаетъ подарить ему оружіе, чтобы драться съ французами, то онъ приметъ съ благодарностью»...

16-го апрѣля, Земленухинъ и его спутникъ были приглашены во дворецъ лордъ-мера, который черезъ г. Грандта, служившаго переводчикомъ, велѣлъ передать казаку, что первый членъ англійскаго магистрата считаетъ за честь пожать руку такому заслуженному воину, хотя онъ не можетъ похвалиться ни чинами, ни титулами. Казакъ отвѣтилъ лаконически, «что онъ всегда готовъ служить царю и отечеству!» Лордъ-меръ велѣлъ спросить его: «Сколько французовъ убилъ онъ своей пикой?» «Трехъ офицеровъ,—возразилъ Земленухинъ,—а сволочи нѣсколько четвериковъ». Г. Грандъ, передавая этотъ отвѣтъ, счелъ нужнымъ немного измѣнить его и сказалъ, что «казакъ убилъ своей пикой 39 непріятелей». Затѣмъ лордъ-меръ, угостивъ обоихъ посѣтителей «холоднымъ» завтракомъ, повелъ ихъ въ Lloyd Coffee House, где они были встрѣчены привѣтствіями купцовъ и многочисленной посторонней публики. Казака пригласили на балконъ, выходившій на биржу, передъ которымъ собралась огромная толпа, ожидавшая его появленія, и выразила свое удовольствіе громкими криками. Когда водворилась тишина, лордъ-мэръ сказалъ короткую рѣчъ, въ которой отозвался въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о храбромъ казакѣ, и въ заключеніе среди неумолкаемыхъ рукоплесканій присутствующей толпы, стоявшей передъ балкономъ, пожелалъ всякаго успѣха оружію императора Александра.

Нѣсколько дней спустя, Земленухинъ былъ приглашенъ въ Freemason's Tavern, где было многочисленное собраніе масоновъ, праздновавшихъ посвященіе въ великие мастера герцога Суссекса, который присутствовалъ за общимъ обѣдомъ, в продолженіе нѣсколькихъ минутъ милостиво разговаривалъ съ русскимъ воиномъ,透过儿язъ перевода. Затѣмъ казакъ обошелъ комнату, и, когда онъ проходилъ мимо столовъ, то всѣ здоровались съ нимъ, а нѣкоторые даже обращались къ нему съ привѣтствіями, «чѣмъ онъ былъ видимо польщенъ», по замѣчанію «Morning Chronikle», где, между прочимъ, помѣщено слѣдующее описание его наружности:

«Ростъ казака около шести футовъ; онъ сильного и коренастаго тѣлосложенія и, хотя у него суровая, воинственная наружность, но лицо довольно выразительное и доброе, чтѣ не совсѣмъ подходитъ къ тому понятію, какое вообще составлено о русской нації. Борода у казака длинная, кудрявая и сѣда; волосы на головѣ менѣе сѣды, зачесаны назадъ, на шеѣ около шести дюймовъ длины, а на лбу острижены «коротко и ровно». Одежда его состоитъ изъ синяго кафтаны и шароваръ, сшитыхъ изъ толстаго сукна, и широкихъ сапоговъ съ круглыми носками¹). Руки казака необыкно-

¹) См. описание одежды донскихъ казаковъ того времени въ книгѣ «Увѣичанные побѣды гр. Платова и храбрыхъ казаковъ», издан. 1813 года: «Кафтанъ синяго сукна, волосы острижены въ кружокъ, шапки съ круглыми и высокими овчин-

венной ширины и съ короткими пальцами, но онъ съ большимъ искусствомъ владѣть оружиемъ, состоящимъ изъ пистолета, ружья, сабли и длиннѣйшей пики и, повидимому, вовсе не чувствуетъ ихъ тяжести».

Своеобразная наружность и нарядъ донского казака были на столько новы и любопытны для англичанъ, что два художника Гифи (Heaphy) и Пайнъ (Pine) вызвались снять его портретъ. Сеансы происходили у г. Акермана, который съ этой цѣлью предоставилъ обоимъ художникамъ свою приемную залу. Гифи нарисовалъ казака во весь ростъ и, кромѣ того, изобразилъ его на своей исторической картинѣ поражающимъ французского офицера. Когда Земленухину показали его гравированный, весьма схожій портретъ, то онъ попросилъ нѣсколько экземпляровъ для себя, жены и дѣтей. Затѣмъ г. Акерманъ въ знакъуваженія къ храброму воину принесъ ему на выборъ изъ своей мастерской четыре дорогихъ сабли прекрасной работы; казакъ выбралъ одну изъ нихъ, очень изящную съ турецкимъ клинкомъ, на которой была сдѣлана надпись: «Подарена Александру Земленухину, донскому казаку Сулина полка, отъ Рудольфа Акермана, Лондонъ, 20-го апрѣля»; на эфесѣ были вырѣзаны слова «Pro Deo, Imperatore, Patria». Сверхъ того, разными знатными лицами сдѣланы были казаку богатые подарки, состоящіе преимущественно изъ оружіяанглійской работы, между тѣмъ какъ англійскія дамы, узнавъ отъ него черезъ переводчика, чтѣ «онъ желаетъ имѣть для себя и своихъ сыновей», открыли подпись съ этой цѣлью¹⁾.

Нѣкто Дитчеръ сочинилъ въ честь казака слѣдующую пѣсню, которая была пропѣта въ его присутствіи на одномъ изъ лондонскихъ театровъ съ обычными овациями, принятymi въ подобныхъ случаяхъ:

Cossack. War song:

Hourra! the villages burn bright,
To horse, cossack!
Hourra! for the avenging fight!
These fires betray the invaders flight.
We'll follow by that ghastly light
His bloody track.
Nor rest, nor respire day or night
We'll give cossack.

ными окольшками. Кафтанъ подпоясанъ сабельнымъ кушакомъ или изъ цвѣтной матеріи. Нѣкоторые, особенно рядовые, носятъ усы, у другихъ и бороды. Шапочки не такъ широки, какъ турецкіе. На ногахъ полусапожки простой кожи или сафьяные черные, а у старшинъ часто красные или желтые».

¹⁾ Въ прибавлениі къ журналу «Сынъ Отечества», 1813 года, № 1, стр. 14—16, сказано, что «открыта подпись, чтобы послать казака обратно въ Россію», но мы считаемъ это извѣстіе менѣе вѣроятнымъ.

By heaven and by hetman led,
 Hourra, cossack!
 Nor famine frost or fight we dread,
 But the foe starve, when we are fed,
 The air they breathe, the ice they tread
 Theier bodies rack
 The saul's repose in our snowbed
 Is death, cossack!
 We have a reckoning dire and long
 For Moscow's sake;
 Moscou the sacred and the strong.
 Her brazen streets and murder'd throng
 With vengeance for the impious wrong
 The skies are black
 Heaven chares and urges our wrath along
 Hourra, cossack!

Эта пѣсня помѣщена цѣликомъ въ одной изъ книгъ «Сына Отечества» 1813 года¹⁾ вмѣстѣ съ русскимъ, хотя неточнымъ, но довольно гладкимъ переводомъ:
Военная пѣсня, сочиненная въ Англіи на прибытие казака.

Ура! горять, пылаютъ селы.
 Сѣдлай коня, казакъ!
 Ура! мечи отмщены стрѣлы,
 Гдѣ скрылся лютый врагъ,
 Багрово зарево являетъ,
 Грабитель алчный гдѣ бѣжитъ,
 Пожаръ кровавый освѣщаетъ,
 Гдѣ вслѣдъ за нимъ казакъ летить.

Нашъ Богъ и гетманъ побораютъ,
 Ура! впередъ, казакъ!
 Ни гладъ, ни бой не ужасають;
 Падеть предъ нами врагъ!
 Ужаснымы гладомъ истомленный,
 Трепещущъ, блѣденъ, полунаагъ,
 Бѣжитъ позоромъ покровенный,
 А вслѣдъ за нимъ летить казакъ,
 Пылая яростью отмщаетъ
 Горящую Москву!
 Грозу и ужась низвергаеть
 На вражію главу!
 Во гнѣвѣ небеса чернѣютъ,
 Гдѣ убѣгаеть врагъ,
 Но тамъ, гдѣ вихри не успѣваютъ,
 Тамъ нашъ разить, ура, казакъ!

¹⁾ См. № XXI, Смѣсь, стр. 83—84.

На ряду съ безкорыстнымъ чествованіемъ казака нашлись, разумѣется, и такія лица, которыя пользовались его популярностью въ Лондонѣ для своихъ цѣлей. Такъ, напримѣръ, для скорѣйшей продажи билетовъ на ботаническую лотерею, покупателямъ раздавали бесплатно эмблематическую гравюру, съ весьма похожимъ портретомъ казака. Равнымъ образомъ для привлеченія посѣтителей на выставку музыкальныхъ механическихъ инструментовъ, объявлено было въ газетахъ, что «сѣверный герой» намѣренъ посѣтить ее съ своими друзьями.

Дѣйствительно, всякий выходъ казака изъ дома служилъ поводомъ къ громадному стечению публики. Между прочимъ, въ одинъ изъ воскресныхъ дней Земленухинъ вздумалъ посѣтить Hide Park и явился туда въ полномъ вооруженіи на прекрасной лошади, данной ему полковникомъ Гаррисъ. Онъ проѣхалъ нѣсколько разъ назадъ и впередъ, и этого было достаточно, чтобы привлечь въ паркъ несмѣтную толпу народа къ великому соблазну благочестивыхъ людей, такъ что англійскія газеты сочли нужнымъ выразить свое негодованіе, что «сотни тысячъ народа собираются смотрѣть на зрѣлище въ королевскій паркъ, въ воскресенье, между утреннимъ и вечернимъ богослуженіемъ!»...

Хотя подчасъ подобная популярность была довольно утомительна, но она лъстила самолюбію старого воина, который охотно разговаривалъ черезъ переводчика съ незнакомыми людьми, и отвѣчалъ на вопросы объ его отечествѣ и жизни донскихъ казаковъ. Только разъ онъ счелъ себя оскорблѣннымъ неизвѣстнымъ человѣкомъ, который всунулъ ему въ руку сложенный листъ бумаги, и, принявъ послѣдній за банковый билетъ, поспѣшилъ передать его переводчику, такъ какъ ему запрещено было брать деньги. Но «морщины неудовольствія тотчасъ же сгладились на лицѣ почтеннаго воина», когда ему объяснили, что это не болѣе какъ объявление о государственной лоттерѣ, где каждый можетъ выиграть до 20,000 ф. стер., пожертвовавъ небольшой суммой. Надежда на значительный выигрышъ на столько соблазнила казака, что онъ рѣшился взять нѣсколько лоттерейныхъ билетовъ, и съ этой цѣлью отправился въ Transcomb's Lottery Office Holborn Bars; но и тутъ едва успѣлъ онъ сойти на землю, какъ дверцы кареты были сорваны съ петель нахлынувшей толпой, потому что каждый хотѣлъ взглянуть на него и пожать ему руку.

Тѣмъ не менѣе дома высшаго лондонскаго общества были, по видимому, закрыты для Земленухина, такъ какъ въ газетахъ его имя не фигурируетъ въ числѣ гостей на парадныхъ обѣдахъ и раутахъ англійской знати. Только разъ удостоился онъ приглашенія на обѣдъ къ лордѣ-меру и, по замѣчанію Morning Chronicle, «къ счастью для него самого и элегантнаго собравшагося общества, онъ пилъ умѣренно», изъ чего можно заключить, что съ нимъ слу-

чалось и обратное. По этой или другой причинѣ онъ не былъ позванъ на празднество, слѣдовавшее нѣсколько дней спустя, на которое собралось многочисленное общество, состоящее изъ представителей различныхъ сословій, хотя въ числѣ приглашенныхъ былъ и русскій офицеръ, Бокъ, сопровождавшій казака изъ Гамбурга, и между различными украшеніями, на стѣнѣ одного павильона былъ нарисованъ русскій генералъ въ полной формѣ, сражающійся съ французами.

Пасха застала Земленухина на чужбинѣ, но онъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ, то утѣшеніе, что разговѣлся по русскому обычаю у нашего посланника въ Лондонѣ, князя Ливена, который, сверхъ того, пригласилъ его ежедневно обѣдать у себя на святой.

29-го апрѣля, русскій посланникъ имѣлъ аудіенцію у принца регента и, по желанію его высочества, представилъ ему донскаго казака. Принцъ подарилъ Земленухину прекрасную саблю на черной бархатной портупѣ, обитой серебромъ, и такую же сумку съ своимъ вензелемъ и короной.

Нѣсколько дней спустя послѣ того Земленухинъ уѣхалъ изъ Лондона, сердечно поблагодивъ своихъ новыхъ друзей и, въ особенности, своего хозяина г. Акермана за его неизмѣнное гостепріимство. Прощаясь съ послѣднимъ, онъ сказалъ: «Погостили я и побѣль у тебя хлѣба-соли; ты въ послѣдній день былъ также ласковъ со мной, какъ и въ первый»¹⁾.

По словамъ дежурнаго подполковника графа Платова, Александра Григорьевича Краснокутскаго, автора извѣстной въ свое время книги: «Поѣздка русскаго офицера въ Константинополь», изд. въ 1810 году, Земленухинъ отправился изъ Лондона къ русской арміи, находившейся въ это время въ Германии, и былъ представленъ императору Александру I и прусскому королю. Всльдѣ затѣмъ за хорошее поведеніе онъ былъ уволенъ на Донъ, произведенъ въ урядники съ приказомъ его впредь ни въ какія должности по внутренней службѣ не употреблять.

Извѣстіе это само по себѣ не представляетъ ничего неправдоподобнаго, но ему нельзя довѣрять безусловно, въ виду крайне «живой фантазіи», или, вѣрнѣе, недобросовѣстности, выказанной Краснокутскимъ относительно многихъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній. Между тѣмъ по своей близости къ графу Платову онъ могъ болѣе чѣмъ кто либо сообщить точныя подробности о Земленухинѣ въ частности и о донскихъ казакахъ вообще. И, дѣйствительно, мы видимъ, что выгодныя условія, въ какія онъ былъ поставленъ

¹⁾ 4 мая того же года, въ память пребыванія Земленухина въ Лондонѣ, одинъ изъ вновь спущенныхъ кораблей былъ названъ «Казакъ»; остальные корабли были также окрещены русскими именами: Князь Кутузовъ, Платовъ, Вильно, Бородино, Смоленскъ, Москва.

въ этомъ отношеніи заставляли современниковъ смотрѣть на него какъ на авторитетъ; такъ, напримѣръ, редакторъ «Русскаго Вѣстника», С. Глинка, въ объявленіи объ изданіи своего журнала на 1814 годъ «съ особеннымъ удовольствиемъ» заявляетъ своимъ будущимъ подписчикамъ, что «по его усердной просьбѣ всѣ бумаги о казакахъ, относящіяся къ 1812 году, сообщены ему, отъ имени графа Платова, дежурнымъ подполковникомъ А. Г. Краснокутскимъ» и будутъ напечатаны въ «Русскомъ Вѣстнике» 1814 года.

Подписчики не были обмануты, и обѣщанныя бумаги появились на страницахъ «Русскаго Вѣстника» 1814 года, но, разумѣется, не

всѣ и далеко не самыя важныя. Въ числѣ ихъ помѣщены: «Подробное извѣстіе о пребываніи донскаго казака въ Лондонѣ, разсказанное самимъ донцомъ графу Матвѣю Ивановичу Платову и написанное дежурнымъ его подполковникомъ Краснокутскимъ».

Судя по заглавію, можно ожидать, что это болѣе или менѣе правдивый, безъискусственный разсказъ неграмотнаго казака объ его пребываніи въ англійской столицѣ, для котораго многое осталось непонятнымъ, среди чуждой для него цивилизациі, но что во всякомъ случаѣ здѣсь найдутся подробности, которыхъ послужить дополненіемъ газетныхъ свѣдѣній. Но ничего подобнаго нѣтъ на

дѣлѣ. Рассказъ, занимающій цѣлыхъ двадцать страницъ, оказывается вымышеннымъ отъ начала до конца, такъ что почти не имѣеть ничего общаго съ извѣстіями, помѣщенныміи въ англійскихъ и русскихъ газетахъ 1813 года.

Въ «Подробномъ извѣстіи о пребываніи донскаго казака въ Лондонѣ» русскій офицеръ Бокъ, сопровождавшій его изъ Гамбурга, не упоминается вовсе; и Земленухинъ, по собственной иниціативѣ, великодушно отказывается отъ всякихъ подарковъ, даже отъ 1,000 ф. стерлинговъ, которыми хотѣлъ его наградить «наслѣдный принцъ». При этомъ отказѣ, онъ говорить довольно длинную вычурную рѣчъ, которая начинается словами: «Нашъ царь надѣлилъ насть всѣмъ и мы ни въ чемъ не нуждаемся» и т. д. Англійскій король, тронутый подобнымъ великодушіемъ, въ знакъ особенаго расположенія къ донскому казаку, велѣлъ сдѣлать ему всю военную сбрую, пiku, два пистолета, ружье, саблю, трость съ зрительной трубой и лядунку и «въ обмѣнъ взялъ его казацкій нарядъ для храненія».

Всѣ знатные лорды, наперерывъ, приглашали къ себѣ на обѣдь Земленухина и пили при этомъ за здоровье «русскихъ побѣдителей злодѣя вселенной». Когда казакъ вошелъ въ парламентъ, то «въ присутственной залѣ» на него надѣли голубую ленту, пришили звѣзду и посадили на возвышеніе, а «старшій членъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ восхвалилъ доблести русскихъ, въ особенности казаковъ и пиль вино (въ парламентѣ!!!) за здоровье русского государя, Кутузова, Платова, всего русскаго войска и самого Земленухина».

Чтобы удовлетворить любопытство англичанъ, Земленухинъ долженъ былъ въ присутствії огромной толпы «показывать казацкіе пріемы и движенія на войнѣ», но такъ какъ, по случаю тѣсноты, ему неудобно было осѣдлать лошадь, то «онъ ввелъ ее въ комнату, осѣдлалъ и выѣхалъ на площадь» (!)...

Портретъ Земленухина, гравированный въ Лондонѣ, въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ былъ разосланъ по городамъ Англіи, съ надписью: «Ужасъ бѣглеца Бонапарта! Англійскія дамы снимали съ себя цѣпочки и другія вещи и подносили Земленухину, а взамѣнъ просили у него волосъ съ головы на память. Между прочимъ, ему поднесены были платокъ съ портретами: Александра I, Кутузова и Платова. Вокругъ представленъ побѣгъ Наполеона съ маршалами и голодной арміей, жалобно вопіющей къ русскому музыку: «Камрадъ, хлѣба! За ними летять казаки съ пиками, пронзая по нѣсколько насквозь. Внизу надпись: «Изгнаніе чертей изъ святилища Архангеломъ Михаиломъ (имя Кутузова) съ небесными силами» ').

¹⁾ Весьма вѣроятно, что подобные платки продавались тогда на Руси, тѣмъ

«Передъ отъездомъ казака изъ Лондона принцъ регентъ пригласилъ Земленухина къ себѣ на обѣдь, благодарилъ за истребление французской арміи храбростью и неустрешимостью, свойственной русскимъ, пиль за здоровье россійскаго императора, Кутузова, Платова съ донскимъ войскомъ и самого Земленухина. Послѣ обѣда принцъ тряслъ его за руку, приказалъ кланяться атаману Платову, говоря, что онъ и весь народъ уважаютъ его за подвиги и что одинъ Богъ въ состояніи наградить его за труды и услуги государю и отечеству!»

«Если бы Земленухину не было 60 лѣтъ¹⁾, то его убѣдили бы жениться на англичанкѣ, въ чемъ было общее желаніе; употребляли и другіе способы, чтобы убѣдить казака добровольно поселиться въ Англіи, обѣщали землю и устроить его; но онъ отказался, говоря, «что скажетъ моя совѣсть, если я брошу жену, дѣтей и родину» и пр.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе «Подробнаго извѣстія о пребываніи донскаго казака въ Лондонѣ», въ которомъ на столько же приходится удивляться неудержимой фантазіи автора, какъ его наивности и полному незнанію англійской жизни и нравовъ. Весьма сомнительно, чтобы разсказъ былъ точно записанъ со словъ Земленухина, потому что витеватость слога, нѣкоторыя вычурныя выраженія и въ особенности извѣстный литературный навыкъ въ подтасовкѣ фактовъ говорятъ въ пользу того, что честь сочинительства, если не вполнѣ, то главнымъ образомъ принадлежитъ самому г. Краснокутскому. Подтвержденіемъ этого подозрѣнія служитъ то обстоятельство, что дежурный подполковникъ графа Платова, въ предыдущемъ 1813 году, сочинилъ почти такую же и не менѣе нелѣпую сказку, съ цѣлью возвеличить донскаго атамана и показать, какимъ значеніемъ онъ пользуется въ Англіи²⁾. Если бы Земленухинъ изъ хвастовства дѣй-

болѣе, что такого рода изображенія были въ духѣ времени, являлись во множествѣ и при этомъ въ самомъ разнообразномъ видѣ. Но сомнительно, чтобы выше описанный платокъ могъ быть фабрикованъ въ Англіи, хотя бы съ цѣлью доставить удовольствіе рѣдкому гостю.

¹⁾ Въ «Подробномъ извѣстіи» и пр. для большаго эффекта казакъ представленъ старше шестью годами, такъ какъ въ русскихъ и англійскихъ газетахъ 1813 г. не разъ упоминается, что Земленухинъ имѣть тогда не болѣе 54 лѣтъ отъ роду.

²⁾ См. «Русскій Вѣстникъ», 1813 г., № 8, гдѣ Краснокутскій въ числѣ другихъ извѣстій пишетъ изъ Силезіи отъ 8-го іюня. «Въ Англіи всѣ восхищаются подвигами графа Платова и готовятъ богатые мечи въ даръ отъ англійского народа вождю донскихъ войскъ. Портретъ Платова вездѣ печатается; считаются честью носить оный на пуговицахъ; къ нѣкоторымъ знатнымъ англичанамъ доставлены волосы съ головы Платова. Англичанки приглашаютъ графа Платова крестить ихъ дѣтей» и пр. Въ подтвержденіе своихъ словъ Краснокутскій добавляетъ, что самъ читалъ эти письма. Между тѣмъ, въ современныхъ англійскихъ и русскихъ газетахъ, мы не встречаемъ ни малѣйшаго подтвержденія приводимыхъ имъ фактовъ.

ствительно позволилъ себѣ извратить факты, то Краснокутскій имѣлъ полную возможность провѣрить ихъ по газетамъ 1813 года, а что онъ читалъ ихъ довольно внимательно и даже отчасти пользовался ими, видно изъ фразъ, выписанныхъ имъ цѣликомъ изъ русскихъ газетъ и журналовъ, и изъ тождества нѣкоторыхъ мелкихъ, сообщаемыхъ имъ подробностей о пребываніи Земленухина въ Лондонѣ. Но Краснокутскій не считалъ нужнымъ стѣснять себя въ этомъ отношеніи и, подъ вліяніемъ ложно понятаго патріотизма и самохвальства, окхватившаго большинство тогдашняго русскаго общества, нашелъ недостаточнымъ то вниманіе, какое было оказано въ Лондонѣ простому донскому казаку. Поэтому онъ рѣшилъ усилить краски и усилилъ ихъ черезъ мѣру, въ ущербъ истинѣ и здравому смыслу. Любопытно, что въ то время, повидимому, никто не рѣшился подвергнуть критикѣ слова Краснокутскаго, потому что этотъ вопросъ не былъ даже поднятъ въ тогдашней русской литературѣ. Между тѣмъ, читающая русская публика, несомнѣнно, усердно слѣдившая за журналами и газетами, въ которыхъ находила любопытныя для нея свѣдѣнія о ходѣ военныхъ событий, не могла не замѣтить рѣзкаго противорѣчія «Подробнаго извѣстія», сообщеннаго Краснокутскимъ со словъ Земленухина, съ газетными извѣстіями 1813 года.

Но этимъ дѣло не ограничилось. Въ 1863 году, г. Липранди счелъ удобнымъ выписать цѣликомъ изъ «Русскаго Вѣстника» 1814 года вышеприведенный вымыщленный разсказъ о пребываніи донскаго казака въ Лондонѣ и помѣстить его въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 214) безъ указанія источника, но съ нѣкоторыми поправками слога и подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «О пріемѣ донскаго казака Земленухина,ѣздившаго въ 1813 году въ Лондонъ съ извѣстіемъ о занятіи русскими войсками г. Гамбурга. Воспоминаніе о событии за полвѣка тому назадъ». Всльдѣ затѣмъ тотъ же разсказъ безъ всякихъ измѣненій, но подъ новымъ заглавіемъ, придуманнымъ Липранди, былъ перепечатанъ въ «Донскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ» и «Народной Газетѣ», 1863 года; и, такимъ образомъ, четыре раза безнаказанно преподнесенъ русской публикѣ.

Н. Бѣлозерская.

ПЕРВАЯ ЖЕНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ОБЩИНА ВЪ ПРИВИСЛИНСКОМЪ КРАѢ.

В ПРОШЛОМЪ году открыта въ селѣ Лѣснѣ, Константиновскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи, женская православная община.

Скромно и незамѣтно совершилось это событие, оставшись вовсе неотмѣченнымъ въ столичной печати; но оно не лишено нѣкотораго интереса. Важность состоитъ не въ томъ, конечно, что увеличился списокъ женскихъ монастырей прибавленіемъ къ нему новооткрытой обители; не въ одномъ только томъ, что она учреждена въ краѣ, гдѣ вовсе не было женскихъ православныхъ монастырей; но попреимуществу въ томъ, что русская женская обитель возсияла въ мѣстности, пережившей многовѣковую борьбу политическую и религіозную, гдѣ всѣми путями и средствами шло систематическое истребление русской народности и русской вѣры, гдѣ наиболѣе усердно распространялась и наиболѣе устойчиво укрѣплялась созданная латинскимъ фанатизмомъ слава о мнимыхъ мощахъ лже-мученика Іосафата Кунцевича, въ той на конецъ мѣстности, которая прославилась находженіемъ въ ней древней русской иконы Божіей Матери, остававшейся около 200 лѣтъ у католиковъ.

Придавая по этимъ причинамъ значеніе новоучрежденной православной женской общинѣ, которой предстоитъ обильное поле дѣятельности для возрожденія духовной жизни бывшаго униатскаго

населения, мы представимъ краткую исторію Лѣснинской святыни по тѣмъ источникамъ, которые появились въ недавно вышедшихъ изданіяхъ¹⁾.

I.

За рѣкою Бугомъ, въ центрѣ Подляшья, составляющаго Сѣдлецкую губернію, среди большихъ лѣсовъ, раскинулось надъ рѣкою Бѣлкою селеніе Лѣсно. Чрезвычайно красивая мѣстность, имѣющая историческій памятникъ въ видѣ земляныхъ укрѣпленій, сохранившихся, по преданію, отъ временъ крестоносцевъ, съ давнихъ временъ обращала на себя вниманіе, такъ что простая деревня была нѣкогда возведена польскимъ королемъ Августомъ II на степень города, въ которомъ устраивались ярмарки.

Въ двухъ верстахъ отъ Лѣсны находится другое селеніе — Буковичи, деревянная церковь котораго, построенная въ 1576 году, переживъ унию (1596—1875 гг.), сохранилась до нашихъ временъ въ томъ безотрадномъ, нищенскомъ видѣ, какой изображенъ на нашемъ рисункѣ. Въ этой церкви въ древнія времена находилась икона Божіей Матери, давняя принадлежность которой русской церкви подтверждается сказаніями мѣстныхъ жителей.

По преданію, икона Божіей Матери открыта при слѣдующихъ условіяхъ.

Въ воскресный день, 14 сентября 1683 года, въ полдень, пастухи деревни Лѣсны пригнали свой скотъ къ землянымъ окопамъ, о которыхъ было сказано выше. Одинъ изъ пастуховъ, Александръ Стельмащукъ, отыскивая отставшій скотъ, забрался въ густую чащу и здѣсь, на вѣтвяхъ грушеваго дерева, увидѣлъ икону Божіей Матери, окруженную яркимъ сияніемъ. Ставъ на колѣни, чтобы помолиться предъ образомъ, онъ вдругъ почувствовалъ непреодолимый страхъ, подъ вліяніемъ котораго поспѣшно возвратился къ оставленному имъ товарищу Мирону Макаруку и рассказалъ ему о видѣнномъ чудѣ. Убѣдившись личнымъ осмотромъ въ истинѣ разсказа, Макарукъ поспѣшилъ вмѣсть съ своимъ товарищемъ возвратиться въ деревню, гдѣ они рассказали о видѣнномъ священнику и своимъ односельчанамъ. Снятая съ дерева икона первоначально была помѣщена въ домѣ крестьянина Семена Макарука, а отсюда ее перенесли въ деревню Буковичи, по однимъ сказаніямъ — въ русскую церковь, а по другимъ — въ домъ помѣщика- поляка

¹⁾ Материалами для настоящей статьи служили: изданная въ Варшавѣ въ 1883 году брошюра: «Явленіе чудотворной иконы Богоматери въ Лѣснѣ, въ связи съ другими событиями на Руси»; «Варшавскій Дневникъ» за 1884 и 1885 гг.; «Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые по высочайшему повелѣнію И. Н. Батюшковымъ», выпускъ VII, Спб., 1885 г. (ст. о Буковичской церкви).

Церковь Льснинской православной женской общины. (Съдзецкой губернії, Константиновскаго уѣзда).

Казиміра Михаловскаго, власть котораго распространялась на нѣсколько сосѣднихъ деревень. Несчастія, которыя онъ испыталъ отъ неправильнаго владѣнія русскою святыней, принудили его, однако, передать икону въ церковь села Буковичи. Церковь эта въ то время не имѣла самостоятельного прихода, считаясь приписною къ приходу Носовъ; когда же явленная икона начала привлекать въ Буковичи массы богомольцевъ, то мѣстные жители возбудили ходатайство о назначеніи въ с. Буковичи особаго священника, на содержаніе котораго выдѣлили 30 морговъ земли. Просьба эта была начальствомъ уважена и въ с. Буковичи не замедлилъ явиться священникъ, по имени отецъ Василій.

Это сказаніе основано на преданії, сохранившемся среди мѣстныхъ жителей, и на церковныхъ записяхъ, составленныхъ при ре-визії приходовъ высшимъ униатскимъ духовенствомъ. Все это под-полняется разсказомъ заптатнаго букаличскаго священника, что во время его настоятельства въ церкви хранились подъ престоломъ документы, объясняющіе происхожденіе иконы и принадлежность ея русской церкви; но документы эти какимъ-то образомъ оказались въ рукахъ лѣснинскихъ ксендзовъ.

II.

Слава о чудесно явившейся иконѣ разнеслась по всей окрестности. Небольшое, дотолѣ мало извѣстное сельцо Буковичи начало наполняться паломниками изъ далекихъ мѣстъ. Латинское духовенство позавидовало славѣ русской святыни и, задумавъ воспользоваться ею для пропаганды католицизма, прибѣгло къ такой мѣрѣ. Выстроивъ въ Лѣснѣ небольшой деревянный костель, первымъ настоятелемъ котораго былъ назначенъ ксендзъ Павелъ Яницкій, католики возбудили споръ о принадлежности имъ букаличской иконы Божіей Матери и въ доказательство своихъ правъ выставили то, что одинъ изъ пастуховъ, открывшихъ въ лѣсу икону, именно Александръ Стельмащукъ, былъ окрещенъ въ костелѣ, по католическому обряду. Жители с. Буковичи не пожелали, однако, добровольно разстаться съ святыней, но помѣщикъ Михаловскій рѣшилъ дѣло живо, — рѣшилъ тѣмъ способомъ, который зачастую въ то время практиковался въ Польшѣ. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней шляхетный панъ, захвативъ съ собой гайдуковъ, ворвался въ Букаличскую церковь и, не найдя тамъ иконы, приступилъ къ насилию. Подъ розгами онъ вынудилъ отъ священника сознаніе въ сокрытии иконы на церковномъ чердакѣ. Найденная такимъ образомъ икона была присвоена католиками и перенесена въ Лѣснинскій костель.

Это было въ 1686 году.

Съ тѣхъ поръ ксендзъ Яницкій началъ хлопотать предъ луц-

кими католическими епископами о признаніі иконы Божіїй Матері чудотворною¹⁾). Не успѣвъ въ томъ предъ епископами Станиславомъ Витвицкимъ и Богуславомъ Лещинскимъ, ксендзъ Яницкій получилъ, наконецъ, послѣ неоднократныхъ просьбъ, распоряженіе епископа Франца Пражмовскаго о назначеніи коммісіи для разслѣдованія дѣла о чудотвореніяхъ.

Коммісія приступила къ исполненію своей задачи въ присутствіи польскихъ помѣщиковъ и окрестныхъ жителей, созванныхъ съ костельного амвона, и затѣмъ актомъ, составленнымъ 24 ноября 1700 года, признала икону Божіей Матери чудесно явившеюся въ Лѣснѣ и чудотворною.

III.

Интересны сказанія объ иконѣ, составленныя латинскимъ духовенствомъ. Мастера своего дѣла, не упускающіе удобнаго случая перетолковать все въ свою пользу, католические патеры, захвативъ русскую икону, формулировали историческія свѣдѣнія объ ней въ желательномъ для нихъ видѣ.

Первый настоятель Лѣснинскаго костела, ксендзъ Яницкій, составилъ по этому предмету записку, носящую длинное название: «Исторія образа пресвятой Дѣвы Маріи, на камнѣ вырѣзанаго, на окопахъ Лѣснинскихъ, въ имѣніи Павла-Казимира Михаловскаго, скарбника Оршанскаго, земства Мельницкаго, воеводства Подляскаго, на грушевомъ деревѣ пастухами чудеснымъ образомъ обрѣтенаго, въ лѣто Господне 1683, 14-го сентября». Повторивъ преданіе о явленіи иконы пастухамъ, авторъ записки объясняетъ затѣмъ, что одинъ изъ крестьянъ, по имени Данило, три раза пытался снять явленную икону съ дерева, но икона не только не допустила простаго русскаго крестьянина до этого, но даже оттолкнула его отъ себя и повергла его на землю. Святиню могъ взять,— видите ли,—только шляхетный панъ, какимъ на этотъ разъ оказался подстароста Заблоцкій. О русскомъ священникѣ, которому, по преданію, пастухи впервые заявили о явленіи иконы, авторъ забылъ упомянуть. При снятіи съ дерева, сіявшая до этого времени икона быстро утратила свой яркій свѣтъ и бѣлизну. Снявъ икону панъ Заблоцкій относить ее въ домъ крестьянина Семена Макарука, отъ которого она и была взята помѣщикомъ Михаловскимъ.

Ксендзъ Яницкій насчитываетъ въ своей запискѣ болѣе 500, чудотвореній, совершившихся за время бытности его настоятелемъ Лѣснинскаго прихода, а подъ 13 февраля 1713 года отмѣчаетъ:

¹⁾ На Тридентскомъ католическомъ соборѣ (1543—1563 гг.) строго запрещено открывать моши и объявлять иконы чудотворными безъ предварительного изслѣдованія и безъ разрѣшенія епископа.

«Преподобный отецъ Василій, священникъ буковицкій, заявилъ мнѣ о томъ, что 17 лѣтъ тому назадъ Иванъ и Петръ Смолики, родные братья, Семенъ Рутовщикъ и Михаиль Лашинъ, всѣ изъ села Буковичи, видѣли предъ разсвѣтомъ ангеловъ, несшихъ образъ пресвятой Дѣвы изъ Буковичъ въ Лѣсну». «Съ неба ли эта икона ниспослана,—вопрошаетъ отъ себя Яницкій,—или же изъ какого нибудь неизвѣстнаго для людей мѣста руками ангеловъ сюда, въ Лѣсну, въ окопы принесена была,—только одному Богу извѣстно».

Церковь въ селѣ Буковичи, Сѣдлецкой губерніи. (XV вѣка).

Въ актѣ 24 ноября 1700 года, составленномъ польскою комиссіею, вписано только четыре свидѣтельскихъ показанія. Первое изъ нихъ было дано помѣщицею Анною Доманскою, по первому мужу Михаловскою, затѣмъ слѣдуютъ заявленія Мирона Макарука, подтвердившаго разсказъ первой только въ общихъ чертахъ, Андрея Григоровича, объяснившаго, что икона прямо съ дерева была перенесена въ село Буковичи, и, наконецъ, Ивана Шиманика, который показалъ, что когда Михаловскій приказалъ слѣдить, чтобы икону не унесли изъ комнаты, то ночью онъ увидѣлъ во снѣ старца, который спросилъ его: «Зачѣмъ ты на стражѣ?» Шиманикъ отвѣчалъ, что ему приказалъ панъ. Старецъ сказалъ: «Напрасно сте-

режешь; если будут почитать меня, я здѣсь останусь, а если нѣть, то уйду, откуда пришла». Это показаніе возбуждаетъ недоразумѣніе: съ Шиманикомъ разговариваетъ старецъ, а слова его за-канчиваются какъ бы отъ имени иконы.

IV.

Какъ бы то ни было, несомнѣннымъ оказывается, что икона Божией Матери, найденная въ 1683 году русскими пастухами на грушевомъ деревѣ близъ с. Лѣсны, въ то время, когда тамъ вовсе не существовало латинского костела, была тогдѣ же принесена въ село Буковичи, гдѣ находилась три года, до насильственного захвата ея католиками, которые перенесли икону въ Лѣснинскій костелъ съ цѣлью привлеченія къ нему мѣстного русского населенія и совращенія его въ латинскую вѣру.

Послѣдствіемъ изслѣдованія, изложеннаго въ актѣ 24 ноября 1700 года, является декретъ католического епископа Пражмовскаго, который, упоминая о милости, ниспосланной на Луцкую епархію, «зараженную схизмой» (православіемъ), говоритъ: «А утверждается и устанавливается воздаваемая честь и поклоненіе чудотворной иконѣ съ тою цѣлью, чтобы благочестіе христіанскаго народа и благоговѣніе къ пресвятой Богородицѣ Дѣвѣ Маріи процвѣтало и возростало и чтобы вѣрные христіане, посреди язвы ересей и упорной схизмы (sic), созерцаніемъ могущества Божія, явленного такими очевидными чудесами, утвердились и укрѣпились въ вѣрѣ; дабы черезъ столь знаменательныя чудеса и милости, отъ сказаннаго священнаго изображенія по волѣ Божией пристекающія, всѣ, ослѣпленные тьмою столькихъ заблужденій и заблудшіе отъ пути истины, были просвѣщены истинною вѣрою и приведены къ общенію св. матери-церкви».

Такимъ образомъ польско-католики не скрывали своего намѣренія— воспользоваться русской чудотворною иконою для того, чтобы обратить мѣстное православное населеніе въ папизмъ.

Упрочивъ такимъ образомъ русскую святыню за Лѣснинскимъ костеломъ, ксендзъ Яницкій приступилъ къ постройкѣ небольшаго каменнаго костела, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ явилась икона, но строитель, не успѣвъ окончить постройку, умеръ въ 1716 году. Уже преемнику его, ксендзу Фабіанскому, удалось окончить костель, который былъ освященъ въ 1718 году во имя св. апостоловъ Петра и Павла, вмѣстѣ съ устроенными имъ нѣсколькими келями. Новый костель, вслѣдствіе сильнаго наплыва богомольцевъ, вскорѣ оказался, однако, тѣснымъ, и потому ксендзъ Фабіанскій задумалъ соорудить костель въ большемъ размѣрѣ, но недостаточность собранныхъ имъ денежныхъ средствъ не позволила окончить постройку.

Въ ту пору въ Лѣсну заѣхалъ монахъ Ченстоховскаго монастыря ордена паулиновъ¹⁾). Въ переговорахъ съ помѣщикомъ Владиславомъ Михаловскимъ (сыномъ упомянутаго прежде Казимира Михаловскаго) паулинскій инонъ уговорилъ пана уступить принадлежащую ему власть патронатства или попечительства надъ Лѣснинскимъ костеломъ въ пользу паулиновъ и затѣмъ, при содѣствіи польскихъ магнатовъ, исходатайствовалъ предъ луцкимъ епископомъ Рунневскимъ укрѣпленіе правъ Ченстоховскаго монастыря на Лѣснинскій костель. Громко и пышно совершилась передача костела въ собственность паулинскихъ монаховъ, вступившихъ въ Лѣсну въ присутствіи только-что упомянутаго епископа, при огромномъ стеченіи народа, съ торжественной процессіей, съ музыкой, пѣніемъ и пушечными выстрѣлами.

Новые обладатели Лѣснинской святыни прежде всего поспѣшили окончить постройку большаго костела, начатую ксендзомъ Фабіанскимъ; затѣмъ окружили свою обитель каменной стѣной, возведя на ней башни и бойницы, и оградили себя подъемнымъ мостомъ²⁾.

Кромѣ средствъ, которыми располагали паулины, благоустройству и обогащенію обители содѣствовали польские магнаты, какъ, напримѣръ, Радзивиллы, Шуйскій, Шембека, Потоцкіе, пожертвовавшіе Лѣснинскому монастырю, въ разное время, имѣнія съ огромными доходами; украшеніе же чудотворной иконы приняли на себя Карлъ и Анна супруги Радзивиллы³⁾), усердіемъ которыхъ ликъ Божіей Матери былъ украшенъ золотою короною съ 22 алмазами, а младенца Іисуса—короною изъ серебра съ 12 алмазами, самая же икона была покрыта золотою ризою съ 155 алмазами, 291 яхонтомъ и 59 изумрудами. Ни одно изъ этихъ украшеній не сохранилось, утратившись въ 1812 году во время бѣгства французовъ изъ Россіи. Другой изъ Радзивилловъ пожертвовалъ въ костель огромный органъ, звуки котораго, по словамъ мѣстныхъ жителей, доносили до княжескаго замка въ гор. Бѣлѣ, находившагося въ 10 verstахъ отъ Лѣсны.

Богато украшенная икона была установлена въ новомъ костелѣ надъ главнымъ престоломъ, за которымъ было оставлено свободное

¹⁾ Монастырь этотъ, находящійся въ Петроковской губерніи и извѣстный среди мѣстного населенія больше подъ названіемъ: «Ясная-Гура», славится чудотворною иконою Божіей Матери восточной живописи, привезенної, по преданію, изъ Константиноополя св. княземъ Владіміромъ, находившемся прежде въ Белаской православной церкви и переданной въ Ченстоховскій монастырь въ 1382 году княземъ Владиславомъ Опольскимъ.

М. Г.

²⁾ Впослѣдствіи эта стѣна и башни были разобраны и изъ нихъ было устроено при костелѣ зданіе съ 18 келіями.

³⁾ Это тѣ Радзивиллы, въ домовой каплицѣ которыхъ въ городѣ Бѣлѣ, втѣченіе 60 лѣтъ, находились мнимыя моши униатскаго изувѣра Іосафата Кунцепича.

мѣсто. Особое почитаніе и усердіе къ святынѣ богоомольцы выражали тѣмъ, что на колѣняхъ, ползкомъ, обходили мѣсто за иконой.

V.

Величественный костель, съ роскошною обстановкой, громогласные звуки огромнаго органа, прославившаяся чудотвореніями и сиявшая золотомъ и драгоценными камнями икона Божіей Матери, на конецъ, особые приемы католическихъ патеровъ въ выполненіи своихъ религіозныхъ обязанностей,—приемы въ однихъ случаяхъ смѣлые и решительные, въ другихъ тонкіе и неуловимые, все это прославило Лѣсну и сдѣлало изъ нея оплотъ католицизма среди сплошнаго униатскаго населенія. Послѣднее свыклось уже съ внушеніями папистовъ, что униатская церковь и католическій костель—одно и то же, что униаты и католицизмъ—одна вѣра, имѣющая одного пастыря—римскаго папу. Сами униатскіе священники, участвуя въ костельномъ богослуженіи, выражали такой взглядъ на унию. Некому было поддерживать самобытность русской вѣры. Могли ли при этихъ условіяхъ возникнуть въ униатскомъ народѣ какія либо сомнѣнія по этому поводу? Ходятъ же, напримѣръ, католики въ Бѣлу поклоняться мощамъ униатскаго святаго (Иосафата), чтуть же они несомнѣнно русскую святыню, которую паулины окружили такою роскошью,—отчего же имъ, униатамъ, неходить въ костель, не участвовать въ латинскомъ богослуженіи, отправляемомъ при томъ съ такимъ эффектомъ, какого не встрѣтить въ убогой униатской церкви?

А какъ велика была разница между величественными латинскими костелами и униатскими церквами,—примѣръ можетъ служить прилагаемый рисунокъ Буковичской церкви. Построенная за 20 лѣтъ до провозглашенія Брестской церковной унии, въ видѣ скромнаго четырехугольнаго деревяннаго зданія грубой работы¹⁾, покрытая соломой, эта историческая церковь и во внутреннемъ своемъ устройствѣ носила слѣды убожества и сельской невзыскательности. Два раза закрывали Буковичскій приходъ, присоединя его къ сосѣднему Носовскому приходу. Закрытый въ послѣдній разъ въ 1859 году, онъ до сихъ поръ не возстановленъ. До нашихъ дней вѣковая русская святыня сохранилась въ полуистлѣвшемъ видѣ, съ покосившимся крестомъ, съ гнѣздомъ аиста на части кровли, близайшей къ алтарю, обросшая кругомъ густой травой...

Сопоставленіе исторіи Лѣснинскаго костела съ исторіей Буковичскаго русскаго храма просто поражаетъ: среди густо населенаго русскаго униатскаго народа, безъ всякой надобности, строится

¹⁾ Замѣчательно, что, при тщательномъ осмотрѣ этого вѣковаго зданія, въ немъ не оказалось ни одного желѣзного гвоздя, ни одного куска желѣза: всѣ скрѣпленія сдѣланы изъ дерева.

костель, который втеченіе весьма немногихъ лѣтъ два раза перестроивается, пока не появляется величественная обитель, наполненная сонмищемъ монаховъ; а русская церковь, выстроенная въ древнія времена въ скромныхъ размѣрахъ для немноголюдной тогда деревни, оставляется въ первобытномъ своемъ состояніи втеченіе двухъ съ половиною вѣковъ безъ всякой поддержки, а самый приходъ признается даже ненужнымъ.

Такія несообразности и рѣжущіе глаза контрасты можно найти въ Русскомъ Забужье на каждомъ шагу. Это не простая случайность, это—результатъ систематическихъ трудовъ бывшей Польши (духовенства, правительства и шляхты), направленныхъ къ истребленію русского народа и русской вѣры.

Въ силу этой системы и Лѣсна обратилась въ одинъ изъ центровъ польско-латинской пропаганды.

Но этого мало.

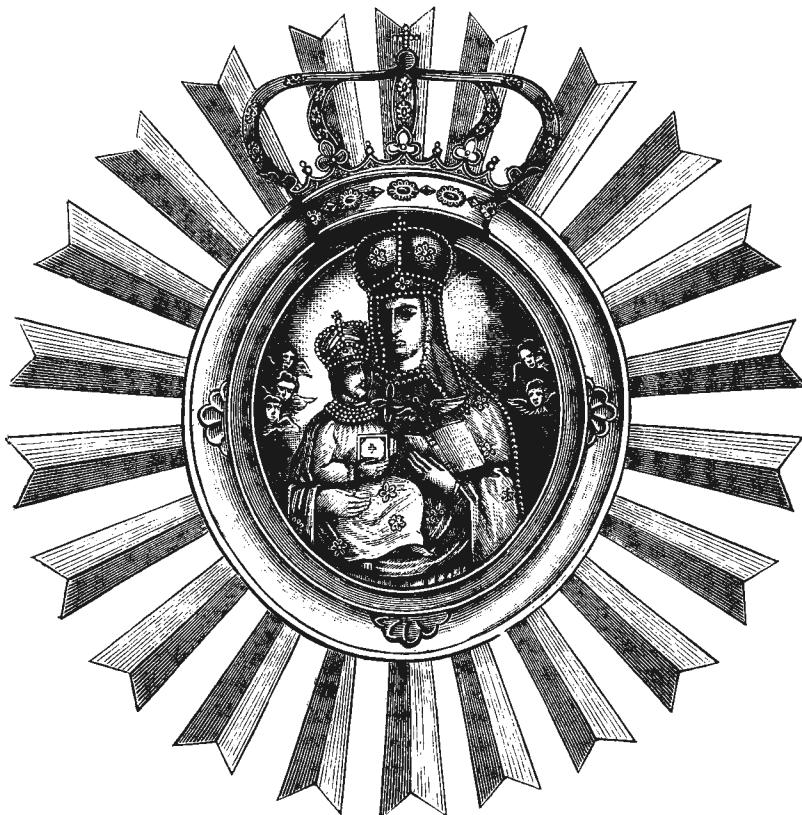
Наступило польское восстаніе 1863 года. Извѣстна та роль, которую разыгрывало вообще латинское духовенство въ этой печальной страницѣ новѣйшей польской исторіи. Лѣснинскіе паулины не сдѣлали для себя исключенія въ этомъ отношеніи. Напротивъ, иноки католического монастыря обратили Лѣсну въ арену самыхъ возмутительныхъ противоправительственныхъ манифестаций. За эти мятежные поступки паулины поплатились законной карой: Лѣснинский монастырь былъ закрытъ, а паулины возвращены въ свой Ченстоховскій монастырь, за исключеніемъ одного монаха, оставленного въ Лѣснѣ для совершеннія богослуженія.

Но эта мѣра не научила черную папскую армію. Въ надеждѣ на свою изворотливость, а можетъ быть, и на безнаказанность, латинское духовенство еще разъ попробовало воспользоваться Лѣсной для проведенія своихъ плановъ и стремленій.

Еще до возсоединенія уніатовъ Холмскаго края съ православною церковью, когда уніатскимъ епархиальнымъ начальствомъ было приступлено къ очищенію восточного богослуженія отъ латино-польскихъ искаженій, въ Лѣсну начали стѣзжаться ксендзы для возбужденія народа противъ очищенія обряда. Когда же возсоединеніе совершилось, то въ уніатской цаствуѣ проявилось печальное разномысліе. Среди приходовъ, единодушно и чистосердечно примкнувшихъ къ рѣшенію своихъ духовныхъ пастырей, возвратившихся къ вѣрѣ своихъ предковъ, нашлись приходы, выказавшіе упорное нежеланіе слѣдовать примѣру духовенства и большинства населения. Нѣть надобности объяснять, что это упорство не составляло искренняго выраженія религіозныхъ убѣждений народа; всякому понятно, что источникомъ приверженности къ искаженной іезуитами вѣрѣ русской были навѣты ксендзовъ, вооружившихъ народъ противъ «схизмы».

Такая агитация проявилась и въ Лѣснѣ. Пріѣзжавшіе сюда ксендзы въ проповѣдяхъ и на исповѣди порицали православіе, запрещая ходить въ церковь и исполнять въ ней таинства и грозя непослушнымъ всѣми ужасами ада.

Не могло терпѣть правительство и этихъ преступныхъ дѣйствій и рѣшилось, наконецъ, окончательно закрыть Лѣснинскій костель, который затѣмъ былъ переданъ православному вѣдомству.

Чудотворная икона Лѣснинской Божіей Матери.

VI.

Обращеніе латинскаго костела въ православную церковь, объясняемое нахожденіемъ его среди русскаго, бывшаго униатскаго населенія, вызвало необходимость соотвѣтственнаго переустройства его. На время работы этого рода была устроена въ 1878 году, близъ костельного зданія, небольшая церковь изъ часовни, которая была построена паулинами надъ колодцемъ, чтимымъ мѣстнымъ насе-

леніемъ за цѣлебныя свойства источника. Самый костель, имѣю-
щій около 50 аршинъ длины и 31 аршинъ ширины, послѣ пере-
стройки, принялъ видъ православной церкви, какъ это изобра-
жено на нашемъ рисункѣ. Не смотря на довольно значительную
высоту храма, иконостасъ устроенъ въ немъ лишь въ два яруса.
Это сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы возможно было оставить чудо-
творную икону при алтарной стѣнѣ, какъ она была у латинянъ,
а для того, чтобы не нарушить съиздавна укоренившагося обы-
чая богоольцевъ—проходить пространство за иконой на колѣняхъ,
въ иконостасъ устроено, кромѣ царскихъ вратъ и двухъ боко-
выхъ дверей, еще другія двери по бокамъ, ведущія въ коридоръ,
выдѣленный изъ алтаря у стѣны храма.

Самая икона представляется въ слѣдующемъ видѣ. Изображеніе
Божіей Матери и младенца Іисуса вырѣзано рельефомъ на темно-
красномъ овальномъ камнѣ, въ 9 вершковъ длины и почти столько
же ширины; имѣя по очертанію своему характеръ восточныхъ
изображеній, фигуры сдѣланы весьма отчетливо. Икону покры-
ваетъ серебряная вызолоченая риза, украшенная чепскими тяже-
ловѣсами и мелкими жемчужинами; надъ головою Богородицы кра-
суется корона изъ сапфировъ, а головку младенца покрываетъ ко-
rona, усыпанная кораллами. Въ лѣвой рукѣ Божіей Матери на ризѣ
изображена книга, а надъ нею Духъ Святый въ видѣ голубя. Икона
находится подъ стекломъ въ круглой серебряной рамкѣ, которая
вставлена въ большую золоченую раму, съ большимъ вѣнцомъ
надъ нею и съ лучами вокругъ рамы. Икона помѣщается въ боль-
шой нишѣ; поддерживаемая двумя херувимами, она укрѣплена на
лакированномъ стволѣ груши,—той самой груши, на которой, по
преданію, пастухи обрѣли икону. Вокругъ иконы находится много
золотыхъ и серебряныхъ привѣсокъ, изображающихъ руки, ноги
и т. п., а также нити съ жемчугомъ, кораллами и проч.

Учрежденіе женской православной общины въ столь замѣча-
тельномъ мѣстѣ, какимъ представляется Лѣсна, обязано нынѣш-
нему архіепископу Холмско-Варшавской епархіи, высокопреосвя-
щенному Леонтию. Маститый архипастырь, достойно занимающій
одну изъ важнѣйшихъ русскихъ православныхъ каѳедръ, съумѣлъ
определить религіозное значеніе исторического пункта русского По-
дляшья и испросилъ разрешеніе на открытие въ мѣстѣ, просла-
вленномъ втечение вѣковъ набожностью русского народа, женской
общины на 300 инокинь.

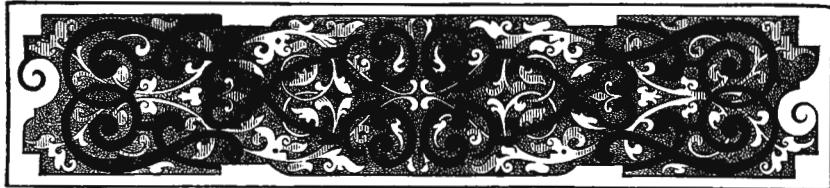
19 октября 1885 года, изъ Москвы прибыла въ Лѣсну пер-
вая настоятельница новой обители, графиня Евгения Борисовна
Ефимовская съ шестью сестрами и двумя дѣвочками. Эти двѣ
русскія сиротки положили начало открытію женской школы, устро-
енной въ обители. 20 октября, было совершено торжественное

богослужение, и этот день должен считаться днемъ открытія первой православной женской общины въ Привислянскомъ краѣ.

Много предстоитъ трудовъ русскимъ подвижницамъ среди населенія, ослабѣвшаго, подъ вліяніемъ польско-латинскихъ козней, въ національныхъ и религіозныхъ чувствахъ своихъ, но еще не утратившаго окончательно русскіе обычай и вѣрованія. Нужно надѣяться, что при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ, которыми ограждена русская обитель, подвижницы ея сослужатъ службу русскому дѣлу въ мѣстности, находившейся подъ тяжелымъ ино-вѣрнымъ гнетомъ втеченіе многихъ вѣковъ и составляющей нынѣ нераздѣльную часть Русского государства.

М. Городецкій.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ СОЧИНЕНИЙ ПУШКИНА ВЪ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВЪ 1837 ГОДУ.

ОГДА А. С. Пушкина не стало на свѣтѣ, то императоръ Николай Павловичъ счель своимъ долгомъ озабоченіемъ участи сиротъ великаго поэта. Но замѣчательно, что среди другихъ способовъ обезпеченія государь указалъ на необходимости распространенія по Россіи сочиненій Пушкина, отъ продажи которыхъ могъ бы образоваться капиталъ на воспитаніе малолѣтнихъ дѣтей его.

Вслѣдствіе такой высочайшей воли, министръ внутреннихъ дѣлъ обратился къ губернскимъ предводителямъ дворянства съ просьбою: пригласить дворянъ къ покупкѣ билетовъ на изданіе полнаго собранія сочиненій А. С. Пушкина.

Въ Курскѣ въ 1837 году дворянскимъ предводителемъ былъ Сонцевъ. 22-го мая, онъ отъ министра получилъ нижеслѣдующее письмо, которое указываетъ на то, какого высокаго мнѣнія о талантѣ Пушкина было правительство.

«М. г., Петръ Александровичъ! Вашему превосходительству известно, что въ началѣ нынѣшняго года россійская словесность лишилась одного изъ знаменитыхъ талантовъ, ее украшавшихъ. Преждевременная кончина Пушкина поразила горестью друзей литературы и отечественной славы, и государь императоръ изъявилъ особое милостивое участіе въ судьбѣ поэта, осыпавъ монаршими щедротами оставленное въ сиротствѣ семейство Пушкина. Для усиленія всемилостивѣйше дарованного пособія, съ соизволенія его императорскаго величества, опека, учрежденная надъ малолѣтними дѣтьми умершаго поэта, приступила къ изданію новаго полнаго собранія сочиненій его. Публикѣ уже известно о семъ; но я съ

своей стороны, зная, сколь много талантъ хорошихъ писателей способствуетъ совершенствованію языка, образуетъ вкусы и возвышаетъ чувство изящнаго, вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность покорнѣйше просить ваше превосходительство принять участіе въ раздачѣ билетовъ на собраніе сочиненій Пушкина всѣмъ любителямъ литературы, всѣмъ ревнителямъ просвѣщенія среди дворянства, вами предводимаго. Кажется, нельзя сомнѣваться, что русскіе почтять память великаго поэта и вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ способствовать оказанію помощи его дѣтямъ. Увѣренный въ дѣятельномъ участіи вашемъ, я поручилъ моей канцеляріи доставить вамъ билеты на получение сочиненій Пушкина».

Этихъ билетовъ курскому губернскому предводителю было доставлено сорокъ, съ № 10,031 по № 10,070.

Посмотримъ, какъ отнеслось къ приглашенію правительства почтить память А. С. Пушкина курское дворянство.

Сонцевъ, 20-го іюня 1837 года, разослалъ предводителямъ пятнадцати уѣздовъ Курской губерніи предложенія, въ которыхъ просить пригласить дворянъ къ подпiskѣ на изданіе сочиненій Пушкина. Изданіе это должно было состоять изъ шести томовъ, а подписка закончиться къ 1-му октября 1837 года. Вслѣдствіе этого, губернскій предводитель просилъ уѣздныхъ—прислать ему отвѣтныя извѣщенія о подпискѣ на сочиненія Пушкина не позднѣе 20-го августа. Цѣна за «полное собраніе» была назначена 35 рублей. Такъ какъ число билетовъ было не велико, то на каждый уѣздъ губерніи пришлось по три, или по два билета; первыхъ уѣзовъ было девять, а послѣднихъ шесть. Такимъ образомъ было разослано 39 подписныхъ билетовъ, а одинъ Сонцевъ взялъ себѣ.

Уѣздные предводители неодинаково отнеслись къ приглашенію правительства. Нѣкоторые увѣдомили губернскаго предводителя, что они лично предлагали подписку дворянамъ и сами взяли билеты на получение сочиненій А. С. Пушкина, такъ что успѣли въ раздачѣ билетовъ и прислали въ Курскъ деньги вмѣстѣ съ адресами подписавшихся дворянъ. Другіе предводители, напримѣръ, путивльскій, курскій, обоянскій, тимскій, корочанскій, препроводили полученные ими билеты въ полицейскія учрежденія для предъявленія ихъ дворянамъ.

Между тѣмъ, отъ канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ, 22 іюня 1837 года, къ Сонцеву «въ дополненіе къ прежнему отношенію о сочиненіяхъ Пушкина было прислано 50 объявлений объ изданіи этихъ сочиненій, для раздачи дворянамъ».

Объявленія были розданы.

Замѣчательно, что между подписчиками на полное собраніе сочиненій Пушкина въ Курской губерніи больше всего встрѣчается военныхъ, отъ полковниковъ до прaporщиковъ включительно. Мень-

шее число подписчиковъ дали гражданскіе чины, есть и нѣсколько дворянокъ-подписчицъ.

Отъ 6 уѣздовъ (изъ 15) въ Курскѣ были получены извѣстія, что, «при объявлении земскимъ судомъ билетовъ на полученіе полнаго собранія сочиненій покойника Пушкина, никто изъ господъ дворянъ этихъ билетовъ взять не согласился». Отъ двухъ уѣздовъ губернскій предводитель вовсе не получалъ свѣдѣній о судьбѣ подписки, хотя уже назначенный имъ для отвѣта срокъ прошелъ. Интересно то обстоятельство, что къ числу уѣзовъ, гдѣ дворяне не поинтересовались сочиненіями великаго поэта, относится и Курскій, отличающійся многочисленностью представителей «благороднаго словія».

Въ сентябрѣ 1837 года, Сонцевъ имѣлъ возможность за проданные въ губерніи 27 билетовъ выслать въ министерство внутреннихъ дѣлъ 945 рублей. Такимъ образомъ 13 билетовъ остались неразобранными, и ихъ нужно было возвратить въ Петербургъ. Но вскорѣ министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ курскаго предводителя, что «хотя продажа билетовъ на полученіе полнаго собранія сочиненій умершаго поэта А. С. Пушкина была ограничена по 1-е октября 1837 года; но признано необходимымъ отложить срокъ этой продажи еще на одинъ годъ, ибо обѣщанные томы сочиненій выйдутъ не ранѣе сентября 1838 года; но за то ихъ будетъ выѣсто шести восемь, и подписчикамъ на билеты два дополнительныхъ тома будутъ разданы безъ увеличенія подписной цѣны». Тутъ же сообщалось, что желающіе приобрѣсти сочиненія Пушкина на веневої бумагѣ благоволять вмѣсто 35 руб. внести 40 руб.

Отсрочка въ продажѣ билетовъ дала возможность курскому губернскому предводителю убѣдить дворянъ купить еще нѣсколько билетовъ. Это ему удалось. Именно, 7-го июля 1838 года, онъ отправилъ въ Петербургъ еще 315 рублей за проданные 9 экземпляровъ подписныхъ билетовъ.

Но два уѣзда — Курскій и Путивльскій, продолжали безмолвствовать. Сонцевъ посыпалъ предводителямъ этихъ уѣзовъ повторительные предложения и требовалъ отчета о полученныхъ ими билетахъ. Послѣ этихъ требованій курскій предводитель возвратилъ въ канцелярію Сонцева два билета, которые онъ пробовалъ черезъ полицію раздать въ уѣзда. А путивльскій предводитель въ апрѣль 1838 года отвѣчалъ, что онъ «полученные имъ билеты на полученіе сочиненій господина Пушкина передалъ по принадлежности земскому исправнику, а отъ него до сей поры не имѣть увѣдомленія». Тогда губернскій предводитель послалъ запросъ исправнику о судьбѣ залежавшихъ у него билетовъ. Тотъ почему-то позволилъ себѣ на первыхъ порахъ не удостоить предводителя отвѣтомъ. Тогда Сонцевъ отправилъ къ неисправному исправнику слѣдующій ультиматумъ:

«По полученіи сего съ первою почтою предлагаю вамъ прислатъ ко мнѣ переданные вамъ для раздачи дворянамъ два билета на получение полнаго собранія сочиненій А. С. Пушкина; въ противномъ же случаѣ я вынужденнымъ себя сочту отнестись къ господину военному губернатору о поступленіи съ вами по законамъ».

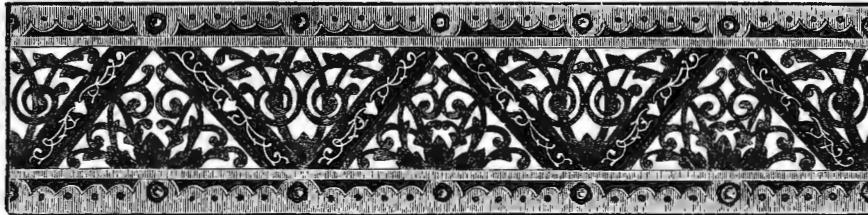
Требуемые предводителемъ билеты сейчасъ же были высланы изъ Путівльскаго уѣзда.

Въ концѣ 1838 года всѣ экземпляры восьмитомнаго собранія сочиненій Пушкина были присланы отъ имени газетной экспедиціи въ Курскую губернію и розданы подписчикамъ. Губернскій предводитель, на запросъ В. А. Жуковскаго, послалъ въ Петербургъ счетъ, въ которомъ прописалъ, что изъ 40 билетовъ, присланныхъ къ нему для продажи, роздано 36; 4 возвращены обратно, вырученено 1,260 руб., которые, какъ видно изъ расписокъ, и получены въ Петербургѣ. Кроме того, Сонцевъ уведомлялъ, что, просматривая 8-й томъ сочиненій А. С. Пушкина, онъ замѣтилъ, что въ немъ вырѣзаны страницы съ 304 по 321. Поэтому онъ просилъ извѣстить его, почему, именно, не достаетъ въ 8-мъ томѣ указанныхъ страницъ, и не могутъ ли издатели полученныхъ экземпляровъ 8-го тома замѣнить новыми полными томами?..

Отвѣта на этотъ вопросъ не послѣдовало.

А. Танковъ.

КРАО, ВОЛОСАТОЕ ИНДІЙСКОЕ ПЛЕМЯ.

ЮДИ, обросшие волосами, не рѣдкость въ Европѣ, хотя и представляютъ единичныя явленія, принадлежа къ такъ называемымъ феноменамъ. Праздное любопытство нерѣдко тѣшится выставкою такихъ дивъ природы, и въ этомъ отношеніи отечеству нашему нечего завидовать Мексикѣ и другимъ отдаленнымъ странамъ: еще въ прошломъ годуѣздили по Россіи и по Европѣ воронежскій крестьянинъ съ сыномъ, отличавшимся густою растительностью волосъ на всѣхъ частяхъ тѣла, не исключая лица. Между тѣмъ наука давно знакома съ подобными явленіями, которыя нельзя назвать исключительными, и подтверждаетъ существованіе цѣлыхъ, хотя и небольшихъ племенъ, по наружному виду мало чѣмъ отличающихся отъ своихъ прародителей, по теоріи Дарвина. Представляя портреты двухъ такихъ лицъ изъ племени Крао, сообщимъ все, что достовѣрно известно объ этихъ во всякомъ случаѣ замѣчательныхъ личностяхъ.

Во время пребыванія въ 1870—1872 году вънскаго натуралиста Юлія Фишля въ англійской Бирманіи, онъ нерѣдко посѣщалъ и независимую часть этихъ владѣній, теперь окончательно захваченную англичанами. Въ столицѣ ея, Мандалаѣ, Фишль имѣлъ случай близко узнать двухъ представителей племени Крао, которыхъ свергнутый теперь съ престола повелитель Бирманіи, Тибау, держалъ при своемъ дворѣ, въ числѣ другихъ живыхъ и неодушевленныхъ рѣдкостей. Съ помощью взятки, играющей въ нецивилизованныхъ странахъ еще большую роль, чѣмъ въ цивилизованныхъ, ученому удалось срисовать портреты этихъ феноменовъ и войти съ ними

въ сношениі. Мужчину звали Моунг-охъ, женщину Маг-ши-магъ, но эти имена дали имъ въ Бирмани, какъ общеупотребительныя. Ему лѣтъ 50, ей около 30-ти. Онъ говорилъ, что родился въ далекой, жаркой странѣ Лаось, но что ему тутъ очень хорошо. Оба очень тихи и довѣрчивы. Онъ ростомъ $4\frac{1}{2}$ фута, не ниже бирманцевъ, жена его слабѣе и худощавѣе бирманокъ. Все тѣло ихъ сплошь покрыто красновато-сѣрыми волосами отъ $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ дюйма длины, у мужчины даже до 3-хъ дюймовъ на груди и плечахъ, въ родѣ мѣхового воротника; на этихъ частяхъ тѣла волосы принимали желтоватый оттѣнокъ, и мѣстами въ нихъ блестѣли сѣдые

Мужчина и женщина изъ племени Крао.
Съ рисунка, сдѣланного съ натуры путешественникомъ Фишлемъ.

волосы. На лицѣ, лбу, носу и ушахъ они были всего длиннѣе, также какъ на бородѣ, и гораздо свѣтлѣе, на головѣ—почти черные, но онъ сбивалъ ихъ, желая сдѣлаться священникомъ (фоонгле); глаза темно-сѣрые, губы красныя; зубы черные и испорченные отъ жеванія бетеля. Эту скверную привычку онъ пріобрѣлъ отъ бирманцевъ. Волосы женщины короче, мягче и темнѣе, особенно на носу и подбородкѣ; коса длинная и черная. Голова у обоихъ больше, чѣмъ у бирманцевъ, цвѣтъ кожи свѣтлѣе, носъ не такой плоскій, какъ у туземцевъ Мандалая, Авы, Амерапура. Оба были очень чистоплотны и походили по физіономіи скорѣе на собакъ, чѣмъ на

обезьянъ, лицо которыхъ у большихъ породъ, большею частью, не покрыто шерстью.

Объ этихъ двухъ лицахъ мало говорили въ Европѣ, потому что мало кому случалось видѣть ихъ въ Бирманіи. Но въ 1882 году въ Лондонъ привезли изъ Америки дѣвочку изъ того же племени Крао. Тогда и ученые, и журналы обратили на нее свое вниманіе. Но въ массѣ одно другому противорѣчащихъ свѣдѣній объ этомъ ребенкѣ трудно было разобраться. Его прозвали даже «недостающімъ звѣномъ» (*missing link*) Дарвина, указывающимъ на переходное состояніе обезьяны къ человѣку. Серьезные ученые не пошли такъ далеко. Англійскій антропологъ Кинъ признавалъ въ дѣвочкѣ исключительное явленіе, патологическій, но не этнографический интересъ. Вирховъ считалъ ее типомъ племени, живущаго въ лѣсахъ и стоящаго на низшей степени развитія. Докторъ Цахаріа признавалъ въ Крао такую же природную уродливость (*Mons-truositat*), какъ въ Федорѣ и Адріанѣ Евтишевыхъ (нашихъ воронежскихъ феноменахъ), и указывалъ на имѣющіяся въ медицинѣ свѣдѣнія о рождениіи младенцевъ, покрытыхъ густыми волосами, развившимися въ зародышевой жизни (*lanugo*), которые впослѣдствіи выпадали при развитіи ребенка. Другое, признавая существованіе волосатыхъ людей, причисляли ихъ не къ отдѣльному племени, а къ кастрѣ паріевъ, тогда какъ паріевъ вовсе неѣть въ Индо-Китаѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что оба Крао, живущіе въ Бирманіи, и дѣвочка, привезенная въ Лондонъ, родились въ Лаосѣ, малоизслѣдованный странѣ, лежащей между горами Денг-Файя на западѣ и огромною рѣкою Меконгомъ на востокѣ. До 1828 года Лаосъ управлялся туземными князьями, потомъ покоренъ былъ сіамцами и платилъ дань Бирманіи, а въ столицѣ провинціи Хіанг-Хонгъ поставленъ намѣстникъ Хяо. Жители Лаоса принадлежать къ монгольскому племени, но помѣсь съ арійскимъ поколѣніемъ измѣнила во многомъ типичныя черты монголовъ; встрѣчается также часто малайскій элементъ. Между мелкими племенами замѣчательны живущіе въ первобытныхъ лѣсахъ южнаго Лаоса Гня-геуны, не знающіе ни гражданскаго устройства, ни религіи. Они охотятся за звѣрями съ лукомъ и стрѣлами. Между ними, въ болотистыхъ чащахъ, покрытыхъ могучей растительностью, недоступныхъ даже для туземцевъ, кочуетъ волосатое племя — Крао (на сіамскомъ языке крао значить — обросшій волосами). Въ рѣдкихъ городахъ страны, при дворѣ намѣстниковъ всегда есть нѣсколько Крао, захватываемыхъ обыкновенно во время охоты за слонами. Объ этихъ охотахъ и поимкѣ волосатыхъ людей говоритъ и Дарвинъ въ своемъ сочиненіи «О происхожденіи человѣка». Въ 1881 году, норвежскій натуралистъ Карль Бокъ нашелъ въ Бангкокѣ, столицѣ Сіама, одного такого Крао, но не могъ взять его въ Европу, такъ какъ тотъ вскорѣ умеръ. Бокъ подробно осмо-

трѣль его трупъ, тѣлосложеніемъ и волосатостью въ точности напоминавшій мандалайскихъ Крао. Въ томъ же году, доктору Шелли удалось приобрѣсти цѣлую семью изъ мужа, жены и пятилетней дочки племени Крао; въ Лаосѣ ихъ продаютъ, какъ рабовъ на рынкахъ; но жену не выпустилъ изъ Лаоса намѣстникъ и оставилъ ее при своемъ дворѣ какъ рѣдкость; мужъ умеръ на пути въ Европу, и только маленькая дѣвочка была привезена въ Лондонъ.

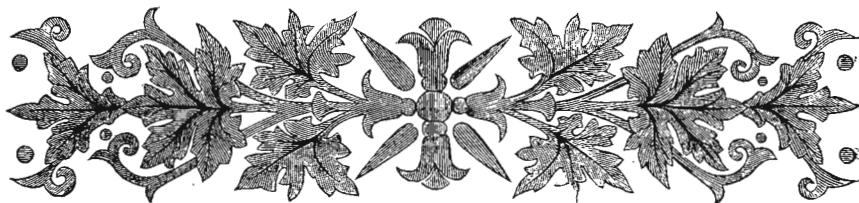
Крао ходятъ на своей родинѣ совершенно нагіе и не имѣть постоянныхъ жилищъ. Они питаются плодами и рыбой, высушенною на солнцѣ. Не зная употребленія огня, они не їдятъ вареной пищи. Многіе живутъ на деревьяхъ, устроивая себѣ навѣсы, какъ гориллы. Отдѣльныя семьи не сходятся для общей жизни; дѣти остаются при родителяхъ только до тѣхъ поръ, пока выростутъ. Только на притокахъ Меконга, гдѣ богатый уловъ рыбы, соединяются они для рыбной ловли. Языкъ ихъ бѣденъ и состоить изъ односложныхъ словъ, которыхъ не больше 200. Множественное число обозначается повтореніемъ слова. Вода—нам, какъ въ индійскомъ и малайскомъ языкахъ; лам—дерево, длина, пространство; кин—значить єсть, пить, наслаждаться (на индійскомъ—каны); кин-нам—пить воду, кин-као—їсть рисъ; шіенг—слонъ (сіенг—на бирманскомъ); я—трава; шіенг-кин-я—слонъ єсть траву. Типъ Крао, общий всѣмъ индивидуумамъ этого племени, интересенъ въ антропологическомъ отношеніи. По черепу—Крао короткоголовая раса (брахицефалы), но между тѣмъ, какъ у кавказской расы процентное отношеніе ширины черепа къ его длине—78%, у монгольской—82%, у Крао доходитъ до 90,6%, приближаясь къ 91%, какъ у обезьянъ. Черепъ Крао, измѣренный докторомъ Шелли въ 1882 году, былъ 14 $\frac{1}{2}$ центиметровъ ширины при 16-ти длины. Лобъ у нихъ прямой, затылокъ плоскій, сферической объемъ черепа—20 англійскихъ дюймовъ; большие пріятные глаза не напоминаютъ монгольского типа и прорѣзаны совершенно прямо, а не вкось. Глаза Крао, какъ у всѣхъ лѣсныхъ жителей, не могутъ долго сосредоточиваться на одномъ предметѣ и имѣютъ беспокойное выраженіе. Носы плоскіе, съ ноздрями широкими, близкими къ типу обезьянъ, также какъ ротъ—выдающійся впередъ; верхняя челюсть также выдающаяся подъ угломъ 45° (прогнатическая), нижня—прямая (ортогнатическая). За щеку Крао, какъ обезьяны, прячутъ орѣхи. Волосы на головѣ темные, плоскіе, фута 1 $\frac{1}{2}$ длины. Отличительная черта отъ всѣхъ другихъ расъ—34 позвонка, вмѣсто 33-хъ; лишній позвонокъ въ спинномъ хребтѣ: вмѣсто 12-ти—13, которымъ соответствуютъ 26 реберъ; у послѣдняго позвонка поясницы—самостоятельный придатокъ въ видѣ зародышеваго позвонка хвоста; тазъ уже и меныше, чѣмъ у всѣхъ другихъ расъ. Руки пропорциональны и отличаются особеною гибкостью, какъ у всѣхъ племенъ, лазающихъ по деревьямъ (цейлонскіе бейда и др.), та же

гибкость и въ пальцахъ ногъ, которыми они легко захватывают мелкие предметы. (Извѣстно, что малайцы ткуть ногами на станкахъ, а папуасы, идя съ европейцемъ, ухитряются на ходу изогнуть ногу такъ, что вытаскиваютъ платокъ изъ задняго кармана сюртука). При сидячей жизни и подъ старость пальцы ногъ утрачиваютъ свою гибкость. У женщинъ, замѣчательно, какъ у обезьянъ, отсутствіе *labia majoris*.

Волосы, которыми покрыто все тѣло Крао, не такъ густы, чтобы сквозь нихъ нельзя было видѣть темную окраску кожи; вездѣ они мягки и блестящи; вовсе нѣть волосъ только на подошвахъ, ладоняхъ и локтяхъ; на спинѣ волосы расходятся по обѣимъ сторонамъ позвоночного столба, въ родѣ грибы; на груди они идутъ во всѣ стороны отъ соска, на рукахъ—до локтя внизъ и отъ кисти руки вверхъ къ локтю; на ногахъ—внизъ къ колѣну и вверхъ отъ ступни. Крао способны къ интеллектуальному развитію: дѣвушка, оставшаяся въ Лондонѣ, любить своихъ воспитателей, быстро усвоиваетъ всѣ европейскія привычки, не желаетъ вернуться на родину и теперь уже порядочно говорить поанглійски, не забывая своего роднаго и сіамскаго языка. Она учится также рисовать и мало чѣмъ отличается отъ своихъ сверстницъ, восьмилѣтнихъ англійскихъ дѣвочекъ. Теперь еще нельзя судить, въ какой степени она способна къ самостоятельному мышленію, но подражательность въ ней сильно развита. Въ обращеніи она ласкова и пріятна. Когда съ нея снимали фотографію и попросили скинуть чулки, она отказывалась сдѣлать это, подъ предлогомъ, что у нея ноги не совсѣмъ чисты. Физическое или нравственное чувство диктовало ей такой отвѣтъ? О родителяхъ своихъ она почти вовсе не вспоминаетъ, и не обращаетъ вниманія, когда при ней говорятъ объ нихъ.

Этнографы причисляютъ племя Крао къ низшимъ расамъ, остатки которыхъ подъ именемъ аинсовъ живутъ на островахъ Іеддо, Сахалинѣ, Борнео и другихъ мало изслѣдованныхъ мѣстностяхъ. Профессоръ гинекологіи въ Чикаго, Мурдокъ, подтверждаетъ, что Крао не принадлежатъ къ области тератології (ученіе объ уродливостяхъ), но несомнѣнно являются членами отдѣльнаго племени человѣческой породы (*is no doubt a member of a distinct tribe of human species*). Вирховъ не рѣшается опредѣлить: принадлежать ли они къ выродившейся расѣ, упавшей съ извѣстной степени цивилизациіи до состоянія одичалости, вслѣдствіе неблагопріятныхъ жизненныхъ условій, или, напротивъ, развились до полудикаго состоянія, какъ переходнаго отъ совершенной дикости. Во всякомъ случаѣ, если ихъ признавать, по Дарвину, «посредствующимъ звѣномъ» въ цѣли созданія, то никакъ не между обезьяною и человѣкомъ, а скорѣе между низшими человѣческими расами и прародителями первобытнаго человѣка. Если Крао и полу-человѣкъ, то ни въ какомъ случаѣ не полуобезьяна.

В. 3.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Дневныя дозорныя записи о московскихъ раскольникахъ. Сообщены А. А. Титовымъ. Издание императорскаго Общества истории и древностей российскихъ при Московскомъ университѣтѣ. Москва. 1886.

А АНТИКВАРНОМЪ рынке г. Титову удалось пріобрѣсти любопытныя, почти каждодневныя, донесенія о наблюденіяхъ надъ московскими раскольниками, которыя учреждены были въ сороковыхъ годахъ и дали поводъ тогдашней правительственной власти подвергнуть впослѣдствіи сильному гонению отпавшихъ отъ господствующей вѣры. «Дневныя дозорныя записи» появились первоначально въ «Чтеніяхъ Общества истории и древностей», а въ отдѣльномъ изданіи выпущены въ свѣтъ только нынѣшнею осенью. Дозорныя записи начаты съ 11 ноября 1844 года. Въ первой части, за два послѣдніе мѣсяца 1844 г. и за весь 1845 годъ, содержатся 173 донесенія, а во второй, съ 1 января по 15 іюля 1846 года,—178 записей.

«Дневныя дозорныя записи» читаются съ особыеннымъ интересомъ, хотя со времени ихъ составленія прошло сорокъ лѣтъ. Для истории нашего раскола, для бытовой стороны его приверженцевъ, преимущественно беспоповщины, «Дозорныя записи» представляютъ собою богатый матеріалъ. Авторъ ихъ неизвѣстенъ. По некоторымъ догадкамъ, можно полагать, что онѣ составлялись Иваномъ Петровичемъ Липранди, игравшимъ немаловажную роль по раскольничимъ дѣламъ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ графѣ Перовскомъ, по другимъ свѣдѣніямъ, «Дозорныя записи» обязаны своимъ происхожденіемъ другому лицу.

Въ донесеніи своемъ, отъ 4-го іюня 1846 года, дозорщикъ писалъ: «Необходимость имѣть свѣдѣнія о мѣстныхъ общинахъ распространяющагося без-

поповского раскола въ Московской губерніи есть настоящая потребность, удовлетворение которой можетъ принести не только сугубую пользу въ настоящемъ обозрѣніи расколотовъ безпоповщинскихъ, раскрыть ихъ гнѣзища въ отдаленныхъ отъ городовъ селеніяхъ, но вмѣстѣ представить правительству гибельныя дѣйствія Преображенского кладбища, къ его паденію, заслуженному точнымъ смысломъ закона. Наблюденія, продолжавшіяся втеченіе конца 1844 года, впродолженіе всего 1845 года и до половины достигающаго 1846 годовъ, болѣе и болѣе раскрываются: 1) что стремленіе Преображенского кладбища направлено разлить свою sectу по Московской губерніи, напоить отравой средину Россіи; это есть та настоящая цѣль, къ достижению которой оно не щадить ни своихъ проповѣдниковъ (если бы они погибли на семъ пути), ни издержекъ денежныхъ; въ рукахъ его деньги и средства промышленностей, т. е. главныхъ орудій, на нѣвѣжественный и жаждущій пропитанія народъ дѣйствующихъ. 2) Какъ sectа єедосѣевская разливается изъ Москвы, такъ ея другія отрасли, Бабушкино, Кондратьевское, Аристово со-гласія, имѣютъ только отблескъ своего существованія, укоренившись въ окрестностяхъ, селеніяхъ и уѣздахъ Московской губерніи, гдѣ они обширо пустили корни своего разврата. 3) Въ XIX вѣкѣ непростительно уже при имѣющихся средствахъ не изслѣдоватъ подробно самыя индивидуальности безпоповщинского раскола, сливать его воедино, когда подраздѣленія могутъ яснѣ и полезнѣ для правительства указать пагубный вредъ, разливаляемый известными лицами. Чтобы скрыть цѣль объѣзда, есть самый лучшій предлогъ описание существующихъ въ Московской губерніи фабрикъ, чтобъ само по себѣ необходимо, ибо: 1) большая часть фабрикъ, въ Москвѣ существующихъ, есть окончательно отдельчныя, какъ, напр., суконныя, первоначальная же работа сукна производится въ уѣздахъ; 2) филатурные фабрики, возникающія съ неимовѣрныемъ усилемъ со стороны фабрикантовъ, находятся въ уѣздахъ; 3) тканые миткаль, шелковыхъ матерій производится въ селеніяхъ; 4) заводы фарфоровые, химическихъ медикаментовъ существуютъ въ городахъ Московской губерніи. Эти четыре пункта, очевидно, показываютъ, что если развить истинную идею фабричной промышленности, то надо начать съ первоначальныхъ заведеній, большую частію, въ уѣздахъ находящихся, собственно же въ Москвѣ существуютъ фабрики второстепенно; соединивъ двѣ пользы: 1) могущую произойти отъ мѣстнаго изслѣдованія безпоповщинскихъ расколовъ и 2) отъ описанія фабрикъ, въ уѣздахъ Московской губерніи существующихъ, можно будетъ приобрѣсти данные, достойныя вниманія».

Такимъ образомъ первая мысль, объ изученіи современного состоянія раскола подъ видомъ командировки чиновниковъ для изслѣдованія промышленного развитія въ Россіи, осуществленная только въ 1853 году снаряженіемъ статистическихъ экспедицій въ Нижегородскую (подъ вѣдѣніемъ Мельникова), Ярославскую (подъ начальствомъ графа Стенбока) и другія губерніи, дана была министру внутреннихъ дѣлъ въ 1846 году.

Въ донесеніи отъ 7 мая 1846 года интересенъ разсказъ, какимъ образомъ раскольникъ купецъ Папулинъ выкралъ изъ собора въ Сольвычегодскѣй тамошнія иконы въ числѣ 1,350 образовъ. Соборъ былъ знаменитъ своими иконами Строгановскаго письма, преимущественно уважаемыми и чтимыми старообрядцами и раскольниками. Еще при царѣ Грозномъ италіанские художники, вызванные Строгановыми, поселились въ Сольвычегодскѣй, выстроили

тамъ для нихъ дворецъ, соборъ и украсили послѣдній произведеніями своей кисти. Папулинъ¹⁾ уговорилъ протоіерея собора донести въ св. синодъ о необходимости назначить сумму на починку княжескаго терема, и присовокупить, что если синодъ разрѣшилъ продать прежнія и пришедшія въ ветхость иконы, то можно выручить на поправку до 1,000 руб. и тогда отъ синода не потребуется никакого денежнаго расхода. Синодъ приказалъ иконы за ветхостью продать и этими деньгами исправить теремъ. Папулинъ заплатилъ протоіерею 1,000 рубл. на ремонтъ терема и, сверхъ того, ему лично отдалъ 6.000 рубл. и за то получилъ изъ собора 1,350 иконъ (крупныхъ и малыхъ), которыя и увезъ на шести парахъ подводъ на двѣнадцати лошадяхъ. Въ числѣ этихъ иконъ были необыкновенно рѣдкія, напр., писанная св. чудотворцемъ Петромъ митрополитомъ «Петровская умиленія и Владимірская». Папулинъ выкраденными иконами украсилъ, во вкусѣ мастерства глубокой древности, двѣ каменные моленія, мужскую и женскую, и продалъ еще въ разныя губерніи Россіи иконъ на 13,000 рубл. Онъ бралъ за икону по 250 рубл., между тѣмъ какъ ему самому онѣ пришлись по 5 р. каждая.

Въ заключеніе сообщимъ еще три дозорныя записи, объясняющія появление въ то время вздорныхъ слуховъ и извѣстій въ раскольничьей средѣ. Отъ 22 марта 1846 года дозорный писаль: «На Преображенскомъ кладбищѣ и между московскими єедосѣевцами распространился слухъ о близкой перемѣнѣ правительствующей особы. єедосѣевцы разсказываютъ, что государь императоръ принялъ правленіе Россіею только на двадцать лѣть и въ семъ текущемъ году долженъ сдать оное его императорскому высочеству государю наследнику, (будто) произнесенными словами самого наследника солдатамъ, отслужившимъ двадцатилѣтній срокъ: «Я не хочу, чтобы отслужившіе двадцать лѣть еще служили; у меня будуть свои на ваше мѣсто».

Отъ 23 марта 1846 года: «єедосѣевцы питаютъ ненавистное чувство къ государю и вообще къ царственному дому отъ временъ царя Алексія Михайловича. Причина такового расположенія основана на заблужденіяхъ ученія єедосѣевской секты. Но наблюденія не могли еще на семъ остановиться, не изслѣдовавъ вполнѣ причины ненависти безпоповцій къ нынѣ царствующему государю императору, ибо въ ряду его августейшихъ предковъ єедосѣевцы выставляютъ своихъ преследователей; царствование же государя императора Николая Павловича не дерзаютъ порицать какими либо гонениями. Вотъ почему употреблены были всѣ старанія для дознанія причины ненависти къ государю, особенно когда распространеніе безпоповційскихъ расколовъ объяло самыя населенійшія губерніи Россіи, а съ симъ разлило и единомысліе во всѣхъ отношеніяхъ. Развѣданіе показываетъ, что єедосѣевцы порицаютъ государя за то, что онъ: 1) при коронованіи надѣлъ священные бармы — символъ патріаршаго сана, чѣмъ, похитивъ его, покорилъ себѣ церковь, тогда какъ и патріархъ есть только блеститель ея престола, но не владыка его, 2) при коронованіи не надѣлъ далматика — одежды свя-

¹⁾ Купецъ Николай Андреевичъ Папулинъ жилъ въ Судиславлѣ. По вліянію своему на безпоповщину онъ занималъ первое мѣсто послѣ тогдашняго настоятеля Преображенского кладбища Семена Козьмина. Обладая значительнымъ капиталомъ, онъ былъ равносильенъ Козьмину въ губерніяхъ Костромской, Ярославской, Тверской, где поставлялъ и смѣнялъ настоятелей єедосѣевской секты по всѣмъ тамошнимъ молельнямъ и общинамъ.

щеннай, въ которую облачался его родитель, императоръ Павелъ. Сие-то отступлѣніе онъ дѣлалъ по своей волѣ, чѣмъ обличилъ себя антихристомъ, выходящимъ противъ церкви. Если въ Москвѣ означенныя два пункта, представленные здѣсь буквально, заключаютъ въ себѣ нелѣпость, то чего должно ожидать отъ распространенія ихъ вдали отъ столицы, гдѣ заблужденіе раскола, невѣжество его исповѣдниковъ, увеличиваются ихъ большими безобразіемъ.

Отъ 30-го апрѣля: «На Преображенскомъ кладбищѣ разнесся слухъ, что при предстоящемъ бракѣ въ царствующемъ домѣ воспослѣдуется милостивѣйшій манифестъ, дарующій освобожденіе всѣмъ подсудимымъ єедосѣвцамъ; онъ же утвердить и свободное отправленіе обрядовъ єедосѣвской секты. Всего страннѣе разсказаніе сего слуха состоится въ томъ, что онъ разился отъ г-на Бородина, покровительствующаго проживающую на Преображенскомъ кладбищѣ мѣщанку Домину Иванову, занимающаго должность директора синодальной типографіи».

Мы слышали, что «Дневныхъ договорныхъ записей» будуть обнародованы г. Титовымъ еще двѣ части не менѣе размѣромъ, какъ и нынѣ изданныя. Эти части еще интереснѣе. Онъ обнимаютъ собою 1847 годъ и часть 1848 года передъ закрытіемъ Преображенского кладбища и началомъ гоненій раскола.

П. У.

Годъ въ Пескахъ (наброски и очерки Ахаль-Текинской экспедиція 1880—1881 гг.). А. А. Майеръ. Кронштадтъ. 1886.

Текинской экспедиції какъ-то посчастливилось. Давно ли взято Геокъ-Тепе, а уже обѣ томъ послѣднѣмъ походѣ Скобелева написано нѣсколько книгъ. Кроме обширного сочиненія въ 4-хъ томахъ, названаго «Войной въ Туркменіи» и составленнаго бывшимъ начальникомъ штаба отряда, генераломъ Гродековымъ, по официальнымъ источникамъ, въ сравнительно короткій срокъ вышли три книги о томъ же походѣ: «Завоеваніе Ахаль-Теке» А. Маслова, «Ахаль-Текинская экспедиція» А. Щербака и воспоминанія А. Верещагина (брата художника). Теперь является четвертая книга личныхъ воспоминаній — Майера. Такое обилие сочиненій о кампаніи, въ которой принимало участіе менѣе пятнадцати тысячъ русскихъ солдатъ, объясняется особымъ, исключительнымъ интересомъ, съ которымъ относилась публика къ тому, что дѣлалось за Каспійскимъ моремъ. Интересъ этотъ возвуждался политическимъ значеніемъ похода, а также личностью главнаго начальника — покойнаго Скобелева. Скобелевъ обладалъ рѣдкою способностью привлекать къ себѣ общее вниманіе во всякомъ предпринимаемомъ имъ дѣлѣ. Не надо забывать, кромѣ того, что предыдущій походъ (1879 года) па Геокъ-Тепе былъ неудаченъ, а начальникъ экспедиціи одинъ изъ выдающихся генераловъ кавказской арміи Лазаревъ умеръ отъ порчи крови. Мало того, не менѣе замѣчательный генералъ Тергутасовъ, принявший отрядъ послѣ Лазарева и начавший трудную работу приведенія въ порядокъ экспедиціонныхъ средствъ, заболѣлъ и, оставивъ край, тоже вскорѣ умеръ. Такимъ образомъ, два выдающихся военачальника были принесены въ жертву русской арміей на дѣло завоеванія маленькой страны съ незначительнымъ народонаселеніемъ.

Наконецъ, явился Скобелевъ, любимецъ и надежда русского народа. Онъ долженъ былъ побѣдить и возстановить авторитетъ русского оружія въ Средней Азіи.

Онъ это и сдѣлалъ, потративъ массу силъ и жизни на завоеваніе Туркмениі. Заботы, труды и волненія, испытанные имъ въ походѣ, такъ отозвались на его здоровъ, что были одной изъ причинъ, ускорившихъ его смерть. Но ударъ, нанесенный рукою Скобелева, былъ ударъ тяжелый, отозвавшійся во всей Средней Азіи; черезъ четыре года спустя, многочисленный и свободолюбивый мервскій народъ покорился намъ добровольно, и новый край остается вѣчнымъ памятникомъ этого энергичнаго и пылкаго человѣка.

Объ экспедиціи Скобелева, какъ о приготовительныхъ мѣрахъ, такъ и о боевой ея сторонѣ, какъ мы уже сказали, военный читатель можетъ найти подробное описание въ сочиненіи Гродекова. Но сочиненіе это специальное и для не-военнаго, не смотря на свои достоинства, въ чтеніи можетъ быть и скучно. Вотъ почему для характеристики полной исторической эпохи такія личныя воспоминанія, какъ, напримѣръ, книга Майера, имѣютъ несомнѣнное значеніе и интересъ, гдѣ на нѣсколькихъ страницахъ штатскій читатель найдетъ для себя много нового, оригинального и даже поучительнаго.

Книга Майера не представляетъ полнаго и послѣдовательнаго описанія экспедиції. Многое, что для специальнаго читателя было бы и интересно, здѣсь отсутствуетъ. Это рядъ набросковъ и картинъ, написанныхъ въ беллетристической формѣ, наиболѣе интересныхъ и характерныхъ моментовъ войны, въ которыхъ авторъ принималъ самъ участіе. Очеркі эти, сколько помнится, почти всѣ печатались въ «Кронштадтскомъ Вѣстнике» и теперь вышли отдельнымъ изданіемъ, посвященнымъ памяти «Бѣлага генерала и товарищѣ, павшихъ подъ стѣнами Геокъ-Тепе». Книга раздѣлена на нѣсколько отдельныхъ главъ, изъ коихъ каждая носить особое название и представляетъ отдельный самостоятельный очеркъ.

Такъ въ «Переходѣ въ степи» мы знакомимся въ живыхъ сценахъ съ характеромъ и трудностями степнаго марша, въ «Бендессенскомъ укрѣпленіи» авторъ вводить въ обстановку и жизнь на опорномъ пункѣ въ пустынѣ и такъ далѣ. Все написано живо, мѣстами красивымъ языккомъ, много интересныхъ военныхъ характеровъ и картинъ отдаленной страны, гдѣ приходилось дѣйствовать нашимъ соотечественникамъ.

У молодаго автора, конечно, есть и недостатки. Онъ любить почему-то прибѣгать къ латинскимъ цитатамъ, любить иногда отступленія и отвлеченные разсужденія, которыя могли имѣть мѣсто въ фельетонахъ газеты, но въ книгѣ должны были быть опущены. Мѣстами тонъ и манера рассказа напоминаетъ немногого Марлинскаго, а въ описаніяхъ, напримѣръ, горь Ко-петь-дага, авторъ прибѣгаетъ къ нѣсколько вычурному, хотя и не лишеному красоты приему Густава-Эмара или Н. Н. Каразина. Изъ всѣхъ поименованныхъ выше авторовъ воспоминаній о Текинской экспедиціи г. Майеръ наиболѣе субъективенъ. Онъ описываетъ почти всегда, что видѣтъ самъ, и описываетъ эпизоды, которыхъ былъ самъ участникомъ. Это и понятно по отношенію къ г. Майеру, такъ какъ экспедиція оставила ему послѣ себя тяжелую память. Авторъ въ чинѣ гардемарина участвовалъ въ походѣ и въ осадѣ Геокъ-Тепе, командуя охотниками-матросами, велъ себя очень хорошо и былъ дважды раненъ. Первый разъ, наканунѣ штурма, онъ вызвался въ охотники взорвать динамитъ подъ стѣнами крѣпости и во время взрыва, не успѣвъ от-

бѣжать какъ слѣдуетъ, былъ подброшенъ на воздухъ и контуженъ газами; въ день штурма былъ страшно раненъ во второй разъ: въ него выстрѣлили сверху стѣны и пуля пробивъ его щеку, повредила челюсть, прошла около горла и вышла подъ мышкой; только молодость и крѣпкое здоровье спасли жизнь молодаго воина.

Главы—«Въ горахъ Копеть-дага» и «Осада и штурмъ Геокъ-Тепе» по нашему лучшія въ книгѣ. Эпизоды взрыва и штурма артиллериіской бреши описаны очень интересно, съ огнемъ, и возбуждаютъ особый интересъ при чтеніи.

В. Ж.

**Кураковщина. Историко-этнографический очеркъ. А. А. Титова.
Ярославль. 1886.**

Подъ названіемъ «Кураковщина» до настоящаго времени извѣстны вотчины, принадлежавшія князьямъ Куракинъмъ и образующія изъ себя большую часть вынѣшней Пріимковской волости въ Ростовскомъ уѣздѣ, вблизи границы Ярославскаго уѣзда. Вся эта мѣстность полна историческими воспоминаніями. Куракины въ этой мѣстности имѣли небольшія владѣнія и до 1764 года, но затѣмъ они значительно увеличились, когда къ нимъ перешли по наслѣдству селенія, пожалованныя императрицею Екатериной II гравамъ Панинымъ и Орловымъ. Въ прежнія времена куракинская деревня принадлежали ростовскимъ князьямъ Гвоздевымъ, Пріимковымъ, Темкинымъ, Щепкинымъ, Бахтіаровымъ. Вся эта мѣстность полна историческихъ воспоминаній. Селеніе Семибратья упоминается въ лѣтописяхъ XIV и XV вѣковъ. При этомъ селѣ великий князь Василій Васильевичъ Темный былъ разбить своимъ дядею, княземъ Юріемъ Дмитревичемъ. Село Пріимково было постоянной вотчиною и усадьбою угасшаго при Петре Великомъ рода ростовскихъ князей Пріимковыхъ.

А. А. Титовъ въ своемъ очеркѣ представляетъ бытовую сторону «Кураковщины» въ концѣ прошлаго и началѣ вынѣшняго столѣтія на основаніи доставшихся ему бумагъ, принадлежавшихъ московской домовой конторѣ князей Куракинъхъ. Въ числѣ этихъ бумагъ оказался и уставъ, сочиненный княземъ Степаномъ Борисовичемъ Куракинъмъ, скончавшимся въ 1805 году. Уставъ этотъ и положилъ основаніе благоденствію принадлежавшихъ ему крестьянъ, которые ограждены были отъ обычнаго въ то время своеволія мѣстныхъ властей и пользовались выборнымъ начальствомъ въ лицѣ бурмистра и прочихъ управителей. Нѣмцевъ и другихъ наемныхъ управителей, по примеру другихъ сановитыхъ помѣщиковъ, у князя Куракина не было. Крестьяне его были зажиточны, грамотны, самостоятельны. Поэтому ихъ по всей Ярославской губерніи звали «Кураковцами». Не смотря на измѣнившіяся условія, мѣстность эта, по заявлению А. А. Титова, основательно знакомаго съ своимъ роднымъ Ростовскимъ уѣздомъ, и донынѣ въ экономическомъ отношеніи находится въ значительно лучшемъ положеніи, чѣмъ другія части этого уѣзда.

Въ числѣ документовъ, помѣщенныхъ въ трудѣ г. Титова, немалый интересъ представляетъ «дonoшение бурмистра Никиты Досугова князю Степану Борисовичу Куракину по поводу расходовъ, произведенныхъ въ Ро-

стовъ домовыми его писаремъ, крѣпостными человѣкомъ Пономаревымъ, при его хлопотахъ обѣ утвержденіи за княземъ Куракинымъ наслѣдства въ 654 души, доставшагося на его долю въ Ростовскомъ округѣ. Истрачено было всего Пономаревымъ 291 р. 90 к., въ томъ числѣ пошлиныхъ денегъ внесено было имъ 134 р. 15 к. и на гербовую бумагу 6 р. 36 к. Капитанъ-исправнику ростовскаго нижняго земскаго суда подарено было Пономаревымъ 10 р., секретарю Алексѣю Юматову 10 р., секретарю уѣзднаго суда Гаврілу Веренину поднесено 5 р., повытчику Ивану Николаевичу съ товарищами дано 5 р., канцеляристу Ивану Николаеву съ подьячими дано на водку 1 р. и т. д. При полученіи Пономаревымъ съ рѣшенія суда засвидѣтельствованной копіи, онъ истратилъ «къ столу для господъ присутствующихъ» на покупку осетрины свѣжей 1 р. 20 к., бѣлуги 1 р. 27 к., осетра малосольного 80 к., бѣлуги такой же 70 к., севрюги малосольной 49 к., судака свѣжаго 40 к., язей, карасей свѣжихъ 40 к., тещки кореннай 79 к., икры багреной 60 к., щуки на 40 к.; вина простаго взято для понятыхъ и священниковъ съ причетниками три ведра на 9 руб., водки сладкой штофъ на 1 р. 70 к., полпива два ведра на 1 р., наливки три бутылки на 1 р. 50 к., французской водки одинъ штофъ на 1 р. 70 к., сахара 5 фунтовъ 2 р. 75 к., чаю на 55 к., бѣлаго вина штофъ на 60 к. и саекъ на 20 к. Все угощеніе «господъ присутствующихъ» обошлось Пономареву въ 26 р. 5 коп.; сверхъ того, обѣдали «двадцать понятыхъ человѣкъ», этотъ обѣдъ стоилъ всего 1 р. 60 к.

Изъ этого видно, какъ ничтожны были въ концѣ XVIII столѣтія расходы по утвержденію доставшагося по наслѣдству имѣнія съ 654 душами. И утвержденіе это состоялось скоро и безъ проволочекъ. Пономаревъ подалъ въ ростовскій уѣздный судъ прошеніе 21 февраля 1793 года, а 10 апрѣля того же года имѣль уже съ рѣшенія суда и съ отказныхъ книгъ засвидѣтельствованную копію.

П. У.

Празднованіе пятидесятилѣтнаго юбилея полоцкаго кадетскаго корпуса. Полоцкъ. 1886. (Издание полоцкаго кадетскаго корпуса).

Въ 1830 году, состоялось высочайшее утвержденіе общаго положенія и устава для военно-учебныхъ заведеній. Всѣдѣ затѣмъ утвержденъ былъ проектъ учрежденія губернскихъ кадетскихъ корпусовъ, съ цѣлью доставленія возможности малолѣтнимъ дворянамъ различныхъ губерній воспитываться для военной службы вблизи своихъ семействъ. Изъ губернскихъ кадетскихъ корпусовъ первымъ, 15-го марта 1834 года, былъ открытъ новгородскій графа Аракчеева корпусъ, а вторымъ, 25-го іюня 1835 году, полоцкій кадетскій корпусъ. Для его помѣщенія избрано было зданіе бывшаго въ Полоцкѣ іезуитскаго коллегіума и бывшей тамъ же іезуитской академія наукъ. Зданіе это въ своей главной части было выстроено іезуитами въ половинѣ XVII столѣтія и постепенно расширялось ими по мѣрѣ развитія и увеличенія іезуитскихъ учрежденій въ Полоцкѣ. Для приспособленія этого зданія къ помѣщенію корпуса потребовались значительные работы, которыя начались въ 1830 году и были окочены въ 1834 году. Въ этомъ зданіи донынѣ сохранились многіе предметы іезуитской эпохи, напр., замѣчательные часы

и проч. Въ нижнемъ коридорѣ нынѣшняго кадетскаго корпуса вѣдѣлано въ звѣ стѣну ядро, которое засѣло въ стѣну іезуитскаго коллегіума 7 октября 1812 года, въ день кровопролитнаго штурма Полоцка русскими войсками, подъ начальствомъ графа Витгенштейна, взявшаго этотъ городъ у французовъ. Надъ ядромъ сдѣлана мѣдная доска съ надписью «7 октября 1812 г.» для напоминанія воспитанникамъ корпуса подвиговъ ихъ предковъ въ тяжелую годину Отечественной войны. Первымъ директоромъ полоцкаго кадетскаго корпуса былъ назначенъ генералъ-майоръ Хвошинскій, одинъ изъ участниковъ штурма 7 октября 1812 года.

Пятидесятілѣтній юбилей существованія полоцкаго кадетскаго корпуса праздновался 6 декабря 1885 года, такъ какъ лѣтомъ большая часть наставниковъ и воспитанниковъ, по случаю канікулярнаго времени, находятся въ отпуску. На юбилей сѣхалось изъ разныхъ мѣстъ много бывшихъ питомцевъ корпуса, занимающихъ въ настоящее время то или другое служебное положеніе. Нынѣшній директоръ корпуса, генералъ-майоръ Тыртовъ, прочелъ на празднествѣ краткую исторію этого учебнаго заведенія. Изъ нея оказывается, что, съ открытия корпуса, впродолженіе 50 лѣтъ (до августа 1885 г.), въ него поступили 3,442 малолѣтнихъ. Изъ этого числа: переведено до окончанія курса въ другіе кадетскіе корпуса 226; переведено въ нижнія военно-учебныя заведенія по малоспособности 144; выпущено на службу въ войска нижними чинами 385; уволено на попеченіе родителей по домашнимъ обстоятельствамъ и по болѣзни 546; умерли 106; окончило курсъ и переведено въ дворянскій полкъ и военныя училища 1,494; уволено согласно желанію родителей, по окончаніи курса, 49; произведено въ офицеры прямо изъ корпуса 172; оставалось въ корпусѣ, къ августу 1885 года, 320; изъ числа окончившихъ курсъ и переведенныхъ въ военныя училища, остается еще въ училищахъ 64. Произведено же въ офицеры, какъ изъ дворянскаго полка и военныхъ училищъ, такъ и прямо изъ корпуса, всего до 1,500 офицеровъ, что составляетъ около половины всѣхъ малолѣтнихъ, поступившихъ въ корпусъ впродолженіе полуувѣковаго его существованія. Изъ числа ихъ многіе закончили потому свое образованіе въ академіяхъ генерального штаба, артиллерійской, инженерной и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; многіе пали смертю героевъ въ бояхъ за свою отчизну и имена ихъ вписаны на черныхъ мраморныхъ доскахъ въ корпусной церкви; наконецъ многіе своими подвигами заслужили высшую военную награду, знаки ордена Св. Георгія.

Въ настоящее время изъ бывшихъ кадетами корпуса находятся на дѣйствительной службѣ 9 генералъ-лейтенантовъ, 19 генералъ-майоровъ и болѣе 100 штабъ-офицеровъ. Къ числу бывшихъ питомцевъ корпуса принадлежать: генералъ-адъютантъ Давиловичъ, воспитатель государя наследника цесаревича; командиръ 14 армейскаго корпуса генералъ-лейтенантъ Нарбутъ; члены артиллерійскаго комитета, генералъ-лейтенанты Шварцъ и Чагинъ; бывшій помощникъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, генералъ-лейтенантъ Кузьминъ-Караваевъ; начальникъ Михайловской артиллерійской академіи, заслуженный профессоръ, генералъ-лейтенантъ Демьяненковъ; начальникъ военно-юридической академіи, генералъ-лейтенантъ Бобровскій; начальникъ первой кавалерійской дивизіи, генералъ-майоръ Левицкій (георгіевский кавалеръ); начальникъ штаба Виленскаго военнаго округа, генералъ-майоръ Бунаковъ (георгіевский кавалеръ); членъ-корреспондентъ

академій наукъ, генераль-маіоръ Дубровинъ; профессоръ артиллераійской академіи, генераль-маіоръ Кирпичевъ; начальникъ пиротехнической школы, генераль-маіоръ Сазоновъ; редакторъ журнала «Русская Старина», тайный советникъ Семевскій; дѣйствительные статскіе совѣтники, губернаторы: ман-скій (нынѣ харьковскій) Петровъ и сѣдлецкій Субботинъ.

Цѣлью императора Николая Павловича при учрежденіи въ Полоцкѣ кадетскаго корпуса было созданіе въ Западномъ краѣ воспитательного центра для распространенія и упроченія въ немъ русскаго просвѣщенія, русскаго патріотизма. Учрежденіе учебнаго заведенія въ небольшомъ уѣздномъ городѣ, населенномъ въ то время поляками и евреями, при незначительности въ немъ русскаго элемента и въ настоящее время, отразилось и на внутреннемъ строѣ полоцкаго кадетскаго корпуса. Пребываніе воспитанниковъ впродолженіе всего учебнаго времени въ стѣнахъ корпуса, отсутствіе отпусковъ въ городѣ и вліянія семьи, создало для кадетовъ дѣйствительно замкнутую жизнь, выработало въ средѣ ихъ крѣпкій товарищескій духъ и замѣчательную привязанность къ мѣсту воспитанія, не смотря на всѣ невагоды кадетской жизни. По словамъ очевидцевъ, бывшихъ въ Полоцкѣ еще въ нынѣшнемъ году, эти старинныя преданія до настоящаго времени остаются усвоенными воспитанниками кадетскаго корпуса, отпраздновавшаго въ 1885 году свое пятидесятилѣтіе.

П. У.

Очерки истории развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи. XVII столѣтіе. Изслѣдованія В. В. Бобынина. Выпускъ I. М. 1886.

Исторія различныхъ наукъ въ древней Россіи еще весьма мало изучена, особенно мало знаемъ мы о состоянії наукъ естественныхъ и математическихъ; по исторіи литературы, церковной богословской письменности, лѣтописанія, филологіи, у насъ сдѣлано гораздо больше, а относительно этой отрасли въ нашей ученой литературѣ нѣть почти ничего, тогда какъ никто не станетъ отрицать важности ея изслѣдованія. Изслѣдованіе такое, конечно, трудно, потому что требуетъ отъ историка познаній специально математическихъ, а подобное явленіе бываетъ крайне рѣдко. Поэтому нельзя не отмѣтить труда г. Бобынина, приватъ-доцента Московскаго университета. При составленіи своихъ «Очерковъ» г. Бобынинъ пользовался рукописями Румянцевскаго музея, рукописью, изданной Обществомъ любителей древней письменности, сочиненіемъ Пекарскаго «Наука и литература въ Россіи при Петре Великомъ». Сперва онъ обозрѣваетъ нашу рукописную литературу по математикѣ въ XVII вѣка, затѣмъ разбираетъ вопросъ объ ея источникахъ, причемъ находитъ ихъ въ западныхъ сочиненіяхъ схоластического периода и новѣйшихъ Баше Мезириака, фанъ-деръ-Шуере и друг., наконецъ описываетъ характеристическія черты и особенности содержанія нашихъ ариѳметическихъ рукописей XVII вѣка. Г. Бобынинъ приводить изъ разбираемыхъ рукописей много теоретическихъ объясненій, задачъ съ решеніями. Вообще данная у него очень обильная и интересная, и его книга несомнѣнно полезна для изучающихъ исторію древне-русскаго просвѣщенія.

В—ъ.

Памятники древне-русского языка. Т. I. Служебный минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь, въ церковно-славянскомъ переводе по русскимъ рукописямъ 1095—1097 г. Трудъ орд. акад. И. В. Ягича. Съ шестью таблицами снимковъ. Спб. 1886.

Въ началѣ 1882 года, отдѣленіе русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ, принявъ во вниманіе предложеніе одного изъ выдающихся своихъ членовъ И. В. Ягича, пришло къ мысли взять на себя полное изданіе древнѣйшихъ памятниковъ русской письменности, на первый разъ памятниковъ XI и XII вѣка, съ точно опредѣленными годами ихъ написанія, давая, конечно, предпочтеніе памятникамъ, до сихъ поръ не изданымъ. Подготовительныя для описанной цѣли работы отдѣленіе возложило на А. Ф. Бычкова и И. В. Ягича.

Въ настоящее время мы имѣемъ передъ собой уже весьма существенный результатъ этого столь благаго для русской науки начинанія, въ видѣ объемистаго тома, заглавіе котораго мы выписали. Въ этотъ томъ вошли служебный минеи за три мѣсяца, въ древнѣйшемъ церковно-славянскомъ переводе, относящіяся по нѣкоторымъ спискамъ синодальной типографіи къ концу XI вѣка, т. е. къ 1095—1097 и слѣдующимъ годамъ. Этотъ памятникъ древнѣйшей нашей письменности до сихъ поръ еще не изслѣдованъ ни со стороны языка, ни со стороны перевода. Для возстановленія правильнаго чтенія, на сколько оно оказалось испорченнымъ во взятыхъ за основаніе трехъ рукописяхъ московской синодальной типографіи, а также и для восполненія пробѣловъ, происшедшіхъ отъ утраты листовъ и другихъ причинъ, издатель воспользовался еще семью рукописями однороднаго содержанія и, восстановивъ полный текстъ издаваемаго памятника, подвергъ его самому тщательному палеографическому изслѣдованію, результаты котораго изложены И. В. Ягичемъ въ первой главѣ его обширнаго введенія (I—СХХХVI). Тутъ же подробно изслѣдованъ составъ служебныхъ миней, отношеніе славянскаго перевода къ греческому подлиннику, а также разобраны различные славянскіе переводы того же памятника. Самый текстъ, снабженный обильными подстрочными примѣчаніями, занимаетъ болѣе семисотъ страницъ, а въ концѣ книгѣ приложено шесть таблицъ, на которыхъ воспроизведены посредствомъ фототипіи наиболѣе интересныя въ палеографическомъ отношеніи страницы изъ издаваемыхъ рукописей.

Въ общемъ, трудъ нашего почтеннаго ученаго представляетъ богатѣйший матеріалъ для историческаго изученія нашего роднаго языка, истинная мощность котораго только въ этомъ изученіи найдеть себѣ надлежащее освѣщеніе.

Е. Г.

Россійское благородное собраніе въ Москвѣ. А. Барсукова. М. 1886.

Эта небольшая брошюра представляетъ очень интересныя свѣдѣнія, собранныя авторомъ ея, г. А. Барсуковымъ, по архивнымъ документамъ, относящіяся къ исторіи первого, такъ сказать, клуба въ Россіи, исторический очеркъ котораго хотя и былъ составленъ по порученію князя Голицына, московскаго генераль-губернатора, г. Горчаковымъ, но сдѣлался большой библиографическою рѣдкостью.

Блескъ баловъ россійского собранія былъ такъ великъ, что даже Потемкинъ изумлялся имъ и, по разсказу московскихъ старожиловъ, онъ на своемъ знаменитомъ празднике въ Таврическомъ дворцѣ сказалъ пораженнымъ роскошью гостямъ: «Нѣтъ, господа, мнѣ все кажется, что чего-то не достаетъ, когда я вспомню о балѣ въ московскомъ благородномъ собраніи». Этимиъ сказаніямиъ нетрудно вѣрить, читая, напримѣръ, описание знаменитаго маскарада, даннаго благороднымъ собраніемъ въ февралѣ 1796 года, по случаю бракосочетанія великаго князя Константина Павловича, на которомъ, среди различныхъ диковинъ, была составлена кадриль изъ 12 гигантскихъ египетскихъ пирамидъ, богато украшенныхъ и расписанныхъ іероглифами.

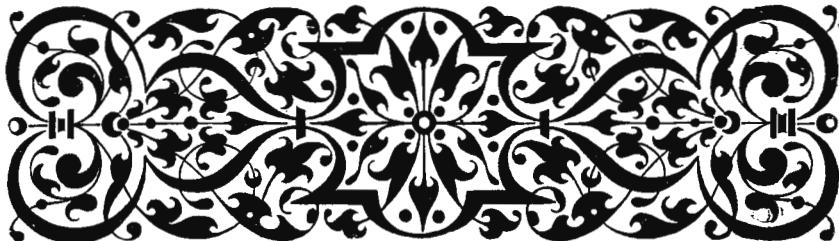
Съезды русскихъ дворянъ въ древней столице недаромъ г. Горчаковъ называетъ «форумомъ» всего русского дворянства, которое непосредственно черпало въ немъ не только моды, но и образъ мыслей, почему имѣло прямое государственное значеніе. Такъ на него смотрѣлъ и императоръ Александръ I, который въ реєскрипѣ, отъ 29-го декабря 1810 года, наименовалъ это собраніе российскимъ.

Въ 1805 году, въ залѣ собранія былъ поставленъ мраморный бюстъ Екатерины II, подаренный графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ-Чесменскимъ. Но московское дворянство, не довольствуясь бюстомъ, въ 1809 году, рѣшило, въ изъявленіе признательности императрицы Екатеринѣ за вѣчно памятную дворянскую грамоту, возвѣгнуть ей въ залѣ собранія монументъ. Какъ принято было это рѣшеніе, г. Барсуковъ приводить письмо московской помѣщицы графини А. Р. Чернышевой, которое дѣйствительно служить истиннымъ выраженіемъ чувствъ московскихъ дворянъ къ своимъ монархамъ.

Статуя императрицы Екатерины II, изваянная изъ мрамора, погибла во время пожара дома дворянскаго собранія, сгорѣвшаго въ 1812 году. Домъ собранія былъ построенъ по планамъ знаменитаго архитектора М. О. Казакова, который затѣмъ былъ составителемъ проекта памятника Александру I, поданнаго москвичами при жизни императора Александра Павловича графу Румянцеву. (Рисунокъ этого памятника можно найти въ I томѣ «Археологического Журнала», издававшагося подъ редакціею покойнаго сенатора Н. В. Калачева). Зало собранія было расписано декораторомъ Каноппи, о чёмъ упоминается въ его біографіи, напечатанной въ «Художественной Газете» за 1837 годъ, стр. 353. Еще нельзя не отмѣтить крайне любопытнаго факта, что въ московскомъ дворянскомъ собраніи, кроме директоровъ, были и директрисы, которыхъ 27-го марта 1815 года было избрано 12 и ихъ имена приведены г. Барсуковымъ.

И. Б—новъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКИЯ НОВОСТИ.

Леруа-Болье о болгарскомъ кризисѣ.—Мнѣніе англичанъ объ отношеніяхъ Болгаріи къ Россіи.—Статьи Edinburgh и Quarterly Review.—Официальное донесеніе англійскихъ агентовъ въ Румеліи и Болгаріи лорду Салисбюри.—Книга генерального консула о Болгаріи.—Нѣмецкая исторія русской литературы.—«Война и миръ» въ нѣмецкой и англійской оцѣнкѣ.—Французская критика о народныхъ сказкахъ гр. Толстого.—Маршалъ д'Анкъръ.—Памятники классической древности.—Характеристика семидесятилѣтняго романиста.—Англійскій парламентаризмъ въ прежнее и нынѣшнее время.—Біографія Маргариты Наварской.—Персія и туркмены.

В ПРОШЛОЙ КНИЖКѢ «Исторического Вѣстника» мы приводили отзывы нѣмецкихъ книгъ о современномъ болгарскомъ кризисѣ. Посмотримъ теперь, чтоб говорить французскія и англійскія сочиненія о томъ же предметѣ. Извѣстный публицистъ и профессоръ славянскихъ литературу въ Сорбоннѣ Леруа-Болье написалъ этюдъ, озаглавленный «Болгарская революція и европейская дипломатія» (*La r evolution de Bulgarie et la diplomatie europ eenne*). Очеркъ свой авторъ начинаетъ историческими словами Бисмарка, совѣтовавшаго принцу Батенбергскому принять болгарскую корону: «Во всякомъ случаѣ вы сохраните для вашей старости пріятное воспоминаніе о томъ, что царствовали въ Болгаріи». Германскій канцлеръ предвидѣлъ, что долго поцарствовать принцу не придется. Леруа-Болье находитъ, однако, что, «не смотря на непріязнь Россіи, этотъ младшій сынъ дармштадтской фамиліи достаточно хорошо держалъ себя на престолѣ» (у *auga fait assez bonne figure*). Съ этимъ трудно согласиться, такъ какъ и непріязнь то Россіи онъ возводилъ тѣмъ, что держалъ себя на тронѣ далеко не такъ какъ слѣдуетъ. Больѣе увѣренъ, что князь низвергнутъ за то, что хотѣлъ править самостоятельно въ интересахъ Болгаріи. Но вѣ томъ-то и дѣло, что онъ заботился вовсе не о Болгаріи, а о своихъ личныхъ интересахъ. «Онъ

уничтожилъ парламентскую конституцію, которая была вовсе не въ духѣ народа, только-что вышедшаго изъ вѣковаго рабства». Это правда, но онъ тотчасъ же восстановилъ ее, когда это оказалось ему нужнымъ для того, чтобы разыгрывать передъ Европой роль либерального правителя и жаловаться ей на притѣсненія нелиберальной Россіи. «Свергнутый съ престола заговорщиками, онъ имѣлъ удовольствие видѣть, что народъ остался ему вѣренъ, вопреки враждебному настроенію дипломатіи». Напротивъ, вся дипломатія, конечно, кромѣ русской, была на сторонѣ князя, свергнутаго народомъ, въ лицѣ лучшихъ офицеровъ арміи, по признанію самого же Батенберга. «Русские агенты слишкомъ явно выказывали свое презрѣніе болгарамъ и хотѣли управлять ими слишкомъ порусски». Это все голословныя обвиненія, которыхъ следовало подкрѣпить фактами. Отдельные личности могли дѣйствовать круто, ошибочно, но какая польза была восстановлять болгаръ противъ Россіи, давшей имъ независимость? «Изгнаніе князя подняло его репутацію; софійскій договоръ былъ для него рекламою. Восторгъ, съ которымъ его встрѣтили во Львовѣ, въ Галиції, заставилъ его вернуться въ Софію». Но вѣдь онъ тотчасъ же и оставилъ ее, видя невозможность управлять страною, не смотря на вѣрность своихъ подданныхъ и восторгъ иноземцевъ. У автора вырывается признаніе, что «болгарскій народъ лучше своихъ правителей». Это совершенно вѣрно, но тогда для чего же повторять сплетни, которую братецъ князя Лудвигъ Батенбергскій напечаталъ въ «Journal des Débats»: «Капитанъ Бендеревъ съ револьверомъ въ рукѣ заставилъ князя подписать отреченіе, вскричавъ: «вотъ что значитъ не произвести меня въ маиры!» Вообще противорѣчія встрѣчаются у Леруа-Болье на каждомъ шагу. Сознавая, что Болгарія съ ея еще неустановившимся государственнымъ устройствомъ не можетъ управляться сама собою безъ руководителей, онъ тотчасъ же прибавляется: «но, какъ кажется, руководители освободили ее меныше для нея самой, чѣмъ для самихъ себя». Берлинскій трактатъ сдѣлалъ громадную ошибку, раздѣливъ Болгарію на двѣ части, но потому, что не раздѣленная Болгарія представляла бы лучшій оплотъ противъ Россіи. Газеты Бисмарка, совѣтовавши бол гарамъ покориться, а князю удалиться, оказали, по словамъ автора, плохую услугу Европѣ, если только это сдѣлано не съ цѣлью уменьшить влияніе Россіи на славянскія племена Балканского полуострова.

Если и такой знатокъ Россіи, какъ Леруа-Болье, такъ плохо понимаетъ ся отношенія къ Болгаріи, то чего же ждать отъ англичанъ, которые, начиная съ своихъ министровъ и оканчивая послѣднимъ газетчикомъ, въ одинъ голосъ осыпаютъ russкихъ всевозможными клеветами. Дѣйствительно, всѣ англійскія книги и статьи о Болгаріи полны такими неприличными выходками, такою грубою бранью, что по невольѣ хочется спросить: «да изъ чего бѣснуетесь вы столько?» Вотъ, напримѣръ, университетскій журналъ «Edinburgh Review», мнѣнія которого такъ высоко ставятся англійскими учеными и беллетристами, что даже незначительный отзывъ объ ихъ произведеніяхъ считается величайшою честью. Какъ же отзывается этотъ органъ консерваторовъ о Россіи? Онъ называетъ ее (въ статьѣ объ отношеніяхъ къ ней Болгаріи) «врагомъ всей Европы, обладающимъ только деспотизмомъ да лисью хитростью». Трактатъ 1856 года, закончившій Крымскую войну (продолжаетъ журналъ), заставилъ Россію отступиться отъ ея агрессивной политики на двадцать лѣтъ слишкомъ, и мы не жалѣть тѣхъ жертвъ, которыхъ намъ стоило это перемирие. Въ наше время не многіе трактаты пе-

реживаются одно поколение, и съ тѣхъ поръ Россія вернулась къ своей старой политикѣ: отказъ отъ нейтралитета Чернаго моря, вовобновленіе на немъ флота, нападеніе на Турцію въ 1877 году, укрѣпленіе Батума и скандальный заговоръ, жертвой которого палъ князь болгарскій, доказываютъ, что еще живъ духъ, возбудившій войну 1854 года. Три самыя важныя войны царствованія королевы Викторіи: 1854 года и двѣ экспедиціи въ Афганистанъ, были прямымъ слѣдствіемъ политики Россіи». Что же касается Болгаріи, Россія никогда не позволить ей существовать независимо, такъ какъ еще Николай I сказалъ лорду Сеймуру, что никогда не согласится, чтобы турецкія владѣнія въ Европѣ раздѣлились на мелкія, самостоятельныя государства и Константинополь достался какой нибудь державѣ. Другой не менѣе серьёзный журналъ «Quarterly Review» въ статьѣ «Болгарская интрига» (Bulgarian plot) спрашиваетъ, почему Россія такъ хлопочетъ объ участіи болгаръ, страдающихъ отъ анархіи, и самъ отвѣчаетъ на это: «Лордъ Дерби, бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ, публично нарисовалъ въ парламентѣ картину русской политики: «Россія никогда не идетъ прямо на приступъ, адвигается впередъ миною и подкопомъ. Сначала она сбѣтъ въ народѣ раздоръ и неудовольствіе, потомъ предлагаетъ свое вмѣшательство, береть сторону слабой партіи, ставя ее въ зависимость отъ себя и отъ покровительства переходить къ присоединенію». Журналъ называетъ Стамбулова и Муткурова «лучшими людьми Болгаріи» и заканчиваетъ свою статью такъ: «Настало время! во имя интересовъ человѣчества положить препятствію державѣ, которая своимъ безграницымъ эгоизмомъ держитъ Европу въ постоянномъ беспокойствѣ и каждый часъ грозить новыми беспорядками».

Мудрено ли, что англійскіе ученыe и литераторы отзываются такъ о Россіи, если правители и политики даютъ имъ тонъ. Парламенту былъ представленъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ огромный томъ «Корреспонденція восточной Румелии и Болгаріи» (Correspondence respecting the affairs of E. Rumelia and Bulgaria, presented to parliament, 1886). Вотъ что сообщаетъ официально дипломатическій агентъ лорду Салисбюри о румелійскомъ переворотѣ: «За шесть недѣль до переворота русскій генеральный консулъ предложилъ членамъ румелійского народнаго собранія, что онъ поддержитъ соединительное движение, но съ тѣмъ, чтобы князь Александръ былъ изгнанъ. Консулъ устроивъ также митингъ, съ цѣлью низложения Батенберга. Болгарскіе патріоты убѣдились, что перемѣнили только турецкую тиранію на безусловный деспотизмъ Россіи, гровящій уничтоженіемъ ихъ национальности». Докторъ Странскій заявилъ англійскому агенту, что болгары скорѣе умрутъ въ борьбѣ за независимость, чѣмъ будутъ жить подъ русскимъ игомъ. Если самъ Салисбюри доказываетъ, что болгары страшальцы, и русскіе ихъ прѣтенденты,—какъ же могутъ англичане вѣрить нашему безкорыстію? Англійскій генеральный консулъ издалъ книгу «Развитіе свободы на Балканскомъ полуостровѣ» (The growth of freedom in the Balkan peninsula, by Minchin), въ которой разсказываетъ объ управлѣніи Болгаріей русскими генералами Соболевымъ и Каульбарсомъ, братомъ вышеннаго дипломатическаго агента, поѣздка котораго по Болгаріи кончилась вынужденнымъ отѣздомъ изъ Болгаріи и прерваніемъ съ ней всякихъ сношеній. Генеральный консулъ Минчинъ рисуетъ нашихъ генераловъ какими-то деспотами и сообщаетъ, что они однажды ночью хотѣли иронизировать во дворецъ князя, но поручикъ Мариновъ, убитый потомъ при Сливницѣ, остановилъ ихъ съ обнаженною саблею. А у нихъ была уже приготовлена

карета, въ которой намѣревались увести князя изъ Болгаріи. У генераловъ нашли тоже груды прокламаций (что же у нихъ дѣлали обыскъ, что ли?), въ которыхъ объявлялось, что болгарскій народъ прогналъ князя за дурное управление страною и образовалъ временное правительство съ Соболевымъ и Каульбарсомъ во главѣ. Послѣ этого первого покушенія, русскій офицеръ Набоковъ составилъ новый заговоръ съ цѣлью захватить князя, убить Каравелова, произвести революцію и русскую оккупацию. И все это говорится официально и документально. Какъ же не вѣрить такимъ источникамъ? Станутъ ли англичане полагаться на опроверженіе русскихъ газетъ или «Journal de S.-Pétersbourg»?

— Мы говорили уже о замѣчательной «Исторіи русской литературы отъ ея начала до новѣйшаго времени» (*Geschichte der russischen Literatur von ihren Anfangen bis auf die neueste Zeit*, von Alexander Reinholdt), начавшейся еще въ прошломъ году. Теперь вышли ея послѣдніе выпуски. Нѣмцы давно уже и добросовѣстно переводятъ нашихъ писателей и изучаютъ нашу литературу, многія стороны ея основательно разработаны Вольфсономъ; еще Фарнангенъ фон-Энзе написалъ мастерскую характеристику Пушкина; Боденштедтъ Лермонтова; В. Е. Генкель, Пичъ и друг. представили вѣрную оцѣнку Тургенева и другихъ современныхъ русскихъ авторовъ, но полный и почти вездѣ безпристрастный, критический очеркъ нашей литературы составленъ Рейнгольдтомъ, родившимся въ Россіи и изучившимъ ее съ любовью и знаніемъ дѣла. Онъ говоритъ въ предисловіи, что главною цѣлью его было «устранить грубые ошибки, недоразумѣнія или злостныя клеветы, относительно новѣйшаго направлениія русской литературы, распространенные легкомысленными или невѣжественными иностранными писателями». Авторъ останавливается только на важнѣйшихъ явленіяхъ и, не отрываясь отъ культурно-исторической почвы, держится внутренняго характера данной эпохи. Только при этомъ методѣ возможно правильное пониманіе литературныхъ явленій, но авторъ, сверхъ того, совершенно безпристрастно относится даже къ национальнымъ стремленіямъ и, составивъ русскую исторію на нѣмецкомъ языке и для нѣмцевъ, рѣзко осуждаетъ интриги нѣмецкихъ академиковъ противъ Ломоносова, отстаивавшаго русскіе интересы. Авторъ отстаиваетъ также национальные попытки Екатерины II въ области литературы и педагогики и защищаетъ ея эпоху отъ выходокъ Шерра, относившагося къ ней только съ точки зрѣнія скандала. Но при обсужденіи литературныхъ явленій и оцѣнкахъ значенія, Рейнгольдъ не стоитъ на почвѣ узкихъ народническихъ интересовъ, а рассматриваетъ ихъ съ общеевропейской, космополитической точки зрѣнія, единствено вѣрной въ исторіи развитія цивилизаций въ человѣчествѣ и ея вліянія на прогрессъ отдѣльныхъ национальностей. Къ недостаткамъ книги слѣдуетъ отнести слишкомъ сжатые отзывы о такихъ писателяхъ, какъ Карамзинъ, Державинъ, даже Гоголь и Лермонтовъ, и слишкомъ обширные о такихъ явленіяхъ, какъ кievская сколастика XVII вѣка, проповѣди Барановскаго, Голятовскаго или научное движение при Петре I и въ концѣ XVIII вѣка. Съ нѣкоторыми мнѣніями автора также нельзя согласиться, какъ, напримѣръ, съ тѣмъ, что «міровоззрѣніе Гоголя—средневѣковое романтическое» и что у него «не было никакого идеала». Въ общемъ сужденія Рейнгольдта сходятся, впрочемъ, съ мнѣніями, принятymi нашимъ критикою о выдающихся дѣятеляхъ нашей литературы.

— Мы приводили столько хвалебных отзывов иностранной печати о нашихъ лучшихъ писателяхъ, что справедливость требуетъ упомянуть и о диссонансѣ въ этомъ отношеніи, появившемся въ цѣломъ рядѣ статей, помѣщенныхыхъ въ октябрѣ въ наиболѣе распространенной и серьёзной газетѣ «*Neue Freie Presse*» и вышедшихъ теперь отдельною брошюрою. Дѣло идеть о лучшемъ произведеніи Л. Н. Толстаго «Война и миръ», отзывъ о которомъ такъ рѣзко отличается отъ общепринятаго мнѣнія объ этомъ романѣ, что нельзя не обратить вниманія на доводы автора, старающагося подкрѣпить ихъ эстетическими и историческими аргументами. Общій выводъ критики тотъ, что романъ неудаченъ, особенно въ военномъ и историческомъ отношеніи. Всемирная литература отвергнетъ его, такъ какъ онъ не разъясняетъ великой эпопеи 1812 г. Гр. Толстой увлекся теоріею Бокля, придающаго огромное значеніе въ исторіи народныхъ массамъ, но скептически относящагося, въ противоположность Карлейлю, къ роли отдельныхъ лицъ въ мировыхъ движеніяхъ. Но можно ли представить себѣ войну 1812 года безъ Наполеона? Критикъ сильными чертами рисуетъ военный гений Наполеона и относится иронически къ призванию Кутузова героемъ. Русскіе одержали верхъ въ войнѣ, только благодаря морозамъ и совѣтамъ нѣмецкихъ стратеговъ, предлагавшихъ дать отпоръ французамъ только въ нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ пунктахъ, а потомъ отступить хотя бы въ глубь Сибири. Это явно тенденціозное сужденіе критикъ старается смягчить отзывомъ о писателѣ, который «самъ гораздо интереснѣе своего произведения». Его одушевляетъ пламенное стремленіе разгадать загадку бытія и онъ съ презрѣніемъ относится къ славѣ, вынавшій ему въ удѣль. Онъ единственный отрадный (*erfreulich*) русскій писатель. Всѣ остальные, не исключая даже Тургенева, — «озвобленные умы, отчаявающіеся передѣлать тяжеловѣсную русскую народную массу». Критикъ, видѣть, однако, въ этой массѣ и хорошую сторону. «Какъ ни безотрадна жизнь русскихъ, — говорить онъ, — они пламенно любятъ свое отчество, сражаются и умираютъ за его величие. Никогда еще русскіе не сражались противъ русскихъ въ отличіе отъ нѣмцевъ, которые буквально влюблены въ братоубийственную войну». Онъ находитъ даже, что наше экономическое состояніе лучше, чѣмъ у нѣмцевъ, такъ какъ у насъ налоги умѣренны, а у нѣмцевъ они «почти равносильны конфискаціи всего имущества для пользы государства». «Толстого читать приятно, пока онъ не пускается въ соціально-религиозныя разсужденія». Не такого мнѣнія о гр. Толстомъ, и особенно о «Войнѣ и мирѣ», англійская критика. Послѣдній ноябрскій номеръ «*Athenaeum*» называетъ романъ этотъ великколѣпнымъ (*magnificent*) и находитъ справедливымъ, что русская критика считаетъ романъ «лучшимъ произведеніемъ русской литературы». Англійскій критикъ сожалѣтъ, что романъ переведенъ не съ подлинника, а съ французскаго перевода. и напоминаетъ, что журналъ «*Nineteenth Century*» еще въ 1879 году восторгался этимъ романомъ.

— Французская критика обратила вниманіе на тѣ произведенія гр. Толстого, которые еще не подверглись оцѣнкѣ на Западѣ, да и у насъ о нихъ встрѣчается не много отзывовъ, — это его народныя сказки. Въ газетѣ «*Temps*» посвящена имъ обширная статья. Особенно останавливаясь на «Сказкѣ объ Иванѣ-дуракѣ», критикъ приходитъ къ слѣдующему выводу: «Едва ли сказка эта будетъ имѣть вліяніе на народъ: она не подавить въ немъ стремленія сопротивляться злу; не вселить въ народъ, упорный въ своихъ воззрѣніяхъ на жизнь и людей, — презрѣнія къ интеллигентнымъ труженикамъ. Русскій

народъ никогда не увлечется самодовольнымъ невѣжествомъ, проповѣдуемымъ въ «Сказкѣ о Иванѣ-дуракѣ». Непонятно, какъ ученіе, враждебное наукѣ и прогрессу, нашло сторонника именно въ томъ классѣ, убѣждениія котораго оно оскорбляетъ». Изъ того, что русская интеллигентія занимаетъ «совершенно исключительное положеніе», вовсе не слѣдуетъ, чтобы она должна была увлекаться соціально-религіознымъ ученіемъ, отвергающимъ прогрессъ и науку.

— Вышла довольно любопытная исторія маршала д'Анкрѣ (*Le maréchal d'Ancre*). Какъ попытка — обѣлить этого заносчиваго авантюриста, управлявшаго Франціей послѣ смерти Генриха IV, книга не заслуживаетъ вниманія, но она интересна по множеству подробностей, рисующихъ эпоху, когда жилъ этотъ итальянецъ, привезенный въ Парижъ Марію Медичи и черезъ жену свою, Леонору Галигу, получившій званіе маршала Франціи, ни разу не обнажая шпаги, управление Нормандіей и званіе первого министра малолѣтняго Людовика XIII. Авторъ книги, Пуй, особенно изслѣдовалъ его управление Пикардіей (отъ 1611 по 1617 г.), періодъ, названный врагами его, приверженцами герцога Лонгвиля. «тиранію маршала д'Анкрѣ», и нашелъ новые документы, относящіеся къ послѣднимъ годамъ его политической карьеры. Кончини былъ безспорно грубый, продажный интриганъ, обращавшійся не почтительно и съ 18-ти-лѣтнимъ королемъ, но изъ этого не вытекало необходимости для Людовика XIII входить въ заговоръ со своими вельможами противъ маршала и приказать зарѣзать его на дворѣ Лувра. Еще менѣе основанія было осудить жену Кончини, какъ колдунью, и сжечь ее на кострѣ, а несовершеннолѣтняго сына ихъ изгнать изъ Франціи, лишивъ наследства, отданного его врагамъ, и запретивъ даже носить отцовское имя. Но въ добромъ старое время Французской монархіи исполнялись еще и не такие варварскіе приговоры.

— Окончено полезное иллюстрированное изданіе «Памятники классической древности для уясненія жизни грековъ и римлянъ въ религіи, искусства и нравахъ» (*Denkmäler des klassischen Altertums des Lebens der Griechen und Römer in Religion, Kunst und Sitte*). Это не только популярное, но и строго научное сочиненіе, составленное специалистами, подъ редакціею А. Баумейстера. Статьи расположены въ алфавитномъ порядкѣ и сопровождаются многочисленными рисунками (въ цѣломъ сочиненіи ихъ болѣе 2,000), исполненными по способу автотипіи Мейзенбаха. Изданіе вообще замѣчательно практическостью и дешевизною.

— Къ семидесятилѣтнему дню рожденія лучшаго нѣмецкаго романиста Густава Фрейтага, вышелъ этюдъ о его жизни и сочиненіяхъ, озаглавленный: «*Gustav Freitag. Ein Festblatt zur Feier seines siebzigsten Geburtstags von Conrad Alberts*». Фрейтагъ — крупная величина не только между нѣмецкими, но и между европейскими романистами, и хотя послѣднія его произведенія, въ которыхъ чувствуется уже ослабленіе сильнаго таланта, имѣютъ преимущественно мѣстный, нѣмецкій или археологический интересъ, за то первыя произведенія, какъ «Приходъ и расходъ» (*Soll und Haben*), «Потерянная рукопись» и друг., съ которыми знакома въ переводахъ и русская публика, — занимаютъ почетное мѣсто въ исторіи всемирной литературы. Этюдъ Альбертса рисуетъ Фрейтага не только какъ романиста, но представляетъ полную картину его литературной дѣятельности въ области драмы, искусства, исторіи культуры, теоріи поэзіи, даже политической публицистики. Биографъ-критикъ вѣрно подмѣтилъ характеристи-

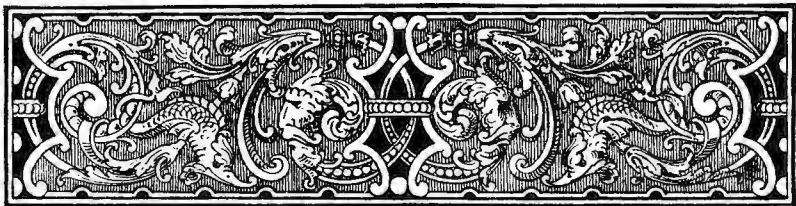
ческія особенности писателя: нравственную тенденцію его романовъ, изложеныхъ въ высокохудожественной формѣ; сочувствие его къ среднему сословію, какъ представителю честнаго и разумнаго труда и нерасположеніе къ праздному, испорченому дворянству; гармоническое сочетаніе общечеловѣческаго элемента съ национальнымъ, на конецъ—оптимистское міровоззрѣніе, свойственное всему германству (*Deutschtum*).

— Джонъ Грего издалъ «Исторію парламентскихъ выборовъ и избирательства въ старые годы» (*A history of parliamentary elections and electionneering in the old days*). Доказывать, какъ это дѣлаетъ авторъ, что нынѣшніе избиратели и выборы лучше прежнихъ,—особенной надобности, конечно, не предстояло, но, рассказывая о томъ, какъ практиковалась парламентская система въ прежнее время, Грего невольно приходитъ къ заключенію, что въ системѣ этой не произведено и въ послѣднее время никакихъ особенно важныхъ или полезныхъ улучшений, откуда самъ собой представляется выводъ: способна ли еще она вообще къ какимъ либо улучшениямъ? Авторъ въ особенности останавливается на выборахъ 1754 года, потрясшихъ англійское общество въ его основаніи. Съ тѣхъ порь избирательскіе пріемы сдѣлали немногій шаговъ впередъ, и если, въ послѣднее время, управление страною чаще попадало въ руки виговъ, чѣмъ ториевъ, то вѣдь и въ короткое время своей власти торійские или консервативные кабинеты успѣвали такъ запутывать внутреннюю и вѣщнюю политику Англіи, что ихъ преемникамъ, либераламъ, приходилось заниматься не улучшениемъ народнаго благосостоянія, а только распутываніемъ того, что натворили ихъ предшественники.

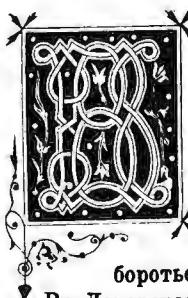
— Въ «Серії знаменитыхъ женщинъ» вышла біографія Маргариты, королевы Наварской (*Eminent womens series. Margaret of Angouleme, queen of Navarre, by Mary Robinson*). Авторъ этой характеристики, миссъ Робинсонъ, отзываетъ съ восторгомъ о своей героинѣ, чтѣ не мѣшаетъ ей, однако, не скрывать заблужденій и ошибокъ королевы. Въ сужденіяхъ о Маргаритѣ авторъ слѣдуетъ выводамъ Мишле, и только ея литературными трудамиъ придается уже слишкомъ много значенія. «Гектамеронъ» — сборникъ, безспорно, замѣчательный, но главнымъ авторомъ его былъ, всетаки, Бонавентура Деперье, а не Маргарита, чего никакъ не хочеть признать миссъ Робинсонъ, хотя французская критика давно уже доказала это.

— Джемсъ Бассетъ составилъ «описаніе Персіи, какъ страны имамовъ» (*Persia the land of the imams*). Авторъ, членъ пресвитеріанского міссіонерскаго общества, долго жилъ въ Персіи и изображаетъ ее преимущественно съ религіозной точки зрењія, занимаясь специально изслѣдованиемъ мусульманства и роли, какую играютъ въ странѣ имамы. Слово это значить собственно: глава, вождь, и первоначально относилось какъ къ духовнымъ, такъ и къ военнымъ предводителямъ, и Бассетъ разсказываетъ исторію первыхъ имамовъ: Али, Гассана, Гуссейна. Только въ послѣднихъ главахъ авторъ говоритъ о цивилизаціи, управлении, нравахъ и литературѣ Персіи. Особыя главы посвящены туркменамъ, бывшимъ грозою Восточной Персіи и Средней Азіи, а теперь укрупненнымъ русскими. Одинъ изъ туркменскихъ вождей, сознаваясь въ этомъ автору, прибавлялъ: «всѣ мы теперь принуждены убивать нашихъ плѣнниковъ, потому что русскіе не позволяютъ продавать ихъ въ рабство». На попытку міссіонера обратить его въ христіанство, тотъ же туркменскій вождь спросилъ прежде всего: «а что Иисусъ Христосъ не англичанинъ ли?»

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Ъ ЮЛЬСКОЙ книжкѣ «Исторического Вѣстника» помѣщена интересная статья о холерѣ въ Курской губерніи въ 1830—1831 годахъ. Въ этой статьѣ, между прочимъ, разсказано иѣсколько курьезныхъ эпизодовъ изъ холерного времени. Позвольте мнѣ, на основаніи архивныхъ документовъ курсаго губернскаго правленія, сообщить фактъ, который показываетъ, какъ оригинально была эксплоатирована «холера-морбусъ» однимъ изъ врачей, призванныхъ бороться съ нею.

Въ Льговскомъ уѣздѣ у помѣщиковъ Луниныхъ скоропостижно умерла дворовая дѣвка Жмырева. Такъ какъ въ тревожное время господства эпидеміи всикій фактъ внезапной смерти вызывалъ общія опасенія, то въ имѣніе Луниныхъ отправился льговскій уѣздный врачъ, докторъ медицины и хирургіи Лейдловъ, для освидѣтельствованія и, если то окажется необходимымъ, вскрытия тѣла скоропостижно умершой Жмыревой. Лейдловъ, проживъ иѣ которое время у Луниныхъ, выдалъ свидѣтельство, въ которомъ прописалъ о томъ, что дворовая дѣвка Жмырева умерла отъ холеры.

Но чрезъ иѣсколько времени куда слѣдуетъ было подано донесеніе, что не холера была причиной смерти несчастной Жмыревой, а смертельные побои, нанесенные ей господами. Возникло новое дѣло, изъ котораго съ надлежащею ясностью обнаружилось, что Лейдловъ пустилъ въ коммерческой оборотъ холеру вслѣдствіе полученія отъ Луниныхъ приличного гонорара. Не смотря на всѣ старанія замѣтить возгорѣвшееся дѣло, этого не удалось сдѣлать... и рѣшеніемъ правительствующаго сената докторъ Лейдловъ былъ навсегда исключенъ изъ службы и приговоренъ къ аресту на шесть мѣсяцевъ.

Тогда на сцену выступила новая сила съ ходатайствомъ за осужденнаго доктора-взяточника: это именно льговское дворянство. 22 августа 1831 года

курскій губернскій предводитель получилъ отъ льговскихъ дворянъ покрытое многочисленными подписями письмо слѣдующаго содержанія:

«М. Г. Илья Алексѣевичъ, указомъ правительствующаго сената по дѣлу помѣщиковъ Луниныхъ о жестокомъ обращеніи со своими людьми докторъ медицины и хирургіи надворный совѣтникъ Лейдловъ за выдачу неудовлетворительного свидѣтельства при осмотрѣ тѣла дворовой девки Жмыревой, убитой Лунинами, отрѣшенъ отъ занимаемой имъ должности уѣзднаго лѣкаря съ выдержаніемъ шестимѣсячнаго ареста и съ тѣмъ, чтобы впредь никакуда не опредѣлять. Извѣстіе сіе я (уѣздный предводитель дворянства) и весь льговскій уѣздъ принялъ съ неизъяснимымъ душевнымъ соболѣзваніемъ, зная достоинства сего чиновника. Онъ впродолженіе 17 лѣтъ пребыванія своего въ Льговѣ оказывалъ себя всегда истиннымъ другомъ человѣчества, добродѣтельными поступками пріобрѣль къ себѣ привязанность всѣхъ сословій Льговскаго уѣзда. Словомъ сказать, что каждый, страдающій болѣзнию, безъ различія состоянія испыталъ на себѣ благодѣтельную опытность равно усерднаго для всѣхъ искусства г. Лейдлова. Онъ и во время холеры съ самоотверженіемъ излѣчивалъ больныхъ и по человѣколюбію своему вселялъ къ себѣ довѣріе даже въ простомъ народѣ и спасъ отъ смерти большое число поселянъ, которые, по обыкновенію своему, всегда удалялись помощи медика. Г. Лейдловъ болѣе всѣхъ и усерднѣе всѣхъ спосѣствовалъ къ скорому прекращенію въ Льговскомъ уѣздѣ ужасной болѣзни холеры, о чѣмъ официально извѣстно и губернатору. При столь великой цѣлаго общества благородности льговское дворянство просить васъ (губернскаго предводителя) принять на себя трудъ въ исходатайствованіи всемилостивѣшаго государя императора прощенія г. Лейдлову по вышеозначеному случаю. Содѣйствіе ваше въ семъ дѣлѣ дворянство сочтетъ за особое къ нему уваженіе».

Губернскій предводитель дворянства Григорьевъ немедленно написалъ отношеніе къ курскому губернатору, въ которомъ изложилъ желаніе льговскаго дворянства и прибавилъ, что и онъ съ своей стороны знаетъ отличное усердіе Лейдлова по службѣ и лестные отзывы о немъ почтеннаго дворянства и прочихъ сословій, а потому вмѣняетъ себѣ въ обязанность покорнейше просить ходатайства губернатора по испрошенню всемилостивѣшаго прощенія доктору Лейдлову по вышеозначеному предмету.

Курскимъ губернаторомъ въ то время былъ извѣстный богачъ и оригиналъ П. Н. Демидовъ. Онъ 13 сентября 1831 года «почтиль» губернскаго предводителя такимъ увѣдомленіемъ: «При всемъ моемъ желаніи дѣлать все приятное для дворянства здѣшней губерніи я, къ сожалѣнію, не нахожу возможнымъ предпринять ходатайство о бывшемъ льговскомъ уѣздномъ медикѣ Лейдловѣ; ибо произведенное имъ свидѣтельство мертвому тѣлу крестьянской девки Жмыревой, давшее случай скрыть настоящую причину смерти ея, отъ побоевъ произшедшую, есть такое преступленіе, которое отнюдь не можетъ быть оправдываемо никакими другими хорошими качествами».

Такимъ образомъ холера не выручила изъ бѣды доктора медицины и хирургіи.

Сообщено А. Танковымъ.

С М Ъ С Ъ.

ПАМЯТНИКЪ „СЛАВЫ“, 12-го октября, въ годовщину взятія «Горнаго Дубняка», открыть въ Петербургѣ съ необычайною торжественностью монументъ въ память послѣдней восточной войны, названный «Памятникомъ Славы». На Троицкой площади, передъ звѣзднымъ куполомъ собора Измайловскаго полка, воздвигнута на гранитномъ пьедесталѣ чугунная колонна. При открытии памятника всѣмъ приглашеннымъ на торжество разданъ фотографической снимокъ съ памятника. На рисункѣ рельефно выдѣляется и вся окружающая мѣстность, съ частью со- бора, прилегающими зданіями и разведенными, вокругъ памятника, садикомъ, окаймленнымъ желѣзною решеткою. На обратной сторонѣ рисунка, въ скатомъ очеркѣ, сгруппированы главнѣйшія фактическія данныя, относящіяся до сооруженія памятника.

Матеріалы для сооруженія: гранитъ, бронза, чугунъ и турецкія орудія, взятые въ войну 1877—1878 годовъ. Пьедесталь, высотою въ 3 саж. 8 верш.. сложенъ изъ розового гангеутскаго и темно-сереброго сердобольскаго гранита. На пьедесталѣ установлены чугунные приливы съ наклонными орудіями и бронзовыя доски. Надписи на пьедесталѣ — на восточной сторонѣ: 1886 года въ шестой годъ благополучнаго царствования императора Александра III, для увѣковѣчненія доблестей россійскихъ войскъ воздвигнуть этотъ памятникъ по мысли императора Александра Втораго изъ турецкихъ орудій, взятыхъ въ войну 1877—1878 годовъ. Побѣдоносной войной этой возвращена Россія утраченная ею въ 1856 году часть Бессарабіи, присоединены вновь къ русскимъ владѣніямъ города: Батумъ, Карсъ и Ардаганъ съ ихъ областями, дарована полная независимость Румыніи, Сербіи и Черногоріи, освобождена Болгарія, сѣверная часть коей сдѣлалась княжествомъ, а южная признана самоуправляющеюся областью Турецкой имперіи. На обоихъ театрахъ войны взято въ пленъ 28 пашей, 141,800 офицеровъ и солдатъ, отбито 886 орудій и свыше 50 знаменъ. Затѣмъ на надписяхъ съ другихъ сторонъ, въ хронологическомъ порядкѣ, указанъ ходъ войны, поименованы всѣ наши дѣла и сраженія. Выше,

на квадратной части, колонна опоясана памятными русскими именами и чи-
слами: 1) Дунай (15-го июня 1877 г.), Санъ-Стефано (12-го февраля 1878 г.);
2) Плевна (28-го ноября 1877 г.), Балканы (зимній переходъ); 3) Филиппополь
(со 2-го по 5-е января 1878 г.), Шипка и Шейново (27—28-го декабря 1878 г.);
4) Аладжа (3-го октября 1877 г.), Карсъ (6-го ноября 1877 г.). Въ нижней
части гранитнаго пьедестала большія надписи: на восточной сторонѣ—по-
именованы всѣ участники въ войнѣ, особы императорской фамилии и всѣ
части гвардіи; на сѣверной и западной сторонахъ—grenadereskie и армейскіе
полки, на послѣдней поименованы и морскія суда. На южной сторонѣ—пе-
речислены части войскъ, участвовавшихъ на азиатскомъ театрѣ войны. На
круглой части колонны по карнизу надпись славянской вязью съ именами
лицъ, принимавшихъ участіе въ сооруженіи памятника. На пьедесталѣ стоять
чугунная колонна, съ нишами для орудій, въ шесть ярусовъ. Ярусы раздѣ-
лены поясами. На колоннѣ подвѣшено 44 стальныхъ и 60 медныхъ турецкихъ
пушекъ разнаго наименования и калибра. Внутри колонны винтовая лѣст-
ница. Высота колонны 6,5 сажени. Верхъ колонны кончается коринѣской ка-
пителью, украшенной листьями изъ бронзы. Высота ея 1,4 сажени. Памят-
никъ вѣнчаетъ фигура «Побѣда», съ пальмовой вѣтвью въ одной руцѣ и съ
дубовымъ вѣнкомъ въ другой. Высота фигуры съ полушаромъ 2 саж. 8 верш.
Вся высота памятника 13½ саж. Фундаментъ, глубиною 5 арш. 9 вершковъ,
сложенъ изъ бутовой плиты на портландскомъ цементѣ. Вѣсъ фундамента
до 67,000 пуд., вѣсъ гранита до 35,000 пуд., вѣсъ чугуна до 9,150 пуд., вѣсъ
112 орудій до 3,600 пуд. Вокругъ памятника, на отдельныхъ гранитныхъ кам-
няхъ, вѣсомъ каждый въ 550 пуд., поставлены десять полевыхъ турецкихъ
орудій съ лафетами. Въ оградѣ садика, на углахъ, два газовые канделябра,
украшенные 8-ми орудіями, и два столба, составленные также изъ турецкихъ
орудій. Стоимость сооруженія до 175,000 рублей.

Памятникъ Пахтусову. 19-го октября въ Кронштадтѣ открыть памятникъ
изслѣдователю Новой Земли. Сынъ мелкаго морскаго чиновника, Пахтусовъ
родился въ Кронштадтѣ въ 1800 году и, окончивъ курсъ въ штурманскомъ
училищѣ, немедленно, въ 1820 году, былъ посланъ производить опись устьевъ
рѣки Печоры. Занимаясь этой описью, ему пришла мысль произвести опись
Новой Земли, которая постоянно посѣщалась нашими промышленниками еще
со временемъ новгородцевъ, но свѣдѣнія о которой основывались на изслѣдо-
ваніяхъ голландцевъ въ концѣ XVI столѣтія и отрывочныхъ посѣщеніяхъ
нашихъ военныхъ моряковъ. Проектъ Пахтусова исполненъ, однако, не былъ.
Болѣе счастливъ былъ Пахтусовъ, встрѣтившись съ ученымъ лѣсничимъ
Клоковымъ, увлекавшимся уже въ то время идею открыть морское соо-
щеніе Западной Европы съ Сибирью черезъ Карское море. Оба они убѣдили
архангельского богача Брандта снарядить экспедицію на Новую Землю и въ
Карское море. Экспедиція эта отправилась въ августѣ 1832 года и возвра-
тилась въ 1833 году. Труды ея убѣдили правительство въ необходимости сна-
рядить казенную экспедицію для продолженія описи восточнаго и западнаго
береговъ Новой Земли. Экспедиція отправилась въ юнѣ 1834 года и возвра-
тилась въ октябрѣ 1835 года. Отъ понесенныхъ трудовъ Пахтусовъ умеръ
въ ноябрѣ того же года, но помощникъ его, штурманскій офицеръ Циволька,
продолжалъ изслѣдованія въ 1837, 1838 и 1839 годахъ, и также за труды и
лишнія заплатилъ жизнью и погребенъ на Новой Землѣ въ сугробѣ снѣга.
Труды Пахтусова, по вынѣшнимъ размѣрамъ ученыхъ экспедицій, покажутся
не слишкомъ значительными. Что такое опись части Новой Земли, когда
экспедиціи огибаютъ всю Сибирь, открываютъ сѣверо-западный проливъ и
добраются почти до полюса? Но надоѣло взять въ разсчетъ условія и сред-
ства исполненія въ тогдашнее время. Норденшильдъ и другіе полярные из-
слѣдователи преклоняются передъ настойчивостью и энергией русскихъ мо-
ряковъ, составившихъ опись береговъ Ледовитаго океана—одинъ изъ величай-

шихъ научныхъ подвиговъ, сдѣланныхъ русскими на пользу европейской цивилизации. Пахтусовъ—только одинъ изъ пѣлаго ряда героевъ, положившихъ свою жизнь за интересы науки. Прончищевъ, братъ Лаптевы, Размысловъ, Челюскинъ, Шалауровъ, Сарычевъ, Циволька и много другихъ никогда не будутъ забыты въ исторіи географической науки. Они перенесли буквально не человѣческие труды, пускаясь осенью на плохихъ, непроконопаченныхъ карбасахъ въ неизвѣстный, негостепримный океанъ и проводя безъ всякихъ приспособленій, запасовъ и медицинскихъ пособій долгія полярныя зимы, рискуя умереть отъ цынги и замерзнуть на пятидесятиградусномъ морозѣ. Труды этихъ представителей русской беззавѣтной храбрости и молчаливаго исполненія долга еще недостаточно у насъ оцѣнены и популяризованы. Они болѣе извѣстны образованнымъ людямъ въ Германіи и Швеціи, нежели въ Россіи, между тѣмъ, имена нашихъ полярныхъ мореплавателей давно бы должны сдѣлаться народными. Поэтому можно только порадоваться прекрасной идеѣ увѣковѣчить имя Пахтусова монументомъ на мѣстѣ его родины. Въ морскомъ музѣй состоялось собрание Общества для содѣствія русскому торговому мореходству, посвященное памяти Петра Кузьмича Пахтусова. Докладъ о научныхъ заслугахъ Пахтусова сдѣлалъ В. М. Сидоровъ, познакомившій присутствующихъ съ биографіей отважнаго морехода и подробностями двухъ его полярныхъ экспедицій 1833 и 1834 годовъ. Сравнительно съ обстановкой нынѣшнихъ экспедицій, Пахтусовъ находился въ самыхъ невозможныхъ условіяхъ; съ ничтожными денежными средствами, на двухъ старыхъ ладьяхъ, съ ограниченнымъ числомъ людей, безъ всякихъ приспособленій даже необходимаго удобства; безъ достаточнаго запаса провіанта этотъ неустрашимый, молодой офицеръ забрался на Новую Землю, достигъ Маточкина шара и прожилъ тамъ 440 дней! Застигнутый льдами, онъ погибалъ со всѣмъ своимъ экипажемъ, и только случайно находившійся вблизи поморецъ подалъ имъ руку помощи и снялъ ихъ со льдины. Здоровье Пахтусова не выдержало всѣхъ лишеній: онъ умеръ, едва успѣвъ окончить свою вторую и послѣднюю экспедицію. Чего только не испыталъ этотъ «мученикъ науки». Онъ голодалъ, испытывалъ такую стужу, что члены кочевѣли, самъ сколачивалъ себѣ хижину, терпѣлъ неоднократныя крушенія, плавалъ на «льдинахъ» и т. д. Зимуя въ Маточкиномъ шарѣ, несчастная экспедиція должна была бѣгать за дровами, на разстояніе 15 верстъ, вода въ ручьѣ замерзала до дна и приходилось возвѣтъ воду за 5 верстъ; хижина, сколоченная чуть ли не изъ досокъ «своими руками», не выдерживала тепла и въ ней въ шубахъ не всегда можно было согрѣться... Вотъ при какихъ условіяхъ Пахтусовъ дѣлалъ свои астрономическія измѣренія, изслѣдованія береговъ, описание бухтъ и гаваней, собирая растенія и минералы, золото и серебро, залежи каменнаго угля и проч. Труды Пахтусова на столько добросовѣстны, точны и обстоятельны, что его открытіями, картами и описаніями пользуются до сихъ поръ. Множество коммерческихъ судовъ скрываются по его указаніямъ въ безопасныхъ мѣстахъ и сообразуются съ его совсѣмъ, выходя въ море. По слѣдамъ Пахтусовашли и послѣдующія экспедиціи, такъ какъ имъ были намѣчены вполнѣ вѣрные и цѣнныя для науки пути. Онъ умеръ 34 лѣтъ, прослуживъ 15 лѣтъ и далеко не осуществивъ всего, на что былъ способенъ. И что же? Въ половинѣ тридцатыхъ годовъ на Новой Землѣ промышляли 137 русскихъ судовъ и одно только иностранное, а въ 1870 г. русскихъ судовъ насчитывалось всего 5, а иностраннѣхъ болѣе сотни. Очевидно, наше мореходство на сѣверѣ не только не развилось, а совершиенно упало, тогда какъ иностранцы, пользуясь совсѣмъ и открытіями Пахтусова, эксплоатируютъ богатства нашего сѣвера. Починъ сооруженія памятника принадлежитъ умершему генеральному-лейтенанту А. П. Андрееву, который на бывшемъ, 13-го апрѣля 1877 году, 50-ти лѣтнемъ юбилѣѣ корпуса флотскихъ штурмановъ, напомнилъ офицерамъ этого корпуса о заслугахъ покойнаго и выразилъ желаніе ходатай-

ствовать обѣ открытии подписки на сооруженіе памятника, на чѣдѣ въ маѣ мѣсяцѣ того же года послѣдовало высочайшее соизволеніе. Составленный профессоромъ Петербургской академіи художествъ, Н. И. Лаверецкимъ, проектъ памятника утвержденъ государемъ въ 1884 году и приступлено къ кладкѣ фундамента. Окончательно же памятникъ установленъ 24-го сентября нынѣшняго года. Бронзовая фигура въ 3 аршина 8 вершковъ представляетъ Пахтусова во весь ростъ въ мундирѣ и въ спущенной съ одного плеча шинели формы 30 годовъ. Въ правой руцѣ онъ держитъ карту Новой Земли, развернутую до мыса Долгаго, т. е. до предѣла его изысканій и работы. Фигура поставлена на гранитномъ пьедесталѣ высотою 4 аршина 10 вершковъ. На передней части пьедестала надпись:

П. К. Пахтусову.
изслѣдователю Новой Земли,
1832—1835.

Подъ надписью вѣланъ въ пьедесталѣ носъ баркаса изъ бронзы. На стоянѣ пьедестала, обращенной къ штурманскому училищу, красуется бронзовыи же гербъ Кронштадта и подъ нимъ надпись «Грудъ». На лѣвой сторонѣ бронзовый барельефъ, состоящий изъ коммерческаго флага на крестѣ съ якоремъ и мореходными инструментами и подъ нимъ надпись «Отвага». На правой — такой же барельефъ, только съ военнымъ флагомъ и надписью «Польза» Вѣсъ пьедестала 1,000 пудъ, фигуры — 60 пуд. Первый сдѣланъ въ Петербургѣ въ монументной мастерской А. Л. Баринова, а фигура и барельефы отлиты въ петербургской бронзовой фабрикѣ А. Моранъ. Отдѣлка и установка пьедестала и фигуры обошлись въ 9,200 рублей.

Семидесятипятилѣтнія годовщина лицея. 19-го октября Александровскій лицей праздновалъ наступленіе 76 года своего существованія. Изъ этихъ трехъ четвертей вѣка, большая часть приходится на петербургскій лицей (43 года) и 32 на лицей царскосельскій. Перенесенный въ 1843 году изъ флигеля царскосельского дворца въ зданіе бывшаго Сиротскаго института на Выборгской сторонѣ, лицей временъ Пушкина измѣнилъ программу своихъ курсовъ (изъ четырехъ полуторагодичныхъ сдѣлано шесть годичныхъ) но сохранилъ духъ и традиціи эпохи нашего великаго поэта. Въ зданіе лицея, въ завѣтный день его основанія, собралось болѣе 300 лицействовъ всѣхъ курсовъ, кромѣ первыхъ, изъ которыхъ уже никого не осталось въ живыхъ. Послѣ молебствія, за завтракомъ, читались рѣчи, стихи бывшихъ и нынѣшнихъ лицействовъ, гг. Зотова, Перетца, Ермолова, Саломона, провозглашались тосты. Присутствующимъ раздавались изданія къ этому дню сочиненія «Памятная книга Александровскаго лицея на 1886 годъ» и «Puschkiniana», библиографический указатель статей о жизни Пушкина, его сочиненій и произведеній искусствъ: живописи, скульптуры, музыки, вызванныхъ этими сочиненіями. Указатель составленъ весьма тщательно В. И. Межовымъ, но, по соznанию самого составителя, неполонъ, хотя и заключаетъ въ себѣ однихъ литературныхъ номеровъ 3,174. Во всякомъ случаѣ къ пятидесятилѣтней годовщинѣ смерти поэта, наступающей въ январѣ 1887 года, сборникъ г. Межкова даетъ много полезныхъ указаній. Въ «Памятной книжкѣ», кромѣ статистическихъ данныхъ о воспитанникахъ лицея и ихъ бывшихъ и нынѣшнихъ начальникахъ, помѣщенъ очеркъ исторіи лицея за послѣднее 25-тилѣтіе (1861—1886), составленный профессоромъ лицея Карбевымъ. (За первое пятидесятилѣтіе исторія заведенія, написанная г. Селезневымъ, издана въ 1861 году). Въ очеркѣ г. Карбева встрѣчается нѣсколько интересныхъ фактовъ, относящихся, однако, болѣе къ вѣнѣшней, а не къ внутренней сторонѣ заведенія. Весьма полезный отдѣлъ, не имѣвшійся въ исторіи 50-ти лѣтія, составляютъ некрологи выдающихся лицействовъ и ихъ профессоровъ и начальства. Такъ, въ книгѣ помѣщены обстоятельный жизнеописанія принца Петра

Георгіевича Ольденбургскаго, профессоровъ Переялѣсскаго, Шульгина, Никольскаго, Лапшина, Бауера и друг. и лицеистовъ: кн. Горчакова, М. А. Корфа, Шварца (живописца), Ю. В. Толстого, Н. Я. Данилевскаго, Д. Н. Замятнина и друг. Къ сожалѣнію, не показаны умершіе до 1861 года. Между тѣмъ, списокъ этотъ показалъ бы наглядно, сколько замѣчательныхъ личностей вышло изъ стѣнъ лицея на всѣ поприща государственной и общественной жизни.

Археологическое Общество. Въ засѣданіи восточного Отдѣленія археологическаго Общества, предсѣдатель сдѣлалъ сообщеніе «о седьмомъ международномъ съѣзда ориенталистовъ въ Вѣнѣ». Представивъ общую характеристику съѣзда и сообщивъ подробности какъ относительно состава съѣзда, такъ и задачъ, послужившихъ предметомъ разработки, докладчикъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился на вопросѣ о богатомъ собраніи папирусовъ, приобрѣтенныхъ эрцгерцогомъ Райннеромъ и тщательно изучаемыхъ въ настоящее время такими учеными, какъ Карабачекъ, Вессели и Краль, которые, по мѣрѣ хода своихъ работъ, публикуютъ результаты своихъ изслѣдований въ особомъ изданіи «Mittheilungen aus der Sammlung der Papyrus Erzherzog Rainer». Въ составъ этой коллекціи входятъ 15,000 греческихъ папирусовъ, 4,000 арабскихъ, 1,000 коптскихъ, а также въ небольшомъ числѣ папирусы гіероглифические, демотические, зеюонскіе, латинскіе и сирійскіе. Къ этой же коллекціи относятся древніе документы, писанные на пергаментѣ и на бумагѣ и датированные съ I по VII вѣкъ по Р. Хр., чѣмъ уясняется вопросъ о времени изобрѣтенія писчей бумаги. Что же касается содержанія новооткрытыхъ памятниковъ, это попреимуществу документы юридического и бытоваго характера; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ же свиткахъ открыто неканоническое евангеліе, относимое къ III вѣку, болѣе 200 стиховъ Иллады, отрывки изъ Фукидіа, изъ Платоновыхъ діалоговъ, изъ Аристотеля, Эсхила и Исократа.

+ 11-го ноября, въ Петербургѣ, профессоръ хирургіи въ медико-хирургической академіи, **Сергій Петрович Коломнинъ**, одинъ изъ достойнѣйшихъ представителей русской науки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одинъ изъ достойнѣйшихъ людей. Дворянинъ по происхожденію, онъ родился въ Петербургѣ 25-го сентября 1842 года, учился въ архангельской гімназіи и затѣмъ поступилъ въ медико-хирургическую академію, гдѣ окончилъ курсъ, въ 1865 году, со степенью лѣкаря, причемъ награжденъ серебряною медалью, съ назначеніемъ ординаторомъ первой госпитальной хирургической клиники. Въ 1869 году, Коломнинъ удостоенъ степени доктора медицины и назначенъ ассистентомъ второй госпитальной хирургической клиники. Въ 1871 году, опредѣленъ приват-доцентомъ медико-хирургической академіи по каѳедрѣ хирургіи. Въ 1872 году, избранъ доцентомъ по каѳедрѣ теоретической хирургіи съ хирургическою госпитальною клиникой въ университетѣ св. Владимира въ Киевѣ. Въ 1876 году, находился въ командировкѣ консультантомъ по хирургіи при Мораво-Тимокской арміи въ Сербіи, а въ 1877 году, консультантомъ Общества Краснаго Креста по хирургіи же, въ тылу дѣйствующей арміи. Въ 1879 году, переведенъ въ императорскую медико-хирургическую академію ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ оперативной хирургіи съ хирургической анатоміей.

Искренно преданный наукѣ, С. П. Коломнинъ отдавалъ ей все свое время не только въ стѣнахъ академіи, но и у себя дома. Обширныя знанія, соединенные съ необычайной ясностью изложенія, всегда привлекали на его лекціи массу слушателей и онъ справедливо считался однимъ изъ выдающихся дѣятелей въ своей специальности. Какъ человѣкъ, онъ пользовался общимъ уваженіемъ за свою рѣдкую доброту, прямодушіе и высокую честность. Неудачный исходъ операций, произведенной имъ въ клиникѣ надъ одной больной, имѣлъ для него роковый послѣдствія. Требовательный и

«Истор. вѣсти.», ДЕКАЕРЬ, 1886 г., т. xxvi.

, 13

строгій къ другимъ, и еще болѣе къ самому себѣ, онъ обвинилъ себя въ смерти оперированной имъ больной и покончилъ жизнь выстрѣломъ изъ револьвера. Въ лицѣ С. П. Коломнина русская наука и общество понесли тяжелую и не скоро вознаградимую утрату.

† 7-го ноября въ Петербургѣ, отъ паралича бывшій министръ народнаго просвѣщенія, почетный членъ академіи наукъ, статсъ-секретарь, членъ государственного совѣта, Александръ Васильевичъ Головинъ. Близкій сотрудникъ великаго князя Константина Николаевича и дѣятелей освобожденія крестьянъ, привланный управлѣніемъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ трудную и смутную эпоху университетскихъ броженій, Головинъ былъ творцомъ университетскаго устава 1863 года и широкую рукою старался водворить у насъ приемы и способы западнаго просвѣщенія, для чего въ небывалыхъ дотолѣ размыслахъ организовалъ отправку за границу молодыхъ ученихъ, поставивъ главою надъ ними Н. И. Пирогова. Не всѣ безъ исключенія отправленные за границу оправдали возложенные на нихъ ожиданія, но никто не рѣшился отрицать въ дѣйствіяхъ покойнаго искреннее желаніе добра и успѣховъ русскому просвѣщенію. Съ живымъ, серѣзнымъ, неустаннымъ интересомъ, относился онъ ко всему, что касалось горячо имъ любимой Россіи, до самыхъ послѣднихъ дней своихъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ цѣльныхъ и искреннихъ западниковъ и умѣлъ соединить утонченную, чрезвычайно рѣдкую и даже вовсе забытую въ наше время вѣжливость съ твердостью взглядовъ и точностью выраженій. Старый лицеистъ X курса, человѣкъ сороковыхъ годовъ, онъ былъ истиннымъ государственнымъ человѣкомъ съ привѣтливыми приемами, сквозь которые всегда проглядывали и рѣдкое, по своей многосторонней солидности, образованіе, и глубина взгляда, за которую чувствовалось теплое чувство, не умѣвшее старѣть; онъ умеръ 66 лѣтъ.

† Въ Москвѣ на 79 году одинъ изъ лучшихъ переводчиковъ Шекспира, Николай Христофоровичъ Кетчеръ. Покойный былъ чуть ли не послѣднимъ оставшимся въ живыхъ представителемъ того литературного кружка сороковыхъ годовъ, въ который входили Грановскій, Бѣлинскій, Кавелинъ, Герценъ и друг. По профессії Кетчеръ былъ медикомъ.

† 21-го октября, въ сельцѣ Черкизовѣ, близъ станціи Сходно Николаевской желѣзной дороги, Сергій Алексѣевичъ Пріклонскій, составившій себѣ известность писателя-публициста, рядомъ серѣзныхъ статей, помѣщавшихся въ московскихъ и петербургскихъ газетахъ, по вопросамъ о внутренней жизни. Покойный родился въ 1846 году въ Москвѣ, где его отецъ былъ священникомъ Ваганьковскаго кладбища. Подъ руководствомъ отца, онъ получилъ первоначальное воспитаніе; затѣмъ поступилъ въ Виленскую семинарію, по окончаніи курса которой поступилъ въ Московскій университетъ, откуда вышелъ по юридическому факультету въ 1869 году. Съ 1869 по 1879 годъ, онъ служилъ по министерству внутреннихъ дѣлъ въ Олонецкой и Владимірской губерніяхъ. За это время, въ бытность свою правителемъ канцеляріи олонецкаго губернатора, онъ раскрылъ массу злоупотребленій въ казенномъ лѣсномъ хохайствѣ, чѣмъ прорѣзъ себѣ много враговъ. Не будучи въ состояніи выносить мелкихъ интригъ и непріятностей, послѣдовавшихъ за раскрытиемъ злоупотребленій, Пріклонскій вышелъ въ 1879 году въ отставку и отдался публицистикѣ, которую началъ въ 1872 году статьею: «Общественные питейные заведенія», помѣщеною въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ 1879 году, въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» имъ былъ помѣщенъ рядъ писемъ изъ Олонецкой губерніи. Съ началомъ изданія газеты «Земство», онъ сталъ ея постояннымъ сотрудникомъ, причемъ вѣль еженедѣльное обозрѣніе всѣхъ выдающихся явлений внутренней жизни, кроме того, рядъ статей по вопросамъ русского внутреннаго быта въ 1881—1882 годахъ помѣстилъ въ «Русской Мысли». Изъ петербургскихъ журналовъ пользовались его сотрудничествомъ газета «Недѣля», где имъ помѣщено очень много разнаго содержанія ста-

тей, журналы «Дѣло» и, въ послѣднее время, «Сѣверный Вѣстникъ». Въ 1884 году, издана имъ книга «Народная жизнь на Сѣверѣ», содержащая его письма изъ Олонецкой губерніи, а въ настоящемъ году вышли отдѣльнымъ изданіемъ статьи, помѣщавшіяся въ «Недѣлѣ», «Земствѣ» и «Русской Мысли», подъ заглавіемъ «Очерки самоуправленія земскаго, городскаго и сельскаго». Погребенъ онъ въ Москвѣ, на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

+ 27-го октября одинъ изъ старѣйшихъ профессоровъ Московскаго университета по каѳедрѣ зоологии, Сергій Алексѣевичъ Усовъ, отъ разрыва сердца, на 59 году. Онъ родился 5-го мая 1827 года, воспитывался дома, потомъ поступилъ въ московскій дворянскій институтъ, затѣмъ въ Московскій университетъ, по отдѣленію естественныхъ наукъ, на физико-математическомъ факультетѣ. На 30-мъ году онъ помѣстилъ нѣсколько небольшихъ статей по зоологии высшихъ позвоночныхъ животныхъ въ издававшемся подъ редакціей Рулье «Вѣстникѣ Естественныхъ Наукъ», а по смерти Рулье былъ и редакторомъ этого журнала. Въ 1858 году, Усовъ началъ принимать дѣятельное участіе въ трудахъ комитета акклиматизаціи животныхъ, гдѣ, послѣ открытия, благодаря его стараніямъ, зоологическаго сада въ Москвѣ, онъ состоялъ предсѣдателемъ. Въ 1862 году, Усовъ сталъ читать лекціи въ Московскому университетѣ, а въ 1865 году, представилъмагистерскую диссертацио, подъ наименіемъ: «Зубръ», одобренную факультетскимъ совѣтомъ; въ 1867 году написалъ докторскую диссертацио, подъ заглавіемъ: «Таксономическія единицы и группы», касавшуюся вопросовъ о видѣ и высшихъ группахъ въ зоологической классификациіи. и получилъ званіе ординарного профессора зоологии эту каѳедру онъ занималъ почти впродолженіе 20 лѣтъ. Въ 1873 году, Усовъ вмѣстѣ съ Л. П. Сабанѣевымъ принялъся за изданіе журнала «Природа и охота», въ которомъ помѣстилъ нѣсколько изслѣдований, между прочимъ. «Сиватерій», «Носорогъ» и проч. Кромѣ того, онъ много работалъ по истории искусствъ, археологии и другимъ общеобразовательнымъ предметамъ. Въ послѣднее время, его много занималъ вопросъ о древнѣйшей архитектурѣ русскихъ церквей. Въ Московскому университетѣ Усовъ пользовался значительнымъ вліяніемъ между своими коллегами, подчинявшимися силѣ его убѣжденія и энергіи его доводовъ. Онъ горячо стоялъ за университетское самоуправление, въ которомъ, не занимая офиціальной роли, былъ, однако, однимъ изъ главныхъ руководителей почты до самаго введенія нового университетскаго устава. Его любили, какъ хорошаго товарища, живо интересовавшагося всѣмъ, что касается университета и своихъ коллегъ; его мнѣніемъ придавали значеніе, въ виду ихъ независимости, убѣдительности и отсутствія личнаго интереса...

+ 8-го октября 1886 года членъ виленской археографической комиссіи Семенъ Вуноловичъ Шолковичъ. Происхода отъ древняго дворянскаго рода Шолковичей, предки которыхъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ вели съ поляками борьбу за православную вѣру и русскую народность, покойный родился 3-го мая 1840 года въ селѣ Тонѣшахъ, Мозырскаго уѣзда. Минской губерніи, и какъ сынъ православнаго священника получилъ образованіе въ минской духовной семинаріи, а потомъ въ Кіевскомъ университетѣ, изъ котораго вышелъ въ 1863 году со степенью кандидата. Въ томъ же году С. В. Шолковичъ былъ назначенъ учителемъ русскаго языка и словесности въ виленской дворянскій институтъ; съ преобразованіемъ же института въ реальнуу прогимназию, а потомъ (въ 1868 году) въ реальное училище, онъ продолжалъ свое педагогическое поприще въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ до конца жизни, посвятивъ такимъ образомъ великому дѣлу воспитанія около четверти вѣка. Съ самаго начала своей службы покойный посвящалъ свои досуги литературнымъ занятіямъ сперва въ скромной роли сотрудника мѣстнаго органа—«Виленскій Вѣстникъ», и корреспондента «Московскихъ Вѣдомостей» и газеты «День», а потомъ самостоятельными работами, изъ кото-

рыхъ первымъ его трудомъ было изслѣдованіе «О тайныхъ обществахъ въ польскихъ школахъ Западнаго края». Занятія этого рода принесли покойному иѣкоторое испытаніе, такъ какъ въ административныхъ сферахъ Виленскаго края было время, когда публицистическая дѣятельность подвергалась запрету и полному осужденію, но со вступленіемъ въ управлениѣ краевъ М. Н. Муравьевъ Шолковичъ былъ избавленъ отъ серьезныхъ непріятностей. Въ 1870 году, покойный былъ назначенъ членомъ виленской археографической комиссии, получивъ такимъ образомъ возможность заняться историческими изслѣдованіями. Съ любовью и необычайнымъ трудолюбіемъ производя разборку и изданіе историческихъ документовъ, Шолковичъ, между прочимъ, принималъ участіе въ составленіи сборника палеографическихъ снимковъ древнихъ гравюръ и актовъ, хранящихся въ виленскомъ центральномъ архивѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ участвовалъ въ «Литовскихъ Епархиальныхъ Вѣдомостяхъ», написалъ весьма основательный разборъ III-го тома «Живописной Россіи», изданія Вольфа, посвященнаго Литвѣ и Бѣлоруссіи,—разборъ, показавшій въ истинномъ свѣтѣ это полонофильское произведеніе (см. библиографическую замѣтку въ «Историческомъ Вѣстникѣ», т. XVI, стр. 431) и составилъ «Сборникъ статей, разъясняющихъ польское дѣло по отношенію къ Западной Россіи» (см. «Исторический Вѣстникъ», т. XXIII, стр. 470), второй выпускъ которого былъ оконченъ покойнымъ лишь на половину. Къ числу болѣе солидныхъ учено-литературныхъ трудовъ его слѣдуетъ отнести монографію: «О границахъ польской короны и великаго княжества Литовско-Русскаго». Этотъ кропотливый трудъ, составленный по граничному журналу 1546 года, былъ напечатанъ въ VIII выпускѣ «Памятниковъ русской старинѣ въ западныхъ губерніяхъ», изд. П. Н. Батюшковымъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу замѣтки «Историческая могила».

Въ сентябрской книжкѣ «Исторического Вѣстника», г. Е. С., сообщая иѣсколько свѣдѣній (давно извѣстныхъ уже мнѣ, какъ исторіографу своего рода) о пребываніи и кончинѣ князя Василія Васильевича (Великаго) Голицына въ Архангельской губерніи, заканчиваетъ свою замѣтку словами: «Въ настоящее время, на различныхъ ступеняхъ государственного служенія подвигается немало представителей именитой фамиліи Голицыныхъ. Потомкамъ Василья Васильевича не худо было бы почтить память своего знаменитаго прадѣда сооруженіемъ памятника надъ его могилою».

Этотъ косвенный упрекъ относится не къ однимъ потомкамъ князя Василья Васильевича, даже не къ представителямъ какого либо одного рода нашего боярства и знати, но къ большинству ихъ, чуть ли не ко всѣмъ...

Дѣйствительно, гробницы нашихъ предковъ—въ небреженіи, даже многихъ изъ тѣхъ, коихъ память живетъ между нами «съ похвалами». Не желая защищать нашего равнодушія, часто сказывающагося не только къ бреннымъ остаткамъ родичей, но даже къ ихъ дѣяніямъ и судьbamъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ печальному состояніи гробницъ и надгробныхъ камней нашихъ «прадѣдовъ» отчасти виноваты и тѣ церкви и монастыри (особенно послѣдніе), которые часто щедро и очень щедро¹⁾ награждались знаме-

¹⁾ Это не можетъ, впрочемъ, относиться къ Красногорскому монастырю, ибо князь Василій Васильевичъ умеръ въ бѣдности и изгнаніи.

нитымъ предкомъ при жизни его, или по завѣщанію, въ надеждѣ, что братія будетъ постоянно совершать ежегодныя поминанія, блюсти и охранять могилу. Время идетъ; въ первые годы, молились, безъ сомнѣнія, о щедромъ и знатномъ «боляринѣ», родъ еще не размножался, было кому смотрѣть за исправностью памятника, къ тому же, въ началѣ, вовсе не требовало ремонта; но затѣмъ родъ дробится, потомки множатся... Кому охранять памятникъ? Чья это обязанность? Монастырское начальство не прилагаетъ стараний даже о самомъ ничтожномъ, необходимомъ ремонте. Оно тоже не трудится навести справки о ближайшихъ потомкахъ (что не представляло бы затрудненій, ибо это можно даже дѣлать путемъ печати), и камень, плита, надпись, памятникъ, представляющій даже иногда художественную цѣнность, ломится въ прахъ, и самъ собою напоминаетъ тщету и непрочность всего земнаго, даже массивныхъ каменныхъ глыбъ, прикрывающихъ прахъ предковъ, для увѣковѣченія ихъ памяти.

Равнодушіе духовенства, церквей и монастырей къ нашимъ семейнымъ гробницамъ часто невѣроятно.

Князь М. А. Оболенскій, предки коего внесли когда-то щедрые вклады въ одинъ изъ первоклассныхъ монастырей московскихъ (Симоновъ или Донской?), посѣтилъ однажды родовое кладбище, на которомъ съ трудомъ нашелъ слѣды могильныхъ памятниковъ и надгробныхъ камней своего рода, только одно запустѣніе! Впечатлѣніе, которое онъ вынесъ, не послужило на пользу духовенству.

Въ половинѣ 1870-хъ годовъ, послѣ его кончины, единственная его наследница ни за что не согласилась ни продать, ни подарить въ собственность духовному вѣдомству небольшую дачу, занимаемую издавна православными архіереями (въ Подольской губерніи), построеннюю на землѣ, безспорно принадлежавшей ея отцу, а потомъ ей.

Мы слышали сами отъ нея разсказъ о негодованіи кн. Михаила Андреевича на монастырское духовенство, на неблагодарность послѣдняго, и что поэтому именно она не желаетъ дѣлать вкладовъ на пользу чернаго духовенства.

А вотъ и другой примѣръ: въ слободѣ Мстѣрѣ, Вязниковскаго уѣзда, подъ мѣстною церковью, находится семейная усыпальница князей Ромодановскихъ. Двѣнадцать гробницъ стоятъ рядомъ, но признаки надписей сохранились только на двухъ плитахъ. Кто эти усопшіе? Покоится ли между ними прахъ князя-кесаря? И кто виноватъ въ этомъ запустѣніи и забвѣніи? Потомки или причѣ мѣстной церкви, построенной и обеспеченней этими забытыми предками?..

Примѣры приводить, впрочемъ, излишне. Напротивъ, охраненіе и исправность памятниковъ скорѣе составляютъ у насъ исключеніе. Въ лучшихъ условіяхъ находятся лишь тѣ памятники, которые устроены внутри самыхъ церквей, подъ постояннымъ и какъ бы невольнымъ наблюденіемъ и контролемъ молящихся и церковнаго причта. Памятники Безбородко въ Александро-Невской, Румянцева—въ Киево-Печерской лаврѣ, а также могильные плиты и надписи многихъ князей Голицыныхъ, покоящихся въ церкви и приделахъ московскаго Богоявленскаго монастыря, безъ сомнѣнія, всегда будутъ въ цѣлости и сохранности.

Но теперь дѣло идетъ о могилѣ великаго боярина, окончившаго жизнь далеко, въ ссылкѣ, среди дикой, полярной природы, въ снѣжныхъ, безлюдныхъ пустыняхъ. Тутъ еще понятнѣе,—какимъ образомъ могила его могла прійтти, втеченіе 172 лѣтъ, въ запустѣніе и раззореніе.

Есть еще иные причины, затрудняющія поддержку памятниковъ предковъ, особенно, когда они умирали далеко или въ ссылкѣ. Сколько трудовъ стоило князю Александру Сергеевичу Меншикову розысканіе праха князя Александра Даниловича въ Березовѣ! А о князѣ Васильѣ Васильевичѣ ошибочно, въ добавокъ, сообщалось до сихъ поръ, будто онъ умеръ въ Холмогорахъ: такъ гласили всѣ наши печатные источники¹⁾. Раастоянія далекія, въ старину были и дебри, трудно проходимыя, мѣстныхъ рабочихъ нѣть, надо везти памятникъ изъ Петера или Москвы, Ѳздить присматривать, хлопотать у разныхъ начальствъ и проч.

Наконецъ, еще причина: постановка такихъ памятниковъ не легка и не дешева, а всѣмъ извѣстно современное дворянское оскудѣніе...

Но, не смотря на это оскудѣніе, полагаемъ, что не одни прямые потомки князя Васильѣ Васильевича съ удовольствіемъ внесли бы свой вкладъ на это семейное дѣло. Потомки его (принадлежавшаго къ старшей линії князей Голицыныхъ—Васильевичамъ) составляютъ весьма немногочисленную семью (человѣкъ 6—8), не занимающую видного положенія на государственной службѣ. Это его пра-пра-пра-правнуки, или шестое отъ него колѣно. Всѣ остальные князья Голицыны принадлежать къ 3-й и 4-й линіямъ (Алексѣевичамъ и Михайловичамъ), но все же они составляютъ одинъ родъ, который поистинѣ можетъ гордиться славнымъ именемъ и историческою личностью ближняго боярина князя Василія Васильевича.

Желая смягчить рѣзкость косвенного упрека, дѣлаемаго г. Е. С., мы вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшимъ заявить и полное одобреніе его мысли—возобновить или даже поставить новый памятникъ въ Красногорскомъ монастырѣ. Пожертвованія могли бы, впредь до накопленія достаточной суммы для выполненія заказа или ремонтной только работы, съ разрѣшеніемъ настоятеля монастыря (съ которымъ, я уже состоялъ въ перепискѣ), сосредоточиваться на мѣстѣ, у казначея братіи (въ Красногорскій монастырь, чрезъ г. Пинегу). Срокъ подписки слѣдовало бы назначить двухлѣтній. Веденіе этого дѣла я готовъ принять на себя. Желательно, чтобы главнѣйшая периодическая изданія перепечатали настоящее приглашеніе для оповѣщенія большинства князей Голицыныхъ, читающихъ газеты. Для сношеній со мною, прилагаю и свой адресъ: Петербургъ, Николаевская, 50.

Князь Н. Н. Голицынъ.

Въ защиту «Предсмертнаго увѣщанія В. Н. Татищева сыну».

Къ 200-лѣтнему юбилею В. Н. Татищева, отпразднованному минувшаго 19 апрѣля 1886 года, мы помѣстили въ апрѣльской книжѣ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія» крайне интересное «Предсмертное увѣщаніе Татищева сыну», доселѣ неизвѣстное, открытое нами, въ рукописи XVIII вѣка, въ г. Соликамскѣй Пермской губерніи года три тому назадъ. Въ этой, рукописи «Увѣщаніе» помѣщено послѣ «Духовной» того же В. Н. Татищева. Для характеристики Татищева это «Увѣщаніе», сказанное предъ смертью отцемъ сыну (Евграфу Васильевичу Татищеву), служить очень важнымъ источникомъ. Записано оно неизвѣстнымъ лицомъ, несомнѣнно бывшимъ сви-

¹⁾ Онъ скончался съ селѣ Кологорахъ, подъ гор. Пинегою. Въ селѣ этомъ у него былъ собственный домъ. (См. мои «Материалы для полной родословной росписи князей Голицыныхъ», Киевъ, 1880, 4°, стр. 11-я).

дѣтелемъ кончины Татищева, и, нужно сказать, записано тщательно, со всей возможной полнотой. Больѣе подробная библіографическая свѣдѣнія объ этомъ памятникѣ приведены нами въ замѣткѣ предъ текстомъ самого «Увѣщанія» въ указанной книгѣ «Журнала мин. нар. просвѣщенія».

Какъ было когда-то съ «Духовной» В. Н. Татищева, на этотъ интересный памятникъ, при его появленіи въ печати, обращено было мало вниманія и, сколько намъ извѣстно, только казанскіе ученые, чествуя юбилей Татищева, оцѣнили его по достоинству. Мало того, «Увѣщаніе» даже не удостоилось внимательного прочтенія такихъ лицъ, отъ которыхъ менѣе всего можно было бы ожидать подобнаго равнодушія къ интересной научной находкѣ и которымъ такое равнодушіе менѣе всего простительно.

Въ подтвержденіе сказанного укажемъ на ученую рѣчь о Татищевѣ извѣстнаго его біографа Нила Ал. Попова. Эта рѣчь была произнесена въ торжественномъ собраниі императорской академіи наукъ въ день юбилея Татищева 19 апрѣля 1886 года и затѣмъ напечатана въ іюньской книгѣ «Журнала минист. народн. просв.» подъ заглавіемъ: «Ученые и литературные труды В. Н. Татищева». Въ концѣ этой рѣчи, упомянувъ о смерти Татищева, послѣдовавшей 15 іюля 1750 года, почтенный ученый счѣлъ нужнымъ сдѣлать подстрочное примѣчаніе относительно открытаго нами «Увѣщанія». Въ виду его краткости, приведемъ его сполна. «Въ общемъ, — говорить г. Поповъ, — «Увѣщаніе» не противорѣчитъ характеру и убѣждевіямъ Татищева, но кидается въ глаза разногласіе между показаніями записавшаго будто бы на память это увѣщаніе: сперва говорится, что Татищевъ скончался во время соборованія при чтеніи седьмаго евангелія, а потомъ говорится, что онъ умеръ при послѣднихъ словахъ сказанного имъ, довольно длиннаго для умирающаго человѣка, увѣщанія. Еще страннѣе, — продолжаетъ г. Поповъ, — что Татищевъ, говоря съ сыномъ при его женѣ и сынѣ, нашелъ будто бы нужнымъ дать ему совѣтъ и на случай смерти присутствовавшей тутъ же этой самой жены! О присутствіи при этомъ другихъ лицъ, въ томъ числѣ и записавшаго увѣщаніе, не сказано»¹⁾.

Прочитавъ эту коротенькую замѣтку, мы были немало удивлены ею, такъ какъ съ одной стороны она приписываетъ «Увѣщанію» то, чего въ немъ вовсе нѣтъ, а съ другой, при всей своей краткости, содержитъ въ себѣ именно такое же логическое противорѣчіе, какимъ она попрекаетъ «Увѣщаніе».

Въ предсмертномъ увѣщаніи Татищева нигдѣ не говорится, что онъ умеръ при чтеніи седьмаго евангелія. Эти слова мы привели изъ воспоминаній Благово, основанныхъ на разсказахъ внука В. Н. Татищева, Ростислава Евграфовича (который, замѣтимъ кстати, при смерти дѣда былъ еще отрокомъ), и перепечатанныхъ самимъ же г. Поповымъ въ его книгѣ: «Татищевъ и его время» (М., 1861 г., стр. 528—529). Нынѣ г. Поповъ увидѣлъ ихъ въ «Увѣщаніи» только потому, что не прочиталъ внимательно всей нашей статьи объ этомъ памятникѣ. На самомъ же дѣлѣ никакого внутренняго противорѣчія въ «Увѣщаніи» нѣтъ, и удивленіе г. Попова есть критический промахъ, плодъ его недостаточнаго вниманія къ памятнику.

Во второй половинѣ своей категорической замѣтки г. Поповъ выражаетъ еще большее удивленіе тому, что умирающій отецъ, «говоря съ сыномъ при его женѣ и сынѣ, нашелъ будто бы нужнымъ дать ему совѣтъ и на

¹⁾) «Журн. м. н. п.», 1886 г., іюнь, примѣчаніе на страницы 247 и 248.

случай смерти присутствовавшей тутъ же этой самой жены». Мы, съ своей стороны, удивляемся тому, что г. Поповъ и тутъ показанія записокъ Благово смышиваетъ съ показаніями вновь открытаго памятника, изъ кото-
рого вовсе не видно, что бы при смерти В. Н. Татищева, кромѣ его сына, присутствовала и жена послѣдняго, какъ говорится о томъ у Благово. Предь «Увѣщаніемъ» въ нашей рукописи помѣщено письмо неизвѣстнаго очевидца смерти Татищева къ неизвѣстному же лицу; это письмо заканчи-
вается словами: «Завѣщаніе сіе, по призваніи имъ своего сына, было слѣдующаго содержанія»... (следуетъ текстъ памятника). О невѣсткѣ В. Н. Татищева, какъ видимъ, не упомянуто. Позади текста «Увѣщанія» тотъ же очевидецъ кончины Татищева замѣчаетъ: «Тогда (т. е. по окончаніи увѣщанія) далъ онъ знакъ, чтобы сынъ къ нему подошелъ и, положа руку свою на него, благословлялъ его такъ» (приводятся подлинныя слова умира-
ющаго). О невѣсткѣ Татищева опять ни слова! Между тѣмъ, если бы она присутствовала у одра умирающаго, то послѣдній несомнѣнно благословилъ бы сына и жену его вмѣстѣ. Такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ г. Поповъ опять смышиваетъ показанія совершенно разныхъ источниковъ и слишкомъ преждевременно и неосновательно выражаетъ свое удивленіе, за-
ставляя тѣмъ самымъ и другихъ удивляться. Другой вопросъ, конечно,—
который изъ этихъ источниковъ достовѣрнѣе?

Все вышесказанное приводить нась къ убѣжденію въ томъ, какъ по-
верхностно взглянуль на вновь открытый памятникъ лучшій знатокъ био-
графіи В. Н. Татищева. Заявленіе весьма авторитетнаго въ этомъ вопросѣ
лица легко можетъ быть принято на вѣру другими, и ошибки одного лица
будуть повторяться много разъ. Между тѣмъ самый памятникъ, какъ видѣть
читатель, вовсе не заслуживаетъ столь пренебрежительнаго къ нему отно-
шенія. Напротивъ, для характеристики В. Н. Татищева это очень важный
источникъ, вовсе не достойный того, чтобы его постигла судьба «Духовной»
Татищева, которая, какъ извѣстно, долго была предана совершенному забве-
нію, пока извѣстный биографъ Татищева, профессоръ К. Н. Бестужевъ-Рю-
минъ, въ 1855 году, не указалъ на принадлежность Татищеву сочиненія, напе-
чатанаго въ 1855 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ», какъ новое, будто бы
неизвѣстное дотолѣ «Завѣщаніе помѣщика сыну».

Съ цѣлью вызвать большее вниманіе къ «Увѣщанію» В. Н. Татищева
мы и написали настоящую критическую замѣтку. Это вниманіе особенно
необходимо именно теперь, въ виду предпринятаго нашей академіей наукъ
полнаго изданія всѣхъ сочиненій В. Н. Татищева.

Александръ Дмитріевъ.

Въ ноябрской книжкѣ «Исторического Вѣстника», въ статьѣ В. В. Стасова: «Пятидесятилѣтие оперы «Жизнь за царя», стр. 367, при печатаніи пе-
реставлены, по ошибкѣ, ноты, а именно: 2-я тема («Какъ мать убили» и т. д.)
должна стоять подъ текстомъ: «Правая боковая сторона: нальво три темы
изъ «Жизни за царя», а поставленная подъ этимъ текстомъ тема («Лель таин-
ственный!»... и т. д.) подъ текстомъ: «Направо—три темы изъ «Руслана».

ОБЗОРЪ

ЖИЗНИ И ТРУДОВЪ

ПОКОЙНЫХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

Д. Д. ЯЗЫКОВА

Что люди? Что ихъ жизнь и трудъ?
Они прошли, они пройдутъ!
Надежда есть: ждеть правый судъ...

Лермонтовъ.

ВЫПУСКЪ ТРЕТИЙ

Русские писатели, умершие въ 1883 году

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФИЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., д. 11—2

1886

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 Декабря 1886 г.

Издавая третій выпускъ своего труда, считаемъ долгомъ поблагодарить нѣсколькихъ лицъ (Н. Бахтина изъ Киева, проф. Н. Ковалевскаго изъ Казани, И. Сережпутовскаго изъ Петербурга и Н... изъ Москвы), приславшихъ или прямо по нашему адресу, или чрезъ редакцію «Исторического Вѣстника», дополненія и поправки къ «Обзору жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей». Эти сообщенія, въ связи съ новыми материалами, какіе собраны и нами, позволяютъ дополнить или исправить свѣдѣнія о слѣдующихъ покойныхъ авторахъ, названныхъ въ первомъ выпускѣ нашего труда:

Антроповъ, Л. Н.—Имъ доставлены въ копіи «Записки Г. И. Добрынина» для помѣщенія въ «Русской Старинѣ» (1871 г., т. III и IV).

Безобразова, Е. Д.—Она родилась въ 1836 году и подъ псевдонимомъ «Tatjana Svetoff» помѣстила статью: «Il romanziere russo Giovanni Turgenev» (La Rivista Europea, 1869 г., vol. I). Эта же писательница, подъ другимъ псевдонимомъ: «Е. Васильевская», напечатала: «Отдыхъ, два рассказа для дѣтей» (Спб., 1874 г.; второе изданіе: Спб., 1884 г.).

Васильчиковъ, князь, А. И.—Ему принадлежатъ: «Две замѣтки на статью Н. В. Берга о князѣ М. Д. Горчаковѣ» (Русск. Стар., 1880 г., т. XXIX; 1881 г., т. XXX) и «Отвѣтъ псковскаго помѣщика на записку псковскаго губернатора» (тамъ же, 1881 г., т. XXX).

Григорьевъ, В. В.—Онъ напечаталъ статью: «Русская политика въ отношеніи къ Средней Азии» (Сборникъ государственныхъ знаній, издани. подъ редакціей В. П. Безобразова, Спб., 1874 г., т. I).

Достоевскій, Ф. М.—Нами не упомянуты его произведенія: «Ползунковъ», разсказъ (Иллюстрированн. Альманахъ, издани. И. Панаевымъ и Н. Некрасовымъ, Спб., 1848 г., стр. 50—64), «Письмо къ издателю Русского Вѣстника» (Русск. Вѣсти, 1879 г., кн. 12) и «Изъ записной книжки» (Русск. Богатство, 1883 г., кн. 1).—Кромѣ того, уже послѣ напечатанія нашего труда, вышли въ 1886 году отдѣльными брошюрами слѣдующія извлеченія изъ «Братьевъ Карамазовыхъ» и «Записокъ изъ Мертваго дома»: «Вѣрующія бабы», «Лѣтняя пора» и «Представленіе».—Наконецъ, названные нами материалы для біографіи Ф. М. можемъ пополнить указаніями на слѣдующія изданія: «Огонекъ», 1879 г., № 2; «Всемірная Иллюстрація», 1881 г., № 6; «Отечеств. Записки», 1884 г., кн. 1; «Русск.

Старина», 1885 г., кн. 9, стр. 511—520; кн. 10, стр. 220; «Эпоха», 1886 г., кн. 1, стр. 125—132; «Историко-критический комментарий къ сочиненіямъ О. М. Достоевскаго», В. Зелинского (М., 1886 г., часть третья).

Заблоцкій-Десятовскій, А. П.—Онъ сообщилъ: «Планъ исторіи е. и. в. славно царствующей наѣдь нами императрицы Екатерины II-й, сочиненіе князя М. М. Щербатова» (Русск. Старина, 1870 г., т. I), «Письмо къ вельможамъ, правителямъ государства, около 1787 года, сочиненіе князя М. М. Щербатова» (тамъ же, 1872 г., т. V), «Донесеніе министру государственныхъ имуществъ о встрѣчѣ кадета съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ» (тамъ же, 1870 г., т. II), «Цѣна на людей въ 1853 году» (тамъ же, 1871 г., т. IV) и «Снимокъ съ письма Н. В. Гоголя» (тамъ же, 1879 г., т. XXIV).—О самомъ А. П. появилось новое свѣдѣніе въ «Русской Мысли» (1886 г., кн. 12, стр. 624—625).

Ишимова, А. И.—Къ ея трудамъ необходимо добавить: «Императрица Марія Феодоровна» (Современникъ, 1840 г., т. XX), «Іоаннъ — Амвросій Розенштраухъ, лютеранскій пасторъ въ Харьковѣ», перев. съ нѣмецкаго (Спб., 1847 г.), «Кончака, царевна татарская» (Спб., 1847 г.) и «Разсказы тети», сочиненіе миссъ Мекинтошъ, перев. съ англійскаго (Спб., 1851 г.).

Кесслеръ, К. Ф.—О немъ: «Біографіческій словарь профессоровъ и преподавателей имп. университета св. Владимира» (Кievъ, 1884 г., стр. 238—252). Въ этомъ «Словарѣ» значительно дополнены или исправлены наши указанія на труды К. Ф. Кесслера.

Колосовъ, М. А.—Его «Старославянская грамматика» вышла четырнадцатымъ изданіемъ (Варшава, 1885 г.).

Котляревскій, А. А.—О немъ подробная свѣдѣнія находятся въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей имп. университета св. Владимира» (Кievъ, 1884 г., стр. 303—325).

Кугушевъ, князъ, Ф. В.—Онъ родился въ 1851 году и нерѣдко писалъ подъ псевдонимомъ: «Бѣляевъ».

Лешковъ, В. Н.—Ему принадлежать еще слѣдующіе труды: «О литературной собственности, рассматриваемой съ точки зренія народного права» (Юридическ. Записки, изданн. П. Рѣдкинымъ, М., 1841 г., томъ 1), «Взглядъ на состояніе права иностранцевъ по началамъ европейскаго народного права вообще и въ особенности по законамъ отечественнымъ» (тамъ же, М., 1842 г., т. II), «Рецензія на изданіе: Памятная книга законовъ для чиновъ городской полиції» (Русск. Вѣсти, 1856 г., кн. 12) и «О мѣрахъ противъ воровства, грабежа и другихъ нарушеній личной и имущественной безопасности» (Зритель, 1862 г., № 1—4).—О немъ теперь напечатаны «Воспоминанія А. Н. Асанасьева» (Русск. Старина, 1886 г., кн. 8, стр. 388—389).

Мизко, Н. Д.—Переводы изъ Шевченка, помѣщенные въ газетѣ «Донъ» (1870 г., № 17), принадлежать какому-то Анатолію Икарскому; переводъ же Н. Д. Мизко напечатанъ въ той же газетѣ, но позднѣе (1871 г., № 61—63).

Миллеръ, Ф. Б.—Нами пропущены его переводы: «Дочь короля Рене», лирическая драма Генриха Гертца (Русск. Вѣсти, 1883 г., кн. 2), а также не указано, что «Графиня» и «Сикстъ V» вышли отдѣльными изданіями (М., 1870 и 1871 г.).

Морозовъ, П. Т.—Онъ издалъ, вмѣстѣ съ проф. М. П. Розбергомъ, «Одесскій Альманахъ на 1831 годъ» (Одесса, 1831 г.).

Павловскій, И. Д.—Имъ напечатаны слѣдующія статьи: «Историкъ Малороссіи Н. А. Маркевичъ, другъ М. И. Глинки» (Русск. Старина, 1874 г., т. X), «Графъ Карль Осиповичъ Ламбертъ въ селѣ Циглеровкѣ» (тамъ же, т. XI), «Кириллъ Флоринскій, епископъ сѣверскій» (тамъ же, 1876 г., т. XVI), «Поправка къ Запискамъ А. С. Стурдзы» (тамъ же, 1876 г., т. XVII), «Описаніе Московіи при реляціяхъ Гр. Карлейля» (Историческ. Библіотека, 1879 г., кн. 5), «Архимандритъ Гавріилъ» (Русск. Старина, 1879 г., т. XXVI), «Ириней Несторовичъ, архіепископъ иркутскій» (тамъ же, 1879 г., т. XXVI; 1880 г., т. XXVIII), «Объ орденѣ св. Станислава у духовныхъ лицъ православнаго исповѣданія» (тамъ же, 1883 г., т. XXXIX), «Письмо о смерти князя Безбородко» (тамъ же) и «Преслѣдованіе свѣтской одежды въ духовномъ вѣдомствѣ» (тамъ же, 1883 г., т. XL).

Пироговъ, Н. И.—О немъ: Русск. Мысль, 1885 г., кн. 8, стр. 62—70; Русск. Старина, 1886 г., кн. 5, стр. 439.—Кромѣ того, его «Записки» вышли отдельно подъ заглавиемъ: «Вопросы жизни, дневникъ старого врача» (Спб., 1885 г., 464 стр.).

Писемскій, А. Ф.—Нами не указано отдельное изданіе повѣсти: «Тюфякъ» (М., 1850 г.), и пропущено: «Письмо по поводу сочиненій Панаева» (Время, 1861 г., кн. 1). Теперь вышло еще «Полное собраніе сочиненій А. Ф. Писемскаго», куда вошли многія не изданныя и не бывшія до сихъ поръ въ печати его произведения, съ портретомъ автора и біографіей, составленной П. В. Анненковымъ (Спб., 1884—1886 г., двадцать томовъ).—О самомъ Писемскомъ см. «Историческ. Вѣстникъ», 1885 г., кн. 11, стр. 419—421.

Резенеръ, Ф. Ф.—Имъ напечатаны слѣдующія статьи въ журналахъ «Учитель» (1866 г.): «Высший принципъ педагогики», «Явленія школьнай жизни», «О значеніи привычки въ воспитаніи вниманія и прилежанія», «Классическое и реальное образованіе», «Смысьлъ русскихъ предлоговъ» и «Смысьлъ русскихъ предложныхъ глаголовъ».

Ризниковъ, А. И.—Онъ помѣстилъ въ «Подсѣжникѣ» слѣдующія произведения: «Жизнь и приключения Баньки-Кота съ минуты вступленія на корабль до конца жизни» (1858 г., кн. 10), «Пижонъ и Тифонъ» (1859 г., кн. 5 и 6) и «Бѣлка» (1860 г., кн. 6).

Романовскій, Д. И.—Не названа его статья: «Князь М. С. Воронцовъ и князь А. И. Баратинскій» (Русск. Старина, 1881 г., кн. 4).

Романовъ, И. К.—Его «Уроки церковной истории» вышли вторымъ изданіемъ (Спб., 1885 г., 217 стр.).

Толстой, Ф. М.—Пропущены его статьи, напечатанныя въ «Русской Старинѣ»: «Воспоминанія по поводу Записокъ М. И. Глинки» (1871 г., т. III), «О потомкахъ князя М. И. Голенищева-Кутузова» (1872 г., т. V) и «Александръ Николаевичъ Сѣровъ» (1874 г., т. IX).

Щербининъ, М. П.—Его статьи въ «Русской Старинѣ»: «Замѣтка по поводу разсказа о дѣлѣ флигель-адъютанта Копьевъ» (1873 г., т. VII), «Характеристика князя А. В. Суворова» (1875 г., т. XIII) и «Князь А. А. Суворовъ» (1876 г., т. XV).

Съ другой стороны, наши собственные розысканія и замѣчанія, присланныя отъ названныхъ выше лицъ, дополняютъ или исправляютъ свѣдѣнія о слѣдующихъ писателяхъ, указанныхъ во второмъ выпускѣ «Обзора»:

Басистовъ, П. Е. — Его критическія статьи помѣщались въ «Журналѣ для воспитанія», какъ, напримѣръ, «О сочиненіи Гута: Мысли о нравственномъ воспитаніи», (1857 г., т. III), «Разборъ грамматики Кусовникова» (1858 г., т. III), «Рецензія труда Примѣрова: Уроки изъ русской грамматики» (1858 г., т. IV), «Критика на сочиненіе Массе: О физическомъ воспитаніи дѣтей» (1858 г., т. V), «О сочиненіи Констанжогло: Современный человѣкъ» (1859 г., т. V) и «Рецензія Исторіи Московской практической академіи» (1860 г., т. II). — О самомъ Басистовѣ см. издание: «Историческая записка о 50-лѣтіи московской 2-й гимназіи (М., 1865 г., стр. 255 и 289—290).

Богдановичъ, М. И. — Пропущены слѣдующіе его труды: «Эрцгерцогъ Карлъ, какъ полководецъ и какъ военный писатель» (Военн. Журналъ, 1847 г., кн. 2), «Описаніе походовъ графа Радецкаго въ Италію» (тамъ же, 1849 г., кн. 5). — Отдельное изданіе: Спб., 1849 г.), «Очеркъ Венгерской войны 1848—1849 годовъ», перев. съ нѣмецкаго (Спб., 1850 г., вмѣстѣ съ подполковникомъ Лебедевымъ), «Королевство Вестфальское и разрушение его генералъ-адъютантомъ Чернышевымъ», сочиненіе Ф. А. К. фонъ-Шнекта, перев. съ нѣмецкаго (Спб., 1852 г., вмѣстѣ съ капитаномъ Казнаковымъ), «Оборона Пскова 1581—1582 г.» (Военн. Журналъ, 1854 г., кн. 5), «Объ изученіи военной исторія» (тамъ же, 1855 г., кн. 3), «Смотръ при Верты 1815 г.» (тамъ же, 1865 г., кн. 8) и «Севастополь-Константинополь» (Вѣстн. Евр., 1874 г., кн. 10). — Кроме того, нами не названы статьи и замѣтки, помѣщенные въ «Русской Старинѣ». Всѣ онѣ указаны въ «Систематической Росписи» къ названному журналу (Спб., 1885 г., стр. 254).

Бутаковъ, Г. И. — Ему принадлежитъ статья «Пароходъ Владиміръ при штурмѣ Севастополя 27-го августа 1855 года» (Русск. Старина, 1876 г., т. XVI).

Бѣлецкій, Н. Ф. — Имъ напечатаны: «Матеріалы для физіологіи глаза птицъ» (съ тремя таблицами чертежей), «Результаты измѣреній объема дыхательной полости утки», «Соображенія о причинѣ движенія протоплазмы животныхъ клѣтокъ», «Къ вопросу о физіологической роли воздушныхъ мѣшковъ у птицъ», «Критическая замѣтка по поводу изслѣдований Tregel'я о зависимости высоты мускульного сокращенія отъ силы раздраживающаго электрическаго тока», «Выдѣленіе углекислоты коченѣющимъ мускуломъ», «О движеніяхъ ноги и створокъ раковины у нашихъ Unio» (съ таблицею рисунковъ), «Пневматическая изслѣдованія надъ мѣдянницей» (съ тремя таблицами), «Къ вопросу о причинѣ арпоѣ (съ таблицею чертежей), «Физіологическая замѣтка объ исполнинской саламандрѣ» (съ таблицею чертежей) и «Физіология воздушного пузыря рыбъ» (съ таблицею рисунковъ). Всѣ эти труды изданы «Обществомъ испытателей природы при имп. Харьковскомъ университѣтѣ».

Воронцовъ, князь, С. М. — Теперь вышло продолженіе изданія, начатаго на его средства: тридцать первая и тридцать вторая книги «Архива князя Воронцова» (М., 1886 г.).

Делленъ, А. К.—Нами не указаны слѣдующіе его труды: «De vita Livil Andronici dissertatio» (Dorp., 1838 г., магистерская диссертаци), «О наблюденіи надъ солнечнымъ затменіемъ въ Киевѣ въ 1851 году» (въ брошюре: «Наблюденія надъ затменіемъ солнца, бывшимъ $\frac{10}{11}$ іюля 1851 года», Киевъ, 1852 г., стр. 73—78), «Kurze Nachrichten über die evangelisch-lutherische Gemeinde in Kiew von ihrem Entstehen an bis auf den heutigen Tag» (Inland, 1857 г. и отдельно), «Kurzgefasste Geschichte und heutiger Standpunkt der Mnemonik» (тамъ же, 1859 г., № 28—31 и отдельно), «Der erste Unterricht» (Dorp., 1865 г.), «Prooemium, quo scholas suas de historia litterarum Universitate Charcoviensi habendas» (Charcov, 1869 г.), «Doctrinae metricae summarium» (Petropoli, 1876 г.) и «О Харьковской протестантской общинѣ» (Харьковъ, 1880 г.).—Болѣе полныя свѣдѣнія о Делленѣ помѣщены въ «Биографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей имп. университета св. Владимира» (Кievъ, 1884 г., стр. 175—179).

Заблоцкій Десятовскій, П. П.—Его труды, не упомянутые нами: «Описание особенного вида паховой грыжи» (Спб., 1844 г.), «Очеркъ исторіи патологической анатоміи» (Спб., 1844 г.), «О мѣдныхъ препаратахъ въ гигиеническомъ и судебно-медицинскомъ отношеніяхъ и о мѣдной коликѣ» (Спб., 1846 г.) и «Искусство продлить человѣческую жизнь (Макробиотика)», сочиненіе Х. В. Гуфеланда, дополненное многими замѣчаніями и жизнеописаніемъ автора, перев. съ нѣмецкаго (Спб., 1852 г.; второе изданіе: Спб., 1853 г.).

Зайцевъ, В. А.—Имъ напечатана еще статья: «Постороннему и всякимъ прочимъ сатирикамъ» (Русск. Слово, 1865 г., кн. 2).

Инсарскій, В. А.—Его статья, пропущенная нами: «Тревога въ театральномъ управлении», 1853 г. (Русск. Стар., 1874 г., т. XI).—О немъ самому напечатано еще свѣдѣніе въ «Историческомъ Вѣстнике» (1885 г., кн. 12, стр. 624—625).

Клементовскій, А. И.—Нами не указаны двѣ его статьи, напечатанныя въ «Зрителѣ» (1862 г.): «По поводу ясновидящей дѣвицы Берты» и «Гигиена и медицина въ простонародномъ русскомъ быту».

Новодворскій, А. О.—Имъ напечатаны: «Тетушка», святочный разсказъ (Отеч. Зап., 1880 г., кн. 12), «Романъ», разсказъ (1881 г., кн. 4) и «Мечтатели», разсказъ (1881 г., кн. 8).—Его некрологъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1882 г., кн. 4).

Павловъ, И. Н.—Ему принадлежитъ рецензія двухъ сочиненій Легуве: «L'art de la lecture» и «La lecture en action» (Русск. Вѣстн., 1882 г., кн. 7), но къ нему не относится указанный нами псевдонимъ—«Н. Бицынъ»: подъ этимъ псевдонимомъ писалъ Н. М. Павловъ.—Объ И. Н. Павловѣ есть свѣдѣніе въ брошюре: «Историческая записка о 50-лѣтии Московской 2-й гимназии» (М., 1885 г., стр. 222—223).

Панютинъ, І. К.—Имъ помѣщены въ «Отечественныхъ Запискахъ» двѣ статьи: «Элементы европейской цивилизациі» (1867 г., т. XXI) и «Партіи въ Сибири» (тамъ же).

Перовъ, В. Г.—О немъ статья въ «Русской Старинѣ» (1883 г., т. XXXVIII, стр. 433—458).

Самсоновъ, Л. Н.—Пропущены его труды: «Сказка про бѣлаго быка; нѣчто о современной драматургії» (Русск. Слѣна, 1865 г., кн. 4—5), «Халатъ»,

разсказъ (Еженедѣльн. Нов. Время, 1879 г., т. IV), «Лампадку потушили», (Литературн. Журналъ, 1881 г., № 3) и «Муха на носу», повѣсть (тамъ же, 1881 г., № 6).

Селивановъ, И. В.—Имъ напечатаны въ «Вѣкѣ» (1861 г.): «Уголовное дѣло» и «Собственное сознаніе», а въ «Русской Старинѣ», — «Записки» (1880 г., т. XXVIII и XXIX, 1881 г., т. XXXI, и 1882 г., т. XXXII) и «Замѣтка по поводу книги о Шереметевыхъ» (1882 г., т. XXXIV).

Сологубъ, графъ, В. А.—Его книга «На сонъ грядущій» напечатана въ 1841—1843 годахъ; ея второе изданіе: Спб., 1844—1845 г.г. Теперь же вышелъ «Тарантасъ» во второмъ изданіи А. С. Суворина (Спб., 1886 г., 330 стр.) и впервые напечатано «Посланіе въ стихахъ къ графу И. М. Толстому» (Русск. Мысль, 1885 г., кн. 9). Кроме того, въ настоящее время появились «Воспоминанія графа В. А. Сологуба» (Историческ. Вѣстникъ, 1886 г., кн. 1—6), которыя во многомъ дополняютъ или исправляютъ наши указанія.

Ставровскій, А. И.—О немъ: «Біографіческій словарь профессоровъ и преподавателей имп. университета св. Владимира» (Кievъ, 1884 г., стр. 619—622).

Туловъ, М. А.—Ему принадлежитъ псевдонимъ: «Петръ Линейкинъ», подъ которымъ напечатана его статья: «Гимназическая переписка изъ шестидесятихъ годовъ» (Вѣстникъ Европы, 1880 г., кн. 11).

Чупинъ, Н. К.—Нами не указано нѣсколько статей, помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ», а именно: «Бурцовъ, Татищевъ и Жолобовъ въ дѣлѣ Егора Столѣтова» (1873 г., т. VIII), «Къ исторіи суевѣрій русскаго народа» (1874 г., т. IX), «Пугачевщина», новые материалы къ ея исторіи (1875 г., т. XII), «Челобитная на заводчика А. Н. Демидова» (1878 г., т. XXII), «Сожженіе на кострѣ въ Екатеринбургѣ» (тамъ же) и «Донесеніе о поджогахъ лѣсовъ башкирами» (тамъ же).

Шашковъ, С. С.—Не названа его статья: «Аѳанасій Прокофьевичъ Щаповъ», біографический очеркъ (Новое Время, 1876 г., № 196, 198, 212, 227, 245 и 252).

Кромѣ приведенныхъ дополненій и поправокъ, намъ приходится указать на трехъ русскихъ писателей, которые скончались въ 1882 году, но не названы во второмъ выпускѣ «Обзора». Эти покойныя лица суть слѣдующіе:

Егоровъ, Евгений Андреевичъ, учился въ Горномъ корпусѣ и въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія; выпущенный въ офицеры (1824 г.), былъ командированъ къ главному директору мостовъ и дорогъ царства Польскаго; потомъ — начальникъ инженернаго округа въ Вильнѣ, строительной части южныхъ военныхъ поселеній, начальникъ инженеровъ Московскаго и Харьковскаго военныхъ округовъ, наконецъ — комендантъ Бобруйской крѣпости; † 1-го марта въ Петербургѣ.—Ему принадлежать «Рассказы» (Русск. Старина, 1886 г., кн. 2) и проектъ: «Походъ русской арміи въ Индію» (тамъ же, кн. 6).—Свѣдѣнія о немъ въ «Русской Старинѣ» (1886 г., кн. 2, стр. 411—413).

Салмановъ, Петръ Алексѣевичъ, родился въ 1817 году, а скончался 1-го июня.—Имъ напечатаны: «Дитя», повѣсть изъ русскаго оконченного дѣла

(Спб., 1862 г.; второе издание: Спб., 1879 г.), «Голосъ совѣти», драма (Спб., 1863 г.), «Убійца», романъ изъ русского оконченного дѣла (Спб., 1877 г.) и «Князь Борисъ Щеглятевъ», исторический романъ XIII вѣка изъ временъ нашествія Батыя на Россію (Спб., 1881 г.). Сверхъ того, онъ издавалъ «Юридический Журналъ» (1860—1861 г.).

Станкевичъ, Иванъ Николаевичъ, изъ дворянъ Могилевской губерніи, родился въ 1829 году; воспитывался во 2-й кievской гимназіи и на медицинскомъ факультетѣ университета св. Владимира, где окончилъ курсъ со степенью лѣкаря (1875 г.); удостоенный степени доктора медицины (14-го декабря 1860 года), опредѣленъ доцентомъ по каѳедрѣ патологической анатоміи и патологической физіологии въ университетѣ св. Владимира (12-го іюля 1861 года); затѣмъ переведенъ въ Харьковскій университетъ на каѳедру фармакологіи, которую и занималъ, въ званіи ординарного профессора, до дня кончины (съ 23-го января 1864 года до 4-го марта 1882 года). Его труды: «Гистологія сухожилій въ нормальномъ и патологическомъ состоянії» (Кіевъ, 1860 г.), «Критический разборъ разсужденія Вермана: О глазномъ зеркаль» (Современн. Медицина, 1860 г., № 47 и 48) и «О строеніи и развитіи пахіональныхъ грануляцій» (Кіевъ, 1861 г.).—Свѣдѣнія о Станкевичѣ въ «Южномъ Краѣ» (1882 г., № 409) и въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей импер. университета св. Владимира» (Кіевъ, 1884 г., стр. 623—624).

Въ заключеніе обращаемъ ко всѣмъ покорную просьбу о присылкѣ дополненій и поправокъ, необходимыхъ для нашего «Обзора», и спѣшимъ заранѣе увѣрить такихъ корреспондентовъ, что всякое полезное указаніе примется нами съ глубокою благодарностью.

Дмитрій Языковъ.

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ, УМЕРШИЕ ВЪ 1883 ГОДУ.

Аландскій, Павелъ Иванович¹⁾), родился въ 1844 году и, послѣ первоначального образованія подъ руководствомъ своего отца-сельского священника, воспитывался въ Александро-Невскомъ училищѣ, Петербургской духовной семинаріи и на историко-филологическомъ факультетѣ Петербургскаго университета; по окончаніи курса со степенью кандидата (1870 г.) былъ оставленъ при университете для приготовленія къ профессорскому званію и въ то же время опредѣленъ учителемъ латинскаго языка въ Александро-Невскомъ духовномъ училищѣ (1870—1873 г.); затѣмъ магистръ греческой словесности (1873 г.) и приватъ-доцентъ того же предмета въ Петербургскомъ университетѣ (1873—1874 г.); наконецъ, доцентъ по каѳедрѣ греческой словесности въ университетѣ св. Владимира (1874—1883 г.) и преподаватель исторіи Греціи, Рима и латинской литературы на Кіевскихъ высшихъ женскихъ курсахъ (1878—1883 г.); † 28-го октября въ Кіевѣ. Кроме статей въ «Кіевлянинѣ» (1883 г.), посвященныхъ иностранной политикѣ, онъ напечаталъ слѣдующіе труды:

- Синтаксискія изслѣдованія: значеніе и употребленіе conjunctivi въ языкахъ Иліады и Одиссеи, Спб., 1873 г. (диссертација на степень магистра).
- Schulgrammatik und Sprachwissenschaft v. Dr. Iul. Iolly, критический разборъ (Кіевск. университ. извѣстія, 1874 г., № 10).
- Разборъ сочиненія Мищенка: Отношеніе трагедій Софокла къ современной поэту дѣйствительной жизни (№ 11).
- Das Verbum der Griechischen Sprache seinem Bau nach dargestellt, v. G. Curtius (№ 12).
- Поэзія, какъ предметъ науки, часть первая, Кіевъ, 1875 г., 199 стр.

¹⁾ О немъ: «Кіевск. университ. извѣстія», 1883 г., № 12; 1884 г., № 3; «Биографич. словарь профессоровъ и преподавателей университета св. Владимира», Кіевъ, 1884 г., стр. 12—13, 806—807.

- Psychologische Analysen auf physiolog. Grundlage, v. A. Horvitz, разборъ (Киевск. унив. извѣстія, 1875 г., № 2).
- Principles of Mental Physiology, by W. Carpenter, рецензія (№ 3).
- Homerische Studien, v. W. Hartel, разборъ (№ 4).
- О книгѣ Воеводского: Каннибализмъ въ греческихъ миахъ, (№ 5).
- La morale utilitaire, par L. Carrau, разборъ (№ 8).
- Bau und Leben des socialen Körpers, рецензія (№ 9).
- Ueber Homerische Poesie, von A. Bischoff, разборъ (№ 9).
- Zivot Rekuv a Rimannu, разборъ (Киевск. универс. извѣстія, 1876 г., № 7).
- Antropologische Vorträge, v. I. Henle, замѣтка (№ 11).
- Synonymik der griechischen Sprache, v. I. H. Heinr. Schmidt, разборъ (№ 11).
- Филологическое изучение произведений Софокла, Киевъ, 1877 г.
- Изображеніе душевныхъ движений въ трагедіяхъ Софокла, опытъ для теоріи поэтическаго творчества, Киевъ, 1877 г., 168 стр.
- Философія и наука, по поводу диспута А. А. Козлова (Киевск. унив. извѣстія, 1877 г., № 1 и 2).
- О трудахъ этнографического Отдѣла императ. Общества любителей естество-занія, антропологии и этнографіи (Киевск. унив. извѣстія, 1878 г., № 7).
- Die Entstehung des Herodotischen Geschichtswerkes, v. A. Bauer, разборъ (№ 7).
- Энциклопедія и методология классической филологии, изложеніе и разборъ книги Ав. Бека, Киевъ, 1879 г.
- В. Э. Геринъ, обѣ арійской семѣ, ея строѣ и развитіи (Киевск. унив. извѣстія, 1880 г., № 7). Отдѣльно: Киевъ, 1880 г., 44 стр.
- Основы греческаго синтаксиса, по поводу сочиненія Дельбрюка: Syntaktische Forschungen, (№ 4 и 5). Отдѣльно: Киевъ, 1880 г., 41 стр.
- Der Italische Bund unter Roms Hegemonie, v. I. Beloch, разборъ (Киевск. унив. извѣстія, 1881 г., № 1).
- Древнѣшній періодъ исторіи Рима и его изученіе, Киевъ, 1882 г., 174 стр.
- Народныя преданія и ученые миы, по поводу сочиненія Воеводского: «Введеніе въ миологии Одиссея» (Киевск. унив. извѣстія, 1882 г., № 6).
- Религіозная жизнь въ современной Индіи, Лейлла, разборъ (1883 г., № 7).
- Замѣтка для профессора Люгебilia, по поводу его отзыва о книжѣ: «Основы греческаго синтаксиса», (№ 1).
- Разборъ сочиненій доцента Мищенка, (№ 3).
- Строгій судъ надъ афинской демократіей, по поводу книги Шварца: Die Demokratie von Athen, (№ 5).

Уже послѣ кончины Аландскаго, «по распоряженію историко-филологического факультета университета св. Владимира», была издана его «Исторія Греції» (Кievъ, 1885 г., 271 стр.).

Андреевъ, Николай Агапіевичъ¹), высшее образованіе получилъ въ императорской С.-Петербургской медико-хирургической академіи; тамъ онъ окончилъ курсъ лѣкаремъ съ отличиемъ и золотою медалью (1854 г.); затѣмъ удостоенъ степени доктора ме-

¹) Свѣдѣнія о немъ обязательно доставлены канцелярію импер. Варшавскаго университета, отъ 28-го іюня 1886 года, за № 4,213.

дицины (24-го февраля 1862 года) и утверждень экстраординарнымъ профессоромъ Варшавскаго университета по каѳедрѣ частной патологіи и терапіи (съ 30-го ноября 1869 года), а впослѣдствіи ординарнымъ профессоромъ того же университета по каѳедрѣ терапевтической госпитальной клиники (31-го октября 1870 года); † 15-го февраля въ Варшавѣ. Имъ напечатаны:

- «Колтунъ съ точки зрѣнія гистологической и опытной», Варш., 1875 г., 53 стр.
«Идіопатический и симптоматический секретарно-потовый неврозъ волосовыхъ аппаратовъ кожи», Варш., 1875 г., 161 стр.

Ансеровъ, Павелъ Александровичъ¹⁾, воспитывался въ Московской духовной семинаріи, где и окончилъ курсъ со степенью студента (1846 г.); послѣ того болѣе двадцати лѣтъ состоялъ священникомъ и законоучителемъ при Московскихъ мѣщанскихъ училищахъ, а также преподавалъ Законъ Божій въ Ризположенскомъ училищѣ; † 12-го іюля въ Москвѣ. Онъ напечаталъ:

- «Ученіе о Богослуженіи православной русской церкви въ вопросахъ и отвѣтахъ», М., 1874—1875 г., четыре выпуска. Второе изданіе первого выпуска: М., 1874 г.

Багговутъ, Александръ Федоровичъ²⁾, родился 27-го декабря 1806 года въ Кронштадтѣ, учился въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, откуда вышелъ прaporщикомъ въ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ (1825 г.) и участвовалъ во многихъ сраженіяхъ (1826—1863 г.); послѣ командованія 3-ю и 4-ю кавалерійскими дивизіями, состоялъ въ распоряженіи командующаго войсками Киевскаго военнаго округа; наконецъ, генералъ отъ кавалеріи и членъ капитула орденовъ; † 2-го мая въ Петербургѣ. Его:

«Записки» помѣщены въ «Русской Старинѣ» (1883 г., т. XL, кн. 10, стр. 114—136).

Бажановъ, Василій Борисовичъ³⁾, родился 7-го марта 1800 года, въ семьѣ дьякона села Миротина (Алексинскаго уѣзда, Тульской губерніи); первое образование получиль въ сельской школѣ села Бирева, подъ руководствомъ дѣда, запштатнаго дьячка, откуда поступилъ въ тульскую духовную семинарію (1810 г.); изъ нея посланъ въ Петербургскую духовную академію (1819 г.); по окончаніи курса со степенью магистра богословія (1823 г.) баккалавръ нѣмецкаго языка при академіи (1823—1829 г.), священникъ Александро-Невской церкви при 2-мъ кадетскомъ корпусѣ (1826 г.);

¹⁾ См. Московск. Церковн. Вѣдомости, 1883 г., № 30 и 42.

²⁾ О немъ: Русск. Старина, 1883 г., кн. 10, стр. 111—118.

³⁾ О немъ: «Історія С.-Петербургской духовной академії», Чистовича, Спб., 1857 г., стр. 353, 371—372, 397; «Портретная галлерея русскихъ дѣятелей», изд. А. Мюнстера, Спб., 1865 г., т. I; «С.-Петербургскій университетъ», Григорьева, Спб., 1870 г., стр. 59 и 94; Голосъ, 1873 г., № 225; Церковн. Лѣтопись, 1873 г., № 34, 35 и 41; Всемірн. Іллюстрація, 1881 г., № 4; въ періодическихъ изданіяхъ 1883 года: Нива, № 35; Московск. Церковн. Вѣдомости, № 32; Московск. Вѣдомости, № 213; Историч. Вѣстникъ, кн. 12, стр. 556—564.

законоучитель Петербургского университета, пансиона при немъ и первой гимназіи (1827 г.); преподаватель богословія въ главномъ педагогическомъ институтѣ (1829 г.); законоучитель и духовникъ ихъ высочествъ государя наследника Александра Николаевича и великихъ княжень (со 2-го февраля 1835 года); докторъ богословія (1837 г.); духовникъ ихъ величествъ Николая I, Александра II и Александра III (съ 5-го декабря 1848 г.); протопресвитеръ придворного и московского Благовѣщенскаго соборовъ; почетный членъ импер. академіи наукъ (1844 г.); членъ св. синода и оберъ-священникъ главнаго штаба гвардейскихъ и grenaderскихъ корпусовъ; † 31-го июля, на Елагиномъ островѣ, близъ Петербурга. Онъ напечаталъ:

- Рѣчи къ воспитанникамъ университетскаго пансиона и первой петербургской гимназіи, (Христіанское Чтеніе, 1828 г., ч. 29 и 32; 1834 г., ч. III; 1835 г., ч. I).
- Поучительныя слова и рѣчи, Спб., 1831 г. Второе изданіе: Спб., 1837 г. Третье изданіе: Спб., 1858 г.
- Рѣчи къ воспитанникамъ первой петербургской гимназіи, окончившимъ курсъ ученія, говоренія 15-го сентября 1834 года», Спб.. 1834 г.
- Нравоучительныя повѣсти, Спб., 1835 г.
- Рѣчи по освященіи храма въ новоучрежденномъ император. училищѣ право-вѣдѣнія» (Христіанск. Чтеніе, 1835 г., ч. IV). Отдѣльно: Спб., 1836 г.
- Пища для ума и сердца, или собраніе христіанскихъ размышеній», переводъ съ иностраннаго, двѣ части, Спб., 1838 г.
- Объ обязанностяхъ христіанина», Спб., 1839 г. Второе изданіе: Спб., 1843 г. Третье изданіе: Спб., 1862 г.
- Двѣ рѣчи къ е. и. в. великой княжнѣ Маріи Александровнѣ» (Христіанск. Чтеніе, 1841 г., ч. II). Отдѣльно: Спб., 1841 г.
- Бесѣда съ государемъ наследникомъ Николаемъ Александровичемъ наканунѣ его совершеннолѣтія» (Христіанск. Чтеніе, 1859 г., ч. II).
- Рѣчи пророка Йереміи, въ періодъ времени отъ призванія Йереміи къ пророчеству до нашествія Новуходоносора», опытъ передложенія, Спб., 1861 г.
- Воинъ христіанинъ», Спб., 1861 г.
- Примѣры благочестія изъ жизни святыхъ», Спб., 1862 и 1872 гг.
- О религії: о религії естественной, о недостаточности ея, объ откровеніи и о христіанской религії», Спб., 1862 г.
- Притчи, выбранныя изъ Круммахера», Спб., 1862 г.
- Сокровище духовное, отъ мира собираемое», изъ твореній св. Тихона, епископа воронежскаго, Спб., 1862 г.
- О вѣрѣ и жизни христіанской», Спб., 1863 г.

Кромѣ того, Бажановъ принималъ дѣятельное участіе въ переводахъ Св. Писанія на русскій языкъ.

Борзенковъ, Яковъ Андреевичъ¹⁾, сначала воспитывался въ Ришельевскомъ лицѣй, а потомъ на естественномъ отдѣлѣніи физико-математического факультета въ Московскомъ университѣтѣ (1852—1855 г.); преподаватель зоологии и сравнительной анатоміи на медицинскомъ факультете въ названномъ университѣтѣ (1858—1860 г.); исправляющій должностъ адъюнкта по каѳедрѣ сравни-тельной анатоміи и физиологии (1860 г.) и членъ педагогическихъ курсовъ при университѣтѣ (1860 г.); затѣмъ былъ командированъ за границу (1862—1864 г.); по возвращеніи изъ-за границы продолжалъ преподаваніе въ университѣтѣ и въ Петровской земле-дѣльческой академіи; пріобрѣлъ степень магистра зоологии и сдѣ-лся доцентомъ (1869 г.); утвержденный въ степени доктора зоо-логіи, получилъ званіе экстраординарного (1870 г.) и ординарного профессора (1873 г.), † 25 декабря въ Москвѣ. Ему принадлежать слѣдующіе труды:

- «О развитіи яичника у кошки» (Записки Вюрцбургск. зоологическ. Общества, 1863 г.).
- «Изъ исторіи развитія яйца и яичника у курицы», М., 1869 г. (магистерская диссертациѣ).
- «Образованіе яичника у курицы и развитіе его, въ первое время его существова-ванія», М., 1870 г. (докторская диссертациѣ).
- «Историческій очеркъ направленій, существовавшихъ въ зоологическихъ нау-кахъ въ XIX столѣтіи», актовая рѣчь (Рѣчь и отчетъ, читан. въ тор-жествен. собраниіи императорск. Московского университета, М., 1881 г., стр. 1—61).

Васильевъ, Петръ Петровичъ²⁾, казанскій старожилъ, ча-сто писавшій подъ псевдонимомъ: «П. библіографъ», утонулъ въ мартѣ, въ озерѣ Кабанѣ, близь Казани. Его печатныя статьи и отдѣльные изданія:

- «Частныя библиотеки въ Казани» (Журналъ мин. народн. просвѣщенія, 1863 г., кн. 8).
- «Казанская городская общественная библиотека» (Книжный Вѣтникъ, 1865 г., № 5).
- «Некрологъ И. В. Дубровина, казанского книгопродаца» (Казанск. Губ. Вѣдо-домости, 1866 г., № 24).
- «Статистика періодическихъ изданій, получаемыхъ въ Казани въ 1866 году» (Справочн. Листокъ города Казани, 1867 г., № 27).
- «Материалы для исторіи казанского театра» (№ 74—75).
- «Казанское книжное дѣло: материалы по мѣстной книжно-литературной дѣятель-ности», Казань, 1867 г., выпускъ первый, 24 стр.
- «Некрологія казанскихъ писателей», 1868—1869 г. (Казанск. календарь на 1869 и 1870 годы).

¹⁾ О немъ: Отчетъ импер. Московск. университета, М., 1884 г., стр. 282—288.

²⁾ Московск. Вѣдомости, 1888 г., № 165.

- «Объ изданиі сочиненій И. С. Тургенева» (Русск. Архивъ, 1871 г., кн. 2).
- «Некрологія казанскихъ ученыхъ, умершихъ въ 1870 году» (Казанск. Губ. Вѣдом., 1872 г., № 95—98, 100 и 102).
- «Объ изданиі «Записокъ охотника» Тургенева съ иллюстраціями» (С.-Петербургск. Вѣдом., 1872 г., № 193).
- «По поводу рассказа Тургенева: Пегасъ» (Казанск. Биржев. Листокъ, 1874 г., № 5 и 10).
- «Первое печатное произведеніе И. С. Тургенева» (Московск. Вѣдом., 1875 г., № 289).
- «Могила княгини Дарьи Михайловны Меньшиковой» (Русск. Старина, 1875 г., т. XII).
- «Къ біографії А. П. Щапова» (Древн. и Нов. Россія, 1876 г., кн. 9). То же въ «Казанск. Биржев. Листкѣ» (1876 г., № 34).
- «О систематическомъ каталогѣ книгъ фундаментальной библіотеки Казанской духовной академіи» (Указатель по дѣламъ печати, 1878 г., № 2 и 21).
- «Замѣтка объ указателѣ къ Православному Собесѣднику» (№ 11).
- «Библіографическая замѣтка о комедіи «Горе отъ ума» (Россійск. Библіографія, 1879 г., № 11—12).
- «О стереотипномъ изданіи «Записокъ охотника» И. С. Тургенева» (Россійск. Библіографія, 1879 г., № 20 и 26). Та же замѣтка и въ Казанск. Биржев. Листкѣ, 1879 г., № 91.
- «Книжная торговля въ Казани» (Россійск. Библіографія, 1880 г., № 76).
- «Календарь-указатель города Казани на 1882 годъ», Казань, 1881 г.
- «Библіографические замѣтки» (Россійск. Библіогр., 1881 г., № 92; 1882 г., № 101).

Кромѣ того, онъ издалъ разскaзъ Тургенева, подъ названіемъ «Пегасъ» (Казань, 1874 г.).

Вассіанъ (въ мірѣ Василій Чудновскій)¹⁾ родился въ 1803 году, воспитывался въ харьковскомъ коллегіумѣ, откуда поступилъ въ Киевскую духовную академію; здѣсь, постриженный въ монашество (1829 г.), окончилъ курсъ съ степенью магистра богословія (1831 г.) и вскорѣ былъ назначенъ инспекторомъ волынской духовной семинаріи; оттуда перемѣщенъ на такую же должность въ Петрозаводскъ (1833 г.) и Астрахань (1842 г.); возведенъ въ санъ архимандрита (1843 г.); назначенъ ректоромъ астраханской семинаріи и настоятелемъ астраханского Спасо-Преображенского монастыря (1846 г.); потомъ ректоромъ Черниговской семинаріи и настоятелемъ черниговского Елецкаго (1854 г.), иѣжинскаго Благовѣщенскаго (1859 г.) и новградъ-сѣверскаго Преображенскаго (1861 г.) монастырей; изъ архимандритовъ послѣдней обители хиротонисанъ во епископа екатеринбургскаго, викария Пермской епархіи (съ 21-го ноября 1866 года), а черезъ десять лѣтъ (съ 9-го сентября 1876 года) сдѣланъ самостоятельнымъ епископомъ пермскимъ

¹⁾ Московск. Церковн. Вѣдомости, 1883 г., № 4.

и верхотурскимъ; † 3-го января въ Перми. Покойный помѣстіль нѣсколько проповѣдей въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» тѣхъ епархій, гдѣ ему пришлось служить.

Викторовъ, Алексѣй Егоровичъ¹⁾, извѣстный археологъ, родился 2-го февраля 1827 года, воспитывался въ орловской духовной семинарии и Московской духовной академіи; по окончаніи курса въ послѣдней со степенью кандидата (1850 г.) поступилъ на службу въ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ (1850—1861 г.) и, кромѣ того, съ 1856 года преподавалъ русскій языкъ въ Мариинско-Ермоловскомъ женскомъ училищѣ; затѣмъ, библиотекарь Московского университета (1861—1862 г.), хранитель отдѣленія рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ въ Румянцевскомъ музѣѣ (1862—1883 г.), завѣдывающій архивомъ и канцеляріей московской оружейной палаты (1868—1883 г.), членъ археографической комиссіи (1870 г.) и членъ-корреспондентъ императорской академіи наукъ (1881 г.); † 22 июля въ Пятигорскѣ. Покойный напечаталъ слѣдующіе труды:

- Описание этнографического музея Густава Клемма, переводъ съ нѣмецкаго (Москвитян., 1853 г., кн. 16). Этотъ трудъ явился безъ подписи.
- Рецензія на книгу: Протоіерей Ф. А. Голубинскій (Москвитян., 1855 г., № 7). Также безъ подписи.
- Великая княгиня Евдокія, во иночествѣ преподобная Евфросинія, основательница Вознесенского дѣвичьяго монастыря въ Московскому кремлю, М., 1857 г., 109 стр. Издано безъ имени автора.
- Алфавитный указатель славянскихъ рукописей московской синодальной библиотеки, въ книгѣ арх. Саввы: «Указатель для обозрѣнія патріаршій ризницы и библиотеки», М., 1858 г., II, стр. 153—179, и отдельно: М., 1858 г., 128 стр. Другое изданіе: М., 1863 г. При обоихъ изданіяхъ не означено имя А. Е. Викторова.
- Библіотека и историческая дѣятельность московской синодальной типографіи, (Московск. Вѣдом., 1859 г., № 285, 288 и 291). Отдельный оттискъ: М., 1859 г., 55 стр.
- Послѣднее мнѣніе Шафарика о глаголицѣ, (Лѣтописи русск. литер. и древн., изд. проф. Н. С. Тихонравовымъ, 1859 г., т. II; 1861 г., т. III). Отдельно: М., 1863 г.
- Историческая дѣятельность московской синодальной типографіи. (Наше Время, 1860 г., № 5, 8, 10 и 12). Это—продолженіе выше названной статьи.

¹⁾ О немъ: «Исторія Московск. духовн. академіи», Смирнова, М., 1879 г., стр. 502—503; «Нѣсколько припоминаній о научной дѣятельности А. Е. Викторова», Срезневскаго (Сборникъ отдѣленія русск. языка и словесности импер. академіи наукъ, Спб., 1881 г., т. XXI, № 8 и въ приложениі къ XXXVIII тому «Записокъ импер. академіи наукъ», № 5); въ периодическихъ изданіяхъ 1883 года: Русь, № 21; Московск. Вѣдомости, № 221 и 359; Историч. Вѣстникъ, кн. 9, стр. 731; Московск. Вѣдомости, 1884 г., № 119, и Русск. Старина, 1884 г., кн. 8, стр. 425—448.

- Апологъ отъ правоученія Кирилла Александрійскаго, по рукописи ростовскаго Яковлевскаго монастыря» (Лѣтописи русск. литер. и древн., изд. проф. Н. С. Тихонравовымъ, 1862 г., т. IV).
- Епархиальная публичная библиотека для московскаго духовенства» (Московск. Вѣдом., 1862 г., № 172, 173 и 181). Эти статьи перепечатаны въ «Подольскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ» (1862 г., № 18).
- Опись библиотеки іеромонаха Евсеймія» (Лѣтописи русск. литер. и древн., изд. проф. Н. С. Тихонравовымъ, 1863 г., т. V).
- Объ изданіи арх. Саввы: Палеографическіе снимки съ рукописей московской синодальной библиотеки» (Русск. Архивъ, 1863 г., вып. 5 и 6).
- По поводу замѣтки г. Веселовскаго о томъ же изданіи» (С.-Петербургск. Вѣдом., 1863 г., № 191). Подъ этою статьею поставлена подпись: «Любитель палеографіи».
- Подробное описание четырехъ, украшенныхъ миниатюрами, греческихъ пергаменныхъ рукописей московской синодальной библиотеки», подъ №№ 61, 183, 407 и 429, (въ изданіи: «Фотографическіе снимки съ миниатюръ греческихъ рукописей, находящихся въ Москвѣ, М., 1863—1865 г., три выпуска, 51 стр. и 82 таблицы со снимками). Въ этомъ изданіи, напечатанномъ безъ имени А. Е. Викторова, описаны слѣдующія рукописи: Акаистъ Божіей Матери, XIV вѣка, Житія святыхъ, XI вѣка, Слова Григорія Богослова, X вѣка, и Новый Завѣтъ съ Псалтирю, XII вѣка.
- Похвала Кириллу и Меѳодію» по рукописи Севастьянова XIV вѣка; «Слово на принесеніе мощемъ преславнаго Клиmenta, историческую имуще бесѣду», по Макар. четъ-мин. и такъ называемая итальянская легенда о Кириллѣ и Меѳодіи, въ новомъ переводѣ, по Румянцовской рукописи, № 151 (Кирилло-Меѳодійскій сборникъ, изд. М. П. Погодинымъ, М., 1865 г., стр. 309—312, 318—342).
- Новые источники и ученые труды для истории славянскихъ апостоловъ» (тамъ же, стр. 343—440).
- Замѣчательное открытие въ древне-русскомъ книжномъ мірѣ: первая книга, напечатанная докторомъ Фр. Скориной,—Псалтирь» (Бесѣды въ Обществѣ любителей российск. словесности, М., 1867 г., выпускъ первый).
- Извлеченіе изъ статьи Ундольского: Объ открытии и изданіи твореній Клиmenta, епископа словенска» (тамъ же).
- Объ изданіяхъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ по отдѣленію рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ» (Журналъ мин. нар. просв., 1867 г., кн. 7). Безъ имени автора.
- Предположеніе объ устройствѣ въ С.-Петербургск. женскаго университета» (Русский, 1868 г., № 4, 25 и 26).
- О собраніи славянскихъ книгъ церковной печати И. Я. Лукашевича» (Москва, 1868 г., № 50). Подъ этою статьею находится подпись: «Л. П.», т. е. Любитель палеографіи».
- Киево-Печерскій Патерикъ по Румянцовской рукописи XV вѣка, № 305, въ переложеніи на современный русскій языкъ Мариѣ Викторовой, бывшей воспитанницы Маріинско-Ермоловскаго женскаго училища», Кіевъ, 1870 г. Эту книгу своей жены, урожденной княжны Макуловой, А. Е. издалъ со своимъ предисловіемъ, подписанымъ двумя буквами: «А. В.».
- Истор. вѣсти., декабрь, 1886 г., т. xxvi.

- «Славяно-русскія рукописи В. М. Ундорского, описанныя самимъ составителемъ и бывшимъ владѣльцемъ собранія, съ № 1 по 579-й, съ приложеніемъ очерка собранія рукописей В. М. Ундорского, по полномъ составѣ», М., 1870 г.
- «Собрание славяно-русскихъ рукописей В. М. Ундорского», библіографіческій очеркъ, М., 1870 г.
- «Очеркъ славяно-русской библіографіи В. М. Ундорского, съ дополненіями А. Ф. Бычкова и А. Е. Викторова», М., 1871 г.
- «Каталогъ славяно-русскихъ рукописей Д. В. Пискарева», М., 1871 г. То же въ приложении къ «Отчету Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1867—1869 годы».
- «Бумаги Н. В. Сушкова» (Московск. Вѣдом., 1872 г., № 107). Отдѣльный оттискъ: М., 1872 г.
- Собственноручныя письма императрицы Екатерины II къ А. В. Храповицкому, (Русск. Архивъ, 1872 г., вып. 11). Отдѣльный оттискъ: М., 1872 г.
- «Историческая объяснительная записка къ проекту нового устава и штата Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ» напечатана безъ означенія года (1872 г.) и не выпущена въ свѣтъ.
- «Два памятника русскаго монастырскаго быта XVII вѣка: письмо Нектарія, архиеп. сибирскаго, и колязинская членитная», съ предисловіемъ, подписанымъ буквами: «Л. П.», т. е. «Любитель палеографіи» (Русск. Архивъ, 1873 г., вып. 9).
- «Старинныя описи патріаршій ризницы». (Вѣстникъ Общества древне-русск. искусства, М., 1874—1876 г., кн. 1). Отдѣльный оттискъ: М., 1876 г.
- «Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ (1584—1725 г.), хранящихся въ архивѣ оружейной палаты», М., 1877 г., выпускъ первый.
- «Опись вѣхостей въ башняхъ и стѣнахъ Московскаго кремля, Китая-города и Бѣлого города, 1667 года, по рукописи Московскаго Публичнаго музея, № 1,390, (Чтения въ Обществѣ исторіи и древностей, 1877 г., ин. 2).
- «Не было ли въ Москвѣ опытовъ книгопечатанія прежде 1564 года?», (Труды третьаго археологическ. съѣзда, Кіевъ, 1878 г., т. II).
- «Собрание рукописей В. И. Григоровича», М., 1879 г., 68 стр. Это—отдѣльный оттискъ изъ «Отчета Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1876—1878 годы».
- «Собрание рукописей И. Д. Бѣллева», М., 1881 г., 122 стр.
- «Собрание рукописей П. И. Севастьянова», М., 1881 г., 116 стр.
- «Преставленіе и похвала святому отцу Константину, нареченнаго Кирилла» (Записки Одесск. Общества исторіи и древностей, 1881 г., т. XII).
- «Государственное древнехранилище въ теремахъ московскаго кремлевскаго дворца», Спб., 1882 г., 16 стр. Это—отдѣльный оттискъ изъ «Памятники древней письменности и искусства» за 1882 годъ.
- «Дѣло о передачѣ Румянцовскаго музея въ министерство народного просвѣщенія» (Сборникъ материаловъ для исторіи Румянцовскаго музея, М., 1882 г., выпускъ первый).
- «Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ, 1613—1725 годовъ», М., 1883 г., выпускъ второй.

Кромѣ того, покойный Викторовъ помѣщалъ описаніе всего рукописнаго материала, поступавшаго въ музеи, на страницахъ «Го-

лоса» (1863—1881 г.) и въ «Отчетахъ по отдѣленію рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ» (1864—1882 годовъ).

Вороновъ, Александръ Дмитріевичъ¹⁾, родился въ 1838 году, воспитывался въ тверской семинаріи и Московской духовной академіи; по окончаніи курса въ послѣдней первымъ магистромъ богословія (1862 г.), назначенъ бакалавромъ общей новой церковной исторіи въ Киевской духовной академіи (1862—1866 г.); затѣмъ, экстраординарный профессоръ (1866—1883 г.), докторъ богословія (1877 г.) и гласный кievской городской думы; † 28-го октября въ Кіевѣ. Кроме редактированія «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» и сверхъ постояннаго сотрудничества въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», онъ напечаталъ:

- «О происхожденіи свѣтской власти папъ» (Труды Кіевской дух. академіи, 1862 г.).
- «Объ участіи мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ въ первые три вѣка христіанства» (Руководство для сельскихъ пастырей, 1864 г., № 48, 49, 51 и 52).
- «Протестантское богословіе и вопросъ о богоодухновенности св. писанія», магистрская диссертациія (Труды Кіевской дух. академіи, 1864 г., кн. 5 и 9).
- «Народная школа и ея отношеніе къ церкви и духовенству въ Германіи» (Руков. для сельск. пастырей, 1866 г.).
- «О чинахъ при архіерейскихъ каѳедрахъ въ восточной церкви» (тамъ же, 1868 г.).
- «Синайское дѣло по подлиннымъ документамъ» (Труды Кіевской дух. академіи, 1871 и 1872 гг.).
- «Патино-нѣмецкая пропаганда у полабскихъ славянъ» (тамъ же, 1871 г.).
- «Очеркъ исторіи старо-католической церкви въ Голландіи» (Руков. для сельск. пастырей, 1876 г.).
- «Памяти Кирилла и Меѳодія» (тамъ же, 1876 г.).
- «Главнѣйшие источники для исторіи св. Кирилла и Меѳодія» (Труды Кіевской дух. академіи, 1876 г., кн. 10; 1877 г., кн. 1, 4, 8 и 9). Это изслѣдованіе, напечатанное и отдельной книгою (Кіевъ, 1877 г., 331 стр.), доставило автору степень доктора богословія и Уваровскую премію.
- «Изъ новѣйшей исторіи болгарской церкви по Константину Иречку» (Труды Кіевской дух. академіи, 1877 г.).
- «О латинскихъ міссіонерахъ на Руси Кіевской въ X—XI вѣкахъ» (Кіевск. Епарх. Вѣдомости, 1877 г.).
- «Къ вопросу объ источникахъ для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія» (Труды Кіевской дух. академіи, 1878 г., кн. 1).
- «Древне-славянскій канонъ св. Димитрію Солунскому» (Труды Кіевской дух. академіи, 1878 г., кн. 10).
- «Ѳ. ѩ. Гусевъ», некрологъ (тамъ же).
- «Научное движение по вопросу о Кириллѣ и Меѳодіи» (Труды Кіевской дух. академіи, 1881 г., кн. 8).

¹⁾ О немъ: въ книгѣ «Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской духовной академіи», Кіевъ, 1869 г., стр. 395; «Исторія Московской духовной академіи», Смирнова, М., 1879 г., стр. 244, 466—467; «Московск. Вѣдомости», 1883 г., № 304, 307 и 332.

Уже послѣ смерти Воронова появилась въ печати его статья: «Штундизмъ», очеркъ религіозно-бытовой жизни въ Малороссії (Русскій Вѣстникъ, 1884 г., кн. 3).

Воскресенскій, Александръ Михайловичъ¹), воспиты-вался во владимірской семинаріи и Киевской духовной академіи; по окончаніи курса въ послѣдней магистромъ богословія (1853 г.), профессоръ волынскай и кievской семинарій (1853—1859 г.); затѣмъ баккалавръ Киевской духовной академіи по каѳедрѣ матема-тическихъ наукъ (1859—1864 г.) и экстраординарный профессоръ (1864 г.); въ послѣднее время преподавалъ исторію русскаго рас-кола; † 28-го декабря въ Кіевѣ. Покойному принадлежать слѣдую-щія статьи:

- О хожденіи на св. Пасху съ иконами. (Руководство для сельск. пастырей, 1860 г., № 7).
- Составъ гимназическихъ библіотекъ по предмету Закона Божія. (Журналъ мин. нар. просвѣщ., 1862 г., кн. 11).
- О мѣрахъ папистовъ къ введенію уніі въ юго-западной Россіи. (Вѣстникъ юго-западн. и западн. Россіи, 1863 г., кн. IX, X и XII).
- Нѣсколько словъ объ ученическихъ библіотекахъ при духовныхъ семинаріяхъ. (Православн. Обозр., 1863 г., кн. 2).
- Каѳедральный Кіево-Софійского собора протоіерей, Иванъ Михайловичъ Сквор-цовъ, біографіческій очеркъ (Руков. для сельск. пастырей, №№ 44 и 47; 1864 г., №№ 4 и 5).
- Объясненіе праздниковъ православной церкви ученикамъ сельскихъ школъ. (Воскресн. Чтеніе, 1864 г., №№ 21, 22, 24, 27, 30, 32, 37—39, 42, 49 и 50).

Гербель, Николай Васильевичъ²), извѣстный поэтъ-пере-водчикъ, родился 26-го ноября 1827 года въ Твери, первоначаль-ное воспитаніе получилъ въ родительскомъ домѣ, затѣмъ прошелъ полный курсъ при первой кievской гімназіи и закончилъ образо-ваніе въ Нѣжинскомъ лицѣ князя Безбородко; по выходѣ изъ ли-цея съ аттестатомъ XIV класса (1847 г.), чрезъ годъ опредѣлился въ Изюмскій гусарскій полкъ юнкеромъ (1848 г.); произведеній въ корнеты (1849 г.), участвовалъ въ венгерской кампаніи; въ на-чалѣ 1851 года переведенъ въ лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ, въ которомъ служилъ до 1860 года, когда вышелъ въ отставку съ чиномъ ротмистра; послѣ того вполнѣ отдался только литератур-ной дѣятельности; † 8-го марта въ Петербургѣ. Его труды:

- Бокаль, стихотвореніе (Бібліот. для Чтенія, 1846 г., кн. 12).
- На двухсотлѣтіе Изюмскаго гусарскаго полка, стихотвореніе (Русскій Инва-

¹) О немъ: см. книгу «Пятидесятилѣтній юбилей Киевской дух. академіи», Кіевъ, 1869 г., стр. 397 и 430; «Московск. Вѣдом.», 1883 г., № 361.

²) О немъ: въ книгѣ «Гімназія высшихъ наукъ и лицѣ князя Безбородко», Спб., 1881 г., стр. 344—356, XVII—XXV; въ періодическихъ изданіяхъ 1883 года: «Нива», № 17; «Москов. Вѣдом.», № 71; «Истор. Вѣстникъ», кн. 4, стр. 243.

- лайдъ, 1851 г., № 142). Это стихотворение перепечатано въ «Библиотекѣ для Чтенія» (1851 г., т. 108) и вышло отдельною брошюрою (Спб., 1851 г.).
 «Изюмскій гусарскій полкъ подъ Сент-Дизье» (Русскій Инвалидъ, 1851 г., № 162).
 «Плачъ Ярославны», стихотворение (Современн., 1851 г., кн. 11). Этотъ отрывокъ изъ «Слова о полку Игоревъ», перепечатанъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1854 г., кн. 8).
 «Геро и Леандъ», стихотворение изъ Шиллера (Современн., 1852 г., кн. 4).
 «Нѣжинъ» (тамъ же).
 «Изюмскій слободской казачій полкъ» (Русскій Инвалидъ, 1852 г., № 52—54, 62—67, 80, 87—92).
 «Слободскіе полки подъ Гроссъ-Егерсдорфомъ» (тамъ же, № 136—138).
 «Сегодня мнѣ исполнилось 36 лѣтъ», стихотворение изъ Байрона (Современн., 1852 г., кн. 9).
 «Изюмскій слободской казачій полкъ», 1651—1765 г., Спб., 1852 г.
 «Пляска», стихотворение изъ Шиллера (Современн., 1853 г., кн. 1).
 «Могущество пѣснопѣнія», стихотворение изъ Шиллера (Современн., 1852 г., кн. 2).
 «Пѣвцы минувшаго времени», стихотворение изъ Шиллера (Современн., 1852 г., кн. 11).
 «Игорь, князь Сѣверскій», поэма, переводъ, Спб., 1854 г. Второе изданіе: Спб., 1855 г. Третье изданіе: Спб., 1858 г. Четвертое изданіе: Спб., 1868 г. Пятое изданіе: Спб., 1876 г. Шестое изданіе: Спб., 1881 г.
 «Изъ Шиллера», стихотворение (Современн., 1854 г., кн. 4).
 «Изюмцамъ», стихотворение (Русскій Инвалидъ, 1854 г., № 196). Этотъ трудъ изданъ вторымъ, исправленнымъ и дополненнымъ, изданіемъ, подъ тѣмъ же заголовкомъ (Спб., 1854 г.).
 «Три біографическихъ очерка: Гербель, Василій Васильевичъ; Гербель, Карлъ Густавовичъ, и Гербель, Родонъ Николаевичъ» (Справочн. Энциклопед. Словарь, Спб., 1854 г., т. III).
 «Письма съ похода» (С.-Петербург. Вѣдом., 1854 г., № 244, 268 и 279). Эти три письма перепечатаны съ исправлениями въ «Библиотекѣ для дачъ, пароходовъ и желѣз. дорогъ» (1857 г., ч. 107).
 «Незнакомка», стихотворение изъ Шиллера (Отеч. Зап., 1854 г., кн. 12).
 «Просторъ», стихотворение (Отеч. Зап., 1855 г., кн. 2).
 «Узница», стихотворение изъ Шене (Современн., 1855 г., кн. 3).
 «Миньона», стихотворение изъ Гете (Пантеонъ, 1855 г., т. XXII).
 «Кареагенъ», стихотворение изъ Шиллера (тамъ же).
 «Въ дорогу! въ дорогу!», стихотворение (Современн., 1855 г., кн. 4).
 «Прохожій», стихотворение (Отеч. Зап., 1855 г., кн. 7).
 «Фабулу», стихотворение изъ Катулла (Библіот. для Чтенія, 1855 г., т. 134).
 «Передъ каминомъ», стихотворение (Пантеонъ, 1855 г., т. XXIV).
 «Молодость», стихотворение (тамъ же).
 «Слонимъ», письмо съ похода (С.-Петербург. Вѣдом., 1856 г., № 92). Оно перепечатано въ «Библиотекѣ для дачъ, пароходовъ и желѣз. дорогъ» (1857 г., ч. 107).
 «Уже одиннадцать часовъ», стихотворение (Сынъ Отечества, 1856 г., № 19).
 «Орлеанской дѣвѣ», стихотворение изъ Шиллера (Современн., 1856 г., кн. 11).
 «Изъ Крабба», стихотворение (Отеч. Зап., 1856 г., кн. 12).
 «Зной», стихотворение (Отеч. Зап., 1856 г., кн. 12).

- Дума», стихотворение (Библіот. для Чтенія, 1856 г., кн. 12).
- Альпухары», стихотворение изъ Мицкевича (Библіот. для Чтенія, 1857 г., т. 142)
- Прощай!», стихотворение (Сынъ Отечества, 1857 г., № 17).
- Съ малороссийскаго», стихотворение (тамъ же).
- Дубъ и тополь», стихотворение (тамъ же, № 22).
- Полный списокъ печатныхъ сочиненій Гоголя» (Сочиненія и письма Гоголя, Спб., 1857 г., т. VI).
- Свадьба», стихотворение изъ Крабба (Библіот. для Чтенія, 1857 г., т. 144).
- На смерть воробья Леабі», стихотворение изъ Катулла (тамъ же).
- Пѣснь лейбъ-гвардіи Уланского полка», стихотворение «Русский Инвалидъ, 1857 г., № 174).
- Опять ты здѣсь, моя любовь», стихотворение (Сынъ Отечества, 1857 г., № 39).
- Изъ Крабба», стихотворение (тамъ же).
- Другу», стихотворение (тамъ же, № 42).
- Николай Яковлевич Прокоповичъ и отношенія его къ Гоголю» (Современн., 1858 г., т. 67).
- Письмо Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу» (Библіогр. Зап., 1858 г., № 4).
- Списокъ сочиненій Е. П. Гребенки» (тамъ же, № 5).
- Альбомная Замѣтка Гоголя» (тамъ же, № 16).
- Нѣтъ больше гемороя!», стихотворение (Искра, 1859 г., № 20). Эти стихи напечатаны подъ псевдонимомъ: «Эрастъ Моховоевъ».
- Ниццій», баллада (Развлечение, 1859 г., № 23).
- Описание Петергофской скачки, бывшей 15-го августа 1859 года» (Современн., 1859 г., кн. 9).
- Письмо къ членамъ комитета, учрежденного для празднованія столѣтняго юбилея дня рождения Шиллера въ Марбахѣ» (Современн., 1859 г., кн. 11).
- Пораженіе Сеннахерима», стихотворение изъ Байрона (Отеч. Зап., 1859 г., кн. 11).
- Сцена изъ Эдуарда II», стихотворение изъ Марло (Русское Слово, 1860 г., кн. 2).
- Изъ Гете, только не нѣмецкаго», пародія (Развлечение, 1860 г., № 6, съ псевдонимомъ: «Эрастъ Моховоевъ — послѣдній эпикъ»).
- Списокъ periodическихъ изданій русскимъ и иностраннымъ, прекратившимся въ 1858, 1859 и 1860 годахъ въ Россіи» (Современн., 1860 г., кн. 2; 1861 г., кн. 1). Перепечатано въ «Вѣкѣ» (1861 г., № 10).
- Тополь», стихотворение изъ Шевченко (Современн., 1860 г., кн. 3).
- Сивуха и поэты», изъ поэмъ: «Русский патріотъ изъ нѣмцевъ» (Развлечение, 1860 г., № 33, съ псевдонимомъ: «Эрастъ Моховоевъ — послѣдній эпикъ»).
- Катерина», повѣсть въ стихахъ изъ Шевченко (Русское Слово, 1860 г., кн. 9).
- Два разныхъ жребія намъ вынуты судьбою», стихотворение изъ Мицкевича (Свѣточъ, 1860 г., ч. 5).
- О рукописяхъ Гоголя, принадлежащихъ лицою князя Безбородко» (Время, 1861 г., кн. 4).
- Одно ненапечатанное стихотворение Пушкина» (тамъ же, кн. 7).
- Сцена изъ трагедіи Марло: Эдуардъ II» (Второе приложение къ журналу «Вѣкъ», 1861 г.).
- Два неизданныя стихотворения Лермонтова» (Библіограф. Записки, 1861 г., № 16).
- Письмо къ редактору по поводу названныхъ стихотвореній» (тамъ же, № 18).
- Аѳанасьевъ, Александръ Степановичъ» (Энциклопедич. Словарь, 1862 г., т. V).

- «Списокъ переводныхъ и оригинальныхъ стихотворений И. П. Крещева», (Переводы и подражанія И. П. Крещева, Спб., 1862 г.).
- «Ты прекрасна, какъ Психея», стихотвореніе (Модн. Магазинъ, 1862 г., № 22).
- «Ненапечатанное стихотвореніе А. С. Пушкина», (Модн. Магазинъ, 1863 г., № 2).
- «Послание къ Основьяненкѣ», стихотвореніе изъ Шевченко (Время, 1863 г., кн. 3).
- «Любовь! какъ звучно это слово!», стихотвореніе (Модн. Магазинъ, 1863 г., № 11).
- «Пѣсня», стихотвореніе изъ Шевченко (тамъ же, № 22).
- «Стансы», стихотвореніе изъ Байрона (Библіот. дая Чтенія, 1863 г., кн. 10).
- «Плачь Ирода по Маріамнѣ», стихотвореніе изъ Байрона (тамъ же, кн. 12).
- «Пѣснь Саула передъ послѣднимъ боемъ», стихотвореніе изъ Байрона (Модн. Магазинъ, 1864 г., № 1).
- «Дочь Іефея», стихотвореніе изъ Байрона (тамъ же, № 3).
- «Мнѣ призракъ явился», стихотвореніе изъ Байрона (Развлечениe, 1864 г., № 8).
- «Еврейскія мелодіи», стихотворенія изъ Байрона (Современникъ, 1864 г., кн. 1).
- «Давно мнѣ не въ радость сиянье лазури», стихотвореніе (Эпоха, 1864 г., кн. 1).
- «Стансы», стихотвореніе изъ Байрона (тамъ же).
- «Три сцены изъ трагедіи Марло: Эдуардъ II», (Современникъ, 1864 г., кн. 8).
- «Бібліографіческий указатель сочиненій Л. Мей», (Книжн. Вѣстникъ, 1865 г., № 19).
- «Стихотвореніе изъ Котляревскаго», (Модн. Магазинъ, 1869 г., № 22).
- «Дочь таубенгеймскаго пастора», баллада Бюргера (Вѣстникъ Европы, 1869 г., кн. 12).
- «В. В. Гербель», некрологъ (Голосъ, 1870 г., № 268).
- «Генераль-лейтенантъ Гербель» (Русск. Инв., 1870 г., № 218). То же въ «Артиллер. Журналѣ» (1870 г., кн. 12) и «Иллюстр. Газетѣ», 1870 г., № 44.
- «Письмо къ издателямъ» (Московск. Вѣдом., 1872 г., № 317). Это письмо, по поводу однофамильца автора, участвовавшаго въ заграничныхъ нѣмецкихъ изданіяхъ, перепечатано въ «Голосѣ» (1872 г., № 227), «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (1872 г., № 349) и «Русск. Архивѣ» (1873 г., кн. 1).
- «Н. В. Кукольникъ», біографіческий очеркъ (Иллюстр. Газета, 1873 г., № 12).
- «Осада Коринея», поэма Байрона (Вѣстникъ Европы, 1873 г., кн. 6).
- «Передъ судомъ», стихотвореніе изъ Гете (Вѣстникъ Европы, 1874 г., кн. 5).
- «Послѣднее прости», стихотвореніе изъ Байрона, (Складчина, сборникъ, Спб., 1874 г.).
- «Сестрѣ», стихотвореніе изъ Байрона (Отеч. Записки, 1875 г., кн. 7).
- «Жалоба Тасса», стихотвореніе изъ Байрона (Вѣстникъ Европы, 1875 г., кн. 2).
- «Миньона», стихотвореніе изъ Гете (тамъ же, кн. 6).
- «Изюмскій гусарскій полкъ въ войнахъ 1812, 1813 и 1814 годовъ», эпизодъ изъ исторіи полка (Военный Сборникъ, 1875 г., кн. 7).
- «Лара», поэма Байрона (Вѣстникъ Европы, 1876 г., кн. 4).
- «Для будущаго полнаго собранія сочиненій А. С. Пушкина» (Русскій Архивъ, 1876 г., кн. 10).
- «Чудная ночь», стихотвореніе изъ Гете (Вѣстникъ Европы, 1877 г.. кн. 12).
- «Амуръ» и «Пѣсня», стихотворенія изъ Гете и Гораций (Вѣстникъ Европы, 1879 г., кн. 1).
- «Русскіе водевилисты: А. И. Писаревъ и Д. Т. Ленскій» (Древняя и Новая Россія, 1879 г., кн. 5).
- «Посвѣщеніе», стихотвореніе изъ Гете (Еженедѣльн. Нов. Время, 1879 г., № 8).

«Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова», украинская дума (Русский Вѣстникъ, 1881 г., кн. 10).

«Семь стихотвореній Байрона», переводъ съ англійскаго (Русский Вѣстникъ, 1882 г., кн. 1).

«Полное собраніе стихотвореній», два тома, Спб., 1882 г.

Кромѣ названныхъ трудовъ, покойный Гербелъ, подъ своей редакціей, напечаталъ слѣдующія изданія:

«Собрание сочинений Фр. Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей». Часть первая и вторая: лирическія стихотворенія, Спб., 1857 г.; второе изданіе: Спб., 1860 г.; третью изданіе: Лейпцигъ, 1862 г.; четвертое изданіе: Лейпцигъ, 1863 г.; пятое изданіе: Спб., 1875 г. Часть третья: драматическая сочиненія, Спб., 1857 г.; второе изданіе: Спб., 1862 г.; третью изданіе: Спб., 1865 г. Часть пятая: драматическая сочиненія, Спб., 1859 г.; второе изданіе: Спб., 1864 г. Часть шестая: драматическая сочиненія, Спб., 1859 г.; второе изданіе: Спб., 1865 г. Часть седьмая: драматическая сочиненія, Спб., 1859 г.; второе изданіе: Спб., 1866 г. Часть восьмая: разныя сочиненія, Спб., 1860 г.; второе изданіе: Спб., 1870 г. Часть девятая: историческая сочиненія, Спб., 1861 г.

«Стихотворенія Н. Я. Прокоповича», Спб., 1858 г.

«Отголоски», собраніе стихотвореній, двѣ части, Спб., 1858 г.

«Лицей князя Безбородко», Спб., 1859 г. Второе изданіе: Спб., 1881 г.

Переводы и подражанія Н. В. Берга», Спб., 1860 г.

«Кобзарь Тараса Шевченко въ переводахъ русскихъ поэтовъ», Спб., 1860 г., 203 стр. Второе изданіе: Спб., 1869 г. Третье изданіе: Спб., 1876 г.

«Переводы и подражанія И. С. Крещева», Спб., 1862 г.

«Сочиненія Е. П. Гребенки», собранныя, приведенные въ порядокъ и изданія съ предисловіемъ и библиографическою статьею, Спб., 1862 г., пять частей.

«Сочиненія лорда Байрона въ переводахъ русскихъ поэтовъ», Спб., 1864—1867 г., пять томовъ. Второе изданіе: Спб., 1873—1877 г., четыре тома.

«Собрание сочинений А. В. Дружинина», Спб., 1865—1867 г., восемь томовъ.

«Полное собраніе драматическихъ произведеній Шекспира въ переводѣ русскихъ писателей», четыре тома, Спб., 1866—1868 г. (вмѣстѣ съ Н. А. Некрасовымъ). Второе изданіе: Спб., 1876—1877 г., четыре тома. Третье изданіе: Спб., 1880 г., три тома.

«Поэзія славянъ, сборникъ лучшихъ поэтическихъ произведеній славянскихъ народовъ въ переводахъ русскихъ писателей», Спб., 1871 г.

«Горе отъ ума», комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ Грибоѣдова, тридцатое изданіе, Спб., 1873 г.

«Складчина, сборникъ, составленный изъ трудовъ русскихъ литераторовъ», изданный въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая въ Самарской губерніи. Спб., 1874 г. Отчетъ объ этомъ изданіи, составленный М. Семевскимъ и Гербелемъ, помѣщенъ въ «Русской Старинѣ» (1875 г., кн. 4, стр. 1—14, приложение).

«Русские поэты въ биографіяхъ и образцахъ», Спб., 1873 г. Второе изданіе: Спб.. 1880 г.

«Полное собраніе сочиненій Гофмана», четыре тома, Спб., 1873—1874 г. (вмѣстѣ съ А. Л. Соколовскимъ).

- Англійские поэты въ біографіяхъ и образцахъ, Спб., 1875 г.
- Иностранные поэты въ переводахъ Д. М. Михайловскаго, Спб., 1876 г.
- Нѣмецкіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ, Спб., 1877 г.
- Братская помощь, сборникъ, Спб., 1876 г.
- Собрание сочинений Гете въ переводахъ русскихъ писателей, десять томовъ, Спб., 1878—1880 г.
- Полное собрание сонетовъ Уильяма Шекспира, Спб., 1880 г.

Герцъ, Карль Карловичъ¹⁾, родился въ Петербургѣ (1820 г.) среди купеческой семьи и первоначально воспитывался въ Московской практической академіи коммерческихъ наукъ; отсюда онъ поступилъ на первое отдѣленіе философскаго факультета въ Московскому университетѣ; по окончаніи курса съ степенью кандидата (1844 г.), благодаря рекомендаціи гр. С. Г. Строгонова, сдѣлался воспитателемъ въ домѣ князя Салтыкова (1844—1851 г.), а потомъ отправился въ долгое заграничное путешествіе; послѣ возвращенія въ Россію (1856 г.), при содѣйствіи П. М. Леонтьева, началъ читать въ Московскому университетѣ курсъ лекцій по археологіи и исторіи искусствъ, сначала какъ приватъ-доцентъ (съ 21-го августа 1857 года), затѣмъ въ качествѣ доцента (1870 г.), наконецъ (съ 1873 г.), какъ профессоръ; за выслугуою срока уволенъ съ званіемъ заслуженного профессора (съ 21-го августа 1882 года); † 16-го февраля въ Москвѣ. Покойный, кроме постояннаго печатанія статей въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», подъ заглавіемъ «Археология и искусства», издалъ отдельно или помѣстилъ въ журналахъ слѣдующіе труды:

- Обзоръ новѣйшихъ трудовъ нѣмецкихъ ученыхъ по части исторіи Германіи, (Современ., 1845 г., кн. 7).
- Шлоссеръ, переводъ изъ сочиненія Генриха Вуттке (кн. 10).
- Обзоръ иностранной литературы (Современ., 1846 г., кн. 1—3). Подъ такимъ заголовкомъ разобраны слѣдующія сочиненія: «Наблюденіе надъ Англіей», Фоше; «Исторія восемнадцатаго и девятнадцатаго вѣковъ до паденія Французской имперіи», Шлоссер; «О Робертсонѣ, Юмѣ и Гиббонѣ».
- Абелляръ, изъ сочиненія Жюль-Симона (Современ., 1846 г., кн. 6).
- Раззоръ «Исторіи новѣйшихъ временъ», проф. Дрейлена (кн. 7).
- О «Всеобщей исторіи», проф. Лоренца (тамъ же).
- Фихте, переводъ съ нѣмецкаго (кн. 11).
- О современномъ значеніи исторіи (кн. 12).
- Обзоръ исторической литературы за первую половину 1846 года, (тамъ же).
- Исторический сборникъ, Спб., 1847 г., книга первая, 171 стр.
- Вильма, разсказъ (Москвитян., 1851 г., кн. 9).
- О портретномъ искусствѣ у древнихъ, отрывокъ изъ неизданныхъ лекцій Рауль-Рошетта (Пропилеи, изданіе П. М. Леонтьева, М., 1856 г., кн. 5).
- Археология и новѣйшее искусство (Русск. Вѣстн., 1857 г., кн. 4).

¹⁾ О немъ: «Московск. Вѣдом.», 1883 г., № 48; «Отчетъ импер. Московск. университета», 1884 г., стр. 261—265.

- «О значеніи исторії искусства», вступительная лекція, читанная 5-го октября 1857 года (Московск. Вѣдом., 1857 г., № 122 и 126). Отдѣльный оттискъ: М., 1857 г., 20 стр.
- «Нынѣшнее состояніе исторіи и археологіи искусства въ Германіи» (Отеч. Зап., 1857 г., кн. 6). Отдѣльный оттискъ: Спб., 1857 г., 20 стр.
- «Итальянскій архитекторъ и археологъ Канина» (Русскій Вѣстникъ, 1857 г., кн. 10).
- «Новая біографія Веласкеса, испанского живописца» (кн. 13 и 15).
- «Объ основаніи художественного музея въ Москвѣ» (Московск. Вѣдом., 1858 г., № 1).
- «Погребальные обряды древнихъ египтянъ» (Отеч. Записки, 1858 г., т. 118).
- «Францъ Куглеръ» (Московск. Вѣдом., 1858 г., № 45).
- «Египтологія и новѣйшая открытия въ Египтѣ» (Русск. Вѣстн., 1858 г., кн. 8).
- «Нѣмецкій акварельный живописецъ Карль Вернеръ» (тамъ же).
- «Фотографія въ отношеніи къ исторіи искусства» (кн. 9).
- «Новый атласъ для изученія исторіи искусства» (Атеней, 1858 г., ч. I, № 6).
- «Леонардо да Винчи» (ч. III, №№ 25 и 26).
- «Итальянская живопись въ средніе вѣка» (ч. V, № 40).
- «Исторія византійской эмали», по поводу сочиненій Лабарта и Забѣлина (Лѣтописи русск. liter. и древн., 1859 г., т. I, кн. 1).
- «Предисловіе къ сказанію о созданіи великія Божія церкви св. Софіи въ Константиноіполѣ» (тамъ же, т. II, кн. 3).
- «Исторія искусства въ 1858 году» (Московск. Обозрѣніе, 1859 г.).
- «Классическая археология: Иродъ Аттиктъ, строитель Одеона въ Аѳинахъ» (Атеней, 1859 г., ч. I, № 3).
- «О состояніи живописи въ сѣверной Европѣ отъ Карла Великаго до начала Романской эпохи» (Журналъ мин. нар. просв., 1859 г., ч. 103).
- «Миніатюры Остромірова Евангелія» (Лѣтописи русск. liter. и древн., 1860 г., т. III, кн. 5).
- «Археологическая и художественная извѣстія» (Московск. Вѣдом., 1860 г., №№ 121 и 187).
- «О словарѣ французской академіи художествъ» (Отеч. Зап., 1860 г.).
- «О венеціанской школѣ живописи» (тамъ же).
- «Изъ Петербурга: три художественныхъ письма» (Русск. Вѣстникъ, 1860 г., кн. 9, 11 и 19).
- «Новый уставъ импер. академіи художествъ» (Русск. Вѣстникъ, 1860 г., кн. 14).
- «Рафаэль-граверъ» (Русск. Рѣчь, 1861 г., № 79).
- «Старые и новые біографы Микель-Анджело» (тамъ же).
- «Памятники византійского искусства на Аѳонской горѣ» (Московск. Вѣдом., 1861 г., № 151).
- «Археология въ 1860 году» (тамъ же, № 168).
- «Новые приобрѣтенія импер. эрмитажа въ Петербургѣ» (тамъ же, № 199).
- «Новые материалы для біографіи Микель-Анджело» (тамъ же, № 202).
- «І. Д. Пассаванъ», некрологъ (тамъ же).
- «Эрондево общество въ Лондонѣ» (Русск. Вѣстникъ, 1861 г., кн. 7).
- «Первый отчетъ комитета Общества любителей художествъ» (Московск. Вѣдом., 1862 г., № 37). То же перепечатано въ изданіи: «Картинн. Галлереи Европы» (1862 г., т. I, № 8—12).
- «Реставрація Венеры Милосской» (Современ. Лѣтопись, 1862 г., № 38).

- «Археологическая и художественная извѣстія» (Московск. Вѣдом., 1862 г., №№ 104, 134, 167, 190, 191 и 206).
- «Археология въ 1861 году» (тамъ же, №№ 145 и 167).
- «Художественная извѣстія изъ Бельгіи» (тамъ же, № 157).
- «Происхожденіе Рафаэлевскихъ картоновъ, принадлежавшихъ А. Д. Лухманову» (Современн. Лѣтопись, 1863 г., № 25).
- «Новѣйшія открытія въ Иерусалимѣ» (С.-Петерб. Вѣдом., 1864 г., № 92).
- «Каталогъ картинъ и скульптурнаго отдѣленія Московскаго публичнаго музея», М., 1864 г.
- «Археологическія бѣсѣды у гр. А. С. Уварова» (тамъ же, № 117).
- «Таинство покаянія, картина Ф. Овербека», М., 1865 г.
- «Экспедиція Ренана въ Финикию» (Современн. Лѣтопись, 1865 г., № 25).
- «Эпиграфика Константинополя» (Московск. универс. извѣст., 1865 г.).
- «Библіографія по археологии» (Древности московск. археологич. Общества, 1865 г., т. I, вып. 1).
- «Каталогъ гравировальнаго отдѣленія Московскаго публичнаго музея», М., 1866 г.
- «Разборъ сочиненій археологическаго содержанія» (Археологическ. Вѣстникъ, 1867 г., № 2).
- «Новый иконографический словарь Каїз» (Журналъ мин. нар. просв., 1867 г., т. 136, кн. 11).
- «Выставка портретовъ русскихъ достопримѣчательныхъ людей» (Современн. Лѣтопись, 1868 г., № 39).
- «О погребальныхъ обрядахъ грековъ и греко-скиѳовъ на Босфорѣ Кимерийскомъ» (Сборникъ антрополог. и этнографич. статей о Россіи и странахъ, ей прилежащихъ, М., 1868 г., кн. 1).
- «О трудахъ владимірск. губ. статистич. комитета и ярославскаго губ. статистического комитета» (Древности московск. археол. Общества, 1869 г., т. II, вып. 2).
- «Археологическая топографія Таманского полуострова», изслѣдованіе съ 15-ю политипажами, одною хромолитографическою и тремя литографированными картами, М., 1870 г. (магистерская диссертациѣ).
- «Восточное и древне-греческое искусство» (Журналъ минист. народн. просвѣщ., 1871 г.).
- «Письма изъ Италии и Сицилии» (Московск. Вѣдом., 1871—1872 гг.). Отдельно: М., 1873 г.
- «О состояніи живописи въ європѣ отъ Карла Великаго до начала Романской эпохи (IX и X стол.), М., 1873 г. (докторская диссертациѣ).
- «Слѣды христіянства въ Помпѣи» (Правосл. Обозрѣніе, 1874 г.).
- «Исторический обзоръ археологическихъ изслѣдований и открытій на Таманскомъ полуостровѣ съ конца XVIII столѣтія до 1859 года» (Древности московск. археологич. Общества, 1875—1876 г.). Отдельно: М., 1876 г., 118 стр. и одна карта.
- «Каталогъ скульптурнаго отдѣленія Московскаго публичнаго музея», М., 1875 г., 26 стр.
- «Раскопки г. Шлимана въ Микенахъ» (Русск. Вѣстн., 1877 г., кн. 4).
- «Греческія статуэтки изъ Танагры» (Русск. Вѣстн., 1878 г., кн. 5).
- «Геометрическая орнаментация и ея происхожденіе», М., 1879 г., 12 стр.
- «О раскопкахъ въ Олимпіи» (Критич. Обозр., 1880 г.).

- «О новыхъ археологическихъ изданияхъ» (Древности московск. археолог. Общества, 1881 г.).
- «Нумизматический кабинетъ гр. Румянцова» (Сборникъ материаловъ для истории Румянцовск. музея, М., 1882 г., вып. I).
- «Генрихъ Шлиманъ, его жизнь, раскопки и литературные труды» (Русск. Вѣстн., 1882 г., кн. 2).

Глинка, Дмитрій Павловичъ¹⁾), долгое время состоялъ при посольствѣ различныхъ германскихъ дворовъ, затѣмъ, секретарь русского посольства въ Лондонѣ, наконецъ, полномочный министръ въ Ріо-Жанейро и съ 1871 года при португальскомъ дворѣ; † въ іюнѣ въ Лиссабонѣ. Онъ написалъ пофранцузски и издалъ за границею книгу, которую «съ четвертаго, вполнѣ передѣланаго, изданія» перевелъ П. А. Бибиковъ и напечаталъ подъ заглавиемъ: «Наука о человѣческомъ обществѣ» (Спб., 1870 г.).

Голенищевъ-Кутузовъ-Толстой, Павелъ Матвѣевичъ, † 23-го февраля въ Москвѣ, помѣстилъ двѣ замѣтки:

- «По поводу печатанія переписки кн. Кутузова-Смоленскаго» (Русскій Миръ, 1872 г., № 97).
- «Нѣсколько словъ о князѣ М. И. Голенищевѣ-Кутузовѣ-Смоленскому» (Русскій Архивъ, 1883 г., кн. 4, стр. 361—364).

Григоровскій, П..... Г.....²⁾), посвятилъ свою жизнь распространенію христіанства между остыками, пока Братство св. Гурія не вызвало его въ Казань; тамъ ему былъ порученъ переводъ св. Писанія на остыцкій языкъ, которымъ онъ и занимался до лѣта 1882 года, когда, по командировкѣ западно-сибирскаго Отдѣла императорскаго географическаго Общества, отправился въ путешествіе по Васюганскому краю; † въ апрѣль, въ селѣ Ново-Ильинскомъ, Томской губерніи. Покойный миссіонеръ, кромѣ переводовъ духовнаго содержанія на остыцкій языкъ, напечаталъ статьи:

- «Крестьяне-старожилы Нарымскаго края» (Записки запад.-сибирск. Отд. импер. географическ. Общества, кн. I).
- «Очерки Нарымскаго края» (тамъ же, кн. IV).

Гриневъ, Аполлонъ Аѳанасьевичъ³⁾), сначала служилъ въ арміи, потомъ вышелъ въ отставку; онъ сильно любилъ театръ, особенно балетные спектакли, такъ что нѣсколько лѣтъ не пропустилъ ни одного представленія въ Большомъ петербургскому театрѣ, когда давали балетъ; † 8-го іюля въ Дуббельнѣ. Ему принадлежала пьеса, поставленная на Александринской сценѣ и изданная литографскимъ способомъ, подъ названіемъ:

- «Каковы люди, таковы и дѣла», оригинальная комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ и пяти картинахъ (М., 1877 г., 135 стр.).

¹⁾ См. «Историч. Вѣстникъ», 1883 г., кн. 7, стр. 235—236.

²⁾ О немъ: «Московск. Церковн. Вѣдом.», 1884 г., № 49.

³⁾ См. «Нов. Время», 1883 г., № 2,644.

Далматъ (въ мірѣ Долгополовъ¹⁾), сынъ сельского священника, воспитывался въ воронежской духовной семинарии, по окончаніи курса, занялъ мѣсто отца; но послѣ смерти жены поступилъ въ Киевскую духовную академію, где постригся въ монахи (1857 г.) и окончилъ курсъ кандидатомъ богословія (1859 г.); затѣмъ восемь лѣтъ служилъ преподавателемъ въ одной изъ духовныхъ семинарій; въ 1867 году, его назначили ректоромъ екатеринославской семинаріи и возвели въ санъ архимандрита, а 2-го апрѣля 1883 года, его посвятили въ санъ епископа новомиргородскаго, первого викария Херсонской епархіи; † 23-го декабря, въ Херсонѣ. Имъ напечатаны нѣсколько проповѣдей въ «Херсонскихъ Епархиальныхъ Вѣдомостяхъ».

Димитрій, въ мірѣ Климентъ Ивановичъ Муретовъ²⁾, замѣчательный іерархъ-проповѣдникъ, родился въ 1811 году, воспитывался въ рязанской семинарии и Киевской духовной академіи; постриженный въ монашество еще на студенческой скамьѣ, онъ окончилъ академический курсъ первымъ магистромъ богословія (1835 г.); затѣмъ занялъ каѳедру богословія въ той же академіи съ званіемъ баккалавра (съ 7-го октября 1835 г.) и профессора (съ 6-го сентября 1837 г.); возведенный въ санъ архимандрита (1838 г.), былъ назначенъ инспекторомъ (4-го февраля 1838 г.) и ректоромъ (24-го апрѣля 1841 г.) Киевской академіи; послѣ того, епископъ тульскій и бѣлевскій (съ 23-го декабря 1851 г. до 11-го іюня 1857 г.), епископъ (съ 11-го іюня 1857 г.) и архіепископъ (съ 16-го ноября 1860 г.) херсонскій и одесскій (до 2-го октября 1874 г.), ярославскій и ростовскій (со 2-го октября 1874 г. до 26-го апрѣля 1876 г.), волынскій и житомірскій (съ 26-го апрѣля 1876 г. до 20-го февраля 1882 г.), наконецъ, снова архіепископъ херсонскій и одесскій (съ 20-го февраля 1882 г.); † 14-го ноября, въ Одессѣ. Почившій архипастырь, кромѣ проповѣдей, помѣщенныхъ въ «Епархиальныхъ Вѣдомостяхъ» тѣхъ губерній, где состояль на духовной службѣ, напечаталъ слѣдующіе труды:

«О путяхъ промысла Божія въ обращеніи грѣшниковъ и о путяхъ покаянія

¹⁾ О немъ: «Московск. Вѣдом.», 1883 г., № 361, и 1884 г., № 8.

²⁾ О немъ: въ книгѣ «Пятидесятилѣтній юбилей Киевск. дух. академіи», Киевъ, 1869 г., стр. 98—99, 216—218, 383 и 385; «Церковно-Обществ. Вѣстникъ», 1874 г., № 131; «Ярославск. Епарх. Вѣдом.», 1875 г., №№ 2 и 7; «Херсонск. Епарх. Вѣдом.», 1874 г., № 22; «Всемірн. Иллюстр.», 1875 г., № 314; «Газета Гатцкука», 1875 г., № 16; «Ярославск. Епарх. Вѣдом.», 1876 г., №№ 21, 23, 28, 47 и 52; въ периодическихъ изданіяхъ 1883 года: «Московск. Листокъ», № 317; «Московск. Церковн. Вѣдом.», № 47; «Московск. Вѣдом.», №№ 320, 321, 324, 325, 328, 330, 345 и 359; «Херсонск. Епарх. Вѣдом.», № 23; «Родина», № 21; «Русск. Вѣдом.», № 319; «Современн. Извѣстія», № 319, 320, 322 и 341; въ периодическихъ изданіяхъ 1884 года: «Московск. Вѣдом.», № 18; «Историч. Вѣстникъ», кн. 2, стр. 341—345; «Православн. Обозр.», кн. 4, стр. 813—822; «Кievск. Старина», 1883 г., кн. 12, стр. 704—713.

- для обращенныхъ», магистерская диссертация (Собрание сочинений студентовъ Киевской дух. академіи, Киевъ, 1839 г., т. I).
- «Собрание словъ, бесѣдъ и рѣчей, говоренныхъ въ разныя времена», Одесса, 1859 г., томъ первый.
- «Слова, бесѣды и рѣчи», Спб., 1885 г., томъ первый, 360 стр. (посмертное изданіе).

Кромѣ названныхъ произведеній, покойный постоянно помѣщалъ свои «слова» и «рѣчи» въ «Православномъ Обозрѣніи» (1877—1883 г.).

Добротворскій, Иванъ Михайловичъ¹⁾, сынъ священника, родился въ селѣ Стрѣлкахъ, Арзамасскаго уѣзда, Нижегородской губерніи (1832 г.) и учился сначала въ тамошней семинаріи, а по-томъ въ Казанской духовной академіи, где и окончилъ курсъ магистромъ богословія (1856 г.); послѣ того, баккалавръ той же академіи по каѳедрѣ исторіи раскола (1858—1868 г.) и профессоръ церковной исторіи въ Казанскомъ университетѣ (1868—1883 г.); † 7-го сентября, въ Казани. Имъ напечатаны:

- «Историческая свѣдѣнія объ Иргизскихъ инимостарообрядческихъ монастыряхъ до обращенія ихъ къ единовѣрію» (Православный Собесѣдникъ, 1857 г., кн. 2—3).
- Обращеніе Иргизскихъ старообрядческихъ монастырей къ единовѣрію» (тамъ же, 1858 г., ч. I).
- «Свѣдѣнія о сектѣ такъ называющихъ въ русскомъ расколѣ людей божіихъ» (тамъ же, 1858 г., ч. I). Позже это изслѣдованіе вышло отдельно подъ заглавиемъ: «Люди божіи, русская секта такъ называемыхъ духовныхъ христіанъ» (Казань, 1869 г.).
- «Полемическій вопросъ по расколу», по поводу книги г. Нильскаго: «Объ антихристѣ» (Православн. Обозр., 1860 г., кн. 12).
- «Рецензія на книгу г. Предтеченскаго: «О необходимости священства противъ беспоповцевъ» (тамъ же, 1861 г., кн. 3).
- «Русскій расколъ въ его отношеніи къ церкви и правительству» (тамъ же, 1862 г., кн. 3).
- «Каноническая книга Стоглавъ или не каноническая?» (Православн. Собесѣдн., 1863 г., кн. 3—5).
- «Библіографическая замѣтка о новомъ изданіи постановленій Стоглаваго собора 1551 года» (тамъ же, кн. 10).
- «Притча въ древне-русской духовной письменности» (тамъ же, 1864 г., кн. 4).
- «Къ вопросу о людяхъ божіихъ» (тамъ же, 1870 г., кн. 1).

Подъ редакціей Добротворскаго еще напечатаны: «Стоглавъ». въ полномъ видѣ, по нѣсколькимъ рукописямъ, съ предисловіемъ (Правосл. Собесѣдн., 1862 г., ч. I, II и III), и сочиненіе инока Зи-

¹⁾ См. «Ізвѣстія Казанскаго университета», 1882 г., т. XVIII, стр. 239—241; «Историч. Вѣстникъ», 1883 г., кн. 11, стр. 462—463; «Московск. Церковн. Вѣдом.», 1883 г., № 39; «Московск. Вѣдом.», 1883 г., № 260; «Годичный актъ въ император. Казанскомъ университѣтѣ», Казань, 1883 г., стр. 96—98.

новія: «Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ учениі», тоже съ предисловіемъ (1863 г., ч. I, II и III; 1864 г., ч. I, II и III).

Дуброво, Илья Ивановичъ¹⁾), окончилъ курсъ лѣкаремъ въ Петербургской военно-медицинской академіи и поступилъ ординаторомъ московского военного госпиталя, гдѣ и служилъ до смерти; † 27-го мая, въ Москвѣ. Покойный состоялъ редакторомъ «Лѣтописей хирургического Общества» и для полученія степени доктора медицины напечаталъ диссертациою подъ такимъ заглавиемъ:

«Гистологическая измѣненія съменной желѣзы послѣ перевязки сосудовъ канатика», съ шестью рисунками (Спб., 1879 г., 56 стр.).

Евсеевій, въ мірѣ Евсеймій Поликарповичъ Орлинскій²⁾), родился въ селѣ Черномъ Верхѣ, Бѣлевского уѣзда, Тульской губерніи (1808 г.) и воспитывался въ мѣстной семинарии, изъ которой поступилъ въ Московскую духовную академію (1828 г.); тамъ, постриженный въ монашество (29-го мая 1832 г.), онъ окончилъ курсъ магистромъ богословія (1832 г.), а послѣ того опредѣленъ профессоромъ церковной исторіи и греческаго языка, вмѣстѣ съ тѣмъ и инспекторомъ въ Виѳанскую семинарію (съ 29-го августа 1832 г. до 25-го ноября 1834 г.); переведенъ въ московскую семинарію инспекторомъ и профессоромъ философіи (съ 25-го ноября 1834 г. до 31-го августа 1838 г.); затѣмъ — инспекторъ и бакалавръ богословскихъ наукъ въ Московской духовной академіи (съ 31-го августа 1838 г.); возвѣденный въ санъ архимандрита (15-го октября 1838 г.), былъ назначенъ ректоромъ той же академіи (25-го ноября 1841 г.) и настоятелемъ московскихъ Богоявленскаго и Высокопетровскаго монастырей; потомъ — ректоръ Петербургской духовной академіи и вмѣстѣ съ тѣмъ — епископъ винницкій (съ 17-го января 1847 г. до 10-го декабря 1850 г.), епископъ самарскій и ставропольскій (съ 10-го декабря 1850 г. до 3-го ноября 1856 г.), епископъ и позже архіепископъ иркутскій и нерчинскій (съ 3-го ноября 1856 г. до 29-го августа 1860 г.); наконецъ, архіепископъ могилевскій и мстиславскій (съ 29-го августа 1860 г.); назначенъ членомъ ев. синода (съ 16-го апрѣля 1878 г.), онъ уволился на покой (съ 6-го октября 1882 г.); † 21-го февраля въ Могилевѣ. Покойный напечаталъ слѣдующіе труды:

¹⁾ «Московск. Вѣдом.», 1883 г., № 147.

²⁾ О немъ: «Списки настоятелей московск. Высокопетровск. монастыря», архим. Григорія, М., 1874 г., стр. 26—28; «Исторія Московск. духовн. академій», С. Смирнова, М., 1879 г., стр. 70—75, 122, 258, 259, 271, 315, 380, 383, 400, 426—427; «Московск. Церковн. Вѣдом.», 1883 г., № 11; «Московск. Вѣдом.», 1883 г., № 21; брошюра И. Каргопольцева: «Евсеевій, архіепископъ могилевскій» (Могилевъ, 1883 г.); «Московск. Вѣдом.», 1885 г., № 245; «Исторія С.-Петерб. академіи», Чистовича, Спб., 1857 г., стр. 314, 335—336.

- «О воспитаніи» (Прибавленія къ Твореніямъ св. отецъ, 1843 г., ч. 1).
- «О православной Христовой церкви» (тамъ же).
- «О промыслѣ Божіемъ» (тамъ же).
- «О воспитаніи дѣтей въ духѣ христіанскаго благочестія», изъ Зайлера, М., 1844 г. Второе издание: Спб., 1857 г. Третье издание: Спб., 1876 г.
- «Размышенія о страданіяхъ Господа нашего Иисуса Христа» (Прибавленія къ Твореніямъ св. отецъ, 1844 г., ч. 2). Второе издание: Спб., 1848 г.
- «О семейныхъ обязанностяхъ» (тамъ же).
- «О троекомъ служеніи Иисуса Христа» (тамъ же).
- «Достопамятныя сказанія о подвигничествѣ святыхъ и блаженныхъ отцевъ», переводъ съ греческаго, М., 1845 г. Второе издание: Спб., 1856 г.
- «О божественности христіанской религіи» (Прибавленія къ Твореніямъ св. отецъ, 1845 г., ч. 3). Отдѣльно: М., 1845 г.
- «О приготовленіи рода человѣческаго къ принятію Спасителя» (тамъ же).
- «Размыщенія на молитву Господню» (тамъ же). Второе издание: Спб., 1849 г. Третье издание: Спб., 1871 г.
- «Бесѣды о спасительныхъ таинствахъ» (тамъ же, 1846 г., ч. 4). Отдѣльно: М., 1849 г.; Спб., 1857 г. и Спб., 1872 г.
- «Слово на Рождество Христово» (тамъ же).
- «Рѣчь св. синоду по нареченіи епископомъ винницкимъ» (Христіанско Чтеніе, 1847 г., ч. II).
- «Утѣшеніе въ скорби и болѣзни», Спб., 1849 г., 1864 г., 1874 г. и 1879 г.
- «Лавсанікъ епископа Еленопольскаго Палладія», переводъ съ греческаго, Спб., 1850 г.
- «Бесѣды на воскресныя и праздничныя Евангелія», два тома, М., 1855 г. Второе издание: Спб., 1863 г. Третье издание: Спб., 1876 г.
- «Слово къ Самарской паствѣ», М. 1857 г.
- «О христіанской надеждѣ и любви», М., 1858 г.
- «Наставленіе священникамъ, служащимъ между язычниками и новообращенными къ православной вѣрѣ», Спб., 1860 г.
- «Бесѣды о христіанской свободѣ къ получившимъ свободу отъ крѣпостной зависимости», Спб., 1861 г. Второе издание: Спб., 1864 г.
- «Бесѣды къ своей душѣ», Спб., 1863 г. и 1873 г.
- «О православной вѣрѣ: поученія, предложенные по порядку пространнаго катехизиса православной церкви», три тома, Спб., 1863 г. Второе издание: Спб., 1865 г. Третье издание: Спб., 1877 г., въ двухъ книгахъ.
- «Пять словъ: на новый годъ, въ недѣлю мясопустную, въ недѣлю православія, на Благовѣщеніе и въ великий пятокъ», Спб., 1863 г.
- «Бесѣды о пьянствѣ», М., 1864 г.
- «Бесѣды на первое соборное посланіе апостола Иоанна Богослова», Спб., 1864 г. Второе издание: Спб., 1881 г.
- «Бесѣды на воскресныя и праздничныя чтенія изъ Апостола», двѣ части, Спб., 1867 г.
- «Проповѣди на всѣ воскресные и праздничные дни», два тома, Спб., 1870 г.
- «Размыщенія на символъ вѣры», Спб., 1871 г.
- «Бесѣды на св. Евангеліе отъ воскрешенія Лазаря до сошествія Св. Духа», двѣ части, Спб., 1875 г. Второе издание: Спб., 1880 г., въ двухъ книгахъ.

Жадовская, Юлия Валерьевна¹⁾), известная писательница, родилась 29-го июня 1824 года, въ сельцѣ Субботинѣ, Любимского уѣзда, Ярославской губерніи; воспитывалась, за смертью матери, у бабушки Н. П. Готовцевой и тетки А. И. Корниловой; но образование получила въ костромскомъ женскомъ пансионѣ г-жи Прибытовой, где преподавателемъ словесности былъ П. М. Перевльскій, направившій Жадовскую на литературную дорогу; по окончаніи образования, она поселилась у отца въ Ярославлѣ и начала писать стихи; отецъ, видя дарование дочери, повезъ ее въ Москву и Петербургъ, познакомилъ со многими писателями и издателями; по возвращеніи на родину, Ю. В. стала продолжать свою литературную дѣятельность, но съ половины шестидесятыхъ годовъ покинула журнальное поприще; † въ іюль въ своеемъ имѣніи — сельцѣ Толстиковѣ, Буевскаго уѣзда, Костромской губерніи. Покойная, кроме своего участія въ «Московскомъ Городскомъ Листкѣ», «Ярославскомъ литературномъ сборникѣ» (1849 года), «Иллюстраціи», «Сынѣ Отечества» и «Сборникѣ въ память Смирдина», напечатала слѣдующія произведенія:

- Проводы масляницы въ Буйскомъ и Солигалицкомъ уѣздахъ. (Москвитян., 1843 г., ч. II).
- Два стихотворенія. (Москвитян., 1843 г., ч. VI).
- Водной, стихотвореніе (тамъ же, 1844 г., ч. III, кн. 6).
- Стихотворенія, М., 1846 г.
- Я вновь полна чудесныхъ звуковъ, «Сила звуковъ», «Облака» и «Прощай», четыре стихотворенія (Библіот. для Чтенія, 1847 г., т. 81, кн. 4).
- Вглядъ, «Я вновь полна чудесныхъ звуковъ», «Облака» и «Возрожденіе», четыре стихотворенія (Московск. литер. и учен. сборникъ, М., 1847 г.).
- Никто не виноватъ, стихотвореніе (Москвитян., 1848 г., ч. II).
- Посѣщеніе, разсказъ (тамъ же, ч. III).
- Вечерняя думы, стихотвореніе (тамъ же, ч. V).
- Дума и Когда я грущу, два стихотворенія (тамъ же, ч. VI).
- Ни тьма, ни свѣтъ, повѣсть (тамъ же, ч. VI, кн. 11).
- Необходимое притворство и Вечеръ, два стихотворенія (тамъ же, 1849 г., ч. I).
- Переписка, повѣсть (тамъ же, ч. II, кн. 4).
- У портрета и Пробужденіе сердца, два стихотворенія (тамъ же, ч. III).
- Непринятая жертва, повѣсть (тамъ же, ч. VI, кн. 11).
- Письмо къ Ю(рию) Н(икитичу) Б(артеневу) (тамъ же, ч. III).
- Сила прошедшаго, повѣсть (тамъ же, 1851 г., кн. 6).
- Нѣтъ, полно, брось перо, стихотвореніе (тамъ же, 1852 г., ч. I, кн. 2).
- Отсутствующему другу, стихотвореніе (тамъ же, ч. IV, кн. 13).

¹⁾ О ней: «Новый Русский Базаръ», 1875 г., № 2; «Русские поэты въ биографіяхъ и образцахъ», Н. Гербеля, Спб., 1880 г., стр. 633—635; въ периодическихъ изданіяхъ 1883 года: «Московск. Листокъ», № 258; «Московск. Вѣдом.», № 260; «Записки учителя», кн. 6, стр. 356—357; «Историч. Вѣстникъ», кн. 11, стр. 463.

«Истор. вѣстн.», ДЕКАБРЬ, 1886 г., т. XXVI.

- «Первая любовь», эпизодъ изъ неоконченного романа (Москвитян., 1853 г., ч. III кн. 5 и 6).
 «Кто мнѣ родна?» и «Страсти истинной, глубокой...», два стихотворенія (тамъ же, ч. VI).
 «Полночная молитва» и «Раннимъ утромъ», два стихотворенія (тамъ же, 1854 г., ч. VII, кн. 24).
 «Прошедшій годъ» и «Небо голубое» (тамъ же, 1855 г., ч. III, кн. 6).
 «Одиночество», «Небо голубое» и «Ель», три стихотворенія (Раутъ, изданіе Н. В. Сушкиова, М., 1854 г.).
 «Житье-бытье на Корегѣ, записки Гульпинской, Авдотьи Степановны» (Русскій Вѣстникъ, 1857 г., т. VII, кн. 1).
 «Ель», стихотвореніе изъ Фрейдлігратса (тамъ же).
 «Въ сторонѣ отъ большаго свѣта», романъ (Русскій Вѣстникъ, 1857 г., кн. 5—8).
 Отдѣльно: М., 1857 г.
 «Повѣсти», М., 1858 г.
 «Стихотворенія», Спб., 1858 г.
 «Женская исторія», романъ въ трехъ частяхъ (Время, 1861 г., кн. 2—4). Отдѣльно: Спб., 1861 г.
 «Отсталая», повѣсть (тамъ же, кн. 12).

Уже послѣ кончины писательницы, ея братъ П. В. Жадовскій напечаталъ:

- Полное собраніе сочиненій Ю. В. Жадовской, посмертное изданіе, три тома, Спб., 1885 г.
 «Сочиненія Ю. В. Жадовской, посмертное изданіе: стихотворенія и переписка», одинъ томъ, Спб., 1886 г.

Жандръ, Александра Васильевна¹⁾), долгое время писала въ «Московскія Вѣдомости» корреспонденціи изъ Вѣны, а затѣмъ, послѣ перѣезда въ Москву, составляла для той же газеты обзоръ современныхъ общественныхъ явлений, подъ названіемъ: «Калейдоскопъ»; † 29-го апрѣля въ Москвѣ.

Зарудный, Митрофанъ Ивановичъ²⁾, родился въ 1836 году и воспитывался въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія; по окончаніи курса въ немъ (1855 г.), служилъ по министерству юстиціи до 1881 года, когда неизлѣчимая душевная болѣзнь прервала его служебную дѣятельность; † 26-го марта въ Петербургѣ. Имъ напечатаны:

- «О постановленіи вопросовъ и порядкѣ собирания голосовъ при решеніи дѣлъ» (Архивъ историческ. и практич. свѣдѣній, 1859 г.).
 «Англійскіе суды», изъ путевыхъ замѣтокъ (Русскій Вѣстникъ, 1860 г., кн. 15 и 16).
 «Путевые замѣтки о тюремахъ и уголовныхъ наказаніяхъ въ Англіи» (тамъ же, кн. 18).

¹⁾ О ней: «Московск. Вѣдомости», 1883 г., № 118.

²⁾ О немъ: «Исторический Вѣстникъ», 1883 г., кн. 5, стр. 485.

- Очеркъ путешествія въ Шотландію и Ирландію» (Современн. Лѣтопись, 1861 г.. № 12—14, 20, 29 и 32).
- Убийство въ Степнѣ» (Русскій Вѣстникъ, 1861 г., кн. 11).
- Парижскія тюрьмы», отрывокъ изъ путевыхъ замѣтокъ (Журналъ мин. юстиціи, 1862 г., т. XI, кн. 1).
- Очеркъ шотландскаго судоустройства» (Журналъ мин. юстиціи, 1862 г., т. XI, кн. 1).
- Суды общаго закона (Common law) и справедливости (Equity) въ Англіи» (тамъ же, т. XIV, кн. 12).
- Французскіе суды» (Русскій Вѣстникъ, 1862 г., кн. 11).
- Нѣсколько словъ о предварительномъ слѣдствіи въ Англіи» (Петерб. Вѣдом., 1863 г., № 60).
- Гароттеры и настояще состояніе тюремъ въ Англіи» (тамъ же, № 71).
- Томасъ Эрскинъ, англійскій адвокатъ» (Русскій Вѣстникъ, 1863 г., кн. 3).
- Общественный бытъ Англіи, очерки земства, города и суда, съ характеристи-кою соотвѣтственныхъ учрежденій Франціи и современныхъ преобразо-ваній въ Россіи», Спб., 1865 г.
- Нѣкоторыя черты современного положенія Франціи» (Русскій Вѣстникъ, 1865 г., кн. 5).
- Законы и жизнь, итоги изслѣдованія крестьянскихъ судовъ», Спб., 1874 г.

Игнатій, въ мірѣ Николай Дмитріевичъ Рождествен-скій¹⁾, сынъ священника Московской въ бывшемъ Георгіевскомъ монастырѣ церкви, родился въ 1825 году; воспитывался въ московской духовной семинарии и Московской духовной академіи; въ послѣдней, постриженный въ монашество (21-го мая 1850 г.), окон-чилъ курсъ магистромъ богословія (1850 г.); послѣ того—инспек-торъ, преподаватель словесности, латинскаго и греческаго языковъ, священного писанія и библейской исторіи въ московской семина-рии (съ 13-го декабря 1850 г.); возведенный въ санъ архимандрита (1-го января 1855 г.), опредѣленъ ректоромъ и профессоромъ въ Виенскую семинарію (съ 25-го октября 1857 г.), настоятелемъ московского Знаменскаго монастыря (съ 7-го августа 1859 г.), рек-торомъ московской духовной семинаріи (съ 10-го января 1861 г.) и настоятелемъ тамошняго Богоявленскаго монастыря (съ 25-го ок-тября 1863 г.); потомъ назначенъ епископомъ можайскимъ, вика-ріемъ Московской митрополіи (съ 18-го іюля 1866 г.), епископомъ дмитровскимъ, викаріемъ той же епархіи (съ 17-го декабря 1877 г.) и, наконецъ, епископомъ костромскимъ и галицкимъ (съ 11-го февраля 1878 г.); † 7-го іюня въ Костромѣ. Кромѣ проповѣдей,

¹⁾ О немъ: «Списки настоятелей московск. Высокопетровск. монастыря», архим. Григорія, М., 1874 г., стр. 35—37; «Исторія Московской духовной акаде-міи», С. Смирнова, М., 1879 г., стр. 444; «Московск. Церковн. Вѣдом.», 1883 г., № 26 и 27; «Московск. Вѣдом.», 1883 г., №№ 160, 166 и 171; «Вѣнокъ на мо-гилу преосв. Игнатія, епископа костромскаго», состав. архим. Іустиномъ, Ко-строма, 1883 г.

помѣщенныхъ въ «Костромскихъ Епархіальныхъ Вѣдомо-
стяхъ», напечатана его:

«Рѣчъ по нареченіи въ епископа Можайскаго» (Душеполезн. Чтеніе, 1866 г.,
кн. 8, и Православн. Обозр., 1866 г., кн. 8).

Іаннуарій, въ мірѣ Георгій Ивановичъ Пановъ¹⁾, рож-
дился въ Минской губерніи (1823 г.), воспитывался въ орловской
семинаріи и Киевской духовной академіи; по окончаніи курса въ
послѣдней со степенью магистра богословія (1849 г.), пострижен-
ный въ монашество, былъ назначенъ профессоромъ кievской и по-
дольской семинарій; возведенный въ санъ архимандрита (1853 г.),
определенъ ректоромъ астраханской семинаріи и настоятелемъ та-
мошняго Предтечева монастыря (1862 г.), а потомъ ректоромъ
минской семинаріи (1869 г.); наконецъ, епископъ брестской, ви-
карій Литовской епархіи (съ 16-го мая 1877 г.) и епископъ балт-
ской, викарій Подольской епархіи (съ 17-го февраля 1879 г.); † 5-го
сентября въ Каменецъ-Подольскѣ. Онъ издалъ:

«Собрание проповѣдей», Спб., 1876 г., 195 стр. Издание второе: Спб., 1877 г.,
283 стр.

«Собрание рѣчей, словъ и бесѣдъ», первый выпускъ, Спб., 1878 г., 139 стр.;
второй выпускъ, Спб., 1879 г., 98 стр.; третій выпускъ, Спб., 1881 г.,
206 стр.

Іоаннъ, въ мірѣ Павелъ Іоанновичъ Ждановъ²⁾, родился
въ селѣ Сосижѣ, Дорогобужского уѣзда, Смоленской губерніи
(1817 г.), воспитывался въ мѣстной семинаріи и Петербургской
духовной академіи; по окончаніи курса въ послѣдней со степенью
магистра богословія (1841 г.) — учитель логики, психологіи и ла-
тинскаго языка въ смоленской семинаріи, ректоръ духовнаго и
уѣзднаго училищъ въ Вязьмѣ (съ 31-го декабря 1843 г.), священ-
никъ вяземской Свято-Троицкой церкви (1844 г.), протоіерей Смо-
ленскаго собора (1853 г.) и ректоръ смоленскихъ духовныхъ учи-
лищъ (1855—1862 г.); постриженный въ монашество (1870 г.) и
возведенный въ санъ архимандрита (25-го ноября 1870 г.), былъ
назначенъ ректоромъ новгородской семинаріи и настоятелемъ та-
мошняго Антоніева монастыря (1870—1875 г.); наконецъ, епископъ
чебоксарскій, викарій Казанской епархіи (съ 10-го февраля 1875 г.)
и епископъ чигиринскій, викарій Киевской митрополіи (съ 17-го
февраля 1878 г.); † 14-го января въ Кіевѣ. Его проповѣди печа-
тались въ «Смоленскихъ» и «Кievскихъ Епархіальныхъ Вѣ-
домостяхъ».

¹⁾ См. «Московск. Церковн. Вѣдом.», 1883 г., № 39.

²⁾ О немъ: «Московск. Церковн.-Вѣдом.», 1883 г., № 4; «Московск. Вѣдом.»,
1883 г., № 19.

Ковалевскій, Владими́р Онуфріевич²⁾, родился въ Ди-
набургскомъ уѣздѣ Витебской губерніи (1842 г.). Воспитывался въ
петербургскомъ пансионѣ англичанина Мегина и въ императорскомъ
училишѣ правовѣдѣнія; по окончаніи курса въ послѣднемъ (1861 г.),
опредѣлился на службу въ департаментъ герольдіи правительству-
ющаго сената (17-го мая 1861 г.), но скоро (съ 30-го іюля) уѣхалъ
за границу; тамъ онъ посѣтилъ Гейдельбергъ, Парижъ, Ниццу и
Лондонъ; по возвращеніи на родину въ 1863 году занялся перево-
дами и издательскою дѣятельностью; затѣмъ, черезъ три года, от-
правился на театръ австро-prusско-итальянской войны въ качествѣ
корреспондента «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (1866 г.);
вернувшись въ Петербургъ (1867—1868 г.), онъ женился на С. В.
Корвинъ-Круковской и вскорѣ послѣ брака уѣхалъ снова за гра-
ницу; при этой поѣздкѣ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ универ-
ситетскихъ городахъ Германіи, въ Парижѣ и Лондонѣ, занимаясь
преимущественно палеонтологіей, и въ заключеніе получилъ сте-
пень доктора философіи отъ Іенского университета; по диплому на
это званіе его опредѣлили хранителемъ зоологического кабинета
въ Петербургскомъ университѣтѣ (1873 г.), а послѣ полученія ма-
гистерской степени (1875 г.) избрали доцентомъ по каѳедрѣ геоло-
гіи въ Московскомъ университѣтѣ (съ января 1881 г.); † 16-го
апрѣля въ Москвѣ. Покойный, кромѣ корреспонденцій въ «С.-Пе-
тербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1866—1868 г.), издалъ слѣдую-
щіе оригинальные и переводные труды:

- «Геологіческій доказательства древности человѣка, съ нѣкоторыми замѣчаніями
о теоріяхъ происхожденія видовъ», сочин. Ч. Лайзлла, переводъ съ третьаго
англійскаго изданія, Спб., 1864 г. Второе изданіе: Спб., 1878 г.
- «Зоологические очерки, или старое и новое изъ жизни людей и животныхъ»,
сочин. К. Фохта, переводъ съ нѣмецкаго, Спб., 1864 г., томъ первый, съ
портретомъ автора и 55 рисунками въ текстѣ.
- «Гистологія, или учение о тканяхъ человѣка», сочинен. А. Келликера, переводъ
съ четвертаго дополненнаго изданія, Спб., 1864—1865 г., съ 398 рисун-
ками въ текстѣ.
- «Микроскопъ и микроскопическая техника», руководство для врачей и студен-
товъ, д-ра Г. Фрея, Спб., 1865 г., съ 54 рисунками въ текстѣ.
- «Иллюстрированная жизнь животныхъ», сочин. А. Э. Брема, Спб., 1865—1867 г.,
три тома.
- «On the Osteology of the Hyopotamidae» (Philosophical Transactions, 1873 г.).
- «Sur l'Anchitherium aurelianense et sur l'histoire paléontologique des chevaux»
(Mémoir. de l'acad. imp. des sciences de St.-Pétersbourg, 1873 г.). Этотъ
мемуаръ составилъ магистерскую диссертацию автора, когда вышелъ на
русскомъ языке подъ слѣдующимъ заглавиемъ: «Остеология Anchite-

²⁾ См. «Московск. Вѣдом.», 1883 г., № 107; «Отчетъ Московск. универси-
тета», М., 1884 г., стр. 266—281.

- rium aurelianense Cuv., какъ формы, выясняющей генеалогію типа лошади» (Кievъ, 1873 г.).
- «Остеологія двухъ ископаемыхъ видовъ изъ группы копытныхъ» (Ізвѣстія импер. Общества любителей естествознанія, 1875 г., т. XIV, вып. 1).
- «Osteologie des Genus Entelodon Aym.» (Palaeontographica, 1876 г., XXII).
- «Monographie der Gattung Anthracotherium Cuv. und Versuch einer natürlichen Classification der fossilen Hufthiere» (тамъ же).
- «Промахи неумѣлого редакторства» (Знаніе, 1877 г., кн. 3). Эта статья вызвана переводомъ сочиненія Гельвальда: «Земля и ея народы».

Корфъ, баронъ, Николай Александровичъ¹⁾, извѣстный педагогъ, родился 2-го іюля 1834 года въ Харьковѣ, получилъ домашнее воспитаніе въ семье воронежского помѣщика Градовскаго, затѣмъ учился въ учебномъ заведеніи Крюммера (въ Лифляндіи), въ петербургскомъ пансионѣ А. Я. Филиппова и Александровскомъ лицѣѣ, где и окончилъ курсъ съ серебряною мадалью (1854 г.); по выходѣ изъ лицея, поступилъ на службу по министерству юстиціи, но черезъ полтора года (1856 г.) вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ свое имѣніе Екатеринославской губерніи, Александровскаго уѣзда; тамъ онъ служилъ гласнымъ, почетнымъ мировымъ судью и предсѣдателемъ мироваго съѣзда; тамъ же былъ главнымъ устроителемъ народныхъ школъ (съ 1867 г.); съ 1872 года большую частію жилъ за границею, преимущественно въ Женевѣ, где имѣ была устроена элементарная русская школа; † 13-го ноября въ Харьковѣ. Ему принадлежать слѣдующія статьи и отдельно изданныя сочиненія:

- «Газета «Вѣсть», какъ органъ русскаго дворянства» (С.-Петерб. Вѣдом., 1866 г., № 62).
- «Мой второй и послѣдній отвѣтъ газетѣ «Вѣсть» (тамъ же, 1866 г., № 142).
- «Руководство къ обученію грамотѣ по звуковой методѣ», Екатеринославль, 1867 г. Второе изданіе: Спб., 1869 г. Третье изданіе: М., 1870 г. Четвертое изданіе: М., 1871 г. Пятое изданіе: Спб., 1872 г. Шестое изданіе: М., 1874 г. Седьмое изданіе: Спб., 1880 г.
- «Земскій вопросъ: о народномъ образованіи», Спб., 1868 г.
- «Земское обозрѣніе: земство на югѣ Россіи, борьба его съ сусеками и объ одной изъ причинъ голода» (Вѣстн. Евр., 1868 г., кн. 3).
- «Вопросъ о народномъ образованіи въ московскомъ земскомъ собраніи» (кн. 5).
- «Письмо въ редакцію «Вѣстника Европы» (кн. 9).

¹⁾ О немъ: «Одесск. Вѣстн.», 1872 г., № 155; «С.-Петерб. Вѣдом.», 1872 г., №№ 161 и 168; «Одесск. Вѣстн.», 1873 г., № 23; «Народн. Школа», 1873 г., кн. 11, стр. 36—39; въ периодическихъ изданіяхъ 1883 года: «Газета Гатцука», № 50; «Русск. Вѣдом.», №№ 314, 316 и 318; «Вѣстн. Европы», кн. 12, стр. 828—830, 882—884; «Русск. Богатство», кн. 12, стр. 703—704; въ периодическихъ журналахъ 1884 года: «Историч. Вѣстникъ», кн. 1, стр. 221—223; «Русск. Страна», кн. 3, стр. 545—574, кн. 4, стр. 131—138, кн. 5, стр. 375—388; «Народн. Школа», кн. 1; «Всеобщая Газета», 1885 г., № 5.

- Рецензія на книгу Соковнина: «Популярный курсъ начальныхъ оснований земледѣлія» (С.-Петербург. Вѣдом., 1869 г., № 44).
- Отчетъ о начальныхъ народныхъ училищахъ III-го училищнаго участка Александровскаго уѣзда за 1867/8 учебные годы» (Журналъ мин. нар. просвѣщ., 1869 г., кн. 1, 2 и 4).
- По поводу карикатуры г. Щедрина на земскихъ дѣятелей» (С.-Петербург. Вѣдом., 1869 г., № 111).
- Одинъ въ полѣ не воинъ» (тамъ же, № 311). Статья вызвана замѣтками на книгу: «Руководство къ обученію грамотѣ по звуковой методѣ».
- Мировой судъ въ провинціи» (Вѣстникъ Европы, 1869 г., кн. 10; 1870 г., кн. 1).
- Отчетъ члена Александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта за 1867—1870 учебные годы», Екатериносл., 1870 г. То же за 1871—1872 учебные годы, Екатериносл., 1872 г.
- Русская начальная школа, руководство для земскихъ гласныхъ и учителей сельскихъ школъ», изданіе первое и второе, Спб., 1870 г. Третье изданіе: Спб., 1871 г. Четвертое изданіе: Спб., 1872 г. Пятое изданіе: Спб., 1876 г. Шестое изданіе: Спб., 1878 г., съ портретомъ автора и его біографіей, составленной Н. А. Соловьевымъ-Несмѣловымъ.
- Русское народное образованіе и земство», по поводу книги Васильчикова: «О самоуправлѣніи» (Вѣстникъ Европы, 1871 г., кн. 1).
- Малютка, первая книга послѣ азбуки для народной школы и семьи», Спб., 1872 г.
- Нашъ другъ, книга для чтенія учащихся въ школѣ и дома, руководство къ начальному обученію родному языку», Спб., 1871 г. Второе и третье изданія: Спб., 1872 г. Издание четвертое: Спб., 1874 г. Пятое изданіе: Спб., 1876 г. Шестое изданіе: Спб., 1877 г. Седьмое изданіе: Спб., 1880 г. Восьмое изданіе: Спб., 1882 г. Девятое изданіе: Спб., 1883 г.
- Отвѣты на рецензіи книги: «Нашъ другъ» (С.-Петербургск. Вѣдом., 1871 г., №№ 249 и 298; 1872 г., № 108). Послѣдній отвѣтъ перепечатанъ въ журналѣ: «Семья и Школа» (1872 г., кн. 2).
- Объ обязательномъ обученіи въ Россіи» (Вѣстникъ Европы, 1872 г., кн. 1).
- Учителъскій семинарій» (Семья и Школа, 1872 г., кн. 4).
- Наше школьнное дѣло, сборникъ статей по училищевѣдѣнію», М., 1873 г.
- Новая Вѣна и ея самоуправлѣніе» (Вѣстникъ Европы, 1873 г., кн. 1). Отдельно: Спб., 1873 г.
- Теорія Дарвина и вопросы педагогіи» (тамъ же, кн. 5). Эта статья вызвана сочиненіемъ Декандоля: «Historie des sciences et des savants, depuis deux siÃcles».
- Замѣтка», по поводу «Наглядной азбуки», изданной Черкасовымъ (С.-Петербургск. Вѣдом., 1873 г., № 162).
- Педагогический отдѣль вѣнскай всемірной выставки въ 1873 г.» (Вѣстникъ Европы, 1873 г., кн. 9 и 10).
- Руководство къ наглядному обученію Ф. Гардера», переводъ съ нѣмецкаго, М., 1875 г., часть первая; М., 1878 г., часть вторая.
- Исторія Востока, Греціи и Рима, для обученія и самообразованія», Спб., 1878 г., 203 стр.
- Итоги народного образованія въ европейскихъ государствахъ», Спб., 1879 г., 141 стр.

- «Рассудите насть, господа народные учителя, споръ по поводу «Наглядно-звуковыхъ прописей», Спб., 1879 г., 32 стр.
- «Сельско-хозяйственное и ремесленное образование народа», (Вѣстникъ Европы, 1881 г., кн. 3).
- «Народная школа въ рукахъ крестьянского земства», (тамъ же, кн. 10).
- «Объ образовательномъ уровнѣ взрослыхъ грамотныхъ крестьянъ» (Русская Мысль, 1881 г., кн. 10 и 11).
- «Руководство къ «Нашему другу», книга для учащихъ, Спб., 1881 и 1882 г. (два изданія).
- «Значеніе классной книги для чтенія въ элементарной школѣ», Спб., 1882 г., 21 стр.
- «Наши педагогические вопросы», М., 1882 г., 409 стр.
- «Отчетъ о дѣятельности по уничтоженію филоксеры въ Крыму, со времени ея открытия въ октябрѣ 1880 года по 1-е сентября 1881 года, съ приложеніями и тремя картами филоксерныхъ зараженій во Франціи, Швейцаріи и въ Крыму», Спб., 1882 г., 158 стр.
- «Руководитель для воскресныхъ повторительныхъ школъ: программа, конспекты, методическая указанія и домашнія работы для всѣхъ уроковъ всего учебнаго года при обученіи Закону Божію, церковно-славянскому и русскому чтенію, правописанію и дѣловому письму, ариѳметикѣ, измѣренію площадей, географіи и русской исторіи, въ предѣлахъ элементарнаго курса для подростковъ и взрослыхъ», Спб., 1882 г., 51 стр.
- «300 письменныхъ работъ, задачи для самостоятельныхъ упражненій въ письмѣ учениковъ всѣхъ трехъ отдѣленій начальной школы», Спб., 1882 г., 48 стр. Второе изданіе: Спб., 1886 г., 48 стр.
- «Народныя училища въ Москвѣ и Петербургѣ» (Вѣстникъ Европы, 1882 г., кн. 6).
- «Первые воскресныя повторительныя школы» (Русская Мысль, 1882 г., кн. 8), «Лина Моргенштернъ» (Наблюдатель, 1882 г., кн. 9).
- «Сельськіе діаконы въ качествѣ школьныхъ учителей» (Русск. Вѣдом., 1882 г., № 338).
- «Азбука домоводства и домашней гигіиены Клима», переводъ съ нѣмецкаго, Спб. 1883 г.
- «Педагогически-ремесленныя мастерскія при элементарной школѣ» (Русская Мысль, 1883 г., кн. 3).
- «Наши учительскія семинаріи», историческій очеркъ (Вѣстникъ Европы, 1883 г., кн. 4 и 5).
- «Бельгійскіе клерикалы и школа» (Русская Мысль, 1883 г., кн. 6).

Уже послѣ смерти барона Корфа, напечатаны два его труда:
«Учебная программа повторительныхъ школъ» (Народная Школа, 1883 г., кн. 11).
«Разборъ книгъ» (Что читать народу? Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія, Спб., 1884 г.).

Кромѣ названныхъ журналовъ, покойный Корфъ сотрудничалъ въ «Недѣлѣ».

Коршъ, Валентинъ Федоровичъ¹⁾, известный публицистъ,

¹⁾ О немъ: «Недѣля», 1875 г., № 4; въ періодическихъ изданіяхъ 1883 года: «Будильникъ», № 26; «Дѣло», кн. 7, стр. 152—153; «Вѣстникъ Европы», кн. 8, стр. 871—880; «Историческій Вѣстникъ», кн. 8, стр. 485—486; «Gazeta Warschawska», 1883 г., № 48.

родился 23-го ноября 1828 года, первоначальное образование получилъ въ 1-й московской гимназіи, гдѣ и окончилъ курсъ съ золотою медалью; затѣмъ поступилъ на историко-филологический факультетъ Московскаго университета (1845 г.), но, по семейнымъ обстоятельствамъ, перешелъ на юридический факультетъ Петербургскаго университета (1848 г.) и тамъ окончилъ свое высшее образование кандидатомъ правъ (1850 г.); послѣ того занялъ мѣсто помощника редактора-издателя «Московскихъ Вѣдомостей» (1850—1855 г.), а черезъ шесть лѣтъ сдѣлался самостоятельнымъ редакторомъ этой газеты (1856—1862 г.); вслѣдствіе перехода «Московскихъ Вѣдомостей» въ руки М. Н. Каткова, онъ оставилъ редактированіе этимъ органомъ и перебѣхалъ въ Петербургъ; тамъ при посредствѣ графа Блудова, ему удалось получить въ аренду отъ академіи наукъ «С.-Петербургскія Вѣдомости», которыхъ и издавались имъ втечение двѣнадцати лѣтъ (1863—1874 г.); потомъ В. Ф. уѣхалъ за границу—въ Италію и Германію, откуда вернулся въ 1876 году и въ качествѣ неофиціального редактора сталъ издавать «Сѣверный Вѣстникъ» (съ 1-го мая 1877 года); но эта газета сначала была пріостановлена на одинъ мѣсяцъ (именно ноябрь), а затѣмъ навсегда запрещена (въ мартѣ 1878 года); наконецъ, онъ основалъ ежемѣсячный журналъ «Заграницічный Вѣстникъ» (съ октября 1881 г.) и издавалъ его до апрѣля 1883 г. (всего 18 книгъ), послѣ чего, полубольной, отправился за границу; тамъ † 25-го іюня въ Гейдельбергъ. Кроме постоянного участія во всѣхъ своихъ періодическихъ изданіяхъ, сверхъ сотрудничества въ «Молвѣ», гдѣ печатались литературно-критическія статьи подъ псевдонимомъ: «Отшельникъ», «Русской Правдѣ» и «Порядкѣ», покойный Коршъ помѣстилъ въ журналахъ или издалъ отдельно слѣдующія произведенія:

- Рецензія на книгу Милютина и Михайловскаго-Данилевскаго: «Исторія войны 1799 года между Россіей и Франціей» (Московск. Вѣдом., 1853 г., №№ 63, 65, 70 и 72).
- Столѣтіе Московскихъ Вѣдомостей, 1756—1856 гг. (Московск. Вѣдом., 1856 г., №№ 1, 13, 37, 67, 87, 101, 149 и 155). Отдѣльный оттискъ: М., 1857 г., 156 стр.
- О книгѣ Вызинскаго: Папство и Священная Римская имперія. (Московск. Вѣдом., 1857 г., № 71).
- Парламентскіе выборы и парламентскія реформы въ Англіи. (Атеней, 1858 г., ч. I, кн. 7, и ч. II, кн. 9).
- Курсъ всеобщей исторіи доктора Георга Вебера, профессора въ Гейдельбергѣ, переводъ съ нѣмецкаго, четыре тома, М., 1859—1861 гг. (въ переводѣ принималъ участіе и Е. Ф. Коршъ). Второе изданіе: М., 1862 г. Третье изданіе: М., 1875—1878 гг.
- Рыцарское поведеніе г. Вс. Крестовскаго, (С.-Петербургск. Вѣдом., 1870 г., № 86).

- «Новости западныхъ литературъ» (Вѣстникъ Европы, 1876 г., кн. 1—4). Эти статьи посвящены сочиненіямъ Литре, Ф. Шали и Э. Гартмана.
- «Послѣдний романъ въ жизни Лассалля» (тамъ же).
- «Древнее рабство и его судьба въ началѣ нашей эры» (Вѣстникъ Европы, 1876 г., кн. 6).
- «Родь Мирабо, очерки культурной жизни восемнадцатаго вѣка» (тамъ же).
- «Восточная война въ пятидесятыхъ годахъ» (тамъ же, 1877 г., кн. 1).
- «Нѣмецкая камелія» (тамъ же).
- «Ремесленные союзы въ Англіи» (тамъ же, 1878 г., кн. 8).
- «Политическое значеніе Константинополя» (кн. 9).
- «Дипломатія и война въ восточномъ вопросѣ» (тамъ же, 1879 г., кн. 2—3).
- «Судьбы Прусской монархіи отъ Фридриха Великаго до Іенскаго погрома», по книгѣ Филиппсона (тамъ же, 1880 г., кн. 6).
- «Моисей Мендельсонъ» (Еврейская Библіотека, 1880 г., т. VIII).
- «Вольтеръ, его жизнь и сочиненія» (Вѣстникъ Европы, 1880 г., кн. 10—12).
- «Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городскаго устройства и общественной власти», сочиненіе г. Мауэра, переводъ съ нѣмецкаго, М., 1880 г., 358 стр.
- «Всеобщая исторія литературы, составленная по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ», Спб., 1880—1883 г., пятнадцать выпускъ, подъ редакціей и при сотрудничествѣ В. Ф. Корша.

Уже послѣ его смерти вышла книга, подъ заглавіемъ:

«Этюды Р. Ф. Корша», съ біографіей автора, Спб., 1885 г., томъ первый, 587 стр.

Косинскій, баронъ, Михаилъ Осиповичъ¹⁾, родился въ 1835 году и окончилъ курсъ въ военной инженерной академіи; по окончаніи курса скоро вышелъ въ отставку изъ инженеровъ и занялъ мѣсто учителя географіи въ Смольномъ институтѣ; въ то же время занимался преподаваніемъ въ школѣ сельскихъ учительницъ комитета грамотности при вольно-экономическомъ Обществѣ, былъ инспекторомъ Андреевскихъ педагогическихъ курсовъ и организовалъ учительскую семинарію въ Новгородѣ; по возвращеніи изъ Новгорода въ Петербургъ, состоялъ воспитателемъ малолѣтнихъ преступниковъ при тюремномъ замкѣ, директоромъ и предсѣдателемъ тюремнаго комитета, затѣмъ служилъ по таможенному вѣдомству въ Александровѣ и Вержболовѣ, а съ 1881 года былъ назначенъ членомъ эстляндской таможни; † въ декабрѣ въ Ревелѣ. Имъ напечатаны:

- «О новомъ Кирилло-Меѳодіевскомъ училищѣ въ С.-Петербургѣ» (День, 1863 г., № 18).
- «О женскихъ училищахъ, сводъ замѣчаній на VII главу проекта устава общепропагандистскихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія», Спб., 1864 г., 94 стр. (вмѣстѣ съ Н. Весселемъ).

¹⁾ См. «Историч. Вѣстникъ», 1884 г., кн. 2, стр. 457—458.

- Приготовительный курсъ геометріи, выпускъ первый: наглядная геометрія, Спб., 1866 г. Второе изданіе: Спб., 1871 г. Третье изданіе: Спб., 1875 г.
- Библиографическая замѣтка о журналѣ «Народная Школа» (С.-Петербург. Вѣдом., 1869 г., № 130).
- Заявленіе по поводу книги барона Корфа: «Нашъ другъ» (тамъ же, 1872 г., № 1).
- Письмо по поводу моего исключенія изъ земской школы (тамъ же, № 218). Оно вызвано статьею: «Извѣстіе одѣлѣ барона Косинскаго и новгородской губернской земской управы» (Гражданинъ, 1872 г., № 32).
- Нѣсколько мыслей о виѣкласныхъ учебныхъ занятіяхъ дѣтей» (Семья и Школа, 1874 г., кн. 10).

Коссовичъ, Каэтанъ Андреевичъ¹⁾, извѣстный санскритологъ, бѣлорусъ по происхожденію, родился въ семье священника (1815 г.), воспитывался въ Витебской гимназіи и на словесномъ отдѣленіи Московского университета; по окончаніи курса въ послѣднемъ первымъ кандидатомъ (1836 г.), три года жилъ въ Москвѣ, давая частные уроки; затѣмъ—старшій учитель греческаго языка въ тверской (съ 5-го октября 1839—1843 г.) и московской второй гимназіяхъ (съ 27-го июня 1843 г. по 15-е октября 1849 года); послѣ того, чрезъ посредство графа Д. Н. Блудова, получилъ должность редактора ученыхъ работъ при Императорской публичной библиотекѣ (1850 г.) и немного позднѣе (съ 1858 г.) началъ безвозмездно преподавать сенскритскій языкъ въ Петербургскомъ университѣтѣ; лекціи и ученые работы доставили ему отъ Харьковскаго университета степень почетнаго доктора сравнительнаго языкознанія (съ 18-го февраля 1864 г.) и каѳедру профессора въ Петербургскомъ университѣтѣ, которую онъ и занималъ до своей кончины (1865—1883 г.); † 26-го января въ Петербургѣ. Изъ-подъ пера покойнаго ученаго вышли слѣдующія самостоятельные изслѣдованія и переводы:

- Элементарная грамматика греческаго языка, съ присовокупленіемъ задачъ для первоначальныхъ переводовъ съ греческаго языка на русскій и съ русскаго на греческій, состав. докторомъ Р. Кюнеромъ, переводъ, М., 1843 г. Второе изданіе: М., 1849 г. Третье изданіе: Спб., 1860 г. Четвертое изданіе: Спб., 1869 г.
- Эпизодъ изъ Магабараты: «Сундъ и Унесундъ», переводъ съ санскритскаго (Москвитин., 1844 г., ч. I, кн. 2).
- О грамматикѣ Кюнера» (тамъ же, ч. II, кн. 3).

¹⁾ О немъ: «Русскій Вѣстникъ», 1856 г., кн. 9, отд. II, стр. 28—38; «День», 1862 г., № 39—40; «Журналъ мин. нар. просвѣщ.», 1869 г., кн. 11, отд. IV, стр. 10—12; «Импер. С.-Петербургскій университетъ», Григорьева, Спб., 1870 г., стр. 282—286, 416; въ периодическихъ изданіяхъ 1883 года: «Московск. Вѣдом.», № 30; «Нива», № 26; «Историч. Вѣстникъ», кн. 3, стр. 720—721; «Историческая записка о 50-тилѣтіи московской второй гимназіи», Гудевича, М., 1885 г., стр. 36—37 и 228.

- «Письмо рабби Хасдая къ царю Хазарскому», переводъ съ еврейского (Сборникъ, изданный Д. Валуевымъ, М., 1845 г., ч. I, стр. 185—189).
 - «Разсуждение о важности греческаго языка», М., 1846 г.
 - «Третій актъ санскритской драмы Кришна-Мисры: «Торжество свѣтлой мысли» (Современн., 1846 г., кн. 1).
- Черезъ годъ полный переводъ этой драмы былъ напечатанъ въ «Московскомъ Сборнике» (М., 1847 г., стр. 1—187)¹⁾.
- «Сказание о Видѣядгарѣ Джимутаваганѣ, повѣсть Семадовы Бгатты», переводъ съ санскритскаго, М., 1847 г.
 - «Греческо-русскій словарь», два тома, М., 1848 г. Этотъ «Словарь», изданный Игнатиемъ Андреевичемъ Коссовичемъ, былъ начатъ, но не до конченъ братомъ издателя, Каэтаномъ Андреевичемъ.
 - «Сказание о Дгрувѣ», переводъ изъ Багаватъ-Пураны, М., 1848 г.
 - «Васантазена, древне-индійская драма», переводъ съ санскритскаго (Москвитян., 1849 г., ч. V, кн. 9).
 - «Санскрито-русскій словарь» (Прибавленія къ Извѣстіямъ импер. акад. наукъ, 1854 г., л. LXVI и LXVII). Отдѣльно: Спб., 1854 г., томъ первый. Тетрадь вторая: Спб., 1855 г. Продолженіе въ «Извѣстіяхъ», т. IV и V. Тетрадь третья: Спб., 1856 г.
 - «Багавадъ-Гита» (Bulletin de l'académie imperiale des sciences de St.-Pétersbourg, 1854 г.).
 - «Письмо барону М. А. Корфу» (С.-Петербург. Вѣдом., 1856 г., № 8). Это письмо, изданное и въ видѣ отдѣльного оттиска: Спб., 1856 г., 10 стр., касается одной древне-индійской поэмы, принесенной въ даръ публичной библиотекѣ.
 - «О характеристикахъ древне-индійской цивилизаци и развитія санскритской литературы» (Журналъ мин. нар. просв., 1859 г., ч. СIII). Это вступительная лекція на каѳедрѣ Петербургскаго университета.
 - «Легенда объ охотникѣ и парѣ голубей», извлеченіе изъ Махабхараты, съ присовокупленіемъ русской транскрипціи, латинскаго перевода и санскрито-русскаго глоссарія», Спб., 1859 г., 40 стр. Другое дополненное изданіе того же года: Спб., 124 стр.
 - «Две публичныя лекціи о санскритскомъ эпосѣ» («Русское Слово», 1860 г., кн. 6 и 8).
 - «Нѣсколько словъ въ память А. С. Хомякова» (Русская Бесѣда, 1860 г., кн. 20).
 - «Savitri», эпизодъ изъ Махабхараты, Спб., 1861 г.
 - «Четыре статьи изъ Зендавесты, съ присовокупленіемъ транскрипціи, русскаго и латинскаго переводовъ, объясненій, критическихъ примѣчаній, санскритскаго перевода и сравнительного глоссарія» (Труды восточн. от-

¹⁾ По поводу этой переводной драмы П. А. Плетневъ сдѣлалъ любопытный отзывъ о К. А. Коссовичѣ: «Коссовича я и люблю, и уважаю. Если онъ не будетъ подавленъ тяжелымъ игомъ службы, мы въ немъ впервые увидимъ изъ русскихъ истинно-ученаго человѣка въполномъ европейскомъ смыслѣ. Сколько у него проницательности ума, сколько начитанности и свѣдѣній. Онъ также ясно постигаетъ тайны нѣмецкой философіи, какъ и восточной филологіи... Переводъ драмы Коссовича уже доставленъ мнѣ. Это — подвигъ, превышающій разумѣніе русскихъ критиковъ» (Русский Архивъ, 1877 г., кн. 12, стр. 372; см. тамъ же его письмо къ К. А. Коссовичу, стр. 321).

- дѣлен. импер. археолог. Общества, 1864 г., ч. VIII). Отдѣльно: Спб., 1861 г., 159 стр.¹).
- *Decem Sendavestae excepta: latine vertit, sententiarum explicationem et criticos commentarios adjecit textumque archetypi recensuit Dr. C. Kossowicz*, Paris, 1865 г.
- *Gata Ahunavaiti*, съ латинскимъ переводомъ и комментариемъ, Спб., 1867 г.
- Привѣтствія барону М. А. Корфу на зендскомъ и санскритскомъ языкахъ. (Барону Модесту Андреевичу Корфу въ день пятидесятилѣтія его службы, 9-го іюня 1867 г., брошюра, Спб., 1867 г.).
- Объ ученыхъ трудахъ профессора В. В. Григорьева. (Журналъ мин. нар. проповѣщиц., 1868 г., ч. CXI, кн. 11).
- *Gata Ustavaiti*, съ латинскимъ переводомъ и комментариемъ, Спб., 1869 г.
- Объ ученыхъ трудахъ профессора Д. А. Хвольсона. (Журналъ мин. нар. проповѣщиц., 1869 г., т. CXII, кн. 1).
- Свѣдѣнія о Татариновой и о членахъ ея духовнаго союза» (Русскій Архивъ, 1872 г.). Подъ этойю статьею находится подпись: «Статскій совѣтникъ Иоанновъ», а эта подпись — псевдонимъ К. А. Коссовича, какъ объясняетъ «Роспись содерянію Русскаго Архива», М., 1877 г., стр. 46.
- *Inscriptiones Palaeo-Persicae Achacmenidarum*, Petropoli, 1872 г.
- Еврейская грамматика В. Гезеніуса, переводъ, Спб., 1874 г.
- Еврейская хрестоматія съ ссылками на грамматику Гезеніуса и глоссаріемъ еврейско-русскимъ, Спб., 1875 г., 362 стр.

Кошелевская, Марія Николаевна²), родилась въ Петербургѣ, воспитывалась подъ руководствомъ отца, довольно извѣстнаго архитектора, Н. С. Кошелевскаго и съ дѣтства пристрастилась къ рисованію; двадцатилѣтней дѣвушкой она перѣѣхала въ Москву; здѣсь, послѣ потери отца, научилась гравированию и исполняла гравюры для издателей книгъ и архитекторовъ; потомъ изучила литографское искусство и открыла литографію въ Москвѣ; но упадокъ зреінія заставилъ ее отказаться отъ любимой дѣятельности и поступить въ надзирательницы малолѣтняго отдѣленія Богоспитательного Дома, гдѣ ей и пришлось служить до смерти; † 8-го января въ Москвѣ. Покойная издавала дамскій журналъ, сначала подъ названіемъ: «Вѣстникъ парижскихъ модъ» (М., 1837—1850 г.), а послѣ съ заголовкомъ: «Магазинъ модъ и рукодѣлья» (М., 1851—1856 г.), гдѣ помѣщала собственные рисунки и статьи.

Кошелевъ, Александръ Ивановичъ³), родился 9-го мая 1806 года въ Москвѣ, воспитывался дома подъ руководствомъ про-

¹) Объ этомъ изданіи Коссовича напечатанъ весьма лестный отзывъ въ *Zeitschrift der deutschen morgenlndischen Gesellschaft*. (1862 г., т. XVI, стр. 317).

²) О ней: «Московск. Вѣдом.», 1883 г., № 36.

³) О немъ см. периодическія изданія 1883 года: «Русь», № 22; «Газета Гатчуга», № 49; «Афиши и Объявленія», № 236; «Русск. Вѣдом.», №№ 312, 314—317; «Современн. Извѣстія», №№ 313, 316 и 322; «Московск. Вѣдом.», № 318; «Московск. Листокъ», № 317; «Вѣстникъ Европы», кн. 12, стр. 827—828; «Русское

Фессоровъ Мерзлякова и Гейма, послѣ чего держалъ экзаменъ въ Московскомъ университѣтѣ и получилъ дипломъ на званіе кандидата словесности (1824 г.); затѣмъ началъ службу въ московскомъ архивѣ министерства иностраннѣхъ дѣлъ (1824—1826 г.) и продолжалъ ее въ Петербургѣ по департаменту иностраннѣхъ исповѣданій, гдѣ занимался выписками изъ заграничныхъ газетъ для представленія государю императору (1826—1832 г.); потомъ—совѣтникъ московскаго губернскаго правленія (1833—1835 г.), изъ котораго вышелъ въ отставку и занялся какъ сельскимъ хозяйствомъ, такъ и откупами; съ первыхъ лѣтъ царствованія Александра II онъ снова выступаетъ, какъ государственный дѣятель: принимаетъ участіе въ губернскомъ комитетѣ по освобожденію крестьянъ¹⁾, является членомъ комиссіи для устройства земскихъ банковъ (съ 25-го августа 1859 г. до января 1860 года), наконецъ назначается членомъ учредительного комитета въ царствѣ Польскомъ, гдѣ на него было возложено управление финансами (1861—1863 г.); снова выйдя въ отставку, А. И. послѣднія двадцать лѣтъ посвятилъ служенію земству и городскому самоуправленію: онъ былъ неутомимымъ земскимъ дѣятелемъ въ Рязанской губерніи, президентомъ императорскаго Общества сельскаго хозяйства въ Москвѣ и энергичнымъ гласнымъ въ московской городской думѣ; † 12-го ноября въ Москвѣ. Покойный, кроме изданія журналовъ, какъ, напримѣръ: «Русская Бесѣда» (1856—1860 г., 20 книгъ), «Сельское Благоустройство» (1858—1859 г.), «Бесѣда», подъ редакторствомъ С. А. Юрьева (1871—1872 г.), и «Земство», подъ редакціей В. Ю. Скалона (1880—1882 г.), сверхъ сотрудничества въ «Голосѣ» и «Новомъ Времени», напечаталъ слѣдующіе труды: «Поездка русскаго землемѣльца въ Англію и на всемирную выставку» (Московскій Сборникъ, М., 1852 г., стр. 145). «Объ испытаніи жатвенныхъ машинъ въ 1853 году» (Журналъ Сельск. Хозяйства, 1854 г., № 1). Такая же статья, подъ названіемъ: «Объ опытахъ машиннаго житѣя», помѣщена въ названномъ журнале за 1855 г., № 1²⁾. «Соображенія касательно устройства желѣзныхъ дорогъ въ Россіи» (Русская Бесѣда, 1856 г., кн. 1 и 3).

Богатство», кн. 12, стр. 703—704; въ періодическихъ изданіяхъ 1884 года: «Историческій Вѣстникъ», кн. 1, стр. 221; «Русскій Архивъ», кн. 1, стр. 246—249; «Ізвѣстія с.-петербургск. славянск. благотворит. Общества», кн. 3; «Русскій Архивъ», 1885 г., кн. 1, стр. 113—131.

¹⁾ Объ этой дѣятельности Кошелева см. «Русскій Вѣстн.», 1868 г., кн. 11, стр. 33.

²⁾ По поводу этихъ двухъ статей и вообще сельско-хозяйственной дѣятельности Кошелева любопытенъ отзывъ специалиста, А. С. Ершова: «Имя г. Кошелева будетъ связано съ эпохой введенія жатвенныхъ машинъ въ наши хозяйства. Онъ привезъ въ Россію изъ Англіи, со всемирной выставки, жатвенную машину Маккорника и послѣ того неотступно преслѣдовалъ мысль о возможности такой машины» («Русскій Вѣстн.», 1856 г., кн. 5, стр. 157).

- О книгѣ Дмитриева: «Опытъ практическихъ замѣчаній кинешемскаго землемѣрья» (тамъ же, кн. 2).
- О способахъ заготовленія провианта и фуража для арміи и флота» (тамъ же, 1857 г., кн. 2).
- По поводу журнальныхъ статей о замѣнѣ обязанной работы наемною и обѣ ѿбщинной поземельной собственности» (тамъ же, кн. 4).
- Шесть недѣль въ австрійскихъ славянскихъ земляхъ» (тамъ же, кн. 4).
- Нѣчто о грамотности» (тамъ же, 1858 г., кн. 1).
- Вопросы по сельскому устройству» (Сельск. Благоустр., 1858 г., кн. I, № 1).
- О крестьянскихъ усадьбахъ» (тамъ же).
- По поводу статей Ладыженского: «Взглядъ на отношеніе рабочаго къ владельцу» (Журналъ Сельск. Хозяйства, 1858 г., № 2).
- О мелкопомѣстныхъ дворянахъ» (Сельск. Благоустр., 1858 г., кн. I, № 2).
- Отвѣтъ на статью епифановскаго помѣщика: «О крестьянскихъ усадьбахъ» (тамъ же, кн. I, № 4).
- О дворовыхъ людяхъ и о мѣрахъ къ ихъ освобожденію» (тамъ же, кн. II, № 5).
- Замѣчанія на статью Шипова: «О надѣленіи крестьянъ землею» (тамъ же, кн. II, № 6).
- Общинное поземельное владѣніе» (тамъ же, кн. III, № 8).
- По поводу статьи Голубцова: «Крестьянская повинности» (тамъ же, кн. III, № 7).
- О русской сельской общинѣ» (тамъ же, кн. IV, № 11).
- По поводу статьи Смирнова: «Объ усадебномъ устройствѣ крестьянъ» (Сельск. Благоустр., 1859 г., № 1).
- О цензѣ» (День, 1862 г., №№ 18, 20 и 23).
- О процентныхъ денежныхъ знакахъ» (тамъ же, № 29).
- О главныхъ препятствіяхъ къ устройству и успѣхамъ нашихъ сельскихъ хозяйствъ» (День, 1864 г., № 7).
- Неотчуждаемость крестьянскихъ участковъ и круговая порука» (тамъ же, № 10).
- О нашемъ денежномъ кризисѣ» (тамъ же, №№ 13 и 14).
- О кн. В. Ф. Одоевскомъ». (Брошюра въ память кн. В. Ф. Одоевскаго, М., 1869 г.).
- Голосъ изъ земства», выпускъ первый, изданный въ пользу сельскихъ школъ Сапожковскаго уѣзда, М., 1869 г.
- О подушныхъ податяхъ» (Бесѣда, 1871 г., кн. 1).
- О государственномъ земскомъ сборѣ» (тамъ же, кн. 2).
- О прусскихъ податяхъ, классной и подоходной, и о томъ, желательно ли и можно ли ввести ихъ у насъ?» (тамъ же, кн. 2).
- Отвѣтъ на замѣтки г. Колюпанова о переложеніи подушной подати» (тамъ же, кн. 3).
- О военной повинности съ земской точки зрѣнія» (тамъ же, кн. 4).
- Въ чемъ мы всего болѣе нуждаемся?» (тамъ же, кн. 8).
- О всесословной волости» (тамъ же, 1872 г., кн. 3).
- Наше положеніе», Берлинъ, 1875 г., 189 стр.
- Общая земская дума въ Россіи», дополненіе къ книжкѣ: «Наше положеніе», Берлинъ, 1875 г., 106 стр.
- О мѣрахъ къ возстановленію цѣнности рубля», Спб., 1878 г., 12 стр.
- Что же теперь дѣлать?», Берлинъ, 1879 г.
- Мои воспоминанія объ А. С. Хомяковѣ» (Русскій Архивъ, 1879 г., кн. 11).

- «О начальныхъ народныхъ училищахъ и о мѣрахъ къ ихъ улучшению», (Земство, 1880 г., № 2).
- «О кредитѣ земледѣльцамъ при покупкѣ ими земли», М., 1880 г., 24 стр.
- «О крестьянскомъ самоуправлѣніи и о присутствіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ», М., 1881 г., 19 стр.
- «О сословіяхъ и состояніяхъ въ Россіи», М., 1881 г., 16 стр.
- «О мелкой земской единицѣ», М., 1881 г., 18 стр. Это — отдельный оттискъ изъ газеты «Земство».
- «О ссудныхъ билетахъ», М., 1881 г., 10 стр.
- «О мѣрахъ къ сокращенію пьянства», М., 1881 г.
- «Великая наша бѣда» (Голосъ, 1882 г.).

Уже послѣ смерти Кошелева, напечатаны: его отзывъ о книгѣ В. Григорьева — «Переселеніе крестьянъ Рязанской губерніи» (при самой книгѣ, М., 1885 г.), и его «Письма къ А. Н. Попову» (Русск. Архивъ, 1886 г., кн. 3). Ко всему сказанному надо прибавить, что покойный на свои средства издалъ: «Дневникъ камеръ-юнкера Бергхольца», четыре части (М., 1857 г.; второе изданіе: М., 1863 г.), и «Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго», два тома (М., 1861 г.), а также нѣсколько времени состоялъ предсѣдателемъ Общества любителей российской словесности (1869—1871 г.).

Краевскій, Евгений Андреевичъ¹⁾, родился въ 1841 году и воспитывался въ Петербургскомъ университѣтѣ по историко-филологическому факультету; по окончаніи курса со степенью кандидата (1861 г.), покойный явился дѣятельнымъ сотрудникомъ газеты «Голосъ» (1863—1883 г.): въ первые годы онъ печаталъ тамъ свои статьи по всѣмъ текущимъ вопросамъ, особенно составляя обозрѣнія петербургской и иностранной общественной жизни; въ послѣднія же пятнадцать лѣтъ исключительно только завѣдовалъ политическимъ отдѣломъ названной газеты; † 16-го марта въ Каирѣ.

Кулѣшъ, Степанъ Егоровичъ²⁾, провинціальный писатель, † въ іюль въ городѣ Бѣломъ, Смоленской губерніи. Ему принадлежать слѣдующія статьи, напечатанныя въ «Русской Старинѣ»:

- «А. С. Хомяковъ и гр. Арсеній Андреевичъ Закревскій» (1879 г., т. XXVI).
- «Первая холера въ Бѣльскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи въ 1830 году (тамъ же).
- «Александръ Викторовичъ Рачинскій», биографическая замѣтка (1880 г., т. XXIX).
- «Горы-горѣцкая катастрофа 22-го и 23-го апрѣля 1863 года», воспоминанія очевидца (1883 г., т. XXXIX, кн. 9).

Куницынъ, Алексѣй Васильевичъ³⁾, родомъ изъ духовного званія, воспитывался въ Петербургской духовной академіи,

¹⁾ См. «Исторический Вѣстникъ», 1883 г., кн. 5, стр. 485.

²⁾ О немъ: «Русская Старина», 1883 г., кн. 11, стр. 406.

³⁾ О немъ: «Исторія С.-Петербургск. духовн. академіи», Чистовича, Спб., 1857 г., стр. 388—389, и «Московск. Вѣдом.», 1883 г., № 45.

но еще до окончания курса былъ избранъ для изученія правовѣдѣнія при II Отдѣленіи собственной е. и. в. канцеляріи (1829 г.); тамъ, подъ руководствомъ гр. М. М. Сперанскаго и избранныхъ профессоровъ, занимался юридическими науками; черезъ два года (1831 г.) его отправили въ Берлинъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ у знаменитаго профессора Савинъи; по возвращеніи въ Россію (1834 г.), А. В. былъ причисленъ ко II Отдѣленію императорской канцеляріи, удостоенъ степени доктора законовѣдѣнія и назначенъ профессоромъ въ Харьковскій университетъ (1835 г.), где и занималъ каѳедру гражданскаго права болѣе двадцати пяти лѣтъ; остальное время жизни прожилъ въ отставкѣ, имѣя званіе почетнаго члена Харьковскаго университета; † 6-го февраля въ Харьковѣ. Онъ напечаталъ:

- «О мѣрахъ къ отвращенію неправосудія, по русскому законодательству», авторская рѣчь. (Годичн. актъ въ импер. Харьковск. университетѣ, брошюра, Харьк., 1859 г., 54 стр.).
- «О силѣ договора найма имуществъ» (Журналъ мин. юстиціи, 1861 г., т. IX, кн. 9).
- «Приобрѣтеніе права собственности давностію владѣнія» (тамъ же, 1864 г., т. XXII, кн. 10—12).

Лазовскій, С... И..., сначала исправляющій должность московскаго губернскаго лѣсничаго, потомъ владимирскій губернскій лѣсничій, наконецъ назначенный отъ правительства для надѣленія казенныхъ крестьянъ землей по Московской губерніи, вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника; † 26-го октября въ Москвѣ. По указанію некролога («Московск. Вѣдом.», 1883 г., № 309), онъ напечаталъ много статей по статистикѣ и лѣсному хозяйству въ «Журналѣ министерства государственныхъ имуществъ».

Ландышевъ, Стефанъ Васильевичъ¹⁾, уроженецъ Нижегородской губерніи, воспитывался въ тамошней духовной семинаріи; выйдя изъ послѣдней до окончанія полнаго курса, отправился въ Томскъ и поступилъ въ члены алтайской православной миссіи (1836 г.); за свои проповѣднические труды былъ удостоенъ степени студента семинаріи, рукоположенъ во священника, а по томъ—протоіерея и назначенъ начальникомъ названной миссіи (1844—1866 г.); послѣ того—помощникъ настоятеля миссіи архимандрита Владимира (1866—1875 г.); наконецъ, по болѣзни былъ уволенъ за штать; † въ декабрѣ въ селеніи Улалѣ на Алтай. Его «письма», «журналы», «дневники» и «отчеты» о состояніи алтайской православной миссіи печатались въ журналахъ и газетахъ, какъ, напримѣръ, см. «Прибавленія къ твореніямъ св. отецъ» (1845 г., ч. 3; 1846 г., ч. 4; 1847 г., ч. 5; 1852 г., ч.

¹⁾ О немъ: «Душеполезное Чтеніе», 1860 г., ч. I, стр. 348—360; «Московск. Церковн. Вѣдом.», 1884 г., № 9.

«Истор. вѣсти.», ДЕКАБРЬ, 1886 г., т. XXVI.

10; 1854 г., ч. 13; 1856 г., ч. 15; 1857 г., ч. 16; 1858 г., ч. 17; 1863 г., ч. 22), «Душеполезное Чтение» (1860 г., кн. 6; 1861 г., кн. 7; 1862 г., кн. 5; 1864 г., кн. 4), «Христіанское Чтение» (1862 г., кн. 3; 1864 г., кн. 3), «Православное Обозрѣніе» (1863 г., кн. 7), «День» (1864 г., № 14), «Странникъ» (1864 г., кн. 5), «Подольскія Епархіальныя Вѣдомости» (1864 г., № 11), «Воронежскія Губернскія Вѣдомости» (1864 г., № 21), «Московскія Вѣдомости» (1864 г., № 117 и 119), «Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости» (1864 г., № 10), «Духовная Бесѣда» (1864 г., 12), «Сѣверная Пчела» (1864 г., № 78), «Кievскія Епархіальныя Вѣдомости» (1864 г., № 8). Кроме того, «Извлеченія изъ писемъ миссіонера-протоіерея Стефана Ландышева къ московскому священнику Н. Д. Л. (1846—1853 г.)» изданы въ книгѣ: «Памятникъ трудовъ православныхъ благовѣстниковъ русскихъ» (М., 1857 г., стр. 167—199).

Лебедевъ, Алексѣй Николаевичъ, сынъ дьячка, воспитывался въ московской духовной семинаріи; по окончаніи курса въ ней, посвященъ во діакона при Архангельскомъ соборѣ (1-го октября 1834 г.), затѣмъ—во священника того же собора (5-го декабря 1837 г.); наконецъ, назначенъ сакелларіемъ при немъ (1844 г.) и возведенъ въ санъprotoіерея (1873 г.); † 7-го августа въ Петровскомъ-Разумовскомъ, близъ Москвы. Свѣдѣнія о немъ помѣщены (стр. 96, въ книгѣ, изданной имъ подъ заглавиемъ: «Московскій каѳедральный Архангельскій соборъ» (М., 1880 г., 388 стр.).

Лебедевъ, Николай Ивановичъ¹⁾, родился въ 1848 году, воспитывался въ Дмитровскомъ училищѣ и Виленской семинаріи, изъ которой поступилъ въ Московскую духовную академію (1868 г.); тамъ онъ окончилъ курсъ кандидатомъ (1872 г.) и вслѣдъ затѣмъ получилъ мѣсто баккалавра по каѳедрѣ патристики; послѣ защиты диссертациіи (1878 г.) удостоенъ степени магистра богословія и избранъ доцентомъ, но чрезъ три года вышелъ въ отставку (въ августѣ 1881 г.) и около двухъ лѣтъ состоялъ преподавателемъ одного изъ московскихъ частныхъ училищъ; † 3-го августа въ Москвѣ. Кроме сотрудничества въ «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ», онъ напечаталъ:

- Сочиненія Оригена противъ Цельса, (кнѣзъ Кѣлесс), опытъ изслѣдованія по исторіи литературной борьбы христіанства съ язычествомъ, М., 1878 г., 250 стр.
- Цельсъ и Оригенъ. (Чтенія въ Общ. люб. дух. просв., 1879 г., ч. I).
- Макарій, митрополитъ всероссійскій, (Чтенія въ Общ. люб. дух. просв., 1877 г., ч. II; 1878 г., ч. I; 1880 г., ч. II; 1881 г., ч. II).
- О Стоглавомъ соборѣ, историческое изслѣдованіе (тамъ же, 1882 г., ч. I).
- Мартинъ Лютеръ и Андрей Рудольфъ Карлштадтъ, (тамъ же, 1882 г., ч. II).

¹⁾ О немъ: «Московск. Церковн. Вѣдом.», 1883 г., № 33 и 39.

Макушевъ, Викентій Васильевичъ¹⁾), известный славистъ. родился 10-го октября 1837 года въ Брестлитовскѣ, Гродненской губерніи; воспитывался въ Ларинской гимназіи и на историко-филологическомъ факультетѣ Петербургскаго университета; по окончаніи курса въ послѣднемъ съ золотою медалью и со степенью кандидата (1860 г.), отправился путешествовать по Европѣ вмѣстѣ съ княземъ М. В. Кочубеемъ; затѣмъ, опредѣленный на службу въ азіатскій департаментъ, онъ былъ посланъ секретаремъ русской миссіи въ Черногорію, но черезъ три года вышелъ въ отставку и прибылъ въ Петербургъ; здесь онъ защитилъ диссертацию на степень магистра славянской филологии (1868 г.) и тотчасъ же былъ командированъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ ученое путешествіе по Италіи (1868—1871 г.); наконецъ, по возвращеніи на родину, занялъ каѳедру славянскихъ нарѣчій въ Варшавскомъ университете (1871—1883 г.); † 2-го марта въ Варшавѣ. Покойный напечаталъ слѣдующіе труды:

- «Филологический разборъ числительныхъ имёнъ», изслѣдованіе П. Шафарика. переводъ съ чешскаго (Сборникъ, издав. студентами Петербургск. университета, Спб., 1860 г., вып. II, стр. 173—212).
- «Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ славянъ», разсужденіе, удостоенное золотой медали отъ Петербургскаго университета, Спб.. 1861 г., 178 стр.
- «Славянскій элементъ въ англійскомъ языкѣ» (Сѣверн. Пчела, 1861 г., № 215).
- «Австрійско-славянскій вопросъ» (тамъ же, № 250).
- «П. И. Шафарикъ» (тамъ же, № 212).
- «Материалы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Рагузскою республикою», съ приложеніемъ плана Рагузы и карты военныхъ дѣйствій русскихъ въ области Рагузской республики въ 1806 году. (Чтенія въ импер. Обществѣ исторіи и древностей, 1865 г., кн. III). Отдѣльный оттискъ: М., 1865 г., 178 стр.
- «Дневникъ путешествія изъ Дубровника въ Черногорію» (Русскій Вѣстн.. 1866 г., кн. 3).
- «Изслѣдованія обѣ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника» (Приложение къ XI тому Записокъ императорск. академіи наукъ, Спб., 1867 г., № 5). Отдельно: Спб., 1867 г., 446 стр. Это сочиненіе послужило диссертацией на степень магистра и получило Уваровскую премію.
- «Задунайскіе славяне» (Литературн. Библіот., 1867 г., кн. 3—5).
- «Воспоминаніе о Лукѣ Вуколовичѣ и послѣднемъ герцеговинскомъ воастаніи» (тамъ же, кн. 2).
- «Древности города Нового въ Бокѣ Которской» (Журналъ мин. нар. просвѣш., 1867 г., кн. 4).
- «Начала философскаго и сравнительно-исторического языкознанія въ приложении къ изученію русскаго языка» (Литературная Библіотека, 1867 г., кн. 9).

¹⁾ См. о немъ брошюру: «Поминки по профессорѣ В. В. Макушевѣ», Варш.. 1883 г., 39 стр.; «Московск. Вѣдом.», 1883 г., №№ 66, 85 и 86; «Исторический Вѣстникъ», 1883 г., кн. 4, стр. 242—243; «Славянскій Ежегодникъ», Киевъ, 1884 г., вып. VI.

- «На прощанье съ славянскими гостями», (тамъ же, кн. 10 и 11). Отдѣльно: Спб., 1867 г.
- «Задунайские и адриатические славяне», очерки статистические, этнографические и географические, Спб., 1867 г., 304 стр.
- «Письма о литературномъ и политическомъ состояніи Хорватского королевства» (Журналъ мин. нар. просв., 1868 г., кн. 9 и 10).
- «Самозванецъ Степанъ Малый, по актамъ венецианского архива» (Русский Вѣсти., 1869 г., кн. 7—9).
- «Россія и Польша въ XVIII вѣкѣ, по реляціямъ венецианца Д. Дольфина и генуэзца С. Риваролы» (тамъ же, 1870 г., кн. 5).
- «Объ изданіи историческихъ памятниковъ Марки Анконской» (Журналъ мин. нар. просв., 1870 г., кн. 10).
- «Нѣсколько замѣтокъ о современной Италии» (Русский Вѣсти., 1870 г., кн. 11).
- «Итальянские архивы и хранящіеся въ нихъ материалы для славянской истории: 1) Флорентинский государственный архивъ» (Приложение къ XVI тому Записокъ импер. академіи наукъ, 1870 г., № 5). Отдѣльно: Спб., 1870 г., 42 стр.
- «О славянахъ Молизского графства въ южной Италии» (тамъ же, 1870 г. т. XVIII, кн. 1).
- «Итальянские архивы и хранящіеся въ нихъ материалы для славянской истории: 2) Неаполь и Палермо» (Приложение къ XIX тому Записокъ императорск. академіи наукъ, 1871 г., № 3). Отдѣльно: Спб., 1871 г., 94 стр.
- «Итальянские архивы и хранящіеся въ нихъ материалы для славянской истории: 3) Неаполь, Бари, Анкона» (тамъ же, 1871 г., № 4). Отдѣльно: Спб., 1871 г., 42 стр.
- «Албанскія преданія о св. Кириллѣ и изобрѣтѣнной имъ азбукѣ» (Варшавск. Дневникъ, 1871 г., № 100).
- «Объ общеславянской азбукѣ» (тамъ же, 1871 г., № 117).
- «Рецензія на книгу Павинскаго: «Подабскіе славяне» (тамъ же, 1871 г., №№ 124 и 125).
- «Историческія розысканія о славянахъ въ Албании, въ средніе вѣка», Варш., 1871 г. (диссертациія на степень доктора).
- «Словенцы», изъ путевыхъ воспоминаній (Русский Вѣсти., 1873 г., кн. 7).
- «О Палацкомъ» (Голосъ, 1873 г., № 178).
- «Monumenta historica Slavorum meridionalium vicinorumque populorum», Варш., 1874 г., томъ первый; Бѣлградъ, 1883 г., томъ второй. Это изданіе имѣть и русскій заголовокъ: «Историческіе памятники южныхъ славянъ и сосѣднихъ имъ народовъ, извлеченные изъ итальянскихъ архивовъ и библіотекъ, часть первая: менѣшіе архивы и иѣкоторыя библіотеки—Анкона, Болонья, Флоренція», Варш., 1874 г., 369 стр.
- «Очеркъ исторіи и современного положенія задунайскихъ славянъ-болгаръ и сербовъ» (Русский Вѣсти., 1876 г., кн. 5).
- «Общественные и государственные вопросы въпольской литературы XVI вѣка» (Славянскій Сборникъ, Кіевъ, 1878 г., томъ третій).
- «Разборъ сочиненія Иречка: «Исторія болгаръ» (Журналъ мин. нар. просвѣщ., 1878 г., кн. 4 и 5).
- «Станиславъ Трембецкій, замѣчательный сторонникъ Россіи въпольской поэзіи конца XVIII вѣка» (Древн. и Нов. Россія, 1878 г., кн. 8).
- «Рецензія на книгу Колосова: «Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народного русского языка» (Журналъ мин. нар. просвѣщ., 1878 г., кн. 12).

- «О происхождении слова: Дажь-богъ» (Филолог. Зап., 1878 г., кн. 3).
- «Изъ чтений о старочешской письменности», Ворон., 1879 г., вып. I, 84 стр.
Эти чтения сначала печатались въ «Филологическихъ Запискахъ» (1877 г..
вып. IV—VI; 1878 г., вып. III).
- «О сравнительныхъ этимологическихъ таблицахъ, изданныхъ Ржигою» (Русск.
Филолог. Вѣстн., 1879 г., кн. 1).
- «Андрей Товіанський, его жизнь, учение и последователи» (Русский Вѣстн., 1879 г.,
кн. 2, 5 и 6).
- «Критическая статья о книгѣ Березина: «Хорватія, Славонія, Далматія и Воен-
ная граница» (Журналъ мин. нар. просвѣщ., 1881 г., кн. 1 и 2).
- «Новый ученно-литературный журналъ на польскомъ языке—Museum» (Русская
Мысль, 1881 г., кн. 9).
- «Письма о Галиціи» (Русь, 1881 г., №№ 28, 30, 31, 32 и 33).
- «Чтения о старо-польской письменности», Варш., 1881 г., вып. I, 82 стр. Это—
отдѣльный оттискъ изъ «Русского Филологического Вѣстника».
- «Ученіе А. Товіанского преимущественно соціально-политическое» (Славянскій
Ежегодникъ, Кіевъ, 1882 г., томъ пятый). Отдѣльно: Кіевъ, 1882 г., 39 стр.
- «О некоторыхъ рукописяхъ народной библиотеки въ Бѣлградѣ», Варш., 1882 г.
Это—отдѣльный оттискъ изъ «Русского Филологического Вѣстника».

Кромѣ того, покойный безъ подписи напечаталъ статьи въ
«С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Русскомъ Инвалидѣ», въ за-
вагребскомъ «Radъ» и въ бѣлградскомъ «Гласнику».

Марковъ, Василій Васильевичъ¹⁾), сынъ рязанского помѣ-
щика, родился въ Касимовѣ (1834 г.) и окончилъ полное образо-
ваніе въ Дворянскомъ полку; затѣмъ отдался только литератур-
ной дѣятельности, работая втечение двадцати пяти лѣтъ, какъ пе-
реводчикъ, критикъ и поэтъ; † 11-го декабря въ Петербургѣ.
Онъ, прежде всего, переводилъ Маколея (для журнала: «Совре-
менникъ»), Шлоссера (для «Исторической Библіотеки» при
томъ же журналѣ) и «Исторію новѣйшаго времени» Лоренца,
изданную отдѣльно съ его дополненіями и обширнымъ предисло-
віемъ (Спб., 1869 г.—Второе изданіе: Спб., 1871 г.). Вмѣстѣ съ тѣмъ
покойный состоялъ постояннымъ сотрудникомъ «Русского Инва-
лида» (по иностранному отдѣлу), «С.-Петербургскихъ Вѣдомо-
стей» подъ редакціей В. О. Корша (по тому же отдѣлу и русской
журналистики), «Современника», «Библіотеки для Чтенія»,
«Отечественныхъ Записокъ», «Нового Времени», «Загра-
ничного Вѣстника», «Недѣли» и «Изящной Литературы».
Кромѣ того, имъ изданы отдѣльно слѣдующіе труды:

- «Новѣйший спиритизмъ, его феномены и учение», Спб., 1877 г., 79 стр.
- «На встрѣчу», очерки и стихотворенія, 1878 г., 554 стр. Это—собраніе произ-
веденій, ранѣе напечатанныхъ въ упомянутыхъ выше періодическихъ
изданіяхъ.
- «Илья Муромецъ», поэма, пѣснь первая, Спб., 1880 г., 50 стр.
- «Трилистникъ», три стихотворенія, Спб., 1881 г., 14 стр.

¹⁾ О немъ: «Родина». 1883 г., № 20; «Русскія Вѣдом.», 1883 г., № 343;
«Историческ. Вѣстникъ», 1884 г., кн. 1, стр. 223.

Мельниковъ, Павелъ Ивановичъ¹⁾, известный писатель, родился 22-го октября 1819 года въ Нижнемъ Новгородѣ и свое дѣтство провелъ большею частию въ городѣ Семеновѣ, где въ послѣдніе годы служилъ его отецъ; учился въ нижегородской гимназии (1829—1834 г.) и Казанскомъ университетѣ, изъ котораго вышелъ со степенью кандидата словеснаго факультета (1837 г.); по окончаніи курса его оставили при университѣтѣ для приготовленія къ каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій; но чрезъ три мѣсяца назначили старшимъ учителемъ исторіи, статистики и французскаго языка въ пермской гимназіи (1837—1839 г.), а потомъ перевели преподавателемъ двухъ первыхъ предметовъ въ нижегородскую гимназію (1839—1846 г.); въ то же время онъ былъ избранъ корреспондентомъ археографической комиссіи (1844 г.) и состоялъ редакторомъ неофиціальной части «Нижегородскихъ губернскихъ Вѣдомостей» (1845—1850 г.); по окончаніи педагогической дѣятельности, П. И. получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій сначала при нижегородскомъ губернаторѣ М. А. Урусовѣ (1847—1850 г.), а послѣ—при министрѣ внутреннихъ дѣлъ (1850—1866 г.), преимущественно занимаясь раскольническими дѣлами; при послѣдней должности онъ одно время былъ редакторомъ внутренняго отдѣла въ «Сѣверной Пчелѣ» (1863—1864 г.); наконецъ, былъ причисленъ къ тому же министерству, съ откомандированіемъ въ распоряженіе московскаго генералъ-губернатора (1866—1883 г.); † 1-го февраля въ Нижнемъ Новгородѣ. Имъ напечатаны:

- «Дорожные записки на пути изъ Тамбовской губерніи въ Сибирь» (Отеч. Зап., 1839 г., кн. 11—12; 1840 г., кн. 3, 4, 8, 10, 12; 1841 г., кн. 3, 10, и 1842 г., кн. 2—3).
- «Первый магистръ монгольской словесности: В. П. Васильевъ» (Отеч. Зап., 1840 г., кн. 3).
- «Историческія извѣстія о Нижнемъ Новгородѣ», отрывки изъ «Исторіи Владимира-Суздальскаго великаго княжества и происшедшіхъ изъ него отдельныхъ княжествъ» (Отеч. Зап., 1840 г., кн. 7).
- «Библиографическая рѣдкость: «Symbola et Emblemata, Amstelodami, anno 1705» (Отеч. Зап., 1840 г., кн. 9).
- «Эльпидифоръ Перфильевичъ», повѣсть («Литературная Газета», 1840 г., № 52 и 80).
- «Великий художникъ», переводъ съ польского, изъ Мицкевича (№ 55).

¹⁾ О немъ: «Русскій Архивъ», 1875 г., кн. 1, стр. 77—85; «Нива», 1881 г., № 1, и 1883 г., № 9; періодическія изданія 1883 года: «Московскія Вѣдом.», №№ 42 и 50; «Журналъ мин. нар. просв.», кн. 3; «Новое Время», №№ 2,528 и 2,537; «Историч. Вѣстникъ», кн. 3, стр. 719; «Вѣстникъ Европы», кн. 4, стр. 893—895; брошюра Н. Невзорова: «П. И. Мельниковъ, его жизнь и литературное значеніе» (Казань, 1883 г., 20 стр.); «Историч. Вѣстникъ», 1884 г., кн. 2, стр. 346—350; кн. 9, стр. 473—511; кн. 10, стр. 26—72; кн. 11, стр. 301—361; кн. 12, стр. 538—593; «Московскія Вѣдом.», 1874 г., № 285; «Всемирная Иллюстрація», 1875 г., № 313; «Кругозоръ», 1875 г., № 22.

- «Судьба древности», (№ 61).
- «Письма къ А. А. Краевскому», (№ 68).
- «О праздникахъ персидскихъ при Сассанидахъ», (№ 103).
- «Реляція о дѣйствіи русскихъ войскъ въ Польшѣ въ 1773 году», (Отеч. Зап., 1841 г., кн. 1).
- «Поѣзда въ Кунгуръ», изъ дорожныхъ записокъ (Москвит., 1841 г., кн. 3).

Въ томъ же 1841 году, П. И. Мельниковъ напечаталъ слѣдующія статьи въ «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ»: «Мухамедъ какъ импровизаторъ», «Александръ Великій, царь царей персидскихъ», «О корчествѣ въ Россіи до конца XVII вѣка», «Персія при Сассанидахъ», «Нижегородская древности», «Переводъ Rucoris Kraledworsky», «Собрание нижегородскихъ преданій и повѣрій», «Описаніе нѣкоторыхъ старопечатныхъ и старописьменныхъ книгъ славяно-русскихъ, не находящихся въ извѣстныхъ каталогахъ и библіотекахъ» (см. Отеч. Зап., 1842 г., кн. 6, отд. VI, стр. 39, и Журналъ мин. нар. просв., 1843 г., ч. XXXVII, отд. III, стр. 20—21). Кроме того, въ протоколѣ археографической комиссіи, отъ 8-го апрѣля 1841 года, сказано: «Старшій учитель нижегородской гимназіи Мельниковъ, при донесеніи отъ 17-го марта, представилъ на разсмотрѣніе снятые имъ въ видѣ опыта списки съ восьми старинныхъ грамотъ съ приложеніемъ подлинниковъ; положено: просить г. министра народнаго просвѣщенія объ утвержденіи г. Мельникова въ званіи корреспондента комиссіи съ порученіемъ ему, на основаніи существующихъ правилъ, доставлять ей свѣдѣнія о старинныхъ библіотекахъ и архивахъ и сообщать описи хранящихся въ нихъ рукописей» (см. Журналъ мин. нар. просв., 1841 г., ч. XXX, отд. III, стр. 53—54). Одно изъ подобныхъ сообщеній Мельникова въ археографическую комиссию напечатано въ Журналѣ мин. нар. просв. (1842 г., ч. XXXIII, отд. III, стр. 37—38).

- «Солнечныя затмѣнія, видѣнныя въ Россіи до XVI столѣтія», (Отеч. Зап., 1842 г., кн. 6).
- «Историческія замѣтки: 1) Гдѣ скончался св. Александръ Невскій; 2) Гдѣ жилъ и умеръ Козьма Мининъ; 3) О царицѣ Маріи Петровнѣ; 4) О родственникахъ Козьмы Минина», (Отеч. Зап., 1842 г., кн. 7—8).
- «Нижній Новгородъ и нижегородцы въ Смутное время», (Отеч. Зап., 1843 г., кн. 7).
- «Лифляндскій колоколъ XV столѣтія въ Нижнемъ Новгородѣ», (Отеч. Зап., 1844 г., кн. 3).
- «О строгоновскихъ зданіяхъ въ Россіи», (Литер. Газета, 1845 г., № 9).
- «Нижегородская ярмарка въ 1843, 1844 и 1845 годахъ», (Нижн. Новг., 1846 г., 292 стр.). Эта трудъ печатался сначала въ «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1845 годъ.
- «Концерты на нижегородскомъ театрѣ», (Нижегор. Губ. Вѣдом., 1850 г., № 17).

«Исторический очеркъ нижегородской ярмарки» (Московскія Вѣдом., 1850 г., № 105).

«Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о Смутномъ времени, о Козьмѣ Мининѣ, князѣ Пожарскомъ и патріархѣ Гермогенѣ» (Москвитян., 1850 г., кн. 21).

Эта статья представляетъ выдержку изъ публичныхъ чтеній Мельникова въ Нижнемъ Новгородѣ. О такихъ «чтеніяхъ» сохранилось «объявленіе» (Нижегор. Губ. Вѣдом., 1847 г., № 7) и слѣдующій отчетъ о первой лекціи: «11-го февраля (1847 года) въ Нижнемъ Новгородѣ случилось небывалое до сихъ поръ явленіе — публичная лекція о Россіи и въ особенности о Нижнемъ Новгородѣ въ началѣ XVII вѣка. Съ разрѣшеніемъ начальства читаетъ ихъ г. Мельниковъ. Все лучшее общество и въ особенности много дамъ было вечеромъ 11-го февраля въ великолѣпной залѣ Александровского института».

«Общественные моленія зрячи» (Симбирск. Губ. Вѣдом., 1851 г.). На эту свою статью указываетъ самъ Мельниковъ въ «Русскомъ Вѣстнике» (1867 г., кн. 6, стр. 490), добавляя, что онъ производилъ слѣдствіе о мордовскомъ общественномъ моленіи въ 1848 году.

«Придѣлъ въ честь Козьмы Минина», корреспонденція изъ Нижняго Новгорода (Москвит., 1852 г., кн. 6).

«Красильники», повѣсть (Москвит., 1852 г., кн. 8). Подъ этою повѣстью впервые поставленъ псевдонимъ Мельникова: «Андрей Печерскій». Такой псевдонимъ появлялся затѣмъ подъ каждымъ «разсказомъ» покойного писателя.

«О современномъ состояніи раскола въ Нижегородской губерніи». Этотъ трактатъ, изложенный въ тринадцати большихъ тетрадяхъ, былъ написанъ по высочайшему повелѣнію въ 1854 году и тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Бибиковымъ переданъ казанскому архиепископу Григорію, а отъ послѣдняго поступилъ въ библіотеку Казанской духовной академіи. Изъ этого труда редакція «Православнаго Собесѣдника» напечатала нѣсколько статей о расколѣ.

«Отрывки изъ отчета по министерству внутреннихъ дѣлъ» (Журналъ мин. внутр. дѣлъ, 1856 г.).

«Дѣдушка Поликарпъ», разсказъ (Русскій Вѣстникъ, 1856 г., кн. 5).

«Поярковъ», повѣсть (Русскій Вѣстникъ, 1857 г., кн. 2).

«Старые годы», повѣсть (кн. 4).

«Медвѣжій уголь», повѣсть (кн. 10).

«Непремѣнныи», разсказъ (кн. 12).

«Именинный пирогъ», разсказъ (Русскій Вѣстникъ, 1858 г., кн. 4).

«Бабушкины разсказы», повѣсть (Современн., 1858 г., кн. 8 и 10).

«Указатель достопримѣчательностей Нижняго Новгорода» (М., 1858 г.). По указанію самого Мельникова (Русскій Вѣстн., 1867 г., кн. 6, стр. 498), эта книжка составлена для государыни императрицы Маріи Александровны, напечатана въ крайне ограниченномъ числѣ экземпляровъ, даже безъ цензуры, и считается библіографическою рѣдкостью.

«Братчина», учено-литературный сборникъ, ч. I (Спб., 1859 г., 280 стр.). Редакціей этого «Сборника» занимался Мельниковъ; ему же принадлежитъ и «предисловіе».

- «Русский Дневникъ». Подъ этимъ заглавіемъ Мельниковъ, съ начала 1859 года, издавалъ въ Петербургѣ ежедневную газету при такой программѣ: 1) внутреннія извѣстія; 2) науки и искусства; 3) словесность; 4) библіографическая извѣстія. Эта газета прекратилась въ томъ же году на 141 №, отъ 5-го юля.
- «На станціи», разсказъ (Русский Дневникъ, 1859 г., № 21).
- «Раскольническія преданія, записанныя въ Нижегородской губерніи» (Русский Дневникъ, 1859 г., № 137).
- «Преданіе о судьбѣ Таракановой» (Сѣверная Пчела, 1860 г., № 39).
- «Разборъ драмы Островскаго: «Гроза» (№ 42).
- «У Макарья», разсказъ (№ 144).
- «Аввакумъ Петровичъ протопопъ и Авраамій Нижегородецъ» (Энциклопедич. Словарь, составленный русскими учеными и литераторами, Спб., томъ первый).
- «Гриша», повѣсть изъ раскольничья быта (Современ., 1861 г., кн. 3). Эта повѣсть издана отдельно Д. Кожанчиковымъ (Спб., 1861 г.).
- «Лысково», изъ дорожныхъ записокъ (Иллюстрація, 1861 г., № 198—200). Изъ «Иллюстраціи» эти записки перепечатаны въ «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (1861 г., №№ 51—52; 1862 г., №№ 1—3).
- «Письма о расколѣ» (Сѣверная Пчела, 1862 г., №№ 5, 7, 9—10, 14—15). Отдельное изданіе: Спб., 1862 г.
- «Въ Чудовѣ», разсказъ (Сѣверная Пчела, 1862 г., № 30).
- «Старообрядческие архіереи» (Русский Вѣстникъ, 1863 г., кн. 4—6).
- «О русской правдѣ и польской кривдѣ» (М., 1863 г.).
- «Исторические очерки поповщины» (Русский Вѣстникъ, 1864 г., кн. 5). Эти «очерки» были продолженіемъ статьи: «Старообрядческие архіереи», и изданы отдельно: Спб., 1864 г., ч. I, 282 стр. Дальнѣйшіе же «очерки» появились только въ «Русскомъ Вѣстнике» (1866 г., кн. 5 и 9; 1867 г., кн. 2).
- «Описание празднества, бывшаго въ Петербургѣ 6-го—9-го апрѣля 1865 года по случаю столѣтняго юбилея Ломоносова» (Спб., 1865 г., 46 стр.).
- «Воспоминаніе о Н. И. Второвѣ» (Сѣверная Пчела, 1865 г., № 266).
- «Записка о русскомъ расколѣ» (Сборникъ правительствен. распоряженій о расколѣ, Лондонъ, 1866 г., томъ первый). Названная «Записка» была написана Мельниковымъ еще въ 1857 году для в. к. Константина Николаевича, но издана въ указанномъ «Сборнике» В. И. Кельсіевымъ безъ конца, съ пропусками и искаженіями.
- «Княжна Тараканова и принцесса Владимірская» (Русский Вѣстникъ, 1867 г., кн. 5, 6 и 8). Отдельно: М., 1868 г.
- «Очерки мордовы» (Русский Вѣстникъ, 1867 г., кн. 6, 9—10).
- «Счисление раскольниковъ» (Русский Вѣстникъ, 1868 г., кн. 2).
- «Изъ прошаго» (кн. 4). Эта статья, подписанная двумя инициалами: «П. М.», принадлежитъ Мельникову, какъ онъ самъ заявилъ объ этомъ въ «Русскомъ Вѣстнике» (1869 г., кн. 5, стр. 253).
- «Тайныя секты» (кн. 5).
- «За Волгой», разсказъ (кн. 6, 7, 10 и 12).
- «Нижегородско-казанская и нижегородско-сызранская желѣзныя дороги», записка уполномоченныхъ вѣмствомъ Нижегородской губерніи и городскимъ обществомъ Нижнаго Новгорода (Спб., 1869 г.).

- «Бѣлые голуби», рассказы о скопцахъ и хлыстахъ (Русский Вѣстникъ, 1869 г., кн. 3 и 5).
- Къ исторіи русской печати: о газетѣ «Русский Инвалидъ» (Русская Старина, 1870 г., кн. 10).
- «Въ лѣсахъ», рассказъ (Русский Вѣстникъ, 1871 г., кн. 1, 3, 5 и 8; 1872 г., кн. 1, 3, 5 и 8; 1873 г., кн. 2, 5, 8, 9 и 12; 1874 г., кн. 4, 5, 8 и 12). Отдѣльно это произведение издано въ четырехъ частяхъ: первое изданіе, М., 1875 г.; второе изданіе: Спб., 1881 г.
- «Авдотья Петровна Нарышкина», историческая замѣтка (Русский Вѣстникъ, 1872 г., кн. 1).
- «Воспоминаніе о В. И. Даля» (Русский Вѣстникъ, 1873 г., кн. 3).
- Изъ записокъ юрьевскаго архимандрита Фотія о скопцахъ, хлыстахъ и другихъ тайныхъ сектахъ въ Петербургѣ» (Русский Архивъ, 1873 г., кн. 8).
- Изъ нашей учебно-исторической литературы: объ учебнику г. Белямина» (кн. 11).
- «На горахъ», рассказъ (Русский Вѣстникъ, 1875 г., кн. 5 и 10; 1876 г., кн. 8 и 11; 1877 г., кн. 5—7, 9 и 10; 1878 г., кн. 1, 5, 8 и 11; 1879 г., кн. 9 и 12; 1880 г., кн. 3, 5 и 8; 1881 г., кн. 2—3). Отдѣльно: Спб., 1881 г., четыре части.
- «Разсказы Андрея Печерского» (М., 1876 г., 398 стр. Второе изданіе: Спб., 1882 г., 408 стр.).
- «Дѣло по поводу стихотворенія Тредьяковскаго» (Членія въ Обществѣ исторіи и древностей, 1879 г., кн. 1).
- «Воспоминаніе о графѣ С. С. Ланскомъ» (Русский Архивъ, 1879 г., кн. 2).
- «Спасеніе жизни императора Николая Павловича» (тамъ же).

Уже послѣ кончины Мельникова, были напечатаны: «Семейство Барбашевыхъ», изъ далекаго прошлаго (Афиши, 1884 г., №№ 343—345), и статья: «Раскольническіи секты въ Россіи» (Историч. Вѣстн., 1885 г., кн. 7).

Минцловъ, Робертъ Ивановичъ¹⁾, родился 18-го ноября 1811 года въ Кенигсбергѣ и окончилъ курсъ философскихъ наукъ въ тамошнемъ университѣтѣ; затѣмъ переселился въ Россію и занялся преподаваніемъ; такъ, онъ долгое время состоялъ преподавателемъ нѣмецкой литературы въ императорскомъ Александровскомъ лицѣ, а также былъ воспитателемъ государя императора Александра Александровича и его августейшихъ братьевъ; послѣднія же тридцать пять лѣтъ (1847—1883 г.) занималъ должность консерватора императорской публичной библіотеки; † 31-го октября въ Петербургѣ. Покойный, кромѣ того, что написалъ либретто комической оперы: «La meunière de Marly» (переведенной на русскій языкъ подъ названіемъ: «Мельничиха въ Марли»), напечаталъ слѣдующіе труды:

- Die altdeutschen Handschriften der k. öff. Bibliothek zu St.-Petersburgъ, Спб., 1853 г., 126 стр., со снимкомъ.

¹⁾ См. «Исторический Вѣстникъ». 1883 г., кн. 12, стр. 647—648.

- «*Beiträge zur Kenntniß der poët. und wissensch. Literatur Russlands*, Berlin, 1854 г., 204 стр.
- Книжная келья XV вѣка, сонъ на яву, (Библіогр. Записки, 1858 г., № 5).
To же перепечатано въ «Подсѣжникѣ» (1858 г., кн. 9).
- Что такое библиографія, и что отъ нея требуется? (тамъ же, № 12).
- *Notice sur les reliures anciennes de la bibliothèque impériale de St.-Pétersbourg*, Paris, 1858 г., 40 pag.
- Вильямъ Руссель и Каспаръ Энсь, авторы сочиненій, относящихся до Смутнаго периода» (Архивъ историч. и практич. свѣдѣній о Россіи, 1860 г., кн. V).
- *Les Elsevir de la bibliothèque impériale de St.-Pétersbourg*, Спб., 1862 г., 223 стр.
- *Catalogue des publications de la bibliothèque imp. publique de Saint-Pétersbourg, depuis sa fondation jusqu'en 1861, ainsi que des différents écrits qui la concernent spécialement, ou qui ont été publiés à son profit*, Спб., 1862 г., 38 стр.
- Привѣтствія и стихи въ день пятидесятилѣтія барона М. А. Корфа, (брюшюра: «Барону М. А. Корфу», Спб., 1867 г.).
- *Ein Gang durch die k. öffentliche Bibliothek*, (St.-Petersb. Kalender für 1870).
- Прогулка по с.-петербургской императорской публичной библиотекѣ, Спб., 1872 г.
- Исторія литературы древнихъ пародовъ, Спб., 1873 г.
- *Spécimen du catalogue raisonné des russica de la bibliothèque impériale publique de St.-Pétersbourg*, Спб.

Кромѣ того, Минцловъ состоялъ сотрудникомъ изданія: «*St.-Petersburger Zeitung*», и членомъ императорскаго археологическаго Общества и археологической комиссіи.

Мурзакевичъ, Николай Никифоровичъ¹⁾, родился въ 1807 году и воспитывался въ Московскомъ университѣтѣ по нравственно-политическому отдѣленію; по окончаніи курса дѣйствительнымъ студентомъ (1828 г.), переселился на югъ Россіи, въ херсонское имѣніе своего университетскаго товарища, М. М. Кириакова; тамъ, благодаря богатой библиотекѣ, изучилъ исторію и археологію Россіи, такъ что, послѣ полученія кандидатской степени, занялъ каѳедру русской исторіи въ Ришельевскомъ лицѣ (1831 г.); одновременно съ преподаваніемъ открылъ другую оживленную дѣятельность: онъ явился членомъ-основателемъ одесского Общества любителей исторіи и древностей (1839 г.), его секретаремъ и вице-президентомъ; наконецъ, директоръ Ришельевского лицѣя и нѣкоторое время управляющій Одесскимъ учебнымъ округомъ; † въ октябрѣ въ Одессѣ. Кромѣ изданія всѣхъ томовъ «Записокъ одесского Общества исторіи и древностей» (1844—1883 г.) и сотрудничества въ газетѣ «Одесский Вѣстникъ», онъ напечаталъ:

- *Descriptio nummorum veterum Graecorum atque Romanorum*, Одесса, 1835 г., 68 стр., съ таблицами.

¹⁾ О немъ «Русскія Вѣдом., 1883 г., № 292; «Историч. Вѣстникъ», 1883 г., кн. 12, стр. 646—647.

- «Достопамятности города Смоленска» (Журналъ мин. народн. просв., 1835 г., ч. VIII). То же въ «Чтенияхъ Общества исторіи и древностей», 1846 г., кн. 2).
- «Поѣзда въ Крымъ въ 1836 году» (тамъ же, ч. XIII).
- «Васильевскія двери въ городѣ Александровѣ» (тамъ же, ч. XVI).
- «Нынѣшнее состояніе просвѣщенія у болгаръ» (тамъ же, ч. XVIII).
- «Объ открытии древней княжеской гробницы въ окрестности города Смоленска» (Труды и лѣтописи Общества исторіи, 1837 г., ч. VIII).
- «Исторія генуэзскихъ поселеній въ Крыму», Одесса, 1837 г., 91 стр., съ картою Чернаго моря.
- «О первомъ свободномъ вводѣ табаку въ Россіи» (Труды и лѣтописи Общества исторіи, 1837 г., ч. VIII).
- «О пушечномъ литейномъ искусствѣ въ Россіи» (Журналъ мин. нар. просв., 1838 г., ч. XIX).
- «Сербскіе историческіе памятники» (тамъ же, 1839 г., ч. XXIII).
- «О царскихъ воротахъ въ Троицкомъ соборѣ въ Александровѣ» (Русскій Историческій Сборникъ, 1838 г., кн. 2, т. I).
- «Письменные памятники Тохтамышъ-хана» (Журналъ мин. нар. просв., 1840 г., ч. XXVII).
- «Записка объ одесскомъ Обществѣ исторіи» (брошюра: «Торжественное собрание одесского Общества исторіи и древностей», Одесса, 1840 г.).
- «Descriptio musei publici Odessanei». Одесса, 1841 г., 90 стр., съ двумя таблицами.
- «О двухъ элинскихъ надписяхъ, найденныхъ вблизи села Троицкаго, въ имѣніи помѣщика Кобле», «О латинской надписи съ именемъ воспорскаго царя Савромата II», «Надпись на окладѣ Евангелия въ монастырѣ Кирилана», «О нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ монетахъ, имѣющихся въ Одесѣ», «Поѣзда на островѣ Левки или Фидониси въ 1841 году» (Записки одесского Общества исторіи и древностей, 1844 г., т. I).
- «Начало книгопечатанія въ Новороссійскомъ краѣ», «Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ православныхъ монастыряхъ Херсонской и Кишиневской епархій», «Эллинские памятники, найденные въ Новороссійскомъ краѣ», «Аккерманскія греческія надписи», «Бахчисарайскія, арабскія и турецкія надписи», «Эски—крымская арабская надпись» (тамъ же, 1848 г., т. II).
- «Псковская судная грамота, составленная на вѣчѣ въ 1467 году», изданная по списку, хранящемуся въ библіотекѣ князя М. С. Воронцова, Одесса, 1847 г., 18 стр. Второе изданіе: Одесса, 1869 г.
- «Отказная запись 1609 г.» (Временникъ Общества исторіи и древностей, 1850 г., кн. 5).
- «Монеты, отысканные на островѣ Левки или Фидониси», «Ольвійскія древности» (Записки одесского Общества исторіи и древностей, 1853 г., т. III).
- «Письма царевича Алексея Петровича къ его родителю государю Петру Великому», Одесса, 1849 г.
- «Архіепископъ Гавріїлъ Розановъ» (Одесскій Вѣстникъ, 1858 г., № 141).
- «Экстрактъ объ Азовѣ», «Моддо-Влахійскія грамоты, хранящіяся въ Бессарбіи», «О позднѣйшихъ названіяхъ древней Гилеи», «Отводъ земли грекамъ, переселявшимся изъ Крыма въ Азовскому морю», «Пребываніе іезуитовъ въ Крыму», «Очеркъ заслугъ, сдѣланныхъ наукамъ кн. М. С. Воронцовъмъ», «Некрологъ: А. Ф. Негри и А. Д. Черткова», «Мѣдныя

- монеты города Кафы» (Записки одесского Общества исторіи и древностей, 1860 г., т. IV).
- «Исторія Черной горы, сочиненіе митрополита черногорскаго Василія Петровича» (Чтения въ Обществѣ исторіи и древностей, 1860 г., кн. 2).
- «Апостоль Зографскій XIV вѣка» (Ізвѣстія импер. акад. наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, 1861 г., т. X, вып. II).
- «Молдаво-Влахійскія грамоты, хранящіяся въ Бессарабіи», «Херсонисская церковь св. Василія», «Некрологъ А. Б. Ашика», «Донесеніе объ осмотрѣ архива банка св. Георгія въ Генуѣ», «О книгѣ Кёне: Описаніе музея кн. В. В. Кочубея», «Монета скиескаго царя Фарсоія» (Записки одесского Общества исторіи и древностей, 1863 г., т. V).
- «Некрологи: П. И. Рейхель и А. Я. Фабръ» (тамъ же, 1867 г., т. VI).
- «Письма Суворова къ Д. И. Хвостову» (Русскій Архивъ, 1868 г., кн. 11).
- «Письмо къ хану крымскому войска запорожскаго низового кошеваго атамана Ивана Сѣрко», «Расходы императора Павла I въ первыя три недѣли его царствованія», «Москва въ 1812 году» (Русская Старина, 1873 г., т. VIII).
- «О памятникѣ Кагульской битвы, сооруженіи кн. М. С. Воронцова» (Русскій Архивъ, 1873 г.).
- «Скитанія Магніцкаго съ 1826 года» и «Указъ Петра I о присылкѣ приходо-расходныхъ книгъ» (Русская Старина, 1874 г., т. XI).
- «Сочувствіе Бенгриі къ Россіи» (Русскій Архивъ, 1876 г., кн. III).
- «Подметное воззваніе шведскаго военачальника гр. Карла Левангаупта при вторженіи въ Россію въ 1708 году» (Русская Старина, 1876 г., т. XVI).
- «Правила для обхожденія съ нижними чинами», изъ приказовъ кн. М. С. Воронцова (Русскій Архивъ, 1877 г., кн. II).
- «Письмо И. Н. Инозова къ П. П. Панкратьеву» (Русская Старина, 1877 г., т. XX).
- «Замѣтки къ статьѣ: «Послѣдніе дни жизни Александра I» (тамъ же, 1878 г., т. XXI).
- «Материалы для исторіи Новороссійской іерархіи» (Херсонск. Епарх. Вѣдом., 1878 г., №№ 20 и 24; 1879 г., №№ 2, 12, 13, 17; 1881 г., № 13—14).
- «Замѣтка по поводу статьи: «М. Д. Деларю и А. С. Пушкинъ» (Русская Старина, 1880 г., т. XXIX).
- «Іезъ пролога: память святаго князя Владимира, крестившаго всю Русскую землю» (Замѣтки одесскаго Общества исторіи и древностей, 1881 г., т. XII).
- «Замѣтка къ указателю «Записокъ Порошина» (Русская Старина, 1882 г., т. XXXIV).

Для характеристики покойнаго Мурзакевича интересны письма къ нему митрополита Евгенія (Кievск. Епарх. Вѣдом., 1868 г., № 10) и кн. М. С. Воронцова (Русск. Арх., 1876 г., кн. III).

Незабитовскій, Василій Андреевичъ¹), сынъ канцеляриста, родился въ городѣ Радомыслѣ, Киевской губерніи (1824 г.), воспитывался во 2-й кievской гимназіи и на юридическомъ факультетѣ университета св. Владимира; по окончаніи университетскаго курса кандидатомъ (1846 г.), опредѣлился помощникомъ столона-

¹) О немъ: «Лицей кн. Безбородко», Гербеля, Спб., 1881 г., стр. 292; «Московскія Вѣдом.», 1883 г., № 169; «Біографич. словарь профессоровъ университета св. Владимира», Кіевъ, 1884 г., стр. 469—476.

чальника въ киевскую палату гражданского суда, но скоро перенёсъ эту должность на мѣсто учителя законовѣдѣнія во 2-й киевской гимназіи (1848 г.); затѣмъ—профессоръ законовъ казенного управления въ Нѣжинскомъ лицѣи кн. Безбородко (съ 14-го февраля 1852 г.) и профессоръ международного права въ университетѣ св. Владимира (съ 5-го августа 1853 г.); вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, за отсутствіемъ профессора, читалъ лекціи финансового права въ названномъ университетѣ (1858—1860 г.), былъ деканомъ и проректоромъ, наконецъ преподавалъ законовѣдѣніе въ киевскомъ кадетскомъ корпусѣ (съ 1857 г.); † 14-го іюня въ Кіевѣ. Покойный напечаталъ слѣдующіе труды:

- «Ученіе публицистовъ о междугосударственномъ владѣніи», Кіевъ, 1863 г. (докторская диссертатія).
- «Разборъ сочиненія Ренненкампа: Очерки юридической энциклопедіи» (Университет. Извѣстія, 1868 г., кн. 7).
- «О книгѣ Кистяковскаго: О пресъченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ суда» (тамъ же, 1869 г., кн. 3).
- «По поводу сочиненія Романовича-Славатинскаго: Дворянство въ Россіи» (тамъ же, 1870 г., кн. 11).
- «Разборъ сочиненія Сокольскаго: Главныиѣ моменты въ исторіи повального обыска» (тамъ же, 1871 г., кн. 12).
- «Новѣйшие проекты международного права», публичная лекція (тамъ же, 1875 г., кн. 2).
- «Рецензія сочиненія кн. Кантакузена-Сперанскаго: Опытъ опредѣленія понятія военной контрабанды» (тамъ же, 1876 г., кн. 2).
- «Разборъ труда Затыркевича: О вліяніи борьбы между народами и сословіями на образованіе строя Русскаго государства» (тамъ же, 1876 г., кн. 3).
- «О чиншевомъ владѣніи въ западныхъ губерніяхъ» (Университетск. Извѣстія. 1878 и 1883 гг.).

Уже послѣ смерти Незабитовскаго, подъ редакціей профессора Романовича-Славатинскаго, издано «Собраніе сочиненій» покойнаго (Кіевъ, 1884 г., 368 стр., съ портретомъ), куда, кроме перечисленныхъ нами трудовъ, вошла неизданная раныше магистерская диссертатія автора: «О податной системѣ въ Московскомъ государствѣ со временеми установлениія единодержавія до введенія подушнаго оклада» и нѣкоторыя мелкія статьи.

Никольскій, Владимиръ Васильевичъ¹⁾, родился въ 1834 году, воспитывался въ петербургской семинарии и тамошней духовной академіи, изъ которой вышелъ со степенью магистра богословія (1859 г.); по окончаніи курса — преподаватель словесности въ петербургской семинарии, императ. училищъ правовѣдѣнія, Николаевскомъ институтѣ, коммерческомъ училищѣ, Петербургской духовной академіи, на педагогическихъ курсахъ при Александров-

¹⁾ «Московскія Вѣдом.», 1883 г., № 81; «Историч. Вѣстникъ», 1883 г., кн. 4, стр. 244—245.

ской женской гимназии и въ императорскомъ Александровскомъ лицѣ; въ послѣднія семь лѣтъ (1876—1883 г.) онъ, кромѣ дѣятельности преподавателя, занималъ должность инспектора въ названномъ лицѣ; † 15-го марта въ Санть-Ремо. Имъ напечатаны:

- Духовные журналы 1860 года. (Духъ Христіан., 1861 г., кн. 1 и 3).
- Педагогическая наблюденія во время лѣтней поѣздки за границу. (Духовн. Бѣсѣда, 1863 г., №№ 31, 34 и 35).
- Предки М. Ю. Лермонтова. (Русская Старина, 1873 г., т. VII и VIII).
- По поводу сорокапятилѣтія артистической дѣятельности О. А. Петрова. (тамъ же, 1875 г., т. XIV).
- Жобарь и Пушкинъ въ 1836 году. (тамъ же, 1880 г., т. XXVIII).
- Дантель Геккернъ, замѣтка, и «Бракосочетаніе его съ Е. Н. Гончаровою». (тамъ же, 1880 г., т. XXIX).
- Puschkiniana, каталогъ Пушкинской библиотеки, Спб., 1880 г.
- Первоначальный планъ оперы «Жизнь за царя» (Русская Старина, 1881 г.. т. XXX).
- О книгѣ Арсеньева: Словарь писателей древняго періода русской литературы. (Странникъ, 1881 г., кн. 12).
- Идеалы Пушкина. (Христіанское Чтеніе, 1882 г., кн. 3 и 4).

По мысли Никольского въ императорскомъ Александровскомъ лицѣ основана Пушкинская библиотека. Онъ же принималъ участіе въ составленіи «Краткаго словаря шести славянскихъ языковъ», изданнаго уже послѣ его смерти, подъ редакціей Ф. Миклошича (Москва и Вѣна, 1885 г.).

Нордовъ, Василій Ивановичъ¹⁾, уроженецъ города Устюга Великаго, родился въ 1797 году, воспитывался въ вологодской семинаріи и Московской духовной академіи; по окончаніи курса въ послѣдней со степенью кандидата богословія (1822 г.), опредѣленъ учителемъ и ректоромъ духовнаго училища въ Никольскѣ, городѣ Вологодской губерніи (1822—1824 г.); произведенъ по особому испытанію академической конференціи въ магистры (1824 г.), онъ былъ рукоположенъ во священники къ Спасообщденной церкви въ Вологдѣ (1824—1833 г.) и въ 1830 году возведенъ въ санъ протоіерея; потомъ—настоятель Великоустюгскаго собора и ректоръ тамошняго духовнаго училища (1833—1841 г.); наконецъ—ректоръ вологодскаго духовнаго училища (1841—1857 г.), членъ вологодской духовной консисторіи (1841—1876 г.) и протоіерей тамошняго каѳедральнаго собора (1841—1883 г.); † 20-го октября въ Вологдѣ. Ему принадлежать слѣдующія изданія:

- Церковныя поученія, М., 1840 г. Второе изданіе: Вологда, 1854 г. Третье изданіе: Вологда, 1857 г.

¹⁾ О немъ: «Исторія Московск. духовн. академіи». Смирнова, М., 1879 г.. стр. 163, 471—472; «Современныя Извѣстія», 1883 г., № 313; «Странникъ», 1872 г., т. IV, стр. 38—40; «Вологодск. Епарх. Вѣдом.», 1874 г., №№ 13, 14, 18 и 21.

- «Бесѣды на божественную литургію», М., 1842 г. Второе издание: М., 1844 г., Третье издание: Спб., 1855 г.
- «Бесѣды на блаженства евангельскія», М., 1843 г. Второе издание: М., 1844 г. Третье издание: Спб., 1855 г.
- «Краткая священная история церкви», М., 1850 г. Второе издание: М., 1851 г.
- «Слова и бесѣды приходского священника къ своей паствѣ», Вологда, 1855 г. Второе издание: Вологда, 1857 г. Третье издание: Ярославль, 1860 г.
- «Бесѣды въ воспоминаніе празднуемыхъ церковю священныхъ и великихъ событий, произнесенные на всенощныхъ бдѣніяхъ», Вологда, 1856 г.
- «Поученія православного священника къ своимъ прихожанамъ, по руководству пространного христіанского катехизиса», Вологда, 1860 г. Второе изданіе и третье: Спб., 1861 г. Четвертое изданіе: Спб., 1870 г.
- «Бесѣды въ воспоминаніе древнихъ священныхъ событий и приснопамятныхъ лицъ», М., 1862 г. Второе изданіе: Спб., 1864 г.
- «Слово при освященіи храма» (Странникъ, 1862 г., кн. 2).
- «Поученія», годъ первый, М., 1864 г. (съ литографированнымъ портретомъ).
- «Краткое изображеніе церковнаго устава», М., 1866 г. Второе изданіе: М., 1867 г.
- «Церковно-проповѣдническое трехлѣтіе», Вологда, 1868 г.
- «Бесѣда самого съ собою, или мысли на досугѣ», Вологда, 1868 г.
- «Святитель благочестія», сборникъ поученій, Спб., 1883 г.

Паприцъ, Константинъ Эдуардовичъ, воспитывался въ Петровской землемѣрческой академіи, откуда, по окончаніи курса, поступилъ на одинъ годъ въ статистической комитетъ самарского земства; † 9-го октября въ Москвѣ. По указанію краткаго некролога (Русск. Вѣдом., 1883 г., № 279), онъ напечаталъ нѣсколько стихотвореній въ периодическихъ изданіяхъ и, кроме того, помѣстилъ:

- «На Волгѣ», повѣсть (Русская Мысль, 1881 г.).
- «Келейникъ» и «Буракъ», очерки (Русский Курьеръ, 1883 г.).

Патлаевскій, Иннокентій Густиновичъ¹⁾, окончилъ высшее образованіе на юридическомъ факультетѣ университета св. Владимира со степенью кандидата (1862 г.); съ августа 1863 года былъ избранъ совѣтомъ Нѣжинскаго лицея исправляющимъ должность профессора по каѳедрѣ законовъ казеннаго управлѣнія (1863—1866 г.); затѣмъ перешелъ исправляющимъ должность доцента по финансовому праву въ Новороссійскій университетъ (1866 г.), где, послѣ получения ученыхъ степеней, пріобрѣлъ званіе ординарнаго профессора (1868—1883 г.); † въ августѣ въ Одессѣ. Имъ напечатаны:

- «Денежный рынокъ въ Россіи съ 1700 по 1762 годъ», магистерская диссертаци, Одесса, 1868 г. Сначала этотъ трудъ печатался въ «Запискахъ Новороссійскаго университета».
- «Теорія денежного обращенія Рикардо и его послѣдователей», докторская диссертаци, Одесса, 1871 г.
- «О подоходныхъ налогахъ» (Сборникъ госуд. знаній, изд. В. П. Безобразовымъ, Спб., 1877 г., т. IV).

¹⁾ О немъ: въ книгѣ Гербеля «Лицей князя Безбородко», Спб., 1881 г., стр. 297; «Московскія Вѣдом.», 1883 г., № 291.

Послѣ смерти Патлаевскаго напечатанъ его «Курсъ финансового права» (Одесса, 1885 г., 393 стр., съ биографическимъ очеркомъ автора).

Петровъ, Иванъ Ивановичъ¹⁾, родился въ 1824 году, воспитывался въ корпусъ флотскихъ штурмановъ, откуда выпущенъ офицеромъ (1843 г.); затѣмъ служилъ преподавателемъ исторіи въ старшихъ классахъ штурманского корпуса (1844—1853 г.) и во флотѣ (1853—1872 г.); выйдя въ отставку, посвятилъ послѣднія десять лѣтъ петербургскому отдѣлу славянскаго комитета, где состоялъ членомъ и казначеемъ (1872—1883 г.); † 23-го іюля въ Петербургѣ. Его труды:

- Нѣсколько словъ объ Астраханскомъ портѣ. (Кронштадтскій Вѣстникъ, 1862 г., № 69).
- Кое-что о Каспіи. (Морской Сборникъ, 1863 г., ч. LXIV, кн. 5).
- По поводу книги: Морской Альманахъ. (Кронштадтскій Вѣстникъ, 1870 г., №№ 65, 67 и 68).
- Указатель статей «Морского Сборника» (1842—1872 гг.), Спб., 1872 г., 767 стр.
- Указатель статей современныхъ морскихъ изданій, предшествовавшихъ журналу «Морской Сборникъ», Спб., 1881 г., 151 стр.

Пихно, Марія Константиновна²⁾, по первому браку Шульгина, родилась въ 1846 году, семнадцати лѣтъ вышла замужъ за известного профессора исторіи въ университетѣ св. Владимира — В. Я. Шульгина (1863 г.) и вмѣстѣ съ мужемъ принимала дѣятельное участіе въ изданіи газеты «Кievлянинъ» (1864—1878 г.); послѣ же его кончины сама издавала названную газету (1879—1883 г.); † 7-го октября въ Ниццѣ.

Подвысоцкій, Александръ Госифовичъ, уроженецъ Малороссіи, въ послѣдніе годы жизни занималъ должность управляющаго конторой государственного банка въ Архангельскѣ; † въ Архангельскѣ. Имъ напечатаны:

- Харьковскій календарь на 1869 годъ, мѣсяцесловъ, адресная и справочная книга, Харьковъ, 1869 г.
- Записки очевидца о событияхъ въ Варшавѣ, въ 1861 и 1862 годахъ, составленные по документамъ, Спб., 1869 г. Первые девять главъ этого труда были напечатаны въ «Русскомъ Инвалидѣ», за 1868 годъ.
- Харьковскій календарь на 1870 годъ, Харьковъ, 1869 г.
- Харьковскій календарь на 1871 годъ, Харьковъ, 1870 г.
- Графъ Михаилъ Огинскій и его отношенія къ императору Александру Павловичу, изъ записокъ графа Огинскаго. (Русский Архивъ, 1874 г., кн. 3).
- Справочная и памятная книга Архангельской губерніи на 1875 годъ, Архангельскъ, 1874 г.
- Поваръ Халибля, указъ императрицы Елизаветы Петровны о его возвращеніи изъ Колы. (Русская Старина, 1875 г., т. XII).

¹⁾ «Русь», 1883 г., №№ 15 и 17.

²⁾ О ней: «Московскія Вѣдомости», 1883 г., № 285.

«Истор. вѣстн.», декабрь, 1886 г., т. XXVI.

- «Отправка купеческихъ сыновей въ Англію въ 1766 году», (тамъ же, 1875 г., т. XIII).
- Поиски морскихъ раковъ въ Бѣломъ морѣ и Ледовитомъ океанѣ», переписка кн. А. А. Вяземскаго съ Головцынымъ (тамъ же, 1876 г., т. XVI).
- «Водвореніе и распространеніе картофеля въ Архангельской губерніи» и «Попытка освѣщенія улицъ въ Архангельскѣ въ 1767—1768 годахъ» (тамъ же, 1879 г., т. XXVI).

Кромѣ того, послѣ смерти Подвысоцкаго, изданъ его «Словарь областнаго архангельскаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи» (Спб., 1885 г., 197 стр.), удостоенный Ломоносовской преміи отъ академіи наукъ въ 1881 году.

Попудогло, Феодоръ Феодосьевичъ, сотрудникъ-беллетристъ московскихъ и петербургскихъ газетъ; † 14-го октября въ Москвѣ, какъ коротко указано въ «Московскомъ Листкѣ» (1883 г., № 286).

Преженцовъ, Александръ Осиповичъ, почетный членъ императорскаго вольно-экономического Общества, по указанію краткаго некролога (Русск. Вѣдом., 1883 г., № 145), писалъ статьи по этнографическимъ и экономическимъ вопросамъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Молвѣ» и «Голосѣ», а во время пребыванія заграницей—тѣ нѣмецкихъ и французскихъ журналахъ; въ послѣдніе годы онъ редактировалъ «Московскую Газету»; † 27-го мая въ Москвѣ.

Путятинъ, графъ, Евгений Васильевичъ¹⁾, родился въ 1803 году и воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ въ действительную службу (1819 г.); произведенный въ мичманы (1822 г.), онъ былъ назначенъ въ кругосѣтное путешествіе на фрегатѣ «Крейсеръ», которымъ командовалъ знаменитый морякъ М. П. Лазаревъ; по возвращеніи на родину, принялъ участіе въ войнѣ съ Турцией (1827 г.), а затѣмъ, въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, получилъ въ командованіе корветъ «Ифигенія», для плаванія по Черному и Средиземному морямъ; съ начала сороковыхъ годовъ на его долю выпадаютъ важныя порученія: онъ посыается въ Англію для заката пароходовъ (1842 г.), въ чинѣ контроль-адмирала отправляется къ персидскому шаху (1842 г.); назначенный генераль-адъютантомъ и произведенный въ вице-адмиралы, былъ командированъ въ Японію для дипломатическихъ переговоровъ, результатомъ которыхъ было заключеніе первого договора съ Японіей и открытие ея портовъ для Россіи (1852—1855 г.); возведенный въ графское достоинство (1855 г.), онъ снова отправился въ Японію и Китай для ратификаціи договоровъ, послѣ чего былъ назначенъ военно-морскимъ агентомъ при посольствѣ въ Лондонѣ (1858—1861 г.); затѣмъ—министръ народнаго просвѣщенія (1861 г.) и членъ

¹⁾ См. периодическія изданія 1883 года: «Московскія Вѣдомости», №№ 294, 300 и 301; «Нива», № 50; «Историческій Вѣстникъ», кн. 12, стр. 647.

государственного совета; † 16-го октября въ Парижѣ. Имъ напечатаны:

- «Всеподданнейший отчетъ о плаваніи отряда военныхъ нашихъ судовъ въ Японію и Китай, за 1852—1855 гг.» (Морской Сборникъ, 1856 г., т. XXIV, кн. 10). Отдельно: Спб., 1857 г., 87 стр.
- «Соображенія объ устройствѣ морского воспитанія въ Россіи на новыхъ начальахъ» (тамъ же, 1859 г., т. XLIV, кн. 11 и 12; 1860 г., т. XLV, кн. 2).
- «Проектъ преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній съ учрежденіемъ новой гимназіи», Спб., 1860 г., 520 стр.

О его путешествіи въ Японію и Китай можно получить свѣдѣнія изъ статей, помѣщенныхъ въ «Морскомъ Сборникѣ» (1856 г., т. XX, кн. 1; т. XXIII, кн. 8; 1859 г., т. XXXIX, кн. 1).

Рикордъ, Людмила Ивановна¹⁾, родилась въ 1794 году, была супругою знаменитаго адмирала П. И. Рикорда, сопровождала его во многихъ плаваніяхъ, служила предсѣдательницей Прибалтийскаго православнаго братства и членомъ во многихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ; † 24-го іюня въ Петергофѣ. Ея «Воспоминанія» напечатаны въ «Русской Старинѣ» (1876 г., т. XVII; 1879 г., т. XXIV; 1883 г., т. XXXIX).

Розановъ, Николай Павловичъ²⁾, сынъ причетника села Сѣнина, Серпуховскаго уѣзда, Московской губерніи, родился 27-го апрѣля 1809 года и воспитывался въ московской духовной семинарии; по окончаніи курса въ ней, поступилъ на службу въ московскую духовную консисторію (съ 6-го октября 1835 года) и долгое время занималъ тамъ място секретаря; незадолго до кончины уволенъ въ отставку (1883 г.); † 12-го октября въ Москвѣ. Покойный состоялъ членомъ обществъ: московскаго археологическаго, исторіи и древностей российскихъ, любителей духовнаго просвѣщенія, и напечаталъ слѣдующіе труды:

- «Метрическая запись о рождении Филарета, митрополита московского» (Современ. Лѣтопись, 1867 г., № 45).
- «Встрѣча Московскому митрополиту Тимофею за сто лѣтъ тому назадъ» (Душеполезное Чтеніе, 1868 г., кн. 3).
- «Саввинское подворье и московские преосвященные викарии» (Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, 1868 г., кн. 4).
- «О времени благовѣста при церквиахъ въ Москвѣ въ прошломъ столѣтіи и въ настоящемъ» (Душеполезное Чтеніе, 1868 г., кн. 5).
- «О московскихъ городскихъ кладбищахъ» (тамъ же, 1868 г., кн. 6).
- «Камилавка, пожалованная Наполеономъ I въ бытность его въ Москвѣ въ 1812 году Московскому священнику» (тамъ же, 1868 г., кн. 7).
- «Василий Григорьевич Рагузинъ, причетникъ-герой 1812 года» (тамъ же, 1868 г., кн. 8).

¹⁾ О ней: «Московскія Вѣдомости», 1883 г., № 182; «Русская Старина», 1883 г., кн. 8, стр. 368, и кн. 10, стр. 477—480.

²⁾ О немъ: «Русскій Архивъ», 1884 г., кн. I, стр. 244.

- «Бывшій архієрейскій домъ на Крутицахъ въ Москвѣ», (Православное Обозрѣніе, 1868 г., кн. 11).
- «О Татіанинской церкви имп. Московского университета», съ планомъ (Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, 1869 г., кн. 1).
- «Петръ Алексѣевичъ Алексѣевъ, протоіерей Архангельскаго собора» (Душеполезное Чтеніе, 1869 г., кн. 1).
- «Грамоты царя Михаила Феодоровича (1624 г.) серпуховскому протопопу съ братію у св. Троицы» (Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, 1869 г., кн. 2).
- «О мѣрахъ наказаній по московскому епархіальному вѣдомству въ прежніе годы» (Душеполезное Чтеніе, 1869 г., кн. 5).
- «Объ архивѣ московской духовной консисторіи» (Чтенія въ московск. Обществѣ любителей духовн. просвѣщ., 1869 г., кн. 6).
- «О церкви Спаса Нерукотвореннаго въ Барыковской Богадѣльнѣ» (Душеполезное Чтеніе, 1869 г., кн. 8).
- «Устройство церковныхъ домовъ для приходскаго духовенства въ Москвѣ», исторический очеркъ (Православное Обозрѣніе, 1869 г., кн. 8).
- «Исторія московскаго епархіального управлениія со времени учрежденія св. синода (1721—1821 гг.), четыре части, М., 1869—1871 гг.
- «Михайло-Медведь, разбойничій эсaulъ» (Русскій Архивъ, 1869 г.).
- «Исторія церкви Рождества Пресвятаго Богородицы на Старомъ Симоновѣ въ Москвѣ», къ ея пятисотлѣтію (1370—1870 г.), М., 1870 г. Эта «Исторія», подъ заглавіемъ: «Старое Симоново въ Москвѣ», перепечатана въ «Русскихъ Достопамятностяхъ» (М., 1883 г., томъ второй). Еще издание: М., 1884 г.
- «Указъ московской духовной консисторіи въ Пехрянское духовное правленіе объ учиненіи вдовѣ лейбъ-гвардіи ротмистра Глѣба Салтыкова, Даৰѣ, Николаевой дочери, обыска въ мучительствахъ и убийствахъ людей въ селѣ ея Троицкомъ и въ самой Москвѣ» (Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, 1872 г., кн. I).
- «Указъ московской духовной консисторіи о собраніи изо всей Россійской имперіи печатныхъ присяжныхъ принцу Іоанну листовъ, генеральной присяги формъ, манифестовъ, указовъ, регламентовъ, паспортовъ крестьянскихъ, и о присылкѣ оныхъ въ сенатъ» (тамъ же, 1872 г., кн. 2).
- «Время рожденія и крещенія поэта М. Ю. Лермонтова» (Русская Старина, 1873 г., т. VIII).
- «Замѣтка о годѣ рожденія Грибоѣдова» (тамъ же, 1874 г., т. XI).
- «Похороны преосвященнаго Платона, архіепископа московскаго, и оставшееся послѣ него имѣніе» (Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, 1874 г., кн. 3).
- «Описаніе московскихъ церквей, учиненное московской духовной консисторіей, съ показаніемъ, когда церкви построены и отчего имѣютъ название своей мѣстности» (тамъ же, 1874 г., кн. 4).
- «Заточеніе отца Авеля въ Спасо-Евѳиміевъ монастырь» (Русская Старина, 1875 г., т. XII).
- «Замыселъ Фигнера въ 1812 году» (тамъ же, 1875 г., т. XIII).
- «Церковь архангела Гавріила въ Москвѣ», историческое изслѣдованіе, М., 1877 г. Это же изслѣдованіе, подъ названіемъ: «Церковь архангела Гавріила

- въ Москвѣ, на Чистомъ пруду, или Меншикова башня», помѣщено въ «Русскихъ Достопамятностяхъ» (М., 1883 г., томъ второй).
- *Московскія безобразія прошлаго вѣка: драка въ Чудовомъ монастырѣ и нѣмецъ-дракунъ* (Русскій Архивъ, 1878 г., вып. I).
- Графъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ (Русская Старина, 1882 г., кн. 10).
- *Воскресенскій Высокій монастырь въ Москвѣ* (Русскія Достопамятности, М., 1883 г., томъ второй).
- *Материалы для истории Московской епархіи, подъ управлениемъ митрополита Филарета* (Сборникъ, изданный Обществомъ любителей духовн. просвѣщенія, по случаю празднованія столѣтнаго юбилея со дня рождения Филарета, митрополита московскаго, М., 1883 г., т. I).

Кромѣ названныхъ изданій, покойный Розановъ помѣщалъ свои статьи въ «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ».

Савичъ, Алексѣй Николаевичъ¹⁾), известный русскій астрономъ, родился 25-го февраля 1810 года въ Харьковской губерніи и воспитывался въ Московскомъ университѣтѣ по первому отдѣленію философскаго факультета; по окончаніи курса кандидатомъ (1829 г.) и послѣ защиты магистерской диссертациі (1834 г.), для усовершенствованія въ астрономіи, отправился въ Дерптскій университетъ; оттуда, по рекомендациіи В. Я. Струве, былъ назначенъ членомъ экспедиціи для измѣренія разности въ уровняхъ Каспійскаго и Азовскаго морей; по возвращеніи изъ этой важной экспедиціи, опредѣленъ астрономомъ-наблюдателемъ при обсерваторіи Дерптскаго университета, а вслѣдъ за полученіемъ докторской степени (1839 г.) переведенъ въ Петербургскій университетъ съ званіемъ профессора, сначала экстраординарнаго (1839 г.), а потомъ и ординарнаго (1846 г.) по каѳедрѣ астрономіи, которую и занималъ втечение сорока лѣтъ до 22-го декабря 1879 года, когда былъ уволенъ по прошенію; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ экстраординарнымъ и ординарнымъ академикомъ (1862—1883 г.) въ императорской академіи наукъ. Имъ напечатаны слѣдующіе ученыe труды:

- О «Руководствѣ къ астрономіи Переvoщикова» (Телескопъ, 1831 г., ч. III).
- О разныхъ способахъ опредѣленія географической широты и долготы мѣсть», М., 1834 г. (магистерская диссертация).
- *Ueber die Hohe d. Caspischen Meeres und d. Hauptspitzen d. Kaukasischen Gebirge*, Dorpat, 1839 г. (докторская диссертация).
- *Наблюденія надъ противостояніями планетъ* (Astronomische Nachrichten Шумахера за 1841—1842 гг.).

¹⁾ О немъ: «Описаніе торжества, даннаго въ честь академика А. Н. Савича», состав. П. Коргуевъ, Кроншт., 1866 г., 55 стр., съ приложеніемъ одной таблицы; «Кронштадтскій Вѣстникъ», 1866 г., № 11; «Портретная галлерея русскихъ дѣятелей», изд. А. Мюнстеромъ, Спб., 1869 г., т. II; «Импер. С.-Петербургскій университетъ», Григорьева, Спб., 1870 г., стр. 187—191 и 398; «Изъ дальнихъ лѣтъ, воспоминанія Татьяны Пассекъ», Спб., 1878 г., стр. 363—364; періодическія изданія 1883 года: «Московскія Вѣдом.», № 237; «Русскія Вѣдом.», № 233 и 242; «Исторический Вѣстникъ», кн. 10, стр. 230—231.

- *Üeber die Bestimmung der geographischen Lände aus Mondsazimuthen.* (тамъ же, за 1843 г.).
- *Наблюдения надъ положеніями нѣкоторыхъ планетъ и замѣчанія о способѣ Гауса вычислять путь вновь открываемыхъ планетъ.* (Astronomical Journal Гольда за 1843 г.).
- *О массахъ планетъ и въ особенности о массахъ Меркурія и Юпитера.* (Журналъ мин. нар. просв., 1843 г., ч. XXXVIII).
- *О новыхъ трудахъ Аргеландера, профессора астрономіи и директора обсерваторіи въ Боннѣ.* (Отечеств. Записки, 1844 г., кн. 5).
- *Разборъ сочиненія профессора Переvoщикока: Основанія астрономіи.* (Двѣ надцатое присужденіе Демидовскихъ наградъ, Спб., 1843 г., стр. 87—104).
- *Rémarques sur la methode de déterminer le temps au moyen des observations des passages des étoiles par le vertical de l'étoile polaire.* (Бюллетень императорской академіи наукъ, 1845 г.).
- *Приложеніе практической астрономіи къ географическому опредѣленію мѣстъ,* Спб., 1845 г. Это сочиненіе удостоено академіею наукъ полной Демидовской преміи и издано на нѣмецкомъ языке (Гамбургъ, 1850 г.). Второе изданіе: Спб., 1871 г., два тома.
- *Объ успѣхахъ практической астрономіи вообще, преимущественно же въ Россіи, и о дѣятельности Пулковской обсерваторіи,* съ рисункомъ (Мѣсяцесловъ на 1846 г., стр. 215—261).
- *Извѣстія о любопытныхъ явленіяхъ, замѣченныхъ въ разныхъ мѣстахъ Европы во время полного солнечного затменія 1842 года.* (Журналъ мин. нар. просв., 1846 г., ч. XL).
- *Объ изысканіяхъ Гоммеръ-Дегеля относительно разностей между уровнями Азовскаго и Каспійскаго морей.* (тамъ же, 1846 г., XLII).
- *Извлеченія изъ отчета о путешествіи Фреймана во владѣнія англійской Гунзбайской компаніи.* (Записки императорскаго русскаго географическаго Общества, 1846 г., т. I).
- *Выводы изъ наблюдений надъ планетами Венерою, Вестою, Сатурномъ и Ураномъ.* (Astronomische Nachrichten Шумахера за 1848 годъ).
- *Изслѣдованіе орбиты кометы 1585 года по наблюденіямъ Тихо-де-Браге* (тамъ же). Этотъ трудъ, написанный вмѣстѣ съ астрономомъ Петерсомъ, удостоенъ золотой медали отъ датскаго короля.
- *Новый каталогъ звѣздъ Бесселя.* (Журналъ мин. нар. просв., 1848 г., ч. LV).
- *Опытъ общепонятнаго исторического разсказа о томъ, какъ открыта новая планета «Нептунъ».* (Современникъ, 1847 г., кн. 3).
- *О геодезическихъ вычисленіяхъ по способу Гауса.* (Бюллетень императорской академіи наукъ, 1848 г.).
- *Изслѣдованія академика Петерса о годовомъ параллаксѣ неподвижныхъ звѣздъ.* (Журналъ мин. нар. просв., 1849 г., ч. LIX).
- *Начала математической географіи и космографіи.* Спб., 1850 г. Второе изданіе: Спб., 1859 г.
- *Объ опредѣленіи широты мѣста и состоянія хронометра по двумъ высотамъ солнца, взятымъ въ разные часы сутокъ.* (Морской Сборникъ, 1850 г.).
- *О градусныхъ измѣреніяхъ дугъ меридіана въ Индіи, произведенныхъ на иждивеніи ость-индійской компаніи.* (Журналъ мин. нар. просвѣщ., 1851 г., ч. LXIX).

- Объ определеніи элементовъ движения спутника около главной планеты помо-щю трехъ геоцентрическихъ наблюдений, и способъ исправлять эти эле-менты помошю большаго числа наблюдений. (Бюллетень императорской академіи наукъ, 1852 г.).
- *Mémoire sur le mouvement d'un satellite autour de sa planète principale* (Trans-sactions of the Royal Astronomical Society, 1852 г.).
- *Sur les valeurs numériques des constantes qui entrent dans les formules de La-place et de Bessel pour calculer les réfractions astronomiques, et sur la dé-termination de coefficient de la réfraction terrestre* (Бюллетень император-ской академіи наукъ, 1853 г.).
- О распределеніи теплоты въ разныхъ слояхъ воздуха, по мѣрѣ ихъ удаленія отъ земной поверхности. (Вѣстникъ императорскаго русскаго географиче-скаго Общества, 1853 г.).
- Фотометрическія изслѣдованія о сіяніи звѣздъ и планетъ. (Журналъ мин. нар. просв., 1854 г., кн. 6).
- Замѣчанія о способѣ Дувеса вычислять широты мѣстъ. (Морской Сборникъ, 1855 г.).
- Описание главной въ Россіи Николаевской обсерваторіи, на Пулковской горѣ, близъ С.-Петербурга (тамъ же, 1855 г., т. XVII, № 8). Къ описанію при-ложены видъ и три плана.
- Историческій взглядъ на открытие малыхъ планетъ или астероидовъ. (Годич-ный торжественный актъ въ импер. С.-Петербургскому университету, Спб., 1855 г.). Этотъ же трудъ перепечатанъ въ «Журналѣ мин. нар. просв.» (1855 г., ч. LXXXVI).
- Замѣчанія объ изслѣдованіяхъ профессора Цеха о древнихъ затменіяхъ, для повѣрки хронологіи и таблицъ луны. (Журналъ мин. нар. просв., 1856 г., ч. ХСII). Отдѣльно: Спб., 1857 г., 18 стр.
- О неизмѣнности среднихъ температуръ на землѣ съ отдаленнѣйшихъ временъ. (Морской Сборникъ, 1856 г.).
- Приложение теоріи вѣроятностей къ вычислению астрономическихъ наблюдений и геодезическихъ измѣреній, Спб., 1857 г. Удостоено Демидовской преміи.
- О собственныхъ движеніяхъ звѣздъ, рѣчь (Актъ десятаго выпуска студен-товъ главнаго педагогического института, Спб., 1857 г.).
- Историческое обозрѣніе знаменитѣйшихъ звѣздныхъ росписей. (Морской Сбор-никъ, 1857 г.).
- Обозрѣніе новѣйшихъ изслѣдованій о физической географіи океановъ. (тамъ же, 1858 г.).
- О погодѣ и ея примѣтахъ. (Мѣсяцесловъ на 1859 годъ, стр. 376—389).
- Замѣчанія на приблизительные способы опредѣлять долготу мѣста по наблю-деніямъ лунныхъ разстояній. (Морской Сборникъ, 1860 г.).
- Начальныя основанія дифференціального и интегрального исчислений, Спб., 1861 г.
- *Recherches sur l'orbite de la grande comète II-e*. (Бюллетень императорской академіи наукъ, 1863 г.).
- *Sur le nivellement barométrique*, (тамъ же, 1864 г.). Этотъ же трудъ на рус-скомъ языку помѣщенъ въ «Запискахъ императорской академіи наукъ» (1864 г., т. VI, кн. 2).
- Разборъ сочиненія Смысюва: Репсольдовъ кругъ, хронометры, хронометриче-ская экспедиція 1859 года. (Тридцать третые присужденіе Демидовскихъ наградъ, Спб., 1864 г., стр. 76—92).

- Воспоминание о В. Я. Струве, рѣчь (Торжественное собрание импер. академіи наукъ 29-го декабря 1864 года, Спб., 1864 г.).
- Разборъ рукописнаго сочиненія Ленца: Извѣдованія восточной Персіи и Гератскаго владѣнія, относительно математической и физической географіи, (Тридцать четвертое присужденіе Демидовскихъ наградъ, Спб., 1865 г., стр. 66—71).
- Некрологъ Е. Е. Саблера (С.-Петербургскія Вѣдом., 1865 г., № 339). Этотъ же некрологъ перепечатанъ въ «Запискахъ императорской академіи наукъ», 1866 г., т. VIII, кн. 2).
- Sur la dÃ©terminatiou de la resistance de l'air au mouvement du pendule, (Бюллетень императ. академіи наукъ, 1866 г.).
- Наблюденія надъ качаніями маятника, произведенныя въ съверной части дуги меридiana, измѣренной въ Россіи. (Приложеніе къ X тому «Записокъ императорской академіи наукъ», 1866 г., № 3, 165 стр., съ литogr. таблицами чертежей). Въ этой работѣ принималъ участіе и Р. Э. Ленцъ.
- Рецензія на книгу Буняковскаго: Опыты о законахъ смертности въ Россіи. (Съверная Пчела, 1866 г., № 113).
- Замѣчанія о вычисленіи земного предолмленія, (Записки императорской академіи наукъ, 1867 г., т. XI, кн. 1).
- Наблюденія надъ качаніями маятника, произведенныя въ Пулковѣ, Дерптѣ, Якобштадтѣ и Вильнѣ. (Приложеніе къ XIII тому «Записокъ императорской академіи наукъ», 1868 г., № 3, 159 стр.). Въ этой работѣ сотрудничалъ и П. М. Смысловъ.
- Замѣчанія о геодезическихъ вычисленіяхъ, (Записки императ. академіи наукъ, 1870 г., т. XVII, кн. 2).
- Наблюденія надъ качаніями маятника, произведенныя въ южной части дуги меридiana, измѣренной въ Россіи, и общіе выводы изъ опытовъ надъ колебаніемъ маятниковъ между Торнео и Дунаемъ, (Приложеніе къ XIX тому «Записокъ императорской академіи наукъ», 1871 г., № 1, 223 стр.). Въ этомъ труде принимали участіе Р. Э. Ленцъ и П. М. Смысловъ.
- Интерполированіе величинъ, опредѣляемыхъ помощью наблюденій, (Записки императ. академіи наукъ, 1871 г., т. XX, кн. 1).
- Замѣчанія о способѣ опредѣлять путь планеты или кометы по тремъ наблюденіямъ, близкимъ между собою, (тамъ же, 1872 г., т. XXI, кн. 2).
- Курсъ астрономіи, томъ первый: сферическая астрономія (Спб., 1874 г.); томъ второй: теоретическая астрономія, (Спб., 1884 г., съ портретомъ автора).
- Предварительное вычисление солнечныхъ затмений и подобныхъ явлений по способу Гаусса, (Записки императ. академіи наукъ, 1876 г., т. XXVII, кн. 1).
- Замѣчанія объ употребленіи пассажнаго инструмента въ вертикаль полярной звѣзды, Спб., 1877 г., 20 стр.

Садовниковъ, Дмитрій Николаевичъ¹⁾, родился въ Симбирскѣ (1846 г.) и воспитывался въ тамошней гимназіи, но не окончилъ полнаго курса; уже по выходѣ изъ гимназии приобрѣлъ званіе домашняго учителя и, кромѣ частныхъ уроковъ, занимался литературными трудами; † 19-го декабря въ Петербургѣ. Онъ, кромѣ

¹⁾ О немъ: «Русскія Вѣдом.», 1883 г., № 353; «Исторический Вѣстникъ», 1884 г., кн. 2, стр. 456—457; «Московскія Вѣдом.», 1884 г., № 100.

- своей фамилии, подписывалъ два псевдонима: «Д. Волжановъ» и «Жанристъ» въ иллюстрированныхъ изданіяхъ «Искусствѣ» и «Литературномъ Журналѣ». Имъ напечатаны слѣдующіе труды:
- «Русская земля, Жегули и Усолье на Волгѣ», наброски путемъ-дорогою (Бесѣда, 1872 г., кн. 11 и 12).
 - «Подвиги простыхъ русскихъ людей» (Грамотѣй, 1873 г., кн. 1, 2, 3, 8, 11 и 12).
 - «Наши землепроходцы», разсказы о заселеніи Сибири, М., 1874 г.
 - «Загадки русского народа», сборникъ загадокъ, вопросовъ, притчъ и задачъ», Спб., 1875 г., 332 стр.
 - «Изъ Свінберна», стихотвореніе (Еженедѣльное Новое Время, 1879 г., № 10—11).
 - «Изъ лѣтней поѣздки по Волгѣ» (Вѣкъ, 1883 г., кн. 1).
 - «Отзывы современниковъ о Пушкинѣ» (Исторический Вѣстникъ, 1883 г., кн. 12).

Уже послѣ смерти Садовникова изданы собранныя имъ «Письма Пушкина къ Н. М. Языкову» (Историч. Вѣстникъ, 1884 г., кн. 5). и «Сказки и преданія Самарскаго края» (Записки императ. русск. географическ. Общества, по отдѣленію этнографіи, 1884 г., т. XII).

Симоновичъ, Яковъ Мироновичъ¹⁾, родился въ 1840 году и воспитывался въ Московскомъ университѣтѣ, но не окончилъ тамъ полнаго курса; затѣмъ, послѣ непродолжительной педагогической практики въ Тифлісѣ, перебѣжалъ въ Петербургъ, гдѣ и поступилъ въ медико-хирургическую академію; по окончаніи въ послѣдней, служилъ завѣдующимъ тифозной палатой въ петербургской Александровской больницѣ; † въ декабрѣ въ Петербургѣ. Кромѣ изданія вмѣстѣ съ женою журнала «Дѣтскій садъ» (1866—1868 г.), онъ напечаталъ:

- «Наглядное обученіе для дѣтей, только-что поступившихъ въ народную школу, составленное по Боссарту», Тифлісъ, 1870 г.
- «Теорія естественного подбора и примѣненіе ея къ человѣку», (Медицинскій сборникъ кавказскаго медицинскаго Общества, 1872 г., № 15). Отдельно: Тифлісъ, 1872 г.
- «Практическія замѣтки объ индивидуальномъ и общественномъ воспитаніи малѣтнихъ дѣтей», Спб., 1874 г. (вмѣстѣ съ женою — А. Симоновичъ). Второе изданіе: Спб., 1884 г.
- «Учебникъ практической медицины, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на патологическую анатомію и гистологію», сочиненіе Кунце, Спб., 1874 г. Это—изданіе Я. М. Симоновича.
- «Основы гигіиены», Спб., 1880 г., 271 стр., съ двумя таблицами рисунковъ и одною таблицею чертежей. Второе изданіе: Спб., 1883 г.
- «Теоретическое и клиническое изложеніе ученія о постукиваніи и выслушиваніи, съ приложеніемъ ученія объ осмотрѣ, ощупываніи и измѣреніи груди», сочиненіе Вуаллеза, переводъ съ французскаго, Спб., 1880 г., съ 101 рисункомъ въ текстѣ. Эта же книга послужила четвертымъ приложеніемъ къ «Военно-Медицинскому Журналу» за 1880 годъ.

¹⁾ См. «Вѣстникъ Европы», 1884 г., кн. 6, стр. 792.

Уже послѣ смерти Симоновича, напечатана его статья: «Деревенская медицина» (Вѣстникъ Европы, 1884 г., кн. 6).

Скачковъ, Константинъ Адриановичъ¹⁾, окончилъ высшее образованіе въ Ришельевскомъ лицѣ, послѣ чего поступилъ на службу по вѣдомству государственныхъ имуществъ помощникомъ управляющаго вологодскою учебною фермою (1844 г.); затѣмъ, въ качествѣ члена православной русской миссіи, отправился въ Пекинъ для занятій метеорологическими и магнитными наблюденіями, а также для изученія сельского хозяйства китайцевъ (1848 г.); тамъ, втеченіе восьми лѣтъ, онъ устроилъ магнитную и метеорологическую обсерваторію, составилъ обширныя коллекціи произведеній китайской почвы, собралъ образцы сельско-хозяйственныхъ орудій, употребляемыхъ въ Китаѣ, и вполнѣ изучилъ китайскій языкъ; оставилъ Пекинъ по болѣзни (1857 г.), снова вернулся въ Китай, назначенный на мѣсто русскаго консула въ Чугучакѣ (1858 г.), гдѣ и пробылъ до 1863 года; по возвращеніи изъ Китая (1863 г.), продолжалъ службу въ Петербургѣ по министерству иностраннѣхъ дѣлъ и одинъ годъ (1866 г.) преподавалъ китайскій языкъ въ Петербургскомъ университѣтѣ; вслѣдствіе вреднаго климата покинулъ Петербургѣ (1867 г.), служилъ консуломъ въ Тянъ-Цинѣ и Шанхайѣ, пока разстроенное здоровье не принудило возвратиться въ Россію, чтобы занять болѣе покойную должность—мѣсто старшаго драгомана въ азіатскомъ департаментѣ; † 26-го марта въ Петербургѣ. Его печатные труды:

- «О военномъ морскомъ дѣлѣ у китайцевъ», переводъ съ китайскаго (Морской Сборникъ, 1858 г., т. XXXVII, кн. 10).
- «Загородное гуляніе въ окрестностяхъ Пекина» и «Загородный ча-гуань на Пекинскомъ каналѣ» (Русскій Художественный Листокъ, 1858 г., № 35).
- «Потомки албазинцевъ въ Пекинѣ» (тамъ же, 1859 г., № 2).
- «О торговлѣ русскихъ въ Чугучакѣ» (Вѣстникъ Промышленности, 1860 г., т. VIII, № 6).
- «Положеніе торговли въ Чугучакѣ» (Промышленн., 1861 г., т. III, № 18). Эта статья напечатана и въ «Акционерѣ» (1861 г., № 38).
- «О деревняхъ, на которыхъ китайцы разводятъ дикихъ шелковичныхъ червей» (Сельское Хозяйство, 1862 г., т. III, № 7).
- «О китайской кормовой травѣ мусю» (Труды импер. вольно-экономическ. Общества, 1863 г.).
- «Наши торговыя дѣла въ Китаѣ», Спб., 1863 г., 44 стр. Эта статья сначала напечатана въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ».
- «Объ истребленіи саранчи въ Китаѣ» (Труды русскаго энтомолог. Общества, 1864 г., т. III).
- «О Маркѣ Поро» (Извѣстія импер. русскаго географическаго Общества, 1865 г.).
- «О географическихъ познаніяхъ китайцевъ» (тамъ же, 1866 г.).

¹⁾ О немъ: «Императорскій С.-Петербургскій университетъ», Григорьева, Спб., 1870 г., стр. 387—388.

- «Бесѣды о сельскомъ хозяйствѣ въ Китаѣ» (Журналъ сельского хозяйства и лѣсоводства, 1867 г.). Отдѣльно: Спб., 1867 г.
- «Очерки Китая» (Русскій Вѣстникъ, 1875 г., кн. 1 и 2). Эта статья вызвана книгою Венюкова: «Очерки современного Китая».
- «О покойномъ Е. Ф. Тимковскомъ» (Московскія Вѣдом., 1875 г., № 66).
- «Историческій обзоръ военной организаціи въ Китаѣ, съ древнихъ временъ до воцаренія Манджурской династіи», Спб., 1879 г., 34 стр.
- «О значеніи для русской торговли нового договора Россіи съ Китаемъ» (Русскій Вѣстникъ, 1881 г., кн. 11).

Уже послѣ смерти Скачкова, напечатана его статья подъ названіемъ: «Національная китайская кухня» (Вѣстн. Европы, 1883 г., кн. 7 и 8). Точно также послѣ кончины, библіотека и рукописныя сочиненія Скачкова поступили въ Московскій Румянцовскій музей.

Соколовскій, Дмитрій Александровичъ¹⁾, редакторъ-издатель «Казанскаго Биржеваго Листка, † 16-го ноября въ Ялтѣ. Онъ, кромѣ изданія названной газеты, напечаталъ: «Сельскій сборникъ», настольную книгу для сельскихъ учителей (Казань, 1880 г., выпускъ первый, 424 стр.).

Станиславскій, Антонъ Григорьевичъ²⁾, сынъ дворянина, родился 13-го іюня 1817 года въ селѣ Ставищахъ, Таращанскаго уѣзда, Киевской губерніи; первоначальное образованіе получилъ въ частныхъ пансіонахъ и въ базиліанскомъ училищѣ Канева; затѣмъ поступилъ на юридическій факультетъ университета св. Владимира, но вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, по дѣлу эмиссара Конарскаго, переведенъ въ Казанскій университетъ (1839 г.); тамъ онъ окончилъ курсъ со степенью кандидата правъ (1840 г.) и пріобрѣлъмагистерство (1842 г.); послѣ того—профессоръ Казанскаго университета по каѳедрамъ римскаго права, полицейскаго права и общеноароднаго правовѣдѣнія (1843—1853 г.), профессоръ Харьковскаго университета по каѳедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія и россійскихъ государственныхъ законовъ (1853—1868 г.) и, наконецъ, снова профессоръ Казанскаго университета по каѳедрѣ энциклопедіи и государственного права (1869—1879 г.); выйдя въ отставку, онъ поселился въ Варшавѣ, но на лѣто уѣзжалъ въ Киевскую губернію; † 9-го авгуаста въ Бѣлой Церкви. Имъ напечатаны:

- «О актахъ укрѣпленія правъ на имущество», магистерская диссертаций (Каз., 1842 г., 155 стр.).
- «Двойкое значеніе слова: право—законъ и способность лица» (Журналъ мин. нар. просв., 1852 г., ч. LXXVI, кн. 12).

¹⁾ См. «Русскія Вѣдомости», 1883 г., № 324.

²⁾ О немъ: «Журналъ мин. нар. просв.», 1868 г., кн. 10, отд. II, стр. 89—90; «Годичный актъ въ императорск. Казанскомъ университѣтѣ», Казань, 1883 г., стр. 91—95.

- О ходѣ законовъдѣнія въ Россіи и о результатахъ современного его направления» (Журналъ мин. нар. просв., 1853 г., ч. LXXX).
- Систематический указатель сочиненій юридического содержанія, изданныхъ въ Россіи съ 1830 по 1852 годъ включительно» (тамъ же). Объ названныхъ работы вышли отдельною брошюрою: Спб., 1853 г.
- Исследование началъ огражденія имущественныхъ отношеній въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго законодательства» (Юридический Сборникъ, изд. Д. Мейеромъ, Каз., 1854 г.). Отдельно: Каз., 1854 г., 66 стр.
- О происхождении положительнаго права» (Харьк., 1856 г., 60 стр.). Это сочиненіе, переведенное на польскій языкъ, напечатано въ Krakowskemъ журналь.
- О вліянії христіанства на развитіе семейнаго права, преимущественно у римлянъ» (Харьк., 1860 г., 58 стр.).
- Данте Алигьери», біографіческий очеркъ (Спб., 1864 г., 71 стр.). Этотъ трудъ сначала былъ напечатанъ въ «Семейныхъ Вечерахъ» (1864 г., кн. 5).
- Dante Alighieri, Boska komedja» (Posnaï, 1870 г., 840 стр.).

Тимофеевъ, Алексѣй Васильевичъ¹⁾, родился 15-го марта 1812 года въ Курмышѣ, городѣ Симбирской губерніи; послѣ домашнаго воспитанія, учился въ казанской гимназіи, изъ которой поступилъ на юридической факультетѣ Казанскаго университета; по окончаніи курса въ послѣднемъ со степенью кандидата (1830 г.), прибылъ въ Петербургъ и поступилъ на службу помощникомъ столонаачальника въ департаментѣ удѣловъ (1831 г.), но черезъ три года (1834) вышелъ въ отставку и отправился за границу—въ Германію, Италію, Швейцарію и Голландію; по возвращеніи въ Петербургъ (1835 г.), онъ снова поступилъ на службу въ министерство народнаго просвѣщенія, какъ членъ редакціи его журнала; затѣмъ, въ 1843 году, перешелъ на службу въ канцелярію одесского генераль-губернатора М. С. Воронцова, но, послѣ двухлѣтнихъ занятій, получилъ място столонаачальника въ департаментѣ министерства юстиціи (1846 г.); спустя три года былъ назначенъ въ Уфу губернскимъ прокуроромъ (1849—1853 г.), послѣ чего вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ недалеко отъ Уфы; въ началѣ 1856 года, онъ перѣхалъ въ Москву, гдѣ былъ опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при тамошнемъ генераль-губернаторѣ; на этой должностіи ему пришлось пробыть до октября 1870 года, когда А. В. вышелъ въ полную отставку и перѣхалъ на жительство въ Петербургъ; † въ іюлѣ въ имѣніи Саратовской губерніи. Кромѣ повѣстей и мелкихъ стихотвореній, напечатанныхъ въ «Сынѣ Отечества» (1833—1834 г.) и «Маякѣ» (1843 г.), онъ издалъ слѣдующіе труды:

- Разочарованный», драма въ пяти дѣйствіяхъ, Спб., 1832 г.
- Двѣнадцать пѣсень», въ трехъ отдѣленіяхъ, Спб., 1833—1834 г. Второе изданіе, подъ заглавиемъ «Пѣсни», двѣ части, Спб., 1835 г.

²⁾ О немъ: «Русские поэты въ біографіяхъ и образцахъ», Гербеля, Спб., 1880 г., стр. 425—427; «Исторический Вѣстникъ», 1883 г., кн. 8, стр. 486.

- *Поэтъ*, фантазія въ трехъ сценахъ, Спб., 1834 г.
- *Художникъ*, повѣсть въ трехъ частяхъ, Спб., 1834 г.
- *Жизнь и смерть*, мистерія (Библіотека для Чтенія, 1834 г., т. V, кн. 8).
- *Послѣдній день*, мистерія (тамъ же, кн. 10).
- *Елизавета Кульманъ*, фантазія, Спб., 1835 г. Это произведеніе появилось въ переводе на нѣмецкому языку подъ такимъ заголовкомъ: «Elisabeth Kullmann, Phantasie von A. Timofeev, aus dem Russ. übers. von. K. Z. v. G., (St.-Petersb., 1837).
- *Валерій и Амалія, или несчастное семейство*, повѣсть, М., 1835 г.
- *Конрадъ фонъ Тейфельсбергъ*, повѣсть (Библіотека для Чтенія, 1835 г., т. XI, кн. 8).
- *Русские художники въ Римѣ* (тамъ же).
- *Сравнительное состояніе русскихъ университетовъ за 1834 годъ*, (Журналъ мин. нар. просв., 1835 г., ч. IX).
- *Воронъ*, стихотвореніе (Библіотека для Чтенія, 1835 г., т. XII, кн. 9).
- *Уtrechtскія происшествія 1834 года* (тамъ же).
- *Мыслъ*, стихотвореніе (тамъ же, 1835 г., т. XIII).
- *Пѣсня на новый годъ* и *«Всадникъ»*, стихотворенія (тамъ же, 1836 г., т. XIV).
- *Обозрѣніе русскихъ газетъ и журналовъ* (Журналъ мин. нар. просв., 1836 г., ч. XIII).
- *Кладъ* и *Презрѣніе*, стихотворенія (Библіотека для Чтенія, 1836 г., т. XV).
- *Вѣтеръ и роза*, стихотвореніе (тамъ же, 1836 г., т. XVI).
- *Вдали и вблизи*, стихотвореніе (тамъ же, 1836 г., т. XVII).
- *Пробужденіе во снѣ*, стихотвореніе (тамъ же, 1836 г., т. XVIII).
- *Джуліо*, повѣсть (тамъ же). Эта повѣсть написана въ сотрудничествѣ съ А. Бѣлкинымъ (Пушкинскимъ?).
- *Опыты*, три части, Спб., 1837 г.
- *Римъ и Кареагенъ*, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, Спб., 1837 г.
- *Луна*, стихотвореніе (Библіотека для Чтенія, 1837 г., т. XX).
- *Курганъ*, стихотвореніе (тамъ же, 1837 г., т. XXI).
- *Призваніе и возрожденіе*, стихотворенія (тамъ же, 1837 г., т. XXII).
- *Время* и *Комета*, стихотворенія (тамъ же, 1837 г., т. XXIV).
- *Море и волканъ*, *Выборъ* и *Терпѣніе*, стихотворенія (тамъ же, 1837 г., т. XXV).
- *Тоска*, стихотвореніе (тамъ же, 1838 г., т. XXVI).
- *Посидѣлки*, баллада (тамъ же, 1838 г., т. XXVII).
- *Послѣднее разрушеніе мира*, стихотвореніе (тамъ же, 1838 г., т. XXVIII).
- *Бѣдность и богатство*, стихотвореніе (тамъ же, 1838 г., т. XXXI).
- *Мертвый гость*, стихотвореніе (тамъ же, 1839 г., т. XXXII).
- *Микула Селяниновичъ*, представитель земли, поэма въ XII пѣсняхъ, Спб., 1876 г., два тома.

Томашевскій, Антонъ Францовічъ¹⁾, родился въ 1803 году, воспитывался въ орловской гимназіи и на словесномъ отдѣленіи Московскаго университета; по окончаніи университетскаго курса со степенью кандидата (1823 г.), много лѣтъ служилъ въ московскомъ почтамтѣ, гдѣ завѣдовалъ почтовымъ училищемъ и нѣко-

¹⁾ О немъ: «Русский Архивъ», 1884 г., кн. 1, стр. 245—246; «Афиши и Объявленія», 1884 г., № 402.

торое время состоялъ цензоромъ иностранныхъ газетъ; кромѣ того, былъ президентомъ комитета о просящихъ милостыню и членомъ отъ правительства въ московскомъ губернскомъ комитетѣ о помѣщичьихъ крестьянахъ (1858 г.); † 13-го октября въ Москвѣ. Кромѣ статей безъ подписи или съ одною буквою «Т», помѣщенныхъ въ «Галатеѣ», «Московскомъ Вѣстнике», «Телескопѣ», «Молвѣ», «Москвитянинѣ» и «Русскомъ Архивѣ», онъ напечаталъ: «Мысли о краснорѣчіи» (Московск. Вѣстникъ, 1827 г., ч. V, № 19) и «Замѣтку о Карніолинѣ-Пинскомъ» (Русскій Архивъ, 1876 г., кн. 2).

Трескинъ, Василій Ивановичъ¹⁾, воспитывался въ Московской практической академіи, где и окончилъ курсъ въ 1864 году; затѣмъ, вместо коммерческой дѣятельности, занялся литературными трудами, которые и продолжалъ вести до смерти; † 6-го марта въ Москвѣ. Онъ сначала сотрудничалъ въ «Развлечениі» и «Русскомъ»; затѣмъ, съ конца 1869 года до начала 1882 года, составлялъ «внутреннюю хронику» для «Современныхъ Извѣстій», съ 1870 года велъ тамъ отдѣль подъ рубрикою: «периодическая печать», писалъ фельетоны и, между прочимъ, напечаталъ «Литературные воспоминанія» (Современн. Извѣстія, 1882 г.). Кромѣ того, ему принадлежать: «Справочная коммерческая книга, практическое и теоретическое руководство для занимающихся торговыми дѣлами» (М., 1867 г.) и «Экономической указатель» (Востокъ, 1881—1882 г.).

Тургеневъ, Иванъ Сергеевичъ²⁾, знаменитый русский писатель, родился 28-го октября 1818 года въ Орлѣ и первые четыре

¹⁾ См. «Современная Извѣстія», 1883 г., № 67.

²⁾ О немъ: «Русскій Художественный Листокъ», 1857 г., № 34; «Сѣверное Сіяніе», 1864 г., т. III, №№ 11 и 12; «Иллюстрированная Газета», 1867 г., № 22; «Иллюстрированный Календарь на 1868 годъ», стр. 206; «Московская Вѣдом.», 1868 г., № 113; «Современное Обозрѣніе», 1868 г., кн. 2, стр. 96—98; «Портретная галлерея русскихъ дѣятелей», изд. А. Мюнстеромъ, Спб., 1869 г., т. II; «Всемірная Иллюстрація», 1869 г., № 20; «Модный Магазинъ», 1871 г., № 7; «Воскресный Досугъ», 1872 г., №№ 1 и 4; «Нива», 1872 г., № 9; «Новое Время», 1872 г., № 95; «С.-Петербургскія Вѣдом.», 1872 г., № 291; «Тургеневъ, его тридцатилѣтняя литературная дѣятельность и его типы», сочин. Н. Мизко, Воронежъ, 1872 г., 184 стр.; «С.-Петербургскія Вѣдом.», 1873 г., № 9; «Русская Старина», 1873 г., т. VIII, стр. 944—958; «И. С. Тургеневъ и значение его литературной дѣятельности», сочин. А. Чудинова, Воронежъ, 1874 г.; «Филологическ. Записки», 1874 г., № 2, стр. 1—24; «Русскій Миръ», 1874 г., № 211; «Пчела», 1875 г., № 1; «Русскіе современные дѣятели, сборникъ портретовъ замѣчательныхъ лицъ настоящаго времени, съ биографическими очерками», состав. Д. И. Лобановъ, Спб., 1876 г., т. I; «Литературные воспоминанія И. И. Панаева», Спб., 1876 г., стр. 331; «В. Г. Бѣлинскій, его жизнь и переписка», сочин. А. Н. Пыпина, Спб., 1876 г., т. II, стр. 189—190, 196—202, 322; «Круговорѣ», 1876 г., № 5; «Русское Богатство», 1876 г., № 7; «Живописное Обозрѣніе», 1876 г., №№ 7—9; «Новое Время», 1876 г., № 66; «Рижскій Вѣстникъ», 1876 г., №№ 85, 87, 88 и 170; «Новороссійскій Телеграфъ», 1876 г., № 455; «Новое Время», 1877 г.,

года дѣтства провелъ въ имѣніи своей матери—въ селѣ Спасскомъ-Лутовиновѣ (Мценского уѣзда, Орловской губерніи); въ 1822 году, онъ вмѣстѣ съ родителями отправился за границу—въ Германію, Швейцарію и Францію, а затѣмъ снова вернулся въ деревню; тутъ, подъ руководствомъ доморощеныхъ дядекъ, заѣзжихъ гувернеровъ и учителей, началось его первоначальное образованіе; черезъ пять

№ 324; «И. С. Тургеневъ», критико-біографіческій этюдъ С. Венгерова, Спб., 1877 г., 164 стр.; «Силуэты пятидесяти русскихъ литераторовъ и краткія ихъ біографіи», составл. В. Д. К., издани. А. Чернохвостовой, Спб., 1877 г.; «Русская Старина», 1880 г., т. XXVII, стр. 146—147, 856—861; «Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ», состав. Н. Герель, Спб., 1880 г., стр. 508—520.—Въ периодическихъ изданіяхъ 1883 года: «Современная Извѣстія», № 244; «Русскія Вѣдомости», №№ 250, 265, 266, 269, 279, 280 и 286; «Новости», № 177; «Новое Время», № 2,712; «Русь», №№ 19 и 23; «Родина», № 20; «Будильникъ», № 33; «Холмско-Баршавскій Епарх. Вѣстникъ», № 81; «Нива», №№ 34, 36, 37, 42 и 45; «Neue Freie Presse», 18 und 19 September (статья Г. Брандеса); «The Athenaeum», 8 sept.; «The Athenaeum», sept. 15 (статья В. Ральстона); «Revue politique et littéraire», 8 sept. (статья Е. Дюранъ-Гревилля); «Nuova Antologia», 15 sept. (статья А. де-Губернатиса); «Записки учителя», кн. 6, стр. 41—46; «Вѣкъ», кн. 6, отд. II, стр. 286—288; кн. 7—8, отд. I, стр. 5—11; «Дѣло», кн. 9, стр. 309—316; «Изысканная Литература», кн. 8, стр. 1—2; «Русское Богатство», кн. 9, стр. 225—232; «Исторический Вѣстникъ», кн. 9, стр. I—VI; кн. 10, стр. 135—153 и 232; кн. 11, стр. 366—377, 378—398, 399—406, 444—451, 469—472; «Вѣстникъ Европы», кн. 9, стр. I—II; кн. 10, стр. 779—783, 825—843 и 847; кн. 11, стр. 436—447; «Русская Старина», кн. 9, стр. 1—16; кн. 10, стр. 201—228, 235—258 и 272; кн. 11, стр. 417—427; «Тургеневъ о русскомъ народѣ», съ портретомъ, изд. Ф. Павленкова, Спб., 1883 г.; «И. С. Тургеневъ и его послѣднія произведенія», сочин. Н. Невзорова, Казань, 1883 г.; «И. С. Тургеневъ, біографіческій очеркъ», составл. Н. Плисскимъ, Спб., 1883 г.; «Памяти И. С. Тургенева», сочин. В. Острогорскаго, Спб., 1883 г.; «Жемчужины Тургеневской поэзии и прозы», съ приложеніемъ статьи: «Нѣсколько словъ объ И. С. Тургеневѣ», сочин. И. Мандельштама, Спб., 1883 г., 75 стр.; «Въ память объ И. С. Тургеневѣ», Одесса, 1883 г.; «Чествование памяти И. С. Тургенева въ Новой школѣ», Одесса, 1883 г.; «Вѣнокъ на гробъ И. С. Тургенева», Одесса, 1883 г.; «Наши дѣятели», выпускъ первый: И. С. Тургеневъ, изданіе газеты «Нева», Спб., 1883 г., 15 стр.; «Памяти И. С. Тургенева», сочин. М. Орлова, Одесса, 1883 г.; «Иностранная критика о Тургеневѣ», Спб., 1883 г.; «Типы изъ «Записокъ Охотника» въ силуэтахъ», изданіе Е. Бемъ, Спб., 1883 г.; «Собрание критическихъ материаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева», состав. В. Зелинскій, М., 1883—1884 г., два выпуска.—Въ периодическихъ изданіяхъ 1884 года: «Вѣстникъ», изданіе О. Гиларова, № 9; «Дѣло», кн. 1, отд. II, стр. 1—44; «Исторический Вѣстникъ», кн. 1, стр. 97; кн. 2, стр. 324—336; кн. 10, стр. 240—241; «Вѣстникъ Европы», кн. 1, стр. 5—7; кн. 2, стр. 449—473; кн. 5, стр. 410—424; кн. 9, стр. 438—440; кн. 11, стр. 72—124; кн. 12, стр. 569—631; «Русская Старина», кн. 1, стр. 173—174, 175—194; кн. 3, стр. 667—668, 690—691, 718—719; кн. 5, стр. 391—406; «Нива», 1884 г., №№ 1—8, 25 и 40; «Литературная дѣятельность Тургенева», критический этюдъ В. Буренина, Спб., 1884 г., 261 стр.; второе изданіе этой книги: Спб., 1885 г., 264 стр.; «Материалы для полного собранія сочиненій Тургенева», составилъ И. Агафоновъ, Казань, 1884 г., 31 стр.; «Тургеневъ, какъ великий поэтъ», сочиненіе В. Добровскаго, Воронежъ, 1884 г., 39 стр.; «Альбомъ рисунковъ къ «Запискамъ Охотника», изданій художни-комъ Лебедевымъ, М., 1884 г.—Въ периодическихъ изданіяхъ 1885 года: «Рус-

лѣть (1827 г.) семья Тургеневыхъ переселилась въ Москву, и тамъ И. С. сначала поступилъ въ частный пансионъ Вейденгаммера, а потомъ жилъ пансионеромъ у директора Лазаревскаго института Краузе; такая подготовка позволила ему поступить на «словесное отдѣленіе» Московскаго университета (1833 г.); но черезъ годъ онъ перешелъ на тотъ же факультетъ Петербургскаго университета, окончилъ тамъ курсъ съ званіемъ «дѣйствительнаго студента» (1836 г.) и уже по новому экзамену получилъ степень кандидата (1837 г.); по выпускѣ изъ университета Тургеневъ отправился за границу (весною 1838 года), пробылъ въ Берлинѣ и Италии до 1841 года, когда вернулся въ Петербургъ и поступилъ на службу въ канцелярии министра внутреннихъ дѣлъ (1842 г.); но черезъ три года вышелъ въ отставку (1845 г.) и вполнѣ отдался замѣчательной литературной дѣятельности, проживая болѣе чисто за границей; † 22-го августа (4-го сентября) въ Буживалѣ, близъ Парижа, но похороненъ въ Петербургѣ на Волковомъ кладбищѣ. Всѣ его произведенія, лишь частію помѣщеныя въ «Полномъ собраніи сочиненій», появились въ такомъ хронологическомъ порядке:

- 1836 г. «О книгѣ Муравьевѣ: Путешествіе по святымъ мѣстамъ русскимъ» (Журналъ мин. нар. просв., ч. XI, кн. 8).
- 1838 г. Стихотворенія: «Вечеръ», дума (Современникъ, т. IX), и «Къ Венерѣ Медицейской» (тамъ же, т. XI). Подъ этими стихотвореніями поставлена подпись: «.....въ».
- 1841 г. Стихотворенія: «Старый помѣщикъ» (Отеч. Записки, кн. 9) и «Баллада» (тамъ же, кн. 11). Оба стихотворенія, какъ и послѣдующіе поэтическіе труды, появились за подпись двухъ буквъ: «Т. Л.» (т. е. Тургеневъ-Лутовиновъ).
- 1842 г. Стихотвореніе: «Похищеніе» (Отеч. Записки, кн. 3).
- 1843 г. «Параша», разсказъ въ стихахъ, Спб., 1843 г., 46 стр.
- Стихотворенія: «Цвѣтокъ» (Отеч. Записки, кн. 8), «Нева» (кн. 9) и «Весенній вечеръ» (кн. 10).

скій Вѣстникъ», кн. 1. стр. 338—373; «Историческій Вѣстникъ», кн. 6, стр. 720—722; кн. 10, стр. 41—65; кн. 11, стр. 362—380; 415—419; кн. 12, стр. 730—731; «Вѣстникъ Европы», кн. 3, стр. 5—41; кн. 4, стр. 465—505; «Русская Старина», кн. 8, стр. 307—336; кн. 9, стр. 495—510; кн. 10, стр. 126—142; кн. 11, стр. 420—427; кн. 12, стр. 613—632; «Московская Лѣтопись», № 8; «Jahrbuch der deutschen Shakespeare-Gesellschaft», 1885, т. XX (статья Людвига Пича); «Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и гр. Л. Н. Толстомъ» (1862—1885 г.), сочиненіе Н. Страхова, Спб., 1885 г.; «Тургеневъ въ его произведеніяхъ», сочиненія А. Незеленова, Спб., 1885 г., 262 стр.; «Признателный мальчикъ», былъ изъ воспоминаній о селѣ Спасскомъ, Ф. Б—ва, М., 1885 г.; «И. С. Тургеневъ, его жизнь и сочиненія», пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній, сочиненіе Крампа, Спб., 1885 г., 86 стр.; «Новая русская литература въ отдѣльныхъ очеркахъ замѣчательнѣшихъ писателей», выпускъ первый: Тургеневъ, составилъ П. Евстафіевъ, Спб., 1885 г., 159 стр.; «Русская Старина», 1886 г., кн. 3., стр. 597—608.

- «Неосторожность», драматический очеркъ въ одномъ дѣйствіи (Отеч. Записки, кн. 10).
- Стихотворенія: «Когда съ тобой разстался я...» (Отеч. Записки, кн. 11) и «Человѣкъ, какихъ много» (тамъ же).
- 1844 г. Стихотвореніе: «Толпа», «Когда давно забытое названье...» и «Конецъ жизни» (Отеч. Записки, кн. 1).
- Стихотворенія: «В. Н. Б.», «Замѣтила ли ты...», «Осень» и «Гроза промчалась...» (Современникъ, кн. 3).
- Стихотворенія: «Федя», «Я вѣсною знала тому давно» и «Въ ночь лѣтнюю» (Отеч. Записки, кн. 3).
- Стихотворенія: «Послѣдняя сцена первой части Фауста Гёте—Тюрьма» (Отеч. Записки, кн. 6) и «Къ ***» (тамъ же, кн. 11).
- «Андрей Колосовъ», повѣсть (Отеч. Записки, кн. 11).
- «Стихотвореніе: «Признаніе» (Отеч. Записки, кн. 12).
- 1845 г. «Фаусть, сочиненіе Гёте, переводъ М. Вронченко», критическая статья (Отеч. Записки, кн. 1).
- Стихотвореніе: «Откуда вѣтъ тишиной?» (Отеч. Записки, кн. 2).
- «Разговоръ», стихотвореніе, Спб., 1845 г., 39 стр.
- Стихотворенія: «Когда такъ радостно...», «Ахъ, давно ли гулялъ я съ тобой», «Утро туманное», «Къ чему твержу я стихъ унылый» и «Брожу надъ озеромъ» (Вчера и сегодня, сборникъ, изданный гр. В. А. Соллогубомъ, Спб., 1845 г.).
- 1846 г. «Андрей», поэма въ двухъ частяхъ (Отеч. Записки, кн. 1).
- Стихотворенія: «Помѣщикъ», «Тьма» изъ Байрона и «Римская elegia» изъ Гёте (Петербургскій Сборникъ, изданный Н. А. Некрасовымъ, Спб., 1846 г.).
- «Три портрета», разсказъ (тамъ же).
- «Смерть Ляпунова, драма Гедеонова», критическая статья (Отеч. Записки, кн. 8).
- «Безденежье», сцены изъ петербургской жизни молодаго дворянина (Отеч. Записки, кн. 10).
- 1847 г. «Бреттеръ», повѣсть (Отеч. Записки, кн. 1).
- «Повѣсти, сказки и разсказы казака Луганского», критическая статья (тамъ же).
- Стихотворенія подъ заглавиемъ «Деревня»: «Люблю я вечеромъ къ деревнѣ подъезжать», «На охотѣ лѣтомъ», «Безлунная ночь», «Дѣдъ», «Гроза», «Другая ночь», «Кроткие льются лучи», «Передъ охотой» и «Первый снѣгъ» (Современникъ, кн. 1).
- «Генералъ-поручикъ Паткуль, трагедія Кукольника», критическая статья (тамъ же).
- «Записки охотника: «Хорь и Калинчъ» (тамъ же).
- «Петръ Петровичъ Каратаевъ», разсказъ (Современникъ, кн. 2).
- «Письмо изъ Берлина» (Современникъ, кн. 3).
- «Записки охотника: «Ермолай и мельничиха», «Мой сосѣдъ Радиловъ», «Онодворецъ Овсянниковъ» и «Льговъ» (Современникъ, кн. 5).
- «Записки охотника: «Бурмистръ» и «Контора» (Современникъ, кн. 10).
- «Жидъ», разсказъ (Современникъ, кн. 11).
- 1848 г. «Записки охотника: «Малиновая вода», «Уѣздный лѣкарь», «Бирюкъ», «Лебедянъ», «Татьяна Борисовна и ея племянникъ» (Современникъ, кн. 2).

- «Пѣтушковъ», повѣсть (Современникъ, кн. 9).
- «Гдѣ тонко, тамъ и рвется», комедія въ одномъ дѣйствіи (Современникъ, кн. 11).
- 1849 г. «Записки охотника: «Смерть», «Гамлетъ Щигровскаго уѣзда», «Чертоплановъ и Недопюскинъ», «Лѣсъ и степь» (Современникъ, кн. 2).
- «Холостякъ», комедія въ трехъ дѣйствіяхъ (Отеч. Записки, кн. 9). Отдѣльное изданіе: Спб., 1860 г.
- 1850 г. Стихотвореніе: «Одинъ, опять одинъ я...» (Современникъ, кн. 1).
- «Дневникъ лишняго человѣка» (Отеч. Записки, кн. 4). Потомъ это произведеніе перепечатано въ сборникѣ «Для легкаго чтенія», изданномъ Н. А. Некрасовымъ, Спб., 1856 г., ч. I.
- «Записки охотника: «Пѣвцы» и «Свиданье» (Современникъ, кн. 11).
- 1851 г. «Разговоръ на большой дорогѣ» (Комета, ученно-литературный альманахъ, изданный Н. М. Щепкинымъ, М., 1851 г.).
- «Провинціалка», комедія въ одномъ дѣйствіи (Отеч. Записки, кн. 1). Отдѣльное изданіе: Спб., 1860 г.
- «Записки охотника: «Вѣжинъ лугъ» (Современникъ, кн. 2) и «Касьянъ съ Красивой Мечи» (тамъ же, кн. 4).
- 1852 г. «Племянница, романъ Евгения Туръ», критическая статья (Современникъ, кн. 1).
- «Три встрѣчи», разсказъ (Современникъ, кн. 2).
- «Письмо изъ Петербурга: по поводу кончины Гоголя» (Московскія Вѣдом., № 32).
- «Нѣсколько словъ о новой комедіи г. Островскаго: Вѣдная невѣста» (Современникъ, кн. 3).
- Въ этомъ году впервые были изданы отдѣльно «Записки охотника» (М., 1852 г., двѣ части).
- 1853 г. «Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи», письмо къ одному изъ издавателей «Современника» (Современникъ, кн. 1).
- 1854 г. «Два пріятеля», повѣсть (Современникъ, кн. 1).
- «Муму», разсказъ (Современникъ, кн. 3).
- «Нѣсколько словъ о стихотвореніяхъ Ф. И. Тютчева» (Современникъ, кн. 4).
- «Затишье», повѣсть (Современникъ, кн. 9).
- 1855 г. «Мѣсяцъ въ деревнѣ», комедія въ пяти дѣйствіяхъ (Современникъ, кн. 1). Эта комедія напечатана въ журналахъ съ большими измѣненіями по требованію цензуры; но въ своемъ первоначальномъ видѣ она появилась только на страницахъ «Собрания сочиненій И. С. Тургенева» (М., 1869 г.).
- «Яковъ Пасынковъ», изъ воспоминаній чѣловѣка въ отставкѣ (Отеч. Записки, кн. 4).
- «Постоянный дворъ», повѣсть (Современникъ, кн. 11). Эта повѣсть отдельно издана с.-петербургскимъ комитетомъ грамотности, Спб., 1881 г.
- «Два слова о Грановскомъ», письмо къ редакторамъ «Современника» (Современникъ, кн. 11).
- «О соловьяхъ» (въ приложениі къ книгѣ С. Т. Аксакова: «Рассказы и воспоминанія охотника о разныхъ охотахъ», М., 1855 г.).
- 1856 г. «Переписка», повѣсть (Отеч. Записки, кн. 1).
- «Рудинъ», повѣсть (Современникъ, кн. 1 и 2).

- «Завтракъ у предводителя», комедія въ одномъ дѣйствіи (Современникъ, кн. 8).
- «Фаустъ», разсказъ въ девяти письмахъ (Современникъ, кн. 10).
- Въ этомъ году П. В. Анненковымъ были изданы «Повѣсти и рассказы И. С. Тургенева» (Спб., 1856 г., три тома).
- 1857 г. «Чужой хлѣбъ», комедія въ двухъ дѣйствіяхъ (Современникъ, кн. 3). Эта комедія шла на сценѣ и напечатана въ «Собраниі сочиненій И. С. Тургенева», подъ другимъ названіемъ: «Нахлѣбникъ».
- «Поѣздка въ Полѣсье» (Библіотека для Чтенія, кн. 10).
- 1858 г. «Ася», повѣсть (Современникъ, кн. 1).
- «Изъ-за границы», письмо (Атеней, кн. 6).
- 1859 г. «Собственная господская контора», отрывокъ изъ неизданного романа (Московскій Вѣстникъ, № 1). Этотъ отрывокъ взять изъ слѣдующаго произведения.
- «Дворянское гнѣздо», романъ (Современникъ, кн. 1). Отдѣльное изданіе А. И. Глазунова: М., 1859 г., 320 стр.
- «Обѣдъ въ Обществѣ англійского литературнаго фонда», письмо къ автору статьи: «О литературномъ фонду» (Библіотека для Чтенія, кн. 1).
- Въ этомъ году появилось второе изданіе безъ перемѣнъ «Записокъ охотника» (Спб., 1859 г., двѣ части) и «Украинскіе народные разсказы Марка Вовчка», въ переводѣ И. С. Тургенева (Спб., 1859 г.).
- 1860 г. «Наканунѣ», повѣсть (Русскій Вѣстникъ, кн. 1).
- «Гамлетъ и Донъ-Кихотъ», рѣчъ, произнесенная 10-го января 1860 года на публичномъ чтеніи въ пользу Общества для вспомоществованія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (Современникъ, кн. 1).
- «Встрѣча моя съ Бѣлинскимъ» (Московскій Вѣстникъ, № 3).
- «Первая любовь», повѣсть (Библіотека для Чтенія, кн. 3).
- Въ этомъ году вышли «Сочиненія И. С. Тургенева, изданныя Н. А. Основскимъ (М., 1860 г., четыре части).
- 1861 г. «Поѣздка въ Альбано и Фраскати, воспоминаніе объ А. А. Ивановѣ (Вѣкъ, № 15).
- 1862 г. «Отцы и дѣти», повѣсть (Русскій Вѣстникъ, кн. 2). Отдѣльное изданіе К. Т. Солдатенкова: М., 1862 г.
- «Предисловіе» къ сочиненію Буткевичъ: «Дневникъ дѣвочки» (Спб., 1862 г.). То же «предисловіе» напечатано и при второмъ изданіи названной книги (М., 1881 г.).
- 1864 г. «Призраки», фантазія (Эпоха, кн. 1 и 2).
- «А. В. Дружининъ», рѣчъ, читанная въ память его въ Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (Русскій Инвалидъ, № 40).
- «Рѣчь о Шекспирѣ» (С.-Петербургскія Вѣдом., № 89).
- «Le Novice» (Мцыри), переводъ французскими стихами и краткая біографія Лермонтова (Revue Moderne, т. 34).
- 1865 г. «Собака», разсказъ (С.-Петербургскія Вѣдом., № 85).
- Въ этомъ же году вышло третье изданіе «Сочиненій И. С. Тургенева», напечатанное Ф. И. Салаевымъ (Карлсруэ, пять томовъ); на страницахъ этого изданія въ первый разъ появился «Отрывокъ изъ записокъ умершаго художника» подъ названіемъ: «Довольно».

- 1866 г. «Переводъ» съ французскаго «Волшебныхъ сказокъ», изданныхъ Перро, (Спб., 1866 г.).
- 1867 г. «Дымъ», повѣсть (Русскій Вѣстникъ, кн. 3). Эта повѣсть, кромѣ того, выдержала два отдѣльныхъ изданія (М., 1868 г., и Лейпцигъ, 1876 г.).
- 1876 г. «Бригадиръ», разсказъ (Вѣстникъ Европы, кн. 1).
- «Исторія лейтенанта Ергунова» (Русскій Вѣстникъ, кн. 1).
- «Письмо къ редактору, по поводу посмертнаго отзыва объ Артурѣ Бени» (С.-Петербургскія Вѣдом., № 52).
- «Письмо» по поводу «Записокъ кн. П. Долгорукаго» (тамъ же, № 186).
- «Предисловіе» къ роману Б. Ауэрбаха: «Дача на Рейнѣ» (Вѣстникъ Европы, кн. 9).
- «Литературный вечеръ у П. А. Плетнева» (Русскій Архивъ, кн. 10).
- 1869 г. «Несчастная», разсказъ (Русскій Вѣстникъ, кн. 1).
- «Воспоминанія о Бѣлинскомъ» (Вѣстникъ Европы, кн. 1).
- Въ этомъ году вышло четвертое изданіе «Сочиненій И. С. Тургенева», напечатанное Ф. И. Салаевымъ (М., 1869 г., семь томовъ).
- 1870 г. «Странная исторія», разсказъ (Вѣстникъ Европы, кн. 1). Въ этой же книжкѣ журнала (стр. 509—510) Тургеневъ помѣстилъ письмо, въ которомъ упрекалъ газету «Голосъ» за неудачный переводъ «Странной исторіи» изъ нѣмецкаго периодическаго изданія «Salon», гдѣ впервые появился названный разсказъ.
- «Образчикъ стариннаго крючкотворства» (Русскій Архивъ, кн. 1).
- «Письмо» по поводу критики на «Сочиненія Я. П. Полонскаго» (С.-Петербургскія Вѣдом., № 8).
- «Казнь Тропмана» (Вѣстникъ Европы, кн. 6).
- «Стенной король Лиръ», разсказъ (тамъ же, кн. 10).
- 1871 г. «Стукъ!.. стукъ!.. стукъ!..», студія (Вѣстникъ Европы, кн. 1).
- «Saltykoff's history of a town» — о сочиненіи Шедрина: «Исторія одного города» (The Academy, № 19).
- «Рецензія» на изданіе фонъ-Больца: «Lehrgang der Russischen Sprache fr den Schul-Privat und Selbst-Untericht» (С.-Петербургскія Вѣдом., № 276).
- «Николай Ивановичъ Тургеневъ», некрологъ (Вѣстникъ Европы, кн. 12). Въ этомъ году вышелъ восьмой (дополнительный) томъ четвертаго изданія «Сочиненій И. С. Тургенева» (М., 1871 г.).
- 1872 г. «Вешняя воды», повѣсть (Вѣстникъ Европы, кн. 1).
- «Записки охотника: «Конецъ Чертопханова» (тамъ же, кн. 11).
- 1874 г. «Наши послали», эпизодъ изъ исторіи іюньскихъ дней 1848 года въ Парижѣ (Недѣля, № 1).
- «Пунинъ и Бабуринъ», разсказъ (Вѣстникъ Европы, кн. 4).
- «Живыя мости», разсказъ (Складчина, учено-литературный сборникъ, Спб., 1874 г.). Этотъ разсказъ отдѣльно изданъ Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ (М., 1876 г.).
- «Пегасъ», изданій П. Васильевымъ (Казань, 1874 г.).
- Въ этомъ году вышло пятое изданіе «Сочиненій И. С. Тургенева» (М., 1874 г., восемь томовъ) и три разсказа, отдѣльно напечатанные московскимъ комитетомъ грамотности: «Бирюкъ» (второе изданіе: М., 1876 г.); «Онодворецъ Овсянниковъ» (второе изданіе: М., 1877 г.; третье изданіе: М., 1884 г.), «Пѣвцы» (второе изданіе: М., 1877 г.; третье изданіе: М., 1880 г.; четвертое изданіе: М., 1884 г.).

- 1875 г. «Стучить!...», изъ «Записокъ охотника», переводъ съ французского изъ газеты «Temps», изд. А. Михайлова (М., 1875 г., 31 стр.).
- «Письмо» о переводѣ «Демона» на англійскій языкъ (С.-Петербургскія Вѣдом., № 208).
- «Графъ А. К. Толстой», письмо къ редактору «Вѣстника Европы» (Вѣстникъ Европы, кн. 11).
- 1876 г. «Часы», разсказъ старика (Вѣстникъ Европы, кн. 1).
- «Письмо» въ редакцію «Вѣстника Европы» по поводу первого печатнаго произведения (тамъ же).
- «Письмо» о журналь «Охота» (Биржевыя Вѣдом., № 207).
- Въ этомъ же году М. М. Стасюлевичъ изданъ шестой томъ «Русской Библиотеки» (Спб., 1876 г.), съ портретомъ и біографіей И. С. Тургенева, причемъ были перепечатаны въ отрывкахъ «Записки охотника», «Рудинъ», «Ася», «Дворянское гнѣздо», «Дымъ», «Отцы и дѣти».
- 1877 г. «Новь», романъ (Вѣстникъ Европы, кн. 1 и 2). Въ слѣдующемъ году этотъ романъ изданъ отдѣльно Ф. И. Салаевымъ (М., 1878 г., двѣ части).
- «Сонъ», разсказъ (Новое Время, № 1 и 2).
- «Католическая легенда объ Юліанѣ Милостивомъ», сочиненіе Густава Флобера, переводъ съ французскаго (Вѣстникъ Европы, кн. 4).
- «Рассказъ отца Алексія» (тамъ же, кн. 5). По поводу этого рассказа, сначала помѣщеннаго на французскомъ языкѣ въ периодическомъ изданіи: «La Rpublique des Lettres», подъ заглавиемъ: «Le fils du rope», И. С. написалъ письмо (С.-Петербургскія Вѣдом., 1877 г., № 109), въ которомъ упрекалъ газету «Новое Время» за напечатаніе перевода подъ названіемъ: «Сынъ попа».
- «Иродиада», вторая легенда, сочиненіе Густава Флобера, переводъ съ французскаго (Вѣстникъ Европы, кн. 5). Отдѣльное изданіе «Народной библіотеки» (М., 1884 г.).
- «С. К. Брюллова, урожденная Кавелина», изъ письма въ редакцію (Вѣстникъ Европы, кн. 11).
- 1878 г. «Предисловіе», при изданіи новыхъ писемъ Пушкина къ женѣ (Вѣстникъ Европы, кн. 1).
- «Письмо» въ редакцію газеты «Правда» (Голосъ, № 55).
- Въ этомъ году вышло первое стереотипное изданіе «Записокъ охотника» (Лейпцигъ, 1878 г.).
- 1879 г. «Застольное слово», произнесенное въ Петербургѣ на обѣдѣ профессоровъ и литераторовъ (Вѣстникъ Европы, кн. 4).
- «Письмо къ редактору» (Temps, октябрскій номеръ).
- 1880 г. «Отвѣтъ И ногородному Обывателю», письмо къ редактору (Вѣстникъ Европы, кн. 2). Подъ псевдонимомъ «И ногородный Обыватель» скрывался Б. М. Маркевичъ.
- «Пергамскія раскопки», письмо въ редакцію (Вѣстникъ Европы, кн. 4).
- «А. С. Пушкинъ», рѣчъ, читанная въ публичномъ засѣданіи Общества любителей Россійской словесности, по поводу открытия памятника А. С. Пушкину въ Москвѣ (Вѣстникъ Европы, кн. 7).
- Въ этомъ году вышло второе стереотипное изданіе «Записокъ охотника» (Спб., 1880 г.) и шестое изданіе «Сочиненій И. С. Тургенева» (М., 1880 г., десять частей). На страницахъ этого «Собрания» впервые

появились слѣдующія произведенія: «Гоголь, Жуковскій, Крыловъ, Лермонтовъ и Загоскинъ», «По поводу «Отцовъ и дѣтей», «Человѣкъ въ сѣрыхъ очкахъ».

1881 г. «Старые портреты», отрывки изъ воспоминаній своихъ и чужихъ (Порядокъ, № 1 и 2). Эта статья вышла и отдѣльнымъ оттискомъ (Спб., 1881 г., вып. I, 34 стр.).

«Крокетъ въ Виндзорѣ», стихотвореніе (Слово, кн. 3). Это же стихотвореніе, по болѣе исправному списку, напечатано въ «Русской Станицѣ» (1883 г., кн. 10).

«Пѣсни торжествующей любви» (Вѣстникъ Европы, кн. 11).

Въ этомъ году вышло третье стереотипное изданіе «Записокъ охотника» (Спб., 1881 г.).

1882 г. «Отчаянный», изъ воспоминаній своихъ и чужихъ (Вѣстникъ Европы, кн. 1).

«Стихотворенія въ прозѣ», (тамъ же, кн. 12). Отдѣльное изданіе: Харьковъ, 1883 г.

Въ этомъ году вышло четвертое стереотипное изданіе «Записокъ охотника» (Спб., 1882 г.).

1883 г. «Клара Миличъ», повѣсть (Вѣстникъ Европы, кн. 1).

Въ этомъ же году, еще при жизни автора, вышли: пятое стереотипное изданіе «Записокъ охотника» (Спб., 1883 г.), «Разсказы для дѣтей И. С. Тургенева», изд. П. А. Бергъ и кн. Л. Д. Оболенского (М., 1883 г.; второе изданіе: М., 1886 г.) и «Муму», изданіе киевскаго отдѣла россійскаго Общества покровительства животнымъ (Киевъ, 1883 г.). Но, уже послѣ кончины, вышли:

«Собрание сочиненій И. С. Тургенева», седьмое (посмертное) изданіе (Спб., 1883 г., десять томовъ); въ немъ впервые напечатана статья «Пожаръ на морѣ».

«Письмо къ С. А. Левитской» (Историческій Вѣстникъ, кн. 11).

1884 г. «Полное собрание сочиненій И. С. Тургенева», восьмое (посмертное) изданіе (Спб., 1884 г., десять томовъ).

«Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева, 1840—1883 гг.» (Спб., 1884 г., 564 стр.).

Стихотворенія: «Графиня Донато», «Филиппо Стродави», «Строфы изъ поэмъ» и изъ «Стихотвореній въ прозѣ»: «Съ кѣмъ спорить?» (Сборникъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, Спб., 1884 г.).

Въ этомъ же году напечатаны отдѣльными брошюрами: «Хорь и Калинычъ», «Малиновая вода», «Льговъ» и «Лебедянъ» (М., 1884 г.).

1885 г. «Предисловіе И. С. Тургенева» къ книжѣ А. Брянчанинова: «Русскія народныя сказки въ стихахъ» (Спб., 1885 г.).

«Стихотворенія И. С. Тургенева» (Спб., 1885 г., 230 стр.).

1886 г. «Конецъ», послѣдній разсказъ, подъ диктовку записанный на французскомъ языкѣ г-жею Віардо и переведенный на русский языкѣ Д. В. Григоровичемъ (Нива, № 1).

Надо прибавить, что разнообразныя сочиненія И. С. Тургенева нѣсколько разъ переводились на многіе иностранные языки. Эти переводы указаны въ «Систематическомъ каталогѣ» г. Межкова (Спб. 1869—1884 г.), а поправки и дополненія къ нимъ—въ

нашей статьи, помещенной въ «Историческомъ Вѣстнике» (1883 г., кн. 11, стр. 399—406).

Филипсонъ, Григорій Ивановичъ¹⁾, родился 1-го января 1809 года въ Казани, воспитывался сначала дома, а потомъ въ казанскомъ пансионѣ Лейтера и саратовскомъ учебномъ заведеніи Квятковскаго, откуда поступилъ въ пензенскую гимназію, но, не окончивъ курса, опредѣлился юнкеромъ въ Олонецкій пѣхотный полкъ (1823 г.); затѣмъ избранъ въ составъ юнкерской школы при главномъ штабѣ (1825 г.) и чрезъ два года возвратился въ мѣсто прежняго служенія съ производствомъ въ подпоручики (1827 г.); участвовалъ въ войнѣ съ Польшой (1829—1831 г.) и послѣ того прикомандировался къ военной академіи (1833—1835 г.); по выходѣ оттуда съ чиномъ капитана, отправился на Кавказъ; тамъ онъ принималъ живое участіе въ войнѣ до начала 1861 года, послѣ чего назначенъ сенаторомъ и попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа (1861—1862 г.); наконецъ — присутствующій въ департаментѣ герольдіи и въ первомъ общемъ собраніи правительствующаго сената (1862—1883); † 14-го января въ Петербургѣ. Имъ напечатаны «Воспоминанія» (Русскій Архивъ, 1883 г., кн. 5 и 6; 1884 г., кн. 1, 2 и 3; отдельное изданіе: М., 1885 г.), а послѣ его кончины появилась небольшая статья: «Нѣсколько словъ старого солдата о сѣрой шинели» (Русскій Архивъ, 1884 г., кн. 3).

Ходневъ, Алексѣй Ивановичъ²⁾, родился 6-го февраля 1818 года и воспитывался въ главномъ педагогическомъ институтѣ; по окончаніи курса въ послѣднемъ занялъ каѳедру физики и химіи въ Харьковскомъ университѣтѣ; затѣмъ съ 1855 года перѣхалъ въ Петербургъ; тутъ онъ былъ избранъ членомъ вольно-экономическаго Общества, предсѣдателемъ отдѣленія по вспомогательнымъ сельскому хозяйству наукамъ (1859 г.), редакторомъ «Трудовъ» императ. вольно-экономического Общества и, наконецъ, его секре-таремъ (1860—1883 г.); † 6-го марта въ Петербургѣ. Имъ напечатаны:

- Отчетъ о пребываніи за границею» (Журналъ мин. нар. просвѣщ., 1845 г., т. XXXIX).
 - Каталитические явленія» (Журналъ мин. нар. просвѣщ., 1853 г., ч. LXXV).
 - Изслѣдованія нѣкоторыхъ дубильныхъ матеріаловъ» (Труды имп. вольно-экономич. Общества, 1854 г., кн. 11).
 - Курсъ технической химіи», Спб., 1856 г., двѣ части.
 - Селитринный промыселъ въ Россіи» (Экономич. Указатель, 1858 г., вып. 8 и 9).
- Эта статья перепечатана въ «Воронежскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» (1858 г., №№ 14—15) и въ «Артиллерийскомъ Журналѣ» (1858 г., кн. 1).

¹⁾ Біографическая свѣдѣнія взяты изъ его собственныхъ «Воспоминаній», формулярного списка и одной статьи «Русскаго Архива» (1884 г., кн. 3, стр. 121—127). Кроме того, о немъ см. «Русскій Архивъ», 1884 г., кн. 3, стр. 219—222; «Русская Старина», 1886 г., кн. 7, стр. 116—143.

²⁾ См. «Исторический Вѣстникъ», 1883 г., кн. 4, стр. 242.

- «Руководство къ селитроваренію въ Малороссіи и въ прилежащихъ къ ней селитропроизводительныхъ губерніяхъ», Спб., 1858 г.
- «Химическая часть товаровѣдѣнія»: изслѣдованіе съѣстныхъ припасовъ и напитковъ, Спб., 1859 г. Изъ этого сочиненія были взяты некоторые отдѣлы и изданы въ формѣ брошюра подъ слѣдующими заглавіями: «Водка, спиртъ, ликеры, виноградный вина и пиво», практическое руководство для изслѣдованія доброкачественности ихъ (Спб., 1861 г.), «Медъ, патока и сахаръ» (Спб., 1861 г.), «Мясо, молоко, масло коровье, сырь и яйца» (Спб., 1861 г.), «Соль, уксусъ и горчица» (Спб., 1861 г.), «Хлѣбъ и мучные товары» (Спб., 1861 г.), «Чай, кофе и шоколадъ» (Спб., 1861 г.).
- «Химическія свѣдѣнія предметовъ изъ вседневной жизни», сочиненіе Джонстона, переводъ съ англійскаго, Спб., 1858 г., съ одиннадцатью политипажами.
- «Нѣсколько замѣчаній по поводу награды А. Н. Хитрина» (Сѣверная Пчела, 1861 г., № 37).
- «Селитряное производство въ Россіи по отношенію къ государству вообще и къ военному вѣдомству въ особенности» (Артиллерійскій Журналъ, 1862 г., кн. 9 и 10).
- «Нѣсколько замѣчаній по поводу проекта новаго устава русскихъ университетовъ» (С.-Петербургскія Вѣдом., 1862 г., № 251).
- «Объ устройствѣ музеумовъ съ цѣлью народнаго образованія и практической пользы» (Экономіческій Указатель, 1862 г., № 46).
- «Отчетъ о дѣйствіяхъ импер. вольно-экономического Общества за 1861 г. (Труды имп. вольно-эконом. Общества, 1861 г., т. II). Отдѣльный оттискъ: Спб., 1861 г., 82 стр. То же за 1862 годъ (Труды имп. вольно-эконом. Общества, 1862 г., т. II). Отдѣльный оттискъ: Спб., 1862 г., 97 стр.
- «Селитряное производство въ Россіи» (Промышленность, 1863 г., т. IX, №№ 2 и 3).
- «Отчетъ о дѣйствіяхъ импер. вольно-экономического Общества за 1863 годъ» (Труды имп. вольно-эконом. Общества, 1864 г., т. I и II). Отдѣльный оттискъ: Спб., 1864 г.
- «Исторія императорскаго вольно-экономического Общества, съ 1765 по 1865 годъ», Спб., 1865 г.
- «Отзыvъ о сочиненіи Энгельгардта: Новый способъ приготовленія костяного удобренія» (Тридцать четвертое присужденіе Демидовскихъ наградъ, Спб., 1865 г., стр. 223—228).
- «Мораль и политика на Востокѣ», сочиненіе П. Жане, переводъ съ французскаго, Спб., 1874 г.
- «Протоколы собраній льноводовъ въ импер. вольно-экономическомъ Обществѣ въ мартѣ 1877 года», Спб., 1878 г., 233 стр. и одинъ чертежъ.
- «Тайны неба и земли», исторія всѣхъ явлений природы, Спб., 1877 г., 414 стр.
- «Физико-химическія изслѣдованія почвы и подпочвъ черноземной полосы Европейской Россіи», Спб., 1879 г., выпускъ первый, 42 стр. и двѣ таблицы.

Хрисанеъ, въ мірѣ Владимиrъ Николаевичъ Ретивцевъ¹⁾, родился въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи (1832 г.), воспитывался бѣжецкомъ духовномъ училищѣ, тверской семинарии

¹⁾ О немъ: «Голосъ», 1875 г., № 122; «Исторія Московск. духовн. академіи», Смирнова, М., 1879 г., стр. 243, 448—449; въ періодическихъ изданіяхъ 1883 года: «Московск. церковн. Вѣдом.», № 47; «Московск. Листокъ», № 309; «Современный Извѣстія», № 311.

и Московской духовной академіи; по окончаніи курса въ послѣдней со степенью магистра (1856 г.), постриженъ въ монашество (1857 г.) и опредѣленъ въ костромскую семинарію профессоромъ св. Писания (1856—1858 г.); затѣмъ, съ сентября 1858 года, переведенъ въ Казанскую академію баккалавромъ основнаго и полемического богословія, оттуда перемѣщенъ въ Петербургскую академію каѳедру нравственного богословія (1865 г.); здѣсь онъ получилъ санъ архимандрита и должность инспектора академій (1866 г.); но черезъ три года назначенъ ректоромъ Петербургской духовной семинаріи (1869 г.); хиротонисанный въ санъ архіерея (29-го декабря 1874 г.), занялъ каѳедру епископа астраханскаго и енотаевскаго (съ 29-го декабря 1874 года до 8-го декабря 1877 года), а потомъ мѣсто епископа нижегородскаго и арзамасскаго (съ 8-го декабря 1877 года до 23-го мая 1879 года); вслѣдствіе паралича, уволенъ отъ управления послѣднею епархіей и назначенъ управляющимъ московскимъ донскимъ монастыремъ, въ которомъ и жилъ до кончины; † 6-го ноября въ Москвѣ. Онъ, кромѣ проповѣдей, помѣщенныхъ въ «Астраханскихъ» и «Нижегородскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», напечаталъ слѣдующіе труды:

- Дѣятельность пастырей церкви IV вѣка по отношенію къ общественной жизни», магистерская диссертациѣ (Православн. Собесѣдникъ, 1860 г., т. I).
- Вглядъ на мнѣнія новѣйшихъ раціоналистовъ о существѣ религіи» (тамъ же, 1860 г., т. III).
- Современное іудейство и отношеніе его къ христіанству», изъ лекцій по обличительному богословію. (Труды Киевской духовн. академіи, 1861 г., т. III, книга 9).
- Характеръ протестанства и его историческое развитіе» (Христіанск. Чтеніе, 1865 г., т. II; 1866 г., т. I и II). Отдѣльно: Спб., 1868 г., вып. первый. Второе изданіе: Спб., 1871 г., вып. первый.
- Эмануиль Сведенборгъ и его вѣроученіе» (Христіанск. Чтеніе, 1866 г., ч. 1).
- Значеніе идеи бессмертія для нравственной жизни человѣка» (тамъ же, 1866 г., часть II).
- Христіанское воззрѣніе на бракъ и современные толки о семейномъ и общественномъ положеніи женщины» (тамъ же, 1867 г., ч. II).
- Задача нравственного богословія, какъ науки» (тамъ же, 1868 г., ч. I).
- Рѣчь къ воспитанникамъ С.-Петербургской семинаріи первого учебнаго года послѣ преобразованія семинаріи» (тамъ же, 1869 г., ч. II). Эта рѣчь напечатана въ «Православномъ Обозрѣніи» (1869 г., кн. 7).
- Религіи древняго міра въ ихъ отношеніи къ христіанству», историческое изслѣдованіе, томъ первый, Спб., 1872 г. Томъ второй, Спб., 1875 г. Томъ третій, Спб., 1878 г.
- Египетскій метампсихозъ» (Православн. Обозрѣніе, 1875 г., кн. 1).
- Слово при прощаніи съ астраханской паствою» (тамъ же, 1878 г., кн. 2).

Церетелевъ, князь, Алексѣй Николаевичъ¹⁾, родился въ

¹⁾ О немъ: «Московск. Вѣдом., 1883 г., № 214; «Историч. Вѣстникъ», 1883 г., кн. 10, стр. 230.

Пензенской губерніи (1848 г.); первоначальное образование получилъ въ Лозаннѣ, послѣ чего поступилъ на юридический факультетъ Московскаго университета; по окончаніи курса въ послѣднемъ со степенью кандидата правъ (1869 г.), совершилъ поѣздку въ Турцію и Сербію; послѣ возвращенія изъ путешествія опредѣленъ въ азиатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ и вскорѣ назначенъ секретаремъ генерального консульства въ Бѣлградѣ; съ 1873 года занялъ мѣсто сначала помощника секретаря, а впослѣдствіи должность втораго секретаря русскаго посольства въ Константинополѣ; отсюда онъ былъ командированъ въ Адріанополь и Филиппополь для управлениія консульствами (въ маѣ 1876 г.); при началѣ русско-турецкой войны, поступилъ вольноопредѣляющимся въ одинъ изъ драгунскихъ полковъ, но скоро перешелъ въ терскій казачій полкъ и сдѣлался ординарцемъ у М. Д. Скобелева, а потомъ — у генерала Гурко; по заключеніи мира, онъ былъ отправленъ къ Н. П. Игнатьеву, при которомъ и состоялъ въ Адріанополѣ и Санъ-Степано; послѣ же окончанія войны, его назначили генеральнымъ консуломъ въ Филиппополь; но на этомъ мѣстѣ, по болѣзни, ему пришлось пробыть недолго: онъ вышелъ въ отставку и оправился въ свое тамбовское имѣніе — село Липяги, Спасскаго уѣзда, гдѣ и скончался 16-го іюня. Имъ напечатаны:

«Бадній день и Божичъ въ Сербіи» (Русск. Вѣстникъ, 1875 г., кн. 8).

«Письма съ похода: Румынія, Тырново и первый забалканскій походъ» (тамъ же, 1878 г., кн. 9 и 10).

Шкляревскій, Александръ Александровичъ¹⁾, родился въ Воронежѣ (1837 г.), состоялъ учителемъ въ Павловскѣ, уѣздномъ городѣ Воронежской губерніи, а послѣ въ самомъ Воронежѣ (до 1870 г.); потомъ исключительно посвятилъ себя литературной дѣятельности; † 24-го октября въ Петербургѣ. Его печатные труды: «Слободы Воронцовка, Александровка и Семеновка» (Воронежск. Листокъ, 1863 г., № 68 и 69).

«Къ вопросу о средствахъ нашихъ училищъ» (тамъ же, № 78).

«Нѣсколько словъ о пріемѣ учениковъ въ приходскія училища» (Воспитаніе, 1863 г., т. XIV, кн. 8—9).

«О распространеніи грамотности» (Воронежск. Губ. Вѣдомости, 1863 г., №№ 7 и 17).

«Замѣтка о второмъ Воронежскомъ женскомъ училищѣ» (Воронежск. Губ. Вѣдом., 1864 г., № 19).

«Театральныя замѣтки» (тамъ же, №№ 7, 9 и 11).

«Воронежскій театръ» (Русская Сцена, 1864 г., кн. 6 и 10).

«Отпѣты», повѣсть (Дѣло, 1867 г., кн. 1).

«Доля», сказка-быль, Спб., 1870 г.

«Шевельнулось теплое чувство», повѣсть, Спб., 1870 г.

«Сочиненія, повѣсти и разсказы», М., 1871 г.

¹⁾ О немъ: «Газета Гатцука», 1877 г., № 46; «Историческ. Вѣстникъ», 1883 г.. кн. 12, стр. 647.

- «Повѣсти и рассказы», М., 1872 г.
- «Разсказы слѣдователя», т. I, Спб., 1872 г.
- «Старый судъ», рассказъ слѣдователя (Нива, 1873 г., №№ 1—5, 7).
- «Уголки трущобнаго міра», Спб., 1875 г.
- «Передъ защитой», изъ записокъ присяжнаго повѣренного (Газета Гатцкука, 1876 г., № 5).
- «Интимная исторія», рассказъ (тамъ же, №№ 8, 9 и 10).
- «Убийство мироваго судьи», рассказъ слѣдователя (тамъ же, №№ 11, 12 и 13).
- «Исповѣдь ссыльнаго», Спб., 1877 г., 162 стр. Второе изданіе, Спб. 1879 г.
- «Что погубило его?», рассказъ (Газета Гатцкука, 1877 г., №№ 1—7).
- «Игра г. Росси на Большомъ Московскомъ театрѣ», (тамъ же, №№ 19 и 20).
- «Причинисты-самоубийцы», рассказъ судебнаго слѣдователя (тамъ же, №№ 46—53). Отдѣльно: М., 1880 г., 118 стр.
- «Отъ нитки къ иголкѣ», рассказъ (тамъ же, 1878 г., №№ 3—8).
- «Утро послѣ бала» и «Нераскрытое преступленіе», рассказы изъ уголовной хроники, М., 1878 г., 192 стр.
- «Рассказы судебнаго слѣдователя», М., 1878 г., 170 стр.
- «Убийство безъ слѣдовъ», рассказъ изъ уголовной хроники, Спб., 1878 г., 166 стр.
- «Что побудило къ убийству?», рассказъ судебнаго слѣдователя, Спб., 1879 г., 174 стр.
- «Современные преступники», рассказъ судебнаго слѣдователя, М., 1880 г., 152 стр.
- «Дѣй преступницы», рассказы судебнаго слѣдователя, М., 1880 г., 140 стр.
- «Какъ люди погибаютъ», рассказы судебнаго слѣдователя, М., 1880 г., 148 стр.
- «Новые рассказы: Роковая судьба, рассказъ судебнаго слѣдователя; Варенька и ея среда, рассказъ учителя, М., 1880 г., 238 стр.
- «Что погубило!», рассказы судебнаго слѣдователя, М., 1880 г., 146 стр.
- «Собрание сочиненій», Спб., 1881 г., 396 стр.
- «Князь Амалатъ-Бекъ», романъ изъ уголовной хроники, Спб., 1882 г., 277 стр.
- «Самоубийца ли она?», рассказъ, Спб., 1882 г.

Кромѣ названныхъ произведеній, Шкляревскій помѣстилъ много и другихъ трудовъ въ такихъ періодическихъ изданіяхъ, какъ, напримѣръ, «Донъ», «Воронежскій Телеграфъ», «Развлече-
ніе», «Всеобщая Газета», «Современная Извѣстія», «Пе-
тербургская Газета», «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Бир-
жевыя Вѣдомости», «Досугъ и Дѣло», «Нива», «Иллюстри-
рованная Газета», «Сіяніе», «Сынъ Отечества», «Иллюстри-
рованная Недѣля», «Иллюстрированный Вѣстникъ», «Но-
вости», «Современная Извѣстія», «Новое Время», «Вечер-
няя Газета», «Русскій Миръ», «Пчела», «Всемірная Иллю-
страція», «Ремесленная Газета», «Кругозоръ», «Петербург-
скій Листокъ», «Московское Обозрѣніе», «Минута», «Кіев-
скій Листокъ объявленій» и «Иллюстрированный Семей-
ный календарь Баумана».

Шпилевскій, Михаиль Михайловичъ¹⁾, высшее образова-
ваніе получилъ на юридическомъ факультетѣ Московскаго универ-
ситета; по окончаніи полнаго курса кандидатомъ (1859 г.), полу-

¹⁾ О немъ: «Русск. Вѣдом.», 1883 г., №№ 349 и 350; 1884 г., № 18.

чилъ степень магистра государственного права и занялъ кафедру римского права въ Новороссійскомъ университѣтѣ, сначала какъ доцентъ (1866—1875 г.), а послѣ защиты диссертациі на степень доктора полицейского права, какъ профессоръ (1875—1883 г.); † 12-го декабря въ Одессѣ. Имъ напечатаны слѣдующіе труды:

- «Диспутъ академика Погодина и профессора Костомарова о началѣ Руси» (Иллюстрація, 1860 г., т. V, № 113).
- «Неизданное сочиненіе Ломоносова: О коммерції» (Бесѣда, 1872 г., кн. 1 и 7).
- «Дороговизна квартиръ въ большихъ городахъ и мѣры противъ нея» (Вѣдомости Одесскаго градоначальства, 1873 г.).
- «Матеріалы для исторіи народнаго продовольствія въ Россіи (Приложеніе къ Запискамъ имп. Новороссійск. университета, 1874 г., т. XIV).
- «Полицейское право, какъ самостоятельная отрасль правовѣдѣнія», Одесса, 1875 г., 196 стр. (докторская диссертација).

Шульцъ, Василій К.; † втеченіе 1883 года въ Петербургѣ. Онъ напечаталъ:

- «А. С. Пушкинъ въ переводѣ французскихъ писателей» (Древн. и Нов. Россія, 1880 г., кн. 5—7).
- «Нѣсколько исправленій и дополненій каталога Пушкинской библіотеки» (тамъ же, 1880 г., кн. 6).
- «Четверостишие В. Г. Бенедиктова И. К. Гебгардту» (Русск. Стар., 1882 г., т. XXXIII, кн. 2).
- «О портретахъ поэта М. Ю. Лермонтова» (тамъ же, т. XXXIII, кн. 3).
- «Басня: Медвѣдь и Бобры» (тамъ же, XXXIV).
- «Лермонтовъ въ переводѣ французскихъ писателей» (тамъ же, 1882 г., т. XXXIV, кн. 4 и 5; т. XXXV, кн. 8; 1883 г., т. XXXVII, кн. 2; т. XXXIX, кн. 8).
- «М. Ю. Лермонтовъ въ разсказѣ графини Е. П. Ростопчиной» (тамъ же 1882 г., т. XXXV, кн. 9).

Фадѣевъ, Ростиславъ Андреевичъ¹⁾, родился въ концѣ 1824 года и высшее образованіе получилъ въ инженерномъ училищѣ; изъ послѣдняго волонтеромъ отправился на Кавказъ (1842 г.), принималъ дѣятельное участіе въ покореніи этого края и дослужился до генеральского чина; послѣ окончанія кавказской войны болѣе былъ преданъ публицистической дѣятельности; † 29-го декабря въ Одессѣ. Покойный, кромѣ сотрудничества въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (1870—1871 г.) и «Русскомъ Мирѣ» (1871—1874 г.), напечаталъ:

- «Шестьдесятъ лѣтъ Кавказской войны», съ приложеніемъ карты, Тифлісъ, 1860 г., 147 стр. Эта книга была переведена г. Баумгартеномъ на нѣмецкій языкъ подъ такимъ заглавиемъ: «60 Jahre d. Kaukas. Krieges., Leipz., 1861.
- «Воспоминаніе о графѣ Канкринѣ» (Биржев. Вѣдом., 1861 г., № 120).

¹⁾ О немъ: «Московск. Вѣдом.», 1883 г., № 362; въ периодическихъ изданіяхъ 1884 года: «Русь», № 1; «Московск. Вѣдом.», №№ 3 и 5; «Нива», № 6; «Современ. Извѣстія», № 7; «Русск. Вѣдом.», №№ 7 и 8; «Московск. Листокъ», № 27; Историч. Вѣстникъ, кн. 2, стр. 371—379, 455—456; «Извѣстія С.-Петербургск. славянск. благотворит. Общества», кн. 3.

- «О переселеніи черкесовъ» (Съверн. Пчела, 1864 г., № 217).
- «Письма изъ Тифлиса» (Московск. Вѣдом., 1864 г., №№ 185, 192, 240, 244, 250, 253, 266 и 270). Они вышли и отдельно подъ заглавиемъ «Письма съ Кавказа къ редактору Московскихъ Вѣдомостей» (Спб., 1865 г.).
- «Вооруженные силы Россіи» (Русск. Вѣстникъ, 1867 г., кн. 2—7). Отдельно: М., 1868 г. и въ нѣмецкомъ переводахъ: Russlands Kriegsmacht und Kriegsproletik (Leipz., 1870).
- «Мнѣніе о Восточномъ вопросѣ» (Биржев. Вѣдом., 1869 г., №№ 310, 313, 315 и 323). Отдельно: Спб., 1870 г.¹).
- «Приложеніе къ брошюре: Мнѣніе о Восточномъ вопросѣ», Спб., 1870 г. Эта брошюра переведена на чешскій языкъ подъ заглавиемъ: Dodatky kъ uvaham generala Sadejewa o zaleaitosaeeh vychodni a slovanské (Praga, 1870).
- «Черноморскій военный театръ», по поводу крымской желѣзной дороги, Спб., 1870 г. Это сочиненіе переведено на нѣмецкій языкъ подъ заглавиемъ «Kriegsschauplatz am Schwarzen Meere (Wien, 1872).
- «Переустройство русскихъ силъ» (Биржев. Вѣдом., 1871 г., №№ 1, 2, 5, 9, 12 и 14).
- «Нашъ военный вопросъ», военные и политическія статьи, Спб., 1873 г.
- «Чѣмъ намъ быть?» (Русск. Миръ, 1874 г.). Отдельное изданіе вышло подъ заглавиемъ: «Русское общество въ настоящемъ и будущемъ» (Спб., 1874 г.).
- «Письма о современномъ состояніи Россіи», Спб. 1881 г., 167 стр.

Уже послѣ смерти Фадѣева, напечатана его «Записка объ азиатскихъ окраинахъ» («Русь», 1884 г., №№ 2 и 3).

Федоровъ, Иннокентій Васильевичъ, наиболѣе известный подъ всевдонимомъ: «Омулевскаго»²), родился въ Комчаткѣ, въ Петровскомъ портѣ (1837 г.), учился въ Иркутскѣ; съ начала шестидесятыхъ годовъ прибылъ въ Петербургъ и выступилъ на литературное поприще, котораго и не покидалъ до смерти; † 26-го декабря въ Петербургѣ. Онъ напечаталъ нѣсколько стихотвореній въ «Современникѣ» (съ 1861 г.), «Русскомъ Словѣ», «Искрѣ», «Наблюдателѣ» и «Восточномъ Обозрѣніи». Но болѣе всего его литературные труды находили пріютъ на страницахъ «Дѣла». Имъ напечатаны слѣдующія знакомыя намъ произведения:

- «Сонеты Мицкевича», переводъ съ польского, Спб., 1857 г.
- «Три промаха», стихотвореніе (Вѣкъ, 1861 г.).
- «Сказка для бѣдныхъ и богатыхъ», стихотвореніе (Дѣло, 1868 г., кн. 12).
- «Желаніе», стихотвореніе (тамъ же, 1869 г., кн. 5).
- «Шагъ за шагомъ», романъ (тамъ же, 1870 г., кн. 1, 3, 4, 6 и 12). Отдельно этотъ романъ вышелъ подъ заглавиемъ: «Свѣтловъ, его взгляды, характеръ и дѣятельность», Спб., 1871 г.
- «Подражаніе Гейне», стихотвореніе (тамъ же, 1871 г., кн. 10).

¹) Это сочиненіе переведено на англійскій языкъ подъ заглавиемъ: «Opinion on the Eastern Question, translated by Z. Michel» London, 1871) и на чешскій языкъ съ слѣдующимъ заголовкомъ: «O zaležitostech vychodni a slovanské» (Praga, 1870).

²) О немъ: «Русск. Вѣдом.», 1883 г., №№ 357 и 358; периодическія изданія 1884 года: «Современ. Извѣстія», № 7; «Дѣло», кн. 2, стр. 146—147; «Историч. Вѣстникъ», кн. 2, стр. 457.

- «На прощанье», стихотворение (тамъ же, 1872 г., кн. 3).
 «Попытка не шутка», повѣсть (тамъ же, 1873 г., кн. 1).
 «Марко Фоскарини», драма въ пяти дѣйствіяхъ и десяти картинахъ, сочиненіе
 Казиміра Залѣвскаго, переводъ съ польскаго, Спб., 1877 г., 31 стр. и пять
 рисунковъ.
 «Воскресенье», деревенская поэма Владислава Сырокомли, переводъ съ польскаго
 (Дѣло, 1881 г., кн. 11).
 «Иллюминація», стихотворение изъ Сырокомли (Наблюдатель, 1882 г., кн. 2).
 «Перлы таланта», стихотворение (Художественный Журналъ, 1882 г., кн. 2).
 «Молчаніе поэта», стихотворение изъ Сырокомли (Дѣло, 1882 г., кн. 4).
 «Осторожный художникъ», очеркъ изъ міра забитыхъ талантовъ (Художествен-
 ный Журналъ, 1882 г., кн. 4 и 5).
 «Самородокъ», поэма изъ сельского быта (тамъ же, 1882 г., кн. 8).
 «Документы», стихотворение изъ Сырокомли (Вѣкъ, 1882 г., кн. 11).
 «Изъ перловъ чешской поэзіи» (Художественный Журналъ, 1882 г., кн. 12).
 «Уличный букинистъ», стихотворение изъ Сырокомли (Наблюдатель, 1883 г.,
 кн. 1).
 «Пѣсни жизни», собраніе оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній, Спб.,
 1883 г.

Феодосій, въ мірѣ Михаилъ Шаповаленко¹), родился въ Херсонской губернії (1811 г.), воспитывался въ екатеринославской семинаріи и Киевской духовной академіи; по окончанію курса въ послѣдней со степенью магистра (1839 г.), былъ постриженъ въ монашество и назначенъ инспекторомъ Переяславской (1843 г.) и кievской (1845 г.) семинарій; затѣмъ, возведенный въ санъ архимандрита, определенъ ректоромъ кременецкой семинаріи и настоятелемъ Загаецкаго Иоанна Милостиваго монастыря (1848 г.), ректоромъ Переяславской семинаріи и настоятелемъ полтавскаго Кресто-Воздвиженскаго монастыря (1852 г.), наконецъ, ректоромъ воронежской семинаріи и настоятелемъ тамошняго Алексѣевскаго Академіи монастыря (1861 г.); хиротонисанный въ санъ архіерея (1-го сентября 1863 года), назначенъ епископомъ тамбовскимъ и шадскимъ, потомъ (съ 13-го іюня 1873 года)—епископомъ вологодскимъ и устюжскимъ; на послѣдней каѳедрѣ имѣть полученъ санъ архіепископа (съ 15-го мая 1883 г.); † 22-го августа въ Тотьмѣ. Его «Рѣчъ св. синоду при нареченіи во епископа тамбовскаго» напечатана въ «Христіанскомъ Чтеніи» (1863 г., ч. III).

Фивейскій, Александръ Павловичъ²), сынъ священника села Байловскаго, близъ Мологи, Ярославской губернії, родился въ 1839 году, воспитывался въ ярославской семинаріи, изъ которой, какъ лучшій воспитанникъ, былъ посланъ въ Московскую духовную академію; но съ первого же академического курса перешель

¹) См. «Московскія Церковныя Вѣдомости», 1883 г., № 39.

²) О немъ: «Московскія Церковныя Вѣдомости», 1884 г., № 7; «Историческая Записка о пятидесятилѣтіи московской 2-й гимназіи», М., 1885 г., стр. 203 и 222.

на историко-филологический факультетъ Московскаго университета; по окончаніи курса въ послѣднемъ со степенью кандидата (1866 г.). опредѣленъ учителемъ русскаго языка въ тверскую гимназію (1867—1870 г.); затѣмъ назначенъ преподавателемъ московской 2-ой классической гимназіи (съ 21-го августа 1870 г. по 14-е декабря 1883 г.); въ то же время онъ преподавалъ русскій языкъ въ лицѣ цесаревича Николая, въ Константиновскомъ Межевомъ институтѣ и частной женской гимназіи г-жи Перепелкиной; † 15-го декабря въ Москвѣ. Покойный принималъ участіе въ составленіи «Опыта образцевъ систематического диктанта», изданнаго коммиссіею при московской 2-ой гимназіи (М., 1873, 1875, 1877 и 1880 г., четыре изданія).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
къ
ТРЕМЪ ВЫПУСКАМЪ
,,ОБЗОРА“¹⁾.

Вы- пуски.	Вы- пуски.
Аландский, Павелъ Ивановичъ.... III	Вассианъ (въ мірѣ Василій Чуднов- скій)..... III
*Александровичъ, Митрофанъ Ни- колаевичъ..... II	Викторинъ (въ мірѣ Викторъ Лю- бимовъ)..... II
Александровъ, Григорій Николае- вичъ..... I	Викторовъ, Алексѣй Егоровичъ.... III
Алексинскій, Евеймій Михайловичъ II	Воронова, Елизавета Петровна.... I
*Алексѣевъ, Николай Николаевичъ I	Вороновъ, Александръ Дмитріевичъ III
Andreевъ, Николай Арапіевичъ ... III	Воронцовъ, князь Семенъ Михайлово- вичъ
Ансеровъ, Павелъ Александровичъ. III	Воскобойниковъ, Николай Николае- вичъ..... II
*Антроповъ, Лука Николаевичъ... I	Воскресенскій, Александръ Михай- ловичъ
Аристовъ, Николай Яковлевичъ... II	Гагаринъ, князь Иванъ Сергеевичъ II
Артлебенъ, Николай Андреевичъ.. II	Галактионовъ, Иванъ Александро- вичъ
*Бабстъ, Иванъ Кондратьевичъ... I	Гербелъ, Николай Васильевичъ ... III
Багговутъ, Александръ Федоро- вичъ..... III	Герцъ, Карлъ Карловичъ..... III
Бажановъ, Василій Борисовичъ... III	Глаголевскій, Александръ Николае- вичъ
Барсовъ, Павель Петровичъ..... I	Глинка, Дмитрій Павловичъ..... III
Баршевъ, Сергѣй Ивановичъ..... II	Голенищевъ-Кутузовъ-Толстой, Па- велъ Матвѣевичъ
*Басистовъ, Павелъ Евфимьевичъ.	Головчиковъ, Николай Михайлово- вичъ
*Безобразова, Елизавета Дмитріевна I	Григорій (въ мірѣ Евлампій Медіо- ланскій)..... I
Блюменталь, Адріантъ Ивановичъ . I	Григорій (въ мірѣ Николай Мит- кевичъ)..... I
*Богдановичъ, Модестъ Ивановичъ. II	Григорьевскій, П.... Г..... III
Борзенковъ, Яковъ Андреевичъ... III	*Григорьевъ, Василій Васильевичъ. I
Буренинъ, Константинъ Петровичъ II	
*Бутаковъ, Григорій Ивановичъ.. II	
Бутовскій, Викторъ Ивановичъ... I	
*Бѣлецкій, Николай Феодоровичъ.. II	
*Васильевъ, Іосифъ Васильевичъ.. I	
Васильевъ, Петръ Петровичъ.... III	
*Васильчиковъ, князь Александръ Илларіоновичъ..... I	

¹⁾ Знакъ * показываетъ, что наши первоначальные свѣдѣнія объ извѣстномъ покой-
номъ писателѣ исправлены или дополнены при послѣдующихъ выпускахъ „ОБЗОРА“. Тотъ
же знакъ отмѣчаетъ прежде пропущенныхъ умершихъ авторовъ.

Д. Я.

Вы- пуски.	Вы- пуски.
Григорьевъ, Петръ Николаевичъ..	II
Гриневъ, Аполлонъ Асанасьевичъ.	III
Гурій (въ мірѣ Григорій Карповъ).	II
Далматъ (въ мірѣ Долгополовъ)...	III
*Дебольский, Григорій Сергіевичъ.	I
*Делленъ, Александръ Карловичъ.	II
Демиденковъ, Макарій Васильевичъ	I
*Дервізъ-фонъ, Павель Григорьевичъ.....	II
Дерибасъ, М.	II
Димитрій (въ мірѣ Климентъ Ивановичъ Муретовъ).....	III
Дмитріевъ, Федоръ Михайловичъ.	II
Дмитровскій, Дмитрій Ивановичъ.	I
Добротворскій, Іванъ Михайловичъ	III
Дорнъ, Борисъ Андреевичъ.....	I
*Достоевскій, Федоръ Михайловичъ.	I
Дуброво, Илья Ивановичъ	III
Дубровскій, Пётръ Павловичъ....	II
Евсевій (въ мірѣ Евсеймій Поликарповичъ Орлинскій).....	III
*Егоровъ, Евгеній Андреевичъ....	III
Жадовская, Юлія Валеріановна....	III
Жандъръ, Александра Васильевна..	III
*Заблоцкій - Десятовскій, Андрей Пареневичъ.....	I
Заблоцкій-Десятовскій, Павель Пареневичъ.....	II
Зайцевъ, Вароломей Александроровичъ.....	II
Зарудный, Митрофанъ Ивановичъ.	III
Зенигиреевъ, Аполлинарій Алексеевичъ.....	I
Золотовъ, Василій Андреевичъ....	II
Иванова, Елизавета Михайловна..	II
Ивановъ, Николай Алексѣевичъ..	II
Ігнатій (въ мірѣ Николай Дмитрівичъ Рождественскій).....	III
*Інсацкій, Василій Антоновичъ..	II
*Ішимова, Александра Іосифовна.	I
Іаннуарій (въ мірѣ Георгій Ивановичъ Пановъ).....	III
Іоаннъ (въ мірѣ Павель Іоновичъ Ждановъ)	III
Іосифъ (въ мірѣ Іванъ Михайловичъ Дроздовъ).....	I
*Кесслеръ, Карлъ Федоровичъ.....	I
Кириаковъ, Александръ Федоровичъ	II
Кир'євъ, Николай Петровичъ....	II
Китаевскій, Максимиланъ Казиміровичъ.	II
Клементовскій, Александръ Ивановичъ	II
Ковалевскій, Владими́ръ Онуфріевичъ.....	III
Кожевниковъ, Дмитрій Александроровичъ.....	II
Козакевичъ, Павель Васильевичъ.	II
*Колосовъ, Митрофанъ Алексеевичъ.....	I
Корфъ, баронъ Николай Александровичъ.....	III
Коршъ, Валентинъ Федоровичъ....	III
Косинскій, баронъ Михаїлъ Осиповичъ.....	III
Коссовичъ, Кастанъ Андреевичъ..	III
*Костровъ, князь Николай Александровичъ.....	I
*Котляревскій, Александръ Александровичъ.....	I
Кошелевская, Марія Николаевна..	III
Кошелевъ, Александръ Ивановичъ.	III
Краевскій, Евгений Андреевичъ... .	III
*Кубаревъ, Алексѣй Михайловичъ.	I
Кугушевъ, князь Флоръ Васильевичъ.....	I
Кулѣша, Степанъ Егоровичъ	III
Куницынъ, Алексѣй Васильевичъ.	III
Лазовскій, С.... И.....	III
Ландышевъ, Степанъ Васильевичъ.	III
Лебедевъ, Алексѣй Николаевичъ.	III
Лебедевъ, Николай Ивановичъ....	III
*Лешковъ, Василий Николаевичъ..	I
Литке, Федоръ Петровичъ.....	II
Лихутинъ, Михаїлъ Доримедонтовичъ.....	II
Львовичъ-Костица, Николай Ульяновичъ.....	I
Людоговскій, Алексѣй Петровичъ.	II
Лядовъ, Иванъ Матвієвичъ.....	II
Макарій (въ мірѣ Михаїлъ Петровичъ Булгаковъ).....	II
Маклаковъ, Николай Васильевичъ.	II
Макушевъ, Викентій Васильевичъ.	III
Марковъ, Василий Васильевичъ....	III
*Матвієвъ, Александръ Павловичъ.	II
Матте-Гене, Карлъ Филипповичъ..	II
Мельниковъ, Павель Ивановичъ.	III
Меньшовъ, Іванъ Ивановичъ.....	I
*Мізко, Николай Дмитрівичъ....	I
*Міллеръ, Федоръ Богдановичъ	I
Мінцловъ, Робертъ Ивановичъ....	III
Михаїлъ (въ мірѣ Голубовичъ)....	I
*Морозовъ, Павель Тимофеевичъ..	I
Мурзакевичъ, Николай Никифоровичъ.....	III
Незабитовскій, Василій Андреевичъ	III
Нікитинъ, Николай Дмитрівичъ.	II
Никольскій, Владими́ръ Васильевичъ	III
*Новодворскій, Андрей Осиповичъ.	II
Нордовъ, Василій Ивановичъ.....	III
Орловъ-Давыдовъ, графъ Владимір Петровичъ	II
*Павловскій, Іванъ Даниловичъ..	I
*Павловъ, Іпполітъ Николаевичъ.	II
Палладій (въ мірѣ Павель Пьянковъ)	II
Панютинъ, Левъ Константиновичъ	II
Паприцъ, Константина Эдуардовичъ.....	III

	Вы- пуски.		Вы- пуски.
Патлаевскій, Иннокентій Устиновичъ.....	III	Соловьевъ, Сергій Петровичъ.....	I
Пейкеръ, Марья Григорьевна.....	I	Спѣшиневъ, Николай Александровичъ.....	II
Перовъ, Василій Григорьевичъ.....	II	*Ставровскій, Алексій Ивановичъ.....	II
*Пероговскій, Василій Ігнатьевичъ	II	Станиславскій, Антонъ Григорьевичъ	III
Петерсонъ, Карлъ Михайловичъ	I	*Станкевичъ, Иванъ Николаевичъ	III
Петровъ, Иванъ Ивановичъ.....	III	Строгановъ, графъ Сергій Григорьевичъ	II
Петровскій, Андрей Станиславовичъ	II	Сухотинъ, Михаиль Михайловичъ	I
*Пироговъ, Николай Иванович	I	*Сѣрояковъ, Лаврентій Авксентьевичъ	I
*Писемскій, Алексій Феофилактовичъ	I	Тимошевъ, Алексій Васильевичъ	III
Пихно, Марья Константиновна ...	III	*Голстой, Феофіль Матв'євичъ	I
Подъсоцкій, Александръ Іосифовичъ	III	Томашевскій, Антонъ Францовичъ	III
Шокровскій, Павель Ивановичъ	II	*Тонь, Константінъ Андреевичъ	I
Поповъ, Александръ Никифоровичъ	I	Трескінъ, Василій Ивановичъ	III
Поповъ, Андрей Николаевичъ	I	Туловъ, Михаиль Андреевичъ	II
Попудогло, Федоръ Феодосіевичъ	III	Тургеневъ, Иванъ Сергіевичъ	III
Пренженцовъ, А.... О.....	III	Тютчева, Екатерина Федоровна	II
Прохоровъ, Василій Александровичъ	II	Уверскій, Николай Ивановичъ	II
Путятинъ, графъ Евдемій Васильевичъ	III	Фелькель, Юлій Карловичъ	II
*Ревенерь, Федоръ Федоровичъ	I	Філаретъ (въ мірѣ Михаиль Прокоф'євичъ Філаретовъ)	II
*Ризниковъ, Артемій Ивановичъ	I	Филипсонъ, Григорій Ивановичъ	III
Рикордъ, Людмила Ивановна	III	Филою (въ мірѣ Тимошій Григорьевичъ Успенскій)	II
Родіоновъ, Иванъ Дмитріевичъ	I	Халколівановъ, Іванъ Егоровичъ	II
Рождественскій, Иванъ Васильевичъ	II	Ходнівъ, Алексій Ивановичъ	III
Рождественскій, Николай Павловичъ	II	Хрисане (въ мірѣ Владіміръ Николаевичъ Ретивець)	III
Розановъ, Николай Павловичъ	III	Церетелевъ, князь Алексій Николаевичъ	III
*Романовскій, Дмитрій Ільичъ	I	*Чупинъ, Наркисъ Константиновичъ	II
Романовъ, Йоакимъ Константиновичъ	I	*Шашковъ, Серафимъ Серафимовичъ	II
Сабуровъ, Михаиль Ивановичъ	I	Шкляревскій, Александръ Александровичъ	III
Савельевъ, Викторъ Константиновичъ	II	Шульгинъ, Николай Ивановичъ	II
Савичъ, Алексій Николаевичъ	III	Шульговскій, Дмитрій Николаевичъ	II
Садовниковъ, Дмитрій Николаевичъ	III	Шульцъ, Василій К.	III
*Салмановъ, Петръ Алексіевичъ	III	*Щербінинъ, Михаиль Павловичъ	I
*Селивановъ, Ілья Васильевичъ	II	Шученко, Константінъ Александровичъ	I
Сендульський, Аполлоній	II	Ювеналій (въ мірѣ Карюковъ)	II
Симоновичъ, Яковъ Мироновичъ	III	Янушевъ, Василій Александровичъ	I
Скачковъ, Константінъ Адріановичъ	III	Фад'євъ, Ростиславъ Андреевичъ	III
Скворцовъ, Николай Семеновичъ	II	Федоровъ, Іннокентій Васильевичъ	III
Смирнова, Александра Іосифовна	II	Феодосій (въ мірѣ Михаиль Шаповаленко)	III
Соколовскій, Дмитрій Александровичъ	III	Філейскій, Александръ Павловичъ	III
Соколовъ, Александръ Васильевичъ	I		
Соколовъ, Наїонаїль Петровичъ	I		
*Сологубъ, графъ Владіміръ Александровичъ	II		

УКАЗАТЕЛЬ¹⁾
ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,
УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ
„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТИНИКА“
1886 Г.

А.

Абаза, В. А., генералъ-майоръ. *Библиографическая замѣтка* о его книгѣ: „Исторія Россіи“. Народное изданіе, съ портретами императорскаго дома“, т. XXIV, 240, 241.

Абамелікъ-Лазаревъ, кн. С. С., его сообш. въ арх. Общ. о древностяхъ южн. Италии, Сициліи и сѣв.-зап. Африки, т. XXIV, 482. Его сообш. въ арх. Общ., т. XXV, 649—650.

Абердинъ, лордъ, англ. министръ иностр. дѣлъ, т. XXIII, 344—357, 614—616.

Абдуль-Гамидъ, султанъ, т. XXIV, 358.

Абдъ-ель-Кадеръ, предводитель кабиль, т. XXIII, 345—346.

Аблесимовъ, А. О., писатель, т. XXVI, 586, 587, 592.

Абрамовичъ, варшавскій оберъ-полицей-майстеръ, т. XXIV, 87—88.

Абрамовъ, священикъ горнаго корпуса, т. XXVI, 561.

Абу, Эдмондъ, писатель, т. XXVI, 305—306, 507.

Авенариусъ:

— В. П. *Библиографическая замѣтка* о его соч.: „Отроцескіе годы Пушкина“, т. XXIII, 476—477.

— Н. П. О его раскопкахъ въ Дрогичинѣ; т. XXVI, 243—244.

Андѣевъ, М. В., писатель, т. XXV, 52.

Арамовъ, Мих. Петр., директоръ, петербургской типографіи, т. XXIV, 388—390.

Австеніко, В. Г., писатель, т. XXVI, 277—278.

Агеевъ, тамбовскій священикъ, т. XXV, 580—582.

Адлербергъ, графы:

— А. В., генералъ-адъютантъ, министръ императорскаго двора, членъ государственного совѣта, т. XXVI, 291, 295.

— Вл. Фед., военный министръ, генералъ-отъ-инфanterіи, генералъ-адъютантъ, министръ императорскаго двора, членъ государств. совѣта, т. XXIII, 159.

Адлеръ, Анна, издательница „Сборника статей“ для чтенія слѣпыхъ, т. XXIV, 192.

Адріанъ, патріархъ московскій, т. XXV, 591—599

Ансаковы:

— И. С. писатель. *Его некрологъ*, т. XXIII, мартъ, стр. I—XX. *Статьи о немъ*: т. XXIII, 622—633, 634—639, 640—643; т. XXIV, 134—139; т. XXV 47—56, 365—379, 569—575. *Упомин.* т. XXIV, 255—256, 344, 345, 357, 374; т. XXV, 240, 242, 249, 250, 257, 260, 270—273; т. XXVI, 480, 481, 487, 488, 499.

¹⁾ Въ настоящій „Указателъ“ не включены фамиліи писателей, упоминаемыхъ въ третьемъ выпускѣ „Обзора жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“, приложенномъ къ декабрской книжкѣ „Исторического Вѣстника“, на томъ основаніи, что всѣ эти фамиліи расположены въ „Обзорѣ“ въ алфавитномъ порядкѣ.

- К. С., писатель, т. XXIII, 630—632; т. XXVI, 480.
 — Над. Сергеевна, т. XXVI, 477, 480, 481, 482.
 — С. Тим., писатель, т. XXIII, мартъ, стр. II—III; т. XXV, 437, 484—485, 489; т. XXVI, 480, 484, 502.
 д'Аламберъ, философъ-энциклопедистъ, т. XXVI, 182.
Алеко-паша, генерал-губернаторъ Восточной Румелии, т. XXV, 240.
Александъ, кн. болгарскій, т. XXIV, 333, 334, 335, 358, 579—597; т. XXV, 71—89, 90—101, 235—268.
Александъ I Павловичъ, императоръ, т. XXIII, 56—58, 59—60, 67—70, 589; т. XXIV, 188—189, 478; т. XXVI, 121—122, 148, 149, 553, 604, 608.
Александъ II Николаевичъ, императоръ, т. XXIII, 146, 334, 491—493; т. XXIV, 254, 596, 559—560, 566, 700—708, 709—711; т. XXV, 274, 645; т. XXVI, 290—292, 294.
Александъ III Александровичъ, императоръ, т. XXIII, мартъ, XVI.
Александра Иосифовна, великая княгиня, т. XXIV, 564—565.
Александра Павловна, великая княгиня, т. XXVI, 131.
Александра Феодоровна, императрица, т. XXIII, 590, 591; т. XXIV, 81—82, 84, 554—555.
Алексѣй Михайловичъ, царь всероссийский, т. XXIV, 265—275, 496—500.
Альбертъ, принцъ Саксенъ-Кобургскій, супругъ королевы Викторіи, т. XXIII, 347, 354, 603—612, 614, 617.
Альбертъ. *Библиографическая замѣтка* о его соч.: „Густавъ Фрейтагъ (этюдъ о его жизни и сочиненіяхъ) къ семидесятилѣтнему дню его рожденія“, т. XXVI, 655—656.
Альбрехтъ, маркгр. бранденбургскій, т. XXIV, 180.
Альмадоваръ, маркизъ, испанск. посл. въ Петербургѣ, т. XXVI, 343.
Андраши, гр., австрійскій канцлеръ, т. XXIV, 335—336.
Андреевъ, Антипъ, московскій мѣщанинъ, раскольникъ, помощникъ Скочкова, т. XXIV, 405, 406.
Андреевскій, докторъ при кн. Воронцовѣ, т. XXVI, 283—284.
Андрей Боголюбскій, в. кн., т. XXIII, 76.
Ановъ, русскій префектъ, т. XXV, 253, 254.
Анохинъ, Филиппъ, студентъ академического университета, т. XXIII, 404—405; т. XXIV, 123.
Анна Ioannovna, императрица, т. XXIII,
- 268, 272; т. XXIV, 151, 165, 502—503; т. XXVI, 177.
Анна Павловна, королева нидерландская, т. XXIV, 564, 566.
Антоновичъ, В. Б. *Библиографическая замѣтка* о его книгѣ: „Монографіи по истории западной и юго-западной Россіи, томъ I“, т. XXIII, 699—702.
Антиофеевъ, Зотъ, духоборецъ, т. XXV, 580—583.
Апраксинъ, гр., С. С., т. XXV, 535.
Араго, Франсуа, астрономъ; празднование его юбилея въ русскомъ техн. Обществѣ, т. XXIV, 260—261.
Аракчеевъ, гр., Алексѣй Андреевичъ, ген.-отъ-артиллеріи, военный министръ, т. XXV, 350—358.
Арсентій Верещагинъ, архіеп. ростовскій. *Статья о немъ*, т. XXIII, 392—396.
Арсеньевъ, И. А. *Его статьи*: „Варшавскій архиепископъ Фелинскій“, т. XXV, 191—193. „Воспоминаніе о Листѣ“, т. XXV, 576—579. „Варшава въ 1861 году“, т. XXVI, 513—536.
Артемьевъ, Петръ, діаконъ, русскій католикъ, т. XXV, 594—599.
д' Артуа, графъ (Карлъ X), т. XXIV, 424, 429; т. XXVI, 200—201.
Архаровы:
 — Ив. П., моск. военный губернаторъ, шефъ Архаровскаго полка, т. XXIII, 44, 47, 332.
 — Н. П., оберъ-поліцеймейстеръ въ Москвѣ, Петербургѣ, намѣстникъ въ Твери, т. XXIII, 332.
 — Ек. Александровна, рожденная Римская-Корсакова, т. XXIII, 46, 47, 53, 56, 322—328, 331—334.
 — Рожд. Целотьева, т. XXIII, 44.
Арчерь, леди, содержательница игорного дома, т. XXIV, 200, 201, 203.
д'Аршанъ, виконтъ, секретарь француз. посольства, т. XXIV, 316—319.
Астель, упр. дѣлами русской торговой компаніи въ Лондонѣ, т. XXIII, 352.
Ахматова, Елиз. Никол., т. XXV, 205, 514. *Ея письмо о Е. А. Ганѣ*, т. XXVI, 464.
Ашротъ. *Библиографическая замѣтка* о его соч.: „Положеніе бѣдныхъ въ Англіи, въ его историческомъ развитіи и настоящемъ видѣ“, т. XXV, 187—188.
Аштонъ, Джонъ, авторъ книги: „Old times, a picture of social life at the end of the eighteenth century“, т. XXIII, 436; т. XXIV, 221.
Асанасьевъ, Г. Е. *Библиографическая замѣтка* о его соч.: „Высшая политика Наполеона III. Публичныя лекціи“, т. XXIV, 235—237.

В.

Багалтъ, Д. И. Библиографическая замѣтка о его книгѣ: „Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.), въ XVI—XVIII столѣтияхъ, собранные въ разныхъ архивахъ, изд. харьковского историко-филологического Общества“, т. XXV, 175—176.

Банунина, К. М., сестра милосердія, ч. XXVI, 264, 270, 272.

Бакунинъ, Михаиль, агитаторъ, т. XXIV, 99.

Балабановъ, Маркъ, представитель Болгарск. княжест. въ Конст. мин. иност. дѣлъ, т. XXIV, 589, 592, 595; т. XXV, 60, 245 246, 264, 266—268.

Балакиревъ, Милий Алексеевичъ, композиторъ, т. XXVI, 362, 364.

Балугянскій, Мих. Андр., начальникъ II Отд. соб. е. въ канцелярии, статсь-секретарь, т. XXVI, 55.

Бальонъ. Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Генріета-Анна англійская, герцогиня орлеанская, ея жизнь и переписка со своимъ братомъ Карломъ II“, т. XXIV, 693.

Банкрофтъ. Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Исторія Аляски“, т. XXV, 636.

Банъ, Матвій. Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Рѣшеніе восточного вопроса Европою или Портокою“, т. XXIII, 713—714.

Барнъ, Альfredъ. Библиографическая замѣтка о его книгѣ: „Графъ Левъ Толстой, по поводу Аны Карениной“, т. XXIII, 239—240.

Барковъ, Ів. Ів., студентъ академіческаго университета, извѣстный эротическій поэзъ, т. XXIV, 125, 127.

Барраль, графъ. Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Этюды дипломатической исторіи“, т. XXIII, 247.

Барсовы:

— Н. И., проф. *Его сообщ. въ арх. Общ. о богослуж. пѣснопѣніяхъ раскольниковъ*, т. XXIII, 495. **Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Изъ исторіи христіанской проповѣди въ IV вѣкѣ. Представители догматико-полемического типа проповѣди въ IV вѣкѣ на Востокѣ“, т. XXVI, 430.**

— Эльп. Вас., писатель, т. XXIV, 152, 160, т. XXV, 328.

— Студентъ акад. университета, т. XXIV, 129.

Барсуковъ, А. П. Библиографическая

замѣтка о его сочиненіи: „Россійское благородное собраніе въ Москвѣ“, т. XXVI, 648—649.

Барятинскій, кн. А. И., фельдмаршаль, т. XXIII, 54, т. XXVI, 505—507.

Бассетъ, Джемсъ. Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Описаніе Персіи, какъ страны имамовъ“, т. XXVI, 656.

Батюшкивы:

— К. Н., писатель, т. XXV, 479—480.

— Помпей Никол., тайн. сов., быв. попечитель Виленскаго учебнаго округа. **Библиографическая замѣтка** объ изданіи его: „Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ высочайшаго соизволенія; Холмская Русь (Люблинская и Сѣдлецкая губерніи); выпускъ седьмой“, т. XXIII, 223—226. *Упом.* т. XXV, 611, 619.

Баумгартенъ, Германъ, профессоръ Страсбургскаго унів. Библиографическая замѣтка о его книгѣ: „Исторія Карла V“, т. XXIII, 486.

Баумайстеръ, А. Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Памятники классической древности для уясненія жизни грековъ и римлянъ въ религії, искусствахъ и нравахъ“, т. XXVI, 655.

Башуцкій, А. П., камерь-плать, впосл. комендантъ петербургскій, т. XXIII, 57.

Бегуель, Ричардъ. Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Ірландія при Тюдорахъ съ краткимъ очеркомъ древнейшей исторіи“, т. XXIV, 695.

Безобразовъ, Вл. П., академикъ. Его рѣчъ о Татищевѣ въ академіи наукъ, т. XXIV, 713.

Бекетовъ, ген.-поручикъ, т. XXIV, 505—508.

Бенкнеръ, актеръ, т. XXIII, 152—153.

Бенкнеръ, паша, т. XXIII, 187.

Бенкендорфъ, гр. А. Хр., ген.-адъютантъ, шефъ жандармовъ, т. XXIII, 514, 519, 524; т. XXIV, 24—26, 39.

Бергъ:

— И. В., писатель, т. XXVI, 483, 494.
— О. И., его сообщ. въ Общ. люб. др. пис. о зѣблищахъ въ Москвѣ въ XVII в., т. XXIII, 729.

Бердъ, К. В. Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Исторія эмиграціи гугенотовъ въ Америку“, т. XXIV, 694.

Бередниковъ, Як. Ів., главный редакторъ археографической комиссіи, т. XXVI, 72—73.

Бересфордъ. Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Жизнь Карла I“. т. XXV, 186.

- Берже, Ад. П.,** предсѣд. кавк. археогр. комиссии. *Его некролог*, т. XXIII, 730.
- Берженерь. Библиографическая замѣтка о его сочиненіи:** „Изъ послѣднихъ дней римского гетто“, т. XXV, 640.
- Бестужевы-Рюмины:**
- А. П., гр., государственный канцлеръ, генераль-фельдмаршаль, т. XXV, 20—21; т. XXVI, 341, 348, 350, 538—541, 549.
 - К. Н., профессоръ С.-Петербургскаго университета. *Библиографическая замѣтка* о его книгѣ: „Русская история. Т. II. Выпускъ первый“, т. XXIII, 466—470. *Упомин.* т. XXIV, 6—8, 12, 13, 255.
 - Бецкій, Цв. Ивановичъ, т. XXV, 17—18.
 - Бибиковъ, Дм. Гавр., ген.-адъют., кievскій, подольскій и волынскій ген.-губернаторъ, впослѣдств. министръ внутр. дѣлъ, т. XXIII, 152.
 - Бильфингеръ, академикъ, т. XXIV, 122, 123.
 - Бирбенъ, профессоръ. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи:* „Исторический очеркъ распределенія земли въ Англіи“, т. XXIII, 718—719.
 - Бироны:**
 - Петръ, герцогъ курляндскій, т. XXV, 19.
 - Эринастъ-Юганинъ, регентъ, герцогъ курляндскій, т. XXV, 19. - Блавацкая, Ел. Петр., спиритка, писательница (Радда-Бай), т. XXV, 205.
 - Бланъ, Луи, писатель-соціалистъ, т. XXVI, 83.
 - Блейбтрей. *Библиографическая замѣтка* о его книгѣ: „О русскомъ национальномъ духѣ въ литературѣ и искусствѣ“, т. XXVI, 232.
 - Блейндъ, Матильда. *Библиографическая замѣтка* о ея книгѣ: „Біографія госпожи Роланъ“, т. XXVI, 237.
 - Блудовъ, гр. Дм. Ник., предсѣд. государства, совѣта, т. XXIV, 560.
 - Блумфильдъ, великобр. повѣр. въ дѣлахъ при с.-петербургск. дворѣ, т. XXIII, 351.
 - Блунчли, нѣмецкій профессоръ, т. XXIV, 332.
 - Бломентростъ, Лаврентій Як., лейбъ-медикъ, президентъ академіи наукъ, т. XXIII, 400—402; т. XXIV, 121—122; т. XXV, 104, 105, 108.
 - Бобрикіе, графы:**
 - А. *Библиографическая замѣтка* о его книгѣ: „Jeu d'amour. Французская гадальная книга XV вѣка. Издана по рукописи С.-Петербургской публичной библиотеки“, т. XXIV, 238—239.
 - А. А., о раскопкахъ кургановъ близъ его имѣнія Смѣлы, т. XXIII, 251—252.
 - Бобровскій, березовскій воевода, т. XXIII, 275—276.
 - Бобынинъ, В. В. *Библиографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Очерки исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи XVII столѣтіе. Выпускъ I“, т. XXVI, 647.
 - Богдановичъ, Ипполіт Фед., писатель, т. XXVI, 589.
 - Боголѣбовъ, Вас. Григ., писатель. *Его некрологъ*, т. XXVI, 245.
 - Богомоловъ, И. С., архитекторъ, т. XXIII, 652; т. XXVI, 366.
 - Бодянскій, О. М., профессоръ Московскаго университета, т. XXIII, 167—168, 176; т. XXVI, 473—480, 482—490, 492.
 - Божериноў, И. Н. *Его замѣтки:* „Къ исторіи Чесменскаго дворца“, т. XXV, 656—657. „Къ исторіи Петровскаго театра въ Москвѣ“, т. XXVI, 248. *Библиографическая замѣтка:* Біографіческий словарикъ русскихъ композиторовъ и музыкальныхъ дѣятелей“, т. XXIV, 297—229. „Россійское благородное собраніе въ Москвѣ, А. Барсукова“, т. XXVI, 648—649.
 - Бокингемпшеръ, леди, содержательница игорного дома, т. XXIV, 200, 202, 203.
 - Болотовъ, Анд. Тим., т. XXV, 320.
 - Бомарше, драматургъ, т. XXIV, 428—429.
 - Бонапартъ, принцесса Матильда, т. XXVI, 305.
 - Боре, начальникъ католической миссіонерской станціи въ Константинополѣ, т. XXV, 58, 60.
 - Борецкая, Мареа-посадница, т. XXIII, 7—14.
 - Борисовъ, домашній живописецъ Сологуба, т. XXIII, 581.
 - Борнъ, членъ англійск. парламента, т. XXIII, 442; т. XXIV, 198.
 - Бородинъ, А. П., профессоръ, т. XXIII, 656.
 - Бороздинъ, А. К. *Его статьи:* „Василий Никитич Татищевъ“, т. XXIV, 5—13. „Академическій университетъ въ XVIII вѣкѣ“, т. XXIV, 120—133. „Къ біографии И. С. Аксакова“, т. XXV, 569—575. „Русские католики въ Москвѣ въ концѣ XVII столѣтія“, т. XXV, 588—599. *Библиографическая замѣтка:* „Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Н. Каптерева“, т. XXIII, 228—231. „Історія с.-петербургской духовной семинаріи, съ обзоромъ общихъ узаконеній и мѣропріятій по части семинарскаго устройства 1809—1884. Составилъ Александръ Надеждинъ“, т. XXIII, 228—231.

- т. XXIII, 234—235. „Острожская типографія и ея изданія. Историческая монографія А. К. Сѣлецкаго, въ 2-хъ частяхъ“, т. XXIII, 236—237. „Монографія по истории Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича“, т. XXIII, 699—702. „Витебская Старина, т. IV, составил и издалъ А. Салуновъ“, т. XXIV, 686—687. „Сильвестра Медвѣдева извѣстіе истинное православнѣмъ и показаніе сѣятлое о новоправленіи книжномъ и о прочемъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями С. Вѣлокурова“, т. XXV, 178—180. „Исторія христіанскаго просвѣщенія въ его отношеніяхъ къ древней греко-римской образованности. Владимира Плотникова“, т. XXV, 406—408. „Чтенія изъ исторіи русской церкви за время царствованія императора Александра I, П. Знаменского“, т. XXV, 625—628. „Изъ исторіи возникновенія раскола при патріархѣ Никонѣ. Графа А. Гейдена“, т. XXVI, 221—223. „Руммель, В. В., и Голубцовъ, В. В. Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій“, т. XXVI, 225—226. „Списокъ лицъ свиты ихъ величествъ съ царствованія императора Петра I по 1886 г. Составленъ свиты его величества, генераль-маюромъ, гр. Милорадовичемъ“, т. XXVI, 228. „Изъ исторіи христіанской проповѣди въ IV вѣкѣ. Представители догматико-полемического типа проповѣди въ IV вѣкѣ на востокѣ“, т. XXVI, 430. „Очерки исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи. XVII столѣтіе. В. Б. Бобчинина. Выпускъ I“, т. XXVI, 647.
- В. К., капитанъ артиллеріи, т. XXVI, 548.
- К. А. Ею статьи: „И. С. Аксаковъ въ Ярославль“, т. XXIII, 622—633. „Аланзанская долина. Отрывокъ изъ Закавказскихъ воспоминаній“, т. XXV, 287—314. *Библиографическая замѣтка:* „Анекдоты и черты изъ жизни графа Милорадовича“, т. XXVI, 431. *Библиографическая замѣтка* о его книгѣ: „Закавказский воспоминанія. Мингрелия и Сванетія съ 1854 по 1861 годъ“, т. XXIII, 232—233.
- Бортнянскій, Дм. Ст., директоръ придворной пѣвческой капеллы, т. XXVI, 133.
- Борхъ, польский дипломатический агентъ въ Петербургѣ, т. XXVI, 346.
- Боткинъ, В. П., писатель, т. XXVI, 314, 317, 329—330.
- Бранденбургъ, Н. Е. Ею сообщ. въ археол. Обществѣ, т. XXV, 649.
- Брандесъ, Георгъ. *Библиографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Лудвигъ Гольбергъ и его современники“, т. XXIV, 251—252.
- Браницкія, графини:
- Ал. Вас., рожд. Энгельгардтъ, т. XXV, 429.
- Е. Кс., см. Воронцова, кн.
- Бремъ, Рейнгольдъ. *Библиографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Исторія царства инковъ, утрежденій и нравовъ имперіи Тагуантинсуйю“, т. XXV, 187.
- Бретель, баронъ, франц. посолъ въ Петербургѣ, т. XXVI, 342—343.
- Бриннеръ, А. Г. профессоръ Дерптскаго университета. Ею статьи: „Антонъ-Фридрихъ Бюшингъ“, т. XXV, 5—26. „Новые данные для исторіи царствованія Екатерины II“, т. XXVI, 336—351, 537—550.
- де-Брольи, герцогъ. *Библиографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Воспоминанія покойного герцога де-Брольи“, т. XXV, 638—639.
- Бронины:
- Зах. Фед., моск. купецъ, раскольникъ, зять Скочкова, т. XXIV, 404.
- Евдокія Гавр., дочь Скочкова, отличавшаяся замѣтительными образованіемъ и начитанностью, т. XXIV, 408.
- Брунновъ, баронъ (графъ) Эрнстъ-Филиппъ Ивановичъ, русский посолъ при великобританскомъ дворѣ, т. XXIII, 351—359, 608, 609, 612, 619; т. XXIV, 433, 437—438.
- Бруони, папскій викарій въ Константиноополѣ, т. XXV, 61—62.
- Брунь, статья — секретарь, товарищъ управл. II Оgd. соб. его имп. вел. канцеляріи, т. XXIV, 346.
- Броль, графъ, саксонскій министръ, т. XXVI, 345.
- Брюсь, гр. Яковъ Алдр., ген.-аншефъ, московскій главнокомандующій, т. XXIV, 508.
- Буа. *Библиографическая замѣтка* о его сочиненіи: Французская экспедиція въ Тунисъ, т. XXV, 189.
- Будиловичъ, Александръ, магистръ священникъ. *Библиографическая замѣтка* о его книгѣ: „Русская православная старина въ Замостьѣ“, т. XXIV, 460—461.
- Бузенсуль, Вл., доцентъ Харьковскаго унів. Письмо въ редакцію, т. XXIV, 717—718. *Библиографическая замѣтка* о его лекціяхъ: „Обзоръ нѣмецкой литературы по исторіи среднихъ вѣковъ“, т. XXIV, 239—240.
- Буланже, франц. военный министръ. *Библиографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Передъ сраженіемъ“, т. XXIV, 471—472.
- Булгаринъ, Фад. Венед., писатель, т. XXIV, 40; т. XXVI, 324, 333.

Булгаковы:

— Я. И., писатель, т. XXVI, 592.
 — Фед. Ильичъ. *Библиографическая замѣтка* о его книгѣ: „Закавказскія воспоминанія. Мингрелія и Сванетія съ 1854 по 1861 годъ. К. А. Бородина“, т. XXIII, 232—233; „Rod Gedimina, dodatki i poprawki do dziel. Hr. K. Stadnickiego“, т. XXV, 171—173. По сѣверу Россіи. Путешествіе ихъ императорскихъ высочествъ великаго князя Владимира Александровича и великой княгини Маріи Павловны въ 1884 и 1885 гг. К. Случевскаго, т. XXV, 164—166. *Его замѣтка: Отвѣтъ „Всемирной Иллюстраціи“*, т. XXV, 432—434. *Библиографическая замѣтка* о его книгѣ: „Гр. Л. Н. Толстой и критика его произведеній, русская и иностранная“, т. XXV, 173—174.

Буле-де-ла-Мертъ, графъ. *Библиографическая замѣтка* о его книгѣ: „Послѣдніе годы герцога Энгіенскаго“, т. XXVI, 237.

Бунзенъ:

— Прусск. посл. при лонд. дворѣ, т. XXIII, 602—603, 613, 620.

— Баронесса, жена прусск. посл. при лонд. дворѣ, т. XXIII, 605.

Бурдинъ, Ф. А., артистъ, его „Воспоминанія артиста объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ“, т. XXIII 144—153.

Бурмовъ-Стояновъ, болг. министръ-президентъ, т. XXIV, 591—595.

Бургдорфъ, прусскій оберъ-шталмейстеръ, т. XXIV, 180—181.

Бутаковъ, капитанъ-лейтенантъ, начальникъ экспедиціи на Аравльскомъ морѣ 1848 г., т. XXIII, 161, 163—165, 171.

Бутлеровъ, А. М., академикъ. *Его некрологъ*, т. XXVI, 245—246.

Бутурлинъ, Алексѣй Петр., ген.-майоръ свиты его вел., ярославскій губернаторъ, т. XXIII, 622—624, 638.

Бухнеръ, путешественникъ по Африкѣ, т. XXIII, 207—222.

Бушери-бенъ, начальникъ таранчинцевъ, т. XXIV, 373—375.

Бушуевъ, помощникъ Гаю, начальника института слѣпыхъ въ Петербургѣ, т. XXIV, 190.

Быкова, Ел. В., т. XXVI, 498.

Бычковъ, Фед. Ао. *Его статьи:* „Неосуществившаяся газета Пушкина“, т. XXIII, 387—391. „Баронъ Исаї Петровичъ Шафировъ“, т. XXV, 126—131.

Бѣлинскій, В. Г., писатель, т. XXIII, 380—382, 503, 513—514; т. XXIV, 40; т. XXVI, 313—314, 315, 552.

Бѣловы:

— Е. А. *Библиографическая замѣтка* о его книгѣ: „Объ историческомъ значеніи русского боярства до конца XVII вѣка“, т. XXV, 168—170.

— И. Д. *Его статья:* „Нашъ солдатъ въ пѣсняхъ, сказаніяхъ и поговоркахъ“, т. XXV, 315—349. *Библиографическая замѣтка* его: „Отчетъ императорской публичной библиотеки за 1883 годъ“, т. XXIII, 471—475. „Обзоръ дѣятельности учрежденной по высочайшему повелѣнію постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ съ 1-го июля 1883 г. по 1-е июля 1885 г.“, т. XXIII, 705—706.

„Русскимъ дѣтямъ. Рассказы и очерки изъ истории древней русской словесности. Выпукъ I. Оть начала славянской письменности до татарщины“, т. XXIV, 230—233. „Исторія Россіи. Народное изданіе, съ портретами императорскаго дома. Составилъ В. А. Абаза“, т. XXIV, 240—241. „Сборникъ вопросовъ по исторіи. I. Всеобщая исторія. Составилъ И. Виноградовъ“, т. XXIV, 466—467. *Его некрологъ*, т. XXV, 426.

Бѣлозерскій, В. М., т. XXIII, 155.

Бѣлозерская, Н. А. *Ея статьи:* „Государство Луида“, т. XXIII, 195—222. „Донской казакъ въ Лондонѣ“, т. XXVI, 603—616.

Бѣлокуровъ, С. *Библиографическая замѣтка* о его изданіи: „Сильвестра Медведева извѣстіе истинное православныи и показаніе свѣтлое о новоправленіи книжномъ и о прочемъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями“, т. XXV, 178—180.

Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, кн. Ал. Мих., сенаторъ, посланикъ въ Туринѣ, писатель, т. XXV, 536.

Бюшо, маршалъ, генераль-губернаторъ Алжира, т. XXIII, 345.

Бюссонъ, Арнольдъ. *Библиографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Христина шведская въ Тиролѣ“, т. XXIV, 697.

Бюффонъ, естествоиспытатель, т. XXVI, 182.

Бюшингъ, Антонъ-Фридрихъ, пасторъ, т. XXV, 5—26.

В.

Вакаръ, субъ-инспекторъ въ Спб. университетѣ, т. XXVI, 47, 48.

Валевскій, гр., французскій дипломатъ, т. XXIV, 436.

Валласъ, Макензи, корреспондентъ „Times'a“, т. XXIV, 588, 589.

Вальберхова, М. М., трагическая актриса, т. XXV, 482—483, 496.

- Вальтер-Скоттъ**, англійскій писатель, т. XXIV, 14—17.
- Вальфордъ**. *Библіографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Парламентскіе генералы въ большую междуусобную войну“, т. XXV, 635.
- Вамбери**. *Библіографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Наступающая борьба за Индию“, т. XXIII, 483.
- Варадиновъ**, Н. В., членъ сойма мин. внутр. дѣлъ, писатель. *Ею некрологъ*, т. XXV, 654.
- Варренъ-Гастингсъ**, ген.-губ. Индіи, т. XXIII, 436—438.
- Вартембургъ**, Іоркъ, графъ. *Библіографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Наполеонъ какъ полководецъ“, т. XXV, 416.
- Василько**, кн. ростовскій, т. XXIII, 76.
- Васильчиковы:**
 - А. В., дѣйств. тайн. сов., т. XXIII, 47.
 - А. П., рожд. Архарова, т. XXIII, 47, XXIV, 314.
 - Кн. А. Ил., церемоніймейстеръ, т. XXIV, 344, 345.
 - Кн. Вл. Ил., кіевскій генераль-губернаторъ, т. XXVI, 97—100.
 - Кн. Ек. Ал-кевна, рожд. кн. Щербатова, т. XXVI, 97—100.
 - Кн. Илар. Вас., предсѣдатель государственного совѣта, т. XXIII, 58.
- Ватринье**. *Библіографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Солиманъ-паша, полковникъ Леве, генералиссимустъ египетскихъ армій, или история египетскихъ войнъ отъ 1820 до 1860 года“, т. XXV, 639.
- Вашонъ**, Марія. *Библіографическая замѣтка* о ея сочиненіи: „Россія при солнечномъ свѣтѣ“, т. XXVI, 434.
- Введенскій**, Пр. Ив., переводчикъ, т. XXVI, 330.
- Веберъ**, Георгъ. *Библіографическая замѣтка* о его книгѣ: „Всеобщая исторія. Издание К. Т. Солдатенкова“, т. XXIII, 477—480; т. XXIV, 679—682.
- Величиковъ**, А. И. *Ею замѣтка*: Къ біографії томскаго губернатора Хвостова“, т. XXIV, стр. 477—478.
- Веллингтонъ**, герцогъ, т. XXIII, 604, 605, 608.
- Вельтманъ**, А. Ф., писатель, т. XXVI, 313.
- Вендтъ**, Георгъ. *Библіографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Германізація странъ къ востоку отъ Эльбы“, т. XXIII, 485.
- Веневитинова**, Аполлина Мих. (рожд. гр. Віельгорская), т. XXIV, 83.
- Веревкинъ**, директоръ гімназіи въ Москвѣ, т. XXV, 542.
- Верещагинъ**, Александръ. *Библіографическая замѣтка* о его книгѣ: „Дома и на войнѣ. Воспоминанія и рассказы. 1853—1881 г. Издание второе“, т. XXV, 177—178.
- Верне**, французскій актеръ, т. XXIII, 144, 148—149.
- Вертгеймеръ**, Эдуардъ. *Библіографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Історія Австріи и Венгрии въ первое десятилѣтие XIX столѣтія“, т. XXIII, 486—487.
- Веселовскій**, Н. И., проф., о его археологическихъ разысканіяхъ въ Самаркандѣ, т. XXIV, 260. Его сообщ. въ археолог. Общ. о тѣхъ же разысканіяхъ, т. XXIV, 480—481.
- фонъ-деръ-Вейде**, Мих. Як., генераль-лейтенантъ, *некрологъ*, т. XXIV, 486.
- Веймарнъ**, ген.-поручикъ, т. XXIV, 505—508.
- Вейнбергъ**, Л. Б., секретарь воронежскаго губернскаго статистическаго комитета. *Библіографическая замѣтки* о его книгахъ: „Материалы по исторіи Воронежской и соседнихъ губерній. Древніе акты XVI—XVIII ст. Выпуски IV, V и VI“, т. XXIV, 461—462. „Городъ Воронежъ. Исторический очеркъ“, т. XXVI, 223—224. „Воронежский край въ санитарномъ отношеніи“, т. XXVI, 426—427.
- Вейтбрехтъ**, академикъ, т. XXIV, 124.
- Викторія**, королева англійская, т. XXIII, 354—355, 603—612; т. XXIV, 431—432, 434, 442.
- Вигель**, Ф. Ф., писатель, т. XXV, 536, 541.
- Винкуловъ**, Даніиль, расколоучитель, т. XXIV, 149—150, 152, 154.
- Вилларсъ**, маршалъ. *Библіографическая замѣтка* объ его мемуарахъ, т. XXIII, 484.
- Вильбуа**, ген.-лейтенантъ, генераль-фельдцѣхмейстеръ, т. XXV, 14; т. XXVI, 182, 189.
- Вильямсонъ**. *Библіографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Воспоминанія о дворѣ и времени короля Эрнеста Ганноверскаго“, т. XXIV, 472—478.
- Виноградовъ**, И., преподаватель вяземской гімназіи. *Библіографическая замѣтка* о его книгѣ: „Сборникъ вопросовъ по исторіи. I. Всеобщая исторія. Пособіе для учениковъ и учителей старшихъ среднихъ учебныхъ заведеній“, т. XXIV, 466—467.
- Витбергъ**, Андр. Лавр., архитекторъ, т. XXV, 437.
- Віельгорскіе**, графы;
 - Матв. Юр., шталмейстеръ, т. XXIV, 84.

- Мих. Юр., оберъ-шенкъ, т. XXIII, 59, 505—506; т. XXIV, 82—83, 553, 557—558; т. XXVI, 294.
 — Луиза Карл., рожд. герц. Биронъ, т. XXIV, 82—84, 88—90, 557.
- Вогюз.** *Библиографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Русскій романъ“, т. XXV, 413—414.
- Водовозовъ, В. И.**, педагогъ. *Его нокрополь*, т. XXV, 201.
- Волинские, князья:**
 — М. Н., московский главнокомандующій, т. XXV, 126.
 — Кн. П. М., министръ императорскаго двора, т. XXIII, 153.
- Волынскій, А. П.**, кабинетъ-министръ, т. XXVI, 581.
- Вольтеръ, Мари-Франсуа-Аруэ**, французскій философъ, т. XXIV, 413, 420—421, 422—423; т. XXV, 9; т. XXVI, 179—180, 182—183, 307—308.
- Вольфъ, Христіанъ**, изв. философъ, т. XXIII, 403; т. XXIV, 122.
- Воронцовы, князья и графы:**
 — Гр. Анна Карл., рожд. Скавронская, оберъ-гофмейстера, т. XXV, 21.
 — Кн. Елиз. Ксав., рожд. гр. Браницкая, т. XXVI, 285—286.
 — Кн. Мар. Вас. рожд. кн. Трубецкая, по первому мужу Столыпина, т. XXVI, 286.
 — Гр. Мих. Илар., дѣйств. тайн. совѣтникъ, государственный канцлеръ, т. XXV, 21; т. XXVI, 343, 351, 539, 541.
 — Кн. М. С., намѣстникъ кавказскій, генералъ-фельдмаршаль, т. XXIII, 71, 72, 281—287, 293.
 — Кн. С. М., генералъ-адъютантъ, т. XXVI, 286, 700—708.
- Воронцовы-Дашковы, графы:**
 — Гр. Александра Кирилловна, т. XXIV, 81—82.
- Гр. Ив. Илар., дѣйств. тайн. сов., оберъ-церемоніймейстеръ, томъ XXIV, 81—82.
- Воскресенскій, Е.** *Библиографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Борисъ Годуновъ“ А. С. Пушкина. Опытъ разбора трагедіи. Издание 2-е“, т. XXIV, 233—234.
- Востоковъ, А. А.** *Его статья*: „Пребываніе ссылочныхъ князей В. В. и А. В. Голицыныхъ въ Мезени“, т. XXV, 387—398.
- Врангели, бароны:**
 — Н. Е. *Библиографическая замѣтка* о его книгѣ: „Петръ Федоровичъ Басманновъ; Марина Мнишекъ. Две драмы изъ эпохи Смутнаго времени“, т. XXV, 628—629.
 — Ег. Петр., директоръ Петровскаго полтавскаго кадетскаго корпуса, т. XXIV, 117—119.
- Вревская, бар. Ю. П.**, т. XXVI, 508.
- Вунчъ, адъютантъ** гусарскаго полка, т. XXVI, 136—137.
- Вулковичъ, д-ръ, болгаринъ**, т. XXV, 258, 257.
- Вяземскій, кн. П. А.**, тайный совѣтникъ, сенаторъ, писатель. *Замѣтки* о его сочиненіяхъ, т. XXIII, 694—696; т. XXIV, 262—264. *Упом.* т. XXIII, 380, 505—506, 512, 513, 520, 523; т. XXIV, 87, 561; т. XXVI, 76, 81—82, 84, 370, 475.

Г.

Габбе, В. *Его замѣтка*: „О точилѣ съ изображеніемъ созвѣздія Большой Медведицы“, т. XXV, 431—432.

Гавелонъ, корреспондентъ Times'a, т. XXIII, 190.

Гавrilовъ, А. В., писатель, т. XXVI, 395—396.

Гагарины, князья:

- Ив. Алексѣевичъ, сенаторъ, дѣйств. тайн. совѣтникъ, т. XXV, 495, 505—506.
- И. С., іезуитъ, т. XXV, 269—273.
- Петр. Ив., т. XXV, 505.
- Княгиня А., т. XXVI, 506.

Гадень, Стефанъ, докторъ при царѣ Федорѣ Алексѣевичѣ, т. XXV, 104, 108.

Ганстаузенъ, графъ, датскій резидентъ въ С.-Петербургѣ, т. XXV, 14, 15.

Галаховъ, А. Д. *Его статья*: „Мое сотрудничество въ журналахъ (отрывокъ изъ записокъ)“, т. XXVI, 312—335.

Галеви, франц. композиторъ, т. XXVI, 511.

Галлеръ, А. К., т. XXV, 507.

Гамалья, Сем. Ив., масонъ-писатель, т. XXV, 455, 467—470, 471; т. XXVI, 593.

Гангудъ, Изабелла. *Библиографическая замѣтка* о ея сочиненіи: „Эпическія пѣсни Россіи“, т. XXV, 634.

Ганибалы:

- А. И., арабъ, генералъ-аншефъ, т. XXIII, 87—96, 98—99.

- Е. А., рожд. Диоперь, т. XXIII, 98—96.

- И. А., ген.-лейтен., т. XXIII, 97, 98, 135—137, 141.

- М. А., рожд. Пушкина, т. XXIII, 97—143.

- Н. О., зам. Пушкина, мать поэта, т. XXIII, 101.

- Ос. Абр., т. XXIII, 96—143.

- П. Абр., ген.-маиоръ, т. XXIII, 140.

Ганскау, курскій губернаторъ, т. XXV, 135—136, 138.

Ганьеरъ. *Библиографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Королева Марія-Каролина неаполитанская“, т. XXIV, 692.

Гань, Елена Андреевна, писательница. *Статьи о ней*: т. XXV, 203—234, 509—531; т. XXVI, 456—464.

- Петр. Алексеев., артиллерийский полковникъ, т. XX, 205, 207—208, 212—213, 222; т. XXVI, 460.
- Гаршинъ, Е. М. *Ею статья:* „Шевченко въ ссылкѣ“, т. XXIII, 154—179. *Библиографическая замѣтка* его: „Архивъ князя Воронцова, книга XXVII“, т. XXIV, 234—235, „Jen d'amour. Французская гадальная книга. Издалъ по рукописи С.-Петербургской публичной библиотеки графъ А. Бобринскій“, т. XXIV, 238—239. „Записки императорского русского археологического Общества, т. I (новой серии)“, т. XXIV, 240. „Альбомъ русскихъ синодиковъ 1651, 1679 и 1686 гг. Рисовалъ и издалъ И. Голицыевъ“, т. XXIV, 467. „Записки императорского русского археологического Общества. Т. II, вып. I“, т. XXV, 176—177. „Памятники древне-русского языка, т. I. Служебная минея за сентябрь, октябрь и ноябрь, въ церковнославянскомъ переводе по русскимъ рукописямъ 1095—1097 гг. Трудъ ордакад. И. В. Ягича“, т. XXVI, 648.
- Гассуни, примасъ католическихъ армянъ, т. XXV, 61.
- Гаюнъ, Валентинъ, основатель института слѣпыхъ, т. XXIV, 186—191.
- Гедеоновъ, А. М., тайн. сов., директоръ театровъ, т. XXIII, 645—646.
- Генкериъ, баронъ, голландскій посланникъ, т. XXIV, 314, 316, 319—320.
- Генрихъ, принцъ прусскій, т. XXIV, 167—168, 169.
- Георгіевскій, Д. Н., т. XXIV, 344, 346.
- Георгій, Дашковъ, архіеп. ростовскій, т. XXIII, 80.
- Георгъ III, король англійскій, т. XXIII, 438—439, 446, 465.
- Георгъ-Людвигъ, герцогъ Гольштинскій, дядя Петра III, т. XXV, 18—19.
- Герасимовъ, Иоаннъ, келейникъ Андрея Денисова, т. XXIV, 158.
- Гервинусъ, нѣмецкій писатель, т. XXVI, 587.
- Германъ, Иakovъ, профессоръ, академикъ, т. XXIII, 405.
- Гернь, К. И., шт.-кан., знакомый Шевченка, т. XXIII, 165—167.
- Герценъ, А. И., эмигрантъ, т. XXIV, 86.
- Герштенцвейгъ, А. Д., генераль-адъютантъ, варшавскій генераль-губернаторъ, т. XXVI, 534, 535.
- Гейденъ, А., графъ. *Библиографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Ізъ исторіи возникновенія раскола при патріархѣ Никонѣ“, т. XXVI, 221—223.
- Гиббонъ, Эдуардъ. *Библиографическая замѣтка* о его книгѣ: „Исторія уладка и разрушенія Римской имперіи“, т. XXIII, 475—476.
- Гизо, Фр., историкъ, франц. мин. ин. дѣль, т. XXIII, 344—357, 612, 616; т. XXIV, 433—436, 438, 441, 443.
- Гилляровъ-Платоновъ, Никита Петровичъ, писатель, т. XXV, 379.
- Гимаръ, танцовщица, т. XXIV, 210, 211—213.
- Гинцбургъ, Эліашъ, скульпторъ, т. XXIII, 652.
- Гирсь, Н. К., мин. ин. дѣль, т. XXV, 265.
- Гладстонъ, англійскій министръ, т. XXIII, 674, 676—677, 678, 685, 691.
- Глазуновъ, композиторъ, т. XXIII, 652.
- Глинка, Мих. Ив., композиторъ, т. XXIII, 330—331; т. XXVI, 352—368.
- Гнейстъ, Рудольфъ. *Библиографическая замѣтка* о переводе съ нѣмецкаго его книги: „Исторія государственныхъ учрежденій Англіи“, т. XXIV, 459—460.
- Гітдамъ, Н. И., переводчикъ „Іліады“, т. XXIII, 46; т. XXV, 486—489, 491, 497.
- Гоголи:**
- Анна Вас., т. XXVI, 491.
 - Елиз. Вас., т. XXVI, 477.
 - Мар. Ив., т. XXVI, 492.
 - Ник. Вас., писатель, т. XXIII, 46, 145—146, 595—597; т. XXIV, 83, 85, 88—90, 140—144, 321—322, 559, 656—668, 711—712; т. XXVI, 314, 473—503.
 - Ольга Вас., т. XXVI, 491.
- Годуновы:**
- Актеръ, т. XXIII, 152—153.
 - Бор. Фед., царь московскій, т. XXIV, 492—495.
- Голицыны, князья:**
- Алексѣй Вас., т. XXV, 387—398.
 - Ал. Мих., вице-канцлеръ, т. XXVI, 344.
 - Ал. Никол., министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣль, т. XXIII, 60, 68; т. XXVI, 63, 77.
 - Вас. Вас., бояринъ, т. XXV, 387—398, 643—644; т. XXVI, 666—668.
 - Гр. Серг., генераль-адъютантъ имп. Павла I, впослѣдствіи сенаторъ, т. XXIII, 585—586.
 - Дм. Влад., московскій главнокомандующій, т. XXIII, 58, 514, 525, 588.
 - Дм. Мих., дѣйств. тайн. совѣтникъ, ген.-фельдмаршаль, т. XXIII, 269.
 - Е. И., рожд. гр. Сологубъ, т. XXIII, 585.
 - Ек. Сем., см. Семенова.
 - Н. И., рожд. гр. Сологубъ, т. XXIII, 44.
 - Нат. Андр., рожд. гр. Строганова, т. XXV, 202.
 - Н. И. *Ею замѣтка:* По поводу замѣтки: „Историческая могила“; т. XXVI, 666—668.

- С. Гр., т. XXIII, 587—589.
 — С. Мих., членъ госуд. совѣта, т. XXIII, 528; т. XXIV, 18.
 — Ф. С., камергеръ, т. XXIII, 66.
Голицынъ-Прозоровскій, кн. А. Ф., ген.-лейт., т. XXIII, 66.
Голенищева-Кутузова-Смоленская, кн. Е. Ильин., т. XXV, 493—494.
Голиковъ, Ив. Ив., историографъ, т. XXVI, 591.
Голландъ:
 — Лордъ, англійскій министръ, т. XXIV, 483, 435, 439, 441.
 — Профессоръ. *Библіографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Европейское согласіе въ восточномъ вопросѣ“, т. XXIII, 487.
Головачевъ, А. Ф., знакомый Шевченка, т. XXIII, 177.
Головинскій, капитанъ, командиръ драгунской команды въ Руцукѣ, т. XXV, 91.
Головины, графы:
 — Гавр. Ив., канцлеръ, т. XXIV, 122.
 — Ек. Ив., т. XXII, 280.
 — Юр. Алдр., оберъ-камергеръ, членъ государства, совѣта, попечитель Харьковскаго учебнаго округа, т. XXIV, 326, 328.
Головко, Н. А., знакомый Шевченка, т. XXIII, 172.
Головинъ, А. В., статсь-секретарь, членъ государственного совѣта. *Ею не-хрологъ*, т. XXVI, 664.
Голубовичъ. *Библіографическая замѣтка* о его книгѣ: „Болгарія, ея историческое прошлое и ея бытовое, народное и религиозное возрожденіе“, т. XXVI, 233.
Гольшевъ, И. А., крестьянинъ, археологъ. *Статья о немъ*, т. XXIV, 392—400. *Библіографическая замѣтка* о его книгѣ: „Альбомъ рисунковъ русскихъ синодиковъ 1651, 1679 и 1686 гг.“, т. XXIV, 467.
Гольмесь, Т. *Библіографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Исторія индійскаго восстанія и разстройства, внесенаго имъ въ гражданское населеніе“, т. XXV, 637.
Гольцевъ, В. *Библіографическая замѣтка* о его книгѣ: „Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка“, т. XXIV, 684—686.
Гоннуръ, Эдмондъ. *Библіографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Жизнь актрисы Сентъ-Гюберти“, т. XXIII, 716.
Гончаровы:
 — Ек. Ник., сестра Пушкиной, т. XXIV, 316—319.
 — Ив. Ал., писатель, т. XXII, 363—365, 367, 376—378; т. XXVI, 71—72.
Гонеггеръ. *Библіографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Всемірная история культуры“, т. XXV, 415—416.
Гопцевичъ, Спиридонъ. *Библіографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Болгарія и Восточная Румелія, съ особеннымъ обозрѣніемъ времени отъ 1878 по 1886 годъ и съ военною опѣнкою сербско-болгарской войны“, т. XXVI, 433.
Гордонъ, лордъ, Джорджъ, т. XXIII, 438.
Горнеди. *Библіографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Два года въ джонглияхъ“, т. XXIII, 245.
Городецкій, М. И. *Ею статьи*: „Виленскій музей древностей. По поводу тридцатилѣтніи годовщины его существованія“, т. XXV, 600—620. „Первая женская православная община въ Привислянскомъ краѣ“, т. XXVI, 617—629. *Библіографическая замѣтка* его: „Памятники русской старинѣ въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ высочайшаго соизволенія И. Н. Батюшковымъ; выпускъ восьмой. Холмская Русь. (Люблинская и Сѣдлецкая губерніи)“, т. XXIII, 223—226. „Систематический указатель статей, помѣщенныхъ въ периодическихъ изданіяхъ съ 1830 по 1884 г.; составилъ ф. адъют. полковникъ Поповъ“, т. XXIII, 233—234. „Холмский народный календарь, годъ второй, 1886 г.“, т. XXIII, 237—238. „Сборникъ статей, разъясняющихъ польское дѣло по отношенію къ западной Россіи; составилъ и издалъ С. Шолковичъ; выпускъ I“, т. XXIII, 470—471. „Виленский календарь на 1886 г. Киевскій календарь на 1886 годъ“, т. XXIII, 710—711. „Иллюстрированный календарь Общества имени Михаила Качковскаго, на годъ простый 1886. Составилъ О. А. Мончаловскій“, т. XXIV, 242—248. „Русская православная старина въ Замостьѣ, магистра священника Александра Будиловича“, т. XXIV, 460—461.
Горчаковы, князья:
 — А. М., государственный канцлеръ, т. XXIII, 585; т. XXIV, 336—338, т. XXVI, 507.
 — М. Д., намѣстникъ въ царствѣ Польскомъ, т. XXIV, 168; т. XXVI, 513, 517, 520, 524, 526, 528, 529, 531.
Госсе, Эдмундъ. *Библіографическая замѣтка* о его соч.: „Отъ Шекспира до Попе“, т. XXIII, 245.
Градовскій, А. Д., проф. Сиб. университета, т. XXIV, 346.
Грановскій, Т. Н., профессоръ Московскаго университета, т. XXVI, 320, 323, 331—332.
Грантъ. *Библіографическая замѣтка* о его книгѣ: „Личные записки Гранта“, т. XXV, 184—185.

- Грахамъ, Джемсъ, англ. мин. ви. дѣль, т. XXIII, 358—359.**
- Гревилль, Карль, англійскій общественныи дѣятель, оставилшій важные „Мемуары“, т. XXIV, 431—443.**
- Грего, Джонъ. Библіографическая замѣтка о его сочиненіи: „Исторія парламентскихъ выборовъ и избирательства въ старые годы“, т. XXVI, 656.**
- Грекоровіусъ, Фердинандъ. Библіографическая замѣтка о его книгѣ: „Исторія города Рима въ средніе вѣка. Съ пятыго до шестнадцатаго вѣка. Переводъ съ нѣмецкаго. В. И. Савина“, т. XXV, 160—163.**
- Греновы:**
- Болгарскій министръ, т. XXIV, 584, 591, 592; т. XXV, 235, 287, 289, 245, 251, 259, 263—264.
 - Поручикъ Кабардинскаго полка, т. XXVI, 137—138.
- Гревель, Вильямъ. Библіографическая замѣтка о его соч.: „Наша южная африканская имперія“, т. XXIII, 244.**
- Грессеръ, субъ-инспекторъ Сиб. университета, т. XXVI, 47.**
- Гречъ, Н. И., писатель. Библіографическая замѣтка о его книгѣ: „Записки о моей жизни“, т. XXV, 170—171. Упом. т. XXIII, 390, 635; т. XXVI, 61—62, 324.**
- Григорій, архиеп. ростовскій, т. XXIII, 78.**
- Григоровичи:**
- Вас. Ил., управл. Сологуба, отецъ писателя Д. В. Григоровича, т. XXIII, 575—576.
 - Сидонія Петр., рожд. Ledentu, т. XXIII, 576.
- Григорьевъ, П. И., актеръ, т. XXIII, 147, 149—150.**
- Гринъ, Джонъ Ричардъ. Библіографическая замѣтка о его сочиненіи: „Современная исторія англійскаго народа“, т. XXIV, 475.**
- Гриффисъ, авторъ сочиненія о Кореѣ, т. XXIII, 421—427.**
- Гроссъ-Гейнрихъ, кандидатъ правъ, т. XXVI, 553—579.**
- Гротъ, Я. К., академикъ, т. XXIII, 504.**
- Грузинскій, кн., Ег. Александр., т. XXV, 540—541.**
- Гудонъ, скульпторъ, т. XXVI, 185—186.**
- Гумбольдтъ, Александръ, натуралистъ, т. XXVI, 60.**
- Гуннингъ, англ. посланикъ въ Петербургѣ, т. XXVI, 125.**
- Гунь, А. Библіографическая замѣтка о его сочиненіи: „Исторія борьбы болгаръ за свое национальное единство“, т. XXV, 416.**
- фонъ-Гунь, А. Библіографическая замѣтка о его сочиненіи: „Борьба болгаръ за ихъ национальное объединеніе. Політико-военная исторія болгарско-румѣйскихъ событій въ 1885 году“, т. XXVI, 433—434.**
- Гурко, И. А., ген.-адъютантъ, т. XXIII, 188.**
- Гуссе, Арсенъ. Библіографическая замѣтка о его соч.: „Признанія“, т. XXIII, 246.**
- Густавъ IV, король шведскій, т. XXVI 131.**
- Гюгонне, Леонъ. Библіографическая замѣтка о его сочиненіи: „Неизвѣстная Турція, Румелія, Болгарія, Македонія, Албанія“, т. XXIV, 249.**

Д.

Давидовъ, Авг. Юл., проф. матем. Московскаго университета, т. XXIII, 499.

Даву, маршалъ. Библіографическая замѣтка по поводу изданія его: „Корреспонденціи“, т. XXIII, 246.

Давыдовъ, русск. дипломатич. агентъ въ Софіи, вносиðствіи посолъ въ Японіи, т. XXIV, 586, 594—595.

Данилевскіе:

— Г. П. *Его статьи*: „Поездка въ Ясную Поляну“, т. XXIII, 529—544. „Знакомство съ Гоголемъ“, т. XXVI, 473—503. Библіографическая замѣтка о его романѣ: „Мировичъ“, т. XXV, 405—406.

— Н. Я., членъ совѣта министерства государственныхъ имуществъ, натуралистъ, славянофилъ, писатель. *Его некрологъ*, т. XXIII, 255.

Дантесъ, Гекеръ, кавалергардскій поручикъ, убийца Пушкина, т. XXIV, 313—320; т. XXV, 269, 272.

Даримонъ, Альфредъ. Библіографическая замѣтка о его книгѣ: „Лiberальная опозиція при имперіи“, т. XXVI, 235.

Дашкова, кн., Е. Р., директоръ академіи наукъ, т. XXIV, 132—133.

Дашковъ, П. Я., извѣстный собиратель гравюръ и автографовъ, т. XXVI, 172.

Двигубскій, дѣйств. ст. сов., цензоръ, профессоръ Московскаго университета, т. XXIV, 18; т. XXVI, 312.

Дебнеръ. Библіографическая замѣтка о его сочиненіи: „Мемуары Маріи, королевы Англіи, съ ея письмами“, т. XXIII, 243—244.

Дегу, Г. Библіографическая замѣтка о его книгѣ: „Воспоминанія французскаго журналиста въ Римѣ“, т. XXVI, 234—235.

Библиотека "Руниверс"

Денилеръ. *Библіографическая замѣтка о его сочиненіи: „О русскихъ финансахъ“*, т. XXIV, 689—690.

Делиль:

- Луи, академикъ, т. XXVI, 177.
- Николай, академикъ, т. XXVI, 177.

Дельвигъ, баронъ, Ант. Ант., писатель, т. XXVI, 369—372.

Дембницкій, гравт., Людовикъ. *Библіографическая замѣтка о его сочиненіи: „Пулавы“*, т. XXVI, 440—441.

Демидовы:

— Анат. Никол., кн. Санть-Донато, т. XXIV, 90.

— Авр. Карловна, впослѣдствіи Ка-рамзина, т. XXIV, 90—92, 563.

— Пав. Никол., т. XXIV, 90.

Денисовы:

— Андрей, расколоучитель, т. XXIV, 145—160.

— Семенъ, расколоучитель, т. XXIV, 148, 152, 154—156.

— Соломонія, т. XXIV, 155, 158.

Дены:

— Вл. Ив., генераль-маюоръ свиты его величества, т. XXVI, 116.

— Ив. Ив., инженеръ-генералъ, инспекторъ инженерного корпуса, т. XXVI, 88, 116, 120.

— Пауль. *Библіографическая замѣтка о его сочиненіи: „Германія на Востокѣ“*, т. XXIII, 714.

Державинъ, Гавр. Ром., тайн. совѣтн., министръ юстиціи, писатель, т. XXVI, 121, 130, 580, 586.

Дершавъ, О. Карл., редак. *„Финскаго Вѣстника“*, т. XXIII, 378—380.

Дефоссе, Эдмондъ. *Библіографическая замѣтка о его сочиненіи: „Тунисъ подъ протекторатомъ и его присоединеніе къ Алжиру“*, т. XXV, 189.

Джабо, наѣбъ дидойскій, т. XXV, 292—297.

Джансонъ. *Библіографическая замѣтка о ея сочиненіи: „Французскій дворъ въ XVI вѣкѣ“*, т. XXIV, 695.

Джандіоровъ, кн., Георгій, предводитель грузинской дружины, т. XXV, 308.

Джильрай, карикатуристъ, т. XXIV, 201, 208.

Джорданъ (Доротея Бландъ), актриса, любовница англ. короля Вильгельма IV, т. XXIV, 204—206.

Джорджадзе, князь, переводчикъ, т. XXV, 292, 297.

Дидло, балетмейстеръ, т. XXIV, 210.

Дидро, энциклопедистъ, т. XXVI, 182, 183, 185, 188.

Дизраэли, Ральфъ. *Библіографическая замѣтка о его сочиненіи: „Переписка лорда Биконс菲尔да съ своей сестрою съ 1832 года по 1852 г.“*, т. XXIV, 474.

Діонісій, кн., Мышецкій, священникъ, отецъ Андрея Денисова, т. XXIV, 148, 150.

Діоперь, Андрей, капитанъ галернаго флота, т. XXIII, 92, 93.

Дмитревскій, Ив. А., актеръ, т. XXV, 474—475.

Дмитревъ, Александръ. *Его замѣтка: „Въ защиту предсмертнагоувѣщанія В. Н. Татищева сыну“*, т. XXVI, 668—670.

Добротворскій, Н. А. *Его статья: „Холера въ 1830—1831 годахъ въ Курской губерніи“*. *Библіографическія замѣтки его: „Календарь Рязанской губерніи на 1886 годъ“*. Изд. рязанскаго губернского статистического комитета. Сост. подъ редакціею А. В. Селиванова, т. XXIV, 243—244. *Материалы по истории Воронежской и соседнихъ губерній. Древніе акты XVI—XVIII ст., собранные и изданные секретаремъ ворон. губерн. стат. комитета. Л. Б. Вейнбергомъ. Вып. IV, V, VI*, т. XXIV, 461—462. *Календарь Вятской губерніи на 1886 годъ*, т. XXIV, 463—464. *Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.), въ XVI—XVIII столѣтіяхъ, собранные въ разныхъ архивахъ и редактир. Д. И. Багалѣемъ*, т. XXV, 175—176. *Городъ Воронежъ, исторический очеркъ Л. Б. Вейнберга, члена-секретаря воронежскаго губ. стат. комитета*, т. XXVI, 223—224. *Воронежскій край въ санитарномъ отношеніи, Л. Б. Вейнберга*, т. XXVI, 426—427. *Замѣтка: „Екатерина II въ Курской губерніи“*, т. XXIII, 721—724.

Додз, Эрикъ. *Библіографическая замѣтка о его сочиненіи: „Бурбоны и Россія во время эмиграціи“*, т. XXIII, 240—242.

Долгорукіе, князья:

— А. Гр., оберъ-гофмейстеръ, воспитатель Петра II, т. XXIII, 266, 272, 275.

— В. Анд., военный министръ, т. XXIII, 183—185.

— Вас. Вас., т. XXVI, 418—419.

— Вас. Л., т. XXIII, 91.

— Дм. Ив., т. XXIII, 278, 281.

— Ек. Ал., невѣста имп. Петра II, т. XXIII, 266, 268—269, 280.

— Ек. Фед., за которой неудачно ухаживалъ Потемкинъ, т. XXIV, 326—328.

— Ив. Ал., оберъ-камергеръ, фаворитъ Петра II, т. XXIII, 266—278.

- Ив. Мих., т. XXIII, 278—281; т. XXV, 538—539, 542.
 — Мих. Ив., т. XXIII, 275, 281—282.
 — Нат. Борисов, рожд. Шереметева. *Статья о ней*, т. XXIII, 263—282.
 — Прасковья Юрьевна, т. XXIII, 275.
 — Елена Пав., см. Фадеева.
 — Юр. Владим., главнокомандующий Москвой, т. XXV, 535.
Долгострь, баронъ, директоръ гимназии въ Петербургѣ, ревизоравшій въ 1808 году институтъ слѣпыхъ, т. XXIV, 190.
Дондуковъ-Корсановъ, кн. А. М., гла-
вноначальствующій военной и граждан-
ской частью на Кавказѣ, т. XXIV, 344—
358, 567, 570—581, 587; т. XXV, 66, 68.
Достоевскій, Ф. М., писатель, т. XXIV,
561—562; т. XXVI, 277—279.
Драндаръ, болгаринъ, авторъ книги:
Cinq ans de regne. Le Prince Alexandre de Battenberg en Bulgarie, т. XXIV,
568, 574, 575, 579, 585, 594, 597; т. XXV,
236, 238, 240, 242, 254, 259, 261.
Дринновъ, М. С., проф. Харьковскаго
унив., бывшій управляющій отдѣломъ про-
свѣщенія и духовныхъ дѣлъ въ Болгаріи,
т. XXIV, 571; т. XXV, 243—244, 245.
Дробышевъ, Пётръ, духоборецъ, т.
XXV, 581, 584.
Друммондъ, Вольфъ, сэръ, англ. комис-
сарь въ Болгаріи, т. XXIV, 348.
Дрюмонъ. *Библиографическая замѣтка*
о его сочиненіи: „Жидовская Франція”,
т. XXIV, 692.
Дубасовъ, И. И., *его статья*: „Судъ
надъ тамбовскими духоборами въ 1803
году”, т. XXV, 580—587.
Дубельть, Л. В., начальникъ III отд., т.
XXIII, 158.
Дудышины:
 — Сем. Сем., т. XXIII, 363, 366—368.
 — Ст. Сем., писатель. *О немъ статья:*
„Одинъ изъ забытыхъ журналистовъ”, т.
XXIII, 360—386. Улом. т. XXVI, 71.
Дурасовъ, Никол. Алексѣев., т. XXIII,
575; т. XXV, 549.
Дуроў, Зах. Зах., препод. ист. церк.
пінія въ с.-петербургской консерваторії.
Его некролог, т. XXIII, 731.
Дюверну, Алексѣй Львовичъ, проф.
славистъ Моск. унів. *Его некролог*,
т. XXIV, 485.
Дюма:
 — Александръ, отецъ, писатель, т.
XXVI, 297—302.
 — Александръ, сынъ, писатель, т.
XXVI, 297—302.
Дюфорть, графъ. *Библиографическая*
замѣтка о его сочиненіи: „Мемуары о
царствованіи Людовика XV и Людовика
XVI и о революціи”, т. XXV, 419—
420.
- Е.**
- Евгений, митрополитъ кіевскій, т. XXIV,
146, 148, 151, 157, 158.
Евдокимовъ-Розановъ, Вас. Андр., ху-
дожникъ, *его рисунокъ и описание моги-
ли Гоголя*, т. XXIV, 142—144.
Езерскій, польскій политическій писа-
тель, т. XXVI, 215—219.
Екатерина I Алексѣевна, императрица,
т. XXV, 127.
Екатерина II Алексѣевна, императрица,
т. XXIII, 72—75, 248—249, 721—724;
т. XXIV, 165, 504—509; т. XXV, 18—
14, 16, 17, 24—26, 532—533, 542; т.
XXVI, 125—131, 167, 181—202, 336—
351, 537—550, 584, 588, 591.
Елена Павловна, вел. княгиня, т. XXIV,
93; т. XXVI, 251, 253—259, 275, 551.
Елизавета Алексѣевна, императрица,
т. XXIII, 67, 70.
Елизавета Петровна, императрица, т.
XXIV, 502—503, 504—505; т. XXV, 7—9,
12, 18, 130, 319; т. XXVI, 124, 177—
181, 586.
Емельяновъ, Василій, московскій ку-
пецъ раскольникъ, т. XXIV, 402.
Енгалычевъ, князь, писатель, т. XXVI,
593.
Ерманъ Тимоѳеевичъ. *Замѣтка о па-
мятнико ему*, т. XXIV, 483.
Еропкина, С. Ах., т. XXIII, 583.
Есиповъ, Г. В., тайн. сов., директоръ
архива мин. импер. двора. Статья его:
„Амазонская рота при Екатеринѣ II”, т.
XXIII, 71—75. *Замѣтка его:* „Неиздан-
ное стихотвореніе императрицы Екате-
ринѣ II”, т. XXIII, 248—249.
 — П. В., т. XXV, 541—542.
Ефимовская, гр. Евг. Бор., т. XXVI,
628.
Ешевскій, Ст. Вас. профессоръ Моск.
университета, т. XXV, 438, 440.
- Ж.**
- Желиховская, В. П. *Его письмо объ*
Е. А. Ганѣ, т. XXVI, 462—464.
Жировскій, посолъ писаря въ Москвѣ,
т. XXV, 589.
Жихаревъ, С. П., т. XXV, 480, 483,
489.
Жиманинъ, А. Я., тайн. сов., членъ со-
вѣта мин. внутр. дѣлъ, т. XXVI, 73.
Жоржъ, французская трагическая ак-
триса, т. XXV, 477, 483—488, 504.

Жуковский, В. А., писатель, т. XXIII, 66, 145—146; т. XXIV, 319; т. XXVI, 475, 633.

Жюбэ-де-ла-Курь, священикъ-янсенистъ, т. XXVI, 177.

3.

Заблоцкий, генераль, XXVI, 525.

Зaborowski, Пв. Ал., генераль, т. XXVI, 405.

Задѣлло, В. Н., приятель Шевченка, т. XXIII, 156.

Завадовский, гр. Пет. Вас., министръ народнаго просвѣщенія, предсѣд. деп. законовъ, т. XXIV, 189.

Занковский, К. В. *Его статья*: „Воспоминание об императорѣ Николаѣ Павловичѣ“, т. XXIV, 112—119. *Поправка къ его воспоминаніямъ*, т. XXIV, 486—488.

Занревский, гр. Арс. Андр., министръ внутр. дѣлъ, т. XXV, 135, 137, 139—140.

Залѣскій, Йосифъ-Богданъ, польскій писатель. *Его некрологъ*, т. XXIV, 716—717.

Замойскій, Йнъ, графъ. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи*: „Россія—Польша“, т. XXV, 183.

Зандъ, Жоржъ, писательница, т. XXVI, 300—301.

Зарубинъ, Павелъ Алексѣевичъ, писатель. *Его некрологъ*, т. XXV, 653—654.

Зелинский, Б. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: „Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ. Часть первая, 1840—1864“, т. XXVI, 226—227.

Земленухинъ, Александръ, донской казакъ въ Лондонѣ, т. XXVI, 606—616.

Зейме, Рудольфъ Антоновичъ, инженеръ, генераль-лейтенантъ, т. XXVII, 110.

Зимѣевъ, А. О. *Его статья*: „Первый въ Россіи военно-временный госпиталь“, т. XXV, 102—113.

Знаменскій, П. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: „Чтениа изъ исторіи русской церкви за время царствованія императора Александра“, т. XXV, 625—628.

Золотаревъ, Ив. Фед., т. XXIII, 593.

Зосимовичъ, протоіерей. *Его статья*: „Воспоминанія о преосвященному Игнатіи“, т. XXV, 558—562.

Зотовъ, Владимиrъ Рафаиловичъ. *Его статьи*: „Одинъ изъ друзей человѣчества“, т. XXIV, 186—192. „Общественная жизнь въ Англіи въ концѣ прошлаго вѣка“, т. XXIII, 482—465; т. XXIV, 193—221. „Крестьянинъ-археологъ“, т. XXIV, 392—

400. „Любительскіе спектакли во Франціи въ XVIII вѣкѣ“, т. XXIV, 412—430.

„Леопольдъ Ранке и его значеніе въ исторической литературѣ“, т. XXV, 153—159. „Краю, волосатое индѣйское племя“, т. XXVI, 634—638. *Библиографическая замѣтка*: „Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи. Эдуарда Гиббона. Пер. Невѣдомскій, т. VI“, т. XXIII, 475—476. „Отроческие годы Пушкина. Биографическая повѣсть В. П. Авенариуса“, т. XXIII, 476—477. Полное собрание сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. X“, т. XXIII, 694—696. „Исторія родовъ русского дворянства. Составилъ П. Н. Цетровъ, т. I“, т. XXIV, 226—227. „Борисъ Годуновъ А. С. Пушкина. Опыты разбора трагедіи, составилъ Е. Воскресенскій“, т. XXIV, 233—234. „Вицмія политика Наполеона III. Публичныя лекціи Г. Е. Аванасьевъ“, т. XXIV, 235—237. „Обзоръ нѣмецкой литературы по исторіи среднихъ вѣковъ. Лекція В. Бузескула“, т. XXIV, 239—240. „Исторія государственныхъ учрежденій Англіи. Рудольфа Гнейста, переводъ съ нѣмецкаго“, т. XXIV, 459—460. „Материалы для исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи. Самоучки. Собралъ С. И. Ремезовъ“, т. XXIV, 462—463. „Языы Петербурга. Опыты историко-статистического изслѣдованія иравственности столичнаго населенія Вл. Михневича“, т. XXIV, 464—465. „Очерки и разсказы изъ всеобщей исторіи Д. Иловайскаго. Часть вторая. Средніе вѣка. Выпуски первый“, т. XXIV, 682—684. „Историческій очеркъ жизни и царствованія императора Александра II, составилъ А. П. Сафоновъ.—О жизни и дѣяніяхъ императора Александра II. Исторический разсказъ для народнаго чтенія А. Шумахера“, т. XXIV, 687—688. „Родовая прозванія и титулы въ Россіи и сліяніе иноземцевъ съ русскими. Е. П. Карновича“, т. XXV, 166—167. „Записки о моей жизни. Н. И. Гречъ“, т. XXV, 170—171. „Графъ Л. Н. Толстой и критика его произведеній, русская и иностранная, Ф. И. Булгакова, съ 7-ю портретами“, т. XXV, 173—174. „Дома и на войнѣ. Воспоминанія и разсказы Александра Верещагина, 1853—1881 гг.“, т. XXV, 177—178. „Сераписъ, романъ Георга Эберса. Изданіе редакціи „Наблюдателя“, т. XXV, 180—181. „Г. П. Данилевскій. Мировичъ. Историческій романъ“, т. XXV, 405—406. „О послѣднихъ раскопкахъ на римскомъ форумѣ. Профессора Д. Н. Нагуевскаго“, т. XXV, 411. „Петръ Федоровичъ Басмановъ. Марина Мишкѣвъ. Две драмы изъ эпохи Смуты“

наго времени барона Н. Е. Врангеля", т. XXV, 628—629. "Н. Лихачевъ. Григорій Николаевичъ Городчаниновъ и его сочинения. Библиографическая замѣтка", т. XXV, 629—631. "Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ. Часть первая, 1840—1864. Составилъ В. Земинский", т. XXVI, 226—227. "Загорничные исторические новости: т. XXIII, 239—247; т. XXIII, 481—490; т. XXIII, 712—720; т. XXIV, 245—253; т. XXIV, 468—476; т. XXIV, 689—697; т. XXV, 182—190; т. XXV, 412—420; т. XXV, 632—640; т. XXVI, 229—237; т. XXVI, 433—443; т. XXVI, 650—656.
— Р. М., писатель, т. XXV, 477—478, 488.

Зубовъ, кн. Пл. А., генералъ-фельдцайхмейстеръ, т. XXVI, 123, 129—132.

Зыбина, калужская помѣщица, т. XXVI, 399—402.

И.

Ивановскій, Игн. Іакине, проф. С.-Петербургскаго университета. *Его некролог*, т. XXVI, 246—247.

Ивановъ, пѣвецъ, т. XXIII, 151.

Ивановы:

— Декабристъ, т. XXIII, 576.

— Камилла Петровна, рожд. Ledentu, т. XXIII, 576.

Игнатій, еп. брестскій, т. XXV, 553—562.

Игнатій Соловецкій, расколоучитель, т. XXIV, 149.

Игнатьевы, графы:

— Н. П., генералъ-адъютантъ, бывшій посолъ въ Константинополь, членъ государственного совѣта, т. XXV, 62, 64, 238.

— П. Н., генералъ-адъютантъ, предсѣдатель комитета министровъ, т. XXIII, 159, 178.

Измайлова, А. Еф., баснописецъ, т. XXVI, 372—382.

Икономовъ, президентъ болгарскаго державного совѣта, редакторъ газеты: "Славянинъ", т. XXIV, 595; т. XXV, 100—101, 245, 264.

Иловайскій, Д. И. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: "Очерки и рассказы изъ всеобщей истории. Часть вторая. Средніе вѣка. Выпускъ первый",* т. XXIV, 682—684.

Илляшевичъ, Д. В. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: "Краткій очеркъ исторіи харьковскаго дворянства",* т. XXIII, 696—699.

Ильменскій, см. Боголѣповъ, Вас. Григ.

Ильченко. *Его замѣтка: "Крестъ и евангеліе, на которыхъ присягалъ Богданъ*

Хмельницкій на вѣрноподданство Россія". т. XXIII, 732—734.

Иннокентій, еп. псковскій, т. XXIII, 118—120.

Иречень, д-ръ Константинъ, авторъ "Исторіи болгаръ", т. XXV, 59—60, 63.

Ирина, юродивая въ Повѣцѣ, предсказавшая смерть Андрею Денисову, т. XXIV, 157.

Исаія, еп. ростовскій, т. XXIII, 76.

І.

Іоакимъ, патр. константинопольскій, т. XXV, 60.

Іоакимъ, патр. московскій, т. XXV, 589.

Іоакимъ, архієп. ростовскій, т. XXIII, 80—84.

Іоакимъ II, курф. бранд., т. XXIV, 175—176.

Іоанъ Алексѣевичъ, царь московскій, т. XXV, 387—397.

Іоанъ Антоновичъ, імператоръ, т. XXVI, 542—544, 545, 547, 549.

Іоанасанъ, еп. ростовскій, т. XXIII, 82.

Іовъ, митр. новгородскій, т. XXIV, 154—156.

Іона Сысоевичъ, митр. ростовскій, т. XXIII, 80—82; т. XXVI, 386—387, 390.

Іонинъ, А. С., генералъ. конс. въ Софії, т. XXV, 258—264.

Іоасафъ Лазаревичъ, митр. ростовскій, т. XXIII, 80.

Іосифъ, эззархъ болгарскій, т. XXV, 237.

Іосифъ II, імператоръ австрійскій, т. XXIII, 75.

Іосифъ Сѣмашко, митр. літтовскій, т. XXV, 553, 554, 558.

ІІ.

Наблицъ, І. П. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: "Ціттлігенція и народъ въ общественной жизни Россія",* т. XXIII, 70.

Навалинъ, К. Д., профессоръ-писатель, т. XXVI, 323, 331.

Наваленскій, полковникъ, командиръ лейбъ-гвардії Сапернаго баталіона, т. XXVI, 93—94.

Казанова, художникъ, т. XXV, 427, 429.

Калинка, ксендзъ. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: "Четврехлѣтний сеймъ",* т. XXVI, 441—442. Упом. т. XXVI, 210, 212.

Каллай, бар. Веніаминъ, намѣстникъ импер. австр. въ Босніи и Герцеговинѣ, авторъ "Исторіи Сербіи", т. XXIV, 331—332, 588.

- Каменский**, гр. С. М., ген.-отъ-инфантерии, т. XXV, 543—546.
- Камеронъ**, путешественни по Африкѣ, т. XXIII, 202—204.
- Кампу, Людовикъ**. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Разрушающая имперія. Современный Марокко“*, т. XXVI, 440.
- Кампанъ**, воспитательница дочерей Маріи-Антуанетты, т. XXIV, 425, 428.
- Кантемиръ**, князь, Антіохъ Дмитревичъ, писатель, т. XXVI, 585.
- Капгеръ**, минскій исправникъ, т. XXVI, 598—602.
- Каптеревъ**, Н. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: „Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ“*, т. XXIII, 228—231.
- Капцевичъ**, адъютантъ имп. Павла I, т. XXVI, 131—132.
- Карамзинъ**:
- Андр. Ник., т. XXVI, 73, 81.
 - Ек. Андр., т. XXIV, 87.
 - Ник. Мих., историографъ, т. XXIII, 7—14, 513—514; т. XXIX, 492—495; т. XXV, 536; т. XXVI, 558, 588, 595.
 - Соф. Никол., т. XXIV, 556—557.
- Каравеловъ**, Любенъ, болгарскій патріотъ-писатель, т. XXV, 67—69.
- Петко, болгарскій министръ, т. XXIV, 573, 575, 584, 586, 592, 594; т. XXV, 68—87, 95, 238, 240, 268.
- Карасевъ**, Алексѣй. *Его замѣтка: Къ „Воспоминаніямъ“ графа Сологуба*, т. XXIV, 264.
- Каратыгинъ**:
- А. М., трагическая актриса, рожд. Колосова, т. XXV, 493—495, 498—499, 501—502.
 - Вас. Андр., трагич. актеръ, т. XXIII, 146, 150; т. XXVI, 499—500.
 - Петръ Андр., актеръ, писатель, т. XXIII, 149; т. XXV, 507; т. XXVI, 134.
 - П. П. *Его статья: „Свѣтлые минуты императора Павла“*, т. XXVI, 121—151.
- Карашевичъ**, Плат. Ив., протоіерей, настоятель Исаакіевского собора. *Его некрологъ*, т. XXIV, 485—486.
- Карновичъ**, Е. Ш. *Его статья: „Бѣлая дама“*, т. XIV, 161—185. *Библиографическая замѣтка: „Архивъ адмирала П. В. Чичагова. Выпукъ первый“*, т. XXIV, 447—455. *О его книге: „Родовые прозвания и титулы въ Россіи и склоніе иноzemцевъ съ русскими“*, т. XXV, 166—167. Улом. т. XXIV, 598—599.
- Карнольмъ-Пинскій**, Мат. Мих., т. XXV, 506—507.
- Карлачевъ**, старооскольскій уѣздный врачъ, т. XXV, 144.
- Карцева**, Е. ІІ., сестра милосердія, т. XXVI, 271—272.
- Катковъ**, М. Н., писатель, т. XXVI, 317, 483.
- Катенинъ**, П. А., писатель, т. XXV, 491, 500—501.
- Кауницъ**, кн., австрійскій министръ, т. XXVI, 339—341, 344, 346, 347, 350.
- Фонъ-Кауфманъ**, К. П., полковникъ, впослѣдствіи генераль-адъютантъ, туркестанскій генераль-губернаторъ, т. XXVI, 88—91, 99—100, 107—111.
- Каульбарсъ**, баронъ, А. В., ген.-маіоръ, бывшій болгарскій военный министръ, т. XXV, 94, 96, 250—265.
- Кайсаровъ**, поручикъ флота, т. XXIII, 93.
- Кайдановъ**, И., начальникъ архива деп. тамож. сборовъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: „Систематический каталогъ дѣламъ департамента таможенныхъ сборовъ“*, т. XXV, 408—411.
- Каховскій**, Василій, писатель, т. XXVI, 581.
- Кевенгюллеръ**, гр. Робертъ, австр. дипломатъ, т. XXIV, 333; т. XXV, 71, 75, 77, 78, 82, 239, 247.
- Кельцъ**, докторъ въ имѣніи гр. А. И. Сологуба, т. XXIII, 576—577.
- Кене**, баронъ, Борисъ Васильевичъ, съвѣтникъ по ученої части императорскаго Эрмитажа, начальникъ гербового отдѣленія департамента герольдіи. *Его некрологъ*, т. XXIV, 261.
- Тайный сов., служившій въ тайномъ королевскомъ архивѣ, въ Берлинѣ, т. XXVI, 67.
- Кемпбелъ**, гофмейстера принцессы Шарлотты Саксен-Кабургской, т. XXIII, 351.
- Кемблъ**, Джонъ, англ. трагический актеръ, т. XXIV, 203—204, 206.
- Кассель**, Павель. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „По поводу столѣтней годовщины восшествія на престолъ Фридриха-Вильгельма II“*, т. XXVI, 434—435.
- Кетчеръ**, Никол. Христофф., писатель. *Его некрологъ*, т. XXVI, 664. Улом. т. XXVI, 313.
- Кейзерлингъ**, баронъ, Герм. Карловичъ, русскій посланникъ въ Польшѣ, т. XXVI, 537—538.
- Кибальчичъ**, Т. В., археологъ. *Его сообщенія о своихъ раскопкахъ въ Общ. люб. древн. письменности*, т. XXIII, 728—729; т. XXIV, 257. Улом. т. XXIII, 732—734.

- Кингъ, Л. И. *Ею статья:* „Разказы объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ“, т. XXVI, 412—419.**
- Кинь, Эдмундъ, англ. актеръ, т. XXIV, 204.**
- Кирпичниковъ, Ал. Ив., докторъ всеобщей литературы, профессоръ Одесского университета. *Ею статья:* „Всебощая литература въ нашихъ университетахъ“, т. XXIII, 411—420. *Библиографическая замѣтка:* „Сочиненія Грибоѣдова, съ портретомъ автора. Издание Шамова“, т. XXIII, 226—227. „Георгъ Веберъ. Всеобщая исторія. Переводъ со втораго изданія, пересмотрѣнаго и переработанаго при содѣйствіи специалистовъ. Томъ первый“, т. XXIII, 477—480. „Т. Моммсель. Римская исторія, томъ пятый. Провинція отъ времень Цезаря до временъ Діоклетіана. Переводъ Невідомскаго“, т. XXIII, 703—705. „Юнія Ювенала, сатиры въ переводѣ и съ объясненіями Фета“, т. XXIII, 706—709. „Сочиненія Корн. Тацата, русскій переводъ съ примѣчаніями и со статьей о Тацитѣ и его сочиненіяхъ, В. И. Модестова. Томъ I“, т. XXIV, 224—226. „Всебощая исторія Георгія Вебера. Томъ II“, т. XXIV, 679—682. „Исторія города Рима въ средніе вѣка. Съ пятаго до шестнадцатаго вѣка. Фердинанда Греворовіса. Переводъ съ нѣмецкаго В. И. Савина. VI томъ“, т. XXV, 160—163. „Кондаковъ. Византійскія церкви и памятники Константиноополя“, т. XXVI, 420—428.**
- Кирилль, архим., т. XXIII, 76.**
- Киселевъ, гр. Пав. Дм., русскій посолъ въ Парижъ, т. XXVI, 508.**
- Кирѣевский, И. В., славянофиль, писатель, т. XXIII, 522.**
- Кларендорфъ, лордъ, англ. министръ, т. XXIV, 439, 441.**
- Климентъ, митр. тырновскій, т. XXIV, 596.**
- Клейнмихель, гр. П. А., главноупр. путемъ сообщенія, т. XXV, 357.**
- Клопсь, Отто. *Библиографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Падение дома Стюартовъ и наслѣдованіе Ганноверскаго дома въ Великобританіи и Ирландіи, въ связи съ европейскими событиями 1660—1714 годовъ“, т. XXIV, 250—251.**
- Ключниковъ, В. М. *Ею статья:* „Солдатъ въ раю (народный анекдотъ)“, т. XXVI, 152—166.**
- Кобеко, Д. О., тайн. сов., членъ сов. мин. финансової, писатель, т. XXVI, 123.**
- Комышинь, Ил. Ал., моск. купецъ, основатель Преображенского кладбища, т. XXIV, 405—406.**
- Козицкій, Гр. Вас., статсь-секретарь, т. XXVI, 585.**
- Коношины:**
- В. И., рожд. Архарова, т. XXIII, 44.
 - Ф. О., директоръ московскаго театра, т. XXIII, 44, 46.
 - петербургскій оберъ-полицеймейстеръ, т. XXIII, 149.
- Де-Коланинь, инженеръ, т. XXVI, 176.**
- Коленсо, Елена. *Библиографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Паденіе земли Зулу, отчего объ англійскихъ дѣлахъ въ землѣ Зулу, со вторженіемъ въ нее въ 1879 году“, т. XXIV, 473.**
- Каллюстро, масонъ, авантюристъ, т. XXVI, 194.**
- Комаконъ, Николай. *Его поправка* къ *Воспоминаніямъ* гр. В. А. Сологуба, т. XXV, 202.**
- Кологривовъ:**
- А. А., т. XXV, 551.
 - В. А., т. XXIII, 360.
 - Д. М. оберъ-церемоніймейстеръ, т. XXIII, 60—63.
 - Ек. М., т. XXIII, 63.
 - Нат. Дм., т. XXIV, 80—81.
- Колокольниковъ, купецъ, имѣвшій хоръ пѣвчихъ, т. XXV, 551—552.**
- Коломнинь, С. П., профессоръ военно-медицинской академіи. *Его некрологъ*, т. XXVI, 663.**
- Колонтай, польскій политический писатель, т. XXVI, 215—219.**
- Колосова, А. М., см. Каратыгина.**
- Колпаковскіе:**
- Г. А., степной генераль-губернаторъ, т. XXIV, 362.
 - И. А., т. XXIV, 628, 648.
- Кондаковъ, проф. Одесского университета. *Библиографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Византійскія церкви и памятники Константиноополя“, т. XXVI, 420—428.**
- Конаконъ, мистрисъ, т. XXIV, 202—203.**
- Константина Всеволодовичъ, кн. ростовскій, т. XXIII, 76.**
- Константина Николаевичъ, в. кн., т. XXIII, 184—185, т. XXIV, 554.**
- Константина Павловичъ, цесаревичъ, т. XXVI, 130.**
- Коркуновъ, Мих. Н., членъ археогр. комиссіи, т. XXV, 72.**
- Кориловъ, Ив. Петр., д. с. с., попечитель Виленскаго учебнаго округа, т. XXV, 602.**
- Корнилій, монахъ, выгорѣцкій расколоучитель, т. XXIV, 150.**

- Корсановъ, А. Н.** *Ею замѣтка:* „Смоленскія сухія конфекти“, т. XXVI, 447—449.
- Корсановъ, Д. А.**, проф. Каз. унів. *Ею статья:* „Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая“, т. XXIII, 263—282.
- Библиографическая замѣтка:** „Д. Цвѣтаевъ. Изъ исторіи иностраннѣхъ исполнѣній въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ“, т. XXV, 399—401.
- Корфъ, баронъ, Николай-Фридрихъ**, камергеръ Петра III, т. XXV, 9—10, 13.
- Косаговскій**, тайный советникъ, директоръ департамента полиціи исполнительной, т. XXIV, 708.
- Костровъ, Ерм. Ив.**, стихотворецъ, т. XXVI, 586.
- Костомаровъ, Н. И.**, историкъ. *Ею статья:* „Тайновидецъ. (Разсказъ изъ русскаго быта XVIII столѣтія)“, т. XXV, 5—20. *Библиографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Ходули. Эпизодъ изъ историческо-бытовой русской жизни первой половины XVIII столѣтія“, т. XXIV, 222—223. *Упом.* т. XXIII, 154—158, 648, 732—734; т. XXVI, 210—213, 219.
- Косцюшно, Фаддей**, польскій патріотъ, т. XXVI, 132—133, 214, 215, 219.
- Нохъ, Адольфъ.** *Библиографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Біографія Германа фонъ-Зальца, магистра пѣмѣцкаго ордена“, т. XXIII, 485.
- Ноулей, лордъ, англ. посолъ при франц. дворѣ**, т. XXIII, 357.
- Ноцебу, гр. Пав. Евст.**, ген.-ад., новороссійскій и бессарабскій ген.-туб., чл. гос. совѣта, т. XXIV, 698—699.
- Кочетовъ, протоіерей**, т. XXIII, 55.
- Кочубей, Мар. О.**, княгиня, рожд. Васильчикова, т. XXIV, 325—326.
- Кочубей**, войсковой писарь Мазепы, т. XXIV, 409—411.
- Краевскіе:**
 - Андр. Ал., журналистъ, т. XXIII, 45, 360—385; т. XXIV, 561; т. XXV, 206, 512—513, 528; т. XXVI, 315—316, 326, 488, 518.
 - Варвара Никол., т. XXVI, 315—316.
- Крамеръ.** *Библиографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Критический разборъ русско-турецкой войны 1877—1878 годовъ“, т. XXIII, 242.
- Крапоткинъ, кн., Ал-ръ Ал-бевичъ**, писатель. *Ею некрологъ*, т. XXVI, 247.
- Красицкій, гр., Игнатій**, польскій писатель, т. XXVI, 57.
- Краснокутскій, А. Гр.**, подполковникъ, т. XXVI, 612—613, 615.
- Краусь.** *Библиографическая замѣтка* о его сочиненіи: „О нравахъ и обычаяхъ южныхъ славянъ“, т. XXIV, 691—692.
- Крашенинниковъ**, академикъ, т. XXIV, 123, 127—129, 131.
- Кренке, В. Д.**, генераль-лейтенантъ. *Ею статья:* „Быть саперовъ двадцать пять лѣтъ назадъ“, т. XXVI, 85—120.
- Крестовичъ, Гаврииль**, генераль-губернаторъ Восточной Румелии, т. XXV, 60.
- Крейтонъ, Мандель.** *Библиографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Англійское историческое обозрѣніе“, т. XXIII, 717—718.
- Кронбергъ, Леопольдъ**, варшавскій банкиръ, т. XXV, 191—193.
- Кротковы:**
 - А. Дм., впослѣдствіи Бестужева, т. XXIII, 580, 581.
 - Дм. Ст., симбирскій помѣщикъ, т. XXIII, 578—580.
 - Ел. Дм., замуж. Мельгунова, т. XXIII, 580.
 - Мар. Фед., т. XXIII, 580.
 - Мих. Дм., т. XXIII, 579—591.
 - С. Дм., замуж. Татищева, т. XXIII, 580.
- Кроучъ, англійская пѣвица**, т. XXIV, 207—209.
- Круповичъ**, хранитель библіотеки Виленскаго музея древностей, т. XXV, 604, 610—611.
- Крыловъ**, русскій генералъ, военный министръ Болгаріи, т. XXV, 243, 245.
- Крыловъ, И. А.**, баснописецъ, т. XXVI, 241.
- Крыжановскій, Ник. Andr.**, ген.-адъют., генераль-отъ-инфanterіи, т. XXVI, 517, 519, 534.
- Кудрявцевъ, П. Н.**, професс. Московск. унів., т. XXVI, 317, 326, 329, 331—332, 334.
- Кунольминъ, Несторъ Васильевичъ**, писатель, т. XXIV, 19—28.
- Кулишъ, П. А.**, писатель, т. XXVI, 502.
- Кулонъ, инженеръ**, т. XXVI, 176.
- Кульманъ:**
 - Борисъ Федоровичъ, т. XXVI, 553.
 - Елизавета, писательница, т. XXVI, 551—559.
- Кумани, А. М.**, русскій дипломатическій агентъ въ Софії, т. XXV, 83—84.
- Купъ, англичанинъ**, турецкій полковникъ, въ плѣну въ Россіи, т. XXIII, 187—194.
- Курцей**, цесарскій посолъ въ Москвѣ, т. XXV, 589.
- Куртготъ.** *Библиографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Либеральное движение англійской литературы“, т. XXIV, 696.
- Кутейниковъ, Н. С.** *Ею статья:* „Агонія Польши“, т. XXVI, 209—220.

Кутлубицій, Нікол. Осип., адъютантъ імпер. Павла, т. XXVI, 131—132.

Куторга, М. С., профессоръ С.-Петербургскаго университета. *Статья о немъ Языкова*, т. XXV, 563—568. *Его некрологъ*, т. XXV, 201. Упом. т. XXVI, 75—76.

Кюн, Ц. А., композиторъ, т. XXIII, 649.

Кюннент, профессоръ правителственаго сельско-хозяйственного училища. *Библиографическая замѣтка о его сочинении: "Землемѣльческое путешествіе по Россіи въ 1885 году"*, т. XXV, 184.

Л.

Лабзинъ, А. Ф., масонъ-писатель, редакторъ „Сионскаго Вѣстника“, т. XXV, 455—457.

де-Лавеле, Эміль. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: "Балканский полуостровъ — Вѣна, Кроація, Боснія, Сербія, Болгарія, Румелія, Турція, Румынія"*, т. XXIV, 691. Упом. т. XXV, 246.

Лавровскій, Петръ Алексѣевичъ, тайный советникъ, попечитель Одесскаго учебнаго округа. *Его некрологъ*, т. XXIV, 262. *Статья о немъ*, т. XXV, 147—152.

Ладыженская, рожд. Сушкива, т. XXV, 207—218, 219—221, 224, 510.

Лазаревскій, оренбургскій знакомый Шевченка, т. XXIII, 160, 169.

Ламанскій, В. И., профессоръ С.-Петербургскаго университета, т. XXIV, 255—256.

Ламберть, гр. К. К., генералъ-адъют., намѣстникъ царства Польскаго, т. XXVI, 514, 517, 518, 538, 534.

Ламберъ, инженеръ, т. XXVI, 176.

Ламъ, Янъ, польскій писатель. *Его некрологъ*, т. XXVI, 247—248.

Лангъ, Пауль. *Библиографическая замѣтка о его романѣ: "Регисвіда"*, т. XXIII, 247.

Ланжеронъ, гр. А., новороссійскій ген.-губернаторъ, членъ государственаго совѣта, т. XXIV, 98—95, 98; т. XXVI, 198, 200.

Лапинъ, Вас. Ии., инсп. Петерб. учебн. округа. *Его некрологъ*, т. XXIII, 730—731.

Ласси, ген.-фельдмаршаль, лифляндскій генералъ-губернаторъ, т. XXV, 7.

Латышевъ, Василій. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: "Древнія надписи сѣверныхъ окраинъ Понта Эвксинскаго, греческіи и римскіи"*, т. XXIV, 469.

Леблонъ, французъ - архитекторъ, т. XXVI, 176.

Левашовы:

— Ал. Вас., см. Озерова.

— Анна В., см. Матюнина.

— Вас. Ив., дѣйств. тайп. сов., оберъ-егермейстеръ, т. XXVI, 135—136.

— Вас. Вас., генералъ-отъ-кавалеріи, т. XXVI, 135, 136.

— К. В., т. XXVI, 135, 136.

— М. В., т. XXVI, 135, 136.

Левзикъ, французъ-педагогъ, т. XXVI, 192.

Леви, піаністъ, т. XXIV, 563—564.

Левитскій, рильскій уѣздный врачъ, т. XXV, 144.

Левицкій, оренбургскій знакомый Шевченка, XXIII, 160, 166—174.

Левшинъ, В. Д., ярославскій губернаторъ, т. XXIII, 82, 84.

Легрель. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: "Путешествіе Карамзина по Франціи"*, т. XXIV.

Легузе, Эрнестъ, академикъ. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: "Шестьдесятъ лѣтъ воспоминаній. Часть первая. Моя молодость"*, т. XXIII, 717.

Ле-Клеркъ, авторъ „Исторіи Россіи древней и новѣйшей“, т. XXVI, 192—193.

Леметръ, Жюль. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: "Современникъ—литературные этюды и портреты"*, т. XXIV, 475.

Леонтий, еп. ростовскій, т. XXIII, 76.

Леопольдъ:

— Кор. бельгійскій, т. XXIII, 614—616.

— Профессоръ изъ Лейпцига, т. XXIII, 403.

Лепино, инженеръ, т. XXVI, 176.

Лепка, Мих. Марг., профессоръ Ришельевскаго лицея, т. XXVI, 49.

Лермонтовъ, Мих. Юр., поэтъ, т. XXIV, 90—91, 320—321, 555—557.

Леруа-Болье. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: "Болгарія и послѣднія события на востокѣ"*, т. XXIII, 242—243.

Лесли, британскій вице-консулъ въ Москвѣ, т. XXIII, 192.

Лесовой, русск. генер., команд. артиллеріей въ Болгаріи, т. XXV, 265.

Лессингъ, Готгольдъ, писатель, т. XXVI, 587.

Лестонъ:

— Графиня Аврора, рожд. баронесса Менгденъ, т. XXV, 20, 23, 24.

— Графъ Германъ, лейбъ-медикъ, дѣйств. тайн. советникъ, т. XXV, 20.

Лейтманъ, профессоръ, академикъ, т. XXIII, 403, 406.

- Лейхтенбергий**, герц. Максимилианъ, т. XXIV, 552—553.
- Либенталь, Амалия**, вдова Лудвига Сайнъ-Витгенштейнъ—Сайнъ. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Княжеское германское семейство“*, т. XXIV, 476.
- Ливингстонъ**, т. XXIII, 201—202.
- Лизогубъ, Андрей**, знакомый Шевченка, т. XXIII, 161.
- Лили**, В. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Отдѣлы въ европейской исторіи“*, т. XXV, 636.
- Линарь**, графъ, датскій резидентъ въ С.-Петербургѣ, т. XXV, 6, 8.
- Липранди**, Пав. Петр., корпусный командръ, т. XXVI, 533, 534.
- Листъ, Францъ**. *Статья о немъ*, т. XXV, 576—579. Упом. т. XXVI, 355—356, 360.
- Лихачевъ, Н.** *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: „Григорій Николаевич Городчаниновъ и его сочиненія“*, т. XXV, 629—630.
- Лобановъ, М. Е.**, писатель, т. XXV, 489, 491, 504.
- Лонгъ-бей. Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Три пророка: Махди, Гордонъ, Араби“**, т. XXVI, 439.
- Ломоносовъ, М. В.** *О его мозаичной картинѣ*, т. XXV, 655—656. Упом. т. XXIV, 123, 125, 130—132; т. XXVI, 589.
- Лопухины:**
- Иванъ Влад., масонъ, т. XXV, 445, 447, 455, 465—467, 470—471.
 - Кн. П. В., министръ юстиціи, т. XXV, 586.
- Лорисъ-Меликовъ**, гр. М. Т., предсѣдатель верх. расп. комиссіи, т. XXIII, мартъ, стр. XIV; т. XXV, 374, 375—376.
- Лофутъ, лордъ**, брит. посолъ въ Россию, т. XXIII, 192—193.
- Лошаревъ**, ген.-лейт., т. XXVI, 597—602.
- Лубенскій**, графъ, католіческій епископъ, т. XXV, 191—193.
- Лудень, Евгений**. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Воспоминанія имперіаласта. Журналъ десяти лѣтъ“*, т. XXIII, 716—717.
- Луна**, еп. ростовскій, т. XXIII, 76.
- Луныновъ, С. И.**, предсѣдатель юридической комиссіи въ Болгаріи, сенаторъ, т. XXIV, 341, 572, 578.
- Лучицкій**, Кирилл Ив., профессоръ Петербургской духовной академіи, писатель. *Его некрологъ*, т. XXV, 655.
- Лядовъ**, музыкантъ, т. XXIII, 651.
- Лесновъ, Н. С.** *Его статьи: „Геральдический туманъ (замѣтки о родовыхъ прозвищахъ)“*, т. XXIV, 598—613. *„Иезунть Гагаринъ въ дѣлѣ Пушкина“*, т. XXV, 269—273. *„Загробный свидѣтель за женщины“*, т. XXVI, 249—280. *Его замѣтка: „Четырехсотлѣтіе цензуры“*, т. XXIII, 257—260.
- Лъзовы:**
- А. Ф., директоръ придворной пѣвческой капеллы, т. XXVI, 134.
 - Евгений. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: „Румелійский переворотъ. Исторический этюдъ. (Русская Старина)“*, т. XXV, 621—625.
 - Любопытный. Павель, раскольничій писатель, т. XXIV, 146, 148, 151, 158, 402, 406—407.
 - Людовинъ:
 - XIV, король французскій, т. XXIV, 412—413, 416, 419—420.
 - XV, король французскій, т. XXIV, 421, 424—425.
 - XVI, король французскій, т. XXIV, 188, 424—429.
 - XVIII, король французскій, т. XXIII, 53.
 - Филиппъ, король французскій, т. XXIII, 344, 347, 355, 616—617.
- М.**
- Мазараки, А. С.**, романскій помѣщикъ. *О его музѣи*, т. XXIII, 253—254.
- Мазъ, А. О.**, маіоръ, гатчинскій управитель, т. XXIII, 103, 107.
- Макарій**, архиеп. псковскій, т. XXIV, 497.
- Макаевъ**, кн. Тато, грузинскій помѣщикъ, т. XXV, 308—314.
- Макаровъ, Алексѣй Вас.**, кабинетъ-секретарь, т. XXIV, 388.
- Мак-Келанъ. Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Жизнь и кампаніи генералъ-маіора Стюарта“**, т. XXV, 635.
- Мак-Норти. Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Современная исторія Англіи“**, т. XXIV, 475.
- Маковъ, Л. С.**, мин. ви. дѣль, т. XXV, 370.
- Маколей. Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Очеркъ Чарльса Джорджа Гордона**, т. XXIII, 490.
- Мак-Ритчи. Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Извѣстія о цыганахъ Индіи“**, т. XXV, 417.
- Максимовъ, М. А.**, актеръ, т. XXIII, 147, 148, 150.
- Макшеевъ**, капитанъ, провожавшій въ ссылку Долгорукихъ, т. XXIII, 274.

- Малафьевъ, Як. Ив.,** командиръ Гренадерскаго сапернаго баталіона, т. XXVI, 114—115.
- Малевский, дѣйст. ст. сов.,** старш. чин. II Отд. соб. канцелярии, т. XXVI, 55.
- Маловъ, Е. А.,** протоіерей. *Библіографическая замѣтка о его соч.: „Свѣдѣнія о мишарагахъ. Этнографический очеркъ“*, т. XXIII, 235—236.
- Мальменти. Библіографическая замѣтка о его сочиненіи:** „Исторія Венеціи въ ея частной жизни“, т. XXVI, 436.
- Мальшинскій, Аркадій Пав. Ею статьи:** „Первый русскій репортъ (историческая справка)“, т. XXIV, 387—391. „Литературный гонораръ“, т. XXVI, 580—595.
- Маннеръ, леди, писательница,** т. XXIII, 662—664.
- Лордъ, членъ парламента, т. XXIII, 664.
- Мансветовъ, Ив. Дан.,** проф. церк. археологіи Моск. дух. ак. *Ею некрологъ*, т. XXIII, 498—499.
- Манчини, принцесса Колонна. Библіографическая замѣтка объ ея мемуарахъ**, т. XXIII, 484.
- Мара, Елизавета, пѣвица,** т. XXIV, 206—207.
- Марвинъ. Библіографическая замѣтка о его сочиненіи:** „Русскія силы при нападеніи на Индію“, т. XXIII, 483.
- Марешаль, франц. купецъ, торговавшій хлѣбомъ въ Болгаріи,** т. XXIV, 355—356.
- Марія-Антуанетта, королева французская,** т. XXIV, 424—430.
- Марія Николаевна, в. кн.,** т. XXIV, 321, 552—553, 566.
- Марія-Терезія, императрица австрійская,** т. XXIV, 424, 425, 427; т. XXVI, 339—341.
- Марія Феодоровна, императрица,** т. XXIII, 70, 321—322, 333—334; т. XXVI, 121, 129, 131—132, 145, 149, 167—169, 551.
- Маркевичъ, Бол. Мих.,** писатель, т. XXVI, 277—278.
- Маркизъ, учитель музыки,** т. XXIII, 51—52.
- Маркова, Ан. Ив.,** знакомая Архаровой, т. XXIII, 584.
- Мартини, академикъ,** т. XXIV, 122.
- Мартыновъ, П. К. Ею замѣтки:** „По поводу изданія Полного собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго“, т. XXIV, 262—264. „Послѣдняя эмиграція татаръ изъ Крыма въ 1874 году“, т. XXIV, 698—708.
- Маснелль. Библіографическая замѣтка о его сочиненіи:** „Русское искусство и ху-
- доожественныя произведенія въ Россіи. Руководство для снимковъ въ южно-кенсингтонскомъ музѣѣ“, т. XXIV, 245—246.
- Масловъ, біографъ Шевченка,** т. XXIII, 160—161, 177.
- Масперо. Библіографическая замѣтка о его сочиненіи:** „Древняя исторія народовъ востока“, т. XXV, 419. О его раскопкахъ въ Египтѣ, т. XXIV, 483—484.
- Матвеевъ:**
- Прохоръ, урож. Симбирск.губ., по-милованій имп. Павломъ, т. XXVI, 132.
 - П. А. *Ею статья:* „Болгарія и Восточная Румелія послѣ Берлинскаго конгресса“, т. XXIV, 329—359, 567—597; т. XXV, 57—89, 235—268.
- Библіографическая замѣтка:** „Румелійскій переворотъ. Историческій этюдъ Евгения Львова (Русскаго Странника)“, т. XXV, 621—625.
- маіоръ, командиръ 5 лин. батальона, т. XXIII, 166.
- Матинскій, Мих.,** актеръ, писатель, композиторъ, т. XXV, 535.
- Матушинскій, Ал. Мих.,** худож. критикъ. *Ею некрологъ*, т. XXIII, 498.
- Матюнина, А. В.,** т. XXVI, 135—136.
- Махмудъ, султанъ,** т. XXIV, 432.
- Майеръ, А. А. Біба. зам. о его соч.:** „Годъ въ Пескахъ (наброски и очерки Ахал-Текинской экспедиціи)“, т. XXVI, 642—643.
- Майновы:**
- Ал. Ник., дѣйст. ст. сов., писатель т. XXIII, 363—379; т. XXVI, 478, 486.
 - Вал. Ник., критикъ, т. XXIII, 373, 375, 379, 382, 384.
 - Вас. Ив., писатель, т. XXV, 534.
 - Вл. Ник., т. XXIII, 373, 376.
 - Евгения Петровна, т. XXIII, 375.
 - Леон. Ник., дѣйст. ст. сов., помощникъ директора публичной библиотеки, т. XXIII, 376.
 - Нат. Ал., т. XXIII, 376.
 - Ник. Ап., живописецъ, т. XXIII, 375.
- Майновъ, Вл. Н.,** членъ географ. Общества. *Замѣтка о его книгѣ:* „Очеркъ юридического быта мордовы. Отвѣтъ на программу императорскаго русскаго географического Общества“, т. XXIII, 231—232. Улом. т. XXIV, 669, 670, 673, 676—677.
- Медонсь, Мих. Егор.,** содергатель московскаго частнаго театра, т. XXV, 533—534.
- Мелетій, софійскій митрополитъ,** т. XXV, 255—256.
- Мельбурнъ, лордъ, глава мин. виговъ, враждебнаго Россіи,** т. XXIII, 607; т. XXIV, 435, 441—442.

- фонъ-Менихъ**, тамбовскій дворянскій засѣдатель, т. XXV, 581—582, 587.
- Мейendorфъ**, бароны:
- А. П., т. XXVI, 51—52.
 - Ег. Каз., т. XXVI, 48—50, 52.
 - Петр. Каз., русскій посланикъ въ Берлинѣ, т. XXVI, 50—53, 59—62.
 - Руд. Пет., т. XXVI, 52.
 - Эри. С., т. XXVI, 52, 60.
 - баронесса, рожд. гр. Буль-Шаузенштейнъ, т. XXVI, 50—53.
 - Баронъ, адъютантъ кн. Горчакова, М. Д., т. XXVI, 529.
- Мейнерценгагенъ**, нидерландскій резидентъ въ Петербургѣ, т. XXVI, 336—337.
- Мейеръ**, А. Б. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: "Галльштадтское кладбище"*, т. XXVI, 435—436.
- Мейерберъ**, композиторъ, т. XXVI, 307—308.
- Мельниковы:**
- А. П., генераль-лейтенантъ, варшавскій комендантъ, т. XXVI, 519, 533.
 - Капитанъ, изѣбстный мицеръ, т. XXVI, 97, 112—114.
 - Дѣйств. ст. сов., вице-директоръ азиатскаго департамента, т. XXIV, 346.
- Меновская**, жена харьковскаго губернскаго архитектора, т. XXIV, 326.
- дю-Менъ**, герцогиня Анна-Луиза-Бенедикта, т. XXIV, 416—420.
- герцогъ, Людовикъ Бурбонъ, т. XXIV, 416—420.
- Меньшиковъ**, кн. А. Д., генералиссимусъ, т. XXIV, 155.
- Мердеръ**, А. К., ген.-лейтенантъ, товарищъ игрь императора Александра II, т. XXIII, 384.
- Мерси д'Аржанто**, графъ Флоримундъ-Клавдій, австрійскій посолъ въ Петербургѣ, т. XXVI, 336—351, 537—550.
- Мерсіе-де-ла-Ривіеръ**, французы-реформаторъ въ Россіи, т. XXVI, 184.
- Мессершмидтъ**, докторъ, посланный въ Сибирь по порученію академіи наукъ, т. XXIII, 406—407.
- Меттернихъ**, князь Клеменсъ-Венцель-Непомуку-Лотаръ, герцогъ Партенъ, австрийскій канцлеръ, т. XXIII, 348; т. XXIV, 330, 437—439.
- княгиня, т. XXIII, 612, 618.
- Мехмедъ-Али**, египетскій паша, т. XXIV, 432, 433, 436—438, 440, 443.
- Миланъ**, король сербскій, т. XXV, 91, 97—98, 246.
- Миллеръ**, Гер. Фр., академикъ, т. XXIV, 123, 126, 131; т. XXVI, 589; т. XXV, 7, 22.
- Ор. Ф., профессоръ С.-Петербургскаго университета. *Его статья: "Область отrozenненной личности (по поводу 50-лѣтия*
- "Ревизора"*, т. XXIV, 656—668. Уномъ. т. XXIV, 255, 256.
- Милорадовичъ**, гр. М. А., генераль-адъют., петербургскій ген.-губернаторъ, т. XXV, 501; т. XXVI, 431.
- гр. Гр. Ал., генераль-маіоръ свиты его величества. *Библиографическая замѣтка о его изд.: "Списокъ лицъ свиты ихъ величествъ съ царствованія Петра I до 1886 года"*, т. XXVI, 228. *"Анекдоты и черты изъ жизни гр. Милорадовича. Съ портретомъ графа и рисункомъ, изображающими его смерть"*, т. XXVI, 431.
- Милотинъ**, гр. Д. А., ген.-ад., военный министръ, членъ государственного совѣта, т. XXIV, 590, 699, 700—701, 706.
- Минъ**, Дм. Егор., докторъ медицины, профессоръ Моск. унив., переводчикъ Данте, Тассо и др. *Его некрологъ*, т. XXIII, 255.
- Минвіель**, Федоръ, пѣвица, т. XXVI, 296—297.
- Минихъ**, графъ Бурхардъ-Христофоровъ, генераль-фельдмаршалъ, т. XXV, 9, 10, 11—12, 22, 24, 26.
- баронъ Христіанъ - Вильгельмъ, оберъ-гофмайстеръ, дѣйств. тайный совѣтникъ, т. XXV, 7.
 - гр. Эрнестъ, сынъ фельдмаршала, т. XXV, 24.
- Мирославскій**, польск. соціалистъ, т. XXVI, 520, 521, 522, 523.
- Мищенко**, є. Г. *Его замѣтка: "Моимъ критикамъ"*, т. XXIII, 499—502.
- Михаиль Николаевичъ**, великий князь, т. XXVI, 290.
- Михаиль Павловичъ**, в. кн., т. XXIII, 350; т. XXIV, 92—93.
- Михаиль Федоровичъ**, царь всероссийскій, т. XXIV, 496; т. XXVI, 553.
- Михайловъ**, Василій, священникъ, т. XXIII, 113—114.
- Михель**, Томасъ. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: "Исторія шотландской экспедиціи въ Норвегію въ 1612 году"*, т. XXV, 417—418.
- Михневичъ**, В. О. *Его статья: "Дѣль Пушкина"*, т. XXIII, 87—143. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: "Извѣстія Петербурга. Опытъ историко-статистическаго изслѣдованія нравственности столичного населенія"*, т. XXIV, 464—465.
- Модестовъ**, В. И. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: "Сочиненія Корнелія Тацита, русскій переводъ съ примѣчаніями и со статьей о Тацитѣ и его сочиненіяхъ. Томъ I"*, т. XXIV, 224—226.
- Можайскій**, И. П. *Его статьи: "Времена военныхъ поселеній"*, т. XXV, 350—

364. „Суворовъ въ селѣ Кончанскоемъ“, т. XXVI, 408—411.

Молинари. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Въ Канадѣ и въ скалистыхъ горахъ Россіи и Корсики“*, т. XXIV, 690.

Молчановъ, А. Н. *Его статьи:* „Плѣнныя англичане въ Россіи“, т. XXIII, 180—194. „Современная Корея“, т. XXIII, 421—431. „Парламентскіе выборы въ Англіи“, т. XXIII, 657—693. „Восточный вопросъ въ 1839—1841 годахъ“, т. XXIV, 431—443. „Принцъ Баттенбергский. Изъ недавнихъ воспоминаний“, т. XXV, 90—101. „Воспоминанія объ И. С. Аксаковѣ“, т. XXV, 365—379.

Моммісенъ, Т. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Римская исторія, томъ пятый. Провинція отъ временъ Цезара до временъ Діоклетіана“*, т. XXIII, 703—705.

Монинъ, Вас. Фед., московскій купецъ, раскольникъ, т. XXIV, 402.

Монтандръ, полковникъ, т. XXIII, 184.

Мончаловскій, О. А. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: „Иллюстрированный календарь Общества имени Михаила Качковскаго, на годъ простой 1886“*, т. XXIV, 242—243.

Мордвиновъ, Н. С., адмираль, членъ государственного совѣта, т. XXIII, 515, 525.

Мордовцевъ, Д. Л. *Статья его: „Вѣчевыи колоколь“*, т. XXIII, 7—14. *Библиографическая его замѣтка:* „Холуй. Эпизодъ изъ историко-бытовой русской жизни первой половины XVIII столѣтія, И. Костомарова“, т. XXIV, 222—223. „Адамъ Кисель, воевода кіевскій, 1580—1653. Историко-біографический очеркъ съ портретомъ Киселя, Н. П. Новицкаго“, т. XXIV, 456—458.

де-Морни, герцогъ, т. XXVI, 294—295.

Морозовъ, бояринъ, Бор. Ив., т. XXIV, 267—268.

Морошинъ, Ф. Лук., профессоръ Московскаго университета, т. XXVI, 320—321.

Мукоствѣвъ, Зотъ, духоборецъ, т. XXV, 584—587.

Муратовъ, тамбовскій стряпчій, т. XXV, 581—582, 587.

Муравьевы:

— Вал. Ник., ярослав. вице-губернаторъ, т. XXIII, 623—624; т. XXV, 48.

— Графъ Мих. Ник., виленскій генералъ-губернаторъ, членъ государствен. совѣта, т. XXV, 602—604, 608, 611—612.

— Н. Н., ген.-адъют., ген.-отъ-инфантеріи, намѣстникъ кавказскій, т. XXV, 320.

Мусинъ-Пушкины, графы:

— Валентинъ Платоновичъ, генералъ-фельдмаршаль, т. XXVI, 130.

— Эмilia Карловна, т. XXIV, 90—92.

— М. Н., попечитель С.-Петербургск. учебнаго округа, т. XXVI, 488.

Мусоргскій, Мод. Петр., композиторъ. *Статья о немъ*, т. XXIII, 644—656.

Мушкетовъ, профессоръ геологіи, т. XXIV, 372.

Мухановъ, оберъ-шталмейст., т. XXVI, 148.

Мюржеръ, франц. писатель, т. XXVI, 302—304.

де-Мюссе, Альфредъ, писатель, т. XXVI, 301.

Мышецкій, кн. Б. Ах., предокъ Андрея Денисова, т. XXIV, 146.

Мятлевъ, Ив. П., поэтъ, т. XXIII, 630—632.

Н.

Нагуевскій, Д. Н., профессоръ. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „О послѣдніхъ роскопкахъ на римскомъ форумѣ“*, т. XXV, 411.

Надеждинъ;

— Александръ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: „Исторія с.-петербургскаго православной духовной семинаріи съ обзоромъ общихъ узаконеній и мѣропріятій по части семинарскаго устройства, 1809—1884 гг.“*, т. XXIII, 234—235.

— Н. И., писатель, т. XXVI, 313.

Назимовъ, Вл. Ив., попечитель Московскаго учебнаго округа, т. XXVI, 489.

Наполеонъ I, Бонапартъ, генералъ (императоръ), т. XXIII, 450—452; т. XXIV, 14—17, 166, 184.

Нарышкины:

— Алдр. Лів., оберъ-камерг., т. XXIII, 582; т. XXV, 547—548; т. XXVI, 23—25.

— Д. Л., оберъ-егермейстеръ, т. XXIII, 64—65.

— К. А., оберъ-гофмаршаль, т. XXIII, 63—64.

— М. А., рожд. кн. Четвертинская, т. XXIII, 64.

— М. Я., рожд. кн. Лобанова-Ростовская, т. XXIII, 64.

— С. Д., т. XXIII, 65.

Наталия Алексѣвна, вел. кн. (рожд. принцесса Августа-Вильгельмина Гессенъ-Дармштадтская), т. XXVI, 125, 128—129, 167.

Начевичъ, болгарскій министръ, т. XXV, 82—88, 235, 251, 252, 257, 260, 267, 592, 596.

- Невзоровъ.** *Библиографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Русскимъ дѣтямъ. Рассказы и очерки изъ исторіи древней русской словесности. Выпускъ I (отъ начала славянской письменности до татар-шины)“, т. XXIV, 230—233.
- Невзоровъ,** масонъ, издатель журнала: „Другъ юношества и всякихъ лѣтъ“, т. XXV, 456.
- Неструевъ,** А. Ив., протоіерей, т. XXVI, 323.
- Незеленовъ,** Александръ Ильичъ. *Его статья:* „Литературные направления въ Екатерининскую эпоху“, т. XXV, 435—473; т. XXVI, 20—45.
- Некрасовы:**
- Е. С. *Ея статья:* „Біографія Елизаветы Кульманъ“, т. XXVI, 551—579.
 - Ник. Ал., т. XXIV, 86.
- Неплюдовъ,** Н. А., оберъ-прокуроръ кассационного департамента, его докладъ въ комиссии собр. народ. юрид. обычаевъ, т. XXIV, 478—479.
- Неденинскій-Мелецкій,** Ю. А., писатель, т. XXV, 490.
- Немировичъ-Даниченко,** Вас. Ив., писатель, т. XXV, 379.
- Неофітъ,** Бозели, болгарскій монахъ, т. XXV, 58—59.
- Несторъ,** еп. ростовскій, XXIII, 76.
- Нессельроде,** гр., К. В., канцлеръ, т. XXIII, 169, 352, 356, 358, 602, 612, 618, 620, 621.
- Нейманъ,** баронъ, австр. посл. въ Лондонѣ, т. XXIII, 353, 357.
- Никита Столпникъ,** преп., т. XXIV, 614—616.
- Никитенко,** А. И., проф. С.-Петербургскаго университета, т. XXIII, 388; т. XXVI, 552.
- Никитина,** Варвара. *Библиографическая замѣтка* о ея книгѣ: „Социальные, философские и моральные этюды“, т. XXVI, 233.
- Николай Николаевич Старшій,** вел. кн., т. XXIII, 188—190.
- Николай I Павловичъ,** императоръ, т. XXIII, 144—153, 188—186, 343—359, 589—592, 629—630, 602—621; т. XXIV, 18, 81—82, 83, 86, 112—119, 438, 437, 486—488, 553—555, 559—560; т. XXV, 63, 64, 77, 363—364; т. XXVI, 86, 93—94, 111, 117—120, 412—419.
- Николамъ:**
- О. Ф. *Его замѣтка:* „Къ біографіи В. Н. Татищева“, т. XXV, 430—431.
 - Нѣмецкій писатель, т. XXVI, 587, 592.
- Николь,** іезуитъ-аббать, содержатель пансиона въ Петербургѣ, т. XXIII, 48.
- Никольский, А. П.** *Его статья:* „Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ (некрологъ)“, т. XXIII, стр. I—XX мартъ.
- Никонъ,** патріархъ московскій, т. XXIV, 270—271, 273.
- Нифантьевъ,** топографъ, сост. карту оз. Иссыкъ-Куль, т. XXIV, 361.
- Новиковы:**
- Е. П., рус. посл. въ Константинополь, т. XXIV, 589, 590.
 - Н. И., писатель, т. XXV, 438, 439, 444, 445, 455, 471—472; т. XXVI, 584, 588, 590, 592—595.
- Новицкій, И. П.** *Библиографическая замѣтка* о его книжѣ: „Адамъ Кисель, воевода кіевскій 1580—1653 г. Историко-биографический очеркъ съ портретомъ Киселя“, т. XXIV, 456—458.
- Ноллісъ.** *Библиографическая замѣтка* о его соч.: „Англійская жизнь въ Китаѣ“ т. XXIII, 245—246.
- Нормандъ,** Рене. *Библиографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Письма изъ Токіона“, т. XXV, 189—190.
- Норовъ,** Авр. С., мин. народнаго просвѣщенія, т. XXIII, 532—533; т. XXVI, 473, 476, 489.
- Нумменсъ,** шведскій агентъ при Алексѣ Михайловичѣ, т. XXIV, 497.

O.

Обе. *Библиографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Церковь и государство во вторую половину третьаго вѣка“, т. XXIII, 484, 485.

Оберь, композиторъ, т. XXVI, 309—311.

Оболенскіе, князья:

— Андр. П., попечитель Московскаго учебнаго округа, т. XXIII, 511.

— Геор. Вас., смоленскій губернскій предводитель дворянства, т. XXVI, 365.

— Мих. Andr., директоръ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, т. XXVI, 82, 83, 667.

Обольяниновъ, Петръ Хрисанф., генер.-прокуроръ, генераль-провіантмейстеръ, т. XXIV, 510, 511; т. XXVI, 149.

Обручевъ, В. А., командиръ оренбургскаго корпуса, т. XXIII, 159—175.

Обрѣзковъ, русскій посолъ въ Неаполѣ, т. XXIII, 585.

Одебрандъ, Филибертъ. *Библиографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Наши революціонеры“, т. XXIV, 250.

Одоевскіе:

— Князь Вл. Оед., сенаторъ, писатель, т. XXIV, 88, 313, 319.

— Ник. Ив., бояринъ, т. XXIV, 272.

Озеровы:

- А. Н., т. XXVI, 135, 136.
- Владисл. Ал., писатель, т. XXV, 475—476, 478—479.
- И. П., первый секретарь посольства въ Берлинѣ, т. XXVI, 52, 54, 56, 58—59, 62.
- С. Н., тайный советникъ, т. XXVI, 136.

Озерский, Адріанъ Сергеевъ, купецъ, раскольничій поэтъ, т. XXIV, 404, 407—408.

Оинуевъ, А. Г., кол. сов., ходатай по дѣламъ, т. XXIII, 118, 126.

Оларъ. *Библиографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Ораторы учредительного собранія“, т. XXIV, 693.

Олсуфьевъ, Адамъ Вас., кабинетъ-секретарь, т. XXV, 540.

Ольга Николаевна, великая княгиня, вицеслѣдствіе кор. виргембергская, т. XXIV, 83, 553.

Олатовичъ, С. И., т. XXIII, 89.

Орбеліані, кн. Гр. Дм., ген.-адъютантъ, т. XXVI, 292.

Орамюнде, гр. Агнесса, любовница маркграфа бранденбургскаго (блѣлая дама), т. XXIV, 178—180.

Орловскій, Н. О., капитанъ, иныи генераль-лейтенантъ, командиръ 1-й саперной бригады, т. XXVI, 89.

Орловы, графы и князья:

- Гр. Алексѣй Фед., вицеслѣдствіе князь, генераль-адъютантъ, шефъ жандармовъ, предсѣдатель государственного совѣта, т. XXIII, 159—174, 602, 606; т. XXIV, 87, 88; т. XXVI, 417.

- Гр. Анна Ал. Чесменская, т. XXVI, 395.

- Кн. Гр. Гр., генераль-фельдцейхмейстеръ, т. XXV, 14; т. XXVI, 349—351, 540, 544, 548.

- Осиповъ, Гр. Мих., сковоский и смоленскій генераль-губернаторъ, т. XXVI, 447—449.

- Остенъ-Сакенъ, баронъ (графъ) Д. Е., т. XXIII, 181.

- Островскій, А. Н., писатель. *Его некрологъ*, т. XXV, стр. 1—6 особой пагинаціи. Упомян. т. XXIII, 146.

- Очанинъ, А. Н., редакторъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, т. XXVI, 489.

II.

Павель I Петровичъ, императоръ, т. XXIV, 166, 510; т. XXV, 15, 18, 22, 535—536; т. XXVI, 121—151, 167—172, 202—206, 402, 406, 546—547, 591.

Павель, архидіаконъ Алеппскій, т. XXIV, 271.

Павловы:

- Кап. А., писательница, т. XXVI, 83.
- М. Г., профессоръ Московскаго университета, т. XXVI, 312.
- Никол. Фил., славянофиль, т. XXVI, 329.

Палаузовъ, В. С., проф. Одесскаго университета, т. XXIV, 344, 346.

фонъ-деръ-Паленъ, графъ, П. А., с.-петербургскій генер.-губернаторъ, т. XXVI, 146.

Палицынъ, А. Б., тамбовскій губернаторъ, т. XXV, 581, 582, 584.

Пальмерстонъ, лордъ, т. XXIII, 343—344, 349, 609; т. XXIV, 482—443.

Пальмъ, Ал. Ив., писатель. *Его некрологъ*, т. XXIII, 255—256.

Панаевъ, И. И., писатель, т. XXIII, 381; т. XXIV, 86.

Панины, графы:

- Викторъ Никитичъ, министръ юстиціи, т. XXIV, 394.

- Никита Ивановичъ, оберъ-гофмейстеръ, дѣйств. тайн. советникъ, наставникъ цесаревича Шагала Петровича, вицеслѣдствіе государственный канцлеръ, т. XXV, 15, 22, 25; т. XXVI, 124, 537—538.

- Пётръ Ивановичъ, ген.-аншефъ, т. XXVI, 126.

Пахманъ, С. В., сенаторъ. *Замѣтка* о его докладѣ въ комиссіи собиранія народ. юрид. обычаевъ, т. XXIV, 478.

Пахтусовъ, Н. К., изслѣдователь Новой Земли. О памятникѣ ему, т. XXVI, 660—662.

Педро, переводчикъ Бухнера, путешествен. въ Африкѣ, т. XXIII, 208—216.

Пенко, Пьеръ. *Библиографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Нѣмецкій духъ въ языкахъ и пословицахъ, объясненный 1,200 пословицами“, т. XXIV, 249—250.

Пенко. *Библиографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Французы въ Россіи и русскіе во Франції“, т. XXV, 414; т. XXVI, 173—208.

Перовскіе, графы:

- Вас. Алексѣевъ, оренбургскій генераль-губернаторъ, т. XXIII, 178.

- Левъ Алексѣевъ, генер.-адъютантъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, т. XXIII, 624, 635—639; т. XXV, 47, 52—53; т. XXVI, 418.

Петерсенъ, В. К. *Библиографическая замѣтка* его: „Интеллигенція и народъ въ общественной жизни Россіи. И. И. Каляпинъ (І. Юзовъ)“, т. XXIII, 711. „Кавказская война въ отдельныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и биографіяхъ. В.

Потто; т. П. Ермоловское время. Вып. 1-й, т. XXIV, 237—238. „Рассказы про Суворова. А. Петрушевского. Съ портретомъ“, т. XXIV, 241—242.

Петровский, С. А. *Его статья:* Изъ фамильныхъ преданій Тейльса, т. XXVI, 397—407.

Петровы:

- Маляръ, т. XXIII, 275—276.
- Малоросс помѣщикъ, т. XXIII, 156.

— Н. И., профессоръ. *Его статья:* „Взглядъ очевидца на греко-болгарскую расплю“ т. XXV, 274—286. *Его замѣтка:* „Аудіенція архимандриту Петру при назначении его въ 1858 году настоятелемъ русской посольской церкви въ Константинополь“, т. XXIII, 491—493.

- О. Ае., пѣвецъ, т. XXIII, 151.

— П. Н. *Библиографическая замѣтка* о его книгѣ: „Исторія родовъ русского дворянства, т. I“, т. XXIV, 226—227.

Петръ I Алексѣевичъ, императоръ, т. XXIII, 397—400, 496; т. XXIV, 6, 121—122, 150—151, 153—154, 155, 156, 165, 265—267, 387—388, 500—501; т. XXV, 128, 315—318, 329—333, 388—397; т. XXVI, 176—177, 398—399.

Петръ II Алексѣевичъ, императоръ, т. XXIII, 266, 268.

Петръ III Феодоровичъ, императоръ, т. XXV, 9, 12—13, 16—17; т. XXVI, 337, 347, 513.

Петръ (Троицкій), архим., наст. рус. пос. церкви въ Константинополь, т. XXIII, 491—493; т. XXV, 274—286.

Петрушевский, А. *Библиографическая замѣтка* о его книгѣ: „Рассказы про Суворова. Съ портретомъ“, т. XXIV, 241—242.

Пико. *Библиографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Біографія Карло, организатора побѣды, 1792—1815 гг.“, т. XXV, 418, 419.

Пиль, серъ Робертъ, англійскій министръ, т. XXIII, 344—357, 614, 617, 619.

Пироговъ, Н. И., тайн. сов., хирургъ, писатель, т. XXVI, 249—280.

Пиронъ, франц. писатель XVIII столѣтія, т. XXVI, 307—308.

Пирсь, Эдвардъ. *Библиографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Історія паденія Константинооля, во время четвертаго крестового похода“, т. XXIII, 244—245.

Питтъ, англ. министръ, т. XXIII, 440, 444; т. XIV, 199, 198.

Плавильщиковъ, Петръ Ал., актеръ-писатель, т. XXV, 475.

Платовъ, гр. Мат. Ив., атаманъ донскихъ казаковъ, т. XXVI, 612, 613, 615.

Платоновъ, С. Ф. *Его статья:* „Царь Алексѣй Михайловичъ (опытъ характеристики)“, т. XXIV, 265—275. *Библиографическая замѣтка* его: „Бестужевъ-Рюминъ. Русская исторія. Томъ II, выпускъ первый“, т. XXIII, 466—470. „Е. А. Бѣловъ. Объ историческомъ значеніи русского боярства до конца XVII вѣка“, т. XXV, 168—170. „Гольцевъ. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка“, т. XXIV, 684—686.

Платонова, Ю. Ф., пѣвица, т. XXIII, 645—647.

Плетніевъ, П. А., ректоръ Спб. университета, т. XXIII, 55, 370—371, 381; т. XXVI, 475, 485—486.

Плотниковъ. *Библиографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Исторія христіанского просвѣщенія въ его отношеніяхъ къ древней греко-римской образованности“, т. XXV, 406—408.

Погодинъ, М. П., профессоръ Московскаго университета, т. XXIII, 505; т. XXVI, 312.

Подолинскій, Александъръ Ив., поэтъ. *Его некрологъ*, т. XXIII, 498.

Поздняковъ, П. А., т. XXV, 549.

Покровскій, Н. В., проф. Его сообщ. въ арх. Общ. о раскопкахъ въ Палестинѣ, т. XXIV, 481—482.

Полевые:

— Ксен. Ал., т. XXIII, 506, 514; т. XXVI, 312.

— Никол. Ал., писатель, т. XXIII, 503—528; т. XXIV, 14—40; т. XXVI, 312—313, 316—321, 324, 334, 370.

— П. Н. *Его статья:* „Первые шаги академической науки въ Россіи“, т. XXIII, 397—410. „Французы въ Россіи“, т. XXVI, 173—208. „Листки изъ архива Литературной Газеты“, т. XXVI, 369—382. *Библиографическая замѣтка:* „Женская гимназія М. Н. Стоюниной въ 1885—1886 учебномъ году“, т. XXVI, 424—426.

Ползиковъ, штабс-капитанъ, адъютантъ кн. Александра Болгарскаго, т. XXV, 246, 249, 265.

Политиковъ, Вл. Гавр., генераль, начальникъ штаба инженерного корпуса, т. XXVI, 88, 116, 120.

Помпадуръ, маркиза, т. XXIV, 421—424.

Пономаревъ, юѣздный врачъ Курской губерніи, т. XXV, 135, 144.

Понсонбі, англ. посолъ въ Константинополь, т. XXIV, 435, 440.

Понятовскій, Станиславъ-Августъ, король польскій, т. XXVI, 344—345, 350.

Поповы:

— А. В., чин. особ. пор. при яросл. губернат., вице-директоръ департамента госу-

дарственного казначейства, т. XXIII, 638; т. XXV, 48, 52—53.

— Флигель-адъют. полковникъ. *Библиографическая замытка о его книгѣ: "Указатель статей, помещенныхъ въ периодическихъ изданіяхъ съ 1830 по 1884 годъ",* т. XXIII, 233—234.

— Ниль Александровичъ, профессоръ Московскаго университета, т. XXIV, 7, 8, 712—718; т. XXVI, 669.

Порошинъ, Сем. Андр., воспитатель цесаревича Павла Петровича, т. XXVI, 124.

Посниковы:

— З. И., сенаторъ, т. XXIII, 44, 335.

— Ив. Зах., т. XXIII, 44—45, 47.

— Мар. Ив., рожд. Архарова, т. XXIII, 44.

Посошковъ, Ив. Ф., т. XXIV, 387, 388.

Потаповъ, А. Л., генераль-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи, т. XXVI, 536.

Потемкинъ, свѣтлый кн. Гр. А. Таврическій, фельдмаршаль, президентъ военной коллегіи, т. XXIV, 326—328; т. XXV, 427—430; т. XXVI, 129—130, 197—198, 581.

Потто, В. А. *Библиографическая замытка о его книгѣ: "Кавказская война въ отдельныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и биографіяхъ. Томъ II. Ермоловское время, выпускъ I",* т. XXIV, 237—238.

Праховъ, Адр. Викт., профессоръ, археологъ, о его открытияхъ въ Киевѣ, т. XXIII, 250—251.

Примевальский, Н. М., ген.-майоръ. Его сочиненіе о своемъ путешествіи въ имп. географич. Обществѣ, т. XXIII, 725—728.

Принлонский, Сер. Алексѣевъ, писатель. *Ею некрологъ*, т. XXVI, 664—665.

Пріу, А. *Библиографическая замытка о его сочиненіи: "Русскіе въ Центральной Азіи",* т. XXIV, 689.

Прованский, герцогъ, т. XXVI, 200—201, 204—205.

Прозоровский, А. А. кн., московский главнокомандующий, т. XXV, 539, 593.

Прокофьевъ, Пётръ, двоюрод. братъ Андрея Денисова, т. XXIV, 148, 152, 158.

Прянишниковъ, Ф. И., почтъ-директоръ, т. XXVI, 78—79.

Пугачевъ, Емельянъ, т. XXIV, 264; т. XXVI, 126—127.

Пузановъ, генералъ, начальникъ дивизіи, т. XXVI, 596—597.

Пун. *Библиографическая замытка о его сочиненіи: "Исторія маршала д'Анкъ",* т. XXVI, 655.

Путятины, П. А. кн. Его сообщеніе въ арх. общ. о раскопкахъ въ Валдайскомъ уѣздѣ, т. XXIII, 495. Другія соображенія: т. XXV, 431—432, 648—649.

Пушкины:

— А. А., полковникъ, т. XXVI, 499.

— А. С., поэтъ, т. XXIII, 46, 87—96, 143, 387—391, 597; т. XXIV, 85, 312—322; т. XXV, 269—273; т. XXVI, 370, 497, 630—633.

— Мих. А., т. XXIII, 105, 116, 127—130, 140.

— Мар. Ал., см. Ганиバルъ.

— Нат. Ник., рожд. Гончарова, т. XXIII, 599—600; т. XXIV, 316, 320.

Пыльевъ, М. И. *Ею статья: "Полубарская затѣя",* т. XXV, 532—552.

Пыльинъ, А. Н., писатель, т. XXV, 436, 440.

Бернарденъ - де - Сень-Пьеръ, писатель, т. XXVI, 189—190.

P.

Радень, баронесса Эднеа Федоровна, т. XXVI, 250—251, 275.

Радищевъ, А. Н., писатель, т. XXVI, 132, 583.

Развадовскій, варшавскій оберъ-полицеймейстеръ, т. XXVI, 519.

Ранчъ, Аркадій, подполковникъ. *Ею статья: "Логишинская экспедиція",* т. XXVI, 596—602.

Ржевскій, Алексѣй Андр., писатель, тайн. совѣт., сенаторъ, т. XXVI, 23—25.

Разумовскіе:

— Гр. Andr. Кирил., русскій посолъ въ Вѣнѣ, т. XXVI, 129.

— Кир. Григ., президентъ академіи наукъ, фельдмаршаль, гетманъ, т. XXIV, 125, 128; т. XXV, 14.

Раль, баронесса, А. А., см. Сенковская.

Рамбо, Алъфредъ, профессоръ исторіи. *Библиографическая замытка о его сочиненіи: "Исторія французской цивилизациі",* т. XXIII, 715—716.

Раше, Леопольдъ, нѣмецкій историкъ, т. XXV, 153—159; т. XXVI, 60.

Рау. *Библиографическая замытка о его сочиненіи: "Военное состояніе главнѣйшихъ иностраннѣй державъ весною въ 1866 году",* т. XXV, 183, 184.

Раулинсонъ, Джоржъ. *Библиографическая замытка о его сочиненіи: "О Египтѣ и Вавилонѣ по священнымъ и свѣтскимъ источникамъ",* т. XXIV, 694.

Ревилль, Иванъ. *Библиографическая замытка о его сочиненіи: "Религія въ Римѣ при Северѣахъ",* т. XXV, 637.

Ремезовъ, И. С. *Библиографическая замытка о его сочиненіи: "Материалы для исторіи народнаго просвѣщенія въ Рос-*

- сін. Самоучка", т. XXIV, 462—463.
Улом. т. XXIV, 392, 399.
- Ремлингенъ, русский полковникъ, служившій въ Болгаріи, т. XXV, 243, 245, 246.
- Ренаръ, Карлъ Ив., членъ медицинскаго департамента мин. внутр. дѣль. *Ею некрологъ*, т. XXVI, 455.
- Рейнгольдъ. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: "Исторія русской литературы отъ ея начала до нынѣшнаго времени"*, т. XXVI, 653.
- Ривъ, издатель „Мемуаровъ“ Гревилля, т. XXIV, 431.
- Ридигеръ, полковникъ, испр. должн. военнаго министра въ Болгаріи, т. XXV, 265.
- Римскіе-Корсаковы:**
- Н. А., т. XXIII, 649, 650—651.
 - Н. Н., т. XXIII, 656.
- де-Ришелье, герцогъ, новорос. ген.-губернаторъ, т. XXVI, 198—199.
- Робинсонъ. *Библиографическая замѣтка о ея сочиненіи: "Біографія Маргариты королевы Наваррской"*, т. XXVI, 656.
- Роже-де-Дамасъ, авантюристъ, адъютантъ Потемкина, т. XXVI, 197—198.
- Розенъ, баронъ, В. Р., профессоръ С.-Петербургскаго университета. Его сообщ. въ археол. Обществѣ, т. XXV, 647, 650.
- Романовскій, Александръ. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: "Карманное политико-статистическое землемѣсание Российской империи для всѣхъ", въ 2-хъ частяхъ*, т. XXVI, 432.
- Романовъ, Никита Ивановичъ, бол. рикъ, т. XXIV, 497—498.
- Ромильи. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: "Западный Тихій океанъ и Новая Гвинея: замѣтки о туземцахъ христианахъ и каннибалахъ"*, т. XXIV, 692.
- Роммъ, Жильберъ, французъ, воспитателъ гр. Строганова, т. XXVI, 193.
- Ройеръ, Альфредъ, англійскій офицеръ, бывшій въ плѣну въ Россіи, т. XXIII, 181—186.
- Ройль, Чарльзъ. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: "О египетскихъ походахъ 1882—1885 годовъ и событияхъ, которыми привели къ этимъ походамъ"*, т. XXIV, 253.
- Россель. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: "Опасности Индіи и опасности Англіи"*, т. XXIII, 483.
- Россіни, композиторъ, т. XXVI, 295—297, 307.
- Ростопчинъ, гр. О. В., московскій главнокомандующій, т. XXVI, 130.
- Ротанъ. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: "Франція или Пруссія отъ 1867 до 1870 года"*, т. XXIV, 248.
- Рубинштейнъ, Н. Г., композиторъ, т. XXVI, 353, 359—360.
- Румовскій, Ст. Я., студ. академ. университета, впослѣдствіи академикъ, т. XXIV, 125, 180.
- Румянцевъ, В. Е. *Библиографическая замѣтка о его сочиненії: "Видъ Московскаго кремля въ самомъ началѣ XVII вѣка. (Издание императорскаго археологическаго Общества)"*, т. XXVI, 227—228.
- Румянцевъ-Задунайскій, гр. Петръ Александровъ, генералъ-фельдмаршаль, т. XXV, 22; т. XXVI, 168, 171—172.
- Руссель, лордъ, Джонъ, англ. министръ, т. XXIV, 435, 441—442.
- Руссо, Жанъ-Жакъ, т. XXIV, 430.
- Рыбиновъ, Нав. Никол., калишскій вице-губернаторъ, собиратель былинъ. *Ею некрологъ*, т. XXIII, 256—257.
- Рѣпинъ, живописецъ, т. XXIII, 651, 652.
- Рильєръ, секретарь франц. пос. въ Россіи, т. XXVI, 183—184.

C.

- Сабатье-де-Кабръ, франц. писатель о Россіи, т. XXVI, 183—184.
- Саблуковъ, Н. А., т. XXVI, 148, 150.
- Сабурова, Ел. Вл., рожд. гр. Сологубъ, т. XXVI, 285.
- Савельевъ, А. И., генераль-маіоръ, археологъ. *Ею статья: "Общиность нѣкоторыхъ всемірныхъ обычаевъ"*, т. XXIV, 669—678.
- Садовскій, П. М., актеръ, т. XXVI, 484.
- Салисбюри, маркизъ, англ. премьеръ, т. XXIII, 674—675, 677; т. XXIV, 330.
- Салиасъ, гр. Е. А. *Ею поэтическое произведение: "Свадебный бунтъ"*, т. XXIII, 15—42, 283—320, 545—573; т. XXIV, 41—78, 276—311, 522—551; т. XXV, 27—46.
- Салтыковъ, М. Евгр. (Щедринъ), т. XXIII, 601.
- Сальдернъ, голыштейнъ-готторпскій тайный советникъ, т. XXV, 21—22; т. XXVI, 125.
- Самаринъ, Ю. Ф., писатель, т. XXIII, 630.
- Самойлова, Вѣра Васильевна, актриса, т. XXIV, 565—566.
- Сандо, Жюль, писатель, т. XXVI, 301.
- Санниковскій, изд. журнала „Доброе Наименіе“, т. XXVI, 589.
- Салуновъ, А. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: "Витебская Старина"*, томъ IV, т. XXIV, 686—687.

- Сарандова, см. Шиданская.**
- Сарматинусъ, псевдонимъ. Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Отъ Вислы до Днѣпра“, т. XXIII, 715.**
- Сафоновъ, А. П. Библиографическая замѣтка о его книгѣ: „Исторический очерк жизни и царствованія императора Александра II“, т. XXIV, 687—688.**
- Севастьяновъ, Петръ Ив., археологъ, т. XXIII, 368—371; т. XXVI, 80.**
- Семицковъ, Ем. Вас., лѣкарь, т. XXV, 106, 108, 110.**
- Семинъ, Пав. Ив., журналистъ, т. XXIII, 525.**
- Серѣтлинъ, А., протоіерей, т. XXIV, 618—620.**
- Свѣтлицевъ, Н. Иван., преподаватель теоріи драматического искусства въ театральномъ училищѣ. Его некрологъ, т. XXIV, 716.**
- Сегестедъ, датскій археологъ, т. XXIV, 444—446.**
- Сегюръ, графъ, французскій эмигрантъ въ Россіи, т. XXIII, 248—249; т. XXVI, 196—197.**
- Селивановъ, А. В. Библиографическая замѣтка о его книгѣ: „Календарь Рязанской губерніи на 1886 годъ. Изданіе рязанского губернскаго статистическаго комитета“, т. XXIV, 243—244.**
- Семенова, Екатерина Семеновна, драматическая актриса, вноскійствіи, въ замужъ кн. Гагарина, т. XXV, 474—508.**
- Сенакъ-де-Мейльянъ, французъ-администраторъ, т. XXVI, 185.**
- Сениковскіе:**
 - Адел. Ал., рожд. бар. Раль, т. XXV, 204, 207, 212—213, 226—228, 234, 509—531; т. XXVI, 456—464.
 - Ос. Ив., писатель, т. XXIII, 363, 365, 374; т. XXV, 204, 206—234, 509—531; т. XXVI, 314, 324, 456—464.
- Сент-Ілеръ, воспитатель морскаго корпуса, т. XXVI, 176.**
- Сент-Олерь, графъ, франц. посолъ въ Лондонѣ, т. XXIII, 357, 606.**
- Сень-Симонъ, герцогъ, т. XXIV, 418—419.**
- Серапонъ, Латушевичъ, настоятель Ницкаго мон. въ Переяславлѣ, т. XXIV, 620—621.**
- Сербновичъ, К. С., писатель, т. XXIII, 379; т. XXVI, 78, 79, 81—82.**
- Смысловъ, Сергій, т. XXV, 432—434.**
- Сермуазъ, Г. Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Два года въ Панамѣ“, т. XXV, 638.**
- Сиверсь, Як. Еф., псковскій генераль-губернаторъ, т. XXIII, 108—109, 131—132; т. XXV, 10, 25.**
- Сиддонсъ, Сара, трагическая актриса, т. XXIV, 204—206.**
- Сидовъ, Анна, жена литейщика, фаворитка курф. бранденбургскаго Ioакима II (блѣлая дама), т. XXIV, 175—177.**
- Симонъ, Эдуардъ. Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Біографія імператора Вильгельма“, т. XXV, 185—186.**
- Синявичъ, Яковъ, переводчикъ, первый русскій репортъ, т. XXIV, 389—391.**
- Сиротининъ, А. Н. Его статья: „Екатерина Семеновна Семенова (очеркъ изъ истории русскаго театра)“, т. XXV, 474—505.**
- Скальковскій, А. Библиографическая замѣтка о его книгѣ: „Исторія Новой Сѣчи, или послѣдняго Коша Запорожскаго. Издание третье. Часть I“, т. XXV, 167—168. О второй части того же сочиненія, т. XXV, 631.**
- Сначковъ, Гавр. Иларіоновичъ, рабочий-безпоповецъ, т. XXIV, 401—408.**
- Скибинскій, Гр. Алексѣевичъ, русскій католикъ, т. XXV, 590—594.**
- Скобелезъ, М. Дм., генераль-адъютантъ, генераль-отъ-кавалеріи, т. XXV, 248, 249, 378—379.**
- Скородумовъ, граверъ, т. XXV, 427.**
- Скоттъ Чарльзъ. Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Ульфилы, апостолъ готовъ, вмѣстѣ съ извѣстіями о горской церкви и ея паденіи“, т. XXV, 418.**
- Сиребицкій, А. И., докторъ-окулистъ, т. XXIV, 187—192.**
- Сирибъ, франц. драматургъ, т. XXVI, 308—309.**
- Сирябинъ, Павель, стольникъ, т. XXV, 388, 389, 391—392.**
- Сиульскій, А. Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Исторический очеркъ столѣтия существованія Дома Прізрѣнія ближняго въ Ярославлѣ (по документамъ, собраннымъ и разработаннымъ В. И. Лѣствицкимъ)“, т. XXVI, 427—430.**
- Славейковъ, Петко, болгарскій поэтъ, депутатъ въ народномъ собраніи, т. XXIV, 572—573, 575, 594, 597; т. XXV, 70—71, 79, 240.**
- Случевскій, К. К. Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „По Сѣверу Россіи. Путешествіе ихъ императорскихъ высочествъ великаго князя Владимира Александровича и великой княгини Маріи Павловны въ 1884 и 1885 гг. Томъ I и II, съ картою пути и 132 рисунками“, т. XXV, 164—166.**
- Смирдинъ, книгопродавецъ, эпиграмма на него, т. XXIV, 315.**

- Смитъ, Барнегъ.** *Библіографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Біографія первыхъ министровъ королевы Викторіи“, т. XXIV, 474.
- Смитъ, Джорджъ.** *Библіографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Жизнь Вильяма Короля, сапожника и миссіонера“, т. XXVI, 437.
- Снегиревъ, И. Мих.,** цензоръ, проф. Моск. унів., т. XXIII, 525; т. XXVI, 381.
- Снесарева, Соф. Ив.,** т. XXV, 204; т. XXVI, 462—463.
- Собакинъ,** воевода псковскій, т. XXIV, 497—498.
- Соболевские:**
 - А. *Библіографическая замѣтка* его: „Очеркъ истории чешской литературы. Составилъ А. Степановичъ“, т. XXV, 403—405.
 - С. А., бібліофіль, т. XXIII, 522—523.
- Соболевъ,** генералъ-маіоръ, бывшій министръ въ Болгаріи, т. XXV, 92, 94, 98, 250—255.
- Сокольской, Іосифъ,** архимандритъ, по-томъ уніатскій архієпископъ Болгаріи, т. XXV, 61—62, 64.
- Соловьевы:**
 - Ник. Ив. *Объясненіе его по поводу замѣтки: „Литературный обманъ“* (Іст. Вѣст., 1885 г., декабрь), т. XXIII, 260—261.
 - Сер. Мих., историкъ, т. XXIV, 12—13.
 - Як. Алекс., сенаторъ, т. XXIII, 364.
- Сологубы, графы:**
 - Ал. Ив., оберъ-церемоніймейстеръ, т. XXIII, 48, 48—51, 576—577, 591—593.
 - Анна Мих., рожд. кн. Горчакова, т. XXIII, 585.
 - Вар. Ив., вторая жена гр. В. А. Сологуба, т. XXIV, 109—111.
 - Влад. Ал., гофмейстеръ, тайный советникъ. *Его «Воспоминанія»,* т. XXIII, 43—70, 321—342, 574—601; т. XXIV, 79—111, 312—328, 552—566; т. XXVI, 281—311, 504—512. Упомин., т. XXIV, 264; т. XXV, 202, 269, 273.
 - Е. Вл., см. Сабурова.
 - Ив. Ал., т. XXIII, 592—593.
 - Ив. Айт., т. XXIII, 44.
 - Левъ Ив., полковникъ, т. XXIII, 44, 582, 585.
 - Л. Л., т. XXIII, 585.
 - Нат. Л. рожд. Нарышкина, т. XXIII, 44, 50—51.
 - Нат. Л., замуж. Обрѣзкова, т. XXIII, 585.
 - Над. Л., замуж. Свищунова, т. XXIII, 585.
 - Ник. Лѣв., т. XXIII, 585.
- Софф. Ив.,** рожд. Архарова, т. XXIII, 44, 47, 49.
- Соф. Мих.,** рожд. Віельгорская, т. XXIV, 83, 557, 558.
- Солоницьки:**
 - Вл. Andr., правит. канц. деп. виѣннай торговли, журналистъ, т. XXIII, 363, 365, 378.
 - Вл. Апол., т. XXIII, 373, 377—378.
- Сомовъ, Ор. Мих.,** писатель, т. XXVI, 371—372, 382.
- Сонцевъ,** курскій губернскій предводитель дворянства, т. XXVI, 630—632.
- Сосницкий, И. И.** актеръ, т. XXIII, 147.
- Сорокинъ, Н. В.,** проф. Каз. ун. *Его статья: „Въ горахъ и долинахъ русского Тянь-Шана“,* т. XXIV, 360—386, 628—655.
- Софья Алексѣвна,** царевна, т. XXIV, 151.
- Софья-Луїза,** королева прусская, т. XXIV, 182.
- Стадницкій, Г. К.** *Библіографическая замѣтка* о его книгѣ: „Rod Gedimina, dodatki i poprawki do dzieł. Przez Jezefa Wolffa“, т. XXV, 171—173.
- Станишевъ,** болгаринъ, сотрудникъ „Московскихъ Вѣдомостей“, т. XXV, 80.
- Старческій, Альб. Викент.** *Его статья: „Одинъ изъ забытыхъ журналистовъ“,* т. XXIII, 360—386. „Романъ одной забытой романтики“, т. XXV, 203—234, 509—531. „Воспоминанія старого литератора“, т. XXVI, 46—84. Упом. т. XXVI, 456—464.
- Стасовы:**
 - В. В. *Его статья: „Памяти Мусоргскаго“,* т. XXIII, 644—656. „Пятнадцатилѣтіе оперы Жизнь за царя“, т. XXVI, 352—368.
 - Полякіена Степ., т. XXIII, 656.
- Стаховичъ,** начальница сестеръ милосердія въ Севастополѣ, т. XXVI, 264, 268, 270—272.
- Стенбокъ, Ю. И.,** гофмейстеръ, т. XXIII, 624, 635; т. XXV, 47—54.
- Степовичъ, А.** *Бібл. зам. о его соч.: „Очеркъ истории чешской литературы“,* т. XXV, 404—405.
- Стефенсъ Морзъ.** *Библіографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Історія французской революціи“, т. XXV, 417.
- Стоиловъ,** секретарь кн. Алексан. Болгарскаго, т. XXIV, 572, 574, 575, 580, 584—586, 591; т. XXV, 72—73, 75, 78, 82—83, 235, 237, 238, 251, 252—254, 256—257, 260, 264, 265, 267.
- Стоимарь,** врачъ принца Леопольда Саксен-Кобургскаго, его отзывъ объ имп. Николаѣ Павловичѣ, т. XXIII, 350—351. 611—614.

Столыпины:

- А. Д., ген.-ад., временный ген. губ. Южной Болгарии, т. XXIV, 347—348; т. XXV, 604, 608—610.
 — Алексей Емельян., т. XXV, 547—549.
 — М. В., см. кн. Воронцова.
Стояновъ-Бурмовъ, т. XXV, 60, 245, 257.

Стрешнева, Наст. Ив., боярыня, т. XXV, 395.

Строгановы, графы:

- Ал. Гр., генерал-адъютантъ, харьковский ген.-губернаторъ, т. XXIV, 319, 323—326; т. XXV, 202.
 — Анна Мих., рожд. гр. Воронцова, т. XXV, 21.
 — Гр. Ал., оберъ-шталмейстеръ, т. XXIV, 323—324; т. XXV, 202.
 — Гр. Нат. Ал., см. Голицына.
 — Пав. Ал., товарищ министра внутр. дѣлъ, т. XXIV, 513.

Строевъ, П. М., чл.-корресп. акад. наукъ, т. XXIII, 518.

Суворинъ, А. С., писатель, т. XXIV, 259—260.

Суворовъ, кн., Ал. Вас. Рымникій, генералиссимусъ, т. XXV, 338—348; т. XXVI, 142—145, 408—411.

— Кн., Арк. Ал., т. XXIII, 600.

Суниновъ, софійскій город. голова, т. XXV, 257, 260, 268.

Сумароковъ, Ал. Петр., писатель, т. XXV, 10; т. XXVI, 584, 589.

Сухомлиновъ, М. И., академикъ. *Его статья*: „Н. А. Полевой и его журналъ: Московский Телеграфъ“, т. XXIII, 503—528, т. XXIV, 14—40.

Сухозанетъ, Н. О., генералъ-адъютантъ, воен. министръ, т. XXVI, 91, 514, 517, 518, 520; 531, 532, 533, 534.

Стровъ, А. Н., композиторъ, музыкальный критикъ, т. XXV, 353, 354, 358.

Т.

Танковъ, А. *Его статья*: „Распространение сочинений Пушкина въ Курской губерніи въ 1837 году“, т. XXVI, 630—633. *Его замѣтка о холерѣ въ Курской губ.*, т. XXVI, 657—658.

Тарасенко-Отрѣшновъ, Нарц. Ив., писатель, т. XXIII, 387—391.

Тардье, Амбраузъ. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Иконографический словарь парижанъ“*, т. XXIV, 474.

Татариновъ, Ал-дръ Алексѣевичъ, синодологъ. *Его некрологъ*, т. XXVI, 454—455.

Татищевы:

- Вас. Никитичъ, первый русскій историкъ, т. XXIV, 5—13, 712—714; т. XXV, 480—481; т. XXVI, 668—670.

— С. С. *Его статья*: „Императоръ Николай I въ Лондонѣ въ 1844 году“, т. XXIII, 343—359, 602—621.

Тауберть, директоръ академіи наукъ, т. XXV, 11.

Твердышевъ, горнозаводчикъ, т. XXIII, 575.

Темкинъ-Ростовскій, кн., Мих. Мих., бояринъ, т. XXVI, 387—390.

Тепловы:

- В. А., т. XXV, 275.
 — Гр. Н., конференцъ-секретарь академіи наукъ, т. XXV, 24—25.

Терпиловскій, Конрадъ, іезуитъ, т. XXV, 595.

Терсій, Арк. Ив., генераль-рекетмейстеръ, XXIII, 134—138, 142.

Тейльсы:

- Андр. Анг., т. XXVI, 403—406.
 — Андр. Дм., т. XXVI, 397.
 — Ант. Ант., т. XXVI, 402.
 — Ант. Вильг., т. XXVI, 398—402.
 — Вильгельмъ, голландскій посолъ при турецкомъ дворѣ, т. XXVI, 398.
 — Дм. Анг., т. XXVI, 405.

— Е. М., рожд. Страхова, т. XXVI, 404.
 — Ив. Ант., т. XXVI, 402—403.

— Игн. Ант., т. XXVI, 402.

Тизенгаузенъ, гр., Ек. Фед., камер-фрейлина, т. XXIV, 85—86.

Тимофеевъ, С. П. *Его статья*: „Черта изъ жизни И. С. Аксакова“, т. XXIII, 640—643.

Тиссо, Викторъ. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Рѣдкости Германіи“*, т. XXIII, 247.

Титовъ, А. А. *Статьи его*: „Возстановленіе древняго храма въ Ростовѣ“, т. XXIII, 76—86. „Послѣдній ростовскій архиепископъ Арсеній IV, Верещагинъ“, т. XXIII, 392—396. „Никитскій монастырь“, т. XXIV, 614—627. „Бѣлогорсткій монастырь Ярославской епархіи“, т. XXVI, 383—396. *Библиографическая замѣтка о его изданіяхъ*: „Дневныя дозорныя записи о московскихъ раскольникахъ“, т. XXVI. 639—642. „Кураковщина. Историко-этнографический очеркъ“, т. XXVI, 644—645. Упом. т. XXIV, 145, 146, 407.

Тишинъ, подьячій, т. XXIII, 276.

Токаревъ, мінісій губернаторъ, т. XXVI, 597, 601.

Толстые, графы:

- А. П., оберъ-прокуроръ св. синода, т. XXV, 275, 276, 280; т. XXVI, 474, 475, 487.

— Дм. Андр., министръ внутр. дѣлъ, презид. академіи наукъ, т. XXIV 120, 123, 132.

- Ив. Матв., министр почты, т. XXIV, 554.
 — Л. Н., писатель, т. XXIII, 529—544; т. XXVI, 249, 276, 280.
 — Мих. Вл., тверской губернаторъ, другъ Гоголя, т. XXIV, 99, 142.
 — Графиня, С. А., т. XXIII, 541—543.
Толстыхъ, У. Е., вдова капитана, не-законная жена О. А. Ганибала, т. XXIII, 109—148.
Торшъ, Бертолдъ. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи:* „Іванъ Тургеневъ. Характеристика современного поэта”, т. XXV, 232—233.
Торръ, Сесиль. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи:* „Історія Родоса въ древнія времена”, т. XXV, 634—635.
Тотлебенъ, Э. И., генераль-адъютантъ, помощникъ генераль-инспектора по инженерной части, т. XXVI, 91, 97—100, 107—120.
де-Траверсе, маркизъ, адмиралъ, т. XXVI, 199.
Тромцкій, Ф. А., членъ кіевскаго губ. по крестьянск. дѣламъ присутствія, т. XXV, 274.
Транзей, Карлъ, артиллеріи поручикъ, т. XXIII, 103, 126—127.
Тредіаковский, В. К., проф. акад. унив., т. XXIV, 125.
Троепольская, Т. М., трагическая актриса, т. XXV, 477.
Трубецкой, кн., Никита Юрьевичъ, д. тайн. сов., генераль-прокуроръ, т. XXIV, 503, 506; т. XXV, 129.
Трушковский, Н. И., т. XXVI, 500.
Тудонъ. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи:* „Наталь и зулусы”, т. XXIV, 473—474.
Туманскій, Ф. Ос., ст. сов., рижскій цензоръ. *Замѣтка о немъ* т. XXIII, 262.
Тургеневы:
 — Ал. Ив., тайн. сов., т. XXVI, 63—73, 77—84.
 — Ив. Серг., т. XXIII, 530; т. XXVI, 276—277, 287—289, 484.
Турская. *Библиографическая замѣтка о ее переводе* „Славянскихъ повѣстей”, т. XXV, 633.
Турчаниновъ, П. И., ген.-поручикъ, т. XXIII, 98, 135—136.
Тышкевичъ, гр., Евстафій Піевичъ, камер-юнкеръ, основатель Віленскаго музея древностей, т. XXV, 601, 602—611.
Тьёрь, Лод.-Адольфъ, франц. министръ, т. XXIV, 438, 436, 438.
Тьебо, членъ берлинской академіи, т. XXVI, 171.
Тюрге, франц. министръ финансовъ, т. XXIV, 507—508.
- Тюро-Данименъ. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи:* „Історія Гольской монархіи”, т. XXIV, 693—694.
Тютчевъ, Ф. Ив., писатель, т. XXIV, 560—561.
Тюфяминъ, кн., директоръ театровъ, т. XXV, 495, 496.

У.

Уардъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ:* „Люди нынѣшиго царствованія”, т. XXIII, 489—490.

Уваровъ, гр. С. С., мин. нар. просвѣщенія, т. XXIII, 514; т. XXIV, 14, 17—18, 25—38; т. XXVI, 60—61, 72—76.

Уманецъ, Н. С. *Его замѣтки:* „Цензоръ Туманскій”, т. XXIII, 262.

Урусовъ, кн. С. Н., статья-секретарь, членъ гос. совѣта, управляющій II Отд. соб. его имп. вел. канцел., т. XXIV, 346.

Усовы:

— Павель Степановичъ. *Его статьи:* „Дружеская группа”, т. XXIII, 634—639. „Поморъ-философъ”, т. XXIV, 145—160. „Поморскій реформаторъ”, т. XXIV, 401—408. *Библиографическая замѣтка:* „Краткій очеркъ исторіи харьковскаго дворянства, Д. В. Илляшевича”, т. XXIII, 696—699. „Історія Новой Сѣчи, или послѣдняго Коша Запорожскаго, А. Скальковскаго. Издание третье. Ч. I”, т. XXV, 167—168. „Систематический каталогъ дѣламъ департамента таможенныхъ сборовъ, составилъ начальникъ архива этого департамента, Н. Кайдановъ”, т. XXV, 408—411. „Історія Новой Сѣчи, или послѣдняго Коша запорожскаго, А. Скальковскаго. Издание третье. Ч. II”, т. XXV, 631. „Видъ Московскаго кремля въ самомъ началѣ XVII вѣка. В. Е. Румянцева. (Издание императорскаго московскаго археологич. Общества)”, т. XXVI, 227—228. „Исторический очеркъ столѣтія существования дома призрѣнія биженія во Ярославлѣ”, т. XXVI, 427—430. „Кармансое политico-статистическое землемописание Россійской имперіи для всѣхъ”, т. XXVI, 432. „Дневный дозорный записки о московскихъ раскольникахъ. Сообщены А. А. Титовымъ”, т. XXVI, 639—642. „Кураковщина. Историко-этнографический очеркъ, А. А. Титова”, т. XXVI, 644—645. „Празднованіе пятидесятилѣтія юбилея полоцкаго кадетскаго корпуса”, т. XXVI, 645—647. *Замѣтки:* „Дополненіе къ разбору Поморскихъ отвѣтовъ”, т. XXIII, 502.

— Сергей Алексеевичъ, профессоръ Московскаго университета. *Его некрологъ*, т. XXVI, 665.

Успенский, Гл. Ив., писатель, т. XXV, 572.

Устриловъ, Н. Гер., профессоръ С.-Петербургскаго университета, академикъ, т. XXVI, 76.

Ушаковъ, капитанъ, т. XXIII, 276—278.

Ф.

Фадтевы:

— А. М., членъ совѣта намѣстника кавказскаго, т. XXIV, 457.

— Ел. Пав., рожд. кн. Долгорукова, т. XXVI, 457—459.

— Над. Андр. *Ея письмо въ редакцію* о Е. А. Ганѣ, т. XXVI, 456—462.

Фальконетъ, скульпторъ, т. XXVI, 186.

Фарлей, англичанинъ, пріятель Столо-ва, т. XXV, 236.

Фелинскій, варшавскій архіепископъ, т. XXV, 191—193.

Філіпповскій, архіеп. варшав., т. XXVI, 526, 535.

Фельдъ. *Библіографическая замѣтка* о его соч.: „Греческие острова и Турция послѣ войнъ”, т. XXV, 188.

Филаретъ Романовъ, митр. ростовскій, т. XXIII, 78.

Филиппи, Изидоръ, берлинскій банкиръ, т. XXVI, 56, 58.

Филипповъ, Т. Ив., тов. гос. контр., т. XXV, 275.

Фишеръ, академикъ, инспекторъ акад. унів., т. XXIV, 124, 126, 131.

Фламмаріонъ, Камиль, т. XXV, 431—432.

Фонеродтъ, легаціонный секретарь при прусскомъ посланникѣ въ С.-Петербургѣ, т. XXV, 6—7.

Фонсъ, тори, членъ англ. парламента, т. XXIII, 440, 444; т. XXIV, 198, 202.

Форбесъ-Лейтъ. *Библіографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Разсказы шотландскихъ католиковъ при Марии Стюартъ и Іаковѣ VI”, т. XXIV, 472.

Формеронъ. *Библіографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Луиза де Керуаль, герцогиня Шортугальская”, т. XXV, 419.

Форрестъ. *Библіографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Выборъ изъ писемъ, депешъ и другихъ правительственныхъ бумагъ, сохраняемыхъ въ бомбайскомъ секретариатѣ”, т. XXV, 634.

Фредерици, товарищъ игръ императора Александра II, т. XXIII, 384.

Фредро, графъ, польскій писатель, т. XXIV, 563—564.

«ИСТОР. ВѢСТН.», ДЕКАЕРЬ, 1886 г., т. XXVI.

Фридлендеръ, профессоръ. *Библіографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Воспоминанія о Тургеневѣ”, т. XXV, 414—415.

Фридманъ, Эдуардъ. *Библіографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Методы исторического изученія”, т. XXVI, 436—437.

Фридрихъ:

— I, курф. бранденбургскій, т. XXIV, 162.

— I, король прусскій, т. XXIV, 173.

— II, курфюрстъ бранденбургскій, т. XXIV, 162—163.

— II, Великій, кор. прусскій, т. XXVI,

167—172, 341, 346, 347.

Фридрихъ-Августъ, коадъюторъ любскій, т. XXVI, 125.

Фридрихъ-Вильгельмъ:

— I, король прусскій, т. XXIV, 182.

— III, король прусскій, т. XXVI, 64, 65.

— IV, король прусскій, т. XXIII, 603,

618; т. XXVI, 65; 67.

Фроудъ, Джемсъ. *Библіографическая замѣтка* о его сочиненіи: „Океанія, или Англія и ея колоніи”, т. XXIV, 253.

Х.

Хадженовъ, болгаринъ, подрядчикъ, со- фийскій городской голова, т. XXV, 82, 235, 286, 288, 247—248, 254, 255, 257.

Ханыковъ, Н. Андр., т. XXVI, 287.

Хвостовы:

— Томскій гражданскій губернаторъ, т. XXIV, 477—478.

— Ек. Александровна, рожд. Сулкова, т. XXV, 207—212, 219—221, 224.

Херасковъ, Мих. Матв., тайн. сов., по- печитель Московскаго университета, писатель, т. XXVI, 22—45, 589.

Хизри, наibъ Шамиля, т. XXV, 296—297.

Хитрово:

— Елиз. Мих., рож. Кутузова, т. XXIV, 85—87, 314.

— К. А., начальница сестеръ милосер- дія, т. XXVI, 270—272.

— М. А., русскій дипломатическій агентъ въ Софія, т. XXIV, 334, 591; т. XXV, 85, 236—237, 239, 242, 245—250.

Хондѣ, Бенедиктъ, французскій инспек- торъ по финансовой части, приглашен- ный княземъ Александромъ въ Болгарію, т. XXV, 72—75.

Хомутовъ, А. С. *Его статья: „Отры- вокъ изъ воспоминаній”*, т. XXV, 47—56.

Христина, королева испанская, матерь Изабеллы, т. XXIII, 346.

Хрулевъ, С. А., генераль-лейтенантъ, т. XXVI, 517, 518—519, 528, 529, 530, 533, 534, 535.

И.**Цанковы:**

— Драганъ, депутатъ въ народномъ болгарскомъ собраніи, т. XXIV, 574—575, 583, 584, 597; т. XXV, 57—67, 71—80, 236, 238, 246, 259—260, 264, 266.

— Кириакъ, т. XXV, 77—78, 257.

Цвѣтаевъ, Дм. *Библиографическая замѣтка о его книгахъ: Исторія сооруженія первого костела въ Москвѣ*, т. XXIV, 465—466. „Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ“, т. XXV, 399—403.

Целлеръ, профессоръ философіи. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Фридрихъ Великій какъ философъ“*, т. XXVI, 233—234.

Цертелевъ, кн. Н. А., т. XXIII, 188. фонъ-Цурмилленъ, А. А., генераль-лейтенантъ, т. XXVI, 116, 119.

Цыцуринъ, О. С., профессоръ-медикъ Киевскаго университета, т. XXVI, 498.

Ч.

Чалый, авторъ книги: „Жизнь и произведенія Тараса Шевченка“, т. XXIII, 162, 164.

Чарторижскій, кн., польск. эмигрантъ, т. XXIII, 521.

Чайковский, Михаилъ (Садыкъ-паша). *Его некрологъ*, т. XXIII, 731.

Чеглокова, Вѣра, фрейлина, т. XXVI, 124.

Чемберленъ, Йосифъ, членъ англ. парламента, т. XXIII, 662, 665, 674, 679.

Черкасский, кн. В. А., начальникъ гражданскаго управления въ Болгаріи, т. XXIV, 337—345, 354, 356; т. XXV, 66, 68.

Черниевъ, М. Гр., ген.-лейтенантъ, т. XXV, 377—378.

Чернышевы:

— Гр. А-лдръ Ив., впослѣдствіи свѣтл. князь, генер.-адют., генер.-отъ-кавалеріи, военный министръ, предсѣд. госуд. совѣта, т. XXIV, 80—81.

— Зах. Григ., генераль-фельдмаршалъ, президентъ военной коллегіи, т. XXV, 23.

Чѣрчиль, лордъ Рандольфъ, т. XXIII, 664—665, 673, 675, 678—679.

Чина-бай, богатый киргизъ въ Тянь-Шанѣ, т. XXIV, 629.

Чуди, издаватель первого французскаго журнала въ Россіи, т. XXVI, 180—181. Чупинъ, Н. К., т. XXV, 430—431. Чшоне, начальникъ кенигсбергскаго архива, т. XXVI, 64.

III.

Шаликовъ, кн. С. О., начальникъ сѣверного Дагестана, т. XXV, 310, 313.

Шамборъ, графъ, т. XXIII, 616.

Шамиль, т. XXV, 291, 298.

Шамовъ. *Библиографическая замѣтка о его изданіи: „Сочиненія А. С. Грибоѣдова“*, т. XXIII, 226—227.

Шапкинъ, Гавр., духоборецъ, т. XXV, 581.

Шардонъ, инженеръ, генераль-маиоръ, т. XXVI, 189.

Шарыгинъ, тобольскій гарнизонный офицеръ, т. XXIII, 274—275.

Шатиловъ, тамбовскій исправникъ, т. XXV, 586—587.

де-Шателе, маркиза, покровительствовавшая Вольтеру, т. XXIV, 420.

Шафировы, бароны:

— Анна Исаевна, въ замуж. Власова, т. XXV, 131.

— Евдокія Andr., рожд. Измайлова, т. XXV, 127, 131.

— Екат. Исаевна, въ замуж. кн. Волконская, т. XXV, 131.

— Исаевна Петровичъ, статскій советникъ, т. XXV, 126—131.

— Марія Исаевна, въ замуж. Ладыженская, т. XXV, 131.

— Марія Исаевна, въ замуж. Петрово-Соловово, т. XXV, 131.

— Наталья Исаевна, въ замуж. Пасекъ, т. XXV, 131.

— Петръ Павловичъ, вице-канцлеръ, т. XXV, 126—129.

Шаховскіе, князья:

— А. А., начальникъ репертуарной части императорскихъ театровъ, писатель, т. XXV, 476, 481—483, 485—486, 488, 491—493, 502.

— Аня Мих., рожд. гр. Віельгорская, т. XXIV, 83.

— Ив., генераль-аудигоръ, т. XXVI, 138.

— Н. Гр., полковникъ, т. XXV, 536—540.

— Яковъ Петр., генераль-кригсь-комиссарь, т. XXV, 319—320.

Шимцовъ, кондукторъ, т. XXIII, 93.

Шварцъ, Иванъ Егоровичъ, профессоръ Московскаго университета, масонъ, писатель, т. XXV, 445, 455—465, 468.

- Шевченко, Тар. Гр., малоросс. поэтъ, т. XXIII, 154—179; XXVI, 478, 479.**
- Шевыревъ, С. П., профессоръ Московскаго университета, т. XXIV, 623—624; т. XXVI, 312, 314, 325, 480—484, 492.**
- Шебергъ, Христина, жена А. П. Ганнибала, т. XXIII, 95.**
- Шепелевъ, полковникъ, губернаторъ Пловдивскаго въ Болгаріи, т. XXIV, 357, 584.**
- Шереметевы, графы:**
- Анна Петр., рожд. Салтыкова, по первому мужу Нарышкина, т. XXIII, 264—265.
 - Бор. Петров., фельдмаршаль, т. XXIII, 264—265, 279.
 - Мих. Бор., ген.-маиръ, т. XXIII, 265.
 - Нат. Бор., см. Долгорукая.
 - Петръ Бор., т. XXIII, 265, 268, 270, 279, 280; т. XXV, 532—533.
 - С. Бор., т. XXIII, 265, 281.
- Шестакова, Л. И., сестра Глинки, т. XXVI, 358, 360, 362—365.**
- Шеффертъ, Жюль, французскій консулъ въ Софіи, т. XXV, 72—75, 82.**
- Шиданская, Е. И., по первому мужу Сарандова, начальница роты амазонокъ, т. XXIII, 72—75.**
- Шиллінгъ, баронъ П. І., изобрѣтатель электро-магнитнаго телеграфа; о празднованіи столѣтней годовщины его рожденія, т. XXIV, 714—716.**
- Шешиновский, Степанъ Ивановичъ, начальникъ тайной экспедиціи, т. XXVI, 588.**
- Шильдеры:**
- генер.-адъютантъ, т. XXVI, 114—116.
 - Н. К., ген.-маиръ, т. XXVI, 115—116.
- Ширинскій-Шихматовъ, кн. І. А., министръ народного просвѣщенія, предсѣдатель археографической комиссіи, т. XXVI, 62, 72—74, 76—77, 489.**
- Шишковъ, А. С., мин. нар. просвѣщенія, т. XXIII, 506—507, 515, 518, 524.**
- Шляпкинъ, И. А. *Его библиографическая замѣтка: "Цѣлаевъ Дм. История оружія первого костела въ Москвѣ", т. XXIV, 465—466. Указатель къ изданіямъ императорскаго русскаго географическаго Общества и его Отдѣловъ съ 1846 по 1875 годъ*, т. XXIV, 688.**
- Шмидтъ, Юліанъ, нѣмецкій историкъ и журналистъ. *Некрологъ*, XXIV, 486.**
- Шмидтъ, Эрихъ. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: "Лесингъ, история его жизни и его сочиненій", т. XXIV, 251.***
- Шолковичъ, Сем. Вукол., членъ вилен-**
- ской археографической комиссіи. *Его некрологъ*, т. XXVI, 665—666. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: "Сборникъ статей, разясняющихъ русское дѣло по отношенію къ западной Россіи", т. XXIII, 470—471.*
- Штауденъ, Марія, гувернантка Н. Б. Долгорукой, т. XXIII, 265, 274.**
- Штеричъ, Евгений, пріятель Глинки, т. XXIII, 329—330.**
- Штурмъ, Р. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: "Финансы старого режима и революціи", т. XXVI, 235.***
- Шуазель-Гуффье:**
- гр., адъютантъ нац. кавказск. гр. Воронцова, т. XXII, 586—587.
 - В. Гр., рожд. кн. Голицына, т. XXIII, 585—587.
- Шубинскій, Сергій Николаевичъ. *Библиографическая его замѣтка: "Очеркъ юридического быта мордовы. Отвѣты на программу императорскаго русскаго географическаго Общества Владимира Майнова", т. XXIII, 231—232.***
- Шуваловы: графы и дворянѣ:**
- гр. Андр. Петр., гофмаршаль, т. XXVI, 81.
 - Ив. Ив., дѣйст. тайн. сов., оберъ-камергеръ, почетнитель Московскаго университета, т. XXV, 542; т. XXVI, 179—180.
 - Пет. Андр., генер.-адъютантъ, т. XXIV, 336.
 - Петр. Иван., ген.-феъдмаршаль, сенаторъ, т. XXIV, 503—506, 501; т. XXV, 12.
- Шумахеры:**
- совсѣтникъ академіи наукъ, т. XXIV, 123.
 - датскій дипломатъ въ Россіи, т. XXV, 24.
 - А. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: "О жизни и дѣяніяхъ императора Александра II. Исторический разсказ для народнаго чтенія", т. XXIV, 687—688.*
- Шумиловъ, В. А. *Его замѣтка: "Къ воспоминаніямъ Г. Заиковскаго"*, т. XXIV, 486—488.**
- Шумскій, артистъ, т. XXVI, 484.**
- Шуйскій, Вас. Ив., царь, т. XXIV, 495—496.**
- Шушеринъ, Як. Емельяновичъ, актеръ, т. XXV, 489.**

III.

- Щаповъ, А. П. О памятникѣ ему, т. XXVI, 452—453.**
- Щастный, В. Н., писатель, т. XXVI, 370—371, 372.**

3*

- Щебальский, П. К., бывший редакторъ „Варшавского Дневника“. *Его некрологъ*, т. XXIV, 484—485. Статья о немъ, т. XXV, 380—386.
- Щепининъ, Н. В. *Его статья: „Голода въ Россіи (исторический очеркъ)“*, т. XXIV, 489—521.
- Щепининъ, М. С., актеръ, т. XXIII, 152; т. XXVI, 476, 483, 484.
- Щепотьевъ, Н. А., т. XXIII, 337.
- Щербатовъ, кн. М. М., историкъ, т. XXIV, 509, 511.
- Щербатова, кн. Е. А., см. Васильчикова.
- О.**
- Эберсъ, Георгъ. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіяхъ: „Біографія Ріхарда Лепсіуса“*, т. XXV, 187. „Сераписъ, романъ. Издание редакціи „Наблюдателя“, т. XXV, 180—181.
- Эварніцкій, археологъ. Его раскопки на Днѣпрѣ, т. XXVI, 453.
- Эвансъ. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Наше старое дворянство“*, т. XXIII, 719—720.
- фонъ-Энштедтъ, Фитцуимъ. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Берлинъ и Бына въ 1845—1852 гг.“*, т. XXIV, 696.
- Эксемеменъ. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Исторія американскихъ флибустьеровъ-авантюристовъ въ XVII вѣкѣ“*, т. XXV, 638.
- д'Эонъ, кавалеръ, французскій дипломатический агентъ въ Петербургѣ, т. XXVI, 178.
- фонъ-Эмме, вице-президентъ юстицъ коллегіи, т. XXV, 15—16.
- Эристовъ, кн. Ел. Евс., генералъ-отъ-инфантаріи, т. XXVI, 284.
- д'Эриссонъ, графъ. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Журналъ переводчика въ Китаѣ“*, т. XXIV, 250.
- Эриrottъ, генералъ, болгарскій военный министръ, т. XXV, 84, 86, 87, 241, 242.
- Эстерлей, Г. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Указатель литературы собранія источниковъ“*, т. XXV, 639—640.
- Эйрландъ, англійскій драматургъ, т. XXIV, 206.
- Эйхгорнъ, нѣмецкій историкъ, прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ, т. XXVI, 65—67, 70.

Ю.

- Ювеналь, Юній. *Библиографическая замѣтка о его сатирахъ въ перевоѣ и съ объясненіемъ А. Фета*, т. XXIII, 706—709.
- Юсуповъ, кн. Бор. Ник., т. XXIV, 82.

Я.

- Ягичъ, И. В. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Памятники древне-русскаго языка. Т. I. Служебныя имена за сентябрь, октябрь и ноябрь, въ церковно-славянскомъ перевоѣ по русскимъ рукописямъ 1095—1097 г. Съ шестью таблицами снимковъ“*, т. XXVI, 648.

- Ягужинскій, гр. С. П., т. XXV, 535.
- Языковъ, Д. Д. *Его статьи: „Литературная дѣятельность И. С. Аксакова“*, т. XXIV, 134—139. „Ученые труды П. А. Лавровскаго“, т. XXV, 147—152. „Литературная дѣятельность П. К. Щебальскаго“, т. XXV, 380—386. „Воспоминаніе о М. С. Кутургѣ“, т. XXV, 563—568.
- Яновлевъ, Пл. Ст., т. XXIII, 584.
- Яницкій, Павелъ, польскій священикъ, т. XXVI, 620—623.
- Янковскій, Наркізъ, польскій соціалистъ, т. XXVI, 522, 523.

- Яновскій, топографъ, сост. карту иѣк. мѣстностей Тянь-Шаня, т. XXIV, 361.
- Яроховскій, Казимиръ. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: „Изъ саксонскихъ временъ“*, т. XXVI, 442—448.

Ө.

- Федоръ, еп. ростовскій, т. XXIII, 76.
- Феодоръ Алексѣевичъ, царь всероссійскій, т. XXV, 103, 105, 112.
- Феофанъ, Проконовичъ, архиеп. новгородскій, т. XXIV, 159.

У К А З А Т Е Л Ъ
ГРАВЮРЪ,
ПОМЪЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ
„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТИНИКА“

1886 г.

П О Р Т Р Е Т Ы.

- Ансаковъ, Иванъ Сергеевичъ, публицистъ, т. XXIII.
Аленицъ Михайловичъ, царь московскій, т. XXIV, 269.
д'Артуа, графъ, впослѣдствіи король французскій, подъ именемъ Карла X, т. XXIV, 419.
Архарова, Екатерина Александровна, рожд. Римская-Корсакова; съ портрета, писанного Боровиковскимъ и принадлежащаго А. А. Васильчикову, т. XXIII (на отдельномъ листѣ).
Бюшингъ, Антонъ-Фридрихъ, пасторъ; съ гравированного портрета Шмидта, 1774 г., т. XXV (на отдельномъ листѣ).
Гагарина, княгиня, Екатерина Семеновна, до замужества актриса Семенова; съ рисунка, сдѣланного съ натуры П. А. Кааратыгинымъ въ 1826 г., т. XXV, 491.
Гагаринъ, князь Иванъ Алексѣевичъ, сенаторъ; съ рисунка, сдѣланного съ натуры П. А. Кааратыгинымъ въ 1826 г., т. XXV, 497.
Гамалѣя, Семенъ Ивановичъ, масонъ-писатель; съ старинного гравированного портreta, т. XXV, 463.
Гаюи, Валентинъ, изобрѣтатель печати для слѣпыхъ; съ весьма рѣдкаго гравированного портreta, т. XXIV, 187.
Глинка, Михаилъ Ивановичъ, композиторъ; съ портрета, рисованного акварелью П. А. Степановымъ, съ натуры, въ 1842 году, т. XXVI (на отдельномъ листѣ).
Денисовъ, Андрей, расколоучитель и писатель XVIII вѣка; съ старинного портreta масляными красками, принадлежащаго А. А. Титову, т. XXIV, 147.
Долгорукій, кн. И. А., фаворитъ императора Церга II; съ портрета, находившагося на „Исторической выставкѣ“ въ 1870 г., т. XXIII, 271.
Долгорукая, Нат. Бор., рожд. гр. Шереметева, съ портрета принадлежащаго князю Д. И. Долгорукову, по акварели А. Д. Соколова, находящейся у г. Фельтена, т. XXIII, 267.
Землемукинъ, казакъ, бывшій въ Англіи послѣ войны 1812 года; съ англійской гравюры начала нынѣшняго столѣтія, т. XXVI, 607.
Лопухинъ, Иванъ Владимировичъ, масонъ-писатель; съ гравированного портрета Осипова, т. XXV, 459.
Мусоргскій, Модестъ Петровичъ, композиторъ; съ фотографіи, т. XXIII, 649.
Орламонде, графиня Агнеса, являющаяся въ видѣ призрака „блой дами“; съ портreta, находящагося въ Байретскомъ замкѣ, т. XXIV, 173.
Пелико, Сильвіо, извѣстный узникъ, писатель, т. XXIV (въ приложениї).

- Помпадуръ, маркиза, фаворитка короля французского Людовика XV, т. XXIV, 415.**
- Ранне, Леопольдъ, знаменитый немецкий историкъ, т. XXV, 155.**
- Семенова, Екатерина Семеновна, известная трагическая актриса; съ гравированного портрета Уткина, т. XXV (*на отдельномъ листѣ*).**
- Сидовъ, Анна, являющаяся по народному повѣрю въ видѣ призрака „блѣдой дамы“; съ оригинального рисунка, находящагося въ охотничьемъ замкѣ Грюневальдъ, т. XXIV, 167.**
- Синчковъ, Гаврилъ Илларіоновичъ, раскольникъ безпоповецъ, развившій особенное учение о бракѣ, т. XXIV, 403.**
- Сологубъ, гр. Владимиrъ Александровичъ: 1) съ литографіи Мюллеръ въ Карлсруэ, 1843 г., т. XXIV (*на отдельномъ листѣ*); 2) съ портрета, находящагося въ альбомѣ „Souvenir de Baden“. (Carlsruhe, 1838 г.), т. XXVI, 509.**
- Татищевъ, Василий Никитичъ, тайный советникъ, историкъ; съ портрета, принадлежащаго Н. И. Путилову, т. XXIV (*на отдельномъ листѣ*).**
- Херасковъ, Мих. Матв., попечитель Московского университета, писатель; съ гравированного портрета Майра, т. XXVI, 31.**
- Шестакова, Л. И., рожд. Глинка; съ фотографіи Н. И. Ануфріева, т. XXVI, 363.**
- Шмиданская, Елена Ивановна (начальница роты амазонокъ въ 1787 г.), т. XXIII, 72.**

СНИМКИ СЪ КАРТИНЪ.

- Архієпископъ ростовскій Арсений Верещагинъ и его свита; съ старинной картины, находящейся въ Ярославскомъ архіерейскомъ домѣ, т. XXIII, 395.**
- Встрѣча Екатерины II ротой амазонокъ въ 1787 году; съ старинной литографіи, т. XXIII, 74.**
- Встрѣча великаго князя Павла Петровича съ Фридрихомъ II въ Берлинѣ въ 1776 году; съ гравюры того времени Бергера, т. XXVI (*на отдельномъ листѣ*).**
- Дружеская группа: А. С. Хомутовъ, И. С. Аксаковъ, М. В. Авдеевъ, А. В. Поповъ, Уколовский, Я. А. Куриліновъ, князь А. В. Оболенскій, графъ Ю. И. Стенбокъ (съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. В. Чошовымъ), т. XXIII (*на отдельномъ листѣ*).**
- Кончина князя Г. А. Потемкина Таврическаго; съ гравюры Скородумова, гравюра на деревѣ Павленемакера въ Парижѣ, т. XXV (*на отдельномъ листѣ*).**
- Потѣздъ Мары посадницы и вѣчеваго колонола; картина художника А. П. Рябушкина, т. XXIII (*на отдельномъ листѣ*).**
- Свиданіе княгини Н. Б. Долгорукой съ мужемъ въ Березовѣ; рисунокъ художника А. П. Рябушкина, т. XXIII, 277.**
- Старообрядческая Выгорѣцкая пустынь въ XVIII столѣтіи; съ весьма рѣдкаго современнаго икоописнаго рисунка, находящагося въ собраніи П. Я. Дашкова, т. XXIV, 151.**
- Старообрядческая Ленсинская пустынь въ XVIII столѣтіи; съ весьма рѣдкаго современнаго икоописнаго рисунка, находящагося въ собраніи П. Я. Дашкова, т. XXIV, 157.**

Виды городовъ, мѣстностей и зданій.

- Березовъ въ XVIII столѣтіи; съ гравюры прошлаго вѣка, т. XXIII, 274.**
- Борщаговка, мѣстечко въ Кіенской губерніи (гдѣ были казнены Кочубей и Искра); съ современного рисунка, грав. А. И. Зубчаниновъ, т. XXIV, 410.**
- Лѣснинская община:**
 - Церковь Лѣснинской православной женской общины (Сѣдлецкой губерніи, Константиновскаго уѣзда), т. XXVI, 619.
 - Церковь въ селѣ Буковичи, Сѣдлецкой губерніи (XV вѣка), т. XXVI, 622.
 - Чудотворная икона Лѣснинской Божіей Матери, т. XXVI, 627.
- Могила Гоголя, т. XXIV, 143.**
- Надгробный камень надъ прахомъ графини Орламонце, т. XXIV, 179.**
- Памятникъ Глинкѣ въ Смоленскѣ, т. XXVI, 357.**
- Памятникъ Мусоргскому на кладбищѣ Александро-Невской лавры, т. XXIII, 655.**

Переяславль-Залѣсскій:

- Никитскій монастырь, т. XXIV, 615.
- Портикъ-часовня близъ Переяславля, т. XXIV, 625.
- Столбъ преподобнаго Никиты, т. XXIV, 619.
- Часовня близъ Никитскаго монастыря, въ память заключенія мира переяславцевъ съ сузальцами, т. XXIV, 624.

Ростовъ Великій:

- Бѣлогостицкій монастырь (Ярославской епархіи) съ луговой стороны. Съ рисунка, сдѣланного съ натуры, т. XXVI, 385.
- Благовѣщенская церковь въ Бѣлогостицкомъ монастырѣ, т. XXVI, 388.
- Входная дверь въ Благовѣщенской церкви (въ Бѣлогостицкомъ монастырѣ), т. XXVI, 389.
- Склепъ подъ Благовѣщенскимъ соборомъ въ Бѣлогостицкомъ монастырѣ съ гробницей кн. М. М. Темкина, т. XXVI, 391.
- Церковь архистратига Михаила въ Бѣлогостицкомъ монастырѣ, т. XXVI, 393.
- Успенскій соборъ въ Ростовѣ со стороны придѣла св. Леонтия, т. XXIII, 77.
- Придѣлъ св. Леонтия въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ, послѣ раскопки (видъ алтаря и каменнаго престола), т. XXIII, 79.
- Придѣлъ св. Леонтия въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ, по возобновленіи (съверная сторона придѣла), т. XXIII, 81.
- Иконостасъ въ придѣле св. Леонтия въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ, по возобновленіи, т. XXIII, 83.
- Внутренній видъ „Садовой“ башни въ Ростовѣ (по возобновленіи, въ 1884 году), т. XXIII, 85.

Такъ-Шань:

- Видъ озера Иссыкъ-Куля (на высотѣ 5,400 ф.), т. XXIV, 631.
- Видъ озера Сонъ-Куля (на высотѣ 9,400 ф.), т. XXIV, 641.
- Древнія могилы въ долинѣ рѣки Асу, т. XXIV, 647.
- Переваль Алабашъ-бель (высшая точка), т. XXIV, 637.

Ярославль: Бывшій монастырь, нынѣ церкви св. Петра и Павла, въ Ярославлѣ, построенная въ 1691 году, т. XXIV, 621.

БЫТОВЫЕ И ДРУГІЕ РИСУНКИ.

Государство Лунда:

- Ворота череповъ въ Муссумбѣ, т. XXIII, 199.
- Группа туземцевъ изъ Муссумбы, т. XXIII, 201.
- Жители государства Лунда, т. XXIII, 195.
- Муата Ямво, т. XXIII, 20.
- Муссумба, т. XXIII, 213.
- Оружіе жителей Лунды, т. XXIII, 267.
- Оружіе, т. XXIII, 209.
- Посѣщеніе Муата Ямво, г. XXIII, 217.
- Приемъ у Муата Ямво, т. XXIII, 197.
- Резиденція Муата Ямво, т. XXIII, 203.
- Типъ молуа, т. XXIII, 206.
- Украшенія жителей Лунды, т. XXIII, 205.

Корея:

- Вооруженный кореецъ, т. XXIII, 427.
- Житель Кореи, т. XXIII, 423.

Костюмъ амазонки въ 1787 году, т. XXIII, 73.

Мужчина и женщина изъ племени Крао; съ рисунка, сдѣланного съ натуры путешественникомъ Фишлемъ, т. XXVI, 635.

Рисунки изъ сочиненія Аштона: „Old Times, a picture of social life at the end of the eighteenth century“.

- Балетные танцы на королевскомъ театрѣ, т. XXIV, 211.
- Боковая ложа Дюриленского театра, т. XXIV, 205.
- Боркъ въ палатѣ общины, т. XXIII, 433.
- Вербовщики, приводящіе въ рекрутское бюро захваченную ими жертву, т. XXIV, 194

- Верховный судья, наказывающий леди Бокингэмъ и другихъ „дочерей фаро“, т. XXIV, 203.
- Герцогиня Йоркская (съ рисунка 1792 года), т. XXIII, 451.
- Головной уборъ 1798 года, т. XXIII, 463.
- Дамскія моды 1789 года, т. XXIII, 448.
- Джонъ Кемблъ въ роли „Гамлета“, т. XXIV, 206.
- Джонъ Кемблъ въ роли „Лира“, т. XXIV, 207.
- Драка въ игорномъ домѣ, т. XXIV, 195.
- Дѣлжъ добычи, т. XXIV, 199.
- Какъ содержать сумасшедшихъ, т. XXIV, 219.
- Карикатура 1795 года, т. XXIII, 457.
- Карикатура на костюмы 1794 года, т. XXIII, 445.
- Карикатура на женскіе костюмы 1794 года, т. XXIII, 455.
- Котильонъ въ 1790 году, т. XXIII, 449.
- Le Beau 1791 года, т. XXIII, 439.
- Леди Арчерь у позорного столба, т. XXIV, 201.
- Мистрисъ Конкавонъ у позорного столба, т. XXIV, 202.
- Мода 1789 года, т. XXIII, 435.
- Мода 1792 года, т. XXIII, 441.
- Мода 1793 года, XXIII, 443.
- Моды 1793 года, т. XXIII, 454.
- Моды 1796 года, т. XXIII, 459.
- Мода 1797 года, т. XXIII, 461.
- Первая танцовщица Гимаръ, т. XXIV, 208.
- Поклонъ принца Валлійского (1788 годъ), т. XXIII, 434.
- Прическа 1793 года, т. XXIII, 452.
- Ричардъ Гомфрейсъ, дающій уроки боксированія, т. XXIV, 217.
- Современное гостепріімство, или дружеская партія въ высшемъ обществѣ, т. XXIV, 197.
- Судебное измѣреніе узаконенной длины юбокъ, т. XXIV, 212.
- Уличная музыка въ Лондонѣ 1799 года, т. XXIV, 213.
- Финальное па балета „Кора и Алонза“, т. XXIV, 209.
- Франтъ 1790 года, т. XXIII, 437.
- Французскій портной, одѣвающій Джона Булля (карикатура 1794 года), т. XXIII, 447.
- „Чудовище“, напосившее раны женщинамъ, т. XXIV, 215.
- Рисунки къ статьѣ „Парламентсіе выборы 1885 года въ Англіи“:**
- Борьба лорда Чёрчilla съ I. Чемберленомъ по рабочему вопросу, т. XXIII, 673.
- Восходящее свѣтило радикаловъ Чемберленъ совершаеть затменіе надъ блескомъ Гладстона, т. XXIII, 687.
- Въ началѣ выборовъ побѣда была на сторонѣ консерваторовъ, и потому Салисбюри превозносится, а Гладстонъ падаетъ, т. XXIII, 681.
- Гладстонъ пляшеть на цѣпочкѣ — Афганістанъ у медвѣдя — Россія, т. XXIII, 667.
- Джонъ Буль и его близнецы, т. XXIII, 692.
- I. Чемберленъ въ видѣ обезьяны бѣть ложную тревогу объ уничтоженіи всѣхъ привилегій, т. XXIII, 671.
- Іосифъ Чемберленъ ловить на приманку червячка — „соціализмъ“ новыхъ избирателей — рѣбъ, т. XXIII, 670.
- Леди везеть къ мѣstu выборовъ избирателей ея мужа, т. XXIII, 690.
- Лордъ Гартингтонъ — представитель умѣренного либерализма и I. Чемберленъ — радикалъ рвутъ на части либеральную политику, къ ужасу главы ея В. Гладстона, т. XXIII, 678.
- Лордъ Чёрчиль наусыкиваетъ льва — Англію на медвѣдя — Россію, поражающаго афганца, т. XXIII, 664.
- Маркизъ Салисбюри вытаскиваетъ Гладстона изъ Нила, т. е. изъ египетскихъ неудачъ, т. XXIII, 661.
- Папаша — Салисбюри, мамаша — Гладстонъ, сынокъ — Чёрчиль, т. XXIII, 659.
- Побѣда либераловъ: впереди Гладстонъ, сзади его товарищи по кабинету; всѣ въ министерскихъ мундирахъ, т. XXIII, 685.
- Побѣда лорда Чёрчilla надъ I. Чемберленомъ; Брайтъ убѣгаеть, Гладстонъ опечаленный сидить на вѣточкѣ, т. XXIII, 676.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ
продаются слѣдующія изданія А. С. СУВОРИНА:

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО

Текстъ А. Г. Брикнера, профессора русской исторіи въ Дерптскомъ университѣтѣ.

Въ книгѣ 686 страницъ большаго формата, 230 рисунковъ въ текстѣ, имѣющихъ прямое отношеніе къ царствованію Петра Великаго и притомъ преимущественно воспроизведенныхъ съ гравюръ его времени. Портреты Петра Великаго и его сподвижниковъ воспроизведены съ наиболѣе достовѣрныхъ подлинниковъ. Кромѣ того, на отдѣльныхъ листахъ приложено 39 гравюръ на деревѣ. Заглавный листъ, заглавныя буквы и украшенія художника Панова.

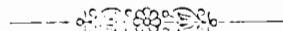
Цѣна книги, сброшюрованной въ два тома, 15 руб., съ пересылкой 17 руб.; на веленевой бум. 25 руб., съ пересылкой 28 руб.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ
ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

Текстъ А. Г. Брикнера, профессора русской исторіи въ Дерптскомъ университѣтѣ.

Въ книгѣ 801 страница текста и 267 портретовъ, видовъ городовъ и мѣстностей, типовъ, бытовыхъ сценъ и проч., воспроизведенныхъ преимущественно съ рѣдкихъ подлинниковъ Екатеринскаго времени.

Цѣна книги, сброшюрованной въ 3 большихъ тома, 18 руб., съ перес. 20 руб.; на веленевой бум. 25 руб., съ перес. 28 руб.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТИНІКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Нового Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ Москвѣ, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „Нового Времени“, Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

Программа „Исторического Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводе или извлечении) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, исторические материалы и документы, имѣющіе общий интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присыпаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергея Николаевича Шубинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинский.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРІНА. ӨРТЕЛЕВЪ ПЕР., д. 11—2.

